

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОЯВРЬ

1873.

ЧЕТВЕРТОМ ДЕСЯТИЛѢТІИ.

ЧАСТЬ СЛХХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Вольная Садовая, д. № 49—2.

1873.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряженія.

- Славянская взаимность съ древнѣйшихъ вре-
менъ до XVIII вѣка . . . . . И. И. Первольфа.
- Государство и народное образованіе въ Рос-
сиіи съ XVII вѣка до учрежденія ми-
нистерствъ (Продолженіе) . . . . . М. Ф. Владимірскаго-
Буданова.
- Современный греческій языкъ. . . . . О. Юанниди.
- Критическія и библиографическія замѣтки:**
- Исторія Бухаріи съ древнѣйшихъ до настоящихъ вре-
менъ, написанная, для начальной эпохи, по
извѣстнымъ и неизвѣстнымъ историческимъ ру-
кописямъ Востока. Сочиненіе *Арминія Вамберг*
Лондонъ, 1873. . . . . В. В. Григорьевъ:
- Наша педагогическая литература:**
- «Годъ въ деревнѣ», изданіе журнала «Дѣтскій Сады».
Ч. I. Весна, съ 202 полтипажами. Соч. *Е. Бо-
родной*. С.-Пб. 1872 г. . . . . С. И. Миропольскаго.
- Опытъ образцовъ систематическаго диктанта. Состав-
ленъ комиссіею при второй Московской гим-
назіи. Москва, 1872 . . . . . Е. Бвлявскаго.
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: а) университетовъ
и б) низшихъ училищъ.**
- Вѣдомость о начальныхъ училищахъ, разрѣ-
шенныхъ къ открытію министерствомъ
народнаго просвѣщенія.**
- Письмо изъ Парижа . . . . . Л. Л.—га.
- Отдѣлъ классической филологіи. . . . . (См. на 3-й стр. обѣртки).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По Высочайше утвержденной 30-го декабря минувшаго года смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1873 г., кредитъ, ассигнованный по § 3, ст. 1, на изданіе журнала министерства, увеличенъ собственно на покрытіе расходовъ по упаковкѣ и почтовой пересылкѣ журнала на 2.000 руб. съ тѣмъ, что равная сему сумма должна поступить, по § 2, ст. 4 доходной смѣты министерства отъ причисленій въ доходъ казны упаковочныхъ и пересылочныхъ за журналъ денегъ, составляющихъ 1 руб. 75 коп. за каждый экземпляръ журнала.

Сообщая о семъ учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія, Редакція журнала покорнѣйше проситъ отнынѣ высылать 1 руб. 75 коп. за почтовую пересылку каждаго экземпляра журнала не *отдѣльно* въ депозиты департамента народнаго просвѣщенія, какъ это производилось многими учебными заведеніями до сего времени, а *вмѣстѣ* съ подписною платою за журналъ, всего въ суммѣ 13 руб. 75 коп., прямо въ Редакцію, или перечислить эту сумму чрезъ мѣстныхъ казначейства въ доходъ казны, по § 2, ст. 4 доходной смѣты министерства, озабочиваясь доставкою въ Редакцію квитанцій мѣстныхъ казначействъ, или ихъ талоновъ, какъ документовъ, оправдывающихъ, съ одной стороны, произведенную чрезъ перечисленіе уплату 13 руб. 75 коп. за каждый экземпляръ журнала, а съ другой—отчетность Редакціи въ высылаемыхъ учебнымъ заведеніямъ министерства экземплярахъ журнала.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХVХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Вольная Садовая, д. № 49—2).

1878.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (14-го августа 1873 года). *О наименованіи Екатеринбургскаго реальнаго училища «Алексѣевскимъ».*

Представители города Екатеринбурга, по постановленію тамошней думы, обратились къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Алексію Александровичу, во время проѣзда его чрезъ этотъ городъ, съ ходатайствомъ о дозволеніи, въ память посѣщенія Великимъ Княземъ города Екатеринбурга, наименовать отырываемое тамъ реальное училище, по Имени Его Высочества, Алексѣевскимъ, на что, по отзыву попечителя Его Высочества, генераль - адъютанта Посѣта, Государь Великій Князь съ удовольствіемъ изъявилъ согласіе, если на то послѣдуетъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Вслѣдствіе сообщенія объ этомъ генераль-адъютанта Посѣта и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Государю Императору, Его Императорское Величество Высочайше соизволило на наименованіе Екатеринбургскаго реальнаго училища «Алексѣевскимъ».

2. (4-го сентября 1873 года). *Объ отпускѣ на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ сметъ восемьсотъ рублей на пополненіе библиотекъ Дерптскаго университета.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, часть СЛХУХ, отд. 4.

свѣщенія о расходѣ на пополненіе библіотеки Дерптскаго университета, *мынѣмъ положиамъ*: настоящее представленіе утвердить и вслѣдствіе того: въ дополненіе къ суммѣ, ассигнуемой на содержаніе библіотеки Дерптскаго университета, отпустить изъ государственнаго казначейства, единовременно, на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ, *восемьсотъ* рублей на пополненіе библіотеки означеннаго университета по отдѣлу новой литературы исторіи Россіи, съ причисленіемъ сего кредита къ § 5-му ст. 2 смѣты расходова министерства народнаго просвѣщенія на 1873 годъ.

Его Императорское Величество, таковое мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

3. (5-го сентября 1873 года). *О недопущеніи въ число студентовъ Медико-хирургической Академіи лицъ, не окончившихъ полною гимназическаго курса, и о воспріятіи таковыми студентами Академіи переходить въ университеты.*

Въ исполненіе Высочайшей Государя Императора воли, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія имѣлъ счастье всеподданнѣйше представить Его Императорскому Величеству вѣдомость о числѣ медицинскихъ студентовъ нашихъ университетовъ за послѣдніе 25 лѣтъ по 1872 годъ включительно. При этомъ, въ виду сдѣланнаго военнымъ министерствомъ распоряженія о допущеніи въ число студентовъ Медико-хирургической Академіи лицъ, пробывшихъ въ VII классѣ гимназій только одинъ годъ и выбывшихъ изъ онаго безъ установленнаго аттестата зрѣлости, статсъ-секретарь Деляновъ счелъ долгомъ повергнуть на усмотрѣніе Его Величества нѣкоторыя соображенія о неудобствахъ этой мѣры, полагая съ своей стороны весьма полезнымъ: 1) чтобы впредь молодые люди были принимаемы въ студенты и вольнослушатели Медико-хирургической Академіи на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и въ медицинскіе факультеты университетовъ имперіи, и 2) чтобы тѣ изъ

студентовъ Медико-хирургической Академіи, которые поступили въ несъ въ 1872 и 1873 годахъ изъ гимназій, безъ установленныхъ для поступленія въ университеты аттестатовъ, были лишены права переходить въ сіи послѣдніе.

Его Императорскому Величеству, на всеподданнѣйшемъ по сему предмету докладѣ, благоугодно было собственноручно начертать: «Вполнѣ раздѣляю мнѣніе статсъ-секретаря Делянова. Льготу, дарованную въ прошломъ году и продолженную на нынѣшній, *прекратить непременно съ будущаго года*. Не докончившимъ же полный гимназическій курсъ студентамъ Медико-хирургической Академіи воспретить нынѣ же переходъ въ университеты».

4. (7-го сентября 1873 года). *Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства суммъ на изданіе латышско-русско-нѣмецкаго словаря.*

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено: 1) въ дополненіе къ ст. 2-й § 14-го расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія на 1873 годъ отпустить изъ государственнаго казначейства, на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ, *пятьсотъ* рублей на изданіе латышско-русско-нѣмецкаго словаря; 2) вносить для той же надобности въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія 1874 и 1875 годовъ по *тысячъ* рублей ежегодно; 3) по окончаніи рукописнаго текста того словаря, внести на печатаніе онаго въ смѣту 1876 года того же министерства *три тысячи девятьсотъ* руб., и 4) имѣющія быть вырученными отъ продажи 3.200 экземпляровъ помянутаго словаря деньги обратить въ доходъ государственнаго казначейства.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (5-го мая 1873 года). *Уставъ ссудо-сберегательной кассы при второй С.-Петербургской гимназій.*

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При 2-й С.-Петербургской гимназій учреждается ссудо-сберегательная касса, съ цѣлью доставить возможность каждому изъ служащихъ:

1) Посредствомъ ежемѣсячныхъ вычетовъ изъ получаемаго ими содержанія сберечь нѣкоторый капиталъ, и

2) въ случаѣ нужды пользоваться ссудкою изъ кассы.

§ 2. Касса составляетъ неприкосновенную собственность вкладчиковъ.

§ 3. Капиталъ кассы образуется:

1) Изъ ежемѣсячныхъ вычетовъ пяти процентовъ съ полнаго по гимназій содержанія каждаго участника кассы.

2) Изъ процентовъ, получаемыхъ отъ раздачи въ ссуду капитала.

3) Изъ процентовъ съ государственныхъ бумагъ, приобретенныхъ на свободныя суммы кассы.

§ 4. Въ составленіи кассы имѣютъ право участвовать всѣ должностныя лица, служащія при гимназій.

§ 5. Съ сверхштатныхъ учителей и другихъ лицъ, служащихъ въ гимназій и получающихъ жалованья менѣе 300 руб. въ годъ, или же совсѣмъ не получающихъ жалованья, 5% вычетъ производится съ суммы не менѣе 300 руб.

§ 6. Поступать въ члены кассы и выбывать изъ числа ихъ служащіе въ гимназій могутъ во всякое время и по собственному желанію.

§ 7. Выбывающій участникъ получаетъ обратно составившійся изъ его взносовъ капиталъ съ причитающимся за истекшіе полные годы процентами (см. § 24).

§ 8. Въ случаѣ смерти участника кассы, всѣ числящіяся на

немъ взносы передаются наслѣдникамъ его, а если таковыхъ не окажется, взносы эти дѣлаются собственностью кассы и расходуются по усмотрѣнію участниковъ кассы.

§ 9. Если при выходѣ члена изъ кассы въ ней не окажется въ наличности той суммы, какая слѣдуетъ ему къ выдачѣ, то онъ обязанъ ждать не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

§ 10. Дабы касса имѣла возможность выплатить, въ назначенный въ § 9 срокъ, капиталъ выбывающаго члена, выдача ссудъ можетъ быть въ крайнемъ случаѣ приостановлена до полного разчета съ выбывающимъ членомъ.

§ 11. Заимообразная выдача изъ кассы производится цѣлыми рублями, для удобства разчета.

§ 12. Желающій получить ссуду долженъ заявить объ этомъ кассиру заблаговременно и кассиръ при первой возможности выдаетъ ссуду.

§ 13. Ссуда не можетъ превышать суммы мѣсячнаго содержанія въ совокупности съ наличнымъ капиталомъ участника.

§ 14. Заемщику, не заплатившему своего полного долга, дозволяется выдавать новую ссуду, но съ тѣмъ, чтобы вновь занятая сумма съ прежнимъ долгомъ не превышала въ общей сложности суммы мѣсячнаго содержанія и числящагося за участникомъ въ кассѣ капитала.

§ 15. Выдача ссуды выше суммы, означенной въ § 13, производится не иначе, какъ съ обезпеченіемъ залогомъ, состоящимъ изъ процентныхъ бумагъ, допускаемыхъ правительствомъ въ залоги и принимаемыхъ по цѣнамъ, опредѣляемымъ министерствомъ финансовъ.

Примѣчаніе. Билеты, отданные въ залогъ, ни въ какомъ случаѣ не пускаются въ обороты кассы.

§ 16. За право пользованія ссудой съ заемщика высккивается $\frac{1}{2}\%$ въ мѣсяцъ.

§ 17. На уплату ссуды назначается срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ съ правомъ отсрочки еще на девять мѣсяцевъ. Уплата можетъ производиться по частямъ.

Примѣчаніе. Если заемъ дѣлается въ продолженіи мѣсяца, то трехмѣсячный срокъ считается съ перваго числа слѣдующаго мѣсяца.

§ 18. Въ случаѣ отсрочки уплаты долга или части его, заемщикъ вноситъ за время отсрочки не по $\frac{1}{2}\%$, а по 1% въ мѣсяць.

§ 19. Проценты за ссуды уплачиваются помѣсячно.

§ 20. Какого бы числа ни былъ сдѣланъ заемъ, проценты уплачиваются за весь текущій мѣсяць.

§ 21. Въ случаѣ смерти участника кассы, выданная ссуда по-полняется зачетомъ принадлежащихъ ему денегъ, образовавшихся отъ ежемѣсячныхъ взносовъ изъ жалованья и изъ накопившихся прибылей (см. § 24).

§ 22. Если сумма, означенныхъ въ § 21, будетъ не достаточно для уплаты долга умершаго участника кассы, то недомга слагается и пополняется изъ процентнаго сбора за ссуду.

§ 23. Членъ кассы, выбывающій изъ гимназій, можетъ считаться участникомъ кассы до конца года, если будетъ вносить 5% взносы. Если за нимъ числятся какія-либо недомги, то онѣ, при разчетѣ, вычитаются изъ его капитала. Если скоро капитала не достанетъ на покрытіе долга, то деньги съ процентами выскиваются съ выбывающаго члена на законномъ основаніи.

§ 24. Проценты, получаемые отъ ссудъ, составляютъ общую прибыль кассы и раздѣляются по окончаніи каждаго года между участниками кассы пропорціонально капиталу каждаго. Доставшаяся на долю члена прибыль причисляется къ общей суммѣ его взносовъ.

Примѣчаніе. Годъ считается съ 1-го января по 1-е января.

§ 25. Если капиталъ кассы достигнетъ такихъ размѣровъ, что значительная часть его будетъ оставаться безъ обращенія, то, съ согласія по крайней мѣрѣ $\frac{2}{3}$ участниковъ кассы, эта часть можетъ быть обращена въ государственныя процентныя бумаги. Всѣ проценты по этимъ бумагамъ дѣлятся пропорціо-

нально накопившимся у каждаго участника суммамъ и въ январѣ записываются на его счетъ.

§ 26. Въ случаѣ выигрыша на билетъ внутренняго займа, весь выигрышъ, если онъ превышаетъ 500 руб., раздѣляется пропорціонально капиталамъ участниковъ кассы и затѣмъ вручается каждому члену причитающаяся ему часть подъ росписку. Если же выигрышъ не превышаетъ 500 руб., то онъ раздѣляется въ концѣ года пропорціонально капиталамъ участниковъ и падающая на долю каждаго часть причисляется къ общей суммѣ его взносовъ.

§ 27. Для управленія дѣлами ссудо - сберегательной кассы, участниками кассы выбираются, по большинству голосовъ, кассиръ и 2 кандидата. Кандидаты выбираются на случай болѣзни, отсутствія или совершеннаго выбитія изъ кассы кассира.

§ 28. Кассиръ и кандидаты выбираются на годъ.

§ 29. Отъ избранія въ кассиры и въ кандидаты никто не имѣетъ права отказываться безъ особо уважительныхъ причинъ.

§ 30. Къ 20 числу каждаго мѣсяца кассиръ обязанъ заготовить и передать кому слѣдуетъ расчетъ взносовъ и вычетовъ, слѣдующихъ съ участниковъ.

§ 31. Книги кассы должны быть постоянно открыты для всѣхъ участниковъ, такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ право проверять дѣйствія кассира.

§ 32. Въ концѣ года кассиръ обязанъ представить отчетъ о состояніи кассы, послѣ чего собраніе выбираетъ двухъ членовъ для проверки суммъ кассы.

§ 33. Кассиръ, а также каждый участникъ, имѣетъ право во всякое время созвать собраніе членовъ кассы для выслушанія какихъ - либо предположеній или же для рѣшенія спорныхъ вопросовъ по дѣламъ кассы. На собраніяхъ всѣ дѣла рѣшаются присутствующими большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ.

§ 34. Рѣшеніе считается состоявшимся и, слѣдовательно, становится обязательнымъ для всѣхъ остальныхъ членовъ, коль скоро въ собраніи присутствовало не менѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ членовъ кассы.

§ 35. Въ случаѣ несостоявшагося собранія, по недостатку $\frac{2}{3}$

членовъ кассы, назначается собравшимися членами новое засѣданіе, которое считается законнымъ, не смотря на число собравшихся.

§ 36. Сохранность кассы гарантируется только всеобщимъ довѣріемъ всѣхъ членовъ кассы къ избранному ими кассиру. Всякая растрата взыскивается съ виновнаго на основаніи общихъ законовъ.

§ 37. Каждый членъ кассы имѣеть право вносить въ оную на сохраненіе деньги или билеты, которые ему возвращаются по первому его востребованію.

§ 38. Какъ билеты, такъ и наличныя деньги, принадлежащія кассѣ, а также отданныя ей на сохраненіе (см. § 37), хранятся въ одномъ изъ кредитныхъ учрежденій, но у кассира всегда можетъ находиться на рукахъ до 300 руб. подъ его личною отвѣтственностью.

§ 39. Въ случаѣ прекращенія существованія кассы, вся сумма съ процентами возвращается вкладчикамъ по счету каждаго изъ нихъ.

§ 40. Всякія измѣненія этого устава могутъ быть произведены не иначе, какъ по рѣшенію большинства $\frac{3}{4}$ всѣхъ членовъ кассы съ утвержденія г. министра народнаго просвѣщенія.

2. (5-го мая 1873 года). *Уставъ ссудо-сберегательной кассы при Виленскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждаетъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Ссудо-сберегательная касса при Виленскомъ реальномъ училищѣ учреждается съ цѣлью доставитъ возможность добровольнымъ ея участникамъ: а) помѣщать въ ней на сбереженіе извѣстную долю изъ своего содержанія и б) при временной надобности въ деньгахъ дѣлать изъ нея займы.

§ 2. Членами кассы могутъ быть только служащіе въ Виленскомъ реальномъ училищѣ. Съ оставленіемъ службы, лица эти теряютъ право на участіе въ кассѣ.

§ 3. Вступленіе въ члены кассы и оставленіе ея не ограни-

чивается никакими сроками и стѣсненіями и вполнѣ предоставляется на волю каждаго лица.

§ 4. Для поступления въ члены кассы необходимы: а) единовременный взносъ 10% мѣсячнаго жалованья, б) ежемѣсячный взносъ 3% дѣйствительно получаемаго жалованья.

§ 5. Каждый изъ участвующихъ въ составленіи кассы имѣетъ право получить въ ссуду сумму, равняющуюся его взносамъ и получаемому имъ въ мѣсяцъ жалованью.

§ 6. Кругъ дѣйствія кассы ограничивается одними ся членами и потому заемщиками не могутъ быть лица, не принадлежація къ составу кассы, хотя бы они и состояли на службѣ въ Виленскомъ реальномъ училищѣ.

§ 7. Всякій членъ кассы имѣетъ право дѣлать заемъ въ кассѣ срокомъ не болѣе шести мѣсяцевъ и уплачивать за это впередъ по 1% въ мѣсяцъ.

§ 8. Членъ имѣетъ право уплачивать занятую имъ сумму по частямъ во время срока займа, при чемъ проценты ежемѣсячно вычитаются изъ его жалованья только съ суммы, оставшейся за уплатою.

§ 9. Пока не уплаченъ весь занятый капиталъ или, по крайней мѣрѣ, часть капитала, членъ не имѣетъ права дѣлать новый заемъ, исключая того случая, когда занятая сумма менѣе указаннаго въ § 5 размѣра.

§ 10. Занятый капиталъ весь, или оставшаяся за уплатою часть его, вычитается, по прошествіи срока, изъ жалованья.

§ 11. Въ случаѣ смерти члена, занявшаго деньги изъ кассы, и невозможности изъ его имущества пополнить долгъ, вся сумма раскладывается на всѣхъ членовъ кассы, соразмѣрно ихъ взносамъ.

§ 12. Отказывающіеся отъ участія въ кассѣ, по случаю прекращенія службы въ Виленскомъ реальномъ училищѣ, заявляютъ о томъ благовременно и не позже, какъ чрезъ недѣлю послѣ заявленія, получаютъ обратно весь ими внесенный капиталъ съ процентами по 1-е число того мѣсяца, въ которомъ было сдѣлано заявленіе о пожеланіи участвовать въ кассѣ.

Примѣчаніе. Взносы члена умершаго, со всѣми причитающимися процентами, передаются его законнымъ наследникамъ, а если наследниковъ нѣтъ, то вклады его поступаютъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ училища, преимущественно изъ сиротъ училищныхъ чиновниковъ.

§ 13. Въ первой половинѣ декабря каждаго года, всѣ накопившіеся проценты раздѣляются между членами кассы, пропорціонально вкладамъ каждаго и приписываются на имя каждаго члена къ его вкладамъ.

§ 14. При накопленіи суммъ въ кассѣ, часть свободныхъ суммъ изъ вкладовъ и изъ процентовъ можетъ быть обращена въ государственныя процентныя бумаги, но не иначе, какъ съ согласія $\frac{2}{3}$, членовъ кассы. Такія бумаги составляютъ принадлежность всѣхъ членовъ кассы. Всѣ проценты по этимъ бумагамъ дѣлятся пропорціонально вкладамъ въ декабрѣ и записываются по счету каждаго изъ членовъ, или же, въ случаѣ желанія, выдаются на руки.

§ 15. Общее собраніе членовъ кассы созывается, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ для повѣрки счетовъ и наличныхъ денегъ кассы, для указанія способа храненія и помѣщенія капиталовъ и для избранія кассира и двухъ его помощниковъ; собраніе считается дѣйствительнымъ только при присутствіи $\frac{2}{3}$ всѣхъ членовъ.

§ 16. Для завѣдыванія кассой и счетоводствомъ избираются изъ членовъ кассы ежегодно одинъ кассиръ и два помощника, по большинству наличныхъ голосовъ. Выборы производятся въ декабрѣ, при чемъ повѣряются книги и свидѣтельствуется касса. Никто изъ членовъ не имѣетъ права отказаться отъ избранія для завѣдыванія кассой, исключая директора и тѣхъ, которые уже разъ занимали эти должности, или по особо уважительнымъ причинамъ.

§ 17. Кассиръ ведетъ шнуровую книгу, гдѣ на имя каждаго члена вписываются всѣ его вклады и проценты.

§ 18. Для облегченія расчетовъ, всѣмъ дѣлается цѣлыми рублями; дробн копейки при всѣхъ вообще расчетахъ процентовъ какъ для вкладчиковъ, такъ и для заемщиковъ, отбрасываются.

§ 19. Кассиръ ведетъ книгу займовъ, гдѣ записываются: а) занятая сумма, б) срокъ уплаты, в) уплаченная сумма и г) причитающіеся по займу проценты. Все это скрѣпляется подписью члена, дѣлающаго заемъ. Кромѣ поименованныхъ книгъ, ведется еще книга протоколовъ.

§ 20. Ежемѣсячно, предъ выдачею жалованья, кассиръ составляетъ вѣдомость о томъ, сколько слѣдуетъ удержать изъ жалованья каждаго члена въ кассу и передаетъ кому слѣдуетъ для исполненія. Въ то же время кассиръ составляетъ вѣдомость владовъ и займовъ, которые повѣряются комиссіей. Вѣдомость объ удержаніи въ кассу денегъ съ роспискою на ней кассира, принявшаго деньги, хранится при дѣлахъ дирекціи училищъ.

§ 21. Всѣ суммы, не идущія въ обращеніе, и процентныя бумаги передаются на храненіе въ одно изъ кредитныхъ учрежденій.

§ 22. Сохранность кассы гарантируется только всеобщимъ довѣріемъ всѣхъ членовъ кассы къ избранному ими кассиру. Всякая растрата и пропажа суммъ кассы взыскивается съ виновнаго на основаніи общихъ законовъ.

§ 23. Пять членовъ кассы имѣютъ право во всякое время созвать общее собраніе для ревизіи кассы и для выбора новаго кассира, если бы прежде избранный кассиръ отказался отъ своей должности, или умеръ, или не оправдалъ общаго довѣрія.

§ 24. Книги кассы должны быть доступны для просмотра каждаго члена во всякое время.

§ 25. Повѣрка книгъ и суммъ производится двумя помощниками кассира, но можетъ быть производима и во всякое время членами общества числомъ не менѣе 5.

§ 26. Закрытіе кассы можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ согласія $\frac{2}{10}$ всего числа участниковъ кассы.

§ 27. По истеченіи трехъ лѣтъ со дня утвержденія, уставъ сей, по указанію опыта, можетъ быть подвергнутъ пересмотру и измѣненію съ утвержденія г. министра.

§ 28. Наблюденіе за правильнымъ и точнымъ исполненіемъ

статей настоящаго положенія возлагается на общее собраніе членовъ кассы, какъ на полныхъ хозяевъ личной своей собственности.

3. (9-го августа 1873 года). *Положеніе о стипендіи при Виленской гимназій дворянки Аполлоніи Геронимовны Зноско для будащаго ученика фамиліи Зносковъ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1. На основаніи 3 пункта духовнаго завѣщанія дворянки Аполлоніи Геронимовны Зноско, писаннаго 10-го марта 1872 года и явленнаго въ Виленской соединенной палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда 28-го апрѣля того же 1872 года, учреждается при Виленской гимназій стипендія дворянки Аполлоніи Геронимовны Зноско, на счетъ процентовъ съ капитала 2.500 руб., образовавшагося, по заявленію душеприкащика покойной Зноско, коллежскаго секретаря Черноцкаго, за всѣми расходами по запискамъ завѣщательницы, и внесеннаго имъ государственными 5% банковыми билетами.

2. Капиталь 2.500 руб. хранится въ Виленскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ депозитовъ Виленской гимназій и подчиняется въ расходованіи стипендіальной суммы дѣйствию общихъ правилъ о единствѣ кассы.

3. Означенный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность Виленской гимназій, остается на вѣчныя времена неприкосновеннымъ, для цѣли своего назначенія.

4. Въ случаѣ закрытія Виленской гимназій, капиталъ сей передается, для той же цѣли; въ другое, подобнаго рода, мужское казенное учебное заведеніе по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа.

5. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту Виленской гимназій и производится во всякое учебное время года изъ числа лицъ, заявившихъ свои права на стипендію, а также указанныхъ душеприкащикомъ покойной Зноско, коллеж-

скимъ секретаремъ Черноцкимъ, если бы такое указаніе имъ было сдѣлано.

6. Стипендія выдается по истеченіи учебнаго полугодія.

7. Стипендіатъ пользуется стипендіею во все время состояніи ученикомъ казеннаго учебнаго заведенія министерства народнаго просвѣщенія.

4. (15-го сентября 1873 года). *Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Петра Николаевича Кудряшева, учрежденной при Самарской гимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. Граждане Самары, сочувствующіе великому дѣлу отечественнаго образованія, желая почтить благотворную дѣятельность на педагогическомъ поприщѣ въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ директора Самарской гимназіи Петра Николаевича Кудряшева, составили капиталъ въ четыреста рублей серебромъ съ тѣмъ, чтобы проценты съ онаго были употреблены на учрежденіе, на вѣчныя времена, при Самарской гимназіи „стипендіи имени статскаго совѣтника Кудряшева“.

§ 2. Собранныя сумма четыреста рублей должна быть обращена въ 5-ти процентные банковые билеты и храниться вмѣстѣ съ гимназическими суммами.

§ 3. Означенный капиталъ остается неприкосновеннымъ навсегда; проценты же должніи быть выдаваемы ученику Самарской гимназіи, стипендіату статскаго совѣтника Кудряшева.

§ 4. Стипендія предоставляется тому изъ учениковъ гимназіи, дѣтей недостаточныхъ родителей изъ гражданъ города Самары, которые, обучаясь въ Самарской гимназіи, будутъ отличаться лучшими успѣхами въ наукахъ и доброю нравственностью.

§ 5. Право избранія на стипендію имени статскаго совѣтника Кудряшева изъ учениковъ Самарской гимназіи и утвержденія его предоставляется педагогическому совѣту Самарской гимназіи,

§ 6. Педагогическому же совѣту гимназій предоставляется, во всякомъ случаѣ, право замѣщенія названной стипендіи другими кандидатами, если избранные должны быть или смѣщены, или выйдутъ изъ гимназій по волѣ родителей, или за смертію стипендіата.

§ 7. Ученикъ Самарской гимназій, по избранію совѣта пользующійся стипендією, долженъ имѣваться: стипендіатомъ статскаго совѣтника Петра Николаевича Кудряшева.

§ 8. Избранный ученикъ ежегодно долженъ быть освобожденъ отъ платы за ученіе въ продолженіе всего гимназическаго курса, по окончаніи же онаго стипендіату имени статскаго совѣтника Кудряшева за право пользованія стипендією не стѣсняются никакими обязательствами.

5. (22-го сентября 1873 года). *Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ о перечисленіи пожертвованныхъ частными лицами учебныхъ заведеній капиталовъ въ спеціальныя средства министерства.*

По Свод. Зак. (изд. 1857 года), т. I, ч. II, учр. мин. предложенію къ ст. 231, ст. 2 и приложенію къ ней пункт. III, къ спеціальнымъ средствамъ министерства народнаго просвѣщенія, подлежащимъ внесенію въ спеціальную смѣту сего министерства, отнесены, между прочимъ, «доходы съ пожертвованныхъ разными лицами капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, имѣющихъ опредѣленное назначеніе». На этомъ основаніи по смѣтѣ спеціальныхъ средствъ министерства открытъ особый IV отдѣлъ, для внесенія въ оный всѣхъ пожертвованныхъ въ пользу учебныхъ заведеній капиталовъ, съ обозначеніемъ причитающихся по нимъ процентовъ и производимыхъ на счетъ этихъ процентовъ расходовъ.

Между тѣмъ начальства учебныхъ округовъ, въ представляемыхъ ими на утвержденіе министерства положенія о стипендіяхъ на счетъ процентовъ съ вновь жертвуемыхъ капиталовъ, не рѣдко включаютъ такое условіе: «завѣщанный, или жертвуемый капиталъ хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ *депози-*

момъ такого-то учебнаго заведенія» и затѣмъ, на основаніи такого условія, вновь жертвуемые капиталы дѣйствительно записываются начальниками учебныхъ заведеній въ число депозитовъ и не вносятся въ смѣту специальныхъ средствъ министерства, вопреки вышеозначенному закону.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство: 1) сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ пожертвованные капиталы, принадлежащіе подвѣдомственнымъ вамъ учебнымъ заведеніямъ и записанные въ числѣ депозитовъ оныхъ, были перечислены въ специальные средства этихъ учебныхъ заведеній въ отд. IV и затѣмъ были бы вносимы въ росписанія о доходахъ и расходахъ специальныхъ средствъ, представляемыя въ департаментъ народнаго просвѣщенія ко времени составленія смѣты, по формѣ, заключающейся въ специальной смѣтѣ министерства по означенному отдѣлу, и 2) на будущее же время въ положеніихъ о стипендіяхъ, на счетъ вновь могущихъ быть пожертвованными капиталовъ, включать условіе, что жертвуемый капиталъ хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ *специальныхъ* средствъ такого-то учебнаго заведенія.

6. (22-го сентября 1873 года). *Уставъ ссудо-сберегательной кассы при С.-Петербургской шестой гимназій.*

(Утвержденъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. Ссудо-сберегательная касса при шестой гимназій имѣеть цѣлью доставить возможность каждому изъ служащихъ: 1) посредствомъ ежемѣсячныхъ вычетовъ изъ получаемаго ими содержанія сберечь къ концу службы нѣкоторый капиталъ, и 2) пользоваться, въ случаѣ нужды, ссудой изъ кассы денегъ съ платою определенныхъ процентовъ.

§ 2. Касса составляетъ неприкосновенную собственность вкладчиковъ.

§ 3. Капиталъ кассы образуется: 1) изъ постоянныхъ ежемѣсячныхъ вычетовъ (означенныхъ въ § 4), обязательныхъ для каж-

даго изъ участниковъ кассы; 2) изъ единовременныхъ вкладовъ; 3) изъ пятипроцентнаго вычета съ получаемыхъ участниками кассы пособій и денежныхъ наградъ по службѣ; 4) изъ процентовъ, получаемыхъ отъ раздачи въ ссуду капитала; 5) изъ процентовъ съ государственныхъ бумагъ, приобретаемыхъ на свободныя суммы кассы.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ 5% вычетъ можетъ быть отмѣненъ съ согласія большинства членовъ кассы.

§ 4. Въ составленіи кассы имѣютъ право участвовать всѣ служащіе при гимназій, какъ штатные, такъ и сверхштатные, равно какъ всѣ состоящіе при гимназій по найму, кромѣ нижнихъ жителей. Каждый участникъ кассы при вступленіи вноситъ единовременно 10% съ получаемаго имъ мѣсячнаго жалованья и затѣмъ, по истеченіи каждаго мѣсяца, 2% съ получаемаго имъ оклада. Сверхштатные вносятъ единовременно 3 руб. и ежемѣсячно по 2% съ оклада не менѣе 300 руб.

Примѣчаніе. Для облегченія расчетовъ, какъ при обязательныхъ вычетахъ, такъ и при добровольныхъ вкладахъ, вносятся только рубли или полтины, — поэтому число копѣекъ менѣе 50 считается за 50, а болѣе 50 за 1 руб.

§ 5. Поступать въ члены кассы и выбывать изъ числа ихъ служащіе въ гимназій могутъ во всякое время, по собственному ихъ желанію.

§ 6. Выбывающій участникъ получаетъ обратно составившійся изъ его обязательныхъ вычетовъ и добровольныхъ вкладовъ капиталъ съ причитающимися за истекшіе полные годы процентами. Если при выходѣ члена изъ кассы не окажется въ личности той суммы, какая ему слѣдуетъ въ выдачу, то онъ не имѣетъ права требовать уплаты оной немедленно, но обязанъ ожидать разчета, не долѣе, впрочемъ, 3-хъ мѣсяцевъ.

§ 7. Въ случаѣ смерти участника, капиталъ, ему принадлежащій, съ причитающимися на него процентами за истекшіе полные годы, выдается его наследникамъ, а если наследниковъ

вѣтъ, то сумма эта поступаетъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ шестой гимназіи.

§ 8. За пользованіе ссудою взимается по $\frac{1}{2}\%$ въ мѣсяцъ. Если ссуда возвращается по частямъ, то заемщикъ вноситъ ежемѣсячно проценты на ту сумму, которую онъ еще не возвратилъ.

Примечанія: 1) Для удобства разчета ссуда выдается только крупными суммами изъ однихъ рублей.

2) Уплата процентовъ производится впередъ за цѣлый мѣсяцъ, хотя бы заемъ былъ сдѣланъ къ концу мѣсяца.

§ 9. Размѣръ ссуды не можетъ превышать наличнаго капитала вкладчика въ совокупности съ суммою мѣсячнаго содержанія.

Примечаніе. Въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть разрѣшена ссуда, превышающая указанный предѣлъ, съ согласія общаго собранія членовъ кассы.

§ 10. Заемщику, не заплатившему своего полного долга, дозволяется выдавать новую ссуду, но съ тѣмъ, чтобы вновь занятая сумма съ прежнимъ долгомъ не превышала въ общей сложности суммы мѣсячнаго жалованья и числящагося за участникомъ въ кассѣ капитала.

§ 11. Если съ участника производится казенное или частное взысканіе, то сверхъ принадлежащаго ему капитала, онъ можетъ получить въ ссуду только ту часть мѣсячнаго содержанія, которая остается свободною отъ взысканія.

§ 12. Сверхштатнымъ лицамъ, не получающимъ отъ гимназіи содержанія, ссуда можетъ быть выдаваема только въ размѣръ наличнаго капитала вкладчика.

§ 13. Если должникъ оставитъ службу въ гимназіи до пополненія выданной ему ссуды, то долгъ его погашается изъ принадлежащаго ему капитала; въ случаѣ же недостаточности этого капитала, долгъ взыскивается изъ слѣдующаго ему по службѣ содержанія. Если и этихъ суммъ окажется недостаточно для покрытія долга, то заемщикъ обязанъ дать подписку въ томъ, что онъ обязывается уплатить ссуду въ извѣстный срокъ (не далѣе часть сл.XVX, орд. 1.

полугода), и что въ случаѣ неплатежа онъ подчиняется постановленіямъ о взыскапіяхъ.

§ 14. Въ случаѣ смерти участника кассы, выданная ему ссуда пополняется зачетомъ принадлежащихъ ему денегъ, образовавшихся отъ ежемѣсячныхъ вычетовъ изъ жалованья, и такъ же изъ добровольныхъ вкладовъ. Если сумма этихъ окажется недостаточно для покрытія долга, то онъ покрывается вычетомъ изъ жалованья, причитающагося умершему по день смерти. Въ случаѣ невозможности пополнить долгъ умершаго, недоимка слагается и пополняется изъ общаго процентнаго сбора за ссуду.

§ 15. Проценты на обязательные взносы, накопившіеся отъ ссудъ, распределяются ежегодно между членами кассы пропорціонально капиталу каждаго и времени обращенія его въ кассу и приписываются на имя каждаго члена къ его вкладу; проценты на добровольные вклады или приписываются къ капиталу или выдаются на руки, смотря по желанію вкладчика.

§ 16. Такъ какъ, по смыслу предыдущаго §, проценты распределяются только въ концѣ года, то участникъ, берущій обратно вкладъ до истеченія года, процентами за этотъ годъ не пользуется.

§ 17. При накопленіи суммы въ кассу часть ихъ можетъ быть обращена въ государственныя процентныя бумаги. Всѣ проценты по такимъ бумагамъ, равно какъ и могущіе быть на нихъ выигрыши, дѣлятся между всеми членами пропорціонально капиталу каждаго и времени обращенія его въ кассу.

§ 18. Дѣлами ссудо-сберегательной кассы завѣдуютъ: 1) кассиръ и 2) общія собранія.

§ 19. Кассиръ избирается общимъ собраніемъ по большинству голосовъ на одинъ годъ. Выбывающій кассиръ можетъ быть вновь избираемъ на слѣдующій годъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ болѣзни или продолжительнаго отсутствія кассира, общее собраніе избираетъ лицо, которое на время заступаетъ его мѣсто.

§ 20. На обязанности кассира лежитъ приемъ вычетовъ вклада-

довъ въ кассу и выдача изъ нея есудь заемщикамъ, а также правильное веденіе счетоводства по установленнымъ для сего формамъ.

§ 21. Кассиръ обязанъ ежемѣсячно передъ выдачей жалованья заготовить и передать кому слѣдуетъ расчетъ взносовъ и вычетовъ, слѣдующихъ, съ участниковъ кассы.

§ 22. Общія собранія созываются два раза въ годъ: въ началѣ января и въ началѣ юня. На этихъ собраніяхъ кассиръ представляетъ отчетъ о дѣлахъ кассы и назначается коммиссія изъ 3 членовъ для обревизованія кассы. Кромѣ обязательныхъ двухъ собраній, общія собранія созываются также въ случаѣ надобности по заявленію $\frac{2}{3}$ членовъ кассы для выслушанія какихъ либо предложеній, или же для рѣшенія спорныхъ вопросовъ по дѣламъ кассы.

§ 23. На общихъ собраніяхъ всѣ дѣла рѣшаются присутствующимъ большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ. Рѣшеніе считается состоявшимся, и слѣдовательно, становится обязательнымъ для всѣхъ членовъ, когда скоро въ собраніи присутствовало не менѣе $\frac{2}{3}$ наличныхъ членовъ кассы.

§ 24. Книги кассы должны быть постоянно открыты для всѣхъ участниковъ, такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ право повѣрять правильность расходованія суммъ во всякое время.

§ 25. Суммы кассы хранятся въ желѣзномъ шкафу, въ безопасномъ мѣстѣ, находящемся въ зданіи гимназіи. Сохранность этихъ суммъ гарантируется только всеобщимъ довѣріемъ всѣхъ членовъ кассы въ избранному ими кассиру. Всякая растрата взыскивается съ виновнаго на основаніи общихъ постановленій о взысканіяхъ по долговымъ обязательствамъ.

§ 26. Еслибы, по какимъ-либо обстоятельствамъ, признано было необходимымъ приступить къ закрытію кассы, то по договору о томъ не менѣе $\frac{2}{3}$ участниковъ, дѣйствія кассы прекращаются и поступившія отъ членовъ суммы съ причитающимися на нихъ по дню закрытія кассы процентами возвращаются по принадлежности.

7. (24-го сентября 1873 года). *Циркулярное предложение начальствамъ учебныхъ округовъ* ¹⁾.

Мониторъ Николаевскаго кавалерійскаго училища Владиміръ Уховъ, представивъ мнѣ печатный экземпляръ изданной имъ второй части его «Руководства къ педагогической и гигиенической гимнастикѣ», просилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять эту книгу въ руководство при обученіи гимнастикѣ въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Вслѣдствіе сего и въ виду того, что первый томъ сочиненія Ухова, одобренный дирекцію С.-Петербургскаго гимнастическаго общества, рекомендованъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, какъ руководство для гимназій, и что въ случаѣ одобренія нынѣ представленнаго труда Ухова просьба его могла бы быть удовлетворена, я входилъ въ сношеніе съ г. предсѣдателемъ помянутого общества, прося его о разсмотрѣніи означенной книги.

Нынѣ г. тайный совѣтникъ Гротъ увѣдомилъ меня, что отъ дирекціи С.-Петербургскаго гимнастическаго общества о первой части руководства къ гимнастикѣ Ухова (см. цирк. 12-го декабря 1870 года, напечатанный въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, январь 1871 года, отдѣлъ правит. распоряж., стр. 15), относится вполне и ко второй части книги, и что обѣ части могутъ быть съ пользою приняты въ руководство при преподаваніи гимнастики въ учебныхъ заведеніяхъ; но такъ какъ въ иныхъ случаяхъ, и особенно при женской гимнастикѣ, можетъ требоваться нѣкоторая разборчивость въ употребленіи движеній, то желательно, чтобы руководство примѣнялось при помощи свѣдущаго учителя гимнастики.

Считаю нужнымъ увѣдомить объ этомъ начальства учебныхъ округовъ, покорнѣйше прося сдѣлать распоряженіе о принятіи помянутой книги въ руководство при обученіи гимнастикѣ въ

¹⁾ Подлежитъ исполненію, на основаніи циркулярнаго распоряженія по министерству народнаго просвѣщенія отъ 3-го сентября 1866 года, напечатаннаго въ сентябрьской выжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за тотъ годъ.

гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

8. (6-го октября 1873 года). *Положеніе о стипендіи имени Его Императорскаго Величества при Мозырской прогимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

ГЛАВА I.

Общія правила.

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 20-го іюня 1871 года, при Мозырской гимназіи, преобразованной нынѣ въ прогимназію, учреждена въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости стипендія имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II, для образованія одного мальчика изъ дѣтей крестьянъ 1-го мирового участка Мозырскаго уѣзда.

§ 2. Стипендіатъ содержится изъ процентовъ съ капитала 1.564 руб. 40 коп., заключающагося въ 5% билетахъ государственнаго банка, пожертвованнаго для этой цѣли крестьянами собственниками 1-го мирового участка Мозырскаго уѣзда.

§ 3. Капитальъ этотъ, составляя неприкосновенную собственность Мозырской прогимназіи, причисляется къ спеціальнымъ суммамъ сей прогимназіи, особою статьею подъ наименованіемъ «стипендіальный капиталъ имени Его Императорскаго Величества».

§ 4. Храненіе означеннаго капитала и расходованіе % съ оного на предметъ назначенія подчиняется дѣйствію изданныхъ въ 1865 году правилъ о единствѣ кассы, на точномъ основаніи ст. 99—110 упомянутыхъ правилъ.

Примѣчаніе. 5% билеты государственнаго банка на означенный капиталъ, по истеченіи срока онымъ или по выходѣ ихъ въ тиражъ, замѣняются новыми % бумагами, ка-

кія въ то время будутъ признаны, по усмотрѣнію училищнаго начальства, болѣе выгодными.

ГЛАВА II.

О выборѣ стипендіатовъ

§ 5. Кандидатъ на настоящую стипендію избирается изъ способнѣйшихъ крестьянскихъ мальчиковъ, обучавшихся въ какомъ либо начальномъ училищѣ, поочередно изъ пяти волостей 1-го мирового участка Мозырскаго уѣзда, участвовавшихъ въ составленіи стипендіальнаго капитала въ слѣдующемъ порядкѣ: Слободо-Скрыгаловской, Буйновичской, Мелешковичской, Михалковской и Скороденской.

§ 6. Избраніе кандидата предоставляется волостнымъ сходкамъ, по очереди каждой изъ поименованныхъ выше пяти волостей; приговоръ схода объ избранномъ кандидатѣ представляется на утвержденіе мирового посредника.

§ 7. Мировой посредникъ, по утвержденіи имъ приговора, сообщаетъ объ избранномъ кандидатѣ инспектору прогимназіи.

§ 8. Инспекторъ прогимназіи, получивъ такое увѣдомленіе, допускаетъ избраннаго кандидата къ установленному экзамену для поступления въ число учениковъ прогимназіи, и если оный выдержитъ таковое удовлетворительно и по возрасту своему будетъ отвѣчать требованіямъ устава гимназій и прогимназій, опредѣляетъ его стипендіатомъ; въ подготовительный же классъ прогимназіи избранный кандидатъ, при соответственныхъ лѣтахъ, поступаетъ стипендіатомъ безъ предварительнаго испытанія.

§ 9. Если представленный кандидатъ не удостоится опредѣленія въ прогимназію, или, по принятіи его въ подготовительный классъ, окажется неспособнымъ къ продолженію прогимназическаго образованія, то объ этомъ инспекторъ сообщаетъ немедленно мировому посреднику, для представленія другаго кандидата изъ той же волости или изъ другой, слѣдующей по установленному въ § 5 порядку.

§ 10. Опредѣленный на условіяхъ, изложенныхъ въ § 8 сего

положенія, стипендіатъ, пользуется стипендією до окончанія полнаго курса въ прогимназіи.

§ 11. Стипендія выдается ежемѣсячно впередъ подъ росписки самого стипендіата или его родителей, опекуновъ или родственниковъ.

§ 12. Въ случаѣ исключенія стипендіата изъ прогимназіи до окончанія полнаго курса, за неуспѣшность въ наукахъ или за дурное поведеніе, инспекторъ прогимназіи увѣдомляетъ о томъ мирового посредника, съ объясненіемъ причинъ увольненія воспитанника. Выборъ новаго кандидата переходитъ въ такомъ случаѣ къ слѣдующей, состоящей на очереди, волости.

§ 13. Инспекторъ прогимназіи объ имѣющейся открыться съ наступленіемъ учебнаго года вакансіи на стипендію, за окончаніемъ наличнымъ стипендіатомъ курса наукъ, сообщаетъ о томъ заблаговременно, мировому посреднику, для избранія другаго кандидата въ стипендіаты.

§ 14. Проценты, могущіе остаться почему либо свободными, приписываются въ стипендіальному капиталу, и по накопленіи ихъ въ количествѣ достаточномъ для пріобрѣтенія какой-либо изъ процентныхъ бумагъ, обращаются въ сіи послѣднія, на основаніяхъ, указанныхъ въ примѣчаніи къ § 4 сего положенія.

§ 15. Всѣ могущія случиться недоразумѣнія по исполненію настоящаго положенія, по предварительномъ сношеніи инспектора прогимназіи съ мировымъ посредникомъ, представляются на усмотрѣніе и утвержденіе попечителя Виленскаго учебнаго округа.

III. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

25-го августа 1878 года (№ 12). Утверждаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ зоологіи *Заленскій* — ординарнымъ профессоромъ сего

университета по занимаемой имъ кафедрѣ зоологіи, съ 5-го мая 1873 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Коссовичъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ греческой и римской словесности, съ 20-го іюня 1873 года; инспекторъ Шавельской гимназіи, статскій совѣтникъ *Колеско*—директоромъ Могилевской гимназіи, съ 4-го августа 1873 года; директоръ училищъ Самарской губерніи, статскій совѣтникъ *Кудряшевъ*, инспекторъ Воронежской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Померанцевъ*, инспекторъ Пензенской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Мерцаловъ*—директорами реальныхъ училищъ: Кудряшевъ—Сызранскаго, Померанцевъ—Орловскаго и Мерцаловъ—Саратовскаго; всѣ трое съ 21-го іюля 1873 года; инспекторъ Динабургскаго реального училища, коллежскій совѣтникъ *Панковъ*—директоромъ Сумскаго реального училища, съ 11-го августа 1873 года; почетный смотритель Николаевскаго уѣзднаго училища, отставной подпоручикъ *Гумаликсъ*—почетнымъ попечителемъ Одесской второй прогимназіи, съ 1-го августа 1873 года, съ увольненіемъ отъ занимаемой имъ нынѣ должности.

Оставаются на службѣ: директоръ Аренбургской гимназіи, статскій совѣтникъ *Зембушъ*—по 1-е августа 1874 года; директоръ училищъ Пермской дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Грацинскій*—на три года, съ 24-го августа 1873 года; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Александровичъ*—на пять лѣтъ, съ 20-го іюля 1873 года, съ увольненіемъ, согласно прошенію, отъ должности декана физико-математическаго факультета сего университета, съ 18-го августа 1873 года.

Увольняется въ отпускъ въ С.-Петербурѣ: мѣсяскій директоръ народныхъ училищъ *Далинъ*—на четырнадцать дней.

Продолжается срокъ отпуску за границу: Учителю Витебской гимназіи *Попову*—по 1-е сентября 1873 года; законоучителю римско-католическаго исповѣданія Варшавской первой мужской прогимназіи, священнику *Бржескому*—до 2-го сентября

1873 года; учителю Кронштадтской гимназіи *Керберу*—до 14-го сентября 1873 года; минскому директору училищъ, дѣйствительному статскому совѣтнику *Ботушевскому*—на мѣсяцъ; помощнику классныхъ наставниковъ Гродненской гимназіи *Григоровичу*—на два мѣсяца; всѣмъ, кромя Попова, по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: внутри имперіи и за границу: состоящій по министерству народнаго просвѣщенія, гофмейстеръ графъ *Потоцкій*; на четыре мѣсяца; за границу, на четырнадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета *Мечниковъ*; на двадцать восемь дней: помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Меицерскій*; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Левестамъ*; бібліотекаръ Императорской публичной бібліотеки, статскій совѣтникъ *Вальтеръ*; секретарь совѣта Императорскаго Дерптскаго университета *Блокъ*; учитель Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Троиновскій*; врачъ Ришельевской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Фіалковский* и врачъ Одесскаго уѣзднаго училища *Манделькумъ*; изъ нихъ *Фіалковскій*, по болѣзни, съ 10-го сентября 1873 года; на двадцать девять дней: членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Безлярминовъ*; на мѣсяцъ: экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Безобразовъ*; учитель Киевской первой гимназіи *Петръ* и состоящій за штатомъ учитель Николаевской гимназіи, надворный совѣтникъ *Гольдштейнъ*; на мѣсяцъ и восемнадцать дней: инспекторъ народныхъ училищъ Воронежской губерніи, статскій совѣтникъ *Петропавловскій*; на два мѣсяца: хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго Московскаго университета, коллежскій ассесоръ *Зенеръ*, съ 1-го сентября 1873 года; на три мѣсяца: почетный попечитель Одесской второй прогимназіи *Гуманикъ* и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Нарановичъ*; изъ нихъ *Нарановичъ* по болѣзни; на четыре мѣсяца: канцелярскій чиновникъ канцеляріи

директора С.-Петербургскаго учебнаго округа, губернскаго секретаря *Масалитинова*, по болѣзни. смерти отъ 1791 года отъ 01
 ..Объявляется благодарность министерства народнаго просвѣщенія: попечительницѣ Пермской, Маріинской гимназій, суиругѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Лысогорской*—за достойную и особенную ся заботливость, о пользахъ, упомянутой гимназій; законоучителямъ училищъ: Млыподскаго, приходскаго, фундашеваго, Волинской губерніи, священнику *Боговскому*, Репетяловскаго, Подтавскаго уѣзда, священнику *Косиченко*, двухкласснаго Екатерининскаго, священнику *Никольскому* и учителю Млыподскаго приходскаго фундашеваго училища *Ярмаковичу*—за усердіе и труды ихъ въ пользу народнаго образованія; землевладѣльцу Новогрудскаго уѣзда, Минской губерніи, графу *Потоцкому*—за пожертвованіе на пользу Кривошинскаго и Островскаго народныхъ училищъ, и Новогрудскому, уѣздному предводителю дворянства *Селиверстову*—за усердное содѣйствіе къ сему пожертвованію; мировому посреднику 1-го участка Дрицкаго уѣзда, *Суворову* и волостному старшицѣ Аликовской волости, того же уѣзда, *Иванову*—за труды ихъ по достройкѣ дома для Аликовскаго двухкласснаго училища. смерти отъ 1791 года отъ 01

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: мировымъ посредникамъ Гродненской губерніи: 2-го участка Брестскаго уѣзда, отставному генераль-маіору *Миньельдею*, 2-го участка Бѣлостокскаго уѣзда, отставному маіору *Жандру*, 2-го участка Бѣльскаго уѣзда, коллежскому ассесору *Толпыго*, 3-го участка Кобринскаго уѣзда, титулярному совѣтнику *Олиберу*, 1-го участка Пружанскаго уѣзда, коллежскому секретарю *Рахманову*, 3-го участка Слонимскаго уѣзда, коллежскому секретарю *Козакину*, и бывшему мировому посреднику 3-го участка Брестскаго уѣзда, нынѣ старшему совѣтнику гродненскаго губернскаго правленія, надворному совѣтнику *Ушакову*—за дѣятельное и полезное участіе ихъ въ дѣлѣ народнаго образованія; попечителю мужскаго и женскаго училищъ въ слободѣ Еланѣ, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи, купцу *Максимову*—за

усердіе въ пользу народнаго образованія; почетному блюстителю Енотаевскаго, Астраханской губерніи, женскаго приходскаго училища, кущу *Томпсону*—за пожертвованіе въ пользу сего училища.

Исключаются изъ списковъ умершіе: управлявшій капцеляріею министра народнаго просвѣщенія по дѣламъ греко-уніатскаго исповѣданія, надворный совѣтникъ *Кокоткинъ*; членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и особаго при немъ отдѣла по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, правитель дѣлъ сего комитета и особаго отдѣла оваго, завѣдывавшій дѣлопроизводствомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Галамизъ*, и причисленный къ этому министерству, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гюббенетъ*.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Ученіе о богослуженіи православной церкви*. Спб., 1872 г. Составилъ протоіерей Маріинскаго дворца *Дмитрій Соколовъ*»—рекомендовать для употребленія въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ руководства по предмету ученія о богослуженіи.

2) Книгу: «*Описаніе восточной войны 1853—1856*. А. Θ. *Гейротъ*. Спб., 1872 г.»—рекомендовать для учебнскихъ библіотекъ гимназій, уѣздныхъ и реальныхъ училищъ.

3) Книгу: «*Среднія учебныя заведенія въ Англіи и Шотландіи*. Деможо и Монтуччи. Переводъ съ французскаго. Изданіе *Юшениова и Коппа*. Москва, 1872 г.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій.

4) Книгу: «*Три царства природы*. Составилъ Григорьевъ. Москва, 1872 г.» -- рекомендовать для женскихъ гимназій, какъ учебное пособие.

5) Книги: 1) «*Латинская грамматика* доктора Фердинанда Шумца, обработанная для русскихъ гимназій Юріемъ Ходобаевъ, преподавателемъ 3-й Московской гимназій и Лицея Цесаревича Николая. Курсъ младшаго возраста. Москва, 1873 г.» и 2) «*Латинская грамматика* доктора Фердинанда Шумца, обработанная для русскихъ гимназій Юріемъ Ходобаевъ. Курсъ старшаго возраста. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва, 1873 г.» — одобрить, какъ учебники для употребленія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

6) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Пособіе для учениковъ VI и VII классовъ гимназій при изученіи русской словесности*. Составилъ П. Смирновскій, примѣнительно къ новой примѣрной программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія. Выпускъ 1-й. Крошштадтъ, 1873 г.» — рекомендовать въ пособіе для учениковъ VI и VII классовъ гимназій при изученіи русской словесности.

7) Книгу: «*Сборникъ очерковъ и деталей старинныхъ русскихъ построекъ*. Составилъ архитекторъ Шохинъ, Москва, 1872 г.» — рекомендовать для пріобрѣтенія въ основныя библіотеки гимназій, прогимназій, реальныхъ и уѣздныхъ училищъ, если только цѣна этого изданія будетъ доступна для означенныхъ учебныхъ заведеній.

8) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Начальная физика въ объемъ гимназическаго преподаванія*». Составилъ ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Любимовъ. Москва, 1873 г.» — включить въ число руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Искусственное вскармливаніе дѣтей*». Соч. д-ра *Фюрста*. Спб., 1872 г.» (цѣна 20 коп. in 12°) — рекомендовать для бібліотекъ мужскихъ и женскихъ начальныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ, и учительскихъ семинарій и институтовъ.

2) Брошюру, подъ заглавіемъ «*Западное убійство*. Два разказа изъ записокъ слѣдователя *А. Любимовъ*. Спб., 1873 г.» — допустить въ бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ, но для чтенія исключительно только взрослыхъ.

3) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Оборона Севастополя*. Бесѣды о войнѣ 1853 — 1855 гг. для войскъ и народа. Часть I. Изданіе «*Досугъ и Дѣло*». Спб., 1873 г.» — одобрить для бібліотекъ народныхъ училищъ.

4) Брошюру, подъ заглавіемъ: «*О преподаваніи закона Божія въ сельскихъ училищахъ*». Свящ. *Мичкина*, — рекомендовать вниманію законоучителей сельскихъ училищъ, какъ заключающую въ себѣ нѣкоторыя полезныя указанія относительно преподаванія закона Божія въ сихъ заведеніяхъ.

Это заключеніе комитета утверждено опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

По донесенію управляющаго Одесскимъ учебнымъ округомъ, 30-го августа, въ день тезоименитства Государя Императора, открыта въ г. Феодосіи, въ присутствіи командированнаго для этой дѣли окружнаго инспектора, дѣйствительнаго статскаго со-

вѣтлика Пятина и представителей Θεодосійскаго городского общества и земства. мужская прогимназія, учение въ которой началось съ 1-го сего сентября.

— По донесенію управляющаго Дерптскимъ учебнымъ округомъ, 27-го августа, въ г. Ригѣ открыто, согласно Высочайше утвержденному 1-го мая 1873 года мѣрнію государственнаго совета, реальное для гражданъ училище.

Учебное заведеніе это похѣщается въ нанятомъ городскимъ управленіемъ частномъ домѣ. Въ настоящее время открыты только два низшіе класса.

— Г. попечитель Одесскаго учебнаго округа извѣстилъ, что 2-го сентября, по совершеніи преосвященнымъ Дмитріемъ архіепископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ благодарственнаго молебствія и по провозглашеніи многолѣтія Его Императорскому Величеству Государю Императору и всему царствующему дому, открыто въ Одессѣ реальное училище, а 9-го числа сего же мѣсяца, по совершеніи таковаго же молебствія, открыта тамъ же вторая прогимназія.

— Г. попечитель Московскаго учебнаго округа доносить, что вслѣдствіе приглашенія Костромской управы къ пожертвованіямъ на содержаніе Костромскаго реальнаго училища, Нерехтская городская управа, въ засѣданіи 20-го іюня, постановила жертвовать въ пользу этого училища по *пятидесяти* руб. въ годъ.

— По донесенію попечителя Московскаго учебнаго округа, 5-го сентября послѣдовало открытіе Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища, въ составѣ I-го и II-го классовъ. Число учащихся въ немъ, къ 6-му числу этого мѣсяца, состояло въ I-мъ классѣ 14, а во II—10 человекъ.

— Попечитель Московскаго учебнаго округа извѣстилъ, что 21-го августа послѣдовало открытіе классныхъ занятій въ Костромскомъ реальномъ училищѣ. Изъ числа 35 постороннихъ молодыхъ людей и учениковъ гимназій, заявившихъ желаніе поступить въ означенное училище, 21 подвергались испытанію, изъ

коихъ принято 16, а 14 учениковъ гимназій приняты въ соотвѣтствующіе классы безъ экзамена.

Въ настоящее время въ училищѣ 30 учениковъ, изъ коихъ 20 въ III-мъ и 10 въ IV-мъ классахъ. Костромское реальное училище до окончательнаго устройства собственнаго дома временно помѣщается въ домѣ Костромскаго городского головы Набатова.

— Попечитель Кіевскаго учебнаго округа донесъ, что въ виду накопленія значительнаго числа учениковъ въ первыхъ трехъ классахъ Кіевской прогимназій открыты въ этихъ классахъ параллельныя отдѣленія на счетъ денегъ, пожертвованныхъ Кіевскою городскою думою.

— Въслѣдствіе представленія попечителя Харьковскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено закрыть параллельное отдѣленіе VI класса Новочеркасскаго гимназій и раздѣлить VII классъ той же гимназій на два самостоятельныя отдѣленія: старшее, изъ учениковъ, пробывшихъ уже въ этомъ классѣ годъ, и младшее, изъ учениковъ, переведенныхъ въ минувшемъ году изъ VI класса; добавочное же жалованье въ закрываемой параллели VI класса перенести на вознагражденіе учителямъ за уроки въ отдѣленіи VII класса.

— Г. помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа донесъ, что отстроенное для Виленскаго реальнаго училища зданіе фундаша Пильховскаго, по совершенномъ приготовленіи его подъ помѣщеніе училища, освящено 25-го сентября и затѣмъ, въ тотъ же день, въ присутствіи его и почетнѣйшихъ лицъ города, происходилъ въ этомъ новомъ помѣщеніи училища публичный актъ, а 27-го открылось въ установленномъ порядкѣ преподаваніе.

— По донесенію попечителя Одесскаго учебнаго округа, 8-го сентября, по совершеніи молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтня Государю Императору и всему царствующему дому, открыто имъ въ Ростовѣ на Дону, Петровское реальное училище.

— Согласно Высочайше утвержденному 23-го января 1873 года мнѣнію государственнаго совѣта, 5-го сентября въ г. Рев-

велѣ открыты предварительно два низшихъ, класса, тамошняго городскаго трехкласснаго училища, въ которое поступило 62 ученика, изъ нихъ: въ 1-й классъ—41 и во 2-й—21; высшій же третій классъ не открытъ въ текущемъ году, по недостатку учениковъ, надлежащимъ образомъ подготовленныхъ для поступленія въ оный.

— По донесенію начальства, Кіевскаго учебнаго округа, въ м. Смѣломъ, Роменскаго уѣзда Полтавской губерніи, открыто 8-го іюля 1873 года одноклассное училище вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Попечитель Московскаго учебнаго округа донесъ г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, что 23-го сентября послѣдовало открытіе, съ разрѣшенія министерства, народной читальни при 1-мъ московскомъ уѣздномъ училищѣ. Народная читальня будетъ открыта по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ отъ 12 до 3 часовъ по полудни и отъ 5 до 8 часовъ вечера; въ будни по вторникамъ, средамъ и пятницамъ, отъ 5 до 8 часовъ вечера. Наканунѣ праздничныхъ дней читальня открываема не будетъ.

— 8-го февраля 1873 года г. министромъ народнаго просвѣщенія разрѣшено открыть реальныя училища: въ Череповѣ (Новгородской губерніи) въ 6-ти классномъ составѣ, безъ коммерческаго отдѣленія и съ механическимъ отдѣленіемъ въ высшемъ дополнительномъ классѣ; въ Псковѣ — въ 4-хъ классномъ составѣ, съ основнымъ и коммерческимъ отдѣленіями и съ механическимъ отдѣленіемъ въ высшемъ дополнительномъ классѣ; въ Орлѣ—въ 4-хъ классномъ составѣ, съ обоими отдѣленіями, съ механическимъ отдѣленіемъ въ высшемъ дополнительномъ классѣ, и въ Ливнахъ (Орловской губерніи)— 6-ти классное съ двумя отдѣленіями, всѣ четыре на счетъ казны съ пожертвованіемъ Череповскимъ городскимъ обществомъ и земствомъ, Орловскимъ и Ливенскимъ городскими обществами.

Изъ послѣднее время получены были телеграммы на имя г. министра народнаго просвѣщенія и г. товарища министра народнаго просвѣщенія слѣдующаго содержанія:

Изъ Череповца.

На имя 1. министра народнаго просвѣщенія.

Череповецъ и представители уѣзднаго земства, празднующа сего дня открытіе реального училища и закладку зданія для него, приносятъ вашему сіятельству, главнѣйшему виновнику торжества, чувства глубочайшей своей благодарности и искренне пьютъ за здоровье ваше. Подписали: городской голова Милютинъ, представитель земства Румянцевъ, строитель-архитекторъ Сычевъ.

На имя 2. товарища министра народнаго просвѣщенія.

Череповецъ и представители уѣзднаго земства, празднующа сего дня открытіе реального училища и закладку зданія для него, приносятъ министерству народнаго просвѣщенія свою глубочайшую благодарность. Подписали: городской голова Милютинъ, представитель земства Румянцевъ.

Изъ Пскова.

На имя 1. министра народнаго просвѣщенія.

Псковичи, послѣ торжественнаго молебствія, по случаю открытія реального училища, собравшись за обѣдомъ у домохозяина, пьютъ за здоровье вашего сіятельства и искренно благодарятъ за учрежденіе этого заведенія въ Псковѣ. Подписалъ: губернаторъ Прутченко.

Изъ Орла.

На имя 1. министра народнаго просвѣщенія.

Орловское городское общество, проникнутое глубокою признательностью къ вашему сіятельству за открытіе реального училища, пьетъ за здоровье вашего сіятельства. Подписалъ: городской голова Чибисовъ.

Изъ Ливенъ (Орловской губерніи).

На имя 1. министра народнаго просвѣщенія.

На празднествѣ Ливенскаго земства и городского общества по случаю открытія реального училища, мы пьемъ за здоровье
часть СЛXVX, отд. 1.

вашего сѣятельства и благодаримъ за осуществленіе нашего ходатайства. Подписали: епископъ Макарій, губернаторъ Ивановъ, попечитель А. Воскресенскій, предводитель дворянства Н. Бѣлаго, городской голова Шиловъ, предсѣдатель управы А. Свидѣрешскій, депутатъ Дмитрій Бошкотовъ.

— 30-го минувшаго августа было открыто Череповецкое реальное училище въ шестиклассномъ составѣ, съ дополнительнымъ при немъ механико-техническимъ классомъ.

Послѣ окончанія въ Череповецкомъ Воскресенскомъ соборѣ божественной литургіи и молебна, мѣстное духовенство и священники изъ окрестностей Череповца, съ крестнымъ ходомъ и святыми иконами, отправились къ мѣсту, на которомъ воздвигается зданіе для постоянного помѣщенія реального училища. Тамъ, послѣ водосвятнаго молебна, была произведена торжественная закладка зданія въ присутствіи предсѣдателей череповецкихъ земства и городского общества, при почетнѣйшихъ жителяхъ и при стеченіи многочисленнаго народа. Потомъ духовенство и приглашенные лица прибыли во временное помѣщеніе реального училища, гдѣ прочитана была директоромъ записка о ходѣ дѣла по открытію училища и, наконецъ, объявлено и самое открытіе онаго. При этомъ директоромъ и исправляющимъ должность законоучителя, священникомъ Іоанномъ Бѣлецкимъ, были сказаны краткія рѣчи. Затѣмъ отслуженъ былъ молебенъ передъ началомъ ученія.

По случаю открытія училища, городское общество устроило обѣдъ, а вечеромъ — балъ въ общественномъ домѣ.

Поступившихъ въ I-й классъ было 36 учениковъ, но 31-го минувшаго августа былъ принятъ по экзамену еще одинъ, такъ что въ настоящее время, въ I-мъ классѣ состоятъ 37 учениковъ, а во II-мъ — 21, всего же въ обоихъ классахъ училища состоятъ 58 учениковъ.

— По Высочайше утвержденному, 8-го мая сего года, мнѣнію государственнаго совѣта, положено учредить въ г. Троицкѣ (Оренбургской губерніи) съ 1-го іюля 1873 года гимназію, на

основаніи Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 года устава и штатовъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ отпускомъ изъ государственнаго казначейства, въ дополненіе къ суммѣ, жертвуемой ежегодно жителями г. Троицка на сей предметъ, еще по 19.360 руб. въ годъ. Для помѣщенія городъ обязался выстроить на свой счетъ домъ, а до отстройки оного нанять частный домъ.

Испѣ получена, на имя г. министра народнаго просвѣщенія, телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Граждане города Троицка, празднуя совершившееся испѣ открытіе Троицкой гимназіи, съ единодушнымъ восторгомъ приняли тость за здоровье вашего сіятельства. Подписалъ: исправляющій должность городского головы Зарубинъ».

— 8-го сентября Николаевская царскосельская гимназія праздновала публичнымъ актомъ третью годовщину со времени своего открытія. Празднество это, совпадающее со днемъ храмоваго праздника въ гимназіи, было удостоено посѣщенія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Владимира Александровича. Празднество началось литургіею, совершенною законоучителемъ гимназіи въ гимназической церкви; пѣніе исполнялось хоромъ, составленнымъ изъ наставниковъ и учениковъ гимназіи. На литургіи присутствовали: управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ, управляющій С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ К. П. Яновскій, управляющій г. Царскимъ Селомъ генералъ-адъютантъ Г. Ѳ. Гогель и многія другія почетныя особы, какъ живущія въ г. Царскомъ Селѣ, такъ и приглашенныя на этотъ праздникъ изъ Петербурга. Ихъ Императорскія Высочества изволили пребыть въ церковь къ благодарственному молебствію. По окончаніи молебствія, Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ изъявить желаніе присутствовать на гимназическомъ актѣ, который обыкновенно совершается гимназіею, въ неимѣніемъ своей актовъ залы, въ

залѣ городской ратуши. Въ то время, какъ ученики и гости переходили изъ церкви въ залу городской ратуши, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ изволилъ войти въ классныя помѣщенія и осматривать учебныя пособія.

По вступленіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ залу городской ратуши, ученики пропѣли «Днесъ благодать Св. Духа нась собра». Директоръ гимназій, взоидъ на кафедру, поставленную передъ портретомъ Государя Императора, роскошно убраннымъ растениями и цвѣтами, прочиталъ нижеслѣдующее краткое извлеченіе изъ годоваго отчета о положеніи гимназій:

„Ваше Императорское Высочество! Мн. гт. Минувшій третій годъ существованія Николаевской гимназій былъ годомъ торжества принятаго и продолжаемаго Царскосельскимъ обществомъ дѣла общественной благотворительности. 29-го октября 1872 года освященъ храмъ гимназій во имя чествуемаго нынѣ Рождества Пресвятыя Богородицы, — и это есть вѣнецъ благотворительнаго учрежденія Царскосельскихъ горожанъ.

„Празднуя нынѣ день открытія Николаевской гимназій, педагогическій совѣтъ имѣетъ счастье представить Вашему Императорскому Высочеству, Августѣйшему Покровителю гимназій, и гт. учредителямъ и благотворителямъ оной годичный результатъ порученнаго ему дѣла.

„Николаевская гимназій, открывая 8-го сентября 1870 года въ составѣ трехъ низшихъ классовъ съ приготовительнымъ классомъ, при 78-ми ученикахъ и 8-ми наставникахъ, состоитъ нынѣ изъ 6-ти классовъ и 2-хъ отдѣленій приготовительнаго класса и имѣетъ 162 ученика и 14 наставниковъ.

„Учащіеся распредѣляются по классамъ въ слѣдующемъ процентномъ отношеніи:

въ приготовительномъ классѣ .	18,53%
въ 4-хъ низшихъ классахъ .	70,40%
въ 2-хъ высшихъ классахъ .	10,50%

„Успѣвшихъ по всѣмъ предметамъ своего класса, и потому переведенныхъ въ высшіе классы, въ минувшемъ учебномъ году было:

въ приготовительномъ классѣ .	64 ⁰ / ₁₀₀
въ 4-хъ нижнихъ классахъ .	52 ¹ / ₂ ⁰ / ₁₀₀
въ 5-мъ классѣ .	110 ⁰ / ₁₀₀

Преподаваніе наукъ и языковъ установлено было по новымъ учебнымъ планамъ, а переводныя испытанія произведены были по новымъ правиламъ объ испытаніяхъ. Основная идея новыхъ учебныхъ плановъ—соотвѣтствіе предлагаемаго учащимся матеріала съ назначеннымъ на каждый предметъ учебнымъ временемъ, съ силами учащихся каждаго возраста и класса, съ цѣлями гимназическаго ученія и, наконецъ, съ современными требованіями дидактики и методики. Основная идея новыхъ правилъ объ испытаніяхъ—поощреніе и оцѣнка труда, посвященнаго ученію въ продолженіе учебнаго года.

Изъ переведенныхъ въ минувшемъ учебномъ году въ слѣдующіе классы удостоены награды:

1-й степени—3 ученика, 2-й степени—2 ученика, 3-й степени—8 учениковъ.

Учебно-воспитательныя пособія гимназій въ минувшемъ учебномъ году умножены учрежденіемъ физическаго кабинета, въ составѣ, потребномъ для курса VI класса. Въ настоящее время при гимназій состоятъ: 1) основная бібліотека, въ коей книгъ 293 названія; 2) учебническая бібліотека для чтенія, въ коей книгъ 170 названій; 3) физическій кабинетъ, въ немъ 66 приборовъ; 4) кабинетъ естественныхъ наукъ, въ немъ 155 коллекцій и отдѣльныхъ предметовъ; 5) пособія по исторіи, географіи, черченію, рисованію и пѣнію, числомъ 477; наконецъ, 6) гимнастическіе снаряды и принадлежности.

Представивъ вышезложенныя свѣдѣнія о состояніи Николаевской гимназій, педагогическій совѣтъ имѣетъ счастье всенижайше принести Вашему Императорскому Высочеству, Августайшему Покровителю гимназій, всепреданнѣйшую благодарность и долгомъ почитаетъ свидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ, что послѣдовательное движеніе впередъ порученнаго совѣту дѣла воспитанія и образованія облегчается тою безыскусственною связью, которая, съ учрежденія гимназій, основалась и съ году на годъ укрѣпляется между Царскосельскимъ городскимъ обществомъ и педагогическимъ сословіемъ гимназій.

Ваше Императорское Высочество! со всепреданнѣйшею благодарностью педагогическій совѣтъ принимаетъ смѣлость соединить столь же всепреданнѣйшую просьбу: благоволите, Ваше Императорское Высочество, Августайшій Покровитель, предстать истолкователемъ

вѣрно подданническихъ чувствъ совѣта и питомцевъ, порученныхъ его воспитанію, предъ Его Императорскими Величествами Государемъ Императоромъ“.

По прочтеніи извлеченія изъ отчета, директоръ вызвалъ по очереди учениковъ, удостоенныхъ полученія наградъ. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ самъ раздавать наградныя книги и похвальные листы, подносимыя Его Высочеству г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія; при этомъ Его Высочество удостоивалъ спрашивать награжденныхъ учениковъ объ ихъ званіи и мѣсторожденіи и милосивно привѣтствовать каждаго изъ нихъ присужденною ему наградю. По раздачѣ наградъ, пропѣть былъ учениками гимнъ: «Боже, Царя храни». Затѣмъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, простившись съ присутствовавшими на праздникѣ и сказавъ привѣтственныя слова ученикамъ гимназій, изволилъ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ удалиться изъ залы. Ученики провожали Ихъ Высочества до самаго подъѣзда и при прощаніи привѣтствовали Ихъ громкимъ «ура». Нѣтъ нужды говорить, какое глубоко-радостное впечатлѣніе произвело на всѣхъ присутствовавшихъ посѣщеніе Ихъ Императорскими Высочествами гимназическаго праздника и теплое отношеніе Августѣйшаго Покровителя гимназій къ питомцамъ оной.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 5-й день сентября сего года, Всемилостивѣйше соизволяя, согласно ходатайству учащихся и учащихъ въ Красноярской гимназій, поставить въ актовомъ залѣ портретъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича, въ память посѣщенія названной гимназій Его Высочествомъ.

— Вслѣдствіе ходатайствъ учителей начальныхъ народныхъ училищъ Волчанскаго уѣзда Харьковской губерніи и государственныхъ крестьянъ слободы Боромли, Ахтырскаго уѣзда той же гу-

бернія, и по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, въ $\frac{9}{11}$ -й день іюня текущаго года, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ залѣ Волчанскаго приходскаго училища и въ классной комнатѣ Боромлянскаго 2-хъ класснаго начальнаго народнаго училища портретовъ г. министра народнаго просвѣщенія.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ, въ 1-й день августа 1873 г., на предоставление попечителямъ Одесскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ права установить лѣтнее вакаціонное время для татарскихъ учительскихъ школъ въ городахъ Симферополѣ и Уфѣ съ 20-го іюня по 15-е августа ежегодно.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 1-й день августа, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Таганрогской гимназіи портретовъ статскаго совѣтника *Порунова* и надворнаго совѣтника *Каменскаго*.

— Вслѣдствіе представленія управляющаго Харьковскимъ учебнымъ округомъ и согласно ходатайству совѣта Харьковского университета: 1) о признаніи химіи главнымъ предметомъ въ отдѣленіи естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета означеннаго университета и 2) о введеніи въ это отдѣленіе чтенія сжатаго курса высшей математики для студентовъ двухъ первыхъ курсовъ, какъ дополнительнаго предмета, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія предоставилъ начальству Харьковскаго учебнаго округа сдѣлать по настоящему вопросу необходимыя распоряженія на основаніи п. 1 лит. Б § 42 Высочайше утвержденнаго 18-го іюня 1763 года устава Россійскихъ университетовъ.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Одесскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взять, съ 1-го іюля текущаго года, за право уче-

нія въ приготовительномъ классѣ Одесской второй прогимназіи по *двадцати семи* рублей въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать плату за ученіе въ Псковскомъ реальномъ училищѣ по *двадцати* руб. съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Московскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать плату за ученіе въ Московскихъ реальномъ училищѣ и прогимназіи по *тридцати* руб., и Костромскомъ, Иваново-Вознесенскомъ и Зарайскомъ реальныхъ училищахъ, а также въ Шуйской прогимназіи, по *пятнадцати* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія Попечителя Виленскаго учебнаго округа, г. министромъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать, съ начала 18⁷³/74 учебнаго года, за ученіе въ Слуцкой гимназіи ежегодно по *четырнадцати* руб. съ каждаго входящаго ученика приготовительнаго класса и по *двадцати одному* руб. съ входящихъ учениковъ прочихъ классовъ.

Вслѣдствіе представленія попечителя Виленскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать, съ начала текущаго 18⁷³/74 учебнаго года, плату за ученіе въ Могилевской гимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *тринадцати* рублей *пятидесяти* коп., а въ прочихъ классахъ по *двадцати* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Казанскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать плату за ученіе въ Саратовскомъ реальномъ училищѣ, съ начала 18⁷³/74 учебнаго года, по *двадцати пяти* рублей въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать плату за ученіе въ Череповец-

комъ реальномъ училищѣ по *пятнадцати* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Одесскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать плату за ученіе съ начала 18⁷³/₇₄ учебнаго года въ Мозырской прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *десяти* руб., а въ прочихъ классахъ по *пятнадцати* руб. съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія начальства Одесскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать плату за ученіе въ Таганрогской гимназіи по *тридцати пяти* руб. и въ Феодосійской прогимназіи по *двадцати пяти* руб. и особо съ желающихъ обучаться, сверхъ обязательныхъ предметовъ, рисованію и черченію по *пяти* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Казанскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать плату за ученіе: въ Самарской гимназіи въ приготовительномъ классѣ по *пятнадцати* руб., а въ прочихъ классахъ по *двадцати пяти* руб.; въ Оренбургской гимназіи въ приготовительномъ классѣ по *шестнадцати* руб., а въ прочихъ классахъ по *двадцати пяти* руб., въ обѣихъ гимназіяхъ съ 1-го января 1874 года, и въ Сарапульскомъ реальномъ училищѣ по *пятнадцати* руб., съ наступленіемъ 18⁷³/₇₄ учебнаго года, съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать за ученіе въ С.-Петербургской четвертой прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *двадцати* руб., а въ прочихъ классахъ по *тридцати* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Харьковскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать плату за ученіе въ Орловскомъ

реальномъ училищѣ по *двадцати одному* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Харьковскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать плату за ученіе въ Каменской гимназіи по *пяти* руб. и въ Ливенскомъ реальномъ училищѣ, согласно ходатайству директора этого учебнаго заведенія, по *двадцати два* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія начальства С.-Петербургскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать плату за ученіе въ Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ съ лицъ, получающихъ отъ правительства пособіе на воспитаніе дѣтей, по *пятидесяти* руб. и съ лицъ, не получающихъ такового пособія, по *сорока* руб. въ годъ.

— Вслѣдствіе представленія начальства Харьковскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать плату за ученіе въ Курскомъ реальномъ училищѣ по *пятнадцати* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Кіевскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать плату за ученіе въ Кременчугскомъ реальномъ училищѣ по *двадцати* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа увѣдомилъ министерство, что заказанныя Ею Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ для церкви Николаевской Царскосельской гимназіи двѣ священные картины: «Входъ Господень въ Іерусалимъ» и «Спаситель, благословляющій приходящихъ къ нему дѣтей», въ настоящее время доставлены въ гимназію, поставлены на предназначенныя имъ въ церкви мѣста, и что 18-го сего сентября Ею Императорскимъ Высочествомъ пожертвована для кабинета естественныхъ наукъ Николаевской Царскосельской гимназіи лекція препаратовъ спиртовыхъ и сушеныхъ, представляющая

исторію развитія шелковичнаго червя, выведеннаго въ С.-Петербургѣ въ 1873 году при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ обществѣ, подъ руководствомъ дворянина Иверсена.

— Г. Управляющій С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ довелъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, что 28-го августа сего 1873 года открыты двухклассное мужское и одноклассное женское училища въ селѣ *Усть-Ижора*, С.-Петербургскаго уѣзда. Открытіе совершилось въ присутствіи г. мирового посредника, В. А. Кашкарева, исправляющаго должность уѣзднаго исправника, А. И. Демаки, многихъ другихъ лицъ и мѣстныхъ жителей. Учащихся до 80 дѣтей обоего пола.

Усть-Ижорскія училища содержатся на средства мѣстнаго общества; изъ нихъ двухклассное училище получаетъ по 1000 рублей въ годъ. Всѣ прочіе расходы — отопленіе, освѣщеніе, наемъ служителя, а равно и содержаніе женскаго училища, удовлетворяются изъ общественной суммы, по мѣрѣ надобности. Оба училища расположены въ общественномъ домѣ, имѣя свѣтлыя, просторныя и довольно удобныя помѣщенія, съ квартирами для двухъ учителей и для учительницы. Кромѣ того, почетный блюститель М. М. Кононовъ жертвуетъ съ своей стороны въ пользу двухкласснаго училища 100 руб. въ годъ.

Слѣдующіе отъ общества на содержаніе двухкласснаго училища во второй половинѣ текущаго года 500 руб. и отъ почетнаго блюстителя за это же время 50 руб., всего 550 руб., внесены Усть-Ижорскимъ обществомъ, согласно данному имъ обязательству, въ С.-Петербургское губернское казначейство и зачислены въ депозиты штатнаго смотрителя Владимірскаго уѣзднаго училища, для употребленія по назначенію.

Кромѣ того, благодаря заботамъ почетнаго блюстителя М. М. Коконова, училищныя помѣщенія приспособлены и отремонтированы, классная мебель вновь устроена по лучшему образцу; на сумму до 250 руб., и приобрѣтены всѣ необходимыя учебныя пособія и классныя принадлежности для училищъ. Во время же обѣда, устроеннаго въ домѣ почетнаго блюстителя для всѣхъ

лицъ, присутствовавшихъ при открытіи училищъ, состоялась подписка, по которой собрано болѣе 100 руб. въ пользу бѣдныхъ учащихся дѣтей, на обувь и платье.

— Г. Пензенскій губернаторъ сообщилъ министерству народнаго просвѣщенія, что въ селѣ *Уреяхъ*, Краснослободскаго уѣзда, 15-го августа сего 1873 года, при тамошнемъ сельскомъ училищѣ, на средства мѣстнаго земства открыты дополнительные курсы для изученія ремеслъ: сапожнаго, башмачнаго, столярнаго и шорнаго. При открытіи сихъ курсовъ, общество крестьянъ села Урей, желая выразить свое сочувствіе дѣлу изученія ремеслъ, пожертвовало, для помѣщенія училища и дополнительныхъ курсовъ, принадлежащее обществу строеніе, стоящее болѣе 300 рублей.

— Г. попечитель Виленскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, что мировою посредникомъ 2-го участка Лидскаго уѣзда Виленской губерніи препроводилъ въ Виленскую дирекцію народныхъ училищъ копию съ двухъ приговоровъ крѣстьянъ Желудской волости, коими они обязались, для обученія своихъ дѣтей русской грамотѣ, не только построить на свой счетъ помѣщеніе для училища въ мѣстечкѣ Желудкѣ, вблизи волостнаго правленія, но и давать отъ волости ежегодно содержаніе какъ для самого училища, такъ и для учителя, безъ всякаго вспомоствованія отъ казны, на общемъ положеніи всѣхъ штатныхъ народныхъ училищъ.

Вслѣдствіе выраженной при этомъ г. мировымъ посредникомъ просьбы о разрѣшеніи на постройку дома и на открытіе училища, училищный совѣтъ Виленской дирекціи народныхъ училищъ, въ засѣданіи 16-го августа сего 1873 года, постановилъ: разрѣшить крестьянамъ Желудской волости постройку дома для училища въ мѣстечкѣ Желудкѣ, а по окончаніи таковой, открыть тамъ народное училище, на счетъ общества, оказавъ на первый разъ пособіе училищу безвозмездною высылкою книгъ и учебныхъ пособій.

— Вслѣдствіе представленія г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія

разрѣшено взимать плату за ученіе въ Петровскомъ Ростовскомъ на Дону реальномъ училищѣ: въ низшихъ четырехъ классахъ по *тридцати* руб., а въ остальныхъ высшихъ классахъ по *сорока* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. попечитель Кіевскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія министерства, что въ открытомъ съ 1-го іюля Кіевскомъ реальномъ училищѣ, учебныя занятія, по окончаніи пріемныхъ испытаній, начались 31-го августа текущаго года, а въ открытомъ съ 1-го іюля Бременчугскомъ реальномъ училищѣ, по окончаніи пріемныхъ испытаній, учебныя занятія начались 16-го августа текущаго года.

— По Высочайше утвержденному 8-го мая 1873 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, между прочимъ, постановлено: открыть съ 1-го іюля 1873 года въ г. Елатмѣ (Гамбовской губерніи) прогимназію, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1871 года устава и штатовъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Нынѣ получена на имя г. министра народнаго просвѣщенія телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Елатомское общество, помолившись Богу за здравіе и долгоденствіе нашего Августѣйшаго Монарха, собралось отпраздновать открытіе прогимназій и поручило мнѣ передать вашему сіятельству его глубокую благодарность и единодушно провозглашенный за ваше здоровье тостъ. Подписалъ: камергеръ Граве».

— По Высочайше утвержденному 15-го мая 1873 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, постановлено: въ г. Шуѣ (Владимірской губерніи) учредить съ 1-го іюля 1873 года прогимназію, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1871 года устава и штатовъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Въ пособіе къ ассигнуемой на содержаніе означенной прогимназій Шуйскимъ земствомъ и тамошнимъ городскимъ обществомъ суммѣ назначено отпускать изъ государственнаго казначейства по 2.300 руб. въ годъ.

Нынѣ получена на имя г. министра народнаго просвѣщенія телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Шуйское земство, городское общество и штатъ прогимназій, по выслушаніи литургій и благодарственнаго молебствія предъ открытіемъ прогимназій, приносятъ вашему сіятельству выраженіе глубокой благодарности за устройство столь необходимаго для края учебнаго заведенія, служащаго подготовленіемъ молодыхъ людей къ дальнѣйшему университетскому образованію. Подписали: Предсѣдатель земскаго собранія, Шуйскій предводитель Ошанинъ. Предсѣдатель управы Волковъ. Шуйскій городской голова Калужскій и исправляющій должность инспектора учитель Звѣревъ».

— По Высочайше утвержденному 17-го августа 1872 года положенію Военнаго совѣта, между прочимъ, постановлено: учредить въ Каменской стапціи Войска Донскаго прогимназію на основаніи устава и штатовъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1871 года, но безъ пригготовительнаго класса.

Нынѣ получена на имя г. министра народнаго просвѣщенія телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Каменское общество, правднуя открытіе прогимназій, шлетъ за здоровье вашего сіятельства, виновника своего торжества. Подписали: Донецкій предводитель дворянства Касновъ».

Г. попечитель Московскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, что 16-го августа текущаго 1873 года послѣдовало открытіе въ селѣ *Лубянкахъ*, Рязскаго уѣзда Рязанской губерніи, однокласснаго начальнаго народнаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

При открытіи училища было совершено въ училищномъ домѣ молебствіе съ водоосвященіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, въ присутствіи пѣсколькихъ почетныхъ лицъ, мѣстнаго волостнаго старшины, старосты, учащихса и ихъ родителей, причемъ законоучитель произнесъ навидательное слово дѣтямъ.

Учащихся явилось 30 мальчиковъ и 1 дѣвочка. Запоучителемъ назначенъ мѣстный священникъ Асписовъ, а учителемъ Соловьевъ, имѣющій свидѣтельство на званіе городского приходскаго учителя.

— Г. попечитель Казанскаго учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, что двухклассное училище въ селѣцѣ: *Некрасовъ*, Лаишевскаго уѣзда Казанской губерніи, открыто 7-го сентября сего 1873 года, съ приличнымъ этому случаю торжествомъ.

Въ открытый 1-й классъ училища поступило 15 крестьянскихъ мальчиковъ, 2-й же классъ въ Некрасовскомъ училищѣ предположено открыть съ 1-го октября сего года, такъ какъ къ этому времени, для поступления во второй классъ, имѣются въ виду желающіе изъ учениковъ, окончившихъ съ успѣхомъ курсъ ученія въ окрестныхъ одноклассныхъ сельскихъ училищахъ.

— Г. начальникъ Пензенской губерніи довелъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, что въ городѣ Наровчатѣ, 14-го августа текущаго 1873 года, при тамошнемъ приходскомъ училищѣ, на средства мѣстнаго земства, открыты дополнительные курсы для изученія ремеслъ сапожнаго и башмачнаго; въ день открытія курсовъ принято 30 человекъ.

— По донесенію г. попечителя Московскаго учебнаго округа, 2-го сего октября послѣдовало открытіе Московскаго реальнаго училища въ четырехклассномъ составѣ; за тѣмъ того же числа начался въ ономъ классныя занятія. Изъ числа 169 лицъ, изъявившихъ желаніе поступить въ это училище, приняты по экзамену 58 человекъ и въ слѣдующемъ порядкѣ размѣщены по классамъ: въ I—29, во II—19, въ III—6 и въ IV—4 ученика; кромѣ сего переведены изъ гимназій и приняты въ училище безъ экзамена: во II классъ—2, въ III—9 и въ IV—11 человекъ. Такимъ образомъ ко дню открытія училища число учащихся въ ономъ составляло 80 человекъ.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Варшавскаго учебнаго округа, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣ-

щенія разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ гимназіяхъ: Варшавской первой—въ приготовительномъ классѣ по десяти руб., въ прочихъ классахъ по двадцати руб.; Варшавскихъ: второй, третьей, четвертой, пятой и шестой—въ приготовительныхъ классахъ по двадцати руб., въ прочихъ классахъ по тридцати руб.; Петровской, Маріампольской и Сувалкской—въ приготовительныхъ классахъ по четырнадцати руб., въ прочихъ классахъ по двадцати руб.; Калишской, Радомской, Кѣлецкой и Ломжинской—въ приготовительныхъ классахъ по двенадцати руб., въ прочихъ классахъ по двадцати руб.; Люблинской и Плоцкой—въ приготовительныхъ классахъ по пятнадцати руб., въ прочихъ классахъ по двадцати руб.; Холмской—въ приготовительномъ классѣ по восьми руб., въ прочихъ классахъ по двенадцати руб.; Сѣдлецкой и Бѣльской—въ приготовительныхъ классахъ по десяти руб., въ прочихъ классахъ по двенадцати руб.; въ прогимназіяхъ: Варшавскихъ: первой и второй и Ченстоховской—въ приготовительныхъ классахъ по десяти руб., въ прочихъ классахъ по пятнадцати руб.; Пинчовской и Пултусской—въ приготовительныхъ классахъ по десяти руб., въ прочихъ классахъ по двенадцати руб.; Замостьской и Грубешовской—въ приготовительныхъ классахъ по шести руб., въ прочихъ классахъ по десяти руб., и Сандомірской—во всѣхъ классахъ по двенадцати руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Въ г. Корочѣ, Курской губерніи, существуетъ прогимназія, преобразованная изъ бывшаго тамъ уѣзднаго училища, на основаніи Высочайше утвержденного 29-го января 1868 года мнѣнія государственнаго совѣта. Прогимназія эта содержится на средства Корочанскаго земства, въ пособіе которому на тотъ же предметъ обращаются 2.300 руб., отпускаяшіеся на упраздненное уѣздное училище.

Нынѣ получена на имя г. министра народнаго просвѣщенія телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Курской губерніи Корочанское уѣздное земство и педагогическій совѣтъ первой въ Имперіи земской прогимназія, празднуетъ

СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО XVIII ВѢКА.

Цѣль этого сочиненія — по возможности собрать и свести свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка, на сколько эти сношенія имѣли практическіе результаты въ духовной и политической жизни Славянъ, и на сколько въ нихъ проявлялось сознаніе племеннаго сродства. Авторъ остановился на XVIII вѣкѣ, такъ какъ въ этомъ вѣкѣ произошло въ судьбахъ Славянъ рѣшительный поворотъ: въ этомъ вѣкѣ совершилось преобразование Россіи и наденіе Польши, приготовилось возрожденіе Чеховъ, а отчасти и Югославянъ; въ этомъ же вѣкѣ положена основа послѣдующему затѣмъ развитію славистики, особенно стараніемъ бессмертнаго Іосифа Добровскаго, и слѣдовательно, началась новая эпоха въ духовной жизни народовъ славянскихъ. Авторъ взялся за дѣло со всевозможною добросовѣстностью. Многочисленные недостатки и пробѣлы своего труда чувствуетъ онъ лучше всѣхъ, но вѣдѣтъ съ тѣмъ, надѣется, что этотъ его опытъ — представить Славянъ, какъ одно цѣлое, не окажется совсѣмъ бесполезнымъ и поспособствуетъ распространенію и усиленію идеи славянской взаимности.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Очеркъ древней исторіи Славянъ.

Славяне принадлежать къ племени Индо-Европейскому или Арійскому, отрасли котораго въ доисторическія времена переселились изъ Средней Азіи въ Европу. На югѣ поселились Латинцы, Иллиро-Фракии и Греки; на сѣверъ отъ нихъ — Бельты или Галлы, Германцы, Литовцы и Славяне. Жилища послѣднихъ простирались — вообще говоря — отъ Адриатическаго моря черезъ Придунайскія земли за Карпаты (Татры).

часть CLXXV, отд. 2. 1

Славяне назывались первоначально, вѣроятно, Сербами, а у другихъ народовъ—Венетами (Венедами). Оба названія—темнаго происхожденія. Первое сохранили до сихъ поръ два славянскіе народа—Сербы Лужицкіе и Дунайскіе; вторымъ Нѣмцы и Чудь до сихъ поръ называютъ нѣкоторыя отрасли славянскія (Wenden, Winden, Väne). Изъ Дунайскихъ земель Славяне, по большей части, были вытѣснены Влахами или Волохами (Галлами или Римлянами?) за Карпаты. Здѣсь, на Вислѣ и на Днѣпрѣ, они или умножили число обитавшихъ тамъ своихъ соплеменниковъ, или отняли земли у другихъ племенъ, особенно у Чуди. Въ этихъ закарпатскихъ странахъ, извѣстныхъ древнему міру подъ названіемъ Скиѳіи и Сарматіи, греческіе и римскіе писатели знаютъ уже нѣсколько племенъ Венетовъ подъ именами Нуровъ, Будиновъ, Сербовъ, Хорватовъ, Полянъ, Велетовъ, Словѣнъ, Кривичей, Сѣверянъ и др. Дальнѣйшему распространенію Славянъ на востокъ помѣшало движеніе племенъ Уральскихъ, Чудскихъ и Тюркскихъ на западъ, именно—Гунновъ и Аваровъ. Тѣсными, въ послѣдствіи, и покоренные этни иноплеменниками, Славяне (superiores barbari) стали напирать на западныхъ своихъ сосѣдей, особенно на Нѣмцевъ, и распространяться на западъ—въ земли Лабскія, и на югъ—въ давнюю свою родину, въ земли Дунайскія.

Въ VI вѣкѣ по Р. Х. „многочисленное племя Венетовъ“ раздѣлялось на двѣ отрасли, западную—Славянъ, и восточную—„безчисленныхъ“ Аптовъ (Вептовъ). Последнее названіе скоро исчезаетъ, и всѣ племена древнихъ Сербовъ или Венетовъ принимаютъ имя Славянъ, или правильнѣе. Словѣнъ. На западъ Славяне подвигались вслѣдъ за племенами германскими и къ концу V вѣка были уже на Лабѣ, Салѣ, Волтавѣ и Моравѣ. Такимъ образомъ Бодричи, Велеты или Лютичи, Сербы, Чехи и Мораване заселили свои земли, лежащія на востокъ отъ Лабы, Салы и Шумавы. На югъ Славяне, въ теченіе IV и V вѣковъ, заняли сѣверное побережье Дуная; потомъ, перешедши за Дунай, стали селиться въ имперіи Византійской, Мизіи, Фракіи, Македоніи, Эпирѣ, Фессаліи; и даже въ собственной Греціи. Около того же времени, въ концѣ VI вѣка, Славяне стали распространяться изъ Придунайскихъ земель въ земли Альпійскія. Эти Славяне, поселившіеся въ земляхъ Дунайскихъ и Альпійскихъ, больше и чаще, чѣмъ всѣ другія славянскія племена назывались своимъ именемъ „Словѣне, Словенцы (Словенскій)“ и у себя и у иностранцевъ.

Въ первой половинѣ VII столѣтія выступили изъ древнеславянскихъ земель Карпатскихъ—изъ Вѣлой или Великой Хорватіи и Сер-

бил, Хорваты и Сербы, перешли за Дунай и поселились посреди Славянъ Альпійскихъ и Византійскихъ, занявъ южную Паннонію, Далмацію и Иллирію. Въ VII же вѣкѣ прекратилось это громадное переселеніе Славянъ на западъ и на югъ. Съ этихъ поръ Славяне являлись племенемъ, распространеннымъ въ средней, восточной и юговосточной Европѣ, начиная отъ Лабы, Салы, Шумавы, Иппа, Альпъ и Адриатическаго моря глубоко на востокъ къ верхнему Дону и нижнему Днѣпру, отъ моря Балтійскаго, озера Ильмени и верховья Волги на югъ — къ морямъ Черному и Эгейскому.

А) *Западные Славяне* занимали земли на Лабѣ, Одрѣ, Вислѣ, Волтавѣ и Моравѣ: 1) *Бодричи* (Вагры, Полабы, Глиняне, Древляне и др.); 2) *Велеты* или *Лютичи* (Чрезгѣняне, Ратары, Украны, Брежане, Стодоряне, Рава, Волынь и др.); 3) *Сербы* (Суслы, Пишане, Гломачи, Мильчане, Лужичане и др.); 4) *Чехи* (Лучане, Лютомиричи, Хорваты, Дудѣбы и др.); 5) *Моравяне* и *Словаки*—старѣйшіе обитатели южнаго склона Карпатъ; 6) *Ляхи* (Поляне, Поморяне, Мазовшане, Куяване, Хорваты, Славяне и др.).

В) *Югославяне* населяли земли, начиная отъ Альпъ до Чернаго и Эгейскаго морей; раздѣлялись, какъ и теперь, на четыре главныя отрасли: 1) *Словенцы*, 2) *Хорваты*, 3) *Сербы*, 4) *Славяне*, принявшіе въ послѣдствіи названіе *Болгары*, по племени Урало-Чудскому, которое основало въ Мизіи свое государство (678 г.). Они раздѣлились на нѣсколько племенъ (Браничевцы, Драговичи, Сакуланы, Берзаци, Вагенеты, Велегостици, Мильчане, Езеричи и др.).

С) *Восточные Славяне*, принявшіе въ послѣдствіи названіе *Руси*, жили въ бассейнахъ Днѣстра, Днѣпра, Двины и верхней Волги: *Хорваты*, *Тиверцы*, *Волыняне*, *Дулбы*, *Древляне*, *Поляне*, *Сѣверяне*, *Радимичи*, *Вятичи*, *Кривичи*, *Дреговичи*, *Словѣне* и др.

Сверхъ этого; колоніи славянскія являются въ Германіи, Малой Азіи, Сиріи и въ арабскихъ владѣніяхъ—Сициліи, сѣверной Африкѣ и Испаіни.

Пространство, занимаемое Славянами, было огромно, и если уже писатели VI вѣка называютъ ихъ народомъ многочисленнымъ, безконечнымъ, то позднѣйшимъ авторамъ, напримѣръ, XII вѣка, казалось, что ихъ почти нельзя сосчитать: такъ возрасла численность Славянскаго народа.

Не всѣ эти Славянскія племена успѣли дать прочную основу дальнѣйшему своему быту и развитію; только нѣкоторымъ удалось создать государства и возвыситься, такимъ образомъ, надъ первобытною

жизнью отдѣльныхъ родовъ, общинъ и племенъ, другъ отъ друга вполне независимыхъ. У западныхъ Славянъ возникли только два государства — Чешское и Польское. У всѣхъ остальныхъ западныхъ Славянъ стремленія нѣкоторыхъ князей собрать подъ болѣе сильную центральную власть нѣсколько племенъ были лишь кратковременны, или остались только попытками. Таково было именно государство Моравское (Великая Моравія), существовавшее только одно столѣтіе, и нѣсколько мелкихъ государствъ у Балтійскихъ Славянъ. Государственнымъ элементомъ въ Чехіи было племя собственно Чеховъ, въ Польшѣ — племя Полянъ; вокругъ обоихъ собирались и сосѣднія, ближайшія, и дальнія племена Славянскія въ прочнѣйшія цѣлыя, которыми княжили князья обоихъ упомянутыхъ племенъ.

У восточныхъ Славянъ государство создано не ими самими, а чужеземцами: государственнымъ элементомъ являются здѣсь норманскіе Варяги, прибывшіе въ 862 году „княжить и владѣть“. Эти варяжскіе князья собрали въ теченіе одного вѣка (X) многочисленныя восточныя Славянскія племена въ одно цѣлое — Русь. Подобное тому случилось и у восточной части южныхъ Славянъ, гдѣ, какъ уже выше сказано, основали государство тоже иноплеменики, Болгаре (678 г.). Но у обоихъ этихъ вѣтвей славянскихъ вліяніе иноплемениковъ было слишкомъ слабо, чтобы долго удержаться; чужая, малочисленная стихія скоро исчезла въ огромной массѣ славянства, оставивъ по себѣ незамѣтные слѣды. У Сербовъ, Хорватовъ и отчасти у Словенцевъ основали государства, хотя мелкія, свои собственные князья.

Принятіе христіанства — событіе вообще въ исторіи всѣхъ народовъ европейскіхъ очень важное и рѣшавшее ихъ дальнѣйшее развитіе — сдѣлалось въ особенности важнымъ и рѣшительнымъ для народовъ Славянскихъ. Народы, съ которыми Славяне граничили на западѣ и на югѣ — Нѣмцы, Италіанцы и Греки, сдѣлались христіанами гораздо раньше и стремились потомъ въ распространенію христіанства и у своихъ сосѣдей.

Первые вѣчатки христіанства у Славянъ западныхъ и южныхъ были по большей части мимолетны и безъ прочной основы, благодаря пѣмекскимъ, италіанскимъ и греческимъ миссіонерамъ, не знавшимъ славянскаго языка. Только апостоламъ, братьямъ Константину (Кириллу) и Мефодію, Солунскимъ уроженцамъ, и ихъ ученикамъ удалось въ IX и X вѣкахъ распространять и утвердить христіанство у большей части Славянъ западныхъ и южныхъ. Нельзя сомнѣваться, что еслибъ единство тогдашней церкви продолжало существовать, то

и всѣ Славяне вскорѣ приняли бы отъ этихъ апостоловъ и ихъ учениковъ и послѣдователей христіанство, а также и важный символъ народнаго единства—славянское письмо и языкъ „словѣнскій“, на который первоначально переведены всѣ богослужебныя книги.

Но уже тогда все сильнѣе и сильнѣе проявлялись признаки распада церкви христіанской на двѣ половины, уже тогда кипѣла борьба за первенство между Римомъ и Царьградомъ. Борьба эта сдѣлалась особенно роковою и рѣшительною для Славянъ и ихъ дальнѣйшаго развитія.

Славяне южные и западные находились именно на рубежѣ обоихъ патріархатовъ — Римскаго и Царьградскаго, и когда расколъ между церквами западной латинской и восточной греческой упрочился, то естественно, эта борьба и ея послѣдствія коснулись главнымъ образомъ Славянъ. У южныхъ Славянъ западная церковь должна была по большей части уступить восточной церкви, къ которой примкнули именно Болгары и Сербы, не смотря на всѣ усилія римскихъ папъ. Хорваты и Словенцы присоединились къ западной церкви. Восточная церковь принята потомъ и народомъ Русскимъ. Къ церковному расколу присоединились потомъ и другія важныя обстоятельства, которые еще болѣе упрочили раздробленіе Славянъ. Римскіе папы, перенеся императорскую римскую корону на королей Франкскихъ и Нѣмецкихъ, приобрѣли себѣ въ лицѣ ихъ могучаго союзника для распространенія своего авторитета и своей власти: императоры „священной Римской имперіи Нѣмецкаго народа“ сами по себѣ, какъ Нѣмцы, уже завоевательные „всегда умножатели имперіи“, считали себя въ правѣ подчинять папѣ и себѣ, духовной и свѣтской властямъ, кресту и мечу, всѣ остальные народы. Кромѣ этой опасности со стороны римско-нѣмецкаго „креста и меча“, наступила для Славянъ, уже и безъ того разъединенныхъ, новая гроза, вслѣдствіе которой славянство, такъ-сказать, разрублено было на двѣ части Дикіе. Мадыры или, какъ ихъ называли Славяне, Угры, Опгры, Вешгры, одноплеменники Гунновъ, Аваровъ и Волгарь, вторглись въ древнюю Дацію и Паннонію, истребили или подчинили себѣ тамошнихъ Славянъ (и Румынъ) и основали (около 900 года) на развалинахъ Великой Моравы и въ Преддунайской Болгаріи свою державу, которая не пошла по слѣдамъ Гунновъ, Аваровъ и Волгарь, а сохранилась, и не ослабилась, а осталась мадырскою. И Мадыры, благодаря вліянію Чеховъ, примкнули къ западной церкви. Слѣдствіемъ основанія Угорскаго королевства было отдѣленіе южныхъ Славянъ отъ западныхъ и преданіе этихъ

послѣднихъ наступательной политикѣ Римско - Нѣмецкой имперіи и соединенной съ нею церкви латинской.

Церковь латинская одержала побѣду также въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ, куда была запесена изъ Чехіи. Зачатки славянскаго богослуженія, съ успѣхомъ развивавшіяся въ обѣихъ земляхъ, въ послѣдствіи здѣсь совсѣмъ исчезли. Церкви чешская и польская: сдѣлались частями церкви западной, латинской и такимъ образомъ, народы чешскій и польскій вошли въ кругъ западно - европейскіихъ народовъ и ихъ культуры. Тѣмъ рѣшена была и судьба Славянъ Балтійскихъ и Лабскихъ, пребывавшихъ еще въ язычествѣ, не смотря на сосѣдство принявшихъ уже христіанство Поляковъ, Чеховъ, Нѣмцевъ и Датчанъ: они должны были, по тогдашнимъ понятіямъ, или сдѣлаться христіанами, или, какъ язычники, быть истреблены.

При этихъ перемѣнахъ является все больше и больше и сопро-вождающая всю исторію славянскую вражда и ненависть обѣихъ сосѣднихъ племенъ Славянскаго и Нѣмецкаго. Ненависть эта, причины которой скрыты въ доисторическихъ временахъ, обнаружилась съ самаго перваго столкновенія обѣихъ племенъ и повела къ страшнымъ, непрерывнымъ войнамъ, и доселѣ не конченнымъ. Почти вся исторія западныхъ Славянъ, а отчасти и восточныхъ, не что иное, какъ постоянныя столкновенія и борьба обѣихъ этихъ элементовъ — нѣмецкаго и славянскаго, который, очутившись въ особомъ положеніи, долженъ былъ главнымъ образомъ защищать свое существованіе. Характеристическія черты Славянъ — внутреннія междоусобицы; безграничная любовь къ свободѣ и нежеланіе подчиниться центральной власти — повели ихъ къ политической слабости и были причиною, что Славянамъ не удалось созданіе сильнаго государства по примѣру сосѣднихъ Нѣмцевъ, которые, сами по себѣ будучи болѣе склонны къ завоеваніямъ, кромѣ того, сосредоточены подъ сильною властью, — бросались на своихъ разрозненныхъ, вѣковыхъ враговъ, добиваясь, по словамъ одного нѣмецкаго гѣтонисца, „славы и великаго и обширнаго господства, между тѣмъ какъ Славяне сражались за свободу и для избѣжанія крайняго рабства“.

Эта племенная ненависть между Нѣмцами и Славянами является естественно сильнѣе у тѣхъ Славянъ, которые жили въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ съ Нѣмцами, именно — у Чеховъ, Поляковъ и Славянъ Лабскихъ и Балтійскихъ. Этой ненависти не смягчило даже и принятіе христіанства. Нѣмцы, по какой-то врожденной гордости и над-

менному высокому вѣру, не переставали презирать Славянъ и ихъ языкъ, какъ замѣчаетъ первый лѣтописецъ чешскій Косма.

Великимъ несчастіемъ для западныхъ Славянъ было то, что имъ не удалось основать на долго сильное государство, которое могло бы съ успѣхомъ начать борьбу съ сильною и сосредоточенною имперіей римско-нѣмецкой.

Всѣ большія западно-славянскія государства распадалась со смертью ихъ основателей. Такъ, уже Само собралъ (627—662) много славянскія племена, начиная съ Альпійскихъ Словенцевъ и до жителей прибрежья Лабь, Одръ и Вислы, и успѣшно воевалъ съ Аварами и Франками. Подобно тому собралъ въ одно государство большую часть западныхъ Славянъ и Святуполкъ Моравскій (870—894), для усмиренія котораго Нѣмцы вынуждены были пригласить на помощь Мадьяръ, отселѣ вѣрныхъ своихъ союзниковъ противъ Славянъ.

Но примѣру Сама и Святуполка, и чешскіе, и польскіе князья стремились собрать, на сколько возможно, племена западно-славянскія подъ свою власть, чтобъ остановить наступленіе Нѣмцевъ. Такъ дѣйствовали въ X вѣкѣ оба чешскіе Болеслава, господство которыхъ простиралось далеко на востокъ въ земли Польскія, до самыхъ границъ Руси.

Но существованіе всѣхъ этихъ государствъ было не продолжительно; они исчезали со смертью своихъ основателей. Подобной же участи подверглось и самое блестящее западно-славянское государство, основанное послѣдникомъ чешскихъ Болеславовъ, польскимъ княземъ Болеславомъ Храбрымъ (992—1025 гг.). Этотъ сильный „король славянской“ избралъ Чешскую Прагу средоточіемъ могучаго государства славянскаго, которое, по его плану, должно было обнимать всѣхъ западныхъ (Славянъ, Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ, Лабскихъ Сербовъ, Лютичей и Поляковъ. Подъ ударами этого „грознаго Славянина“, „ревущаго льва“, „ядовитой змѣи“—такими эпитетами чествялъ Болеслава современники-Нѣмцы—падали ницъ нѣмецкія войска, дрожала вся Римско-Нѣмецкая имперія, и наконецъ, должна была примириться съ мыслью имѣть подлѣ себя сильную державу западно-славянскую, отъ которой, себѣ въ ущербъ, отстали Чехи.

Но со смертью Болеслава исчезло и это государство, возобновленіе котораго уже не удалось чешскому Брячиславу (1039 г.). Народы западно-славянскіе отселѣ живутъ скромно, заслоненные сильною Германіей. Чехи должны были применить къ ней, хотя пользовались въ ней исключительнымъ положеніемъ. Польшу спасла отъ подобной уча-

сти только большая отдаленность — хотя и на нее имѣли притязаніе всѣ сильные императоры римско-нѣмецкіе, — и непрерывная борьба Нѣмцевъ съ Лабскими и Валтійскими Славянами, которою долго занималась эспансивная сила нѣмецкая.

II.

Разъединеніе Славянъ.

1) Славяне Валтійскіе и Лабскіе.

Грозная борьба между Лабско-Валтійскими Славянами и Нѣмцами не могла иначе кончиться, какъ только гибелью того или другого племени. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ не подлежало сомнѣнію, что погибнуть Славяне: ихъ преслѣдовали и Нѣмцы, и Датчане, и даже, какъ азычниковъ, родственные имъ Чехи и Поляки; они безпрестанно ссорились между собою, часто воевали только за „могущество и храбрость“ и сами призывали Нѣмцевъ на помощь.

Христіанство распространяли у нихъ нѣмецкіе монахи, не знавшіе славянскаго языка, иногда одни, а иногда и съ толпами вооруженныхъ ратниковъ, которые на принявшихъ крещеніе Славянъ налагали иго и равныя подати. Латинскіе обряды и пѣніе, которыхъ Славяне не понимали, — такъ на примѣръ, превращали „Kugie eleison“ съ насмѣшкой въ „у кри вольца“, то-есть, въ вустъ ольха, — подати епископамъ и герцогамъ (бископовница и восводница) и другія обременительныя вещи, къ тому же и презрѣніе со стороны господствующихъ Нѣмцевъ, — вотъ что главнымъ образомъ оживало Славянъ съ принятіемъ христіанства. По свидѣтельству современныхъ нѣмецкихъ глѣтописцевъ, Нѣмцы не такъ дорожили распространеніемъ христіанства, какъ порабощеніемъ Славянъ. Къ тому же Нѣмцы-христіане, въ случаѣ нужды, не стѣснялись пригласить на помощь и полки языческихъ Славянъ противъ Славянъ крещеныхъ. Такъ было именно въ ихъ войнахъ съ польскимъ Болеславомъ Храбрымъ: тогда Нѣмцы не пренебрегали помощью языческихъ Лютичей.

Нельзя удивляться, что Славяне, при всякомъ удобномъ случаѣ, усиливались свергнуть это насильно навязываемое имъ христіанство; изъ этого возникали все болѣе и болѣе страшныя войны и велись иногда съ неприимнымъ ожесточеніемъ. Лабскіе и Лужицкіе Сербы прежде всего должны были покориться Нѣмцамъ (968 г.) и принять христіанство, которое Нѣмцы потомъ равнымъ образомъ упрочивали.

Упорѣе другихъ сопротивлялись Бодричи и Лютичи, но и эти пали подъ ударами Нѣмцевъ побѣдителей и соединенныхъ съ ними Датчанъ (1157—1168 гг.). На развалинахъ побѣжденнаго славянства основано нѣсколько нѣмецкихъ державъ, именно—зародышъ нынѣшней имперіи Германской, маркграфство Бранденбургское. Убившіе въ этихъ земляхъ Славяне, едва терпимые, если не совсѣмъ прогоняемые, скоро уступали мѣсто нѣмецкимъ колонистамъ.

Это распространеніе нѣмецкаго элемента не ограничивалось только землями, подвластными непосредственно нѣмецкимъ герцогамъ, маркграфамъ, графамъ, епископамъ и другимъ, но пошло и дальше на востокъ, въ края, гдѣ остались еще свои князья славянской крови, — въ Мекленбургѣ, Ратѣ, Поморьѣ, Силезіи. Сами эти князья скоро принимали нѣмецкую народность, поддерживали изъ всѣхъ силъ нѣмецкую колонизацію въ своихъ державахъ, вообще любя Нѣмцевъ и благопріятствуя имъ. При такомъ положеніи дѣлъ понятно, что Славяне уступали Нѣмцамъ: вѣдь эти князья хотя и были славянскаго происхожденія и назывались князьями славянскими (*principes, duces Sclavogum*), сами однако постановляли, чтобы право суда перешло отъ Славянъ къ Нѣмцамъ, чтобы Славяне больше не селились въ деревняхъ, и наконецъ, даже такъ забылись, что прямо называли усиленіе славянскаго элемента въ балтійскихъ земляхъ въ ущербъ нѣмецкому—несчастьемъ, „отъ котораго да избавить насъ Богъ“

Но эти послѣднія опасенія не сбылись: славянской элементъ исчезалъ все больше и больше, преслѣдуемый и тѣснимый разнымъ образомъ. Высшія сословія, славянскаго происхожденія, сколько ихъ еще оставалось, скоро оиѣмчивались, города и монастыри и другія мѣстности заселялись почти исключительно Нѣмцами; оставшіеся Славяне, едва терпимые, исключались изъ цеховъ, заставляемы были жить на особыхъ мѣстахъ и проч. Уже во второй половинѣ XIV вѣка земли лабскія и балтійскія были по большей части оиѣмчены, и отъ Бодричей, Велетовъ, Сербовъ и Поморянъ остались только незначительные остатки. Нѣмецкій языкъ господствовалъ здѣсь всездѣ—въ Мекленбургѣ, Ратѣ, Поморьѣ, Бранденбургѣ, Мишніи, Лужицахъ и Силезіи. Только на нижнемъ Лабѣ, въ Люнебургіи, сохранялись остатки Бодричскихъ Древлянъ, существовавшіе до конца прошлаго столѣтія, да въ обѣихъ Лужицахъ остатки Сербовъ, не вымершіе и до сихъ поръ.

Славяне Балтійскіе и Лабскіе погибли вслѣдствіе вышшняго насилія и внутренней слабости; сами они не сумѣли и не были въ состояніи создать большое государство. Равнымъ образомъ, не упрочилось въ

ихъ соудствѣ на востокъ, послѣ Болеслава Храбраго; государство Польское, на столько, чтобъ они могли на него опираться при напорѣ Нѣмцевъ. Нѣмцы тѣснились все больше на востокъ и Поляки, скоро послѣ гибели своихъ балтійскихъ и лабскихъ соплеменниковъ, должны были также начать съ ними жестокую борьбу не только на западѣ, но и на сѣверѣ, гдѣ, вслѣдствіе польской неосторожности, видѣрились хищные рыцари пѣмцеіе и распространялись все больше на востокъ въ земли балтійскія.

2) Чехія.

Особое положеніе между западными Славянами занимаютъ Чехи, которые, такъ сказать, чудомъ спаслись отъ судьбы своихъ лабскихъ и балтійскихъ соплеменниковъ. Но историческое развитіе Чеховъ въ Чехіи и Моравіи было иное, чѣмъ развитіе прочихъ Славянъ.

Чешскіе князья рано успѣли основать въ Чехіи, — землѣ, составляющей опредѣленное географическое цѣлое, — большое государство съ сильною центральною властью. Сильному князю Пражскому скоро должны были уступить или совершенно покориться всѣ другіе князья и жупаны въ Чехіи и присоединенной къ ней Моравіи. Принявъ христіанство латинскаго исповѣданія, народъ и государство Чешское обезпечились отъ завоевательныхъ притязаній Нѣмцевъ, которые могли повести къ войнамъ подъ предлогомъ религіи, какъ это дѣлалось на земляхъ Славянъ Лабскихъ и Балтійскихъ. Наконецъ, князь, въ послѣдствіи король Чешскій, сдѣлался и первымъ членомъ коллегіи нѣмецкихъ курфирстовъ, пользуясь своими правами въ Нѣмецкой имперіи. Это присоединеніе къ Германіи и къ западной церкви, съ одной стороны, спасло Чеховъ отъ судьбы Славянъ Лабскихъ, сохранило имъ политическую независимость и возможность развиваться на народнои основѣ: ибо, не смотря на всѣ побѣды Волеславовъ, Брѣчислава, Собѣслава и другихъ князей, Чешскій народъ, въ сравненіи съ Нѣмцами малочисленный, нигдѣ не поддерживаемый, и слѣдовательно, самъ собою ограничиваемый и на себя только опирающійся, не могъ бы наконецъ выдержать напора всей имперіи, всего народа Нѣмецкаго и ихъ опаснаго стремленія на востокъ. Но съ другой стороны, нельзя не принять въ соображеніе, что вслѣдствіе этого присоединенія къ Германіи, распространялись въ Чешскомъ народѣ разныя нѣмецкія учрежденія, и что съ теченіемъ времени навѣрное образовались бы здѣсь подобныя отношенія, какія были и въ другихъ, первоначально славянскихъ, земляхъ — въ Мекленбургѣ, Поморѣ,

Ранѣ, Силезіи, — если бы народное сознание въ Чехіи не оставалось всегда живымъ и сильнымъ, усиливаясь все болѣе и болѣе въ борьбѣ съ чужеземщиной.

Чешскіе князья Премисловичи поступили также, какъ и другіе князья славянскаго происхожденія въ тѣхъ земляхъ: безирестанно, по славянскому обычаю, ссорясь между собою, призывали Нѣмецкихъ императоровъ на помощь другъ противъ друга, приглашали нѣмецкихъ колонистовъ въ свои земли, заселяли ими города и деревни, любили и благопріятствовали нѣмецкимъ правамъ и языку. Но примѣру двора, дѣляли такъ и многіе чешскіе вельможи. Нѣмецкій языкъ и нравы въ Чехіи и Моравіи въ XIII и XIV вѣкахъ были очень распространены не только въ городахъ; первоначально почти исключительно нѣмецкихъ, но и вообще между высшимъ сословіемъ.

Однако, параллельно этому наплыву нѣмечины, и сопротивление мѣстнаго славянскаго элемента усиливалось все болѣе и болѣе, проявилось и въ литературѣ (указываю только на замѣчательную лѣтопись горячаго патріота чешскаго Далимила въ самомъ началѣ XIV вѣка) и въ практической жизни, и наконецъ, прорвавшись въ гусситскомъ движеніи, одержало блестящую побѣду. Хорошо характеризовали тогда Пражане въ своемъ замѣчательномъ манифестѣ въ 1420 году весь ходъ исторіи нѣмецко-славянской борьбы, сказавъ, что „Нѣмцы, которые безъ всякой причины всегда злятся на нашъ народъ, и какъ поступили съ нимъ на Рейнѣ, Мишнѣи и Пруссіи и выгнали его, такъ хотятъ поступить и съ нами и сами запятъ мѣста выгнанныхъ“.

Гусситское движеніе возвысило Чеховъ на высокую степенъ, въ культурной исторіи Славянскихъ народовъ. Въ Чехіи цвилось множество разныхъ мнѣній, начиная съ самыхъ умѣренныхъ до самыхъ радикальныхъ, объ устройствѣ церковномъ, государственномъ и социальномъ, которыя отличались отъ признаваемыхъ тогда церковнымъ и государственнымъ авторитетомъ воззрѣній. вмѣстѣ съ тѣмъ, и національное сознание чешское и славянское достигло необыкновенной высоты и сохранилось и въ слѣдующемъ вѣкѣ. Но не удалось Чехамъ сохранить всѣ результаты гусситскаго движенія: частію они совсѣмъ исчезли, частію сдѣлались достояніемъ только ограниченаго кружка; такъ, напримѣръ, мысли о древнеславянской демократіи и равенствѣ, объ освобожденіи церкви изъ-подъ власти государства и іерархіи, и проч.

Черезъ насильственное сокрушеніе гусситскаго движенія значительно

возвысилась шляхта; способствовала уничтоженію демократическихъ идей, она поработила простой народъ, начала, въ союзъ съ городами, давнюю борьбу съ королевскою властью и вела ее до самаго паденія Чешскаго государства. Уже спустя 100 лѣтъ послѣ гусситскаго движенія, послѣ совершеннаго утвержденія западно-европейскихъ учреждений и возвышенія шляхты въ Чешскомъ государствѣ, нѣмецкій элементъ, едва вытѣсненный, сталъ вновь проникать въ народъ Чешскій, то съ повою династіей Габсбурговъ, которую Чехи пригласили на свой престолъ, то съ нѣмецкою реформаціей, которую потомки древнихъ Гусситовъ легко принимали. Распространеніе нѣмецкаго элемента въ Чехіи было такъ сильно и опасно, что въ началѣ XVII вѣка, — именно на сеймѣ 1615 года, — сама законодательная власть считала нужнымъ принять мѣры для „сохраненія древняго языка чешскаго и образованія его“. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого замѣчательнаго сеймоваго заключенія, Чешское государство пало вслѣдствіе неудавшейся оппозиціи Чеховъ протестантовъ противъ усиливающагося католическо-іезуитскаго абсолютизма. Этою катастрофой, выселеніемъ массы высшихъ сословій и интеллигенціи, и наконецъ, страшными бѣдствіями Тридцатилѣтней войны, Чешскій народъ былъ погруженъ въ вѣковую, и какъ казалось, смертельный сонъ. Въ его смерти не сомнѣвались даже благородные патриоты позднѣйшихъ временъ. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ словахъ Бальбинъ (1672 г.) проситъ помощи для погибающаго Чешскаго народа — которому предостерегательно указываетъ на судьбу Лабскихъ Славянъ — у патрона чешскаго св. Вячеслава: „Не дай погибнуть намъ и потомкамъ, буди намъ Вратиславомъ“ (то-есть, возврати намъ славу). Грустныя предчувствія о будущности чешскаго языка высказываетъ еще въ концѣ прошлаго вѣка (1791 г.) чешскій историкъ Ф. Пельцель, заканчивая свою статью объ исторіи Нѣмцевъ въ Чехіи слѣдующими словами: „Чехія относительно языка очутится, вѣроятно, когда-нибудь въ такомъ положеніи, въ какомъ теперь Мишнія, Бранденбургія и Силезія, гдѣ говорятъ исключительно по-нѣмецки, и гдѣ отъ славянскаго языка ничего болѣе не остается, кромя названій городовъ, деревень и рѣкъ“.

3) Поляки.

Полтора вѣка спустя послѣ паденія Чешскаго государства, утратила свою независимость Польша. И въ Польшѣ основано было сильное государство, которое, однако, въ послѣдствіи, по причинѣ безпрестанныхъ дѣленій въ родѣ княжескомъ и возвышенія аристократіи, почти

два вѣка волновалось большими смутами и только въ началѣ XIV вѣка вновь возродилось, какъ единое политическое тѣло. Отъ великой задачи, которую преслѣдовалъ Волеславъ Храбрый и попытался осуществить еще Волеславъ Кривоустый, отъ этой великой задачи—соединить западное славянство въ одно цѣлое, или по крайней мѣрѣ, защищать его отъ завоевательныхъ Нѣмцевъ, Польша вынуждена была отказаться, не имѣя какъ сама по себѣ, такъ и вслѣдствіе своего раздробленія, довольно силъ, чтобы съ продолжительнымъ усиліемъ начать борьбу съ Нѣмецкою имперіей. Вліяніе Польши на западно-славянскія земли погребло навсегда; на нихъ потомъ обращали вниманіе только немногіе мыслящіе люди изъ Поляковъ. Польша отвратила свое вниманіе отъ запада, въ большой ущербъ всему западному славянству и себѣ самой, и обратила его преимущественно на востокъ, на земли Русскія. Польша съ теченіемъ времени успѣла завладѣть всей юго-западною Русью. Русскія земли были присоединены къ государству Польскому частію непосредственно (Червоная Русь), по большей же части достались ей вмѣстѣ съ Литвою. Это соединеніе Польши и Литвы (1386 г.) случилось особенно вслѣдствіе водворенія въ Пруссіи и въ другихъ земляхъ балтійскихъ нѣмецкихъ рыцарей, которые стали потомъ тѣснить и Польшу, и Литву. Для ихъ усмиренія оба эти государства нуждались во взаимной помощи и въ соединеніи своихъ силъ. Борьба Польши и соединенной съ нею Литвы съ Нѣмцами продолжалась полтора вѣка и велась съ большимъ ожесточеніемъ, именно такъ, какъ борьба Нѣмцевъ съ Балтійскими Славянами, которой была, собственно говоря, только продолженіемъ. Она окончилась сильнымъ ослабленіемъ, но не совершеннымъ уничтоженіемъ рыцарей, какъ это слѣдовало бы сдѣлать для обезпеченія Польши и вообще славянства.

Вмѣстѣ съ этою внѣшнею борьбою съ Нѣмцами, Польша должна была начать и внутреннюю борьбу съ нѣмецкимъ элементомъ, который, поглотивъ Славянъ Лабскихъ и Балтійскихъ, все сильнѣе тѣснился и въ земли Польскія. Прежде всего онѣмечилась Силезія, по большей части при содѣйствіи тамошнихъ князей, вельможъ, церкви и многочисленныхъ нѣмецкихъ колонистовъ въ городахъ и деревняхъ. Изъ Силезіи проникалъ германизмъ дальше на востокъ, въ собственную Польшу, преимущественно въ города и духовное сословіе. Даже и нѣкоторые Пястовичи благопріятствовали Нѣмцамъ и ихъ правамъ; въ Краковѣ, въ Познани, и даже во Львовѣ языкъ нѣмецкій господствовалъ, или значительно былъ распространенъ, до

самаго конца XV столѣтія. Еще въ половинѣ XV вѣка сильно ратуеть противъ этихъ злоупотребленій, противъ этого постыднаго и вреднаго для Поляковъ, положенія дѣлъ славный польскій патріотъ Іоаннъ Острогоръ:

Съ возвышеніемъ національной шляхты польской и съ упадкомъ городовъ, наступила рѣшительная реакція противъ германизма въ Польшѣ. Польская шляхта, въ теченіе XIV и XV вѣковъ, приобрѣтала себѣ все большія права и сдѣлалась, наконецъ, единственною и привилегированною корпораціей въ Польшѣ, единственною законодательною властью; города потеряли всякое политическое значеніе, простой народъ сдѣлался подданнымъ шляхты. Польша сдѣлалась совершенною шляхетско-демократическою республикою. Шляхта и въ первоначальной Польшѣ, и въ Литвѣ, и земляхъ Русскихъ, соединенныхъ съ Польшею Люблинскою унией (1569 г.), была ея единственнымъ законнымъ представителемъ.

Между тѣмъ, какъ въ сосѣднихъ земляхъ — въ Чехіи, Германіи, Россіи и другихъ, власть государева все болѣе усиливалась въ ущербъ народному представительству, и исподволь образовывалась абсолютная монархія, новѣйшее централизованное государство, — въ Польшѣ государь лишился все болѣе и болѣе своего могущества и сдѣлался, наконецъ, только орудіемъ господствующаго шляхетскаго сословія.

Вѣсть съ этимъ въ Польшѣ все грознѣе выступало впередъ вѣковое бѣдствіе всего Славянскаго племени, вытекающее изъ различія вѣроисповѣданія, — это споры религіозныя, которые, по обычаю тогдашнихъ вѣковъ, переносились и на политическую почву. Уже гусситское движеніе, которое было причиною большаго возвышенія славянской народности въ Чехіи, въ то же время помѣшало тѣснѣйшему сближенію Поляковъ и Чеховъ, ибо гусситизмъ не проникъ въ Польшу съ такою силой, чтобы сломать могущество іерархій, которая потому всевозможными средствами стремилась помѣшать или ослабить сношенія Поляковъ съ „еретическими“ Чехами.

Вслѣдствіе присоединенія многихъ Русскихъ земель къ Польшѣ, католическое и православное исповѣданія столкнулись въ Польшѣ и въ Литвѣ. Господствующій родъ въ обоихъ государствахъ, позже соединенныхъ, Ягайловичъ, принявъ католичество, считали своимъ долгомъ распространять его и между православными своими подданными. Немало побуждало къ такимъ дѣйствіямъ и то обстоятельство, что одинъ изъ митрополитовъ всей Руси (Исидоръ) принялъ Флорентинскую унию церквей восточной и западной, вслѣдствіе чего

распространеніе верховной власти наны между православною Русью приобрѣло какъ-бы юридическую форму.

Но эта унія не была принята Русскимъ народомъ и въ единственномъ самостоятельномъ Русскомъ государствѣ, въ Москвѣ, она совсѣмъ отвергнута; исчезнувъ скорѣ почти совершенно — особенно послѣ громаднаго распространенія протестантизма въ Польшѣ и въ Литвѣ,—унія только позже была возобновлена къ большому ущербу и даже гибели Польскаго государства и народа. Смѣшеніе религіознаго вопроса съ политикою—дѣло необыкновенное въ вѣротеримной Польшѣ XVI вѣка—усиливалось съ конца того вѣка все больше и больше, и было главною причиною враждебнаго столкновенія государствъ Польскаго и Русско-Московскаго. Послѣднее, между тѣмъ, значительно возвысилось, въ сосѣдствѣ Польши и Литвы, и какъ самостоятельная русская держава приобрѣла себѣ потомъ большую притягательную силу относительно остальнаго народа Русскаго:

4) Русскій народъ.

Русскій народъ первоначально объединенъ былъ, какъ уже выше замѣчено, въ государственное цѣлое варяжскими князьями. Символомъ народнаго единства русскаго былъ, кромѣ одного языка, одного устройства и одной вѣры православной, и княжескій родъ Рюриковичей, который владѣлъ Русью сообща, имѣя во главѣ старшаго въ родѣ, великаго князя, пребывавшаго сначала въ Кіевѣ, а потомъ, съ 1169 года, во Владимірѣ на Клязьмѣ. Возлѣ великаго князя было много удѣльныхъ князей, которыхъ число все больше увеличивалось.

Пространныя земли восточной Европы манили къ колонизаціи; и народъ Русскій воспользовался тѣмъ вполне, распространяясь и сямовольно, и по вызову князей преимущественно на востокъ между племенами чудскими и татарскими, или вытѣсня ихъ, или же ассимилируя ихъ себѣ. Именно здѣсь, въ предѣлахъ племени славянскаго и чудскаго, около г. Владиміра, поселился потомъ великій князь русскій, представитель всего княжескаго рода, а поэтому и всей Руси, и здѣсь было положено основаніе къ средоточію будущей Русской монархіи.

Между тѣмъ какъ въ остальной Руси—въ Кіевѣ, Владимірѣ Волынскомъ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Новгородѣ, Псковѣ и др., при безпрерывныхъ спорахъ и междоусобіяхъ князей, народъ приобреталъ все большее вліяніе на общественныя дѣла, призывалъ и удалялъ князей по своей волѣ, избиралъ все на своихъ вѣщахъ и вообще при-

лагалъ къ жизни древне-славянскія демократическія начала и учрежденія, — положеніе дѣлъ во Владимірѣ было иное. Здѣсь, на сѣверо-востокахъ раньше исчезаютъ древне-русскія учрежденія, уничтожается начало родового старшинства, слабѣютъ родовыя связи между княжескими линіями; вмѣсто цѣлаго рода выступаетъ болѣе тѣсная семья князя, и каждый изъ нихъ стремится къ подчиненію себѣ остальныхъ; здѣсь воля народа, заявляемая на вѣчахъ, уже обходится, и на ся мѣсто все больше и больше выступаетъ воля князя.

Хотя нашествіемъ Манголовъ въ половинѣ XIII вѣка Русь и была парализована на долгое время, разрушена, такъ-сказать, на двѣ части, — но съ другой стороны, тѣмъ данъ былъ болѣе сильный толчекъ къ образованію могущественнаго государства Русскаго. Монголы не вмешивались во внутреннія отношенія Руси, довольствуясь податью и признаніемъ верховной власти. Для этого имъ нуженъ былъ посредникъ, и самымъ удобнымъ такимъ представителемъ всей Руси для великихъ хановъ былъ великій князь. Такимъ образомъ, могущество этого князя стало значительно возвышаться; древнія права родового старшинства все болѣе исчезали; достоинства велико-княжескаго достигалъ тотъ князь, который съумѣлъ какимъ-либо образомъ приобрести себѣ пріязнь и расположеніе хана.

Достоинства великихъ князей достигли, въ первой половинѣ XIV вѣка, князья Московскіе и успѣли сохранить его уже навсегда. Москва, столица княжества сначала небольшого, стала съ тѣхъ поръ, вслѣдствіе умпой политики своихъ князей, средоточіемъ восточной Руси: въ Москвѣ исчезаютъ, наконецъ, совершенно родовыя и княжескія отношенія и уступаютъ идеѣ государства. Князья Московскіе, будучи въ одно и то же время великими князьями „всѣя Руси“, — первый назвался такъ Иванъ Калита — распространяли свои предѣлы разнымъ образомъ — покупаніемъ удѣловъ, завоеваніемъ и проч. Престолъ переходилъ въ ихъ семействѣ только отъ отца къ сыну, сила давней дружины княжеской слабѣла, изъ дружинниковъ образовывались осѣдлые крупныя землевладѣльцы, которые, будучи щедро вознаграждаемы за свою службу, благопріятствовали и способствовали усиленію Московскаго государства. Могущество князя Московскаго возростало еще тѣмъ, что многіе удѣльные князья Рюриковичи приходили въ Москву служить богатому великому князю и дѣлались его боярами; родовыя отношенія измѣнялись въ отношенія служебныя, родственныя князья удѣльные превращались въ подданныхъ, подручниковъ великаго князя, или, какъ опъ въ послѣдствіи назывался, царя. Кромѣ

сегодня исполнившееся пятилѣтіе существованія оной, пьеть за здоровье вашего сіятельства, съ полною надеждою, что ваше сіятельство поддержите благія начинанія Корочанскаго земства въ дѣлѣ преобразованія прогимназіи въ гимназію-. Подписали: Предводитель дворянства и почетный попечитель прогимназіи Шетонинъ и инспекторъ прогимназіи Ниволаевъ.

Академикъ Императорской академіи художествъ, г. Рокачевскій, обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ заявленіемъ о томъ, что имъ парисованъ и отпечатанъ масляными красками портретъ Его Величества Государя Императора въ маломъ форматѣ, и что означенный портретъ онъ можетъ, въ случаѣ надобности, такимъ же печатнымъ способомъ воспроизводить въ различныхъ размѣрахъ (большой, поясной и въ натуральную величину). Портретъ исполненъ г. Рокачевскимъ дѣйствительно съ большою тщательностью и изяществомъ и кромѣ того отличается дешевизною, а потому справедливо обратитъ на него вниманіе начальствъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Г. Рокачевскій (Афанасій Ефимовичъ) имѣеть жительство въ Кіевѣ, по Андреевскому спуску, № 40.

того, Москва приобрѣла себѣ большое вліяніе тѣмъ, что сдѣлалася мѣстопробываніемъ русскаго митрополита. Такимъ образомъ, и церковь поддерживала усиленіе новой русской монархіи. Наконецъ, самъ народъ сѣверо-восточной Руси, болѣе серьезный по характеру, менѣе привыкшій къ древне-русской свободѣ, не любилъ непрерывныхъ княжескихъ междоусобицъ, желалъ прочныхъ порядковъ и поэтому способствовалъ усиленію могущественной центральной власти. Князья Московскіе собрали до конца XV вѣка всю сѣверо-восточную Русь, освободились отъ татарскаго ига и образовали сильное государство, въ которомъ все рѣшала воля великаго князя, почти никѣмъ и ничѣмъ не ограниченная. Личные интересы должны были вполнѣ подчиняться интересамъ цѣлаго, интересамъ государства, представителемъ котораго былъ только государь.

Таково было развитіе сѣверо-восточной Руси. Иное было развитіе Руси, юго-западной, страшно разоренной нашествіемъ монгольскимъ. Галиціе Романовичи, правда, стремились собрать и южную Русь въ одно цѣлое, но это имъ не удалось, и эту задачу приняли на себя иностранцы — Литовцы. Воинственные князья литовскіе, воспользовавшись татарскими бѣдствіями и княжескими усобицами, выступили изъ понѣманскихъ земель и собрали въ теченіе одного вѣка (1250—1350 гг.) всю юго-западную, подліповскую Русь.

Такъ, подлѣ сѣверо-восточной Руси, Москвы, образовалось второе русское государство, Русь юго-западная, Литва, отъ моря Балтійскаго до Чернаго, отъ Буга до самаго Смоленска: ибо въ этой державѣ было народонаселеніе по большей части русское: собственные Литовцы занимали только теперешнія свои земли на верхнемъ Нѣманѣ; было и устройство русское, господствовали русскій языкъ и православное вѣроисповѣданіе, — суровые князья и вельможи литовскаго происхожденія принимали русскую народность и православное вѣроисповѣданіе. Оба эти русскія государства боролись долго за первенство, и борьба эта не прекратилась и тогда, когда Литва и сосѣдняя Польша соединились, посредствомъ литовской династіи Ягайловичей, въ одно государственное цѣлое, хотя сначала довольно шаткое и непрочное.

Особое мѣсто въ русской исторіи занимаетъ Новгородъ Великій, который будучи отдаленъ отъ средоточія Руси, вмѣстѣ съ Псковомъ и Вяткой (Хлыновымъ), сохранилъ себѣ древне-славянское устройство дольше, чѣмъ какая-нибудь другая русская область. Великіе князья Русскіе, занятые другими дѣлами, довольствовались отъ от-

леннаго Новгорода только признаніемъ своей верховной власти и не трогали его республиканско-демократическаго устройства. Въ Новгородѣ, подлѣ князя, сначала избираемаго, когда того хотѣлось Новгородцамъ, былъ избираемый посадникъ тысящій и другіе временно избираемые народомъ, сановники; древне-славянское вѣче господствовало въ полной силѣ. Но это устройство сѣверо-русскихъ общинъ не соответствовало направленію новаго абсолютнаго государства Русскаго; оно, при удобномъ случаѣ, уничтожило ихъ независимость и присоединило себѣ обширныя владѣнія Новгородскія, Вятскія и Исковскія.

Начала демократическія и республиканскія, вытѣсненныя изъ сѣверо-восточной Руси и все болѣе и болѣе приходящія въ упадокъ, подъ вліяніемъ шляхты въ югозападной, польско-литовской Руси, нашли себѣ пріютъ на самыхъ окраинахъ русскаго міра, и здѣсь, начиная съ нижняго Днѣпра на востокъ до Яика (Урала), образовались демократическія *вольныя казацкія общины*: въ радахъ и кругахъ казаковъ на Запорожьѣ, Дону, Ликѣ и Терекѣ воскресли древнерусскія вѣча и другія учрежденія.

Великіе князья Московскіе и „всая Руси“, усилившись уничтоженіемъ независимости Новгорода, обратили отсель вниманіе на Русь югозападную, литовскую, которую считали во праву своею „отчиной“ (то-есть, собственностью) по прадѣду, Владиміру Святому. Собрать всѣ Русскія земли, сдѣлать законный титулъ „великаго князя (въ послѣдствіи царя) всей Руси“ дѣйствительнымъ фактомъ, — къ этому направлены были преимущественно всѣ стремленія государей Московскихъ.

Къ достиженію этой цѣли много имъ помогло самое положеніе православнаго исповѣданія въ Литвѣ и Польшѣ, къ которому принадлежала большая часть тамошняго народонаселенія на Бѣлой, Черной, Червонной и Малой Руси (Русьны), и которая не пользовалась одними правами съ господствующимъ католицизмомъ.

5) Польша и Русь.

Преслѣдованіе православнаго вѣроисповѣданія въ Литвѣ было причиною, что уже въ концѣ XV-го вѣка многія литовско-русскія земли именно въ Сѣверской области отошли къ Москвѣ. При короляхъ Сигизмундѣ и Сигизмундѣ-Августѣ прекратилось это не политическое гоненіе, хотя католицизмъ все-таки не переставалъ присваивать себѣ характеръ господствующей церкви: такъ, напримѣръ, пра-

вославные епископы не засѣдали ни въ сенатѣ литовскомъ, ни въ соединенномъ въ послѣдствіи сенатѣ польско-литовскомъ, какъ католическіе епископы.

Не смотря на это, разница исповѣданій христіанскихъ (католическаго, протестантскаго и православнаго) въ XVI-мъ вѣкѣ въ Польшѣ, особенно при просвѣщенномъ Сигизмундѣ-Августѣ, не влекла за собою никакихъ препятствій въ пользованіи политическими правами; и русская шляхта, пользуясь здѣсь, по примѣру польской, все болѣе обширными правами и дѣлаясь все болѣе и болѣе важнымъ факторомъ въ государственной жизни, не могла еще заявлять желанія промѣнять это свое положеніе на положеніе сосѣдняго государства Московскаго, гдѣ все больше и больше развивалась идея абсолютной монархіи. О простомъ народѣ нечего говорить: онъ находился, какъ вездѣ въ Европѣ въ то время, въ положеніи очень грустномъ и жалкомъ.

Но такая вѣротерпимость, какая существовала тогда въ Польшѣ, многимъ не нравилась. Вліяніемъ особенно іезуитовъ вновь провозглашена была давно забытая уніа церковей латинской и греческой (1596 г.). Это возбудило всеобщее волненіе въ народѣ русскомъ. Унію распространяли, а коренную въ земляхъ Русскихъ православную „русскую“ вѣру преслѣдовали разными способами. Народъ, оскорбляемый въ своей высшей святинѣ, въ вѣрѣ, сильно тому сопротивлялся: сначала протестовала противъ того православная шляхта русская, какъ единственный тогда законный представитель Русскаго народа. Но число этой шляхты все уменьшалось, такъ какъ она, особенно стараніями ловкихъ іезуитовъ, принимала католичество, а тѣмъ самымъ и польскую народность. На мѣсто ея выступаетъ военное братство русское, казаки; вмѣсто словесныхъ протестовъ на сеймахъ и сеймикахъ являюся протесты вооруженные на поляхъ сраженій. Казаки Запорожскіе отселѣ безпрестанно поднимаютъ знамя возстанія, и сражаясь не только за свои интересы, но и за православную вѣру, находятъ живѣйшія симпатіи въ Русскомъ народѣ, который толпами прибѣгаетъ подъ знамена казацкихъ вождей.

Такое положеніе дѣлъ въ столь разнородномъ государствѣ, какова была Польша, было очень опасно при сосѣдствѣ Москвы. Царство Московское, будучи послѣ паденія Сербіи, Болгаріи и Царьграда единственнымъ независимымъ восточно-христіанскимъ государствомъ, написало на своемъ знамени, кромѣ идеи монархіи, еще дѣи другія идеи: защищать православіе и собирать земли русскія. Опасность эту

предвидѣли и нѣкоторые польскіе патриоты и усердно возставали противъ неполитическаго гоненія русскаго православнаго элемента, но такіе отзывы были гласомъ вопіющихъ въ пустынь. Споръ русскаго православія съ польскимъ католицизмомъ былъ тѣмъ опаснѣе, что Русское царство, оправившись послѣ страшныхъ потрясеній, которыя постигли его въ началѣ XVII вѣка и въ которыхъ ему приходилось бороться и противъ Польши, помогавшей самоввванцамъ, приобрѣло себѣ большое могущество.

Эта борьба двухъ противоположныхъ партій въ Польшѣ разразилась наконецъ возстаніемъ Русскаго народа и казачества подъ предводительствомъ Хитльницкаго (1648 г.). Примиреніе обонхъ враждебныхъ началъ, католическаго польско-шляхетскаго и православнаго, русско-казацкаго и народнаго, оказалось невозможнымъ. Въ эту борьбу вмѣшалась наконецъ и Великая Русь, призванная на помощь Малую Русью. Хотя Русскій царь уже съ тѣхъ поръ сталъ носить названіе царя Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи, но это было только номинально, ибо въ Россіи присоединена только малая часть означенныхъ въ царскомъ титулѣ польско-русскихъ земель. Но не смотря на этотъ неполный успѣхъ, взаимныя отношенія Польши и Россіи съ того времени значительно измѣнились: Россія, доселѣ побѣждаемая и отгнѣняемая на востокъ, начинаетъ подвигаться на западъ въ ущербъ Польшѣ.

Между тѣмъ какъ Польша все болѣе и болѣе упала, Россія поднималась. Идея абсолютной монархіи и здѣсь, какъ въ остальныхъ европейскіхъ государствахъ, взяла верхъ и подчинила себѣ всѣ сопротивляющіяся ей стихіи—казачество и соединенный съ нимъ народъ. Россія подвигалась все больше на западъ, и наконецъ, ей удалось совершенно приблизиться къ западной Европѣ и пробраться къ Балтійскому морю, къ этому древнему „Славянскому заливу“ (Sinus Venedicus). Эта заслуга принадлежитъ императору Петру Великому. Россія стала наконецъ государствомъ европейскимъ и по формѣ правленія (абсолютная монархія), и по своему устройству, какими были и Пруссія, и государство Габсбурговъ. Среди такихъ государствъ, каковы были Россія, усилившаяся Пруссія и земли Австрійскія, въ которыхъ все рѣшалась вездѣ воля государя, окруженнаго сильнымъ войскомъ и чиновничествомъ,—республика Польская не могла уцѣлѣть. Въ Польшѣ король, выбираемый пожизненно, не былъ ничѣмъ, а шляхта всѣмъ; войско и финансы находились въ самомъ жалкомъ состояніи, и вопросъ о диссидентахъ, безпрестанно преслѣдуемыхъ, по-

давалъ сосѣднимъ государствамъ желанный поводъ къ вѣшательству во внутреннія отношенія слабой Польши. Польша распалась. Пруссія и Австрія досталась первоначальная Польша Пястовичей: Поморье, Мазовія, великая и малая Польша. Россіи удалось, наконецъ, собрать почти всѣ Русскія земли.

6) Югославяне.

Самую грустную картину въ славянской исторіи представляютъ южные Славяне.

Словенцы, послѣ паденія могучаго государства Сама, очутились опять въ своемъ раздробленіи, и живя подъ властью своихъ слабыхъ князей и жупановъ, сдѣлались очень рано добычей Нѣмцевъ Баварской отрасли. Герцогство Каринтійское, маркграфства Штирское, Австрійское (Ракусское), Словенское (Windische Mark) и др. стали уже въ IX—X вѣкѣ частями Нѣмецкой имперіи. Ихъ правители были Нѣмцы; высшія сословія рано оиѣмечились, и народность словенская рано утратила (до XIII вѣка) половину своихъ земель на сѣверѣ въ пользу нѣмецкаго элемента; въ южной же, оставшейся ей половинѣ, сохранилась только въ низшихъ слояхъ. Въ Фріулѣ и сосѣдней Истрии взялъ верхъ италіанскій элементъ. Языкъ словенскій остался достоинствомъ простаго народа, и послѣ нѣкоторыхъ мимолетнихъ попытокъ въ X вѣкѣ, сталъ употребляться въ книгахъ только со времени реформаціи. Но иногда раздавался словенскій языкъ и при самомъ дворѣ князя Каринтійскаго, именно когда близъ столицы Каринтіи, Цѣловца, на полѣ Господетскомъ, словенскіе крестьяне, по древнеславянскому обычаю, сажали на каменный престолъ Каринтійскихъ князей, или вѣрнѣе, герцоговъ.

Хорваты и *Сербы* долгое время жили въ раздробленіи подъ властью своихъ жупановъ и только исподоволь образовывалась у нихъ центральная власть въ лицѣ великаго жупана. Верховная власть Византійскихъ императоровъ была, по большей части, лишь номинальна. Славянское стремленіе къ раздробленію отразилось больше всего на этихъ двухъ частяхъ одного народа. Хорваты и Сербы, пришедши изъ-за Карпаты на югъ, составляли нѣсколько племенъ одной отрасли славянской; и все-таки, съ теченіемъ времени, судьба раздѣляла эти обѣ отрасли такъ, что, хотя нельзя ихъ назвать двумя особыми народами—ибо они говорятъ и пишутъ на одномъ языкѣ,—но уже значительно отличаются другъ отъ друга.

Главная причина этого раздѣленія — вѣроисповѣданіе и проис-

текающее изъ того историческое и культурное развитіе. Хорваты прикнули къ западу и къ Риму; Сербы, послѣ нѣкотораго колебанія, въ востокъ и Царьграду.

Хорваты ранѣе другихъ Югославянъ образовали государство. Освободившись изъ - подъ ига завоевательныхъ Франковъ, которые изъ Словенскихъ земель вторглись и въ Хорватію, Паннонскіе и Далматскіе Хорваты соединились подъ однимъ великимъ жупаномъ, или съ XI вѣка—королемъ. Послѣ прекращенія мѣстной королевской династіи и внутреннихъ смуть, Хорваты призвали сосѣднихъ королей Угорскихъ на свой престолъ. Съ этихъ поръ—съ 1102 года—корона Хорватско-далматская соединена была съ короной Угорскою, какъ „сюзное государство — *regnum socium*“; король Угорскій сдѣлался въ то же время и королемъ Хорватско-Далматскимъ и прислалъ въ эти земли своихъ князей и бановъ. Хорваты, вошедши въ составъ короны Угорской, раздѣляли и ея судьбу, хотя всегда отстаивали себѣ полную свободу и всегда защищали независимость своего отечества противъ притязаній Мадьяръ, хотѣвшихъ сдѣлать изъ „*regnum socium*“—„*pars adnexa*“ (земля присоединенная). Этимъ отличаются Хорваты отъ другихъ народовъ славянскихъ, вошедшихъ непосредственно въ составъ королевства Угорскаго, какъ напримѣръ. Словаки и Карпатскіе Русскіе.

Позже образовали государство *Сербы*. Отношенія разныхъ жупановъ, князей и бановъ сербскихъ племенъ къ великому жупану въ собственной Сербіи были очень шатки: племя Неречанъ и князья Захолмскіе стремились къ полной независимости. Это раздробленіе прекратилось только со второй половины XII вѣка. Колыбелью Сербскаго государства стала южно-сербскій городъ Раса, по которому Сербія и Сербы часто назывались и „Расскою землей“, „*Рашане*“ (*Rascia*, *Ravsciáni*, мадьярск. *Rács*). Великій жупанъ Расскій Стефанъ Неманя собралъ раздробленныя сербскія области въ одно крѣпкое цѣлое, освободилъ Сербію отъ верховной власти Византіи и распространилъ ея предѣлы на востокъ и на югъ въ земли Болгарскія (до Ниша) и въ сѣверную Македонію. Эту политику продолжали и его преемники. вмѣстѣ съ этимъ, въ Сербіи взяло верхъ и православіе противъ католицизма и ученія секты павликианъ или богомиловъ.

Болгарское государство, едва основанное, начало вѣковую борьбу съ спосю соперницею Византіей; не разъ было сомнительно—возьметъ ли верхъ царь Болгарскій (Крумъ, Симеонъ и Самуилъ), или кесарь Византійскій. Послѣ долговременной и отчаянной борьбы, Болгарія

пала (1019 г.) и стала Византійскою провинціей. Но черезъ полтора столѣтія (1186 г.) Болгаре соединенные съ ними, балканскіе Влахи (Волохи, Румины), сбросили греческое иго и создали вновь независимое царство Болгарское между Дунаемъ и Балканомъ, которое хотя и распространилось въ началѣ XIII вѣка за Балканъ, но въ послѣдствіи снова было заключено этимъ рубежемъ. И у Болгаръ взяло верхъ православіе, хотя многіе цари Болгарскіе, особенно послѣ возобновленія царства въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка (Іоаннъ Асѣнь I), въ политическихъ причинъ клонились къ Риму. Прекрасныя зачатки славянской литературы, которая послѣ изобрѣтенія славянскаго письма процвѣтала въ Болгаріи, особенно въ X вѣкѣ, при царѣ Симеонѣ, прекратились потомъ вслѣдствіе безпрестанныхъ войнъ и смуть.

У Югославянъ Хорватскихъ и Сербскихъ, обитавшихъ на поморьѣ Адриатическомъ, образовались, подъ вліяніемъ римско-италіанскаго элемента, цвѣтушія городскія общины, между которыми больше всего отличается Дубровникъ (Ragusa). Въ этихъ прибрежныхъ областяхъ и общинахъ, въ сосѣдствѣ Италіи, развилась потомъ богатая югославянская литература, произведшая, особенно въ XV—XVII вѣкахъ, славныхъ поэтовъ. Приводимъ только имена Лучича, Даржича и Гундулича. Но не смотря на все это, славянской элементъ здѣсь не былъ господствующимъ, а подчиненъ италіанскому.

Мысль соединенія всѣхъ или большей части Югославянъ принадлежитъ (въ половинѣ XIV вѣка) сильному царю Сербскому Стефану Душану. Онъ; продолжая политику своихъ предшественниковъ, счастливыми войнами съ Уграми и особенно съ Греками распространилъ границы сербскія и на западъ—въ Боснію и Захолмію, и на югъ, въ Албанію, Македонію и Фессалію. Душанъ сталъ первымъ царемъ, или императоромъ на полуостровѣ Балканскомъ; Болгарскій царь находился въ зависимости отъ Сербіи, а Греческій, столько разъ разбитый, дрожалъ передъ Душаномъ въ своемъ Царьградѣ. Но царь Стефанъ самъ положилъ основаніе гибели своей обширной имперіи, раздѣливъ ее на многія намѣстничества. Послѣ его внезапной смерти, — онъ умеръ въ 1356 году, готовясь идти на самый Царьградъ, — слабый его сынъ Урошъ не былъ въ состояніи сохранить единство своей отчины: сильныя намѣстники, убивъ его — послѣдняго Неманича, — разрушили это единство и стали воевать другъ съ другомъ. Сербія, терзасмая внутренними смутами, стала добычею болѣе страшныхъ враговъ, чѣмъ были Греки византійскіе: Турецкіе Османы, вторгнувшись

въ Европу изъ Малой Азіи, разбили сербскія войска на Косовомъ полѣ (1389 г.). Сербскіе князья, или какъ они потомъ назывались по гречески, деспоты, стали турецкими вассалами; но уже черезъ 70 лѣтъ (1459 г.) Сербія сдѣлалась турецкимъ пашаликомъ.

Одновременно съ Сербією, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Косовскаго сраженія, пала и Болгарія, ставъ турецкою провинціей.

Независимость сербская держалась еще нѣсколько времени въ Босніи и соединенной съ нею Захолміи, или какъ она позже называлась, Герцеговинѣ. Банъ Босенскій, Стефанъ Твердо, имѣя въ виду вмѣсто падающей собственной Сербіи создать новое государство Сербское, назвался королемъ Сербскимъ и Боснійскимъ и присоединился къ движенію Хорватіи и Далмаціи, направленному противъ Угорскаго государства. Но это соединеніе земель хорватско-боснійскихъ не удалось: и Боснія съ Герцеговиной, не поддерживаемая Угорскою короною, погибла отъ Турокъ (1463—1483 гг.). Османскіе бунчуки, водруженные надъ древними столицами царей сербскихъ — въ Призрѣнъ и болгарскихъ — въ Терновъ, стали подвигаться далѣе на сѣверъ въ Хорватію и Угрію.

Только одинъ уголокъ Сербіи отстоялъ свою независимость: древняя Дукля или Зета, позднѣйшая Черная Гора, подыала знамя сербской независимости и высоко держала его во всѣ послѣдующіе вѣка.

Сербскій и Болгарскій народъ, погруженный въ долговѣчный мракъ, попалъ въ тяжелое рабство ислама и турецкихъ варваровъ, которымъ онъ долженъ былъ доставлять въ войско свою молодежь, янычаръ, а кромѣ того, и въ духовное рабство вѣковыхъ своихъ враговъ Грековъ-фанаріотовъ, которые, успѣвъ уничтожить народную іерархію болгарскую и сербскую, старались, подъ предлогомъ религіи, наносить вредъ и юго-славянской народности.

Остальные Югославяне, главнымъ образомъ Хорваты, начали страшнѣйшую борьбу съ заклятыми врагами христіанско-европейской цивилизаціи, и вмѣстѣ съ многочисленными сербскими бѣглецами, или какъ ихъ называли, Ускоками, и съ Черногорцами, напрягали до изнеможенія свои силы въ этой борьбѣ и справедливо заслужили себѣ названіе „оплота христіанства“. Эта борьба, сначала мало успѣшная и только въ послѣдствіи болѣе счастливая, представляетъ главное явленіе позднѣйшей исторіи югославянской.

Южные Славяне также несчастливы, какъ и западныя: и тѣмъ, и другимъ, они хотя были такъ близки другъ къ другу, не удалось создать себѣ національное и государственное единство. Вслѣдствіе раз-

ныхъ неблагоприятныхъ событій, Югославяне распались уже очень рано на нѣсколько особыхъ цѣлыхъ, народныхъ и государственныхъ единицъ, другъ отъ друга отличающихся и даже враждебныхъ другъ другу, или достались въ добычу чужеземцимъ европейской — Нѣмцамъ и Итальянцамъ, и азиатской — Мадырамъ и Туркамъ. Кроме того, по поводу раскола церкви, а позже и вслѣдствіе водвореніи между ними ислама — особенно между дворянствомъ въ Босніи и Герцеговинѣ, — произошла у нихъ разнища въ вѣроисповѣданіи, писемѣ и вообще во всемъ духовномъ развитіи.

Мы обзорѣли вкратцѣ древнюю и среднюю исторію народовъ славянскихъ, Мы видѣли, что Славяне, очутившись въ особенномъ положеніи, утратили первоначальное народное единство и раздробились на нѣсколько большихъ и малыхъ частей. Это раздробленіе увеличилось потомъ еще больше вслѣдствіе различія историческаго развитія разныхъ отраслей, произтекающаго изъ разнаго рода обстоятельствъ.

Иначе развивались западные Славяне, иначе южные и восточные. Столкновеніемъ съ чужимъ враждебнымъ элементомъ погибли Славяне Балтійскіе, и по большей части, Лабскіе, или исчезнувъ совсѣмъ, или принявъ чужую народность. Чехи отстаили свою самостоятельность и народность на долгіе вѣка, но и они наконецъ упали такъ, что, казалось, начинаютъ идти по слѣдамъ своихъ лабскихъ братьевъ. Поляки, утративъ на западѣ значительную часть своихъ одноплеменниковъ, создали себѣ большое государство, которое однако, основываясь на началахъ не прочныхъ, упало послѣ перваго болѣе сильнаго потрясенія. Южные Славяне рано лишились политической самостоятельности. Одному только Русскому народу удалось, послѣ величайшихъ бѣдствій, создать сильное государство на прочномъ основаніи, и такимъ образомъ, обезпечить себѣ свой національный бытъ болѣе, чѣмъ остальные Славяне, лишенные политической независимости.

Славянскія учрежденія.

Славяне, живя въ своей первобытной родинѣ и составляя одинъ народъ или, по крайней мѣрѣ, совокупность довольно близкихъ другъ другу племенъ, пользовались одинаковыми или сходными учрежденіями и обычаями. Это единство или сходство могло ослабѣть, когда многія племена славянскія вышли изъ закарпатскихъ земель на западъ и вѣкъ, поселились въ другомъ климатѣ, въ сосѣдствѣ другихъ народовъ, и вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, стали и отдѣльно раз-

виваться. Но не смотря на такое разьединеніе, на такія перемѣны, общее достояніе славянства сохранилось, болѣе или менѣе, у разныхъ народовъ славянскихъ и въ послѣдствіи.

Славянскія племена или отдѣльныя ихъ выходы, переселившись на другое мѣсто, продолжали жить по прежнему, назвали новыя свои жилища прежними названіями и вообще долго еще сохраняли и на новой родинѣ древній свой бытъ, пока онъ наконецъ не измѣнился, болѣе или менѣе, подъ вліяніемъ новыхъ отношеній или чужихъ элементовъ. Не сомнѣнно, одинаково жили, напримѣръ, карпатскіе, лабскіе и задунайскіе Хорваты и Сербы, восточно- и западнославянскіе Дулѣбы, Волинцы, Древляне, Лучане, Стадичи, сѣверные и южные Словѣне, Сѣверяне, Смоляне, Драговичи, западные и южные Стодоряне, Суслы, Бодричи, Мильчане, Дѣчане, Мораване и проч. Поэтому понятно, что во всѣхъ славянскихъ странахъ встрѣчаемъ Кіевы, Кладорубы, Прилѣпы, Верхлобы, Вышеграды, Вѣлграды, Новограды, Полоцки, Мельники, Черторыи, Краковы, Прѣславы, Просѣки, Лябы, Упы, Моравы и проч. Поэтому и понятно, что у всѣхъ Славянъ находимъ Ярославовъ, Болеславовъ, Вячеславовъ, Брячиславовъ, Владиславовъ, Святополковъ, Владиміровъ, Всеволодовъ, Доброгостовъ и проч. Этнмъ же надо себѣ объяснить сходство и тождество многихъ учрежденій, сохранившихся у восточныхъ, западныхъ и южныхъ Славянъ до позднѣйшихъ временъ, а отчасти и до сихъ поръ.

Общественная жизнь Славянъ основывалась на *родовомъ бытѣ*. Славянскій *родъ* представлялъ совокупность родичей разныхъ степеней, людей одного происхожденія, или вообще, соединенныхъ кровною связью. Эти родичи жили и трудились сообща въ нераздѣльномъ имѣніи, подъ избираемымъ начальникомъ. Самъ родъ назывался у Славянъ разнообразно, кромѣ названій *родъ* и *племя*, были въ употребленіи и слова: *челядь*, *войско*, *полкъ*, *жуна*, *вервь*; все это означаетъ союзъ людей, соединенныхъ, связанныхъ въ одно цѣлое. Родоначальникъ назывался или просто *отець*, *отъ башта* или *батя*, *отъ челядникъ*; или такъ какъ обыкновенно, но не всегда старшій членъ рода былъ и его начальникомъ — *староста*, *старшина*, или какъ начальникъ, владѣлецъ жупы, воя, *жупанъ*, *вовода*, *владыка*, или наконецъ, *господарь*, *господинъ*, *князь*, то-есть, начальникъ рода, племени. Нераздѣльное, общее имѣніе рода называлось *багитина* или *отчина*, *отдина*, *племенина*, то-есть, послѣдство батей или отцовъ, дѣдовъ, племени. Нераздѣльность, впрочемъ, не исключала раздѣленія на равныя доли между членами рода. Усадьба и округъ рода не

имѣлъ особаго названія, а назывался просто по роду, напримѣръ, члены рода Лютобора назывались Лютоборичи и также называлась и ихъ усадьба.

Родовой бытъ сохранился дольше всего у южныхъ Славянъ; у нихъ часто является „племя“ съ разными своими „кучами“ (домами), или „дольнами“—однимъ юридическимъ цѣлымъ. Нынѣшняя же югославянская *задруга* (у древнихъ Хорватовъ и *верная дружина*), управляемая господаремъ или старѣйшиною, соотвѣтствуетъ древнеславянскому роду, какъ онъ описанъ въ одномъ древнечешскомъ памятникѣ: „Всякъ отъ своей челеди воеводи, мужіе пашу, жены рубы строя; и умрели глава челедина, дѣти всѣ ту збожіемъ одно владу, владку си зъ рода выберуце“.

У другихъ Славянъ родовой бытъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, рано исчезъ; родъ измѣнился въ болѣе обширную общину, то-есть, союзъ людей уже не одного происхожденія, не родственниковъ. Но сами, оставшіяся у этихъ Славянъ, слова: дѣдина—въ смыслѣ села новаго, не родоваго устройства, староста—въ смыслѣ начальника общины, господарь—въ смыслѣ хозяина, и нераздѣльное владѣніе русской общины указываютъ на первоначальный родовой бытъ.

Но если родовой бытъ и исчезъ у западныхъ и восточныхъ Славянъ, если родъ перемѣнился въ общину, то все-таки долго еще оставались болѣе или менѣе значительные слѣды первоначальнаго славянскаго быта. У западныхъ Славянъ, Чеховъ, Поляковъ и Лабско-Балтійскихъ Славянъ, встрѣчаемъ, особенно въ высшихъ сословіяхъ нераздѣльное владѣніе имѣніемъ, либо цѣлымъ родомъ, либо родичами извѣстныхъ степеней, довольно поздно, даже до XVI столѣтія. Родъ представляетъ одно юридическое цѣлое; для распорядженія дѣдинами требуется согласіе всѣхъ членовъ рода, а не только родоначальника, или какъ онъ продолжаетъ называться у Чеховъ, старосты и владаря (вмѣсто древняго владыки), господаря (въ Моравіи), у Поляковъ — отца челяднаго.

У восточныхъ, русскихъ Славянъ родъ рано замѣняется общиною. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, остались и нѣкоторые его слѣды, особенно въ высшихъ сословіяхъ, именно—нераздѣльное владѣніе „отчинами и дѣдинами“, членами одного рода и племени, согласіе которыхъ требуется въ случаѣ распорядженія имѣніемъ.

Изъ родового быта слѣдуетъ, что первоначально у Славянъ не было нищихъ; бѣднымъ дѣлался тотъ, который, по поводу совершеннаго преступленія, исключенъ изъ родовой связи и лишенъ пользо-

ванія родовымъ имуществомъ, такъ-называемый *изюй*; *злой сынъ*, *худой* до сихъ поръ у нѣкоторыхъ Славянъ означаетъ первое — преступника, второе—бѣднаго, нищаго.

Изъ родового быта слѣдуетъ дальше, что первоначально всѣ Славяне были лично свободные люди, и что между ними не было невольниковъ, рабовъ, отроковъ, хлоповъ (холопей). Невольничество у Славянъ основывалось на внѣшнихъ обстоятельствахъ, именно—на плѣнѣ во время войны; да у Славянъ и такой плѣнникъ, рабъ, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка послѣ Р. Х., скоро приобреталъ себѣ опять свободу. Кромѣ этого главнаго источника рабства, у Славянъ лишались личной свободы и не заплатившіе должники, преступники, приговоренные къ смерти, но помилованные, и разумеется, и тѣ, которые родились въ рабствѣ, или сами добровольно его приняли. Невольничество изчезаетъ прежде всего у западныхъ Славянъ (XII—XIII вв.), потомъ у южныхъ (XIV—XV вв.). У восточныхъ, Русскихъ Славянъ оно сохранилось гораздо дольше: въ югозападной, литовской Руси до конца XVI столѣтія и еще дольше, въ сѣверовосточной, Московской Руси оно распространилось на огромную массу народа. Рабами, плѣнниками становились, прежде всего, иноплеменники, потомъ и воюющіе между собою Славяне. Но и позже, въ XIV столѣтіи, встрѣчаемъ еще примѣръ, что Сербъ и Болгаре считаютъ грѣхомъ поработеніе въ плѣнъ попавшихъ „соплеменниковъ“.

Вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ Славянъ съ ихъ сосѣдами, особенно Нѣмцами, множество славянскихъ плѣнниковъ наполняло базары западно-европейскіе: отсюда произошло названіе раба Славяниномъ (склавомъ) у всѣхъ германскихъ и романскихъ народовъ.

Слѣды родового быта сохранились у Славянъ до позднѣйшихъ временъ, особенно въ юридическомъ ихъ бытѣ. На родовомъ бытѣ основывается и круговая порука, то-есть, отвѣтственность, ручательство рода за всѣ поступки и преступленія его членовъ. Съ преобразованиемъ рода въ общину, обязанность круговой поруки перешла на послѣднюю, на извѣстный округъ, на околицу, ополѣ и вервь. Принадлежащіе къ этому округу отвѣчали за всѣ, совершившіяся въ нихъ границахъ, преступленія, напримѣръ, въ случаѣ убійства они должны были нести повальное наказаніе, вражду или главу (головщину). Круговая порука сохранилась у западныхъ Славянъ до XIII—XIV столѣтій, у южныхъ до XV, и ея слѣды остались еще до сихъ поръ; у восточныхъ, русскихъ Славянъ до XVI—XVII вѣковъ;

древнесербскія „окольные села“ соответствуютъ древнерусскимъ „окольнымъ селамъ“.

Родовой бытъ представляетъ самую низшую степень общественнаго развитія у Славянъ. Вслѣдствіе разныхъ причинъ, особенно внѣшнихъ, нѣсколько родовъ соединилось въ болѣе широкое общество, въ племя, и наконецъ, нѣсколько племенъ—въ высшую степень общественнаго быта, въ одно; какое бы то ни было, политическое цѣлое, въ государство. Но самыя названія: племя, часто замѣняющее слово родъ, — жупа, княжество, господарство, названія начальниковъ новыхъ общественныхъ тѣлъ, *князь, господарь* (государь), *жупанъ, владыка, оевода, и батя, батюшка*, на конецъ, самыя названія племенъ (Лютмиричи, Бодричи, Радимичи, Велегостици) указываютъ на происхожденіе племенъ и государствъ изъ родовъ.

Съ исчезновеніемъ родоваго быта при соединеніи племенъ въ государства, то-есть, въ болѣе или менѣе централизованныя политическія тѣла, и самыя названія рода и родопачальника приимають другое значеніе. Такъ, *челядь* стало означать прислугу, *войска* или *войско, полкъ*—вооруженныхъ людей (у Юго-славянъ просто народъ), *жупа* — извѣстный округъ новой общественной формациі, *жупанъ, оевода, староста* — извѣстныхъ чиновниковъ, намѣстниковъ князя, государя. Значеніе этихъ названій у Славянъ, послѣ разрушенія родоваго быта, было вообще довольно шатко и неопредѣленно. Такъ, напримѣръ, великій жупанъ былъ представителемъ, государемъ Хорватовъ, Сербовъ, жупаны — его намѣстники; у западныхъ Славянъ жупанъ былъ тоже намѣстникъ князя; вмѣстѣ съ тѣмъ, у Лабскихъ Сербовъ, у Ляховъ и у Словенцевъ—жупаномъ назывался и сельскій судья. Князь у восточныхъ и у западныхъ Славянъ означалъ государя (у Лабскихъ Сербовъ господина, пана), у южныхъ князь стоялъ ниже жупана и означалъ и начальника селъ; господарь — у восточныхъ и южныхъ былъ князь—государь, у западныхъ—хозяинъ и проч.

Въ государствахъ славянскія племена соединены въ болѣе тѣсныя и прочныя политическія и національныя цѣлыя, въ народы.

Государства создались преимущественно вслѣдствіе потребности общей защиты противъ внѣшнихъ враговъ; князь извѣстнаго племени соединилъ подъ свою власть сосѣднія племена или добровольнымъ ихъ соглашеніемъ, или вооруженною рукою.

Такимъ образомъ, во главѣ извѣстнаго государства и народа сталъ одинъ родъ княжескій. Такъ у Чеховъ — *Премисловичи*, у Польвовъ — *Пастовичи*, у Сербовъ — *Неманичи*, у Русскихъ — *Рюрик-*

сичи. Княжескій родъ считалъ подвластную себѣ землю своею „дѣдиной“ или отчиной“, которою пользовались всѣ его члены, какъ было у частныхъ родовъ. „Великій князь“ или „великій жупанъ“ былъ представителемъ не только своего государства и народа, но и своего рода, заботясь о его членахъ, назначая имъ „дѣлы, удѣлы“ и проч. Знакомъ возвышенія въ княжеское достоинство было сажаніе на „столъ отень и дѣденъ“. Позже, когда славянскіе князья замѣнили свой титулъ чужими титулами *кравей* (*королей*) и *царей*, этотъ обычай замѣненъ вѣнчаніемъ, коронаціей.

Непрочный наслѣдственный порядокъ въ княжескихъ родахъ славянскихъ установленъ введеніемъ сеніората или старѣйшинства, по которому старшій членъ всего рода занималъ великокняжескій столъ. Старѣйшинство введено одновременно въ княжескихъ родахъ русскихъ (1054 г.) и чешскомъ (1055 г.), позже въ польскомъ (1139 г.), и въ-роатно, и въ сербскомъ. Но введеніе старѣйшинства не установило престолонаслѣдія, а напротивъ того, дало поводъ къ непрерывной борьбѣ за престолъ между членами княжескихъ родовъ. Оно замѣнено позже въ XIII—XIV столѣтіи примогенитурой или первородствомъ. Княжеское достоинство у Славянъ основывалось первоначально, какъ и достоинство родоначальника, на выборномъ началѣ и только позже сдѣлалось наслѣдственнымъ. Но древнее выборное начало безпрестанно оспаривало новое, наслѣдственное, особенно при слабѣющей власти князей. Такъ было преимущественно на Руси, и при извѣстномъ положеніи дѣлъ, и въ Польшѣ, Чехіи, Хорватіи и Сербіи.

Съ замѣною родового и племенного быта государственнымъ, настали у Славянъ и новые порядки въ ихъ общественномъ строѣ. Во-первыхъ, произошла болѣе рѣзкая разница между его классами, образовались *сословія*. Съ упадкомъ родового быта, народонаселеніе очутилось въ другихъ условіяхъ жизни и должно было принимать новыя обязанности и повинности. Изъ среды его выдѣлились болѣе знатные и богатые люди, и вмѣстѣ съ бывшими племенными князьями или жупанами, стали составлять новое сословіе знатныхъ людей, крупныхъ землевладѣльцевъ, *боляръ* (*бояръ*) и *вельможъ*, то-есть, болшихъ, великихъ людей (у восточныхъ и южныхъ Славянъ), *мьгоя*, *лягоя*, *шлясты*, *шлясты*, то-есть, владѣтелей лѣхъ, земель (оттуда и *земляне* у западныхъ Славянъ), *племства*, *племичей*, то-есть членовъ, извѣстныхъ племенъ, родовъ (у Хорватовъ), *властелей*, то-есть, землевладѣльцевъ (у Сербовъ). Въ это новое сословіе вошли и многіе родоначальники и составили второй разрядъ знатныхъ людей. У за-

падныхъ Славянъ, именно у Чеховъ и Поляковъ, они продолжаютъ называться древнимъ своимъ названіемъ *владыкы, влодыкы*; у остальныхъ Славянъ они, въ отличіе отъ великихъ, старшихъ бояръ или влстелей, принимаютъ названія *мачихъ, младшихъ, меньшихъ* или *властеличичей, дтей боярскихъ*, и проч. Въ число этой родовой знати входили и лица, пожалованныя такимъ достоинствомъ княземъ, государемъ. Сословіе боярское или шляхетское занимало первое мѣсто въ государственной жизни; оно окружало князя, составляя его совѣтъ, занимало всѣ высшія мѣста, совѣщалось о дѣлахъ земскихъ и проч. Оно, наконецъ, привело и остальное народонаселеніе въ свою зависимость.

Массу народа составляло сельское народонаселеніе; у Русскихъ, а отчасти и у Ляпскаго племени они назывались *смерды*, то-есть, люди; у западныхъ и у южныхъ Славянъ—*кмети*, то-есть, хозяева, земледѣльцы; у послѣднихъ, Сербовъ и Болгаръ,—*себры* и *перотки*, вѣроятно, по покореннымъ ими народамъ Сабировъ и Пороповъ; у Русскихъ позже и *крестьяне*. Поселяне пользовались личною, но не вещественною свободой; они, сидя на чужой землѣ, обязаны были отплатить для своихъ господъ извѣстныя повинности, опредѣленныя по закону. Только немногимъ изъ нихъ удалось сохранить за собою землю своихъ дѣдовъ. Это такъ-называемыя нѣкоторыми Славянами—*дядичи*. Сельское народонаселеніе хотя и подпадало все подъ большую зависимость отъ своихъ господъ, сохраняло, однако, личную свободу до XV, даже XVI столѣтій (въ Московской Руси), и только тогда прикрѣплено къ землѣ и обременено игомъ подданства или даже крѣпостнаго состоянія.

Славяне жили либо въ укрѣпленныхъ, огороженныхъ мѣстахъ, *градахъ (уродахъ)*, либо въ открытыхъ *селахъ, весяхъ*. Градъ былъ средоточіемъ и убѣжищемъ племени преимущественно въ случаѣ войны, непріятельскаго наваденія и проч. Племя и его городъ часто имѣли одно и то же названіе: Лютомирчи—городъ Лютомирчей, Гломачи—городъ Гломачей, Полоцкъ—городъ Полочанъ, Враничево—Враничевцевъ, Волынь—Волынянъ. Иногда и стародавнія племенные названія замѣнялись названіями по городамъ. Такъ было особенно на Руси. Кіевляне (Поляне) назвались по Кіеву, Новгородцы (Словѣне) по Новгороду, Смоленяне (Кривичи) по Смоленску и проч. Подъ или передъ городомъ находилось открытое поселеніе *подградіе* или *передгородіе*; здѣсь, равно какъ и въ селахъ, жили и высшія, и низшія, особенно къ самому городу принадлежащія сословія, купцы, ремесленники и

проч. Разницы между жителями городовъ, подградій и сель не было: всѣ они жили подъ однимъ закономъ. Между славянскими городами замѣчательны на Русь—Владиміръ, Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Кіевъ; у Славянъ Балтійскихъ—Гданскъ, Штетинъ, Волинь; у западныхъ Славянъ—столицы государствъ чешскаго и польскаго, Прага и Краковъ. Южные Славяне въ новыхъ своихъ жилищахъ застали и много римскихъ городовъ, которые подверглись вліянію окружившихъ ихъ Славянъ.

Кромѣ сословія боярскаго или шлякетскаго и сельскаго, включая въ это послѣднее и разныхъ ремесленниковъ, слугъ и пр., другихъ сословія у Славянъ первоначально не было.

Городское сословіе, то-есть, община, живущая подъ особыми законами, является у Славянъ позже. „Мѣста“ и „мѣщане“ перешли къ Чехамъ и Полякамъ изъ Германіи, въ XIII и XIV столѣтіяхъ; въ юго-западную, польско-литовскую Русь—изъ Польши. У Югославянъ подлѣ славянскихъ городовъ остались и городскія общины еще со временъ римскаго владычества.

Государства славянскія основывались на древнемъ *жуномъ* или городскомъ устройствѣ. *Жупа*, первоначально родъ и его округъ, приняла позже болѣе обширное значеніе; она или соотвѣтствовала племени, или извѣстному его подраздѣленію. Съ развитіемъ государственной идеи, *жуны* сдѣлались извѣстными административными и судебными округами, которыми управляли княжескіе намѣстники и чиновники, — *жупанъ*, *судья*, *коморникъ* или *пристава*, *владарь*, *владалець* или *тѣучъ* и проч. Названія *жупа* и *жупанъ* встрѣчаются у западныхъ и у южныхъ Славянъ. У Русскихъ *жупъ* соотвѣтствуетъ первоначально *вервь*, позже *волость* и *уѣздъ*, *жупану* — *посадникъ*, позже *намѣстникъ*. Средоточіемъ *жупы* было укрѣпленное мѣсто, *градъ*, *городъ*, а *жупа*, по древне-сербскому опредѣленію, была „предѣлъ того града“. Жители *жупы* (др.-серб. *жуплине*) были, безъ различія, обязаны нести извѣстныя повинности относительно своей *жупы*, всей земли и особы князя, были обязаны къ постройкѣ и поправкѣ городовъ (зиданію града, городовому дѣлу), земскому ополченію, доставленію путешествующимъ князю и его чиновникамъ подводовъ, проводовъ, съѣстныхъ припасовъ или корму, нарѣзу, оспу, повозу и къ другимъ повинностямъ, которыя назывались въ Балтійскихъ земляхъ прямо „славянскими“. *Жунное* устройство со всеми повинностями сохранилось съ одинаковыми названіями до позднѣйшихъ временъ, особенно у восточныхъ и южныхъ Славянъ; у послѣднихъ (въ коронѣ Угорской) существуетъ

отчасти и до сихъ поръ. У западныхъ Славянъ жупное устройство если и не совсѣмъ упало, то значительно измѣнилось, вслѣдствіе проиженіи чужихъ порядковъ въ ихъ государственнѣй строй.

Славяне съ древнѣйшихъ времяхъ всегда имѣли участіе въ государственныхъ дѣлахъ, рѣшая ихъ вмѣстѣ съ избираемымъ или наследственнымъ княземъ. „Народы славянскіе и антскіе“, говоритъ одинъ Византиецъ VI вѣка, „не повинуются одному мужу, но живутъ издавна въ народномъ правленіи, и потому всегда о своихъ пользахъ и нуждахъ сообща совѣщаются; равнымъ образомъ и почти всѣ другія дѣла у нихъ по древнимъ законамъ управляются“.

Такия народныя сходки встрѣчаются у Славянъ и въ послѣдующихъ вѣкахъ. Это — славянскія *вѣча*, *соборы*, *сметы* или *сеймы*, на которыхъ народъ совѣщался, собирался (снялся). У Русскихъ Славянъ народныя *вѣча* издавна собирались въ главныхъ, племенныхъ городахъ (властяхъ)—въ Кіевѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ и др.; звономъ вѣчевыхъ колоколовъ созывался каждый свободный человекъ на вѣче „думать“ о важныхъ дѣлахъ. Вѣча на Руси приобрѣтаютъ себѣ большую силу и власть во время непрерывныхъ междоусобицъ княжескихъ, но лишаются ея при сильныхъ князьяхъ, особенно въ сѣверо-восточной Руси, Владимірско-Московскихъ и, наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ въ централизованномъ государствѣ Московскомъ; позже всего, въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ, они исчезаютъ въ Новгородѣ и Псковѣ. Слабымъ ихъ отголоскомъ сдѣлались *земскіе соборы* Московскаго государства; но болѣе прямые преемники вѣчъ явились на окраинахъ русскаго міра: *казакіе кружи* и *рады* не что иное, какъ древне-русскія вѣча.

Такия всенародныя вѣча являются и у западныхъ Славянъ, особенно у Поморянъ и у Лютичей. У Чеховъ и Поляковъ и, соединенныхъ съ ними впослѣдствіи, юго-западныхъ Русскихъ *сметы* или *сеймы* позже сдѣлались сходками только шляхты. Сеймы ограничивали государей во все существованіе обоихъ западно-славянскихъ государствъ.

У южныхъ Славянъ *соборы* и *вѣча* разнообразны. Въ городскихъ общинахъ адриатическихъ римское начало смѣшалось съ славянскимъ; первоначальныя всенародныя соборы замѣнились позже сходками только властельства. Но подлѣ нихъ остались и древне-славянскія вѣча, какъ напримѣръ, въ хорватскихъ общинахъ Полицкой, Винодольской, Керцкой и др. Въ государствахъ Хорватскомъ, Сербскомъ, Болгарскомъ общенародныя соборы превратились, какъ и у Чеховъ и Поляковъ, въ соборы одного только племя, властельства или бо-

лярства. Такіе соборы, прихѣвныя къ требованіямъ времени, сохранились до сихъ поръ въ Хорватіи и вообще въ земляхъ короны Угорской, перенявшей государственное устройство отъ Славянъ.

У Славянъ искони было свое право, своя правда, свои законы, о которыхъ упоминають уже Византіяны VI вѣка. Это древне-славянское право и законы, „по которымъ всегда жили отцы, дѣды и всѣ предки“, составляетъ и основу права, какъ оно въ послѣдствіи развилось у разныхъ народовъ славянскихъ. Въ ихъ правахъ сохранилось до позднѣйшихъ временъ много сходства, и нѣкоторые юридическіе обычаи у Югославянъ напоминають до сихъ поръ многіе древне-чешскіе, древне-польскіе и древне-русскіе законы. Нѣкоторыя сходства права государственнаго и частнаго у всѣхъ Славянъ видны и въ этомъ очеркѣ внутренняго быта Славянъ. Приведемъ еще нѣсколько сходныхъ чертъ въ юридическомъ быту у Славянъ. *Сардъ* (*изводъ*), то-есть, отклоненіе отъ себя подозрѣнія въ преступленіи, встрѣчается у Чеховъ, Сербовъ и Русскихъ; *слѣдъ*, то-есть, преслѣдованіе преступника—у Поляковъ и Русскихъ; *соки*, то-есть, родъ судебныхъ сыщиковъ—у Чеховъ, Русскихъ и Югославянъ, у которыхъ отчасти остались до сихъ поръ (въ Черной Горѣ); *вданіе* (*взданіе*, *выдача*), то-есть, судебный вкладъ противниковъ—у Чеховъ, Сербовъ, Русскихъ (въ Литвѣ, Киевѣ, Смоленскѣ); *мие*, *поличное* (*corpus delicti*)—у всѣхъ Славянъ и пр. *Судъ присяжныхъ* (*порота*) встрѣчается особенно у Югославянъ; слѣды его у Чеховъ, Поляковъ, Русскихъ; *суды божіи* (вода, желѣзо, мечъ, кій) употреблялись у всѣхъ Славянъ, и слѣды ихъ остались до сихъ поръ у Югославянъ, и пр.

Законы хранились главнымъ образомъ посредствомъ устнаго преданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и записывались чертами или рѣзами на таблицахъ, *доскахъ*, *дескахъ*. Такія доски, въ смыслѣ записей, встрѣчались на Руси до XV вѣка (въ Новгородѣ и Псковѣ); у Чеховъ же государственный архивъ называется до сихъ поръ „земскими десками“.

Много общихъ чертъ сохранилось у Славянъ и въ духовной ихъ жизни: такъ, въ славянской мѣологіи, не смотря на то, что она не развивалась у всѣхъ племенъ одинаково. У нихъ былъ одинъ наивысшій богъ *Сварошь*—небо, отецъ обоихъ *Сварожичей*, солнца и огня; обожаніе небснаго свѣта, солнца, играетъ важную роль во всей славянской мѣологіи. Кромѣ того главнаго бога, было много и другихъ божествъ высшаго и низшаго разряда, боги домовые (дѣды) и пр., которые, равно какъ и равныя богослужебныя обряды, у Сла-

внѣ были болѣе или менѣе сходны. Отголоски этихъ древнихъ вѣрованій раздаются до сихъ поръ въ народной поэзіи славянской.

Нравы древнихъ Славянъ описываютъ сами враги ихъ въ недурномъ свѣтѣ. Особенно хвалятъ ихъ добрый и искренній характеръ, ласковое обхожденіе съ плѣнными и безпредѣльное гостепрѣимство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, рано замѣтна въ характерѣ Славянъ черта, которая оказалась роковою для нихъ дальнѣйшей судьбы. „Славяне дорожатъ свободой, никакимъ образомъ не склоняются служить или слушаться и не выносятъ никакого повелителя. Между ними постоянно господствуютъ различныя мнѣнія; ни въ чемъ они между собою несогласны; если одни на что-нибудь согласятся, другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, ибо всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Еслибы многочисленные Славяне не были такъ раздроблены и не воевали безпрестанно другъ съ другомъ, то они были бы самый могучій народъ въ свѣтѣ“.

Такъ отзываются о Славянахъ иноплеменники VI и X вѣковъ.

Эта-то безграничная, ничѣмъ необуздаемая любовь къ свободѣ, или скорѣе, къ неповиновенію, эти безпрестанныя драки, приводящія съ собою политическую слабость, и были главною причиною неудачъ и паденія независимости Славянъ.

И. Чернопольскъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОСУДАРСТВО И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ РОССИИ СЪ XVII ВѢКА ДО УЧРЕЖДЕНІЯ МИНИСТЕРСТВЪ ¹⁾.

II.

Равенство элементарнаго образованія.

Одинъ историкъ общественнаго обученія изображаетъ переворотъ, совершенный христіанскими приходскими школами, слѣдующимъ образомъ: „Учрежденіе этихъ школъ имѣло благотворныя для человѣчества послѣдствія. Вопервыхъ, онѣ возникали не въ однихъ только городахъ, но постепенно распространялись и въ деревняхъ, и чрезъ то доставляли благодѣлія нравственнаго образованія тому классу людей, который оставался до тѣхъ поръ совершенно забытымъ; съ другой стороны, въ нихъ сходились всѣ... богатые и бѣдные и, такимъ образомъ, подавали спасительный примѣръ братства людямъ“ ²⁾.

Цѣли христіанскаго просвѣщенія требовали, чтобы всѣ, принимающіе христіанство, одинаково проникались духомъ его ученія. Стремленіе — выполнить эту задачу во всей ея широтѣ—наиболѣе проявлялось въ тѣ времена, когда ревность къ распространенію образованія возбуждается еще духомъ миссіонерства и пропаганды. Этимъ объясняется тотъ, по видимому, странный фактъ, съ которымъ мы встрѣтимся даже въ XVIII столѣтіи, что и правительство, и общество усердно заботятся объ учрежденіи школъ для инородцевъ ³⁾ въ то время, когда элементарное образованіе господствующей націи остается въ полномъ пренебреженіи

Приготовленіе священниковъ и причетниковъ изъ туземцевъ вовсе не есть единственная цѣль учрежденія училищъ миссіонерами, хотя несомнѣнно, что она стоитъ на первомъ планѣ. Имѣя это въ виду,

¹⁾ Продолженіе. См. *Журн. Мин. Народн. Просв.* октябрь 1873 года.

²⁾ Исторія публичнаго обученія. *Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.* ч. V. (1835. № 1 и 2).

мы можемъ понять — съ интересующей насъ теперь точки зрѣнія — смыслъ краткихъ лѣтописныхъ извѣстій о первоначальномъ возникновеніи школъ въ Россіи. Древнѣйшій лѣтописецъ, по видимому, совершенно противорѣчитъ указанному сейчасъ значенію этого факта, говоря, что Владиміръ велѣлъ отбирать дѣтей у лучшихъ гражданъ („нарочитая чада“) и отдавать ихъ въ книжное ученіе, и что матери плакали объ отбираемыхъ дѣтяхъ, какъ о мертвецахъ ¹⁾. Судя по этому, заботы о просвѣщеніи имѣли въ виду лишь одинъ высшій классъ; по у Татищева находимъ другое извѣстіе: „Владиміръ повелѣлъ брать дѣтей *знатныхъ, среднихъ и убогихъ*, раздавая по церквамъ священникамъ со причетники въ наученіе книжное“ ²⁾. Споръ, возникшій о томъ ³⁾, какаѣ были цѣль этой мѣры, было ли учреждено одно училище, или множество приходскихъ, удовлетворительно рѣшается тѣмъ предположеніемъ, что въ Лаврентьевской лѣтописи и у Татищева говорится о двухъ разныхъ мѣрахъ: въ первой объ одномъ училищѣ въ г. Кіевѣ, училищѣ не элементарномъ и назначенномъ для высшаго класса, а во второй — о приходскихъ, городскихъ и сельскихъ школахъ. При поступленіи дѣтей въ приходскія училища не было бы нужды отрывать ихъ отъ родителей, а матерямъ — плакать о нихъ.

Совершенно параллельный фактъ находимъ въ княженіе Ярославъ, который основалъ центральное училище въ Новгородѣ, гдѣ „собра отъ *старостъ* и отъ *поповыхъ дѣтей* дѣтей 300“, и онъ же „имъ церкви ставилше по градомъ и по мѣстамъ, поставляя попы... вели имъ учити люди“. Элементарная школа въ христіанскомъ обществѣ первоначально является и навсегда остается всеобщее.

Мы уже говорили, что предполагать всеобщее распространеніе элементарнаго образованія въ древней Руси было бы странно. Но нельзя сомнѣваться, что люди всѣхъ состояній имѣли совершенно одинаковый доступъ къ общественному образованію, не исключая и рабовъ ⁴⁾, которыхъ, можетъ-быть, учили даже съ особеннымъ усердіемъ, потому что рабовладѣльцы обыкновенно обращали холоповъ въ домашнихъ учителей для собственныхъ дѣтей, для замѣщенія мѣстъ священническихъ въ церквахъ, отъ нихъ зависимыхъ, для управленія имѣніями и для веденія исковъ въ судахъ по своимъ дѣламъ;

¹⁾ П. С. Р. Л., I, стр. 51.

²⁾ Ист. Росс. II, стр. 76.

³⁾ См. Studien zur gründliche Kenntniss der Vorzeit Russlands, стр. 89 и т. д. С. М. Соловьевъ. И. Р. I прим. 261. Лавровскій о древнихъ русск. уч.

⁴⁾ См. выше цитар. мѣсто изъ Опис. Рум. Муз. № ССХХХII.

даже сословіе наемныхъ адвокатовъ (по свидѣтельству дополнительныхъ статей къ Судебнику) обыкновенно состояло изъ холоповъ и домашней прислуги полусвободнаго состоянія. Замѣнять общее элементарное образованіе домашнимъ могли лишь немногія лица, и притомъ уже позднѣе, когда вообще домашнее образованіе въ сѣверной Руси отодвинуло на второй планъ общино-приходское. Стоглавъ повелѣваетъ учреждать „училища, чтобы священники и дьяконы и *вся православные христіане* въ кождо градѣ давали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, книжнаго письма и церковнаго пѣнія и чтенія наложнаго“... Хотя, по Стоглаву, цѣлю школьнаго обученія должно быть замѣщеніе священническихъ и вообще церковныхъ мѣстъ, но эта цѣль не есть единственная, а лишь высшая, по сознанію того времени. *Вся* православные христіане, конечно, не могли предназначать своихъ дѣтей въ священники и причетники.

Замѣщеніе церковно-служебныхъ мѣстъ остается цѣлю элементарнаго обученія только въ томъ смыслѣ, что потребность въ священникахъ и церковномъ причтѣ была для общины того времени самою настоятельною. Тогдашнія школы нельзя назвать духовными, потому что въ священники поступали лица всѣхъ классовъ, живущихъ въ приходѣ, а причетники нанимались общиною. Само собою разумѣется, что для дѣтей изъ духовнаго званія представлялось болѣе побужденій учиться грамотѣ, чѣмъ для дѣтей прочихъ сословій, потому что, по стариннымъ представленіямъ, „ноновъ сынъ, грамотѣ не ученый, есть изгой“, то-есть, лицо, лишенное правъ въ общинѣ. Этимъ объясняется и постепенное возникновеніе наследственной передачи священническихъ мѣстъ, сначала существовавшей фактически, а потомъ приравненной какъ-бы обычнымъ правомъ. Однако, явленія эти относятся къ позднѣйшему времени. По общему правилу о выборахъ, дѣйствовавшему до самыхъ узаконеній Петра о духовныхъ мѣстахъ, всякое лицо, обладавшее свѣдѣніями, которыя составляли тогда область элементарнаго образованія, имѣло одинаковыя права на посвященіе въ духовный санъ.

Приходская община, какъ мы знаемъ, обладала и другими функциями: за нею остались многія отправления полиціи безопасности; въ лицѣ судныхъ мужей и цѣловальниковъ она участвуетъ и въ судѣ. Выборъ этихъ лицъ былъ для нея не менѣе важенъ, чѣмъ выборъ священниковъ. Поэтому самые почетные люди, переходившіе и не переходившіе въ служилый классъ, получали элементарное образованіе, какое въ состояніи была предложить имъ община. Это сохраня-

лось неизмѣннымъ въ XVII вѣкѣ и продолжалось до половины XVIII, какъ въ западной, такъ и въ восточной Руси. Выше было приведено мѣсто изъ устава Луцкой школы, что „учитель долженъ учить и любить дѣтей одинаково, какъ сыновей богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ и тѣхъ, которые ходятъ по улицамъ, прося подавнiя“.

Букварныя великорусскiя училища XVII вѣка отнюдь не были *духовными* по составу учениковъ, а напротивъ, *всесловными*. Г. Мордовцевъ говоритъ: „Важное свидѣтельство читаемъ мы въ азбуковникахъ относительно того, въ какихъ слояхъ русскаго общества было распространено если не образованiе, приличное тому времени, то по крайней мѣрѣ грамотность“. Въ одномъ азбуковникѣ сама мудрость, поучая юношество и совѣтуя родителямъ всѣхъ состоянiй и званiй, даже земледѣльцамъ, отдавать своихъ дѣтей въ наученiе къ ней и прехитрой словесницѣ, говоритъ между прочимъ: „Сего ради присно глаголю и глаголю не престану людямъ благочестивымъ во слышанiе, всякаго чина же и сана, славнымъ и худороднымъ, богатымъ и убогимъ, даже и до послѣднихъ земледѣльцевъ, да своя нескусозлобныя дѣти на... благородное ученiе вдають; не оскорбляйтеся убо, ниже печаль си имѣють о невѣжествующихъ и грубо родныхъ отроковъ, но и сихъ удобъ отдавайте“. — „Конечно“, прибавляетъ авторъ, „по этимъ словамъ нельзя еще дѣлать заключенiй о распространенiи грамотности между поселянами; но что такое явленiе считалось уже возможнымъ въ то время въ нашей старой Руси, это неоспоримо. Впрочемъ намъ довольно и того, если мы знаемъ, что въ школахъ до Петровской Руси могло обучаться юношество всякаго состоянiя и всѣхъ сословiй, начиная отъ знати до послѣднихъ земледѣльцевъ“.

Въ документахъ того времени мы рѣдко находимъ извѣстiя о числѣ обучавшихся; но азбуковники указываютъ не разъ на тѣсноту школьныхъ помѣщенiй:

«Данное тебѣ учителемъ мое мѣсто,
Ту житiе твое да будетъ вѣстно;
Дружнаго мѣста не восхищай
И товарищевъ своихъ не утѣсняя».

Общественный характеръ школъ въ XVIII вѣкѣ, когда высшiе и зажиточные классы (дворяне, купцы) получали образованiе вмѣстѣ съ низшими, послужилъ, какъ извѣстно, богатымъ матеріаломъ для издателей сатирическихъ журналовъ второй половины этого вѣка. Въ журналѣ 1769 года *Всякая всячина* читаемъ слѣдующее: „Провождаю дни свои въ деревнѣ, я былъ воспитанъ бабушкой, которая любила

меня чрезвычайно. Первыя мои лѣта упражнялся я съ крестьянскими ребятами цѣлыя дни на гумнѣ; часто случалось, что бывалъ ихъ до крови и когда приходили они къ учителю моему (который былъ старшій дячокъ нашего прихода) жаловаться, то онъ отгонялъ ихъ. Бабушка моя подъ жесточайшимъ гнѣвомъ запретила ему ниже словомъ огорчать меня. Итакъ неудивительно, что учитель не хотя потерять ея милости и навлечь на себя гнѣвъ ея, точно ея приказу послѣдовалъ. Имѣя столь хорошаго покровителя, не глядѣлъ я ни на кого".

Ужъ изъ этихъ сатирическихъ очерковъ видно, что въ то время школьное равенство было лишь мнимое, и что высокая социальная цѣль элементарныхъ приходскихъ училищъ утрачивалась.

Мысль о всеобщемъ распространении грамотности въ древней Руси можетъ оказаться вѣрною въ примѣненіи къ посадскому населенію, въ особенности относительно сѣверныхъ городовъ. Г. Борисовъ замѣчаетъ о грамотности посадскихъ городовъ Шуи въ XVII вѣкѣ: Въ выборной записи Шульцъ на избраніе губнаго цѣловальника Дѣя Филимонова сказано: „Мы на него посацкіе люди и выборъ дали за отцовъ своихъ духовныхъ и за своими руками, а выборъ писалъ, по велѣнію посацкихъ людей, въ Шуѣ земской дячекъ Алешка Ивановъ“. На оборотѣ сего акта подписано *до сорока лицъ посацкихъ людей* кромѣ 5 Шуйскихъ священниковъ (Старинные акты, изд. 1853 года, стр. 112). Въ челобитной Шуянъ, поданной на имя царя Алексѣя Михайловича, въ подлинномъ хранящемся у меня противнѣ изъ посацкихъ людей приложено *двадцать* рукъ.... „Въ доказательство грамотности Русскихъ въ XVII вѣкѣ“, продолжаетъ г. Борисовъ, „можно бы привести письменныхъ указаній и гораздо болѣе, но я почитаю и этого достаточнымъ. Считаю нужнымъ присовокупить, что между Шуйскими земскими старостами почти не встрѣчается безграмотныхъ, исключая лишь старосты Алексѣя Игнатьева Дурина, который прикладывалъ къ бумагамъ свою восковую именную печать. Впрочемъ, было обыкновеніе у нѣкоторыхъ служебныхъ лицъ того времени, умѣвшихъ и писать, прикладывать почему-то, вмѣсто подписи „печати...“.

Мы видѣли, что по содержанию своему элементарное обученіе въ XVII вѣкѣ допускало широкое разнообразіе въ частностяхъ: каждая община видоизмѣняла его по мѣрѣ своихъ средствъ и нуждъ. Но общія черты его оставались всегда одинаковыми. Объемъ курса, учебныя пособія, школьныя приемы (до нѣкоторой степени устройство училищъ) были одни тѣ же, какъ на крайнемъ сѣверѣ, такъ и на край-

немъ югѣ. Это неофициальное единство было основано на единствѣ потребностей и взглядовъ на цѣли образованія.

III.

Отношеніе общинъ къ элементарному образованію.—Народныя школы.

Очевидно, что при извѣстныхъ условіяхъ и разрозненное управленіе общинъ можетъ приводить элементарное обученіе къ такимъ же результатамъ, къ какимъ, по ученію современной науки, приводитъ его только руководительство центральной власти. По мнѣнію Штейна, обязательность элементарнаго обученія можетъ быть установлена только центральнымъ правительствомъ. Между тѣмъ историческія свѣдѣтельства указываютъ, что всѣ низшія формаціи общества, входящія потомъ въ государство (роды и сословія, общины и земства), могутъ точно также примѣнить эту мѣру, конечно, лишь въ одномъ ея видѣ (въ томъ, которое соответствуетъ германской *Schulpflicht*, а не въ томъ, которое обозначается терминомъ *Schullast*)¹⁾.

Несомнѣнно, обязательное обученіе не есть нѣчто совершенно новое, возникшее подъ вліяніемъ лишь современныхъ понятій о сущности и цѣляхъ государства. Напротивъ того, въ древнѣйшія времена социальная почва для него была особенно благопріятна. Чѣмъ ближе формы государства къ первобытнымъ, зачаточнымъ, именно къ семьѣ, тѣмъ непосредственнѣе относятся къ обществу правящая власть, тѣмъ большею опекой она охватываетъ нравственный бытъ частныхъ лицъ. Кто будетъ отрицать право отца заставить своихъ дѣтей учиться тому, что онъ считаетъ для нихъ полезнымъ? И дѣйствительно, почти у всѣхъ народовъ семьи и общество подѣлили власть надъ юнымъ поколѣніемъ такимъ образомъ, что дѣтство подлежитъ опекѣ и заботамъ семьи, отрочество — надзору и попеченію общества. Предѣломъ перехода правъ отъ семьи къ обществу обыкновенно является семилѣтній возрастъ²⁾.

¹⁾ Вопросъ объ обязательности элементарнаго образованія такъ важенъ, въ особенности теперь для Россіи, что мы сочли необходимымъ подробно изложить исторію его у насъ.

²⁾ У народовъ индо-европейской расы, несомнѣнно предоставляющихъ болѣе широкій просторъ для индивидуальной свободы, семилѣтній срокъ соблюдался почти повсюду (напримѣръ, у древнихъ Персовъ, Ассирійцевъ, Германцевъ и Славянъ); напротивъ, у народовъ расы монгольской онъ наступалъ ранѣе, напримѣръ, у

У индо-европейскихъ народовъ символомъ перехода ребенка изъ подъ исключительной власти семьи подъ совокупную власть семьи и общества было стрижение волосъ, — обрядъ, который у Римлянъ сопровождался облеченіемъ въ тогу, на пятнадцатомъ году.

Этотъ переходъ власти въ первобытныхъ обществахъ вовсе не былъ такъ рѣзокъ, какъ у народовъ, усвоившихъ цивилизацію. За предѣлами семьи ребенокъ встрѣчаетъ ея продолженіе, состоящее изъ нѣсколькихъ семействъ ¹⁾. Большою частію это былъ переходъ изъ-подъ опеки матери подъ руководство отца, которое совершается въ соучастіи съ отцами другихъ семействъ. Не слѣдуетъ думать, что означенный переходъ знаменовалъ для ребенка непременно поступленіе въ школу. Все зависѣло оттого, что разумѣло то или другое общество подъ общественнымъ образованіемъ; если, по понятіямъ его, необходимѣйшими знаніями были верховая ѣзда, умѣніе владѣть оружіемъ, ловкость въ борьбѣ и вообще физическія достоинства, то именно это оно и старалось сообщить своему питомцу. Однако, у большей части народовъ въ этотъ разрядъ знаній входила и грамотность. Во всякомъ случаѣ извѣстные знанія считались совершенно обязательными, потому что отсутствіе ихъ лишало молодого человѣка тѣхъ правъ въ обществѣ или сословіи, которыми принадлежали-бы ему по рожденію.

Эту же обязательность, гарантируемую не законодательными мѣрами, а требованіями обычнаго права, мы встрѣчаемъ и у насъ въ древнѣйшую эпоху. И на Руси точно также, по достиженіи мальчикомъ извѣстнаго возраста, общество неизбѣжно вступало въ свои права надъ нимъ и сообщало ему знанія, считавшіяся необходимыми. Приведенное выше свидѣтельство арабскихъ писателей о томъ, что у Славянъ отецъ вручалъ сыну лукъ и стрѣлы по достиженіи имъ совершеннолѣтія, имѣетъ то же самое значеніе, какъ подобное же извѣстіе Тацита о Германцахъ, то-есть, что съ того времени юноша

Китайцевъ тотчасъ послѣ того, какъ ребенокъ могъ говорить и употребляетъ пищу безъ помощи другихъ. (*Cramer*, I-г В. S. 29). Впрочемъ, нужно принимать во вниманіе болге или менѣе раннее наступленіе срока физическаго зрѣлости, то-есть, зависимость отъ климатическихъ условій; напримеръ, у Индійцевъ весьма рано (на 2-мъ или на 3-мъ году) совершалось стрижение волосъ.

¹⁾ «На седьмомъ году дѣти выходили (у Персовъ) изъ подъ руководства матери и получали воспитаніе подъ надзоромъ отцовъ. Тогда начиналось и обученіе. Учителями были или сами отцы, или другія лица свѣдущія, и пользовавшіяся уваженіемъ по своимъ лѣтамъ и честному поведенію». *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1854 г. Октябръ, стр. 27.

долженъ былъ, подъ надзоромъ общества, обучаться владѣть оружіемъ. Обрядъ этотъ въ историческія времена замѣняется постригами и посаженіемъ на коня. Въ древности, когда у Славянъ живы были общеплеменные преданія, онъ совершался и у насъ, какъ у Индійцевъ, весьма рано: „по 3-му или по 4-му году князьимъ были постриги, принадлежавшія къ семейнымъ праздникамъ... и сажался онъ (молодой князь) потомъ на коня“ ¹⁾; но такъ какъ у насъ, въ странѣ сѣверной, упомянутый срокъ долженъ былъ казаться слишкомъ раннимъ, то въ послѣдствіи, какъ справедливо замѣчаетъ г. Лавровскій, руководясь Татищевымъ ²⁾, и на Руси постриги совершались надъ 7-ми лѣтними дѣтми.

Христіанская церковь осватила этотъ обычай, и обрядъ постриженія сдѣлался обрядомъ церковнымъ; совершаемымъ епископомъ въ церкви. Послѣ того постриженникъ поступалъ во дворъ къ князю или знатному боярину; весь младшій составъ этихъ дворовъ получилъ отсюда названіе отроковъ и дѣтскихъ. Вслѣдъ за принятіемъ христіанства, одновременно съ этимъ начиналось и ученіе: „съ 7-ми лѣтъ обыкновенно отдавали дѣтей обучаться грамотѣ“ ³⁾. „Обученіе грамотѣ“, говоритъ г. Лавровскій ⁴⁾, — „не начиналось ранѣе 7-ми лѣтъ; но могло начинаться и позднѣе“. Какъ дворы князей и бояръ были школами для образованія военнаго (рыцарскаго), такъ дворы епископовъ и монастыри съ ихъ школами—для высшаго сословія, приходская церковь съ ея элементарною школою для простолюдиновъ—были центрами духовнаго (умственнаго и нравственнаго) образованія. „Рождшужеся отрочати (св. Петру митрополиту) и седьмаго лѣта возраста достигшу, вданъ бываетъ родителями книгамъ учитеса“ ⁵⁾.

Эта обязательность образованія, вытекающая изъ историческихъ основъ отношенія общества къ семьѣ, не имѣетъ ничего общаго съ обязательностью, устанавливаемою закономъ. Послѣдняя является обыкновенно въ эпоху реформъ, когда въ жизнь проникаютъ новыя воззрѣнія умственныя, соціальныя или религіозныя ⁶⁾. У насъ, при вве-

¹⁾ *Пододитъ*, О частной жизни князей въ древности, стр. 71.

²⁾ *Татищевъ*, Ист. Росс. II, прим. 553.

³⁾ *Идеаль древне русскаго воспитанія*, Журналъ для воспит. 1858 г., 3.

⁴⁾ Стр. 115.

⁵⁾ Степен. Книга, стр. 411.

⁶⁾ Такъ было, напримеръ, у Евреевъ въ эпоху столкновенія ихъ съ греческою цивилизаціей: мало по малу количество школъ увеличилось; вездѣ, гдѣ только насчитывалось 120 семействъ, вѣнялось въ обязанность имѣть началъ

деніи христіанства, готова была утвердиться эта обязательность: вербовка дѣтей въ Кіевское училище изъ рукъ плачущихъ матерей при Владимірѣ, и затѣмъ при Ярославѣ въ Новгородѣ, указываетъ на это. Когда новыя начала вошли въ жизнь, правительство отказалось отъ упомянутой мѣры.

Въ эпоху, отдѣляющую X вѣкъ отъ XVI, когда движеніе, вызванное христіанствомъ, приняло нормальныя и твердыя формы, обязательность обученія сдѣлалась столь же излишнею, какъ и до X столѣтія. Но XVI вѣкъ заявилъ себя цѣлымъ рядомъ реформъ, какъ въ политической, такъ и въ умственной жизни. Тогда вновь послыша-

ную лихолу. Городъ, не имѣвшій училища и не заботившійся о томъ, подвергается проклятію, даже недостойнъ, по суду раввиновъ, существованія. На 25 учениковъ полагался особый учитель; при 40 ученикахъ помощникъ учителя. (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1854, XII, стр. 249). То же было въ Германіи во время реформации: Лютеръ говорилъ: «Das Obrigkeit schuldig sei die Unterthanen zu zwingen ihre Kinder zur Schule zu halten». (*Leppé: Geschichte des deutschen Volksschulwesens*). Послѣдующія германскія узаконенія XVII и XVIII вѣковъ объ обязательности обученія суть ничто иное, какъ позднее прижизненіе принципа, провозглашеннаго Лютеромъ. На господствующія ямъ въ высшей наукѣ возрѣнія относительно этого вопроса нужно смотрѣть, какъ на попытку оправдать существующій фактъ, и нельзя не сознаться, что никто не сдѣлалъ этого удачнаго Штейна: такъ какъ экономическія различія общественныхъ классовъ грозятъ перейти (а въ некоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Англіи уже и переходятъ) въ различіе духовнаго, особенно умственнаго совершенства, то явленіе это и побуждастъ правительство принимать заранѣе энергическія мѣры. Но правительства не въ состояніи имѣть быстро экономическія условія; поэтому они стараются, по крайней мѣрѣ, парализовать вредныя послѣдствія экономическаго неравенства, и явныя заботятся о томъ, чтобы всѣ граждане получили низшее образованіе. Оно откроетъ имъ доступъ и къ другимъ высшимъ его степенямъ. Если правительства обязаны, то и могутъ это дѣлать, ибо элементарное образованіе не есть образованіе въ собственномъ смыслѣ, а лишь условіе для пріобрѣтенія дѣйствительнаго образованія. Эта мысль, проникнутая самыми лучшими напѣреніями, основана на двухъ невѣрныхъ положеніяхъ. Объ одномъ изъ нихъ, а именно, что элементарное образованіе не есть образованіе, въ надеждамъ смыслѣ слова, мы уже говорили. Другое состоитъ въ томъ, будто бы пріобрѣтеніе обязательнаго элементарнаго образованія способно предотвратить пагубныя послѣдствія экономическаго неравенства; тотъ, кто не въ состояніи пріобрѣсти элементарнаго свѣдѣнія безъ обязательнаго и дороваго обученія, не въ состояніи будетъ и усвоить ихъ, достигнуть средняго и высшаго образованія. Русскіе ученые совершенно расходятся въ рѣшеніи этого вопроса (см. ян. Васильчикова, «О самоуправленіи. Т. II, стр. 61 и сл.; Окольскаго, Объ отнош. госуд. къ нар. образ. раздѣлъ V; И. Е. Андреевскаго, Полит. право. Т. II, Ч. 2-я. Сиб. 1873; стр. 276 и сл.).

лись голоса о необходимости обязательнаго обученія. Прежде всего мы встрѣчаемъ это требованіе въ посланіи Геннадія: „Толкожь государь уважеть псалтырю съ слѣдованіемъ изучити, да и все, что выше писано, да что отъ того уважеть имати, ино учащимся легко, а слѣзь не смѣють огуратися“ (отказываться). Архіепископъ просить, чтобы государь велѣлъ и поповъ ставленныхъ учить, ибо нельзя назначать пастырями людей, о которыхъ сказавъ Богъ: „Ты разумъ мой отверже, азъ же отрину тебя, да не будещи мяѣ служитель“. Средствомъ для достиженія этой цѣли Геннадій считаетъ учрежденіе училищъ; онъ самъ писалъ объ этомъ великому князю, именно, чтобы его *разумомъ* и *просою*, и благословеніемъ митрополита, это дѣло исправилось: „И ты бы самъ, господинъ отецъ нашъ (пишетъ онъ митрополиту), просилъ государей нашихъ великихъ князей, чтобы велѣли училища устроить“. Упомянутыя мѣры, по мнѣнію Геннадія, лежать на обязанности государства, вытекаютъ изъ священнѣйшихъ цѣлей его: „А ведь азъ вспоминаю своему государю на его жъ честь, да и на спасеніе, а намъ бы просторъ былъ“¹⁾.

Въ посланіи Геннадія есть все необходимое для полнаго проекта обязательнаго обученія; государство должно гарантировать его закономъ и позаботиться объ устройствѣ училищъ; оно же опредѣляетъ средства содержанія школъ и учебный курсъ. Но впервыхъ, упомянутый проектъ вызванъ не отсутствіемъ элементарнаго образованія, а недостаточностью его для лицъ, поступающихъ въ священники, то-есть, отсутствіемъ надлежащаго образованія духовнаго: Геннадій стремится сдѣлать обязательнымъ это послѣднее; вторыхъ, проектъ его былъ внушенъ желаніемъ уменьшить права общинъ на выборы священниковъ и предоставить это духовной власти. Что послѣднее вѣрно, это будетъ показано ниже.

Реформаторскій духъ эпохи возрасталъ въ продолженіе первой половины XVI вѣка неудержимо. Религіозное движеніе, охватившее тогда всю Европу, отразилось и въ Россіи; между прочимъ, крайніе представители его (стригольники, жидовствующіе и вольнодумцы времени Грознаго) не видѣли въ дѣятельности невѣжественнаго духовенства оправданія тѣхъ привилегій, которыми пользовалась церковь.

¹⁾ «Они (граждане) извѣтъ творять: земля, господине, такова, не можетъ добыти—кто бы гораздъ грамота; ино ведь то всю землю *излилъ* (то-есть, они клеветаютъ, говоря, что нѣтъ нигдѣ годнаго человека для священническаго званія; этимъ Геннадій значительно ослабляетъ свои нападки на тогдашнее электаріе образованіе) мнѣ бытъ: человекъ: пошалу-де, господине, вели учити».

Соборъ 1551 года, по предложенію царя, вынужденъ былъ ввести обязательное элементарное обученіе, со всѣми существующими признаками этой мѣры. Общины должныствовали строить и содержать школы. Протоколы собора говорятъ объ этомъ не совсѣмъ опредѣленно; по видимому соборъ обращается съ своимъ требованіемъ лишь къ духовенству; только протопопы со всѣми священниками и дьяконами въ каждомъ городѣ (уѣздѣ), должны выбрать изъ среды своей учителей и въ домахъ этихъ избранныхъ учредить училища. Такимъ образомъ, свѣтское населеніе вовсе не приглашалось, кажется, къ участію въ упомянутомъ дѣлѣ; но наказъ ¹⁾, разосланный митрополитомъ послѣ собора, съ прописаніемъ его рѣшеній, толкуютъ и дополняютъ означенныя рѣшенія въ такомъ смыслѣ, что существенно измѣняютъ взглядъ на дѣло. Наказы адресованы ко всему земству каждого уѣзда (а не къ духовному лишь сословію); земству ставится въ обязанность устраивать училища въ городахъ и посадахъ, по волостямъ и погостамъ. Содержаніе учителей не опредѣлено; по прежнему, разсматривается оно, какъ подарки (дары) родителей ²⁾. Затѣмъ *все* православные христіане должны отдавать своихъ дѣтей въ эти школы, и правительство въ точности обозначило кругъ элементарныхъ свѣдѣній.

Но и это распоряженіе, подобно проекту Геннадія, отличается существенными недостатками. Впервыхъ, соборъ придаетъ специальную цѣль училищамъ—слаженіе церквей священниками; онъ не рѣшился учредить среднія (спеціальныя) школы, что было бы дѣлесообразнѣе и удобнѣе,—не рѣшился потому, что не хотѣлъ или не могъ нарушить права общинъ на выборы членовъ причта. Онъ принялъ весьма ненадежную мѣру—возвысить элементарное образованіе до такой степени, чтобы каждый, окончивающій курсъ, былъ годенъ въ священники, и сдѣлать такое образованіе общеобязательнымъ. Рокоевое противорѣчіе личной свободы и свободы общинъ съ высшими потребностями государства (между прочимъ, и въ дѣлѣ народнаго

¹⁾ См. Наказные списки Соборнаго Уложенія 1551 г. или Стоглава, *И. Бяллова*. М. 1863. Здѣсь обнародованы два списка: во Владимирѣ (1551 г. нояб. 10-го) и въ Каргополь (1558 г. евр. 2-го). Недавно въ *Замискахъ* Новороссійскаго университета профессоръ Палловъ напечаталъ третій найденный имъ списокъ.

²⁾ «Такимъ бы есте избрали и городѣ, и на посадѣ, и по волостемъ, и по погостомъ. Въ коемъждо градѣ, и по волостямъ, и по селамъ предавали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ.... Такожъ бы учили своихъ учениковъ сколько сами улюбятъ, ничтоже ссымающе, но отъ Бога нзды ожидающе, а здѣ отъ нихъ родителей дары и почести приимающе, по ихъ достоинству». Тамъ же, стр. 23—24.

образования) есть такая существенная черта истории права, на которой мы еще не раз остановимся въ послѣдствіи. Повторяю, упомянутая гѣбра не могла достигнуть цѣли и потому, что была лишена существенной черты всякаго закона, то-есть, огражденія его карательными послѣдствіями за нарушение.

Такъ окончились реформаторскія движенія XVI вѣка. Всѣ требованія предъявлялись къ общинамъ и элементарному обученію, которое, разумѣется, не въ состояніи было удовлетворить имъ; среднія училища, въ которыхъ собственно нуждалось общество, не были вообще учреждаемы. Обязательность, возложенная на элементарное образованіе, предназначалась собственно профессиональному, каковыя и хотѣли сдѣлать элементарное, совершенно нераціонально, а потому и неудачно. Вообще, какъ при Владимірѣ, такъ въ послѣдствіи при Петрѣ, обязательность обученія прижизнялась у насъ къ профессиональнымъ, а не къ элементарнымъ знаніямъ. Въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ она не была выработана ни въ формѣ *Schulpflicht*, ни въ формѣ *Schullast*.

Но если такъ дѣйствовало правительство, то каково же было отношеніе общинъ къ частнымъ лицамъ (правильнѣе—семействамъ) въ дѣлѣ элементарнаго обученія? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, обращаясь къ своей ближайшей задачѣ, то-есть, къ XVII вѣку, находимъ, что и здѣсь между семьей и общиною не стояло никакихъ принудительныхъ предписаній закона, какъ указываютъ намъ тѣ же уставы, которыми мы пользовались до сихъ поръ. Такъ какъ цѣль всякаго образованія, по выраженію этихъ уставовъ, есть „людскость“, то важнѣйшее условіе для ея достиженія—это *отсутствие принудительности*: „Каждый, кто вступаетъ въ наши школы для обученія, долженъ, явившись къ ректору, съ его дозволенія, присматриваться сначала три дня къ ученію, порядку, а бѣдный и къ содержанію, не бывъ еще допущенъ вполнѣ ни къ какому занятію школьному. Сіе для того, чтобы послѣшво начавъ, скоро не раскаялся и не оставилъ бы предпріятія; ибо каждый долженъ ходить въ школу не одну четверть (года) и не годъ, но пока не окончатъ наукъ; и только съ такимъ условіемъ принимаемъ будетъ“¹⁾.

Аксиома новой педагогій, требующая, чтобы въ дѣлѣ образованія участвовала воля самаго ученика (охота къ ученію), въ одинаковой мѣрѣ относится и къ домашнему, и къ общественному образованію. Но

¹⁾ 1-й Уст. Лудк. Шк., стр. 83—84.

образование общественное требуетъ еще другаго условія, безъ котораго оно терять значительную часть своей цѣны, а именно — нормальнаго отношенія его къ образованію домашнему, вообще *нормальнаго отношенія школы къ семьѣ*.

Если семья относится недоброжелательно къ школѣ, то нарасны будутъ всѣ принудительныя мѣры правительства посылать дѣтей въ школу, тщетны будутъ самыя благонамѣренныя усилія педагоговъ: семья сознательно или бессознательно будетъ парализовать ихъ. Напротивъ того, при нормальныхъ отношеніяхъ школы къ семьѣ, обязательность обученія примѣняется лишь въ отношеніи къ небрежнымъ родителямъ, то-есть, въ такихъ же исключительныхъ случаяхъ, въ какихъ уголовныя кары примѣняются къ родителямъ безчеловѣчнымъ.

„Всякій, приводя и отдавая въ науку сына и другихъ, долженъ ваять съ собою одного или двухъ сосѣдей, „да при устѣхъ двоимъ или тріехъ свидѣтелей станеть всякъ глаголь“, и сдѣлать съ учителемъ постановленіе о наукѣ и о всемъ порядкѣ, сообразно реестру ему, ниже писанному. И долженъ прежде всего быть прочитанъ ему тотъ реестръ, дабы зналъ, какъ будутъ учить его сына, и чтобы не препятствовалъ ему въ томъ порядкѣ, но всѣми мѣрами содѣйствовалъ дѣтямъ въ наукѣ, привоя ихъ въ послушаніе учителю, какъ истинный отецъ, желающій видѣть утѣшеніе и благой плодъ трудовъ“¹⁾. Обязательность обученія, очевидно, не имѣетъ мѣста при подобныхъ воззрѣніяхъ. Воля семейства уважается не въ томъ только, что оно въ правѣ воспользоваться или не воспользоваться школой. Но и въ томъ, чтобы семья опредѣляла до известной степени самый характеръ школы. Требованіе это удалось въ нѣкоторой мѣрѣ выполнить въ приходскихъ и братскихъ школахъ; родителямъ и ученикамъ представленъ былъ выборъ порядка, въ какомъ должны быть изучаемы различныя предметы. „Такъ какъ въ нашей школѣ будутъ учить разнымъ языкамъ и наукамъ“²⁾, и опредѣлены часы, въ какіе чему должно учиться, то каждый ученикъ, поступивши въ школу и не могши въ скорости узнать ни наукъ, которыя здѣсь преподаются, ни того, въ какой онъ способенъ, долженъ просить совѣта у начальника школы, за какую науку ему ваяться. И что оны, сообразивъ его лѣта, наклонность и способ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 93.

²⁾ Вставка издателей Памятниковъ Киевской комиссіи, сдѣланная весьма основательно по соображенію съ общеправными фактами. Въ подлинникѣ: «рзныыхъ дѣялкътовъ вишней школъ учати будутъ».

ности, посоветуетъ ему, за то съ охотой и долженъ будетъ прійтись, — исключая тѣхъ учениковъ, которые или отъ родителей, или отъ нѣтчицъ на то право, назначены собственно къ какой-либо известной наукѣ; однакожь и тѣмъ должно быть совѣтуемо полезнѣйшее¹⁾).

Другое важнѣйшее требованіе состоитъ въ томъ, чтобы семья, догдиривъ своего ребенка школѣ, а) ревностно содѣйствовала его школьнымъ успѣхамъ, чтобъ она не переставала благотворно вліять на него („вечеромъ, пришедши изъ школы домой, дѣти передъ родственниками, а посторонніе всякаго сословія ученики, живущіе на квартирахъ, передъ своимъ хозяиномъ, должны прочесть тотъ урокъ, который учили въ школѣ, съ объясненіемъ его, какъ то бываетъ въ школѣ“)²⁾; б) требуется, чтобы семья не препятствовала школѣ въ ея образовательныхъ и воспитательныхъ задачахъ. Родители, родные и хозяйка квартиръ несутъ равную отвѣтственность съ учителемъ за нравственную порчу дѣтей. „Учитель и братія, строители школьные, должны напоминать родителямъ объ ихъ сыновьяхъ, а хозяйкамъ о порученныхъ имъ стороннихъ дѣтяхъ, чтобы дѣти дома поступали сообразно съ порядкомъ ученія школьнаго, показывая тѣмъ образованность и приличную лѣтамъ своимъ людскость передъ всякимъ сословіемъ. А если бы что противное оказалось въ дѣтяхъ, — имѣетъ быть изслѣдовано; а еслибы учитель своимъ перадѣніемъ, или родственники и хозяйка³⁾ безпорядкомъ своимъ препятствовали наукѣ и благимъ нравамъ, то виновный имѣетъ подлежать отвѣтственности“⁴⁾).

Наконецъ, прекращеніе отношеній между семействомъ и школою за выбитіемъ ученика должно совершаться гласно, при свидѣтеляхъ; этимъ предупреждаются, иногда совершенно напрасныя, нареканія на школу. При родителяхъ и постороннихъ лицахъ долженъ быть произведенъ экзаменъ ученику, и общество, такимъ образомъ, въ состояніи судить — правильно ли поступаетъ отецъ, паходя бесполезнымъ дальнѣйшее ученіе своего сына. „Если бы кто захотѣлъ взять своего сына отъ учителя для какой ипой надобности, то долженъ взять его не заочно и не черезъ другихъ, а самъ лично, и при тѣхъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 85—86.

²⁾ Переводъ этого мѣста Устава; сдѣланный Кіевскою комиссіей: «или родственника хозяина» неправиленъ.

³⁾ 2-й Уст., тамъ же, стр. 105—106.

⁴⁾ 2-й Уставъ, стр. 111.

же одномъ или двухъ лицахъ, при которыхъ отдавъ его въ ученіе, дабы своимъ безпорядочнымъ поступкомъ не сдѣлать оскорбленія ни ученику и себѣ самому, ни учителю, что отобралъ у него ученика безъ объясненія причины, когда такой порядокъ соблюдаютъ и всѣ другіе ремесленники. Ибо не только сына, но и слугу поручаютъ ремесленнику при людяхъ и порядкомъ, и потомъ, когда чему научится, тѣмъ болѣе не хотятъ пренебрегать таковымъ порядкомъ, но собравши многихъ, одобряютъ постоянство и терпѣливость родныхъ и его самого. Тогда и мастеру бываетъ великое удовольствіе, что видить ученика своего не послѣднимъ. И сіе гораздо болѣе должно наблюдать въ училищахъ и у людей христіанскихъ¹⁾.

Семья можетъ сама разорвать связь съ школой, а также школа можетъ выслать ученика отъ себя (что считалось большимъ счастьемъ для учениковъ въ казенныхъ русскихъ школахъ XVIII вѣка) лишь въ томъ случаѣ, когда „мальчикъ одинъ день ходитъ въ школу, а другой пропускаетъ...“, такого больше не принимать, потому что и знахарь (лѣвхарь), если бы больного лечилъ одинъ день, а въ другой пропускалъ, то вмѣсто излеченія повергъ бы его въ большую болѣзнь²⁾.

Изъ всего этого ясно, что до Петра не существовало на Руси принудительнаго обязательства посѣщать школу.

Въ чемъ же выражалась дѣятельность общины относительно народнаго образованія? Въ сообщеніи прихожанамъ условій, облегчающихъ доступъ къ элементарному образованію, а именно, прежде всего, въ приобрѣтеніи учителей.

Должность учителя соединялась въ одномъ лицѣ съ другими должностями по приходу, — общиннаго секретаря (дьяка) и церковнаго дьячка. Такъ какъ обѣ опѣ необходимо существовали въ каждой общинѣ, то присутствіе учителя въ приходѣ было явленіемъ нормальнымъ и постояннымъ³⁾.

Авторъ упомянутой нами статьи въ *Черниовскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ* пишетъ: „Г. Лазаревскій на вопросъ: кто училъ въ шко-

¹⁾ 2-й Уставъ, стр. 112—113.

²⁾ Тамъ же, стр. 110.

³⁾ „Непоконъ вѣка учительствомъ промышляли дьячки, и званіе дьячка до того слилось въ понятіи народа съ учительствомъ, что самыя крутыя шари не въ состояніи были подорвать довѣрія къ дьячковскимъ школамъ. Дома, гдѣ живутъ дьячки, народъ въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи до сихъ поръ называетъ школами“. *Сухомлиновъ въ Журн. Мин. Нар. Просв.* 1864, I.

лукъ, отвѣчаетъ: „Обученіемъ занимались, какъ можно догадываться, дьячки“. Выписки изъ описи (земель 1767 и 1768 гг.) избавляютъ насъ отъ труда догадываться о наставникахъ. Ясно и прямо говорится, что учили дьячки въ школахъ, гдѣ они и жили. Дьячки, по званію школьныхъ учителей, назывались „бакаларами“ и „директурами“ — какъ распорядители школы“.

Эти учителя-дьяки избирались приходами, которые заключали съ каждымъ изъ нихъ словесный или формальный договоръ.

„Когда священникъ хотѣлъ поставить въ своей приходѣ дьячкомъ кого-либо изъ меньшихъ сыновей своихъ, лишенныхъ надежды на наследство отцовской приходѣ, онъ приглашалъ къ себѣ старосту и нѣсколькихъ хозяевъ, выражалъ имъ свое желаніе, ставилъ предъ ними нареченнаго, давалъ ему нѣсколько наставленій въ родѣ: „шануй громаду, поважай хозяевъ“ и под., а затѣмъ все собраніе порѣшивъ — „на чемъ ему жить“, обыкновенно — на чемъ жилъ прежній дьячекъ, вмѣстѣ съ семьей священника, проножало его въ школу, гдѣ „запивали его“, надѣляя его всякими наставленіями и благожеланіями, въ особенности желаніемъ когда-либо „выдраться на попа“, то-есть, быть священникомъ. Это право, какъ древнее, спростоеся съ натурою народною, въ обоихъ своихъ видахъ сильно стояло за себя противъ всякихъ стѣсненій и ограниченій“¹⁾.

Лицо, соединявшее въ себѣ земскую или общинную должность съ должностію учителя, конечно, пользовалось гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ тѣ жалкіе „дьяки“, которыхъ мы знаемъ по фактамъ XVIII вѣка; дьякъ—школьный учитель занимаетъ обыкновенно второе мѣсто послѣ лица, облеченнаго общинною властію. „По переноси 1724 года въ Соколовѣ (сотенномъ городѣ Зміевскаго полка) въ приходѣ Архангельскомъ прихожане перечисляются такъ: сотникъ Ив. Жуковъ, Опрѣтъ дьякъ (школьный учитель), Романъ Жаботинскій и т. д.“²⁾. Впрочемъ, иногда упомянутыя нами должности были раздѣльны; учительство повѣрялось другимъ духовнымъ лицамъ (священникамъ и дьяконамъ), исправлявшимъ штатныя обязанности; такъ распорядился Стоглавый соборъ (въ приведенной нами главѣ его постановленій), такъ существовало это и на дѣлѣ во многихъ случаяхъ³⁾.

¹⁾ Руководство для сельскихъ пастырей *Крымжановскаго*.

²⁾ *Филаретъ*, Ист.-стат. опис. Харьк. Епарх. отд. IV, стр. 210.

³⁾ См. тамъ же дѣло 1749 о дьячкѣ Алексѣѣ Извовой.

Жены заштатныхъ священниковъ и дьяконовъ обучали дѣвочекъ въ тѣхъ же школахъ¹⁾.

Лицо, соединившее земскую или церковную должность съ должностью учителя, не обязано было обучать всѣхъ дѣтей общины бесплатно. Элементарное образованіе ни для кого не было мнимо даровымъ, то-есть, общинная власть не собирала школьнаго налога и не платила учителямъ жалованья. Отношенія школы къ родителямъ, какъ уже видно изъ приведеннаго выше устава Луцкаго училища, основаны были на частныхъ договорахъ. Каждый родитель заключалъ съ учителемъ сдѣлку совершенно въ такихъ же формахъ, въ какихъ совершались прочія гражданскія сдѣлки въ эпоху господства обычнаго права, то-есть, приглашалъ одного или двухъ свидѣтелей, въ присутствіи коихъ и заключалъ условіе; затѣмъ, на окончательномъ экзаменѣ присутствуютъ тѣ же самые свидѣтели и рѣшаютъ—честно ли исполненъ договоръ со стороны наставника. Сами уставы приравниваютъ этотъ порядокъ одному изъ видовъ договора личнаго найма: „Такой порядокъ соблюдаютъ и *есть другіе ремесленники*, ибо не только сына, но и слугу поручаютъ мастеру при людяхъ и порядкомъ...“. Содержаніемъ договора служили условія о томъ, чему учить, и въ какой срокъ; упоминалось о могарычѣ (договорная плата), поминкѣ (добавочная плата за исполненіе части условій): „да тѣ поминки опроче могарца“, говорятъ Геннадій. Такъ возникаетъ понятіе о учителяхъ *мастерахъ*; самое слово это (къ удивленію — нѣмецкое) появляется въ памятникахъ довольно рано: уже Псковская судная грамота регулируетъ отношенія мастеровъ къ ученикамъ вообще, не отлчая мастеровъ ремесленниковъ отъ мастеровъ учебнаго дѣла. Объ этихъ послѣднихъ упоминаетъ и Геннадій, какъ объ единственныхъ народныхъ учителяхъ. „Мы-де учимся у своихъ мастеровъ, а индѣ учиться негдѣ“... Такія слова Стоглавъ приписываетъ не приготовленнымъ кандидатамъ на священство. Подъ этимъ же именемъ знаютъ ихъ сатирическіе журналы XVIII вѣка и Крестинникъ; оно сохранилось и до нашихъ дней²⁾.

¹⁾ См. вышеприведенные факты изъ Исторіи Моск. Епарх. управл..

²⁾ «Во многихъ волостяхъ Череповскаго уѣзда родители обучаютъ своихъ дѣтей грамотѣ наймомъ учителей въ складчину—или за тысячную плату, или за злму, или за выучку... Предпочтеніе, часто оказываемое этому способу обученія предъ школой, заключается существенно въ той увѣренности, которую питаютъ родители къ нанятымъ нимъ лицамъ, что худо ли, хорошо ли, но въ *опредѣленный срокъ по условію* она выучатъ и читать, и писать». Отчетъ по Череповскому уѣзду (*Школьная жизнь*. 1872, № 8).

Упомянутое нами явленіе, принижающее положеніе учителя до положенія стороны, обизывающей по договору личнаго найма, совершенно, по видимому, извлекаетъ дѣло элементарнаго обученія въ древности изъ сферы государственнаго права. Можно ли говорить о значеніи общины въ этомъ дѣлѣ, если оно подлежитъ такой же частной инициативѣ, какъ и всякая гражданская сдѣлка? Но явленіе, о которомъ мы говоримъ, не представляетъ ничего исключительнаго. Если отношенія даже верховной власти къ подданнымъ строились на „рядѣ“, если судящійся договаривался съ судьей о вознагражденіи и т. д., то мы естественно заключаемъ, что не только право частное, но и государственное развивалось изъ частныхъ сдѣлокъ.

Общинная власть вовсе не оставалась чуждою этимъ сдѣлкамъ. Свидѣтелями при заключеніи упомянутыхъ нами договоровъ были „сосѣди“, вся мѣстная община. Когда приглашались они на окончательный экзамень, то и общество (по выраженію Устава Луцкой школы) въ состояніи было судить—правильно ли поступилъ наставникъ, находя бесполезнымъ дальнѣйшее пребываніе ученика въ школѣ. Частная сдѣлка становится дѣломъ общественнымъ; явленіе частнаго права переходитъ въ сферу публичнаго. Учитель (должностное лицо общины, или стороннее—все равно) контролируется общиной именно въ качествѣ учителя.

Если даже учителя школъ, основанныхъ корпораціями, за свои проступки и дурное поведеніе (какъ увидимъ ниже) не только лишались должности, но и изгонялись изъ общества, то община, облеченная административною властію, конечно, обладала бѣльшимъ правомъ въ этомъ отношеніи.

Впрочемъ, въ значительной части случаевъ этотъ надзоръ общины за дѣятельностію школы проявлялся не въ юридическихъ формахъ, а въ формахъ контроля общественнаго мнѣнія (что трудно было различать въ древнія времена). Не даромъ старинные учебники содержать множество образцовъ привѣтствій лицамъ, посѣщавшимъ школу. Это были „благодѣтели“, вліятельные люди общины. Азбуквникъ наставляетъ: „Когда входитъ ностороннее лицо, всѣ должны встать при его появленіи, и одинъ изъ прилежнѣйшихъ учениковъ, поклонившись посѣтителю, говорить рѣчь, приличную мѣсту и времени:

«Азъ, мнѣи рабъ учителя своего,
Зрю тя, благодѣтеля своего,
Приведша посѣщенія ради въ школу къ намъ;
Сего ради простираю слово къ вамъ».

Не даромъ наставникъ, поощряя учениковъ къ чистоплотности и благоправію, постоянно ставитъ имъ на видъ: „Что скажутъ о школьной чистотѣ посѣтившіе школу, что подумаютъ прихожане о школѣ, когда ученики въ церкви будутъ шалить, и пр.“.

Говоря здѣсь объ отношеніи общины и ея властей къ школѣ, мы должны упомянуть о существенномъ различіи между западною и восточною Русью въ этомъ отношеніи, на которое, впрочемъ, было уже указано выше. Преобладаніе крупныхъ поселеній въ Малороссіи, и наоборотъ, разбросанность мелкихъ поселеній въ восточной Руси были причиною существенныхъ различій какъ въ дѣлѣ народнаго образованія вообще, такъ и въ отношеніи къ занимающему насъ теперь вопросу въ частности. Деревня, состоящая изъ двухъ - трехъ домовъ, не имѣющая церкви и духовенства, не могла образовать того, что мы называемъ территоріальною общиною; не могла имѣть наставниковъ—должностныхъ лицъ, ибо въ ней не было ни церковнаго причта, ни общиннаго управленія. Намъ учителя, совершаемый хотя бы въ складчину, не превращаетъ мастера въ общественнаго дѣятеля.

Въ послѣдствіи, когда правительство стало преслѣдовать, прямыми и косвенными мѣрами, приходскія школы, всѣ учителя-мастера превратились просто въ мастеровъ, вольнонаемныхъ слугъ. Но это явленіе позднѣйшее, оно принадлежитъ XVIII и XIX вѣкамъ.

Община составляетъ замкнутый міръ, самъ себѣ довлѣющей; для всѣхъ отвлеченій общественной жизни она сама приготовляетъ, или приобретаетъ дѣятелей. Управленіе по всѣмъ частямъ полиціи благосостоянія не имѣетъ никакихъ общегосударственныхъ учрежденій; оно дробится по автономическимъ независимымъ общинамъ. Никакого общаго руководительства элементарными школами ни въ Московской, ни въ Литовской Руси не было. Стоглавъ ограничился лишь законодательными мѣрами и не позаботился объ учрежденіяхъ. Этимъ объясняются всѣ темныя стороны школьнаго дѣла, находившагося въ завѣданіи мелкихъ общинъ.

Никакая, напримѣръ, приходская община не можетъ основать особаго учительскаго института для приготовленія себѣ учителей; для этого у нея нѣтъ ни средствъ, ни потребности; ей нуженъ только одинъ, много два наставника. Лишь нѣсколько общинъ, по соглашенію, могли приступить бы къ такой задачѣ, и ниже мы встрѣтимъ нѣчто подобное; но успѣхъ упомянутыхъ соглашеній, само собою разумѣется, былъ медленный.

Откуда же брались учителя-мастера, гдѣ готовились они къ своей дѣятельности?

Здѣсь касаемся мы самой слабой стороны общинныхъ школъ. Учителей приготовляла та же самая элементарная школа, въ которой въ послѣдствіи они сами преподавали. Отсюда традиціонная передача свѣдѣній въ томъ же объемѣ, въ какомъ издавна укоренились они на Руси вліяніемъ греческихъ миссіонеровъ. „Старшимъ и болѣе практичнымъ, болѣе честнымъ изъ школяровъ священники и громада давали названіе *поддьячизъ*, то-есть, помощниковъ дьячка, другимъ псаломщиковъ, клиросниковъ и т. п. Инымъ долго не счастливилось; они доживали до 30-лѣтняго и долѣе возраста въ званіи школяровъ“ ¹⁾ все въ качествѣ кандидата на должность дьячка-учителя. „Книжному чтенію и пѣнію обученъ онъ (монахъ Сумскаго монастыря Дорофей) Ахтырскаго полка с. Тростинца дьячкомъ Петромъ; а по изученію русской грамоты бывалъ при церковныхъ школахъ дьячкомъ“ ²⁾. „Учитель-дьякъ при школѣ, обучая будущаго такою же дьяка, обыкновенно говорилъ ему такую поговорку: какъ степенъ учителемъ, учи такъ, чтобы не отбилъ школы“ ³⁾. „Учимся у мастеровъ, говорить будущіе пастыри и учителя; намъ больше учиться негдѣ“, какъ свидѣтельствуегь Стоглавъ. Вслѣдствіе этого: а) элементарное обученіе не растетъ вмѣстѣ съ историческимъ ростомъ общества; кромѣ элементарныхъ, не было другихъ учебныхъ заведеній, которыми постоянно распространяли бы новыя и высшія свѣдѣнія; б) существовала опасность постояннаго, хотя и медленнаго регрессивнаго движенія. „Учи такъ, чтобы не отбилъ школы“, то-есть, не открывай своему ученику *всею*, чтобы ученикъ не сѣлъ на твое мѣсто. Вотъ этого-то всего и добивались ученики разными хитростями у своихъ учителей ⁴⁾. Что такія именно стремленія замѣчались у наставниковъ-мастеровъ того времени, на это намекаетъ Стоглавъ, настаивая съ особеннымъ удареніемъ на томъ, чтобы „учили учениковъ грамотѣ довольно, коль сами умѣете, и силы бы имъ Писанія сказывали, по данному вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе, чтобы ученицы ваши *всею* книги учили“, „Также бы учили своихъ учениковъ... сколько сами умѣютъ, ничтоже скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе“.

¹⁾ См. вышеприведенное мѣсто изъ Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи.

²⁾ См. статью г. Крыжановскаго.

³⁾ Украинская Старина, соч. Г. Данилевскаго, стр. 296.

⁴⁾ Тамъ же.

Этимъ наиболѣе объясняется унадокъ элементарныхъ знаній въ Московской Руси, несомнѣнно замѣчаемый съ XVI вѣка:

Далѣе, при автономической разрозненности общинъ въ дѣлѣ народнаго образованія, единство его, о которомъ мы говорили выше, является лишь единствомъ задачъ, взглядовъ на него всего народа, а не единствомъ исполненія: школа, случайно попавшая въ хорошія руки, стояла много выше сосѣднихъ, но не обнаруживала на нихъ никакого вліянія.

Противъ этого зла существовало съ древнѣйшихъ временъ одно средство — это переходъ учителей съ мѣста на мѣсто (подобно странствующимъ ремесленникамъ: явленіе въ высшей степени интересное. Были странствующіе мастера-специалисты, создававшіе особую школу искусства или знанія, подобно древнимъ рапсодамъ. Изъ статьи: „Откуда и отъ коего времени начаса быти въ нашей Русьей земли осмогласное пѣніе“.... (статья эта относится къ XVI или началу XVII вѣка) видно, что „въ XVI вѣкѣ обученіемъ пѣнію занимались особые мастера, „пѣти зѣло гораздые“, *поспѣшики* (то-есть, перелагали на ноты готовыхъ церковныхъ пѣсней) и *творцы* (композиторы), которые смотрѣли на свое занятіе, какъ на ремесло, ходили по городамъ, собирали къ себѣ учениковъ и обучали ихъ пѣнію „Иванъ Носъ да Христіанинъ (знаменитые учителя пѣнія въ XVI вѣкѣ) были въ царствованіе благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси. И были у него съ нимъ въ любимомъ его селѣ — въ слободѣ Александровѣ; а Стефанъ Голышъ (еще музыкальная знаменитость) тутъ не былъ, ходилъ по городамъ и училъ Усольскую страну и у Строгановыхъ училъ“¹⁾.

Въ Украинѣ возникло даже весьма характерное названіе *магдрованний дьякъ*, то-есть, странствующій учитель. Не ограничиваясь предѣлами Слободской Украины, Гетманщины и Польши, люди эти странствовали съ книжною сумою, разнося и собирая повсюду медъ книжной мудрости. Иногда на цѣлые годы оставался таковой странникъ въ какомъ-нибудь селѣ, въ качествѣ учителя, а потомъ опять идетъ дальше. „Онъ, Іоанникій“, читаемъ мы въ книгѣ преосвященнаго Филарета, „по изученіи славянской грамоты, ходилъ по разнымъ мѣстамъ *мѣтъ съ 27* въ дьяковскомъ званіи; русскаго письма чтенію и пѣнію обученъ онъ *магдрованнимъ* дьякомъ Павломъ“. „Родился (Василій Жуковский) Успенской церкви города Балаклеи, обучалъ школяровъ

¹⁾ *Лавровскій*. О древне-русскихъ училищахъ, стр. 177.

и крылосное пѣніе, и (сынъ его) жилъ при отцѣ своемъ въ школахъ въ томъ городѣ Балаклеѣ до возраста своего и училъ, а по смерти отца своего живалъ въ томъ же Изюмскомъ полку, по разнымъ мѣстамъ въ школахъ“. „Въ селѣ Капустянцѣ былъ при Воздвиженской церкви, по черкасскому обыкновенію, дякомъ, а онъ Алексѣй жителство имѣеть въ селѣ Грункѣ (Полтавской губерніи) при церкви св. Михаила въ школѣ“.

Эти истинные анахореты просвѣщенія, не имѣвшіе осѣдлости, лишь подъ конецъ жизни возвращались на родину, чтобы сложить на ней свои кости. Въ тѣ времена, когда книги считались рѣдкостью, было весьма важно, что ихъ знанія дѣлались общимъ достояніемъ всей Малороссіи.

Объясненіе термина „мандрованный дякъ“, приведенное г. Данилевскимъ со словъ г. Селивановскаго, весьма односторонне и не вѣрно ¹⁾, но тѣмъ не менѣе оно намекаетъ на значеніе странствующихъ учителей, то-есть, указываетъ на странствованіе, какъ на средство пополненія знаній, которыя, передаваясь постоянно въ одной и той же общинѣ, могли наконецъ утратить всякую жизненность.

Странствующие учителя имѣли и другое значеніе въ народномъ образованіи. Хотя несомнѣнно, что при большей части церквей существовали свои школы, и что малороссійскія села весьма многочисленны, что деревень тамъ почти нѣтъ, и что въ каждомъ селѣ находится церковь,—но были однако церкви и безъ школъ, а также хуторныя поселенія безъ церквей. Для такихъ-то поселеній мандрованный дякъ былъ тѣмъ, что мы теперь называемъ подвижною или переносною школою.

Конечно, между этими странствователями было много бродягъ и шарлатановъ. Еще въ 1731 году Кіевскій митрополитъ Гавріилъ Вужинскій писалъ своей консисторіи: „Въ епархіи Кіевской школьники разнаго званія люди съ мѣста на мѣсто бродяты, и по имѣющимся при церквахъ избамъ, такъ-называемымъ школамъ, приставаа, тунеядствомъ кормятся, и не только никакой пользы обществу не приносятъ, но паче разными своими безчиніями вредъ и соблазвъ причиняють, а чрезъ таковыхъ своевольныхъ бродягъ на церковнослу-

¹⁾ Данилевскій объясняетъ его такъ: «учитель давалъ завѣтъ своему ученику не отрывать всѣхъ своихъ знаній своимъ (будущимъ) ученикамъ. Чтобы приобрести это все знаніе, кандидаты на учительство переходили изъ школы въ школу, бродили по селамъ — «мандровали» по украински». *Украин. Стар.*, стр. 296.

жителей настоящихъ и постоянныхъ напрасно наносится нареканіе". Въ этомъ отзывѣ, внушенномъ архипастырю крайникъ раздраженіемъ противъ непослушныхъ общинъ, въ разгаръ борьбы его съ ихъ правами, есть, быть можетъ, доля истины. Но и въ западной Европѣ *scholares vagantes*, державшіе иногда разбойничьи станицы, объясняются не простымъ стремленіемъ къ бродяжничеству, а существенными потребностями образованія, не удовлетворяемаго болѣе правильнымъ способомъ.

Подобныя странствующіе учителя были и въ Москвѣ въ XVII и въ XVIII вѣвѣ. „Въ 1745 вышелъ въ Москву и ижѣлся праздно, питаясь ученіемъ господскихъ и прочихъ дѣтей“, показывалъ о себѣ въ 1755 году дьяконъ Василій Онисимовъ въ Московской консисторіи. Дьячекъ Петровъ на допросѣ показывалъ, что ему отъ рода 38 лѣтъ, при той Воскресенской церкви находился по 1758 годъ и отъ церкви отошелъ для (лучшаго) пропитанія себя и дѣтей своихъ „въ разныхъ господскихъ домахъ обучая людей ихъ грамотѣ, писать и пѣть изъ подлежащей платы“. Ему былъ выданъ видъ для прожитія ¹⁾.

Когда въ послѣдствіи училища, основанныя корпораціями и частными лицами, возвысились до степени среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, наступила другая эпоха для элементарныхъ школъ. Тогда эти послѣднія могли заимствовать, и дѣйствительно, заимствовали, учителей изъ первыхъ. Іовъ Боренціи — воспитанникъ и ректоръ Львовскаго училища, поступивъ во священники въ Кіевскую Воскресенскую церковь, преобразовалъ приходскую школу этой церкви такъ, что она вскорѣ заслужила уваженіе образованныхъ людей ²⁾.

Только этимъ же путемъ могли попасть въ села Московскаго государства попы, знающіе грамматику и реторику. Въ ноябрѣ 1616 года была выдана слѣдующая царская грамота: „По нашему указу взяты были къ намъ въ Москву изъ Троицкаго Сергіевскаго монастыря капопархистъ—старецъ Арсеній, да села Клементьева попъ Иванъ для исправленія книгъ печатныхъ и Потребника. И мы указали исправленіе Потребника поручить тебѣ, архимандриту Діонисію, и съ тобою Арсенію и Ивану и другимъ духовнымъ разумнымъ старцамъ, которымъ подлинно извѣстно книжное ученіе, грамматику и реторику знаютъ“. Уже въ началѣ XVII вѣка были въ Москвѣ епископы изъ Малороссіи (напримѣръ, иноземецъ архіепископъ Суздальскій Іосифъ),

¹⁾ Ист. Москов. Епарх. управ., кн. II, прим. 456 (стр. 184).

²⁾ Кіевъ съ его древн. учен. ак., стр. 58.

которые старались назначать священниковъ своею властью, а не по выбору прихожанъ, и можетъ-быть, изъ своихъ-иноземцевъ — Кіевлянъ ¹⁾.

Въ XVIII вѣкѣ, когда въ Харьковѣ существовалъ уже коллегіумъ, между нимъ и этими народными школами не могла не возникнуть нѣкоторая связь. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что коллегіумъ былъ единственнымъ духовнымъ училищемъ, сохранившимъ вполнѣ народный характеръ и народныя симпатіи. Сумма просвѣщенія, издавна обращавшаяся въ народныхъ школахъ, начала пополниться. Учителями въ нихъ иногда появляются воспитанники коллегіума. „Въ 1742 года дьячекъ Иванъ Григорьевъ въ селѣ Кровномъ, поставившійся въ священники, показывалъ: русскаго письма чтенію и пѣнію обученъ онъ Иванъ той же церкви дьячкомъ Василюмъ, а по изученіи русской грамоты отданъ былъ въ Харьковскія славяно-латинскія школы и практиковалъ до поэтака, подъ учителя Варлаама Тишинскаго, и изъ показанныхъ латинскихъ школъ опредѣленъ той же церкви „*дѣйствительнымъ дьячкомъ*“ (то-есть, вѣроятно уже не выбраннымъ и не наемнымъ отъ прихода, а назначеннымъ на службу духовнымъ начальствомъ). Вотъ другой фактъ: „Діаконъ Яковъ Ивановъ показывалъ о себѣ въ декабрѣ 1737 года: родомъ онъ, Яковъ, Малороссіанинъ; чтенію и пѣнію изученъ въ с. Семеренкахъ въ школѣ дьячкомъ; взятъ былъ по указу въ славяно-латинскія школы и учить въ аналогіи и инфимѣ профессоромъ Петромъ Венсовичемъ, въ грамматикѣ Пенчинскимъ, въ синтаксисѣ и въ поэтикѣ Карабановичемъ (это, вѣроятно, еще въ Бѣлгородѣ), въ Харьковѣ—въ реторикѣ Тапольскимъ два года, и по окончаніи реторики данъ ему отпусковой патентъ; въ ученіи былъ 7 лѣтъ“.

Къ сожалѣнію, такая солидарность между низшими и высшими училищами существовала не вездѣ и недолго, а до тѣхъ лишь поръ, пока въ среднія и высшія училища не проникло и потомъ совершенно не овладѣло ими направленіе, чуждое всякой народности; солидарность господствовала лишь въ училищахъ, основанныхъ корпораціями и частными лицами: что же касается до основанныхъ правительствомъ, то они подчиняли своихъ воспитанниковъ такимъ условіямъ, которыя не позволяли имъ быть по прежнему единственнымъ и сноснымъ народными учителями. Учителство въ народной школѣ не было уже приготовленіемъ къ священству: лучшіе воспитанники семинарій прямо

¹⁾ См. С. М. Соловьева. Исторія Россіи, IX, стр. 432—433 и 444.

посвящались во священники; негодные (лѣнвивые или совершенно бездарные) вербовались въ военную службу или поступали въ дѣтчи, причѣмъ, промышляя по прежнему учительствомъ, довели приходское образованіе до совершеннаго упадка, а званіе учителя-мастера до заслуженнаго презрѣнія. Хотя по свѣдѣніямъ своимъ они все-таки были выше прежнихъ наставниковъ, учившихся лишь въ народныхъ школахъ, но свѣдѣнія эти оказывались совершенно непригодными. Лишь въ наше время правительственными мѣрами учительскій институтъ народныхъ школъ стремится возвратиться къ прежнему порядку, а самъ священства можетъ быть получаемъ лицами, прослужившими извѣстный срокъ въ должности псаломщика или народнаго учителя.

При нормальномъ историческомъ ходѣ народнаго образованія, система народныхъ школъ, господствующая въ Европѣ, не отличалась бы въ такой степени, какъ нынѣ, своею угрожающею склонностью къ замкнутости¹⁾, изолированности отъ системы общаго образованія. Лучшею учительскою семинаріей представляется, конечно, всякое среднее учебное заведеніе, разумѣется, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы оно было хорошо устроено и доступно для низшихъ классовъ.

Очевидно, что судьба среднихъ учебныхъ заведеній, особенно духовныхъ, всегда находилась въ тѣсной связи съ судьбами элементарныхъ школъ. Связь эта основывалась не на томъ только, что изъ первыхъ послѣднія заимствовали учителей, но особенно на томъ, что народное учительство не могло существовать иначе, какъ въ соединеніи съ церковно-приходскими должностями. Лишь благодаря этому обстоятельству, возможно было то всеобщее распространеніе элементарныхъ школъ, о которомъ мы говорили выше. Сельскія и даже городскія приходскія общины не имѣли (въ большинствѣ случаевъ и теперь не имѣютъ) эконолическихъ средствъ, чтобы создавать для каждой общественной дѣятельности особый (отдѣльный) органъ, и вынуждены были на тотъ или другой изъ органовъ уже существующихъ возлагать различныя функціи. Если и въ наше время однимъ изъ сильнѣйшихъ препятствій къ распространенію народныхъ школъ служить недостатокъ денежныхъ средствъ, то тѣмъ болѣе обнару-

¹⁾ Штейнъ: «Правительство должно своими постановленіями воспринять, чтобы элементарное обученіе не образовало замкнутого цѣлага, но чтобы конечный пунктъ его служилъ переходомъ къ высшимъ степенямъ образованія. Формальнымъ средствомъ для этого служить то, чтобы были различныя классы (степени) элементарнаго образованія».

живалось это въ старину, особенно при тогдашнемъ порядкѣ управленія народными школами.

Какими же средствами поддерживались школы и наставники въ описываемое нами время?

Въ каждой общинѣ существовалъ построенный ею домъ, обыкновенно (въ Малороссіи, по крайней мѣрѣ, всегда) называемый школою. Въ нѣкоторыхъ общинахъ находилось по два такихъ дома: одинъ, служившій помѣщеніемъ для дьяка-учителя и его семейства, а также для школы („жительство имѣеть въ селѣ Грункѣ при церкви св. Михаила въ школѣ“¹⁾), другой—для псаломщиковъ, то-есть, кандидатовъ на церковно-общинныя должности, или для пономаря. Иногда этотъ послѣдній домъ предназначался специально для школяровъ²⁾; то-есть, для приврѣваемыхъ и вмѣстѣ обучаемыхъ общиною сиротъ, а по всей вѣроятности, и для помѣщенія классовъ.

Содержаніе этихъ домовъ и помѣщаемыхъ въ нихъ школьничковъ извлекалось или изъ общихъ средствъ приходскаго братства, или изъ недвижимыхъ имуществъ, специально приписанныхъ къ школѣ³⁾. Собственно домашнее хозяйство обходилось недорого, потому что всѣ работы возлагались на школьничковъ⁴⁾, ибо хотѣли приучать ихъ смотрѣть на школьный домъ, какъ на свой семейный.

Учебныя пособія, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ азбучниковъ, составляли имущество школы и находились на готовѣ у наставника для каждаго изъ учениковъ. Разумѣется, они приобретались также на средства приходскихъ братствъ. Книгами пользовались ученики только въ школѣ, а затѣмъ сдавали ихъ „школьному старостѣ“⁵⁾.

Что касается до содержанія собственно учителей, то оно было двоякое: Во первыхъ, оно было общественное, какъ должностнаго лица общины. При церкви Игнатовской (Стародубскаго полка) школа съ дьячкомъ, при чемъ сказано, что Игнатовскій дьячекъ „питается

¹⁾ См. *Филарета*, Ист. ст. Оп. Харьк. Епарх. Отд. III, стр. 133.

²⁾ «При Покровекой церкви (Стародубскаго полка) школа, гдѣ дьячекъ и 4 псаломщика казачьяго званія.... Въ Погребковской школѣ живутъ школьнички.... Во 2-й Стародубской сотнѣ, въ Андрейковичахъ, въ школѣ дьячекъ и псаломщикъ, а въ другой школьной избѣ живутъ школьнички» (см. *Черн. Ел. Изв.* Пр. 1862).

³⁾ «Знобской школѣ принадлежитъ огородъ.... Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 64.

.. ⁵⁾ Тамъ же.

съ доходовъ церковныхъ и роковщиною¹⁾). Замѣтимъ при этомъ, что нынѣшній способъ содержанія причта (посредствомъ неопредѣленныхъ поборовъ съ прихожанъ) вовсе не былъ единственнымъ въ древней Руси. Избраннымъ или нанятымъ лицамъ община обязывалась платить по договору опредѣленное денежное жалованье: казакъ Скоробогатый былъ въ с. Домышинѣ дьячкомъ при церкви, и за то прихожане обѣщали ему въ годъ по алтыну съ дыму. Другая часть содержанія учителя, вознагражденіе собственно за учительскую дѣятельность, состояла изъ платы за обученіе каждаго мальчика по частному условію съ родителями. Народъ, какъ извѣстно, предпочитаетъ до сихъ поръ платить за ученіе и мало цѣнить ученые бесплатное. Вознагражденіе это, въ своихъ формахъ, уцѣлѣло съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ. Уже по словамъ Геннадія, „первое (учитель) изучитъ ему (ученику) вечерню; ино то мастеру принести каша, да гривна денегъ; а завтраши тоже, а и свыше того; а часы особно; да тѣ поминки опроче могорца, что радилъ отъ него“.

Сюглавъ, учредивъ, по видимому, вполне общественныя училища, не обратилъ однако вознагражденія наставникамъ въ исключительно общественное жалованье, какъ это видно изъ наказовъ митрополита; онъ рекомендуетъ учителямъ быть ревностными „отъ Бога мзды ожидающе, а здѣ отъ ихъ родителей дары и почести приѣмлюще по ихъ (родителей) достоинству и состоянію“.

Въ такомъ же видѣ изображается эта плата и во второй половинѣ XVIII вѣка Крестининнѣ. „Слѣдующій учителямъ грамоты за школьные труды платежъ производится отъ родителей ихъ учениковъ, по старинному обыкновенію, по книжно, а не по мѣсячно. Въ прежніе годы платили имъ за азбуку по 10 коп., за часословъ по 60 и по 70 коп., за псалтирь по 100 коп., за письмо также по 100 коп. Въ нынѣшнее время таковые платежи возвысились вдвое и больше за каждую книгу. Но симъ платежемъ въ здѣшнихъ мѣстахъ самый исправный и прилежный учитель грамоты содержать себя не можетъ, за дороговизною съѣстныхъ припасовъ и другихъ вещей, къ содержанію человѣческой жизни необходимыхъ“. Вслѣдствіе сего учительство и перешло въ руки полуграмотныхъ женщинъ.

„Плата за обученіе въ XVIII вѣкѣ“, по словамъ г. Воронова²⁾, „была самая ничтожная: въ столицѣ брали по 1 рублю въ мѣсяцъ и менѣе,

¹⁾ Тамъ же, стр. 74.

Историко-статистич. обзоръ учебн. завед. С.-Петербург. окр. Сиб. 1849, стр. 5.

или за вшучку, за чтеніе отъ 4 до 6 рублей, а за правила ариметики 3 рубля". „Мастеръ былъ (читаемъ въ журналѣ *И то и се*) человѣкъ постоянный и экономію дома своего наблюдалъ строго, такъ что каждый ученикъ долженъ былъ ему принести каждый дванадесятый праздникъ по нѣскольку денегъ, а сіе приносится сверхъ риды, которая надлежитъ за науку; впрочемъ, хотя онъ и не научить больше, какъ читать и писать безъ толку и смыслу, но почитается мастеромъ и беретъ за науку весьма дорого“¹⁾. Отзывъ, по сличенію съ отзывомъ Крестинина, совершенно невѣрный.

То же самое существовало и въ Малороссіи, какъ въ старое время, такъ и въ концѣ XVIII вѣка. „Переходъ отъ грамматики къ часослову и отъ часослова къ псалтирю былъ настоящимъ праздникомъ и для наставниковъ, и для ихъ питомцевъ: учитель получалъ горшокъ съ кашей, осыпанный сверху деньгами; ученикамъ дарили родители по пятаку или по гривнѣ мѣди“. Обычай этотъ, извѣстный подъ именемъ *каша*, уцѣлѣлъ кое-гдѣ и теперь, какъ уцѣлѣли и старинные учебники, и народные наставники и наставницы“²⁾.

Жалованье учителю выдавалось также въ видѣ подарковъ, припасовъ натурою—явленіе, сопровождавшееся всѣми тѣми послѣдствіями, которыя обыкновенно встрѣчаются при неразвитости денежнаго хозяйства³⁾. Съ дальнѣйшими услѣхами экономическаго быта, при переходѣ этихъ подарковъ въ постоянное (денежное) жалованье благотворная зависимость школы отъ общины не переходила бы въ личную зависимость учителей отъ богатыхъ общинниковъ.

Какъ въ югозападной, такъ и въ восточной Руси упомянутое явленіе отличалось одинаковымъ характеромъ:

«Ко учителю въ день недѣльный на поклонъ приходите
И отъ сѣдрыхъ брашенъ и нитя ему приносите,
Честь достойную учителю воздавайте,
И отъ домовъ своихъ брашна и нитя ему приношайте».

Лишь въ томъ случаѣ, когда учитель домогался чрезвычайной

¹⁾ *Итога*, еженедѣл. изд. 1769 г. нед. 42.

²⁾ *Сухемановъ* въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1864 года, январь.

³⁾ «Содержаніе учителей», говоритъ Штейтъ, «доставляли (вездѣ въ Европѣ) крестьяне, но въ формѣ феодальной (натуральныхъ повинностей и десятины). Только съ побѣдою гражданскаго общества, и въ селахъ, вместо этихъ натуральныхъ повинностей, введенъ *налогъ* въ пользу школы, включенный въ общую систему государственныхъ налоговъ; доходы учителя обратились въ постоянное жалованье». (*Bildungswesen*, 123).

прибавки, обнаруживались всё черты зависимости его отъ нанIMATEлей при натуральномъ хозяйствѣ. „Государю такому-то бьетъ челомъ и плачется работничиншко твой такой - то.... Пожалуй мнѣ, работничиншкѣ твоему, на школьное строеніе, мнѣ же съ домашними на пропитаніе, благоутробне смилуйся!“ И это въ образцовомъ письмовникѣ, который (обыкновенно) помѣщался въ азбуковникахъ.

«Приказы, государь, намъ отъ класорасенныхъ плодовъ
запаску дати,
И отъ пресвѣтлыя твоея трапезы говядъ и тинодобѣщія свини
преподати,
Со всѣми же спми желаемъ и птахъ водоплавныхъ,
Пже обрѣтаются въ дожѣхъ вашихъ преславныхъ,
Отъ млекъ згущеннаго и отъ семенъ изгнетеннаго масла,
Да въ приходщій прѣздникъ усладятъ наши брашна»....

Содержаніе народныхъ учителей сдѣлалось крайне недостаточнымъ, и самое обученіе совершенно неудовлетворительнымъ и даже уродливымъ (по свидѣтельству Крестинина), когда народное учительство отдѣлилось отъ другихъ общественныхъ должностей, когда оно попало въ руки малограмотныхъ стариковъ и старицъ—частныхъ лицъ. Но этотъ переворотъ (хотя не повсемѣстный и не полный) совершился рядомъ правительственныхъ мѣръ въ XVIII вѣкѣ, направленныхъ противъ профессиональныхъ школъ и позднѣйшихъ, мнимо-народныхъ.

Безъ сомнѣнія, идеальнымъ устройствомъ народной школы останется всегда такое, при которомъ учитель является постояннымъ, осѣдлымъ членомъ общины, связаннымъ съ нею не кратковременнымъ срокомъ и получающимъ отъ нея постоянное обезпеченіе. Мы касаемся вопроса, какими средствами можно достигнуть этой цѣли ¹⁾.

¹⁾ Вся указанная нами черты элементарнаго образованія и приходскихъ школъ имѣютъ много общаго съ тѣмъ, что происходило въ Германіи со времени реформациі. И тамъ народное образованіе вѣдаетъ приходъ; оно состоитъ изъ чтенія, письма и пѣнія церковныхъ пѣсенъ; учителями были кистеры. После 30-лѣтней войны почти въ каждомъ селѣ существовала школа (въ XVI же и первой половинѣ XVII вѣка школы были истреблены въ концѣ цѣлмихъ рядовъ смуть). Мрачными стороны этой системы были тѣ же самыя, что и у насъ: «Главный доходъ учителя составлялся изъ платы учениковъ по 3 пеннига (пеннингъ=¼ коп.) пѣ недѣлю на каждаго и изъ подарковъ отъ родителей хлѣбомъ, овощами, колбасами, яицами, дровами, соломою и т. п.... При этихъ работахъ о кускѣ насущнаго хлѣба учителю некогда было заботиться о собственномъ образованіи, а потому онъ скоро превращался въ самого тупаго рутинера и учителя дѣтей однимъ механическимъ способомъ» (*Модзалевскій*, стр. 390). Даже въ

Послѣ всего, сказаннаго нами, мы должны были бы перейти теперь къ вопросу—какимъ образомъ возникла связь между народными школами, существовавшими въ самостоятельныхъ общинахъ, какъ изъ среды ихъ образовались и развивались постепенно среднія и высшія училища, какъ сложилась стройная система народнаго образованія и т. д. Но еще прежде намъ слѣдуетъ упомянуть о школахъ частныхъ, ибо онѣ находятся въ тѣсной связи съ общинными.

IV.

Элементарное образованіе въ частныхъ училищахъ и домашнее обученіе.

Говоривъ до сихъ поръ объ общинахъ, мы предполагали вездѣ общины независимы. Но въ дѣйствительности, до XVII вѣка уцѣлѣли онѣ только на крайнемъ югѣ (въ малороссійскихъ общинахъ казацкихъ) и на крайнемъ сѣверѣ (въ Двинской и Олонецкой странахъ). Въ остальныхъ, то-есть, центральныхъ областяхъ Московскаго государства онѣ перешли сначала въ полузависимое, а потомъ въ совершенно несвободное отношеніе къ землевладѣльцамъ.

Необходимо при этомъ замѣтить, что въ то время не было еще помѣщичьихъ имѣній, въ которыхъ правоспособное лицо только самъ помѣщикъ или вотчинникъ, а все остальное—его имущество, при чемъ никакой рѣчи объ общинныхъ функціяхъ, объ общинныхъ средствахъ быть не можетъ. Въ XVII вѣкѣ и даже въ первой половинѣ XVIII, мѣстные обыватели еще пользовались нѣкоторымъ самоуправленіемъ; но съ того времени, когда въ общинахъ водворяются частныя землевладѣльцы, начинаютъ существенно измѣняться не только частныя, но и общественныя права общинъ. Здѣсь прежде всего могучимъ факторомъ являются имущественныя средства: одно какое-либо лицо, благодаря своему богатству, становится иногда болѣе сильнымъ, чѣмъ

эпоху отдѣленія учительской должности отъ должности кистера, то-есть, въ XVIII вѣкѣ, учителями были обидившіе ремесленники или отставные солдаты: «Еще королевскій приказомъ 31-го юля 1749 года въ Пруссіи поручено было давать нѣста учителей отставнымъ инвалидамъ, знающимъ только читать и писать...» (Окольскій, стр. 192, прик. 2). Однако, нынѣшняя система народнаго образованія въ Германіи далеко опирается на систему, указанную Лютеромъ, то-есть, состоитъ въ тѣсной связи съ системою приходскихъ общинъ и ихъ школъ. Приходскія школы дали реальное содержаніе тѣмъ правительственнымъ мѣрамъ XVIII вѣка, которыя безъ этого готоваго матеріала остались бы столь же безплодными, какъ и наши того же времени.

цѣлая община. Уже въ древнѣйшее время замѣчаемъ мы подобное явленіе: нѣкоторые сильные члены общинъ стремились замѣщать должности священниковъ своими рабами, не освобождая ихъ.

Съ переходомъ правъ общины къ землевладѣльцу, переходятъ на него и всѣ тѣ обязанности по народному призрѣнію и образованію, которыя прежде лежали на общинѣ, и отъ которыхъ теперь онъ не въ состояніи отречься ради собственныхъ нуждъ и интересовъ. Въ перечнѣ школъ Малороссіи не разъ упоминается о школахъ приходскихъ во владѣльческихъ имѣніяхъ. Владѣлецъ могъ поддерживать и дѣйствительно поддерживалъ общинныя учрежденія въ ихъ прежнемъ видѣ: онъ оставлялъ школы въ домахъ причетниковъ и даже лично пользовался этими школами, посылая въ нихъ своихъ дѣтей; но съ развитіемъ своихъ частныхъ правъ, съ развитіемъ взгляда на имѣніе, какъ на частное имущество, измѣнился и характеръ общинныхъ учрежденій. Общинныя школы переходили въ частно-владѣльческія, дворовыя. Учителя нанимаются для нихъ самимъ владѣльцемъ, школы помѣщаются въ его дворѣ, обученіе ставится домашнимъ.

На все это ясно указываютъ административные акты XVIII вѣка¹⁾: „Отъ церкви отошелъ (говорить дьячекъ Петровъ) и пребывалъ въ разныхъ господскихъ домахъ, обучая людей ихъ грамотѣ, писать и пѣть изъ подлежащей платы“.... „За недачею помѣщику руги (показывать дьяконъ Онисимовъ) вышелъ, пытавъ учепіемъ господскихъ и прочихъ дѣтей.... Пошелъ въ книжный рядъ купить для ученія сибирскаго приказа судьи Федора Роддопова дворовыхъ людей“....

Цѣль образованія, при этомъ, должна была существенно измѣниться: грамотные люди прежде всего нужны помѣщику для его собственныхъ потребностей. Онъ желаетъ имѣть грамотныхъ управляющихъ и копторниковъ, искусныхъ ремесленниковъ и т. д. Къ этому присоединяется и необходимость дать образованіе своимъ дѣтямъ. Узко-утилитарныя цѣли стоятъ тутъ на первомъ планѣ. Очевидно, что школы этого рода, не будучи домашними въ точномъ смыслѣ

¹⁾ См. дѣло 1766 года мая 22-го по прошенію флота капитана Алексѣя Степанова Бестужева о дозволении обучать дѣтей словесной грамотѣ заштатному священнику с. Успенскаго Филиппу Иванову; дѣло 1772 года «по прошенію лейбъ-гвардіи подполковника Алексѣя Степанова Шепелева. Воскресенскій, въ старомъ Преображенскомъ дворцѣ бывший дьячекъ, Гавріилъ Петровъ отпущенъ для обученія дворовыхъ, его Шепелева, молодыхъ робать російской грамотѣ и нотному пѣнію впередъ на три года». (Ист. Москов. епарх. упр. Ч. 2. Кн. II, прил. 456, стр. 184).

слова, не могутъ считаться и общественными. Онѣ существуютъ преимущественно для дворовой прислуги. Однако, болѣе благоразумные и состоятельные помѣщики допускаютъ въ нихъ и дѣтей своихъ крестьянъ.

Для такихъ школъ владѣльцу выгодно имѣть не вольно-наемнаго, а крѣпостнаго слугу въ качествѣ учителя, какъ и случилось большею частію. „Выучилъ я (пишетъ Даниловъ) у Врудастаго азбуку, отецъ мой отвезъ меня близъ города Тулы къ живущей вдовѣ Матрени Петровнѣ.... она имѣла при себѣ племянника родного и своему имѣнію наследника; по той причинѣ просила отца моего, дабы меня привезъ къ ней какъ грамотѣ учиться, такъ и племяннику ея дѣлать компанію. Въ одно утро гуляли мы съ племянникомъ ея, и третій былъ съ нами молодой слуга, который насъ училъ грамотѣ и самъ учился; племянникъ ея началъ обивать яблоки, не спросивъ своей тетюшки. Донесено было сіе преступленіе теткѣ его.... Она приказала всѣхъ насъ троихъ привести и предъ себя на целищный судъ, и въ страхъ племяннику, приказала съ великимъ гнѣвомъ поднять немедленно невиннаго слугу и учителя нашего на козель, и сѣкли его очень долго и немилостиво, причитая: „Не обивай яблокъ съ яблонн“. Потомъ и до меня дошла очередь. Племянникъ обробѣлъ.... Однако страхъ его былъ тщетный,—только вдова изволила сдѣлать ему выговоръ въ таковой силѣ, что „дурно де, не пригоже, сударь, такъ дѣлать и яблоки обивать безъ спросу моего“, а послѣ поцѣловать его, сказала: „Чаятельно ты, Иванушка, давеча испугался, какъ сѣкли твоихъ товарищей; не бойся, голубчикъ, и тебя никогда сѣчь не стану“.

Однако, нерѣдко владѣльцы принуждены были обращаться и къ вольному найму учителей, какъ это видно изъ приведенныхъ нами актовъ Московскаго епархіальнаго управленія.

Дворовая служба по найму, хотя бы въ качествѣ учителя, сложилась, какъ извѣстно, въ древности, и по требованію закона, и по обычнымъ условіямъ ея, къ несвободному состоянію. Не удивительно поэтому, что мы встрѣчаемся съ возмутительными фактами, въ родѣ слѣдующаго: „Помѣщикъ Сумскаго уѣзда Хрущовъ, въ концѣ прошлаго вѣка, обратился къ архіерею Ангею съ просьбой объ учителя, прибавляя, чтобы выслать ему такого, „который бы выучилъ говорить по русски, а не по малороссійски“. Поѣхалъ къ Хрущову на кондичію изъ духовнаго народнаго училища семинаристъ Павловскій. Пріѣхалъ къ помѣщику — учить его дѣтей. Дѣти выросли, оставили

науку; Павловскій такъ сжился съ хозяевами, что сталъ учить его (ихъ?) крестьянскихъ дѣтей. Пока былъ онъ учителемъ въ домѣ Хрущова, онъ съ хозяиномъ и обѣдалъ, а тутъ уже перевели его въ людскую. Прошло еще нѣсколько лѣтъ; сталъ онъ отъ скуки и конторой заниматься, а тутъ его уже приващикомъ дѣлаютъ. Потяготился онъ, сталъ проситься изъ деревни, „Ты что?“ спрашиваетъ его Хрущовъ, не слушаешься? ты вѣдь мой!“ Одѣли Павловскаго по мужицки, заставляютъ уже жениться на крестьянкѣ. „Да почему же я вашъ?“ „А потому, что я тебя“, говоритъ Хрущовъ, „записалъ въ шутку за собою по ревизіи крестьянникомъ своимъ крѣпостнымъ“.... Заплакалъ учитель, сталъ тосковать; гонять его уже и на панцину, на работу. Искать, жаловаться? но кому? Попалъ въ ревизію—я конечно. Къ счастью его, явился по сосѣдству за сборомъ іеромонахъ изъ того же училища, гдѣ былъ когда-то и Павловскій. Разговорились. Павловскій умолилъ его навести справки, отыскали въ архивѣ семинаріи ордеръ архіерея объ отсылкѣ Павловскаго въ учителя и вызволили его, съ выговоромъ Хрущову, что де онъ могъ записывать за собою крестьянъ переходящихъ, но не свободныхъ учителей. Этотъ Павловскій, бывшій на своемъ вѣку черезъ учительство въ крестьянахъ, жилъ 80 лѣтъ и умеръ въ 1848 году. По словамъ его, не онъ одинъ попадалъ въ крестьяне въ то время¹⁾.

Изъ отношеній землевладѣльца къ приходской школѣ возникаетъ принципъ, долго державшійся въ обычаяхъ и законодательствѣ новыхъ европейскихъ народовъ, по которому въ бывшихъ частныхъ имѣніяхъ обязанность содержать школу дѣлится между землевладѣльцами и общинами. Принципъ этотъ весьма справедливъ²⁾; на основаніи его фабрикантамъ ставится въ обязанность обучать дѣтей рабочихъ, хотя изъ гражданскихъ отношеній нанимателя къ нанимающемуся такая обязанность отнюдь не вытекаетъ.

Когда во второй половинѣ XVI вѣка, князь Курбскій съ горестью

¹⁾ Украин. Старина, соч. Данилевскаго, стр. 298—299.

²⁾ Съ перваго взгляда онъ можетъ показаться весьма несправедливымъ, потому что богатые землевладѣльцы обыкновенно не пользуются общественными народными школами для своихъ дѣтей. Въ Германіи даже свободомыслящіе писатели относятся къ этой обязанности землевладѣльцевъ неодобрительно (наравнѣ со всеми остатками феодальнаго строя): «die Reste der ständischen Grundherrlichkeit erhalten lange—zu lange—den Grundsatz, das der Grundherr vorzugsweise das Schulhaus zu bauen habe, der gehalt den Lehrer.... von den Anlässigen zusammen zu bringen sei». Stein, Bildungsweise, 122—123.

убѣдился, что ни въ Московской, ни въ Литовской Руси не достаетъ средняго и высшаго образованія для огражденія самыхъ существенныхъ основъ русской національности, то онъ совершенно справедливо приписалъ это „дѣлности и нерадѣнію владѣтелей русскихъ“¹⁾, то-есть, какъ правительства, такъ и тѣхъ частныхъ лицъ, которыя по силѣ своихъ, почти государственныхъ, правъ и по обширности своихъ владѣній, стояли много выше разрозненныхъ общинъ. Западная Русь, съ ея благоприятными условіями для развитія крупнаго землевладѣнія и феодальныхъ правъ, не могла разчитывать на то, что иноплеменное и иновѣрное правительство поставитъ себѣ задачей поднять русское элементарное образованіе на болѣе высокую ступень; богатые землевладѣльцы, еще не отрехшіеся отъ интересовъ своей народности, были здѣсь единственнымъ орудіемъ для достиженія этой цѣли. И вотъ дѣйствительно богатые князья—Острожскій и Слуцкій откликнулись на призывъ Курбскаго²⁾. Первоначально и князь Острожскій ограничивался поддержкой и распространеніемъ элементарныхъ школъ въ своихъ владѣніяхъ³⁾. Но около 1580 года была основана имъ Острожская „академія“ (какъ именуется она въ нѣкоторыхъ Острожскихъ изданіяхъ, и въ чемъ справедливо видятъ намѣреніе князя создать высшее учебное заведеніе). Что во всякомъ случаѣ академія не имѣла уже характера элементарной школы, это видно и изъ другого ея названія: „Школа грецкая (греческая) у Острогу“. О томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и установленный для неѣ курсъ наукъ. „Острожское училище было первое на Руси греко-славянскою школою для преподаванія *вызволемыхъ* или вольныхъ наукъ“, говоритъ М. А. Максимовичъ. Далѣе мы увидимъ, что вѣдшимъ признакомъ возвышающагося образованія всегда служитъ преподаваніе иностранныхъ языковъ; въ Острожскомъ же училищѣ съ самаго основанія его преподавался языкъ греческій. Учителемъ и ректоромъ его былъ весьма образованный человѣкъ, посѣщавшій европейскіе университеты, эвзархъ Александрійскій Кириллъ Лукаръ. Наконецъ, по нѣкоторымъ осно-

¹⁾ Опис. Рук. Рум. Музея, стр. 242.

²⁾ „Князья Острожскій и Слуцкій имѣють свои гипографическія училища, въ коихъ сей расколъ (православная вѣра) питается“, писалъ Антонъ Поссевинъ. См. Письма о князьяхъ Острожскихъ, М. Максимовича. Кіевъ. 1866, стр. 28.

³⁾ „Еще въ 1572 году онъ отдалъ принадлежавшую ему въ Туровѣ землю Дмитрію Мшуричу съ условіемъ «школы тамъ держати» (Опис. Рук. Рум. Музея, стр. 127), см. статью Князь Константинъ Василій Острожскій, въ *Прас. Собес.* 1859, I.

вательнымъ догадкамъ, въ этомъ училищѣ преподавались и языки польскій и латинскій ¹⁾). „Въ школу Острожскую стекалось во множествѣ юношество не только изъ низшихъ классовъ народа, но и изъ высшихъ“ ²⁾).

М. Владимірскій-Будановъ.

---

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННЫЙ ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК¹⁾.

Le langage est ce qu'il y a
en Grèce de plus antique.

J. A. Ampère.

Вышій представитель Греціи въ Константинополѣ, М. Реніера, въ изслѣдованіи своемъ о греческомъ языкѣ говоритъ: „Если бы че-

¹⁾ Авторъ этой статьи — Грекъ. Со всею преданностью національности, въ которой онъ принадлежитъ, г. Іоанниди вѣрно изобразилъ, въ краткихъ чертахъ, нравственную и духовную жизнь своего народа въ связи съ политическими невзгодами, постигшими его въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, особенно останавливаясь на судьбѣ своихъ соотечественниковъ со времени упадка Византійской имперіи. Не только съ благороднымъ чувствомъ патриота, но и съ правдивостью историка указываетъ онъ на твердость, самоотверженіе, геройство, а также на плодотворную умственную дѣятельность Грековъ, удачно группируя факты, подтверждаемые обильными цитатами изъ современной греческой литературы. При всемъ томъ, мы должны, къ сожалѣнію, замѣтить, что главная цѣль его труда — не достигнута. Въ статьѣ г. Іоанниди нѣтъ ни одного прямого доказательства, что древніе Греки лишь по прихоти употребляли въ письмѣ шесть знаменъ (ι, η, γ, ει, οι, υ) для обозначенія одного звука: ι, а пока г. Іоанниди этого обстоятельства, противорѣчащаго физиологіи языка, не объясниги научными доводами, замѣтственными изъ языковѣдѣнія, попытка его не можетъ быть признана удовлетворительною. Труды Александрійскихъ ученыхъ, прибѣгавшихъ къ изобрѣтенію разныхъ значковъ для восстановленія первобытнаго произношенія греческихъ словъ и звуковъ, убедительно свидѣтельствуютъ о томъ, въ какой мѣрѣ совершилось уже въ нихъ искаженіе фонетического элемента языка, а удачныя усилія выѣшскихъ Грековъ, вызванныя благороднымъ примѣромъ известнаго Корая, — усилія возвратиться, по возможности, къ формамъ классическаго періода, сами по себѣ подтверждаютъ тотъ фактъ, что языкъ народа, съ доблестью перенесшаго всѣ невзгоды судьбы, не могъ устоять противъ мощнаго вліянія времени и обстоятельствъ. Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ выводами почтеннаго автора, не считая, впрочемъ, умѣстнымъ распространяться здѣсь о произношеніи выѣшскими Эллинами древне-греческихъ звуковъ.

Не смотря на все это, статья г. Іоанниди содержитъ въ себѣ столько дѣльнаго и интереснаго, съ такою убедительностью указываетъ на превосходство

ловѣкъ древняго міра возвратился, промысломъ Божиимъ, на этотъ свѣтъ, то при послѣдовательномъ посѣщеніи имъ европейскихъ странъ не многое пональ бы онъ въ господствующихъ нинѣ діалектахъ; но со вступленіемъ на почву Греціи, слуха его коснулись бы знакомые звуки, въ которыхъ онъ немедленно узналъ бы элементы всѣхъ нарѣчій греческаго языка" ¹⁾). Не много ранѣе того времени, какъ написаны были эти слова, французскій ученый Амперъ, сынъ знаменитаго математика, совершивъ путешествіе по различнымъ странамъ стараго и новаго свѣта и посѣтивъ, между прочимъ, Грецію, писалъ: „Всякій, кто у себя, на родинѣ, изучалъ по книгамъ греческія древности, чувствуетъ великую радость, когда вдругъ очутится въ средѣ людей, говорящихъ по-гречески, и въ разговорѣ проводника или матроса узнаетъ слова, которыя онъ до того времени встрѣчалъ только въ сочиненіяхъ Гомера. Ему кажется, что онъ дѣйствительно перенесся въ древнюю Элладу; онъ готовъ сказать прохожимъ: „Я хочу васъ слушать“ ... ²⁾ Но, замѣтять на это, для подобнаго самообогащенія было бы необходимо, чтобы современныи языкъ былъ тотъ самый, на которомъ говорили древніе Греки, а не произшедшій отъ него съ непривычнымъ для насъ произношеніемъ. На это можно отвѣтить: нѣтъ основанія, чтобы потомки Перикла усвоили себѣ систему, введенную въ XVI столѣтіи однимъ голландскимъ ученымъ" ³⁾).

Мысль, выраженная въ этихъ словахъ, вполнѣ подтверждается новѣйшими результатами изученія греческаго языка и мнѣніями другихъ компетентныхъ ученыхъ.

Всякій народъ существуетъ не только въ настоящемъ, но и въ прошедшемъ и въ будущемъ. Посредствомъ своей литературы онъ составляетъ одно цѣлое во всѣ времена; его прошедшее выражается въ его историческихъ намятникахъ; его настоящее обнаруживается въ современномъ его государственномъ строѣ, въ узаконеніяхъ и административныхъ учрежденіяхъ, въ его жизни и стремленіяхъ; его будущность заключается вполнѣ въ способѣ воспитанія и образованія молодаго поколѣнія. Исторія всякаго народа дѣлается намъ извѣстною, яснымъ

греческаго языка, что она не можетъ быть безполезною въ наше время, когда еще встрѣчается столько безмысленныхъ противниковъ классицизма. Мы съ удовольствіемъ даемъ ей мѣсто на страницахъ нашего журнала. *Ред.*

¹⁾ *Spéctateur de l'Orient*, 1855.

²⁾ «О мой дорогой языкъ!» слова, сказанныя героемъ Филоцитомъ своимъ соотечественникамъ, когда онъ снова встрѣтился съ ними на островѣ Лемносъ.

³⁾ *I. A. Ampère, Etudes littéraires d'après nature.*

отъ него путемъ, со времени усвоенія имъ письменныхъ знаковъ, и слѣдовательно, она тѣсно связана съ образованіемъ письменнаго языка. У Грековъ, наравнѣ съ другими народами древности, начало письменнаго языка скрыто завѣсою мифическихъ преданій, но за то существованіе его, какъ живаго европейскаго языка, обнимаетъ все время исторической жизни Европы. Это послѣднее обстоятельство — замѣтимъ кстати — и служить причиною для стремленія многихъ иностранцевъ всесторонне изслѣдовать современный греческій языкъ.

Греческій языкъ имѣлъ нѣсколько фазисовъ развитія. Послѣдовательное совершенствованіе его шло параллельно съ духовнымъ и умственнымъ развитіемъ древней Греціи и можетъ быть прослѣжено по произведеніямъ греческихъ писателей со временъ Гомера и Гезіода до Александрійской эпохи. Съ особеннымъ удовольствіемъ каждый изслѣдователь смотритъ на тотъ періодъ развитія греческаго языка, когда три діалекта, изъ которыхъ состоялъ онъ сначала: эолийскій, дорійскій и іонійскій, стали постепенно уступать мѣсто аттическому, произшедшему изъ іонійскаго; отличающагося отъ другихъ болѣе благозвучіемъ и формами сравнительно упрощенными, множествомъ написанныхъ на немъ, отличныхъ по изложенію и содержанію, произведеній какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ, коими обнаруживалось превосходство духа и политическая сила Аѳинянъ, — аттическій діалектъ получалъ окончательный перевѣсъ надъ другими и сталъ главнѣйшимъ органомъ народной рѣчи Грековъ. По мѣрѣ распространенія его между разными племенами Греціи, вслѣдствіе чего употребленіе другихъ діалектовъ ограничилось тѣсными предѣлами, аттическій діалектъ терялъ нѣкоторые изъ своихъ свойствъ, и постепенно видоизмѣняясь, сталъ наконецъ общимъ языкомъ всѣхъ Грековъ (въ эпоху Персидскихъ войнъ). Когда, вмѣстѣ съ побѣдоноснымъ оружіемъ Александра Великаго, языкъ этотъ распространился далеко за предѣлы греческихъ территорій, въ Азіи и въ Африкѣ, между иноплеменными народами, его прежнія формы и выраженія стали замѣняться иногда другими, не всегда согласными съ кореннымъ духомъ аттическихъ писателей; но и это обстоятельство не помѣшало многимъ изъ усвоившихъ себѣ греческій языкъ сдѣлаться отличными писателями и учеными своего времени; а что причиною распространенія, и особенно, продолжительнаго употребленія греческаго языка была не матеріальная сила македонскаго господства, а превосходство греческой культуры, это доказывается тѣмъ, что и въ Египтѣ, и въ Сиріи, и въ государствахъ Малой

Азіи, и въ Македоніи, и въ самой Греціи; когда всѣ сіи страны подпали римскому господству, употребленіе греческаго языка далеко не прекратилось, а непогимъ позже и въ самомъ Римѣ изученіе греческаго языка стало главнымъ условіемъ гуманнаго образованія, наравнѣ съ изученіемъ языка отечественнаго, и римскіе писатели особенно старались перенести въ свои сочиненія духъ греческихъ авторовъ. Такимъ образомъ, одновременно съ распространеніемъ греческой культуры, шло и употребленіе греческаго языка, и это продолжалось не только до паденія Рима, но и во время существованія Византійской имперіи; послѣднее обстоятельство подтверждается, кромѣ существованія въ этомъ періодѣ многихъ поэтовъ, ораторовъ, богослововъ, историковъ, физиковъ, юристовъ, медиковъ, философовъ, географовъ, математиковъ и грамматиковъ, писавшихъ разные трактаты и замѣчательныя сочиненія на греческомъ языкѣ ¹⁾, еще и тѣмъ, что Константинопольскій императорскій дворъ, до самой сдачи столицы Туркамъ, обнародовалъ свои уставы и указы ²⁾ на греческомъ языкѣ ³⁾; несомнѣнно, что подобный порядокъ не могъ бы установиться, еслибы подданные, которыхъ они касались, не знали и не употребляли греческаго языка. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что послѣ царствованія Юстиніана греческій элементъ въ государственной жизни Восточной Римской имперіи беретъ верхъ надъ латинскимъ, — Византійская имперія только по имени остается Римскою, и не смотря на опустошенія и перепороты среднихъ вѣковъ, на крестовые походы и временное владѣтельство Франковъ, сохраняетъ залогъ предвѣній и многіе памятники художественныхъ произведеній древности ⁴⁾.

Различные виды общиннаго самоуправленія (имѣвшіе болѣе или менѣе политическій характеръ), о которыхъ говорить въ своихъ сочиненіяхъ императоръ Константинъ Порфирородный, а равно и въ-

¹⁾ Императоръ Константинъ Багрянородный, архіепископъ Евстацій, царица Анна Комнина, историкъ Проконій, Феодоръ Продромъ, Іоаннъ Кантакузьянъ, патрирхъ Фотій и пр. См. *Ассольс*, Исторія греческихъ поэтовъ и писателей. Афины (на греч. языкѣ).

²⁾ Νόμοι, νόμοκράτους, νόμοι, и пр.

³⁾ И по ваятіи Константинополя Турками дипломатическія сношенія ихъ съ европейскими державами долгое время велись на греческомъ языкѣ. См. *Miklosich*, Acta et diplomata graeca medii aevi. Вѣна, 1864 г.

⁴⁾ *Brunet de Presle*, Исторія греческаго языка; *Villemain*, Etudes d'histoire moderne: Lascaris, Etat des Grecs depuis la conquête musulmane; *Ф. Кольбъ*. Исторія чловѣческой культуры. II, стр. 72, 257—259 и др. (1872 г.).

которые другіе писатели, продолжали существовать и послѣ завоеванія ¹⁾ Франками и Венеціанцами разныхъ областей Византійской имперіи; эта общинная организація усиливалась и укрупнялась по мѣрѣ того, какъ власть этихъ завоевателей ослабѣвала, особенно въ Пелопонесѣ, въ Критѣ и на островахъ Архипелага; такъ какъ Турки не сразу овладѣли всѣми провинціями имперіи, то и они не могли ни поразить, ни уничтожить то вліяніе, которое общинная организація имѣла на своихъ членовъ; только благодаря этой организаціи, они могли получать удовлетвореніе какъ матеріальныхъ, такъ и другихъ своихъ нуждъ. Силою обстоятельствъ Турки должны были содѣйствовать учрежденію общиннаго управленія ²⁾, особенно когда понадобилось собирать многочисленныя подати и налоги, которые въ первое время по завоеваніи были исключительно прямыя, вслѣдствіе чего требовалось вѣять состояніе какъ каждаго подлежащаго подати лица, такъ и цѣлыхъ общинъ. Извѣстно, что Магометъ II, завоевавъ Константинополь, пригласялъ къ себѣ патріарха Геннадія, и вручая ему богатый пастырскій посохъ, сказалъ: „Управляй паствою на счастье и прійми нашу дружбу; пользуйся всегда своими привилегіями, конии обладали и твои предшественники“ ³⁾. Судя по послѣдовавшимъ затѣмъ поступкамъ султана, кажется, что онъ произнесъ эти слова только для того, чтобы не исполнить ихъ; но все же обстоятельства сложились не такъ, какъ желалось Туркамъ. Вокругъ патріарха образовался *синклитъ* изъ различныхъ сановниковъ духовныхъ и свѣтскихъ, во главѣ которыхъ стоялъ самъ патріархъ—для заведыванія собственно церковными дѣлами, и великій *логотетъ*—для попеченія объ интересахъ подчиненныхъ народовъ и для удовлетворенія требованійъ Турокъ. Но пока мусульманскій атаганъ наносилъ жителямъ завоеванныхъ областей ударъ за ударомъ, дѣятельность патріарха и синклита не могла, конечно, распространяться дальше Константинополя; въ это время единственными разсадниками народнаго просвѣщенія, исключая Константинополя и нѣсколькихъ провинціальныхъ городовъ, были монастыри и церкви, въ которыхъ преимущественно получали образованіе молодые преемники священнослужителей, хотя и это достигалось

¹⁾ *Guisot*, Cours d'histoire moderne; *Buchon*, La Grèce continentale et la Morée; *Mortreuil*, Histoire du droit Byzantin.

²⁾ *Арипропуло*, Общинное управленіе въ Греціи (на греч. языкѣ). *Гервинусъ*, Исторія XIX вѣка; *Urquhart*, Турція и ея средства.

³⁾ Исторія Константинопольской патріархіи; *Turco-Graecia Crusii*. Воннае, стр. 79—85 и др. Церковная исторія *Мелетія*, стр. 370.

съ большими затрудненіями и опасеніями. Когда же, по общимъ законамъ природы, буря завоеванія стала утихать, тогда стали возобновляться и снова учреждаться учебныя заведенія по всѣмъ областямъ имперіи¹⁾, и преподаваніе въ нихъ стало замѣтно расширяться и разнообразиться въ такой мѣрѣ, на сколько это вызывалось тогдашними потребностями городовъ, особенно прибрежныхъ, и на сколько возможно было по обстоятельствамъ того времени. Существовавшее въ Константинополѣ главное народное училище было снова открыто патриархомъ немедленно послѣ взятія Турками столицы. Въ этомъ заведеніи получилъ образованіе, между прочимъ, и Дмитрій Кантемиръ, впоследствии господарь Молдавскій и извѣстный писатель начала прошлаго вѣка. Въ курсъ этого училища входило преподаваніе греческаго языка и литературы, философіи, физическихъ и математическихъ наукъ. Кромѣ этого заведенія, въ Константинополѣ и въ его предмѣстіяхъ, въ періодъ отъ взятія столицы Турками до начала борьбы за греческую независимость, было двадцать-два другихъ учебныхъ заведеній; въ городѣ Янниѣ существовало училище непрерывно съ 1282 года, да другія пять были учреждены въ разныя времена до конца перваго двадцатилѣтія XIX вѣка. Въ училищѣ города Арты, основанномъ ранѣе 1500 года, воспитывался извѣстный своею дѣятельностью въ Россіи Максимъ, прозванный Грекомъ. Въ концѣ XVII столѣтія число учебныхъ заведеній на Иллирійскомъ полуостровѣ, на островахъ Архипелага, Іонійскаго моря и въ прибрежныхъ городахъ Малой Азіи простиралось, по свидѣтельству путешественника Анастасія (отчетъ котораго въ 1707 году былъ прочитанъ въ собраніи преподавателей греческой гимназіи въ Падубѣ), до сорока; въ 1757 году Георгій Константинову, въ предисловіи къ своему словарю, перечисляя города, въ которыхъ существовали греческія учебныя заведенія, подтверждаетъ это показаніе Анастасія-Михаила.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, со времени завоеванія Константинополя мусульманами до борьбы эпохи за независимость Греціи, число греческихъ учебныхъ заведеній въ предѣлахъ турецкихъ владѣній превышало сто-пятьдесятъ. Выбѣсъ съ этою цифрою слѣдовало бы выставить и число бывшихъ въ нихъ преподавателей, но опредѣлить

¹⁾ *Гизо-Нерулдъ*, Cours de Littérature grecque moderne. Genève, 1828. *Врето*, Новогреческая литература со времени завоеванія Турками Византійской имперіи до образованія Греческаго королевства. Аяныи. *Парамика*, Состояніе народнаго просвѣщенія съ 1453 года до начала XIX столѣтія. Константинополь, 1867 г. (на греч. языкѣ).

эту цифру не возможно; замѣтимъ только, что, кромѣ многихъ лицъ изъ духовенства, въ означенныхъ школахъ занималось преподаваніемъ немалое число врачей и другихъ ученыхъ, получившихъ образованіе не только въ первоклассныхъ училищахъ, какія были въ Константинополѣ, на Афонѣ, на островахъ Хиосѣ, Патмосѣ, Критѣ и другихъ, но и въ академіяхъ Италіи ¹⁾. Въ Хиосѣ, кромѣ другихъ учебныхъ предметовъ, особенно изучали медицину; изученію этой науки многіе посвящали себя потому именно, что Турки вообще цѣнятъ особенное уваженіе къ жрецамъ Эскулапа. Число сочиненій религиозно-нравственнаго содержанія, изданныхъ въ періодъ отъ паденія Византійской имперіи до освобожденія Греціи духовными лицами, простирается до пятисотъ-девяносто-восьми, а число самыхъ сочинителей — тридцать. Число же свѣтскихъ писателей этого, наименѣе благоприятнаго для развитія образованія, періода (съ 1453 по 1821 г.) изъ коихъ многіе посвятили себя и преподаванію, болѣе 320: они написали и перевели 950 извѣстныхъ намъ сочиненій по различнымъ отраслямъ наукъ.

Если эти скромныя цифры, въ продолженіе трехъ съ половиною столѣтій, могутъ показаться ничтожными сравнительно съ числомъ книгъ, издающихся нынѣ ежегодно въ каждомъ просвѣщенномъ государствѣ, то не слѣдуетъ забывать, что и въ другихъ странахъ количество издававшихся въ то время книгъ было несравненно ограничениѣе, чѣмъ нынѣ, а печатаніе греческихъ книгъ всегда было сопряжено съ большими затрудненіями, такъ какъ первыя греческія типографіи были учреждены въ Италіи (особенно въ Венеціи) съ 1476 года. Но для цѣли нашего обзора достаточно замѣтить, что судя по изданнымъ въ эти тяжелыя времена книгамъ разнообразнаго содержанія, руководители народнаго просвѣщенія не ограничивались тѣсными рамками односторонняго направленія, но доставляли молодому поколѣнію всѣ требуемыя мѣстными условіями свѣдѣнія и научныя познанія. Въ центральныхъ областяхъ, преподавая греческій языкъ, придерживались въ образованіи болѣе религиознаго характера; за то въ прибрежныхъ городахъ дѣятельность преподавателей была несравненно обшириѣе: тутъ, кромѣ другихъ научныхъ предметовъ, преподавались и иностранныя языки; но и въ первыхъ, и во вторыхъ главною цѣлью было стремленіе къ основательному знанію роднаго языка и вѣры Хри-

¹⁾ «Propter eam (antiquam linguam) descendam Italiæ quoque academias a Peloponnesia, Cretensibus, Chiiadiri». Turco-Græcia Crusii.

стовой, и судя по дошедшимъ до насъ письменнымъ памятникамъ отъ людей различныхъ классовъ общества, если языкъ ихъ и вѣстываетъ желать большей обработки, то нельзя сказать этого относительно выражаемыхъ ими религіозныхъ чувствъ. Впрочемъ, и въ пародномъ, и въ литературномъ языкѣ отражался духъ той эпохи, и это достаточно объясняетъ его особенности, а насъ вполне убѣждаетъ въ томъ, что этотъ языкъ составляетъ звено, коимъ соединяется современная греческая рѣчь съ языкомъ классическихъ временъ.

Имѣя предъ собою такія данныя, не можемъ не помянуть добромъ тѣхъ дѣятелей, которые своими трудами и стараніями, своимъ рвеніемъ и своею преданностію общему дѣлу, среди опасеній, страха и волненій, вызываемыхъ злоупотребленіями и своеволіемъ мусульманъ, сумѣли проложить путь, по которому молодое поколѣніе могло продолжать и достигать завѣщанной преданіемъ цѣли. Да, вѣчную благодарность потомства заслужили тѣ немногіе, которые сумѣли отстоять отъ посягательствъ жестокихъ побѣдителей права православной религіи и спасти ея послѣдователей отъ неминуемой гибели, угрожавшей имъ въ эпоху мусульманскаго фанатизма. Въ эту эпоху—что бы ни говорили нѣкоторые писатели—подъ вліяніемъ іезуитскихъ или мнимо-либеральныхъ европейскихъ сужденій—церковь является спасительницею языка и народности Грековъ: заслуга, которую обязаны православной церкви и Русскіе во времена монгольскаго ига и татарщины.

Въ народныхъ бѣдствіяхъ церковь и народъ всегда являлись искренними друзьями, соединенные общими убѣжденіями, общими интересами, общими страданіями. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что изъ среды пародной выходили тѣ, которыхъ церковь приютила и возростила для того, чтобы сдѣлать ихъ достойными преемниками ихъ отцевъ въ исполненіи какъ судебно-административныхъ обязанностей въ средѣ общинъ, такъ и обязанностей духовныхъ наставниковъ и служителей алтаря, а также тѣ лица, которые отрелись отъ мірскихъ суетъ, посвящали себя суровой жизни аскетовъ на Афонской горѣ и въ иныхъ обителяхъ, и отсюда въ послѣдствіи были не разъ призываемы для занятія высшихъ духовныхъ должностей. Кто, наконецъ, можетъ сомнѣваться, что повсюду въ имперіи, чрезъ жинное знакомство съ Св. Писаніемъ и отеческими твореніями, чрезъ пастырскія поученія въ духѣ Евангелія и на томъ самомъ языкѣ, на коемъ оно написано, духовенство поддерживало въ народѣ пониманіе родной рѣчи—этого послѣдняго живаго памятника отечества и

вѣри! Но не забудемъ, что изъ среды того же народа исходили и тѣ вольныя натуры, которыя измѣряли свою свободу высотой горъ, служившихъ имъ убѣжищемъ, и постоянно вооруженною рукою отстаивали эту свободу передъ всякимъ, кто попытался бы посягнуть на нее; эти-то свои подвиги, какъ и свои несчастія и неудачи, при почти ежедневно возобновляемыхъ столкновенияхъ, эти горды воспѣвали восторженными или заунывными пѣснями; въ этихъ произведеніяхъ народной поэзіи, кромѣ названій оружія и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ не исполнѣ греческими словами,—что указываетъ на эпоху ихъ образованія,—помимо другихъ коренныхъ греческихъ словъ, звучатъ имена мифическихъ существъ древняго міра; такими пѣвцами народными были жители Олимпа, Пинда, Оссы, Иты, зоркіе Майноты, храбрые Критяне и вообще жители всѣхъ горныхъ вершинъ. Пѣсни ихъ передавались устно изъ рода въ родъ, и женщины ублаживали ими дѣтей, между тѣмъ какъ слѣпые старики, подобно древнимъ раскоидамъ, воспѣвали ихъ на народныхъ празднествахъ и гулябницахъ ¹⁾). Такимъ образомъ, проникнутая духомъ свободы, пѣсни распространялись все шире и шире и находили самый сочувственный отголосокъ въ угнетаемыхъ массахъ народонаселенія. Жители долинъ, видя вблизи и чувствуя на себѣ самихъ злоупотребленія и своеволие мусульманъ, часто отправляли въ горы членовъ своихъ семей, какъ бы предуджая тѣмъ Турокъ, что въ случаѣ нанесенія имъ обиды, у нихъ есть кому отомстить за нее; въ случаѣ же пораженія горцевъ, имъ немедленно высылалось подтвержденіе, часто превышавшее число убитыхъ ²⁾).

Мало по малу горцы, эти вольныя дѣти природы, стали все болѣе и болѣе сближаться съ остальнымъ народонаселеніемъ и принимать близкое участіе въ его судьбахъ. Мало по малу пабожное настроеніе однихъ и поэтическая пылкость другихъ сомкнулись крѣпкими узами противъ долгодѣтнаго рабства ³⁾).

Сближеніе Грековъ съ Россіей, особенно въ царствованіе Екате-

¹⁾ *Famriel*, Chants populaires de la Grèce; *Arnoldus Passow*, *Popularia carmina Graeciae recentioris*. Lipsiae; *Хасіоти*, Народныя пѣсни (на греч. языкѣ). Аѳены, 1866.

²⁾ *Gerovius*, Исторія возрожденія Греціи.

³⁾ Въ одной пѣсни говорится: «За святую вѣру Христа, за свободу отечества, за нашъ воюя, съ ними жить хочу; и если не приобрету ничего, къ чѣму душа моя живи?»

рины II, пребываніе ихъ въ различныхъ странахъ Европы по коммерческимъ дѣламъ, а равно и возвышеніе вышедшихъ изъ духовнаго сословія служителей Порты, известныхъ подъ именемъ фанариотовъ, которые своею ученостью и ловкостью сьужли достигнуть высокихъ должностей при дворѣ султана, все это содѣйствовало возрастанію матеріальнаго благосостоянія многихъ греческихъ семействъ, оказавшихъ потомъ полезныя услуги своимъ соотечественникамъ. Между тѣмъ, и тѣ немпогіе Греки, которымъ посчастливилось получить образованіе въ просвѣщенной Европѣ, стали, одновременно съ стремленіемъ къ освобожденію, все яснѣе и яснѣе сознавать необходимость предварительнаго образованія своихъ соотечественниковъ, и ихъ стремленія для достиженія этой цѣли стали проявляться въ составленіи необходимыхъ для этого книгъ и въ учрежденіи, въ различныхъ городахъ Европы, греческихъ типографій (въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка); для объединенія Грековъ, разсѣянныхъ по Европѣ, во взглядѣ на общее дѣло возрожденія отечества, были учреждены нѣкоторыя періодическія изданія; притомъ особенное вниманіе обращено было на самый языкъ, который по мѣрѣ возможности былъ очищаемъ отъ тѣхъ непрошенныхъ элементовъ, вошедшихъ въ него со времени послѣдовательныхъ вторженій иноплеменныхъ народовъ въ Греческую землю.

Въ этотъ періодъ возрожденія греческаго элемента Придунайскія княжества представляли какъ-бы новый разсадникъ греческаго языка и литературы. Маленькіе дворянскіе дворы Валахій и Молдавіи, гдѣ господрами были большею частью фанариоты, стали скоро центромъ греческаго образованія, и съ развившимся здѣсь языкомъ и литературой греческою, казалось, снова повторилось въ маломъ видѣ то явленіе, какое происходило нѣкогда въ Римѣ. Господарей не только окружали современные имъ греческіе поэты, какъ напримѣръ, подражатель Анакреона Христопуло, драматургъ Ризо и другіе писатели, но и сами они, получая греческое образованіе, соперничали съ этими стихотворцами въ поэтическихъ произведеніяхъ на греческомъ языкѣ. 1821 годъ положилъ конецъ этому направленію, и вниманіе всѣхъ было обращено на другой предметъ: одни приняли прямое участіе въ борьбѣ за независимость, другіе перенесли начатое дѣло просвѣщенія своихъ соотечественниковъ и усовершенствованія роднаго языка уже на почву самой Греціи.

Первымъ подвижникомъ въ дѣлѣ литературнаго развитія безспорно

слѣдуетъ считать знаменитаго ученаго писателя ¹⁾, доктора Адамантия Кораа: убѣжденный, что политическое возрожденіе можетъ быть вызвано только общественнымъ образованіемъ и что первое неизбѣжно послѣдуетъ за вторымъ, онъ своими многочисленными сочиненіями направилъ современныхъ Грековъ по тому пути въ обработкѣ роднаго языка, который довелъ его до нынѣшняго его состоянія. Первоначальная, впрочемъ, мысль объ общемъ употребленіи и постепенномъ исправленіи разговорнаго народнаго языка была высказана раньше его Григоріемъ Констанда, который первое свое сочиненіе, изданное въ 1791 году, посвятилъ князю Потемкину, когда онъ, въ званіи главнокомандующаго русской арміи, былъ въ Бухарестѣ. Слѣдуетъ также упомянуть о Никифорѣ Θεотоки, бывшемъ при императрицѣ Еватеринѣ II архіепископомъ Славянскимъ и Херсонскимъ, который написалъ, кромѣ богословскихъ сочиненій, и многія ученныя языкомъ, могущимъ и нынѣ служить образцовымъ для многихъ Грековъ. Также и во второмъ десятилѣтіи текущаго вѣка и позже, многіе ученые ²⁾

¹⁾ Адамантий Кораа родился въ Смирнѣ въ 1748 году; въ молодомъ возрастѣ онъ былъ отправленъ отцомъ своимъ въ Амстердамъ по коммерческимъ дѣламъ, но еще до выѣзда изъ Смирны изучалъ, кромѣ своего роднаго языка и элементарныхъ наукъ, латинскій и еврейскій языки; въ Амстердамѣ, исполняя порученія отца своего, онъ занимался и науками; потомъ убѣдилъ своихъ родителей дозволить ему учиться медицинѣ и отправился для этой цѣли въ Монпелье, гдѣ въ 1782 году получилъ степень доктора медицины; послѣ того онъ преданъ литературнымъ занятіямъ: сначала перевелъ на греческій языкъ сочиненіе Веккаріа «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» и издалъ его въ 1802 году; затѣмъ, по желанію Наполеона I, перевелъ географію Страбона, вмѣстѣ съ Росселемъ и Портъ-де-Тейлемъ, по окончаніи этого труда онъ предпринялъ рядъ изданій греческихъ писателей подъ названіемъ «Греческая бібліотека», на французскій языкъ съ обширными и весьма примѣчательными комментаріями; онъ написалъ также и многія другія сочиненія; умеръ въ 1833 году.

²⁾ Константинъ Кумасъ, Неофитъ Ваввасъ, Стефанъ и Константинъ Икономо, также Георгій Геннадій, Вардалахосъ, Асопосъ и др. *Константинъ Кумасъ* родился въ 1777 году въ Ларисѣ, специально изучилъ математику и былъ преподавателемъ ея, равно какъ и греческаго языка, въ различныхъ греческихъ учебныхъ заведеніяхъ; онъ перевелъ сочиненіе Гранта о коническихъ сѣченіяхъ; затѣмъ онъ отправился въ Вѣнскій университетъ, откуда въ 1809 году возвратился въ Смирну и учредилъ тамъ еялоогическую гимназію; въ 1814 году былъ приглашенъ Константинопольскимъ патріархомъ въ директоры патріаршаго училища; потомъ снова отправился въ Германію; Лейпцигскій университетъ далъ ему степень доктора философіи и изящныхъ искусствъ. Берлинскія и Мюнхенскія академіи избрали его своимъ членомъ; сочиненія его касаются исторіи, еялоогіи, еянико-математическихъ наукъ и философіи. — *Неофитъ Ваввасъ* родился

пошли по пути, проложенному преимущественно Адамантиемъ: Корасмъ, и обогатили греческую литературу многими хорошими учеными сочиненіями. Вообще, стараніе образованныхъ Грековъ объ исправленіи народнаго языка, съ начала XIX столѣтія, достойно вниманія во многихъ отношеніяхъ. И чѣмъ болѣе развивался и совершенствовался языкъ въ грамматическомъ отношеніи, тѣмъ болѣе обогащался онъ и новыми словами, и тѣмъ удачнѣе подготовлялся новый фазисъ развитія языка; этому въ особенности содѣйствовали: введеніе новой системы правленія и законодательства, организація различныхъ административныхъ, судебныхъ и другихъ правительственныхъ учреждений, открытіе курсовъ наукъ въ новоучрежденномъ университетѣ въ Афинахъ (какъ до того учрежденіе Іонійской академіи лордомъ Гильфордомъ на островѣ Корфу), и наконецъ, теорія и практика военнаго и морскаго искусства, а равно и многія нововведенія въ области промышленности и художествъ, требовавшія новыхъ терминовъ и названій на греческомъ языкѣ.

въ 1770 году на островѣ Хиосѣ, гдѣ, получивъ энциклопедическое образованіе, приобрѣлъ санъ іеродіакона; затѣмъ отправился, чтобы довершить свое образованіе, въ Паризъ и здѣсь издалъ нѣсколько сочиненій; въ 1822 году возвратился въ Грецію и сначала былъ преподавателемъ въ Хионской гимназіи, а потомъ служилъ секретаремъ при князѣ Дмитріи Исквантп; когда на островѣ Корфу было учреждено духовное училище, онъ былъ назначенъ (1828 г.) его инспекторомъ; тамъ получилъ орденъ св. Михаила и Георгія при лордъ-комиссарѣ Адамѣ, весьма его любившемъ и уважавшемъ. Англійское библейское общество щедро награждало его за переводы на греческій языкъ священныхъ книгъ; на эти деньги онъ снова издалъ свои нравственно-философскія и энциклопедическія сочиненія, когда уже былъ профессоромъ при Афинскомъ университетѣ. Во время Крымской войны Вамвасъ своими статьями въ газетѣ *Эосъ* обнаружилъ особенное сочувствіе къ Россіи. — *Стефанъ* и *Константинъ Икономо*, родные братья, оба получили высшее образованіе въ Германіи; первый былъ ученикомъ Кумаса и изучалъ естественныя науки и особенно медицину въ Вьенѣ; затѣмъ былъ преподавателемъ естественной исторіи и химіи въ гимназіи Сипрны вмѣстѣ съ старымъ своимъ учителемъ; умеръ въ Вѣнѣ, куда отправился снова послѣ возстанія Грековъ. Константинъ Икономо получилъ философско-богословское образованіе; былъ тоже преподавателемъ въ греческихъ учебныхъ заведеніяхъ; во время борьбы за независимость, какъ искусный церковный проповѣдникъ, отправлялся въ разные города поощрять Грековъ къ общему дѣлу освобожденія; въ бытность свою въ Россіи онъ написалъ два замѣчательныя сочиненія по «алогіи»: «Объ истинномъ произхожденіи греческаго языка» и «О ближайшемъ сродствѣ между славяно-русскими и греческими языками», и удостоился быть избраннымъ въ члены Россійской академіи. Константинъ Икономо умеръ въ 1852 году въ Афинахъ.

Иные утверждаютъ, что современный греческій языкъ имѣетъ такое же сходство съ древнимъ, какъ италіанскій съ латинскимъ, но это сравненіе вполнѣ ошибочно; равно было бы несправедливо утверждать, что это такое же сходство, какъ сходство современнаго русскаго съ церковно-славянскимъ, хотя въ такомъ сближеніи уже больше справедливости. Кажется, что если принять за норму аттическій діалектъ, то можно сказать, что древнее дорическое нарѣчіе на столько отличалось отъ аттическаго, на сколько отличается отъ него и современный греческій языкъ (разумѣя подъ послѣднимъ названіемъ и языкъ народа, и языкъ литературный, то-есть, двѣ крайнія точки развитія всякаго языка). Поэтому, основательнѣе будетъ за современнымъ греческимъ языкомъ признавать свойства древняго общаго языка Грековъ въ отношеніи точности, выразительности, богатства и другихъ его качествъ. Между тѣмъ какъ многія этимологическія формы древняго языка сохранились въ нынѣшнемъ, конструкція послѣдняго приняла болѣе простую форму, и слогъ его отличается пинѣ меньшимъ синтезомъ, что, впрочемъ, соответствуетъ современному состоянію языковъ всѣхъ культурныхъ народовъ. Звуки древняго греческаго языка сохранились понинѣ; грамматика древне-греческая, или говоря точнѣе, грамматика аттическаго діалекта употребляется какъ руководство для изученія современнаго языка во всѣхъ греческихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ бы они ни существовали—въ свободной ли Грціи, на Востоку ли, или въ европейскихъ государствахъ ¹⁾. Писатели и публицисты тщательно стараются избѣгать употребленія иностранныхъ словъ и оборотовъ, которые слышатся иногда въ разговорномъ языкѣ народа, и притомъ принимаютъ въ образецъ языкъ лучшихъ оригинальныхъ сочиненій, а гибкость греческой рѣчи дозволяетъ составлять изъ ограниченнаго числа существующихъ первообразныхъ словъ новыя сложныя слова и термины для обозначенія вновь созданныхъ современною культурою понятій; несомнѣнно, что этимъ послѣднимъ качествомъ обладаетъ и русскій языкъ ²⁾. Благодаря этой легкости

¹⁾ Въ Лондонѣ, въ Марсели, въ Одессѣ и др.

²⁾ Не смотря на то, что греческіе звуки произносятся въ каждой странѣ различно, всякій новый научный терминъ, составленный изъ элементовъ греческаго языка привильно, на столько выразителенъ, что никто изъ знающихъ языкъ Грековъ не можетъ усомниться, въ чемъ состоитъ его главное значеніе; на основаніи этого свойства языка дѣлается яснымъ значеніе словъ Платона: «ὅς ἐν τῇ ὀνόματι εἶδη, εἰσεται καὶ τὰ πράγματα». (Кто знаетъ именовавія, тотъ узнаетъ и вещи). Изъ этого становится также яснымъ, сколько можетъ облег-

словопроизводства, греческій языкъ уже издавна, еще съ XV—XVI вѣковъ, сталъ общепотребительнымъ во всемъ ученомъ мірѣ ¹⁾, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда наука нуждается въ какомъ нибудь новомъ терминѣ ²⁾.

„Старанія современныхъ Грековъ“, говоритъ италіанскій профессоръ Замбальди ³⁾, „объ усовершенствованіи своего языка нисколько не менѣе, чѣмъ рвеніе ихъ предковъ; кромѣ новѣйшихъ сочиненій, въ которыхъ видно послѣдовательное развитіе ихъ языка, періодическія изданія отличаются у нихъ большою точностью выраженія, и въ нихъ всегда соблюдается должный литературный интересъ совмѣстно съ политическимъ характеромъ“ ⁴⁾.

читать и одновременно помочь своей памяти, при знаніи греческаго языка, вскій, кому приходится изучать безчисленное множество техническихъ терминовъ въ математическихъ, физическихъ и словесныхъ наукахъ; съ другой стороны, какаѣ механическая работа требуется со стороны того, кто не знаѣ греческаго языка, бываетъ, между тѣмъ, принужденъ твердить наизусть такое же громадное количество словъ безъ яснаго представленія о ихъ внутреннемъ содержаніи и значеніи, а если пожелаетъ усвоить себѣ такое значеніе, то сколько времени понадобится ему, чтобы справиться съ каждымъ словомъ и его составными частями. Впрочемъ, мы не намѣрены въ настоящемъ очеркѣ доказывать пользу изученія греческаго языка.

¹⁾ Приводимъ для примѣра нѣсколько словъ: ἀττοκίρητον — пароходъ, отъ ἀττοός, паръ, и κίρη, дивганъ; λεμφορείον — дилжансъ, отъ λεμός, аттическая форма λαός, народъ, и φέρω, несу, везу; οὐδὲρόδρομος — желѣзная дорога, отъ οὐδῆρος, желѣзо, и δρόμος, дорога; ῥολογιοκούς — часопщикъ, отъ ῥολόγιον, часы и κοῦς, дѣлаш, и проч.

²⁾ Le grec depuis la renaissance des lettres est comme une langue commune pour les savants de deux mondes et c'est qui fait d'ordinaire de le préférer toutes les fois que la science a besoin de s'enrichir d'un terme nouveau. Egger, Mémoire sur l'emploi des termes dans la nomenclature des sciences.

³⁾ Zambaldi, О назначеніи греческаго языка, 1871 года.

⁴⁾ Въ томъ же изслѣдованіи читаемъ: «О грамматикѣ ихъ (новыхъ Грековъ) замѣтить, что сочетаніе буквъ и склоненіе именъ суть тѣ же, какія были прежде; то же самое слѣдуетъ сказать о вѣстоименіяхъ, нарѣчійхъ, предлогахъ и союзахъ. Только въ спряженіяхъ глаголовъ произошли нѣкоторые измѣненія, но кромѣ сослагательнаго наклоненія (Optativus), древнія формы давно уже введены въ употребленіе; постепенно стали употреблять и простую форму будущаго времени, вмѣсто сложной. Управление наклоненій вообще подверглось измѣненіямъ, но употребленіе падежей, какъ и управленіе предлоговъ и многихъ глаголовъ, остались не измѣненными. Надѣмся, что съ распространеніемъ просвѣщенія и благодаря трудамъ писателей, общепривытій разговорный языкъ мало будетъ отличаться отъ языка Платарха. Читая греческія газеты, не встрѣчаемъ ни одного слова, ни одной формы, которыя не были бы древни, исключая глагола εἶναι, быть, употребляемаго въ изъявительномъ и неопредѣленномъ наклоне-

Языкъ, на которомъ говоритъ народъ, какъ извѣстно, не такъ сильно и не такъ скоро измѣняется, какъ литературный языкъ различныхъ эпохъ. Притомъ нарѣчіе, выработанное образованными классами, всегда медленно усваивается массами, и въ новѣйшія времена, только посредствомъ системы всеобщаго народнаго образованія массы народныя могутъ сдѣлаться причастными литературному языку, хотя и это относительное сближеніе требуетъ много времени; притомъ, никакой народъ не перестаетъ добровольно и безъ особенныхъ причинъ употреблять извѣстныя ему слова для обозначенія предметовъ и понятій, искони ему извѣстныхъ; поэтому, судя по особенностямъ національнаго характера Грековъ, имѣвшихъ всегда духовный перевѣсъ надъ своими матеріальными поработителями, становится яснымъ, какимъ образомъ въ разговорномъ областномъ языкѣ ихъ понинѣ звучать формы и слова самыхъ древнихъ діалектовъ Греціи, именно эоійскаго и дорическаго; забытое значеніе древнихъ словъ, вѣками не приводимыя въ литературномъ языкѣ выраженія сохраняются живыми въ народѣ; въ различныхъ мѣстахъ сѣверной Греціи, на островахъ Архипелага, а равно и въ Моряхъ, въ народной рѣчи замѣчаются слова и обороты, которые въ городахъ необычны и даже не встрѣчаются у писателей классическихъ временъ, но только въ сочиненіяхъ Омира и Исіода, какъ это замѣчено и многими иностранцами ¹⁾; въ этомъ отношеніи употребляемая народомъ измѣненныя древнія формы служатъ часто къ точнѣйшему восстановленію значенія и смысла темныхъ мѣстъ въ древнихъ текстахъ; вообще современный греческій языкъ способствуетъ къ пониманію памятниковъ классической литературы, какъ на грамматикѣ классическаго языка основывается правильное знаніе современнаго ²⁾.

нѣкъ съ союзомъ *ἴνα* или *ὅτι*, чтобы, дабы. — Объ этомъ Амперъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ писалъ: «Non seulement les savants s'empressent de suivre les pas de l'illustre Coray, qui, au temps de la captivité, préparait par la génération de l'idiome populaire la génération de l'esprit national; non seulement les écrivains cultivés viennent de plus en plus aux formes de la langue antique, à tel point qu'on peut lire quelquefois des pages entières écrites hier sans s'apercevoir qu'on lit du grec moderne, mais chaque jour les habitudes du grec ancien entrent insensiblement dans l'usage universel». См. *Amperé*, *Etudes littéraires d'après nature*. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что многіе современные писатели употребляютъ почти все древнія формы глагола *быти*, какъ вѣрѣна употребляется и сослагательное наклоненіе.

¹⁾ *Amperé; Egger; Fauriel; Groves; Ulrichs* и др.

²⁾ «Приписоматный Корай», говорилъ въ 1853 году *Сутцосъ*, — «далъ намъ»

Теперь перейдемъ къ тому, что составляетъ вѣднѣннѣю характеристику и вмѣстѣ съ тѣмъ самую тонкую черту всякаго живого языка. Правильное произношеніе звуковъ чужого языка рѣдко бываетъ доступно иностранцу по невозможности уловить всѣ составныя части ея звуковой системы или всѣ оттѣнки ея фонетики: привычка къ звукамъ своей родной рѣчи есть наслѣдіе народа, передаваемое изъ рода въ родъ вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ, такъ какъ оно никакими письменными знаками и объясненіями не можетъ быть въ точности изображаемо. Если къ этому прибавить, что ни въ одномъ изъ европейскихъ ¹⁾ языковъ, исключая развѣ нѣкоторыхъ славянскихъ, и въ томъ числѣ, русскаго, — мы не встрѣчаемъ и въ буквахъ вполнѣ сходственнаго начертанія съ начертаніемъ буквъ греческихъ, то становится весьма понятнымъ разнообразіе, замѣчаемое въ произношеніи греческаго языка у разныхъ народовъ. Не говоримъ ужъ о томъ, что въ шестнадцатомъ столѣтіи, когда западная Европа перестала имѣть сношенія съ Греціей, и возникло странное предположеніе о смерти греческаго языка, Голландецъ Эразмъ сталъ его воскрешать въ своемъ кабинетѣ, основывая свою систему греческаго произношенія на познаніяхъ своихъ въ латинскомъ языкѣ и на голосовыхъ звукахъ едва-ли не животныхъ ²⁾. Если эпоха возрожденія, вмѣстѣ съ добромъ, принесла европейскому просвѣщенію и нѣчто дурное, что впрочемъ, не устояло предъ здравой современной критикой, то однимъ изъ золъ, еще оставшихся, слѣдуетъ считать укоренившееся на западѣ со времени Эразма произношеніе греческаго языка. Впрочемъ, и противъ него уже слышатся голоса изъ самой среды Европейцевъ: „Мы не знаемъ“, говоритъ извѣстный Литтре, — „въ чемъ состоитъ разница между произношеніемъ Византійцевъ и древнихъ Грековъ; но существуетъ много доказательствъ, что произношеніе первыхъ сохраняется неизмѣнно въ Греціи“. Безъ сомнѣнія, никто не станетъ утвер-

---

дорогой совѣтъ и примѣръ заниматься сопоставленіемъ современнаго языка съ древнимъ для исправленія и усовершенствованія перваго и для точнѣйшаго познанія втораго.

¹⁾ Если латинскую азбуку, которая съ нѣкоторыми измѣненіями понынѣ служитъ языкамъ западной Европы, не считать на то, что образовалась изъ письменныхъ знаковъ Финніанъ (откуда произошелъ первоначально и греческій алфавитъ), сопоставить съ греческою и еврейскою, то окажется, что въ ней больше аналогій съ послѣднею, чѣмъ съ первою. (Miffine D. Levi Alvarez).

²⁾ См. сочиненіе Эразма *Готтердамскаго*: «De recta latini graecisque sermonis pronuntiatione».

ждать, что въ національномъ произношеніи Грековъ не произошло никакой маловажной перемены въ продолженіе тридцати вѣковъ; но несомнѣнно и то, что въ сравненіи съ тѣми произвольными системами произношенія греческаго языка, которыя введены въ различныхъ странахъ міра, гдѣ только преподается греческій языкъ, никто не могъ сохранить это произношеніе лучше самихъ Грековъ, которые изъ вѣка въ вѣкъ продолжали употреблять его въ устной рѣчи, какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ церкви, училищахъ, въ общественныхъ совѣщаніяхъ, которые никогда не переставали читать произведенія своихъ предковъ на родномъ языкѣ, которые сохранили общественныя преданія и характеристическія свойства своихъ отцовъ въ нравахъ и обычаяхъ, и наконецъ, вообще жили самобытною жизнью, благопріятствовавшей развитію народнаго просвѣщенія и образованія многихъ ученыхъ и писателей изъ нихъ среды.

Произношеніе греческаго языка иностранцами удалется отъ истиннаго въ особенности въ слоудоудареніи, которое нѣкоторые основываютъ на правилахъ латинскаго и мѣстныхъ языковъ, отступая отъ коренныхъ основаній греческой просодіи и „доходя до смѣшнаго для привычнаго слышать чтеніе безсмертныхъ сочиненій древнихъ Грековъ изъ устъ ихъ потомковъ“¹⁾). Вообще національное произношеніе Грековъ, имѣя свое начало въ древнѣйшихъ временахъ, по этому самому представляется не только болѣе логичнымъ и практичнымъ, но и какъ-бы единственно освященнымъ въ устахъ самихъ Грековъ. „Можно быть“, сказалъ Амперъ, „гораздо ближе къ Омиру и Софоклу, произнося греческій языкъ такъ, какъ его произносятъ нищіе въ Аѣнахъ, чѣмъ какъ эллинисты Роттердама“.

Во всѣхъ почти странахъ Европы, а равно и въ Америкѣ, были высказываемы мнѣнія въ пользу національнаго произношенія греческаго языка. Во Франціи высшія ученые учрежденія, совмѣстно съ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія Дюрюи, высказались въ пользу введенія въ университетскихъ курсахъ моногреческаго произношенія, которое, впрочемъ, уже давно употребляется лучшими изъ эллинистовъ Французской коллегіи, филологическаго факультета и бывшими воспитанниками, содержимой французскимъ правительствомъ въ Аѣнахъ, такъ-называемой Аѣнской школы (на подобіе которой, встать сказать, предполагаютъ устроить тамъ свое училище и Нѣмцы). Въ Америкѣ, въ 1872 году, было также обращено вни-

¹⁾ *Ampère. Etudes littéraires d'après nature: La poésie grecque en Grèce.*

маніе на принятое тамъ произношеніе греческаго языка, и въ Оберонѣ мѣстное педагогическое общество, въ своихъ совѣщаніяхъ объ этомъ предметѣ, при участіи директоровъ высшихъ учебныхъ заведеній западныхъ штатовъ и на основаніи отзыва филологическаго общества, рѣшило, что введенная у нихъ англійская система произношенія греческаго языка безобразна (hideous), и что потому непременно слѣдуетъ замѣнить ее другою; вслѣдствіе того была составлена спеціальная коммиссія для рѣшенія этого вопроса ко времени будущаго съѣзда членовъ общества. Между Американцами и Англичанами, высоко стоящими въ литературномъ мѣрѣ, отзываются въ пользу современнаго національнаго произношенія греческаго языка, кромѣ другихъ, гг. Фельтонъ, Гладстонъ, Максъ Мюллеръ (Max Muller), Блекъ (Blackie), Гровсъ (Groves). Послѣдній говоритъ: „Лучшій способъ возстановить (воспроизвести) произношеніе древнихъ греческихъ писателей было бы принять способъ произношенія ихъ потомковъ. Они еще нынѣ понимаютъ древнихъ классическихъ авторовъ съ большею легкостью, чѣмъ съ какою Англичане могутъ читать произведенія Чосера или переводъ Св. Писанія Виллефа“. Корней Фельтонъ пишетъ: „Безъ сомнѣнія, очень полезно учить новогреческому языку вмѣстѣ съ древнимъ, такъ какъ изъ употребляемыхъ нынѣ языковъ оныхъ наиболѣе распространены въ восточной Европѣ и въ западной Азіи, какъ любопытный памятникъ національной силы Греческаго племени и какъ органъ“¹⁾, литературы, быстро развивающейся вмѣстѣ съ развитіемъ народнаго просвѣщенія, которое со времени возстанія очень преуспѣло въ Греческомъ королевствѣ. Языкъ этотъ долженъ быть преподаваемъ по крайней мѣрѣ согласно произношенію народа, который употребляетъ его въ обществѣ, на амвонѣ, въ парламентѣ, съ кафедръ, въ публицистикѣ“. Рѣчь эта довольно краснорѣчиво высказывается въ пользу національнаго произношенія Грековъ.

Если поэтому на западѣ, при всемъ преобладаніи латинскаго языка, отъ котораго произошли существующіе тамъ языки, находятъ достаточно данныхъ для указанія несообразности существующаго у нихъ способа произношенія греческаго языка и стараются отказаться

¹⁾ Историкъ Эрнестъ Курциусъ, по возвращеніи въ Берлинъ, послѣ принятаго имъ по порученію германскаго правительства путешествія на востокъ по главѣ особой ученой коммиссіи, побывавъ въ Греціи, въ Константинополѣ и въ Малой Азіи, между прочимъ сказалъ въ 1872 г. въ своемъ отчетѣ: «По всѣмъ берегамъ архипелага только Греческій народъ положительно идетъ впередъ».

отъ этой „ошибочной и устарѣлой“ системы ¹⁾, не смотря на близкое отношеніе ея къ ихъ природнымъ языкамъ, то Русскіе, въ языкѣ которыхъ не особенно много общаго съ латинскимъ и съ произшедшими отъ него языками, могли бы несравненно легче ввести у себя при изученіи греческаго языка то произношеніе, которое у нихъ же сохранено преданіемъ, освящено временемъ и указывается самимъ русскимъ языкомъ. Но прежде, чѣмъ коснуться этого, изложимъ еще и другой взглядъ иностранцевъ на греческій языкъ вмѣстѣ съ національнымъ его произношеніемъ, и за сими постараемся обстоятельнѣе показать условія быта Греческаго народа съ того времени, когда въ Европѣ стали считать греческій языкъ мертвымъ, изъ чего и выяснится безосновательность подобнаго предположенія.

Густавъ д'Эйхталъ ²⁾, извѣстный своими сочиненіями по этнологіи и политической экономіи, одинъ изъ основателей этнологическаго общества во Франціи, весьма серьезно отнесся къ греческому языку, не смотря на то, что сначала не былъ эллинистомъ по профессіи; онъ написалъ рядъ изслѣдованій, которыми выяснилъ преимущество національнаго произношенія Грековъ и показалъ сходство современнаго греческаго языка съ древнимъ, и затѣмъ, имѣя въ виду, что во всемъ мірѣ въ училищахъ просвѣщенныхъ народовъ преподается греческій языкъ, обратился въ іюлѣ мѣсяцѣ 1872 года къ обществу Кобдена ³⁾ съ письмомъ о международномъ языкѣ, изъ котораго приводимъ слѣдующую выдержку: „Во всемъ цивилизованномъ мірѣ вопросъ о греческомъ произношеніи пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія по мѣрѣ значительнаго изученія и распространенія греческаго языка, введеннаго въ учебныхъ заведеніяхъ Европы въ эпоху возрожденія, какъ необходимаго всякому просвѣщенному народу для

¹⁾ *Brunet de Presle*, Рѣчь, произнесенная имъ въ 1872 году въ обществѣ любителей эллинизма.

²⁾ *Gustave d'Eichthal*, О національномъ произношеніи греческаго языка, о современномъ состояніи и о практическомъ употребленіи его, въ *Alliance* общества любителей эллинизма, коего онъ состоитъ членомъ, какъ и многіе другіе эллинисты и эллинистки. Цѣль трудовъ этого общества двоякая—изученіе классическаго языка и изученіе языка и литературы современной Греціи.

³⁾ Общество (*club*) это учреждено въ 1866 году въ Англій друзьями знаменитаго экономиста Ричарда Кобдена, и цѣль его состоитъ въ распространеніи научныхъ званій и въ содѣйствіи къ рѣшенію политическихъ вопросовъ мирнымъ путемъ. Отказавшись принять участіе въ кабинетѣ виговъ, Кобденъ предпринялъ путешествіе по разнымъ странамъ Европы въ концѣ сороковыхъ годовъ и удостоился, между прочимъ, торжественнаго пріема въ Россіи.

поддержанія культурнаго развитія; греческій языкъ, кромѣ другихъ преимуществъ, которыя онъ представляетъ для высшей культуры, могъ бы оказывать и инаго рода содѣйствіе и сдѣлаться не только средствомъ въ сообщенію съ народомъ дѣятельнымъ, предприимчивымъ и имѣющимъ всемірное значеніе, но и органомъ всемірнаго общенія; тогда прекратился бы всякій споръ, и перестали бы пренебрегать отраслю знаній, которая надѣлила бы цивилизацію международнымъ органомъ взаимнаго пониманія, при помощи самаго изящнаго народно-литературнаго языка, когда-либо созданнаго человѣческимъ умомъ. Такой результатъ зависитъ отъ повсемѣстнаго введенія въ учебныя заведенія ново-греческаго произвошенія греческаго языка" ¹⁾). По поводу этого письма вышеупомянутый Италіанецъ профессоръ Замбалди, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „Языкъ, коего назначеніе—выражать мысли и предметы столькихъ націй и слѣдовать за ихъ успѣхами, изображать пластическія картины юга и передавать строгія теоріи сѣвера, служить практическимъ цѣлямъ торговли и теоретическимъ взглядамъ науки, не измѣняя собственнаго характера и не заимствуя ничего отъ другихъ,—долженъ владѣть множествомъ качествъ, рѣдко встрѣчаемыхъ въ одномъ и томъ же языкѣ. Эти качества г. д'Эйхталъ открываетъ въ греческомъ языкѣ, который онъ и предложилъ англійскому обществу Кюбдена. Несмотря на то, что всѣ члены упомянутаго общества родомъ Англичане, они не увлекаются въ подобномъ дѣлѣ національною гордостью или другими самолюбивыми притязаніями. Чѣмъ болѣе знакомимся мы съ полнѣею греческою литературою, тѣмъ сильнѣе убѣждаемся, что произшедшія, въ теченіе столькихъ вѣковъ, немногія измѣненія мало отражаются на древнемъ великолѣпномъ зданіи мысли, и что современный греческій языкъ можетъ предпочтительнѣе всякаго другаго новаго языка сдѣлаться снова самымъ совершеннымъ органомъ умственнаго общенія. Было-бъ излишнимъ говорить о литературномъ богатствѣ и о блистательной роли, которую выполнялъ греческій языкъ во всемірной исторіи, если бы не существовало людей, считающихъ древній и современный языкъ различными, а не однимъ и тѣмъ же языкомъ въ двухъ отдѣльныхъ степеняхъ развитія, и если бы нашимъ намекомъ мы не указали одновременно на живучесть и гибкость языка, который около тридцати вѣковъ сопротивляется столькимъ историческимъ переворотамъ, слѣдуетъ за столькими эпохами цивилизаціи и служить органомъ самыхъ высочайшихъ и

¹⁾ Mémoires et notices, par *Gust. d'Eichthal* въ *Annuaire* 1872 года.

разнообразныхъ откровеній человѣческаго ума въ религіи, политикѣ, литературѣ и изящныхъ искусствахъ. Утверждая, что современный греческій языкъ есть продолженіе древняго, мы причисляемъ къ произведеніямъ древнихъ и все то, что написано на греческомъ языкѣ до сего времени. Если же новѣйшая греческая литература не особенно богата, виновниками этого, конечно, не Греки, которые, бывъ вынуждены не принимать должнаго участія въ умственномъ движеніи трехъ послѣднихъ вѣковъ и въ развитіи разныхъ общественныхъ сношеній, должны были сначала пополнить недостатки своего образованія и стать въ уровень съ остальными европейскими народами. Въ послѣднее же пятидесятилѣтіе они, занимаясь науками, обращали вниманіе и на изящныя искусства; изучая европейскіе языки, усовершенствовались и свой языкъ, о которомъ, равно какъ и о религіи своей, они столько пеклись, такъ какъ этими двумя силами была спасена ихъ народность отъ чужаго владычества. Но было бы несправедливо называть и бѣдную литературу народа, употребляющаго языкъ, котораго правила восходятъ къ началу человѣческой цивилизаціи, и который имѣетъ учителями Омира и Эукидида, Платона и Василія Великаго; великое это сокровище заключаетъ въ себѣ такое изобиліе словъ и понятій, что и мы обращаемся къ нему, когда хотимъ дать названіе новымъ предметамъ и новымъ отношеніямъ понятій. Объ историческомъ вліяніи греческаго языка, независимо отъ распространенія его въ древнемъ мірѣ, замѣтимъ, что когда въ XV столѣтіи была подавлена въ Константинополѣ мусульманами послѣдняя искра цивилизаціи, то греческій языкъ предпринялъ славное и блистательное странствованіе и новый просвѣтительный подвигъ, одерживая вторично, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, побѣду, выигранную нѣкогда надъ своими побѣдителями — Римлянами. Со времени Анжелио Полиціано (въ XV вѣкѣ) до нашихъ дней изученіе греческаго языка служило существеннымъ элементомъ европейскаго образованія и цивилизаціи; не смотря на то, что на него клеветали и враждебно къ нему относились и въ Италіи, и въ Голландіи, и во Франціи, и въ Германіи, онъ самими тѣсными узами связанъ съ умственнымъ величіемъ и литературною славою націй: отъ него пошли начала наукъ и ихъ терминологія, отъ него же зародились начала искусствъ и теорія изящнаго. Послѣ долговременнаго противоборства со всѣмъ тѣмъ, что наполняетъ средніе вѣка — боязнью, страхомъ и суевѣріемъ, *греческій духъ, всегда умѣренный и всегда спокойный*, сталъ носиться надъ Италіей и потомъ надъ Европою, какъ пріятный ут-

реннѣйшій вѣтерокъ носится послѣ грозы надъ водами, одновременно оживляя природу, возбуждая сознание человѣческихъ судебъ, внушая любовь къ неопѣненному благу человѣческой жизни на землѣ и содѣйствуя къ обузданію дикихъ страстей; и этотъ же духъ и нѣгѣ вліяетъ на возстановленіе гармоніи между матеріей и духомъ, безъ чего всякій механическій успѣхъ окажется тщетнымъ, и надъ людьми будетъ тяготѣть страшный деспотизмъ и суевѣріе или матеріализмъ и развратъ. Это нравственное воспитаніе, которымъ Европа обязана изученію греческаго міра, и посредствомъ котораго европейская цивилизація соединилась съ древнею, какъ со своимъ источникомъ, обязывало бы насъ къ тому, чтобы признать греческій языкъ международнымъ. Послѣ того, какъ повсюду литераторы, писатели и правительства признаютъ пользу изученія классической литературы Греціи и преподають ее юношеству, не взирая на зазорные нападки несвѣдущихъ людей, весьма умѣстно было бы оживить изученіе греческаго языка, давъ ему болѣе практическое назначеніе чрезъ введеніе національнаго произношенія Грековъ⁴.

И въ классической Германіи не мало было отзывовъ о преимуществѣ ново-греческаго произношенія греческаго языка надъ Эразмовою системою, не смотря на то, что Нѣмцы, по видимому, болѣе всякаго другаго народа предубѣждены противъ національнаго произношенія Грековъ; но мы увѣрены, что если отнесемъ къ господствующему до сихъ поръ въ Германіи способу произношенія греческаго языка такимъ образомъ, какимъ сами Германцы отнеслись къ распространенному въ той же странѣ, за двѣсти лѣтъ предъ симъ, мнѣнію, по которому греческій языкъ происходитъ будто бы отъ арабскаго, то едва-ли не привлечемъ на свою сторону лучшихъ германскихъ эллинистовъ; это мнѣніе о происхожденіи греческаго языка, появившись почти сто лѣтъ спустя по обнародованіи Эразмова трактата о произношеніи греческаго языка, доказываетъ, конечно, что заблужденіе могло имѣть мѣсто не въ началѣ только періода возрожденія, но и тогда, когда успѣли уже установиться и трезвые взгляды; благодаря впрочемъ имъ, и древнѣйшая сравнительно химера не должна устоять въ позднѣйшее время. Мы говоримъ это потому, что и въ Германіи нѣкоторые весьма извѣстные эллинисты, напримѣръ, Крюгеръ и Бутманъ заявили, что національное произношеніе Грековъ болѣе опирается на историческія основанія, чѣмъ обыкновенно полагаютъ; учпый же изслѣдователь средневѣковаго греческаго языка Эллисенъ, еще въ 1851 году, на съѣздѣ германскихъ филологовъ въ Геттингенѣ,

предлагалъ уничтожить ту позорную преграду, которою германская наука отдѣляется отъ Греческаго народа. Позднѣе почти то же мнѣніе высказывали другіе ученые филологи и археологи; одинъ изъ нихъ, многосторонній изслѣдователь древней и новой Греціи, профессоръ и педагогъ Фишеръ, формулировалъ вопросъ о произношеніи греческаго языка слѣдующимъ образомъ: „Существуетъ ли живой, современный греческій языкъ, или нѣтъ? Если не существуетъ, то введеніе новой системы произношенія въ замѣнъ старой излишне, при сознаніи, что мы изучаемъ мертвый языкъ; если же современный греческій языкъ существуетъ, то Германіи слѣдуетъ ввести у себя національное произношеніе Грековъ“. Постановка вопроса о произношеніи, такимъ образомъ, весьма основательна и рациональна, и смѣемъ надѣяться, что судя по тому, что прежде уже было сказано, отвѣтъ будетъ положительный. Между тѣмъ извѣстно, что авторъ „Начала греческой этимологій“, Георгъ Курціусъ, смотритъ на современное произношеніе немного иначе; мы согласны съ нимъ, и уже замѣтили выше, что въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ произошли нѣкоторые перемены въ произношеніи гласныхъ; но чѣмъ ними можно опредѣлить, какъ произносилъ ихъ древнѣйшій житель Греціи, какъ же произношеніемъ, сохранившимся, выстѣ съ языкомъ, въ устахъ современнаго жителя той же страны. Никто не отрицаетъ, что почтенный ученый своими глубокими познаніями въ сравнительномъ языкознаніи пролилъ новый свѣтъ на многія стороны греческой грамматики; но относительно произношенія совершенно неосновательно будетъ утверждать, что, напримеръ, французскія слова *âge, côté, joue, quoi, vous, tête* и проч., не произносятся нынѣ правильно Французами по той причинѣ, что нѣкогда приведенныя слова писались *aage, costé, ioue, tecte*; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что этимологическими данными доказывается существованіе несравненно большей разницы въ произношеніи французскаго языка за двѣсти лѣтъ тому назадъ, чѣмъ какая—можно предположить по этимологическимъ же даннымъ—существовала въ греческомъ языкѣ въ до-Гомеровскій періодъ, такъ какъ единственный звукъ—эоійская дигамма, произносившаяся какъ латинскій *v*, находящійся въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности, не постоянно встрѣчается даже въ поэмѣхъ Омира; во всѣхъ же остальныхъ произведеніяхъ самой цвѣтущей эпохи греческой литературы слова писались такъ, какъ пишутся нынѣ и какъ употребляются ежедневно въ живой рѣчи Грековъ.

Единственно поддающаяся критикѣ сторона греческаго національ-

наго произношенія состоятъ въ томъ, что нинѣ часто повторяется звукъ *i* (йотацизмъ); но сколько можно судить по не такъ давно найденнымъ древнимъ надписямъ и кодексамъ, и это произношеніе имѣетъ свое начало въ древнѣйшихъ временахъ; и западные писатели среднихъ вѣковъ, когда обозначали произношеніе греческихъ словъ латинскими буквами, то писали ихъ такъ, какъ произносятъ ихъ Греки нынѣ.

Главнѣйшимъ, чтобы не сказать — единственнымъ, доказательствомъ правильнаго произношенія какого бы то ни было языка слѣдуетъ, конечно, считать историческій фактъ постоянного употребленія языка, какъ въ литературныхъ произведеніяхъ, такъ и въ общественномъ быту. Эразмъ и его послѣдователи, которые въ началѣ XVI вѣка провозгласили греческій языкъ мертвымъ потому только, что народъ, говорящій на немъ, потерялъ свою политическую самостоятельность, конечно, ошиблись, и ошибка ихъ могла произойти потому, что они не отдавали себѣ отчета въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя способствовали постоянному употребленію Греками своего роднаго языка со времени завоеванія Константинополя мусульманами. Что языкъ существовалъ какъ литературный, объ этомъ свидѣлствуютъ дошедшія до насъ сочиненія самой тяжелой эпохи народной жизни; мы ужъ упоминали о нихъ, а равно и о греческихъ школахъ, существовавшихъ въ то время. Но мы не разъяснили того, что учрежденію и продолжительному существованію этихъ послѣднихъ особенно способствовало общинное самоуправленіе совместно съ дѣятельностью духовенства. Притомъ не исъ, какъ извѣстно, области Византійской Имперіи подпали мусульманскому владычеству одновременно, да сверхъ того, Греки, уходившіе изъ Константинополя и его окрестностей при появленія Турокъ, отчасти находили убѣжище въ Италіи, отчасти на островахъ и въ прибрежныхъ городахъ Архипелага и Средиземнаго моря, куда привозили и спасенные ими списки древнихъ греческихъ писателей, и тѣмъ способствовали къ распространенію образованія какъ между иностранцами, такъ и между своими соотечественниками въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде мало или совсѣмъ не занимались литературой и вообще научными предметами, и гдѣ въ послѣдствіи образовались весьма полезные дѣятели по части народнаго просвѣщенія и распространенія отечественнаго языка. Ограничиваясь тѣми, которыхъ дѣятельность касалась собственно греческихъ земель, замѣтимъ, что однимъ изъ значительнѣйшихъ въ этомъ отношеніи пунктовъ былъ островъ Критъ, взятый Турками только въ 1670 году, и гдѣ получили образованіе отличные ученые изъ Грековъ въ XV, XVI, и XVII столѣ-

тіяхъ. И на другихъ островахъ, бывшихъ подъ владычествомъ Венеціанцевъ, какъ и въ нѣкоторыхъ городахъ, завоеванныхъ Турками въ довольно позднюю эпоху¹⁾, старательно изучалась греческая литература и греческій языкъ. Сами Венеціанцы, хотя обращали на народное просвѣщеніе лишь весьма слабое вниманіе, однако относились къ Грекамъ весьма великодушно и предоставляли имъ полную свободу дѣйствія въ дѣлѣ воспитанія и образованія молодаго поколѣнія²⁾; они даже поощряли денежными пожертвованіями воспитаніе греческой молодежи, и въ послѣдствіи, не смотря на различіе религіи и національности, предлагали молодымъ Грекамъ каедры при учебныхъ заведеніяхъ, а также судейскія и другія общественныя должности; это способствовало тому, что Іонійцы, по истеченіи четырехсотъ и болѣе лѣтъ, выходятъ изъ-подъ чужаго господства окрѣпшими въ духѣ и религіи своихъ предковъ, сохранивъ притомъ и языкъ ихъ.

Но если подъ владычествомъ Венеціанцевъ и другихъ Франковъ Греческій народъ могъ до нѣкоторой степени продолжать дѣло народнаго просвѣщенія на два и болѣе столѣтія послѣ взятія Константинополя, то люди, отстаивавшіе свою независимость въ горахъ, хотя по роду своей жизни были и далеки отъ вліянія школы, тѣмъ не менѣе, какъ это уже сказано выше, вѣрно хранили свои преданія вмѣстѣ съ языкомъ, на которомъ передавали потомству свои поэтическія произведенія. Весьма видное мѣсто въ ряду ихъ занимаютъ Майноты, которые, отстаивая съ древнѣйшихъ временъ свою независимость вмѣстѣ съ отечественнымъ языкомъ, сохраняли и языческую вѣру своихъ предковъ до X столѣтія по Р. Х. Майноты приняли христіанскую религію лишь тогда, когда предварительно заручились особенными привилегіями со стороны Византійскаго двора; императоръ Константинъ Порфирородный говорить о нихъ слѣдующее³⁾: „Да будетъ извѣстно, что жители Кастра-Майна (укрѣпленнаго урочища) суть не изъ покоренныхъ; они происходятъ отъ древнѣйшихъ обитателей той же мѣстности, и ихъ поимѣнныя жители называютъ древнимъ именемъ; они приняли христіанскую религію въ царствованіе Василія; страна ихъ безводна и неплодородна, но изоби-

¹⁾ Родось взятъ Турками лишь въ 1522 году, Хиосъ—въ 1566 году, Кипръ—въ 1570 году. Городами и крѣпостями Морей владѣли Венеціанцы почти до начала XVIII столѣтія. Іонійскіе острова были подъ ихъ владычествомъ съ 1380 по 1797 годъ.

²⁾ *Патариотуло*, Исторія Греческаго народа.

³⁾ *Св. Замбели*, О средневѣковомъ вліяніи.

луетъ маслинами; лежитъ же она недалеко отъ Малейскаго мыса". Майноты, всегда умѣвшіе отстаивать свою независимость, въ 1770 году заключили съ визиремъ Кеприли условіе, по которому признали верховное владычество султана и обязались ежегодно платить 4.000 піастровъ, которые впрочемъ рѣдко вносили, и до борьбы за независимость Греціи, управлялись выборнымъ начальствомъ. Каждая деревня избирала себѣ изъ своей среды капитана, на котораго возлагала посплую и гражданскую власть; такимъ же образомъ избирались провинціальные приматы, и одинъ изъ знатѣйшихъ Майнотовъ избирался въ правителя, но этотъ послѣдній получалъ уже официальное назначеніе отъ Порты.

Эти именно *vestigia orientis libertatis*, послужившіе оплотомъ противъ деспотическаго давленія мусульманъ, достойны особеннаго вниманія; благодаря имъ, было возможно объединить разоренныхъ христіанъ въ извѣстной средѣ, гдѣ каждый изъ нихъ въ первый разъ открывалъ глаза, научался вѣровать въ Бога, исполнять обязанности, возлагаемыя на него отечественною религіей, и убѣждался въ необходимости свято охранять всѣ эти сокровища отъ посягательства утѣснителей.

Когда христіане, съ яростью преслѣдуемые и убиваемые Турками, послѣ взятія Константинополя принуждены были искать убѣжища въ храмѣ св. Софіи, и внутренность храма была оглашена мольбами къ Богу, воплями и рыданіями собравшихся, усиявавшимися еще болѣе при каждомъ поворѣ удра въ топора, которымъ Турки пытались сломать двери храма, — на амвонѣ появился патріархъ Геннадій, и обратясь къ присутствующимъ христіанамъ, сказалъ: „Братья, если символы государственной власти пали, если сокрушилась власть Рима, то святая вѣра Грековъ никогда, никогда не падеть, покуда существуетъ небо и земля... Да, придется помириться съ духомъ рабства, но останемся, по крайней мѣрѣ, свободны духомъ Господа, и будетъ время, когда съ помощью вѣры опять восстанемъ... Да будетъ Богъ съ вами. Услышите слѣдующія слова Всевышняго: „Я уйду и возвращусь къ вамъ, не оставляю васъ сиротами; Я прийду къ вамъ, и вы обрадуетесь, и радость вашу никто не отниметъ“. Такими были послѣднія слова, которыя произнесли уста пастыря съ амвона на греческомъ языкѣ во храмѣ св. Софіи, 29-го мая 1453 года. Къ словамъ этимъ, кажется, слѣдовало прибавить: „будьте согласны и живите дружно“; но этому помогли самыя обстоятельства.

Необходимость единства всюду, гдѣ нравственныя, физическія и

экономическія отношенія людей заставляють ихъ постоянно враждаться въ извѣстной средѣ, становится вопросомъ о существованіи, когда враждебные элементы угрожаютъ уничтоженіемъ всего, что дорого, священо и необходимо для каждой семьи и каждой личности. Въ подобномъ случаѣ обыкновенный пассивный характеръ всякой группы людей замѣняется активнымъ, является зоркое наблюденіе за движеніями чуждаго и враждебнаго элемента, съ цѣлю умѣрить, если не возможно—уничтожить всякое его дурное проявленіе, или же дать ему иной ходъ, по своему усмотрѣнію, пока настанетъ моментъ полнаго избавленія.

Въ такое отношеніе становились къ Туркамъ христіане, подпавшіе ихъ прямому владычеству въ разныя времена. По завоеваніи имперіи, хотя султанъ и обложилъ податями своихъ иновѣрныхъ подданныхъ, намѣстники его мусульмане ¹⁾ не могли сами непосредственно управлять покореннымъ народомъ, но предоставили ему самому управляться, рѣшать свои гражданскіе споры, совѣщаться о распредѣленіи между собою налоговъ и только требовали отъ христіанъ возможно большихъ податей. Заботы объ общественномъ управленіи приняли на себя духовенство и выборные со стороны народа. Права духовенства и вліяніе его на народъ пріобрѣли еще больше значенія, когда общинамъ пришлось самимъ заботиться объ отправленіи повинностей и объ огражденіи своихъ интересовъ. Поводомъ къ возникновенію общиннаго управленія, какъ выше сказано, послужила необходимость сбора податей и налоговъ; а дальнѣйшее развитіе самоуправленія христіанъ послѣдовало по весьма извѣстной безпечности и бездѣятельности турецкихъ властей и по ихъ презрѣнію къ иновѣрнымъ подданнымъ. При неурядицѣ, господствовавшей въ Турецкой имперіи, политика которой удостоилась технического названія „хаосъ непослѣдовательностей“, турецкому правительству мало приходилось заботиться о томъ, какимъ образомъ ведутся наборы, и достаточною для него гарантіей надежности выбираемыхъ для этой цѣли людей было умѣнье набирать требуемыя деньги и исполнять деспотическія повелѣнія. Въ этомъ и заключалась вся польза, которую Греки извлекали изъ своего порабощеннаго состоянія; они постарались ближе сомкнуться другъ съ

¹⁾ Другія Турокъ не разъ повторяли, что турецкому правительству слѣдовало употребить для собственной пользы систему сильнаго объединенія подвластныхъ народовъ съ самаго начала завоеванія — какъ будто пришедшее изъ Азіи Тюркское племя владело необходимымъ для этого политическимъ тактомъ и благоразуміемъ!

другомъ и оказывать взаимную помощь въ общественныхъ бѣдствіяхъ, чтобы спасти свою религію и свою народность. Считаясь рабами во всеобщемъ строѣ государства, они, объединяемые общимъ бѣдствіемъ, были свободны въ средѣ своей общины. Жалуясь на несправедливости со стороны мусульманскаго начальства и принимая обиду, наносимую одному изъ нихъ за оскорбленіе всей общинѣ, Греки жили собственною живнью и имѣли, съ общаго согласія и съ разрѣшенія правительства, особое судопроизводство и своихъ выборныхъ.

По завоеваніи Турками нѣкоторыхъ острововъ Архипелага и крѣпостей Греціи, бывшихъ въ рукахъ Венеціанцевъ, оттоманское правительство хотя и не всѣмъ имъ даровало льготы ¹⁾, но все-таки, въ силу нѣвѣстнаго хода дѣлъ, допустило общинное правленіе повсюду. Не смотря на разнообразіе въ устройствѣ общинъ, обусловливаемое мѣстными обстоятельствами, можно замѣтить въ немъ нѣкоторую общность въ главныхъ основаніяхъ. Представляемъ бѣглый очеркъ такихъ общихъ постановленій.

Кромѣ острововъ Архипелага и нѣкоторыхъ округовъ, пользовавшихся особыми привилегіями въ силу формальныхъ актовъ, и другія общины также имѣли организованное самобытное самоуправленіе. Народные выборные бывали числомъ двое или трое, а иногда и болѣе; всѣ они были одноправны и составляли изъ себя совѣщательный или исполнительный совѣтъ. Они выбирались обыкновенно на одинъ годъ, но могли быть снова избираемы на слѣдующій годъ. Областности народныхъ выборовъ были общія, иногда весьма обширныя, такъ что выходили за предѣлы обычной дѣятельности общиннаго правленія. Главнѣйшія были слѣдующія: распредѣленіе и взиманіе общихъ и частныхъ податей и налоговъ; отмыскиваніе средствъ къ погашенію долговъ, коими были обременены всѣ почти общины Турціи; ходатайство по судебнымъ мѣстамъ и приведеніе въ исполненіе, при содѣйствіи духовенства, судебныхъ постановленій; заботы объ общественной безопасности, при чемъ обыкновеннымъ предупредительнымъ средствомъ, способствовавшимъ къ упроченію солидарности между членами общинъ, служило наложеніе штрафа на дѣлающую общину за частную обиду ²⁾. Иногда турецкое правительство предоставляло

¹⁾ Между льготными грамотами находимъ одну очень любопытную на греческомъ языкѣ, подписанную Али въ 1036 году мухаммеданской эры и предоставляющую права островамъ Наксу, Андру, Милу, Сиону, Санторину и др.

²⁾ На островѣ Идрѣ принято было—не дозволять служить на корабляхъ людямъ, обвиненнымъ въ нанесеніи обиды.

общинамъ и отправление многихъ другихъ обязанностей, часто певнонѣ выгодныхъ для него самого; но, съ другой стороны, часто нарушался строй общиннаго правленія грубымъ и своевольнымъ вмѣшательствомъ намѣстниковъ и другихъ чиновниковъ султанскихъ. При всемъ томъ, случаевъ полнаго уничтоженія общиннаго управленія никогда не бывало; напротивъ того, невѣжество мусульманъ, различіе языка и религіи, злоупотребленія и своеволие ихъ способствовали къ лучшему объединенію Грековъ и къ изысканію новыхъ средствъ для правственнаго противодѣйствія Туркамъ.

Организація выборовъ и общиннаго устройства интересна по своей простотѣ. По всей почти континентальной Греціи выборы происходили слѣдующимъ образомъ: въ каждомъ городѣ или селѣ всѣ совершеннолѣтніе мужчины собирались, какъ это дѣлается и понинѣ, въ церковь или подъ тѣнистое дерево и избирали своихъ *димоспондовъ* или народныхъ старостъ (*δημοσπονδες*) не баллотировкою, а простымъ голосованіемъ именъ. Эти народные выборные имѣли двоякія обязанности: править дѣлами села или городка и избирать вмѣстѣ съ жителями главнаго окружнаго города *проестовъ* или окружныхъ предводителей (*προεστώτες*). По окончаніи этихъ смѣшанныхъ выборовъ, избранный представлялся мѣстному намѣстнику султана, отъ котораго получалъ свидѣтельство, что въ силу избранія народомъ ему предоставляется власть править общинными дѣлами.

Подробнымъ разсмотрѣніемъ организаціи общинъ въ Мореѣ, на островахъ Хіосѣ, Идрѣ, Спецѣ, Инсарѣ и въ другихъ пунктахъ, пользовавшихся большими привилегіями, можно было бы показать преимущество греческихъ общинъ въ сравненіи съ бывшими въ феодальной Европѣ¹⁾; но такъ какъ это удалило бы насъ отъ предполагаемой цѣли, то считаемъ достаточнымъ замѣтить, что въ Греціи въ завѣдываніи дѣлами общинъ всѣ сословія принимали участіе и пользовались равными правами; а посредствомъ выборовъ власть обыкновенно переходила въ руки болѣе зажиточныхъ и болѣе способныхъ людей. Изъ всего этого можно также заключить, что въ земляхъ, населенныхъ Греками, происходила внутренняя и тайная борьба противъ враждебныхъ иновѣрныхъ и иноплеменныхъ элементовъ посредствомъ терпѣливой зоркости, строгаго и разумнаго употребленія под-

¹⁾ *Beaujour*, Tableau commercial de la Grèce; *Ер. Луми*, О политическомъ состояніи Іонійскихъ острововъ въ *Courrier de la Grèce*, 1830 года; *И. Артуровуло*, Общинное управленіе въ Греціи.

вѣстными денежными средствами, посредствомъ сохраненія отечественной религіи, соединявшей упованіе на Бога съ вѣрою въ возрожденіе отечества, и при помощи роднаго языка, который хранилъ въ тайнѣ ихъ намѣренія, замыслы и патріотическія мечты. Наконецъ, благодаря мѣстнымъ преданіямъ о древней славіи и врожденному чувству самохраненія, Греки живо воспламенялись въ тѣхъ случаяхъ, которые требовали самоотверженія.

Итакъ, изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что подъ вліяніемъ общинаго правленія Греки могли заботиться и о народномъ просвѣщеніи вообще, и особенно объ изученіи своего роднаго языка, кромѣ развитія другихъ интересовъ и удовлетворенія матеріальныхъ потребностей. Даже и для турецкаго правительства христіанскія общины составляли ту единственно здоровую почву, на которой могло кое-какъ держаться зданіе турецкой власти.

Нельзя не замѣтить, что въ эпоху ужасныхъ переворотовъ, послѣдовавшихъ за переселеніемъ народовъ изъ Азіи, восточная Европа представляетъ сравнительно съ западомъ замѣчательный контрастъ относительно культуры; народы собственно Византійской имперіи только съ появленіемъ Турокъ, можно сказать, окончательно стали вступать въ тѣ бытовыя условія, которыя западные Европейцы пережили раньше; даже и по подчиненіи ихъ Туркамъ является опять разница. Западные Европейцы, въ эпоху появления иновѣрныхъ народовъ, подпасть ихъ грубой силѣ, несравненно легче, чѣмъ Греки при турецкомъ завоеваніи могли ужиться и слиться съ пришельцами при первыхъ способствовавшихъ тому обстоятельствахъ, такъ какъ побѣдители, за исключеніемъ немногихъ, приняли христіанскую религію. Если же принять во вниманіе, какое напряженіе силъ требовалось со стороны Грековъ, чтобы отстоять, въ продолженіе четырехъ вѣковъ, отъ самыхъ грубыхъ посягательствъ все, что имъ дорого, чтобы озаботиться при подобной вѣчной борьбѣ и объ удовлетвореніи своихъ пасущихъ потребностей, и о прокормленіи безчисленныхъ ненавидимыхъ и презрѣмыхъ враговъ своихъ, то нельзя не признать, что подобное историческое явленіе можетъ убѣдительно свидѣтельствовать о силѣ народнаго духа и характера. Важность роли, которая принадлежала языку Грековъ при подобныхъ обстоятельствахъ, въ виду не понимавшихъ его противниковъ, становится всякому ясна. Все это, конечно, достаточно обезпечиваетъ и вѣрность національнаго произношенія греческаго языка даже и при томъ предположеніи, что не всѣ Греки вполне и совершенно владѣли роднымъ языкомъ, ибо для того, чтобы окончательно

убѣдиться въ сохраненіи правильнаго произношенія, достаточно тотъ фактъ, что на немъ всегда говорили, а что языкъ въ ту эпоху существовалъ въ литературѣ, объ этомъ свидѣлствуютъ сохранившіяся сочиненія.

Славяне, принявшіе христіанскую религію отъ Грековъ еще въ дѣйствующую эпоху византійской литературы и вмѣстѣ съ религіей получившіе прочныя основы своей грамотности чрезъ внесеніе къ нимъ Священнаго Писанія на родномъ языкѣ, сохранили почти вполнѣ и звуки греческаго алфавита, вошедшаго въ составъ изобрѣтенной Кирилломъ около 855 года славянской азбуки. Русскій языкъ, который образовался отчасти подъ вліяніемъ церковно-славянскаго и имѣетъ и въ синтаксическомъ отношеніи сходство съ греческимъ, сохранилъ въ принятыхъ имъ греческихъ словахъ ¹⁾ произношеніе эпохи, которая на *шесть столѣтій раньше* того времени, когда въ западной Европѣ стали считать мертвымъ греческій языкъ и ввели ошибочное произношеніе Эразма. Имѣя въ виду показать тождественность произношенія одинаковыхъ гласныхъ на русскомъ и греческомъ языкахъ, приводимъ нѣсколько примѣровъ и просимъ обратить вниманіе на корни словъ, такъ какъ окончанія различны въ каждомъ языкѣ; а для того, чтобъ одновременно показать и отличія въ произношеніи на одномъ изъ языковъ, произшедшихъ отъ латинскаго, приводимъ собственные имена на трехъ языкахъ — русскомъ, греческомъ и французскомъ, причѣмъ произношеніе греческихъ словъ по способу современныхъ Грековъ, будетъ указываемо въ скобкахъ. Аѳины (Аѳинѣ) Ἀθήναι — Athènes; Димитрій (Димитріосъ) Δημήτριος — Démétrius; Евклидъ (Евклидидъ) Ἐυκλείδης — Euclide; Ираклій (Иракліосъ) Ἰρακλῆος — Iracélius; Ирына (Ирыни) Ἰρήνη — Irène; Никимфоръ (Никимфоросъ) Νικηφόρος — Nicéphore; Θивы (Θивѣ) Θῆβαι — Thèbes, и пр. Приведемъ и нѣсколько греческихъ именъ нарицательныхъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ: икона (ἱκὼν); ересь (αἵρεσις); клиръ (κλήρος); игумень (ἡγούμενος); китъ (κίτος). Сопоставили произношеніе этихъ словъ, по національному произношенію Грековъ и по системѣ Эразма, увидимъ ясно, которое изъ двухъ ближе къ русскому: иконѣ (національное греческое произношеніе)—*ейконъ* (Эразмово произноше-

¹⁾ Тутъ говорится собственно о тѣхъ греческихъ словахъ, которыя были переняты Русскими у Грековъ въ древнюю эпоху; что касается другихъ греческихъ словъ, то они заимствованы Русскими уже отъ западныхъ народовъ съ ошибочнымъ произношеніемъ послѣднихъ.

ніе); ересисъ — айрезисъ; игуменность — игуменость; кѣтость — кестость; клиросъ — клеросъ.

Приведенные примѣры ясно свидѣтельствуютъ, что подобное сходство въ произношеніи однихъ и тѣхъ же словъ у двухъ народовъ было бы не возможно, если бы тотъ и другой порознь не хранили звуковъ, искони принадлежавшихъ греческому языку. Этимъ можно убѣдиться, что не зачѣмъ было Славянамъ слѣдовать Эразмовой системѣ греческаго произношенія, когда ихъ родной языкъ представлялъ живое доказательство противъ произношенія послѣдователей Эразма. Излишне было бы прибавлять что ближе къ произношенію Славянъ стояла система Рейхлина ¹⁾, какъ тождественная съ національнымъ греческимъ произношеніемъ.

Оканчивая разсмотрѣніе вопроса о произношеніи, бросимъ общій взглядъ на греческій языкъ.

Сказавъ, что усовершенствованіе греческаго языка шло параллельно съ умственнымъ развитіемъ народа, употреблявшаго его, мы этимъ указали на общее явленіе, замѣчаемое у всѣхъ народовъ; такое усовершенствованіе греческаго языка является тѣмъ болѣе удивительнымъ, что оно совершилось въ весьма непродолжительное время. Языкъ классическаго періода греческой литературы на столько же превосходитъ другіе языки, на сколько греческая культура и цивилизація возвышается надъ культурою другихъ народовъ древности; поэтому кстати привести слова одного извѣстнаго современнаго ученаго: „Ни одинъ народъ въ мірѣ не совершилъ ничего подобнаго древнимъ Грекамъ въ дѣлѣ культурнаго развитія человѣчества и для блага всего нашего рода; безъ нихъ мы бы и теперь находились въ состояніи дикости и такого варварства, о которомъ мы даже не можемъ составить себѣ полнаго понятія; Греки проложили намъ путь къ культурѣ и цивилизаціи, и понесенные ими труды на пользу человѣчества превышаютъ все сдѣланное другими народами“ ²⁾. Конечно, въ числѣ этихъ заслугъ Грековъ включается и дѣятельность Аристотеля, который, паложивъ своими произведеніями печать зрѣлости на умственные труды древней Греціи, открылъ новый путь для человѣческой мысли чрезъ признаніе *наблюденія* и *обобщенія фактовъ* за единственное средство доходить до правильныхъ умозаключеній ³⁾. Но

¹⁾ Рейхлинъ вселялъ въ Германцевъ любовь къ греческой литературѣ; учителемъ его былъ Грекъ Антоній Кондолава (1474 г.).

²⁾ Кольтъ, Исторія человѣческой культуры, 1873 г., стр. 219.

³⁾ Люисъ, Исторія философіи.

судьбы греческаго языка и послѣ этого періода были сходны съ судьбами мысли человѣческой.

Послѣ Аристотеля образуется тотъ общій языкъ Грековъ, который, сохранивъ свою точность, логичность и практичность, долженъ былъ не столько уже служить краснорѣчію ораторовъ, сколько способствовать обширному промышленному, политическому и научному движенію на пространствѣ юго-восточной Европы, значительной части Азии, сѣверной Африки и позднѣе всей Римской имперіи. Хотя въ этотъ періодъ греческій языкъ не служитъ уже для высокихъ поэтическихъ вдохновеній, по онъ продолжаетъ служить вѣрнымъ органомъ выраженія въ области положительныхъ наукъ ¹⁾; въ скоромъ же времени кругъ употребленія его расширяется еще болѣе; и наконецъ, въ Александрійскую эпоху, выигрывая въ пространствѣ то, что онъ терялъ въ оригинальности, онъ сталъ великимъ орудіемъ распространенія христіанской религіи, когда философія вступила въ союзъ съ вѣрою. Менѣе гибкій языкъ этого періода отличается характеромъ болѣе простымъ, но въ то же время всегда логичнымъ; таковъ языкъ Поливіа, Плутарха, Евангелія, отцовъ церкви; этотъ языкъ, пройдя по самымъ извилистымъ, тернистымъ и потаеннымъ дорогамъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, является опять движущимся впередъ по открытому торному пути (въ XVIII—XIX вѣкахъ); тутъ онъ принялъ и форму, соответственную новымъ условіямъ: онъ освободился отъ строгаго снѣтза древнихъ языковъ, но сохранилъ свою морфологію на неизбѣжныхъ основаніяхъ классическаго періода; современный языкъ, образуя послѣдній фазисъ тѣхъ преобразованій, которыя начались въ немъ съ Аристотеля, когда Греція теряла послѣднюю нить высшей самостоятельности, нашелъ себѣ постоянный и независимый центръ въ возрожденной Греціи, нынѣ вступившей въ стезю той всемірной промышленной и научной дѣятельности, которую она приготовила для всей Европы, но которую Европа воспользовалась прежде нея ²⁾.

¹⁾ Изъ писателей этихъ временъ, Аристархъ Самосскій (около 260 года до Р. Х.), имѣлъ правильное понятіе о солнечной системѣ; онъ причислялъ солнце къ неподвижнымъ звездамъ и училъ, что не солнце обращается вокругъ земли, а земля около солнца, по влиятельнѣ, и круговращеніе ея оси производитъ перемѣну дня и ночи; его послѣдователь Иппархъ первый вычислилъ солнечное и лунное затмѣніе.

²⁾ *Gustave d'Eichthal*, *Observations sur la réforme progressive et sur l'état actuel de la langue grecque*; *Dubner*, *E. Littré*; послѣдній говоритъ: «Мы, Французы, Испанцы, Германцы, Британцы, какое высокое мѣсто не занимали бы мы

Благодаря многостороннимъ трудамъ, греческій языкъ сдѣлался опять органомъ выраженія высокихъ нравственныхъ и научныхъ истинъ сообразно новѣйшему развитію культуры. Нынѣ языкъ Грековъ, при другихъ своихъ качествахъ, имѣетъ то преимущество, что содержитъ въ себѣ съ весьма легкими измѣненіями, элементы классическаго періода, и это явленіе есть несомнѣнное послѣдствіе древней греческой культуры; но для этого, конечно, не были достаточны одни памятники древней литературы: требовалось сознательное содѣйствіе, полное знаніе и благородная преданность тѣхъ дѣятелей, которые старались ввести молодое поколѣніе въ совершенное обладаніе его прекраснымъ отечественнымъ языкомъ и превосходною литературой предковъ.

Вообще, изучающіе греческій языкъ и соблюдающіе притомъ произношеніе современныхъ Грековъ посвящаютъ свое время на изученіе отнюдь не мертваго языка; они знакомятся съ древнимъ періодомъ того живаго языка, который нынѣ употребляется въ Греціи, какъ государственный, литературный и общественный. И обратно нынѣшній греческій языкъ тѣмъ понятнѣе для иноземника, чѣмъ основательнѣе послѣдній знаетъ древній его періодъ.

Ф. ЮВАННИДИ.

между націи со времени паденія Римскаго государства и возрожденія новаго порядка, обязаны почитать и уважать Италію за тѣхъ славныхъ предковъ, которые были у нея въ ту эпоху, когда голова и руи наши не давали свѣту ни одного произведенія, достойнаго памяти потомства. И вотъ нынѣ является еще Греція, которой предки древнѣе Италияцевъ, превосходятъ ихъ литературой, искусствами, науками, и наконецъ, какъ вѣчные учителя человечества. Западная Европа первая одобрила этотъ союзъ. Западъ есть политическое дитя Рима и умственное дитя Греціи. У западныхъ Европейцевъ по сю пору была Италия; имъ не доставало Греціи, — по этому-то привѣтствую ихъ за то, что они отыскали Греческую націю, а Греческій народъ за то, что онъ соединилъ свои судьбы со всемірною цивилизаціей, въ пользу которой и онъ трудится?»

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

History of Bokhara from the earliest period down to the present, composed for the first time, after oriental known and unknown historical manuscripts, by Arminius Vambery. (Исторія Бухаріи съ древнѣйшихъ до настоящихъ временъ, написанная, для начальной эпохи, по извѣстнымъ и неизвѣстнымъ историческимъ рукописямъ Востока. Сочиненіе Арминія Вамбери. London, 1873. (XXXV 419 p. in—8).

Г. Арминій Вамбери, профессоръ восточныхъ языковъ и литературъ въ Пештскомъ университетѣ, пріобрѣтшій заслуженную извѣстность своимъ путешествіемъ по Туркменіи, Хивинскимъ и Бухарскимъ владѣніямъ и прекрасно описавшій это путешествіе ¹⁾, равно какъ и странствованія свои по Персіи ²⁾, а потомъ, въ послѣдніе годы, обогатившій познанія наши о джагатайскомъ и уйгурскомъ нарѣчіяхъ изданіемъ двухъ по этому предмету трудовъ ³⁾,—не говоря уже о многочисленныхъ публицистическихъ статьяхъ его относительно положенія дѣлъ въ Средней Азій ⁴⁾,—подарилъ, въ прошломъ году, нѣмецкую литературу объемистою „Исторіей Бухаріи“ ⁵⁾, которая въ началѣ нынѣшняго года явилась и на англійскомъ языкѣ.

Уже въ самомъ заглавіи этого сочиненія, авторъ выставляетъ на видъ, что оно — *первое* по своему предмету, являющееся въ Европѣ, и составлено значительною частью по *неизвѣстнымъ* Европѣ истори-

---

¹⁾ Въ *Travels in Central Asia*, London, 1864 (вышли потомъ и на нѣмецкомъ языкѣ) и въ *Skizzen aus Mittelasien*, Leipzig, 1868.

²⁾ *Meine Wanderungen und Erlebnisse in Persien*. Pesth, 1867.

³⁾ *Sagataische Sprachstudien*, Leipzig, 1867, и *Uigurische Sprachmonumente*, Innsbruck, 1870.

⁴⁾ Статьи эти собраны авторомъ въ одну книгу, подъ заглавіемъ *Centralasien und die englisch-russische Grenzfrage. Gesammelte politische Schriften von Hermann Vambery*, недавно вышедшую въ свѣтъ въ Лейпцигѣ.

⁵⁾ *Geschichte Bochara's oder Transoxaniens*. Stuttgart, 1872.

ческими рукописямъ Востока. Въ предисловіи онъ еще болѣе распространяется объ этихъ заслугахъ своихъ. „Какъ судьба опредѣлила мнѣ проходить странами, *никъмъ или почти никъмъ до меня не посѣщенными*, такъ и въ настоящемъ случаѣ предстояло мнѣ разрабатывать перомъ *совершенно не тронутос поле*“ говоритъ онъ, (р. VII). И далѣе (р. XVI): „Вторая часть моего труда (исторія Бухаріи со времени покоренія ея Узбеками) сообщаетъ свѣдѣнія, до сихъ поръ *мало или даже совершенно неизвѣстныя ученому міру*, ибо выводитъ на свѣтъ *цѣлый рядъ государей и даже цѣлыя династїи, относительно которыхъ лишь кое-что писано въ самой Азіи, и ни единого слова въ Европѣ*“. Въ заключеніе авторъ заявляетъ, что „не легкое, во всякомъ случаѣ, дѣло писать *первою исторію* какой-либо страны“, и что настоящее его произведеніе есть „плодъ долготѣней работы“ (р. XVII).

Утвержденія такого рода со стороны профессора восточныхъ языковъ, лично посѣщавшаго страну, исторію которой даетъ онъ, и притомъ успѣвшаго уже зарекомендовать себя, какъ писателя,—естественно вставляетъ каждаго оріенталиста, занимающагося исторіей Средней Азіи, приступать къ чтенію „Бухарской Исторіи“ г. Вамбери съ волненіемъ отъ ожиданія найти въ ней если не художественный историческій трудъ, то, по крайней мѣрѣ, цѣлый рудникъ новыхъ источниковъ, новыхъ фактовъ, новыхъ соображеній, въ изложеніи, проникнутомъ европейскою критикою и оживленіемъ знакомствомъ автора съ природою изучасмой имъ страны и нравами ея жителей. Къ сожалѣнію, каждая прочитанная страница книги г. Вамбери горько разочаровываетъ въ этихъ ожиданіяхъ, и общимъ результатомъ чтенія оказывается, что небольшая частичка дѣйствительно новаго въ его книгѣ тонетъ въ массѣ стараго и давно извѣстнаго, которое притомъ, во множествѣ случаевъ, не понято имъ и искажено. Оказывается, что вмѣсто сообщенія новыхъ о предметѣ источниковъ, не пользовался онъ самыми капитальными, всѣмъ доступными, и даже о существованіи ихъ не зналъ. Оказывается, короче сказать, что г. Вамбери, приступая къ труду своему, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ исторіи Средней Азіи, и въ простотѣ души, принималъ постепенное освобожденіе свое отъ полнаго невѣдѣнія этого предмета за открытія, которыя должны удивить и поразить ученый міръ. Послѣдствіемъ такого отношенія къ предмету имѣемъ мы въ книгѣ г. Вамбери не совѣстливый и долготѣннй ученый трудъ, а самую легкую и поверхностную компіляцію, скомканную кое-какъ въ нѣсколько

мѣсяцевъ и переполненную пропусками и промахами самого непротительнаго свойства,—компиляцію, о которой не стоило бы и говорить, если бы не знающими дѣла какъ на западѣ, такъ и у насъ на Руси, не принята она была, по самохвальству автора, за трудъ монументальный, и въ этомъ качествѣ, осыпана и превозвещена похвалами.

Чтобы доказать основательность неблагопріятнаго отзыва нашего о послѣднемъ произведеніи знаменитаго путешественника, жившаго себя такимъ плохимъ историкомъ, мы рассмотримъ болѣе или менѣе подробно содержаніе всѣхъ двенадцати главъ его книги, вмѣстѣ съ предисловіемъ и введениемъ.

Въ предисловіи г. Вамбери, перечисливъ 11-ть сочиненій на восточныхъ языкахъ, которыя служили главными источниками для первой части его труда (исторіи Бухаріи до Узбековъ), прибавляетъ, что, сверхъ того, пользовался онъ для этой части „всѣмъ, что только могъ найдти относительно исторіи Трансоксаніи, какъ въ книгахъ востока печатныхъ или рукописныхъ, такъ и въ европейскихъ историческихъ и біографическихъ сочиненіяхъ или описаніяхъ путешествій“ (р. XII). „Безъ возможно-полнаго знакомства съ литературою предмета, нельзя въ наше время“, прибавляетъ онъ послѣдъ затѣмъ, „браться писателю за какой-либо трудъ“. Конечно, такъ, а между тѣмъ является несомнѣннымъ, что авторъ „Исторіи Бухаріи“ не справлялся, при составленіи ея, даже съ такими изъ европейскихъ писателей по исторіи Средней Азіи, какъ Деянъ, Абель-Ремюзэ, Клапротъ, Риттеръ, не говоря ужъ о менѣе извѣстныхъ. Одно это обстоятельство показываетъ уже, какого рода писатель г. Вамбери, и что онъ за профессоръ. Но вотъ перечисляетъ онъ далѣе пять *новыхъ, неизвѣстныхъ*, полагасть онъ, никому кромѣ его, источниковъ для исторіи Бухаріи, преимущественно со времени завоеванія ея Узбеками, и что же? Важнѣйшій изъ этихъ источниковъ, тотъ именно, который снабдилъ его дѣльми рядомъ государей и даже династій о конкхъ до него, какъ хвастается Вамбери, пи слова не было писано въ Европѣ, именно *Тарихи-Мукимъ-Хани*, оказывается изданнымъ въ текстѣ, и частію даже въ переводѣ на французскій языкъ, пятьдесятъ лѣтъ тому, у насъ въ Петербургѣ, покойнымъ профессоромъ Сенковскимъ. Второй по значенію источникъ, Наршагіева „Исторія Бухаріи“, тридцать лѣтъ уже извѣстна ученому міру, благодаря извлеченіямъ, сдѣланнымъ изъ нея орьенталистомъ нашимъ Н. В. Ханниковымъ. Пять рукописей этого сочиненія имѣются въ бібліотекахъ одного Петербурга. Третій источникъ, *Тарихи-Сейидъ-Рахимъ*,

приобрѣтенъ былъ П. И. Лерхонъ во время пребыванія его въ Бухарѣ въ 1859 году и извѣстенъ по указаніямъ на него въ разныхъ сочиненіяхъ, какъ самаго г. Лерхе, такъ и академична Вельямнова-Зернова. Дѣйствительно новыми и доселѣ только одному г. Вамбери извѣстными представляются, такимъ образомъ, только два изъ пяти поименованныхъ имъ источниковъ: поэма на джагатайскомъ языкѣ подъ названіемъ *Шейбани-Наме*, да стихотворный же сборникъ *Дажме-и-Шамъ* — оба, какъ видно изъ отрыва и цитаты самого г. Вамбери, почти ничего историческаго въ себѣ не заключающіе. Не изъ-за чего же было поднимать крикъ на цѣлую Европу, хвастаясь обиліемъ новыхъ свѣдѣній, ей сообщаемыхъ.

Назвавъ свою книгу „Исторіей Бухаріи“, автору ея надо было объяснить, чтò понимаетъ онъ подъ именемъ *Бухаріи*, такъ какъ предѣлы владѣній, имѣвшихъ столицей своимъ городъ Бухару, въ разное время разнились значительнымъ образомъ: этому разъясненію и посвящено отчасти „введеніе“ въ книгу. Изъ разъясненія видно, что подъ *Бухаріей* угодно автору разумѣть Бухарское ханство въ тѣхъ предѣлахъ, какіе имѣло оно до вторженія Русскихъ за Сиръ-Дарью, и сверхъ того, страны по лѣвому берегу Аму-Дарьи, къ сѣверу отъ Гиндукуша и Паропамиза, начиная съ верховьевъ этой рѣки до теченія Мюргаба на западѣ, — страны весьма часто, на памяти исторіи, находившіяся въ зависимости отъ владѣльцевъ Бухары. Пусть и такъ, хотя такое расширеніе термина „Бухарія“ не совсемъ правильно; но зачѣмъ было автору отождествлять „Бухарію“ съ *Мавераннахромъ* или *Трансоксанією* и доказывать, будто Арабы разумѣли подъ Мавераннахромъ не только страны къ сѣверу отъ Окса или Аму-Дарьи, но и лѣвое побережье этой рѣки отъ истоковъ ея до Мюргаба, — мы рѣшительно не понимаемъ, тѣмъ болѣе, что это совершеннѣйшій вздоръ, и нисколько не видно этого даже изъ того единственнаго арабскаго географа, котораго прочелъ и на котораго ссылается г. Вамбери: прямо противоположное утверженію Вамбери читаемъ мы у этого географа (см. *Viae Regnorum auctore al-Istakhri, in edit. M. I. de Goeje, Lugd. Batav. 1870, pp. 286—287*). Да иначе и быть не могло, ибо самое слово *Мавераннахуръ* значить „то чтò за рѣкою“, „зарѣчье“, подъ рѣкою же разумѣется тутъ Джейхунъ, Оксъ древнихъ, Аму нашего времени. И совершенно ошибочно называетъ г. Вамбери этого географа (Эль-Бальхи) древнѣйшимъ изъ арабскихъ, и тутъ же, найдя у него названіе страны — *Уджанъ*, толкуетъ, что правильнѣе было бы писать *Ваджанъ*, тогда какъ это всегдѣ извѣст-

ній *Ваханъ*; и тутъ же, въ перечисленіи областей по лѣвому берегу Аму, пропускаетъ *Бадахшанъ*; и тутъ же сочиняетъ, будто Аму значить у туземцевъ „рѣка“, тогда какъ извѣстно, что такъ называется Аму-дарья по имени города Амуя или Амуля, находившагося на лѣвомъ ея берегу. Тутъ же повторяетъ онъ и нелѣпное мнѣніе свое, что надо произносить не *Хорезмъ*, а *Хазрезмъ*. Тутъ же, наконецъ, говоря о 35-мъ градусѣ широты, называетъ его 35° долготы, а 71-й градусъ долготы называетъ, наоборотъ, 71° широты, и въ прибавокъ, не считаетъ нужнымъ обозначить, отъ какого меридіана считаетъ онъ долготу, полагая, вѣроятно, что на всѣхъ картахъ градусы считаются отъ одного и того же меридіана. И все это на одной XXII-й страницѣ введенія, не считая того, что на той же страницѣ авторъ утверждаетъ, будто, по его „историческимъ изслѣдованіямъ“, лѣвое побережье Аму почиталось интегральною частью Бухаріи или Мавераннагра—именно со временъ Саманидовъ, тогда какъ никакого „изслѣдованія“, которое доказывало бы это ложное положеніе, въ книгѣ г. Вамбери не обрѣтается.

Не меньшее отсутствіе всякаго знакомства съ исторіей и географіей Мавераннагра подъ арабскимъ владычествомъ обнаруживается и на слѣдующихъ двухъ страницахъ (XXIII и XXIV). Главнымъ городомъ въ области Осрушна называетъ онъ положительно *Бу-Мекетъ*, тогда какъ въ рукописяхъ имя этого главнаго города является изображеннымъ безъ діакритическихъ точекъ столь различно, что рѣшительно не извѣстно, какъ надо читать его. Въ сосѣдней съ помянутою области Чачъ (Таткентской) являются у него города: *Отраръ*, *См-занахъ*, *Сайрамъ*, о которыхъ Вальхи (то-есть, Истахри) вовсе не упоминаетъ, и которые становятся извѣстны лишь въ позднѣйшее время. Далѣе удивляется г. Вамбери, что не удалось ему, во время странствованія по Бухаріи, услышать чего-либо о „большой стѣнѣ“, которую, по словамъ Вальхи, построилъ между Сыръ-Дарьею и горами Абдуллахъ, сынъ Хамидовъ. И не мудроно, что не удалось, потому что о построеніи кѣмъ-либо такой стѣны нѣтъ ни слова не только у Вальхи, но сколько извѣстно намъ, ни у кого изъ арабскихъ географовъ и историковъ. Обращаясь затѣмъ къ исторіи Чача, изучаетъ г. Вамбери, что „въ до-мусульманскій періодъ существовало тамъ независимое владѣніе подъ управленіемъ Турковъ, которое, впрочемъ, присоединено было къ Бухаріи во времена Саманидовъ“. Но въ до-мусульманскій періодъ весь Мавераннагръ состоялъ изъ независимыхъ одна отъ другой областей съ тюркскими болѣею частію правите-

лями во главѣ, и покорена была область Чачская мусульманскимъ оружіемъ задолго до появленія Саманидовъ. „При Сельджукидахъ“ продолжаетъ нашъ историкъ, — „область эта возвратила свою независимость, и владѣтель тюркскій Кадръ-Ханъ достигъ значительной степени могущества“. Дѣло въ томъ, что Чачская область, поступившая подъ власть Саманидовъ вмѣстѣ съ другими владѣніями Аббасидовъ въ Мавераннагрѣ, никакой послѣ того независимости не возвращала, а съ ослабленіемъ Саманидовъ подчинилась тюркскимъ государямъ, властвовавшимъ въ Капгарѣ. Произошло это въ концѣ X вѣка до Р. Х., когда Сельджукиды еще ничего не значили. Да и могущество капгарскихъ государей началось не съ Кадръ—или Кадыръ-Хана, умершаго въ 1032 году, а по крайней мѣрѣ еще съ Богра-Хана, который отнялъ уже у Саманидовъ какъ Самаркандъ, такъ и Бухару. „Со времени монгольскаго вторженія“, читаемъ далѣе у Вамбери, — „Чачъ служилъ костью, которую отнимали другъ у друга Хорезмійцы съ запада и Уйгуры съ востока; по смерти же Чингиса, Кадръ и его преемники вели изъ за этой области долгую братоубійственную войну съ Джагатаидами“. Тутъ что ни слово, то ужасающее невѣжество. Послѣ монгольскаго вторженія въ Мавераннагрѣ, не существовало уже ни Хорезмшаховъ, которые могли бы воевать съ Уйгурами, ни Уйгуровъ, которые могли бы воевать съ Хорезмшахами; да и до монгольскаго вторженія Хорезмшахи сталкивались враждебно, и то не изъ-за Чача, а изъ-за Бухары, не съ Уйгурами, а съ Карахатайцами или Каракиданами, о самомъ существованіи которыхъ, какъ увидимъ ниже, не знаетъ г. Вамбери. Но что всего лучше, это „братоубійственныя“ войны, которыя, уже по смерти Чингиса, велъ Кадръ-Ханъ и его преемники съ Джагатаидами: Кадръ-Ханъ, видѣли мы, умеръ въ 1032 году по Р. Х., а г. Вамбери заставляетъ его переживать Чингисъ-Хана, умершаго въ 1227; выходитъ что Кадръ-Ханъ жилъ два съ половиною вѣка, не говоря уже о томъ, что могущество его преемниковъ уничтожено было Каракиданами еще въ 1120 годахъ по Р. Х., такъ что Джагатаиды, если и желали бы, никакъ не могли воевать съ не существовавшими въ ихъ время потомствомъ Кадръ-Хана, которое притомъ ни въ какомъ родствѣ съ ними не состояло.

Указывать на всѣ промахи г. Вамбери значило бы написать книгу въ трое толще его „Бухарской Исторіи“. Потому во „введеніи“ его обратимъ вниманіе только на двѣ еще капитальнѣйшія ошибки. На страницѣ XXVIII-й г. Вамбери говорить, что Самаркандъ „никогда не могъ

имѣть торговаго значенія, ибо лежитъ въ сторонѣ отъ большаго пути въ Индію" (откуда?). Это показываетъ, что Вамбери и попятія не имѣеть о живой и громадной торговлѣ, производившейся искони черезъ Самаркандъ между Китаемъ и Восточнымъ-Туркестаномъ, съ одной стороны, и Западною Азіей и Европою — съ другой, не говоря уже о томъ, что даже и часть индѣйскихъ товаровъ проникала до Бухары не иначе, какъ черезъ Кашгаръ и Самаркандъ. На страницѣ XXXII-й читаемъ о Бухарин, что она не только „производитъ хлѣба плоды, шелкъ, хлопковъ и краски, несравненные въ своемъ родѣ“, но что „тоже самое можетъ быть сказано и о скотѣ этой страны, такъ какъ лошади бухарскія славятся по всей Азіи, верблюды превосходятъ всѣ другіе виды этого полезнаго домашняго животнаго на югѣ и западѣ Азіи, а бараны рѣшительно не имѣють себѣ равныхъ въ мірѣ“. Это ужъ не исторія; г. Вамбери самъ былъ въ Бухарин и позволяетъ себѣ такія непозволительная гиперболы: гдѣ же это въ Азіи славятся бухарскія лошади? И съ чего взялъ онъ, что бухарскій хлопокъ превосходитъ? Относительно же верблюдовъ и барановъ извѣстно, что животными этого рода сама Бухара снабжается преимущественно изъ киргизскихъ степей.

Первую главу своего труда г. Вамбери посвящаетъ исторіи страны до проникновенія въ нее Ислама. Естественно ожидать, что читатель найдетъ здѣсь свидѣнія объ этомъ періодѣ изъ греческихъ писателей— Греки властвовали надъ Трансоксанією довольно долго, со времени завоеванія страны Александромъ Великимъ,—равно какъ и изъ писателей китайскихъ — во II вѣкѣ до Р. X. страна была посѣщена Китайцемъ Чжань-Цанемъ, а въ началѣ VII вѣка по Р. X. Китайцемъ Сюань-Цзаномъ, и оба Китайца эти сообщаютъ весьма важныя о ней извѣстія, не говоря уже о свидѣніяхъ, заключающихся въ китайскихъ офціальныхъ исторіяхъ Ханьской династіи, старшей и младшей династій Вэй, „Сѣверныхъ Дворовъ“ и династій Суйской и Тханской. Оказывается, вмѣсто того, что г. Вамбери и не слыхивалъ о греческихъ и китайскихъ источникахъ для озвакомленія съ прошлымъ страны, исторію которой взялся онъ писать! Даже слова единого нѣтъ въ „Исторіи“ его о томъ, что тутъ нѣкогда властвовали Греки, и что было время когда владѣльцы Мавераннахра признавали себя вассалами китайскихъ императоровъ. Древняя исторія Бухарин начинается у г. Вамбери легендарными сказаніями Париаги о началѣ города Бухары и лицахъ, властвовавшихъ тамъ незадолго до вторженія и въ первое время завоеванія Арабовъ, при чемъ сказанія эти

излагаются безъ всякой критики, и имя города, *Эскедасикетъ*, принимается за имя государя (р. 2). Затѣмъ разказывается, въ видѣ собственнаго открытія автора, что Мавераннагръ былъ издревле заселенъ народомъ Персскаго племени, отличавшимся высокою культурою, и при этомъ (р. 4) приписывается римскому историку Юстину фраза о Бактріи, которая принадлежитъ греческому писателю Аполлодору Аргамитскому, и относится не къ Бактріи, а къ Индіи, да высказывается совершенно ложная мысль, будто нарѣчіе нынѣшнихъ Мавераннагрскихъ Таджиковъ заключаетъ, въ формахъ и словахъ своихъ, болѣе слѣдовъ древняго персидскаго языка, чѣмъ всѣ другія живныя персскія нарѣчія, взятыя вмѣстѣ, и будто „въ таджикскомъ нарѣчій этомъ глагольныя формы подверглись тюркскому вліянію менѣе, чѣмъ въ языкѣ нынѣшнихъ Иранскихъ Персовъ“. Желашіе убѣдиться въ противномъ могутъ прочесть граматическія замѣтки о таджикскомъ нарѣчій автора настоящей рецензій, помѣщенныя вслѣдъ за изданными имъ „Записками Мирзы Шемса“ на этомъ нарѣчій (Казань, 1861). На западъ отъ Бухары древняя трансоксанская цивилизаціи не могла распространиться—читаемъ далѣе у г. Вамбери (р. 8)—потому что къ западу отъ Бухары начинаются песчаныя степи; а за страницу передъ этимъ онъ самъ приводитъ, по Ролинсону, извѣстіе Альбйруни о высокой образованности Хорезма, нынѣшняго Хивинскаго ханства, на западъ отъ Бухары: что ни слово, то обмолвка.

Такимъ же образомъ, начавъ рѣчь о туранскихъ сосѣдяхъ Трансоксанин, г. Вамбери съ перваго же шага обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство съ предметомъ. Онъ не знаетъ, гдѣ отечество Гузовъ, потому что „Бальхи (единственный арабскій географъ, прочитанный знаменитымъ путешественникомъ) помѣщаетъ ихъ на сѣверѣ отъ Чача“, говоритъ онъ,—„а по персидскимъ писателямъ, черезъ нѣсколько столѣтій позже, являются они въ сосѣдствѣ Андохъ“. Когда человѣкъ не въ силахъ сообразить такія простые вещи, не исторію ему писать: пусть довольствуется „путевыми очерками“. Вслѣдъ за сѣмъ то, что Ролинсонъ говоритъ о Скиахъ, приписываетъ г. Вамбери Туркамъ, и потому заявляетъ сомнѣніе, чтобы первыя переселенія Турокъ на Овсъ могли имѣть мѣсто за 700 лѣтъ до Р. Х. Хорошо это сомнѣніе, когда Турки появляются въ исторіи лишь съ VI вѣка по Р. Х. И съ такими свѣдѣніями, съ такимъ историческимъ образованіемъ, берутся люди писать „исторію“, и еще хотять учить и удивлять.... Отлично рекомендуетъ ученость автора и его произ-

во водстии *Балха* отъ тюркскаго *балми* (р. 9), а подобными словопроизводствами кишеть его книга, и онъ явно ими тщеславится, полагая, что дѣласть открытія. *Бухара* у него также слово монгольское (р. 14): *бухарь*, говоритъ онъ, значить по монгольски „капище“ или „монастырь“. Это санскритское-то *vihāga*, усвоенное Монголами, принялъ онъ за монгольское слово! О томъ, когда и какъ вторгалось въ Мавераннагръ кочевое население степей къ сѣверу отъ Сыръ-Дарьи, знаменитый путешественникъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, и потому съ дѣтскою наивною ставитъ вопросъ: являлись ли древнѣйшіе Турки въ Трансоксанію повелителями или лишь въ качествѣ наемниковъ персскихъ владѣтелей? и съ немалымъ наивноствію объявляетъ, что трудно рѣшить этотъ вопросъ. За то нисколько не затрудняется онъ рѣшить, что согдійскій владѣлецъ *Маниахъ*, упоминаемый Земархомъ, былъ природный Турокъ. Почему это? Потому что *Маниахъ* значить по тюркски „князь, благородный“, а должно имѣть такое значеніе это слово потому, что начальники Дикокампскихъ Киргизовъ титулуются *маналами*. *Маниахъ* и *Манахъ* — одно и то же! Ничего не стоитъ ему также рѣшить, что буддизмъ проникъ въ Мавераннагръ еще „до начала исторіи“ (р. 14), ибо ему видимо неизвѣстно, что ученіе Будды возникло въ Индіи лишь за пять вѣковъ до Р. Х., какъ неизвѣстно и то, что китайскій путешественникъ Сюань-Цзанъ (Hiuen-Tsang) странствовалъ не въ V (р. 15). а въ VII столѣтіи по Р. Х.

Вторая и третья главы, трактующія о завоеваніи Бухаринъ Арабами и халифскомъ тамъ владычествѣ до времени Саманидовъ — однѣ изъ лучшихъ въ книгѣ, то-есть, изъ наименѣе наполненныхъ ошибками всякаго рода. Къ сожалѣнію, здѣсь, какъ и во всѣхъ остальныхъ частяхъ книги, авторъ не дѣлаетъ ссылокъ на источники, изъ которыхъ заимствуетъ излагаемые факты, что обращаетъ его „исторію“ въ дѣтскую книжку. Принимаясь за свою работу, авторъ и не подозревалъ, кажется, что историкъ, не будучи современникомъ описываемыхъ событій, то-есть, не будучи самъ источникомъ, обязанъ указывать, откуда беретъ онъ свои свѣдѣнія, потому, между прочимъ, что качествомъ источника опредѣляется, сплошь и рядомъ, самая достоверность событій. Писатели, подобные г. Вамбери, всегда уклоняются отъ исполненія этой обязанности, такъ какъ указаніе источниковъ обнаружило бы незнакомство ихъ съ литературою предмета и неумѣнье ориентироваться въ ней. Что касается до фактовъ, относящихся къ упомянутому періоду бухарской исторіи, то „Geschichte der
часть CLXXV, отд. 2.

Chalifen" Вейля даетъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ специальный трудъ г. Вамбери, который и тутъ не хотѣлъ знать ничего далѣе разказовъ Наршаги. Что же касается до выбора между этими фактами, до групыровки ихъ, до пониманія ихъ значенія, то все это у Вамбери ниже всякой критики. Борьба Мавераннагра съ Арабами за независимость, какъ и борьба его, за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ, съ Александромъ-Великимъ за ту же независимость (объ этой послѣдней нѣтъ ни слова въ книгѣ Вамбери), представляются явленіями, почти не имѣющими параллельныхъ имъ въ исторіи цѣлой Азии; а г. Вамбери, повѣствуя объ этой борьбѣ, просмотрѣлъ въ ней такіе характеристическіе моменты, какъ послѣднія усилія Ездеджерда противустать напору Арабовъ съ силами, которыя почерпалъ онъ преимущественно въ вассальныхъ владѣніяхъ своихъ къ сѣверу отъ Аму. Для г. Вамбери борьба эта начинается лишь съ 46 года гіджры (= 666 по Р. X.). При этомъ, разказывая о подвигахъ знаменитаго Кутейбы-ибнъ-Муслима, историкъ нашъ сообщаетъ факты, которыхъ нѣтъ ни у Табри, ни у Наршаги — откуда-же взялъ онъ ихъ? — и заставляетъ Кутейбу нападать на Вардана (т. е. Вардавъ-Худата по Наршаги) въ 99 году гіджры (717—718 по Р. X.), когда Кутейбы давно уже не было на свѣтѣ. Тутъ же 89-й годъ гіджры, соотвѣтствующій 707—708 по Р. X., приходится, по его счету, 698-мъ (р. 26), а нѣсколько далѣе 94 г. (= 712—713 по Р. X.) соотвѣтствующимъ 742-му, тогда какъ 95-й (= 713—714) соотвѣтствующимъ 711-му нашего лѣтосчисленія. Хронологическую точность вообще г. Вамбери признаетъ излишней: случившееся въ одномъ году переставитъ въ другой — ничего для него не значить. Но всего лучше то, что, говоря о вторженіи Кутейбы въ Кашгарію въ началѣ VIII столѣтія нашей эры, находитъ тамъ Вамбери *уйгурскихъ* (?) владѣльцевъ, которыхъ заставляетъ призывать на помощь къ себѣ изъ Сѣверной Джунгаріи — *Калмыковъ*, когда имя Калмыковъ, какъ извѣстно, появляется въ Исторіи лишь съ XV столѣтія. Хороша, впрочемъ, и слѣдующая фраза: „Сказываютъ (we are told), что Арабы простерли набѣги свои даже въ область Ганьсу“ (въ Западномъ Китаѣ). Ссылки при этомъ никакой; судя же по характеру извѣстія, должно полагать, что во время странствованій своихъ по Бухаріи г. Вамбери слышалъ объ этомъ отъ какого-нибудь товарища своего, дервиша. Изъ такого же источника почерпнулъ онъ, слѣдуетъ думать, и извѣстіе будто „Турфанъ (въ Восточномъ Туркестанѣ) припала Исламъ съ первымъ появленіемъ Арабовъ“ (р. 32). Въ III-й главѣ всего забавнѣе роль, какую г. Вамбери заставляетъ

играть извѣстнаго Абу-Муслима (котораго называетъ онъ „основателемъ династїи“) между нынѣшними Туркменами и Узбеками, и разсужденїя его, какъ объ этомъ временщикѣ, такъ и о лжепророкѣ Эль-Моканна: нигдѣ въ другихъ частяхъ книги не является историческій тактъ его въ такомъ блескѣ. Нѣтъ, ошибаемся: ниже онъ еще забавнѣе разсуждаетъ о Тамерланѣ.

Четвертая глава посвящена воспѣванію цвѣтущаго времени владычества Саманидовъ, которое описываетъ онъ, пользуясь, кромѣ Наршаги, еще Мирхондомъ, компиляторомъ XV вѣка, и *Зинеть-эт-Теварихъ*—компиляціей, составленною въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Какъ адѣсь, такъ и далѣе, объ Ибнъ-эль-Эсирѣ или хотя списывателѣ его Ибнъ-Хальдунѣ, нѣтъ и помину. Ошибаемся: о существованіи Ибнъ-эль-Эсира г. Вамбери знаетъ, но какъ? лишь по ссылкѣ на этого капитальнѣйшаго изъ мусульманскихъ лѣтописцевъ—у Дефремери! Вѣдь это то же, что писать исторію древняго Востока и игнорировать Геродота. Блистательно рекомендуетъ г-на Вамбери и полнѣйшее у него отсутствіе всякаго знакомства съ цѣлою литературою о Саманидскихъ монетахъ, находящихся въ Сѣверной Европѣ, и свидѣтельствующихъ, какъ значительна была торговля Мавераннагра подъ ихъ управленіемъ; ни единымъ словомъ объ этомъ предметѣ высшей важности и занимательности не проговаривается нашъ историкъ Бухарїи. За то, въ стремленіи своемъ превознести политическое могущество Саманида Исмаила, онъ приписываетъ ему даже владычество надъ Ширазомъ (р. 67), куда оно никогда не заходило.

Въ пятой главѣ идетъ рѣчь объ упадкѣ саманидскаго могущества и о переходѣ Мавераннагра подъ власть „Турковъ“, но какіе это были Турки—онъ рѣшительно не знаетъ. Не обинуясь, называетъ онъ ихъ *Уйгурами*; между тѣмъ, еслибъ онъ прочелъ повнимательнѣе даже единственнаго, извѣстнаго ему арабскаго географа, Вальхи (то-есть, Истахри), не говори уже объ Ибнъ-Хордадбагѣ, Ибнъ-Хаукалѣ, Масуди или Эдриси, онъ бы съ разу долженъ былъ увидѣть, что были это не Уйгуры, а *Харлужи*. Г-ну Вамбери, какъ спеціалисту по Уйгурщинѣ, слѣдовало бы уразумѣть это давнымъ давно; но онъ и въ своихъ *Uigurische Sprachmonumente* обнаружилъ относительно этого предмета историческое невѣжество самаго изумительнаго свойства. Большому сомнѣнію подвергаетъ та же пятая глава и свидѣнія г. Вамбери въ персидскомъ языкѣ: *Эмири-Решидъ* переводитъ онъ „храбрый государь“, вмѣсто „праведный“, а *Эмири-Шедидъ*—„правосудный государь“, вмѣсто „суровый“ (pp. 78—79). Но Уйгурами или Хар-

духами были турецкіе государи, отнявшіе Мавераннагръ у Саманидовъ; исторію этихъ государей знаетъ г. Вамбери весьма неудовлетворительно. Она излагается имъ преимущественно въ шестой главѣ, посвященной собственно довольно-подробной исторіи Сельджукидовъ, совершенно неумѣстной въ исторіи „Вухаріи“ — страны, которая лишь временно подпадала подъ ихъ зависимость. О борьбѣ Илекъ-хана съ знаменитымъ завоевателемъ Индіи Себуктекинидомъ Махмудомъ, происходившей въ самомъ началѣ XI вѣка, и о которой говорятъ Утби, Ибнъ-эль-Эсиръ и другіе, нѣтъ у г. Вамбери ни полслова; онъ знаетъ только про позднѣйшее внимательство Махмуда въ ссору преемниковъ Илековичъ, хановъ Арслана и Кадыра, при чемъ заставляетъ Илекъ-хана жить во время этой ссоры и принимать въ ней участіе, когда его не было на свѣтѣ уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ; и не зная, что Илекъ и упомянутые преемники его считались вассалами Махмуда, представляетъ поэтому развязываемыя событія въ ложномъ свѣтѣ (р. 91). Впрочемъ, исторія Харлухскихъ государей, властвовавшихъ, кромѣ Мавераннагра, еще въ Западной Джунгаріи и Восточномъ Туркестанѣ, нисколько не разработанная до сихъ поръ, представляетъ много темнаго и сбивчиваго, и потому путаница въ отношеніи къ нимъ у г. Вамбери извинительна. Но что рѣшительно неизвинительно, это — принимать, какъ дѣлаетъ онъ въ цѣлой книгѣ своей, *Каракиданей* за *Уйгуровъ*, и полагать, что *Кара-Хатаемъ* назывались нынѣшнія китайскія области Шенъси и Ганьсу (р. 101). Это — верхъ ученаго безобразія, подобнаго которому не находятся примѣровъ даже у пресловутаго соотечественника г. Вамбери, покойнаго Вѣнскаго орьенталиста Хаммера. Передъ этими двумя колоссами историко-этнографическаго и географическаго невѣжества, ничтожными уже представляются всѣ остальные промахи знаменитаго путешественника, въ родѣ сознанія его, что онъ никакъ не могъ отыскать у географовъ города *Дженда* (р. 89); что „страна между Овсомъ и Иксартомъ (значить, весь Мавераннагръ) составляла наследственное владѣніе внуковъ Сельджука, оставленное имъ ихъ отцами“ (р. 91—92); что власть Сельджукидовъ чувствовалась даже въ Африкѣ (р. 100); что гурханъ (г. Вамбери не знаетъ, что это титулъ лица, называвшагося Елюй-Дани, и принимаетъ титулъ этотъ за собственное его имя), „подчинилъ себѣ часть такъ-называемаго Хатая (р. 103)“, и прочія прелести шестой главы.

Борьба изъ-за владычества надъ Бухарою и Самаркандомъ, происходившая между карахатайскими государами, съ одной стороны, и

хорезмшахами съ другой, составляетъ содержаніе восьмой главы. Г. Вамбери и тутъ продолжаетъ называть Карахатайцевъ Уйгурами, и въ добавокъ, не понимаетъ событій этой борьбы, для хорезмшаховъ имѣвшей характеръ религіозный; не понимаетъ и того, что она постоянно возбуждаема была владѣльцами Бухары и Самарканда — съ цѣлю сдѣлаться независимыми какъ отъ хорезмшаховъ, такъ и отъ карахатайскихъ ихъ сюзереновъ; не знаетъ, что означенные владѣльцы были изъ потомства тѣхъ харлукскихъ Караханидовъ, которые отняли Мавераннагръ у Саманидовъ, и въ этомъ качествѣ, имѣли достаточныя права на политическія свои претензіи. Владѣнія хорезмшаховъ простирались на сѣверъ (ужъ хоть бы на сѣверо-востокъ), по имѣнію г. Вамбери, до самой Волги (р. 100), а Рашидъ-эд-Динъ, полагаетъ онъ, написалъ „Исторію Монголовъ въ Персіи“ (ibid.), вслѣдствіе того, конечно, что переводъ незначительной части Рашидъ-эд-Диновой *Джами-эт-Таварихъ*, сдѣланной Катрмеромъ, озаглавленъ послѣднимъ: „Histoire des Mongols de la Perse, par Rachid-ed-Din“. Въ заключеніе, государя каракиданьскаго, воевавшего съ хорезмшахомъ Кутбеддиномъ Мохаммедомъ, г. Вамбери считаетъ за того же самаго „гурхана“ (Елюй-Даши) который положилъ основаніе могуществу Каракиданей, и пресерьозно замѣчаетъ что „гурханъ“ былъ уже въ это время 90-лѣтнимъ старикомъ (р. 113). Дѣло происходило въ 1213 году, а Елюй-Даши (гурханъ) умеръ еще въ 1136, и было бы ему, въ 1213, еслибы дожилъ онъ до этого времени, не 90, а болѣе 130-ти лѣтъ. И промахъ такой величины г. Вамбери далъ, не смотря на то, что историкъ Джувейни, котораго онъ списываетъ, называетъ гурхана, воевавшего съ Кутбъ-эд-Диномъ по имени — *Чилуку* звался этотъ гурханъ.

Разказать о завоеваніи Мавераннагра Чингисъ-ханомъ, слѣдуя единственно Джувейни, какъ дѣлаетъ это г. Вамбери въ девятой главѣ своей книги — небольшая заслуга послѣ того, какъ завоеваніе это вложено д'Осономъ, сорокъ лѣтъ тому, по всѣмъ другимъ источникамъ. Но г. Вамбери не знаетъ, должно быть, о существованіи перваго тома такого труда, какъ д'Осонова „Histoire des Mongols“. Зналъ бы онъ о томъ, такъ не производилъ бы имени керантскаго Ваиъ-хана (Ong-khan) отъ уйгурскаго *унъ* — „правый“ (р. 120), потому что *Вамъ* тутъ есть китайскій титулъ; а зналъ бы хотя немного по-монгольски, то не производилъ бы имени *Керантогъ* отъ тюркскихъ словъ *хир-итъ* „борзая собака“ (ibid), такъ какъ конечное *т* въ имени Керантъ есть монгольскій знакъ множественнаго числа; соб-

ственно же когдѣ это, и доннѣ существующее, зовется *Керай*, *Кирей*. Знакомъ былъ бы г. Вамбери съ сочиненіемъ д'Осона, не говорилъ бы онъ и того, что Чингисъ избралъ мѣстопробываніемъ своимъ „крѣпость Каракорумъ“ (р. 121), когда Каракорумъ построенъ былъ лишь преемникомъ Чинхиса Угедземъ, и никогда „крѣпостию“ не бывалъ; не говорилъ бы и того, что Чингисъ далъ въ удѣлъ сыну своему Тули—Хорасанъ, Персію и Индію, когда удѣломъ Тули была Монголія собственно. А еслибъ г. Вамбери прочелъ путешественника, не менѣ знаменитаго, чѣмъ самъ онъ, именно Марка Поло, то не заставилъ бы императора Хубилая посылать Марка Поло посломъ—куда?—въ Керманъ (р. 139)! Узнавъ, что за историкъ г. Вамбери, мы, конечно, не поставимъ ему въ вину, что онъ слѣпо повторяетъ разказы мусульманъ о совершенномъ опустошеніи Мавераннагра Чингисъ-ханомъ; но отъ всякаго другаго мы сочли бы долгомъ требовать, чтобы было обращено, въ этомъ отношеніи, вниманіе на путешествіе даоса Чина-Чуна, каданное въ русскомъ переводѣ знаменитымъ клятистомъ пашимъ, отцомъ Палладіемъ, а во французскомъ—умершимъ педанпо Парижскимъ орьенталистомъ Потъд.

Владычество Чингисидовъ надъ Мавераннагромъ разсматривается въ девятой главѣ. Мы однако совершенно напрасно сказали „разсматривается“: не разсматривается оно тутъ, а повторяются отрывочные разказы мусульманскихъ историковъ, преимущественно въ изложеніи безтолковаго Хаммера, о разореніяхъ, которымъ подвергалась страна вслѣдствіе усобицъ между разными членами Чингисова рода. О генеалогіи Джагатаидовъ, на долю которыхъ достался Мавераннагръ, г. Вамбери имѣетъ самыя смутныя понятія: такъ, Кабульшаха считаетъ онъ послѣднимъ отпрыскомъ этого рода (р. 157), и при такомъ незнаніи дѣла, имѣетъ еще дерзость обвинять Мирхонда (*ibid*) въ томъ, что этотъ персидскій историкъ ошибается, говоря, что Джагатаиды являются позже государями въ Четейскомъ улусѣ и въ Монголіи, когда обстоятельство это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Со всѣмъ тѣмъ, принимая во вниманіе отсутствіе обильныхъ источниковъ для исторіи Джагатаидовъ, приходится отозваться о девятой главѣ, что она—изъ наиболѣе удовлетворительныхъ въ книгѣ г. Вамбери. Весьма вѣрно замѣчаетъ онъ, что именно въ періодъ Джагатаидовъ получили въ Мавераннагрѣ то огромное значеніе, какимъ пользуется тамъ доселѣ мусульманское духовенство, разныя религіозныя учителя, такъ какъ подъ монгольскимъ владычествомъ только у нихъ и могло населеніе страны находить опору, защиту и утѣшеніе (р. 160).

Но вотъ выступаетъ на историческую сцену лицо, о которомъ писатели, въ родѣ г. Вамбери, любятъ распространяться въ громкихъ и пышныхъ фразахъ—громный Тамерланъ: и нашъ историкъ Бухаринъ не пропускаетъ, разумеется, случая явить себя панегиристомъ такого героя, посвятивъ ему 50 страницъ своей книги, именно главы десятую и одиннадцатую. Къ сожалѣнiю, на 50 страницахъ этихъ, однако находимъ мы только промахи разнаго рода и совершенное непониманiе причинъ и характера самыхъ обыкновенныхъ явленiй въ исторiи Средней Азiи. Между тѣмъ, разъясненiе историческихъ противоположностей, соединенныхъ въ лицѣ Тамерлана, было бы задачей весьма новою и интересною, несравненно болѣе интересною, нежели перечень всѣмъ извѣстныхъ и перензвѣстныхъ походовъ этого завоевателя *оныхъ* предѣловъ Мавераннахра — перечень, какимъ г. Вамбери угощаетъ ученый мiръ, забывая, что Шерефъ-эд-Динова и Арабшахова биографiи Тамерлана болѣе ста лѣтъ уже существуютъ въ переводахъ на европейскiе языки. Свою биографiю Тамерлана г. Вамбери начинаетъ открытiемъ, будто титулъ *курканъ* — единственный, какой носимъ былъ этимъ „бичемъ мiра“, есть прозвище его по той отрасли колѣна Берласъ, изъ которой онъ происходилъ (р. 163). Не входитъ въ разсмотрѣнiе того, что именно означаетъ помянутый титулъ, замѣтитъ, что самому Тамерлану происхожденiе этого титула должно быть извѣстно не менѣе, чѣмъ г. Вамбери; Тамерланъ же, въ автобиографiи своей, упоминая о предкѣ своемъ Караджаръ-Ноинѣ, сказываетъ, что въ числѣ другихъ милостей отъ Джагатая, сына Чингисханова, пожалованъ былъ этотъ предокъ его и титуломъ *курканъ* (The Mulfazat-i-Timury, translated by Stewart, р. 28): стало быть, это не прозвище Тамерлана по роду, изъ котораго онъ происходилъ. Замѣчанiе же, что Караджаръ-Ноинъ — лице мнѣшеское, прежде чѣмъ сдѣлалъ его г. Вамбери, сдѣлано уже было г. Дефремери. Венгерскiй историкъ нашъ вообще любитъ приемъ умолчанiя по отношенiю къ тѣмъ ученымъ, у которыхъ заимствуетъ свои соображенiя. Странно также, что во многихъ мѣстахъ цитируетъ онъ текстуально „автобиографiю“ Тамерлана, между тѣмъ изъ ссылки его, внизу страницы 164, слѣдуетъ думать, что онъ знаетъ ее лишь на столько, на сколько говорится объ ней въ Indian Surveys Меркэма (Markham), книгѣ превосходной въ своемъ родѣ, но уже вовсе не пособiи для ознакомленiя съ исторiей джагатайской литературы. На стр. 179-й г. Вамбери пускается въ непривычное для него дѣло — указывать источники; именно указываетъ онъ биографiи Тамерлана, которыми могутъ

пользоваться европейскіе читатели, то-есть, переведенныя на европейскіе языки, и что же?—Забываетъ упомянуть о такихъ источникахъ, какъ Арабшахъ, какъ „автобіографія“ и „приказы“ (*тазукатъ*) самого Тамерлана, давно переведенныя Манжеромъ, Дэви и Ствартомъ. На той же страницѣ толкуеть онъ, что *Тохтамышъ* — имя ново-джагатайскаго, тогда какъ это, можно сказать, одно изъ древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ собственныхъ именъ туранскихъ, и значить не „вѣчный“ или „неподвижный“, какъ утверждаетъ г. Вамбери, а „жолдугъ“. Значеніе „вѣчнаго“ приписываетъ ему нашъ историкъ-лингвистъ на томъ основаніи, что какой-то Коканецъ, сынъ котораго звался *Тохта*, перекрестилъ его, на глазахъ г. Вамбери, въ *Бахъ*, что по-арабски значить „вѣчный“. Хорошо основаніе, нечего сказать! Что, излагая походъ Тамерлана противу Тохтамыша, г. Вамбери не пользовался специальнымъ изслѣдованіемъ объ этомъ походѣ, написаннымъ профессоромъ Шармуа (на французскомъ языкѣ), это, само собою разумѣется: гдѣ ему знать про такія специальности, когда онъ даже Дегины не читалъ. И что всѣ отдѣльные промахи его въ сравненіи съ аналогіею Тамерлана на стр. 195 — 197, гдѣ онъ старается оправдать жестокости его и алчность къ завоеваніямъ: тутъ-то обнаруживается вся глубина историческаго пониманія, какимъ одаренъ знаменитый путешественникъ и публицистъ. Слѣдующія вѣтъ шесть страницъ — выписка изъ разказовъ Рюи Гонзалеса-де-Классико, пріѣзжавшаго посломъ къ Тамерлану отъ Генриха III, короля Кастильскаго. О существованіи Шильтбергера и его разказовъ Вамбери не знаетъ. Извѣстную надпись на печати Тамерлана читаетъ онъ Rusti-Rasti и переводить „правосудіе есть сила“, тогда какъ надо читать Расти-рести, что значить: „правъ будешь, безонасень будешь“ или „лишь въ правдѣ спасеніе“. На стр. 210-й извѣстный мусульманскій ученый Тафтазани является съ непонятнымъ предикатомъ *улама*, а на слѣдующей страницѣ писателю Джезери, современнику Тамерланову, приписывается составленіе арабскаго словаря, авторомъ котораго былъ не *Джезери*, а *Джоугери*, жившій за четыре вѣка до Тамерлана.

Въ исторіи Тимуридовъ, составляющей содержаніе XII-й главы, г. Вамбери приписываетъ сановнику Халилеву, Худайдаду (р. 216), написаніе житія Халили, знаменитой Шади-Мульк (въ которую мужъ ея былъ страстно влюбленъ), тѣхъ оскорбленій, которымъ, по всѣмъ историкамъ, подвергъ ея дядя Халилевъ, Шахрухъ. И дѣлаетъ это г. Вамбери не отъ признанія, а вслѣдствіе того, что онъ глубокой пси-

хологъ; „Шахрухъ“, говоритъ онъ (р. 216), — „самъ одержимъ былъ романическою страстью къ женѣ своей Джоугеръ-Шада, каковымъ же образомъ былъ бы онъ способенъ тервать своего большого любовью племянника?“ И вслѣдствіе такого пониманія человѣческаго сердца, историкъ считаетъ справедливымъ и логичнымъ взвалить поступки одного человѣка на шею другому, вовсе въ нихъ неповинному. Оказывается, что психологія его стѣбитъ его логику и наоборотъ. Изъ примѣчанія же о Худайдадѣ оказывается и другое — что едва ли не смѣшиваетъ онъ этого сановника Халилеа съ Худайдадомъ, сыномъ Пуладчиевымъ, знаменитымъ улуснымъ княземъ во владѣніяхъ Четейскихъ Джагатаидовъ. Можно заключать объ этомъ смѣшеніи по тому также, что г. Вамбери заставляетъ своего Худайдада (по прозванію Хусейни) дать въ управленіе захваченному имъ Халилю — Капгаръ (р. 215), когда Капгаръ находился въ рукахъ Худайдада Пуладчиева. На стр. 217, внизу, гдѣ напечатано *Халиль*, надо читать *Шахрухъ*. Такая замѣна, конечно, не иное что, какъ *l'avis salami*; но не можемъ мы объяснить столь же снисходительно утвержденія, что шейхъ Нуръ-эд-Динъ, возставшій противу Шахруха, разбить былъ военачальникомъ послѣдняго Шахмудькомъ, тогда какъ наоборотъ, Шахмудькъ былъ дважды разбитъ Нуръ-эд-Диномъ, и послѣдній долженъ былъ бѣжать (и то не въ Тапкентъ, куда просылаетъ его г. Вамбери), лишь вслѣдствіе пораженія, нанесеннаго ему самимъ Шахрухомъ. Затѣмъ (р. 218) Улугъ-бека, сына Шахрухова, заставляетъ нашъ историкъ воевать съ Монголами (онъ не знаетъ, что со времени Тимура Монголами, *Мочуль*, историки мусульманскіе называютъ не Монголовъ, а тюркскихъ подданныхъ Джагатаидовъ, властвовавшихъ въ Джунгаріи и западныхъ частяхъ нынѣшнихъ Кыргызскихъ степей), и проникать до Аксу (въ Восточномъ Туркестанѣ), когда источникъ его, Абдъ-эр-Реззакъ говоритъ не объ Аксу, а объ *Акси*, старинной столицѣ Ферганы. Въ прибавокъ къ этому, объ астрономическихъ таблицахъ Улугъ-бека г. Вамбери трактуетъ со словъ того же источника, который повѣдалъ ему и объ „автобіографіи“ Тамерлана — со словъ Меркема!

Не имѣя подъ руками того мусульманскаго писателя, который служилъ руководителемъ нашему историку въ разказахъ о Тимуридахъ (то-есть, Абдъ-эр-Реззака, которымъ могли пользоваться лишь въ переводѣ Катрмера, остановившемся на 1420 годахъ), и будучи лишены тѣмъ возможности повѣрить, на сколько безошибочно передаетъ онъ его, мы не войдемъ въ дальнѣйшее рассмотрѣніе XII главы.

Но, кажется, достаточно и приведенныхъ примѣровъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ небрежно относится къ источникамъ своихъ авторъ „Бухарской Исторіи“, какъ плохо понимаетъ онъ ихъ, и какъ, вслѣдствіе того, перенутиваетъ и искажаетъ событія. Славу свою, какъ историка, г. Вамбери основываетъ, впрочемъ, не столько на рассмотрѣнной нами части его труда, сколько на той, которую еще остается разсмотрѣть — на изложеніи судьбы Бухаріи со времени водворенія въ ней Узбековъ. Посмотримъ же, лучше ли она того, что видѣли мы до сихъ поръ.

„Одною изъ самыхъ сочувственныхъ чертъ въ характерѣ Тюркскаго народа (не „народа“, а „племени“, долженъ былъ сказать г. Вамбери, потому что единаго Тюркскаго „народа“ нѣтъ на свѣтѣ, а есть нѣсколько народовъ Тюркскаго племени) былъ всегдашній обычай его усвоить себѣ въ качествѣ прозвищъ имена тѣхъ государей, которымъ славныя царствованія ихъ или подвиги на благо общее дали право на благодарность потомства“. Такъ начинаетъ г. Вамбери тринадцатую главу своей „Исторіи“, трагую о началѣ узбекскаго владчества въ Бухаріи, и надо сказать, начинаетъ крайне неудачно. Откуда взялъ онъ, что подобный обычай существовалъ у Тюркскаго народа, когда въ исторіи ихъ не встрѣчаемъ ни одного тому примѣра? Взялъ онъ это, не показывая, разумѣется, источника своего, у Бентинка, изъ его примѣчаній къ французскому переводу Абульгази, на стр. 458. Совершая этотъ плагиатъ, г. Вамбери не замѣтилъ, что простительное учепому началу XVIII столѣтія не можетъ быть отпущено писателю второй половины XIX вѣка. Нельзя въ наше время говорить серьезно, что *Момоли* получили имя отъ своего *Момуль-хана*, а *Татары* — отъ *Татаръ-хана*. По къ Бентинковымъ примѣрамъ г. Вамбери прибавляетъ одинъ отъ себя: такъ, дескать, и нынѣшніе *Османлы* (Константинопольскіе Турки) зовутся въ память предводителя своего *Османа*. Да, дѣйствительно, нынѣшніе *Османлы* зовутся по имени *Османа*, сына Эртогрулева, но не въ память о немъ. Сподвижники *Османа*, шайка, атаманомъ которой онъ былъ, получила и приняла прозваніе *Османчиковъ*, подобно тому, какъ въ наше время сподвижники *Гарибальди* носятъ прозваніе *Гарибальдійцевъ*, какъ разбойники изъ шаекъ *Лисовскаго*, въ началѣ XVII вѣка грабившіе Россію, извѣстны были подъ именемъ *Лисовчиковъ*; а въ послѣдствіи имя *Османчиковъ* распространилось на весь разноплеменный сбродъ, который стапвился подъ знамена премяиковъ Османовыхъ. Но „народа“, о которомъ можно было бы сказать, что онъ принялъ имя

Османы, не существовало и не существуетъ. Какое же, впрочемъ, все это имѣетъ отношеніе къ *Узбекамъ*? То, что и это народное имя г. Вамбери считаетъ принятымъ усвоившими его себѣ тюркскими родами — въ память золотоордынскаго хана *Узбека*, какъ утверждаетъ это и хивинскій историкъ Абульгази. Но, вѣдь, Абульгази вѣритъ и тому, что Турки произошли отъ Туреа, сына Іафетова, а намъ повторять за нимъ такой вздоръ не позволительно. Если допустить, что Узбеки приняли это имя въ память о ханѣ Узбекѣ, то придется допустить и существованіе благодѣтельнаго хана по имени *Казакъ*, отъ котораго долженъ былъ заимствовать имя свое ипнѣшній народъ *Казакскій* (нами неправильно называемый *Киргизъ-Кайсаками*, или просто *Киргизами*). Дѣло въ томъ, что Абульгазію, какъ и намъ до сихъ поръ, вовсе не было извѣстно, когда именно и вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ возникло въ степяхъ, къ сѣверу отъ Сырь-Дарьи и Аральскаго моря, имя *Узбековъ*, подъ которымъ населеніе этихъ степей стало упоминаться у мусульманскихъ историковъ съ половины XV столѣтія. Какъ Азіатецъ, не имѣвшій понятія объ исторической критикѣ, Абульгази не задумался отнестя происхожденіе этого имени къ хану Узбеку; но намъ въ XIX вѣкѣ слѣдуетъ быть осмотрительнѣе татарскихъ умниковъ XVII вѣка, и если мы не знаемъ чего положительнаго, такъ и говорить слѣдуетъ, что не знаемъ, а не придумывать или повторять недѣльными басни. „Недѣliness“, говорю я, потому что въ Золотой-Ордѣ, гдѣ властвовалъ Узбекъ-ханъ, никакихъ Узбековъ никогда не было, а появились Узбеки въ Синей ордѣ, на которую власть Узбекъ-хана не простиралась, и появились не ранѣе, какъ черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти. Выходитъ по Вамбери, что надо было пройти цѣлому столѣтію, пока населеніе Синей орды разжевало заслуги хана Узбека и вздумало признать ихъ усвоеніемъ себѣ его имени. Да, вѣдь, это на столько же возможно, на сколько вѣроятно было бы, чтобы въ началѣ текущаго столѣтія, Поляки, проникшись уваженіемъ къ заслугамъ Петра Великаго, прозвались вдругъ *Петроуцами*. Впрочемъ, по г. Вамбери, имя Узбековъ упоминается уже современникомъ Узбекъ-хана, знаменитымъ арабскимъ путешественникомъ Ибнъ-Батутю, но какъ ухитрился нашъ историкъ открыть у Ибнъ-Батуты мѣста, гдѣ это упоминается, остается тайною, такъ какъ онъ ихъ не указываетъ; а мы такихъ упоминаній у Ибнъ-Батуты не находимъ, да увѣрены, что и быть ихъ не можетъ.

Влнстательно объяснивъ, такимъ образомъ, происхожденіе Узбе-

ковъ, г. Вамбери переходитъ прямо къ извѣстному хану узбецкому Абуль-Хайру, сказывая о немъ, „будто имя его встрѣчается въ спискѣ князей вассаловъ, которые, во времена Іоанна III Васильевича, отказались отъ повиновенія Сарайскому властителю и стали государствовать въ качествѣ „аксакаловъ“ или независимыхъ хановъ“. Желали бы мы видѣть тотъ списокъ, въ которомъ аксакалы приравняются къ ханамъ, и Абуль-Хайръ представляется вассаломъ сарайскаго властителя, еслибы только существовалъ подобный списокъ; но, увы, существуетъ онъ лишь въ воображеніи г. Вамбери, равно какъ и тотъ фактъ, будто „въ виду бури, подымавшейся на сѣверѣ христіанскаго міра противу мусульманскаго владычества, Абуль-Хайръ удалился (откуда? Повидимому съ береговъ Волги, изъ волотоординскаго улуса) постепенно съ шатрами и стадами своихъ кочевниковъ, и нашелъ убѣжище въ восточныхъ степяхъ“ (какъ опредѣлительно!). По всѣмъ извѣстнымъ источникамъ, Абуль-Хайръ былъ потомкомъ брата Батыева, Шейбани, имѣвшаго свой особый улусъ, никогда вассаломъ волотоординскихъ Батуханидовъ не считался, и отъ нихъ не отпочковывалъ, а властвовалъ всегда въ предѣлахъ Сіней орды, какъ государь независимый, въ силу наслѣдственнаго на то права. Можно ли извращать факты и отношенія такимъ безцеремоннымъ образомъ, какъ дѣлаетъ это Вамбери? Тутъ же Кичикъ-Мухаммедъ является у него ханомъ Сіней орды, вмѣсто Золотой, и притомъ послѣднимъ, когда послѣ него властвовалъ и наводилъ трепеть на Россію Сейидъ-Ахмедъ. Тутъ же Ахмедъ-Исави называется „національнымъ святымъ“ Узбековъ, и Узбеки эти представляются вторгающимися въ Мавераннагръ въ одеждѣ изъ „конскихъ кожъ“ Затѣмъ дальнѣйшія судьбы Абуль-Хайра и его потомства излагаются по Абульгазію — писателю, котораго Европа уже полтора столѣтія знаетъ въ французскомъ переводѣ, по Бабуру, записки котораго болѣе сорока лѣтъ уже существуютъ въ переводѣ на англійскій языкъ, и по другимъ извѣстнымъ сочиненіямъ съ прибавкою неважныхъ подробностей лишь изъ одного новаго источника, поэмы *Шейбани-Намэ*, по за то съ промахами въ родѣ того, что джагатаидъ Махмудъ-ханъ сынъ Юнусъ-хановъ и самый этотъ Юнусъ-ханъ представляются по отношенію къ Тимуридамъ и Шейбани-хану узбецкому бунтовщиками (р. 262). Это, въ нѣкоторомъ отношеніи, радикальнѣе даже чѣмъ мысль русскаго простонародья, которое, когда заводится у насъ война съ Турками, выражается не иначе, какъ говоря, что „турецкій султанъ опять противъ Нашего забунтовалъ“. Завоеватель Маве-

рашпагра и водворитель узбекаго въ немъ господства, Мохаммедъ-Шейбани, является, конечно, у г. Вамбери въ образѣ героя, на томъ основаніи, что кому удалось, тотъ не можетъ не быть героемъ. Въ заключеніе узнаемъ, что существовало на свѣтѣ „исторически знаменитое царство Трансоксанское“ (р. 270), о которомъ, однакоже, никто доселѣ, кромѣ г. Вамбери, не слыхивалъ.

Исторія преемниковъ Шейбаниа въ Мавераннагрѣ посвящена глава XIV-а. Известно, что исторія эта представляется весьма запутанною въ началѣ какъ у писателей служащихъ источниками, такъ и у Европейцевъ писавшихъ о предметѣ. Слѣдовало ожидать, что новѣй историкъ Бухаринъ разсмотритъ встрѣчающіяся противорѣчія и выяснитъ удѣльное устройство узбекской монархіи, ибо таковою была она несомнѣнно въ продолженіе довольно долгаго времени; но у него ни слова не находимъ ни о противорѣчіяхъ въ источникахъ, ни даже объ удѣльномъ устройствѣ узбекаго царства. Онъ излагаетъ событія, какъ будто - бы въ нихъ не было ничего темнаго, и въ добавокъ, не указываетъ, откуда беретъ матеріалъ для такого изложенія. Со смертію Мохаммедъ-Шейбани, павшаго въ битвѣ съ Исмаиломъ Сефеви, султаны узбекіе лишились главы; между тѣмъ читаемъ, что вслѣдъ затѣмъ съ Исмаиломъ заключенъ былъ договоръ, по которому границею между узбекскими и сефевидскими владѣніями постановлена была Аму-Дарья (р. 273): съ кѣмъ же изъ узбекскихъ владѣтелей заключенъ былъ этотъ договоръ, кто же изъ нихъ имѣлъ право заключить его, не спрашиваясь остальныхъ? Г. Вамбери обходитъ этотъ вопросъ. Убитъ былъ Шейбани неожиданно для него; между тѣмъ читаемъ, что при смерти своей далъ онъ въ удѣлъ старшему сыну своему и предположенному наслѣднику престола, Мохаммедъ-Тимуръ султану, Самаркандъ, Кешъ, Міянкаль и даже Бухару съ Каракулемъ, составлявшіе передъ тѣмъ удѣлъ брата Шейбаниева, султана Махмуда (р. 264): какъ же могъ Шейбани сдѣлать это распоряженіе при смерти, когда палъ въ битвѣ, вовсе не ожидая смерти? По г. Вамбери, этотъ Махмудъ и наслѣдовалъ отцу въ Бухарѣ, но провластвовалъ лишь нѣсколько дней (р. 274), и погибъ, по видимому, насильственною смертію; между тѣмъ, по другимъ извѣстіямъ, Махмудъ властвовалъ не въ Бухарѣ, а въ Самаркандѣ, и даже начальствовалъ надъ тою арміею, которая, въ 1512 году (три года по смерти Шейбани), разбила Бабуръ, отнявшаго было отъ Узбековъ Бухару и Самаркандъ. По г. Вамбери, Кучкунджи султанъ былъ избранъ въ преемники Шейбанию еще до вторженія Бабуръ въ Мавераннагръ, тогда какъ, по досто-

вѣрнѣйшимъ источникамъ, это произошло уже послѣ Гиджуванской битвы. Такихъ и подобныхъ противорѣчій не слѣдовало проходить молчаніемъ. Далѣе, по г. Вамбери, Убейдъ-ул-Лахъ, племянникъ Шейбаніевъ, является по отношенію къ Кучкунджи, до самой смерти послѣдняго, какъ-бы генералиссимусомъ его, на дѣлѣ между тѣмъ былъ онъ только удѣльнымъ княземъ Бухарской области. О другихъ удѣлахъ даже и не упоминается. По этому предмету находимъ лишь такую фразу: „Управленіе Трансоксаніей было до сихъ поръ (до смерти Убейдуллаха въ 1539 году) раздѣлено болѣе или менѣе между дѣтьми Кучкунджи и Шейбанія, послѣдствіемъ чего явилась общая замѣтка между Узбеками по смерти Убейдуллаха“ (р. 281). Что относительно раздѣленія, о которомъ тутъ говорится, г. Вамбери имѣлъ крайне сбивчивое представленіе, видно изъ того что дѣлежъ, по словамъ его, имѣлъ мѣсто лишь между дѣтьми Кучкунджи и Шейбанія, когда слѣдовало связать „между потомствомъ Абуль-Хайра“, ибо сынъ послѣдняго Сіюнджъ-Ходжа имѣлъ удѣломъ Ташкентъ, а внукъ Абульхайровъ Джанибекъ—Міянваль и Согдъ съ Нуромъ. Мавераннагръ считался, значить, общимъ достояніемъ не Шейбаніева, а Абуль-Хайрова рода, почему и династія, которая именуется у г. Вамбери (какъ и у его предшественниковъ, но онъ не признаеть ихъ существованія) *Шейбанидами*, правильнѣе было бы называть *Абульхайридами*. То же непониманіе родовыхъ отношеній между узбецкими султанами заставляеть г. Вамбери считать избраніе на ханство, по смерти Убейдъ-ул-лаха, сыновей Кучкунджія, Абдъ-ул-лаха и затѣмъ Абдъ-уль-Латифа, дѣломъ партіи (р. 281), когда это было совершенно законно, то-есть, согласно съ узбецкими обычаями, и представлять Абдъ-уль-Азиза сына Убейдуллахова верховнымъ ханомъ, когда таковымъ, до самой смерти своей въ 1551 году, оставался Абдъ-уль-Латифъ, Абдуль-Азизъ же властвовалъ, съ 1541 по 1551, лишь въ качествѣ удѣльнаго Бухарскаго князя. Далѣе, преемникомъ Абдъ-уль-Азиза на ханствѣ называется у г. Вамбери Мухаммедъ-Яръ, а преемникомъ послѣдняго—Бурганъ, тогда какъ оба они были удѣльными князьями въ Бухарѣ, ханское же достоинство, по смерти Абдъ-уль-Латифа, досталось Ноурузъ-Ахмеду, сыну Сіюнджъ-Ходжи, а по смерти Ноурузъ-Ахмеда въ 1556 году—Пиръ-Мохаммеду, сыну Джанибексову, который и ханствовалъ по 1561 годъ. У г. Вамбери даже именъ этихъ хановъ не упоминается. Нѣтъ, виновать, о Ноурузъ-Ахмедѣ упоминается, но какъ? не какъ о законномъ хлѣѣ узбецкомъ, а какъ о джагатаидѣ, сынѣ Махмудъ-хана, страшномъ врагѣ Узбековъ, жестокомъ тиранѣ, разорившемъ

и опустошившемъ Мавераннагръ отъ Отрара до Бухарі! Да, вѣдь, это то же самое, еслибы кто написалъ что Іоаннъ III Васильевичъ былъ золотоордынской ханъ, опустошившій Россію отъ Саратова до Москвы. Такъ внимательно вникалъ историкъ Бухарія въ событія того уже періода, въ которомъ каждое слово свое считаетъ онъ открытіемъ для Европы. Выставляя, и справедливо, Абдъ-ул-Лаха сына Искандера самымъ замѣчательнымъ въ ряду Шейбанидскихъ государей, г. Вамбери даже и объ этой знаменитости знаетъ такъ мало, что заставляетъ ее выступать впервые на историческую сцену не ранѣе 962 года гиджры, когда Абдъ-ул-лахъ этотъ задолго уже до того смущалъ честолюбіемъ своимъ весь Мавераннагръ. И все это вранье украшаетъ одну 282 страницу. На слѣдующей страницѣ онъ смѣшиваетъ Ноурузъ-Ахмеда (котораго постоянно называетъ Боракомъ) съ Бурганъ-султаномъ, удѣльнымъ княземъ Бухарскимъ, и заставляетъ Абдъ-ул-Лаха убивать Бургана, когда этотъ послѣдній погибъ отъ руки совсѣмъ другаго лица. Затѣмъ читаемъ: „Изгнавъ, такимъ образомъ, вторгнувшихся въ страну враговъ (никакіе враги не вторгались — за врага принялъ г. Вамбери, какъ сказано, законнаго хана Ноурузъ-Ахмеда — и ни какихъ враговъ онъ не изгналъ — „изгнашіемъ“ названъ здѣсь захватъ Абдуллахомъ Бухары, принадлежавшей родственнику его Бурганъ-султану) и твердо возстановивъ этимъ владѣчество Шейбанидовъ въ Трансоксаніи (которое не подвергалось ни какой опасности извнѣ, да притомъ Абдулахъ и шейбанидомъ-то не былъ), Абдулахъ, подражая Шейбанию и Убейдуллаху, которые хотя и были дѣйствительными владѣльцами страны, предоставляли однакоже престолъ другимъ, чтобы съ болѣею свободою подвизаться на военномъ поприщѣ, посадилъ отца своего Искандера на тронъ въ Самаркандѣ, а самъ сталъ во главѣ военныхъ силъ, чтобы возвратить царству Шейбанидовъ его врѣзнія границы“ (р. 284). Тутъ, что ни слово, то совершенное непониманіе обстоятельствъ и извращеніе фактовъ. Шейбани никому не уступалъ престола; Убейдулахъ видѣли мы, не могъ уступить его, потому что до 939 года гиджры былъ, по праву и въ дѣйствительности, лишь удѣльнымъ бухарскимъ княземъ; да и Абдулахъ, когда одолѣлъ Бургана и завладѣлъ Бухарою, сдѣлался вслѣдствіе того тоже не болѣе какъ удѣльнымъ княземъ Бухарской области, и престоломъ ханства располагать не могъ: ханомъ былъ въ это время (въ 964 году гиджры) дядя его Пиръ-Мухаммедъ, пользовавшійся ханскимъ достоинствомъ съ 963 года, то-есть съ самой смерти Ноурузъ-Ахмеда, вплоть до 968: только

въ этомъ послѣднемъ году, по изложеніи Пиръ-Мухаммеда, избранъ былъ ханомъ отецъ Абдуллаха, Искандеръ.

Съ такимъ же отсутствіемъ пониманія юридическихъ отношеній въ потомствѣ Абуль-Хайра, владѣніемъ Бухаріей, и съ такого же рода промахами излагается у г. Вамбери и остальное время господства этого рода до конца XVI столѣтія. Потому это преимущественно, что хвалясь обиліемъ новыхъ источниковъ, неизвѣстныхъ до него ориенталистамъ, онъ не пользовался, и даже не зналъ о ихъ существованіи, такими какъ *Дуббъ-уль-Теварихъ* Казвинія и *Абдуллахъ-Намъ* Хафизъ Таныша, или хотя извлеченіями изъ нихъ, изданными академикомъ Вельяминовымъ-Зерновымъ, которому принадлежитъ также и честь разъясненія, уже около пятнадцати лѣтъ тому назадъ, бѣльшей части недоразумѣній по отношенію къ потомству Абульхайра въ Бухаріи, въ омутѣ коихъ совершенно погрязъ нашъ новый историкъ ея, разрабатывавшій, по словамъ его, поле, нѣкимъ до него не тронутое. Сбилъ его также съ толку и главный источникъ, которымъ онъ руководствовался—*Тарихи-Мукимъ-Хами*: читая его, онъ не замѣтилъ, что это исторія не всего Мавераннахра подъ узбекскимъ владычествомъ, а лишь одного Бухарскаго удѣла, почему г. Вамбери и возводятъ ностоянно удѣльныхъ султановъ Бухарской области въ санъ верховныхъ хановъ или хакановъ, а о существованіи этихъ послѣднихъ остается въ невѣдѣніи, или считаетъ ихъ интриганамъ и даже чужеземцамъ, вторгающимися въ Бухарію. Хорошо вышелъ бы удѣльный періодъ русской исторіи, еслибы кто изложилъ его, какъ изложилъ г. Вамбери Бухарскую исторію XVI столѣтія.

Исторію такъ-называемой Астраханской династіи—мы предпочли бы называть ее, согласно съ Френомъ, *Джанидами*—находимъ у Вамбери, въ XV-й и XVI-й главахъ его книги, изложенною за XVII-й вѣкъ по *Тарихи-Мукимъ-Хами* съ дополненіями изъ Абульгази и другихъ извѣстныхъ источниковъ. Новаго тутъ встрѣчается весьма мало, но за то ибѣтъ и такихъ промаховъ, какъ въ другихъ частяхъ книги. Съ начала XVIII столѣтія восточные источники для исторіи Бухаріи, можно сказать, иссякаютъ; приходится извлекать факты для нея преимущественно изъ сказанія Европейцевъ, попадавшихъ въ страну такъ или иначе, и немногихъ описанныхъ доселѣ монетъ послѣднихъ Астраханцевъ. О нумизматикѣ, какъ пособіи для исторіи, г. Вамбери и попыткіи не имѣеть: во всей книгѣ своей онъ ни разу не прибѣгаетъ къ этому источнику, и ему совершенно неизвѣстны труды ориенталистовъ по этой части. Европейцы же, забравшіеся въ Бухарію въ теченіе

XVIII вѣка, были почти исключительно наши соотечественники, оставшіе записки свои на русскомъ языкѣ, котораго Вамбери не знаетъ, слѣдовательно, и записками этими пользоваться не въ состояніи, если бы даже извѣстно ему о существованіи такого рода источниковъ ¹⁾. Но не только о нихъ, не знаетъ Вамбери даже и про свѣдѣнія, собранныя позже Изветъ-ул-Лахомъ и давно переведенныя на англійскій и французскій языки. Легко представить себѣ, какъ коротка, вслѣдствіе того, вышла у него исторія Бухаріи въ теченіе большей части XVIII вѣка. Походъ Надиръ-шаха на Мавераннагръ въ правленіе Абуль-Фейзъ-хана разказать, разумѣется, по историку Надирову, Мирзѣ-Мегди, но при этомъ приписывается Абуль-Фейзу сорокалѣтнее царствованіе, а въ другомъ мѣстѣ даже почти пятидесятилѣтнее (pp. 338 и 343), хотя, по собственнымъ словамъ г. Вамбери, этотъ ханъ вступилъ на престолъ въ 1717, а лишился жизни въ 1737 году; между тѣмъ извѣстна монета Абуль-Фейзова, битая въ 1154 году гиджры, свидѣтельствующая, слѣдовательно, что въ 1741—1742 году по Р. Х. ханъ этотъ еще здравствовалъ, а по другимъ основаніямъ приходится думать, что погибъ онъ именно въ 1747, то-есть, десятью

¹⁾ Историческимъ содержаніемъ источники эти, конечно, не обильны, но все таки изъ нихъ, какъ современныхъ и принадлежащихъ очевидцамъ, опытная рука извлечь пользу. Считаю потому недлиннымъ указать на нихъ. Это: 1) Донесенія и письма *Флоріо Беневени*, секретаря «оріентальной экспедиціи Посольскаго Приказа», отправленнаго Петромъ Великимъ въ Бухарію, и оставшагося тамъ съ осени 1721 до весны 1725 года. Изданы *А. Н. Поповымъ* въ IX томѣ «Записокъ» И. Русскаго Географическаго Общества; 2) Показаніе Грена *Николая Гуморьева*, болѣе десяти лѣтъ торговавшего въ Бухаріи, снятое съ него въ Оренбургѣ въ 1752 году и напечатанное *В. В. Великимъ-Зерновымъ* въ его «Историческихъ извѣстіяхъ о Киргизъ-Кайсакахъ», Уфа, 1853; 3) Воспоминанія *Филиппа Ефремова*, который, около 1774 года, попалъ въ Бухарію невольникомъ, принять былъ тамъ въ военную службу, служилъ нѣсколько лѣтъ, участвуя въ разныхъ походахъ, и наконецъ, ѣхалъ въ Россію черезъ Индію; воспоминанія эти изданы были самимъ Ефремовымъ въ Петербургѣ, въ 1786 году, подъ заглавіемъ: «Россійскаго утѣрь-ошицера Кермова, шифъ коллежскіи ассессора, десятилѣтнее странствованіе и приключеніе въ Бухаріи, Хивѣ, Персіи и Индіи»; 4) Записки горнаго чиновника *Тимофея Буржишова*, ѣздившаго въ Бухару въ 1794 и возвратившагося оттуда въ 1795 году; напечатаны въ извлеченіи, сдѣланномъ *Г. И. Спасскимъ*, въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» за 1818 годъ. Кроме того, извѣстія о событіяхъ въ Бухаріи за XVIII столѣтіе нѣются и у русскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ эту страну уже въ XIX-мъ, какъ у *Мейендорфа*, *Эвермана* и другихъ. Изъ г. Вамбери тоже не пользовался, хотя *Мейендорфъ* писалъ по-французски, а *Эверманъ* по-нѣмецки.

годами позже, чѣмъ морить его г. Вамбери. Да въ другомъ мѣстѣ (р. 342) г. Вамбери самъ говоритъ о встрѣчѣ Надиръ-шаха Абуль-Фейзомъ въ 1740 году. То, что годуется на стр. 341-й объ измѣнѣ Рахимъ-Бія, выдуманно впервые Борнсомъ, а г. Вамбери, не выкинувъ въ дѣло, повторяетъ Борнса, хотя и не цитируетъ своего источника. О службѣ Рахимъ-Бія въ Персіи у Надиръ-шаха не упоминается; между тѣмъ этому именно обстоятельству обязанъ былъ Рахимъ-Би возможностью забрать впоследствии въ свои руки власть надъ Бухарією, низвергнуть Абуль-Фейза-хана и лишить его жизни. Упомянувъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, нашъ историкъ Бухаріи продолжаетъ: „Подобная участь постигла и его сына, который женатъ былъ на дочери Рахима; и хоти третій еще государь, тоже, сказываютъ, астраханидъ по происхожденію, обдеченъ былъ призрачною верховною властію, дѣйствительно же (in point of fact) Абуль-Фейзомъ заключается рядъ правителей изъ этой династии“ (р. 343). Изъ чего же слѣдуетъ такое заключеніе относительно Абуль-Фейза, когда и онъ былъ въ рукахъ Рахимъ-Бія точно такою же куклою, какъ и его преемники, которыхъ, повидимому, даже и имена неизвѣстны г. Вамбери? Перваго изъ этихъ преемниковъ звали — скажемъ въ назиданіе г. Вамбери — *Абуль-Муминомъ*, и пользовался онъ ханскимъ титуломъ, можно полагать, въ 1747—1751 годахъ; во всякомъ случаѣ извѣстны монеты его съ обозначеніемъ 1160 и 1163 годовъ гиджри (= 1747 и 1750 по Р. Х.). Что же касается до преемника Абдуль-Муминова, то звался онъ *Убсидъ-ул-Лазъ*, и къ Астраханской династии едвали принадлежалъ. Напротивъ того, есть показанія, что съ Абдуль-Муминомъ астраханская династія не прекратилась, такъ какъ Абуль-Гази, послѣ него носившій ханскій титулъ, приходился двоюроднымъ племянникомъ Абуль-Фейзу, да и самъ г. Вамбери называетъ этого Абуль-Гази (неизвѣстно только на какомъ основаніи) внукомъ Абуль-Фейзовымъ. Такимъ образомъ, собственно этотъ внукъ или племянникъ Абуль-Фейза, а не самъ Абуль-Фейзъ, долженъ считаться послѣднимъ астраханцемъ на престолѣ Бухаріи. И едва ли въ 1199 году гиджри лишенъ былъ Абуль-Гази престола Шахъ-Мурадомъ, какъ читаемъ у Вамбери (р. 350), ибо имѣемъ монету этого хана съ обозначеніемъ на ней 1200 года гиджри, о чемъ, разумѣется, историкъ Бухаріи не вѣдаетъ, хотя это извѣстно уже около семидесяти лѣтъ.

Послѣдняя, до сего дни властвующая въ Бухарскомъ ханствѣ, династія называется *Мангитскою*, по тому узбекскому роду, изъ котораго вышли ея основатели. Объ этихъ основателяхъ и ведется рѣчь въ

XVI главѣ книги, но такъ, что автору ея остается неизвѣстнымъ даже фактъ такой величины, что Мохаммедъ-Рахимъ, о которомъ знаетъ онъ лишь какъ объ аталыкѣ, былъ первымъ изъ мангытскихъ биевъ, принявшимъ ханскій титулъ. Это несомнѣнно, потому что имѣемъ монеты его съ этимъ титуломъ. Мухаммедъ-Рахима г. Вамбери называетъ правильно Рахимъ-Би, но затѣмъ преемника его, Даниель-би, называетъ уже Даниель-бай, и толкуетъ, что *бай* значитъ *superior* *grade*, то-есть „высшій аксакалъ“ (р. 347), а это показываетъ, что ему неизвѣстно настоящее значеніе слова *би* или *бий* у Узбековъ, тѣхъ самыхъ Узбековъ, языкъ и бытъ которыхъ, по убѣжденію его, никто въ Европѣ не знаетъ такъ хорошо, какъ онъ, самъ между ними жившій. О времени смерти Рахимъ-бія и о времени воцаренія Абульгави Даниель-биемъ не говорится у Вамбери; онъ не знаетъ, что Даниель-би былъ роднымъ племянникомъ Мухаммедъ-Рахиму, но за то сочиняетъ, что съ материнской стороны состоялъ онъ въ родствѣ съ Астраханцами. Весьма сомнительно для насъ изводимое на того же Даниель-би обвиненіе въ крайней алчности и жестокости (р. 348), такъ какъ своего источника г. Вамбери не указываетъ, а въ извѣстныхъ намъ ничего подобнаго Даниелю не приписывается. Не былъ также Шахъ-Мурадъ непосредственнымъ преемникомъ Даниеля въ управленіи дѣлами ханства, какъ выходитъ, по видимому, у г. Вамбери, ибо по смерти Даниеля дѣла эти перешли въ заглавыніе кушбегія Доулета, о которомъ у г. Вамбери не упоминается. Скажемъ наконецъ, что есть на персидскомъ языкѣ цѣлая исторія Рахимъ-бія и Даниель-бія, г. Вамбери неизвѣстная, экземпляръ которой, приобретенный въ Бухаріи П. И. Лерхомъ, хранится нынѣ въ бібліотекѣ азіатскаго музея здѣшней академіи наукъ.

Шахъ-Мурадъ, сынъ Даниель-бія — одно изъ замѣчательнѣйшихъ политическихъ лицъ въ новѣйшей исторіи Азіи, и обрисовано оно у Вамбери очень живо и рельефно; но это заслуга не г. Вамбери, а англійскаго историка Перси—Малькольма, у котораго г. Вамбери взяли цѣлкомъ все, что говорится у него о Шахъ-Мурадѣ, при чемъ, какъ и подобаетъ, не промолвился ни единою ссылкою о сдѣланномъ имъ заимствованіи. Пусть желающіе убѣдиться въ этомъ сравнятъ 348—355 и 361-ю страницы разбираемой книги съ 243—261 страницами Малькольмовой *History of Persia* (London, 1815), т. II. Не даромъ г. Вамбери игралъ долгое время роль безстыднаго дервиша: сочиняя книгу на англійскомъ языкѣ, онъ осмѣлился обратить весьма извѣстнаго и уважаемаго въ Англии писателя и думалъ, что никто этого не замѣтитъ!

Для прикрытія, онъ къ изложенію Малькольма прибавилъ лишь нѣсколько промаховъ, которыхъ не находимъ у англійскаго писателя. Къ такимъ промахамъ принадлежитъ утвержденіе, будто Шахъ-Мурадъ, устранивъ хана Абульгавія отъ управленія, вступилъ въ 1784 году на престолъ Бухарскаго ханства (р. 350). Мы уже замѣтили выше, что извѣстны монеты Абульгавія съ обозначеніемъ на нихъ 1200 года гиджры (= 1785—1786): стало быть, если Шахъ-Мурадъ и восходилъ на престолъ, то уже никакъ не въ 1784 году, а позже; но есть уважительныя основанія полагать, что онъ никогда не присвоивалъ себѣ ханскаго титула, никогда не былъ поднимаемъ на войлокѣ (церемонія, равносильная европейской коронаціи), и пока не умеръ Абульгави—а это случилось не ранѣе 1796 года—считался не болѣе, какъ правителемъ ханства съ титуломъ *наибъ*, „наибѣстникъ“, и почетнымъ прозвищемъ *Вели-и-ніемъ*. Монеты, по крайней мѣрѣ отъ имени своего, онъ не чеканилъ, да есть свидѣтельство что и въ *хутбѣ*, „эктеніи“, имъ его не упоминалось, а правомъ бить монету и помянуться на эктеніи и характеризуется на мусульманскомъ востокѣ верховная власть. Умеръ Шахъ-Мурадъ тоже не въ 1802 году, какъ значится у г. Вамбери (р. 360), ибо съ обозначеніемъ 1215 года гиджры (=1801) имѣемъ уже монеты преемника Шахъ-Мурадова, Миръ-Хайдера, почему нельзя сказать, что и воцарился послѣдній, какъ читаемъ у г. Вамбери (р. 362), въ 1803 году. Для исторіи царствованія Миръ-Хайдера не было у г. Вамбери, явно, никакихъ матеріаловъ; даже Изветъ-ул-Лахомъ, даже Мейсндорфомъ онъ не пользовался. Потому и говорятъ онъ, что Миръ-Хайдеръ „въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ наслаждался покойно властію въ своихъ владѣніяхъ“ (р. 363). Еслибъ историку-профессору извѣстны были изданныя мною „Записки“ Мирзы-Шемса, онъ увидѣлъ бы, что не такъ то покойно прошло время правленія Миръ-Хайдера: съ одной стороны, постоянно враждовали съ нимъ хивинскіе ханы, съ другой—бунтовали собственные подданные. И съ чего взяли г. Вамбери, будто Миръ-Хайдеръ властвовалъ подъ именемъ *Эмиръ-Саидъ*'а? Разные титулы сочинялъ онъ себѣ, какъ видимъ изъ его монетъ, по такого титула на монетахъ его не обрѣтается, если только *Said* у г. Вамбери не значить *Сейидъ*. *Сейидомъ*, „потомкомъ Магометовымъ“, Миръ-Хайдеръ дѣйствительно титуловался иногда, на томъ основаніи, что мать его была дочь Абуль-Фейзъ-Хана, а этотъ послѣдній происходилъ отъ Динъ-Мохаммеда (перваго бухарскаго хана изъ Астраханской династіи), который жепать былъ на дочери мрзы Абу-Талиба, дѣйствительно прамого и

послѣдняго потомка халифа Али; но кромѣ этого титула, Миръ-Хайдеръ носилъ, какъ замѣчено, и другія, именно — персидскій *падишаъ* и халифскій *эмиръ-эль-муменинъ*.

Предпослѣдняя, XVIII-я, глава книги посвящена исключительно царствованію эмира Насруллаха, властвовавшаго съ 1826 по 1860 годъ. Исторія царствованія его до 1842 года развѣивается по превосходной книгѣ о Бухаріи соотечественника нашего Н. В. Ханикова, переведенной на англійскій языкъ, и какъ водится у г. Вамбери, ни полусловомъ не проговаривается, о нѣмъ о своемъ источникѣ; да и какъ же было ему упомянуть о трудѣ г. Ханикова, когда онъ считаетъ послѣдняго, можно сказать, личнымъ врагомъ своимъ — за то, что г. Ханиковъ былъ въ Бухаріи прежде его, г. Вамбери, старающагося увѣрить себя самого и весь свѣтъ, что до него никто тамъ не бывалъ, ничего не видалъ и ничего о странѣ не писалъ. Но и г. Ханикова г. Вамбери уродуетъ своими вставками, какъ, видѣли мы выше, уродовалъ Малькольма. Въ видѣ вступленія къ изложенію похода Насруллахова на Коканское ханство, сообщаетъ онъ объ этомъ ханствѣ историческія извѣстія, отъ которыхъ волосъ становится дыбомъ на головѣ каждого сколько-нибудь знакомаго съ исторіей Средней Азіи. Довольно сказать, что коканскаго Мухаммедъ-Али хана онъ ставитъ въ генеалогическую связь съ Кайду-ханомъ XIII столѣтія, не говоритъ ничего ни про Эрдепи-бека, ни про Парбута-бія и его преемниковъ, и увѣряетъ, что нѣтъ никакихъ историческихъ слѣдствій о Коканскомъ ханствѣ за новѣйшее время, а потому, въ изложеніи тѣхъ, которыя имъ самими сообщаются, слѣдуетъ онъ — чему бы вы думали? — разказамъ какого-то Коканца, котораго встрѣтилъ онъ во время путешествія своего по Средней Азіи! Такою же вставкою въ изложеніи г. Ханикова является и утвержденіе, будто въ 1841 году, воюя съ Насруллахомъ, Мухаммедъ-Али не рѣшился вступить съ нимъ въ бой, потому что „значительную часть своихъ силъ долженъ былъ послать въ низовья Сыръ-Дарьи, для наблюденія за Русскими“ (р. 374) — тогда какъ въ 1841 году не только не двигались мы къ низовьямъ Сыръ-Дарьи, но не упрочивали владычества своего въ Киргизской степи даже на шагъ далѣе Орска, построеннаго еще за столѣтіе предъ тѣмъ. Прекращается разказъ г. Ханикова о войнѣ Насруллаха въ Коканіи весной 1842 года — и г. Вамбери не говоритъ уже ничего путнаго ни о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Насруллаха по отношенію къ Коканіи, ни о событіяхъ этой послѣдней. Кстати сказать, извѣстнаго Мусульманъ-Кула весьма серьезно выдаетъ онъ за претендента на коканскій

престолѣ; выдвинутаго Насруллахомъ (р. '876)! Не лучше извѣстны ему и событія въ сосѣдней съ Бухаріей Хивѣ: Рахимъ - Булхана заставляеть онь властвовать тамъ съ 1841 по 1843 годъ (р. '377), когда ханъ этотъ занималъ престолъ въ 1842—1845 годахъ. Что касается до Россіи, объ отношеніяхъ которой къ Бухаріи г. Вамбери заводятъ рѣчь на страницѣ 379, тутъ, разумѣется, нѣтъ мѣри ошибокъ. Первымъ посольствомъ русскимъ въ Бухарію считаетъ онь посольство Негри въ 1820 году, тогда какъ Бухара еще въ 1620 году видѣла русское посольство въ своихъ стѣнахъ. Въ 1834 году, Россія, по г. Вамбери, послала посломъ въ Бухару г. Демевона, а въ 1835—г. Виткевича, въ качествѣ политическаго агента,—того и другаго, чтобы вести переговоры объ освобожденіи русскихъ новольниковъ въ бухарскихъ владѣніяхъ (р. 380),—когда оба помянутыя лица пробирались туда тайкомъ, инкогнито, первый подъ видомъ татарскаго муллы, послѣдній—подъ видомъ киргизца, что, встаети сказать, требовало отъ обоихъ не меньшей рѣшимости, не меньшей ловкости и не меньшаго знакомства съ языками и обычаями Востока, чѣмъ странствованія самого Вамбери подъ видомъ дервиша. Русскія пушки и не думали еще въ то время гремѣть на Сыръ-Дарьѣ, какъ сказываетъ г. Вамбери (*ibid*), и такъ далѣе, и такъ далѣе. Гораздо удовлетворительнѣе изложены вслѣдствіе вслѣдствіе вслѣдствіе сношенія съ Бухарою, начавшіяся посмѣло туда Стодарта въ 1838 году.

Переходимъ къ послѣдней главѣ разбираемой книги, разказывающей о событіяхъ съ 1860 года до настоящаго времени. Здѣсь г. Вамбери постоянно, какъ публицистъ, возбуждавшій Англію противъ Россіи, и на весь свѣтъ кричавшій о нашемъ коварствѣ и алчности къ завоеваніямъ, является совершенно неожиданно апологистомъ русской политики въ Средней Азіи, и даже едва-ли не чрезъ мѣру восхищается нашими тамъ военными подвигами. Рисуемъ, потому, подвергнуться упреку въ пристрастіи, говоря, что конецъ ея книги несравненно лучше середины ея и начала. На первомъ планѣ въ этомъ концѣ являются русскія дѣйствія сначала противъ Коканцевъ, а потомъ и противъ Бухарцевъ. Въ изложеніи ихъ г. Вамбери не восходитъ до русскихъ источниковъ и знаетъ о помянутыхъ дѣйствіяхъ лишь по компиляціямъ англійской Митчелевой (*The Russians in Central Asia, London, 1865*) и нѣмецкой Гельвальдовой (*Die Russen in Central Asien, Wien, 1869*); но какъ это компиляціи очень хорошия, то не много промаховъ встрѣчаемъ и въ его пересказѣ. Укажемъ на нѣкоторые. Упомянувъ по одному случаю о Каршійскомъ округѣ

(р. 392), правителями котораго бывають обыкновенно наследные принцы бухарскіе, г. Вамбери приравниваетъ его къ бывшей французской провинціи Dauphiné, полагая, надо заключать изъ этого, что и наследники французскаго престола, носившіе титулъ дофиновъ, тоже имѣли пребываніе въ Дофинѣ. Нетвердъ, выходитъ, нашъ путешественникъ не только въ бухарской, но и во французской исторіи; охота блеснуть сближеніями есть, да знанія-то недостаетъ. Что ждѣвать, не всякому въ этомъ такая удача, какъ профессору Хвольсону, великолѣпно выяснившему стратегическое положеніе Палестины сравненіемъ ея съ Эльзасомъ. Далѣе, Мусульманъ-Куль опять представляется похитителемъ коканскаго престола (р. 393), говорится о томъ, что его зарѣзали по бухарскимъ интригамъ, и что престолъ достался затѣмъ Худояръ-хану, — когда послѣдній именно Мусульманъ-Кулу и обманъ былъ престоломъ, а Мусульманъ-Кула казнили публично на эшафотѣ, вслѣдствіе общаго возстанія Сартовъ противъ господства Кичаковъ, главою которыхъ онъ былъ. Далѣе, Худояръ-ханъ, донынѣ властвующій, не ввукъ Мухаммедъ-Алію, какъ читаемъ у г. Вамбери (ibid.), а племянникъ ему, потому что отецъ Худояровъ, Ширани, былъ не сынъ Мухаммедъ-Алія, какъ значится у г. Вамбери (р. 375), а двоюродный его братъ. Далѣе, Худояръ-ханъ никогда лично не предводительствовалъ войсками своими противъ Русскихъ, не бывалъ въ Бухаріи до сверженія его Мулла-бекомъ и не встрѣчалъ ворота столицы своей запертыми подъ его носомъ, возвращаясь изъ похода противъ Русскихъ, какъ изобрѣтаетъ все это г. Вамбери одно за другимъ (р. 394): бѣжалъ онъ въ Бухару лишь послѣ того, какъ былъ разбитъ Мулла-бекомъ (между Ташкентомъ и Коканомъ), и бѣжалъ не къ Музафферъ-хану, который не вступалъ еще тогда на бухарскій престолъ, а къ Насруллаху, — и ни Музафферъ, ни Насруллахъ не предводительствовали бухарскимъ войскомъ, посланнымъ вслѣдъ затѣмъ на Коканцевъ для возвращенія престола Худояру: все это собственны измышленія г. Вамбери, и все на той же 394 страницѣ. По злополучная страница эта вытѣкаетъ въ себѣ еще и другіе небывалые факты, а именно: будто Мулла-бекъ былъ умерщвленъ сторонниками бухарскаго эмира, а Шахъ-Мурадъ приходился младшимъ братомъ Худояру, и не успѣлъ еще взойти на престолъ послѣ убійства Мулла-бека, какъ Музафферъ восстановилъ уже на опомъ Худояра, и затѣмъ возвратился домой въ Бухару. Все это было не такъ: Мулла-бекъ погибъ, задушенный недовольными имъ сановниками изъ кичаковской партіи, не имѣвшей ничего общаго съ бухарскимъ эми-

рожь; Шахъ - Мурадъ, сынъ старшаго брата Худоярова; Сармсака, приходился Худояру племянникомъ; по убіеніи Мулла - бека, провозглашенъ былъ онъ ханомъ, и ханствовалъ до тѣхъ поръ, пока Худояръ, призванный изъ Бухаріи жителями Ташкента, не овладѣлъ, съ ихъ помощію, Коканомъ и не извелъ Шахъ-Мурада. И во всемъ этомъ, какъ Насруллахъ, такъ и сынъ его Музафферъ, были ни при чемъ. А гдѣ, въ строкѣ седьмой снизу, напечатано *Самаркандъ*, надо читать, вмѣсто того, *Коканъ*.

Дальнѣйшаго разказа г. Вамбери о событіяхъ въ Коканіи мы уже вовсе не понимаемъ: такъ спутано и переименовано въ немъ все, что, по имѣющимся у насъ извѣстіямъ, происходило въ Коканскомъ ханствѣ.

Отмѣтимъ еще: 1) что *Кутебаръ* значитъ по-киргизски не „удачливый“, какъ переводитъ г. Вамбери (р. 399), а *rodicep habens*, въ смыслѣ *magna rodice graeditus*; что разбойникъ, извѣстный подъ именемъ Исета Кутербарова, не только не подрывалъ русскаго господства въ Средней ордѣ, но и въ „Меньшой“—то улекъ во временное неповиновеніе всего два - три рода; и что г. Вамбери ничего не понимаетъ, толкуя о золотой медали, которая была пожалована Кутербарову; 2) городъ Туркестанъ никогда и никѣмъ не былъ называемъ *Хазрети-Туркестанъ*, какъ именуетъ его г. Вамбери на стр. 400 и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ; 3) не въ интересахъ Кипчаконцевъ было радоваться взятію Русскими Ташкента, какъ читаемъ это у г. Вамбери (р. 401): чертъ, нѣсколько строкъ онъ самъ утверждаетъ противное; 4) Миръ-Сейидъ—сынъ не Сармсака, а Мулла-хана; 5) генералъ Черняевъ не былъ преемникомъ генерала Перовскаго въ командованіи русскою арміею (р. 401), и никакой русской арміи въ 1865 году на берегахъ Сыра не имѣлось, а былъ тамъ лишь незначительный отрядъ; 6) историкъ Бухаріи положеніе дѣлъ нашихъ въ бывшей Ташкини въ 1866 году извѣстно далеко не на столько, чтобы позволительно было ему входить въ оцѣнку дѣйствій и достоинствъ генераловъ Чернышева и Романовскаго, какъ дѣлаетъ онъ это на стр. 403; 7) крѣпость Уратіупе взята не однимъ графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ (р. 408): онъ командовалъ при этомъ только одною изъ штурмовыхъ колоннъ; 8) Яны-Курганъ запятъ былъ безо всякаго сопротивленія со стороны Бухарцевъ, покинувшихъ его, подполковникомъ Абрамовымъ, а не лично генераломъ Кауфманомъ (р. 409); 9) дѣло 2-го іюня между Русскими подъ начальствомъ генерала Кауфмана и Бухарцами имѣло мѣсто не у Серпуля (р. 412), а на Зирабулакскихъ высотахъ.

Мы кончили, и надѣмся, что отзывъ нашъ о несостоятельности историческаго труда г. Вамбери подтвержденъ нами достаточнымъ числомъ доказательствъ. Множество промаховъ его указали мы, но не должно думать, чтобы этимъ истощенъ былъ запасъ ихъ въ его книгѣ. Желавшіе могутъ убѣдиться въ томъ, пробѣжавъ рецензію на разсмотрѣнное нами сочиненіе, помѣщенную въ Лейпцигскомъ *Literarisches Centralblatt* за текущій годъ, № 19: тамъ найдутъ они перечисленіе разныхъ курьезовъ, о которыхъ мы умолчали. Рецензія эта подписана лишь буквами *A. v. G.*; но довольно видѣть коготь, чтобы узнать, кому принадлежитъ онъ. Много въ Германіи ученыхъ, а такую рецензію, во всей Германіи, при малыхъ тамъ занятіяхъ Среднею Азіей, могъ написать едва-ли не одинъ г. Гутшмитъ. И г. Гутшмитъ не находитъ словъ, чтобы заклеить достаточно то легкомысліе, съ какимъ нашъ авторъ взялся за трудъ, къ которому вовсе не былъ приготовленъ своимъ образованіемъ, ту недобросовѣстность, какую онъ обнаружилъ въ работѣ, и ту хвастливости, съ какою, послѣ всего этого, провозгласилъ онъ о необыкновенныхъ достоинствахъ своей „исторіи“. Достойными соперниками его по легкомыслію и невѣжеству признаетъ онъ только тѣхъ рецензентовъ книги г. Вамбери, которые не задумались расхваливать ее, — и мы вполне раздѣляемъ мнѣніе г. Гутшмита. Но какъ нѣтъ въ мірѣ такого зла, въ которомъ не было бы частички добра, то есть одна хорошая сторона и въ трудѣ г. Вамбери. Это — его стараніе исправить правописаніе собственныхъ именъ турецкихъ, крайне искаженное незнакомствомъ турецкихъ нарѣчій, какъ со стороны нѣкоторыхъ арабскихъ и персидскихъ историковъ, писавшихъ о Туркахъ, такъ, и еще болѣе, со стороны европейскихъ ориенталистовъ, пользовавшихся означенными историками и не умѣвшихъ прочесть у нихъ правильно такихъ именъ. Но, исправляя иногда удачнымъ образомъ ошибочное правописаніе того или другаго собственного имени турецкаго, г. Вамбери самъ поступаетъ весьма нелогично по отношенію къ арабскимъ именамъ Среднеазиатцевъ, произноситъ ихъ нерѣдко не такъ, какъ произносятся эти имена туземцами, а на Константинопольскій ладъ.

В. Григорьевъ.

НАША ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

II.

«Годъ въ деревнѣ», изданіе журнала «Дѣтскій Садъ». ч. I. Весна, съ 202 полтинниками, соч. *Е. Бороздиной*. С.-Пб. 1872 г.

Книга г-жи Бороздиной, «Годъ въ деревнѣ», сначала находили тетрадами, въ видѣ приложений къ журналу «Дѣтскій Садъ»; нынѣ отдѣльные оттиски сшиты въ одну книгу, которая и предлагается публикѣ. «Годъ въ деревнѣ» представляет довольно обширный томъ (550 стр.), который, впрочемъ, служитъ только первою частью принятаго составительницей изданія и обнимаетъ собою лишь *весну*. «Годъ въ деревнѣ» г-жи Бороздиной во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ весьма странное явленіе. Говоря въ предисловіи о цѣли предлагаемаго труда, составительница его изъясняетъ, что имѣла «мысль составить книгу, которая могла бы дать элементарныя знанія ботаники и энтомологіи, могла бы служить чтеніемъ для дѣтей старшаго возраста и матеріаломъ матерямъ и наставницамъ для составленія разказовъ дѣтямъ младшаго возраста»¹⁾. Такимъ образомъ одна и та же книга служитъ и для дѣтскаго чтенія, и для чтенія матерей и наставницъ; но цѣли эти педагогически не соединимы въ одномъ трудѣ; ниже будетъ показано, что «Годъ въ деревнѣ» не пригоденъ ни для той, ни для другой цѣли, теперь же слѣдуетъ только замѣтить, что составительница задалась невыполнимою задачей. Затѣмъ, въ предисловіи же изложены общій видъ составительницы на характеръ и значеніе ея труда. Взглядъ этотъ не новъ, но едва ли умѣстенъ въ воспитаніи, такъ какъ въ основу его положено одностороннее quasi-философское возрѣніе на человѣка и природу, которое, хотя и выражаетъ претензію быть «последнимъ сло-

¹⁾ Годъ въ деревнѣ, предисл. IV стр.
часть CLXX, отд. 3.

вомъ науки“, но не имѣеть ни положительности, ни научной основательности. Достаточно немногихъ словъ, чтобы очертить его. „Мы можемъ сказать прямо“; рѣшительно замѣчаетъ составительница, „что человѣкъ есть *продуктъ природы* и что развитіе его обусловливается *со всѣхъ сторонъ* жизнью этой природы“ ¹⁾. Основное свое воззрѣніе г-жа Вороздина довольно подробно развиваетъ въ предисловіи. Такъ, говоря о вліяніи растительности на насѣкомыхъ, она утверждаетъ, что и „сами народы, подобно *насѣкомымъ и животнымъ*, шли, такъ сказать, за растеніями и населили тѣ части земнаго шара, гдѣ находили нужныя для себя растенія и животныхъ“ ²⁾. Если человѣчество жило и развивалось „подобно насѣкомымъ и животнымъ“, то понятно, что и „все наше развитіе“, какъ выражается составительница книги, „позвія, литература, культура, цивилизація, промышленность и торговля, находится въ зависимости отъ окружающей насъ природы; *она-то и развиваетъ*“, заключаетъ авторъ, „*наши духовныя способности*“ ³⁾. Природа — и ничего больше. Конечно, это не ново, но за то категорически сказано, какъ говорятъ только въ наше время. „Человѣку“, продолжаетъ г-жа Вороздина, необходимо знать то, „*что даетъ ему жизнь*. Онъ обязанъ знать тѣ растенія“ и проч. И такъ, растенія „даютъ человѣку жизнь“; авторъ награждаетъ человечество обширнымъ семействомъ, открываетъ кровное родство, котораго доселѣ никто и не подовѣривалъ. Здѣсь же находится изъясненіе того, что „*всѣ* (будто всѣ?) религіозныя и фантастическія (это не одно и то же) воззрѣнія народовъ первобытныхъ вымываются надъ *подавляющею его своими красотами* (почему именно красотами?) природой, становится ея жертвой“ и проч. Но доказательства приведеннаго положенія еще оригинальнѣе: „это ясно (?) доказываютъ намъ религіозныя, философскія и поэтическія воззрѣнія восточныхъ народовъ; *это* (?) печать, наложенная на нихъ самою природой“ ⁴⁾. Читая эти строки, невольно удивляешься ихъ ясности, въ которой не только ничего нельзя различить, но даже нельзя отыскать простаго логическаго смысла. Затѣмъ авторъ предисловія, выразивъ сожалѣніе, что „знанія (природы) въ нашемъ воспитаніи остаются безъ

¹⁾ Ibid, стр. III.

²⁾ Ibid, стр. II.

³⁾ Ibid, стр. III.

⁴⁾ Ibid, стр. III.

всякой культуры" (?), пишет: „вмѣсто того, чтобы, какъ мы уже разъ высказались въ нашемъ журналѣ, запрещать дѣтямъ рвать растенія и приносить ихъ въ комнаты, подѣ предложомъ безпорядка и сора, матери и наставницы должны побуждать дѣтей къ этому“. Г-жа Вороздина увѣрена, что если дѣти „будутъ рвать растенія и приносить ихъ въ комнаты“, то это послужитъ „культурѣ познаній природы“. Все приведенное служить, будто бы, отвѣтомъ на вопросъ о той великой связи, которая существуетъ между царствомъ растеній и животныхъ. Г-жа Вороздина увѣрена, что просвѣтила и наставницъ, и матерей, и ожидаетъ отъ нихъ „добраго сласиба“. Но философствованіе г-жи Вороздиной скудно, фальшиво и поверхностно; оно можетъ развѣ породить путаницу въ головахъ неопытныхъ читателей, а отнюдь не можетъ служить къ выясненію воспитательнаго значенія природы. Изъ приведенныхъ выписокъ видно, что составительница „Года въ деревнѣ“ дѣлаетъ попытку примкнуть къ теоріи позитивизма; но разсмотрѣвъ всю книгу, мы убѣдились, что собственно г-жа Вороздина не имѣетъ никакого опредѣленнаго воззрѣнія на природу и на человѣка, и всего менѣе ее можно упрекнуть въ позитивизмъ; она просто по неопытности и по недостатку самостоятельной мысли повторяетъ бродячіе нынѣ возгласы о томъ, что „человѣкъ — продуктъ природы“, сама вовсе не сознавая ни настоящаго смысла этого положенія, ни тѣхъ результатовъ, которые логически изъ него вытекаютъ; иначе она не приняла бы для себя въ число пособій „Руководство для сельскихъ пастырей“, на которое ссылается и изъ котораго дѣлаетъ подробныя выписки. Самый эпиграфъ книги изъ Рюккерта, хотя и плохо переведенный по русски, свидѣтельствуешь о томъ, что воззрѣніи г-жи Вороздиной самаго миролюбиваго и невиннаго свойства. Рюккертъ говоритъ: „Du kannst ins Feld nicht gehn ohn' irgend eine Blume zu finden, welche sagt von ihres Schöpfers Ruhme“; г-жа Вороздина переводитъ: „Ты не можешь выйдти въ поле, чтобы не увидать цвѣта, который говоритъ бы тебѣ о славѣ Творца“. Какъ ни плохъ этотъ переводъ, но онъ ясно говоритъ о благихъ намѣреніяхъ составительницы „Года въ деревнѣ“, не имѣющихъ ничего общаго съ тою теоріей, которую она такъ прямо заявила въ предисловіи. Трудъ г-жи Вороздиной компилятивный; матеріалы брала она изъ разныхъ книжекъ, а потому личности ея въ книгѣ совсѣмъ не видно; только мѣстами, гдѣ она начинаетъ „философствовать“, попадаются мнѣнія, подобныя приведеннымъ выше. Конечно, все это портитъ книгу и дѣлаетъ ее

въ педагогическомъ отношеніи неудобною для употребленія. Процессъ составленія книги, сколько можно судить по внимательномъ ея разсмотрѣніи, былъ очень простъ и легокъ. Составительница раскрыла нѣсколько книгъ: систематическіе курсы ботаники и энтомологіи, „Быть русскаго народа“ Терещенки, „Сказанія“ Сахарова, „Руководство для сельскихъ пастырей“ (на всѣ эти пособія есть у нея ссылки) и затѣмъ выписывала то изъ одной, то изъ другой, пересылая связую рѣчь солидныхъ руководствъ пустыми и совершенно лишеными всякаго интереса возгласами, вопросами, разговорами, а иногда „современными воззрѣніями“, ни мало не заботясь ни о планѣ, котораго и невозможно у нея усмотрѣть, ни о цѣлесообразномъ выборѣ матеріала, ни даже о выраженіи простомъ, ясномъ, доступномъ дѣтскому возрасту, для котораго книга назначается. Все сказанное легко подтвердить фактами. Напрасно составительница говоритъ, что она описывала въ своей книгѣ все то, что „можетъ встрѣтиться при жизни въ деревнѣ“¹⁾. Въ какой деревнѣ могутъ встрѣтиться „пандаль“ (стр. 23), „пальма“ (стр. 27), „Lavrus Camphora“ (стр. 97), „Dyobolanopry Camphora“ (стр. 99), „Sulpanonium Zeulanicum“ (стр. 107), „Lavrus benzoin“ (стр. 109) и проч.? Гораздо вѣрнѣе сказать, что г-жа Бороздина описывала то, что встрѣчалось въ ея пособіяхъ.

Что „Годъ въ деревнѣ“ не имѣетъ ровно никакого плана, въ этомъ удобно убѣдиться, просмотрѣвъ лишь оглавленіе книги. I-я глава посвящена семейству дѣйствующихъ лицъ; II-я и III-я исключительно ботанической терминологіи и объясненію общихъ понятій изъ органографіи, морфологіи и физиологіи растений, совершенно въ томъ порядкѣ, какъ эти объясненія даются въ систематическихъ курсахъ ботаники. Затѣмъ, въ IV-й главѣ: „Волчье лыко“, „Эмлеборъ“ (авторъ даже не потрудился по русски перевести латинское Helleborus), „Жаворопки прилетѣли“, „Полярныя страны“ и проч., а затѣмъ пошли чередоваться самыя странныя сопоставленія: въ V-й главѣ — ботаника, въ VI-й — болѣзнь яви и оцять ботаника, въ VII-й — испугъ Маши и миши съ крысами и т. д. Авторъ, повидимому, хотѣлъ связать свои разказы съ ходомъ времени, но это ему не удается, такъ какъ онъ толкуетъ о вещахъ, которыхъ ни въ какой деревнѣ не найдти, какое бы время ни вять; отъ того г-жа Бороздина совершенно искусственно и механически цѣпляеть разказы за разка-

¹⁾ Годъ въ деревнѣ, предисл., V стр.

зомъ и такимъ образомъ, безъ всякой внутренней связи, накопляеть цѣлый томъ. Полагаемъ, что въ педагогическомъ отношеніи такой примѣръ совершенно неудобенъ.

Затѣмъ, выборъ матеріала для книги сдѣлала составительницей крайне неудачно, что, конечно, обусловливалось отсутствіемъ плана въ ея трудѣ. Здравая педагогія требуетъ переходить отъ близкаго къ далекому, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ нагляднаго къ отвлеченному, но требованія эти не были приняты во вниманіе г-жи Бороздиной. Съ первыхъ же страницъ ея ботаническихъ бесѣдъ читатель встрѣчаетъ „персикъ“, „миндаль“, „стройную пальму“, „бамбукъ“ (стр. 14) и проч., которыхъ у насъ нельзя встрѣтить. Выisto того, чтобы анализировать члененія, дѣйствительно окружающія ребенка, составительница ведетъ его въ оранжерею (а много ли въ деревняхъ и у многихъ ли есть оранжерей?), и не удовлетворяясь даже оранжерейными растеніями, обращается къ рѣдкимъ экземплярамъ петербургскаго ботаническаго сада и заставляетъ одну изъ дѣвочекъ, Ману, говорить, что-де она видѣла „Викторію-регію“ (стр. 23); по „Годъ въ деревнѣ“ назначается для массы дѣтей: какое же будутъ имѣть понятіе о „викторіяхъ“, „рододендрахъ“ и проч. дѣти (а такихъ большинство), не посѣщавшія петербургскаго ботаническаго сада и своихъ оранжерей не имѣющія? На стр. 94-й, говори о „розанцѣ *Rhododendron Falconeri*“, г-жа Бороздина дѣлаетъ примѣчаніе: „этотъ видъ недавно пріобрѣтенъ *здѣшнимъ* ботаническимъ садомъ и, *сколько* *малѣ* *помнится*, цвѣтъ въ *нынѣшнемъ* году“. Съ какою цѣлію сдѣлано это примѣчаніе? Для дѣтей, или для родителей оно предназначено? Умѣстно ли оно будетъ, если „Годъ въ деревнѣ“ будутъ читать въ провинціяхъ? Оставивъ окружающую ребенка природу, г-жа Бороздина прямо переходитъ къ странамъ, *невиданнымъ* дѣтми. Такъ на стр. 54-й она, сейчасъ же послѣ объясненія предварительныхъ ботаническихъ свѣдѣній, переходитъ къ „растительности полярныхъ странъ“. „Начнемъ съ того, говоритъ она, что *опредѣлимъ* то, что называется полярными странами“. Но для дѣтей словесное опредѣленіе невиданныхъ вещей неудобно, особенно безъ чертежа, безъ карты, безъ картины. Авторъ употребляетъ здѣсь термины: долготы, широты, полярный кругъ и проч., но изъ книги не видно, чтобы дѣтмиъ все это было знакомо, да оно и не можетъ быть знакомо 10-ти и 12-ти лѣтнему ребенку. Въ книгѣ встрѣчаются: альпійскіе виды растеній и прирейнскіе (стр. 87), Париней, рѣка Санта-Анна (стр. 91), лавры южной Европы (стр. 97), камфорное дерево въ Борнео и Суматрѣ (стр. 98),

финиковая пальма въ Африкѣ, Нубіи, Сиріи и Аравіи (стр. 136), въ Италіи, Испаніи, Сициліи и проч. Всѣ эти страны и деревья дѣтямъ неизвѣстны, а между тѣмъ ими переполненъ „Годъ въ деревнѣ“. Авторъ, видимо, не подумалъ о томъ, что онъ и для чего пишетъ. Впрочемъ, не въ одномъ выборѣ иноземныхъ растений, недоступныхъ для наблюденія не только дѣтей, но и большинства взрослых, обнаружилась безтактность составительницы „Года въ деревнѣ“; г-жа Боровдина не умѣла совладѣть и съ тѣмъ матеріаломъ, который у дѣтей можетъ быть подъ руками. Она заваливаетъ ребенка кучей мелкихъ подробностей, перечнемъ разновидностей, которыя умѣстны, конечно, въ систематическомъ курсѣ естествознанія, но совершенно неумѣстны въ книгѣ съ тѣми цѣлями, какія имѣетъ „Годъ въ деревнѣ“. Напримѣръ, говоря о дубѣ, она разсматриваетъ его виды: *quercus pedunculata*, *quercus sessiliflora*, послѣ чего говоритъ о дубахъ во Франціи, близь Сента, въ Нижне-Шаритскомъ департаментѣ, о друидахъ, о пейзажахъ Рюисдала, о друидическомъ культѣ кельтскихъ народовъ и проч.; затѣмъ говоритъ о пирамидальномъ дубѣ, который растетъ у подножія Пириней, о дубѣ съ сладкими плодами, растущемъ въ Испаніи, Греціи, Левантѣ и Албаніи; далѣе разсматриваетъ „*quercus ballota*“—въ Португаліи, „*quercus tinctoria*“—въ сѣверной Америкѣ, „*quercus coccifera*“ въ южной Европѣ,—и все это на шести страничкахъ (стр. 252—257). Не много нужно имѣть педагогическаго такта, чтобы видѣть всю неумѣстность для дѣтей подобныхъ подробностей о дубѣ и его видахъ, которыхъ они нигдѣ, не только въ деревнѣ весною, но и въ столицахъ за весь годъ, не могутъ встрѣтить. Или, напримѣръ, говоря о фіалкѣ, авторъ перечисляетъ ея виды: *Viola canina*, *v. palustris*, *v. mirabilis*, *v. tricolor*, *Josidium ipressacuanha*—какая цѣль этого перечисленія различныхъ видовъ, изъ которыхъ послѣдній представляетъ южно-американское растеніе? Подобнымъ образомъ, говоря объ ивѣ, составительница разсматриваетъ ея многочисленные виды: *salix alba*, *s. fragilis*, *s. pentandra*, *s. carnea*, *s. purpurea*, *s. viminalis*, *s. rosmarinifolia*; затѣмъ говоритъ о салиціи (въ книгѣ „саладьянъ“). Спрашивается, затѣмъ въ книгѣ взяты цѣлыя семь видовъ ивы? Видовъ ивы множество,—почему опущены другіе? Не лучше ли было бы ограничиться описаніемъ ивы вообще, какъ рода? Затѣмъ идетъ рѣчь о *rhoenix distichera*, которая, среди палшаго зноя пустыни африканской, дышетъ „всю роскошью живнн (sic), блескомъ и красками, какихъ не могутъ и подолзвать въ странахъ Европы и Азіи“ (стр. 137): что же „мо-

гугъ подозрѣвать" здѣсь дѣти? Какъ же это относится къ „Году съ деревнѣю“? Говоря о семействѣ долгоносиковъ, авторъ замѣчаетъ, что оно заключаетъ до 20.000 видовъ (стр. 346), — что вынесутъ дѣти изъ этого свѣдѣнія? Какіе это виды? Гдѣ они живутъ? Для чего ихъ знать ребенку? Такихъ безцѣльныхъ свѣдѣній сообщается въ книгѣ г-жи Бороздиной не мало. Сюда же слѣдуетъ отнести и тѣ историческія объясненія, часто совершенно неумѣстныя, которыя она вставляетъ иногда въ свои ботаническія разказы. Напримѣръ, на стр. 103-й г-жа Бороздина говоритъ, что „Гезіодъ увѣрялъ, что сдѣлался поэтомъ, *потомъ лавровыя листья*“. Какая цѣль сообщенія этого извѣстія, ничѣмъ притомъ не оговореннаго, дѣтямъ? На стр. 105-й г-жа Бороздина также безусловно говоритъ о Дафнѣ, объ Аполлонѣ, о превращеніяхъ Овидія. Равно, какая цѣль сообщенія (стр. 110) дѣтямъ американской поговорки: „адвокатовъ ѣдятъ, а прокуроровъ выбрасываютъ за окно“, разумѣя здѣсь плоды и косточки лавра Персея? Говоря о черной крысѣ, авторъ прибавляетъ, что „родина ея Индія, откуда она (?) переселилась въ Персію“ (стр. 120). Ни Индія, ни Персія 12-ти лѣтнія дѣти еще не знаютъ, да еслибъ и знали, такое свѣдѣніе умѣстно было бы развѣ при специальномъ изученіи зоологіи. На стр. 140-й разказывается исторія „пальмоваго бога“, который въ Аравіи-де назывался эль, около Тигра и Эфрата — бэль; „въ Греціи пальмовый богъ, перенесенный изъ Аравіи, измѣнилъ свою форму сообразно міровоззрѣніямъ (?) греческаго народа и растительности его страны, превратился съ дубоваго бога. Дубъ“, прибавляетъ неизвѣстно для чего авторъ, „по гречески назывался *Ilex* (sic), произносится иль. И вотъ какъ“, заключаетъ авторъ, „міръ растений имѣетъ вліяніе на міровоззрѣніе народовъ, на ихъ религіозныя вѣрованія и флора играетъ важную роль въ духовномъ развитіи и въ исторіи человечества“. Затѣмъ, сказавъ объ условіяхъ возникновенія цивилизаціи въ жаркомъ климатѣ, г-жа Бороздина продолжаетъ: „но эта цивилизація, какъ говоритъ намъ сама исторія, не достигла своего апогея и была подавлена восточнымъ деспотизмомъ, который и убилъ ее“. „Трудъ и борьба — вотъ тѣ два двигателя, которые ведутъ человечество и лично человѣка къ совершенству, свободѣ, независимости“. Послѣ этого, казалось бы, „наставницы, матери и дѣти старшаго возраста“ могли опять предаться мирному изученію естествознанія; но ораторъ продолжаетъ „о мировомъ“ Средиземномъ морѣ, о ходѣ цивилизаціи, причемъ изъясняетъ, что „ступени развитія народовъ какъ бы опираются одна на другую, подобно отдѣльнымъ флоражъ

и первая въ связи съ послѣдними" (стр. 142). Далѣе еще говорится о хорошо сложенной женщинѣ, которая „стройна, какъ пальма“, и „кто знаетъ“ глубокомысленно замѣчаетъ Илимовъ (одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ книгѣ), „не будь пальмы, моветъ быть архитектура древнихъ народовъ — Египтянъ, Ассирійцевъ и Грековъ развилась бы совершенно иначе“ (стр. 143). Кто же знаетъ, если и Илимовъ не знаетъ! Илимовъ, очевидно, одинъ изъ современныхъ типовъ, которые на все *бросаютъ высіяя воззрѣнія*, касаясь кстати и не кстати всего, чтѣ въ голову придетъ. Самъ онъ въ одномъ мѣстѣ такъ выражается о своемъ ораторствованіи женѣ Дуброва: „я радъ, что моя *болтовня* (sic) ихъ (дѣтей) занимаетъ (стр. 169). На стр. 198-й авторъ раякаивается, какъ личилки майскаго жука (*Mcclolonta vulgaris*) въ 1499 году въ Лозаннѣ „были призваны на судъ духовнаго трибунала, который провзнесъ надъ нимъ (?) свое проклетіе“. На стр. 215-й Илимовъ изрекаетъ, что „въ мірѣ ничего не бываетъ безъ причины“, что „все имѣетъ свою причину быть такъ, а не иначе“. Конечно, подобныя изреченія назначены для просвѣщенія читателей, но къ сожалѣнію, истины эти слишкомъ отвлеченныя. На стр. 250-й говорится о „соціальной лѣстницѣ“, говорится, что „похристоваться деньгами“ (sic), лучше, чѣмъ заплатить деньгами за услугу. Но по поводу дуба Илимовъ особенно расхвалился. „Гиганты растительности“, какъ онъ выражается, даютъ ему поводъ высказать массу самыхъ разнородныхъ свѣдѣній. „Стоитъ только посмотрѣть (а вѣдь это такъ легко!) на пейзажи Рюисдала, чтобы видѣть, какъ хорошо онъ воспроизводитъ величественныя формы дубовъ“. Затѣмъ идетъ рѣчь „о друидическомъ культѣ кельтскихъ народовъ, причежъ хотя свѣдѣнія объ этомъ культѣ у Илимова оказались скудны, тѣмъ не менѣе онъ предлагаетъ рядъ именъ: Діодора Сицилійскаго, Юлія Цезаря, Валерія Максима и въ поученіе „дѣлать старшаго возраста“ замѣчаетъ глубокомысленно: „въ чемъ именно существовала (состояла?) религія друидовъ, въ точности неизвѣстно“. Болтуна это не стѣсняетъ и онъ изъясняетъ означенную религію въ неточности, причежъ говорить, что „по всему вѣроятію“, друиды хорошо знали *естественныя науки* (не природу, не явленія ея, а именно естественныя науки) (стр. 255). Не стѣсняясь, Илимовъ говорить и о письменности друидовъ, хотя здѣсь же замѣчаетъ, что „ни одна ихъ книга не сохранилась до нашего времени“, — словомъ, Илимовъ поражаетъ „дѣтой старшаго возраста“ (въ числѣ слушателей его, впрочемъ, были дѣти отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ) своею эрудиціей, широтою воззрѣній, только въ концѣ, очень поздно,

онъ замѣчаетъ: „я отвлекся отъ разказа о дубѣ“ (стр. 255). О пробѣ авторъ говоритъ: „можно положительно сказать, что *ни одинъ человекъ* не можетъ обойтись безъ нея“ (стр. 261): мифіе преувеличенное. По поводу обычая „колядовать“ авторъ замѣчаетъ, „что въ малороссійскихъ пѣсняхъ, колядахъ, поется о Богородицѣ, что она сама засѣваетъ землю. Отсюда-то (будто только отсюда?) вытекаетъ“, заключаетъ онъ, „и та сильная вѣра въ различныя иконы Богородицы, столь чтимыя на Руси, почему мы и видимъ множество обычаевъ и обрядовъ, *прирученныхъ* (sic) къ праздникамъ Богородицы“ (стр. 301). Не глубоко и не вѣрно. Далѣе авторъ говоритъ, что „все это указываетъ на малое и одностороннее развитіе религіознаго представленія о Богоматери“ (ibid): спрашивается, какую цѣль и какое воспитательное значеніе имѣетъ это указаніе для дѣтей? На стр. 315-й авторъ говоритъ, что Balsamodendron myrrha, B. gilcadense и Orubalsamum, „всѣ три дерева имѣли большое вліяніе (?) на торговый сношеніи восточныхъ народовъ“: чтò дѣти вынесутъ изъ этого неопредѣленнаго указанія на нѣчто, имъ неизвѣстное? Обращаетъ на себя также вниманіе изъясненіе обычая красить на пасху яйца (стр. 328 и слѣд.). Авторъ говоритъ, что „обычай этотъ ведетъ свое начало отъ язычества“, причемъ изъясняетъ, что „всѣ народы индоевропейскаго происхожденія (дѣти, конечно, объ этихъ народахъ ничего не знаютъ и не слыжали) въ религіозныхъ воззрѣніяхъ имѣютъ многу общаго“, — говоритъ, что и Персы чтили яйца, а греческіе и римскіе философы производили міръ изъ яйца и проч.; вся эта кажущаяся эрудиція по меньшей мѣрѣ неумѣстна въ книгѣ для дѣтей. „Съ окончаніемъ весны“, заключаетъ авторъ, „оканчивается (sic) и символическое значеніе яицъ“ (стр. 330). На стр. 393-й авторъ говоритъ, что „Донъ имѣетъ свою исторію, о которой *слишкомъ* долго говоритъ“, — зачѣмъ же было и упоминать объ этой „долгой исторіи?“ Приведенныхъ извлеченій достаточно, чтобы видѣть, что выборъ матеріала въ книгѣ г-жи Бороздиной часто дѣлается безъ всякой цѣли и что многія объясненія ея совершенно неудобны для дѣтскаго возраста.

Языкъ книги г-жи Бороздиной тоже въ педагогическомъ отношеніи неудобенъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ повѣствуетъ главное дѣйствующее лицо, Илимовъ, языкъ сухъ, часто обремененъ техническими терминами, нигдѣ въ книгѣ не объясненными, причемъ нередко въ рѣчь входитъ химическіе и физиологическіе свѣдѣнія, малопонятныя дѣтямъ; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ составительница начинаетъ говорить отъ себя, рѣчь дѣлается напыщенной, искусственно

цвѣтистой, высокопарной, иногда лишенной всякаго содержанія; мораль автора скучна, а „возврѣнія“, которыя по мѣстамъ проскальзываютъ въ книгѣ, мало относятся къ дѣлу и совсѣмъ неумѣстны въ начальномъ образованіи. Приведемъ примѣры. Образцы научно сухаго изложенія естественныхъ наукъ составляютъ главное содержаніе книги (рѣчи Илимова) и потому встрѣчаются на каждомъ шагу. При этомъ начиналъ говорить, напримѣръ, о какомъ либо растеніи, Илимовъ употребляетъ общепринятую формулу: даетъ одно или нѣсколько русскихъ названій предмета, затѣмъ его латинское названіе, французское и даже нѣмецкое; наконецъ говоритъ о мѣстѣ растенія, описываетъ листья, корни и проч., плодъ, иногда употребленіе. Такъ, разсматривая *Tussilago farfara*, Илимовъ говоритъ, что зовутъ это растеніе: „мать и мачиха, материникъ, бѣлокопытникъ, подбѣлы, двоелестникъ, *Tussilago farfara*, *ras d'ane*, *la tussilage*, *der gemeine Huf-latiq*; растетъ на глинистой, сырой почвѣ, по берегамъ рѣкъ, по пустырямъ и лѣсамъ, во всей Россіи“ (стр. 204) и проч. Иногда въ такомъ родѣ Илимовъ говоритъ цѣлыя страницы. Также схема сохраняется и по отношенію къ свѣдѣніямъ изъ зитомологіи. (Ср. напримѣръ, описаніе наѣдомыхъ изъ семейства *Phyllophaga*: *Nematus ventricosus*, *lyda pyri*, *lyda nemoralis*, *lyda inanita*, *lyda erythrocephala* и мног. др.) Приемъ этотъ, умѣстный въ систематическомъ курсѣ естественныхъ наукъ, совершенно неудобенъ въ книгѣ для чтенія, и если попалъ въ послѣднюю, то потому только, что составительница списывала и выписывала въ свою книгу тирады изъ систематическихъ же курсовъ, не руководясь никакимъ планомъ. Для примѣра спеціально-научныхъ объясненій съ терминами, въ книгѣ не объясненными, а потому дѣтямъ непонятными, приведемъ нѣсколько мѣстъ. Такъ, на стр. 45-й авторъ говоритъ, что „*улекислота* распространяется въ воздухѣ отъ дыханія животныхъ, отъ гніенія, горѣнія, броженія органическихъ веществъ, а *аммиакъ* собственно онъ гніенія ихъ же“... На стр. 464-й перечисляются элементы питанія растеній: *углеродъ*, *водородъ*, *кислородъ*, *азотъ*; но для дѣтей это все неизвѣстно и нигдѣ авторомъ не объяснено; далѣе авторъ опредѣляетъ перегной, какъ „*зумусъ*, *продуктъ* гніенія различныхъ органическихъ веществъ“, упоминаетъ о горныхъ породахъ, *гранитъ* и *порфиръ*, также дѣтямъ неизвѣстныхъ, причѣмъ говоритъ, что „находящіяся въ нихъ *щелочи* и *щелочныя земли* переходятъ въ *улекислыя соли*“ (стр. 465) и т. под. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ авторъ, очевидно, пытается дѣтямъ объяснить неизвѣстное посредствомъ неизвѣстнаго же,—приемъ

противный педагогизм. Замѣчательно, что авторъ не потрудился даже перевести мѣры иностранныя на русскія и употребляетъ футы, дюймы и линии, моргены, о которыхъ наши дѣти едва-ли имѣютъ понятіе. На стр. 47-й авторъ перечисляетъ, чѣмъ дѣти занимались въ III-й главѣ; оказывается, что на 7-ми листахъ они занимались, по словамъ Илмина, *органографией, морфологіей, физиологіей* и отчасти (sic) *анатоміей растений*“, причѣмъ ни одно изъ этихъ названій дѣтямъ не разъяснено, какъ слѣдуетъ. Илминовъ совѣтуетъ дѣтямъ „записать то, что онъ разказывалъ; лучше бы посоветовать просто взять любой курсъ ботаники и тамъ прочесть, что нужно. На стр. 57 говорится о зенитѣ, который тоже дѣтямъ неизвѣстенъ изъ книги; описаніе сѣвернаго сіанія вѣдь же составлено весьма плохо; между прочимъ авторъ говоритъ, что оно имѣетъ *какой-то (?) магическій свѣтъ*: какое дѣти вынесутъ изъ этого опредѣленіемъ свѣта представленіе? А, напримѣръ, какую цѣль могло бы имѣть слѣдующее свѣдѣніе въ книгѣ г-жи Бороздиной: „Если зерна камфоры малы, то она на туземномъ (?) языкѣ называется *из*; когда зерна бываютъ величиною съ горошину, то она называется *баррига*, а если въ куриное яйцо, то *кабесса*“ (стр. 100)? Изъ, баррига и кабесса — на что ребенку знать эти тарабарскія слова? Иногда языкъ автора дѣлается высокопарнымъ и туманнымъ. Напримѣръ, на стр. 4-й юнымъ читателямъ излагается своеобразная теорія пониманія и познанія. „Понимаемъ мы“, пишетъ авторъ, „умомъ, сердцемъ, чувствомъ, любовью (sic), а познаемъ изученіемъ. Мы понимаемъ предметъ всецѣло, вполне; познаемъ медленно, постепенно, отдѣльно, по частямъ“. Далѣе говорится о захватываніи „любимыя предмета“ и „самой его сущности“ и проч.; упоминается о томъ, что искусства „говорятъ намъ красками, образами, звуками“ и „чтобы вполне понимать ихъ, надо вникать въ нихъ сознательно“ (какъ будто есть вниканіе безсознательно); говорится, что „природа-мать утѣшаетъ, убаюкиваетъ волнующія человѣка страсти своею дивною гармоніей“ (стр. 5), что „шелестъ листьевъ, благоуханіе цвѣтовъ, міриады наѣбомыхъ, хоръ воздушныхъ пѣвцовъ, все навѣваетъ на измученную жизнью (?) душу человѣка какое-то неизъяснимое спокойствіе“; говорится о силѣ, „которая дала возможность невообразимо малымъ атомамъ соединиться въ одно величественное гармоническое цѣлое—вселенную подъ непреложные міровые законы“, и все это по поводу шелеста листьевъ! Дѣтямъ толкуется не только о такихъ вещахъ, которыхъ они понять еще не въ силахъ, но и толкуется такъ невразумительно, что невозможно изъ

рѣчи автора извлечь никакого яснаго представленія о дѣлѣ. Приведенныя извлеченія представляютъ просто высокопарный наборъ словъ, не имѣющій ни научнаго, ни педагогическаго значенія. Далѣе, обращаясь къ дѣтямъ („Да, дѣти“...), авторъ говоритъ о какихъ-то „псодочстахъ жизни“, говоритъ, что природа „убаюкиваетъ ваше разбитое сердце“ (стр. 5), это *дитское* сердце уже *разбито*,—слышкомъ рапо! И все зло жизни излечиваетъ-де мать-природа. Но одна природа не спасаетъ человѣка. Говоря о значеніи растений, Илимовъ возвѣщаетъ дѣтямъ, „что онѣ имѣютъ множество *точекъ соприкосновенія* съ нашими интересами“.

Это какъ же? спрашиваетъ мама. Илимовъ отвѣчаетъ, что „растения должно разсматривать въ научномъ отношеніи каждое отдѣльно; потому въ связи ихъ между собою, и въ томъ (sic), какое всѣ растительныя организмы имѣютъ по вселенной и наконецъ въ отношеніи къ человѣку“ (стр. 10). Уже ли авторъ полагаетъ, что эта тирада Илимова выяснила дѣтямъ „точки соприкосновенія растений съ нашими интересами?“ Столь неразумительныя и малосмысленныя объясненія даются дѣтямъ въ началѣ книги, въ видѣ приготовленія къ изученію ботаники! На стр. 14-й говорится, что „видимая обичность“ имѣетъ „неизмѣнный порядокъ“, что „безконечное разнообразіе растительныхъ формъ и *потребности* ихъ жизни (?) имѣютъ одну общую основную идею“. Читая подобныя фразы, невольно спрашиваешь себя, уже ли все это навмачается дѣтямъ и материмъ? На стр. 60-й говорится, что растительность полярныхъ странъ „является какъ свидѣтельство творческой силы природы (?) и торжества жизни надъ смертью, въ видѣ маленькой, однолѣтчатой водоросли первоузмырчатей“,—и высокопарно сказано, и неразумительно для дѣтей. Иногда авторъ описываетъ „дивный ароматъ весны“, когда соловей „льетъ свою мелодію“ (стр. 147). О дроздѣ авторъ пишетъ, что „одинъ изъ нѣмецкихъ поэтовъ называетъ его обитателемъ явовыхъ лѣсовъ, лѣснымъ соловьсмъ“; что „пѣснь дрозда льется спокойно и торжественно, безъ малѣйшихъ *рызкихъ нотъ*, каждая *строфа* его пѣсни округлена, каждый звукъ *полонъ, чистъ и законченъ*“ (стр. 283). Далѣе говорится, что дроздъ полезенъ, но увѣряютъ-де, „что это вытекаетъ вовсе не изъ любви къ ближнему, а просто отъ потребности болтать, какъ болтаютъ и иные люди изъ желанія дать ницу своему ничѣмъ не запятому уму, или же изъ страсти поболтать, то-есть, *посплетничать*“ (стр. 284). Хотя поболтать и *посплетничать* не одно и то же, но описываемое дроздовое

свойство не чуждо самому Илимову, уличающему дроздовъ въ болтовнѣ. На стр. 547-й авторъ описываетъ „трели ночнаго пѣвца—пѣвца любви“, соловья, въ пѣсни котораго автору слышались „что-то (?) тихое, задушевное, мечтательное; то было чарующее *andante*, полное чувства и нѣжности“; за тѣмъ было еще „полное, величественное, *allegro*“; авторъ говоритъ, что соловья имѣютъ „*артистическій вкусъ*“ имѣютъ „свои любимыя *строфы*“, что „соловей родится съ дарованіемъ (?), но пѣснь свою долженъ *создать*“ (стр. 547—548); за симъ „Илимовъ заглѣлъ баритономъ хорошенкій романсъ Гурилена“. Все это было бы умѣстно въ сантиментальномъ романѣ, но совсѣмъ не имѣетъ цѣны въ книгѣ для дѣтей, какъ всякая искусственная, поддѣльная чувствительность. Не такими описаніями возбуждается въ дѣтяхъ любовь къ природѣ.

Кромѣ того, языкъ г-жи Бороздиной не вездѣ чистъ и правиленъ. Такъ она употребляетъ слово *давиче* (стр. 85), а на 84 стр. говоритъ: „средствомъ называється то, когда“ и пр., — сочетаніе неправильное грамматически и логически. Выѣсто общепринятаго термина „сережки“ авторъ употребляетъ *висюльки*; было бы лучше также выѣсто „женскіе и мужскіе цвѣтки“ употреблять нынѣ всѣми припѣтые термины — „цвѣты тычиновыя и плодниковыя“; голосу авторъ усвоиваетъ эпитетъ *флейтмэй*, также едвали удачный. На стр. 283-й есть такое сочетаніе словъ: „дрозды, *бывши* суетливою птицей, во время пѣвня *становяются*“ и проч. На стр. 303-й авторъ говоритъ „*пойдемте* *пойтисъ*“. Говоря о псахъ, авторъ влагаетъ въ уста кормилицы выраженіе, будто „солнышко въ зтотъ день будетъ *играть* и *скакать по небу*“ (стр. 205); играть, но *скакать по небу*—никогда. Скакать—это почти тоже, что плясать, что солнцу совершенно непристойно и по пародному воззрѣнію. На стр. 313-й: „весь день прошелъ *въ приемъ* христосованья“,—такъ не говорятъ. На стр. 315-й сказано, что женщина (?), предъ празникомъ Пасхи принесла въ домъ Симона Петра муро, „*очилили* его на голову Христа“, — выраженіе, не отвѣчающее описываемому факту. На стр. 366-й: „побѣждалъ къ Илимову, *который* выѣствѣ съ Контенсимъ, *шли* въ домъ“, — *который шли* — такъ не говорятъ. На стр. 500-й: „у насъ *во флигелъ*... и т. п. Нѣкоторые мѣста въ книгѣ г-жи Бороздиной съ претензіями на оригинальность—крайне странны. Напримѣръ, „гербарій“, по словамъ автора, — „это просто *сухой садъ*“ (стр. 9): какъ бы ни объяснялъ авторъ это выраженіе, оно всегда останется ложнымъ. Или на стр. 15-й: „злаки на *верху* развиваютъ соломину“, — на какомъ

верху? Что за *верхъ* у *влака*? На стр. 21-й: „корень и стебель“, говорить авторъ, „развиваются совершенно независимо другъ отъ друга“. На стр. 48-й авторъ говорить, обращаясь къ дѣтямъ: „я объясняла вамъ *физиологію*“,—что значитъ „объяснять физиологію“, цѣлую науку? Какъ ее можно объяснять? На стр. 66-й авторъ говорить, что „южный полюсъ вовсе не холоднѣе сѣвернаго, но *морознѣе*“, что хотѣлъ сказать авторъ этимъ противоположеніемъ? На стр. 218-й говорится, что камни увеличиваются прибавленіемъ къ нимъ совершенно тождественнаго съ ними вещества, но адекватное тождество не возможно въ двухъ предметахъ, вещь тождественна только себѣ; очевидно, понятія о тождествѣ у автора свои. На стр. 396-й авторъ говорить, что имя *ладо* „народъ принимаетъ за *ладъ*, то-есть, согласие“. „На этомъ основаніи сложилась поговорка: не надобенъ *кладъ*, коли у мужа съ женою *ладъ*“. Между прочимъ, авторъ называетъ *славянскими полу-богами* Кія, Щека и Хорева (стр. 397) и т. под.

Что касается концепціи труда г-жи Бороздиной, то трудно представить что-либо менѣе удачное. Мы уже указали выше на приѣмъ составленія книги „Годъ въ деревнѣ“; теперь остается сказать о дѣйствующихъ въ нихъ лицахъ и о разговорахъ, которые они ведутъ между собою. Характеровъ въ книгѣ, само собою разумѣется, никакихъ нѣтъ, связи въ событіяхъ тоже никакой, а слѣдовательно, и интереса нѣтъ; семейство Дубровыхъ вводится въ курсъ ботаники, энтомологіи и проч. съ исключительною цѣлію—поручить имъ говорить наизусть то, что обыкновенно пишется въ системахъ естественныхъ наукъ. Отецъ Дубровыхъ, конечно, естествовѣдъ, былъ за границей, богатъ, имѣетъ свою деревню, оранжереи, жену и трехъ дѣтей,—старшая Маша 15-ти лѣтъ, Володя 12-ти, Саша 10-ти лѣтъ. Мать Дубровыхъ остается въ тѣни, хотя тоже любитъ ботанику; но главное дѣйствующее лицо—нѣкто Илимовъ, сынъ умершаго пріятеля Дуброва, конечно, тоже бывшій за границей естествовѣдъ, чудо совершенства, неисчерпаемый источникъ познаній, говорачій, совершенно какъ печатная книга, всю весну безъ устали. Илимову и влагаеть въ уста г-жа Бороздина курсы ботаники, съ ея подраждѣніями, энтомологіи, зоологіи, сельскаго хозяйства и проч. Разговоры сихъ лицъ состоятъ въ томъ, что когда Илимовъ наизусть читаетъ лекцію, то дѣти вставляютъ свои вопросы, дабы рѣчь оратора не была безпрерывною. Конечно, все это дѣлается совершенно механически, искусственно, и вопросы заимствуются составительницей изъ того же текста ботаники, по которому ораторствуетъ Или-

мовъ. А ораторствуетъ онъ изумительно много и, какъ выше замѣчено, очень нерѣдко маловразумительно и не всегда связано. Что рѣчи его для дѣтей скучны, лишены интереса, есть указанія и въ книгѣ. Такъ, въ началѣ III главы, Володя упрекаетъ Сашу, что она „еще и учиться не начинала, а уже соскучилась“.

— А тебѣ она (ботаника) понравилась? спросила Саша.

— Понравилась, отвѣчалъ Володя.

— *Оттого-то ты такъ и зѣвалъ вчера въ оранжереѣ*, глубоко-мысленно замѣтила Саша.

Прочитавъ съ превеликимъ трудомъ всю толстую книгу г-жи Ворондиной, мы убѣдились, что Саша права и что если какой ребенокъ рѣшился бы назвать книгу интересною, то, конечно, также какъ Володя, слушалъ бы ее зѣвая и видимо скучая, въ большинствѣ случаевъ ничего не разумѣя. Въ другомъ мѣстѣ Илинговъ такъ краснорѣчиво объяснилъ метаморфозъ насѣкомыхъ, что одна изъ слушательницъ замѣтила: „я ровно ничего не поняла“,—и такихъ мѣстъ очень много въ книгѣ. Кромѣ поименованныхъ лицъ, въ концѣ книги является еще нѣкто Миша, немного постарше Володи, но говорящій какъ профессоръ (см. напримѣръ, его рѣчи на стр. 441, 520 и др.). Вотъ и всѣ лица книги; дѣйствія же между ними никакого нѣтъ, всѣ они выводятся авторомъ совершенно безлично и произвольно. Здѣсь не лишне будетъ отмѣтить нѣкоторую безтактность въ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Такъ отецъ Миши, въ его присутствіи, говорить, что „Миша—его единственное утѣшеніе“; Дуброва добавляетъ, что онъ „чудесный мальчикъ“, а отецъ на радостяхъ выражается еще сильнѣе: „мой Миша мальчикъ честный, натура прямая, не испорченная“ (стр. 364). Нѣтъ ничего безтактнѣе хвалить дѣтей при нихъ самихъ, — это одно изъ испытанныхъ средствъ нравственной порчи дѣтей. Чувствовалъ, кажется, это и авторъ, потому что посадилъ при этомъ Мишу „весело болтать“ съ Володей, но извѣстно, что дѣти чутки, когда говорятъ о нихъ. Не такъ испорченною, какъ Миша, представляется 10-лѣтняя Саша, которая знаетъ уже, что „красотѣ всегда отдають преимущество“, что „мальчики всегда *ухаживаютъ* за хорошенькими“. По этому поводу авторъ произноситъ (стр. 442) пространное разсужденіе о красотѣ и безобразіи, — разсужденіе благонамѣренное и поучительное, но тѣмъ не менѣе свидѣтельствующее о безтактности автора. Кромѣ того, что мораль никогда никого не научала, умѣстно ли предъ 12-лѣтнею дѣвочкой распространяться о „пошлыхъ фразахъ и любезностяхъ“, о „гостинныхъ франтахъ“, о

„красивой глупости“, о какихъ-то „достоинствахъ не отрицательныхъ“ и пр.? Несомнѣнно, что 12-лѣтній ребенокъ, — настоящій, а не выдуманный въ книгѣ, — не можетъ понять смысла подобныхъ фразъ, и еслибы усвоилъ ихъ, то повторялъ бы ихъ механически; пріемъ автора можетъ образовать резонеровъ, по отнюдь не умныхъ дѣйствительно дѣтей. Неумѣстно также въ присутствіи дѣтей хвалить мать ихъ „за дѣльное воспитаніе“, какъ это дѣлаетъ г-жа Бороздина. Наконецъ, не мѣшало бы автору писать пограмотнѣе и рѣчи, обращенныя къ дѣтямъ.

Опечатокъ въ книгѣ г-жи Бороздиной тоже не мало. Напримѣръ, на стр. 14-й *потробиности* вмѣсто потребности; на стр. 43-й — *вса-сать* вмѣсто всосать; на стр. 125-й — *перестла*, стр. 133-я — *гостмагинифолія* вмѣсто *gostmaginifolia*; стр. 199-я — *неболшиое* вмѣсто небольшое; стр. 204-я — *forfora* вмѣсто *farfara*, обыкновенно вмѣсто обыкновенно; стр. 269-я — *опаскаясь* вмѣсто опускаясь; стр. 296-я — *тея* вмѣсто тебя; стр. 298-я — „такія обряды“; стр. 519-я — *drabe* вмѣсто *draba*; стр. 450 — *разстушилаь* вмѣсто *равстушилась* и т. под. Конечно, здѣсь перечислены далеко не всѣ промахи и ошибки г-жи Бороздиной, но и приведенныхъ довольно, чтобы составить ясное понятіе о достоинствахъ ея труда. Въ наше время очень нѣрѣдко говорятъ о педагогическомъ значеніи естествознанія; инымъ хотѣлось бы даже положить его въ основу общеобразовательнаго курса; г-жа Бороздина допускаетъ почти безусловное значеніе естествознанія не только въ начальномъ образованіи, но и во всей послѣдующей жизни человѣка. А между тѣмъ книга ея можетъ служить однимъ изъ тяжкихъ обвиненій естествознанію. Читая и перечитывая эту книгу, невольно убѣждаешься, что она способна только сбить ребенка съ прямого пути, задавить его массою случайныхъ подробностей, наконецъ отучить, если онъ привыкъ, мыслить ясно, отчетливо, правильно; а если такой привычки не имѣется, то пріучить мысль учащихся къ беспорядочности, къ понлоу самоупіренности, къ перхоглядству. Книга г-жи Бороздиной обильна матеріаломъ, но выборъ его плохъ, обработка не педагогична. Что касается политинажей, то ихъ очень много и они вообще удовлетворительно выполнены; будь книга лучше составлена, они могли бы служить ей прекраснымъ дополненіемъ.

С. Мирнопольскій.

Опытъ образцовъ систематическаго диктанта. Составленъ комиссіею при второй Московской гимназіи. Москва. 1873.

„Поводомъ къ составленію „Опыта“, говорится въ предисловіи разбираемой нами книги, — „послужила мысль *объединить*, на сколько это возможно, русское правописание, чтобъ устранить затрудненіе для другихъ преподавателей въ виду письменныхъ работъ, входящихъ въ составъ экзаменовъ воспитанниковъ гимназій“. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, на сколько можетъ быть авторитетна въ этомъ дѣлѣ вторая Московская гимназія, хотя и опирающаяся на авторитетъ академическаго словаря, но иногда дѣйствующая вопреки этому авторитету (иначе „Опытъ“ былъ бы и излишній при существованіи означеннаго словаря); посмотримъ только, есть ли какое-нибудь *единство*, какая-нибудь послѣдовательность, разумѣется — въ предѣлахъ *возможности*, въ правописаніи, предлагаемомъ самою комиссіею второй гимназій? Возьмемъ для примѣра нѣсколько совершенно аналогическихъ по образованію и одинаковыхъ по выговору словъ, попавшихся намъ въ орфографическомъ указателѣ „Опыта“ и частію въ самомъ „Опытѣ“:

Будочникъ, башмачникъ. Въ русской орфографіи принято слышимый въ выговорѣ звукъ *ш* вмѣсто звуковъ *ч* и *ж*, образовавшихся изъ смягченія *к* и *ж*; писать чрезъ подлинныя звуки, которые замѣнили въ выговорѣ *ш*: *лавочникъ, Рожковъ*, — въ отличіе отъ словъ, въ которыхъ *ш* образовалось изъ смягченія *х*: *Глушковъ, востружика*. Почему же изъ этого, утвердившагося въ правописаніи, обычая исключать слово: *башмачникъ*?

Песчаный, дощатый. Въ произношеніи постоянно слышится вмѣсто звуковъ *сч, зч* — *ш*, а вмѣсто *тс, дс* — *ц*. Наше правописание и здѣсь держится этимологическаго начала: пишутъ *израчатый, считать, сиротскій, посадскій*. Никакого нѣтъ основанія исключать отсюда и *дощатый* и вносить, такимъ образомъ, двойственность правописанія въ совершенно аналогическихъ случаяхъ. Подобное исключеніе можетъ быть допущено развѣ для слова *Полоцкъ*, ради его древности.

Хлоснуть, нахлестнуть, свистнуть. Здѣсь очевидно, комиссія нисколько не позаботилась предварительно уяснить себѣ то дѣло, за которое вдалась. Въ отношеніи приведенныхъ словъ и аналогическихъ съ ними наша орфографія ни на чемъ не остановилась, что отразилось и въ академическомъ словарѣ и повторяется въ „Опытѣ“.

часть СЛХУ, отд. 3.

2

Между тѣмъ, вопросъ о правописаніи этихъ словъ легко разрѣшимъ даже при маломъ знакомствѣ съ грамматикой. Извѣстно, что какъ въ русскомъ, такъ и въ церковно-славянскомъ языкѣ весьма часто согласные: *д, т, з, к, б, п* опускаются передъ плавными *л, м; н* и особенно передъ окончаніемъ глаголовъ на *нуть* (см. Учебникъ русской грамматики *Буслаева*, § 24), и въ тѣхъ случаяхъ, когда они не произносятся, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не пишутся: *мель, плель, метль, плетль, пль*, а не *идль, уялнуть, а не уялднуть, ялянуть, тлянуть, тиснуть, приснуть, уснуть, повернуть*; а не *ляднуть, тлянуть, тискннуть, прискннуть, уснннуть, повертнннуть*. Такое общее явленіе въ нашемъ правописаніи даетъ право и слова *гласннуть, свисннуть* писать безъ *т*, тѣмъ болѣе, что вставка *т* въ этихъ словахъ, выходя изъ общаго правила правописанія, можетъ подать поводъ произносить ее при чтеніи, что поведетъ къ неблагозвучности и разговорнаго языка у грамотнаго люда. То же самое слѣдуетъ замѣтить о словахъ: *постлаль* (постилать), *стклянка*, произносимыхъ *послааль, склянка*. Въ послѣднемъ словѣ стекаются передъ *л* три согласные, что крайне не благозвучно; поэтому и въ академическомъ словарѣ пишется *склянка*; „Опытъ“ же измѣнилъ это слово въ *стклянка*.

Искусство, искусственный. Почему? „Опытъ“ отвѣчаетъ: „Допуская въ словѣ *искусство* удвоеніе *с* послѣ *у*, академической словарь не употребляетъ этого удвоенія въ прилагательномъ *искусственный*“. Но можетъ быть, въ академическомъ словарѣ въ прилагательномъ опечатка, или недосмотръ, такъ какъ оно стоитъ одиноко, то-есть, нѣтъ отъ него производныхъ словъ? Произносимъ мы и то, и другое слово одинаково, а именно, въ избѣжаніе по духу русскаго и церковно-славянскаго языкоудвоенія одинаковыхъ согласныхъ (см. Учебникъ грамматики *Буслаева*, § 23), произносимъ одно *с*. Слѣдовательно, надо или по фонетическому началу писать въ обоихъ случаяхъ одно *с*, или по этимологическому началу два *с*. Касательно удвоенія согласныхъ должно замѣтить, что русскій языкъ не всегда избѣгаетъ этого удвоенія: *пламенный, деревянный, ссора* и пр. Поэтому удвоенныя согласныя такъ обыкновенно и произносятся читающими. Отсюда видно, что и удвоеніе согласныхъ безъ нужды, какъ и вставки ихъ, можетъ повредить чистотѣ и легкости какъ чтенія, такъ и разговора грамотнаго люда. Вотъ почему люди, сознательно соблюдающіе орфографію, не употребляютъ безъ нужды удвоенія согласныхъ. То же самое надо замѣтить и о словахъ въ „Опытѣ“: *литтература, корридоръ, форрейторъ* и пр., которыя уже многіе пишутъ безъ удвоенія. Въ нѣ-

которых словах вовсе исчезло удвоение въ современной письменности, но восстанавливается въ „Опытѣ“, напримѣръ: *адрессъ, портмонне, аккула* и пр. Но не подумайте, что комиссія держалась своего принципа, именно писать согласно съ орфографіей того языка, отъ котораго заимствовано слово. Нѣтъ, она иногда не употребляетъ удвоенія тамъ, гдѣ его еще большею частію употребляютъ: *стеклянный, апетить, балъ*, (отгѣтка, стр. 3), но на страницѣ 97—*балль* и въ первомъ случаѣ не опечатка, потому что слова *балъ* и *апетить* приведены какъ образцы измѣненія иностранныхъ словъ въ современномъ правописаніи.

Цифра, цифрованный. Слово *цифра*, простонародное *цифирь*, такъ обрусѣло, что на ряду съ словами *цирюльникъ, цимбалы* и др., нѣтъ нужды подводить его подъ иностранное правописаніе; а если слово *цифра* пишется по-русски съ *и*, то нѣтъ основанія и *цифрованный* писать черезъ *и*. Иначе надо будетъ спросить, какъ писать *цифровой*, о чемъ не упомянуто въ „Опытѣ“

Розискъ, предыдущій. Въ обоихъ случаяхъ слышимый въ разговорѣ звукъ *и* образовался изъ *и*. Когда же писать *и* и когда *и*? Такъ какъ большею частію мы пишемъ въ этихъ случаяхъ *и*, которое и состоитъ именно изъ звуковъ *и*, то вовсе нѣтъ нужды въ иномъ изображеніи этого звука.

Басъ, генералбассъ. Почему отъ прибавленія слова *генераль* обыкновенное правописаніе слова *басъ* должно измѣниться?

Галстукъ, фартукъ, матрозъ. Происхожденіе первыхъ двухъ словъ одинаково — *Halstuch, Vortuch*. Оба слова одинаково обрусѣли, замѣнивъ притомъ звукъ *х* звукомъ *к*, и образовали производныя слова, смягчивъ *к* въ *ч*, тогда какъ *х* смягчается въ *ш*: *галстучекъ, фартучекъ*. Почему же *фартухъ*? Даже въ академическомъ словарѣ *фартукъ*. Тутъ уже мудрствуетъ сама комиссія — и мудрствуетъ неудачно. Она рѣшилась также восстановить нѣмецкое произношеніе слова *матрозъ*, именно *матрозъ* (*Matrose*), давно уже вышедшее изъ употребленія; итакъ, стало быть, множественное число будетъ: *матрозы*?

Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ „Опытѣ“ отразилась какъ нельзя болѣе вся безпорядочность русскаго правописанія, если взять нашу письменность en masse, и безпорядочность эта предлагается въ руководство другимъ. До сихъ поръ мы видѣли отсутствіе единства правописанія, сопоставляя аналогическія по образованію слова, попавшія намъ въ „Опытѣ“. Представимъ еще нѣсколько примѣровъ.

Женить. Почему не *жен-ить*, какъ *баб-ить*, *сестр-ить*, *Над-ить*?

Пеклеванный. Во всякой грамматикѣ есть правило, что причастіе страд. прош. въ смыслѣ прилагательнаго пишется съ однимъ *н*, зачѣмъ же исключать слово *пеклеванный*?

Деревянить. Этотъ глаголъ образовался отъ существительнаго *дерево*, какъ *столб-снуть* отъ *столб-ъ*, по аналогіи съ глаголами *ка-мскнуть*, *пьямскнуть*, существительныхъ которыхъ имѣли на концѣ носовой звукъ. По этому оба вышеупомянутые глагола должно писать одинаково.

Потчивать. Въ „Филологическихъ розысканіяхъ“ Я. Б. Грота доказана необходимость писать это слово *потчевать*, *потч-ую*, какъ *ноч-евать*, *ноч-ую*. Такъ какъ правописаніе его еще не утвердилось, — одни пишутъ *потчивать*, другіе *подчивать*; третьи *подчевать*, — то и легко ввести эту форму слова, согласную съ общими законами измѣненія глагола; иначе будетъ непонятно, какими образомъ *потч-ивать* имѣетъ наст. вр. *потч-ую*, ябо нѣтъ ни одного глагола на *ивать*, который имѣлъ бы наст. вр. на *ую* или *ю*.

Придерживаясь Академическаго Словаря, „Опытъ“ въ нѣкоторыхъ словахъ узаконяетъ одну форму слова вмѣсто существующихъ и въ живой рѣчи и на письмѣ двухъ, изъ коихъ каждая имѣетъ право на существованіе.

Вырабатывать, (*но нѣтъ вырабатывать*). Такъ говоритъ „Опытъ“. Отчего же „нѣтъ“, когда та и другая форма существуютъ въ живой рѣчи и въ письменномъ языкѣ, и когда послѣдняя форма вполне согласна съ духомъ русскаго языка, въ которомъ весьма часто глаголъ, при переходѣ изъ вида совершеннаго, однократнаго въ видъ несовершеннаго, многократнаго, перемѣняетъ *о* въ *а*: *поклониться*—*кланяться*, *коснуться*—*касаться*? Если же нѣтъ *вырабатывать*, то гдѣтъ и *зарабатывать*, *обработывать* и т. д. То же самое слѣдуетъ замѣтить о приведенныхъ въ „Опытѣ“ глаголахъ: *высолить*, *выкормить*; вполне возможна и существовать форма *высалить*, *выкормить*, хотя въ этой формѣ приведенные глаголы имѣютъ двойное значеніе, опредѣляемое только смысломъ рѣчи, что бываетъ и со многими другими словами.

Колодезь. Болѣе употребительна форма *колодець*, *съ колодець*.

Пособить. Въ литературномъ языкѣ существуетъ только форма *пособить*, откуда *пособіе*, а не *подсобіе*.

Изгояя употребительныя въ литературѣ формы словъ, комиссія вводитъ неупотребительныя, такъ въ указателѣ мы встрѣчаемъ: *Еру-*

саалимъ и *Иерусалимъ*“. Первая форма даже поставлена на первомъ планѣ. Коммиссія, вѣроятно, имѣла въ виду употребленіе ея въ стихахъ, но особенности стихотворнаго правописанія не должны быть принимаемы во вниманіе при составленіи правилъ русской орфографіи. Въ „Опытѣ“ встрѣчаются также формы: *пламень* вм. *пламя*.

Составляя диктантъ на переносъ словъ, коммиссія руководствовалась, при раздѣленіи двухъ согласныхъ, не правилами какой-нибудь грамматики, а обычаями, существующими развѣ только у учениковъ первыхъ классовъ—одну изъ согласныхъ относить всегда къ предъидущему, а другую къ послѣдующему, напримѣръ (№ 80): *смотрѣть, жертвовать, каж-дый, тет-радь, заблужденіе*. (Срви. Учеб. русской грамматики *Буслаева*, § 25).

Къ „Опиту систематическаго диктанта“ приложены и „Теоретическія замѣтки“ касательно правилъ русскаго правописанія. Эти правила, какъ и самоо. правописаніе, отличаются также путаницей и незваніемъ грамматики. Вотъ примѣры:

§ 7. Если окончаніе существительнаго *іе* сокращается въ *е* и нѣтъ ударенія въ окончаніи, то можно писать въ предложномъ надежѣ и ѣ. и. и. § 10. Если *іа* сокращается въ *я*, то ѣ сохраняется въ предложномъ надежѣ. Значить, *о помѣстѣ* можно написать, но *о Настаси* нельзя; а *о Васильи* можно ли написать—пока не известно. За чтѣ же средній родъ пользуется преимуществомъ предъ другими, оканчиваясь на *а* что ему угодно въ предложномъ надежѣ? Слѣдовало бы, кажется, уравнивать права всѣхъ родовъ, и такъ какъ по обращеніи *и* въ *ь* уже нѣтъ основанія измѣняться буквѣ *ь* въ *и*, ибо условіе уподобленія звуковъ или ассимиляціи пропадаетъ, то существительныя всѣхъ родовъ съ *ь* передъ окончаніемъ въ предложномъ надежѣ должны оканчиваться на *ь*, тѣмъ болѣе, что это *ь* явственно и слышно даже въ существительныхъ средняго рода, когда удареніе падаетъ на окончаніе, напримѣръ, *о житѣ*, *о бытѣ*.

„Прилагательныя на *ой* въ смыслѣ существительныхъ имѣютъ родит. на *ова*“ (§ 15). Такимъ образомъ, слово *молодой*, относясь къ человѣку еще не женатому, имѣетъ родит. на *аю*, по общему правилу прилагательныхъ; но какъ скоро этотъ же человѣкъ женится, то онъ пользуется особеннымъ правиломъ въ грамматикѣ—въ родит. падежѣ названіе его ужъ оканчивается на *ова*: *молодова*. Есть ли, дѣйствительно, потребность различать эти отгѣнки въ правописаніи? Правило это выписано изъ „Исторической грамматики“ г. Буслаева, который, впрочемъ, не внесъ его въ свой учебникъ, вѣроятно, по его неудобству.

Рациональнѣе поступаютъ тѣ, которые вообще прилагательныя на *ой*, имѣющія совершенно особенный звукъ въ окончаніи род. пад. отъ прилагательныхъ на *ий*, оканчивають всегда на *ою*, будь это прилагательное употреблено въ смыслѣ существительнаго или прилагательнаго. Окончаніе *ою* для прилагательныхъ на *ой* не имѣетъ преданія и въ церковно-славянскомъ языкѣ, потому что прилагательныхъ на *ой* въ церковно-славянскомъ языкѣ не существуетъ. Буква *о* въ окончаніи *ою* встрѣчается въ нашей письменности и въ другихъ словахъ, напримѣръ, *какого, одною*; буква же *е* въ этомъ окончаніи является какою-то странною аномаліей.

§ 20. „Если въ составъ числительнаго сложнаго входитъ связывающая частица *на*, то *ь* въ срединѣ не пишется, потому что первая половина числительнаго образуется въ такомъ случаѣ не изъ количественнаго, а изъ порядковаго въ краткой формѣ, напримѣръ, *пятнадцатъ (пять на десять)*“. Объясненіе невѣрное: *пять на десять* или *пятый на десять* по славянски значить пятнадцатый, а не пятнадцатъ; въ числительномъ же *пятнадцатъ* какъ первая, такъ и вторая часть образовались изъ количественнаго числительнаго, по-славянски *пять на десять*, при чемъ въ русскомъ языкѣ опущено только *ь*, что бывааетъ и въ другихъ сложныхъ словахъ, въ которыхъ въ церковно-славянскомъ языкѣ есть въ срединѣ *ь*. Въ числительномъ же пятьдесятъ *ь* удержалось и въ русскомъ языкѣ, какъ пріятнѣе падежа, ибо въ этомъ числительномъ склоняются обѣ составныя части: родит. *пятидесяти* и т. д.

§ 29. „Напоследокъ, числительныя, начиная съ 40 (то-есть, съ 50-ти) 50, 60, 70, 80, принимаютъ при выраженіи ихъ буквами на концѣ букву *ь*, а не *ь*, потому что вторая половина этихъ числительныхъ, *десять*, образовалась изъ старинной формы род. пад. множ. ч. *десять* (сравни: *самъ-десять, самъ-пять*)“. Въ *пятьдесятъ*, дѣйствительно, *десять* образовалось изъ родит. множ. ч.; а въ *самъ-десять, самъ-пять* изъ порядковыхъ *десятымъ, пятимъ*, то-есть, самъ десятый, пятый, или съ собою всего десять, пять; это видно какъ по смыслу, такъ и потому, что древней формы род. пад. *пять* не было.

Такимъ образомъ, чтобы даже сдѣлать кой-какія измѣненія изъ грамматики, надо нѣсколько уразумѣть ее, чего не замѣтно въ теоретическихъ замѣткахъ „Опыта“.

Въ заключеніе, позволимъ себѣ высказать, какъ выводъ изъ нашихъ замѣтокъ, нѣкоторые принципы, которые намъ кажутся необходимыми для возможнаго объединенія правописанія.

1) Преобладающее начало нашего правописанія этимологическое, то-есть, правописание основано на производствѣ словъ; безъ нужды отъ этого начала не слѣдуетъ и уклоняться.

2) Если этимологическій составъ слова слишкомъ сильно расходится съ произношеніемъ, и изображеніе его этимологическое можетъ повредить благозвучному, въ духѣ русскаго языка, его произношенію, то правописание сообразуется съ произношеніемъ.

3) Отступленіе отъ фонетическаго начала въ правописаніи особенно можетъ повредить произношенію тогда, когда аналогическія по образованію слова пишутся различно, напримѣръ, *иссернуть*, *свистнуть*.

4) Иностранныя слова, если они обрусѣли, то-есть, сдѣлались народными, измѣнивъ произношеніе, и тѣмъ болѣе, если отъ нихъ есть уже производныя слова, слѣдуетъ писать по русскому произношенію и правописанію.

5) При двухъ формахъ слова, существующихъ и въ живой рѣчи, и въ письменномъ языкѣ, и имѣющихъ одинаковое право на существованіе, не слѣдуетъ исключать какую-нибудь одну изъ нихъ.

К. Вѣликовій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1872 году: личный составъ преподавателей; вакантныя кафедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; темы для соисканія наградъ медалями; ученыя труды преподавателей и читанья ими публичныя лекціи; испытанія на ученые степени и званія; командировки съ учебною цѣлью; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учреждений.—Устройство студенческой читальни въ Варшавскомъ университетѣ.—Ходатайство общества Харьковскаго университета о причисленіи химіи къ главнымъ предметамъ въ разрядѣ естественныхъ наукъ и о введеніи въ этотъ разрядъ чтенія курса высшей математики. О перенесеніи преподаванія гистологіи въ университетѣ св. Владиміра со втораго курса на первый.

По дѣйствующимъ нынѣ уставу и штату 18-го іюня 1863 года, въ Казанскомъ университетѣ полагается преподавателей: по историко-филологическому факультету—12 профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ, 2 преподавателя восточныхъ языковъ въ званіи экстраординарнаго профессора и 7 доцентовъ; по физико-математическому факультету—16 профессоровъ и 3 доцента; по юридическому—13 профессоровъ и 6 доцентовъ; по медицинскому—16 профессоровъ и 17 доцентовъ (въ томъ числѣ 2 прозектора). Сверхъ того, полагается одинъ профессоръ православнаго богословія, 4 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ, 3 помощника прозектора и 6 лаборантовъ. Число ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ распределено по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ; ординарныхъ,—8, экстраординар-
часть CLXX, отд. 4.

ныхъ—4; въ физико-математическомъ: ординарныхъ—11, экстраординарныхъ—5; въ юридическомъ: ординарныхъ—9, экстраординарныхъ—4; въ медицинскомъ: ординарныхъ—11, экстраординарныхъ—5. Вообще при университетѣ полагается: профессоръ православнаго богословія—1, ординарныхъ профессоровъ—39, экстраординарныхъ—18, доцентовъ—31, лекторовъ—4, прозекторовъ—2, помощниковъ прозектора—3, лаборантовъ—6. Къ началу 1873 года, состояло на лицо штатныхъ преподавателей по всѣмъ факультетамъ: профессоръ православнаго богословія—1, ординарныхъ профессоровъ—29, экстраординарныхъ—6, доцентовъ—7, преподавателей—1, прозекторовъ—1, помощниковъ прозектора—3, лаборантовъ—6, лекторовъ—2, а всего 56 лицъ. Сверхъ того, состоялъ одинъ сверхштатный преподаватель по психіатріи и 6 приватъ-доцентовъ, читавшихъ греческій языкъ, латинскій языкъ, международное право, отіатрію, нервы и важныя болѣзни. Независимо отъ сего приглашены были для временнаго преподаванія: логики и психологіи—доцентъ Казанской духовной академіи *Снегиревъ* и каноническаго права—экстраординарный профессоръ той же академіи *Бердниковъ*. Изъ положенныхъ по уставу кафедръ оставались незаимѣнными: философіи—съ ноября 1869 года; греческой словесности—съ 7-го октября 1870 года; римской словесности—со второй половины 1869 года; славянской филологіи—со второй половины 1872 года; сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, исторіи всеобщей литературы и теоріи и исторіи искусствъ—со времени введенія въ дѣйствіе университетскаго устава 1863 года; второй кафедры математики—съ 11-го декабря 1871 года; геологіи и палеонтологіи—съ 18-го декабря 1871 года; агрономической химіи—съ 27-го марта 1870 года; физической географіи—со времени введенія въ дѣйствіе университетскаго устава 1863 года; государственнаго права—со второй половины 1870 года; уголовного права—съ 9-го іюля 1870 года; международнаго права—съ 11-го сентября 1870 года; каноническаго права—съ 9-го сентября 1869 года; исторіи славянскихъ законодательствъ—со времени введенія въ дѣйствіе университетскаго устава 1863 года; теоретической хирургіи—съ 2-го ноября 1870 года; гигиены—съ 18-го декабря 1871 года; общей патологіи—съ 15-го апрѣля 1872 года.

Въ 1872 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—20, въ томъ числѣ два публичныхъ; физико-математическій—32, изъ нихъ два публичныхъ; юридическій—10, въ томъ числѣ одно публичное по поводу защищенія докторской диссертациа до-

центомъ *Осиновимъ*; медицинска — 39, въ томъ числѣ два публичныхъ, назначенныхъ для защищенія докторскихъ диссертаций. За немѣнимъ штатныхъ преподавателей, чтеніе лекцій по означеннымъ ниже предметамъ поручено было слѣдующимъ лицамъ: преподаваніе логики и психологій—доценту, вынѣ экстраординарному профессору Казанской духовной академіи *Степуреву*; преподаваніе греческаго и латинскаго языковъ, по примѣру предыдущаго года, преподавателямъ 2-й казанской гимназіи *Иноземцеву* и *Гюозеву*, въ качествѣ приватъ-доцентовъ; преподаваніе исторіи всеобщей литературы—ординарному профессору *Н. Осокину*, нѣмецкаго языка—лектору англійскаго языка *Бересфорду*; преподаваніе химіи—магистру *Глинскому*, избранному въ доценты; преподаваніе физической географіи—приватъ-доценту *Смирнову*; государственнаго права—заслуженному ординарному профессору *Станиславскому*; уголовнаго права—исправляющему должность ординарнаго профессора *Соколову*; международнаго права—приватъ-доценту *Иванову*; каноническаго права—экстраординарному профессору Казанской духовной академіи *Вердникову*; общей патологій и терапіи—докторамъ *Хомякову* и *Болдыреву*, въ качествѣ приватъ-доцентовъ; изъ нихъ первому—сифилидологій и дерматологій, второму—сміотичи и діагностики, третьему—ларингоскопій. Для приготовленія къ занятію вакантныхъ кафедръ, командированы были за границу: кандидаты *Зеленогорскій* и *Смирновъ*—по философій, кандидатъ *Небоклоновъ*—по всеобщей исторіи, преимущественно по исторіи славянской; магистръ *Виноградскій*—по уголовному праву.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ занятіями ихъ, приняты были слѣдующія мѣры: на историко-филологическомъ факультетѣ: а) по примѣру прошлаго года и съ разрѣшенія факультета, независимо отъ сочиненій, представленныхъ въ срокъ, нѣкоторые студенты IV курса, изъявившіе желаніе заниматься спеціально русскою словесностію, читали, подъ руководствомъ ординарнаго профессора Булича, пробныя уроки; б) практическія занятія по русской исторіи со студентами III курса (проф. Ойрсовъ), состояли въ ближайшемъ ознакомленіи ихъ съ важнѣйшими источниками и изслѣдованіями по этому предмету, посредствомъ разбора ихъ, въ чтеніи замѣчательныхъ въ нихъ мѣстъ, въ чтеніи самими студентами, въ присутствіи товарищей, пробныхъ уроковъ, и наконецъ, въ бесѣдахъ по поводу этихъ уроковъ. Въ такого рода занятіяхъ принимали участіе нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ студентовъ;

и прочитанные ими пробные уроки оказались составленными весьма тщательно, обнаруживая въ нихъ достаточное знакомство съ литературой науки; каждый старался придать своему чтенію необходимые педагогическія качества; в) по греческому языку приватъ-доцентъ Иновемцевъ открылъ со втораго полугодія спеціальныя чтенія для желающихъ студентовъ III и IV курсовъ; чтенія эти дѣлались по два раза въ мѣсяцъ и состояли въ разборѣ принятаго въ гимназіяхъ учебника греческаго языка Кюнера, при чемъ излагались въ системѣ синтаксиса этого языка сравнительно съ русскимъ; г) практическія занятія по латинскому языку (приватъ-доцентъ Гвоздевъ) происходили съ тѣми студентами III и IV курсовъ, которые заявили желаніе занять въ послѣдствіи должности преподавателей латинскаго языка въ гимназіяхъ. Практическія занятія вѣдены были, по одному разу въ недѣлю во все второе полугодіе, въ такомъ порядкѣ: одинъ изъ студентовъ, въ опредѣленный день, давалъ, въ присутствіи всѣхъ студентовъ историко-филологическаго факультета, пробный урокъ, состоявшій обыкновенно изъ перевода, объясненія и разбора указанной статьи изъ римскихъ авторовъ. Послѣ прочтенія урока происходили оживленные диспуты между студентами.—*На физико-математическомъ факультетѣ*—сверхъ годовыхъ испытаній, производились полугодичныя репетиціи и назначались особыя практическія занятія. Эти послѣднія заключались въ слѣдующемъ: а) по математикѣ: въ рѣшеніи задачъ, преимущественно по геометріи и по анализу безконечно-малыхъ, которыя рѣшались или подъ непосредственнымъ руководствомъ преподавателя, или предлагались для самостоятельнаго рѣшенія. При рѣшеніи геометрическихъ задачъ имѣлось въ виду развитіе способности къ умственнымъ представленіямъ геометрическихъ мѣстъ. б) По минералогіи: занятія въ лабораторіи студентовъ высшихъ курсовъ естественнаго разряда состояли въ производствѣ минеральнаго анализа; студентовъ II курса—въ опредѣленіи физическихъ и химическихъ свойствъ минераловъ, входящихъ въ составъ горныхъ породъ; студентовъ I курса—въ опредѣленіи комбинацій кристаллическихъ формъ; в) по химіи: студенты III и IV курсовъ занимались приготовленіемъ важнѣйшихъ препаратовъ изъ неорганической химіи, приготовленіемъ и изученіемъ превращеній представителей важнѣйшихъ классовъ органическихъ соединений. Занятія студентовъ младшихъ двухъ курсовъ естественнаго и I курса математическаго разрядовъ состояли въ изученіи качественного анализа. в) По технической химіи: студенты III курса естественнаго разряда занимались техническимъ анализомъ;

г) По физикѣ: практическія занятія со студентами естественнаго разряда состояли въ взвѣшиваніи и объясненіяхъ теоріи вѣсовъ и въ опредѣленіи плотности газовъ и паровъ. д) По ботаникѣ: практическія занятія студентовъ V и IV курсовъ были по опытной физиологій преимущественно высшихъ растений и по морфологій и систематикѣ споровыхъ растений. По первому изъ названныхъ отдѣловъ были произведены изслѣдованія касательно превращенія веществъ (глистическое соотношеніе различнаго рода продуктовъ, изъ которыхъ образуются клеточныя оболочки) и относительно вліянія свѣта и теплоты на растенія, приче́мъ было обращено вниманіе главнымъ образомъ на дѣйствіе свѣта на ассимиляцію, отношеніе свѣта къ образованію формы растеній и ходъ растительныхъ процессовъ при различныхъ температурахъ. При этомъ слушателями не только усвоены необходимыя приемы, но произведены не безынтересныя наблюденія касательно вліянія этиоліціи на форму развивающихся органовъ и относительно физиологической роли салицина. е) По зоологій: студенты III и IV курсовъ занимались изслѣдованіемъ анатомическаго строенія простѣйшихъ безкишечныхъ и червей. Кромѣ формъ мѣстныхъ, были произведены анатомическія наблюденія надъ многими морскими червями изъ группы Chaetopoda, Gephyrea и проч., и надъ морскими гидродными полипами. При занятіяхъ червями было обращено вниманіе на строеніе сосущихъ глистовъ (Trematodos) и ихъ развитіе. Кромѣ анатомическаго строенія, студенты занимались опредѣленіемъ прѣсноводныхъ и морскихъ формъ названныхъ типовъ. Затѣмъ, изучали формы иглокожихъ, суставчатовогиыхъ и моллюсковъ, знакомясь съ внѣшнимъ и внутреннимъ строеніемъ морскихъ ежей, морскихъ звѣздъ и голотурій, съ строеніемъ и отчасти развитіемъ низшихъ и высшихъ раковъ, паукообразныхъ и насѣкомыхъ. Между различными моллюсками были изслѣдованы, кромѣ мѣстныхъ легочныхъ, явноголовыхъ, различные морскіе моллюски: асцидин и сальпы, при чемъ было указывася на перемещающееся размноженіе сальпъ и были изслѣдованы какъ одиночныя, такъ и цѣльныя сальпы. Студенты двухъ младшихъ курсовъ занимались, по собственному желанію, изслѣдованіемъ тѣхъ объектовъ, съ которыми они знакомились въ теоретическомъ курсѣ. Въместо поѣрочныхъ полугодичныхъ испытаній, были произведены практическія занятія по пройденнымъ типамъ животныхъ. Студенты III и IV курсовъ занимались разсѣченіемъ труповъ позвоночныхъ животныхъ и приготовленіемъ препаратовъ какъ отдѣльныхъ органовъ, такъ и цѣлыхъ органическихъ си-

стежь, усвоивъ такимъ образомъ приемы и способы зоотическихъ изысканій и приобретаъ новыя къ самостоятельной выработкѣ научныхъ фактовъ. Объектами для такихъ занятій служили: *amphioxus lanceolatus*, мяноги, стерляди, еноты и представители различныхъ семействъ костистыхъ рыбъ; затѣмъ лягушки, птицы и нѣкоторые представители звѣрей, именно изъ группы хищныхъ, грызуновъ и насекомоядныхъ. Въ связи съ этими занятіями, съ цѣлью пополненія фактическихъ свѣдѣній о строеніи позвоночныхъ животныхъ, студенты обязаны были изучать сравнительно-анатомическіе препараты мучел. Кроме того, студенты тѣхъ же курсовъ занимались распознаваніемъ группъ каждаго изъ классовъ позвоночныхъ и опредѣленіемъ родовыхъ и видовыхъ признаковъ отдѣльныхъ формъ животныхъ этого отдѣла. Възвѣтъ репетицій, студентамъ предлагалось различать семейства и опредѣлять виды птицъ мѣстной фауны. — *На юридическомъ факультетѣ*, въ видахъ усиленія учебной дѣятельности студентовъ назначены были двѣ темы на соисканіе медалей. Мѣры контроля надъ занятіями студентовъ были тѣ же, что и въ предыдущемъ году. Ординарный профессоръ Кремлевъ занимался со студентами I-го курса юридического разряда „толкованіями источниковъ римскаго права“; исправляющій должность ординарнаго профессора Соколовъ руководилъ студентами IV-го курса юридического факультета въ практическихъ занятіяхъ по гражданскому и уголовному праву и судопроизводству въ особо для того назначавшіеся часы. Ординарный профессоръ Микшевичъ руководилъ студентами III и IV курсовъ государственнаго разряда, по одному часу въ недѣлю въ первомъ полугодіи, въ практическихъ работахъ по кафедрѣ политической экономіи. Результатами учебной дѣятельности этихъ студентовъ были представленныя ими частію взвѣтъ устныхъ репетицій, частію же независимо отъ нихъ или же для соисканія стипендій, письменныя работы по кафедрамъ гражданскаго права и судопроизводства — 17, изъ коихъ 6 отличныхъ; уголовного права и судопроизводства — 10, изъ коихъ 7 отличныхъ; исторіи русскаго права — 6, изъ коихъ 3 отличныхъ; исторіи иностранныхъ законодательствъ — 22, изъ коихъ 10 отличныхъ; финансоваго права — 1, отличная; политической экономіи — 5, изъ коихъ 3 отличныхъ. — *На медицинскомъ факультетѣ* мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и способа контроля надъ занятіями ихъ, кромѣ переводныхъ исчитаній и репетицій, заключались въ слѣдующемъ: а) по факультетской терапевтической клиникѣ студенты IV-го курса, подъ ру-

ководствомъ профессора, занимались діагностикою и леченіемъ внутреннихъ болѣзней и ознакомленіемъ съ методами изслѣдованія больныхъ; б) по факультетской хирургической клиникѣ студенты того же курса, подъ руководствомъ профессора, занимались діагностикою хирургическихъ болѣзней на больныхъ приходящихъ и лежащихъ въ хирургической клиникѣ. Сверхъ того, они производили операціи и занимались упражненіями на трупахъ подъ руководствомъ ординатора, по порученію факультета и совѣта; в) по отдѣленію офтальмологической клиникѣ практическія занятія по офтальміатріи состояли со студентами IV-го курса въ офтальмоскопическихъ упражненіяхъ, сначала на фантомахъ, затѣмъ на людяхъ, для чего студенты раздѣлялись на группы въ 3 и 4 человѣка каждая, — каковыя упражненія производились по вечерамъ, отъ 5 до 7 часовъ. Со студентами V-го курса, кромѣ клиническихъ занятій надъ амбулантными и стационарными больными, производились упражненія въ различныхъ глазныхъ операціяхъ какъ на вырѣзанныхъ глазахъ животныхъ, вставляемыхъ въ назначенныя для этого маски, такъ и на головахъ человѣческихъ труповъ, съ цѣлію упражненія въ операціяхъ надъ окружающими глаза частями. г) По госпитальной терапевтической клиникѣ лекціи и практическія упражненія состояли въ изслѣдованіи и леченіи больныхъ, со студентами V-го курса. д) По госпитальной хирургической клиникѣ студенты V-го курса занимались изслѣдованіемъ больныхъ, постановкою діагноза, прогноза и назначеніи способа леченія при постели больныхъ, при чемъ имъ излагалась сущность даннаго болѣзненнаго процесса, съ его признаками, теченіемъ, исходами и проч. Тамъ, гдѣ должно было производить операціи, таковыя поручались часто самимъ студентамъ-кураторамъ. е) По патологической анатоміи: практическія занятія въ практической гистологіи производились со студентами II-го курса два раза въ недѣлю, а въ патологической анатоміи со студентами III-го и IV курсовъ по мѣрѣ поступленія матеріала для вскрытій и микроскопическихъ изслѣдованій. ж) По судебной медицинѣ студенты V-го курса и фармацевты II-го курса занимались, кромѣ часовъ, означенныхъ въ расписаніи, въ неопредѣленное время. з) По фармакологіи: въ фармакологической лабораторіи студенты III-го курса занимались практическими упражненіями въ фармакологіи два раза въ недѣлю, по два часа. и) Въ медико-химической лабораторіи студенты II-го курса по три часа ежедневно занимались практическими упражненіями въ физиологической химіи; кромѣ того, занимались около 12 человѣкъ студентовъ выс-

шихъ курсовъ, преимущественно III-го курса, и одинъ докторантъ. и) По гистологін студѣнты II-го курса занимались гистологіею практически въ обязательныя для нихъ часы; сверхъ того занимались нѣсколько студентовъ высшихъ курсовъ спеціальными вопросами: i) По физиологической анатоміи: практическія занятія производились ежедневно по три часа, съ 4 до 7 часовъ пополуудни, студентами II-го и III-го курсовъ обязательно, а студентами I-го курса для желающихъ.

Для соисканія наградъ медалями, въ 1873 году предложены были студентамъ слѣдующія темы: въ историко-филологическомъ факультетѣ— „Иосифъ Добровскій и его значеніе въ славянской филологіи“; въ физико-математическомъ— „Физиологическая роль дубильныхъ веществъ“; въ юридическомъ— по предмету исторіи русскаго права. За представляемыя на эти темы сочиненія награждены медалями: золотую— студентъ IV-го курса историко-филологическаго факультета *Снегуръ*; серебряными:— студентъ IV-го курса разряда естественныхъ наукъ *Шель* и студентъ III-го курса юридическаго факультета *Демидовъ* и *Семеновскій*. По медицинскому факультету медалей присуждено не было. Сверхъ того студенту III-го курса юридическаго факультета *Степанову*, за сочиненіе на тему по кодексѣ уголовного права, была выдана премія штабъ-лекаря Лебедева.

Въ 1872 году преподаватели университета наградили въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературныя труды: ординарній профессоръ *Н. Осипкинъ* напечаталъ въ „Ученыхъ Запискахъ“ и отдѣльно второй томъ „Исторія Альбигойцевъ и ихъ времена“, подъ заглавіемъ: „Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока Французами“; доцентъ *Корсаковъ*, въ „Ученыхъ Запискахъ“— „Мера и Ростовское Княжество“ и въ Камско-вожской газетѣ— рецензію на книгу А. Н. Скребицкаго: „Крестыанское дѣло въ царствованіе Александра II-го“; ординарній профессоръ *Ковальскій*— „Sur la réfraction astronomique“; ординарній профессоръ *Леваковскій*— „Къ вопросу о вытѣсненіи однихъ растений другими“, „Значеніе корневищъ и сѣмянъ, паходящихся въ почвѣ“ и „Замѣтку о Lithum Salicaria“; экстраординарній профессоръ *Зилемскій*— „О нѣкоторыхъ черноморскихъ турбелляріяхъ“; экстраординарній профессоръ *Мельниковъ*— „О строеніи Cyloopsis acireperei“; доцентъ *Сорокинъ*— „Микологическія изслѣдованія“ и „Путешествіе къ Ногуамъ“ (отчетъ); доцентъ *Осиповъ* въ „Ученыхъ Запискахъ“— докторскую диссертацію, подъ заглавіемъ: „Брачное право древняго востока“; ординарніе профессора: *Бекетовъ*— „Объ операціяхъ, про-

изведенныхъ въ факультетской хирургической клиникѣ отъ 7-го января по 15-е апрѣля 1872 года"; *Виноградовъ*—редактировалъ переводъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ сочиненія доктора Розенталя „Диагностика и терапия нервныхъ болѣзней“; *Ковалевскій*—„Обзоръ физиологическихъ работъ по иннервации сердца за 1871 годъ“; *Петуловъ*—„Свѣдѣнiя изъ патологическаго кабинета“; *Гвоздевъ*—„Свѣдѣнiя по судебной медицинѣ“; *Доель*—„О причинѣ разнообразiя кристалловъ слѣза“; сворхштатный ординарный профессоръ *Фрезе*—„Ueber die physiologische Unterschiede der Melancholie und Manie“ въ „Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie“ 1872 года, и „О притворномъ помѣшательствѣ“ въ „Медицинскомъ Вѣстникѣ“; экстраординарные профессора: *Адамюкъ*—„О фильтраціонныхъ свойствахъ бѣлковинной и роговой оболочекъ глаза“; *Арштейнъ*—„О развитiи соединительной и мышечной ткани“ и „Ueber Melanaemie und Melanose“. Публичныя лекціи читали: ординарный профессоръ *Левиковскій*—„О питанiи растений“; доцентъ *Сорокинъ*—„О болѣзняхъ растений, зависящихъ отъ грибовъ“; астрономъ-наблюдатель *Виноградскій*—„О метеорологiи“; лаборантъ *Германъ*—„Изъ физики“; ординарный профессоръ *Болцани*—„О вулканахъ и землетрясенiяхъ“; экстраординарный профессоръ *Мельниковъ*—„О превращенiи животныхъ“; ординарные профессора: *Виноградовъ*—„О чувствительной сферѣ нервной системы“; *Ковалевскій*—„О крови и физиологическомъ значенiи ея для организма“; *Гвоздевъ*—„О крови въ судебно-медицинскомъ отношенiи“; *Доель*—„Объ измѣненiи крови подѣ влиянiемъ нѣкоторыхъ лекарственныхъ веществъ на животный организмъ“.

Совѣтъ Казанскаго университета имѣлъ въ теченіе 1872 года 26 засѣданiй. Утверждены въ степени доктора: всеобщей исторiи—доцентъ Николай *Осокинъ*, гражданскаго права—доцентъ Адольфъ *Осиловъ*; въ степени доктора медицины—Владиміръ *Владиміровъ* и Николай *Высоцкій*; въ степени магистра: русской исторiи—Дмитрій *Корсаковъ*, химiи—Григорій *Глинскій* и астрономiи—Владиміръ *Виноградскій*. Возведенъ въ степень доктора русской исторiи академикъ по отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской академiи наукъ, нынѣ умершій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пекарскій*. Затѣмъ удостоены: степени кандидата: по историко-филологическому факультету—9, по физико-математическому—7, по юридическому 32; званiя дѣйствительнаго студента: по историко-филологическому—3, по физико-математическому—5, по юридическому 15. По медицинскому факультету удостоено: степени лекаря—39, званiя уѣзднаго

врача—13, званія акушера—1, степени провизора—17, степени аптекарскаго помощника—30, званія повивальной бабки—77. Оставлены при университетѣ для приготовления къ профессорскому званію: кандидатъ *Боголюбовъ*—по энциклопедіи права, лекарь *Скворцовъ*—по гигиенѣ, физиологической химіи и физиологін, кандидатъ *Цеттковъ*—по каноническому праву. Съ тою же цѣлю кандидатъ *Сорокинъ* отправленъ въ Петровскую немедьбильческую академію для занятія сельскимъ хозяйствомъ, а кандидатъ *Нобосклоновъ*—за границу для занятія всеобщією исторіей. Съ высочайшаго соизволенія командированы за границу съ ученою цѣлю: ординарные профессора *Стетинковъ* и *Михишевнчъ* и доцентъ гальвано-терапии *Несчастливцевъ*.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на 1872 годъ было ассигновано: на содержаніе личнаго состава—189.491 руб. 60 коп., на учебныя пособия хозяйственныя и другіе расходы—62.666 руб. 45 коп., обществу естествоиспытателей при университетѣ—2.500 руб., на стипендіи и пособия студентамъ—32.960 руб., а всего 285.118 руб. 5 коп. По смѣтѣ специальныхъ средствъ, доходовъ по которой изчислено было 23.078 руб. 90 коп. (сбора за слушаніе лекцій—10.720 руб., процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ—3.073 руб. 90 коп., съ университетской типографіи—9.285 руб.), израсходовано 22.962 руб., именно: двухпроцентнаго вычета въ сумму учснаго комитета министерства—214 руб. 40 коп., на добавочную плату механику 120 руб., на стипендіи и пособия бѣднымъ студентамъ—2.680 руб., на стипендіи въ Возѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича—250 руб., на наемъ нѣвчихъ—405 руб., на составленіе капитала для содержанія стипендіатовъ изъ процентовъ—250 руб., на вознагражденіе студентовъ за занятія при нѣкоторыхъ лабораторіяхъ и кабинетахъ—760 руб., на разныя расходы на основаніи §§ 42 и 109 устава университетовъ—776 руб., на содержаніе стипендіатовъ изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ—2.839 руб. 95 коп., двухпроцентнаго вычета въ сумму учснаго комитета—57 руб. 95 коп., на плату причетнику университетской церкви—60 руб., на усиленіе капитала, отдѣленнаго для содержанія стипендіата въ Возѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича—50 руб., на содержаніе типографіи—9.285 руб. Дѣль, подлежащихъ разсмотрѣнію университетскаго суда, въ 1872 году не было.

Студентовъ къ 1-му января 1872 года состояло на лицо—615; въ теченіе года вновь поступило—121, въ томъ числѣ: изъ гимна-

вій — 39, изъ духовныхъ семинарій — 76, изъ другихъ заведеній — 6; вышло: до окончанія курса — 96, по окончаніи курса — 109; затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло на лицо — 531; по факультетамъ они были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ — 61, на юридическомъ — 239, на физико-математическомъ — 62 и на медицинскомъ — 169. Стороннихъ слушателей къ 1-му января 1872 года состояло — 51, въ 1872 году поступило — 56; вышло — 42 (всѣ по окончаніи курса); затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло — 56. Изъ числа студентовъ было освобождено отъ платы — 121, что составляетъ 41% общаго числа студентовъ; слушателей за половинную плату — 21.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Казанскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи. Главная библіотека, къ 1-му января 1872 года, въ общемъ своемъ составѣ содержала: книгъ русскихъ — 5.553, иностранныхъ — 27.816; періодическихъ изданій: русскихъ — 249, иностранныхъ — 522; рукописей: русскихъ — 125, иностранныхъ — 678; плановъ, гравюръ, эстамповъ и фотографій — 298; число томовъ: книгъ — 69.491, на сумму 192.104 руб. 25¹/₄ коп., періодическихъ изданій — 11.538; на сумму 38.037 руб. 21³/₄ коп. Въ 1872 году пришло книгъ: русскихъ — 238, иностранныхъ — 625; періодическихъ изданій: русскихъ — 8, иностранныхъ — 5; рукописей: русскихъ — 2; плановъ, гравюръ, эстамповъ и фотографій — 4. Въ 1872 году убыло: книгъ русскихъ — 3. Затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло: книгъ русскихъ — 5.788, иностранныхъ — 28.441; періодическихъ изданій: русскихъ — 257, иностранныхъ — 527; рукописей: русскихъ — 127, иностранныхъ — 678; плановъ, гравюръ, эстамповъ и фотографій — 302. Число томовъ: книгъ — 71.261, на сумму 197.092 руб. 69³/₄ коп.; періодическихъ изданій — 11.777, на сумму 38.531 руб. 59¹/₄ коп.; всего на сумму 235.624 руб. 29 коп. Въ студентской библіотекѣ къ 1872 году состояло книгъ: русскихъ — 1.493, иностранныхъ — 1.408; періодическихъ изданій: русскихъ — 63, иностранныхъ — 51; рукописей: русскихъ — 2, иностранныхъ — 5; плановъ, гравюръ и фотографій — 20. Въ 1872 году пришло книгъ: русскихъ — 30, иностранныхъ — 32; періодическихъ изданій русскихъ — 5. Періодическихъ изданій иностранныхъ, рукописей, плановъ, гравюръ и фотографій не было. Въ то же время убыло: русскихъ книгъ — 9, иностранныхъ — 1. Къ 1873 году состояло книгъ: русскихъ — 1.514, иностранныхъ — 1.439; періодическихъ изданій: русскихъ — 68, иностранныхъ — 51; рукописей: русскихъ — 2, иностранныхъ — 5; плановъ, гравюръ и фотогра-

фій—20. Всего число томовъ — 11.729, на сумму 25.121 руб. 89 коп. Въ физическомъ кабинетѣ, вмѣстѣ съ метеорологическою обсерваторіей, собраніемъ инструментовъ и картъ по физической географіи, инструментовъ магнитной обсерваторіи и собраніемъ по практической механикѣ, состояло къ 1-му января 1872 года 968 предметовъ, на сумму 36.408 руб. 4 коп. Въ 1872 году приобретено 36 предметовъ, на 899 руб. 15¹/₂ коп., изъ числа коихъ особенно замѣчательны: термостатъ Буизена, стѣнинометръ на форфорѣ, приборъ Кавелли для измѣренія скорости рѣкъ, приборъ для измѣренія скорости теченія воздуха, мѣдный паровикъ по Гофману и приборъ Гофмана для измѣренія упругости паровъ. Затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло— 1.004 предмета, на сумму 37.307 руб. 19¹/₂ коп. Въ химическомъ кабинетѣ и лабораторіи къ 1-му января 1872 года, по документальному каталогу, состояло вещей — 1.498, на 8.314 руб. 37¹/₂ коп., посуды и матеріаловъ — на 3.010 руб. 72¹/₂ коп. Въ 1872 году поступило: вещей — 41, на 555 руб., посуды и матеріаловъ — на 1.363 руб. 37 коп.; убыло въ томъ же году: вещей — 234, на 265 руб. 34 коп., посуды и матеріаловъ — на 1.483 руб. 99 коп. Затѣмъ къ 1-му января 1873 года осталось: вещей — 1.305, на сумму 8.604 руб. 3¹/₂ коп., посуды и матеріаловъ — на 2.890 руб. 10¹/₂ коп. Такъ какъ въ послѣдніе годы рабоче помѣщеніе лабораторіи не соответствовало увеличившемуся числу студентовъ, то необходимо было позаботиться о расширеніи помѣщенія. Съ этою цѣлію, въ 1872 году было вновь устроено 15 частныхъ и 4 общихъ рабочихъ мѣстъ; вновь же приспособлена къ лабораторіи стеклянная галерея была снабжена необходимыми принадлежностями для работъ съ свѣводородомъ. Въ химической лабораторіи занимались 38 студентовъ физико-математическаго факультета, фармацевтовъ и вольнослушателей. Большинство занималось химическимъ анализомъ; студенты же III и IV курсовъ естественнаго разряда работали по органической химіи. Самостоятельными изслѣдованіями занимались: завѣдывающій лабораторіею ординарный профессоръ *Зайцевъ*, докторъ *М. Зайцевъ* и три студента. Въ минералогическомъ кабинетѣ и лабораторіи къ 1-му января 1872 года состояло: 3.808 минеральныхъ штуфовъ, 2.159 кристаллографическихъ моделей, 64 аппарата, всего съ инструментами, химическою посудой, реактивами и мебелью—на 16.434 руб. 8 коп. Въ 1872 году приобретено: два аппарата (изъ нихъ одинъ станокъ для рѣзанія камней, цѣною 100 руб.)—на 104 руб. 50 коп.; коллекція для объясненія физическихъ и химическихъ свойствъ минера-

ловъ—84 руб. 9 коп., 31 кристаллографическія модели—30 руб. 14 $\frac{1}{2}$ коп., инструментовъ, химической посуды и реактивовъ—104 руб. 25 коп. Цѣнность имущества, состоявшаго по геологическому и палеонтологическому кабинетамъ не можетъ быть опредѣлена, по несуществованію окончательнаго раздѣла этихъ кабинетовъ. Въ 1872 году приобретена для геологическаго кабинета коллекція горныхъ породъ, состоящая изъ 400 экземпляровъ и стоящая 99 руб. 70 коп. Въ ботаническомъ саду къ 1872 году состояло: представителей различныхъ группъ растительнаго царства—4.942 экземпляра, посуды и садовыхъ инструментовъ—214 названій. Въ 1872 году приобретено: представителей различныхъ группъ растительнаго царства—46 экземпляровъ, посуды и садовыхъ инструментовъ—76 разныхъ названій. Къ 1-му января, за исключеніемъ по негодности изъ употребленія 14-ти названій, оставалось на лицо 276 названій. Въ теченіе 1872 года произведены были: а) изслѣдованіе физической роли дубильныхъ веществъ, б) опыты надъ акклиматизаціей и прививкой, и в) наблюденія надъ вліяніемъ свѣта на форму растений. Въ ботаническомъ кабинетѣ съ рабочими комнатами для практическихъ занятій студентовъ къ 1872 году состояло: инструментовъ и приборовъ—111, книгъ—117 названій въ 155 томахъ. Въ 1872 году приобретено: инструментовъ и приборовъ—одно названіе (микроскопъ Гундшмека), книгъ—25 названій въ 29 томахъ. Въ гербарій кабинета поступили коллекція растений, собранныхъ бывшими студентами университета: *Смирновымъ*—въ Саратовской губ., *Сергеевымъ*—въ Пермской и *Сорокинымъ*—по западной и восточной части Уральскаго хребта. Въ зоологическомъ кабинетѣ и лабораторіи для препарованія и набиванія животныхъ къ 1-му января 1872 года, за исключеніемъ не приведенныхъ еще въ порядокъ коллекцій, состояло набитыми и въ спирту до 2.406 видовъ животныхъ. Изъято по негодности изъ употребленія—45 предметовъ. Затѣмъ на лицо состояло—2.355. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторією къ 1-му января 1872 года состояло препаратовъ—941. Изъято изъ употребленія препаратовъ: остеологическихъ—29, ангиологическихъ—159, спланхнологическихъ—325, нервныхъ—39. Въ замѣтъ исключенныхъ, кабинетъ пополненъ препаратами, приготовленными исправляющимъ должность лаборанта *Пельцаломъ*. Наибольше важны изъ нихъ суть: препаратъ сердца и кровеносныхъ сосудовъ птицъ, ящерицъ *Psammosaurus*, боа и octopus; по анатоміи морскихъ звѣздъ, препараты нервной системы красноморскихъ рыбъ и скелеты хамелеона, крокодила, *Psammosaurus*, *Diodon*, *Triodon* и

Sophia. При лабораторіи, «кромя инструментовъ для анатомірованія и набиванія шкуръ крупныхъ и мелкихъ животныхъ», состояло шесть микроскоповъ и гальванометръ. Въ 1872 году приобрѣтено инструментовъ на 190 руб. 50 коп. Изъ нихъ наиболѣе цѣнны: два микроскопа Шия и два демонстраціонныхъ микроскопа. Къ 1-му января 1872 года имущество физиологическаго кабинета простиралось на сумму 5.073 руб. 67³/₄ коп. Въ 1872 году приобрѣтено вещей на 195 руб. 66 коп., исключено за негодности—на 298 руб. 65¹/₄ коп. Затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло на лицо вещей цѣностию на сумму 4.970 руб. 68³/₄ коп. Въ теченіе 1872 года въ физиологической лабораторіи работали 18 человекъ, въ томъ числѣ 6 студентовъ. Въ кабинетѣ технической химіи къ 1-му января 1872 года состояло на лицо предметовъ, какъ-то: образцовъ, различныхъ матеріаловъ и продуктовъ, моделей и рисунковъ, 2.442, на 2.522 руб. 38¹/₂ коп. Приобрѣтений и исключений въ 1872 году не было. Въ лабораторіи технической химіи къ 1-му января 1872 года состояло предметовъ и матеріаловъ на 7.298 руб. 45 коп. Въ теченіе 1872 года приобрѣтено и израсходовано матеріаловъ на 379 руб. 9 коп. Затѣмъ осталось къ 1873 году на лицо предметовъ и матеріаловъ на 7.202 руб. 45 коп. Имущество музея физиологической анатоміи къ 1-му января 1872 года состояло въ 1.627 вещахъ, на сумму 3.632 руб. 95 коп. Въ продолженіе 1872 года приобрѣтено различныхъ анатомическихкихъ инструментовъ и пособій 185 вещей, на 228 руб.; исключено по негодности 343 вещи, на 835 руб. 78 коп. Затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло на лицо вещей 1.469, на сумму 3.525 руб. 22 коп. Сверхъ сего, въ 1872 году, подъ ближайшимъ надзоромъ завѣдывающаго музеемъ профессора анатоміи, въ помѣщеніи анатомическаго института устроены залъ и водопроводы; на первый изъ нихъ израсходовано 372 руб. 70¹/₂ коп. изъ средствъ музея. Къ 1-му января 1872 года въ музей патологической анатоміи состояло имущества—на 5.555 руб., препаратовъ—на 2.441 руб. 12 коп. Въ 1872 году приобрѣтено имущества на 185 руб. 24 коп., затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло всего на 8.181 руб. 99 коп. Въ теченіе 1872 года было сдѣлано 184 патолого-анатомическихкихъ изслѣдованій, въ присутствіи студентовъ III и IV курсовъ, причемъ каждое вскрытіе сопровождалось микроскопическимъ изслѣдованіемъ, которое большею частію производили студенты тѣхъ же курсовъ, подъ руководствомъ профессора или его помощника. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ главнѣйшими пособіями служили: 3 микроскопа ра-

боты Гартнака, одинъ микроскопъ, принадлежашій заведывающему кабинетомъ профессору, одинъ спектральный аппаратъ Вунзена и приборъ инструментовъ для вскрытій. Новыхъ инструментовъ и аппаратовъ приобретено не было; взаменъ ихъ куплены были необходимые химическіе матеріалы, въ виду большой потребности въ нихъ. Въ медико-химической лабораторіи къ 1-му январю 1872 года состояло 1.824 вещей и номеровъ, на сумму 5.067 руб. 26 коп. Въ 1872 году поступило 319 вещей и номеровъ, на 1.922 руб. 50 коп.; израсходовано 828, на 1.570 руб. 85 коп. Затѣмъ къ 1873 году осталось 1.315 вещей и номеровъ, на сумму 5.418 руб. 91 коп. Въ первой половинѣ 1872 года въ лабораторіи занималось около 40 студентовъ I курса анатомическою химіей, во второй половинѣ—студенты II курса физиологической химіей. Сверхъ того, въ лабораторіи занималось около 10 студентовъ высшихъ курсовъ и одинъ докторантъ медицины. Въ гистологическомъ кабинетѣ къ 1-му январю 1872 года состояло имущества на 2.006 руб. 59¹/₂ коп. Въ 1872 году сдѣлаю приобретеній на сумму 171 руб. 15 коп.; въ фармакогностическомъ кабинетѣ къ 1-му январю 1872 года состояло: фармакогностическихъ собраній—307, на 375 руб. 16 коп.; фармацевтическихъ препаратовъ—125, на 131 руб. 44 коп.; секретныхъ и восточныхъ средствъ—124, на 127 руб. 30 коп.; моделей кристалловъ—100, на 59 руб. 17 коп.; фармацевтическихъ и химическихъ снарядовъ—123, на 697 руб. 75 коп.; книгъ—21, на 267 руб. 50 коп.; сосудовъ для храненія матеріаловъ и мебели—658, на 403 руб. 70 коп. Въ 1872 году приобретено: фармакогностическихъ собраній—1, на 2 руб.; фармацевтическихъ препаратовъ—11, на 23 руб. 5 коп.; фармацевтическихъ и химическихъ снарядовъ—2, на 15 руб. 50 коп.; посуды и мебели—5, на 47 руб. Въ тотъ же періодъ изъято изъ употребленія: фармакогностическихъ собраній—2, на 2 руб. 20 коп.; фармацевтическихъ препаратовъ—6, на 16 руб. 13 коп. Затѣмъ къ 1-му январю 1873 года состояло: фармакогностическихъ собраній—306, на 374 руб. 96 коп.; фармацевтическихъ препаратовъ—130, на 138 руб. 36 коп.; секретныхъ и восточныхъ средствъ—124, на 127 руб. 30 коп.; моделей кристалловъ—100, на 59 руб. 17 коп.; фармацевтическихъ и химическихъ снарядовъ—125, на 713 руб. 25 коп.; книгъ—21, на 263 руб. 50 коп.; сосудовъ для храненія матеріаловъ и мебели—663, на 450 руб. 70 коп. За неимѣніемъ отдѣльной лабораторіи, практическія занятія производимы были въ лабораторіи клинической аптеки. Химическому анализу подвержены были нѣкоторые новыя средства растительнаго

происхожденія. Въ фармакологическомъ кабинетѣ и лабораторіи состояло къ 1-му января 1872 года вещей, инструментовъ и матеріаловъ на 3.654 руб. 87 коп. На такую же сумму состояло и къ 1-му января 1873 года. Въ офтальмологическомъ кабинетѣ въ 1872 году состояло 270 нумеровъ, на сумму 1.480 руб. 5³/₄ коп. Въ этомъ числѣ значатся и приобретенныя въ 1872 году 15 нумеровъ, на 243 руб. 68 коп., изъ коихъ болѣе важныя—большой офтальмоскопъ Либренха и большой приборъ стеколъ для изслѣдованія фракцій. Въ кабинетѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней въ 1872 году было инструментовъ, тазовъ женщины, патологическихъ и разныхъ аппаратовъ—225, на сумму 2.203 руб. 46³/₄ коп. Въ факультетской терапевтической клиникѣ состояло къ 1-му января 1872 года 26 больныхъ, поступило въ теченіе года 109, выписалось—93, умерло—14; оставалось къ 1-му января 1873 года—28. Амбулантныхъ больныхъ за тотъ же періодъ было 1.394 человѣка. Въ клиникѣ имѣлось къ 1-му января 1872 года: инструментовъ—154, стеклянной и фарфоровой посуды—60. Въ 1872 году приобретено: инструментовъ—52, стеклянной и фарфоровой посуды—43. Исключено изъ наличности за негодностію къ употребленію: инструментовъ—30, стеклянной и фарфоровой посуды—29, всего 59 вещей. Къ 1-му января 1873 года состояло: инструментовъ—176, стеклянной и фарфоровой посуды—74, всего 250 вещей. Въ факультетской хирургической клиникѣ въ теченіе 1872 года было больныхъ стационарныхъ 71; въ томъ числѣ: мужчинъ—56, женщинъ—15. Изъ нихъ умерло: мужчинъ—4, женщинъ—2, всего 6 человѣкъ. Приходящихъ больныхъ было 1.254 человѣка. Въ офтальмологической клиникѣ всѣхъ больныхъ, искавшихъ помощи въ глазномъ отдѣленіи, въ теченіе 1872 года было 1.346. Изъ нихъ пользовались леченіемъ въ самой клиникѣ, какъ стационарные больные, 52 человѣка, въ томъ числѣ 28 мужчинъ и 24 женщины; остальные 1.296 человѣкъ лечились амбулантно. Незначительное количество стационарныхъ объясняется тѣмъ, что въ глазномъ отдѣленіи имѣется лишь 10 кроватей, которыя назначаются преимущественно для оперируемыхъ больныхъ. Надъ стационарными больными произведено было 68 операций, изъ коихъ ни одна не имѣла смертельнаго исхода. Амбулантно произведено 182 операціи. Такихъ образомъ всѣхъ операций глазныхъ произведено было въ клиникѣ 250. Въ клиникѣ акушерской, устроенной на 12 кроватей, отъ 1872 года оставалось беременныхъ и родильницъ 10, въ теченіе 1872 года поступило 105. Изъ нихъ: разрѣшилось въ клиникѣ—94, вышло до

родовъ—5, умерло—6. Въ госпитальной терапевтической клиникѣ къ 1-му января 1872 года состояло инструментовъ и аппаратовъ 78, на сумму 1.007 руб., въ 1872 году приобретено на 267 руб. 99 коп., исключены за негодностію 20 инструментовъ и часть посуды на сумму 151 руб. 44 коп. Затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло на лицо на 1.123 руб. 55 коп. Въ теченіе 1872 года больныхъ въ клиникѣ было 270. Изъ нихъ выздоровѣло—191, умерло—69, оставалось къ 1-му января 1873 года—10 человѣкъ. Въ хирургической госпитальной клиникѣ въ 1872 году больныхъ было 318, въ томъ числѣ 194 мужчинъ и 124 женщинъ. Изъ нихъ выздоровѣло—288, умерло—30. Важныхъ операций произведено было 14. Въ кабинетѣ клиники находилось инструментовъ на сумму 2.356 руб. 8 коп., изъ нихъ въ 1872 году приобретено на 212 руб. Въ музей этнографіи, древностей и изящныхъ искусствъ состояло къ 1-му января 1872 года этнографическихъ и археологическихъ предметовъ 956, на сумму 3.178 руб. Въ 1872 году такихъ предметовъ поступило 365. Въ бібліотеку музея къ имѣвшимся до 1872 года 146 названіямъ книгъ въ этомъ году поступило 142 названія книгъ, въ количествѣ 201 тома книгъ, брошюръ и картъ.

— По поводу послѣдовавшаго со стороны министерства народнаго просвѣщенія распоряженія объ усиленіи матеріальныхъ средствъ бібліотеки Варшавскаго университета, на счетъ спеціальныхъ университетскихъ суммъ, ректоръ его, въ представленіи своемъ г. попечителю Варшавскаго учебнаго округа заявилъ, между прочимъ, что для удовлетворенія научнымъ потребностямъ учащагося юношества, рядомъ съ фундаментальною бібліотекою, должна существовать также бібліотека студенческая. Она существуетъ и теперь, но такъ какъ она находится въ совершенно неустроенномъ видѣ, представляя собою случайное собраніе книгъ, безъ всякаго плана и системы, то необходимо привести ее въ порядокъ. Воспользовавшись сверхсѣтнымъ кредитомъ, предоставленнымъ Варшавскому университету для устройства его кабинетовъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, ректоръ распорядился пополненіемъ означенной бібліотеки. По принятому имъ плану, она должна состоять изъ слѣдующихъ трехъ отдѣловъ: а) избранныхъ русскихъ книгъ, какъ по части изящной словесности, такъ и по разнымъ научнымъ отраслямъ; б) лучшихъ многязычныхъ руководствъ, справочныхъ книгъ и другихъ пособій по всѣмъ читаемымъ въ университетѣ предметамъ, и в) всѣхъ сочиненій и вообще ученыхъ трудовъ, изданныхъ преподавателями Варшавскаго

часть CLXVX, отд. 4. 2

университета. Особенное значеніе, въ виду мѣстныхъ условій, придается первому изъ названныхъ отдѣловъ. При этомъ имѣется въ виду тщательное устраненіе изъ каталога студенческой бібліотеки всего невѣжливаго и вообще не представляющаго здоровой пищи для молодого и еще неопытнаго ума. Ректоръ вошелъ въ соглашеніе съ нѣкоторыми изъ университетскихъ преподавателей относительно обязательнаго чтенія студентами тѣхъ русскихъ книгъ, которыя, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, будутъ признаны особенно полезными для нихъ. Исполненіе студентами этого требованія легко можетъ быть провѣрено при ихъ годовыхъ и окончательныхъ испытаніяхъ. Для облегченія имъ пользованія читальнею, признано необходимымъ, чтобы она, кромѣ утренняго времени, оставалась открытою на нѣсколько часовъ и по вечерамъ, по крайней мѣрѣ три раза въ недѣлю. Нѣтъ сомнѣнія, что студенты, особенно живущіе въ неудобныхъ помѣщеніяхъ, охотно и съ пользою для себя станутъ посѣщать читальню, гдѣ они, между прочимъ, найдутъ многообразныя пособія, безъ которыхъ невозможно сколько-нибудь правильное занятіе наукою. Есть основательный поводъ разчитывать на постоянное присутствіе въ читальнѣ и профессоровъ, для удобства конякъ въ одной изъ комнатъ устроено будетъ особое помѣщеніе. Устройство студенческой читальни на указанныхъ основаніяхъ потребуетъ, по мнѣнію ректора, особенно на первое время, довольно значительныхъ издержекъ, для покрытія которыхъ, въ виду ихъ крайней необходимости, онъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи употребить единовременно 3 тысячи руб. изъ специальныхъ суммъ университета и о назначеніи изъ того же источника чиновнику, въ завѣдываніи коего будетъ находиться читальня, дополнительнаго содержанія по 120 руб., а старшему неделю по 50 руб. въ годъ. Попечитель Варшавскаго учебнаго округа, одобряя вышеизложенныя соображенія г. ректора, вошелъ съ представленіемъ о семъ въ министерство.

— Физико-математическій факультетъ Харьковскаго университета обратился въ совѣтъ сего университета съ представленіемъ слѣдующаго содержанія: въ одномъ изъ факультетскихъ засѣданій профессоры Питра 2-й, Масловскій и Степановъ заявили, что въ виду серьезнаго значенія, которое имѣетъ химія для изслѣдованій въ области біологическихъ наукъ, гдѣ весьма часто рѣшеніе вопросовъ сводится на химическія изслѣдованія, желательно было бы усилить въ отдѣленіи естественныхъ наукъ преподаваніе химіи, сдѣлавъ ее не дополнительнымъ, а главнымъ предметомъ. Въ то же время они полагали, что

слѣдовало бы ввести въ отдѣленіе естественныхъ наукъ и чтеніе сжатаго курса чистой математики, который обнималъ бы собою алгебру, вычисленіе безконечно-малыхъ и аналитическую геометрію и былъ бы приспособленъ къ тѣмъ практическимъ приложеніямъ, которыя чистая математика имѣетъ въ рѣшеніи вопросовъ естественныхъ наукъ, особенно физиологій и кристаллографій. На изложеніе этихъ предметовъ, по мнѣнію ихъ, достаточно было бы назначить по два часа въ недѣлю на двухъ первыхъ курсахъ. Профессоръ Веветовъ съ своей стороны добавилъ, что съ цѣлію облегчить студентамъ отдѣленія физико-химическихъ наукъ приобрѣтеніе ими, по окончаніи курса, званія учителя гимназій по математикѣ и физикѣ, слѣдовало бы распределить часы преподаванія астрономіи для студентовъ II и III курсовъ отдѣленія математическихъ наукъ такимъ образомъ, чтобы студенты тѣхъ же курсовъ отдѣленія физико-химическихъ наукъ могли посѣщать эти лекціи, а профессоръ Деларю заявилъ, что точно также слѣдовало бы преподаваніе неорганической и органической химіи расположить такъ, чтобы тѣ изъ студентовъ отдѣленія математическихъ наукъ I и II курсовъ, которые пожелають слушать этотъ предметъ, могли посѣщать лекціи, читаемыя студентамъ отдѣленія физико-химическихъ наукъ. Признавая: 1) всю важность основательнаго ознакомленія студентовъ отдѣленія естественныхъ наукъ не только съ теоретическою, но и съ анатомическою химією; 2) пользу, которую должно принести имъ знакомство съ основаніями высшей математики при изученіи ими физиологій и кристаллографій, и 3) облегченіе, которое можетъ доставить студентамъ отдѣленія физико-химическихъ наукъ, для приобрѣтенія ими званія учителя математики и физики, слушаніе лекцій астрономіи, а студентамъ отдѣленія математическихъ наукъ, для поступленія въ спеціальныя высшія заведенія, слушаніе лекцій химіи,—физико-математическій факультетъ опредѣлилъ: ходатайствовать чрезъ совѣтъ университета о признаніи химіи главнымъ предметомъ въ отдѣленіи естественныхъ наукъ, а также о введеніи въ это отдѣленіе чтенія сжатаго курса чистой математики, какъ дополнительнаго предмета, для студентовъ двухъ первыхъ курсовъ, а до утвержденія этихъ перемѣнъ г. министромъ народнаго просвѣщенія: а) расположить лекціи химіи такъ, чтобы студенты отдѣленія естественныхъ наукъ, по желанію, могли слушать какъ физико-химію, такъ и аналитическую химію, наравнѣ со студентами отдѣленія физико-химическихъ наукъ; б) поручить профессору Деларю открыть, съ начала 18⁷⁸/₇₄ академическаго года, чтеніе лекцій чистой мате-

матки для желающихъ изъ студентовъ I курса отдѣленія естественныхъ наукъ, представивъ предварительно на рассмотрениеъ факультета программу такихъ лекцій, и в) расположить лекціи астрономіи для студентовъ II и III курсовъ отдѣленія математическихъ наукъ такъ, чтобы ихъ могли посѣщать студенты соответствующихъ курсовъ отдѣленія физико-математическихъ наукъ, а лекціи неорганической и органической химіи такъ, чтобы онѣ могли посѣщаться студентами и I и II курсовъ отдѣленія математическихъ наукъ по желанію. Совѣтъ университета, выслушавъ изложенное представленіе, опредѣлилъ просить распоряженія попечителя Харьковскаго учебнаго округа по сему предмету.

— Въ совѣтѣ университета св. Владиміра слушано было представленіе медицинскаго факультета о томъ, чтобы перенести съ начала будущаго семестра преподаваніе гистологіи со втораго курса на первый. По этому поводу профессора Томса, Хржонцевскій и Пережеко высказали слѣдующее: распредѣленіе предметовъ, преподаваемыхъ студентамъ II и III курсовъ медицинскаго факультета, представляетъ существенное неудобство. Такъ, напримѣръ, студенты II курса до сихъ поръ одновременно слушали физиологію и гистологію, между тѣмъ какъ невозможно понимать физиологію, не зная гистологіи. Точно также и студенты III курса слушали частную патологію и терапію, теоретическую хирургію, оперативную хирургію, діагностику внутреннихъ болѣзней, теоретическое акушерство, гинекологию, глазныя болѣзни и въ то же время общую патологію, которая необходимо должна предшествовать всѣмъ этимъ изчисленнымъ предметамъ. Для устраненія такого важнаго неудобства, необходимо перенести, въ видѣ опыта, преподаваніе гистологіи на первый курсъ прежде чтенія физиологіи, которая останется по прежнему на II курсѣ; преподаваніе же общей патологіи перенести на II курсъ, чтобы приготовить слушателей къ занятію различными частными отдѣлами патологіи въ теченіе слѣдующаго III курса. Совѣтъ университета не встрѣтилъ препятствій къ исполненію изложенныхъ выше мѣръ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Народное образованіе въ Полтавской губерніи.

(Составлено на основаніи официальныхъ и другихъ источниковъ за 1872 годъ).

Представивъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ училищахъ Полтавской губерніи, преимущественно о такъ называемыхъ *образцовыхъ*, то-есть, содержимыхъ на средства министерства народнаго просвѣщенія, мы приступимъ затѣмъ къ общимъ выводамъ по разнымъ частямъ состоянія народнаго образованія въ означенной губерніи за 1872 годъ.

Изъ училищъ, содержимыхъ на средства министерства и потому состоящихъ въ вѣдѣніи исключительно мѣстнаго инспектора народныхъ школъ, въ Полтавской губерніи состоятъ: два двухклассныя — *Петровское* и *Бялоцерковское* и два одноклассныя — *Раицкое* и *Студеницкое*.

1. *Петровское* двухклассное, Константиноградскаго уѣзда, въ 1872 году было осмотрено инспекторомъ три раза. Въ маѣ мѣсяцѣ инспекторъ присутствовалъ на урокахъ, а въ декабрѣ производилъ полное испытаніе ученикамъ по всѣмъ предметамъ пройденнаго ими курса. Въ это время по классному журналу значилось всего 66 учащихся, но въ наличности оказалось—въ первомъ классѣ 36, а во второмъ—17, всего въ обоихъ классахъ—53; въ числѣ ихъ было въ первомъ классѣ 4 дѣвочки. *Петровское* училище въ настоящее время имѣетъ не только способныхъ и усердныхъ, но и въ значительной степени опытныхъ преподавателей; а потому успѣхи учениковъ найдены были очень удовлетворительными, за что и объявлена благодарность преподавателямъ, изъ которыхъ какъ законоучитель (мѣстный священникъ), такъ и два учителя окончили полный курсъ наукъ въ Полтавской духовной семинаріи и притомъ послѣдніе со степенями студентовъ. Въ хорошемъ состояніи находятся вообще и учебная и воспитательная части и, по свидѣтельству инспектора, оцѣнены были въ такомъ смыслѣ знатокомъ дѣла, мѣстнымъ владѣльцемъ села *Петровскаго* П. С. Джунковскимъ, бывшимъ председателемъ Константиноградскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. Онъ неоднократно посѣщалъ школу и присутствовалъ не только на испытаніи учениковъ, но и на урокахъ. По его мнѣнію, учителя не только Константиноградскаго, но и другихъ уѣздовъ Полтавской губерніи могли бы посѣщать *Петровское* училище въ учебное время съ несомнѣнною

для себя пользою; жаль только, что вообще лицъ, окончившихъ полный курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, съ большимъ трудомъ можно удержать на должностяхъ учителей народныхъ училищъ.

Успѣхи дѣтей въ церковномъ пѣніи, а также въ рукодѣліяхъ, были удовлетворительны. Мальчики обучаются портняжеству, а дѣвочки — шитью и вязанью.

Библіотеки Петровскаго и Вѣлоцерковскаго училищъ получили въ истекшемъ году, какъ на штатную сумму, такъ и присланными изъ департамента народнаго просвѣщенія книгами, значительныя приращенія. Онѣ содержатся въ отличномъ порядкѣ и ими пользуются какъ преподаватели, такъ и ученики. Въ библіотекѣ Петровской школы было 278 названій въ 745 томахъ; изъ нихъ въ 1872 году приобрѣтено 23 названія въ 92 томахъ, на сумму 95 руб. 87 коп. На содержаніе Петровскаго двухкласснаго училища, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, отпускается изъ государственнаго казначейства 915 руб., но съ тѣмъ, чтобы 200 рублей, жертвуемо крестьянами села Ново-Тагамлика и прихожанами Ново-Тагамликской церкви, съ 1870 года, ежегодно причислялись къ доходамъ казны, со включеніемъ этихъ денегъ въ число пособій и спеціальныхъ средствъ училища. По изъ этой суммы въ 1870 и 1871 годахъ исправно внесена была только та часть, которую приняло на себя обязательство вносить общество; а 200 руб., слѣдовавшіе за два года отъ церковнаго попечительства, оставались въ недоимкѣ. Лишь въ сентябрѣ прошлаго года были они уплачены, въ Полтавское губернскаго казначейство, вышеупомянутымъ владѣльцемъ села Петровскаго и председателемъ мѣстнаго церковнаго попечительства П. С. Джунковскимъ, который, особымъ письменнымъ заявленіемъ обязался вносить и на будущее время, до 1888 года, на Петровское училище ежегодно по 100 руб.

Помѣщается училище въ каменномъ съ желѣзною крышею двухъ-этажномъ домѣ, вмѣстѣ съ волостнымъ правленіемъ. Домъ этотъ застрахованъ. Училище занимаетъ въ немъ весь верхній этажъ, состояній изъ трехъ классныхъ комнатъ, и помѣщеніе это достаточно удобно. Нѣтъ недостатка и въ классной, вполне приличной, мебели. Отопленіе дается мѣстнымъ обществомъ. По первоначальному его приговору, для учителей Петровскаго училища не положено было ни квартиръ, ни отопленія; но въ прошедшемъ 1871 году мѣстный священникъ о. Михаилъ Вобиревъ пожертвовалъ на этотъ предметъ тысячу рублей серебромъ, которые хранятся въ Полтавскомъ банкѣ; между тѣмъ

и до настоящаго времени онъ отводитъ въ своемъ домѣ бесплатно обоимъ учителямъ квартиру съ отопленіемъ. Домъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ единственный въ селѣ Петровскомъ, вполнѣ удобный для учительскихъ квартиръ; а потому, послѣ переимѣненія священника Бобырева въ г. Гадачъ на протоіерейскую вакансію, инспекторъ вошелъ съ нимъ въ переговоры касательно найма его дома съ уплатою ему известной части изъ пожертвованной уже имъ тысячи руб. О. протоіерей выразилъ согласіе уступить свой домъ безъ всякаго вознагражденія и притомъ со всѣми постройками, а пожертвованнымъ имъ деньгамъ дать другое, не менѣ полезное и благотворительное для школы назначеніе. Въ настоящее время производится переписка объ уступкѣ церковной земли, на которой построенъ означенный домъ, въ пользу училища, взаимѣмъ кося уступаетъ церкви другой участокъ мѣстный владѣлецъ П. С. Джунковский.

2. *Блгоцерковское* двухклассное училище, Хорольского уѣзда, обзрѣваемо было инспекторомъ въ истекшемъ 1872 году три раза. При первой ревизіи въ наличности оказалось: въ первомъ классѣ 41, а во второмъ 13, всего 54 учащихся; а по журналу значилось: въ первомъ классѣ 46, а во второмъ 17, всего 63. Въ числѣ учащихся въ первомъ классѣ было 8 дѣвочекъ, а во второмъ 4 еврея. Во вторую ревизію инспекторъ присутствовалъ на урокахъ и старался объяснить учителямъ, въ чемъ именно состоятъ та наглядность, простота и отчетливость преподаванія, которыя отъ нихъ требуются.

Какъ учебная, такъ и воспитательная часть Блгоцерковской школы оказались въ хорошемъ состояніи, не смотря на то, что ученики, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, отличаются вообще неисправнымъ посѣщеніемъ классовъ и притомъ нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ ученіе осенью очень поздно и оставляютъ его весною очень рано. Какъ устные, такъ и письменные отвѣты въ обоихъ классахъ обнаружили достаточную степень умственного развитія и познаній по всѣмъ изучаемымъ предметамъ. Учители изъ окончившихъ полный семинарскій курсъ способны, усердны и достаточно опыты въ своемъ дѣлѣ. Одинъ изъ нихъ, бывшій регентъ, занимаясь съ дѣтьми обоихъ классовъ партеснымъ церковнымъ пѣніемъ весьма усѣбно.

Блгоцерковское училище имѣетъ отъ общества весьма приличное помѣщеніе, отопленіе и прислугу, и кромѣ того министерство отпускаетъ на него, ежегодно, на жалованье преподавателямъ и на обращеніе бібліотеки, 915 руб. сер. Библіотека и вся хозяйственная часть найдены въ порядкѣ и исправности. О возвышеніи страховой

платы за дома, принадлежащія школѣ, до сумми дѣйствительной ихъ стоимости, производится въ настоящее время переписка; книгъ же оны застрахованы въ 900 руб.

3. *Рашевское* одноклассное училище, Гадячскаго уѣзда. Г. инспекторомъ была осмотрѣны подробно письменныя упражненія нѣкоторыхъ учениковъ старшаго отдѣленія, классныя журналы, каталогъ, бібліотека и вся хозяйственная часть. Отвѣты учениковъ по закону Божию, а также толковому чтенію, русскому и славянскому, найдены вполне удовлетворительными. Училище это одно изъ многолюднѣйшихъ въ Полтавской губерніи. Учащихся, болѣе или менѣе исправно посѣщающихъ классы, бываетъ ежегодно болѣе 150 человекъ. Въ послѣднюю ревизію, при весьма неблагоприятной погодѣ, инспекторъ нашелъ въ старшемъ отдѣленіи 39 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ, а въ младшемъ 37 мальчиковъ и 9 дѣвочекъ, всего 92; по журналу же значилось 161 учащихся.

Министерство народнаго просвѣщенія, отпуская ежегодно по 226 руб. на жалованье старшему учителю Рашевской школы, даетъ возможность имѣть особаго, и притомъ вполне достойнаго учителя для высшаго отдѣленія этого училища; другой же учитель—нижшаго отдѣленія—получаетъ отъ земства 150 руб., а законоучитель отъ общества 100 руб. Кроме того, означенному училищу удѣляется ежегодно значительное количество книгъ и учебныхъ пособій, какъ изъ числа присланныхъ департаментомъ народнаго просвѣщенія, такъ и изъ существующаго при мѣстной инспекціи склада, основаннаго тоже на сумми министерства. Хозяйственная часть ведется весьма исправно. Помѣщеніе новое, удобное, весьма приличное и по количеству учениковъ достаточное. Рашевское общество съ точностію выполняетъ припущенныя имъ на себя обязательства, какъ относительно ремонта школы, такъ и отопленія и прислуги. Оно нашло себѣ въ лицѣ купца Ѡ. И. Пошивайлы весьма усерднаго и заботливаго блюстителя. По прежнему приговору общества, особаго дома для учительскихъ квартиръ не было назначено; стараніемъ же и заботами блюстителя, общество, благодаря значительнымъ пожертвованіямъ съ его стороны, отстроило прошлою осенью, собственно для учительскихъ квартиръ, особый, помѣстительный и весьма приличный домъ.

4. *Студеницкое* одноклассное училище, Переяславскаго уѣзда, содержимое тоже на средства министерства народнаго просвѣщенія, открыто лишь 28-го мая 1872 года. Въ этой мѣстности существовала уже прежде школа сперва вѣдомства государственныхъ имуществъ,

а потомъ земская. Въ 1868 году Переяславское земство открыло училище въ селѣ Ковловѣ, въ трехъ верстахъ отъ с. Студеникъ, и перенесло на него содержаніе, которое до того времени отпускаемо было школѣ Студенинской; съ тѣхъ поръ въ селѣ Студеникахъ училища не существовало. Согласно желанію и вслѣдствіе усиленной просьбы мѣстныхъ жителей, которые приговорами своими обязались давать помѣщеніе, отопленіе и прислугу не только школѣ, но и учителю, и сверхъ того обязались отвести двѣ десятны земли съ садомъ и двумя прудами, а также вносить ежегоднаго сбора до 100 руб. сер. на жалованье законоучителю и добавочное жалованье учителю, — мѣстное окружное учебное начальство исходатайствовало у г. министра народнаго просвѣщенія отпускъ училищу ежегодной суммы по 226 руб. и, сверхъ того, на устройство училищныхъ домовъ 184 рубля.

Къ 1-му января 1873 года въ училищѣ состояло учащихся 24 мальчика и 4 дѣвочки; всѣ—православнаго исповѣданія. Библіотека въ настоящее время заключаетъ въ себѣ 82 названія, въ 493 томахъ, и кромѣ того 158 экземпляровъ разныхъ учебныхъ пособій; она постоянно пополняется книгами изъ департамента народнаго просвѣщенія. Помѣщеніе школы вполне удобно и прилично; Студенинское общество выполняетъ исправно всѣ принятая имъ на себя обязательства. Независимо отъ сего, мѣстное церковное попечительство, для обезпеченія на будущее время исправной ремонтировки училищнаго дома, внесло въ Переяславскій общественный городской банкъ 150 руб. сер.

При посѣщеніи другихъ народныхъ училищъ губерніи, инспекторъ убѣдился, что они значительно ниже содержимыхъ министерствомъ. Главную причину малоуспѣшности и слабого развитія учениковъ онъ объясняетъ столько же плохую подготовкою самихъ преподавателей, сколько и тѣмъ, что сіи послѣдніе, получая крайне скудное вознагражденіе за свои труды, болѣею частію равнодушно относятся къ дѣлу и вовсе не думаютъ о собственномъ самоусовершенствованіи. Особенно слѣдуетъ это замѣтить о Константиноградскомъ уѣздѣ. Поправить это зло можно лишь назначеніемъ добавочнаго жалованья преподавателямъ изъ земскихъ суммъ, подобно тому, какъ сдѣлано это въ уѣздѣ Кобелякомъ. Въ такомъ случаѣ и посредственные преподаватели постараются несравненно лучше исполнять свои обязанности. Теперь же въ *Нѣмецкомъ*, на примѣръ, Константиноградскомъ училищѣ инспекторъ не засталъ никакого ученія, за немѣвнѣемъ учителя; тоже самое случилось и въ *Дубовоградскомъ*, по той же причинѣ. Эта по-

слѣдняя школа имѣла предъ тѣмъ весьма способнаго наставника, который покинулъ должность потому, что получалъ жалованья всего 80 руб. въ годъ. Въ селѣ Константиновкѣ училище уже два года закрыто, по неизмѣннѣ средствъ со стороны мѣстнаго общества, между тѣмъ какъ, судя по количеству народонаселенія, оно было бы тамъ крайне необходимо. *Расское* училище довольно многолюдно; по списку показано было въ немъ 42 ученика; по только одно чисто-писаніе пло въ немъ удовлетворительно, а успѣхи по всѣмъ прочимъ предметамъ оказались очень слабы, потому, безъ сомнѣнія, что обученіе всецѣло возложено здѣсь на малоспособнаго помощника наставника, который, получая отъ послѣдняго жалованья 50 руб. въ годъ, съ совершеннымъ равнодушіемъ относится къ своей обязанности. По приговору общества назначено здѣсь жалованья наставнику 180 руб., а на отопленіе и прислугу еще 100 руб. Учитель изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи могъ бы, съ разрѣшенія преосвященнаго, преподавать и законъ Божій, получая за это особое вознагражденіе.

Въ *Александровскомъ* училищѣ инспекторъ не всталъ на урокъ ни учителя, ни законоучителя. Инспекторъ проявлялъ полное испытаніе ученикамъ и нашолъ ихъ малоразвитыми и недовольно успѣвшими. Учитель *Болано-Черметчинской* школы выявлялъ инспектору, что, при 75 руб. жалованья, онъ не можетъ продолжать службу; законоучитель же не получаетъ вовсе никакого вознагражденія. Успѣхи учениковъ слабы. Въ *Врхне-Данновскомъ* училищѣ тоже необходимо усилить жалованье преподавателямъ. 7-го декабря инспекторъ посѣтилъ эту школу уже по окончаніи уроковъ, но онъ имѣлъ возможность убѣдиться какъ въ заботливости учителя, такъ и въ небрежности волостныхъ урядниковъ. Училище не имѣетъ постоянной и исправной прислуги; въ одной изъ комнатъ училищнаго дома окна были разбиты; учебныхъ пособій оказалось крайне недостаточно, между тѣмъ, какъ въ волостномъ управленіи цѣлый годъ уже хранятся безъ употребленія 7 руб. 70 коп., изъ назначенныхъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, и 25 руб. отъ Карловскаго церковнаго попечительства, опредѣленныхъ именно на этотъ предметъ. Все это поставлено было инспекторомъ на видъ волостному старостѣ и писарю.

Въ *Иссчанскомъ* волостномъ правленіи также хранится безъ употребленія спеціальная училищная сумма, вполне достаточная для снабженія мѣстной школы книгами.

Вообще почти по всѣхъ волостяхъ Константиноградскаго уѣзда, гдѣ находятся школы, существуютъ приговоры, по которымъ назна-

чается ежегодно значительная сумма на учебныя пособія; но эти приговоры, по нерадѣнію сельскихъ начальствъ, или по другимъ причинамъ, болѣею частію не выполняются.

Общее число начальныхъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи.

Въ 1871 году всѣхъ начальныхъ училищъ въ Полтавской губерніи было 459, а въ 1872—477. Въ этомъ послѣднемъ году, по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, закрыто было 36 школъ.

Упомянувъ въ своемъ отчетѣ о закрытыхъ училищахъ—иѣрѣ, принятой нѣкоторыми мѣстными училищными совѣтами, „вслѣдствіе несочувствія мѣстныхъ населеній къ обученію дѣтей“, инспекторъ, на основаніи личныхъ наблюденій, заявляетъ, что не раздѣляетъ такого мнѣнія. Плохое состояніе школъ слѣдуетъ объяснять, по словамъ его, другими причинами. Совершенного непониманія пользы ученія и равнодушія къ дѣлу образованія собственныхъ дѣтей онъ не встрѣчалъ нигдѣ въ губерніи, не только въ средѣ городскаго, но и сельскаго населенія; часто же обнаруживалось равнодушіе и нерадѣніе со стороны тѣхъ лицъ, на которыхъ ближайшимъ образомъ лежитъ обязанность заботиться о поддержаніи существующихъ и устроеніи новыхъ училищъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ самое незначительное участіе со стороны ближайшихъ вліятельныхъ лицъ могло бы не только оградить училище отъ упадка, но и поставить его въ весьма удовлетворительное состояніе; но такого-то вниманія и участія не обнаруживается; училище постепенно падаетъ, а наконецъ и вовсе закрывается. Такъ, напримѣръ, въ Миргородскомъ уѣздѣ, *Камышанское*, получающее и до настоящаго времени пособія отъ земства всего только 100 руб., единственно энергическими стараніями мѣстнаго священника, члена Миргородскаго училищнаго совѣта, Леонтовскаго, мирового посредника А. П. Аккермана и волостныхъ урядниковъ Кутаса и Сулимы, приведено, какъ по вѣншему, такъ и по внутреннему благоустройству, въ образцовое состояніе. Благодаря ихъ заботливости, общество, не смотря на свои небогатыя средства, сдѣлало значительныя пожертвованія и недавно устроило для этой школы домъ, стоющій до 1000 рублей. Камышанское училище, еще недавно весьма малолюдное, имѣетъ теперь до 150 учениковъ. Прочтѣніе его объясняется тѣмъ, что мѣстное населеніе видитъ, какъ неравнодушно мировой посредникъ относится къ дѣлу народнаго образованія, видитъ, что и настояникъ, съ отличнымъ усердіемъ и умѣньемъ, занимается дѣломъ обученія дѣтей. При другомъ мировомъ посредникѣ, при другихъ волостныхъ

уряднивахъ, а въ особенности при другомъ наставникѣ, это же училище было бы несомнѣнно въ самомъ жалкомъ состояніи и было бы даже закрыто, а мѣстное общество можно было бы упрекать въ томъ, что оно не понимаетъ пользы собственныхъ дѣтей. Нельзя не замѣтить при этомъ, что и до сихъ поръ миргородское земство относится недостаточно внимательно къ упомянутой школѣ: она требуетъ въ настоящее время не менѣе двухъ учителей и особаго законоучителя, а между тѣмъ располагаетъ самыми незначительными матеріальными средствами.

Нѣкоторыя сельскія общества, по бѣдности или по другимъ, не рѣдко весьма уважительнымъ, причинамъ, затрудняются вносить денегъ на школу, желая, чтобы сами родители, собственными средствами, доставляли образованіе своимъ дѣтямъ; но тѣ же общества вовсе не отрицаютъ пользы ученія и никогда не относятся къ нему равнодушно, а тѣмъ болѣе непріязненно. Что же касается собственно тѣхъ членовъ сельскихъ обществъ, которые имѣютъ дѣтей, требующихъ образованія, то они положительно дорожатъ школой и всачески заботятся о поддержаніи ея, жертвуя на это нерѣдко послѣднимъ своимъ достоинствомъ. Въ доказательство можно указать на частныя и церковно-приходскія училища Полтавской губерніи, въ которыхъ поселане обучаютъ грамотѣ своихъ дѣтей иногда даже у весьма малоспособныхъ и малообразованныхъ наставниковъ, съ платою отъ себя довольно значительныхъ денегъ. Въ доказательство же того, какъ много значить разумное и ревностное содѣйствіе уѣднаго земства и уѣдныхъ земскихъ управъ училищному дѣлу, ясно свидѣтельствуетъ примѣръ Золотоношскаго уѣзда, въ которомъ въ прошломъ, 1872 году, ни одно училище не было закрыто, а вновь открыто 11; кромѣ того, преобразовано въ двухклассныя земскія 13, въ одноклассныя земскія 17, и всѣ вообще школы поставлены въ лучшее, сравнительно съ прежнимъ, состояніе. Кромѣ Золотоношскаго, въ 1872 году вновь открыты въ Полтавской губерніи начальныя народныя училища въ слѣдующихъ уѣздахъ:

1. Въ *Полтавскомъ*: а) въ селеніи *Рыбцахъ*. Мѣстный владѣлецъ этого села, П. А. Волковъ, далъ школѣ удобное и вполне устроенное имъ помѣщеніе и, кромѣ того, достаточное количество хорошихъ книгъ, отпуская при этомъ и топливо; а мѣстный священникъ занимается обученіемъ бесплатно. б) Въ селѣ *Песчаномъ* открыто училище на счетъ общества, при пособіи отъ земства. На 1872 годъ обществомъ отпущено было 99, а земствомъ 75 руб.

2. Въ *Зеньковскомъ* уѣздѣ вновь открыты двѣ церковно-приходскія школы въ самомъ городѣ Зеньковѣ, при двухъ церквахъ; содержатся на средства церковнаго причта.

3. Въ *Хорольскомъ* уѣздѣ вновь открыто шесть училищъ: а) въ г. *Хороль* частная школа г. Теремецкаго, содержимая на средства учредителя; б) городская *Покровская*, получающая содержаніе отъ церковнаго попечительства; в) *Ромодановская* частная, содержимая на средства учредителя, г. Орловскаго; г) *Волошинская* церковно-приходская школа, открытая мѣстнымъ священникомъ и получающая содержаніе отъ церковнаго попечительства; д) *Матюевская*, открытая такимъ же образомъ, и е) *Еремьевская*, открытая мѣстнымъ псаломщикомъ и содержимая имъ на собственные средства.

4. Въ *Прилуцкомъ* уѣздѣ, въ самомъ городѣ Прилукахъ, открыто женское училище на средства бывшаго предсѣдателя Прилуцкаго училищнаго совѣта, И. М. Своронадскаго. Оно имѣетъ удобное помѣщеніе въ собственномъ домѣ учредителя. Отъ него же получаютъ законоучитель школы 60, а учительница 300 руб. въ годъ. Кромѣ того, по опредѣленію Прилуцкаго училищнаго совѣта, въ томъ же городѣ Прилукахъ частное женское училище, содержимое Марією Милларде, преобразовано въ земское женское, съ выдачею въ пособіе 200 руб., назначенныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ и 40 руб. изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи совѣта.

5. Въ *Переяславскомъ* уѣздѣ открыты два училища: въ селѣ *Войтовцахъ*—земское, и въ селѣ *Студеникахъ*—одноклассное образцовое. Войтовецкому обществу даетъ отъ себя только помѣщеніе, отопленіе и прислугу, а земство назначило на жалованье преподавателямъ 250 руб. и, сверхъ того, на письменныя принадлежности по 10 руб. въ годъ. *Студеницкому* же училищу назначено отъ министерства народнаго просвѣщенія 226 руб. и отъ общества 100 руб. Общество же даетъ отъ себя помѣщеніе училищу и учителю, съ отопленіемъ и прислугою, и двѣ десятины земли въ пользу учителя. На исправленіе и полное устройство дома Студеницкой школы министерство отпустило особо, согласно смѣтѣ, одновременно 184 рубля.

6. Въ *Гадячскомъ* уѣздѣ на средства земства открыты училища въ селеніяхъ: *Петровка*, *Синевскъ* и *Пальшицы*, и на средства содержательницы, дочери майора Елены Апостоловой, частная женская школа въ г. *Гадячѣ*. Земство отпускаетъ на свои училища по 150 руб. въ годъ, собственно на жалованье преподавателямъ; а общество даетъ

помѣщеніе съ отопленіемъ и прислугою и на книги по 10 рублей ежегодно.

7. Въ *Кобелякомъ* уѣздѣ вновь открыты школы въ селахъ: *Пригаровкѣ*, *Мизновкѣ* и *Комаровкѣ*. Первое изъ нихъ существуетъ при Рождество - Юванно-Предтеченской церкви. Помѣщеніе отведено для него безплатно помѣщикомъ села Пригаровки Папа-Аванасопуло, а земство назначило на жалованье преподавателямъ 100 руб. и на хозяйственное обзаведеніе особо 100 руб. Кромѣ того, изъ тѣхъ же земскихъ суммъ выдано въ награду наставнику, мѣстному священнику, 25 руб. Со всѣхъ учащихся взимается плата отъ 1 до 3 рублей, которая употребляется на покупку книгъ, классныхъ принадлежностей и на вознагражденіе преподавателей и, кромѣ того, они же должны доставлять по возу соломы на отопленіе школы. *Мизновское*, при Свято-Троицкой церкви, училище содержится вполнѣ на средства своего попечителя, владѣльца села Михновки, профессора Харьковского университета А. П. Шимкова, который даетъ ему не только помѣщеніе съ отопленіемъ и прислугою, но и квартиру со столомъ учителя, при жалованьи ему по 130 руб. въ годъ. Онъ же, г. Шимковъ, снабдилъ школу всѣми необходимыми классными принадлежностями и учебными пособиями, положивъ основаніе и фундаментальной библиотекѣ. Вслѣдствіе такихъ заботъ попечителя, училище имѣетъ вполнѣ достойнаго наставника изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, и сколько по количеству (44), столько же и по успѣхамъ учениковъ, находится въ очень хорошемъ состояніи. Мѣстный священникъ предложилъ съ своей стороны безплатное преподаваніе закона Божія, а земство, въ поощреніе и награду усердныхъ трудовъ преподавателей, выдало имъ въ истекшемъ году по 25 руб. каждому. Частная школа въ с. *Комаровкѣ* содержится учительницею сѣ, женою губернскаго секретаря *Марією Завадской*, на собственные средства; ученики должны вносить плату за ученіе, по взаимному соглашенію съ родителями.

8. Въ *Миргородскомъ* уѣздѣ вновь открыта церковно - приходская школа въ селѣ *Бакумовкѣ*. Она содержится церковнымъ причтомъ, но опредѣленныхъ средствъ для существованія своего не имѣетъ. Законоучитель, мѣстный священникъ, обучаетъ въ ней безплатно, а учитель, отставной унтеръ-офицеръ, получаетъ вознагражденіе отъ родителей учащихся, всего до 20-ти руб. въ годъ.

9. Въ *Лохвицкомъ* уѣздѣ вновь открыты три училища: въ г. *Лохвицѣ* женское, и въ селахъ *Остатовкѣ* и *Гиндинцахъ* мужскія. На

содержаніе, первого изъ нихъ назначено земствомъ 200 руб.; помѣщается оно въ домѣ учительницы; въ прошедшемъ году было въ немъ 7 ученицъ, какъ полагаютъ инспекторъ, потому, что плата за ученіе (по 20-ти руб. въ годъ) слишкомъ высока. *Остатовская* и *Гиндинская* школы помѣщаются въ общественныхъ домахъ. Труды преподавателей вознаграждаются на счетъ платы, собираемой за ученіе.

10) Въ *Лубенскомъ* уѣздѣ вновь открыты 8 училищъ, изъ коихъ два въ г. Лубнахъ и 6 въ уѣздѣ. Въ г. Лубнахъ открыты двѣ частныя женскія школы, одна — г-жею Бекъ-Булатовой, а другая — г-жею Тарасовой. Въ м. *Оржицѣ* и *Онушкахъ* учреждены мѣстными обществами школы, съ пособіемъ отъ земства по 100 руб. въ годъ; тоже самое въ с. *Смттинѣ*, а въ *Засульѣ*, *Волчкѣ* и *Калидинцахъ* училища содержатся мѣстными священниками. Волчковское же земское училище переведено въ с. *Березоточу*.

11. Въ *Золотоношскомъ* уѣздѣ вновь открыты слѣдующія училища: *Липовское*, *Красноновское*, *Старосельское*, *Велико-Хуторское*, *Дробовское*, *Москаленское*, *Вознесенское*, и церковно-приходскія школы: *Ревбинская*, *Мало-Каневецкая*, *Крестителевская* и *Ботуславская*. Существованіе всѣхъ ихъ болѣе или менѣе обезпечено уже со стороны Золотоношскаго земства, свѣдѣстно съ обществомъ, такъ что въ вѣкоторыхъ изъ нихъ законоучители получаютъ 50, учителя по 200 и помощники ихъ по 100 руб. въ годъ. Всего же въ *Полтавской* губерніи въ 1872 году вновь открыто 41 училище и 31 уѣздными земствами преобразованы, то-есть, въ содержаніи своемъ были обезпечены и во всѣхъ отношеніяхъ устроены лучше. Къ числу послѣднихъ училищъ, кромѣ 30-ти Золотоношскаго и 1-го училища (женскаго) *Прилуцкаго* уѣздовъ, по всей справедливости слѣдуетъ отнести и многія школы уѣздовъ *Кобелякскаго*, *Кременчугскаго*, *Переяславскаго* и *Прилуцкаго*.

Число учащихся и учащихся. Преподавателей въ народныхъ школахъ *Полтавской* губерніи въ 1872 году было всего 503; въ томъ числѣ 369 учителей, 102 законоучителя и 32 учительницы.

Учащихся было: мужскаго пола — 16.119 и женскаго — 1.036, тогда какъ въ 1871 году находилось мужскаго пола — 14.592 и женскаго — 944.

Учебная и воспитательная части. Вполнѣ удовлетворительное состояніе учебной и воспитательной частей обуславливается различными обстоятельствами. Обстоятельства эти, какъ въ предшествовавшіе, такъ и въ 1872 году, не только для различныхъ училищъ одного и

того же уѣзда, но и для цѣлыхъ уѣздовъ Полтавской губерніи, далеко не одинаково были благоприятны. Не говоря уже о жалкомъ положеніи многихъ школъ Пирятинскаго, въ особенности же Константиноградскаго уѣздовъ, вотъ что говорить по этому поводу училищные совѣты Полтавскаго, Зеньковскаго, Гадячскаго, Роменскаго и Миргородскаго уѣздовъ:

„Большинство училищъ“, замѣчаетъ Полтавскій уѣздный училищный совѣтъ, „терпятъ, по скудости своихъ средствъ, недостатокъ то въ хозяйственномъ отношеніи, то въ способныхъ и постоянныхъ преподавателяхъ; *учители часто, во всякое время года, оставляютъ школы и переходятъ къ другимъ занятіямъ.* Отъ этого въ учебной части наступаетъ застой, иногда весьма продолжительный, и успѣхи учащихся, вонечно, оказываются весьма неудовлетворительны. Въ нѣкоторыхъ школахъ и въ настоящее время нѣтъ преподавателей, какъ напримѣръ, въ школахъ *Мачехской, Площанской, Супруновской и Первозвановской*“.

„Изъ наблюденій при посѣщеніи сельскихъ школъ“, говоритъ Зеньковскій училищный совѣтъ, „относительно учебной и воспитательной части нельзя не замѣтить, что если не всё онѣ, то большая ихъ половина далеко не соответствуетъ своему назначенію. Много тому причинъ, но самая важная та, что въ нихъ нѣтъ *отличныхъ наставниковъ*, которые, будучи достаточно ознакомлены съ лучшими способами преподаванія, могли бы успѣшно развивать дѣтей, возбуждая въ нихъ охоту къ ученью. Причиной такого важнаго недостатка служитъ скудость матеріальныхъ средствъ; устранить ее никакъ не могутъ сами общества, *безъ участія тѣхъ лицъ, на которыхъ они возложили обязанность заботиться о своихъ нуждахъ*, и хотя земство назначило въ настоящемъ году 2.570 руб. на народное образованіе, но, судя по многочисленности училищъ въ уѣздѣ, эта цифра далеко не служитъ достаточнымъ обезпеченіемъ“. Вполнѣ раздѣлая это мнѣніе Зеньковскаго училищнаго совѣта, инспекторъ замѣчаетъ, что для улучшенія учебной и воспитательной части въ означенномъ уѣздѣ очень важно *назначеніе отъ земства опредѣленнаго жалованья законоучителямъ* (какъ оно уже назначено учителямъ), по примѣру другихъ уѣздовъ. Доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующее: *Гадячскій* училищный совѣтъ, въ вѣдѣніи котораго состоятъ почти исключительно училища земскія, вполнѣ обезпечилъ ихъ хотя и побольшимъ, но, по крайней мѣрѣ, *стѣннымъ* содержаніемъ, и слѣдствіемъ того были самые утѣшительные результаты. „Вообще“, гово-

рять онъ въ своемъ отчетѣ, „состояніе училищъ представляется нынѣ въ болѣе удовлетворительномъ видѣ сравнительно съ прежнимъ. Это отрадное явленіе вытекаетъ преимущественно изъ приобретенной учителями опытности и навыка въ дѣлѣ обученія, изъ болѣе точнаго сознанія ими своихъ обязанностей и болѣе заботливаго усердія въ исполненіи ихъ. Если еще не всѣ училища достигли указанной имъ Положеніемъ 14-го іюля 1864 года степени благосостоянія, то это происходитъ отъ разныхъ неблагопріятныхъ условій, которыя устранить до извѣстнаго времени нѣтъ никакой возможности. Къ такимъ неблагопріятнымъ условіямъ слѣдуетъ отнести: невыполненіе волостными урядниками возложенныхъ на нихъ обязанностей въ отношеніи училищъ; слабое сочувствіе къ дѣлу народнаго образованія нѣкоторыхъ обществъ; крайне непостоянное посѣщеніе учащимися классовъ и весьма ограниченное обезпеченіе учителей, получающихъ самое скудное вознагражденіе за труды, и потому не остыющіеся подолгу на занимаемыхъ ими мѣстахъ“. Учители въ земскихъ училищахъ Гадячскаго уѣзда получаютъ всего по 100 руб., а законоучители по 50 руб. сер. въ годъ. Такихъ школъ въ означенномъ уѣздѣ находится 21.

Въ отчетѣ Роменскаго училищнаго совѣта обращаютъ на себя особенное вниманіе свѣдѣнія о передвиженіи учителей. „Въ 1872 году“, говоритъ этотъ совѣтъ, „было особенно замѣчательно это передвиженіе: болѣе 15-ти наставниковъ или оставили вовсе свои занятія, или перемѣнили службу. Слѣдуетъ думать, что кромѣ обыкновенныхъ или постоянныхъ причинъ, какъ-то: въ нѣкоторыхъ случаяхъ не сочувствіемъ или антагонизма волостныхъ урядниковъ, а въ другихъ неудовлетворительности самихъ преподавателей, — на такое значительное передвиженіе учащихся повліяло заявленіе Роменской уѣздной земской управы о томъ, что съ наступленіемъ 1873 года вознагражденіе законоучителямъ и учителямъ будетъ производиться уже на счетъ земскихъ суммъ. Излишне говорить, что столь частая перемѣна учителей не можетъ не отзываться большимъ вредомъ на успѣхахъ учениковъ; въ тѣхъ же школахъ, въ которыхъ преподаватели обезпечены вѣрнымъ и болѣе достаточнымъ содержаніемъ, не только посредственные, но и самыя лучшія и достойнѣйшія изъ нихъ болѣею частію остаются на мѣстѣ, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, на болѣе продолжительное время“.

Наконечъ, Миргородскій уѣздный училищный совѣтъ заявляетъ слѣдующее: „Въ истекшемъ 1872 году дѣло народнаго образованія, часть СЛХУХ, отд. 4.

въ крайнему сожалѣнію, нисколько не подвинулось впередъ. Училищный совѣтъ старался добросовѣстно выполнить великое свое призваніе, онъ принималъ для этого всѣ зависѣвшія отъ него мѣры; но всѣ его усилія встрѣчали сильную преграду въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, могущихъ облегчить школы и дать имъ возможность приобрести опытныхъ и способныхъ наставниковъ. Въ училищахъ Миргородскаго уѣзда преподаватели получаютъ жалованья максимумъ по 120 рублей въ годъ, то-есть, плату посредственнаго работника. Возможно ли на эти средства найти хорошаго и преданнаго своему дѣлу учителя? Возможно ли требовать отъ него усидчиваго и добросовѣстнаго труда, когда очень часто онъ бываетъ лишенъ возможности прокормить себя, не говоря уже о необходимой обуви и одеждѣ?

„Вслѣдствіе сего училищный совѣтъ по неволѣ былъ вынужденъ относиться очень снисходительно къ тѣмъ учителямъ, которые не всегда аккуратно посѣщаютъ школы, которые вмѣсто того, чтобы въ свободное время заняться усовершенствованіемъ своей методы, при помощи учебныхъ руководствъ, имѣющихся въ училищныхъ бібліотекахъ, вынуждены искать сторонняго труда, дающаго возможность сколько-нибудь увеличить ихъ матеріальныя средства“.

При взглядѣ на цифру денегъ, жертвуемыхъ земствомъ и обществами на народное образованіе въ уѣздѣ, невольно усомнишься, могутъ ли школы терпѣть недостатокъ; но если посмотрѣть, какъ и кѣмъ эти деньги расходуются, то сомнѣніе исчезаетъ. Устранить это зло училищный совѣтъ, при всемъ своемъ желаніи, не могъ. Земство отпускаетъ ежегодно на народное образованіе въ уѣздѣ 1.500 руб. Эта сумма отдается въ распоряженіе волостныхъ правленій, по 100 руб. на каждую школу; она сливается съ суммой, ассигнуемой обществами, которыя не думаютъ объ увеличеніи содержанія учителямъ, и готовы даже уменьшить сумму, которую они отъ себя расходовали до назначенія пособія земствомъ, если могутъ зачесть остатки въ счетъ назначенія на слѣдующій годъ. Далѣе, училищный совѣтъ не можетъ требовать отъ учителей усидчиваго веденія дѣла, ибо очень часто эти несчастные труженики по полугоду и болѣе не получаютъ причитающейся имъ скудной платы, благодаря небрежности волостныхъ правленій. Учитель Zubовской школы съ апрѣля по настоящее время не удовлетворенъ жалованьемъ подъ тѣмъ предлогомъ, что деньги не собраны, и это не смотря на энергическія предписанія мѣстнаго мирового посредника. Этотъ учитель, получивъ другое назначеніе, не поѣхалъ туда, вѣроятно, опасаясь, чтобы и тамъ не постигла его по-

добная же участь Училищный совѣтъ ходатайствовалъ предъ земскимъ собраніемъ, чрезъ своего члена, г. Заленскаго, о принятіи земствомъ на полное содержаніе хотя нѣсколькихъ училищъ, въ размѣру 1.500 руб., отпускаемыхъ ежегодно въ пособіе обществу на народное образованіе. Но всѣ убѣжденія г. Заленскаго не привели къ желанному результату. По смѣтѣ 1872 года назначено опять на народное образованіе 1.500 руб. и сумма эта по прежнему отдана въ распоряженіе волостныхъ правленій, такъ что народныя училища находятся въ полной отъ нихъ зависимости. Учителямъ приходится или помириться съ своимъ безотраднѣмъ положеніемъ и заискивать у волостныхъ урядниковъ, или, при первой возможности, оставятъ службу. На сколько послѣднее обстоятельство вредитъ дѣлу народнаго образованія, видно изъ слѣдующихъ фактовъ: преподаватели изъ семинаристовъ (теперь во всемъ уѣздѣ ихъ осталось только двое) спѣшатъ покинуть школы; законоучители, не получая вознагражденія, не посѣщаютъ классы такъ аккуратно, какъ бы слѣдовало; прочіе же преподаватели непрерывно обращаются къ училищному совѣту съ просьбами объ увеличеніи имъ содержанія, или объ уплатѣ причитающихся имъ денегъ. Училищному совѣту остается единственный исходъ: принимать всѣ эти просьбы къ свѣдѣнію.

Упомянувъ объ условіяхъ, неблагопріятно вліявшихъ на развитіе народнаго образованія въ Полтавской губерніи, нельзя умолчать о другихъ, которыя имѣли обратное дѣйствіе. Сюда относятся:

1. Увеличеніе содержанія многимъ училищамъ, а вслѣдствіе сего и увеличеніе жалованья преподавателямъ. Состоялось это въ земскихъ училищахъ преимущественно Золотоношскаго, Кременчугскаго и Перяславскаго уѣздовъ, а также въ нѣкоторыхъ школахъ уѣздовъ Кобелякскаго и Прилукскаго. Жалованье увеличено преподавателямъ до 150 руб., и даже до 200 руб.: такъ наприимѣръ, въ двухклассныхъ образцовыхъ земскихъ училищахъ Золотоношскаго уѣзда учителя получаютъ по 200, помощники ихъ по 100 и законоучители по 50 руб. въ годъ. Вслѣдствіе того явились достойные преподаватели, и вообще всѣ они стали внимательнѣе относиться къ своему дѣлу.

2. Заботами Полтавской губернской земской управы вообще и вредсѣдателя ея Л. П. Томары въ особенности, устроена была въ истекшемъ году, по случаю политехнической выставки, командировки 14-ти лучшихъ и способнѣйшихъ преподавателей въ Москву, какъ для обзорѣнія выставки и достопримѣчательностей древней столицы, такъ и для слушанія педагогическихъ курсовъ, и ознакомленія съ

различными усовершенствованіями по части начальнаго народнаго воспитанія и обученія. Командировка эта благотворно повліяла на развитіе и образованіе учителей. По ходатайству г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, былъ командированъ въ Москву также и инспекторъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи. Онъ имѣлъ возможность слѣдить тамъ за занятіями упомянутыхъ выше учителей и быть постояннымъ ихъ руководителемъ. Расходы по командировкѣ 14-ти преподавателей обошлись губернскому земству въ 1.280 руб.

3. Стараніями училищныхъ совѣтовъ и земскихъ управъ Миргородскаго и Роменскаго уѣздовъ, на средства частію губернскаго, а частію уѣзднаго земства, устроены были въ г. Миргородѣ для учителей поманутыхъ двухъ уѣздовъ педагогическіе курсы. На этомъ съѣздѣ, состоявшемся подъ личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ инспектора, присутствовали 20 преподавателей Миргородскаго и 5 Роменскаго уѣздовъ. Для ознакомленія ихъ съ новѣйшими способами начальнаго преподаванія, Миргородскимъ училищнымъ совѣтомъ приглашенъ былъ помощникъ завѣдывающаго Чугуевскою центральною школою для приготовленія учителей грамотности, подпоручикъ М. Силаковъ, преподаватель весьма способный и свѣдущій. Всѣ занятія съѣзда, продолжавшіяся отъ 7-го до 26-го августа, происходили въ постоянномъ присутствіи и при личномъ участіи инспектора. Занятія г. Силакова съ собравшимися на съѣздъ учителями были весьма для нихъ полезны; по такъ какъ программа его, по собственному его признанію, оказалась слишкомъ ограниченою, то инспекторъ не преминулъ пополнить ее своими личными объясненіями, руководствуясь преимущественно тѣмъ, что, на основанія собственныхъ наблюденій, онъ считалъ особенно необходимымъ. Тутъ же всѣмъ присутствовавшимъ преподавателямъ были указаны инспекторомъ книги, по которымъ не только могутъ они успѣшно заниматься съ дѣтьми, но и пополнять собственныя свѣдѣнія. Хотя послѣ упомянутаго съѣзда времени прошло еще не много, но плоды занятій на немъ не замедлили уже оказаться во многихъ школахъ.

Послѣ сдѣланнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія распоряженія, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда инспекторъ народныхъ училищъ не имѣетъ возможности лично присутствовать на открываемыхъ земствомъ педагогическихъ съѣздахъ или курсахъ, съѣзды эти учреждаются были подъ руководствомъ штатныхъ смотрителей училищъ, — по всей вѣроятности, они будутъ устраиваемы въ текущемъ году училищными совѣтами и земствами одновременно въ нѣсколькокихъ

мѣстахъ, такъ какъ сумма на этотъ предметъ, въ количествѣ 1.750 руб., уже ассигнована Полтавскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ.

4. При ревизіяхъ своихъ инспекторъ постоянно обращаетъ вниманіе не на успѣхи только учениковъ, но преимущественно на все, что могло препятствовать этимъ успѣхамъ, и тутъ же на мѣстѣ принимаемы были имъ мѣры для устраненія всѣхъ такихъ препятствій. Онъ сносился съ волостными урядниками, блюстителями и преподавателями училищъ; по замѣчаніямъ его были исправляемы недостатки въ преподаваніи, имъ же изыскивались средства пополнить училищныя бібліотеки и т. д.

5. *Инспекторскій складъ книгъ.* Всѣ книги и учебныя пособія выдаются изъ этого склада самимъ инспекторомъ. Какъ бы ни были спѣшны и неотложны его другія занятія, онъ не упускаетъ случая видѣться лично съ посѣтителями, являющимися за книгами, узнаетъ отъ нихъ о нуждахъ народныхъ школъ и, по возможности, принимаетъ мѣры къ удовлетворенію ихъ.

6. Лучшими и способнѣйшими преподавателями въ народныхъ училищахъ Полтавской губерніи являются доселѣ церковнослужители, окончившіе полный семинарскій курсъ. Весьма немаловажно и то обстоятельство, что при частой переимѣнѣ другихъ преподавателей, эти лица остаются часто на своихъ мѣстахъ по десятку лѣтъ. Епархіальное начальство, съ своей стороны, постоянно заботилось о благосостояніи не только церковно-приходскихъ школъ, но и вообще всѣхъ народныхъ училищъ. Кромѣ способныхъ законоучителей, многія школы, содержимыя земствомъ, обществами и частными лицами, получили достойнѣйшихъ преподавателей по непосредственному назначенію самого преосвященнаго. Когда оказывается недостатокъ въ учителяхъ, по случаю переимѣненія ихъ или совершеннаго останвленія ими службы, то вакансіи, по распоряженію епархіальнаго начальства, нерѣдко были замѣщаемы священно и церковно-служителями.

7. *Распоряженіи губернскаю и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, губернской и уѣздныхъ земскихъ управъ* постоянно клонились къ возможному, при настоящихъ обстоятельствахъ, совершенствованію дѣла народнаго образованія въ губерніи. Нѣкоторые училищные совѣты, какъ напримѣръ, Кобелякскій, Прилукскій, Миргородскій, Гадячскій, Роменскій, большею частію совмѣстно съ земскими управами, проявляли въ 1872 году особенную дѣятельность въ этомъ отношеніи. Кромѣ Золотоношскаго уѣзда, многое дѣлается также по уѣзду Прилукскому, въ которомъ предсѣдателемъ училищнаго совѣта состоитъ

одинъ изъ энергическихъ дѣятелей по народному образованію, Г. П. Галаганъ. Въ отчетномъ году Прилукское уѣздное земское собраніе изъ суммъ своихъ отпустило въ распоряженіе училищнаго совѣта 4.193 руб. (вмѣсто прежнихъ 1.500 руб.) для увеличенія средствъ училищъ; изъ этой суммы назначены ежегодныя пособія, въ размѣрѣ отъ 50 до 300 руб., 20-ти школамъ, единовременныя по 50 руб. тремъ, и пособія на постройку училищныхъ домовъ отъ 50 до 300 руб. четыремъ училищамъ. Кромѣ того, Прилукское земское собраніе изъ своего запаснаго капитала отпустило 1.000 руб. на постройку домовъ для двухъ образцовыхъ земскихъ школъ въ селахъ *Березовки* и *Туровки*.

По ходатайству Константиноградской уѣздной земской управы, въ отчетномъ году очередное земское собраніе сего уѣзда не только назначило 1.000 руб. въ пособіе мѣстнымъ училищамъ, сверхъ отпускаемыхъ имъ ежегодно 1.000 руб. на приготовленіе учителей, но и выработало новый проектъ устава о земскихъ школахъ Константиноградскаго уѣзда, которому остается желать только скорого осуществленія.

8. *Временныя денежныя пособія училищамъ, поощренія преподавателямъ и награды.* Не только министерство народнаго просвѣщенія, но и земства, особенно нѣкоторыхъ уѣздовъ, оказывали временныя, весьма полезныя и необходимыя вспомошествованія школамъ. Со стороны земства онѣ были назначаемы особенно въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ еще не успѣли устроиться собственно земскія, то-есть, состояція на полномъ содержаніи земства, школы, какъ на примѣръ, въ уѣздахъ Кобелякскомъ, Хорольскомъ и Прилукскомъ. По Кобелякскому уѣзду въ отчетномъ году на жалованье и награды преподавателямъ, независимо отъ получаемого ими отъ обществъ содержанія, издержано земствомъ 2.837 руб. По уѣзду Прилукскому училищнымъ совѣтомъ выданы награды и пособія 30-ти лицамъ, въ количествѣ отъ 15 до 40 руб. каждому, преимущественно тѣмъ, полезная дѣятельность коихъ недостаточно была обезпечена въ матеріальномъ отношеніи самимъ обществомъ. Въ нѣкоторыхъ же уѣздахъ, какъ на примѣръ, въ Золотоношскомъ, сверхъ содержимыхъ земствомъ, всѣ школы безъ исключенія получаютъ ежегодно постоянное и опредѣленное пособіе. Въ отчетномъ году въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Полтавской губерніи такія единовременныя пособія со стороны земства были довольно значительны. Такъ, въ Хорольскомъ уѣздѣ, по опредѣленію уѣзднаго земскаго собранія, Сухоробовскому, Родіоновскому, Ново-Аврамовскому и

Хорольскому, что при Покровской церкви, училищамъ выдано единовременно по 180 руб., и двумъ содержательницамъ женскихъ начальныхъ школъ въ г. Хоролѣ 350 руб. Изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія въ истекшемъ году выданы 102-мъ преподавателямъ денежные поощренія и награды отъ 15 до 30 руб., сверхъ книгъ изъ инспекторскаго склада, которыхъ было роздано на 300 рублей.

Вслѣдствіе такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, дѣло народнаго образованія въ Полтавской губерніи хотя и не быстро, но все таки двигалось впередъ; число школъ, даже весьма удовлетворительныхъ, въ 1872 году, сравнительно съ предшествовавшими годами, постоянно возрастало. Такихъ оказывается отъ двухъ до восьми въ каждомъ уѣздѣ; особенно въ Золотоношскомъ, вслѣдствіе увеличеннаго земствомъ содержанія училищамъ и значительной прибавки жалованья преподавателямъ, произошло много переимъ къ лучшему. Это отрадное явленіе вполне оправдываетъ, между прочимъ, ту мысль, что для привлеченія къ грамотѣ нашего простонародья, не столько важна обязательность ученія, сколько хорошая обстановка училищъ. Весьма немаловажно и то, чтобы жалованье въ народныхъ школахъ вообще, а въ земскихъ въ особенности, назначаемо было не однимъ лишь учителямъ, а непременно и законоучителямъ, и притомъ, чтобы жалованье это было распредѣлено равномерно. „Благодаря общему труду законоучителей и учителей“, замѣчаетъ въ своемъ отчетѣ за 1872 годъ Золотоношскій училищный совѣтъ, „дѣло народнаго образованія поставлено у насъ гораздо выше чѣмъ прежде, что можно видѣть изъ числа училищъ и учащихся. Именно *общій* трудъ законоучителей и учителей очень важенъ; но чтобы трудъ былъ общимъ, необходимо, чтобы и вознагражденіе его было тоже общее“. Усилиями народнаго образованія въ Золотоношскомъ уѣздѣ весьма много способствуетъ и то обстоятельство, что мѣстное земство ни одной школы не оставляетъ безъ вспомошествованія. Такъ, наприимѣръ, всѣмъ церковно-приходскимъ училищамъ, дѣйствительно существующимъ, отпускается ежегодно по 25 руб. Оттого церковно-приходскихъ школъ мы встрѣчаемъ здѣсь гораздо болѣе и въ лучшемъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ Полтавской губерніи. Такъ, наприимѣръ, школа Авадовскаго въ г. Золотоношѣ, по благоустройству своему, можетъ служить образцомъ для многихъ начальныхъ народныхъ училищъ губерніи. •

Кромѣ закона Божія, чтенія по книгамъ гражданскаго и церковнаго

печати, письма и первыхъ четырехъ правилъ арифметики, во многихъ полтавскихъ училищахъ успѣшно обучаютъ и церковному пѣнію; народъ такъ высоко его цѣнитъ, что назначаетъ даже отъ себя особое за него вознагражденіе; но пѣніе это доведено до нѣкоторой степени совершенства лишь въ тѣхъ школахъ, гдѣ состоятъ преподавателями бывшіе пѣвчіе или регенты архіерейскаго или семинарскаго хоровъ, какъ напримѣръ, въ *Козловскомъ* училищѣ, *Переяславскаго уѣзда*, въ *Кирилловскомъ* Константиноградскаго и др.

Кромѣ *Петровскаго* и *Глыбоцскаго* двухклассныхъ образцовыхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ по желанію обществъ, обучаютъ дѣтей портняжеству, ремеслами занимаются нѣкоторые ученики въ *Полтавскомъ* городскомъ приходскомъ училищѣ (сапожничествомъ), въ *Парасковеевскомъ* сельскомъ мужскомъ, Константиноградскаго уѣзда (кузнечествомъ и сапожничествомъ), въ Миргородскомъ женскомъ городскомъ (бабичьимъ мастерствомъ). Женскому руководствію обучаютъ во всѣхъ женскихъ школахъ Полтавской губерніи, а наиболѣе успѣшно идетъ оно въ школахъ *Карловской* и *Чутовской-Александровской*. Въ первой изъ нихъ, подъ руководствомъ учительницы, дѣвочки занимаются и шелководствомъ, для чего Карловскою экономіей въ прошломъ году построенъ особый домъ, стоющій болѣе 500 руб. Программа преподаванія въ нѣкоторыхъ земскихъ и общественныхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ возвышается до программы, одобренной для сельскихъ двухклассныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотеки и учебныя пособія. Что касается учебныхъ пособій въ школахъ, принадлежащихъ къ уѣздамъ: Пирятинскому, Лубенскому, Константиноградскому, Лохвицкому, Зеньковскому, Прилукскому и Гадачскому, то мы не встрѣчаемъ о нихъ свѣдѣній въ отчетахъ училищныхъ совѣтовъ не потому, конечно, чтобы ихъ не находилось, а потому, что они не приведены еще въ надлежащую извѣстность. Во многихъ школахъ, даже земскихъ и общественныхъ, все еще не достаетъ полныхъ и вѣрныхъ каталоговъ, съ правильною записью всего, принадлежащаго училищной библиотекѣ. Вотъ что замѣчаетъ по этому поводу Миргородскій уѣздный училищный совѣтъ: „въ *Петровецкомъ* народномъ училищѣ, при ревизіи его штатнымъ смотрителемъ, библиотека найдена въ большомъ безпорядкѣ; книги и учебныя пособія валялись въ классной комнатѣ на столѣ; каталога не оказалось, такъ что невозможно было повѣрить библиотеку, — почему училищный совѣтъ предположилъ имѣть при дѣлахъ своихъ копія ката-

договор каждой школы отдѣльно и вновь поступившія книги записывать въ оныя, а сверхъ того, не увольнять и не перемѣнять учителей, пока всѣ книги не будутъ сданы въ цѣлости". Весьма желательно, чтобы съ такимъ же вниманіемъ и участіемъ отнеслись къ этому дѣлу и другіе совѣты. Въ училищныя библіотеки поступаютъ книги, приобретаемыя на суммы казенныя, общественныя, земскія и жертвуемыя частными благотворителями; такое имущество нельзя оставлять безъ контроля. Къ тому же, не зная наличности училищной библіотеки, невозможно знать и того, въ какихъ именно книгахъ она нуждается, какихъ требуетъ пополненій. Какъ со стороны инспектора, такъ и со стороны губернскаго и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, сдѣланы уже были по этому предмету неоднократныя распоряженія. Точному и правильному исполненію ихъ не мало препятствуетъ, между прочимъ, частая перемѣна учителей.

Книгами и учебными пособиями наиболее обеспечены школы двухклассныя: *Петровская* и *Бьлоцерковская*, для которыхъ ежегодно отпускается на этотъ предметъ отъ министерства по 75 руб. на каждую и, кромѣ того, высылаются журналы, учебники и т. д. Такъ, въ отчетномъ году, доставляемы были журналы: „Народная школа“ и „Мірской Вѣстникъ“ за 1872 годъ, и сверхъ того, департаментомъ народнаго просвѣщенія было выслано 19 названій книгъ и учебныхъ пособій въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ, для безмезднаго снабженія библіотекъ всѣхъ вообще начальныхъ училищъ вѣдомства министерства. Что же касается остальныхъ школъ Полтавской губерніи, то положеніе ихъ въ этомъ отношеніи весьма различно, судя по тому, на сколько принимаютъ въ этомъ участіа мѣстныя общества, земства, училищные совѣты и частныя лица. Во всѣхъ, какъ фундаментальныхъ, такъ и ученическихъ библіотекахъ Полтавской губерніи, насчитывалось къ 1873 году 15.751 названій и 54.937 томовъ; въ этомъ числѣ въ теченіи только одного 1872 года приобретено 1587 названій и 8.468 томовъ на сумму 2.744 руб. 51 коп.

Источники содержанія. На содержаніе народныхъ училищъ Полтавской губерніи въ 1872 году употреблено всего 81.839 руб. 8 коп., а именно:

	рубли.	коп.
Изъ государственнаго казначейства	7.266	—
Отъ городскихъ обществъ	7.161	62
Отъ земства .	39.298	36
Отъ сельскихъ обществъ.	22.524	58

	РУБЛ.	КОП.
Отъ церковныхъ поличительствъ .	1.069	89
Отъ частныхъ лицъ.	4.518	63
Всего.	81.839	8

Хотя и теперешнихъ пожертвованій земства нельзя считать достаточными, но пожертвованія эти превышаютъ сдѣланныя въ 1871 году. Тогда уѣздныя земства Полтавской губерніи издержали на народныя школы всего 29.282 руб. и 91³/₄ коп.; а теперь 39.298 руб. 36 коп. Наибольше значительныя пожертвованія въ отчетномъ году принадлежать земствамъ уѣздовъ: Кременчугскаго (6.630 руб. 32 коп.), Переславскаго (4.735 руб.), Золотопоискаго (4.683 руб. 71 коп.), Прилукскаго (4.193 руб. 7 коп.), Гадачскаго (3.550 руб.) и Кобелякскаго (3.000 руб.); а наименьшія земствамъ уѣздовъ: Хорольскаго (600 руб.), Ромеянскаго (691 руб. 29 коп.), Пирятинскаго (810 руб.), Константиноградскаго (1,025 руб.), Лубенскаго (1.500 руб.) и Полтавскаго (1.670 руб.).

Губернскимъ земствомъ назначено было въ 1872 году: а) на развѣтленіе начальнаго женскаго образованія 14-ти уѣздамъ (кроме Полтавскаго) по 200 руб.—2.800 руб.; б) въ пособіе уѣзднымъ земствамъ на устройство учительскихъ съѣздовъ для педагогическихъ лѣтнихъ курсовъ 1.750 руб.; в) на устройство предполагаемой школы начальныхъ народныхъ учителей 16.000 руб.; г) на содержаніе канцеляріи губернскаго училищнаго совѣта 150 руб., а всего 20.800 руб.

Городскія общества на содержаніе приходскихъ училищъ Полтавской губерніи издержали въ 1871 году 6,010 руб. 60 коп., а въ 1872—7.161 руб. 62 коп. Наибольше важныя пожертвованія принадлежать обществамъ: Кременчугскому (1.300 руб.) и Полтавскому (1.250 руб.), а самыя малыя: Золотопоискому (250 руб.), Миргородскому (264 руб. 87 коп.), Зеньковскому (284 руб. 87 коп.) и Кобелякскому (285 руб. 77 коп.).

Постоянное и почти всеобщее содѣйствіе со стороны сельскихъ обществъ народному образованію состояло въ томъ, что они давали отъ себя помѣщеніе школамъ, съ отопленіемъ и прислугой; при этомъ общества нѣкоторыхъ уѣздовъ Полтавской губерніи сдѣлали и денежные пожертвованія; самыя значительныя изъ нихъ принадлежатъ сельскимъ обществамъ Прилукскаго (4.500 руб.), Константиноградскаго (3.294 руб.), Золотопоискаго (3.000 руб.), Полтавскаго (2.970 руб.) и Миргородскаго (2.603 руб. 85 коп.) уѣздовъ; а самыя малыя —

обществамъ Лубянскаго (84 руб.), Пиритинскаго (90 руб.), Переяславскаго (200 руб.) и Кременчугскаго (200 руб.) уѣздовъ. Всѣхъ же пожертвованій со стороны сельскихъ обществъ Полтавской губерніи въ отчетномъ 1872 году было 22.424 руб. 58 коп. (а въ 1871 году 20.109 руб. 27 коп.). Нѣкоторые церковныя попечительства и частныя лица, по прежнему, не только давали отъ себя помѣщенія школамъ, съ отопленіемъ и прислугою, но и помогали имъ деньгами. Такихъ пожертвованій въ 1872 году поступило: а) отъ церковныхъ попечительствъ 1.069 руб. 89 коп. и б) отъ частныхъ лицъ 4,418 руб. 63 коп.

Кромѣ обыкновеннаго осмотра училищъ членами уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, а иногда и членами земскихъ управъ, въ истекшемъ 1872 году осмотрѣно лично инспекторомъ всего 182 школы, и нѣкоторые изъ нихъ неоднократно.

ВѢДОМОСТЬ О НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ, РАЗРѢШЕННЫХЪ

Учебныя округа.	Губерніи.	Уѣзды.	Мѣстности, въ которыхъ разрѣшено открыть училища.
С.-Петербургскій	С.-Петербургская	Шансальбургскій	Село Ивановское Леязь
		Ямбургскій	Удосою Окстопаль
		Новолодожскій	Пономарево
		С.-Петербургскій	Рыбацкое
	Олонецкая	Каргопольскій	Архангель
	Вологодская	Тотемскій	Леденгскій солеваренный заводъ
		Никольскій	Подосиновская волость
	Новгородская	Валдайскій	Едровская волость
		Боровичскій	Львечская волость
		Тяхвинскій	Дер. Крѣчкова

Ъ ОТКРЫТІЮ МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Имя училища и сколько разрѣшено отыреть.			Расходы на устройство и содержаніе отарываемыхъ училищъ.	
Двуклассна.	Одноклассна.	Игород-честн.	Единовременно.	Ежегодно.
—	1	—	1.226 руб. на первоначальное обзаведеніе и содержаніе въ 1873 г.	По 226 р. на каждое.
—	1	—		
1	—	—	3.000 руб. на постройку дома.	1.000 руб.
—	1	—	113 руб. на содержаніе въ 1873 г.	226 руб.
—	1	—	113 руб. на содержаніе въ 1873 г.	226 руб.
1	—	—	2.000 руб. на постройку дома.	700 руб.
1	—	—	2.500 руб. на постройку дома и первоначальное обзаведеніе.	655 руб. на содержаніе училища на первое время въ одноклассномъ составѣ.
1 изъ однокласснаго	—	—	—	500 р. въ дополненіе къ 226 р., отпускаемымъ на содержаніе училища въ одноклассномъ составѣ.
1	—	—	—	425 р. въ добавокъ къ отпускаемымъ уже на содержаніе этого училища 575 руб.
1 изъ однокласснаго	—	—	1.019 руб. на приспособленіе помѣщенія и содержаніе въ 1873 г.	719 р. въ дополненіе къ 226 р., отпускаемымъ уже на содержаніе училища въ одноклассномъ составѣ.
1 изъ однокласснаго	—	—	1.597 р. 50 к. на устройство помѣщенія и содержаніе въ 1873 г.	497 р. 50 к., въ дополненіе къ 226 р., отпускаемымъ же на содержаніе училища въ однокласс. составѣ.
—	1	—	500 руб. на постройку дома и 113 р. на 1873 г.	226 руб.

Учебные округа.	Губерніи.	Уѣзды.	Мѣстности, въ которыхъ разрѣшено открыть учи- лища.
Казанскій	Казанская	Лаяшевскій	Село Некрасово
	Симбирская	Казанскій	Г. Казань
		Буинскій	Дер. Бошки
		Курмышскій	Село Ходары
	Вятская	Малмыжскій	Уватъ-Ушлинское
Московскій	Тульская	Одоевскій	Лужное
	Московская	Клинскій	Петровское
	Ярославская	Бронницкій	Верхній-Мачковъ
		Мологскій	Дер. Приселокъ

Классъ училища и сколько разрѣшено открыть.			Расходы на устройство и содержаніе открываемыхъ училищъ.	
Двуклассныя.	Одноклассныя.	Двоучастныя.	Единовременно.	Ежегодно.
1	—	—	3,076 руб. 55 коп. на исправленіе дома и содержаніе въ 1873 г.	885 руб.
На устройство школ для татарскихъ дѣвочекъ - кадетенокъ въ Казани, учрежденной въ видѣ школы на одинъ годъ.	—	1	500 руб.	—
—	—	1 Чувашское.	396 руб. на содержаніе въ 1873 г.	396 р. въ допозненіе къ отпусканнымъ уже на эту школу 150 р.
—	—	—	100 руб. на содержаніе въ 1873 г.	200 руб. на дополнительное содержаніе существующаго въ с. Ходарахъ инородческаго училища.
—	—	—	3,154 руб. на постройку дома для существующаго уже инородческаго училища.	—
—	1	—	433 руб. на устройство дома, первоначальное обзаведеніе и содержаніе съ 1-го июля 1873 г. по 1-е января 1874 г.	226 руб.
1	—	—	1,000 р. на устройство дома и содержаніе съ 1-го июля 1873 г. по 1-е января 1874 г.	1,000 руб.
1	—	—	—	1,000 руб.
1	—	—	872 руб. 50 коп. на первоначальное обзаведеніе и содержаніе съ 1-го июля 1873 г. по 1-е января 1874 г.	945 руб.

Учебные округа.	Губерніи.	Уѣзды.	Мѣстности, въ которыхъ разрѣшено открыть училища.
Харьковскій		Романово-Борисоглебскій	Максимово
	Тверская	Старицкій	Село Емельяново
		Осташковскій	» Сороки
	Смоленская	Вяземскій	Юренино
		Юхновскій	Знаменское
	Орловская	Брянскій	Овстугъ
	Харьковская	Харьковскій	Слоб. Мерефа
		Лебедянскій	Ворожба
	Бурская	Рыльскій	Село Любиновка

Классъ училища и сколько разрѣшено открыть.			Расходы на устройство и содержаніе открываемыхъ училищъ.	
Двуклассныя.	Одноклассныя.	Иностранцы.	Единовременно.	Ежегодно.
1 изъ однокласснаго	—	—	1.559 р. 50 к. въ пособіе обществу за уступленный домъ, на первоначальное обзаведеніе и содержаніе съ 1-го іюля по 1-е января 1874 г.	719 руб. въ дополненіе къ 226 р., отпускаемымъ уже на содержаніе этого училища въ одноклассн. составѣ.
1	—	—	695 руб. на постройку дома.	1.000 руб.
1	—	—	2.141 р. на постройку дома.	1.000 руб.
1 изъ однокласснаго	—	—	100 р. на первоначальное обзаведеніе и 322 р. 50 к. на содержаніе въ 1873 г.	774 руб. въ дополненіе къ 226 р., отпускаемымъ уже на содержаніе училища въ одноклассномъ составѣ.
1	—	—	500 руб. на постройку дома и 472 р. 50 к. на содержаніе въ 1873 г.	945 руб.
1 изъ однокласснаго	—	—	—	774 руб. въ дополненіе къ 226 р., отпускаемымъ уже на содержаніе этого училища въ одноклассн. составѣ.
1	—	—	100 р. на первоначальное обзаведеніе и 250 р. на содержаніе въ 1873 г.	885 руб.
1	—	—	300 р. на исправленіе дома.	885 руб.
1	—	—	500 р. на содержаніе въ 1873 году.	1.000 руб.
20	6	2	28.653 руб. 5 коп.	18.260 руб. 50 коп.
			А всего 46.913 руб. 55 коп.	

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

16/го октября.

1.

Извѣстно, что высшій совѣтъ (conseil superieur de l'instruction publique) давно уже занимался обсужденіемъ тѣхъ реформъ, которыя произведены были г. Жюлемъ Симономъ въ системѣ преподаванія нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Недавно появились два официальные документа, относящіеся къ этому предмету: докладъ совѣту г. Патена (декана Парижскаго словеснаго факультета) о циркулярѣ 27-го октября 1872 года и циркуляръ министра народнаго просвѣщенія г. Батби къ директорамъ (proviseurs) лицеевъ, приглашающій ихъ сообразоваться въ точности съ постановленіями совѣта. Скажу нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ.

Г. Патенъ начинаеть съ того, что нововведенія, сдѣланныя г. Ж. Симономъ, подвергнуты были самому тщательному обсужденію, „на основаніи коего“, говоритъ онъ, „мы убѣдились, что реформы 1872 года, въ примѣненіи своемъ, не могли не утратить многого, что было въ нихъ рѣзкаго, исключительнаго, что онѣ подверглись необходимымъ и неизбѣжнымъ смягченіямъ и по большей части имѣли характеръ переходимыхъ мѣръ. Дѣйствительно, въ ежемѣсячныхъ собраніяхъ преподавателей, установленныхъ г. Ж. Симономъ, преподаватели эти получили возможность совѣщаться о выгодахъ и неудобствахъ совершившихся переимѣнъ. Главный совѣтъ полагаетъ, что нѣтъ никакой необходимости отиѣнять эти конференціи, но было бы полезно, съ тою цѣлью, чтобы не оказывалось недостатка въ матеріалѣ для происходящихъ въ средѣ ихъ совѣщаній, созывать ихъ не ежемѣсячно, а чрезъ каждые три мѣсяца“. Такимъ образомъ, одна изъ реформъ г. Жюля Симона увѣнчалась успѣхомъ, но учрежденный имъ дисциплинарный совѣтъ (conseil de discipline) въ которомъ преподаватели должны были обсуждать поступки своихъ товарищей, отиѣнень.

Обращаясь къ чисто педагогическимъ вопросамъ, докладчикъ комиссiи одобряетъ усиленiе занятiй гимнастикой и военными упражненiями, но съ условiемъ, чтобы отъ этого не пострадали занятiя классныя. Что касается замѣны письменныхъ упражненiй по древнимъ языкамъ болѣе подробнымъ изученiемъ латинскихъ и греческихъ авторовъ, то комиссiя отдастъ полное предпочтенiе прежней системѣ. „Конечно“, говоритъ г. Патенъ, „словесныя толкованiя учителя, работы, сообща исполняемыя учениками, приносятъ огромную пользу и слѣдуетъ всячески поощрять ихъ. Но напрасно г. Ж. Симонъ считаетъ все это новостью. Каждый хорошей преподаватель оживляетъ объясненiе авторовъ не только собственными комментарiями — грамматическими, историческими и литературными, — но также и предоставленiемъ самимъ ученикамъ значительной роли въ подобныхъ занятiяхъ“. Г. Патенъ не думаетъ, чтобы въ классѣ нужно было подробно знакомиться съ авторами, а считаетъ достаточнымъ основательное изученiе нѣсколькихъ, болѣе или менѣе краткихъ, отрывковъ изъ нихъ. „Отъ искусства преподавателя зависитъ“, говоритъ онъ, „познакомить молодыхъ людей съ общимъ характеромъ изучаемаго творенiя и въ то же время остановить особенное ихъ вниманiе на нѣкоторыхъ, разумно избранныхъ изъ него, мѣстахъ. Именно на это слѣдуетъ разчитывать, чтобы прiохотить молодыхъ людей къ чтенiю не только древнихъ, но и нашихъ отечественныхъ образцовыхъ писателей“. Къ сожалѣнiю, нужно при этомъ замѣтить, что наши преподаватели весьма мало заботятся о томъ, чтобы сообщить ученикамъ вѣрное понятiе о латинскихъ и греческихъ авторахъ. Я могу судить объ этомъ, между прочимъ, по собственному опыту. Я окончилъ курсъ наукъ въ одномъ изъ парижскихъ лицеевъ подъ руководствомъ искусныхъ наставниковъ: они заставляли насъ въ классѣ переводить нѣкоторые отрывки изъ Софокла, Тита-Ливiя и Вергилия, но все-таки эти писатели были намъ чужды. Хорошiе ученики старались, конечно, восполнить этотъ недостатокъ самостоятельными занятiями, но огромное большинство отличалось крайнимъ безнужествомъ. Вотъ почему можно сомнѣваться, чтобы „избранныя мѣста“, морселих *choisis*, могли дать вѣрное понятiе о различныхъ авторахъ: такъ, напримѣръ, въ одномъ классѣ читаются у насъ *paggationes excerptae* изъ Тита Ливiя, въ слѣдующемъ (классѣ риторики) *conspicuae excerptae* изъ того же Ливiя, но все-таки никогда не читаютъ самаго Тита Ливiя.

Г. Патенъ выражается слѣдующимъ образомъ о латинскомъ сочи-

ноніи (thème latin) и латинскихъ стихахъ: „Тема вовсе не заслуживаетъ того презрѣнія и тѣхъ насмѣшекъ, съ которыми относится къ ней легкомысліе нашего свѣтскаго общества. Опредѣлить точное значеніе французскаго выраженія и прискаты соотвѣтствующее ему въ языкѣ латинскомъ—отнюдь не такое пустое и бесполезное занятіе, какъ привыкли у насъ думать. Во всякомъ случаѣ, безъ него нельзя выучиться настоящимъ образомъ по латынѣ, нельзя понять и оцѣнить писателей латинской литературы. Но, возражаютъ на это, ученики уже въ самомъ классѣ, безъ подготовки, занимаются подобными упражненіями, которыя Нѣмцы называютъ упражненіями ех tempore. Конечно, они весьма полезны, но самое пригодное для нихъ мѣсто—въ низшихъ классахъ, когда дѣло идетъ только о примѣненіи правилъ. Что же касается латинской рѣчи, не только правильной, но и изящной, которую изучаютъ въ высшихъ классахъ, то нельзя упражняться въ ней безъ приготовленія, и въ совокупныхъ усиліяхъ учениковъ овладѣть ею, — усиліяхъ, часто бесплодныхъ, — послѣднее слово будетъ принадлежать преподавателю, который и явится, такимъ образомъ, настоящимъ авторомъ темы. Въ силу тѣхъ же самыхъ соображеній, комиссія считаетъ необходимымъ сохранить не только латинскія темы, но и латинскіе стихи. Нельзя не заниматься ими въ лицахъ, ибо въ послѣдствіи, при экзаменѣ, напримѣръ, лиценціатовъ, нѣкоторымъ изъ воспитанниковъ придется показать свое искусство въ нихъ“.

Экзамены, упоминаемые г. Патеномъ, учреждены специально для молодыхъ людей, которые предназначаютъ себя къ учительскому званію, но подвергаются ему, по большей мѣрѣ, 2 или 3% всѣхъ воспитанниковъ, оканчивающихъ курсъ въ лицахъ. Слѣдовательно, аргументъ докладчика комиссіи не слишкомъ убѣдителенъ и, какъ бы сознавая это, онъ спѣшитъ поддержать свою мысль еще другими доказательствами. „Стихотворныя упражненія“, говоритъ онъ, „положительно необходимы для тѣхъ, кто желаетъ читать — читать съ толкомъ и наслажденіемъ,—латинскихъ поэтовъ. Упраженія эти, болѣе чѣмъ что либо другое, научаютъ искусству сочинительства. Затѣмъ они удовлетворяютъ требованіямъ фантазіи въ томъ возрастѣ, когда фантазія является почти преобладающею способностью. Въ прежнее время это было любимое занятіе отличнѣйшихъ учениковъ, которые возвращались къ нему и въ послѣдствіи, ища въ немъ утѣшенія и развлеченій среди тяжкихъ житейскихъ тревоженій. Такъ еще и теперь поступаютъ наши сосѣди — Англичане: новѣйшая ла-

тинская поэзія продолжаетъ процвѣтать въ ихъ школахъ, и просматривая сборники, въ которыхъ, въ каждомъ учебномъ заведеніи, хранятся эти опыты, непрерывно встрѣчаешься съ именами избранныхъ лицъ ихъ общества, самыхъ знаменитыхъ государственныхъ людей этой страны. Не будемъ же отнимать столь полезныя и пріятныя занятія у учениковъ высшихъ классовъ, которые ощущаютъ къ нимъ расположеніе и навыкъ. Что же касается до остальныхъ, не надѣющихся достигнуть усѣха въ подобныхъ упражненіяхъ, то относительно ихъ преподаватели будутъ поступать, какъ поступали до сихъ поръ, то-есть, учениковъ этихъ можно вовсе освободить отъ упомянутыхъ занятій, замѣняя ихъ другими, болѣе соотвѣствующими ихъ способностямъ“.

Главный совѣтъ поступилъ весьма мудро, не признавъ латинскія стихотворныя упражненія обязательными для всѣхъ учениковъ безъ различія. Впрочемъ, они имѣли этотъ характеръ и въ прѣжнее время. Вообще же занятіе ими никогда не процвѣтало въ нашихъ лицеехъ, ибо по большей части въ каждомъ классѣ только три или четыре воспитанника отличались въ нихъ, а работы всѣхъ остальныхъ не обращали на себя ни малѣйшаго вниманія преподавателей.

Г. Жюль Симонъ хотѣлъ вывести изъ употребленія въ лицеехъ руководства, извѣстныя подъ названіемъ *excerpla, narrationes, concisiones* и т. п., но комиссія признаетъ ихъ необходимыми. „Они столько же поучительны, какъ и полезны“, говоритъ г. Патенъ, „и вовсе не препятствуютъ обстоятельному ознакомленію съ великими произведеніями древности, чего надо всячески желать и къ чему слѣдуетъ поощрять нашу молодежь. Преподаватели не будутъ, конечно, объяснять различныя отрывки, не поставивъ каждый изъ нихъ въ связь съ тѣмъ сочиненіемъ, изъ котораго они заимствованы, не указавъ того, что имъ предшествуетъ и что за ними слѣдуетъ“. Г. Патенъ полагаетъ даже, что именно такъ и дѣлалось всегда въ нашихъ лицеехъ, но въ сущности это не болѣе, какъ *pium desiderium* съ его стороны; весьма немногіе преподаватели исполняли подобную задачу, оправдываясь тѣмъ, что времени у нихъ слишкомъ мало, что имъ нужно исправлять письменныя упражненія, спрашивать уроки и т. д. Остается только пожелать, чтобы замѣчаніе, высказанное докладчикомъ комиссіи, было какъ можно лучше принято къ свѣдѣнію нашими преподавателями древнихъ языковъ.

Г. Патенъ требуетъ также, чтобы и греческія темы, совершенно извѣстныя въ нашихъ лицеехъ, были снова введены въ употребле-

ніе Онъ вполне сочувствуетъ распоряженію г. Жюля Симона о томъ, чтобы установлены были періодическіе экзамены, какъ можно болѣе серьезныя, съ цѣлью не допускать лѣнивыхъ и неспособныхъ учениковъ въ высшіе классы и даже вовсе исключать ихъ изъ лицеевъ.

Очевидно изъ всего сказаннаго мною, что реформамъ г. Жюля Симона нанесенъ сильный ударъ и что должны удалѣть только немногія изъ нихъ; но бывший министръ не падастъ духомъ и намѣренъ отстаивать свои педагогическія теоріи въ особой книгѣ, составленіемъ которой онъ занятъ въ настоящую минуту. Отрывки изъ нея г. Жюль Симонъ уже читалъ въ одномъ изъ засѣданій Института.

Въ концѣ своего доклада г. Патенъ не скрываетъ, что нужно преодолѣть одно чрезвычайно важное затрудненіе, а именно, составить учебныя программы такимъ образомъ, чтобы не страдали онѣ отъ излишней многопредметности и не обременяли силы учениковъ. Съ этою цѣлью высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія считаетъ необходимымъ: 1) тщательно распредѣлять ежедневныя классныя занятія и 2) подвергнуть пересмотру учебныя планы и соответствующія имъ программы экзаменовъ.

Забѣгая, напечатанная въ „Официальномъ Журналѣ“ отъ 1-го октября, извѣщаетъ, что министръ народнаго просвѣщенія разослалъ ко всѣмъ директорамъ (recteurs) лицеевъ докладъ г. Патена, утвержденный высшимъ совѣтомъ, и что заключенія этого доклада должны имѣть отнынѣ обязательный характеръ. Въ то же время появился и циркуляръ министра, въ которомъ онъ сообщаетъ и свой образъ мыслей по вышеизложеннымъ вопросамъ. Г. Батби указываетъ прежде всего на переходный характеръ тѣхъ мѣръ, которыя были приняты его предшественникомъ. „Циркуляръ 27-го сентября 1872 года“, говорятъ онъ, „никогда не считался, даже по мнѣнію его виновника, окончательнымъ актомъ, безвозвратно устанавливающимъ разныя перемѣны въ системѣ преподаванія нашихъ средне-учебныхъ заведеній: единственною его цѣлью было — испытать достоинство реформъ, предлагаемыхъ лицами, мнѣніе коихъ, если даже оно ошибочно, заслуживаетъ вниманія. Это былъ не болѣе какъ *опытъ*, который не могъ не быть принятъ къ свѣдѣнію высшимъ совѣтомъ; онъ долженствовалъ служить однимъ изъ главныхъ элементовъ при изслѣдованіи вопроса, возбужденнаго нѣскольکو лѣтъ тому назадъ по поводу упомянутыхъ проектовъ реформъ, — возбужденнаго не только правительствомъ, но также ассоціаціями и частными лицами, заинтересованными въ успѣхахъ педагогіи“.

Г. Батби дѣлаетъ краткій очеркъ различныхъ мнѣній, выраженныхъ въ докладѣ г. Патена, и подтверждаетъ ихъ силою своего официального авторитета. „Когда дѣло идетъ“, говоритъ онъ, „о мертвомъ языкѣ или языкѣ живомъ, существуетъ большая разница относительно того, какъ понимаютъ текстъ молодые люди, достаточно свѣдущіе, чтобы писать на какомъ-либо изъ этихъ языковъ или умѣющіе только понимать читаемое. Къ тому же, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ поэзія прибѣгаетъ къ выраженіямъ, свойственнымъ только ей, и изъ которыхъ многія были бы неумѣстны въ прозѣ; а потому знакомство съ языкомъ тогда лишь можетъ считаться основательнымъ, когда оно сопровождается изученіемъ метрики и различныхъ оборотовъ, специально употребляемыхъ поэтами. Вслѣдствіе того, весьма полезно упражняться въ темахъ и даже въ стихотвореніяхъ на всѣмъ языкѣ, которымъ воспитанникъ желаетъ овладѣть надлежащимъ образомъ. Если въ программы включены только латинскіе стихи, то это потому, что преподаваніе языка греческаго и языковъ новѣйшихъ существуетъ лишь съ позднѣйшаго времени въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, и къ тому же латинскій языкъ представляетъ особую важность для начатковъ нашей литературы, ибо чрезъ Римъ перешло къ намъ то, чѣмъ мы обязаны генію Аевній.

„Конечно, упражненія во французскихъ стихотвореніяхъ не предписаны университетомъ, но это обстоятельство, повидимому весьма важное, еще не имѣетъ дѣйствительнаго значенія. Существовали другія, болѣе серьезныя основанія не причислять ихъ къ школьнымъ занятіямъ: вѣроятно, занятія такого рода сбили бы съ толку многихъ молодыхъ людей, заставивъ ихъ предположить въ себѣ поэтическій талантъ, и отвлекли бы ихъ отъ столь необходимаго усидчиваго труда. Преимущество латинскихъ стихотвореній состоитъ въ томъ, что они развиваютъ воображеніе, но не побуждаютъ молодыхъ людей посвящать себя поэзіи; они приучаютъ къ возвышеннымъ мыслямъ и къ изящному ихъ выраженію, не отвлекая тѣхъ, кто обнаруживаетъ въ нихъ успѣхи, отъ серьезнаго занятія наукою“.

На основаніи всего этого, г. Батби призналъ латинскія стихотворенія упражненіями обязательными для всѣхъ безъ различія учениковъ; очевидно, что мѣра эта противорѣчитъ мнѣнію высшаго совѣта, о которомъ я упомянулъ выше.

Въ заключеніе своего циркуляра г. Батби извѣщаетъ директоровъ лицезевъ о предстоящемъ учрежденіи двухъ комиссій, изъ которыхъ одной: поручено будетъ рассмотретьъ учебные планы, а другой — рас-

предѣленіе классныхъ занятій. Онъ намѣревается, между прочимъ, сдѣлать важныя перемены въ теперешней программѣ для полученія степени бакалавра (испытаніе зрѣлости). Въ настоящее время экзаменуемымъ изъ всеобщей исторіи предлагають вопросы, начиная лишь съ вѣка Людовика XIV, вслѣдствіе чего многіе считаютъ себя въ правѣ не имѣть понятія о вѣкѣ Перикла или Августа.

„Установленные мною мѣры“, говоритъ министръ, „должны, по твердому моему убѣжденію, возвысить у насъ уровень классическихъ знаній. Возможно ли согласиться съ высказываемымъ нерѣдко мнѣніемъ, что наше общество, проникнутое демократическими началами, не имѣетъ такой нужды во всестороннемъ и основательномъ образованіи, какъ общества аристократическія? Конечно, не всѣ могутъ давать своимъ дѣтямъ такое продолжительное образованіе, какое требуется лицейскимъ курсомъ, но подобное возраженіе не имѣетъ ни малѣйшей силы при существованіи другихъ учебныхъ заведеній; приносящихъ несомнѣнную пользу. Специальныя школы (техническія, реальныя) даютъ возможность воспитанникамъ, которые не могутъ въ теченіи 8-ми лѣтъ сразу заниматься классическими науками, образовывать свой умъ въ теченіе менѣе продолжительнаго срока. Однѣ изъ моихъ предшественниковъ (г. Дюрюи) весьма основательно старался распространить у насъ подобное образованіе для молодыхъ людей, которые, готовясь къ промышленному или торговому занятіямъ, желаютъ, прежде чѣмъ приступить къ нимъ, пріобрѣсти достаточно обширную умственную культуру. Но содѣйствуя развитію спеціальнаго образованія, мы не хотимъ, чтобы образованіе классическое понизилось или утратило свою силу; мы поощраемъ тѣхъ, кто желаетъ посвящать себя промышленному и торговому труду, мы стараемся облегчить имъ возможность достигнуть образованія, распредѣляя учебныя предметы сообразно тому времени, которое они могутъ посвятить ученію; но не будемъ имѣть слабости, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, дѣлать уступки разрушительному духу, дѣйствующему безъ цѣли и безъ правилъ, стремящемуся къ новизнѣ только ради новизны, низвергающему многое хорошее, не имѣя возможности замѣнить его чѣмъ-либо равносильнымъ“.

Что касается высшаго и начальнаго образованія, я не могу сообщить вамъ ничего особеннаго: мы все еще ожидаемъ устава для послѣдшаго изъ нихъ, а также новаго закона о свободѣ высшаго преподаванія; по едвали ожиданія наши скоро будутъ удовлетворены, вслѣдствіе теперешнихъ политическихъ событій. Къ тому же, г. Ватби

сдѣлаетъ, вѣроятно, весьма важныя измѣненія въ тѣхъ проектахъ законовъ, которые уже были изготовлены г. Жюлемъ Симономъ.

По поводу начальнаго образованія, считаю не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько свѣдѣній, полученныхъ мною изъ Алжира, о состояніи народныхъ школъ въ этой области. Прежде всего любопытно замѣтить, что означенныя школы распространяются тамъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ во многихъ нашихъ департаментахъ. Европейское населеніе трехъ алжирскихъ провинцій не превышаетъ 250.000 человекъ, изъ коихъ только половина, по происхожденію, Французы. Для этого числа жителей существуетъ 618 начальныхъ школъ и такъ-называемыхъ *salles d'asile*, въ которыхъ находится 1.200 учителей и учительницъ и 59.000 дѣтей обоаго пола. Среднее число дѣтей, получающихъ начальное образованіе, составляетъ тамъ $\frac{1}{3}$ всего (европейскаго) населенія, а во Франціи это число не превышаетъ 13%, то-есть, $\frac{1}{8}$ всѣхъ жителей. Достойно также замѣчаніе, что въ Алжирѣ дѣвочки посѣщаютъ училища столь же усердно, какъ и мальчики, а во Франціи ихъ на половину меньше.

Во всѣхъ алжирскихъ общинахъ, за исключеніемъ лишь двухъ, существуютъ школы и въ школахъ этихъ не только установлено бесплатное ученіе, но почти вездѣ общины обязаны снабжать ихъ классными принадлежностями. Въ послѣдніе годы число учащихся удвоилось, а число вновь устроенныхъ училищъ простирается до 142-хъ, — между прочимъ, въ 18⁷²/₇₃ учебномъ году возникло ихъ—67. Нельзя не порадоваться этимъ результатамъ, и Франція имѣетъ даже право завидовать имъ. Конечно, успѣхи начальнаго образованія въ Алжирѣ объясняются, въ значительной степени, тѣмъ, что въ провинціи этой, какъ мы уже замѣтили, ничего не платятъ за ученіе; но нельзя отрицать, что тамошніе колонисты отличаются большею самостоятельностью и предприимчивостью, чѣмъ наше сельское населеніе.

Носится слухъ, что г. Ватби намѣренъ издать весьма обширную исторію народнаго просвѣщенія во Франціи: онъ уже обратился къ ректорамъ академій съ приглашеніемъ доставить въ министерство всѣ библиографическія свѣдѣнія и документы, касающіеся этого предмета, которые находятся въ подвѣдомственныхъ имъ бібліотекахъ. Инспекторамъ народныхъ училищъ также поручено отыскивать документы, хранящіеся исключительно въ архивахъ различныхъ общинъ, — преимущественно документы объ учрежденіи въ текущемъ столѣтіи духовенствомъ бесплатныхъ школъ.

II.

Литературная производительность замѣтно ослабѣла у насъ въ послѣднее время, вслѣдствіе политическихъ событій. Вниманіе публики поглощено борьбою партій и процессомъ маршала Базена, а потому книги раскупаются туго. „До тѣхъ поръ, пока не утвердится прочный порядокъ вещей“, говорилъ мнѣ недавно одинъ изъ извѣстнѣйшихъ парижскихъ книгопродавцевъ, „я не выпущу въ свѣтъ ни одного важнаго сочиненія“. Въ числѣ новостей я долженъ упомянуть прежде всего объ „Исторіи Алкивиада и Аѣнской республики отъ кончины Перикла до господства тридцати тиранновъ“ (*Histoire d'Alcibiade et de la république Athenienne depuis la mort de Péricles jusqu'à l'avenement des trente tyrans*), г. Гуссе (Henri Houssaue) въ двухъ томахъ. Авторъ — сынъ Арсена Гуссе, посредственнаго романиста; онъ передаетъ гораздо болѣе серьезнымъ занятіямъ, чѣмъ его отецъ, и уже издавъ „Исторію Апеллеса“, имѣвшую достаточный успѣхъ; онъ путешествовалъ по Италіи и Греціи, и такъ какъ онъ очень богатъ, то имѣлъ возможность сдѣлать на свой счетъ нѣсколько раскопокъ и изысканій, которыми пользуется не безъ таланта. Объ Алкивиадѣ существуетъ въ Германіи не мало превосходныхъ монографій, но во Франціи не было посвящено ему до сихъ поръ ни одного спеціальнаго сочиненія. Историки наши останавливали свое вниманіе на его эксцентричностяхъ, но какъ справедливо замѣчаетъ г. Гуссе, „тщетно старались выставить въ надлежащемъ свѣтѣ политическую его дѣятельность; намъ знакомъ былъ Алкивиадъ, лишь какъ частный человѣкъ, Алкивиадъ легендарный.... Французскіе изслѣдователи забывали объ его торжествѣ на Олимпійскихъ играхъ, объ его блестящемъ краснорѣчій, о побѣдахъ его на Геллеспонтѣ, но всегда считали долгомъ упоминать о хвостѣ его собаки; они какъ бы не хотѣли знать, что въ теченіе десяти лѣтъ онъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбу Аѣнской республики, остался побѣдителемъ въ 20 сраженіяхъ, почти цѣлую четверть вѣка былъ *deus ex machina* всѣхъ переворотовъ, совершавшихся въ Греціи, Сициліи и Іоніи, но за то помнили очень хорошо, что у него были любовницы и лошади, что онъ носилъ особаго рода обувь и что на щитѣ его находилось изображеніе Амура“. Г. Гуссе снабдилъ свою книгу множествомъ примѣчаній, съ цѣлю, конечно, увѣрить публику, что онъ занимался самостоятельными изслѣдованіями. Онъ говоритъ, что прежде всего искалъ истины, и девизомъ своимъ избралъ слова Шатобріана: „совершенно правдое

любопытство -- спрашивать, какъ слѣдуетъ писать исторію. Каждый пишетъ ее по своему разумѣнію, какъ онъ ее чувствуетъ и видитъ. Отъ историка нужно только требовать твердаго знанія фактовъ, безпристрастія въ приговорахъ, — и если можно — изящнаго изложенія". Г. Гуссе видимо заботился объ изложеніи, и не смотря на то, въ книгѣ его встрѣчаются такіа вещи, которыя неприятно поражаютъ во всякомъ, сколько нибудь серьезномъ сочиненіи. Вообще авторъ отличается слишкомъ дипломатическимъ дипломомъ, но, конечно, съ годами, онъ избавится отъ этого недостатка. Изъ предисловія его мы узнаемъ, что въ настоящее время онъ изготавляетъ уже другой трудъ (какая поспѣшность!) — „Исторію завоеванія Греціи Римлянами“, въ трехъ томахъ. Г. Гуссе не замедлитъ, конечно, представить изданную имъ теперь книгу на разсмотрѣніе Общества для поощренія занятій греческими древностями, которое должно будетъ, въ нынѣшнемъ году, произнести свой приговоръ и о другихъ, вполне серьезныхъ сочиненіяхъ, а именно объ „Исторіи Перикла“ г. Филля и объ „Исторіи Плиагора“ г. Шенье. Книги эти — плодъ весьма продолжительныхъ занятій и онъ давно уже появились бы въ свѣтъ, если бы не помѣшали тому важныя событія.

Между древнею Греціею и Греціею современною — не малое разстояніе, хотя современные Греки и стараются приравнять гдѣсь Перикла къ королю Георгіа. Наше общество для поощренія занятій греческими древностями не отказывается увѣнчивать преміями и сочиненія по новѣйшей греческой литературѣ и наукѣ; наша Афинская школа занимается столь же усердно какъ древнимъ, такъ и современнымъ греческимъ языкомъ; она даже дѣлаетъ изысканія въ сосѣднихъ областяхъ албанскихъ и болгарскихъ. Не такъ давно приходилось мнѣ упомянуть о книгѣ г. Альбера Дюмона о Балканахъ и Адриатическомъ прибрежьи, а въ появившемся на дняхъ выпускѣ „Archives des missions scientifiques et littéraires“, издаваемого министерствомъ народнаго просвѣщенія, находится трудъ, посвященный одинаково Греціи и Болгаріи и не лишенный интереса для нашихъ читателей.

Быть можетъ, вы помните, что въ 1867 году сообщено было по телеграфу о важной находкѣ, а именно, что отыскава была славянская гдѣсь объ Орфеѣ. Мѣстные археологи были въ восторгѣ, особенно г. Верковичъ (Сербъ, живущій въ Болгарскомъ Серетѣ), главный виновникъ счастливой находки: онъ доставилъ снимки съ нея какъ въ Москву, такъ и въ Бѣлградъ. Афинская школа весьма заин-

тересовалась этимъ открытіемъ и директоръ ея, г. Эмиль Вюрнуфъ, поручилъ г. Альберу Дюмону нарочно отправиться въ Бѣлградъ, чтобы изслѣдовать упомянутый памятникъ литературы. Г. Дюмонъ могъ составить себѣ о немъ довольно вѣрное понятіе, благодаря объясненіямъ, устному переводу и комментаріямъ г. Шафарика, библиотекаря Бѣлградскаго музея. Въ статьѣ, помѣщенной въ III и IV бюллетеняхъ французской Аѳинской школы и перепечатанной въ VI томѣ „Archives des missions scientifiques et littéraires“, онъ высказалъ свое мнѣніе объ упомянутой пѣснѣ; въ то же самое время французскій консулъ въ Филиппополѣ, г. Довонъ, занялся ею и перевелъ нѣсколько отрывковъ изъ нея, которые также были напечатаны въ бюллетенѣ Аѳинской школы. Почтенный переводчикъ былъ вполне приготовленъ къ этому труду, ибо уже за нѣсколько времени предъ тѣмъ онъ ознакомилъ нашу публику съ пѣснями, собранными Караджичемъ. По мнѣнію г. Вюрнуфа, никто лучше г. Довона не могъ оцѣнить достовѣрность находки, сдѣланной г. Верковичемъ, и по инициативѣ его, французское министерство народнаго просвѣщенія поручило ему специально заняться этимъ предметомъ.

Теперь г. Довонъ сообщаетъ, въ первомъ изъ своихъ донесеній, результаты сдѣланныхъ имъ изслѣдованій. Прежде всего онъ разсказываетъ, какъ была найдена пѣснь, и разсматриваетъ вопросъ объ ея подлинности. Г. Довонъ пользовался свѣдѣніями самого г. Верковича и другихъ, трудившихся съ нимъ, лицъ. По мнѣнію его, достовѣрность находки несомнѣнна. Во второмъ донесеніи, уже появившемся въ *Journal officiel*, г. Довонъ говоритъ о самомъ содержаніи пѣсни и тутъ онъ весьма ловко опровергаетъ различныя странныя толкованія, которыя были высказаны по ея поводу болгарскими учеными. Что касается до третьяго, и послѣдняго, донесенія, оно появится лишь впоследствии. Читателей вашихъ не можетъ, конечно, не интересовать мнѣніе безпристрастнаго писателя и ученаго, одного изъ весьма немногихъ Французовъ, которые съ любовью занимаются славянскою литературою¹⁾.

Кстати будетъ упомянуть здѣсь о посмертныхъ отрывкахъ изъ „Путешествія въ Болгарію“ Лажана, напечатанныхъ въ 659—662 выпускахъ *Tour du Monde*. Эти страницы—послѣднее, что вышло изъ

¹⁾ О пѣсни объ Орееѣ, издавшой въ русскомъ переводѣ г. Дашковичъ, помѣщена была въ нашемъ журналѣ статья г. О. Миллера (см. июльскую книжку 1868 года). *Ред.*

подъ пера знаменитаго путешественника. Лежать могъ еще оказать великія услуги географія и статистикѣ, но смерть слишкомъ преждевременно похитила его въ январѣ 1871 года.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Испанія, при теперешнихъ своихъ потрясеніяхъ и смутахъ, сильно интересуеть европейскую публику и въ послѣдніе годы появилось у насъ, по поводу ея, нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ сочиненій. Г. С. Илеръ написалъ исторію этой страны въ 12 томахъ; извѣстный нашъ публицистъ, г. Гюббаръ (Hubbard), предпринялъ таковой же трудъ, который, какъ вѣдается, еще не оконченъ, а вотъ еще нѣсколько произведеній, менѣе обширныхъ, но не лишенныхъ серьезныхъ достоинствъ: вопервыхъ, книга г. Антуана Латура — „Испанія, ея преданія, нравы и литература“ (*L'Espagne, traditions, mœurs et littérature, par Antoine de Latour*). Книга эта, подобно многимъ другимъ, составила въ статей, которыя появлялись въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Г. Латуръ, наставникъ герцога Монпансье, долго жилъ въ Испаніи и хорошо знаетъ эту страну; незадолго предъ симъ онъ издалъ переводъ драматическихъ сочиненій Кальдерона, и въ новой его книгѣ находится не мало интересныхъ свѣдѣній о старинныхъ испанскихъ драматургахъ, — Морето, Аларконъ и др., а также о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ жизни Христофора Колумба. Г. Латуръ изучаетъ Испанію преимущественно съ католической точки зрѣнія. Первое изданіе его книги появилось еще въ 1868 году, слѣдовательно, нельзя сказать, чтобы этотъ трудъ былъ вызванъ современными событіями, что дѣль его — удовлетворить лишь минутному интересу публики.

Въ „Библіотекѣ современной исторіи“ появился еще историческій трудъ объ Испаніи со смерти Карла III до настоящаго времени, съ перваго взгляду не представляющій серьезныхъ достоинствъ, если бы не имя его автора. Профессоръ французской литературы, г. Рейнальдъ, принадлежитъ къ числу весьма дѣльныхъ писателей. До сихъ поръ онъ извѣстенъ только двумя книгами: „Политическою и литературною исторіею реставраціи“ и біографіею Мирабо, но послѣднее изъ этихъ сочиненій удостоилось академической преміи. Онъ долго путешествовалъ по Испаніи и внимательно изучалъ эту страну. Изданная имъ исторія, обнимающая періодъ отъ 1788 года до отреченія отъ престола короля Амедея, написана дѣльно, безъ всякихъ пустыхъ разглагольствованій и содержитъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о политическихъ переворотахъ Испаніи въ теченіе нынѣшняго вѣка, которыми, не предвидится и конца. Г. Рейнальдъ отличается либераль-

и въ образѣ мыслей и въ этомъ отношеніи существуетъ" большое различіе между ними и г. Латуромъ.

Весьма полезнымъ дополненіемъ къ вышеупомянутому труду можетъ служить другое, появившееся на дняхъ, сочиненіе: „Современныя Испанія, замѣтки путешественника“, г. Л. Теста (L'Espagne contemporaine, par Louis Teste). Книга эта составила изъ писемъ, адресованныхъ авторомъ въ *Journal de Paris* и написана съ умомъ и талантомъ. Письма эти проливаютъ не мало свѣта на политическія и общественныя права Испаніи, но не надо искать въ ней глубокаго изслѣдованія исторіи и учреждений этой страны.

III.

Затѣмъ, я имѣруюсь сказать нѣсколько словъ о новѣйшихъ сочиненіяхъ по элементарной педагогикѣ. Быть можетъ, нѣкоторымъ изъ вашихъ читателей, интересующимся вопросами начальнаго образованія, не безвѣстно имя французской писательницы, г-жи Папъ-Карпантье (Marie Carpentier). Уже болѣе 30 лѣтъ занимается она педагогіею и приготовила не малое количество учительницъ. Въ 1845 году, будучи директрисой одного изъ пріютовъ для малолѣтнихъ дѣтей въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, она издала книгу, подъ заглавіемъ „Советы объ управленіи пріютами“ (Conseils sur la direction des salles d'asile), получившую прехію отъ академіи и имѣвшую огромный успѣхъ. „Опытъ“, выразился г. Вильменъ, „имѣетъ тутъ большое сходство съ осуществившеюся утопіею“. Позднѣе, въ 1848 году, она издала книгу о практическомъ преподаваніи въ школахъ, оныи увѣчанную академіею, также какъ и другой ея трудъ, имѣвшій 6 изданій: „Histoires et leçons de choses“. Эта послѣдняя книга—сборникъ примѣровъ, какъ слѣдуетъ обучать дѣтей съ помощью наглядныхъ предметовъ и обыденныхъ явленій изъ окружающей ихъ жизни. Заглавіе сочиненія не можетъ не показаться, съ перваго взгляда, очень страннымъ; таково было мнѣніе и академіи, которая предложила автору переимѣнить это заглавіе, но г-жа Карпантье, въ представленной ею запискѣ, успѣла доказать его основательность и необходимость. Теперь оно вошло у насъ въ общее употребленіе.

Въ 1867 году, во время парижской всемірной выставкѣ, устроены были въ Сорбоннѣ педагогическія курсы для учителей народныхъ школъ. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, г. Дюрюи, предложилъ г-жѣ Карпантье воспользоваться означенными курсами, чтобы познакомить слушателей съ своею методою, и она исполнила это съ

большимъ успѣхомъ. Плодомъ этого была книга, подъ заглавіемъ: „Conférences sur l'introduction de la méthode des salles d'asile dans l'enseignement primaire“ и г-жа Карпантье назначена была главною инспектрисою всѣхъ пріютовъ. Въ томъ же году получила она премію (3.000 фр.), предназначенную академіею нравственныхъ и политическихъ наукъ тому лицу, которое „сочиненіями своими и преподаваніемъ окажетъ наиболѣе услугъ начальному образованію“.

Съ тѣхъ поръ г-жа Карпантье издала еще руководство къ зоологій (Zoologie des écoles et des familles), которое считается у насъ однимъ изъ лучшихъ руководствъ по этой части и въ книгѣ „Histoire du blé“ старалась ознакомить своихъ маленькихъ читателей съ образомъ жизни и трудами земледѣльца. Теперь она задумала, при содѣйствіи двухъ опытныхъ педагоговъ, г. и г-жи Делонъ, изложить правила воспитанія и начального обученія дѣтей отъ 5-ти до 14-лѣтняго возраста, а одновременно съ тѣмъ г. и г-жа Делонъ стараются привить во Франціи педагогическую методу Фребеля. Они уже издали въ свѣтъ обширное сочиненіе подъ заглавіемъ „Méthode intuitive, exercices et travaux pour les enfants selon la méthode de Pestalozzi et de Froebel“, въ которомъ объяснено, что такое разумѣютъ въ Германіи подъ „дѣтскими садами“. Книга эта украшена 50-ю весьма отчетливо сдѣланными рисунками.

Къ числу однородныхъ съ упомянутыми выше книгъ относится также „Умственная гимнастика“ г. Пелиссье, „Очеркъ исторіи французскаго явника“ того же автора и „Интеллектуальное образованіе“ г. Корня. Авторъ этого послѣдняго сочиненія, извѣстный юристъ, доказываетъ, что вмѣсто механическаго ученія слѣдуетъ развивать мышленіе ребенка, что въ школѣ должны господствовать такія упражненія, которыя развиваютъ навыкъ къ этому мышленію, постоянно поддерживаютъ его и наводятъ на правильный путь. Г. Корнь собралъ въ своей книгѣ много изреченій, пословицъ и онъ предлагаетъ дѣтямъ заниматься ихъ разборомъ, разложеніемъ на части и т. д. Трудъ его былъ принятъ нашими педагогами съ большимъ сочувствіемъ. Не могу не упомянуть также о появившемся недавно „Курсѣ элементарной гигиены“, примѣненномъ къ лицейскимъ программамъ. Г. Жюль Симонъ пожелалъ въ прошломъ году, чтобы гигиена излагаема была вкратцѣ въ нашихъ лицейхъ и докторъ Субейранъ взялъ на себя трудъ начертать руководство по этому предмету.—Книгопродавецъ Гашеттъ основалъ новое еженедѣльное, иллюстрированное изданіе подъ заглавіемъ *Journal de la jeunesse*, и все

предвѣщаетъ ему успѣхъ, хотя ему приходится соперничать съ другимъ подобнымъ же сборникомъ: *Magasin d'éducation et de récréation*, который обязанъ своимъ процвѣтаніемъ сотрудничеству Жюль Верна, автора фантастическихъ путешествій, такъ сильно интересующихъ маленькихъ.... и большихъ дѣтей.

Л. Л — РЪ.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОБРАЗОВАННОСТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРАВЫ ВЪ РИМСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ВРЕМЕНЪ ПЛИНІЯ МЛАДШАГО ¹⁾.

Замѣчено, что какъ скоро какой нибудь родъ литературы, достигнувъ апогея въ своемъ развитіи, начинаетъ падать, съ этого времени вырабатываются основательныя теоретическія для него правила. Такъ логика и поэтика Аристотеля явилась въ Греціи именно тогда, когда поэзія и философія закончили тамъ весь циклъ своего развитія. Цицеронъ, — лучшій изъ римскихъ ораторовъ: въ немъ римское краснорѣчіе дошло до крайняго блеска, — и вотъ онъ уже самъ пишетъ замѣчательныя сочиненія по риторикѣ. При Плиніѣ, когда политическое и судебное краснорѣчіе, явно клонилось въ упадку, учитель его Квинтилианъ написалъ безспорно замѣчательную книгу о теоріи краснорѣчія. Такимъ образомъ, теорія, если она вырабатывается нормально, есть въ нѣкоторомъ родѣ итогъ практическихъ наблюденій. Появленіе основательныхъ теорій по какому-либо роду словесныхъ произведеній именно въ то время, какъ этотъ родъ литературы, достигнувъ высшей степени своего развитія, начинаетъ падать, показываетъ, что не теорія регулируетъ практику, а наоборотъ — практика порождаетъ теорію, то-есть, когда накопилося нѣсколько однородныхъ фактовъ, тогда можно уже и подводить ихъ подъ извѣстную систему.

Римское общество временъ имперіи и Плинія младшаго, устраненное отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, должно было устремить свои умственныя силы на какія нибудь другія стороны дѣятельности. Стороны эти у разныхъ людей были разныя. Лучшіе, люди съ болѣе высокимъ рвеніемъ, взяли за науку, какъ на примѣръ, Плиніи старшій. Мы уже видѣли, съ какою самоотверженіемъ и преданностію зани-

---

¹⁾ Окончаніе. См. Журн. Мин. Народн. Просв. октябрь 1873 года.

мался онъ разными науками и какъ много написалъ онъ книгъ и сдѣлалъ извлеченій изъ другихъ сочиненій. Но до насъ дошла только его *Historia naturalis*—эта, какъ уже было сказано, энциклопедія общепользныхъ знаній.

Плиній старшій принадлежитъ къ числу ученѣйшихъ людей не своего только времени. Его любознательность въ области естественныхъ наукъ была такъ велика, что онъ даже сдѣлался жертвою этой любознательности. Когда происходило изверженіе Везувія, стершее съ лица земли три нѣкогда славныхъ города, Плиній старшій хотѣлъ вблизи наблюдать это явленіе природы и задохся отъ жара (VI, 16). Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право поставить его на ряду съ новѣйшими отважными изслѣдователями, напримѣръ, съ Франклиномъ и другими. Равнымъ образомъ и Плиній младшій съ большою любовью, увлеченіемъ и живостію изображаетъ въ своихъ письмахъ чѣмъ нибудь особенно выдающіяся явленія природы (VI, 16, 20; IV 30; VIII, 17 и др.).

Но какъ въ политическомъ и общественномъ отношеніяхъ, точно также и въ умственной жизни этого времени замѣтнѣе упадокъ римскаго общества. Естественныя знанія не приносили тогдашнему обществу всей той пользы, которой можно бы было ожидать отъ нихъ. Такой серьезный ученый, какъ Плиній старшій, не былъ свободенъ отъ суевѣрій, въ которыя погружены были его современники; напримѣръ, свое сочиненіе о войнахъ германскихъ онъ началъ писать по указанію одного сновидѣнія, бывшаго ему въ то время, какъ онъ находился при дѣйствующей арміи въ Германіи: именно, ему приснился образъ Друза Перона, покорившаго громадную территорію Германіи и погибшаго тамъ; этотъ Друзъ поручалъ ему защитить свою намять отъ обиднаго забвенія (III, 5).

Что же касается Плинія младшаго, то это былъ въ полномъ смыслѣ слова суевѣръ: онъ вѣрилъ снамъ (I, 18), вѣрилъ привидѣніямъ (VII, 27); вѣрилъ снамъ и восхваляемый Плипіемъ литераторъ Фанній (IV, 5). Въ дѣлѣ естественныхъ знаній Плиній младшій въ высшей степени былъ легковѣренъ: такъ онъ серьезно полагался на слова разказа, что дельфинъ игралъ съ мальчиками, купавшимися близъ берега, что мальчики вытаскивали этого дельфина даже на берегъ, и что, не смотря на то, дельфинъ оставался живъ (IX, 33). Конечно, вѣра въ сны оправдывалась и тогдашнюю религію: „*εἰς Διὸς βῦρα ἄστί*“, говоритъ Плиній стихомъ Гомера, и въ этомъ отношеніи онъ не умѣлъ возвыситься надъ толпою, хотя вопросъ о снахъ и привидѣ-

нихъ рѣшалъ еще, съ естественной точки зрѣнія, Лукрецій и хотя Плиній (IV, 18), какъ видно изъ его книгъ, читалъ эти сочиненія.

Къ области тѣхъ знаній, на которыя устремлялись лучшіе умы время Плинія, принадлежала также и исторія. Чтобы уяснить себѣ дѣль, которую имѣли историческіе писатели того времени, намъ необходимо уяснить вообще взглядъ ихъ на исторію. Изъ всѣхъ римскихъ историковъ только Саллюстій и Тацитъ излагали ее прагматически; только у этихъ писателей явленія вытекаютъ одно изъ другаго и каждое событіе имѣетъ свою причину. Прочіе же историки того времени смотрѣли на дѣло чисто съ фактической стороны. Событія являютъся у нихъ случайно, въ зависимости отъ произвола лицъ, и поэтому дѣль ихъ была нравственно-поучительная — представлять въ изображаемыхъ ими герояхъ примѣры для подражанія (Liv. предисл.), каковой взглядъ постоянно господствовалъ среди римскихъ историковъ, и только геній Тацита, въ описываемое время, могъ возвыситься надъ этимъ взглядомъ (*Модест.* гл. VI). Но Плиній младшій пишетъ: „какое обаяніе, какое величіе и какая, наконецъ, божественная сила присуща исторіи — это я испытывалъ часто и въ прежнее время, но особенно убѣдился въ томъ недавно. Нѣкто, читая правдивый разказъ, часть его отложилъ до другаго дня; друзья начали просить и умолять, чтобы онъ совсѣмъ не читалъ остальнаго, до того стыдились слушать правдивый разказъ о своихъ дѣлахъ тѣ, которые нисколько не стыдились дѣлать то, чтѣ теперь не могутъ слушать безъ стыда“ (IX, 27). Изображеніе, большею частію, современныхъ событій поставило историковъ того времени въ немалыя затрудненія, — такъ Плиній говоритъ: „если описывать новыя времена, то наживешь себѣ много враговъ и мало друзей, такъ какъ при нынѣшней испорченности людей, въ нихъ найдется болѣе достойнаго порицанія, чѣмъ похвалы. Но этого мало: если ты похвалишь кого нибудь, тебя будутъ называть скупнымъ на похвалы, если обвинишь — строгимъ, хотя бы первое было сдѣлано весьма щедро, а послѣднее въ высшей степени сдержанно“ (V, 8). Поэтому считалось большимъ подвигомъ со стороны историка, если онъ описывалъ событія справедливо и безпристрастно. „Но я обладаю значительною долею мужества, чтобы быть честнымъ историкомъ“, говоритъ Плиній младшій въ томъ же письмѣ. Большой славѣ удостоивался и тотъ историческій дѣйтель, который не требовалъ, чтобы его подвиги приукрашивали. „Однажды историкъ Клювій сказалъ Вергинію Руфу: „ты знаешь, Вергиній, какаа вѣрность должна

быть соблюдаема въ исторіи, поэтому, если ты увидишь что нибудь въ моей книгѣ изложеннымъ иначе, чѣмъ бы тебѣ хотѣлось, то прошу извинить меня" На это Вергиній отвѣчалъ: „Видно, Клевій, ты не знаешь, что я для того совершилъ свой подвигъ, чтобы вамъ, историкамъ, предоставлять полную свободу описывать его, какъ вамъ угодно“ (IX, 19). Но если особеннымъ подвигомъ было со стороны историка описывать событія безпристрастно, то, очевидно, бѣлая часть историческихъ сочиненій того времени должествовала быть переполнена ложью Тацитъ говоритъ, что дѣла цезарей были искажены или писателями, или ненавистью, и что это обстоятельство было однимъ изъ побужденій, почему онъ взялся за составленіе историческаго сочиненія *Annales*, съ намѣреніемъ описывать все безъ ненависти и пристрастія (*Ann.* I, 1).

Общій уладокъ науки и литературы отразился и на философіи. До временъ Плинія младшаго въ римской философіи господствовали эклектизмъ (*Модест.* стр. 149), что и естественно, потому что Римляне были народомъ практики, а не теоріи; мыслию они усвоивали себѣ готовые греческія знанія, и своими дѣлами, то-есть, завоеваніями, распространяли эти знанія по всему тогдашнему свѣту. Но каково бы ни было направленіе въ философіи Римлянъ, для насъ важнее тотъ характеръ, какой носила на себѣ эта философія. И Цицеронъ былъ эклектикъ, однакожь его философскія сочиненія всегда будутъ свидѣтельствовать о его великомъ гениѣ. Но во времена Плинія младшаго римская философія не имѣла и тѣни гениальности: Плиній приходитъ въ восторгъ отъ философа Евфрата (I, 10) и ретора Изея (II, 3). Чѣмъ же однако восхищается онъ? Высокопарностью рѣчи, діалектическою ловкостью—и только; философы Плиніева времени хотѣли прикрывать пустоту своихъ философскихъ публичныхъ диспутовъ странною вѣщностью, напимѣръ, мрачнымъ выраженіемъ лица, оригинальнымъ костюмомъ и т. п. (I, 10, 22). Такими-то странностями философы старались поражать своихъ слушателей и достигали своей цѣли; они даже, по словамъ Плинія, внушали страхъ (I, 10).

Въ изящной литературѣ временъ Плинія младшаго мы видимъ тотъ же уладокъ, то же отсутствіе оригинальности и гениальности: въ этомъ сознается, иногда противъ собственной воли, Плиній и современныя ему литераторы. Напимѣръ, Плиній младшій, говоря, что такой то писатель удачно подражаетъ древнимъ, считалъ эти слова самою лестною для писателя похвалою (I, 16, VI, 21, IX, 22);

въ этомъ случаѣ онъ позабылъ слова своего учителя Квинтилиана, что всякій уподобляемый предметъ ниже того, которому уподоблялся (Квинт. X, 2). Мы не будемъ говорить здѣсь о техническихъ наукахъ времени Плинія младшаго; скажемъ только, что большая часть искусствъ стояли на высокой степени развитія, если не въ теоріи, то на практикѣ, что можетъ подтвердить великолѣпное устройство виллъ самого Плинія младшаго (II, 17, V, 6). Общій нашъ выводъ тотъ, что литература, въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ описываемое время, стремилась къ упадку; но какъ же смотрѣлъ на это дѣло самъ Плиній младшій? Въ этомъ отношеніи онъ противорѣчитъ самъ себя: иной разъ говоритъ, что литература упала, состарѣлась (I, 5, VIII, 12), другой разъ приходитъ въ восторгъ отъ провѣтанія наукъ и литературы своего времени. „Если когда нибудь“, говоритъ онъ, „процвѣтала литература въ нашемъ городѣ, такъ это теперь“ (I, 10). Противорѣчіе это объясняется легко: съ одной стороны, Плиній не можетъ не признать того очевиднаго факта, что литература и наука дѣйствительно пали въ его время; съ другой же стороны, движимый патріотизмомъ, онъ какъ бы намѣренно закрываетъ глаза, старается не видѣть положенія дѣлъ въ его настоящемъ свѣтѣ. „Титиній Калитонъ“, говоритъ онъ, „есть возстановитель старѣющей литературы“ (VIII, 12). Такимъ образомъ выходитъ, что литература дѣйствительно устарѣла, но что явился гений, который возвращаетъ ей ея прежнюю силу. Потомъ, литературный вечеръ, данный Вергиніемъ Романомъ, наводитъ Плинія на мысль, что литература его времени не выродилась до того, чтобы не производить ничего похвальнаго (VI, 21). Наконецъ, очарованный высокопарностью философа Евфрата, онъ восклицаетъ: „если когда нибудь процвѣтала литература, такъ это именно въ наше время“ (I, 10). Можетъ быть, Плиній и не дошелъ бы до такого страннаго противорѣчія съ самимъ собой, еслибы онъ былъ болѣе твердаго характера, но именно въ этомъ отношеніи нашъ авторъ и слабъ; будучи свѣтскимъ человекомъ, онъ поставилъ себя въ правдѣ хвалить всѣхъ литераторовъ (VI, 17); старался угождать всѣмъ имъ, такъ какъ почти всѣ они были его друзьями (Онъ самъ говоритъ: „нѣтъ никого, кто, любя литературу, не любилъ бы и мѣнѣя съ тѣмъ и меня“ (I, 13). Такимъ образомъ, когда Плиній разсуждаетъ о литературѣ отвлеченно, не имѣя въ виду тѣхъ или другихъ личности, онъ говоритъ, что литература вообще и краснорѣчіе въ частности въ его время состарились и испортились (I, 5). Когда же приходится говорить ему о какомъ либо литераторѣ, онъ закрываетъ

себѣ глѣва и объявляетъ во всеуслышаніе, что такое-то литературное произведеніе, принадлежащее его другу, и вообще вся современная ему литература, представляютъ верхъ совершенства. Что патриотизмъ въ похвальныхъ отзывахъ его игралъ значительную роль, это видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его писемъ; такъ въ одномъ изъ нихъ онъ упрекаетъ Антонина за то, что тотъ пишетъ стихи на греческомъ языкѣ, тогда какъ и на латинскомъ могъ бы писать также превосходно, потому что латинскій языкъ нисколько не бѣднѣе греческаго (IV, 3). Но этотъ же Плиній въ другомъ письмѣ къ тому же Антонину самъ принужденъ былъ сознаться въ бѣдности латинскаго языка сравнительно съ греческимъ (IV, 12),—противорѣчіе, которое можно объяснить только патриотизмомъ. Впрочемъ, Плиній отчасти правъ, говоря, что литература въ его время воскресла, такъ какъ при Нервѣ и Траянѣ она все таки богаче и достойнѣе, чѣмъ при Домиціанѣ, который явно преслѣдовалъ науку и ученыхъ (Ралеуг. 49). А если приведенный нами хвалебный (сравн. VII, 33) отзывъ Плинія отнести къ сочиненіямъ Тацита, то можно было бы съ нимъ согласиться и исполнѣ, оговорившись только, что это явленіе исключительное. Въ исторіи обыкновенно бываетъ такъ, что высшее развитіе какого либо историческаго фактора предвѣщаетъ или даже совпадаетъ съ началомъ его паденія. Такимъ образомъ, не смотря на хвалебные отзывы Плинія младшаго о литературѣ своего времени, мы повторяемъ, что эта литература, вслѣдствіе неотразимаго историческаго хода событій, стремилась къ упадку.

Теперь рассмотримъ сознательныя дѣли, побужденія литераторовъ временъ Плинія младшаго къ литературнымъ занятіямъ. Таковыми побужденіемъ была прежде всего слава; литераторы старались добиться этой славы не только между своими современниками, но и въ отомствѣ. Славолубіе было отличительною, національною чертою римскаго характера; въ былыя времена оно порождало Сцеволя, Регуловъ, Гракховъ, Катоновъ и множество другихъ героевъ, но описываемая нами эпоха была въ высшей степени неблагоприятна для произведенія тѣхъ или другихъ подвиговъ: верховное завѣдываніе военными и гражданскими дѣлами захватили въ свои руки деспоты и результаты этого захвата были въ высшей степени плачевны. При деспотахъ — цезаряхъ уже не было простора для личной доблести. Опекувъ Плинія младшаго, Вергиній Руфъ, совершилъ геройскій подвигъ, но совершилъ его во время междуцарствія. Когда же установилось правительство, но не такое, какого желалъ Вергиній Руфъ,

а которое обуславливалось общественнымъ и нравственнымъ состояніемъ римскаго государства, то-есть, правительствомъ деспотическое, то у этого человѣка, достойнаго лучшихъ временъ, уже была отнята возможность совершать новыя подвиги. Ему оставалось только наслаждаться воспоминаніемъ о своемъ геройскомъ поступкѣ, распространять славу его между своими современниками и въ потомствѣ, къ чему поощряли его историческіе разказы и похвальныя оды, превозносившіе его подвигъ (II, 1). За излишнюю заботливость о своей славѣ, Вергинія Руфа упрекали даже нѣкоторые современники (IX, 19), по упрекавице не могли указать, что же ему оставалось дѣлать. Такимъ образомъ, славолюбіе Римлянъ не находило поприща и удовлетворенія въ сферахъ политической и военной дѣятельности; ихъ могучая духовная сила, мертвая на одномъ поприщѣ, должна была искать себѣ выхода на другомъ и такъ какъ Римляне уже давно получили вкусъ къ наукѣ и литературѣ, то именно въ этой области и упражнялись болѣе даровитые изъ нихъ, болѣе честолюбивые и совмѣщавшіе въ себѣ большее количество національных чертъ. Уже Саллюстій, удалившись съ политической сцены и принявшись за историческія сочиненія, настойчиво старается доказать ту мысль, что, конечно, славнѣе совершать подвиги, но не безславно и описывать ихъ (Sallust. Catil. cap. 3). Для Цицерона, во время диктаторства Юлія Цезаря, была закрыта политическая дѣятельность и слава, и вотъ этотъ честолюбивый политическій дѣятель принимается за литературные подвиги (De offic. II, 1). Августъ всѣ гражданскія и военныя должности привлекъ къ себѣ и нужно сознаться, что литература, кромѣ краснорѣчія, стояла при немъ на высокой степени развитія ¹⁾. При слѣдующихъ императорахъ, преимущественно Домиціанѣ, литература не процвѣтала, что зависѣло уже отъ прамата преслѣдованія ея правительствомъ. Домиціанъ, на примѣръ, изгналъ всѣхъ ученыхъ изъ Рима. Нерва и Траянъ прекратили это преслѣдованіе, и литераторы опять принялись искать себѣ славы между своими современниками и въ потомствѣ.

Занатіе литературой изъ-за славы въ описываемое время болѣе всего замѣтно въ Плиніѣ младшемъ, который, очень хорошо сознавая, что онъ никакъ не можетъ сравниться съ Цицерономъ (IX, 2), все-таки добивался Цицероновской славы—это было его *pium deside-*

¹⁾ При Августѣ вошла въ обычай литературныя (собранія) чтенія (Шаф. и Герм.).

рим. „Тебѣ пріятно, пишеть онъ Арріану, мое авгурство особенно потому, что Маркъ Туллій былъ авгуромъ; ты радуешься, что я и въ почестяхъ иду по слѣдамъ того, которому желаю подражать въ литературѣ. Но священство и консульство я получалъ даже гораздо моложе, чѣмъ онъ; о если бы мнѣ, хотя въ старости и хотя бы отчасти, достигнуть его таланта!“ (IV, 8). Съ какими восторгомъ разсказываетъ Плиній объ успѣхахъ своихъ рѣчей (VI, 33; IX, 23); онъ очень радъ тому, что его сочиненія продаются даже въ Лугдунѣ (IX, 11); онъ заботится не только о своей репутации между современниками, но и о славѣ въ потомствѣ. „Одинъ считаетъ счастливымъ одного, а другой другого, я же считаю счастливымъ того, который наслаждается предвкушеніемъ доброй и прочной славы и, будучи увѣренъ въ похвалахъ потомства, живетъ виждѣ съ своею будущею славой“ (IX, 3). „Не знаю, пишеть Плиній Тацитъ, удостоимся ли мы какого-нибудь вниманія со стороны потомства; а мы вѣдѣ дѣйствительно заслуживаемъ вниманія, не говорю за талантъ (говорить такъ высококомѣрно), но за усердіе, за наши труды, за уваженіе къ потомкамъ; будемъ же идти своимъ предположеннымъ путемъ, онъ многихъ вывелъ на свѣтъ и въ славу, многихъ извелъ онъ изъ мрака и неизвѣстности“ (IX, 14). Плиній говоритъ даже, что если бы его глазамъ не представлялась награда въ вѣчности, онъ предпочелъ бы литературнымъ трудамъ покой (IX, 3). По вотъ нисъмо, ярко обрисовывающее Плинія (IX, 23): „Когда я произносилъ рѣчи“, пишеть онъ Максиму, „то часто случалось, что центувиры, послѣ долгаго колебанія между серьезностью и важностью, приличными судьямъ, вдругъ вставали и начинали хвалить меня, какъ бы увлеченные и побѣжденные мною. Часто въ сенатѣ я заслуживалъ такой славы, какой только желалъ; но никогда я не испытывалъ такого удовольствія, какое испыталъ недавно отъ разказовъ Корнелія Тацита. На послѣднихъ играхъ въ циркѣ, по словамъ его, сидѣлъ съ нимъ одинъ римскій всадникъ; послѣ разныхъ ученихъ разговоровъ всадникъ спросилъ его: „италианецъ ты или провинціалъ?“ Тотъ отвѣчалъ: „ты меня знаешь и именно по моимъ литературнымъ трудамъ“. На что всадникъ сказалъ: „такъ ты Тацитъ, или Плиній?“. Не могу выразить, сколь мнѣ пріятно, что наши имена упоминаются такъ, какъ бы это были имена не людей, а самой литературы, что мы по своимъ литературнымъ трудамъ извѣстны даже тѣмъ, которымъ безъ этого мы были бы совершенно неизвѣстны. За нѣсколько дней до этого былъ другой подобный случай. Рядомъ со мной за обѣдомъ сидѣлъ почтенный мужъ,

Фабій Руфинъ, а повыше его сидѣлъ его землякъ, въ первый разъ прибывшій въ Римъ. Руфинъ, указывая ему на меня, спросилъ: „знаешь ли ты этого?“ Потомъ началъ разказывать ему о моихъ литературныхъ трудахъ, послѣ чего провинціалъ сказалъ: „такъ это Плиній!“ Признаюсь, я получаю большую награду за свои труды. Если Демосвеевъ справедливо радовался, что одна афинская старуха, указавъ на него, сказала: „ὄβτος ἐστὶ Δημοσθένης!“, то неужели же я не долженъ радоваться славъ моего имени? Но я радуюсь и говорю, что и радуюсь; я не боюсь показаться слишкомъ хвастливымъ, вѣдь я произношу о себѣ не свое, а чужое мнѣнiе¹⁾.

Люди, добывающіеся дестной репутаціи между своими современниками, по необходимости должны слѣдовать предписаніямъ моды какъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ и въ дѣлѣ литературныхъ занятій. Мы уже видѣли въ первой главѣ нашего сочиненія, какъ Римляне описываемаго времени хорошо знали разговорный греческій языкъ, — знаніе это требовалось модой. Многія греческія слова и выраженія употребляются въ письмахъ Плинія по тѣмъ же побужденіямъ, но какимъ въ нашей беллетристической литературѣ часто употребляются, наприимѣръ, французскія фразы; и какъ Французы на Русскихъ, такъ Греки на Римлянъ всегда производили сильное вліяніе, какъ народы высшей цивилизаціи. Цицеронъ, наприимѣръ, пестрилъ цѣлыми греческими тирадами письма къ другу своему Аттику. Но Греки сохранили свое обаяніе на Римлянъ и во времена Плинія, въ письмахъ котораго мы тоже встрѣчаемъ греческія выраженія совершенно безъ всякой настоятельной нужды; такъ императору Траяну не было никакой нужды, по нашему мнѣнію, обращаться къ своимъ совѣтникамъ съ греческимъ глаголомъ ἐπίσλωε (VI, 31), и вообще греческихъ выраженій, употребленныхъ въ письмахъ Плинія безъ необходимости, найдется не мало. Но однако время уже брало свое. Въ письмахъ Плипія уже мѣстѣ встрѣчается греческихъ словъ, употребленныхъ изъ одной только моды, чѣмъ въ письмахъ Цицерона. Римляне уже не такъ рабски относятся къ своимъ учителямъ Грекамъ; если въ письмахъ Плинія и попадаются многія греческія фразы только для того, чтобы блеснуть знаніемъ этого языка, то съ другой стороны многія греческія слова употреблялись въ это время Римлянами уже по необходимости, вслѣдствіе бѣдности латинскаго языка, по невозмож-

¹⁾ Некоторые мѣста въ этомъ письмѣ, заключенныя изъ перевода г. Модетова, стр. 26—27.

ности подобрать точные и выразительные термины. Такъ, слова *φιλόκαλος* и *ἀφιλόκαλος* нужно передать по латыни многими словами; *μεγάλος* (величественно) переводить *graviter*, но латинское слово не вполне выражаетъ всю силу греческаго слова. Мы видѣли уже что образованные Римляне времени Плинія младшаго хорошо знали Гомера. Къ числу побужденій при изученіи этого поэта можно отнести и мелкое честолюбіе: желаніе заслужить одобреніе и похвалы общества, каковымъ обыкновенно дарятъ людей, знающихъ и декламирующихъ стихи какого-нибудь извѣстнаго, моднаго поэта, тѣмъ болѣе Гомера. Съ какимъ самонаслажденіемъ Плиній прилагаетъ къ себѣ нѣкоторые стихи Гомера! Но кромѣ вышеупомянутаго побужденія тщеславія, были еще и другія, причеиъ произведенія Гомера для Грековъ и Римлянъ были тѣмъ же, чѣмъ для насъ библія; изъ Гомера они черпали догматическія истины и правила нравственности. Когда Светоній, испуганный однимъ сновидѣніемъ, хотѣлъ отложить процессъ, Плиній пишетъ ему, что, конечно, сновидѣнія происходятъ отъ Зевса, но въ то же время страшные сами по себѣ сны могутъ иногда предвѣщать счастье (I, 18), что Плиній и подтверждаетъ текстомъ изъ Гомера. Другъ Плинія, Максимъ, написалъ книгу противъ своего врага и медлялъ издавать ее, ожидая смерти этого врага. Плиній настоятельно совѣтуетъ ему поторопиться изданіемъ; въ противномъ случаѣ, ему грозитъ страшный общественный упрекъ за несоблюденіе того важнаго правила, по которому „печестиво издѣваться надъ мертвыми“, что опять основывается на стихѣ Гомера (IX, 1). Важное значеніе Гомера въ религиозномъ и нравственномъ отношеніи было причиною того, что съ него начинали обученіе дѣтей; онъ всегда оставался образцомъ и въ литературномъ отношеніи. Плиній старается оправдать Гомеромъ даже свои литературные вкусы (I, 20; IX, 26).

Кромѣ стремленія къ славѣ, другимъ, не менѣе сильнымъ, побужденіемъ къ литературнымъ занятіямъ въ вѣкъ Плинія было удовольствіе. Всякій родъ литературныхъ произведеній доставляетъ то или другое духовное наслажденіе: въ исторіи задумываются надъ судьбою человѣческихъ обществъ; въ естественныхъ наукахъ стараются постигнуть тайны природы; философія пытается рѣшить неотвѣзчивые вопросы о Богѣ, мірѣ и самомъ человѣкѣ; въ лирическихъ произведеніяхъ изливаются волнующія человѣка чувства, его горе и радость, любовь и ненависть, надежда, отчаяніе и проч. Драматическая поэзія наглядно воспроизводитъ ту внутреннюю борьбу, которой подвергается человѣкъ вслѣдствіе разныхъ житейскихъ отношеній. Словомъ, вса-

кая наука и литература доставляет человеку своего рода духовное наслаждение. И человек иногда сильно увлекается подобными наслаждениями, примеромъ чего можетъ служить Плиний старшій, который ученымъ и литературнымъ занятіямъ посвящалъ каждую свободную минуту своей жизни, который считалъ потеряннымъ то время, которое тратится не на этотъ предметъ (III, 5). Въ сочиненіяхъ Тацита тоже видна горячая и возвышенная любовь къ наукѣ. Но въ знаніи Плинія младшаго это благородное отношеніе литераторовъ къ литературѣ уже составляетъ рѣдкость. Въ большинствѣ случаевъ литературныя занятія уже составляютъ необходимую принадлежность матеріальнаго комфорта, литературныя удовольствія, чисто духовныя, приравниваются къ удовольствіямъ тѣлеснымъ.

Что литература при Плиніи младшемъ была такимъ же удовольствіемъ, какъ, напримѣръ, пища, сонъ, прогулка, купанье и проч., мы видимъ изъ многихъ писемъ Плинія. Охотясь за кабанями, онъ въ то же самое время держалъ въ рукахъ стилъ и записную книжку, обдумывалъ все-что и записывалъ, а сообщая объ этомъ Тациту и совѣтуя ему дѣлать то же самое, прямо называетъ свое литературное занятіе бездѣльемъ и покоемъ (I, 6). Также и въ письмѣ къ Минуцію Фундану (I, 9) Плиній литературныя занятія называетъ покоемъ: „какъ скоро представляется случай, бросай шумъ и бѣготню и отдавайся наукамъ или досугу (по нѣкоторымъ изданіямъ, — наукамъ, какъ бы покою); ибо лучше, по умному и вмѣстѣ весьма остроумному выраженію Аттилія, быть совсѣмъ безъ дѣла, чѣмъ заниматься бездѣльемъ“. Въ письмѣ къ Клару, Плиній дѣлаетъ шуточный выговоръ этому другу за то, что онъ, не смотря на обѣщаніе, не пришелъ на званный обѣдъ, „а обѣдъ былъ хотя не изысканный, но присутствіе на немъ было не безъ удовольствія, потому что можно было слушать чтеца, или лириста“ (I, 15). И вообще въ письмахъ Плинія мы встрѣчаемъ много интересныхъ мѣстъ въ подкрѣпленіе высказаннаго нами положенія. Такъ въ письмѣ къ Капицію (II, 8) онъ говоритъ: „ты занимаешься или литературными трудами, или рыболовствомъ, или охотою, или всѣмъ вмѣстѣ? Вблизи нашего Ларійскаго озера все это можно дѣлать: озеро доставляетъ рыбу; лѣса, окаймляющіе его, дикихъ звѣрей, а уединеніе располагаетъ къ литературнымъ занятіямъ. Но дѣлаешь ли ты все это разомъ, или отдѣльно, я не могу сказать, чтобы завидовали тебѣ; меня терзаетъ то, что и мнѣ нельзя дѣлать того же самаго, чего я также сильно желаю, какъ больные желаютъ вина, мытья въ баняхъ и купанья въ источникахъ.

Неужели мнѣ никогда не удастся разорвать мои крѣпкія связи, если мнѣ не суждено развѣвать ихъ? Полагаю, что никогда; ибо къ старымъ занятіямъ все прибываютъ новыя, да и старыя еще не окончены; куча занятій растетъ со дня на день и затгивается узлами, какъ бы цѣпями". „Въ Тусскской дачѣ", пишетъ Плиній къ Макру, „я занимаюсь охотой и литературой. Оба эти занятія иногда перемѣняю, а иногда и совмѣщаю" (V, 16). Плиній приравниваетъ литературу къ удовольствію ничего не дѣлать, ничѣмъ не быть: „давно не брагъ я въ руки ни книги, ни трости, давно не знаю, что такое досугъ, что такое покой, что за счастье ничего не дѣлать и быть ничѣмъ, — многія обязательства, которыя я долженъ исполнять для друзей, не позволяютъ мнѣ ни удалиться въ виллу, ни заниматься литературой" (VIII, 9). Во время обѣда Плинія увеселялъ или чтець, или лиристъ, или комедіантъ (IX, 36). Такимъ образомъ, въ его время литературой занимались по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ предавались матеріальнымъ удовольствіямъ. Литературныя занятія прогоняли скуку, которая поиллилась у римскихъ богачей отъ множества свободнаго времени (II, 2), и у Плинія младшаго слова *otium* и *studia* почти синонимичны. Но, очевидно, при такомъ положеніи дѣла, сама литература должна была скоро прискучить, и литераторѣ, наконецъ, предпочитаютъ самыя низшія удовольствія. Такъ, Плиній пишетъ (IX, 17): „Я получилъ твое письмо, въ которомъ ты жалуешься, что обѣда, хотя и очень выинный, ты провелъ очень скучно, потому что постоянно около стола вертѣлись шуты, развратные плясуны и дураки. Но ты не сердись. Конечно, я самъ ничего подобнаго не имѣю, но и къ тѣмъ, которые богаты этимъ, я отношусь равнодушно. Но почему я не имѣю? а потому, что мнѣ не доставляетъ удовольствіе, если безстыдную выходку сдѣлаетъ плясунъ, дерзкую — шутъ, а глупую — дуракъ. Все это извѣстно и нисколько не забавно, и этимъ я высказываю не свою расудительность, а только вкусъ. А вѣдь много такихъ, которые, лишь только является чтець, или лиристъ, или комедіантъ, тотчасъ выходятъ вонъ; а если остаются таковыя за обѣдомъ, то они испытываютъ такую же скуку, какую породили въ тебѣ тѣ чудовища, какъ ты ихъ называшь. Поэтому будемъ снисходительны къ увеселеніямъ другихъ, чтобъ самими получить снисхожденіе отъ другихъ къ нашимъ увеселеніямъ".

Нисращеніе литературнаго вкуса въ тогдашнемъ Римѣ еще болѣе видно изъ того, что въ это время сильно распространился въ публикѣ тотъ родъ литературы, который служитъ выраженіемъ низкихъ, чув-

ственныхъ страстей, который бываетъ результатомъ общественнаго разврата и, въ свою очередь, самъ распространяетъ развратъ. Калпурній Пивонъ на литературномъ собраніи читаетъ 'Ершоткаіунов (шуточное любовное стихотвореніе), и Плиній уходитъ съ этого вечера въ полнѣйшемъ восторгѣ (V, 17). Поэтъ Марціалъ весь свой талантъ и всю свою литературную дѣятельность посвящаетъ эротической поэзіи, которую самъ онъ характеризуетъ именемъ пьяной. Нѣкоторые историки считаютъ такъ-называемую пантомиму (воспроизводившую посредствомъ одной жестикуляціи, безъ словъ, разныя сцены изъ жизни, преимущественно же нравственно неприличныя) особымъ родомъ драматической поэзіи (Шаф. и Герм.). Эти пантомимы были до такой степени возмутительны и безнравственны, что даже тѣ, которые держали у себя пантомимистовъ, смотрѣли на ихъ представленія секретно, удаляя взрослыхъ юношей (VII, 24); и Плиній тоже находилъ удовольствіе въ этихъ пантомимахъ (V, 3). Наконецъ, самъ Плиній, принадлежавшій къ лучшимъ людямъ своего вѣка, пишетъ непристойное стихотвореніе „Гендмасиллабы“, которое до того вышло всѣмъ, что его заучивали наизусть, читали на литературныхъ собраніяхъ и клали на музыку. Любовь къ этому стихотворенію даже заставила Грековъ учиться латинскому языку (VII, 4); что это стихотвореніе было очень неприлично, видно изъ того, что имъ оскорблялось нравственное чувство даже нѣкоторыхъ современниковъ Плинія, который, будучи однимъ изъ лучшихъ людей своего времени, всячески усиливается доказать, что писать такія стихотворенія нисколько не предосудительно (VII, 4; V, 3).

Подобное состояніе политической, общественной и умственной жизни Рима должно было породить въ лучшихъ людяхъ того времени стремленіе вырваться изъ этой душной атмосферы, желаніе подышать свѣжестью природы и естественности; такимъ образомъ вся тогдашняя жизненная обстановка вызвала родъ литературы, называемый идилліей, которая дѣйствительно и появлялась всегда въ подобныхъ несчастныхъ эпохи. Нравственная испорченность Сицилійцевъ во время тирановъ породила знаменитаго Теокрита; хаосъ международныхъ войнъ въ Римѣ побудилъ Вергилія писать идилліи; во Франціи, наканунѣ революціи, является Руссо,—и дѣйствительно, состояніе римскаго государства въ описываемую эпоху подобно состоянію французскаго народа предъ революціей; однакожь поэтовъ-идилликковъ въ Римѣ, во время Плинія, мы не видимъ. Но законы непреложны: если нѣтъ идилліи, какъ особаго рода поэзіи, то въ лите-

ратурѣ, современной Плинію, въ большомъ количествѣ, идиллическій элементъ разлитъ въ другіяхъ родахъ литературныхъ произведеній. Нѣкоторые исследователи римской литературы утверждаютъ, что Тацитъ написалъ свое географическо-этнографическое исследование о „Правахъ Германіи“ съ цѣлю показать Римлянамъ, какъ далеко уклонились они отъ простоты и естественности, показать это на живомъ, наглядномъ примѣрѣ. Г. Модестовъ, въ своемъ исследованіи о Тацитѣ, отвергаетъ это мнѣніе; онъ говоритъ, что сочиненіе это было, съ одной стороны, плодомъ потребности въ авторѣ умственнаго труда, съ другой — результатомъ столь же естественной потребности подѣлиться этимъ трудомъ съ другими (стр. 61), при чемъ г. Модестовъ видитъ въ Тацитѣ сильное сочувствіе къ простотѣ и неразвращенности Германцевъ (стр. 71). Слѣдовательно, у Тацита есть идиллія невольная и какъ бы бессознательная. Принимаясь писать свое сочиненіе, онъ не имѣлъ въ виду никакихъ постороннихъ цѣлей, онъ искалъ въ умственномъ трудѣ только наслажденія, и былъ вполне объективенъ; но простой и естественный образъ народа подкупилъ великаго историка въ свою пользу, Тацитъ какъ бы переселяется къ этому неизвращенному народу, и оттуда осмываетъ упреками свое римское общество. Для исторіи все равно—писалъ ли Тацитъ связанную монографію съ предвзятою цѣлю пристыдить испорченность Римлянъ примѣромъ жизни невинной и естественной, или же эти язвительные упреки вырывались у него сами собою: историческій законъ и въ послѣднемъ случаѣ выполненъ даже болѣе, чѣмъ въ первомъ; „духъ времени“ подчиняетъ себѣ людей даже тогда, когда они не хотятъ ему подчиняться и даже думаютъ, что ему не подчиняются.

Идиллическій элементъ ясно обнаруживается и въ нѣкоторыхъ письмахъ Плипія младшаго (I, 9). „Удивительно“, пишетъ онъ къ Минупію Фундану, „пока живешь въ городѣ, кажется, будто можешь отдать отчетъ въ каждомъ днѣ; а если же взять всѣ дни въ совокупности, то и не знаешь, какъ они прошли. Если спросить кого-нибудь, что онъ дѣлалъ сегодня, то отвѣтъ можетъ быть слѣдующій: былъ при принятіи мужской тоги, былъ на сговорѣ, или на свадьбѣ; тотъ пригласилъ меня для скрѣпы завѣщанія, этотъ на таябу, иной на совѣщаніе. Все это въ тотъ день, когда, какъ кажется, занимаешься необходимымъ; но если вспомнишь, что ежедневно занимался подобнымъ образомъ, то пустота и ничтожество вдругъ представляется ясно: особенно когда удалишься въ деревню такъ вспомнишь, сколько дней и на какіе пустяки потрачено! Со мной бываетъ это тогда,

когда я или читаю въ своей Лаврентійской виллѣ или сочиняю, или подкрѣпляю отдыхомъ свои тѣлесныя силы, при чемъ освѣщается и духъ мой. Здѣсь ничего я не слышу и ничего не говорю такого, о чемъ приходилось бы въ послѣдствіи расказываться. Никто въ неприязненныхъ рѣчахъ не чернитъ другихъ, самъ я никого не порицаю, равнѣ только одного себя, если бываю недоволенъ своими сочиненіями. Никакая надежда, никакой страхъ не тревожатъ меня, никакіе толки не заботятъ; я бесѣдую только съ самимъ собой и съ своими книгами. Вотъ она настоящая, свободная отъ всего дурнаго, жизнь, вотъ пріятный и честный досугъ, лучшій всякаго дѣла! О море, о берега, вы подлинно обиталища музъ! Сколько чувствъ пробуждаете вы въ душѣ, сколько мыслей порождаете въ писателѣ! Поэтому и ты, лишь только представится случай, оставь городской шумъ и пустую бѣготню, а отдайся литературѣ или покою" (*Прот.*, кн. V, отд. 1, стр. 118). Такимъ образомъ Плиній, въ свободное время отъ общественныхъ запитій, удаляется въ ту или другую изъ своихъ многихъ виллъ. Но какъ здоровая пища противна больному желудку, такъ и столкновение съ простою и естественною жизнію поселяетъ тяготы челоуѣка, привычнаго къ городской жизни. Въ роскошно устроенныхъ виллахъ онъ окружаетъ себя удобствами городской жизни, предается городскимъ занятіямъ; онъ радъ, если императоръ позсчитъ его изъ виллы для пополненія комплекта совѣтниковъ, необходимыхъ при разбирательствѣ разныхъ судебныхъ дѣлъ (VI, 31). Ему въ высшей степени непріятно, если крестьяне беспокоятъ его своими письменными счетами. „Я“, говоритъ онъ, „посвященъ въ другія бумаги, а предназначенъ для другаго рода письменности“ (IV, 15).

Безнравственность общества, вызвавъ въ литературѣ идилическій элементъ, породила и сатиру; къ этому времени относится знаменитѣйшій изъ римскихъ сатириковъ — Ювеналь; впрочемъ, въ наукѣ существуетъ и другой взглядъ (напримѣръ, историка Шлоссера), по которому Ювеналь изъ гонителя и бича пороковъ часто обращается въ панегириста этихъ же пороковъ.

Такимъ образомъ слава и удовольствіе были главными побужденіями къ литературнымъ занятіямъ во время Плинія младшаго; литераторы и люди образованные преслѣдовали эти цѣли сознательно и въ то же время онѣ были указываемы и самою исторіею. Еще Цицеронъ восторженно говорилъ, въ рѣчи своей про *Archia poeta*, о высокихъ наслажденіяхъ, доставляемыхъ литературными запитіями; Цицеронъ

ЧАСТЬ СЛХУХ, отд. 5. 2

любилъ славу, онъ добивался ея своею политическою и литературною дѣятельностью. Но между людьми Цицероновой эпохи и людьми эпохи Плинія младшаго существуетъ большое различіе; время наложило на нихъ свой характеристическій отпечатокъ. Цицеронъ, вполне сознавая важность литературы, все-таки въ теоріи и на практикѣ предпочиталъ ей политическую и общественную дѣятельность, посвящая литературѣ только время, свободное отъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ (*de offic.* II, 1). Современникъ Цицерона, Саллюстій, явно ставитъ выше тѣхъ, которые совершаютъ подвиги, предпочитаетъ ихъ писателямъ, повѣствующимъ объ этихъ подвигахъ (*Sall. Cat.* 3). Но люди изображаемой нами эпохи думали уже иначе; юридическая сфера, правда, и въ то время имѣла еще вполне преданныхъ ей дѣятелей: Плиніи младшій говоритъ даже, что защиту друзей въ судѣ слѣдуетъ предпочитать литературнымъ занятіямъ (VII, 9, VII, 15, VIII, 21), и правило это онъ выполнялъ на самомъ дѣлѣ; такъ однажды, созвавъ къ себѣ друзей и знакомыхъ, онъ сталъ имъ читать свои литературныя произведенія, но лишь только его пригласили на защиту, Плиніи тотчасъ, извинившись предъ слушателями, оставляетъ свою аудиторію и отправляется въ судъ (VIII, 21). Чтобы помогать друзьямъ своею адвокатскою ловкостью и опытностью, Плиніи дѣлалъ все: онъ съ величайшею тщательностью составлялъ свои рѣчи, во время произношенія ихъ не щадилъ ни голоса, ни груди, — такъ при одномъ процессѣ онъ говорилъ съ такимъ напряженіемъ дѣлалъ пять часовъ, что слушатели, и самъ императоръ, серьезно опасались за его здоровье, такъ что императоръ подослалъ къ нему отнущеника и велѣлъ сказать ему, чтобы онъ поберегъ себя (II, 11). Но такая самоотверженность явилась въ Плиніи вслѣдствіе его свѣтской деликатности и погони за репутаціей; въ глубинѣ же души онъ желалъ для себя свободы и отъ занятій на форумѣ. Желаніе это въ Плиніи боролось съ его стремленіемъ къ славл и, къ счастью для современниковъ, большею частію брало перевѣсъ. Изъ отзвонковъ Плипія объ ораторѣ Изеѣ мы дѣйствительно видимъ, что онъ любилъ теоретическія занятія, хотя бы и рѣчами, предпочтительно предъ практическими. „Ему (Изеѣ), говоритъ Плиніи, за 60 лѣтъ, а онъ все еще слоластикъ. Нѣтъ ничего незлобивѣе и лучше этого рода людей“ (II, 3). Подобный контрастъ между Цицерономъ и его подражателемъ замѣчается и въ ихъ государственной дѣятельности. Время, когда обстоятельства устранили Цицерона отъ политической дѣятельности, было для него временемъ томленія и душевной пытки; объ этомъ

свидѣтельствуютъ его письма. Другое дѣло—Плиній младшій; будучи въ Сиріи на службѣ, военнымъ трибуномъ, онъ имѣлъ случай тѣсно сблизиться съ философомъ Евфратомъ и наслаждаться его бесѣдами; однако, его должность не позволила ему употребить на это столько времени, сколько бы ему хотѣлось; Евфратъ сталъ убѣждать военнаго трибуна въ томъ, что наука, которою онъ занимается, заповѣдуетъ усердное выполненіе общественныхъ дѣлъ. Плинію этотъ аргументъ не нравится, такъ какъ онъ желалъ бы быть вполне свободнымъ отъ дѣлъ, чтобы безраздѣльно заниматься всегда литературой (I, 10). Кромѣ того, Плиній съ нетерпѣніемъ ждетъ того времени, когда ему исполнится 60 лѣтъ, чтобы имѣть возможность, не боясь никакихъ упрековъ, предаться покою и литературѣ (III, 3, ср. VII, 3). Такимъ образомъ между Плиніемъ младшимъ и Цицерономъ, которому Плиній желалъ подражать во всѣхъ отношеніяхъ, было большое различіе (IV, 8), которое замѣчали уже и современники Плинія и на что онъ обыкновенно отвѣчалъ имъ: „Маркъ Туллій находился въ другихъ обстоятельствахъ“ (IX, 2). Слѣдовательно, и Плиній младшій, и его современники спѣшили поскорѣе отдѣлаться отъ общественной и государственной дѣятельности, чтобы свободнѣе предаваться литературнымъ занятіямъ; они жаждали покоя — otium, слово, какъ мы видѣли выше, почти однозначущее съ studia — литературными занятіями. Однакожъ, общественное мнѣніе и законы требовали (III, 1), чтобы этотъ покой былъ otium honestum, а почета можно было достигнуть только пройдя многія государственныя должности; общественную репутацію можно было составить себѣ также и дѣльнымъ выполненіемъ адвокатскихъ обязанностей; кромѣ того, государственныя должности и адвокатура нужны были въ видахъ матеріальнаго обезпеченія. Известно, какъ проконсулы и пропреторы грабили провинціи и какъ адвокаты торговали своею профессіею. Учителя, содержавшіе общественныя школы, тоже стремились къ наживѣ. Но при всѣхъ этихъ занятіяхъ требовалось не малое образованіе, а потому современники Плинія младшаго часто смотрѣли на нихъ, какъ на средство составить себѣ карьеру и нажить состояніе. Такъ, Плиній рекомендуетъ другу своему Филкону (вѣроятно, главнокомандующему), на должность военнаго трибуна, какого-то Корнелія Минудіана, въ числѣ достоинствъ котораго, между прочимъ, ставитъ и то, что этотъ Минудіанъ любитъ науки (VII, 22). Подобныхъ рекомендацій въ письмахъ Плинія встрѣчается не мало. Да и о себѣ самомъ онъ говоритъ (IV, 24), что лишь „благодаря литературѣ, выдвинулся впередъ“.

ніе греческаго языка было необходимо для отправлявшихся на службу въ греческія провинціи; затѣмъ литературныя работы могли обогащать писателей и непосредственно, такъ какъ литераторы не мало получали за свои сочиненія.

Но тѣ, которымъ литературныя занятія приносили выгоду въ социальномъ отношеніи, составляли только малую часть римскаго населенія; конечно, образованіе и ученость могли доставлять почетъ и карьеру всѣмъ образованнымъ и ученымъ людямъ, но только этихъ образованныхъ людей было чрезвычайно мало; и какъ матеріальныя блага были сосредоточены въ рукахъ незначительнаго меньшинства, такъ равно и духовно-нравственный капиталъ принадлежалъ этому же меньшинству. Еще городская чернь понимала кое-что въ литературѣ, подчасъ обнаруживала даже здоровое критическое къ ней отношеніе; при Цицеронѣ толпа отличалась вѣрнымъ слухомъ и чувствомъ гармоніи; почти съ афинскою чуткостью замѣчала она даже самыя легкія промахи въ размѣрѣ или количествѣ слоговъ, и актеръ, позволившій себѣ подобныя ошибки, могъ быть увѣреннымъ, что его проведать со сцены свистомъ и шумомъ. Горацийъ разказываетъ, что если игра актера не согласовалась съ положеніемъ представляемаго лица, то не только въ переднихъ рядахъ, но и во всемъ театрѣ поднимался смѣхъ; Горацийъ совѣтуетъ своему ученику не опускать изъ вниманія требованій публики, а въ одномъ мѣстѣ онъ даже называетъ эти требованія своими собственными требованіями (*Шропш.* V, 1, стр. 135). Плиній младшій говоритъ: „Помпоній Секуноръ, извѣстный писатель трагедій,—если совѣтывали ему выпустить что нибудь, что однако онъ самъ желалъ бы удержать,—обыкновенно говорилъ: обращусь къ суду народа; и сообразусь съ молчаніемъ или одобреніемъ народа, онъ или слѣдовалъ своей мысли, или же принималъ замѣчаніе друзей“ (VII, 19). Но только въ одномъ Римѣ чернь была развита до пониманія и критики литературныхъ произведеній, чего этого, презрѣнный въ глазахъ римской знати, классъ достигъ не научнымъ образованіемъ; эту оцѣнку внушалъ ему здравый, хотя и не образованный наукою, смыслъ и самая жизненная обстановка. Мы уже видѣли, что въ Римѣ существовали, между прочимъ, такія средства къ образованію, которыя могли сильно дѣйствовать и на неграмотныхъ, какъ напримѣръ, театры, публичныя диспуты, разные монументы и т. д.; потому-то Плиній младшій и говоритъ, что „отдѣльно, въ каждомъ плебей мало пониманія литературы, но въ цѣлой массѣ много“ (VII, 19); а подобный всеобщій, не единичный смыслъ и чутье могутъ происходить

отъ недостатка именно теоретическаго образованія: народъ смотритъ на какое-нибудь представленіе и единогласно или аплодируетъ, или свиститъ актеру, но кто именно началъ выражать свое одобреніе или порицаніе—нельзя отыскать; этого, пожалуй, не знаетъ и самъ тотъ, кто началъ, что, повторяемъ, бываетъ только съ тѣми, которыхъ разсудокъ не развитъ научнымъ образомъ, когда человекъ не въ состояніи уяснить себѣ своихъ смутныхъ чувствъ и желаній; правда, часто можетъ, аплодисментами или свистомъ толпы, сознательно руководить одинъ или нѣсколько людей, образованныхъ или одаренныхъ богатымъ природнымъ смысломъ, но это нисколько не опровергаетъ нашей мысли, что въ каждомъ отдѣльномъ членѣ толпы было мало литературнаго сужденія. Впрочемъ, въ Римѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, напримѣръ, въ Комѣ, гдѣ Плиній на свой счетъ основалъ публичную бібліотеку, чернь дѣйствительно могла имѣть кое-какое образованіе. Но послушаемъ Плинія, что онъ говоритъ о жителяхъ селъ, составлявшихъ большинство населенія: „здѣсь (въ селеніи близъ его виллы), можно видѣть“, пишетъ онъ, „стариковъ, имѣющихъ уже внуковъ и правнуковъ; рѣчь ихъ совершенно иная, чѣмъ наша, и если бываешь здѣсь, то кажется, что ты родился въ какомъ-нибудь другомъ столѣтіи“ (V, 6). На столько разошлись въ культурномъ отношеніи два класса населенія римской имеріи,—бѣдные и богатые! Ни прежде, ни въ описываемое время римская литература нисколько не содѣйствовала уничтоженію социальнаго экономическаго и литературнаго разни; не прискивала такихъ средствъ, которыми бы можно было матеріальныя и духовныя блага, скопившіяся въ меньшинствѣ, распредѣлять равномѣриѣ. Правда, и въ описываемое время были науки, служившія матеріальному комфорту, какъ медицина, архитектура и другія, но опять таки онѣ были пригодны только для богачей, для устройства, напримѣръ, и украшенія ихъ дачъ, но никакъ не для низшаго класса населенія, которому было не до построекъ по всѣмъ правиламъ архитектуры и не до скульптурныхъ украшеній; онъ довольствовался насущнымъ хлѣбомъ и кое-какимъ пристанищемъ, защищавшимъ его отъ разрушительныхъ вліаній атмосферы. Не даромъ римская чернь боготворила своихъ императоровъ, когда получала отъ нихъ хлѣбъ; конечно, требуя настоятельно рапелі, она требовала вмѣстѣ съ тѣмъ и *circenses* (Juvenal. X, 80), требовала грубыхъ зрѣлищъ, но грубость эта условливалась крайне тяжелымъ социальна-экономическимъ положеніемъ бѣднаго народа. Въ числѣ реальныхъ наукъ описываемой эпохи была и медицина, но и эта

благодѣтельница челоѣческаго рода благодѣтельствовала въ то время (какъ и большею частію) тоже только людямъ богатымъ: медникамъ приходилось пользоваться и рабовъ, конечно, по приглашенію господъ, не желавшихъ нести убытокъ, но, по свидѣтельству Плинія, медики съ рабами обращались далеко не такъ нѣжно, какъ съ ихъ господами (VIII, 24).

Все это мы говоримъ на основаніи или по поводу писемъ Плинія младшаго. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о самихъ его письмахъ. Какъ мы уже видѣли, ихъ слѣдуетъ отнести къ числу литературныхъ произведеній: Плиній былъ весьма радъ, когда одинъ другъ предложилъ ему издать ихъ; слѣдовательно, какъ онъ самъ, такъ и другъ его смотрѣли на разбираемыя теперь нами письма, какъ на литературныя произведенія. Въ своихъ письмахъ, какъ и въ своихъ рѣчахъ, Плиній подражаетъ Цицерону. О подражаніи въ рѣчахъ говорить онъ самъ, но хотя о подражаніи въ письмахъ онъ ничего не говоритъ, мы можемъ это замѣтить изъ сличенія тѣхъ и другихъ. Такъ, 24-е письмо VIII-й книги къ Максиму, получившему назначеніе устроить провинцію Ахаію, напоминаетъ намъ инструкцію М. Т. Цицерона, данную его брату Кв. Цицерону, бывшему три года проконсуломъ въ Азіи (Ep. Cic. ad Quint. frat. I, 1). Въ 19-мъ письмѣ той же книги Плиній говоритъ: „въ литературѣ для меня—и радость и утѣшеніе, и нѣтъ такой печали, которую бы она не облегчала“ и проч.; эти слова напоминаютъ намъ извѣстную похвалу Цицерона наукамъ, въ его рѣчи pro Archia reŕta. Слѣдующее мѣсто изъ письма 2, III книги: „я написалъ тебѣ (Максиму) во первыхъ для того, чтобы написать что нибудь новое, а потомъ для того, чтобы побесѣдовать съ тобой о республикѣ“, очевидно, есть перифразъ письма Цицерона къ Куріону (Cic. ad divers. II, 4). Этими примѣровъ будетъ достаточно для доказательства, что Плиній и въ своихъ письмахъ подражалъ Цицерону. Слогъ его и современныхъ ему литераторовъ отличается большою простотою и отчетливостію выраженія. (См. *Модест.* стр. 177 и 178).

Что касается значенія писемъ Плинія при изученіи классической древности, то значеніе это велико: онѣ представляютъ намъ богатый матеріалъ для сужденія о всѣхъ сторонахъ тогдашней жизни. Правда, Плиній, какъ мы уже замѣтили, не отличался глубокимъ мыслемъ; онъ не видѣлъ, или не желалъ видѣть, тѣхъ сокровенныхъ пружиныхъ, которыя собственно двигали машину современной ему жизни; онъ самъ сознается, что нѣкоторыя сердечныя чувства (прямущественно чувство

любви), быть можетъ, брали перевѣсъ надъ его разсудкомъ, не позволяли ему критически относиться къ окружающимъ его явленіямъ (IV, 27), отчего приговоры его часто бывають пристрастны и невѣрны. Но письма Плинія для насъ важны, какъ письма тонкаго наблюдателя, причеъ многія изъ нихъ очень характеристичны; въ этихъ письмахъ, между прочимъ, находится не мало данныхъ для рѣшенія третьяго изъ предложенныхъ нами вопросовъ, именно: каковы были въ то время отношенія литераторовъ между собою?

III.

Какъ въ письмахъ Плинія младшаго рисуются взаимныя отношенія литераторовъ.

Въ VI вѣкѣ отъ построенія Рима, при первомъ зачаткѣхъ греко-римскаго литературнаго развитія, литераторовъ было мало, они были одиночны, какъ бы изолированы отъ остальнаго общества. Но потомъ, съ теченіемъ времени, число ихъ постоянно увеличивается, они уже составляютъ плотную корпорацію, которая въ свою очередь дробится на мелкіе кружки и такимъ образомъ появляются литературныя партіи; литераторы, не переставая составлять нѣчто особое отъ остальнаго общества, проникають въ это общество и играютъ въ немъ болѣе или менѣе видную роль, — такъ было во времена Цицерона и Августа и такое же положеніе литераторовъ мы замѣчаемъ и при Плиніи младшемъ, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что внослѣдствіи корпоративный духъ литераторовъ усиливается, причеъ партіи ихъ какъ бы сглаживаются и даже на первый взглядъ представляется какъ бы полное отсутствіе всякихъ распрей между ними. Наконецъ, что касается отношенія литераторовъ къ самому обществу, то они уже начинаютъ пользоваться въ немъ большимъ противъ прежняго почетомъ, что зависѣло прямо отъ большей образованности тогдашняго римскаго общества; такъ какъ литературныя зажитія сдѣлались потребностію, то, очевидно, онѣ уже могли доставлять литераторамъ уваженіе и любовь; литераторы были приняты хорошо даже при дворѣ; Плиній старшій, напримѣръ, по утрамъ ходилъ къ императору Веспасіану для ученыхъ и литературныхъ бесѣдъ (III, 5); императоръ Траянъ также любилъ проводить время въ бесѣдахъ съ литераторами (VI, 31).

Въ средѣ римскихъ литераторовъ время Плинія младшаго видно большое согласіе, единодушіе, дружба, обусловливаемая единствомъ занятій и интересовъ. „Нѣтъ“, говоритъ Плиній младшій, „почти ни-

кого, кто, любя литературу, не любилъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и меня“ (I, 13).

Единодушiе это и дружба выражались въ томъ, что литераторы поощряли другъ друга къ литературнымъ занятiямъ. „Низкия и грязныя заботы“, пишетъ Плиний Канинiю, „ты поручи другимъ, а самъ въ тиши и уединенiи займись литературными трудами; придумай и обработай что-нибудь такое, что вѣчно могло бы принадлежать тебѣ“ (I, 3). Литераторъ Октавій просилъ Плиниѣ младшаго выступить на судѣ противъ Бэтиковъ; Плиниѣ отказывается пойти разными предлогами, въ доказательство справедливости своего извиненiя приводитъ нѣкоторые стихи изъ Гомера и письмо свое заключаетъ такими словами: „а почему бы мнѣ постоянно не говорить съ тобой гомерическими стихами до тѣхъ поръ, пока ты не дашь мнѣ возможности бесѣдовать съ тобой твоими собственными стихами. Я до того стараю нетерпѣливѣе читать твои стихи, что, кажется, только одною этою платой могъ бы быть подкупленъ къ тому, чтобы выступить въ судѣ противъ Бэтиковъ“ (I, 7). Въ письмѣ къ Миуницiю Фундану Плиниѣ пишетъ: „какъ только дозволятъ тебѣ обстоятельства, оставь городской шумъ и пустую бѣготню; отдайся наукамъ или досугу“ (I, 9). Въ 7-мъ томѣ III-й книги Плиниѣ опять увѣщеваетъ того же Канинiя „оставить послѣ себя нѣчто такое, чѣмъ бы можно было засвидѣтельствовать, что онъ дѣйствительно жилъ“. Но и самому Плинию совѣтовали приняться за обширное сочиненiе. „Ты совѣтуешь мнѣ“, пишетъ онъ Капитону, „писать исторiю, и не ты одинъ. Объ этомъ уже напоминали мнѣ и многiе другiе, такъ что я хочу взяться за дѣло“ (V, 8).

Светонiй и Плиниѣ условились между собою издать въ свѣтъ по сочиненiю, но съ тѣмъ, чтобы началъ Плиниѣ, который дѣйствительно и издалъ такъ называемыя Гендекассилабы. Однакожъ, Светонiй медлитъ, и вотъ Плиниѣ напоминаетъ ему о долгѣ и, шутя, грозитъ хромыми ямбами, если только долгъ не будетъ уплаченъ въ скоромъ времени (V, 11). Въ 1-мъ письмѣ IX книги Плиниѣ торопитъ Максима поскорѣе издать давно уже написанную послѣднимъ книгу противъ Планта. Но совѣтамъ ли друзей, или по своему собственному побужденiю, литераторы готовятъ произведенiя, извѣщаютъ объ этомъ своихъ друзей, разказываютъ имъ, какъ они пишутъ, при какой обстановкѣ. Такъ Плиниѣ извѣщаетъ Тацита, что онъ во время охоты за кабаками (I, 6) набрасывалъ нѣкоторыя мысли въ свою записную тетрадь; этотъ же Плиниѣ, по просьбѣ молодаго литератора

Фуска, подробно описывает ему весь порядок своих занятий (IX, 36, 38). Когда сочинение написано вчернь, автор позволяет некоторым, особенно близким из своих друзей, читать его. По советам их, он делает исправления, потом еще читает некоторым друзьям, наконец делает литературное собрание, на котором читает свое произведение, замечает по выражению глаз, по лицу слушателей, что нравится, и что не нравится, послѣ чего опять делает исправления (VII, 17). На эти литературныя собрания приглашали посредством записок и объявлений, а иногда и словесно (III, 18). Если почему нибудь на собраніи не былъ кто либо изъ друзей литератора, то отсутствующему обыкновенно посылалось читавшееся произведение при письмѣ, съ просьбою отмѣтить мѣста, которыя онъ считаетъ нужными или исправить, или дополнить, или же совершенно выкинуть (I, 8, VII, 20 и др.). Нерѣдко литераторы въ своихъ письмахъ высказывали другъ другу свои секреты. Такъ, Плиній проситъ Тацита, чтобы онъ внесъ въ свою безсмертную исторію геройскій поступокъ, совершенный Плиніемъ при защитѣ Акціи Варіолы (VII, 33). Въ 17-мъ письмѣ VII книги Плиній описываетъ тѣ чувства, которыя испытываютъ ораторы предъ произнесеніемъ своихъ рѣчей. „Когда встаешь для произнесенія рѣчи на форумѣ, не отчлываешься ли тогда въ самомъ себѣ, не желаешь ли, чтобы измѣнилось въ рѣчи не только весьма многое, но и все, особенно если слушателей много“. Тацитъ спрашивалъ Плинія, что чувствовалъ онъ, находясь въ Мизенѣ во время изверженія Безувія (VI, 20), и Плиній отвѣчаетъ ему подробно. А вотъ письмо Плинія къ Транквилю (IX, 34): „Разрѣши ты мое сильное недоразумѣніе: я слышу, будто я дурно произношу стихи; поэтому, намѣреваясь читать близкимъ друзьямъ, я думаю сдѣлать это посредствомъ вольноотпущенника. Тотъ, на кого палъ мой выборъ, владѣеть тоже не совсѣмъ хорошимъ произношеніемъ; все-таки, вѣроятно, онъ прочтаетъ лучше меня, если только не придетъ въ смущеніе, такъ какъ онъ столько же новый чтецъ, сколько я новый поэтъ. А не знаю и, что дѣлать мнѣ самому, когда онъ будетъ читать мое произведение: сидѣть ли подобно вкопанному, нѣмому и похожему на празднаго челоуѣка, или, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые, сопровождать чтеніе шопотомъ, выраженіемъ глазъ, движеніемъ рукъ. Впрочемъ, я думаю, что я также дурно жестикулирую, какъ и читаю. Опять прошу, разрѣши мое недоразумѣніе и откровенно напиши, не лучше ли читать самому, хотя бы и дурно, чѣмъ дѣлать или не дѣлать то, о чемъ говорю“.

Литераторы навѣщаютъ другъ друга: Такъ, друзья Плинія часто приходили къ нему въ его виллы (IX, 16). Самъ Плиній съ величайшимъ удовольствіемъ провелъ время у стараго литератора Спуринны (III, 1). При подобныхъ посѣщеніяхъ первымъ дѣломъ были литературные и ученые разговоры. Такъ Плиній пишетъ Катинію: „я приду къ тебѣ на обѣдъ, но съ условіемъ: пусть этотъ обѣдъ будетъ умѣренъ, пусть онъ преизобилуетъ только сократическими бесѣдами“ (III, 12). Дружба между литераторами проявлялась не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Такъ Плиній хлопотеть о покупкѣ дачи для Светонія (I, 24). Когда Марціалъ уѣзжалъ изъ города, Плиній снабдилъ его всѣмъ нужнымъ (III, 21). Плиній скорбѣлъ, когда кто нибудь изъ друзей-литераторовъ былъ боленъ или умиралъ (I, 22; III, 21; IX, 22; V, 5). Когда эдиктомъ Домиціана философы изгнаны изъ Рима, Плиній, у одного изъ нихъ—Артемидора, былъ въ загородной дачѣ и далъ ему значительную сумму для уплаты долга¹⁾ (III, 11). Литераторы временъ Плинія оказывали другъ другу услуги и любезности чисто литературнаго свойства. Такъ, напримѣръ, Плиній пишетъ о знаменитомъ юристѣ Аристонѣ: „вѣтъ ничего такого, чему бы онъ не могъ научить, если только ты желаешь учиться. Для меня онъ ключъ, истинная сокровищница, воль скоро доискиваюсь чего нибудь мнѣ неизвѣстнаго“ (I, 22). Во второмъ письмѣ III книги Плиній пишетъ Максиму: „совѣтомъ Адріана я пользуюсь въ своихъ судебныхъ дѣлахъ, а его литературнымъ вкусомъ (judicio) при оцнхъ литературныхъ занятіяхъ“ (III, 2). Литератору Антонину, писавшему свои стихотворенія на греческомъ языкѣ, Плиній старался подражать на латинскомъ языкѣ; нѣкоторые же изъ нихъ онъ просто переводилъ на латинскій и, по его собственнымъ словамъ, только портилъ произведенія Антонина (IV, 18). Плиній имѣлъ высокое понятіе о талантахъ Тацита и также точно старался подражать ему (VII, 20). Въ свою очередь, онъ самъ считался первокласснымъ литераторомъ и многіе литераторы искали у него покровительства, на что нашъ авторъ не былъ скупъ. Такъ нѣкто Фускъ, вѣроятно еще молодой человѣкъ, спрашивалъ его, какъ нужно заниматься, чтобы сдѣлаться хорошимъ литераторомъ. Плиній подробно излагаетъ ему правила и описываетъ, какъ онъ самъ занимается въ своихъ виллахъ (VII, 9; IX, 38, 40). Въ 23-мъ письмѣ VI книги онъ говоритъ: „я сильно желаю выводить на форумъ знатныхъ юношей и приобщать

¹⁾ Если литераторъ умиралъ, его друзья иногда писали его біографію (III, 5).

ихъ къ славѣ. Я это дѣлаю часто" (17, 23), и нужно отдать справедливость Плинію,—онъ не былъ недоступнымъ, высокоумнымъ патрономъ молодыхъ литераторовъ; онъ пишетъ Прокулу: „ты просишь, чтобы я, выходя въ виллѣ, прочиталъ твои произведенія и рассмотрѣлъ ихъ, достойны ли онѣ изданія; ты прибѣгаешь къ мольбамъ, указываешь на примѣры, просишь, чтобы я нѣсколько свободнаго времени отнял у своихъ литературныхъ трудовъ и посвятилъ бы ихъ твоимъ, прибавляешь, что Маркъ Туллій съ удивительною благосклонностію лелѣялъ дарованія поэтовъ. Но меня не слѣдуетъ ни просить, ни убѣждать, такъ какъ я самую поэзію вполне боготворю, а тебя сильно люблю; твое желаніе я исполню съ большимъ стараніемъ и охотою" (III, 15). Благосклонность Плинія къ молодымъ литераторамъ видна также изъ слѣдующаго его письма (V, 17): „я былъ въ числѣ слушателей Калпурнія Пизона. Произведеніе его написано илавными и гладкими элегическими стихами; тамъ, гдѣ нужно, употреблены возвышенные слова: онъ, то поднимается высоко, то опускается внизъ, серьезное мѣшаетъ съ пріятнымъ и все это дѣлается талантливо. Особенную прелесть придаетъ его пріятнѣйшій голосъ, украшаемый скромностію; на его лицѣ выступала краска, въ немъ выражалось сильное безпокойство — великія украшенія читающаго! По окончаніи чтенія, я много разъ и долго цѣловалъ этого юношу, и будучи увѣренъ, что похвала есть лучшее поощреніе, настойчиво убѣждалъ его продолжать начатое поприще... Я поздравилъ добрѣйшую мать, поздравилъ и брата, приобретаго на этомъ литературномъ собраніи не меньше славы за свою любовь къ брату, чѣмъ тотъ за свое краснорѣчіе; въ немъ очень замѣтенъ былъ сначала страхъ за читающаго брата, а потомъ радость. Да даруютъ боги, чтобы я почаще извѣщалъ тебѣ (Спурину) о подобныхъ событіяхъ. Я желаю нашему вѣку не быть бесплоднымъ и не вырождаться, чтобы наши юноши не имѣли въ своихъ домахъ никакихъ другихъ украшеній, кромѣ портретовъ своихъ предковъ, которые, кажется, такъ и одобряютъ добрыя стремленія". Плиній, вообще, непритворно радовался, если юноши обращались къ нему за наставленіями и если его наставленія приносили хорошіе плоды. „О радостный день“, восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Максиму (VI, 11): „приглашенный на совѣщаніе префектомъ города, я слышалъ двухъ юношей, одного, говорившаго защитительную рѣчь, а другаго — обвинительную, юношей съ блистательными дарованіями, — Фуска Салинатора и Нумидія Квадрата. Прекрасная пара! Они будутъ украшеніемъ не только нашему

времени, но и самой литературѣ... Доставило мнѣ удовольствіе, между прочимъ, и то обстоятельство, что они смотрѣли на меня, какъ на ихъ руководителя и наставника, — слушателямъ казалось, что они соревнуютъ мнѣ, твердо идуть по моимъ слѣдамъ. О день, повторяю, радостный и счастливѣйшій въ моей жизни! Что можетъ быть пріятнѣе для государства, какъ не знатные юноши, старающіеся составить себѣ имя своими литературными трудами! Что можетъ быть для меня желательнѣе, какъ не то, что я служу какъ бы образцомъ для тѣхъ, которые стремятся къ честной цѣли! Молю боговъ, чтобы я постоянно могъ получать подобное удовольствіе; призываю боговъ въ свидѣтели и прошу ихъ, чтобы тѣ, которые будутъ высоко цѣнить подражаніе мнѣ, оказались бы лучше меня".

Желаніе Плинія, выраженное въ этомъ письмѣ, большею частію исполнялось: молодые люди сильно завскаивали въ немъ, что видно уже изъ вышеприведенныхъ писемъ, но еще характеристичнѣе, въ этомъ отношеніи, слѣдующія слова Плинія: „Юлій Назонъ", говорить нашъ авторъ, „избралъ меня образцомъ для подражанія. Проманюшу ли я рѣчь въ судѣ, онъ съ безпокойствомъ стоитъ, ожидая результата; читаю ли на литературномъ собраніи, онъ всегда сидитъ подлѣ меня, подходитъ ко мнѣ прежде всѣхъ и проситъ разсмотрѣть прочитанное произведеніе; теперь это дѣлаетъ онъ одинъ, а прежде онъ поступалъ такъ вмѣстѣ съ братомъ, недавно умершимъ" (VI, 6). Нѣкоторые литераторы въ своихъ произведеніяхъ пѣли Плинію младшему хвалебныя гимны въ полномъ смыслѣ этого слова, каковыми похвалы доставляли нашему автору величайшее наслажденіе, и онъ, въ свою очередь, не оставался въ долгу предъ своими панегиристами и даже платилъ имъ съ лихвою; напримѣръ, Марціалъ. въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, обращается къ своей музѣ, чтобы она отыскала домъ Плинія на Эсквилияхъ и почтительно бы приближалась къ нему, и говоритъ: „смотри, пьяная муза, безвременно не толкайся въ дверь оратора; онъ цѣлме дни посвящаетъ суровой Минервѣ, потому что желаетъ угодить слуху многихъ людей такими своими произведеніями, которыя потомки наши смѣло могутъ поставить на ряду даже съ произведеніями, вышедшими изъ Арпинума (то-есть, съ сочиненіями Цицерона). Ты можешь отправляться въ поздній вечеръ" (III, 21). Плиній за это стихотвореніе снабдилъ Марціала всѣмъ нужнымъ для путешествія, когда тотъ уѣзжалъ изъ Рима. А въ послѣдствіи, по смерти Марціала, Плиній расточаетъ ему такіа похвалы: „Это былъ человекъ талантливый, остроумный, обладалъ даромъ слова, въ

сочиненіяхъ его весьма много остроумія, желчи и столько же естественности" (III, 21). Еще болѣе, чѣмъ Марціалъ, восхвалялъ Плиніа нѣкто Сенцій Авгуринъ: „Пою поэтическія пѣсни мелкими стихами, такими, какими нѣкогда пѣлъ мой Катуллъ, Калвъ и другіе поэты. Но что мнѣ до нихъ? Одинъ Плиній для меня замѣняетъ всѣхъ древнихъ; возвратившись съ форума, онъ въ нѣжныхъ стихахъ выражаетъ свое нѣжное чувство. Онъ дѣлаетъ тоже, что дѣлали Катоны. Итакъ, прочь всякій, слывущій мудрецомъ, ты не можешь такъ любить и такъ выражать свою любовь, какъ Плиній“. Плиній, приведя эти слова въ своемъ письмѣ къ Фалкону, говоритъ: „видишь, какъ все тутъ остроумно, все встаетъ и выразительно. Я полагаю, что въ продолженіе многихъ лѣтъ ничего не писано совершеннѣе въ этомъ родѣ, если только меня не обманываетъ любовь къ Авгурину, или то обстоятельство, что онъ меня превозноситъ похвалами“ (IV, 27). А вотъ и письмо Плиніа къ самому Авгурину, вѣроятно написанное по поводу вышеприведеннаго стихотворенія: „если, будучи похваленъ тобою, начну, въ свою очередь, хвалить тебя, то опасюсь, какъ бы не показалось, что я не столько выражаю свое мнѣніе, сколько плачу дань благодарности; впрочемъ, пусть себѣ кажется; я всѣ твои произведенія считаю прекрасными, и особенно тѣ, въ которыхъ говорится о насъ; ты превосходно пишешь то, что пишешь о друзьяхъ; я читаю то произведеніе, въ которомъ говорится обо мнѣ, какъ произведеніе превосходное (IX., 8)

Однакожъ, взаимныя отношенія литераторовъ между собою не всегда бывали такъ утѣшительны; подъ часъ между ними происходили недоразумѣнія. Намъ уже извѣстно, что неприличное произведеніе Плиніа *Гендекасмабиа* надѣлало ему много хлопотъ (V, 3, VII, 4). Плинію также не разъ приходилось вести утомительные споры о томъ, какой родъ краснорѣчія лучше — двѣтисный и обильный, или краткій; самъ Плиній отставалъ первый, но противникомъ его были люди ловкіе, неуловимые въ спорѣ (I, 20, IX, 26). Нѣкоторые упрекали Плиніа за то, что онъ, при всякомъ случаѣ, безъ мѣры хвалитъ своихъ друзей. Подобныя упреки сильно задѣвали Плиніа и онъ отвѣчаетъ на нихъ (VII, 28): „Говоришь, что нѣкоторые въ твоёмъ присутствіи упрекали меня за то, что я при всякомъ случаѣ хвалю своихъ друзей безъ мѣры: сознаюсь въ этомъ преступленіи, и даже съ величайшею радостью... Однакожъ, кто эти, лучше меня знающіе моихъ друзей? Положимъ, впрочемъ, что они и знаютъ ихъ, такъ зачѣмъ же они заиждутъ мнѣ въ мрежѣ счастливымъ заблужденіи? Положимъ, что

друзья мои не таковы, какими и ихъ прославляю, но, въ такомъ случаѣ, я счастливъ тѣмъ, что они мнѣ кажутся такими... тутъ эту злую разборчивость рекомендую другимъ"... Плиній сильно негодовалъ на тѣхъ, которые вооружаются противъ людскихъ пороковъ; такихъ людей онъ упрекалъ изрѣченіемъ знаменитаго Пета-Тразен, сказавшаго, что кто ненавидитъ пороки, тотъ ненавидитъ людей (VIII, 22, IX, 17). Мы видѣли, что Плиній покровительствовалъ и сочувствовалъ успѣхамъ многихъ литераторовъ. Но этотъ же самый Плиній (III, 9) говоритъ: „Слава, особенно въ литературѣ, имѣетъ нѣчто ἀλοσύνητος — не терпящее сообщества“; это показывало, что литераторы иногда завидовали и интриговали другъ противъ друга. Такимъ образомъ Плиній, если и желалъ „приобщить къ славѣ“ многихъ литераторовъ, то имѣлъ, вѣроятно, въ виду такихъ, соперничества съ которыми ему нечего было опасаться. Бывали среди литераторовъ и такіе, которые старались приобрести славу на чужой счетъ, то-есть, было плагиатство (II, 10). Между литераторами бывала и ожесточенная вражда, причемъ враги-литераторы писали одинъ на другого памфлеты и пасквили. Такъ, другъ Плинія — Максимъ написалъ нѣсколько книгъ „въ защиту себя противъ Плянты, или вѣрнѣе, за себя и противъ Плянты“ (IX, 1). Безправственный Регулъ, доносящій времяя Домиціана, ускорившій гибель стоика Арулена Рустика, былъ въ восторгѣ отъ его смерти и издавъ по этому случаю книгу, въ которой нападаетъ на Рустика, называя его обезьяною стонковъ и рубцомъ отъ раны, полученной за Вителлія (I, 5), а такъ какъ Рустикъ былъ другомъ нашего автора, то Плиній въ нѣкоторыхъ изъ своихъ писемъ и изображаетъ Регула самыми непривлекательными красками (II, 20, IV, 7).

Плиній, столь благосклонный въ молодыхъ литераторахъ, быть можетъ представлялъ собою исключеніе изъ общаго правила, иначе вышеупомянутому Прокулу не нужно было бы обращаться къ нему съ такими униженными просьбами; вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ, литературныя знаменитости бывали очень высокоумѣры и недоступны. Но, съ другой стороны, много было и такихъ молодыхъ литераторовъ, которые не обращали никакого вниманія на ветерановъ литературы и не признавали никакого авторитета. Вотъ какъ Плиній описываетъ этихъ отрицателей въ одномъ изъ своихъ писемъ (VIII, 23): „величайшая скорбь, испытываемая мною по случаю смерти Юнія Авита, уничтожила, истребила и похитила всѣ мои литературныя занятія, всѣ мои заботы и всѣ развлеченія... Онъ меня любилъ, почиталъ и

смотрѣлъ на меня, какъ на своего учителя и воспитателя, что рѣдко встрѣчается среди нашего юношества. И въ самомъ дѣлѣ, много ли встрѣтишь такихъ, которые, будучи младшими, дѣлали бы уступки лѣтамъ или авторитету старшаго; напротивъ, они мудрецы, они тотчасъ уже знаютъ все, никому не почитаютъ, никому не подражаютъ, сами себѣ служатъ примѣромъ. А вѣтъ былъ не такой; его особенное благоразуміе заключалось въ томъ, что онъ другихъ считалъ благоразумнѣе себя; особенная ученость его состояла въ томъ, что онъ желалъ учиться, всегда просилъ у меня совѣтовъ относительно литературныхъ занятій и всикій разъ дѣлался все лучше и лучше“

Больше всего литераторы сталкивались между собою на литературныхъ собраніяхъ. Приличіе требовало, чтобы литераторъ, который хотѣлъ читать свое произведеніе, приглашалъ къ себѣ всѣхъ знакомыхъ литераторовъ, иначе могла возникнуть вражда (I, 5); приличіе требовало также, чтобы приглашенные непременно явились на собраніе и дѣлали бы читающему разные знаки одобренія. Но послѣднее условіе не всегда соблюдалось, и Плиній пишетъ по этому поводу слѣдующее: „Нынѣшній годъ обилеетъ поэтами (I, 13) ¹⁾. Въ теченіе дѣлаго мѣсяца апрѣля не проходило почти ни одного дня, въ который бы не было какогонибудь чтенія. Приятно видѣть литературныхъ занятій въ такой силѣ, приятно, что на попріще литературной дѣятельности не перестаютъ являться новыя таланты, не смотря на то, что публика гнѣвно собирается. Большая часть собравшихся за дверями убиваютъ время, слушая разный вздоръ, и по временамъ спрашиваютъ, вошелъ ли читающій въ залу, окончили ли вступленіе, много ли ему остается читать, и коль скоро узнаютъ, что большая часть рукописи прочитана, тогда они,—и то медленно и какъ бы не хотя,—уже входятъ въ залу. Но и тутъ они не въ состояніи выслушать до конца и начинаютъ расходиться одни украдкой, незамѣтно, другіе открыто и не стѣсняясь приличіями. Но, право, еще на памяти отцовъ случилось вотъ что: разказываютъ, что цезарь Клавдій, прогуливаясь во дворцѣ, услышалъ шумъ; спросилъ о причинѣ, и когда ему сказали, что читаетъ Ноніанъ, онъ тотчасъ и неожиданно явился въ залу. А теперь самаго отъявленнаго праздолюбца приходится приглашать заранее, да и то онъ или совсѣмъ не явится, или же если и придетъ, то жалуется послѣ, что у него день про-

¹⁾ Переводъ этого письма большею частію заимствованъ изъ *Пропл.* кн. V, отд. 1, стр. 125.

паль даромъ—именно потому, что, быть можетъ, первый въ жизни у него не пропалъ день. Тѣмъ болѣе мало уваженія и благодарности заслуживаютъ тѣ, у которыхъ подобное лѣнивое равнодушіе и эта гордая невнимательность публички не отнимаютъ охоты къ литературнымъ трудамъ и публичному чтенію своихъ произведеній. Что касается лично меня, то я почти никого изъ читающихъ не лишаю своего присутствія. Конечно, большая часть изъ нихъ мои друзья, ибо почти нѣтъ никого, кто бы, любя литературу, не любилъ и мѣстѣ съ тѣмъ и меня. По этой причинѣ я пробылъ въ городѣ долѣе, чѣмъ предполагалъ. Теперь же я могу удалиться въ виллу и написать что нибудь, впрочемъ, не для чтенія, но чтобы не показалось, что я былъ не слушателемъ, а заказчикомъ тѣхъ литераторовъ, на чтеніяхъ которыхъ я присутствовалъ. Ибо какъ въ другихъ сферахъ, такъ и въ литературной, услуга пропадаетъ, какъ скоро требуется назадъ. Прощай”.

Приведемъ еще нѣсколько отрывковъ изъ писемъ. Вотъ письмо 17-е VI-й книги къ Реституту:

„Не могу удержаться, чтобы не наложить предъ тобою въ письмѣ, такъ какъ лично не удалось, то маленькое недовольство, которое я получилъ въ аудиторіи одного друга. Читалось превосходное произведеніе. Два или три краснорѣчивыхъ (такъ кажется имъ самимъ и многимъ другимъ) человека слушали, какъ глухіе и нѣмые: не развели своихъ губъ, не двинули рукой, наконецъ, не встали, хотя бы даже потому, что устали же они сидѣть. Что за серьезность, что за мудрость? Нѣтъ, пужно сказать напротивъ: что это за лѣность, что за высокоуміе злословительное, или вѣрнѣе, безуміе весь день употреблять на то, чтобы оскорблять, чтобы дѣлать врагомъ того, къ кому пришелъ въ качествѣ величайшаго друга? Если ты самъ краснорѣчивѣе, такъ не завидуй другимъ, потому что завистникъ ниже того, кому онъ завидуетъ. Наконецъ, дѣлаешь ли ты больше, или ты дѣлаешь столько или меньше, — хвали и низшаго, и высшаго, и равнаго; высшаго потому, что самого себя нельзя же хвалить, если даже тотъ и недостоинъ похвалы; низшаго или равнаго потому, что для твоей собственной славы много значить, чтобы какъ можно больше казался тотъ, кого ты превосходишь, или кому ты равенъ. Что касается меня, я обыкновенно уважаю, даже почитаю всѣхъ, которые дѣлаютъ что нибудь для литературы, потому что это дѣло трудное, наводитъ скуку и не дается тѣмъ, которые презираютъ его. Впрочемъ ты, можетъ быть, думаешь иначе. Но кто почительнѣе тебя

къ этимъ занятіямъ, какой цѣнитель благосклоннѣе тебя? Руководимый этимъ соображеніемъ, я повѣрялъ свое негодованіе преимущественно тебѣ, какъ человѣку, въ которомъ надѣюсь пайдти въ этомъ случаѣ сочувствіе. Прощай⁴.

Письмо 15-е той же книги къ Роману:

„Ты, какъ и я, не былъ при забавномъ происшествіи. Но до меня дошла свѣжая новость. Пассіенъ Павелъ, славный всадникъ римскій и весьма образованный человѣкъ, сочиняетъ элегіи. Этотъ родъ литературы наследственъ въ ихъ родѣ. Онъ согражданинъ Проперція и даже считаетъ этого поэта въ числѣ своихъ предковъ; читалъ онъ на литературномъ собраніи свое стихотвореніе, которое началъ такъ: „Прикажешь ли Прискъ“¹⁾, на что Прискъ (онъ былъ въ собраніи, какъ ближайшій другъ Павла) отвѣчалъ: „пѣть, по приказанію“. Вообрази себѣ, какой раздался смѣхъ, какіи посыпались остроты! Прискъ находится въ не совсѣмъ здоровомъ умѣ, это ясно; однако онъ отправляетъ должности, приглашается на совѣщанія (судей), и даже по профессіи своей онъ—юрисконсультъ, по этому-то тѣмъ болѣе былъ замѣтенъ и смѣшенъ его поступокъ. Между прочимъ помѣшательство этого человѣка нѣсколько охладило Паала. Тѣмъ, которые намѣреваются читать, нужно заботливо стараться не только о томъ, чтобъ самимъ быть здравомыслящими, но и приглашать къ себѣ такихъ слушателей, которые были бы въ здоровомъ умѣ.

II. Глозодонтъ.

¹⁾ Позволеніе читать спрашивали у одного изъ почетнѣйшихъ слушателей.

НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ГРЕЧЕСКИХЪ НАЦИОНАЛЬНЫХЪ ГРАМАТИКАХЪ—ПИСАТЕЛЯХЪ.

I.

Давно уже жалуются на отсутствіе критической исторіи греческихъ грамматиковъ. Многочисленныя важныя изслѣдованія, проливающая свѣтъ на эту, прежде столь темную, область литературы, разбросаны по отдѣльнымъ монографіямъ, программамъ и журналамъ, такъ что желающему получить хотя бы приблизительно вѣрное понятіе о настоящемъ положеніи науки по этому предмету приходится съ большимъ трудомъ собирать разбросанный повсюду матеріалъ. Правда, существуетъ нѣсколько обширныхъ сочиненій по части филологической науки въ древности; но эти труды или преслѣдуютъ иную цѣль, а не ту, которую означена нами въ заглавіи нашей статьи, или же они не удовлетворяютъ требованіямъ, съ которыми мы имѣемъ право обращаться къ нимъ. Къ первой категоріи принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующія два сочиненія: *Лерша*, „Философія языка у древнихъ“ (*Lersch*, Sprachphilosophie der Alten), вышедшее въ трехъ частяхъ въ Воппль, въ 1841 году, и *Штейнталъ*, „Исторія науки о языкѣ у Грековъ и Римлянъ въ связи съ логикой“ (*Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern mit besonderer Berücksichtigung der Logik*), въ Берлинѣ 1863 года. Эти сочиненія занимаются, сообразно съ ихъ заглавіями, болѣе внутреннею исторіею развитія филологіи, преимущественно же наукою о языкѣ, и вовсе не имѣютъ претензій знакомить насъ со всѣмъ объемомъ филологическихъ работъ въ древности, или же разсматривать отдѣльныхъ грамматиковъ въ частности.

Обширное сочиненіе *Граефена*, „Исторія классической филологіи въ древности“ (*Graefenhahn*, Geschichte der klassischen Philologie im Alterthum), вышедшее въ 4-хъ томахъ въ Боннѣ, въ 1848—1850 го-

дахъ; должно бы было, кажется, содержать въ себѣ все, чего мы можемъ ожидать отъ исторіи грамматиковъ; но оно по множествѣ случаевъ оставляетъ насъ безъ всякихъ отвѣтовъ, такъ какъ авторъ не располагалъ достаточнымъ матеріаломъ и рѣдко вдавался въ настоящее самостоятельное изслѣдованіе. Къ тому же у него не достаетъ критическаго такта и очень часто богатый матеріалъ не приведенъ у него въ должный порядокъ. Такимъ образомъ, о сочиненіи Греффенгана можно сказать только, что послѣ появленія его отсутствие основательнаго труда въ области исторіи греческихъ грамматиковъ сдѣлалось еще болѣе ощутительнымъ. Превосходные труды послѣдняго времени, которые должны были бы представить полную исторію древней литературы, не исполнили своей задачи. *Бергарди* ограничился, къ сожалѣнію, изданіемъ только „Исторіи греческой поэзіи“; *Тейффель*, повидимому, еще долго не издастъ своей „Исторіи греческой литературы“, которая, однакожъ, ожидается съ такимъ нетерпѣніемъ. Итакъ, приходится довольствоваться только-что появившимся въ новомъ изданіи сочиненіемъ *Николаи*—„Полная исторіи греческой литературы“ (*Nicolai, Geschichte der gesammten griechischen Literatur*). Но и эта книга, необходимая для всякаго изслѣдователя, страдаетъ, что касается критической разработки матеріала, очень многими и серьезными недостатками: ею нужно пользоваться, но никогда нельзя на нее полагаться. Намъ нужна такая *historia grammaticorum graecorum*, которая была бы составлена по тому же плану, какъ и *Historia oratorum graecorum* Рункена и *Historia critica comicorum graecorum* Мейнке. Почтенный *Ричль* уже много лѣтъ тому назадъ имѣлъ намѣреніе написать такую *historia critica grammaticorum graecorum*; чего мы были бы въ правѣ ожидать отъ подобнаго сочиненія, достаточно объясняется его изслѣдованіемъ: *De Oro et Orione* (въ Бреславлѣ 1834 года); оно отпечатано теперь въ первомъ томѣ его *Opuscula* и дѣйствительно можетъ считаться образцемъ подобныхъ работъ. Къ сожалѣнію, *Ричль*, занятый другими работами, уже давно оставилъ свое прежнее намѣреніе. Въ послѣдствіи взялся за это трудное, но и многообъщающее дѣло, болѣе юныя силы, но, къ сожалѣнію, онѣ ничего не сдѣлали. Такимъ образомъ, это столь важное дѣло навѣрно еще на долго останется *pium desiderium* филологовъ. А между тѣмъ, именно теперь, когда грамматическія изслѣдованія занимаютъ столь видное мѣсто въ наукѣ, въ высшей степени важно повиманіе исторической связи нашихъ трудовъ съ трудами древнихъ грамматиковъ. А такъ какъ современная наука о языкѣ развивается на очень обшир-

номъ основаніи, то еще является опасность, какъ бы мы, наконецъ, не стали пренебрегать прежними, часто стѣдившими не малаго труда, изслѣдованіями, хотя и ограничивающимися болѣе тѣсными предѣлами. Не слѣдуетъ забывать, что мы своимъ знаніемъ классическихъ языковъ въ значительной мѣрѣ обязаны именно муравьиной работѣ древнихъ ученыхъ, столь усердно изучавшихъ своихъ классиковъ: ихъ критическіе и экзегетическіе труды и сборники доставляютъ богатѣйшій матеріалъ и для нашей критики и экзегетики. Слѣдовательно, пренебрегая ими, мы не только оказываемся неблагодарными, но и лишаемся той почвы, на которой единственно можемъ опираться и почерпать много руководящихъ мысли.

По этому-то мы сочли далеко не лишнимъ указать здѣсь на всѣ новѣйшіе труды по этому отдѣлу науки. Намѣреваясь начать съ самаго важнаго въ нашей задачѣ, именно съ періода отъ Зенодота до Геродіана, мы, однакожъ, предпочтемъ предварительно нѣсколько словъ, чтобы охарактеризовать тѣ приемы, которыми въ послѣдствіи будемъ руководиться. Главнѣйшая задача состоитъ въ томъ, чтобы осмотрѣть относящіяся сюда новѣйшія работы, приблизительно за десять послѣднихъ лѣтъ. Но такъ какъ эти послѣднія работы находятся въ тѣснѣйшей связи съ предшествовавшими имъ трудами, то является необходимость останавливаться также, съ большою или меньшею обстоятельностью, и на прежнихъ сочиненіяхъ. Конечно, мы не имѣемъ претензій на полноту, такъ какъ намъ, въ такомъ случаѣ, пришлось бы, вмѣсто этой статьи, составить цѣлую книгу. Наша же задача заключается только въ томъ, чтобы собрать камешки, изъ которыхъ въ послѣдствіи можетъ составиться мозаическая картина, набросать лишь легкій эскизъ самой картины.

Зачатки грамматическихъ работъ у Грековъ тѣсно связаны съ философіею; философы, дѣлавшіе первыя попытки понять всю вселенную, старались также точно уразумѣть и существенное значеніе языка; и нельзя отрицать, чтобы позднѣйшая систематическая наука не была обязана своимъ появленіемъ преимущественно этимъ древнѣйшимъ попыткамъ. Однакожъ, пастоящая грамматическая и филологическая наука, выступающая сознательно въ своей полной самостоятельности, стала существовать только со временъ Александрійскихъ. Въ Александріи, благодаря заботливости и попеченію образованныхъ монарховъ, стали собирать со всѣхъ сторонъ сокровища древнегреческаго ума; здѣсь, подъ покровительствомъ монарховъ, сосредоточивалось всестороннее изученіе древнихъ авторовъ, начавшееся на первыхъ

порахъ составленіемъ реестровъ и каталоговъ, а кончившеся тѣмъ колоссальнѣе зданіемъ Александрійской учености, разбросанные обломки котораго теперь мы съ такимъ трудомъ повсюду собираемъ. Говорю „разбросанные обломки“, потому что дѣйствительно иначе и нельзя назвать эти сравнительно ничтожные остатки, которымъ удалось дойти до насъ. Труды великихъ грамматиковъ того времени, за очень немногими исключеніями, не дошли до насъ; но не осталось бы и ихъ слѣдовъ, еслибы позднѣйшіе византійскіе ученые не сохранили для насъ, въ своихъ сборникахъ, многочисленныя отрывки изъ этихъ сочиненій. Время самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій началось съ Зенодота и закончилось въ скорости послѣ Геродіана; настала замѣчательный переворотъ: стали довольствоваться только выписками изъ сочиненій своихъ предшественниковъ. Прежіе ученые добывали золото изъ самихъ классиковъ, а теперь сталъ исходною точкою изслѣдованія не самъ языкъ и его древняя литература, но только тѣ выводы, которые были сдѣланы Александрійцами. Теперь Гомера уже не объясняли изъ самого же Гомера, а изъ сочиненій послѣдователей Аристарха. Вмѣсто языка древнихъ поэтовъ и прозаиковъ, стали заниматься языкомъ Аполлонія, Геродіана и другихъ, причемъ даже не руководились главнѣйшими сочиненіями древнихъ грамматиковъ, а довольствовались только комментаріями и выписками ихъ учениковъ. Естественно, что обширныя сочиненія древнихъ филологовъ, преданныя такому забвенію, и не могли дойти до насъ: сохранились только выписки изъ выписокъ. Такимъ образомъ, изъ всей этой смѣси позднѣйшей греческой учености, изъ этихъ skolіей, словарей и трактатовъ, изъ этой пустой болтовни бездарныхъ энциклопедій, мы должны выбирать крупинки золота древней учености, причемъ слѣдуетъ еще обладать особеннымъ терпѣніемъ и утонченнымъ чутьемъ, чтобы сумѣть отдѣлать золото отъ шлака.

Въ числѣ второстепенныхъ источниковъ для изученія дѣятельности древнихъ Александрійскихъ ученыхъ, особенно замѣчательныя одинъ, превосходящій всѣхъ другихъ своимъ знаніемъ, и сдѣлавшійся поэтому исходною точкою для всѣхъ, сюда относящихся, работъ. Это — знаменитая рукопись Иліады, находящаяся въ Венеціи, *Codex Venetus A.* Известно, что высокое значеніе этой рукописи заключается въ томъ, что въ ней находится тщательныя выписки изъ сочиненій четырехъ ученыхъ, принадлежавшихъ къ самой лучшей порѣ Александрійскаго періода, именно здѣсь помѣщены выписки изъ книги *Аристотелика* объ Аристарховыхъ критическихъ знакахъ, изъ сочиненія

Дидима объ Аристарховомъ изданіи Гомера, изъ книги *Геродіана* о просодіи Илиады, и, наконецъ, изъ сочиненія *Никанора* о строчныхъ препинаніяхъ въ Илиадѣ. Что эти четыре сочиненія лежатъ въ основу схолій означенной рукописи, мы могли бы догадаться, даже еслибы и не было здѣсь еще особенныхъ подписей подъ большею частью рацсодій. Не прошло и столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ эти драгоценныя схоліи стали для всѣхъ доступными, и вотъ уже существуетъ цѣлая новая отрасль въ наукѣ филологіи, обязанная своимъ существованіемъ единственно только этому памятнику. Первый, издавшій эту драгоценную рукопись, былъ французскій филологъ Виллуазонъ (*Villoison*), отпечатавшій въ 1788 году гомеровскій текстъ, критическія знаки къ нему и схоліи. Немного лѣтъ спустя, именно въ 1795 году, появилось уже, вызванное этимъ изданіемъ, знаменитое сочиненіе Вольфа — *Prolegomena ad Homerum*, послужившее началомъ гомеровской критики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исторіи Александрійской учености. Затѣмъ, въ 1833 году, вышло въ свѣтъ сочиненіе Лерса (*Lehrs*) объ Аристархѣ, въ которомъ авторъ, держась указаннаго Вольфомъ направленія, удачно пользуется матеріаломъ, сохранившимся въ схоліяхъ, и рѣшаетъ много вопросовъ окончательно. Подобнымъ образомъ и всѣ позднѣйшія работы другихъ ученыхъ объ Александрійской наукѣ отправляются отъ сочиненія Вольфа. Но прежде чѣмъ перейти къ нимъ, мы должны обратить еще наше вниманіе на ихъ общій источникъ, то-есть, на венеціанскія схоліи. Не смотря на всю свою важность, Виллуазоново изданіе не удовлетворяло всѣмъ научнымъ требованіямъ; потребность критическаго сличенія рукописей стала ощутительна, и за этотъ трудъ взялся превосходный знатокъ рукописей, Эммануилъ Беккеръ. Въ 1825 году появились его „Схоліи къ Илиадѣ“, гдѣ онъ не только сличилъ вновь венеціанскія схоліи, по и сооставилъ все важнѣйшее изъ другихъ, менѣе богатыхъ собраній схолій, преимущественно же изъ *Codex Venetus B; Lipsiensis, Victorianus* и нѣкоторыхъ друг. Критическія знаки рукописи *Venetus A* онъ опустилъ. Этотъ почтенный трудъ до сихъ поръ служитъ основаніемъ нашихъ работъ по Гомеру, хотя и не вполне удовлетворяетъ нѣкоторымъ требованіямъ критики. Къ второстепеннымъ схоліямъ существуютъ теперь нѣкоторыя дополненія; *Scholia Lipsiensia* изданы были особо Бахмановъ, 1835 — 1838 г. Но болѣе всего мы пуждаемся въ новомъ сличеніи с. *Venetus A*. Извѣстно, что коллація сдѣлана уже 30 лѣтъ тому назадъ голландскимъ филологомъ Кобегомъ (*Cobet*), но до сихъ поръ онъ еще не выдалъ этой работы,

да и врядъ ли издастъ ее когда-нибудь. Въ 1847 году появилось маленькое сочиненіе голландскаго ученаго Плујгера подъ заглавіемъ: *De carminum Homericorum veterumque in ea scholiorum retractanda editio*; опираясь на Робетскую коллацию, онъ подвергаетъ Беккеровское изданіе основательной критикѣ и старается доказать необходимость новаго изданія. Ту же самую дѣль преслѣдуетъ и Ла-Рошъ въ сочиненіи „Текстъ, знаки и сколіи знаменитой венеціанской рукописи Иліады“ (*La Roche, Text, Zeichen und Scholien des berühmten codex Venetus zur Ilias*), въ Висбаденѣ 1862 года. Ла-Рошъ, бывшій нѣсколько лѣтъ учителемъ въ Триестѣ, самъ видѣлъ эту рукопись и могъ сличить часть ея, особенно гомеровскій текстъ и знаки. Онъ ясно доказываетъ, какъ необходимо новое изданіе, поэтому мы и позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на его сочиненіи. Въ началѣ онъ дѣлаетъ точное описаніе самой рукописи, составляющей, не только по своимъ сколіямъ, но и по тексту Иліады, одинъ изъ самыхъ важныхъ памятниковъ въ гомеровской литературѣ; затѣмъ онъ говоритъ о всѣхъ особенностяхъ текста, относительно акцентуаціи, раздѣленія слоговъ, придыханія и т. п.; для насъ особенно важны параграфы 6-й и 7-й, гдѣ говорится о критическихъ знакахъ и о сколіяхъ. Ла-Рошъ уже на 1-й стр. замѣчаетъ, что слѣдуетъ отличать два главныхъ рода сколій: одиѣ изъ нихъ помѣщены на поляхъ и содержатъ замѣчанія Геродіана и Никанора; между ними и самимъ текстомъ остается еще промежутокъ, шириною въ дюймъ; здѣсь помѣщены болѣе краткія, но зато въ высшей степени важныя примѣчанія, принадлежащія преимущественно Аристоніку и Дидиму. Этотъ фактъ очень важенъ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи сколій. Мерсъ полагалъ, что немного лѣтъ спустя послѣ смерти Геродіана выписки были сдѣланы изъ четырехъ выше названныхъ сочиненій, и что этимъ сборникомъ пользовался составитель венеціанскаго кодекса, писаннаго въ X или XI вѣкѣ. Ла-Рошъ въ своей книгѣ „О критикѣ гомеровскаго текста въ древности“ (*Ueber die homerische Textkritik im Alterthum*) высказалъ на стр. 122-й иное мнѣніе: еслибы, говоритъ онъ, составитель венеціанской рукописи пользовался готовымъ сборникомъ всѣхъ сколій, то было бы непонятно ихъ дѣленіе въ рукописи; должно быть, онъ сначала помѣстилъ на поляхъ выписанныя имъ изъ Геродіана и Никанора примѣчанія, а потомъ уже вносилъ въ оставшіяся промежутки сколіи Аристоника и Дидима. Такимъ образомъ, Ла-Рошъ полагаетъ, что писецъ имѣлъ предъ собою или самаго сочиненія четырехъ ученыхъ Александрійцевъ, въ ихъ перво-

начальномъ, или же только въ мало сокращенномъ видѣ. Изъ этого ясно, какъ важно для рѣшенія нашего вопроса имѣть такое новое изданіе, гдѣ бы отдѣльными сколіи не были переиѣшаны, какъ въ изданіи Беккера. Кроме того, у Беккера много произвольнаго, такъ напримѣръ, онъ часто соединяетъ въ одно два различныхъ примѣчанія, принадлежація различнымъ авторамъ, иногда также вставляетъ частицы καί и δέ для полнѣйшаго возстановленія единства. Очевидно, что подобныхъ недостатковъ слѣдуетъ избѣгать въ новомъ изданіи, ибо здѣсь все зависитъ отъ совершенно точной передачи словъ рукописи. Смѣшаніе всѣхъ сколій очень затрудняетъ работу, для которой необходимо дѣленіе сколій по ихъ авторамъ. Отъ Ла-Роша, кроме того, мы узнаемъ еще, что Беккеръ даже совсѣмъ опустилъ много довольно важныхъ сколій. Наконецъ, на стр. 31—71, у Ла-Роша мы находимъ какъ подробный перечень разночтеній самаго гомеровскаго текста, такъ и перечень критическихъ знаковъ, которые у Виллуазона отпечатаны невѣрно.

Наконецъ, профессоръ Ваксмуть (*Vachsmuth*) (находящійся въ настоящее время въ Геттингенскомъ университетѣ) сдѣлалъ, въ XVIII томѣ журнала *Rheinisches Museum*, на стр. 178 и слѣд., нѣкоторыя важныя замѣчанія, знакомяція насъ съ означенною рукописью. Конечно, и онъ подтверждаетъ необходимость новаго изданія. Особо важно у него тотъ отдѣлъ, гдѣ говорится о знакахъ въ *codex Venetus*, не принадлежащихъ къ Аристарховскимъ знакамъ, которые должны быть тщательно отличаемы отъ нихъ. Такихъ знаковъ много; они встрѣчаются во всей рукописи и оказываются писанными другимъ почеркомъ и другими чернилами, притомъ же они часто помѣщаются въ концѣ стиха, между тѣмъ какъ Аристарховскіе знаки стоятъ всегда въ началѣ. Ни Шлуйгерсъ, ни Ла-Рошъ не обратили должнаго вниманія на это очень важное обстоятельство. Второй переписчикъ сравнивалъ еще и другія рукописи и отмѣчалъ на поляхъ ихъ разночтенія. Хотя эти послѣднія и не имѣютъ ничего общаго съ древними Александрійскими сколіями, однако, Беккеръ во многихъ мѣстахъ помѣстилъ ихъ туда же. Вообще, если кто-либо сочтетъ необходимымъ печатать эту мудрость XI вѣка, то нужно будетъ строго отдѣлять ее отъ постоянныхъ сколій. Изъ сказаннаго достаточно ясно, сколь необходима новая разработка этого главнѣйшаго источника Александрійской филологіи, и поэтому насъ извиняетъ за то, что мы такъ долго на немъ останавливались. Кажется, нѣтъ ни одного частнаго человѣка, который бы пожелалъ взяться за

это дѣло, дѣйствительно сопряженное съ нѣкоторыми, довольно значительными, трудностями. Такъ какъ рукопись едва ли можетъ быть выслана изъ Италіи, то приходится дѣлать сличенія въ Венеціи. По-этому-то всякая академія и всякое правительство могли бы заслужить искреннюю благодарность ученыхъ, еслибы приняли за это дѣло и изготовили бы новое изданіе этого въ высшей степени важнаго памятника — изданіе, вполнѣ точное и соответствующее всѣмъ требованіямъ новѣйшей критики.

Скажемъ нѣсколько словъ и о схолияхъ къ Одиссеѣ. И для нихъ источникомъ являются тѣ же четыре сочиненія Аристоппика, Дидима, Геродіана и Никанора; по къ сожалѣнію, они дошли до насъ въ столь жалкомъ видѣ, что даже самыя лучшія рукописи далеко не могутъ сравниться съ *codex Venetus Iliadis*. Лучшею рукописью считается *codex Harlejanus*; затѣмъ, для первыхъ 4-хъ книгъ *codex Marcianus*, наконецъ, еще нѣкоторые *codices Ambrosiani, Vindobonenses* и др. Въ 1855 году появилось полное изданіе этихъ схолиій, приготовленное Диндорфомъ, по томе не удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ, такъ какъ въ немъ не собранъ весь матеріалъ и не приведенъ въ надлежащій порядокъ. Поэтому и здѣсь всѣми признается необходимость новаго изданія. Мы, однакожъ, повторяемъ, что новое изданіе схолиій Илиады несравненно хуже; что же касается схолиій къ Одиссеѣ, то Карантъ, вѣнскій ученый, лучше всѣхъ показалъ, сколько предстоитъ работы и на этомъ поприщѣ. Смотри его статью „О рукописныхъ схолияхъ къ Одиссеѣ“ (*Ueber die Handschriften der Odysseescholien*) въ Отчетахъ засѣданій Вѣнской академіи (*Sitzungsberichte der Wiener Akademie*) 1857 года, въ XXII томѣ.

Отъ этихъ схолиій перейдемъ теперь къ выше названному сочиненію, составляющимъ какъ бы центръ ихъ и придающимъ имъ особенное значеніе. Двое изъ упомянутыхъ четырехъ ученыхъ жили предъ самымъ началомъ нашей эры, а два остальныхъ — во второмъ столѣтіи послѣ Рождества Христова, такъ что всѣ они относятся къ тому періоду, когда еще было живо преданіе классическихъ временъ между Александрійскими учеными; а такъ какъ они еще располагали значительнымъ литературнымъ матеріаломъ, котораго уже не имѣли позднѣйшіе ученые, то изъ нихъ можемъ почерпнуть и вѣрнѣйшія свѣдѣнія о трудахъ ихъ великихъ предшественниковъ, преимущественно же Аристарха и его учениковъ. Кромѣ того, они не ограничиваются одною лишь передачею взглядовъ и мнѣній Аристарха и его послѣдователей, но даютъ намъ возможность даже заглядывать

въ ту полемику, которая велась между послѣдователями Аристарха, съ одной, и ихъ противниками—съ другой стороны, и мы, слѣдовательно, получаемъ довольно вѣрное понятіе о литературной жизни того времени. Мы уже выше замѣтили, что въ большинствѣ случаевъ по формѣ и содержанию известной схолии можно заключить о томъ, которому изъ четырехъ авторовъ она принадлежитъ; къ этому въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще прямо присоединяется и имя автора. Когда явилась потребность возстановить въ первоначальной, по возможности, формѣ сочиненія указанныхъ четырехъ авторовъ, которыми пользовался или самъ нашъ схолиастъ, или же тотъ, кто первый редактировалъ эти схолии, когда однимъ словомъ понадобилось отдѣльное изданіе фрагментовъ, Лерсъ, указавшій въ своемъ „Аристархѣ“ приемы, которыми слѣдуетъ при этомъ руководиться, самъ началъ издавать этихъ авторовъ отдѣльно. Въ 1848 году появилась его книга: *Herodiani scripta tria emendatiore*, гдѣ, на стр. 193-й и слѣд., было вполне приведено, на сколько оно сохранилось въ схолиахъ, сочиненіе Геродіана о просодіи въ Иліадѣ. Подъ просодіею древніе грамматики понимали не то, что мы теперь называемъ этимъ именемъ, а науку объ удареніяхъ, придыханіяхъ и долготѣ слоговъ. Сочиненіе Геродіана преимущественно посвящено акцентуаціи словъ, встрѣчающихся въ Иліадѣ; о прочемъ читатель найдетъ ниже, гдѣ будетъ рѣчь о Геродіанѣ. Соответствующее сочиненіе Геродіана объ Одиссѣй издано Ленцомъ (Lentz) въ его полномъ изданіи Геродіана, гдѣ вновь помѣщена и его *prosodia Niaca*. Въ 1850 году ученикъ Лерса, Фридлиндеръ (Fliedländer) издалъ: *Nicanoris peri 'Iliadης στίχης reliquiae emendatiore*, Regim. 1850; во введеніи подробно и основательно разсматривается все ученіе Никанора объ интерпункціи. Мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что Никаноръ писалъ подобное сочиненіе и объ Одиссѣй, по въ схолиахъ къ Одиссѣй, по крайней мѣрѣ въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ихъ въ настоящее время, нѣтъ и слѣдовъ ничего подобнаго и даже не упоминается самое имя Никанора. Оба, Геродіанъ и Никаноръ, жили во второмъ столѣтіи послѣ Р. Хр., и оба они основывались на работахъ своихъ предшественниковъ; однако, по сущности дѣла система ихъ оказывается не заимствованною, а собственною ихъ системою. Совершенно иное мы находимъ въ сочиненіяхъ Аристоника и Дидима. Сообразно плану своихъ сочиненій, они должны были знакомить насъ преимущественно съ Аристархомъ; впрочемъ, Аристикъ, котораго Страбонъ прямо называетъ своимъ современникомъ, писалъ и самостоятельныя сочиненія о Го-

мерѣ, но въ дошедшемъ до насъ сочиненіи онъ ограничивается одною лишь передачею мѣтвъ Аристарха, который отмѣчалъ въ изданіи Гомера отдѣльными стихи своими знаменитыми знаками: обелами, астерисками и др. *Обела* (ὀβελός) ставитъ онъ у тѣхъ стиховъ, которые, по какой нибудь причинѣ, считалъ онъ не настоящими гомеровскими. Если одинъ и тотъ же стихъ казался ему въ одномъ мѣстѣ настоящимъ, а въ другомъ вставленнымъ въ послѣдствіи, то первый онъ отмѣчалъ астерискомъ, а второй астерискомъ и обеломъ. Если одна мысль была выражена двоякимъ образомъ и нельзя было рѣшить, которое изъ этихъ выраженій настоящее и которое поддѣльное, то въ одномъ мѣстѣ онъ ставилъ *антисимию*, а въ другомъ *стихию*. У всѣхъ стиховъ, гдѣ расходился онъ съ Зенодотомъ, онъ ставилъ *диплу* съ двумя точками. Но важнѣйшій знакъ былъ *диплерика*, которую онъ ставилъ у всѣхъ стиховъ, казавшихся ему особенно важными; напримѣръ, если въ нихъ встрѣчались слова, которые были невѣрно объяснены глоссографами, или если эти стихи, ошибочнымъ образомъ, служили у хоризонтовъ доказательствомъ того, что *Иліада* и *Одиссея* суть произведенія различныхъ авторовъ, или если съ этими стихами связывались важные антикварныя, миеологическія или грамматическія вопросы и т. под. Въ своемъ изданіи Аристархъ не объяснялъ этихъ знаковъ, а помѣстилъ объясненіе ихъ и основаніе своихъ взглядовъ въ комментаріяхъ и другихъ статьяхъ, которыя, во время Аристоника, вѣроятно уже были рѣдки и такъ какъ въ сочиненіяхъ послѣдователей Аристарха прибавилось еще много новаго и такъ какъ, наконецъ, самъ Аристархъ, можетъ быть, не достаточно ясно высказался на счетъ нѣкоторыхъ вопросовъ, то Аристоникъ и написалъ сочиненіе, въ которомъ старался объяснить подробно Аристарховы знаки. Тутъ предъ нами раскрывается все богатство учености Аристарха. Мы удивляемся тонкому его пониманію гомеровскаго языка, основательному знакомству съ гомеровскими реалиями, съ древнѣйшею философіею и миеологіею. По этому-то мы и должны считать величайшимъ счастьемъ для себя тотъ фактъ, что до насъ дошла такая богатая сокровищница любопытныхъ свѣдѣній. Но за большую часть всего того, что дошло до насъ отъ Аристарха, мы обязаны замѣчательному прилежанію Аристоника, употребившаго всѣ средства и всѣ существовавшіе тогда матеріалы, чтобы только возстановить ученію Аристарха. Прежде самъ Мерсъ намѣревался собрать всѣ отрывки и издать сочиненіе Аристоника, но потомъ передалъ весь собранный имъ матеріалъ Фридендеру, который и окон-

чимъ предпринятое Лерсомъ изданіе. Въ 1853 году появилось сочиненіе: *Aristonicis perі σφημάτων Ἰλιάδος reliquiae emendatiores*, Gottin-
gae. Это сочиненіе вызвало довольно оживленную полемику между Фридендорфомъ и хорошимъ знатокомъ Гомера Зенгебушемъ, утверждавшимъ, что если уже вообще издавать Аристоника, то слѣдовало бы собрать весь матеріалъ, который съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можно отнести къ нему, а изданіе лишь одного того, что мы находимъ въ текстѣ схолій, есть трудъ вовсе безполезный. На это Фридендоръ возражалъ, что подобное многотомное изданіе Аристоника, пожалуй, было бы дѣломъ очень полезнымъ, но что въ такомъ случаѣ мы уже имѣли бы предъ собою не сочиненіе самого Аристоника, а смѣсь различныхъ примѣчаній, принадлежность которыхъ Аристонику была бы въ высшей степени сомнительна, между тѣмъ какъ онъ и Лерсъ болѣе всего старались о томъ, чтобы точно устранить все, могущее казаться сомнительнымъ.

И въ схоліяхъ въ Одиссеѣ мы находимъ слѣды работъ Аристоника. Зенгебушъ въ 1855 году началъ отдѣльное изданіе этихъ остатковъ въ своей программѣ *Aristonicis*. Здѣсь онъ разсматривалъ только нѣкоторые стихи, такъ какъ онъ имѣлъ намѣреніе дать только образчикъ того, какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ исполнить подобную задачу. Это небольшое сочиненіе вызвало, съ одной стороны, полное одобреніе, а съ другой сильныя возраженія. Дѣйствительно, какъ бы ни были остроумны соображенія Зенгебуша, все таки слѣдуетъ признаться, что въ его изданіи мы имѣемъ предъ собою не сочиненіе самого Аристоника, что много тутъ и такого, что, пожалуй, могъ написать Аристикъ, но дѣйствительно ли онъ это написалъ — неизвѣстно. Недавно этотъ трудъ былъ оконченъ, по истоду Лерса, молодымъ Кенигсбергскимъ ученимъ Карпутомъ въ сочиненіи *Aristonicis perі σφημάτων Ὀδυσσεϊας reliquiae*. Lipsiae, 1870. Въ этотъ основательный трудъ внесено только то, что съ величайшимъ вѣроятіемъ можно приписать самому Аристонику. Такимъ образомъ, теперь мы имѣемъ предъ собою всего Аристоника, на сколько можно было возстановить его нашими теперешними средствами.

Четвертый авторъ нашихъ схолій, Дидимъ, прозванный *χαλκέντερος*, писалъ очень много и отличался замѣчательнымъ прилежаніемъ. О литературной дѣятельности и значеніи его для нашихъ источниковъ говорить подробно и основательно Шмидтъ въ своей книгѣ: *Didymi Chalcenteri gramatici Alexandrini fragmenta*, Lipsiae, 1854. Многочисленныя сочиненія Дидима можно раздѣлять на четыре клас-

са: лексикографическія, критико-эзегетическія, грамматическія и наконецъ антикварнаго содержанія; обладалъ онъ громадною ученостью, собралъ, редактировалъ и, такъ сказать, кодифицировалъ всѣ труды своихъ предшественниковъ. Такимъ образомъ, комментаріи его служатъ древнѣйшимъ и самымъ лучшимъ источникомъ для важнѣйшихъ сборниковъ схолий, преимущественно же къ Аристофану, Пиндару и Гомеру; равнымъ образомъ, его лексикальные труды составляютъ драгоценнѣйшую часть дошедшихъ до насъ словарей. По важнѣйшее его сочиненіе, преимущественно насъ интересующее, была книга его объ *Аристарховомъ изданіи Гомера*. Значеніе этой книги впервые ясно понялъ и окончательно выяснилъ Лерсъ въ своемъ Аристархѣ, стр. 18 и слѣд. Аристархово изданіе Гомера считалось во всей древности образцовымъ и каноническимъ, но не смотря на все это, неудивительно, если черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти рецензіи его на Гомера были уже не очень извѣстны. Оригиналъ его врядъ ли могъ такъ долго сохраняться, поэтому съ его текстомъ можно было ознакомиться только по рукописямъ, списаннымъ съ его изданія и съ прочихъ сочиненій Аристарха и его учениковъ, хотя во многихъ отношеніяхъ эти источники и расходились. Кромѣ того, Аристархъ, издававшій Гомера два раза, часто во второмъ изданіи опровергалъ чтеніе, припавшее имъ въ первомъ; да и послѣ втораго своего изданія, вѣроятно, онъ измѣнилъ свое мнѣніе относительно ипожества частностей, на чтѣ указывали сочиненія его учениковъ. Имѣя все это въ виду, Дидимъ рѣшился, пользуясь всѣми существовавшими средствами возстановить изданіе Аристарха, подобно тому, какъ Аристархъ пытался возстановить текстъ Гомера. Появилось критическое изданіе, но не Гомера, а Аристарха. Многочисленные и довольно значительные отрывки изъ этого важнаго сочиненія дошли до насъ въ нашихъ схоліяхъ. Это и есть главнѣйшій источникъ нашего знакомства съ Аристарховымъ изданіемъ Гомера, какъ Аристоксъ есть главный источникъ для знакомства съ трудами Аристарха въ области грамматики, эзегези, древностей и т. под. Конечно, въ обоихъ сочиненіяхъ ипогда говорилось объ одномъ и томъ же, поэтому наши схолиасты ипогда прямо замѣчаютъ, что такъ какъ Дидимъ и Аристоксъ относительно извѣстнаго вопроса высказываютъ одинаковое мнѣніе, то онъ ограничивается приведеніемъ словъ послѣдняго. Тѣмъ не менѣе оба сочиненія были вполне независимы одно отъ другаго и появились самостоятельно. Естественно, что рано или поздно, а придется соединить вмѣстѣ все то, что дошло до насъ отъ Дидима, ка-

ковая задача еще не была исполнена удовлетворительнымъ образомъ. Правда, Шнидтъ, въ вышеуказанномъ сочиненіи о Дидимѣ, собралъ кое-что изъ схолій къ Гомеру, но это далеко не все, что можно отнести къ Дидиму. Онъ самъ сознается, что эта часть его сочиненія слабѣ прочихъ и дѣйствительно она подвергалась сильнымъ нападеніямъ. Нѣкоторыя дополненія представлены у Ля-Рома: *Didymus und die Aristarchische Recension der homerischen Gedichte* (Дидимъ и Аристархово изданіе гомеровскихъ пѣсень), въ Триестѣ, 1867 года. Фрагменты первой раскопки Илиады обработалъ и издалъ Лудвигъ (Arthur Ludwig) въ двухъ Кенигсбергскихъ программахъ, 1866 г. III и 1868 г. I.

Этиятъ мы закончили нашъ обзоръ главнѣйшихъ источниковъ, знакомящихъ насъ съ Александрійскою филологіею. Конечно, это не единственные источники, потому что и въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ находится еще многія подробности, пополняющія наши свѣдѣнія. Но всѣ главныя черты картины мы находимъ въ схоліяхъ къ Гомеру и, такимъ образомъ, всего больше мы обязаны вышеназваннымъ четыремъ авторамъ ихъ. При помощи указанныхъ источниковъ представлялась возможность составить довольно вѣрное понятіе о развитіи Александрійской филологіи. Правда, мы не имѣемъ еще обширнаго сочиненія, гдѣ бы весь матеріалъ былъ обработанъ въ одно цѣлое, но за то у насъ существуютъ очень основательныя и заслуживающія полной благодарности отдѣльные труды, на основаніи которыхъ мы можемъ идти дальше. Я укажу здѣсь на два сочиненія, заслуживающія особеннаго вниманія. Первое изъ нихъ — *Maximiliani Sengebusch, Homerica dissertatio prior*, отпечатанное въ началѣ *Dindorfова* изданія текста Илиады, напримѣръ, въ изданіи 1870 г., на стр. 3—214. Это маленькое, но весьма основательное сочиненіе въ высшей степени важно для всякаго, желающаго познакомиться съ греческими грамматиками и съ гомеровскою критикою, и мы не знаемъ никакого другаго сочиненія, которое бы столь же удачно познакомило начинающихъ съ этою отраслью филологіи. Тутъ, въ сжатомъ видѣ, представлены результаты многихъ отдѣльныхъ изслѣдованій, пополненные собственными выводами ученаго автора. Поэтому означенная книга всегда будетъ драгоценнымъ пособіемъ; особенно мы обращаемъ вниманіе читателей на тотъ отдѣлъ, гдѣ представленъ краткій обзоръ грамматиковъ, занимавшихся Гомеромъ, стр. 21—66, къ чему слѣдуетъ прибавить еще отдѣлъ на стр. 185 и слѣд., гдѣ говорится о древнѣйшихъ обработкахъ Гомера и гдѣ помѣщено кое-что и объ Аристархѣ.

Второе сочинение: *La-Roche, Die homerische Textkritik im Alterthum* (Критика гомеровскаго текста въ древности), въ Лейпцигѣ, 1866 г. Эта книга состоитъ изъ двухъ существенно различныхъ частей. Начиная со страницы 175-й, авторъ изъ сколій, грамматиковъ и лексикографовъ составляетъ матеріалъ для цѣлаго ряда вопросовъ, очень важныхъ для критики гомеровскаго текста. Работа эта, устраняя необходимость лишнихъ справокъ, была бы очень полезна, если бы была полна, чего, къ сожалѣнію, нельзя о ней сказать, такъ что желающій основательно повнакомиться съ этими вопросами никакъ не можетъ довольствоваться книгою Ла-Роша. Первая часть служитъ какъ бы введеніемъ ко второй. Здѣсь, въ 9 главахъ, представляется краткій обзоръ изслѣдованій о Гомерѣ въ древности: 1) періодъ отъ Пиндистрата до Зенодота, 2) отъ Зенодота до Геродиана, 3) сколіи и комментарий Евстація. Итакъ, въ иной формѣ мы находимъ здѣсь разработку того же матеріала, какой находится и въ указанномъ отдѣлѣ у Зенгебуша. Но Ла-Рошъ на многихъ вопросахъ останавливается съ большею обстоятельностью и дѣлаетъ болѣе пространныя изслѣдованія. Хотя большаго самостоятельнаго труда у Ла-Роша мы и не находимъ, тѣмъ не менѣе для ориентировки эта книга очень полезна; впрочемъ, вездѣ ее слѣдуетъ слѣдить съ сочиненіемъ Зенгебуша, такъ какъ Ла-Рошъ иногда довольно поверхностно относится къ дѣлу. Объ этомъ говорилъ подробно Артуръ Лудвигъ въ своей критикѣ сочиненія Ла-Роша, помѣщенной въ журналѣ *Fleckeisen's Jahrbücher für Philologie* 1867 г., стр. 81 и слѣд. Наконецъ, довольно много матеріала, особенно для нѣкоторыхъ второстепенныхъ грамматиковъ, находится и въ слѣдующей диссертаци: *Beccard, De scholiis in Homeri Nisadem Venetis*, въ Берлигѣ, 1850 г.

Теперь обратимся къ древнимъ грамматикамъ, на которыхъ указываютъ намъ сколіи. Первымъ, въ ряду Александрійскихъ ученыхъ, является *Зенодотъ Эфесскій*, завѣдывавшій въ III вѣкѣ до Р. Хр. Александрійскою бібліотекою. Онъ приготовилъ первое критическое изданіе гомеровскихъ пѣсней и сдѣлался такимъ образомъ основателемъ филологической критики. Прежде всего о немъ писалъ *Плуицъ*: *De Zenodoti carminum Homericorum editione*, Lugduni Bat. 1842, ватѣмъ *Дюнцъ*: *de Zenodoti studiis Homericis*, Gottingae, 1848, и это послѣднее сочиненіе вызвало сильную полемику. Такъ какъ мы знаемъ Зенодота только изъ сочиненій послѣдователей Аристарха, то естественно, что о немъ упоминается лишь тамъ, гдѣ онъ находится въ разномгласіи съ Аристархомъ; а въ прочихъ случаяхъ имя его

умалчивается. Изъ этихъ критическихъ замѣчаній мы почерпнемъ не слишкомъ лестное понятіе о критической дѣятельности его; намъ онь кажется слишкомъ смѣлымъ и иногда поступающимъ слишкомъ произвольно. Впрочемъ, наши понятія о немъ, вѣроятно, существенно измѣнились бы, если бы мы знали о немъ больше. Къ тому же Зенодотъ приготовилъ только изданіе гомеровскаго текста и не писалъ никакихъ комментаріевъ, такъ что и древніе недостаточно были знакомы съ его взглядами. На основаніи этихъ соображеній, Дюнцеръ старался защитить Зенодота отъ чрезмѣрныхъ нападеній. Противъ этого направлено первое произведеніе *Риббека*: *Zenodotatum quæstionum specimen*, I Berol. 1852, и его же статьи въ журналѣ *Philologus* VIII, стр. 652 и IX, стр. 32. Дюнцеръ возражалъ очень раздраженнымъ тономъ, тамъ же, IX, стр. 311. Повидимому, оба увлеклись въ силу спора слишкомъ много. Въ новѣйшее время установилось, кажется, болѣе объективное и болѣе справедливое мнѣніе о заслугахъ и недостаткахъ Зенодота. Конечно, у него былъ значительный недостатокъ строгой критики позднѣйшихъ временъ, но, спрашивается, какое же искусство — критика въѣдъ тоже искусство, — явилось съ самаго начала въ полномъ своемъ совершенствѣ? Какъ бы часто онь ни ошибался, все-таки его должно считать основателемъ критики и въ этомъ отношеніи всѣ позднѣйшіе оспиваются на немъ. Даже самъ Аристархъ положилъ въ основаніе своего изданія изданіе Зенодота и считалъ не лишнимъ отмѣнить всѣ мѣста, гдѣ онь съ нимъ расходился, и во многихъ частностяхъ мы и до сихъ поръ признаемъ въ немъ тонкій тактъ и вѣрное сужденіе. Замѣтимъ еще, что онь первый ввелъ въ употребленіе знакъ обела.

Подобно тому, какъ Зенодотъ является основателемъ критики, такъ *Каллимахъ Киренскій* (изъ города Корѳу) основалъ — своимъ знаменитымъ каталогомъ, *πίνακες* — исторію литературы. Но такъ какъ его многосторонняя дѣятельность, послужившая въ позднѣйшее время предметомъ многихъ ученыхъ изслѣдованій, принадлежитъ болѣею частью не къ критико-эзегетической филологіи, то о немъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. По той же причинѣ мы обойдемъ здѣсь и знаменитаго ученика его *Аристофана Византійскаго*. Обширная филологическая дѣятельность этого замѣчательнаго мужа представлена во всей ея важности въ превосходной статьѣ *Нанка*: *Aristophanis Byzantii grammatici Alexandrini fragmenta collegit et disposuit A. Nauck*. Halis, 1848. Аристофанъ является здѣсь удивительно

многостороннимъ и ученымъ филологомъ: онъ занимался цѣлымъ рядомъ греческихъ поэтовъ, особенно Гомеромъ, лириками и драматиками. Особенно замѣчательнъ его обширный глоссарій, въ которомъ было собрано множество словъ, раздѣленныхъ по своему значенію на категоріи, напримѣръ, на слова, означающія различные возрасты, степени родства, бранныя слова, объ аттическихъ и лаконическихъ глоссахъ и т. п. Къ этому сочиненію въ послѣднее время присоединились въ высшей степени важныя дополненія, именно: *E. Miller*, *Mélanges de littérature grecque*, о которыхъ подробный отчетъ представилъ г. Нанкъ въ *Mélanges Gréco-Romains*, tome III, 1. Кромѣ того, Аристофанъ продолжалъ труды Каллимаха по исторіи литературы, писалъ о каталогѣ Каллимаха и занимался исторіею сценической литературы, такъ что лучшія части въ *Hypotheses* принадлежать ему; затѣмъ, онъ написалъ еще цѣлый рядъ отдѣльныхъ сочиненій о разныхъ интересныхъ предметахъ, изъ которыхъ дошли до насъ немногіе отрывки. Естественно, что въ виду такой обширной дѣятельности его, въ послѣдніе 25 лѣтъ пришлось узнать о немъ еще не мало новаго, въ чемъ охотно признается и ученый авторъ вышеуказанной монографіи, помѣщенной въ *Mélanges Gréco-Romains*, III, 1, стр. 174. Особенно слѣдуетъ указать на сочиненіе: *Schneidewin*, *De hypothesis tragœdiarum graecarum Aristophani Byzantio vindicandis*, въ Геттингенѣ 1854 г., и на статью Кирхгоффа въ *Zeitschrift für Gymnasialwesen* 1853 г. въ дополнительномъ томѣ, стр. 46 и слѣд. Хотя Аристофанъ и не можетъ считаться изобрѣтателемъ удареній, какъ это утверждали раньше, тѣмъ не менѣе онъ подвинулъ ученіе объ удареніяхъ значительно впередъ; см. *Lenti*, *Heródiar*, I, стр. 37.

Аристофанъ, какъ критикъ Гомера, занимаетъ средину между Зенодотомъ и Аристархомъ, отчего и происходитъ, что мы только сравнительно немногое знаемъ объ его изданіи Гомера. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ соглашается съ Зенодотомъ, или же Аристархъ съ нимъ, имя его большею частью не упоминается. Во всякомъ случаѣ онъ былъ осторожнѣе Зенодота. Такъ, напримѣръ, многіе стихи онъ только отмѣчалъ обеломъ, тогда какъ Зенодотъ ихъ совсѣмъ выбрасывалъ. Зенодотъ употреблялъ только одинъ критическій знакъ, именно обелъ, а Аристофанъ уже имѣлъ нѣсколько знаменъ, которые заимствовалъ отъ него и Аристархъ, хотя и пользовался ими иначе. Во многихъ отношеніяхъ мы знаемъ его только чрезъ его ученика *Каллистрата*, о которомъ написана хорошая статья Р. Шмидта, отпечатанную г. Нанкомъ въ концѣ его Аристофана.

Равнымъ образомъ для насъ не лишень значенія грамматики и поэты *Аполлоній Родосскій*, который въ своихъ *Argonautica* подражалъ Гомеру. Интересно изслѣдованіе Меркеля въ *Prolegomena* къ его изданію Аполлонія 1854 года. Мы видимъ здѣсь, что Аполлоній, исходя первоначально отъ Зенодота, придерживался въ послѣдствіи Аристофана и, наконецъ, Аристарха. Такъ какъ онъ всю жизнь работалъ надъ своимъ ученымъ эпосомъ, то здѣсь мы можемъ прослѣдить постепенный ходъ его занятій Гомеромъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучительно употребленіе Аполлоніемъ нѣкоторыхъ трудныхъ гомеровскихъ выраженій, причемъ мы въ большинствѣ случаевъ можемъ узнать, какому авторитету онъ слѣдовалъ. Дошедшія заглавія нѣкоторыхъ его сочиненій свидѣтельствуютъ, что Аполлоній работалъ и на другихъ поприщахъ.

Но всѣхъ своихъ предшественниковъ и послѣдователей превосходить *Аристархъ Самоеракійскій*, ученикъ Аристофана и основатель школы, имѣвшей много послѣдователей. Относительно его главныхъ сочиненій, вѣроятно, еще на долго останется руководствомъ трудъ Лерса: *De Aristarchi studiis Homericis*, вышедшее сперва въ 1833 году, а во второмъ изданіи въ 1866 году. Въ этомъ образцовомъ сочиненіи Лерсъ полагалъ прочное основаніе не только для знакомства съ Аристархомъ, но и для всѣхъ прочихъ трудовъ въ области Александрійской филологіи. Онъ сперва въ систематическомъ порядкѣ рассматриваетъ источники, знакомяще насъ съ Аристархомъ; затѣмъ, труды Аристарха по Гомеру въ лексикальномъ, антикварномъ, грамматическомъ и критическомъ отношеніяхъ. Вездѣ онъ прокладываетъ новые пути и рѣшаетъ много вопросовъ окончательно. Богатыя дополненія мы находимъ въ его *Quaestiones epicae* 1837 года. Аристархъ, жившій во II вѣкѣ до Р. X. въ Александріи и завѣдывавшій долгое время Александрійскою бібліотекою, распространилъ свои занятія на весь кругъ древнѣйшей греческой поэзіи, но преимущественно онъ занимался Гомеромъ. Относительно этой послѣдней его дѣятельности мы уже выше имѣли случай сказать кое-что, такъ что здѣсь можемъ ограничиться только слѣдующимъ. Сочиненія его раздѣляются на три разряда: изданія, комментаріи и изслѣдованія; этими послѣдними древніе болѣе дорожили, чѣмъ его комментаріями, какъ мы это видимъ изъ Дидима относительно Гомера. Зенгебушъ высказалъ остроумную догадку, что комментаріи Аристарха относились, вѣроятно, исключительно къ его первому изданію Гомера, а его гомеровскія изслѣдованія ко второму; въ такомъ случаѣ была бы понятна особенная важ-

ность послѣднихъ. Конечно, въ вышеназванныхъ нами сочиненіяхъ о схолахъ и ихъ авторахъ находится много важнаго матеріала и для пониманія Аристарха. Всего мы здѣсь перечислить не можемъ, а потому удовольствуемся указаніемъ еще на слѣдующіе труды. (Особенно замѣчательны Аристархо-Гомеровскіе эскурсы М. Шмидта, помѣщенные въ *Philologus* IX, стр. 426 и слѣд., и 752 и слѣд. и продолженіе ихъ въ журналѣ *Fleckeisen's Jahrbücher* 71, стр. 120; затѣмъ: *Schwidorp*, *De versibus, quos Aristarchus in Homeri Iliade obelo signavit*, въ Кенигсбергѣ 1862 года; *Philippi*, *Quaestionum Aristarchearum specimen I*, въ Геттингенѣ 1865 года. Что касается дѣятельности Аристарха, которой такъ много удивлялись древніе, то дѣйствительно слѣдуетъ сознаться, что многое въ немъ заслуживаетъ полнаго удивленія и въ наше время. Его основательное знакомство съ Гомеромъ, его изслѣдованія всѣхъ тончайшихъ особенностей языка и содержанія на всегда останутся образцовыми. Дѣло другое—его критическія работы. Тутъ ученые распадаются на двѣ крайне противоположныя партіи. Одни изъ нихъ, слѣдуя Мерсу, утверждаютъ, что онъ никогда не занимался конъектуральною критикою, то-есть, онъ только сравнивалъ весьма тщательно всѣ древнѣйшіе, доступные для него тексты и затѣмъ отдавалъ предпочтеніе той или другой рукописи, на основаніи своихъ соображеній, вытекавшихъ изъ его громадной учености; онъ не осмѣливался также дѣлать измѣненій, когда ни одна изъ рукописей не представляла удовлетворительнаго чтенія какого-либо стиха. Этого взгляда придерживается вся Кенигсбергская школа и много другихъ ученыхъ, для которыхъ волею достаточенъ авторитетъ Мерса. Съ другой стороны, ученые старались доказать, что Аристархъ былъ не такъ консервативенъ, какъ его изображаютъ; что онъ даже произвольно измѣнялъ текстъ въ пользу своей „аналогіи“. Это утверждалъ уже раньше Бутманъ, а въ новѣйшее время Ла-Рошъ, М. Шмидтъ, А. Нанкъ и др. Противъ нихъ выступили другіе ученые, старавшіеся доказать противное. Такъ, напримѣръ, противъ Шмидта Зенгебуицъ въ своей *Dissertatio Homerica*, стр. 199; противъ Ла-Роша Артуръ-Лудвигъ въ критикѣ его сочиненія „*Homerische Textkritik*“, помѣщенной въ *Fleckeisen's Jahrbücher* 1867 года, стр. 81, и затѣмъ въ своей второй программѣ о Дидимѣ, стр. 4. Конечно, мы не можемъ здѣсь вдаваться въ подробное разсмотрѣніе аргументовъ обѣихъ сторонъ; мы удовольствуемся только заявленіемъ нашего убѣжденія, что попытка оправдать Аристарха отъ упрека въ дѣланіи конъектуръ, до сихъ поръ, по нашему мнѣнію, не можетъ еще счи-

таться вполне удавшейся. Но это еще менее важная сторона вопроса, а гораздо важнее вопрос: считать ли рецензию Аристарха послѣднею нормою гомеровской критики, или идти дальше и возстановить по возможности древнѣйшую форму гомеровскихъ гѣсень? Противъ такъ называемой аристархоманіи извѣстныхъ школъ нѣкоторые ученые уже не разъ высказывались довольно рѣзко. Такъ, напримѣръ, уже Нѣуэкъ въ своемъ „Аристофанѣ“ говоритъ на стр. 56: *Non est perire paulum quam Aristarchum*. Беккеръ, въ своемъ второмъ изданіи Гомера, окончательно отказался отъ обожанія Аристарха и пошелъ, на основаніи своего удивительнаго знакомства съ Гомеромъ, своимъ собственнымъ путемъ. Преимущественно тѣ ученые, которые познакомились съ богатыми результатами сравнительной грамматики, съ величайшею увѣренностью утверждаютъ, что для насъ строй языка Гомера теперь несравненно яснѣе и прозрачнѣе, чѣмъ онъ могъ быть для Аристарха, что мы теперь понимаемъ множество такихъ формъ, которыхъ тогда не могли понимать и что многое теперь мы считаемъ положительно нелѣпымъ изъ того, что древними признавалось вѣрнымъ. Такъ, напримѣръ, мы теперь познакомились, благодаря Бенгли, съ существованіемъ дигаммы, которая имѣла огромное вліяніе на весь гомеровскій языкъ, въ то время какъ древніе и не подозрѣвали ея существованія. На множество подобныхъ вещей указали Лео-Мейеръ и др. Даже ученые классической филологіи охотно признали важность подобныхъ открытій, какъ напримѣръ, Нѣуэкъ въ *Mélanges Gréco-Rom.* Словомъ, выставлено множество аргументовъ, которые должны бы, кажется, убѣдить окончательно въ томъ, что пора уже бросить прежнее консервативное направленіе, такъ какъ слѣдное слѣдованіе за Аристархомъ было бы столь же нелѣпо, какъ и безусловное признаваніе авторитета Скалигера или Бенгли. Аристархъ для своего времени сдѣлалъ все, что только могъ сдѣлать гениальный человѣкъ, но признавать его непогрѣшимымъ — невозможно. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы на всякомъ шагѣ провѣрять его драгоценную работу, и затѣмъ, опираясь на до-александрійскія преданія и при помощи самостоятельнаго сужденія, возстановлять Гомера въ древнѣйшей, по возможности, формѣ (причемъ сказанное слѣдуетъ, конечно, понимать cum grano salis).

Для надлежащаго пониманія Аристарха необходимо, чтобы явилось раньше или позже полное собраніе его фрагментовъ. Лерсъ старался передать въ общихъ чертахъ методъ Аристарха и способъ его изслѣдованій, причемъ онъ не имѣлъ въ виду указывать на всѣ трудности

Аристарха въ ихъ полнотѣ; кромѣ того, онъ ограничился только гомеровскими занятіями Аристарха, въ то время, какъ мы знаемъ, что и на другихъ поприщахъ, напримѣръ, въ литературѣ объ Аристофанѣ, онъ проявилъ не мало дѣятельности. Въ этомъ отношеніи многое мы можемъ найти у Гергарда: *De Aristarcho Aristophanis interprete*, Воннъ, 1850 года. Изданіе полного собранія Аристарховыхъ фрагментовъ поставилъ себѣ задачей ученый знатокъ греческой грамматики М. Шмидтъ, и судя по многимъ указаніямъ, его трудъ, кажется, почти уже оконченъ; единственное препятствіе, задерживающее это изданіе, есть отсутствіе новаго сличенія сколій къ Иліадѣ въ *codex Venetus*, о чемъ мы уже говорили выше. Подобное полное изданіе Аристарха принесло бы большую пользу и для исторіи греческой литературы, гдѣ, напримѣръ, между прочимъ не опредѣлено еще и до сихъ поръ отношеніе Гесихія къ Аристарху. Гесихій въ одномъ письмѣ къ Евлогію говоритъ, что онъ пользовался чтеніемъ (Λέξις) Аристарха. Послѣдній издатель Гесихія высказалъ предположеніе, что изъ комментаріевъ Аристарха къ Гомеру, гдѣ было объяснено каждое слово Гомера, произошелъ въ послѣдствіи полный *index Homericus*, похожій на извѣстное сочиненіе Зебера: *Argus Homericus*, гдѣ каждое гомеровское слово приводилось, въ встрѣчающейся у него формѣ, въ алфавитномъ порядкѣ и вмѣстѣ съ объясненіями. Онъ полагаетъ, что Гесихій пользовался именно этимъ словаремъ, составленнымъ изъ комментаріевъ Аристарха. Сколь ни остроумна эта гипотеза, она все-таки не можетъ считаться доказанною, пока мы не знаемъ, на сколько она согласуется со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно объ Аристархѣ.

Однакожъ, чтобы познакомиться съ Аристархомъ воплнѣ и основательно, мы должны выслушать также и ожесточенныхъ его враговъ, представителей Пергамской школы. Антиподомъ Аристарха является *Кратесъ Маллосскій*, занимавшій въ Пергамѣ при дворѣ Атталовъ такое же мѣсто, какое занималъ Аристархъ въ Александріи. И здѣсь, точно также, какъ въ Египтѣ, князья, любители наукъ и искусства, покровительствовали ученымъ занятіямъ, обширныя бібліотеки доставляли богатый матеріалъ для грамматическихъ изслѣдованій. Въ обоихъ городахъ развивалась ученая дѣятельность, принявшая характеръ школы, и вслѣдствіе того разногласія представителей этихъ школъ послужили предлогомъ для безконечныхъ споровъ между ихъ послѣдователями. О спорахъ этихъ прежде писалось очень много, причѣмъ высказывались самыя разнообразныя взгляды. Лучшимъ сочине-

ніемъ въ этомъ отношеніи служить сжатая, но основательная книга К. Ваксмута: *de Gratae Mallote*, вышедшая въ Лейпцигѣ въ 1860 году, гдѣ на 36 страницахъ мы находимъ всѣ важнѣйшія свѣдѣнія о личности, занятіяхъ и взглядахъ Кратеса, а на слѣдующихъ 34 страницахъ представлены дошедшіе до насъ фрагменты. Послѣ жизнеописанія, — о чемъ, къ сожалѣнію, мы знаемъ очень не многое, — здѣсь подробно разсматривается, съ 7-й страницы, отношеніе Кратеса къ Аристарху. Ваксмуть представляетъ очень основательную и справедливую оцѣнку Аристарха, причемъ онъ прямо возстаетъ противъ чрезмѣрнаго его обожанія и вытекающаго отсюда пренебреженія къ Кратесу. Цѣль и направленіе двухъ этихъ ученыхъ съ самаго начала были уже различны: у древнѣйшихъ Александрійцевъ высшею задачею считалась только обработка классиковъ, наука же объ языкѣ служила имъ лишь средствомъ для достиженія этой цѣли; напротивъ, Кратесъ считалъ ихъ труды не болѣе, какъ необходимою подготовительною работою, онъ требовалъ, чтобы всѣ результаты полученныхъ отдѣльныхъ изслѣдованій были соединены людьми, знакомыми съ философіею, въ одну цѣльную систему науки объ языкѣ. Такъ, напримѣръ, стояки, отъ которыхъ Кратесъ вполне зависѣлъ, не довольствовались отысканіемъ только различныхъ формъ явственнаго слова, но старались и о томъ, чтобы добиться смысла и основнаго значенія грамматическихъ категорій. Доказательствомъ этихъ логическихъ и грамматическихъ изслѣдованій служатъ придуманныя ими техническія названія, какъ напримѣръ, *genitivus*, *accusativus* и друг. слова, представляющія точный переводъ греческихъ названій. Кроме того, вышеупомянутая школа очень сильно расходилась и при обработкѣ самаго языка: Александрійскіе грамматики, подвергавшіе въ своихъ толкованіяхъ тщательному изслѣдованію богатство всѣхъ формъ языка, старались преимущественно отыскивать точные грамматическіе законы, которыми бы они могли руководиться. Такимъ образомъ, появились тѣ правила, *κανόνες*, похъ которыя и подводились всѣ явленія языка; стремленіе къ указанію аналогій вполне руководило всѣми этими занятіями. Опасность такого направленія очевидна; она можетъ исказить факты ради придуманной аналогіи. Противъ этого направленія возсталъ Кратесъ со всею рѣшительностью своего склоннаго къ полемикѣ характера. Онъ справедливо замѣтилъ, что эти мнимые законы Александрійцевъ приложимы только къ отдѣльнымъ случаямъ, что многіе факты имъ прямо противорѣчатъ, однимъ словомъ, эти законы существуютъ не въ языкѣ, а только въ

головахъ Александрійцевъ. Онъ указывалъ на непрерывно повторяющіяся въ языкѣ неправильности, по которымъ слова, имѣющія въ именительномъ падежѣ одинаковыя окончанія, расходятся въ винительномъ падежѣ, указалъ, что возвратныя формы глаголовъ не всегда имѣютъ возвратное значеніе и т. п. При этомъ онъ не отрицалъ, что дѣйствительно въ явленіяхъ языка существуетъ нѣкоторая правильность и законность, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ и на то, что допускать эту аналогію нужно только тамъ, гдѣ дѣйствительно она оправдывается фактами, а не распространять ее безконечно. Если Кратесъ при этомъ иногда и увлекался, то все-таки мы не должны за это слишкомъ строго обвинять его. Въ сущности дѣла онъ былъ правъ и рассуждалъ естественно; и только изъ соединенія его эмпирическаго взгляда съ теоріею его противниковъ могла возникнуть та прочная система, которую мы находимъ у систематическихъ грамматиковъ II столѣтія послѣ Р. X.

Познакомившись, такимъ образомъ, съ Кратесомъ, какъ съ грамматикомъ, ни въ какомъ случаѣ не заслуживающимъ того презрѣнія, съ которымъ нѣкоторые относятся къ нему, мы обратимся теперь къ его дѣятельности на поприщѣ критики и толкованія. Здѣсь, нужно сознаться, онъ значительно уступаетъ Александрійцамъ, заслуживающимъ на этомъ поприщѣ нашего полного удивленія. Вотъ эта-то сторона дѣятельности Кратеса и была, главнымъ образомъ, причиною тѣхъ, далеко не лестныхъ, отзывовъ о немъ, которые мы встрѣчаемъ въ позднѣйшія времена. Аристархъ отличался преимущественно тщательнымъ вниманіемъ въ самыя подробныя частности того предмета, который онъ подвергалъ своему изслѣдованію, что Кратесу казалось мелочностью, и надъ этимъ качествомъ Аристарха вообще особенно много смѣялись Пергамцы. Аристархъ объяснялъ Гомера изъ самого же Гомера, а Кратесъ приписывалъ Гомеру такія свѣдѣнія, которыя ему никогда и не могли приходить въ голову. Аристархъ довольствовался простымъ толкованіемъ въ то время, какъ Кратесъ приписывалъ Гомеру самыя замисловатыя аллегорическія намеки, вовсе не согласныя съ наивнымъ характеромъ эпической поэзіи. Все это слѣдуетъ имѣть въ виду для того, чтобы получить вѣрное понятіе объ Аристархѣ. Намъ кажется, что Вакмутъ придерживается въ своемъ сочиненіи самаго вѣрнаго и непристрастнаго взгляда, признавая какъ за тѣмъ, такъ и за другимъ важныя заслуги.

Свидѣа говорить, что у Аристарха было сорокъ учениковъ; къ со-

жалѣнію, мы очень мало знаемъ о нихъ, даже не всѣ ихъ имена дошли до насъ. Однако, нужно думать, что въ этомъ отношеніи можно было бы добиться очень важныхъ результатовъ, еслибы только кто-нибудь взялся обработать весь матеріалъ по этому вопросу, къ чему, впрочемъ, никто до сихъ поръ еще и не дѣлалъ ни малѣйшей попытки. Мы считаемъ критически разработанный перечень именъ послѣдователей Аристарха необходимою подготовительною работою для исторіи грамматиковъ; въ этомъ отношеніи можно пользоваться слѣдующими трудами: *Beccard*, *De scholiis in Homeri Iliadem*, въ Берлинѣ, въ 1850 г.; *Sengebusch*, *Dissertatio Homerica*, стр. 30—34, и *La Roche*, *Homerische Textkritik*, стр. 68—76. Кроме того, насчетъ нѣкоторыхъ изъ учениковъ Аристарха, и даже не только его учениковъ, но и позднѣйшихъ послѣдователей его направленія, мы имѣемъ нѣсколько очень дѣльно написанныхъ монографій, которыми можно было бы воспользоваться при составленіи полнаго сочиненія о послѣдователяхъ Аристарха. О важнѣйшемъ изъ нихъ, *Діонисіи Эраклийскомъ*, ученикѣ самого Аристарха, мы имѣемъ превосходную статью Маврикія Шмидта въ журналѣ „*Philologus*“, VII, стр. 360; VIII, 231 и 510. Здѣсь изложено все, что мы знаемъ о его жизни; говорится о его сочиненіяхъ, которыя были посвящены почти исключительно Гомеру, и преимущественно о его *τέχνη γραμματικῆ*. Но дѣйствительно ли сохранившаяся подъ этимъ заглавіемъ древнѣйшая книга для чтенія принадлежитъ столь знаменитому ученику Аристарха, это еще вопросъ сложный, изъ за котораго въ наукѣ было много споровъ. На основаніи тщательнаго изслѣдованія всѣхъ данныхъ, способствующихъ рѣшенію этого вопроса, Шмидтъ признаетъ означенную книгу настоящимъ сочиненіемъ Діонисія, хотя оно и не можетъ считаться дошедшимъ до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Это небольшое сочиненіе имѣло въ древности очень многихъ читателей и потому часто было толкуемо и комментировано, почему и дошло до насъ съ многочисленными сколіями. Оно, между прочемъ, отпечатано и во 2-мъ томѣ Беккера *Anecdota Graeca*. Тому же Шмидту мы обязаны и хорошою статьею о Селевкѣ, который у древнихъ пользовался лестнымъ прозваніемъ *Homericus* (въ журналѣ „*Philologus*“, III, стр. 436). Здѣсь онъ представляется намъ человѣкомъ, соединявшимъ съ значительною ученостью и замѣчательную производительность, принадлежа въ то же время къ числу самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ Аристарха. Шмидтъ отнесъ Селевка ко времени, непосредственно предшествовавшему Августу, но въ послѣдствіи онъ со-

гласился съ мнѣніемъ А. Наука, который высказалъ мысль, что Селевкъ жилъ гораздо раньше и, можетъ быть, былъ ученикомъ даже самого Аристарха.

Объ интересной личности грамматика Филоксена мы имѣемъ статью М. Шмидта, помѣщенную въ *Philologus*, IV, 627 и VI, 660. Кроме того, въ послѣднее время появилась очень основательная диссертация Клейста: *De Philoxeni Alexandrini studiis etymologicis*, Грейфсвальдъ, 1865 г. Въ первой главѣ Клейстъ опредѣляетъ время, въ которое жилъ Филоксенъ; онъ считаетъ его современникомъ Августа и Тиверіа; затѣмъ говорится о тѣхъ его сочиненіяхъ, въ которыхъ помѣщались его этимологическія изслѣдованія. Вторая глава, подъ заглавіемъ: *De auctoribus, quorum scriptis fragmenta Philoxeni servata sunt*, занимается почти исключительно словаремъ Оріона Фиванскаго, о которомъ уже раньше говорилъ Ричль въ превосходномъ сочиненіи *De Ogo et Orione*, появившемся теперь въ I-мъ томѣ его *Opuscula*. Клейстъ, для того, чтобы выдѣлить этимологию Филоксена изъ всего громаднаго матеріала Оріона, подвергаетъ тщательному и въ высшей степени остроумному изслѣдованію источники этого послѣдняго. Результатомъ является то обстоятельство, что Оріонъ подъ каждою буквою алфавита дѣлалъ выписки изъ многихъ авторовъ и въ известномъ порядкѣ, такъ что даже и теперь еще можно узнать, что принадлежитъ каждому изъ нихъ и только по тому мѣсту, гдѣ находятся эти отрывки. Всякій разъ онъ начинается съ комментаріевъ къ различнымъ поэтамъ, затѣмъ слѣдуетъ сочиненіе врача Сорана о названіяхъ частей тѣла, потомъ сочиненія Геродіана объ орѳографіи и наеологій, далѣе идутъ этимологій Гераклида Понтійскаго, далѣе о Филоксенѣ и, наконецъ, опять сочиненія Геродіана *Symposium* и *Erimetismi*. По мнѣнію Клейста, этотъ порядокъ представляетъ для критика надежную основу, хотя по различнымъ причинамъ онъ и подвергается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣненіямъ. Кроме названныхъ сочиненій, Оріонъ пользовался иногда и другими, и въ различныхъ мѣстахъ вставлялъ при случаѣ выписки. Потому, находя въ своихъ источникахъ ссылки на болѣе древнихъ авторовъ, онъ приводилъ имена ихъ, какъ будто бы самъ составлялъ выписки изъ ихъ сочиненій. Кроме того, встрѣчаясь иногда съ однимъ и тѣмъ же словомъ въ двухъ различныхъ по времени источникахъ, онъ помѣщалъ мнѣніе позднѣйшаго автора рядомъ съ мнѣніемъ болѣе древняго. Наконецъ самая парижская рукопись, изъ которой мы почерпаемъ свѣдѣнія объ Оріонѣ, не принадлежитъ къ числу древнихъ и

дошла до насъ въ дурномъ видѣ, причеъ многое искажено небрежностью переписчиковъ. Вотъ въ краткихъ словахъ мнѣніе Клейста, которому прямо противорѣчить болѣе раннее мнѣніе Ричля. Такъ какъ въ *Etymologicum Magnum* много мѣстъ Оріона приписывается Ору, жившему около 200 года послѣ Р. Хр., то Ричль полагаетъ, что Оріонъ заимствовалъ многое у Ора, вслѣдствіе чего систематическое, непосредственное пользованіе тѣми источниками, на которые указалъ Клейстъ, было бы немислимо. Но Клейстъ опровергаетъ возраженія Ричля говоря, что Оріонъ и Оръ смѣшиваются въ *Etymologicum* гораздо чаще, чѣмъ это полагали прежде. Такъ, напримѣръ, Ору приписываются такіа цитата изъ Оріона, которыхъ тотъ не могъ знать, ибо указанные въ этихъ цитатахъ авторы жили позже его, почему Клейстъ и утверждаетъ, что указанія въ *Etymologicum Magnum*, помѣщенные *suo loco* подъ именемъ Оріона, заимствованы всѣ безъ исключенія у этого послѣдняго, а не у Ора. Вотъ содержаніе этого важнаго изслѣдованія, переданное нами довольно подробно, такъ какъ оно появилось недавно и вѣроятно еще не всѣмъ извѣстно. Что не всѣ результаты Клейста вѣрны, доказалъ Ленцъ (*Lentz*) въ *Fleckeisen's Jahrbücher*, 1865 года, стр. 571, и въ своей *Præfatio* къ Геродиану. Но если даже и нельзя вполне признать вѣрности того порядка въ книгѣ Оріона, которую отстаиваетъ Клейстъ, то все таки надо признать вѣрными въ существенныхъ чертахъ главный результатъ его изслѣдованія, именно его перечень источниковъ. Третья глава занимается собственно *arte etymologica Philoxeni* и мы вполне соглашаемся, что этотъ предметъ достоинъ изслѣдованія. Извѣстно, что древнимъ не посчастливилось на попримѣ етимологій; поэтому тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія тотъ фактъ, что Филоксенъ, благодаря своему тонкому лингвистическому чутью, придерживался именно того пути, на которомъ единственно возможно было приобрести болѣе глубокое пониманіе языка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы даже удивляемся смѣлости этого граматика, какъ бы предчувствовавшего нѣкоторые изъ важнѣйшихъ результатовъ нашей теперешней науки объ языкѣ. Понятно, что при этомъ онъ долженъ былъ дѣлать и много ошибокъ, но это не умаляетъ его заслугъ въ томъ отношеніи, что онъ первый понялъ строй языка глубже, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ. Поэтому-то мы и рекомендуемъ ученое и вмѣстѣ съ тѣмъ интересное сочиненіе Клейста.

Укажемъ ядѣсь вкратцѣ еще на двѣ отличныя работы о замѣчательныхъ послѣдователяхъ Аристарха: *Arthurus de Velsen*, *Tryphonis*

grammatici fragmenta, въ Берлинѣ, 1853 года. Это сочиненіе основательнѣе; тѣмъ предшествовавшіе ему труды Шмидта и Штиле (Stieble) о томъ же самомъ грамматикѣ. Объ обоихъ Тиранніонахъ, изъ которыхъ одинъ извѣстенъ своими отношеніями къ Цицерону, мы имѣемъ сочиненіе *H. Planer, De Tyrannione grammatico*, въ Берлинѣ, 1852 года, хотя то, что говорится здѣсь объ отношеніи Тиранніоновъ другъ къ другу и объ отличіи ихъ сочиненій, не можетъ считаться окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса и еще нуждается въ основательномъ изслѣдованіи.

Недавно появилась въ Fleckeisen's Jahrbücher 1866 г., стр. 227, статья Г. Шрадера, въ которой доказывается, что существовалъ еще одинъ непосредственный ученикъ самого Аристарха, называвшійся *Аполлоніемъ*, о которомъ до сихъ поръ мы ничего не знали. Въ схолияхъ къ Аристофану часто упоминается подъ этимъ именемъ грамматикъ, дѣлающій очень основательныя замѣчанія. Судя по тому, какъ о немъ упоминается, онъ можетъ считаться ученикомъ Аристарха. Изъ болѣе древняго времени мы знаемъ двухъ Аполлоніевъ—автора поэмы *Argonautica* и еще другаго; такимъ образомъ можно было бы думать, что это кто-нибудь изъ нихъ, но тутъ представляются затрудненія, которыя и выставляетъ Шрадеръ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на такіи два мѣста, на которыя до сихъ поръ не обращали никакого вниманія. На основаніи одного изъ мѣстъ, находящагося у Порфирія, онъ заключаетъ, что грамматикъ Діонисій Сидонскій, жившій помного позже Аристарха, имѣлъ учителя, по имени Аполлонія, а изъ другаго мѣста, находящагося у Аполлонія Дискола, онъ доказываетъ, что существовалъ какой-то грамматикъ Аполлоній, современникъ Діонисія Фракійскаго. Если эти выводы вѣрны, то мы дѣйствительно должны признать этого Аполлонія ученикомъ самого Аристарха. Тѣмъ же путемъ можно было бы, безъ сомнѣнія, рѣшить еще много другихъ вопросовъ, еслибы кто-нибудь взялся за исполненіе задачи, указанной намъ выше.

Упомянемъ здѣсь еще объ одной оригинальной личности, которая, вслѣдствіе новѣйшихъ изслѣдованій, заслуживаетъ большаго вниманія. Это Александрійскій грамматикъ *Аніонъ*, жившій во времена Тиверія. Вольфъ, въ своихъ *Prolegomena ad Homerum*, упоминалъ о немъ съ высокимъ уваженіемъ, считая его однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ критиковъ Гомера. Но Лерсъ въ своихъ *Quaestiones epicae* нацѣрталъ столь наглядную картину этого ограниченнаго чело-
вѣка, что мнѣніе Вольфа о немъ уже давнымъ давно оставлено

всѣми. По Лерсу, Апионъ—вполнѣ смѣшная личность: онъ развѣзжалъ по различнымъ городамъ, читалъ лекціи о Гомерѣ и потѣшалъ публику своимъ сумасбродствомъ и нелѣпнѣйшими выходками, почему Тиверій остроумно и называлъ его *cymbalum mundi*. Онъ писалъ множество сочиненій, между которыми извѣстнѣе другихъ было его нападеніе на Евреевъ и которое въ послѣдствіи было удачно опровергнуто Иосифомъ (*Josephus, contra Apionem*). Удивительно только то, что Евставій, не смотря на все это, говоритъ, что цѣлый рядъ лучшихъ примѣчаній онъ заимствовалъ изъ сочиненій Апіона и Геродора или Геліодора (ср. *Ritschl, Opuscula philologica I, стр. 116 и слѣд.*). Это и было, между прочимъ, причиною того, что Вольфъ такъ высоко ставилъ Апіона. Но Лерсъ давно доказалъ въ своемъ сочиненіи объ Аристархѣ, что всѣ эти примѣчанія, заимствованныя Евстаѳіемъ будто бы у Апіона, ничто иное какъ выписки изъ схолій къ Гомеру, вслѣдствіе чего надо полагать, что еще до Евстаѳіа существовалъ сборникъ выписокъ подъ именемъ Апіона и Геродора и, кажется, этотъ сборникъ игралъ, вообще, довольно важную роль. Маврикій Шмидтъ въ своемъ изданіи Гесихія высказалъ мнѣніе, что и Гесихій заимствовалъ многое не изъ самихъ схолій, а изъ того же сборника, который имѣлъ предъ собою и Евстаѳій. Наконецъ Ла-Рошъ въ своей „Критикѣ гомеровскаго текста“ на стр. 170 указываетъ, что и второстепенныя схоліи ВЛУ заимствованы изъ этихъ загадочныхъ сочиненій Апіона и Геродора. Да и вообще, сколько имѣ известно, никто не касался этого важнаго вопроса, заслуживающаго однакожъ нашего полнаго вниманія. Если бы всѣ эти мнѣнія оказались основательными, то изъ ихъ совокупности слѣдовало бы, что этотъ *Pseudo-Apion* игралъ въ высшей степени важную роль, такъ что исторія литературы не имѣла бы права обходить его молчаніемъ. Вообще очень желательно, чтобы по этому вопросу явилось новое изслѣдованіе.

Такою же terra incognita все еще является словарь *Amalonia Sophista*, дошедшій до насъ въ одной только рукописи, *codex Sangermanensis*, и изданный въ послѣдній разъ Беккеромъ, въ 1833 году. Никто не изслѣдовалъ его источниковъ и никто достаточно не опредѣлялъ на сколько онъ самъ служилъ источникомъ для позднѣйшихъ. Гесихій помѣстилъ его у себя цѣликомъ; въ схоліяхъ онъ тоже часто является выписаннымъ слово въ слово, причемъ писецъ, повидимому, пользовался лучшею рукописью, чѣмъ дошедшая до насъ. Намъ кажется, что этимъ словаремъ много пользовались такъ называемыя

scholia Didymi. Навѣрное и тутъ основательное изслѣдованіе представило бы много новыхъ результатовъ.

Такимъ образомъ мы дошли до втораго періода процвѣтанія греческой грамматики, который мы и назовемъ періодомъ систематики. Въ то время какъ прежніе ученые съ удивительнымъ прилежаніемъ собирали громадный матеріалъ, теперь явились люди, соединявшіе весь этотъ матеріалъ въ одно систематическое цѣлое, въ одно, такъ сказать, громадное зданіе, почему Греки и называли ихъ *τεχνικοί*. Такими *τεχνικοί* преимущественно были Аполлоній Дисколъ и еще болѣе знаменитый сынъ его *Геродіанъ*, жившіе оба во II вѣкѣ послѣ Р. Хр.

Аполлоній Дисколъ справедливо считается лучшимъ синтактикомъ древности. *Присцианъ* пользовался Аполлоніемъ, о которомъ всегда и отзывался съ безусловнымъ уваженіемъ. Изъ большого количества грамматическихъ его сочиненій, извѣстныхъ намъ какъ по его собственнымъ ссылкамъ, такъ и по указаніямъ Свиды, до насъ дошли только четыре, и то въ очень жалкомъ видѣ, именно о синтаксисѣ, о мѣстоименіи, о нарѣчіяхъ и о союзахъ. Они изданы въ послѣдній разъ Веккеромъ; сочиненія о нарѣчіяхъ и о союзахъ помѣщены во второмъ томѣ его *Anecdota*. При чтеніи Аполлонія намъ особенно затрудняютъ испорченность текста и темный слогъ самого автора, поэтому-то насъ тѣмъ болѣе радуешь то обстоятельство, что вѣроятно въ скоромъ времени появится давно обѣщанное новое изданіе Аполлонія, гдѣ, кромѣ названныхъ сочиненій, будутъ помѣщены еще и его фрагменты. Надъ этимъ изданіемъ уже много лѣтъ работаютъ два дѣльныхъ филолога: Улигъ (Uhlig) въ Гейдельбергѣ и Рихардъ Шнейдеръ въ Кельнѣ, и если оно до сихъ поръ еще не окончено, то это слѣдуетъ приписать громаднымъ трудностямъ, съ которыми сопряжено подобное предпріятіе. Будемъ надѣяться, что скоро эта настоятельная потребность филологической науки наконецъ будетъ удовлетворена и такъ какъ мы намѣрены поговорить здѣсь еще разъ объ Аполлоніѣ, именно тогда, когда это изданіе будетъ окончено, то теперь мы считаемъ лишнимъ останавливаться на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ трудахъ по этому вопросу. Скажемъ нѣсколько словъ о *Геродіанѣ*, сынѣ Аполлонія, послѣднемъ замѣчательномъ грамматикѣ. Съ 1870 года мы имѣемъ предъ собою оконченное изданіе *Геродіана*, образцовый трудъ Ленца, которымъ должны гордиться всѣ филологи. Автору не было суждено довести до конца этотъ трудъ, которому онъ посвящалъ всю свою жизнь. Вскрѣ послѣ появленія пер-

ваго тома, онъ умеръ въ 1868 году, оставивъ второй томъ уже готовымъ къ печати. Друзья покойнаго приняли на себя трудъ окончанія всего изданія, и дѣйствительно исполнили свою задачу такъ, что и самъ Ленцъ не пожелалъ бы ничего лучшаго. Такимъ образомъ первая часть втораго тома появилась въ 1868 году, вторая часть — въ 1870 году. Все это сочиненіе сдѣлалось, по словамъ Лерса, „раенс thesaurus quidam doctrinae grammaticae veterum“. Но чтобы вполне оцѣнить достоинство и значеніе этого изданія намъ слѣдуетъ прежде всего познакомиться съ самими приѣмами Ленца, причемъ нужно также имѣть въ виду и то, что изъ 32-хъ сочиненій Геродіана, существованіе которыхъ доказано, до насъ дошло только 3 приблизительно въ первоначальномъ видѣ, а именно трактаты *περί μουήρου*; *Λέξεω*; *περί διχρόνων* и *προσφῶν Ἰλιακή*; не смотря на это въ изданіи Ленца мы находимъ приблизительно въ десять разъ болѣе текста по сравненію съ содержаніемъ самыхъ этихъ трехъ сочиненій. Спрашивается, какимъ образомъ это случилось? Дѣло объясняется только значеніемъ самого Геродіана. Наука греческой грамматики достигла въ Геродіанѣ своего апогея и никто не только не пытался превзойти его, но даже и сравняться съ нимъ на этомъ поприщѣ; Геродіанъ считался полнымъ авторитетомъ и почти всѣ позднѣйшіе грамматикіи довольствовались одними только выписками изъ Геродіана. Часто упоминалось его имя, а еще чаще о немъ умалчивалось, и поэтому самая трудная задача состояла въ томъ, какъ узнавать его и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имя его не упоминается. Для этого не было достаточно одного полного знакомства со всѣмъ тѣмъ, чтò несомнѣнно принадлежитъ Геродіану, недостаточно было и знакомства съ его слогомъ и съ его особенностями, но необходима была еще замѣчательная начитанность въ греческой литературѣ, и такое знакомство съ греческимъ языкомъ, какимъ обладаютъ только немногіе. Всѣми этими качествами Ленцъ обладалъ вполне, и, посвятивъ такому усидчивому труду почти всю свою жизнь, онъ былъ, наконецъ, въ состояніи выполнить его. Смѣло можемъ сказать, что этотъ трудъ никто и никогда не превзойдетъ. Но посмотримъ внимательнѣе на тѣ источники, которыми пользовался Ленцъ. Во-первыхъ, мы имѣемъ два извлеченія изъ главнѣйшаго сочиненія Геродіана, *προσφῶν χαβολική*, которыя довольно точно передаютъ, иногда даже его собственными словами, ученіе этого знаменитаго грамматика. Эпитоматоры, имѣя преимущественно въ виду передать въ сжатой формѣ практическаго руководства главнѣйшую сущность его ученія, опускали все, чтò имъ каза-

лось не безусловно необходимымъ. Всю полемику, всѣ географическіе, историческіе и антикварные экскурсы они выбрасывали. Но за то эти послѣдніе особенно часто приводились другими авторами, такъ что, соединивъ эти disjecta membra, можно было часто возстановить по цѣлымъ отдѣламъ его сочиненіе. Первое изъ двухъ вышеуказанныхъ извлеченій, такъ-называемый *Аркадія*, было издано въ послѣдній разъ М. Шмидтомъ: 'Ἐπιτομή τῆς καθολικῆς προσφῶιας въ Іепѣ 1860 года. Имя автора сомнительно, такъ какъ оно въ различныхъ рукописяхъ приводится различно. Второе извлеченіе принадлежитъ *Іоанну Александрійскому* и носить заглавіе: *τοιχὰ παραγγέλιατα*. Диндорфъ издалъ его въ 1823 году. Дальнѣйшимъ источникомъ является словарь *Стефана Византійскаго*, котораго значеніе для знакомства съ Геродіаномъ впервые было указано Ленцомъ. Но мнѣнію его, Стефанъ заимствовалъ у Геродіана не только всѣ свои грамматическія свѣдѣнія, но и множество примѣчаній географическаго и историческаго содержанія и большію часть своихъ выносокъ изъ древнихъ авторовъ. Быть можетъ, въ этомъ отношеніи Ленцъ зашелъ слишкомъ далеко, какъ утверждаетъ Гилдербъ въ своей критикѣ на книгу Ленца, помѣщенной въ *Fleckeisen's Jahrbücher* 1871 г., стр. 505 и слѣд., но вообще отрицать то, что Стефанъ въ значительной мѣрѣ пользовался Геродіаномъ, едва ли возможно. Кромѣ того, многое мы узнаемъ еще изъ *Θεογονία*, *Χιρόβοσκι* и *Γεσιχία*; послѣднее особенно удачно доказано Ленцомъ. Бентли отрицалъ вѣрность показаній самого Гесиχія, будто онъ въ своихъ географическихъ примѣчаніяхъ слѣдовалъ Геродіану; теперь же, послѣ Ленца, никто уже не станетъ сомнѣваться въ томъ, что Гесиχій говорилъ правду. Далѣе, различные сборники, схолия, *etymologica*, словомъ, значительная часть позднѣйшей грамматической литературы переполнена замѣчаніями и правилами, заимствованными изъ Геродіана. И вотъ весь этотъ колоссальный матеріалъ — вспомнимъ одни только многотомные комментаріи Евстація — былъ съ величайшею тщательностью собранъ, систематически обработанъ, исправленъ и приведенъ въ порядокъ Ленцомъ! Все это слѣдуетъ имѣть въ виду для справедливой оцѣнки заслугъ Ленца.

Но возвратимся къ самому Геродіану. Онъ родился въ Александріи и обучался у своего отца Аполлонія; очень рано переселился онъ въ Римъ, гдѣ сдѣлался другомъ Марка Антонина, которому и посвящалъ свое обширнѣйшее сочиненіе. Мы не знаемъ, какъ долго онъ жилъ, — вѣроятно до Коммода. Главнымъ его сочиненіемъ была *προσφῶια καθολική*. Подъ просодією древніе понимали ученіе объ

удареній, а также о придыханіи и размѣрѣ слоговъ. Исслѣдованію этихъ явленій языка и была посвящена названная книга: въ 19 главахъ излагалось полное ученіе объ удареніяхъ, въ двадцатой — говорилось о придыханіи и размѣрѣ слоговъ; при этомъ именительному падежу имеемъ существительныхъ было посвящено не менѣе 14-ти главъ, въ то время какъ въ остальныхъ пяти главахъ говорилось объ удареніяхъ прочихъ падежей и всѣхъ другихъ частей рѣчи. Въ дополненіи разсматривалось, наконецъ, измѣненіе удареній въ предложеніи. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло самое его посвященіе этой книги императору. Изъ этого важнаго посвященія навѣрно мы много узнали бы о темномъ происхожденіи знаковъ для удареній. Особенно важна для насъ его прозофія 'Ομηρικῆ, которая, какъ мы видѣли выше, составляетъ значительную часть схолій къ Гомеру. Ленцъ довольствовался перепечатаніемъ сочиненія прозофія 'Ιλιακῆ по Лерсу, хотя нѣкоторые ученые, между прочимъ Гиллеръ въ своихъ Quaestiones Herodianae (въ Боннѣ 1866 г.), и высказали мнѣніе, что изданіе Лерса нуждается въ пополненіи. Это мнѣніе опровергаетъ Ленцъ самымъ основательнымъ образомъ, съ тѣмъ и самъ Гиллеръ въ послѣдствіи согласился. Къ главнѣйшимъ сочиненіямъ Геродіана принадлежатъ еще: ὀρθογραφία, κἀθολογία, затѣмъ два дошедшія до насъ сочиненія: περί δυχρόνων и περί μονήρους λέξεως. Подъ именемъ *ιδεολογίαι* древніе понимали приблизительно тоже самое, что мы теперь называемъ наукою о звукахъ; только самое приложение этихъ κἀθολογίαι принимало у нихъ иногда довольно опасные размѣры, причеиъ главную роль играли *μαεοναζμ* и *εαμνλς*, при посредствѣ которыхъ даются объясненія всѣхъ возможныхъ измѣненій слова. Превосходны были еще его труды въ области ученія о флексіи словъ, которой посвященъ рядъ сочиненій: περί ὀνομάτων, περί κλίσεως ὀνομάτων, περί ῥήματος, περί τῶν εἰς μ и т. д. Равнымъ образомъ онъ писалъ въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ о мѣстоименіяхъ, нарѣчіяхъ, словахъ сложныхъ и т. п. — Конечно, чтобы получить вѣрное понятіе о трудахъ Геродіана, недостаточно однихъ указаній на источники и заглавія его сочиненій, намъ слѣдуетъ еще вникнуть въ способъ его мышленія, который слѣдуетъ объяснять изъ него же самого. Но здѣсь мы не можемъ браться за этотъ вопросъ; впрочемъ, мы должны указать на одно обстоятельство, именно, составляли ли всѣ сочиненія Геродіана вмѣстѣ одно большое руководство, такъ-называемую τέχνη, или же онъ обработывалъ отдѣльныя части грамматики смотря по тому, что его больше интересовало, не имѣя въ виду при этомъ, соединить ихъ въ одно

дѣло? Ленцъ высказался въ пользу послѣдняго предположенія и большая часть ученыхъ, кажется, согласны съ нимъ. Но недавно Уличъ высказалъ въ журналѣ *Rheinisches Museum* XXV, стр. 66 и слѣд. такое мнѣніе, что дѣйствительно болѣе извѣстныя сочиненія Геродіана не принадлежали къ такой тѣхнѣ, но что тѣмъ не менѣе, онъ вѣроятно писалъ тѣхнѣ. Противъ этого, не основаннаго на достаточныхъ данныхъ, предположенія, выступаетъ Гиллеръ въ вышеупомянутой рецензіи на книгу Ленца; равнымъ образомъ противъ него высказался и дѣльный ученый въ этой области — Скржечки (*Skrzeczek*).

Главу о Геродіанѣ мы старались передать въ возможно сжатой формѣ и нарочно обошли дѣльный рядъ интересныхъ вопросовъ. Мы и такъ уже опасаемся, не задержали ли читателя слишкомъ долго въ этой малозвѣстной области, важность которой большая часть ученыхъ и не подозреваетъ. Въ одномъ, мы думаемъ, читатель убѣдится, а именно, въ томъ, какъ мало здѣсь еще сдѣлано и какъ необходимы тутъ основательныя работы. Къ сожалѣнію, на многое мы должны были указывать только мимоходомъ, впрочемъ вездѣ, гдѣ только мы видѣли, что результаты нашего изслѣдованія нуждаются въ пополненіяхъ, мы старались со всею точностью указать на то, чего намъ недостаетъ. Вотъ это и есть лучший извѣстный періодъ греческой филологіи! Подобный обзоръ позднѣйшихъ грамматиковъ и лексикографовъ покажетъ намъ, что и въ этой области остается еще много вопросовъ, нуждающихся въ тщательномъ изслѣдованіи.

В. Г.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Записки К. Юлія Цезаря о войнѣ въ Галліи. Книги I и IV. Объяснить Ю. Фелькелъ. Часть I. ¹⁾.

I, 16, 2. „Praesertim cum не соответствуетъ въ точности мысли, все равно, соединимъ ли мы эти слова съ предъидущимъ предложениемъ, или съ послѣдующимъ“. Выкинувъ въ это мѣсто у Цезаря, мы не находимъ никакого затрудненія объяснить здѣсь нарѣчіе praesertim; точку съ запятой слѣдуетъ поставить предъ multo, а не предъ praesertim cum, и destitutus принять въ значеніи оборота destitutus spe, въ какомъ смислѣ это слово встрѣчается и у другихъ авторовъ. Цезарь сильно обвиняетъ Дивитіака и Лиска за то, что они не оказывали ему должной помощи при столь неблагоприятныхъ обстоятельствахъ; но въ особенности онъ укоряетъ ихъ за то, что война начата ими главнымъ образомъ по ихъ же собственной просьбѣ. Такимъ образомъ Цезарь, жалуясь вообще на неподаваніе ему помощи, послѣдними словами multo etiam — queritur нападаетъ на вѣроломство и измѣну Эдуевъ.

I, 18, 1. „Secreto, тайно, секретно, т. е. не тѣхъ, кого онъ уже спросилъ“. Переводъ не точенъ. Secreto, сообразно съ понятіемъ глагола vesepere, значить отдѣльно, въ сторонѣ, безъ свидѣтелей; понятіе же тайно, чтобы не узнали другіе, выражается чрезъ in occulto, которое встрѣчается вмѣстѣ съ secreto въ гл. 31-й, гдѣ комментаторъ переводитъ secreto иначе и совершенно вѣрно: „безъ свидѣтелей“.

I, 18, 3. „Potentia всегда = незаконная, безъ права присвоенная власть, въ противоположность potestas (imperium)“. Это не вполне вѣрно. Хотя potentia дѣйствительно иногда заключаетъ въ себѣ вышеприведенное значеніе, но это значеніе бываетъ только постороннее и его нельзя принять за общее и преобладающее. Potentia, сообразно

---

¹⁾ Окончаніе. См. Журн. Мин. Народн. Просв. сентябрь 1873 года.

своему этимологическому составу, выражает могущество фактическое, и преимущественно могущество политическое, а также всеми безразлично средствами и способами приобретенный перевѣсъ: тогда какъ potestas обозначаетъ власть дѣлать и выполнять что-нибудь вслѣдствіе даннаго или приобретеннаго могущества.

I, 20, 3. „Oribus и nervis здѣсь почти синонимы“. Непонятно, почему слово синонимы комментаторъ ограничилъ нарѣчіемъ почти, какъ будто приведенныя имъ существительныя не воплѣтъ синонимическія выраженія.

I, 20, 4. „Qua ex te futurum (esse), неопредѣленное наклоненіе нерѣдко и при относительномъ мѣстоименіи въ косвенной рѣчи; мѣстоимѣніе присоединяетъ новый фактъ, слѣдствіе или заключеніе“. Это объясненіе можетъ дать читателю невѣрное или неточное понятіе объ асс. cum inf. въ относительномъ предложеніи, въ особенности же когда сопровождается неопредѣленнымъ „нерѣдко“. Чтобы не порождать мнѣнія, будто неопредѣленное наклоненіе вообще можно употреблять въ относительномъ предложеніи, нужно было бы, для сущности дѣла, привести правило хотя бы въ слѣдующемъ видѣ: въ oratio obliqua всегда ставится асс. cum inf. въ относительномъ предложеніи, если послѣднее не есть предложеніе подчиненное, а сочиненное главное предложеніе; такъ какъ вообще относительное предложеніе часто присоединяется къ другому главному не въ подчиненіи, а въ сочиненіи.—Объ относительныхъ предложеніяхъ у Цезаря см. Прохша: Gebrauch der Nebensätze bei Caesar, I, стр. 2—5.

I, 24, 1. „Subducit—misit, перемѣна времени, весьма частая у историковъ, когда дѣйствіе перваго глагола есть моментальное и должно кончиться прежде наступленія дѣйствія втораго“. Правда, эта перемѣна времени встрѣчается у историковъ часто, но, кажется, не въ приведенномъ значеніи. Praesens historicum, какъ и perfectum, обозначаетъ дѣйствіе одного глагола безъ всякаго отношенія къ дѣйствію, выражаемому другимъ глаголомъ, а какъ историческій фактъ, безъ обозначенія продолжительности или моментальности въ его развитіи (perfectum aoristicum).

I, 25, 5. Mille passuum. Изъ всего примѣчанія къ этимъ словамъ я считаю пущнымъ указать только на одну замѣчательную фразу: „Обыкновенно mille у всѣхъ классическихъ писателей—несклоняемое прилагательное во всѣхъ падежахъ“. Изъ этого можно вывести то заключеніе, будто mille иногда и склоняется, между тѣмъ какъ комментаторъ хотѣлъ сказать только то, что несклоняемое mille обык-

новенно употребляется какъ имя прилагательное. Впрочемъ mille, какъ существительное съ родительнымъ надежемъ, часто встрѣчается у Ливія. См. Дрегера: *Histor. Synt. d. Lat. Spr.*, стр. 90.

I, 26, 4. „Captus est. Почему Цезарь не сказалъ здѣсь capti sunt? Какъ смотрѣли на женщинъ у Галловъ и Германцевъ?“ Спрашивается, какими образомъ ученикъ въ состояніи будетъ отвѣчать на послѣдній вопросъ, не имѣя уже упомянутой нами книги А. И. Георгіенскаго, гдѣ на стр. 252-й рѣчь идетъ о зависящемъ положеніи женщинъ у Галловъ?

I, 26, 6. „Eodem loco habere aliquem, здѣсь болѣе мягкое выраженіе, λιτότης = съ кѣмъ - нибудь также обходится, какъ (quo)“. По этому примѣчанію нельзя составить себѣ яснаго понятія о тропѣ λιτότης. Точнѣе объ этомъ говоритъ Р. Фолькманъ въ *Hermaeodag oder Elemente der Rhetorik*, стр. 265, и Менге въ *Repetitorium der lat. Gram. und Stilistik*, II, стр. 356.

I, 35, 3. „Illi-illis относятся Seyffert и Doberenz къ Секванамъ и соединяютъ illis съ Iliceret. По самымъ словамъ это невозможно; illi=Sequani, illis=Aeduis и принадлежитъ къ reddere“. Желательно было бы видѣть болѣе подробное объясненіе, почему по самымъ словамъ невозможно illi и illis отнести къ Секванамъ и соединить съ Iliceret. Напротивъ, повтореніе одинакаго мѣстоименія можетъ подтверждать то мнѣніе, что эти мѣстоименія (illi и illis) указываютъ на одинъ и тотъ же предметъ, потому что, въ противномъ случаѣ, т. е., если бы авторъ подъ однимъ мѣстоименіемъ хотѣлъ разумѣть Секвановъ, а подъ другимъ — Эдуевъ, онъ для ясности вѣроятно поставилъ бы вмѣсто illi hi, при отношеніи его къ ближайшему предмету, т. е. Sequanis, а illis въ отношеніи къ отдаленному предмету, т. е. Aeduis.

I, 36, 7. „Inter annos XIII, въ продолженіи, въ теченіи полныхъ 14-ти лѣтъ = per; inter означаетъ continuum quoddam spatium, поэтому всегда inter tot annos. Intra часто смѣшивается съ inter, но означаетъ въ продолженіи извѣстнаго времени, terminus a quo ad quem“. Такъ объясняетъ и Герцогъ, но объясненіе предлога intra намъ кажется не совсѣмъ точнымъ. Intra (противъ extra), какъ мѣстный предлогъ, значить „внутри“ (intra parietes, intra fines); такимъ образомъ, сообразно съ этимъ понятіемъ, предлогъ этотъ при выраженіи времени означаетъ „до, до истеченія“, или указываетъ тотъ срокъ, дальше котораго дѣйствіе не простирается, не переходитъ, terminus ad quem, прічемъ terminus a quo не имѣется въ виду. Это видно

изъ многихъ мѣсть у римскихъ авторовъ, напримѣръ, Liv. 36, 10, 1: *intra decimum diem, quam Pheras venerat — Cranonem — cepit.* — Curt. Ruf. VIII, 10, 31: *Itaque turres erigebant, quae opera — intra nonum diem absoluta sunt.* — См. Зюпфле: *Prakt. Anl. z. Lat.* I, стр. 248.

I, 38, 5. „*Primum DC, вѣроятно, слѣдуетъ читать MD.*“ Такъ полагаютъ и Диттонбергеръ въ новомъ изданіи Кранеровскаго комментарія, на основаніи изслѣдованій Наполеона, который, согласно съ прежнимъ мнѣніемъ Данвилля, утверждаетъ, что перешеекъ простирается на 480 метровъ = 1.620 римскихъ футовъ. Напротивъ того, Гелеръ (см. его: *Caes. Gall. Krieg in d. I. 58—53 v. Chr.*, стр. 41) говоритъ, что описаніе города Везонціона совершенно соотвѣтствуетъ теперешнему его мѣстоположенію.

I, 42, 5. „*Quam maxime = сколько возможно, здѣсь не совсѣмъ кстати; было бы достаточно maxime. Quam, при слѣдующемъ за нимъ amicissimum, поставлено правильно.*“ По моему мнѣнію, писатель выразился здѣсь совершенно вѣрно и кстати. *Quam maxime confidebat* есть оборотъ, сокращенный изъ *tam multum confidebat, quam is, qui maxime confidit*; поэтому вовсе не нужно, какъ то предполагается толкователь, подразумѣвать понятіе возможности, чѣмъ удобнѣе только при другомъ оборотѣ — *quam amicissimum*. *Cui quam maxime confidebat* гораздо лучше передать такимъ образомъ: „*которому (легиону) онъ довѣрялъ въ высшей степени*“ или „*которому онъ оказывалъ наибольшее довѣріе*“.

I, 44, 7. „*Quid sibi vellet, cur —, ср. quid est, quid causae est, quod или cur (quare).* Вмѣсто *cur* ожидается дополнительное предложеніе *quod — veniret*“. Гораздо проще поставить обѣ эти фразы въ сочиненномъ видѣ и принимать ихъ за вопросительныя; тогда смыслъ будетъ вполне ясный: „*Чего онъ (Цезарь) требуетъ отъ него (Аріовиста)? Зачѣмъ онъ пришелъ въ его владѣнія?*“ Допустивъ приведенную мною конструкцію, не пужно будетъ прибѣгать къ насильственному объясненію и утверждать, что предложеніе съ *cur* поставлено вмѣсто придаточнаго предложенія съ союзомъ *quod*.

I, 46, 3. „*Etsi est ponentis, quamquam — concedentis, quamvis — intendentis; etsi соотвѣтствуетъ союзу quod, quamquam — союзу quia, quamvis — союзу quoniam.*“ Едвали ученики среднихъ классовъ гимназій въ состояніи выкинуть въ смыслъ приведеннаго правила, которое, впрочемъ, встрѣчается также и въ изданіи Герцога.

I, 52, 3. „*Ita acriter, ita repente, чѣмъ отличается отъ tam acriter, tam repente?* Там, при прилагательныхъ и нарѣчіяхъ, указы-

васть на предыдущее, *ita* (и *adeo*) на слѣдующее, ср. *tam multa* и *ita multa*. Тогда *ita* должно перевести: такъ сильно, до такой степени". Правило это нельзя признать вѣрнымъ: нарѣчіе *tam* происходитъ отъ того же корня, отъ котораго происходитъ и *talis*, и будучи прибавлено къ прилагательнымъ и нарѣчіямъ, оно выражаетъ степень качества, а вовсе не указываетъ на одно только предыдущее, см. напримеръ, *Per. Praef.: Nulla Lacedaemoni vidua tam est nobilis, quae non ad coenam eat mercede conducta. Cic. Fam. 13, 3: Tam gratum id mihi erit, quam quod gratissimum.* Нарѣчіе *ita* есть одинакаго происхожденія съ мѣстоименіемъ *is*; а такъ какъ это мѣстоименіе указываетъ на предметъ или уже упомянутый въ предыдущемъ предложеніи, или опредѣленный въ послѣдующемъ, то и нарѣчіе *ita*, указывая на то, о чемъ идетъ рѣчь, находится въ отношеніи или къ предыдущему или къ послѣдующему, каковое отношеніе можетъ быть различнаго рода, касаясь не только мѣри, степени, но и равенства, условія.

II, 3, 3. „*Oppidis*, творительный, не *in oppida*, при *recipere*, также *lecto, finibus*, такъ *tendere, continere*. Какая разница между *militis continere castris* и *in castris? recipere oppido* и *in oppidum?*" И на эти вопросы ученикъ четвертаго или пятаго класса гимназій едва ли дастъ вѣрный отвѣтъ. Объ употребленіи подобнаго творительнаго, какъ (*continere*) *castris*, говоритъ Кюнастъ въ своей прекрасной книгѣ: *Die Hauptpunkte der Liv. Syntax*, стр. 162.

II, 3, 5. „*Cum his* = *Belgis*, гдѣ ожидаешь *illis*". Правда, мѣстоименіе *hic* большею частью указываетъ на тотъ предметъ, который, по отношенію къ говорящему, есть ближайшій, а мѣстоименіе *ille* на предметъ отдаленнѣйшій; но часто встрѣчается, какъ, между прочимъ, и въ приведенныхъ словахъ, что мѣстоименіе *hic* обозначаетъ и то, что, хотя по своему положенію въ предложеніи есть отдаленнѣйшій предметъ, но, по мѣстному отношенію къ говорящему, есть ближайшій *по разстоянію*.

II, 7, 4. „*Ab milibus passuum minus duobus*. *Ab* обозначаетъ мѣру или разстояніе отъ какого-либо мѣста, которое не обозначено, с. 30: *ab tanto spatio*. Слѣдовательно, собственно предлогъ *ab* пережѣщенъ. Поэтому кажется страннымъ, что Цезарь, IV, 22, говоритъ: *naves, quae ex eo loco ab milibus passuum octo vento tenebantur*". Комментарій согласенъ съ Краперомъ, который замѣчаетъ при этомъ же самомъ мѣстѣ, что предлогъ *ab* ставится предъ мѣрою разстоянія, когда мѣсто, отъ котораго считается разстояніе, не обозначено; и

точно также считаетъ страннымъ прибавленіе словъ *ex eo loco*. Такого мнѣнія обоихъ толкователей я не могу раздѣлять. Нельзя сказать, чтобы мѣсто, отъ котораго считается разстояніе, вовсе не было обозначено, такъ какъ оно въ предыдущемъ предложеніи выражается словами *castra Caesaris*; было бы вѣрнѣе замѣтить, что предлогъ *ab* часто ставится предъ числительнымъ опредѣленіемъ разстоянія, именно когда мѣсто, отъ котораго измѣряется разстояніе, очевидно узнается изъ самой связи словъ. Предлогъ *ab* тутъ перемѣщенъ точно также, какъ перемѣщаются предлоги *ante* и *post*, на примѣръ, въ слѣдующихъ предложеніяхъ: *ante diem quintum Idus Octobres dux est profectus*; *post diem quartum, quam est in Britanniam ventum, naves reliquae solverunt*. Наконецъ, прибавленные слова: *ex eo loco* вовсе не лишніе, потому, что онѣ съ большею опредѣлительностію обозначаютъ ту точку, отъ которой считается разстояніе.

II, 8, 1. „*Eximiam opinionem virtutis*. Замѣтъ при этомъ, что прилагательное полагается не при *virtutis*, но при *opinio*, какъ здѣсь *eximiam*, не *eximiae*“. Мнѣ кажется, что здѣсь вовсе не слѣдуетъ принимать синтаксическую фигуру *hypallage*. Когда слова будутъ приняты въ такомъ порядкѣ, то смыслъ словъ *Caesar — statuit* выйдетъ слѣдующій: Цезарь рѣшилъ удержаться отъ сраженія по причинѣ своего мнѣнія объ ихъ отличной храбрости. Не лучше ли оставить слова безъ перемѣщенія и перевести: Цезарь рѣшилъ отказаться отъ сраженія по причинѣ высокаго своего мнѣнія объ ихъ храбрости?

II, 11, 5. „*Priores roperegent* зависить еще отъ *cum*. Но бессоюзіе здѣсь—почти ошибка, потому что въ первомъ предложеніи (*consistere etc.*) *cum* = хотя, во второмъ (*roperegent*) = такъ какъ, потому что“. Принявъ тутъ бессоюзіе (*asyndeton adversativum*), я не вижу никакой ошибки, если только въ обоихъ предложеніяхъ союзъ *cum* принять за *cum historicum*, такъ что послѣдующія за нимъ предложенія заключаютъ въ себѣ изложеніе тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершилось избіеніе убѣгающихъ; въ такомъ случаѣ, въ первомъ предложеніи союзъ *cum* можно перевести чрезъ „при чемъ“, а во второмъ, вмѣсто бессоюзія, прибавить „между тѣмъ какъ“.

II, 13, 2. *In ejus fidem ac potestatem venire*, сдаться ему безусловно“. Переводъ не точенъ, такъ какъ понятіе слова *fidem* вовсе не выражено.

II, 25, 1. „*Deserto proelio excedere, proelium deserere*, отказаться отъ сраженія; *proelio excedere*, уйти съ поля сраженія; слѣдовательно, вполнѣ бы было: *deserto proelio, loco excedere* или *deserto loco*,

proelio excedere". Подобное чтеніе и объясненіе находится и у Доберенца, между тѣмъ какъ почти всѣ рукописи, и вмѣстѣ съ ними, напримѣръ, Мебіусъ и Фригель, представляютъ *desertos*. Нѣтъ никакой причины отступать отъ словъ рукописи, а особенно если онѣ допускаютъ очень понятный смыслъ. *Desertos* (*nonnullos ab novissimis*) стоитъ безъ опредѣленія, потому что здѣсь легко можно видѣть, что солдаты (*nonnulli ab novissimis*) были покидаемы своими вождями или вообще товарищами, которые имъ могли бы оказать помощь. Въ такомъ случаѣ мы избѣжимъ неумѣстнаго соединенія словъ *deserto proelio excedere*, такъ какъ достаточно было бы сказать или *deserere proelium*, или *excedere proelio*.

II, 29, 3. „*Despectus*, виды внизъ, во всѣ стороны, поэтому множественное число". Можно было бы точнѣе сказать такимъ образомъ, что у Цезаря существительныя на *us* (*subst. verbalia*) часто обозначаютъ не дѣйствіе, а мѣсто, гдѣ совершается дѣйствіе, и поэтому множественное число здѣсь совершенно понятно. Примѣры подобнаго рода именъ существительныхъ см. у Р. Риттера: *Erklärung einiger Stellen in Caes. Denkw. d. gall. Kr.*, стр. 10.

II, 33, 1. „*Sub vesperis*, подъ вечеръ, къ вечеру, *primo vespere*". *Sub vesperis* нельзя перифразировать чрезъ *primo vespere*, такъ какъ предлогъ *sub* во временномъ значеніи и съ винительнымъ падежемъ выражаетъ приближеніе къ какому-нибудь сроку или же слѣдованіе за нимъ. Здѣсь, по связи словъ, очевидно, имѣется въ виду время предъ самымъ наступленіемъ вечера, тогда какъ *primo vespere* значить тоже, что и *prima parte temporis vespertini*.

III, 7, 2. „*Proximus*, обыкновенно съ винительнымъ. Однако и *proximi flumini Rheno* III, 11". Съ этимъ правиломъ не совсѣмъ согласно примѣчаніе къ I, 1: „*Proxius* и *proximus* управляютъ дательнымъ; винительнымъ же только въ мѣстномъ значеніи". Къ первому правилу слѣдовало бы для ясности прибавить, что *proximus* въ мѣстномъ значеніи ставится съ винительнымъ; впрочемъ, нельзя еще рѣшительно опредѣлить, какая именно конструкція при *proximus* вообще преобладаетъ — съ дательнымъ ли падежемъ, или съ винительнымъ. Кажется, что у Цезаря винительный чаще встрѣчается, нежели дательный. Объ употребленіи этого прилагательнаго подробно говоритъ Кюнастъ въ книгѣ: *Die Haupt. d. Liv. Synt.*, стр. 126—127.

III, 22, 3. „*Mori gessurget*. Замѣть неопредѣленное наклоненіе послѣ *gessurget*. I, 31 (*quominus*), V, 7 (*quin*)". Здѣсь уместно было бы привести примѣчаніе объ особенномъ значеніи союза *quin* и отличіе

его. отъ конструкции съ союзомъ quo minus и съ асс. cum inf. Объ этомъ подробно говорится у Прокша: Gebrauch d. Nebensätze bei Caesar, I, 7, 8 и 19.

III, 23, 7. „Diduci, могли бы быть разведены. Страдательный залогъ, выражающій возможность, какъ I, 6: vado transitur=transiri potest. На такое значеніе указываетъ уже facile“. Строго говоря, понятіе возможности не заключается въ страдательномъ залогѣ. Praesens страдательнаго залога выражаетъ дѣйствіе, которое или начинается въ настоящее время или же продолжается; если въ последнемъ случаѣ, дѣйствіе представляется безъ опредѣленнаго срока для его продолженія (praesens aoristicum), то часто переводится съ прибавленіемъ глагола имѣть „возможность“, или посредствомъ описательнаго оборота „имѣть обыкновеніе“, или же нарѣчія „обыкновенно“. О подобномъ употребленіи глаголовъ неокончательнаго вида въ русскомъ языкѣ см. Буслаева: Ист. грам. II, стр. 137.

IV, 11, 6. „Proelio при lacessere, provocare, irritare, есть въ латинскомъ языкѣ творительный, гдѣ мы ожидаемъ и переводимъ: ad proelium“. Это объясненіе можетъ дать читателю невѣрное или неясное понятіе о приведенномъ оборотѣ. Исходя отъ этимологическаго состава его, можно было бы замѣтить, что proelium (можетъ быть, pro-ilium=pro-ige) первоначально значило выступленіе войска на поле битвы, нападеніе, такъ что proelio lacessere буквально переводится чрезъ „подстрекать нападеніемъ“, то-есть, „нападеніемъ вызывать на бой“.

IV, 20, 1. „Maturae всегда имѣетъ относительное значеніе: слишкомъ рано, то-есть, раньше, чѣмъ въ Итали. I, 2: angustus“. И этого мнѣнія нельзя раздѣлять; прилагательное maturus употребляется, въ первыхъ, по отношенію къ фруктамъ въ смыслѣ *спѣлый*, а въ вторыхъ, въ переносномъ смыслѣ, означаетъ зрѣлый, годный, а о времени — ранній, но „слишкомъ ранній“ переводится словомъ praesertim. Кроме того, выраженія, приведенныя толкователемъ: „слишкомъ рано“ и „раньше чѣмъ“, не вполне соответствуютъ другъ другу. Когда зима въ одной странѣ наступаетъ раньше, чѣмъ въ другой, то это еще не значитъ, что она наступаетъ слишкомъ рано.

Прекращая разборъ отдѣльныхъ мѣстъ въ комментаріяхъ г. Фельвеля, мы, приходимъ къ тому заключенію, что книга эта, свидѣтельствующая о близкомъ и основательномъ знакомствѣ комментатора какъ съ спеціальною литературою по Юлію Цезарю, такъ и съ общими сочиненіями по древне-классической филологіи, составлена съ пол-

нымъ стараніемъ и интересомъ къ своему предмету. Объясненія г. Фелькеля по содержанію разнообразны и почти всѣ, по изложенію, дѣйствительно ясны. Такимъ образомъ, рекомендуя этотъ богатый комментарий всѣмъ, желающимъ толково познакомиться съ сочиненіемъ Юлія Цезаря, преимущественно же тѣмъ, у которыхъ нѣтъ подъ руками многихъ грамматическихъ, историческихъ и географическихъ пособій для изученія „Галльской войны“, мы однакожь осмѣливаемся высказать нѣкоторое сомнѣніе на счетъ пригодности этого изданія собственно для учениковъ среднихъ классовъ гимназій. У г. Фелькеля очень много ученаго и иногда даже чисто филологическаго аппарата; толкованія отдѣльныхъ мѣстъ нерѣдко до излишества обширны; критическое отношеніе автора къ мнѣніямъ другихъ издателей не всегда умѣстно въ школьныхъ изданіяхъ; наконецъ, у г. Фелькеля рядомъ съ чисто научными толкованіями, почти нисколько не вызываемыми дѣйствительною потребностію учениковъ IV класса, встрѣчаются очень часто переводы и перифразы такихъ мѣстъ, которыя и безъ этихъ объясненій и переводовъ совершенно должны быть понятны даже ученикамъ 3-го класса гимназій. Повторяемъ, многіе и очень многіе изъ нашихъ учителей искренно благодарятъ г. Фелькеля за его добросовѣстный и дѣльный трудъ: они найдутъ здѣсь много интереснаго и, вѣроятно, много новаго для себя.

А. Гофманъ.

Г. Гофманъ намѣренъ представить въ редакцію разборъ и 2-й части комментаріевъ г. Фелькеля къ «Галльской Войнѣ» Цезаря. *Ред.*

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ г. Павловича (см. отдѣлъ классической филологии въ октябрьской книжкѣ) вкрались слѣдующія опечатки:

Стран. 145, строка 25, вмѣсто quo exempla, читай: duo exempla.
 „ 146, „ 36, „ illum erunt, читай: illud erunt.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ ТАБЛИЦЫ

ДЛЯ ВЫЧИСЛЕНІЯ ПОЖИЗНЕННЫХЪ ЭМЕРИТАЛЬ- НЫХЪ ПЕНСІЙ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ постоянныхъ заботахъ своихъ о благосостояніи и обезпеченіи лицъ, посвящающихъ свою дѣятельность обученію и образованію народа въ открываемыхъ имъ сельскихъ начальныхъ училищахъ, находитъ вполне дѣлесообразнымъ и притомъ возможнымъ образовать посредствомъ нѣкоторыхъ вычетовъ изъ содержанія, получаемаго наставниками этихъ училищъ, эмеритальную кассу для выдачи пожизненныхъ пенсій участникамъ въ ея образованіи. Предлагаемыя здѣсь вспомогательныя таблицы для вычисленія такихъ пенсій составлены мною по его порученію и по указанію нашего заслуженнаго академика В. Я. Буныковского. Въ приложенной къ этимъ таблицамъ объяснительной запискѣ, показаны какъ способъ ихъ употребленія, такъ и понятный для всякаго, знакомаго съ элементарною алгеброю и простѣйшими понятіями изъ теоріи вѣроятностей, выводъ формулы, на основаніи которой вычислены самыя таблицы. Имѣя въ виду, что преподавателями сельскихъ училищъ могутъ быть лица не моложе 20 лѣтъ и не старѣе 50-ти — при поступленіи ихъ на службу, — я ограничился въ своихъ таблицахъ возрастами 25-ти и 75-ти лѣтъ, находя, кромѣ того, болѣе удобнымъ для учреждаемой кассы выдавать лицу, вносящему въ кассу ежегодно, въ теченіи времени меньшаго 5 лѣтъ, извѣстную сумму, весь капиталъ, накопившійся изъ его взносовъ, разчитанный

изъ $3\frac{1}{2}$ или 4 процентовъ. Въ основаніе всѣхъ расчетовъ при опредѣленіи пенсій принята мною, по указанію академика В. Я. Буяковскаго, *Таблица смертности, Денарсье*, при $4\frac{1}{2}$ нормѣ процентовъ. Перечислять эти пенсіи для высшаго размѣра процентовъ, что клонилось бы къ ихъ увеличенію, я счелъ излишнимъ и совершенно безполезнымъ, по причинѣ той невзвѣстности, въ которой мы находимся, съ одной стороны, на счетъ степени применимости таблицы *Денарсье* къ смертности въ Россіи, а съ другой—относительно того, на какіе проценты съ достовѣрностію можно разчитывать въ отдаленномъ будущемъ. Мы находимъ сильное подтвержденіе этого нашего замѣчанія въ примѣрѣ Франціи. Законами 12-го и 18-го іюня 1850 года учреждена была *сберегательная касса для престарѣлыхъ* (Caisse de retraites pour la vieillesse). Тарифъ пенсій былъ вычисленъ по 5-ти процентной нормѣ и по таблицѣ смертности *Денарсье*, *собственно составленной для Франціи*. Спустя нѣсколько лѣтъ, процентъ этотъ найденъ слишкомъ высокимъ, такъ что представлялась необходимость его понизить: новымъ закономъ 12-го іюня 1861 года онъ былъ сокращенъ до $4\frac{1}{2}\%$.

При вычисленіи предлагаемыхъ таблицъ я пользовался сочиненіями: *Théorie des annuités viagères et des assurances sur la vie, par Francis Baily, traduit de l'Anglais par Alfred de Courcy. Paris 1836, 2 vol.* и *Основанія математической теоріи впроятностей академика Буяковскаго, 1846, Сиб.*, и преимущественно личнымъ указаніямъ нашего академика обязанъ я возможностью выполненія возложеннаго на меня порученія.

ТАВЛИЦА III.

Годовая пенсия изъ капитала 1 рубль для одного лица.				Годовая пенсия изъ капитала 1 рубль для							
				Разность возрастовъ 0 лѣтъ.				Разность возрастовъ 1 годъ.			
Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.
25	0,0617	51	0,0857	25—25	0,0532	51—51	0,0697	25—24	0,0530	51—50	0,0691
26	0,0621	52	0,0874	26—26	0,0535	52—52	0,0709	26—25	0,0633	52—51	0,0703
27	0,0625	53	0,0893	27—27	0,0538	53—53	0,0722	27—26	0,0636	53—52	0,0715
28	0,0629	54	0,0914	28—28	0,0541	54—54	0,0737	28—27	0,0539	54—53	0,0729
29	0,0633	55	0,0935	29—29	0,0544	55—55	0,0752	29—28	0,0542	55—54	0,0744
30	0,0637	56	0,0959	30—30	0,0547	56—56	0,0768	30—29	0,0545	56—55	0,0759
31	0,0642	57	0,0984	31—31	0,0551	57—57	0,0785	31—30	0,0549	57—56	0,0775
32	0,0647	58	0,1010	32—32	0,0555	58—58	0,0803	32—31	0,0553	58—57	0,0794
33	0,0652	59	0,1038	33—33	0,0559	59—59	0,0823	33—32	0,0556	59—58	0,0812
34	0,0657	60	0,1070	34—34	0,0563	60—60	0,0845	34—33	0,0561	60—59	0,0832
35	0,0663	61	0,1105	35—35	0,0568	61—61	0,0869	35—34	0,0565	61—60	0,0855
36	0,0669	62	0,1144	36—36	0,0572	62—62	0,0895	36—35	0,0570	62—61	0,0879
37	0,0676	63	0,1186	37—37	0,0577	63—63	0,0922	37—36	0,0574	63—62	0,0907
38	0,0684	64	0,1232	38—38	0,0583	64—64	0,0953	38—37	0,0579	64—63	0,0935
39	0,0692	65	0,1285	39—39	0,0589	65—65	0,0986	39—38	0,0585	65—64	0,0966
40	0,0702	66	0,1342	40—40	0,0595	66—66	0,1023	40—39	0,0591	66—65	0,1002
41	0,0711	67	0,1403	41—41	0,0602	67—67	0,1061	41—40	0,0598	67—66	0,1040
42	0,0722	68	0,1468	42—42	0,0609	68—68	0,1103	42—41	0,0605	68—67	0,1080
43	0,0734	69	0,1536	43—43	0,0617	69—69	0,1147	43—42	0,0612	69—68	0,1123
44	0,0746	70	0,1607	44—44	0,0625	70—70	0,1193	44—43	0,0620	70—69	0,1172
45	0,0760	71	0,1688	45—45	0,0634	71—71	0,1253	45—44	0,0629	71—70	0,1223
46	0,0774	72	0,1771	46—46	0,0643	72—72	0,1299	46—45	0,0637	72—71	0,1271
47	0,0789	73	0,1861	47—47	0,0653	73—73	0,1358	47—46	0,0647	73—72	0,1327
48	0,0805	74	0,1960	48—48	0,0663	74—74	0,1423	48—47	0,0657	74—73	0,1388
49	0,0821	75	0,2068	49—49	0,0674	75—75	0,1494	49—48	0,0668	75—74	0,1456
50	0,0839			50—50	0,0685			50—49	0,0679		

ТАБЛИЦА IV.

двух лиц, различных возрастов, по день смерти последнего изъ нихъ.

Разность возрастовъ 2 года.				Разность возрастовъ 3 года.				Разность возрастовъ 4 года.			
Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.
25—23	0,0529	51—49	0,0684	25—22	0,0528	51—48	0,0678	25—21	0,0526	51—47	0,0672
26—24	0,0532	52—50	0,0697	26—23	0,0530	52—49	0,0690	26—22	0,0529	52—48	0,0684
27—25	0,0534	53—51	0,0709	27—24	0,0533	53—50	0,0702	27—23	0,0532	53—49	0,0695
28—26	0,0538	54—52	0,0722	28—25	0,0536	54—51	0,0715	28—24	0,0535	54—50	0,0708
29—27	0,0540	55—53	0,0735	29—26	0,0539	55—52	0,0728	29—25	0,0537	55—51	0,0721
30—28	0,0544	56—54	0,0751	30—27	0,0542	56—53	0,0742	30—26	0,0540	56—52	0,0734
31—29	0,0547	57—55	0,0766	31—28	0,0545	57—54	0,0758	31—27	0,0544	57—53	0,0749
32—30	0,0551	58—56	0,0783	32—29	0,0549	58—55	0,0774	32—28	0,0547	58—54	0,0766
33—31	0,0554	59—57	0,0802	33—30	0,0552	59—56	0,0791	33—29	0,0551	59—55	0,0782
34—32	0,0558	60—58	0,0821	34—31	0,0556	60—57	0,0811	34—30	0,0554	60—56	0,0801
35—33	0,0563	61—59	0,0842	35—32	0,0560	61—58	0,0831	35—31	0,0558	61—57	0,0821
36—34	0,0567	62—60	0,0865	36—33	0,0565	62—59	0,0852	36—32	0,0563	62—58	0,0841
37—35	0,0572	63—61	0,0891	37—34	0,0569	63—60	0,0877	37—33	0,0567	63—59	0,0864
38—36	0,0577	64—62	0,0919	38—35	0,0574	64—61	0,0903	38—34	0,0572	64—60	0,0889
39—37	0,0582	65—63	0,0949	39—36	0,0579	65—62	0,0933	39—35	0,0577	65—61	0,0917
40—38	0,0588	66—64	0,0982	40—37	0,0584	66—63	0,0963	40—36	0,0582	66—62	0,0947
41—39	0,0594	67—65	0,1018	41—38	0,0591	67—64	0,0997	41—37	0,0588	67—63	0,0978
42—40	0,0601	68—66	0,1058	42—39	0,0597	68—65	0,1036	42—38	0,0594	68—64	0,1014
43—41	0,0608	69—67	0,1100	43—40	0,0604	69—66	0,1076	43—39	0,0601	69—65	0,1053
44—42	0,0616	70—68	0,1144	44—41	0,0612	70—67	0,1119	44—40	0,0608	70—66	0,1094
45—43	0,0624	71—69	0,1198	45—42	0,0619	71—68	0,1168	45—41	0,0616	71—67	0,1139
46—44	0,0632	72—70	0,1241	46—43	0,0628	72—69	0,1213	46—42	0,0624	72—68	0,1185
47—45	0,0642	73—71	0,1298	47—44	0,0637	73—70	0,1265	47—43	0,0632	73—69	0,1235
48—46	0,0652	74—72	0,1355	48—45	0,0646	74—71	0,1322	48—44	0,0641	74—70	0,1288
49—47	0,0662	75—73	0,1419	49—46	0,0657	75—72	0,1383	49—45	0,0651	75—71	0,1348
50—48	0,0673			50—47	0,0667			50—46	0,0662		

Продолжение таблицы IV.

Годовая пенсия с капитала 1 рубль для двух лиц, разл.											
Разность возрастов 5 лѣтъ.				Разность возрастов 6 лѣтъ.				Разность возрастов 7 лѣтъ.			
Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.
25—20	0,0525	51—46	0,0666	25—19	0,0524	51—45	0,0659	25—18	0,0523	51—44	0,0653
26—21	0,0528	52—47	0,0677	26—20	0,0527	52—46	0,0671	26—19	0,0525	52—45	0,0664
27—22	0,0530	53—48	0,0689	27—21	0,0529	53—47	0,0681	27—20	0,0528	53—46	0,0675
28—23	0,0533	54—49	0,0701	28—22	0,0532	54—48	0,0694	28—21	0,0530	54—47	0,0686
29—24	0,0536	55—50	0,0714	29—23	0,0534	55—49	0,0706	29—22	0,0533	55—48	0,0699
30—25	0,0539	56—51	0,0727	30—24	0,0537	56—50	0,0719	30—23	0,0536	56—49	0,0711
31—26	0,0542	57—52	0,0742	31—25	0,0540	57—51	0,0734	31—24	0,0539	57—50	0,0725
32—27	0,0545	58—53	0,0757	32—26	0,0544	58—52	0,0748	32—25	0,0542	58—51	0,0740
33—28	0,0549	59—54	0,0773	33—27	0,0547	59—53	0,0763	33—26	0,0545	59—52	0,0754
34—29	0,0553	60—55	0,0791	34—28	0,0550	60—54	0,0781	34—27	0,0548	60—53	0,0770
35—30	0,0556	61—56	0,0810	35—29	0,0554	61—55	0,0798	35—28	0,0552	61—54	0,0788
36—31	0,0561	62—57	0,0831	36—30	0,0558	62—56	0,0818	36—29	0,0556	62—55	0,0806
37—32	0,0565	63—58	0,0853	37—31	0,0562	63—57	0,0839	37—30	0,0560	63—56	0,0826
38—33	0,0570	64—59	0,0876	38—32	0,0567	64—58	0,0862	38—31	0,0564	64—57	0,0848
39—34	0,0575	65—60	0,0902	39—33	0,0572	65—59	0,0886	39—32	0,0569	65—58	0,0871
40—35	0,0580	66—61	0,0931	40—34	0,0577	66—60	0,0912	40—33	0,0574	66—59	0,0895
41—36	0,0586	67—62	0,0962	41—35	0,0582	67—61	0,0941	41—34	0,0579	67—60	0,0922
42—37	0,0591	68—63	0,0994	42—36	0,0588	68—62	0,0973	42—35	0,0585	68—61	0,0952
43—38	0,0598	69—64	0,1030	43—37	0,0594	69—63	0,1006	43—36	0,0590	69—62	0,0984
44—39	0,0605	70—65	0,1069	44—38	0,0600	70—64	0,1042	44—37	0,0596	70—63	0,1017
45—40	0,0612	71—66	0,1111	45—39	0,0607	71—65	0,1082	45—38	0,0603	71—64	0,1055
46—41	0,0620	72—67	0,1156	46—40	0,0615	72—66	0,1126	46—39	0,0610	72—65	0,1096
47—42	0,0628	73—68	0,1205	47—41	0,0623	73—67	0,1173	47—40	0,0618	73—66	0,1141
48—43	0,0637	74—69	0,1256	48—42	0,0631	74—68	0,1223	48—41	0,0626	74—67	0,1191
49—44	0,0646	75—70	0,1312	49—43	0,0640	75—69	0,1277	49—42	0,0635	75—68	0,1242
50—45	0,0658			50—44	0,0650			50—43	0,0644		

иных возраговъ, по день смерти послѣднего изъ нихъ.

Разность возраговъ 8 лѣтъ.				Разность возраговъ 9 лѣтъ.				Разность возраговъ 10 лѣтъ.			
Годн.	Пенсія.	Годн.	Пенсія.	Годн.	Пенсія.	Годн.	Пенсія.	Годн.	Пенсія.	Годн.	Пенсія.
25—17	0,0521	51—43	0,0647	25—16	0,0520	51—42	0,0642	26—16	0,0521	52—42	0,0646
26—18	0,0524	52—44	0,0657	26—17	0,0522	52—43	0,0652	27—17	0,0524	53—43	0,0656
27—19	0,0526	53—45	0,0668	27—18	0,0525	53—44	0,0662	28—18	0,0526	54—44	0,0666
28—20	0,0529	54—46	0,0680	28—19	0,0528	54—45	0,0672	29—19	0,0529	55—45	0,0677
29—21	0,0532	55—47	0,0691	29—20	0,0530	55—46	0,0684	30—20	0,0531	56—46	0,0689
30—22	0,0534	56—48	0,0704	30—21	0,0533	56—47	0,0696	31—21	0,0534	57—47	0,0701
31—23	0,0537	57—49	0,0717	31—22	0,0536	57—48	0,0709	32—22	0,0537	58—48	0,0714
32—24	0,0540	58—50	0,0731	32—23	0,0539	58—49	0,0722	33—23	0,0540	59—49	0,0727
33—25	0,0543	59—51	0,0745	33—24	0,0542	59—50	0,0737	34—24	0,0543	60—50	0,0742
34—26	0,0547	60—52	0,0760	34—25	0,0545	60—51	0,0751	35—25	0,0547	61—51	0,0758
35—27	0,0550	61—53	0,0777	35—26	0,0548	61—52	0,0767	36—26	0,0550	62—52	0,0774
36—28	0,0554	62—54	0,0795	36—27	0,0552	62—53	0,0784	37—27	0,0554	63—53	0,0791
37—29	0,0558	63—55	0,0814	37—28	0,0556	63—54	0,0803	38—28	0,0558	64—54	0,0810
38—30	0,0562	64—56	0,0834	38—29	0,0560	64—55	0,0822	39—29	0,0562	65—55	0,0830
39—31	0,0567	65—57	0,0857	39—30	0,0564	65—56	0,0843	40—30	0,0567	66—56	0,0852
40—32	0,0571	66—58	0,0880	40—31	0,0569	66—57	0,0866	41—31	0,0571	67—57	0,0875
41—33	0,0576	67—59	0,0905	41—32	0,0574	67—58	0,0889	42—32	0,0576	68—58	0,0899
42—34	0,0582	68—60	0,0932	42—33	0,0579	68—59	0,0915	43—33	0,0582	69—59	0,0926
43—35	0,0587	69—61	0,0962	43—34	0,0584	69—60	0,0943	44—34	0,0587	70—60	0,0954
44—36	0,0593	70—62	0,0995	44—35	0,0590	70—61	0,0974	45—35	0,0593	71—61	0,0986
45—37	0,0599	71—63	0,1030	45—36	0,0596	71—62	0,1008	46—36	0,0600	72—62	0,1020
46—38	0,0606	72—64	0,1068	46—37	0,0602	72—63	0,1042	47—37	0,0606	73—63	0,1056
47—39	0,0614	73—65	0,1111	47—38	0,0610	73—64	0,1082	48—38	0,0613	74—64	0,1096
48—40	0,0621	74—66	0,1158	48—39	0,0617	74—65	0,1127	49—39	0,0621	75—65	0,1141
49—41	0,0630	75—67	0,1207	49—40	0,0625	75—66	0,1174	50—40	0,0629		
50—42	0,0638			50—41	0,0633			51—41	0,0637		

Продолжение таблицы IV.

Годовая пенсия съ капитала 1 рубль для двухъ лицъ, раздѣл											
Разность возрастовъ 11 лѣтъ.				Разность возрастовъ 12 лѣтъ.				Разность возрастовъ 13 лѣтъ.			
Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.
27—16	0,0522	53—42	0,0648	28—16	0,0522	54—42	0,0651	29—16	0,0524	55—42	0,0653
28—17	0,0524	54—43	0,0658	29—17	0,0525	55—43	0,0661	30—17	0,0527	56—43	0,0663
29—18	0,0527	55—44	0,0668	30—18	0,0528	56—44	0,0671	31—18	0,0530	57—44	0,0675
30—19	0,0530	56—45	0,0679	31—19	0,0531	57—45	0,0683	32—19	0,0533	58—45	0,0686
31—20	0,0533	57—46	0,0692	32—20	0,0535	58—46	0,0695	33—20	0,0536	59—46	0,0699
32—21	0,0536	58—47	0,0704	33—21	0,0537	59—47	0,0708	34—21	0,0539	60—47	0,0712
33—22	0,0539	59—48	0,0718	34—22	0,0540	60—48	0,0722	35—22	0,0542	61—48	0,0727
34—23	0,0542	60—49	0,0732	35—23	0,0543	61—49	0,0737	36—23	0,0545	62—49	0,0742
35—24	0,0545	61—50	0,0747	36—24	0,0546	62—50	0,0753	37—24	0,0548	63—50	0,0758
36—25	0,0548	62—51	0,0764	37—25	0,0550	63—51	0,0769	38—25	0,0551	64—51	0,0775
37—26	0,0552	63—52	0,0780	38—26	0,0553	64—52	0,0786	39—26	0,0555	65—52	0,0792
38—27	0,0556	64—53	0,0797	39—27	0,0557	65—53	0,0804	40—27	0,0559	66—53	0,0810
39—28	0,0560	65—54	0,0817	40—28	0,0561	66—54	0,0824	41—18	0,0563	67—54	0,0830
40—29	0,0564	66—55	0,0837	41—29	0,0566	67—55	0,0844	42—29	0,0568	68—55	0,0850
41—30	0,0569	67—56	0,0859	42—30	0,0570	68—56	0,0865	43—30	0,0572	69—56	0,0872
42—31	0,0573	68—57	0,0882	43—31	0,0575	69—57	0,0889	44—31	0,0577	70—57	0,0896
43—32	0,0578	69—58	0,0907	44—32	0,0581	70—58	0,0913	45—32	0,0583	71—58	0,0920
44—33	0,0584	70—59	0,0933	45—33	0,0586	71—59	0,0940	46—33	0,0588	72—59	0,0946
45—34	0,0589	71—60	0,0961	46—34	0,0592	72—60	0,0968	47—34	0,0594	73—60	0,0975
46—35	0,0596	72—61	0,0992	47—35	0,0598	73—61	0,1000	48—35	0,0600	74—61	0,1007
47—36	0,0602	73—62	0,1028	48—36	0,0604	74—62	0,1035	49—36	0,0606	75—62	0,1042
48—37	0,0608	74—63	0,1064	49—37	0,0610	75—63	0,1071	50—37	0,0612		
49—38	0,0615	75—64	0,1104	50—38	0,0617			51—38	0,0619		
50—39	0,0623			51—39	0,0625			52—39	0,0627		
51—40	0,0631			52—40	0,0633			53—40	0,0635		
52—41	0,0639			53—41	0,0642			54—41	0,0644		

ныхъ возрастовъ, по день смерти послѣдняго изъ нихъ.

Разность возрастовъ 14 лѣтъ.				Разность возрастовъ 15 лѣтъ.				Разность возрастовъ 16 лѣтъ.			
Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.
30—16	0,0525	55—41	0,0847	31—16	0,0527	56—41	0,0650	32—16	0,0529	57—41	0,0653
31—17	0,0528	56—42	0,0856	32—17	0,0530	57—42	0,0660	33—17	0,0531	58—42	0,0663
32—18	0,0531	57—43	0,0867	33—18	0,0538	58—43	0,0670	34—18	0,0534	59—43	0,0674
33—19	0,0534	58—44	0,0878	34—19	0,0536	59—44	0,0882	35—19	0,0537	60—44	0,0686
34—20	0,0537	59—45	0,0890	35—20	0,0539	60—45	0,0694	36—20	0,0540	61—45	0,0699
35—21	0,0540	60—46	0,0703	36—21	0,0541	61—46	0,0708	37—21	0,0543	62—46	0,0713
36—22	0,0543	61—47	0,0717	37—22	0,0544	62—47	0,0722	38—22	0,0546	63—47	0,0727
37—23	0,0546	62—48	0,0732	38—23	0,0548	63—48	0,0737	39—23	0,0549	64—48	0,0742
38—24	0,0550	63—49	0,0747	39—24	0,0551	64—49	0,0752	40—24	0,0553	65—49	0,0757
39—25	0,0553	64—50	0,0764	40—25	0,0555	65—50	0,0769	41—25	0,0556	66—50	0,0774
40—26	0,0557	65—51	0,0781	41—26	0,0559	66—51	0,0786	42—26	0,0560	67—51	0,0791
41—27	0,0561	66—52	0,0797	42—27	0,0563	67—52	0,0803	43—27	0,0565	68—52	0,0808
42—28	0,0565	67—53	0,0816	43—28	0,0567	68—53	0,0821	44—28	0,0569	69—53	0,0827
43—29	0,0570	68—54	0,0836	44—29	0,0572	69—54	0,0841	45—29	0,0574	70—54	0,0846
44—30	0,0575	69—55	0,0856	45—30	0,0577	70—55	0,0861	46—30	0,0579	71—55	0,0867
45—31	0,0580	70—56	0,0878	46—31	0,0582	71—56	0,0883	47—31	0,0584	72—56	0,0889
46—32	0,0585	71—57	0,0902	47—32	0,0587	72—57	0,0908	48—32	0,0589	73—57	0,0914
47—33	0,0591	72—58	0,0926	48—33	0,0593	73—58	0,0932	49—33	0,0595	74—58	0,0939
48—34	0,0596	73—59	0,0953	49—34	0,0598	74—59	0,0959	50—34	0,0600	75—59	0,0966
49—35	0,0602	74—60	0,0982	50—35	0,0604	75—60	0,0989	51—35	0,0606		
50—36	0,0608	75—61	0,1014	51—36	0,0610			52—36	0,0612		
51—37	0,0614			52—37	0,0616			53—37	0,0619		
52—38	0,0622			53—38	0,0624			54—38	0,0627		
53—39	0,0629			54—39	0,0632			55—39	0,0636		
54—40	0,0638			55—40	0,0641			56—40	0,0644		

Продолженіе таблицы IV.

Годовая пенсія изъ капитала 1 рубль для двухъ лицъ, разн.

Разность возрастовъ 17 лѣтъ.				Разности возрастовъ 18 лѣтъ.				Разности возрастовъ 19 лѣтъ.			
Годы	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.
33—16	0,0530	59—42	0,0667	34—16	0,0531	60—42	0,0671	35—16	0,0532	61—42	0,0675
34—17	0,0532	60—43	0,0678	35—17	0,0533	61—43	0,0682	36—17	0,0534	62—43	0,0686
35—18	0,0535	61—44	0,0690	36—18	0,0536	62—44	0,0694	37—18	0,0537	63—44	0,0699
36—19	0,0538	62—45	0,0703	37—19	0,0539	63—45	0,0708	38—19	0,0541	64—45	0,0712
37—20	0,0541	63—46	0,0717	38—20	0,0543	64—46	0,0722	39—20	0,0544	65—46	0,0726
38—21	0,0544	64—47	0,0731	39—21	0,0546	65—47	0,0736	40—21	0,0547	66—47	0,0740
39—22	0,0547	65—48	0,0747	40—22	0,0549	66—48	0,0751	41—22	0,0551	67—48	0,0755
40—23	0,0551	66—49	0,0762	41—23	0,0552	67—49	0,0767	42—23	0,0554	68—49	0,0771
41—24	0,0554	67—50	0,0779	42—24	0,0556	68—50	0,0784	43—24	0,0558	69—50	0,0788
42—25	0,0558	68—51	0,0796	43—25	0,0560	69—51	0,0801	44—25	0,0562	70—51	0,0805
43—26	0,0562	69—52	0,0813	44—26	0,0564	70—52	0,0818	45—26	0,0567	71—52	0,0821
44—27	0,0567	70—53	0,0831	45—27	0,0569	71—53	0,0837	46—27	0,0571	72—53	0,0842
45—28	0,0571	71—54	0,0852	46—28	0,0574	72—54	0,0857	47—28	0,0576	73—54	0,0863
46—29	0,0576	72—55	0,0873	47—29	0,0578	73—55	0,0878	48—29	0,0581	74—55	0,0884
47—30	0,0581	73—56	0,0895	48—30	0,0583	74—56	0,0901	49—30	0,0586	75—56	0,0907
48—31	0,0586	74—57	0,0920	49—31	0,0588	75—57	0,0926	50—31	0,0591		
49—32	0,0592	75—58	0,0945	50—32	0,0594			51—32	0,0597		
50—33	0,0597			51—33	0,0600			52—33	0,0602		
51—34	0,0603			52—34	0,0605			53—34	0,0608		
52—35	0,0609			53—35	0,0612			54—35	0,0615		
53—36	0,0615			54—36	0,0618			55—36	0,0621		
54—37	0,0622			55—37	0,0625			56—37	0,0631		
55—38	0,0630			56—38	0,0633			57—38	0,0637		
56—39	0,0638			57—39	0,0642			58—39	0,0646		
57—40	0,0648			58—40	0,0651			59—40	0,0655		
58—41	0,0657			59—41	0,0661			60—41	0,0665		

иных возрастовъ, по день смерти послѣдняго изъ нихъ.....

Разность возрастовъ 20 лѣтъ.				Разность возрастовъ 21 годъ.				Разность возрастовъ 22 года.			
Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.
36—16	0,0533	62—42	0,0679	37—16	0,0533	63—42	0,0681	38—16	0,0535	64—42	0,0683
37—17	0,0536	63—43	0,0691	38—17	0,0537	64—43	0,0693	39—17	0,0538	65—43	0,0695
38—18	0,0539	64—44	0,0703	39—18	0,0540	65—44	0,0705	40—18	0,0542	66—44	0,0707
39—19	0,0542	65—45	0,0716	40—19	0,0543	66—45	0,0718	41—19	0,0545	67—45	0,0721
40—20	0,0545	66—46	0,0730	41—20	0,0547	67—46	0,0732	42—20	0,0549	68—46	0,0735
41—21	0,0549	67—47	0,0744	42—21	0,0551	68—47	0,0747	43—21	0,0553	69—47	0,0750
42—22	0,0553	68—48	0,0759	43—22	0,0554	69—48	0,0763	44—22	0,0556	70—48	0,0765
43—23	0,0556	69—49	0,0775	44—23	0,0558	70—49	0,0778	45—23	0,0560	71—49	0,0782
44—24	0,0560	70—50	0,0792	45—24	0,0562	71—50	0,0796	46—24	0,0564	72—50	0,0800
45—25	0,0564	71—51	0,0810	46—25	0,0566	72—51	0,0814	47—25	0,0568	73—51	0,0817
46—26	0,0569	72—52	0,0828	47—26	0,0571	73—52	0,0832	48—26	0,0573	74—52	0,0835
47—27	0,0573	73—53	0,0847	48—27	0,0575	74—53	0,0851	49—27	0,0577	75—53	0,0855
48—28	0,0578	74—54	0,0868	49—28	0,0580	75—54	0,0872	50—28	0,0582		
49—29	0,0583	75—55	0,0890	50—29	0,0585			51—29	0,0587		
50—30	0,0588			51—30	0,0590			52—30	0,0592		
51—31	0,0594			52—31	0,0595			53—31	0,0597		
52—32	0,0599			53—32	0,0601			54—32	0,0603		
53—33	0,0605			54—33	0,0607			55—33	0,0609		
54—34	0,0611			55—34	0,0613			56—34	0,0615		
55—35	0,0618			56—35	0,0620			57—35	0,0622		
56—36	0,0625			57—36	0,0627			58—36	0,0629		
57—37	0,0632			58—37	0,0634			59—37	0,0636		
58—38	0,0641			59—38	0,0642			60—38	0,0644		
59—39	0,0649			60—39	0,0651			61—39	0,0653		
60—40	0,0659			61—40	0,0661			62—40	0,0662		
61—41	0,0669			62—41	0,0671			63—41	0,0673		

Продолжение таблицы IV.

Годовая пенсия из капитала 1 рубль для двух лиц, различ											
Разность возрастов 23 года.				Разность возрастов 24 года.				Разность возрастов 25 лет.			
Годы.	Пенсия.	Годы.	Пенсия.	Годы.	Пенсия.	Годы.	Пенсия.	Годы.	Пенсия.	Годы.	Пенсия.
39—16	0,0536	65—42	0,0686	40—16	0,0538	66—42	0,0688	41—16	0,0540	67—42	0,0691
40—17	0,0540	66—43	0,0697	41—17	0,0542	67—43	0,0700	42—17	0,0544	68—43	0,0702
41—18	0,0544	67—44	0,0710	42—18	0,0545	68—44	0,0712	43—18	0,0547	69—44	0,0715
42—19	0,0547	68—45	0,0723	43—19	0,0549	69—45	0,0726	44—19	0,0551	70—45	0,0729
43—20	0,0551	69—46	0,0738	44—20	0,0553	70—46	0,0741	45—20	0,0554	71—46	0,0744
44—21	0,0555	70—47	0,0753	45—21	0,0556	71—47	0,0756	46—21	0,0558	72—47	0,0759
45—22	0,0558	71—48	0,0769	46—22	0,0560	72—48	0,0772	47—22	0,0561	73—48	0,0775
46—23	0,0562	72—49	0,0785	47—23	0,0564	73—49	0,0789	48—23	0,0565	74—49	0,0792
47—24	0,0566	73—50	0,0803	48—24	0,0568	74—50	0,0806	49—24	0,0569	75—50	0,0809
48—25	0,0570	74—51	0,0821	49—25	0,0572	75—51	0,0824	50—25	0,0573		
49—26	0,0574	75—52	0,0839	50—26	0,0576			51—26	0,0578		
50—27	0,0579			51—27	0,0581			52—27	0,0582		
51—28	0,0584			52—28	0,0585			53—28	0,0587		
52—29	0,0589			53—29	0,0590			54—29	0,0592		
53—30	0,0594			54—30	0,0596			55—30	0,0598		
54—31	0,0599			55—31	0,0601			56—31	0,0603		
55—32	0,0605			56—32	0,0607			57—32	0,0609		
56—33	0,0611			57—33	0,0613			58—33	0,0615		
57—34	0,0618			58—34	0,0619			59—34	0,0621		
58—35	0,0624			59—35	0,0626			60—35	0,0628		
59—36	0,0631			60—36	0,0632			61—36	0,0634		
60—37	0,0638			61—37	0,0640			62—37	0,0642		
61—38	0,0646			62—38	0,0648			63—38	0,0650		
62—39	0,0655			63—39	0,0657			64—39	0,0659		
63—40	0,0665			64—40	0,0667			65—40	0,0669		
64—41	0,0675			65—41	0,0677			66—41	0,0679		

имъ возрастовъ, по день смерти послѣдняго изъ нихъ:

Разность возрастовъ 26 лѣтъ.				Разность возрастовъ 27 лѣтъ.				Разность возрастовъ 28 лѣтъ.			
Годн.	Пенсія.	Годн.	Пенсія.	Годн.	Пенсія.	Годн.	Пенсія.	Годн.	Пенсія.	Годн.	Пенсія.
12—16	0,0542	68—42	0,0693	43—16	0,0543	69—42	0,0696	44—16	0,0545	70—42	0,0698
13—17	0,0545	69—43	0,0705	44—17	0,0547	70—43	0,0708	45—17	0,0548	71—43	0,0710
14—18	0,0549	70—44	0,0719	45—18	0,0550	71—44	0,0721	46—18	0,0551	72—44	0,0723
15—19	0,0552	71—45	0,0732	46—19	0,0554	72—45	0,0735	47—19	0,0555	73—45	0,0737
16—20	0,0556	72—46	0,0747	47—20	0,0558	73—46	0,0750	48—20	0,0559	74—46	0,0752
17—21	0,0559	73—47	0,0762	48—21	0,0561	74—47	0,0765	49—21	0,0562	75—47	0,0767
18—22	0,0563	74—48	0,0778	49—22	0,0565	75—48	0,0781	50—22	0,0566		
19—23	0,0567	75—49	0,0794	50—23	0,0568			51—23	0,0570		
20—24	0,0571			51—24	0,0572			52—24	0,0574		
21—25	0,0575			52—25	0,0577			53—25	0,0578		
22—26	0,0579			53—26	0,0581			54—26	0,0583		
23—27	0,0584			54—27	0,0586			55—27	0,0588		
24—28	0,0589			55—28	0,0591			56—28	0,0593		
25—29	0,0594			56—29	0,0596			57—29	0,0598		
26—30	0,0599			57—30	0,0601			58—30	0,0603		
27—31	0,0605			58—31	0,0607			59—31	0,0609		
28—32	0,0611			59—32	0,0612			60—32	0,0614		
29—33	0,0617			60—33	0,0619			61—33	0,0621		
30—34	0,0623			61—34	0,0625			62—34	0,0627		
31—35	0,0630			62—35	0,0632			63—35	0,0634		
32—36	0,0637			63—36	0,0639			64—36	0,0641		
33—37	0,0644			64—37	0,0646			65—37	0,0649		
34—38	0,0653			65—38	0,0655			66—38	0,0658		
35—39	0,0662			66—39	0,0664			67—39	0,0667		
36—40	0,0672			67—40	0,0674			68—40	0,0677		
37—41	0,0682			68—41	0,0685			69—41	0,0687		

Продолженіе таблицы IV.

Годовая пенсія изъ капитала 1 рубль для двухъ лицъ, различныхъ возрастовъ, по день смерти послѣдняго изъ нихъ.							
Разность возрастовъ 29 лѣтъ.				Разность возрастовъ 30 лѣтъ.			
Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.	Годы.	Пенсія.
45—16	0,0546	71—42	0,0701	46—10	0,0547	72—42	0,0703
46—17	0,0549	72—43	0,0713	47—17	0,0550	73—43	0,0715
47—18	0,0553	73—44	0,0726	48—18	0,0554	74—44	0,0728
48—19	0,0556	74—45	0,0740	49—19	0,0558	75—45	0,0742
49—20	0,0560	75—46	0,0754	50—20	0,0562		
50—21	0,0564			51—21	0,0565		
51—22	0,0568			52—22	0,0569		
52—23	0,0572			53—23	0,0573		
53—24	0,0576			54—24	0,0578		
54—25	0,0580			55—25	0,0582		
55—26	0,0585			56—26	0,0586		
56—27	0,0589			57—27	0,0591		
57—28	0,0594			58—28	0,0596		
58—29	0,0600			59—29	0,0601		
59—30	0,0605			60—30	0,0607		
60—31	0,0611			61—31	0,0613		
61—32	0,0617			62—32	0,0619		
62—33	0,0623			63—33	0,0625		
63—34	0,0629			64—34	0,0632		
64—35	0,0636			65—35	0,0639		
65—36	0,0644			66—36	0,0646		
66—37	0,0651			67—37	0,0654		
67—38	0,0660			68—38	0,0663		
68—39	0,0670			69—39	0,0672		
69—40	0,0679			70—40	0,0682		
70—41	0,0690			71—41	0,0692		

ТАВЛИЦА V*).

Таблица смертности по наблюдениямъ Депарсь.

Годн.	Число оставшихся въ живыхъ.	Число умершихъ.	Годн.	Число оставшихся въ живыхъ.	Число умершихъ.	Годн.	Число оставшихся въ живыхъ.	Число умершихъ.	Годн.	Число оставшихся въ живыхъ.	Число умершихъ.
3	1000	30	29	742	8	55	526	12	81	101	16
4	970	22	30	734	8	56	514	12	82	85	14
5	948	18	31	726	8	57	502	13	83	71	12
6	930	15	32	718	8	58	489	13	84	59	11
7	915	13	33	710	8	59	476	13	85	48	10
8	902	12	34	702	8	60	463	13	86	38	9
9	890	10	35	694	8	61	450	13	87	29	7
10	880	8	36	686	8	62	437	14	88	22	6
11	872	6	37	678	7	63	423	14	89	16	5
12	866	6	38	671	7	64	409	14	90	11	4
13	860	6	39	664	7	65	395	15	91	7	3
14	854	6	40	657	7	66	380	16	92	4	2
15	848	6	41	650	7	67	364	17	93	2	1
16	842	7	42	643	7	68	347	18	94	1	1
17	835	7	43	636	7	69	329	19	95	0	0
18	828	7	44	629	7	70	310	19			
19	821	7	45	622	7	71	291	20			
20	814	8	46	615	8	72	271	20			
21	806	8	47	607	8	73	251	20			
22	798	8	48	599	9	74	231	20			
23	790	8	49	590	9	75	211	19			
24	782	8	50	581	10	76	192	19			
25	774	8	51	571	11	77	173	19			
26	766	8	52	560	11	78	154	18			
27	758	8	53	549	11	79	136	18			
28	750	8	54	538	12	80	118	17			

*) Таблицы V и VI взяты изъ сочинения: «Théorie des annuités etc. par Francis Baily. traduit de l'Anglais par Alfred de Courcy. Paris 1836, 2 vol.»

А И И И И А И
Т А В Л
ДЛЯ ЧИСЛЕННЫХ ВОЗРАСТОВ, ВЫРАЖЕННЫХ, ОБЪЯВЛЕННЫХ

Годн.	А.	Годн.	А.	Годн.	А.	Разность возрастов 0 летъ.					
						Годн.	АВ.	Годн.	АВ.	Годн.	АВ.
3	16,756	35	15,078	67	7,129	3—3	13,571	35—35	12,536	67—67	4,835
4	17,052	36	14,941	68	6,814	4—4	14,072	36—36	12,408	68—68	4,560
5	17,233	37	14,797	69	6,511	5—5	14,396	37—37	12,274	69—69	4,300
6	17,357	38	14,624	70	6,221	6—6	14,632	38—38	12,095	70—70	4,062
7	17,435	39	14,444	71	5,925	7—7	14,796	39—39	11,907	71—71	3,817
8	17,482	40	14,254	72	5,648	8—8	14,910	40—40	11,710	72—72	3,599
9	17,515	41	14,056	73	5,373	9—9	15,004	41—41	11,502	73—73	3,384
10	17,512	42	13,849	74	5,101	10—10	15,038	42—42	11,322	74—74	3,176
11	17,468	43	13,631	75	4,836	11—11	15,004	43—43	11,051	75—75	2,977
12	17,380	44	13,403	76	4,553	12—12	14,897	44—44	10,807	76—76	2,758
13	17,289	45	13,164	77	4,281	13—13	14,786	45—45	10,549	77—77	2,549
14	17,194	46	12,913	78	4,025	14—14	14,669	46—46	10,276	78—78	2,362
15	17,095	47	12,672	79	3,763	15—15	14,547	47—47	10,023	79—79	2,165
16	16,991	48	12,419	80	3,533	16—16	14,419	48—48	9,756	80—80	2,005
17	16,905	49	12,176	81	3,313	17—17	14,321	49—49	9,508	81—81	1,860
18	16,815	50	11,921	82	3,114	18—18	14,220	50—50	9,246	82—82	1,745
19	16,721	51	11,675	83	2,895	19—19	14,114	51—51	9,004	83—83	1,614
20	16,624	52	11,440	84	2,641	20—20	14,004	52—52	8,782	84—84	1,442
21	16,544	53	11,195	85	2,392	21—21	13,926	53—53	8,549	85—85	1,276
22	16,462	54	10,938	86	2,158	22—22	13,846	54—54	8,303	86—86	1,128
23	16,377	55	10,691	87	1,955	23—23	13,764	55—55	8,077	87—87	1,024
24	16,289	56	10,433	88	1,693	24—24	13,679	56—56	7,839	88—88	0,860
25	16,198	57	10,163	89	1,433	25—25	13,591	57—57	7,588	89—89	0,699
26	16,104	58	9,902	90	1,178	26—26	13,501	58—58	7,357	90—90	0,545
27	16,006	59	9,631	91	0,934	27—27	13,408	59—59	7,114	91—91	0,405
28	15,905	60	9,346	92	0,707	28—28	13,312	60—60	6,857	92—92	0,296
29	15,800	61	9,049	93	0,478	29—29	13,213	61—61	6,585	93—93	0,239
30	15,691	62	8,738	94	0,000	30—30	13,110	62—62	6,297	94—94	0,000
31	15,578	63	8,433			31—31	13,004	63—63	6,024		
32	15,460	64	8,114			32—32	12,893	64—64	5,733		
33	15,338	65	7,780			33—33	12,779	65—65	5,423		
34	15,211	66	7,451			34—34	12,660	66—66	5,123		

І А VI,

чрезъ А или В и АВ, по наблюдениямъ Депарсьб.

Равность возрастовъ 5 лѣтъ.						Равность возрастовъ 10 лѣтъ.					
Годм.	АВ.	Годм.	АВ.	Годм.	АВ.	Годм.	АВ.	Годм.	АВ.	Годм.	АВ.
3—8	14,219	35—40	12,089	67—72	4,128	3—13	13,535	35—45	11,385	67—77	3,351
4—9	14,525	36—41	11,918	68—73	3,885	4—14	14,345	36—46	11,174	68—78	3,126
5—10	14,708	37—42	11,739	69—74	3,653	5—15	14,446	37—47	10,970	69—79	2,902
6—11	14,811	38—43	11,531	70—75	3,436	6—16	14,498	38—48	10,738	70—80	2,709
7—12	14,840	39—44	11,313	71—76	3,203	7—17	14,528	39—49	10,512	71—81	2,524
8—13	14,841	40—45	11,082	72—77	2,989	8—18	14,531	40—50	10,274	72—82	2,365
9—14	14,828	41—46	10,839	73—78	2,788	9—19	14,521	41—51	10,042	73—83	2,195
10—15	14,783	42—47	10,601	74—79	2,588	10—20	14,479	42—52	9,817	74—84	1,999
11—16	14,701	43—48	10,349	75—80	2,409	11—21	14,421	43—53	9,579	75—85	1,811
12—17	14,598	44—49	10,102	76—81	2,232	12—22	14,326	44—54	9,329	76—86	1,627
13—18	14,491	45—50	9,841	77—82	2,076	13—23	14,228	45—55	9,083	77—87	1,473
14—19	14,380	46—51	9,583	78—83	1,917	14—24	14,126	46—56	8,824	78—88	1,279
15—20	14,264	47—52	9,345	79—84	1,730	15—25	14,020	47—57	8,566	79—89	1,082
16—21	14,161	48—53	9,095	80—85	1,562	16—26	13,909	48—58	8,312	80—90	0,895
17—22	14,071	49—54	8,846	81—86	1,408	17—27	13,811	49—59	8,060	81—91	0,717
18—23	13,979	50—55	8,602	82—87	1,292	18—28	13,710	50—60	7,793	82—92	0,559
19—24	13,884	51—56	8,360	83—88	1,130	19—29	13,605	51—61	7,526	83—93	0,398
20—25	13,784	52—57	8,120	84—89	0,954	20—30	13,496	52—62	7,257	84—94	0,000
21—26	13,699	53—58	7,886	85—90	0,782	21—31	13,400	53—63	6,992		
22—27	13,612	54—59	7,639	86—91	0,621	22—32	13,301	54—64	6,711		
23—28	13,522	55—60	7,394	87—92	0,489	23—33	13,199	55—65	6,428		
24—29	13,429	56—61	7,136	88—93	0,348	24—34	13,092	56—66	6,145		
25—30	13,333	57—62	6,862	89—94	0,000	25—35	12,982	57—67	5,864		
26—31	13,233	58—63	6,606			26—36	12,868	58—68	5,598		
27—32	13,131	59—64	6,333			27—37	12,749	59—69	5,339		
28—33	13,024	60—65	6,045			28—38	12,606	60—70	5,088		
29—34	12,914	61—66	5,757			29—39	12,455	61—71	4,828		
30—35	12,799	62—67	5,467			30—40	12,298	62—72	4,578		
31—36	12,680	63—68	5,191			31—41	12,133	63—73	4,337		
32—37	12,556	64—69	4,917			32—42	11,960	64—74	4,093		
33—38	12,408	65—70	4,647			33—43	11,778	65—75	3,848		
34—39	12,252	66—71	4,377			34—44	11,587	66—76	3,594		

Продолжение таблицы VI.

Разность возрастовъ 20 лѣтъ.						Разность возрастовъ 30 лѣтъ.					
Годы.	АВ.	Годы.	АВ.	Годы.	АВ.	Годы.	АВ.	Годы.	АВ.	Годы.	АВ.
3—23	13,566	32—52	10,212	61—81	2,944	3—33	12,893	32—62	8,038	61—91	0,891
4—24	13,765	33—53	10,008	62—82	2,764	4—34	13,048	33—63	7,775	62—92	0,677
5—25	13,870	34—54	9,794	63—83	2,573	5—35	13,112	34—64	7,499	63—93	0,463
6—26	13,929	35—55	9,589	64—84	2,346	6—36	13,130	35—65	7,207	64—94	0,000
7—27	13,951	36—56	9,374	65—85	2,120	7—37	13,111	36—66	6,920		
8—28	13,946	37—57	9,148	66—86	1,909	8—38	13,043	37—67	6,639		
9—29	13,929	38—58	8,916	67—87	1,729	9—39	12,960	38—68	6,353		
10—30	13,822	39—59	8,673	68—88	1,498	10—40	12,843	39—69	6,076		
11—31	13,801	40—60	8,417	69—89	1,270	11—41	12,690	40—70	5,811		
12—32	13,684	41—61	8,147	70—90	1,049	12—42	12,498	41—71	5,538		
13—33	13,562	42—62	7,862	71—91	0,834	13—43	12,296	42—72	5,282		
14—34	13,434	43—63	7,582	72—92	0,638	14—44	12,084	43—73	5,025		
15—35	13,301	44—64	7,285	73—93	0,440	15—45	11,860	44—74	4,770		
16—36	13,162	45—65	6,972	74—94	0,000	16—46	11,624	45—75	4,518		
17—37	13,033	46—66	6,659			17—47	11,410	46—76	4,248		
18—38	12,878	47—67	6,360			18—48	11,185	47—77	3,991		
19—39	12,716	48—68	6,065			19—49	10,968	48—78	3,748		
20—40	12,545	49—69	5,787			20—50	10,739	49—79	3,503		
21—41	12,382	50—70	5,517			21—51	10,532	50—80	3,284		
22—42	12,211	51—71	5,250			22—52	10,335	51—81	3,080		
23—43	12,032	52—72	5,007			23—53	10,128	52—82	2,899		
24—44	11,843	53—73	4,762			24—54	9,911	53—83	2,700		
25—45	11,645	54—74	4,518			25—55	9,702	54—84	2,464		
26—46	11,436	55—75	4,286			26—56	9,484	55—85	2,238		
27—47	11,236	56—76	4,037			27—57	9,255	56—86	2,023		
28—48	11,025	57—77	3,794			28—58	9,034	57—87	1,836		
29—49	10,823	58—78	3,573			29—59	8,803	58—88	1,596		
30—50	10,611	59—79	3,343			30—60	8,561	59—89	1,356		
31—51	10,407	60—80	3,140			31—61	8,306	60—90	1,119		

ТАБЛИЦА VII

для численных величин выражений, означенных чрез А или В и АВ, соответствующих разностям возрастовъ отъ 0 до 15 лѣтъ включительно.

Годы.	А.	Годы.	А.	Разность возрастовъ 0 лѣтъ.			
				Годы.	АВ.	Годы.	АВ.
16	16,9111	46	12,9130	25—25	13,5916	55—55	8,0769
17	16,9046	47	12,6719	26—26	13,5014	56—56	7,8390
18	16,8147	48	12,4190	27—27	13,4084	57—57	7,5881
19	16,7211	49	12,1758	28—28	13,3123	58—58	7,3569
20	16,6239	50	11,9208	29—29	13,2129	59—59	7,1135
21	16,5444	51	11,6754	30—30	13,1098	60—60	6,8569
22	16,4622	52	11,4405	31—31	13,0034	61—61	6,5855
23	16,3772	53	11,1949	32—32	12,8930	62—62	6,2973
24	16,2893	54	10,9379	33—33	12,7786	63—63	6,0235
25	16,1983	55	10,6908	34—34	12,6597	64—64	5,7329
26	16,1040	56	10,4327	35—35	12,5362	65—65	5,4231
27	16,0063	57	10,1626	36—36	12,4076	66—66	5,1233
28	15,9050	58	9,9022	37—37	12,2738	67—67	4,8349
29	15,7999	59	9,6304	38—38	12,0951	68—68	4,5597
30	15,6909	60	9,3464	39—39	11,9073	69—69	4,3005
31	15,5776	61	9,0492	40—40	11,7097	70—70	4,0618
32	15,4600	62	8,7377	41—41	11,5016	71—71	3,8169
33	15,3378	63	8,4330	42—42	11,2823	72—72	3,5993
34	15,2106	64	8,1142	43—43	11,0510	73—73	3,3844
35	15,0784	65	7,7799	44—44	10,8068	74—74	3,1756
36	14,9406	66	7,4509	45—45	10,5487	75—75	2,9774
37	14,7972	67	7,1285	46—46	10,2757		
38	14,6244	68	6,8142	47—47	10,0231		
39	14,4436	69	6,5106	48—48	9,7558		
40	14,2544	70	6,2205	49—49	9,5082		
41	14,0563	71	5,9256	50—50	9,2464		
42	13,8487	72	5,6485	51—51	9,0039		
43	13,6312	73	5,3790	52—52	8,7824		
44	13,4032	74	5,1009	53—53	8,5491		
45	13,1640	75	4,8357	54—54	8,3028		

Продолжение таблицы VII.

Разность возрастовъ 1 годъ.				Разность возрастовъ 2 года.				Разность возрастовъ 3 года.			
Годы.	АВ.	Годы.	АВ.	Годы.	АВ.	Годы.	АВ.	Годы.	АВ.	Годы.	
25—24	13,6344	54—53	8,4229	25—23	13,6751	54—52	8,5326	25—22	13,7135	54—51	8
26—25	13,5456	55—54	8,1868	26—24	13,5875	55—53	8,3027	26—23	13,6270	55—52	8
27—26	13,4540	56—55	7,9547	27—25	13,4971	56—54	8,0604	27—24	13,5377	56—53	8
28—27	13,3593	57—56	7,7101	28—26	13,4038	57—55	7,8213	28—25	13,4456	57—54	7
29—28	13,2615	58—57	7,4689	29—27	13,3074	58—56	7,5864	29—26	13,3504	58—55	7
30—29	13,1604	59—58	7,2314	30—28	13,2078	59—57	7,3390	30—27	13,2521	59—56	7
31—30	13,0557	60—59	6,9812	31—29	13,1047	60—58	7,0942	31—28	13,1504	60—57	7
32—31	12,9473	61—60	6,7168	32—30	12,9979	61—59	6,8359	32—29	13,0451	61—58	6
33—32	12,8348	62—61	6,4367	33—31	12,8873	62—60	6,5626	33—30	12,9360	62—59	6
34—33	12,7181	63—62	6,1557	34—32	12,7724	63—61	6,2896	34—31	12,8229	63—60	6
35—34	12,5968	64—63	5,8731	35—33	12,6532	64—62	5,9998	35—32	12,7054	64—61	6
36—35	12,4707	65—64	5,5724	36—34	12,5292	65—63	5,7069	36—33	12,5833	65—62	5
37—36	12,3394	66—65	5,2699	37—35	12,4002	66—64	5,4114	37—34	12,4564	66—63	5
38—37	12,1829	67—66	4,9751	38—36	12,2461	67—65	5,1127	38—35	12,3044	67—64	5
39—38	11,9996	68—67	4,6934	39—37	12,0847	68—66	4,8257	39—36	12,1451	68—65	4
40—39	11,8068	69—68	4,4264	40—38	11,8963	69—67	4,5526	40—37	11,9783	69—66	4
41—40	11,6039	70—69	4,1776	41—39	11,6979	70—68	4,2964	41—38	11,7841	70—67	4
42—41	11,3901	71—70	3,9357	42—40	11,4891	71—69	4,0446	42—39	11,5797	71—68	4
43—42	11,1646	72—71	3,7047	43—41	11,2690	72—70	3,8166	43—40	11,3643	72—69	3
44—43	10,9267	73—72	3,4884	44—42	11,0368	73—71	3,5873	44—41	11,1372	73—70	3
45—44	10,6755	74—73	3,2766	45—43	10,7916	74—72	3,3739	45—42	10,8974	74—71	3
46—45	10,4098	75—74	3,0731	46—44	10,5325	75—73	3,1675	46—43	10,6442	75—72	3
47—46	10,1471			47—45	10,2771			47—44	10,3952		
48—47	9,8869			48—46	10,0068			48—45	10,1320		
49—48	9,6296			49—47	9,7566			49—46	9,8718		
50—49	9,3746			50—48	9,4919			50—47	9,6139		
51—50	9,1225			51—49	9,2467			51—48	9,3590		
52—51	8,8905			52—50	9,0052			52—49	9,1244		
53—52	8,6629			53—51	8,7671			53—50	8,8767		

Разность возрастовъ 4 года.				Разность возрастовъ 5 лѣтъ.				Разность возрастовъ 6 лѣтъ.			
Годн.	АВ.	Годн.	АВ.	Годн.	АВ.	Годн.	АВ.	Годн.	АВ.	Годн.	АВ.
25—21	13,7498	54—50	8,7365	25—20	13,7842	54—49	8,8462	25—19	13,8355	54—48	8,9448
26—22	13,6642	55—51	8,5014	26—21	13,6994	55—50	8,6016	26—20	13,7326	55—49	8,7064
27—23	13,5759	56—52	8,2700	27—22	13,6120	56—51	8,3596	27—21	13,6460	56—50	8,4549
28—24	13,4849	57—53	8,0260	28—23	13,5218	57—52	8,1203	28—22	13,5567	57—51	8,2050
29—25	13,3908	58—54	7,7862	29—24	13,4288	58—53	7,8858	29—23	13,4645	58—52	7,9751
30—26	13,2937	59—55	7,5495	30—25	13,3327	59—54	7,6388	30—24	13,3693	59—53	7,7331
31—27	13,1932	60—56	7,3001	31—26	13,2333	60—55	7,3939	31—25	13,2708	60—54	7,4779
32—28	13,0893	61—57	7,0366	32—27	13,1305	61—56	7,1355	32—26	13,1690	61—55	7,2235
33—29	12,9815	62—58	6,7733	33—28	13,0240	62—57	6,8619	33—27	13,0636	62—56	6,9546
34—30	12,8698	63—59	6,5121	34—29	12,9136	63—58	6,6050	34—28	12,9536	63—57	6,6876
35—31	12,7539	64—60	6,2557	35—30	12,7990	64—59	6,3335	35—29	12,8402	64—58	6,4199
36—32	12,6335	65—61	5,9922	36—31	12,6801	65—60	6,0455	36—30	12,7225	65—59	6,1363
37—33	12,5083	66—62	5,7167	37—32	12,5564	66—61	5,7566	37—31	12,6001	66—60	5,8528
38—34	12,3881	67—63	5,4341	38—33	12,4077	67—62	5,4669	38—32	12,4527	67—61	5,5694
39—35	12,2608	68—64	5,0814	39—34	12,2521	68—63	5,1912	39—33	12,2985	68—62	5,2868
40—36	12,0360	69—65	4,7991	40—35	12,0890	69—64	4,9174	40—34	12,1378	69—63	5,0198
41—37	11,8630	70—66	4,5325	41—36	11,9180	70—65	4,6469	41—35	11,9684	70—64	4,7578
42—38	11,6626	71—67	4,2675	42—37	11,7385	71—66	4,3773	42—36	11,7906	71—65	4,4843
43—39	11,4514	72—68	4,0233	43—38	11,5311	72—67	4,1278	43—37	11,6038	72—66	4,2305
44—40	11,2288	73—69	3,7877	44—39	11,3125	73—68	3,8854	44—38	11,3888	73—67	3,9830
45—41	10,9940	74—70	3,5644	45—40	11,0820	74—69	3,6532	45—39	11,1621	74—68	3,7441
46—42	10,7460	75—71	3,3441	46—41	10,8387	75—70	3,4356	46—40	10,9229	75—69	3,5179
47—43	10,5028			47—42	10,6006			47—41	10,6894		
48—44	10,2458			48—43	10,3492			48—42	10,4429		
49—45	9,9925			49—44	10,1020			49—43	10,2012		
50—46	9,7246			50—45	9,8408			50—44	9,9459		
51—47	9,4765			51—46	9,5829			51—45	9,6945		
52—48	9,2323			52—47	9,3454			52—46	9,4473		
53—49	8,9912			53—48	9,0946			53—47	9,2020		

Продолжение таблицы VII.

Равность возрастовъ 7 лѣтъ.				Равность возрастовъ 8 лѣтъ.				Равность возрастовъ 9 лѣтъ.			
Годн.	АВ.	Годн.	АВ.	Годн.	АВ.	Годн.	АВ.	Годн.	АВ.	Годн.	АВ.
25—18	13,8785	54—47	9,0486	25—17	13,9234	54—46	9,1419	25—16	13,9644	54—45	9,2404
26—19	13,7795	55—48	8,8007	26—18	13,8262	55—47	8,9000	26—17	13,8688	55—46	8,9689
27—20	13,6767	56—49	8,5550	27—19	13,7254	56—48	8,6447	27—18	13,7697	56—47	8,7394
28—21	13,5879	57—50	8,2955	28—20	13,6207	57—49	8,3908	28—19	13,6668	57—48	8,4758
29—22	13,4964	58—51	8,0551	29—21	13,5299	58—50	8,1409	29—20	13,5600	58—49	8,2315
30—23	13,4015	59—52	7,8173	30—22	13,4362	59—51	7,8927	30—21	13,4668	59—50	7,9738
31—24	13,3038	60—53	7,5668	31—23	13,3393	60—52	7,6480	31—22	13,3706	60—51	7,7166
32—25	13,2030	61—54	7,3021	32—24	13,2391	61—53	7,3856	32—23	13,2710	61—52	7,4598
33—26	13,0983	62—55	7,0369	33—25	13,1353	62—54	7,1100	33—24	13,1679	62—53	7,1887
34—27	12,9899	63—56	6,7743	34—26	13,0278	63—55	6,8510	34—25	13,0611	63—54	6,9190
35—28	12,8774	64—57	6,4965	35—27	12,9164	64—56	6,5773	35—26	12,9504	64—55	6,6484
36—29	12,7606	65—58	6,2164	36—28	12,8007	65—57	6,2870	36—27	12,8355	65—56	6,3618
37—30	12,6392	66—59	5,9370	37—29	12,6805	66—58	6,0108	37—28	12,7161	66—57	6,0757
38—31	12,4928	67—60	5,6587	38—30	12,5353	67—59	5,7365	38—29	12,5717	67—58	5,8044
39—32	12,3395	68—61	5,3822	39—31	12,3834	68—60	5,4649	39—30	12,4207	68—59	5,5365
40—33	12,1791	69—62	5,1086	40—32	12,2242	69—61	5,1972	40—31	12,2625	69—60	5,2735
41—34	12,0108	70—63	4,8532	41—33	12,0574	70—62	4,9354	41—32	12,0966	70—61	5,0176
42—35	11,8342	71—64	4,5877	42—34	11,8923	71—63	4,6761	42—33	11,9225	71—62	4,7519
43—36	11,6486	72—65	4,3304	43—35	11,6984	72—64	4,4268	43—34	11,7397	72—63	4,5087
44—37	11,4534	73—66	4,0787	44—36	11,5050	73—65	4,1716	44—35	11,5476	73—64	4,2611
45—38	11,2299	74—67	3,8349	45—37	11,3015	74—66	3,9238	45—36	11,3453	74—65	4,0099
46—39	10,9995	75—68	3,6023	46—38	11,0691	75—67	3,6863	46—37	11,1223	75—66	3,7686
47—40	10,7701			47—39	10,8433			47—38	10,9095		
48—41	10,5279			48—40	10,6049			48—39	10,6745		
49—42	10,2910			49—41	10,3723			49—40	10,4457		
50—43	10,0409			50—42	10,1268			50—41	10,2044		
51—44	9,7953			51—43	9,8864			51—42	9,9684		
52—45	9,5547			52—44	9,6514			52—43	9,7385		
53—46	9,3006			53—45	9,4036			53—44	9,4962		

Разность возрастовъ 10 лѣтъ.				Разность возрастовъ 11 лѣтъ.				Разность возрастовъ 12 лѣтъ.			
Годы.	АВ.	Годы.	АВ.	Годы.	АВ.	Годы.	АВ.	Годы.	АВ.	Годы.	АВ.
26—16	13,9089	55—45	9,0832	27—16	13,8507	56—45	8,9141	28—16	13,8027	57—45	8,7320
27—17	13,8114	56—46	8,8241	28—17	13,7510	57—46	8,6465	29—17	13,7016	58—46	8,4742
28—18	13,7102	57—47	8,5661	29—18	13,6476	58—47	8,3981	30—18	13,5966	59—47	8,2173
29—19	13,6051	58—48	8,3122	30—19	13,5401	59—48	8,1361	31—19	13,4875	60—48	7,9461
30—20	13,4959	59—49	8,0597	31—20	13,4283	60—49	7,8743	32—20	13,3740	61—49	7,6739
31—21	13,4001	60—50	7,7930	32—21	13,3298	61—50	7,5975	33—21	13,2736	62—50	7,3857
32—22	13,3011	61—51	7,5256	33—22	13,2278	62—51	7,3188	34—22	13,1696	63—51	7,1132
33—23	13,1986	62—52	7,2573	34—23	13,1222	63—52	7,0564	35—23	13,0619	64—52	6,8386
34—24	13,0924	63—53	6,9919	35—24	13,0127	64—53	6,7791	36—24	12,9502	65—53	6,5479
35—25	12,9824	64—54	6,7111	36—25	12,8990	65—54	6,4852	37—25	12,8341	66—54	6,2581
36—26	12,8681	65—55	6,4274	37—26	12,7810	66—55	6,2053	38—26	12,6930	67—55	5,9830
37—27	12,7495	66—56	6,1447	38—27	12,6379	67—56	5,9275	39—27	12,5456	68—56	5,7116
38—28	12,6058	67—57	5,8638	39—28	12,4682	68—57	5,6530	40—28	12,3912	69—57	5,4457
39—29	12,4555	68—58	5,5987	40—29	12,3314	69—58	5,3963	41—29	12,2293	70—58	5,2001
40—30	12,2980	69—59	5,3393	41—30	12,1671	70—59	5,1482	42—30	12,0596	71—59	4,9470
41—31	12,1330	70—60	5,0878	42—31	11,9947	71—60	4,8920	43—31	11,8814	72—60	4,7070
42—32	11,9598	71—61	4,8276	43—32	11,8136	72—61	4,6480	44—32	11,6941	73—61	4,4642
43—33	11,7780	72—62	4,5783	44—33	11,6232	73—62	4,4002	45—33	11,4971	74—62	4,2196
44—34	11,5868	73—63	4,3365	45—34	11,4230	74—63	4,1617	46—34	11,2897	75—63	3,9874
45—35	11,3856	74—64	4,0926	46—35	11,2110	75—64	3,9242	47—35	11,0910		
46—36	11,1736	75—65	3,8481	47—36	11,0083			48—36	10,8819		
47—37	10,9698			48—37	10,7949			49—37	10,6813		
48—38	10,7377			49—38	10,5722			50—38	10,4531		
49—39	10,5122			50—39	10,3374			51—39	10,2320		
50—40	10,2743			51—40	10,1089			52—40	10,0186		
51—41	10,0423			52—41	9,8873			53—41	9,7942		
52—42	9,8169			53—42	9,6540			54—42	9,5580		
53—43	9,5793			54—43	9,4080			55—43	9,3284		
54—44	9,3288			55—44	9,1678			56—44	8,9943		

Продолжение таблицы VII.

Разность возрастовъ 18 лѣтъ.				Разность возрастовъ 14 лѣтъ.				Разность возрастовъ 15 лѣтъ.			
Годн.	АВ.	Годн.	АВ.	Годн.	АВ.	Годн.	АВ.	Годн.	АВ.	Годн.	АВ.
29—16	13,7241	58—45	8,5556	30—16	13,5561	59—45	8,3665	31—16	13,5839	60—45	8,1650
30—17	13,6195	59—46	8,2893	31—17	13,5486	60—46	8,0908	32—17	13,4737	61—46	7,8788
31—18	13,5109	60—47	8,0229	32—18	13,4371	61—47	7,8138	33—18	13,3591	62—47	7,5890
32—19	13,3979	61—48	7,7414	33—19	13,3211	62—48	7,5207	34—19	13,2397	63—48	7,3024
33—20	13,2804	62—49	7,4575	34—20	13,2003	63—49	7,2431	35—20	13,1153	64—49	7,0126
34—21	13,1755	63—50	7,1757	35—21	13,0918	64—50	6,9493	36—21	13,0030	65—50	6,7054
35—22	13,0667	64—51	6,8911	36—22	12,9792	65—51	6,6512	37—22	12,8863	66—51	6,4113
36—23	12,9538	65—52	6,6029	37—23	12,8623	66—52	6,3667	38—23	12,7447	67—52	6,1317
37—24	12,8366	66—53	6,3161	38—24	12,7203	67—53	6,0849	39—24	12,5963	68—53	5,9562
38—25	12,6943	67—54	6,0314	39—25	12,5717	68—54	5,8066	40—25	12,4409	69—54	5,5866
39—26	12,5454	68—55	5,7624	40—26	12,4160	69—55	5,5459	41—26	12,2780	70—55	5,3371
40—27	12,3895	69—56	5,4995	41—27	12,2528	70—56	5,2942	42—27	12,1071	71—56	5,0802
41—28	12,2260	70—57	5,2450	42—28	12,0817	71—57	5,0346	43—28	11,9276	72—57	4,8368
42—29	12,0546	71—58	4,9941	43—29	11,9019	72—58	4,7996	44—29	11,7389	73—58	4,6023
43—30	11,8745	72—59	4,7570	44—30	11,7130	73—59	4,5631	45—30	11,5404	74—59	4,3686
44—31	11,6852	73—60	4,5179	45—31	11,5142	74—60	4,3268	46—31	11,3314	75—60	4,1382
45—32	11,4861	74—81	4,2781	46—32	11,3049	75—61	4,0931	47—32	11,1311		
46—33	11,2763	75—62	4,0400	47—33	11,1042			48—33	10,9202		
47—34	11,0751			48—34	10,8929			49—34	10,7177		
48—35	10,8633			49—35	10,6899			50—35	10,5046		
49—36	10,6597			50—36	10,4763			51—36	10,2998		
50—37	10,4455			51—37	10,2710			52—37	10,1042		
51—38	10,2226			52—38	10,0582			53—38	9,8829		
52—39	10,0072			53—39	9,8344			54—39	9,6509		
53—40	9,7807			54—40	9,5988			55—40	9,4252		
54—41	9,5422			55—41	9,3701			56—41	9,1869		
55—42	9,3101			56—42	9,1294			57—42	8,9368		
56—43	9,0658			57—43	8,8758			58—43	8,6928		
57—44	8,8082			58—44	8,6278			59—44	8,4358		

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

къ вспомогательнымъ таблицамъ для вычисленій пожизненныхъ эмеритальныхъ пенсій.

Для составленія таблицъ, показывающихъ размѣры годовыхъ пожизненныхъ выдачъ изъ кассы лицамъ, участвующимъ въ образованіи ея средствъ, нужно знать капиталы, которыми она можетъ располагать, норму процентовъ съ этихъ капиталовъ, возрастъ, съ котораго участвующимъ предполагается начать производство выдачъ и, наконецъ, ходъ смертности въ средѣ вкладчиковъ.

Въ представленныхъ здѣсь таблицахъ, за исключеніемъ таблицы II, принята процентная норма $4\frac{1}{2}$, и система десятичныхъ долей. Въ таблицѣ I-й, противъ 0 въ вертикальномъ столбцѣ, показаны капиталы, образующіеся изъ одного рубля, вносимаго въ эмеритальную кассу ежегодно, и притомъ въ началѣ каждаго года, отъ 1-го до 25-ти лѣтъ включительно. Но иногда лицо, вносящее въ кассу ежегодно въ теченіи, положимъ, 15-ти лѣтъ по 1 рублю, перестаетъ по какимъ либо причинамъ дѣлать эти взносы, продолжая впрочемъ службу, допустимъ, до 25-лѣтняго срока; тогда капиталъ 21,719336, образовавшійся изъ ежегодныхъ взносовъ по 1 рублю, находится въ кассѣ 10-ть лѣтъ, возрастетъ до 83,729466 рублей; число это показано на пересѣченіи горизонтальной строки противъ 15 съ вертикальною противъ 10. Если бы это лицо оставило службу по истеченіи 20-ти лѣтъ, то образовавшійся къ концу его службы капиталъ 27,066245 руб. показанъ на пересѣченіи той же горизонтальной строки съ вертикальною противъ 6. Также можетъ случиться, что пре-

подаватель сельскаго училища будетъ дѣлать взносы по одному рублю въ различные промежутки времени, — тогда капиталъ, образовавшійся къ концу его службы, получится чрезъ сложение нѣсколькихъ отдѣльныхъ суммъ, находимыхъ по таблицѣ I. Напримѣръ, пусть преподаватель въ первые пять лѣтъ своей службы вноситъ въ кассу по 1 рублю; потомъ чрезъ три года вноситъ столько же въ теченіи 7 лѣтъ; далѣе чрезъ 1 годъ вноситъ столько же въ продолженіи 4-хъ лѣтъ и, прослуживъ всего 23 года, выходитъ въ отставку. Въ этомъ случаѣ, капиталъ 12,625640 руб., образовавшійся изъ первыхъ взносовъ, показанъ на пересѣченіи горизонтальной строки противъ 5 съ вертикальнымъ столбцомъ противъ 18, такъ какъ всей его службы $5 + 18 = 53$ года; далѣе капиталъ 11,917222 руб., образовавшійся изъ вторыхъ взносовъ, показанъ на пересѣченіи горизонтальной строки противъ 7 съ вертикальною противъ 8, такъ какъ сумма, образовавшаяся изъ этихъ взносовъ, будетъ находиться въ кассѣ только 8 лѣтъ; и, наконецъ, капиталъ 4,470710 руб., составившійся изъ послѣднихъ взносовъ, находясь въ кассѣ 3 года, возрастетъ до 5,101823 рублей, что показано на пересѣченіи столбца вертикальнаго противъ 3 съ горизонтальной строкой противъ 4; сумма $12,625640 + 11,917222 + 5,101823 = 29,644685$ дастъ величину капитала, образовавшагося изъ всѣхъ показанныхъ взносовъ.

Такъ какъ лица, участвующія въ образованіи эмеритальной кассы, будутъ производить взносы, отличные отъ одного рубля, то для полученія дѣйствительныхъ капиталовъ, очевидно, стоитъ только числа, находимыя по таблицѣ I, умножить на величины дѣйствительныхъ ежегодныхъ рублевыхъ взносовъ. Такъ, напримѣръ, если бы въ послѣднемъ изъ взятыхъ случаевъ первые взносы дѣлаемы были по 18 рублей ежегодно, вторые по 12 руб., послѣдніе по 9 рублей, то дѣйствительный капиталъ, образовавшійся изъ этихъ взносовъ къ концу службы преподавателя, получился бы слѣдующій: $12,625640 \times 18 + 11,917222 \times 12 + 5,101823 \times 9 = 416,184591$ рублей. Если бы нѣкоторыми преподавателями дѣлаемы были единовременные взносы въ эмеритальную кассу, напримѣръ, при полученіи денежныхъ наградъ, то капиталы, образовавшіеся отъ такихъ взносовъ, къ концу извѣстнаго времени, найдутся, если числа послѣдней горизонтальной строки въ таблицѣ I, соотвѣтствующія тому времени, въ продолженіи котораго эти взносы находились въ кассѣ, умножить на величины этихъ взносовъ.

Кромѣ таблицы I, вслѣдъ за нею помѣщена таблица II, показы-

вающая образованіе капитала k изъ одного рубля, вносимаго въ кас-су также въ началѣ каждаго года, и его увеличеніе къ концу извѣ-стнаго времени, но при нормѣ процентовъ 5, такъ какъ, можетъ быть, представится для кассы возможность на суммы, составившіяся изъ преподавательскихъ взносов, приобретать фонды, дающіе бо-лѣе $4\frac{1}{2}\%$. Опредѣленіе капиталовъ по этой таблицѣ дѣлается со-вершенно также, какъ и по таблицѣ I.

Таблицы III и IV содержатъ въ себѣ величины пожизненныхъ эмеритальныхъ пенсій съ *одного* рубля капитала, который будетъ обя-зана производить имѣющая образоваться эмеритальная касса своимъ участникамъ, соотвѣтственно ихъ возрастамъ, начиная съ которыхъ имъ придется получать такую пенсію, и капиталамъ, образовавшимся въ кассѣ изъ ихъ взносов,—таблица III для холостыхъ, а таблица IV для женатыхъ, сообразно съ разностию ихъ возрастовъ, по смерти послѣдняго изъ супруговъ. Способъ употребленія этихъ таблицъ объ-яснимъ на нѣсколькихъ частныхъ примѣрахъ:

1) Преподаватель сельскаго училища, неженатый, вносившій въ эмеритальную кассу ежегодно по 12 рублей въ теченіи 25 лѣтъ, оставляетъ службу въ возрастѣ 48 лѣтъ, спрашивается, какую слѣ-дуетъ назначить ему пожизненную пенсію изъ кассы? Капиталь, обра-зовавшійся въ кассѣ изъ взносовъ этого преподавателя, по таблицѣ I есть: $46,570643 \times 12 = 558,85$ рублей; умноживъ число: 0,0805 со-отвѣтствующее возрасту 48 лѣтъ по таблицѣ III на 558,85, полу-чимъ для величины годовой пожизненной пенсіи число: $0,0805 \times 558,85 = 44,99$ рублей; а при 5% получимъ бы капиталъ, по таб-лицѣ II, $50,113454 \times 12 = 601,36$ рублей, а пенсія пожизненная: 48 руб. 41 коп.

2) Преподаватель, внося въ кассу по 13 руб. 20 коп. ежегодно въ теченіи послѣднихъ 20-ти лѣтъ своей службы, выходитъ въ от-ставку 55 лѣтъ. По таблицѣ I, капиталъ его, находящійся въ кассѣ, будетъ: $32,783136 \times 13,20 = 432,74$ рубля; умноживъ на него число 0,0935, взятое изъ таблицы III противъ 55, получимъ для годовой пенсіи преподавателя $0,0935 \times 432,74 = 40$ р. 46 к. Если бы взносъ производимъ былъ тѣмъ же преподавателемъ въ теченіи начальныхъ 20 лѣтъ его 25-лѣтней службы, то образовавшійся къ началу вы-дачи ему пенсіи капиталъ будетъ: $40,853751 \times 13,20 = 539,27$ руб-лей, а искомая пенсія для него была бы: $539,27 \times 0,0935 = 50$ р. 42 к., а употребивъ таблицу II, получили бы для пенсіи $584,91 \times 0,0935 = 54$ р. 69 к.

3) Преподаватель, внося въ эмеритальную кассу, чрезъ 2 года по вступленіи на службу, въ теченіи 6-ти лѣтъ по 14 рублей; потомъ, спустя 3 года, въ продолженіи 5-ти лѣтъ по 13 руб. 20 коп. далѣе, чрезъ 1 годъ, по 12 руб. въ теченіи 3-хъ лѣтъ, а въ остальныхъ 5 лѣтъ своей 25-тилѣтней службы по 9 рублей, оставляетъ службу въ возрастѣ 50 лѣтъ. Пенсія, соответствующая его возрасту съ капитала въ 1 рубль по таблицѣ III была бы: 0,0839; но такъ какъ весь капиталъ въ кассѣ, образовавшійся изъ его взносовъ, есть: $14,834113 \times 14 + 8,495848 \times 13,20 + 4,085222 \times 12 + 5,716892 \times 9 = 420,30$ рублей, то слѣдующая ему изъ кассы пожизненная пенсія будетъ: $0,0839 \times 420,20 = 35$ руб. 26 коп.

4) Если бы, при условіяхъ задачи 1-й, преподаватель имѣлъ жену, 5-ю годами моложе себя, то для опредѣленія искомой пенсіи нужно на капиталъ 558,85 руб., образовавшійся въ кассѣ изъ его взносовъ, умножить число 0,0612, взятое изъ таблицы IV, соответствующее разности возрастовъ 45 и 40 лѣтъ; произведеніе $0,0612 \times 558,85 = 34$ руб. 20 коп. дастъ величину искомой пенсіи по смерти послѣдняго изъ супруговъ; при капитализаціи же взносовъ изъ 5% эта пенсія будетъ: 36 руб. 80 коп.

5) Преподаватель, внося въ эмеритальную кассу, спустя 3 года отъ начала своей службы, въ теченіи 10-ти лѣтъ по 13,20 руб. и потомъ, чрезъ 4 года, въ продолженіи остальныхъ 8-ми лѣтъ службы, по 14 рублей, выходитъ въ отставку въ возрастѣ 52-хъ лѣтъ, имѣя жену 42 лѣтъ. Пенсія съ 1 рубля слѣдовала бы ему—по таблицѣ IV при разности 10 лѣтъ—0,0646 рубля; но такъ какъ величина капитала, образовавшагося изъ его взносовъ, есть: $21,777113 \times 13,20 + 9,802115 \times 14 = 424,69$ рублей, то искомая пенсія для такихъ двухъ лицъ, по смерти послѣдняго изъ нихъ, будетъ: $0,0646 \times 424,69 = 27$ руб. 43 коп.

6) Преподаватель оставляетъ 25-тилѣтнюю службу въ возрастѣ 65 лѣтъ, имѣя жену 47 лѣтъ; онъ вноситъ въ кассу съ пачала своей службы въ теченіи 14-ти лѣтъ по 14 рублей, и потомъ, спустя 1 годъ, въ теченіи 3-хъ лѣтъ по 13 руб. 20 коп. Сумма, образовавшаяся въ концѣ службы такого преподавателя изъ первыхъ взносовъ, возрастетъ до $32,106610 \times 14 = 449$ руб. 49 коп., а изъ другихъ до $4,461165 \times 13,20 = 58$ руб. 89 коп.; слѣдовательно, весь капиталъ его, хранящійся въ кассѣ, будетъ: 508,38 рублей; изъ него, по умноженіи на него числа 0,0736—по таблицѣ IV при разности 18—лучшимъ пенсію 37 руб. 42 коп., которую обязана выдавать касса по

смерть послѣдняго изъ супруговъ. При капитализаціи же взносовъ изъ 5%, эта пенсія была бы 40 руб. 79 коп.

Этихъ примѣровъ достаточно для показанія способа употребленія составленныхъ таблицъ при назначеніи пожизненныхъ пенсій преподавателямъ сельскихъ училищъ, какъ холостымъ, такъ и женатымъ, смотря по ихъ возрастамъ и по количеству взносовъ, сдѣланныхъ ими въ эмеритальную кассу въ продолженіе всей ихъ службы. Остается объяснить, что при принятыхъ — таблицѣ смертности и нормѣ процентовъ — вычисляемія по этимъ таблицамъ пенсіи безобидны для пенсіонеровъ; для этого нужно обратиться къ тѣмъ математическимъ истинамъ, которыя послужили основаніемъ при составленіи приводимыхъ таблицъ.

Таблицы I и II, показывающія образованіе капиталовъ изъ ежегодныхъ взносовъ по одному рублю и увеличеніе ихъ, составлены на основаніи расчетовъ сложныхъ процентовъ. Если капиталъ A_0 вносится въ кассу для увеличенія изъ процентовъ на проценты на какое либо число лѣтъ, — 1, 2, 3, ... вообще n лѣтъ, то этотъ капиталъ, при нормѣ процентовъ: 0,04, 0,045, 0,05, ... и вообще v съ одного рубля, по прошествіи 1, 2, 3, ... n лѣтъ сдѣлается: $A_1 = A_0 (1 + v)$, $A_2 = A_0 (1 + v)^2$, ... $A_n = A_0 (1 + v)^n$. Изъ этой формулы, если извѣстенъ капиталъ A_n , найдется $A_0 = \frac{A_n}{(1 + v)^n}$. Въ нашемъ случаѣ $A_0 = 1$; по этому 1 рубль по прошествіи 1, 2, 3, ... n лѣтъ возрастетъ до $A_1 = 1(1 + v)$, $A_2 = (1 + v)^2$, ... $A_n = (1 + v)^n$. И обратно, настоящая величина одного рубля, который слѣдуетъ получить только по прошествіи 1, 2, 3, ... n лѣтъ, будетъ: $\frac{1}{1 + v}$, $\frac{1}{(1 + v)^2}$, $\frac{1}{(1 + v)^3}$, ... $\frac{1}{(1 + v)^n}$. Другими словами, ежели бы желали по прошествіи 1-го, 2-хъ, 3-хъ, ... вообще n лѣтъ получить одинъ рубль, то должно положить въ кассу въ началѣ перваго года: $\frac{1}{1 + v}$, $\frac{1}{(1 + v)^2}$, $\frac{1}{(1 + v)^3}$, ... вообще $\frac{1}{(1 + v)^n}$ рублей.

Если же капиталъ A_0 вносится ежегодно въ теченіи n лѣтъ и притомъ въ началѣ cadaго года, то, означивъ составившійся такимъ образомъ капиталъ чрезъ k , по прошествіи n лѣтъ, получимъ:

$$1) k = A_0 \frac{(1 + v)^n}{v} \left\{ (1 + v)^n - 1 \right\}.$$

Дѣйствительно, капиталъ A_0 по прошествіи одного года будетъ:

$A_0(1+v) = A_0 \frac{(1+v)}{v} \left\{ (1+v) - 1 \right\}$; присоединивъ къ нему въ началѣ слѣдующаго года A_0 и взявши съ суммы $A_0 + A_0(1+v)$ проценты, получимъ къ концу 2-го года капиталъ: $\left\{ A_0 + A_0(1+v) \right\} (1+v) = A_0 \frac{(1+v)}{v} \left\{ (1+v)^2 - 1 \right\}$; въ началѣ 3-го года вносится опять A_0 ; взявши съ суммы $A_0 + \left\{ A_0 + A_0(1+v) \right\} (1+v)$ проценты, получимъ къ концу 3-го года капиталъ: $\left[A_0 + \left\{ A_0 + A_0(1+v) \right\} (1+v) \right] (1+v) = A_0 \frac{(1+v)}{v} \left\{ (1+v)^3 - 1 \right\}$; и слѣдовательно вообще, по прошествіи n лѣтъ, внося ежегодно въ началѣ каждаго года A_0 , получимъ данную выше формулу 1.

Капиталъ, опредѣляемый по формулѣ: $A_n = \frac{A_0 n}{(1+v)^n}$, называютъ капиталомъ, приведеннымъ къ настоящему времени, то-есть, къ началу того года, съ котораго дѣлаютъ какіе либо расчеты. Такое приведеніе капиталовъ къ настоящему времени облегчаетъ рѣшеніе многихъ задачъ изъ практической жизни—при вычисленіи денежных оборотовъ различныхъ кассъ, страховыхъ обществъ и т. под. Напримѣръ, пусть вѣкто внесъ въ кассу, выдающую $4\frac{1}{2}\%$, капиталъ въ 1000 рублей на 5 лѣтъ; требуется узнать, сколько рублей можетъ выдавать этому лицу ежегодно касса, чтобы, по окончаніи 5 лѣтъ, погасить весь внесенный въ нее капиталъ? Означимъ чрезъ V сумму, выдаваемую кассою ежегодно; сумма V , выданная въ концѣ 1-го года, будучи приведена къ настоящему времени, то-есть, къ началу перваго года, будетъ $\frac{V}{1,045}$; выданная въ концѣ 2-го и приведенная къ началу перваго будетъ: $\frac{1}{(0,045)^2} \times V$; таже сумма V , выданная въ концѣ 3-го, 4-го и 5-го годовъ; будучи приведена къ настоящему времени, будутъ: $\frac{V}{(1,015)^3}$, $\frac{V}{(1,045)^4}$, $\frac{V}{(1,045)^5}$. Очевидно, эти суммы, приведенныя къ началу перваго года, должны составить весь внесенный капиталъ, то-есть, 1000 рублей; поэтому будемъ имѣть равенство:

$$\frac{V}{1,045} + \frac{V}{(1,045)^2} + \frac{V}{(1,045)^3} + \frac{V}{(1,045)^4} + \frac{V}{(1,045)^5} = 1000,$$

или:

$$V \left\{ \frac{1}{1,045} + \frac{1}{1,092} + \frac{1}{1,141} + \frac{1}{1,193} + \frac{1}{1,246} \right\} = 1000;$$

откуда найдется:

$$B = 227 \text{ руб. } 78 \text{ коп.}$$

Совершенно подобнымъ образомъ могли бы вычислить и размѣры пожизненныхъ пенсій лицамъ различныхъ возрастовъ, если бы возможно было опредѣлить, сколько лѣтъ остается прожить каждому изъ нихъ. При невозможности такого опредѣленія для отдѣльныхъ лицъ, руководствуются при рѣшеніи задачи *вѣроятнѣйшими результатами*, доставляемыми законами исчисления *вѣроятностей*. На основаніи этихъ законовъ и непосредственныхъ наблюденій составляются *таблицы смертности* и по нимъ уже опредѣляются искомые размѣры безобидныхъ пожизненныхъ пенсій.

Мѣрою вѣроятности или просто *вѣроятностію* какого-либо событія, зависящаго отъ нѣсколькихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ одни благоприятствуютъ его появленію, а другіи ему препятствуютъ, — называется отношеніе числа благоприятствующихъ случаевъ къ общему числу тѣхъ и другихъ; и такъ, если первыхъ 5, а другихъ 3, то вѣроятность событія выражается дробью $\frac{5}{8}$. Въ таблицахъ смертности, на основаніи статистическихъ данныхъ, показывается, сколько изъ опредѣленнаго числа новорожденныхъ, обыкновенно 1000, остается въ живыхъ къ концу одного, двухъ, трехъ и т. д. лѣтъ, до предполагаемаго предѣла человеческой жизни. Слѣдовательно, по этимъ таблицамъ легко находить, сколько изъ даннаго числа, положимъ 20, сверстниковъ, напримѣръ 45-лѣтняго возраста, останется въ живыхъ по прошествіи одного, двухъ, трехъ и т. д. лѣтъ. Въ таблицѣ смертности, составленной *Депарсье*, показано, что изъ 1000 дѣтей 3-лѣтняго возраста доживаютъ 622 до 45-лѣтняго, а изъ этихъ 615 — до 46-лѣтняго возраста; поэтому, изъ 20-ти человѣкъ 45-лѣтняго возраста число остающихся въ живыхъ по прошествіи одного года найдется изъ простой пропорціи: $622 : 615 = 20 : x$; откуда $x = 20 \cdot \frac{615}{622}$. Дробь $\frac{615}{622}$ служитъ мѣрою вѣроятности того, что лицо 45-ти лѣтъ не умретъ въ теченіе одного года, такъ какъ изъ 622-хъ лицъ 45-ти лѣтъ по прошествіи одного года остается въ живыхъ 615. Если бы всѣ 20 лицъ были 50-лѣтняго возраста, то вѣроятное число остающихся изъ нихъ въ живыхъ по прошествіи двухъ лѣтъ паплось бы изъ пропорціи: $561 : 560 = 20 : y$; откуда $y = 20 \cdot \frac{561}{560}$; здѣсь дробь $\frac{561}{560}$ выражаетъ вѣроятность, что каждое лицо 50-ти лѣтъ проживетъ 2

года. Цифры 581 и 560 заимствованы из той же таблицы смертности *Депарсье*. Такъ какъ въ первомъ случаѣ изъ 622 лицъ возраста 45-ти лѣтъ умираетъ къ концу года 7 человекъ, то обратная вѣроятность, т. е. вѣроятность, что лицо возраста 45-ти лѣтъ не доживетъ до 46-ти лѣтъ, будетъ $\frac{7}{622}$, и эта дробь, какъ видимъ, равна $1 - \frac{615}{622}$; точно также и во второмъ случаѣ вѣроятность того, что лицо 50-ти лѣтъ не достигнетъ 52-лѣтнего возраста, будетъ: $\frac{21}{581} = 1 - \frac{560}{581}$.

Сказанное о вѣроятности продолжительности жизни одного лица извѣстнаго возраста можетъ быть распространено и на опредѣленіе продолжительности всякаго товарищества или группы, состоящей изъ нѣсколькихъ лицъ. Разсмотримъ въ частности *двухъ-членныя группы* — супружества.

Такъ какъ сложная вѣроятность, или вѣроятность совокупнаго появленія двухъ независимыхъ одно отъ другаго событій, выражается произведеніемъ простыхъ ихъ вѣроятностей, то принявъ, на примѣръ, возрастъ мужа равнымъ 50-ти годамъ, а возрастъ жены — 45-ти годамъ, и употребивъ таблицу смертности *Депарсье* для ихъ обоихъ, получимъ слѣдующіе результаты: вѣроятность, что въ теченіе годоваго промежутка мужъ и жена останутся оба въ живыхъ, будетъ: $\frac{571}{581} \cdot \frac{615}{622}$, а противоположная ей вѣроятность, именно, что оба супруга умрутъ въ этотъ промежутокъ времени, $\left(1 - \frac{571}{581}\right) \left(1 - \frac{615}{622}\right)$. Вѣроятность же, что въ теченіе года не умрутъ оба супруга, выразится, очевидно, разностію:

$$1 - \left(1 - \frac{571}{581}\right) \left(1 - \frac{615}{622}\right) = \frac{615}{622} + \frac{571}{581} - \frac{615}{622} \cdot \frac{571}{581}$$

Совершенно такимъ же образомъ опредѣляются вѣроятности того, что не оба супруга умрутъ по прошествіи двухъ, трехъ и т. д. лѣтъ; стоитъ только вмѣсто чиселъ 615 и 571 брать изъ таблицъ смертности числа, соответствующія годамъ 47 и 53, 48 и 54 и т. д. По этимъ вѣроятностямъ легко опредѣлять и вѣроятный расходъ кассы на ежегодныя выдачи пенсіонерамъ; для этого стоитъ только величины предполагаемой постоянной выдачи умножать на вѣроятность того, что изъ двухъ супруговъ извѣстныхъ возрастовъ не оба умрутъ по прошествіи одного, двухъ, трехъ и т. д. лѣтъ. Этимъ же самымъ произведеніемъ выражается и математическое ожиданіе вкладчиковъ получить извѣстную выдачу.

Этих предварительных соображений достаточно для того, чтобы, при помощи правил начальной алгебры, вывести общую формулу, на основании которой составлены таблицы III и IV, и таким образом убедиться, что вычисленные по ним эмеритальные пенсии безобидны для владчиков-пенсionеровъ. Формула эта выведена для пенсий съ капитала одинъ рубль, *двумъ* лицамъ различныхъ возрастовъ, по смерти послѣдняго изъ нихъ, — и изъ нея уже, какъ частный случай, выводится формула для опредѣленія пожизненной пенсiи одному лицу, рассчитанной по тому возрасту, съ котораго придется выдавать ему эту пенсiю.

Означимъ чрезъ X искомую пенсiю, чрезъ v принятые проценты съ одного рубля, чрезъ a и b возрасты двухъ лицъ, для которыхъ ищется размѣръ пенсiи, и чрезъ $[a]$, $[a-1]$, $[a-2]$, ... $[b]$, $[b-1]$, $[b-2]$, ... и т. д., числа лицъ, остающихся въ живыхъ по таблицѣ смертности въ возрастахъ a , $a-1$, $a-2$, ... b , $b-1$, $b-2$, ... и т. д. лѣтъ до предѣла человеческой жизни. Ожиданiе двухъ лицъ вмѣстѣ, или одного, остающагося въ живыхъ, получить пенсiю X по прошествiи одного года выражается произведенiемъ: $X \left\{ \frac{[a+1]}{[a]} + \frac{[b+1]}{[b]} - \frac{[a+1]}{[a]} \frac{[b+1]}{[b]} \right\}$; эти же произведенiемъ опредѣляется и расходъ эмеритальной кассы по прошествiи одного года. Если этотъ расходъ приведемъ къ настоящему времени, то въ началѣ перваго года долженъ находиться въ кассѣ капиталъ: $X \left\{ \frac{[a+1]}{[a]} + \frac{[b+1]}{[b]} - \frac{[a+1]}{[a]} \frac{[b+1]}{[b]} \right\} \cdot \frac{1}{1+v}$, необходимый для этой выдачи. По прошествiи втораго года ожиданiе тѣхъ же двухъ лицъ получить пенсiю X , равно какъ и расходъ кассы въ концѣ втораго года, выразится произведенiемъ: $X \left\{ \frac{[a+2]}{[a]} + \frac{[b+2]}{[b]} - \frac{[a+2]}{[a]} \frac{[b+2]}{[b]} \right\}$; поэтому для произведенiя этого расхода должна находиться въ кассѣ, въ началѣ перваго года, сумма: $X \left\{ \frac{[a+2]}{[a]} + \frac{[b+2]}{[b]} - \frac{[a+2]}{[a]} \frac{[b+2]}{[b]} \right\} \frac{1}{(1+v)^2}$. Въ концѣ третьяго года расходъ кассы, приведенный къ настоящему времени, будетъ: $X \left\{ \frac{[a+3]}{[a]} + \frac{[b+3]}{[b]} - \frac{[a+3]}{[a]} \frac{[b+3]}{[b]} \right\} \frac{1}{(1+v)^3}$, и т. д. Продолжая разсуждать такимъ образомъ, увидимъ, что въ эмеритальной кассѣ для выдачи пожизненной пенсiи X мужу, а по смерти его — женѣ, должны находиться въ началѣ перваго года, для покрытiя расходовъ, а именно:

въ концѣ перваго года капиталъ:

$$(A.) X \left\{ \frac{[a+1]}{[a]} + \frac{[b+1]}{[b]} - \frac{[a+1]}{[a]} \frac{[b+1]}{[b]} \right\} \frac{1}{1+v},$$

въ концѣ втораго года капиталъ:

$$(B.) X \left\{ \frac{[a+2]}{[a]} + \frac{[b+2]}{[b]} - \frac{[a+2]}{[a]} \frac{[b+2]}{[b]} \right\} \frac{1}{1+v^2},$$

въ концѣ третьяго года капиталъ:

$$(C.) X \left\{ \frac{[a+3]}{[a]} + \frac{[b+3]}{[b]} - \frac{[a+3]}{[a]} \frac{[b+3]}{[b]} \right\} \frac{1}{(1+v)^3},$$

и т. д. до предѣла человѣческой жизни. Сумма этихъ частныхъ капиталовъ и представить весь тотъ капиталъ, который долженъ находиться въ кассѣ при началѣ года, съ окончаніемъ котораго начинается производство пожизненной пенсін X. Такъ какъ расчетъ этой пенсін предполагается сдѣлать съ капитала 1 рубль, то взявши упомянутую сумму выраженій (A), (B), (C)... получимъ равенство:

$$1 = \frac{X}{1+v} \left\{ \frac{[a+1]}{[a]} + \frac{[b+1]}{[b]} - \frac{[a+1]}{[a]} \frac{[b+1]}{[b]} \right\} + \frac{X}{(1+v)^2} \left\{ \frac{[a+2]}{[a]} + \frac{[b+2]}{[b]} - \frac{[a+2]}{[a]} \frac{[b+2]}{[b]} \right\} + \frac{X}{(1+v)^3} \left\{ \frac{[a+3]}{[a]} + \frac{[b+3]}{[b]} - \frac{[a+3]}{[a]} \frac{[b+3]}{[b]} \right\},$$

изъ котораго и выведемъ искомую формулу для вычисленія пенсін X:

$$1. X = \frac{1}{\left\{ \frac{[a+1]}{[a]} + \frac{[b+1]}{[b]} - \frac{[a+1]}{[a]} \frac{[b+1]}{[b]} \right\} \frac{1}{1+v} + \left\{ \frac{[a+2]}{[a]} + \frac{[b+2]}{[b]} - \frac{[a+2]}{[a]} \frac{[b+2]}{[b]} \right\} \frac{1}{(1+v)^2} + \frac{[a+3]}{[a]} + \frac{[b+3]}{[b]} - \frac{[a+3]}{[a]} \frac{[b+3]}{[b]} \right\} \frac{1}{(1+v)^3} + \dots}$$

Въ знаменателѣ число выраженій, заключающихся въ скобкахъ $\left\{ \right\}$, должно быть распространено на всѣ возрасты, до предѣла человѣческой жизни.

Чтобы вывести формулу для определения пожизненной пенсiи одному лицу, оставляющему службу въ возрастѣ a , стоитъ только въ знаменателѣ формулы I взять первыя числа выраженiй, умноженныхъ на $\frac{1}{1+v}$, $\frac{1}{(1+v)^2}$, $\frac{1}{(1+v)^3}$, и т. д. Тогда, назвавъ эту пенсiю чрезъ Y, получимъ:

$$\text{II. } Y = \frac{1}{\frac{[a+1]}{[a]} \frac{1}{1+v} + \frac{[a+2]}{[a]} \frac{1}{(1+v)^2} + \frac{[a+3]}{[a]} \frac{1}{(1+v)^3} + \dots}$$

Если оба лица однихъ и тѣхъ же лѣтъ, то положимъ $a = b$ въ формулѣ I, и означивъ чрезъ Z величину пожизненной пенсiи, получимъ:

$$\text{III. } Z = \frac{1}{\left\{ \left(\frac{2[a+1]}{[a]} - \left(\frac{[a+1]}{[a]} \right)^2 \right) \frac{1}{1+v} + \left(\frac{2[a+2]}{[a]} - \left(\frac{[a+2]}{[a]} \right)^2 \right) \frac{1}{(1+v)^2} + \left(\frac{2[a+3]}{[a]} - \left(\frac{[a+3]}{[a]} \right)^2 \right) \frac{1}{(1+v)^3} + \dots \right\}}$$

Выведенныя формулы I, II, III суть тѣ самыя, по которымъ составляются таблицы III и IV; для этого нужно въ знаменателяхъ этихъ формулъ вмѣсто $[a]$, $[a+1]$, ..., $[b]$, $[b+1]$, ..., и т. д. поставятъ числа, взятые изъ таблицъ смертности, соответствующiя возрастамъ a и b . Напримѣръ, принявъ $a = 45$, $b = 40$ и поставивъ вмѣсто $\frac{[46]}{[45]}$, $\frac{[47]}{[45]}$, $\frac{[48]}{[45]}$, ..., $\frac{[41]}{[40]}$, $\frac{[42]}{[40]}$, $\frac{[43]}{[40]}$, ... и т. д., числа изъ таблицы смертности *Деторсье*, соответствующiя годамъ: 45, 46, 47, ..., 40, 41, 42 и т. д., будемъ имѣть:

$$\text{X} = \frac{1}{\left\{ \left(\frac{615}{622} + \frac{650}{657} - \frac{615}{622} \frac{650}{657} \right) \frac{1}{1,045} + \left(\frac{607}{622} + \frac{643}{657} - \frac{607}{622} \frac{643}{657} \right) \frac{1}{1,092} + \left(\frac{599}{622} + \frac{636}{657} - \frac{599}{622} \frac{636}{657} \right) \frac{1}{1,141} + \dots \right\}}$$

Простой взглядъ на это выраженiе убѣждаетъ, что хотя выкладки, которыя нужно совершить для полученiя окончательнаго результата, ограничиваются 4-мя начальными арифметическими дѣлениями, но по многочисленности своей требуютъ весьма продолжительнаго времени для выполненiя. Выкладки эти, впрочемъ, нѣсколько облегчаются помощью послѣдующихъ соображенiй. Положимъ для краткости:

$$1) \frac{1}{[a]} \left\{ \frac{[a+1]}{1+v} + \frac{[a+2]}{(1+v)^2} + \frac{[a+3]}{(1+v)^3} + \dots \right\} = A;$$

$$2) \frac{1}{[b]} \left\{ \frac{[b+1]}{1+v} + \frac{[b+2]}{(1+v)^2} + \frac{[b+3]}{(1+v)^3} + \dots \right\} = B,$$

$$3) \frac{1}{[a] \cdot [b]} \left\{ \frac{[a+1][b+1]}{1+v} + \frac{[a+2][b+2]}{(1+v)^2} + \frac{[a+3][b+3]}{(1+v)^3} + \dots \right\} = AB;$$

тогда формулы I, II, III представляются въ следующемъ, болѣе сжатомъ видѣ:

$$X = \frac{1}{A+B-AB},$$

$$IV. Y = -\frac{1}{A},$$

$$Z = \frac{1}{2A-1A}.$$

Представимъ теперь другія два лица, которымъ возрасты были бы соответственно однимъ годомъ менѣе противъ означенныхъ чрезъ a и b ; означимъ ихъ лѣта чрезъ a_1 и b_1 , и чрезъ $[a_1]$, $[b_1]$ числа оставшихся въ живыхъ въ возрастѣ a_1 и b_1 , по той же таблицѣ смертности, изъ которой берутся числа $[a]$ и $[b]$. Согласно прежнему обозначенію, положимъ:

$$\frac{1}{[a_1]} \left\{ \frac{[a_1+1]}{1+v} + \frac{[a_1+2]}{(1+v)^2} + \frac{[a_1+3]}{(1+v)^3} + \dots \right\} = A_1,$$

или, такъ какъ $a_1 = a - 1$,

$$4) \frac{1}{[a_1]} \left\{ \frac{[a]}{1+v} + \frac{[a+1]}{(1+v)^2} + \frac{[a+2]}{(1+v)^3} + \dots \right\} = A_1.$$

Умноживъ обѣ части равенства 1) на $[a]$ и равенства 4) на $[a]$ ($1+v$), будемъ имѣть:

$$\frac{[a+1]}{1+v} + \frac{[a+2]}{(1+v)^2} + \frac{[a+3]}{(1+v)^3} + \dots = A \cdot [a]$$

$$[a] + \frac{[a+1]}{1+v} + \frac{[a+2]}{(1+v)^2} + \frac{[a+3]}{(1+v)^3} + \dots = A_1 \cdot [a_1] \cdot (1+v);$$

изъ этихъ двухъ равенствъ имѣемъ:

$$[a] + A \cdot [a] = A_1 \cdot [a_1] \cdot (1+v),$$

откуда получаемъ:

$$5) A_1 = (1 + A) \frac{[a]}{[a_1]} \frac{1}{1 + v}.$$

Совершенно подобнымъ способомъ найдемъ:

$$6) A_1 B_1 = (1 + AB) \frac{[a]}{[a_1]} \frac{[b]}{[b_1]} \frac{1}{1 + v}.$$

При помощи этихъ послѣднихъ формулъ 5-й и 6-й, весьма много облегчаются численные выкладки знаменателей въ формулахъ IV; для этого нужно начать вычисленія съ возраста, соответствующаго предѣлу человеческой жизни, ибо тогда $[a + 1]$, по таблицѣ смертности, будетъ нуль и, слѣдовательно, $A = 0$, и потомъ отъ этого возраста восходить послѣдовательно къ возрастамъ на одинъ годъ меньшимъ.

Въ упомянутомъ сочиненіи: *Théorie des annuités viagères et des assurances sur la vie*, раг Francis Baily, даны численные величины для выраженія A , соответствующія возрастамъ отъ 3-хъ до 93-хъ лѣтъ включительно, а для выраженій, означенныхъ чрезъ AB , численные величины, соответствующія только тѣмъ возрастамъ, которыхъ разность есть 0, 5, 10, 20, 30 лѣтъ—по десятилѣтіямъ. Въ таблицѣ же IV помѣщены вычисленные нами по приближенію величины для пенсій двумъ лицамъ всѣхъ разностей возрастовъ отъ 0 до 30-ти лѣтъ включительно. Онѣ вычислены нами помощію такъ называемаго простаго интерполированія. Степень приближенія получаемыхъ такимъ способомъ результатовъ достаточна для той практической цѣли, которую имѣемъ въ виду.

Напримѣръ, пусть требуется опредѣлить пенсію для двухъ лицъ—53-хъ и 40 лѣтъ—по смерти послѣдняго изъ нихъ. Въ таблицѣ Бэйли находимъ для выраженія $A_{53} B_{30}$, при $4\frac{1}{2}\%$, величину 10,008, а для $A_{53} B_{40}$ величину 9,579. Такъ какъ разность между этими величинами, равная 0,429, соответствуетъ разности 10-ти лѣтъ между двумя разностями: $53 - 33 = 20$ и $53 - 43 = 10$, то за число, соответствующее разности одного года, можно съ достаточною вѣрностію взять $\frac{1}{10}$ долю разности 0,429, то-есть, число 0,0429; а разность, соответствующая тремъ годамъ, будетъ $0,0429 \times 3 = 0,1287$; прибавивъ это число къ меньшей изъ взятыхъ величинъ, то-есть, къ 9,579, получимъ $A_{53} B_{40} = 9,579 + 0,129 = 9,708$. И такъ какъ по таблицѣ Бэйли $A_{53} = 11,195$, $B_{40} = 14,254$, то для искомой пенсіи $Y_{53,40}$ получимъ:

$$Y_{53,40} = 11,195 + 14,254 - \frac{1}{9,708} = \frac{1}{15,741} = 0,0635.$$

Чтобы определять пожизненную пенсию $Y_{25,16}$ для двух лиц, из которых одному 25-ть, а другому 16-ть лѣтъ, беремъ изъ таблицы *Бэйли* числа 14,020 и 13,784, выражающія величины $A_{25,16}$ и $A_{16,20}$; такъ какъ разность 0,236 между этими числами соответствуетъ 5-ти годамъ — разности между числами 25—15=10 и 25—20=5, — то для разности одного года нужно взять $\frac{1}{5}$ числа 0,236, то-есть, число 0,0472, а для разности четырехъ лѣтъ $\frac{4}{5}$ того же числа, то-есть, число 0,189; прибавивъ это число къ меньшему 13,784, найдемъ величину выраженія $A_{25,16} B_{16} = 13,973$; слѣдовательно, для искомой пенсии $Y_{25,16}$ получимъ:

$$Y_{25,16} = \frac{1}{16,198 + 16,991 - 13,973} = \frac{1}{19,216} = 0,0520.$$

Найденныя сейчасъ величины для пенсий $Y_{53,40}$ и $Y_{25,16}$ весьма близко подходят къ точнымъ ихъ значеніямъ, для полученія которыхъ слѣдуетъ произвести чрезвычайно продолжительныя выкладки, заключающіяся въ опредѣленіи выраженій $A_{93} B_{60}$, $A_{02} B_{78}$, $A_{91} B_{78}$ и т. д., до $A_{53} B_{40}$ включительно для вычисленія пенсии $Y_{53,40}$ и выраженій $A_{92} B_{34}$, $A_{92} B_{33}$, $A_{91} B_{32}$, и т. д., до $A_{25} B_{16}$ включительно для полученія пенсии $Y_{25,16}$. Такія вычисленія сдѣланы мною для величинъ, означенныхъ чрезъ АВ, соответствующихъ всѣмъ разностямъ возрастовъ двухъ лицъ отъ 0 до 15 лѣтъ включительно и помѣщены въ таблицѣ VII. Эти вычисленія показали, что найденныя помощію интерполированія пожизненныя пенсія одинаковы съ вычисленными прямымъ способомъ, при помощи формулы 6-й, до десятыхъ и даже въ большей части случаевъ до сотыхъ долей копѣйки включительно. Такъ прямымъ способомъ находятса:

$$Y_{53,40} = \frac{1}{11,1949 + 14,2544 - 9,7807} = 0,0638,$$

$$Y_{25,16} = \frac{1}{16,1983 + 16,9911 - 13,9644} = 0,0520.$$

Изложенныя въ этой запискѣ теоретическія соображенія объ основаніяхъ, на которыхъ вычислены въ таблицахъ III и IV размѣры пожизненныхъ пенсій, устраняютъ всякое сомнѣніе на счетъ правильности этихъ размѣровъ, а слѣдовательно и ихъ безобидности

относительно вкладчиковъ. Конечно, пенсіи эти очень умѣренные; но причиною тому отнюдь не какая либо неправильность въ расчетахъ, а единственно незначительность тѣхъ средствъ кассы, которыя образуются только изъ ежегодныхъ процентныхъ вычетовъ съ преподавателей сельскихъ начальныхъ училищъ, для выдачи пенсій которымъ и предполагается образовать эмеритальную кассу. Если же, кромѣ этихъ вычетовъ, будутъ существовать другіе постоянные источники доходовъ для кассы, то, соображаясь съ этими источниками, можно будетъ увеличить и размѣры пенсій. Кромѣ того, если бы со временемъ — по открытіи кассы — оказались болѣе или менѣе значительныя сбереженія въ ней, напримѣръ, отъ выгоднаго помѣщенія ея капиталовъ на проценты, отъ увеличенія средствъ ея взносами безсемейныхъ преподавателей, умирающихъ до наступленія пенсионнаго срока, или отъ какихъ либо случайныхъ источниковъ ея доходовъ, — то эти сбереженія могли бы быть употреблены на единовременныя пособія наиболѣе нуждающимся учителямъ и на вспоможенія круглымъ сиротамъ, остающимся по смерти родителей въ ихъ средѣ безъ всякихъ средствъ къ существованію.

А. Тихоандрій.

269. Свидѣтельство естествоиспытателя. Статья С. П. Т. Воскресное Чтеніе. № 2.

270. Естественно-историческій отдѣлъ Туркестанской выставки и Туркестан. экспедиція. Всемирная Иллюстрація. № 19, 20 и 21. Т. 1.

271. Туркестанская экспедиція Имп. общ. любителей естествознанія, Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. 5. № 5; стр. 215—216.

272. Туркестанская экспедиція Имп. общ. любителей естествознанія, антропология и этнографія. Современная Лѣтопись. № 20.

273. Первый отчетъ Туркестанской ученой экспедиція Имп. общ. любителей естествознанія, антропология и этнографія (съ 23-го октября по 15-е апрѣля 1869 года). Московскія Университ. Извѣстія. № 7; стр. 1—55.

274. Письмо къ издателю «Современной Лѣтописи» (по поводу статьи: «Туркест. экспедиція»). Г. Мич. Современная Лѣтопись. № 22. См. также № 42. о 1-мъ отчетѣ Туркест. экспедиція, В. Неома.

2. ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ, МЕТЕОРОЛОГІЯ И КЛИМАТОЛОГІЯ.

275. Воздухъ, который мы дышимъ. (Изъ Scientific Review). Современная Лѣтопись. № 36.

276. Воздухъ. Семейные Вечера (старшій возрастъ). № 8; стр. 493—496.

277. Письмо къ редактору. А. Моричъ. Кавказъ. № 72.

О необыкновенномъ градѣ.

278. Полярный ледъ. Сѣверная Пчела. № 41.

279. По поводу урагана 24-го мая въ Одессѣ. Одесскій Вѣстникъ. № 115.

280. Явленіе поступательной волны А. Чалыды. Морской Сборникъ Т. 104. № 9; стр. 87—99.

281. Вѣгущая или передвигающаяся волна. (Flot courant). Крошшадтскій Вѣстникъ. № 77.

282. Ураганъ въ Одессѣ 25-го мая 1869 года. Всемирная Иллюстрація. Т. II. № 28.

283. Необыкновенная буря въ Шуйскомъ уѣздѣ. Владимирскія губ. вѣд. № 39.

284. Грова. А. Ростовская. Семейные Вечера (старш. возрастъ). № 12; стр. 693—707.

285. Весна въ Тихвинѣ. Новгородскія губ. вѣд. № 47.

286. Лѣто въ Тихвинѣ. Новгородскія губ. вѣд. № 49, 50 и 51.

287. Зима въ Тихвинскомъ уѣздѣ. Новгородскія губ. вѣд. № 32.

288. Законъ штормовъ. Соч. Дове. Перев. П. Мордовина. (Рец.). Морской Сборникъ. № 12; стр. 5—9.

289. Книжка Гамалайн. Лореръ. Вѣстникъ Россійск. Общ. Садоводства. № 3; стр. 228—238.

290. Наглядные признаки для опредѣленія погоды ближайшихъ дней. Херсонскій енарх. вѣд. № 60.

291. О предсказаніи погоды. Самарскія губ. вѣд. № 97.

292. Публичныя лекціи г. Смирнова о предсказаніи погоды. Самарскія губ. вѣд. № 39, 43, 61, 63, 65, 79, 83, 87 и 89.

293. Теорія землетрясеній. Ф. Шиллеръ. Космосъ. № 20 и 21.

294. Изъ чего состоитъ солнце. Тобольскія губ. вѣд. № 3.

295. Воздухоплаваніе въ примѣненіи къ военному дѣлу. Военный Сборникъ. № 5; стр. 41 и 54.

3. ГЕОЛОГІЯ, ГЕОГНОЗІЯ И ПАЛЕОНТОЛОГІЯ.

296. Возраженіе на помѣщенную въ 4 № Горн. Журн. рецензію соч. «Геогностическое описаніе пшвески»

лур. и девонск. системъ Петербургск. губ.» *Г. Н. Бокс*. Горный Журналъ. № 8; стр. 317 и 324.

297. Геогностическая карта Киевской губ. Сост. *К. М. Феофилактомъ*. Киевлянинъ. № 111.

298. Геологическая карта Херсонской губ. *И. П. Филаненко*. Одесскій Вѣстникъ. № 143.

299. Геологическій очеркъ Херсонской губ. *И. Крапоткинъ*. Извѣстiя Имп. Русск. Географ. Общ. Т. 5. № 6; стр. 262 и 267.

300. Геологическій очеркъ Херсонской губернии. Одесскій Вѣстникъ. № 197 и 198.

301. Геологическіе очерки Херсонской губ. *Н. Варботъ-де-Марни*. Спб. 1869. (Рецензія *П. Кр.*) С.-Петербургскія Вѣдомости. № 219.

302. По поводу статей г. Клиндера, помѣщенныхъ въ 197 и 198 № «Одесск. Вѣстника». *К. Скальковский*. Новороссійскій Телеграфъ. № 206.

По поводу разбора Клиндеромъ «Геологич. очерка Херсонск. губ.» соч. Варботъ-де-Марни.

303. Геологическій и историческій очеркъ Суэцкаго перешейка и канала Египта въ древности. Новорос. Вѣдомости. № 51, 54, 59 и 64.

304. Геологическія изслѣдованія въ Иркутской губ. *Г. Чекановскій*. Извѣстiя Имп. Русск. Географ. Общ. Т. 5. № 6; стр. 247—252.

305. Изслѣдованія объ эрратическихкихъ валунахъ и о дилувіальныхъ образцовыхъ. *И. Крапоткинъ*. Извѣстiя Имп. Русск. Географ. Общ. Т. 5. № 6; стр. 259—261.

306. Названіе породъ и формаций, встрѣченныхъ буровою скважиною, проводимою въ Москвѣ для устройства артиллерійскаго колодца. Московскія губ. вѣд. № 8.

307. Нѣсколько словъ о происхожденіи валуновъ на островѣ Боль-

шой Тихтерсъ. *П. А. Крапоткинъ*. Крошадтскій Вѣстникъ. № 84.

308. Обзоръ геологическихкихъ работъ, произведенныхъ въ послѣднее трелѣтіе отъ Имп. Минералогич. Общества и Горнаго Вѣдомства. Горный Журналъ. № 6; стр. 449—470 и № 8; стр. 163—176. Правител. Вѣстникъ. № 40, 46, 50, 60, 69 и 94.

309. Обзоръ заграничной литературы. «Геологическія изслѣдованія» Альфонса Фавра. Статья *Ф. С. Новое*. Время. № 180.

310. Объ ископаемыхкихъ растеніяхъ каменноугольной формации на Алтай. *Д-ръ Геймичъ*. Горный Журналъ. № 8; стр. 177—181.

311. О геологическомъ строеніи Алтая. Горный Журналъ. № 7; стр. 141—148.

312. О московской буровой скважинѣ. Горный Журналъ. № 6; стр. 525—528.

313. Палеонтологическая находка. *Д. Дмитриевъ*. Кавказъ. № 64.

314. Рецензія о сочиненіяхъ, поступившихъ на конкурсъ для соисканія преміи Общ. по геологii. Записки Императ. Минералог. Общ. Серія 2-я, ч. 4-я; стр. 369—389.

315. Сравненіе геологическаго строенія Сѣверо-Западной Сибири съ строеніемъ Европейской Россіи. *Серъ Родерикъ Мурчисонъ*. Горный Журналъ. № 5; стр. 268—272.

316. Галлерей Розетты въ Великій. Иллюстрв. Газета. Т. 23. № 23.

317. Сталактитовая пещера близъ Иверлона въ Вестфалии. Всемирная Иллюстрація. № 81. Т. II.

4 ФИЗИКА И ХИМІЯ.

318. Гальванъ и Вольта. Иллюстрв. Газета. Т. 23. № 21.

319. Жестовидѣніе; холодная вода плотіе льда. *В. Саянъ*. Грамотѣй. № 10; стр. 81—83. № 11; стр. 85—80.

320. Вакція на статью о земномъ магнитизмѣ. *Н. Колонъ*. Морской Сборникъ. Т. 104. № 10; стр. 85—96.

321. Вузъ. Восемь лекцій, читанныхъ въ королев. институтѣ Великобританіи *Джонъ Тиндалъ*. Космосъ. № 1—3 (2-е полугодіе); стр. 121—107, 107—155 и 157—193.

322. Матеріалы для объясненія образованія градинъ. Исслѣдованіе *Г. Морозова*. Протоколи засѣданій Имп. Харьковского университета. № 5; стр. 1—38.

323. Новый греческій огонь. Космосъ. № 17.

324. Новые изслѣдованія в открытіи. Взглядъ на значеніе непродвижковъ въ электричествѣ, предложенный *г. Шведовымъ*, и его электрофорная машина. Космосъ. № 3; стр. 97—114.

325. Новые изслѣдованія и открытія. Исслѣдованіе *Беккера* надъ электрич. явленіями. (*Comptes-Rendus*. № 23. 1869). Способъ сослаться съ жителями другихъ планетъ. Космосъ. № 1 (2-е полугодіе); стр. 101—108.

326. Новые изслѣдованія и открытія. О причинахъ свѣта пламени при горѣніи. Лекція *Ед. Франкланда*. Космосъ. № 2 (2-е полугодіе); стр. 101—124.

327. О причинахъ свѣта пламени при горѣніи. Записки на лекцію *Франкланда* и планъ опытовъ въ Нормальной школѣ въ Парижѣ. *Адри Сенъ-Клеръ-Девиль*. Тамъ же; стр. 126—137.

328. Новая книга: *Theorie mécanique de la chaleur*; 3 соч. 1) *Briot*, 2) *Ath. Dupre*, 3) *Zenker*. Космосъ. № 1 (2-е полугодіе); стр. 109—111.

329. Объ электричествѣ и главнѣйшихъ его примѣненіяхъ *Д-ръ Смчленко*. Харьковскія губ. вѣд. № 131 и 132.

330. О возможности скрытой теплоты отъ теплоемкостей вещества въ

разныхъ его состояніяхъ. *К. Красевич*. Горный Журналъ. № 6; стр. 389—395.

331. О магнитномъ наклоненіи въ Кіевѣ. *Заинческій*. Кіевскія Университетскія Извѣстія. № 12; стр. 1—12.

332. Опытъ опредѣленія наименьшихъ количествъ разсѣянаго свѣта, ощущаемыхъ глазомъ. *П. Гольдгаръ*. Медицина. Вѣстникъ. № 20, 21 и 22.

333. Послѣдніе усѣхи теоріи зрѣнія. *Гельмгольцъ*. Космосъ. № 2, 3 и 4 (2-е полугодіе); стр. 1—28, 63—95 и 1—46.

334. Руководство физики для гимназій. Сост. *А. Малининъ* и *Б. Буренинъ*. М. 1868. Собраніе физич. задачъ. Составилъ *А. Малининъ*. М. 1866. (Разборъ *М. Меліоранскаго*). Учитель. № 18; стр. 596—603.

335. Способъ тушить загорѣвшіеся масла и смолы. *Ал. Ф-ль*. Артиллерійскій журналъ. № 9; стр. 422.

336. Уроки физики. *В. фонъ-Бооль*. Учитель. № 12, 13 и 14; стр. 389—391, 428—431 и 460—461.

337. Физическій опытъ *г. проф. Киттера*. *В. В. Петрушевскій*. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 272.

338. Физика звездъ. Семейные Вечера (младшій возрастъ). № 7; стр. 251—260 и № 8; стр. 296—306.

339. Что происходитъ со всякою вещью отъ теплоты и какъ теплоту измѣрить. *Гр. Сербуловъ*. Мірской Вѣстникъ. № 16.

340. Электрическая угольная лампа. Воскресный Досугъ. № 346.

341. Анализъ воды въ рѣкѣ Удѣ. Проф. *Векетовъ*. Харьковскія губ. вѣд. № 71.

342. Введеніе къ изученію медик. химіи. Вступятъ лекція *А. Булинскаго*. Московская Медич. Газета. № 27, 28, 29 и 30 и Московскія Университ. Извѣстія. № 5; стр. 309—331.

343. Выводы *г. Менделѣева* о значеніи находящихся въ почвѣ пята.

тельными веществъ. *П. Космичевъ*. Земледѣльческая Газета. № 51.

344. Вѣзкома чувствительный реактивъ на азотную кислоту. *Г. Браунъ*. Горный Журналъ. № 10; стр. 93—94.

345. Горючія вещества. Статья *Е. Б. Дѣтскій Садъ*. № 9 и 10; стр. 518—547.

346. Гуммиевыя пластинки. Фотографическое Обзоріе. № 75; стр. 46—47.

347. Исслѣдованіе нѣкоторыхъ соединений голубого ряда. *Э. Вроблевскій*. Журналъ Русск. Химич. Общ. Т. 1. № 4 и 5; стр. 142—147.

348. Изъ лабораторіи Технологич. Инстит. въ С.-Петербургѣ. 6) Объ изомерныхъ хлоролуидинахъ, *Э. Вроблевскій*; стр. 250—254. 7) О нѣкоторыхъ производныхъ ксилола. *Н. Тавильдаровъ*; стр. 254—256. 8) Прогноза диметилтетраола — *В. Рихтеръ*; стр. 256—257. Журн. Русск. Химич. Общ. Т. 1, вып. 8 и 9.

349. Изъ лабораторіи проф. А. Энгельгарда въ С.-Петербургѣ. 1) Объ изомерныхъ нефтолахъ, *Б. Майконаръ*; стр. 122—125. 2) Объ изомерныхъ сѣрфоеновыхъ кислотахъ и дѣйствіи на соли ихъ хлористаго бензола, *Н. Золомановъ*; стр. 126—130. 3) О дѣйствіи хлорангидрида сѣрной кислоты на фенолы и сѣрфоеновый калий, *А. Энгельгардъ и Н. Лачиновъ*; стр. 131—132. 4) О сѣрфофосфорнофеновой кислотѣ; *Б. Майконаръ*; стр. 133. 5) Объ изомерныхъ крезолахъ, *А. Энгельгардъ и Н. Лачиновъ*; стр. 217—221. 6) О хлорангидридахъ, амидахъ и меркаптанахъ сѣрфонофталлиновыхъ кислотъ, *Б. Майконаръ*; стр. 221—224. 7) Объ образованіи крезотиновой кислоты изъ ксилола, *А. Энгельгардъ и Н. Лачиновъ*; стр. 224—234. Журналъ Русск. Химич. Общ. Т. 1, вып. 4—5 и 8—9.

350. Искусственное составленіе химическихъ органическихъ соединеній.

(Единство органической и неорганической природы). *Космосъ*. № 1 и 3 (2-е полугодіе); стр. 1—21 и 1—30.

351. Исторія химич. доктринъ со времени Лавуазье до нашихъ дней. *А. Вюрмъ*. *Космосъ*. № 17, 18 и 19. См. также объ этомъ соч. Библиографъ. Т. 1, № 2; стр. 76—77.

352. О свойствахъ и частичномъ строеніи коллоидныхъ веществъ. *И. Борншотъ*. Журналъ Химич. Общ. Т. 1, вып. 6 и 7.

353. Какенкоугольный газъ—углеводъ газъ изъ нефтяныхъ остатковъ. *А. Камеронъ*. Харьковскія губ. вѣд. № 59.

354. Карбоновая кислота въ коллоиднѣ. Фотографическое Обзоріе. № 75.

355. Батаривизъ или вліяніе химическо-чистыхъ поверхностей. Горный Журналъ. № 9; стр. 380—390 и № 11; стр. 245—256.

356. Кристаллографическое исслѣдованіе целестина. *А. Ауербахъ*. Горный Журналъ. № 7; стр. 42—114.

357. Лемтинъ органической химіи (читаніе въ университет. Св. Владимира проф. *П. Алексеевичъ*). Университетскія Киевскія Извѣстія. № 7; стр. 1—27. № 8; стр. 1—29. № 11; стр. 1—33 и № 12; стр. 1—16.

358. Матеріалы для химіи бора и его соединеній. (Диссертация на степень магистра химіи, написанная кандидатомъ *В. Добровольскимъ*). Университетскія (Киевскія) Извѣстія. № 6; стр. 1—27 и № 7; стр. 1—34.

359. Мокрый коллоидъ безъ воды. Фотографическое Обзоріе. № 75.

360. Настоящее положеніе вопроса объ опредѣленіи содержанія жира въ молокѣ. Земледѣль. Газета. № 27.

361. Новые способы по аналитической химіи. Статья гора. нижев. *Демисово*. Горный Журналъ. № 10; стр. 57—78.

362. **Новооткрытый страшный яд.** Животный Сборник. Т. 6, вып. 10; стр. 313—315.

363. **Новые сведения о пироксилене, как разрывном средстве.** Артиллерийский журнал. № 9; стр. 421—422.

364. **Нѣсколько замѣчаний по поводу исследований Фреми надъ гидравлическими цементами.** А. Шуляченко. Журналъ Русск. Химич. Общ. Т. 1. № 4 и 5; стр. 108—118.

365. **Образованіе перекиси водорода при медленномъ окисленіи терпентиннаго масла.** В. Радловичъ. Московская Медич. Газета. № 23 и 24.

366. **О броженіи.** Проф. Гивартоскій. Московская Медич. Газета. № 17 и 18.

367. **О бутелемъ изъ бутылнаго алкоголя броженія.** А. Бутилеровъ. Журналъ Русск. Химич. Общ. Т. 1, вып. 8 и 9; стр. 247—250.

368. **Объ образованіи зеленого стринстаго марганца мокрымъ путемъ.** Статья Мука. Горный Журналъ. № 10; стр. 94—98.

369. **Объ осаждаемости кобальта стринстымъ водородомъ и объ очищеніи солей марганца, содержащихъ кобальтъ.** Статья Мука. Горный Журналъ. № 12; стр. 444.

370. **Объ осажденіи желѣза въ сложномъ видѣ, гальваническимъ путемъ.** Горн. вѣстн. Клейнъ. Горный Журналъ. № 6; стр. 406—413.

371. **О динамитѣ, приготовляемомъ г. Нобелемъ на нитроглицериновой фабрикѣ близъ Стокгольма.** Ф. Леевъ. Записки Русск. Технич. Общ. № 7 и 8; стр. 101—102.

372. **О дѣйствии кипящихъ растворовъ на стеклянную и фарфоровую посуду.** Горный Журналъ. № 8; стр. 223—224.

373. **О дѣйствии окисловъ азота на терпены.** Н. Бунге. Журналъ Русск.

Химич. Общ. Т. 1, вып. 8 и 9; стр. 257—263.

374. **О верхнотомъ оловѣ.** А. Энгельгардъ. Журналъ Русск. Химич. Общ. Т. 1, вып. 8 и 9; стр. 263—264.

375. **Окрашиваніе серебряной ванны краснымъ цвѣтомъ.** Фотографическое Обозрѣніе. № 75.

376. **О молочной кислотѣ, образующейся изъ β -йодопропионовой кислоты.** Н. Соколовъ. Записки Имп. Поворос. Университета. Т. 3, вып. 2—6; стр. 144—166.

377. **О поджоженіи газовъ твердыми тѣлами.** К. Лисенко. Горный Журналъ. № 8; стр. 194—221.

378. **О колучаніи искусственныхъ кристалловъ сухимъ путемъ.** Г. Розе. Горный Журналъ. № 10; стр. 79—98.

379. **Опрежденіе степени окисленія желѣза въ кремнеокислыхъ соединеніяхъ.** Н. Тейгъ. Горный Журналъ. № 6; стр. 401—404.

380. **Опрежденіе хлорноватой кислоты.** Г. Штеллини. Горный Журналъ. № 10; стр. 92—93.

381. **О присутствіи перекиси водорода въ воздухѣ.** Геймъ. Струве. Журналъ Русск. Химич. Общ. Т. 1. № 4 и 5; стр. 148—150.

382. **О продуктахъ возстановленія моноотриазоксибензида и отринитрозобензилитъ.** Г. А. Шмидтъ. Журналъ Русскаго Химич. Общ. Т. 1. № 4 и 5; стр. 98—107.

383. **О приготовленіи триметилкарбинола изъ вобутылнаго алкоголя.** В. Марковничковъ. Журналъ Русскаго Химич. Общ. Т. 1, вып. 8 и 9; стр. 244 и 247.

384. **О происхожденіи горючихъ углеродовъ, добываемыхъ изъ пѣдръ земли.** Сѣверная Пчела. № 31.

385. **О соединеніяхъ ванадія.** Горный Журналъ. № 12; стр. 441—444.

386. **О составѣ глицины.** Горный Журналъ. № 12; стр. 439—441.

387. Въ которіх сукцинида. *Н. Бунге*. Журналъ Химич. Общ. Т. 1; вып. 6 и 7.

388. О теплопроводности свѣтлѣна. *Г. Манусъ*. Горный Журналъ. № 10; стр. 89—92.

389. Открытіе лигія палывов трубокю. Артиллерійскій Журналъ. № 9; стр. 415—417.

390. О хлороформномъ испытаніи спиртныхъ жидкостей. *Г. Раковичъ*. Записки Русск. Технич. Общ. Вып. 3; стр. 54—64.

391. О хлористомъ метилеѣ. *А. Бунтлеровъ*. Журналъ Русск. Химич. Общ. Т. 1. № 4 и 5; стр. 119—121.

392. Приготовленіе марганцо-каліевой соли. Горный Журналъ. № 6; стр. 398—399.

393. Различіе амидныхъ группъ въ глѣдантиновой кислотѣ. Классификація урендовъ. *Н. Меншуткинъ*. Журналъ Русск. Химич. Общ. Т. 1. № 4 и 5; стр. 134—141.

394. Реактивъ на кислоты г. Шмидта. Артиллерійскій Журналъ. № 9; стр. 420.

395. Сахаръ въ позитивной серебряной ваннѣ. Фотографическое Обозрѣніе. № 75.

396. Сильная измѣнчивость зеленого бора. (*Setaria viridis* P. de B.). *Ф. Габерландтъ*. Земледѣльч. Газета. № 43.

397. Сообщенія изъ химической лабораторіи Петровской Земледѣльч. Академіи. *И. А. Ильинковъ*. Русское Сельское Хозяйство. Т. 2. № 3 и 4; стр. 107—118 и 253—269.

398. Способъ количественнаго опредѣленія хлориватой кислоты, допускающей присутствіе азотныхъ солей и хлористыхъ металловъ. *К. Вернадеръ*. Журналъ Русск. Химич. Общ. Т. 1. № 4 и 5; стр. 151—152.

399. Тахія ТЛ. *К. Лисенко*. Горный Журналъ. № 6; стр. 413—442.

400. Творецъ измѣненной химіи—*Лавуазье*. Статья д-ра *О. Л. Эрмана*. Модный Свѣтъ. № 36 и 38.

401. О дѣйствіи газондовъ на нѣкоторыя метал. производныя углеродист. соединеній. *Н. Бунге*. Журналъ Химич. Общ. Т. 1, вып. 6 и 7.

402. Труды отдѣленія химіи на второмъ сѣздѣ естествоиспытателей въ Москвѣ. Журналъ Русск. Химич. Общ. Т. 1, вып. 8 и 9; стр. 235—243.

403. Углеродъ, добытый изъ сѣрно-углекислоты. Артиллерійскій Журналъ. № 9; стр. 419.

404. Успѣхи земледѣльческой химіи. *И. Костычевъ*. Сельское Хозяйство и Лѣсоводство. № 6; стр. 39—51 и № 11; стр. 111—140.

405. Химическія изслѣдованія гидравлическихъ цементовъ *М. Е. Фрету*, и нѣсколько замѣчаній по поводу этихъ изслѣдованій. *А. Шульченко*. Инженерный Журналъ. № 9; стр. 1200.

406. Химія дождевой вѣчи, согласно опытамъ *Белла. К. Шичъ*. Горный Журналъ. № 12; стр. 358—424 и 433—439.

8. ВОТВѢТСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЗООЛОГІИ, БОТАНИКА И МИНЕРАЛОГІИ.

407. Важнѣйшія явленія въ области зятимологіи за 1868 г. Статья *К. Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ.* № 8. Ч. 164, отд. 2; стр. 334—347.

408. Народная зоологія. *З. Гремскій*. Кіевлянинъ. № 66.

409. Разказы изъ естественной исторіи о животныхъ. *Ю. Марковъ*. Мірской Вѣстникъ. № 6; стр. 68—76.

410. Происхожденіе домашнихъ животныхъ. Вѣстникъ Рос. Общ. Покровит. Животн. № 16 и 17.

411. Объ изстиянѣтѣ и разумѣ животныхъ. *Ю. Марковъ*. Мірской Вѣстникъ. № 5; стр. 92—99.

412. Лондонскій зоологическій

садъ. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 18.

413. Акваріумъ въ Берлинѣ. Иллюстрир. Газета. Т. 23. № 20.

414. Берлинскій акваріумъ. Ю. Гюбнеръ. Сибургскія Вѣдомости. № 206.

415. Лѣтничный гротъ въ Берлинскомъ акваріумѣ. Всемирная Иллюстрація. № 31. Т. II.

416. Письма изъ чужихъ краевъ. В. С. Сибургскія Вѣдомости. № 283.

О Берлинскомъ акваріумѣ.

417. Какъ одѣвать акваріумъ. В. Висковатовъ. Дѣтское Чтеніе. № 5; стр. 260—272 и № 6; стр. 308—312.

418. По поводу вопроса о зоологическихъ ставціяхъ, возбужденнаго г. Минуха-Махлай на 2-мъ сѣздѣ естествоиспытателей. Сибургскія Вѣдомости. № 288.

419. Живныя многоклеточныя животныя. Домашняя Библіотека. № 4; стр. 117—132.

420. Икотнички въ устройствѣ норъ и гнѣздъ. Иллюстрир. Газета. Т. 23. № 24.

421. Перерожденіе животныя. Иллюстрир. Газета. Т. 23. № 23.

422. Собака. Вѣстникъ Покровит. Животныхъ. № 24.

423. Вульдогъ. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 14.

424. Вуль-террьеръ. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 16.

425. Волкодавъ. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 10.

426. Грифонъ лгавый. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 16.

427. Датская собака. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 16.

428. Поинтеръ. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 18.

429. Кабакъ. Иллюстрир. Газета. Т. 23. № 25.

430. Каменные бараны. Статья Бремъ. Живописный Сборникъ. Т. VI, выи, 11 и 12; стр. 332—336.

431. Медвѣжье семейство. Воскресный Досугъ. № 351.

432. Нѣсколько словъ о носорогѣ. Статья В. М. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 10.

433. Охотничья гена. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 12.

434. Охоты въ саду акклиматизаціи въ Парижѣ. Всемирная Иллюстрація. № 43.

435. Сѣверо-американскій бизонъ. Статья В. М. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 17.

436. Сѣверные олени. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 11.

437. Сѣверный олень. Иллюстрир. Газета. № 18. Т. 23.

438. Вобры. Живописный Сборникъ. Т. 6. № 6; стр. 169—174.

439. Вѣлка. Живописный Сборникъ. Т. 6. № 5; стр. 153—164.

440. Вѣлка. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 18.

441. Заяць. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 12.

442. Рысь. Иллюстрир. Газета. Т. 23. № 24.

443. Характеристика мыши-карлика. Живописный Сборникъ. Т. 6; № 8; стр. 244—247.

444. Большой глухарь. Живописный Сборникъ. Т. 6. № 7; стр. 218—219.

445. Вѣлки америк. журавли. Всемирная Иллюстрація. № 34. Т. II.

446. Вѣлка утка. Воскресный Досугъ. № 320.

447. Голуби. Иллюстрир. Газета. Т. 23, № 23.

448. Орель-какаду. Иллюстрир. Газета. Т. 23. № 23 и Т. 24. № 27.

449. Эпизодъ изъ жизни перелетныхъ птицъ. Одинъ изъ Деркачевцевъ. Харьковскія губ. вѣд. № 87.

450. Ахологъ или мексиканская саламандра. Всемирная Иллюстрація. № 51.

451. Огуруру, бразильскій удавъ.

Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 17.

452. О промысловающихся живот-ныхъ въ Воронежской губерніи. Во-ронѣжскія губ. вѣд. № 36.

453. О паукахъ. *Е. Водовозова*. Дѣтское Чтеніе. № 7 и 8; стр. 53—61.

454. Гатчинская форель. *Н. Л.*—хъ. Врженія Вѣдомости. № 159.

455. Крокодилы. *А. Соловьевъ*. Мир-ской Вѣстникъ. № 9; стр. 59—68.

456. Моржъ, или морская корова. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 9.

457. Живыя морскихъ ископаваю-щихся животныхъ. Домашняя Библю-отека. № 5; стр. 133—149.

458. Снѣжи глубина. Статья *К. Фох-та*. (О водяныхъ животныхъ). Живо-писный Сборникъ. № 7; стр. 205—212.

459. Живыя насѣкомыхъ, Фигье. (Статья *А. С.* Вѣстникъ Европ. № 6 Т. 3; стр. 937—940.

См. объ этомъ же сочиненіи въ «Иллюстр. Газетѣ». Т. 23. № 13, на стр. 206, и Всемирн. Иллюстр. № 10.

460. О собраніи насѣкомыхъ. Вѣстникъ Россійск. Общ. Садовод-ства. № 3; стр. 238—245.

461. Собираніе насѣкомыхъ. *К. Семъ-Илеръ*. Дѣтское Чтеніе. № 6; стр. 312—324.

462. Наша учебная литература. Естеств. исторія члвч. *В. Л. Кара-севичъ*. Спб. 1867. (Разборъ). Жур-налъ Минист. Народн. Просвѣщенія. № 8. Ч. 164, отд. 3; стр. 94—95.

463. Жукичлвчъ. Саратовскій Сира-вочн. Листокъ. № 126 и 128.

464. Шильоны-домовыя и ихъ оби-татели. Докторъ *И. Поповъ*. Николаев-скій Вѣстникъ. № 70.

465. Обоврѣніе сѣменныхъ и выс-нихъ споровыхъ растений, входящихъ въ составъ флоры губерній Кіевскаго учебнаго округа. *А. Головинъ*. Униввер-

ситетскія Извѣстія. № 5; стр. 225—248. № 6; стр. 249—272. № 7; стр. 273—308.

466. Опредѣлитель растеній. Ч. II. *А. Гердъ*. Педагогическій Сборникъ. № 4; стр. 1—16. № 7, стр. 17—32 и № 8; стр. 33—54 (въ приложеніи).

467. Еъ жоторіа развитія желѣзокъ въ листьяхъ «*Psoralea palaestina*» и «*Ra. rabeli*». Студентъ *Тимофеевъ*. Кіевскія Унивверсит. Извѣстія. № 11. стр. 1—11.

468. По вопросу о Кіевскомъ бо-тан. садѣ. *Як. Вальчъ*. Кіевлянинъ. № 97.

469. Дѣтство Барна Линнея. Дѣт-ское Чтеніе. № 7 и 8; стр. 12—26.

470. Минеральное богатство Ар-хангельской губ. *Пр. Иванозъ*. Архан-гельскія губ. вѣд. № 91, 96 и 97.

471. Минеральныя богатства въ Киргизской степи. *Е. Скальковский*. Горный Журналъ. № 10; стр. 154—157.

472. Англійскія породы деревни Мулдашевовой и горы Качканаръ на Уралѣ. *Карликовскій*. Горный Журналъ. № 5; стр. 225—267.

473. Анализъ діалмагановой гор-ной породы (габбро) Баянбаевскаго горнаго округа Уральскаго хребта. Горный Журналъ. № 5; стр. 278—282.

474. Вазальскія горы. Иллюстрир. Газета. № 19. Т. 23.

475. Вождецъ и шеелизъ изъ рус-скихъ мѣсторожденій. *В. Векъ и Н. Тейхъ*. Горный Журналъ. № 8; стр. 182—193.

476. Выводъ всѣхъ кристаллогра-фическихъ системъ в ихъ подраздѣ-леній изъ одного общаго начала. *А. Га-далмъ*. Записки Имп. Минерал. Общ. Серія 2-я. Ч. 4-я; стр. 112—195—200.

477. Желваки фосфорита изъ По-дольской губерніи. Статья *И. Е.* Гор-ный Журналъ. № 5; стр. 329—335.

478. Замѣчательныя экземпляры льченпорутела, титанистаго желѣ-няка и шпинеля изъ Уральскихъ горъ.

П. Еремьевъ. Записки Имп. Минерал. Общ. Серия 2-я. Ч. 4-я; стр. 201—207.

479. Извлечение изъ рапорта Горному Департаменту горнаго инженера *Л. Долмского* о результатахъ развѣдки бурогоугольныхъ мѣсторождений Киевской губ. Извлечено редакторомъ Горный Журналъ. № 7; стр. 139—151.

480. Исслѣдованіе брагинскаго метеорита. *А. Иностранцевъ.* Записки Имп. Минералог. Общ. Серия 2-я. Ч. 4-я; стр. 307—312.

481. Индій. Горный Журналъ. № 5; стр. 283—287.

482. Искусственные камни. *Р. Крассовскій.* Инженерный Журналъ. № 5; стр. 774—802.

483. Краткая замѣтка о непрочности цвѣта фенакита. *Н. Кокшаровъ.* Записки Имп. Минералог. Общ. Серия 2-я. Ч. 4-я; стр. 322—323.

484. Ламоманитъ, новый уральскій минералъ. Горный Журналъ. № 7; стр. 148—149.

485. О кристаллахъ ливарита. *Н. Кокшаровъ.* Записки Имп. Минералог. Общ. Серия 2-я. Ч. 4-я; стр. 221—307.

486. О результатахъ изысканій лигнита, прозведенныхъ въ окрестностяхъ Балто-Елизаветградской желѣзной дороги, горнымъ инженеромъ надв. сов. *Кочержинскимъ.* Журналъ Министерства Путей Сообщенія. № 3; стр. 56—75.

487. О слѣдахъ лабиринтодонтовъ. Акад. *А. Ф. Миддендорфъ.* Записки Имп. Минералог. Общ. Серия 2-я. Ч. 4-я; стр. 99—112.

488. Открытіе болыа въ Россіи. Горный Журналъ. № 9; стр. 502.

489. Рутиль изъ окрестностей Верхненсетскаго завода на Уралѣ. Статья *П. В. Еремьева.* Горный Журналъ. № 11; стр. 233—245.

490. Сборникъ вновь открытыхъ и вновь изслѣдованныхъ минераловъ.

Д. Планеръ. Горный Журналъ. № 7; стр. 115—140 и № 8; стр. 224—348.

в. АНАТОМІЯ И ФИЗИОЛОГІЯ.

491. Анатомическія замѣтки. Проф. *В. Груберъ.* Военно-Медиц. Журналъ. Т. 106, кн. 11; стр. 131—140.

492. Възръ мозга въ различныиъ возрастахъ у обоеихъ половъ. Домашній Врачъ. № 22.

493. Изъ Лубенской земской больницы. Случай отсутствія селезенки (*defectus hepatis*). *К. Соломха.* Современная Медицина. № 39.

494. *Musculus broncho-oesophageus dexter.* *В. Л. Груберъ.* Медицинскій Вѣстникъ. № 43.

495. О 9-й жести занятія у человѣка. *В. Л. Груберъ.* Медицинскій Вѣстникъ. № 38, 40 и 41.

496. О недостаткахъ развитія пальцевъ на обѣихъ рукахъ у живаго субъекта. *В. Л. Груберъ.* Медицинскій Вѣстникъ. № 45.

497. Отхоженіе вѣса тѣла къ возрасту человѣка. Домашній Врачъ. № 23.

498. Правая нога съ 6 записанными костями, 4 плюсневыми и 4 пальцами. *В. Л. Груберъ.* Медицинскій Вѣстникъ. № 48.

499. Происхожденіе общей пальцевой ладонной вѣтви средняго перна 3-го пальца высоко на предплечіи. *В. Л. Груберъ.* Медицинскій Вѣстникъ. № 46.

500. Случай микроцефализма. *А. Балванскій.* Архивъ Судебн. Медицины. № 4; стр. 14—18.

501. Къ гистологичъ почекъ (Изъ лабораторіи патологической анатоміи). Студентъ *Прошенко.* Университетскій Извѣстія. № 5; стр. 1—16.

502. Строеніе почекъ у итпацъ, Линдгрена. (*Zeitsch. für nat. Medic.* XXXIII, 15—35). *М. Жинкинъ.* Про-

токолы засѣд. Общ. Практич. Врачей. № 14.

503. Условія развитія застоя крови и опухоли въ плавательной перепонкѣ лягушки. А. Х. *Ичмекъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 50, 51 и 52.

504. Возможно ли существенное измѣненіе челоу. рода. (*Тиндаль*). Космосъ. № 17, 22—25.

505. Вступительная рѣчь *Клодъ-Бернара* во Франц. академіи. Статья А. М. С.-Петерб. Вѣдомост. № 180.

506. Дополненія къ эмбриологіи *bothriocerphali latii*. Д-ръ *Клозъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Т. 106, кн. 11; стр. 141—149.

507. Извлеченіе изъ иностр. газетъ и журналовъ. Окончаніе двигательныхъ нервовъ въ концевыхъ пластинкахъ, Краузе. (*Arch. v. Reichert et du Bois-Reymond*, 1868. № 5, 646—648). Протоколъ засѣд. Общ. Практич. Врачей. № 10.

508. Исслѣдованія, касающіяся микроскопа крови и свойства волокныи. Другъ Здравія. № 44.

509. Изъ Вюрцбургскаго патологическаго института: 1. Распространенное амилоидное перерожденіе. *Александръ Шклярскій*. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 105. № 6; стр. 74—91.

510. Съ вопросу о прониканіи жидкостей чрезъ роговую оболочку живаго глаза. В. *Киселевъ*. Медиц. Вѣстникъ. № 21, 22 и 23.

511. Съ гистологіи красныхъ кровяныхъ клетокъ. Д-ръ *И. Андреевъ*. Военно-Медиц. Журналъ. № 9. Ч. 106; стр. 1—50.

512. Съ исторіи развитія костно-мозговыхъ саркомъ. *Ив. Дружининъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 105. № 7; стр. 111—144.

513. Съ физиологіи мозговыхъ нервовъ. Е. *И. Афанасьевъ*. Медиц. Вѣстникъ. № 27.

514. Матеріалы для вопроса о го-

лоданіи. *Вячеславъ Манассемъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Т. 106, кн. 10; стр. 3—8.

515. Последнее слово науки. В. *Португаловъ*. Дѣло. № 12; стр. 1—31.

О законѣ наследственности и его явленіяхъ.

516. Наслѣдственность и ея законы. Архивъ Судебн. Медицины. № 2; стр. 86—100.

517. Наслѣдственность. Изъ соч. *Левуе*: «Отцы и дѣти въ XIX ст.». Домашній Врачъ. № 27, 49 и 50.

518. Наслѣдственность наклоностей у челоука. Статья Д-ра *А-каню*. Сѣверная Пчела. № 19, 20 и 21.

519. Матеріалы къ ученію о дѣйствіи стущеннаго воздуха на организмъ челоука. Д-ръ *Смирновъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 105 № 5; стр. 1—68.

520. Нѣкоторые физиологическія и физическія свойства мышцъ. Д-ръ *Жмулевичъ*. Другъ Здравія. № 30.

521. Общественное руководство къ изуч. физиологіи. *Дальтона*, перев. *Шмелева*. Сиб. 1869. (Рен.). Библиографъ. № 3. (Дек.); стр. 78—79.

522. Общепонятныя естественнонаучныя, гигиенич. и медиц. сочиненія. Перев. С. *Ловцова*. Вып. 1. Сиб. 1869. (Разборъ). Библиографъ. Т. 1. № 2; стр. 101—103 и Отеч. Зап. № 4, Т. 183 (т. 8), отд. 2; стр. 296—306.

523. Объ образованіи жира въ бѣлкахъ. М. С. *Поновъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 38.

524. Объ омончаніи продольныхъ мышечныхъ волоконъ прямой кишки и прибавочныхъ мышечныхъ слоевъ задне-проходно-предстательной области у челоука и въ некоторыхъ животныхъ. Проф. *И. Лесгафтъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Т. 106, кн. 10; стр. 61—102.

525. Объ омончаніи нервовъ въ эпителиальномъ слоеъ кожи. Ф. В. *Подкопаловъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 30.

526. Объ оможиваши нервовъ въ брызжеечныхъ лимфатическихъ желъзахъ. *Гезрихъ Поттеръ*: Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 106. № 6; стр. 92—110.

527. О вліяніи подражанія на физическую и нравственную природу челоука. Статья д-ра *Жолли*. Домашній Врачъ. № 23, 36, 44, 48 и 49.

528. О вліяніи теплоты на чувствующіе нервы, спинной и головной мозгъ лагушки. *И. Тархановъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Т. 106, кн. 11; стр. 121—130.

529. О глухотѣ. (По Трельшту, Крамеру, Гиртлю и др.) Домашній Врачъ. № 39, 40, 41, 42, 43, 44 и 46.

530. О движеніи сѣмянныхъ тѣлъ челоука. *Мих. Лавдовскій*. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 106. № 6; стр. 59—73.

531. О долговѣчности. *И. П. Дѣло*. № 6; стр. 69—96.

532. Оможивае нервовъ въ дѣтородныхъ органахъ. *Бенге* (Zeitschr. f. gat. Med. XXXIII, 1—14). Протоколъ Засѣд. Общ. Практич. Врачей. № 14.

533. О жостородной дѣятельности надкостной племы. *И. И. Скроботовъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 41.

534. О нервахъ брюшкны. Д-ръ *Е. Ціанъ*. Военно-Медиц. Журналъ. № 9. Ч. 106; стр. 61—60.

535. О мовомъ выростаіи волость. *И. Стрѣпановъ*. Медиц. Вѣстникъ. № 26.

536. О пересадкѣ нормального энтозіа. *И. В. Экк*. Медицинскій Вѣстникъ. № 49.

537. О приоутствіи сократительныхъ элементовъ въ первичныхъ трубкахъ периферическихъ нервовъ. *И. Рудановскій*. Медиц. Вѣстникъ. № 18.

538. О прохожденіи бѣлыхъ шариковъ сквозь володыныя переионки. *Алексій Шкларевскій*. Военно-Медиц. Журналъ. Ч. 106. № 5; стр. 1—58.

539. О отепанки питательности раз-

личныхъ пищевыхъ веществъ, употребляемыхъ челоукомъ. (Химико-физиологич. изслѣд. бар. *Фонъ-Либиха*). Домашній Врачъ. № 31, 32, 36, 38, 39, 40, 43, 45 и 50.

540. О суммированіи ударовъ постоянного и индукціоннаго токовъ, падающихъ на чувствующій нервъ лагушки. *И. Тархановъ*. Военно-Медиц. Журналъ. Т. 106, кн. 11; стр. 103—120.

541. Отправленіе дыхательнаго горла въ актъ дыханія. Д-ръ *Левинъ*. Другъ Здравія № 48.

542. Приложеніе законовъ физиологичъ къ народному образованію. *Г. П. Архангельскій*. Архивъ Судобн. Медиц. № 2; стр. 50—52.

543. Потеря возбудимости нервовъ при сохраненіи способности проводить возбужденіе. *Г. Сыцянько*. Медиц. Вѣстникъ. № 26.

544. Роль жостнаго мозга въ выработываніи крови. Д-ръ *Нейманъ*. Другъ Здравія. № 28.

545. Сомъ и оновѣдѣніа. Д-ръ *Зиссерманъ*. Другъ Здравія. № 38.

546. Темная (слѣпая) точка глаза (punctum coecum). Домашній Врачъ. № 46.

547. Ученіе о собственной теплотѣ у здороваго и больнаго челоука. (Популярныя лекціи др. *Нимейера*). Домашній Врачъ. № 26, 27, 28, 29 и 30.

548. Физиологическое дѣйствіе гумиса. Другъ Здравія. № 23.

549. Фвиологіа и пѣтологіа души. Соч. *Гезриха Маусслен*. Ч. II. (Рефератъ). Архивъ Судобн. Медиц. № 2; стр. 1—16 и № 4; стр. 1—14.

550. Ходъ млечныхъ путей въ тонкой кишкѣ. *Ф. П. Заваарыкинъ*. Медицинскій Вѣстникъ. № 34 и 36.

551. Значеніе нищи. Грамотѣй. Кн. 5; стр. 44—56.

552. О содержаніи въ устрицахъ (*ostrea edulis*) желѣза. *Д. Д. Агмару-*

мозг. Медицинскій Вѣстникъ. № 45 и 47.

553. Объ отношеніи нервовъ къ

гладкимъ мышцамъ въ мотевомъ муръи лягушки. *Н. Ф. Толочковъ.* Медицинскій Вѣстникъ. № 33.

XVI. ИСКУССТВА.

За вторую и последнюю трети 1869 года.

I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВЪ. ВЫСТАВКИ.

221. Флоренція и ея старое мастера. (Изъ путешествія по Италіи). *Д. Каченовскій.* Вѣстникъ Европы. № 8. Т. 4; стр. 634—683 и № 10. Т. 5; стр. 678—750.

222. Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Третій и четвертый ряды лекцій, читанныхъ въ Ecole des beaux arts въ Парижѣ. *Ипполита Тана. А. Н. Чудиновъ.* Филологич. Записки № 5; стр. 1—28.

223. Наша художественная критика. *Замѣтки.* Вѣсть. № 281.

224. Кожурскъ Московскаго общества любителей художествъ. *К. Гуръи.* Современная Лѣтонисъ. № 17.

225. Художественная выставка въ 1869 году. Статья *Е. О.* Вѣстникъ Европы. № 11. (Т. 6); стр. 375—391.

226. Выставка Академіи Художествъ въ 1869 г. *Н. П. Стенановъ.* Всемирный Трудъ. № 9 и 10; стр. 1—16 и 1—22.

227. Выставка художественныхъ произведеній въ Имп. Академіи Художествъ. *В. Ключниковъ.* Заря. № 10, 11 и 12; стр. 269—279, 179—184 и 182—185.

228. Годичная выставка въ Акад. Художествъ. Статья *И. К. Отен.* Записки. № 10. (Т. 186, отд. 2); стр. 290—306.

229. На выставкѣ Академіи Художествъ. *Ниль Адмираръ.* Голось. № 261.

230. Выставка въ Академіи Художествъ. Статья *Г. Т.* Вѣсть. № 267.

231. Выставка въ Имп. Академіи Художествъ. Перечень отзывовъ о выставкѣ и оцѣнка отаива С.-Петербургскихъ Вѣд. Всемирная Иллюстр. № 45, 46, 47, 49, 50 и 52.

232. Выставка картинъ г. Айвазовскаго. Голось. № 356 и 359.

233. Новые картины *И. К. Айвазовскаго.* Современная Лѣтонисъ. № 29.

234. Новые картины художника *И. К. Айвазовскаго. Э. Платоновъ.* Одесскій Вѣстникъ. № 169.

235. Забѣтки о художествахъ. (Выставка въ пользу семейства академича Бейдемана; картины и рисунки *А. П. Боголюбона.*) Кистки. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 134.

236. Забѣтки о художествахъ. Кистки. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 270, 278 и 285 (поправка).

237. Забѣтки о художествахъ. Торжественное собраніе Акад. Худож., ея отчетъ. Альбомъ академич. выставки. Смерть *О. Гесса, Лейса и Овербака.* Кистки. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 326.

238. Международная художественная выставка въ Мюнхенѣ. Статья *в. в. в.* Голось. № 246.

239. Мюнхенская международная худож. выставка. *А. Матюшинскій.* Русскій Вѣстникъ. № 12. Т. 84; стр. 673—624.

2. СЦЕНИЧЕВОЕ ИСКУССТВО. ИСТОРИЯ
И ТЕОРИЯ ЕГО.

240. Театръ у древнихъ грековъ. *П. В. Тихомировъ*. Журналъ Мин. Нар. Просв. № 12. Ч. 146, отд. 2; стр. 267—327.

241. Театральныя представленія времяя Шекспира. Живописный Сборникъ. № 6. Т. 6; стр. 178—183.

242. Театръ гр. Каменскаго въ Орлѣ въ 1827 и 1828 гг. Изъ записокъ гр. *М. Д. Вумурлина*. Русскій Архивъ. № 10; стр. 1708—1711.

243. Нашъ личный взглядъ на сценическое искусство. *Леонидъ Нестеровъ*. Ставропольскія губ. вѣд. № 8.

244. Театръ казенный и театръ народный. *Ларошъ*. Современная Литтонисъ. № 85.

245. Народный театръ. (Отчетъ о засѣданіи Комитета Грамотности 11-го ноября). Статья *И. Ио-а*. Сѣверная Пчела. № 66.

246. О народныхъ театрахъ. (Перед. статья). Всеобщая Газета. № 71.

247. О народныхъ театрахъ. (Перед. статья). Новое Время. № 157 и 226.

248. Театральныя замѣтки. *Л. Н. А—евъ*. Заря. № 5; стр. 183—193.

249. Механикиа у кониковъ. Смигъ Отечества. № 47 (воскр. №).

250. Русскій театръ 5-го, 6-го и 9-го мая. Статья *Д. А. Голосъ*. № 129.

251. Русскій театръ. Театральныя новости и театральныя силы въ столицахъ и провинціяхъ. Виржевыя Вѣдомости. № 149.

252. Нѣвозможно словъ о гѣтнемъ театрѣ вообще и о значеніи его для Тифлиса въ особенности. *А. Румоскій*. Кавказъ. № 100.

253. Нѣвозможно замѣтокъ о домашнихъ спектакляхъ. *Бру—евъ*. Сѣверная Пчела. № 46.

254. О нашемъ театрѣ. *Вас. Писаровъ*. Бессарабск. обл. вѣд. № 81 и 82.

255. Нѣвозможно словъ о театрѣ вообще, а объ Екатеринбургскомъ въ особенности. *А. И. Комисскій*. Новороссійскій Телеграфъ. № 166.

256. По поводу Одесскаго театра. *Л. Джержазы*. Новороссійскій Телеграфъ. № 182.

257. Забѣтки о Симбирскомъ театрѣ. *В. Юрловъ*. Симбирскія губ. вѣд. № 94.

258. Размышленіи о Ставропольскомъ театрѣ. *Л. Нестеровъ*. Ставропольскія губ. вѣд. № 8.

259. Еще о Рымбинскихъ театрахъ. Статья *К. Г—ва*. Ярославск. губ. вѣд. № 29.

260. Лѣтній театръ. Саратовскій Справочный Листокъ. № 106.

261. кое-что по поводу замѣтки о гѣтнемъ театрѣ. *Климентъ*. Саратовск. Справочный Листокъ. № 111.

262. Малый театръ. Статья *К. Ч.* Современная Литтонисъ. № 33.

263. Московскіе спектакли. *И. Лановскій*. Современная Литтонисъ. № 18.

264. «Современная барышня», на сценѣ Малаго театра. Статья *К. Ч.* Современная Литтонисъ. № 19.

265. Возобновленіе комедіи «Горь отъ ума». Голосъ. № 350.

266. «Нероникъ», новая комедія г. Дьяченко, на Воронеж. сценѣ. *Калина*. Дочь. № 106.

267. Новая драма «Дѣвкамъ». Голосъ. № 228.

268. «Доходное мѣсто» на Новочеркасской сценѣ. Гр... Донской Вѣстникъ. № 43.

269. Забѣтка о постановкѣ на Екатеринбургскомъ театрѣ комедіи «Ревизоръ». Однѣ изъ публлик. Кубанскія войск. вѣд. № 41.

270. Объ исполженіи на Тифлис-

ской сценѣ Гоголевскаго «Ревизора». (№ 81 Кавказа). *А. Руностій*. Кавказъ. № 86.

271. Письмо гр. *А. Толстому*. Москов. Вѣдомости. № 6.

По поводу затрудненія въ постановкѣ «Смерти Юанна Грознаго» въ Одессѣ. См. объ этомъ же въ Современной Лѣтописи. № 5.

272. Русскій театръ. *В. Иванова*. Всемирный Трудъ. № 11; стр. 156—174.

273. Венефизъ г. Алексѣева. *В. Александрова*. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 119.

274. Венефизъ г. Васильева: 1) «Станцiонъ. змодитритель», драма. 2) «Черные и бѣлые», сцени. Статья *Д. А. Голова*. № 60.

275. Венефизъ г. Васильева 2-го. Статья *Вл. Р-ко*. Современная Лѣтопись. № 18.

276. Русскій театръ. Венефизъ г. Малышева: «Золотая удочка», ком. *И. Чернышева* и г. Жулева; «Ночное», сц.; «Дорого обомлеть», ком. Статья *Д. А. Голова*. № 21.

277. Русскій театръ. Венефизъ г. Нильскаго: «Наканунъ ссмыка», ком., «Всѣ мы жаждемъ любви». Статья *Д. А. Голова*. № 40.

278. Венефизъ г-жи Струйской 1-й: «Русская свадьба». Всемирный Трудъ. № 7; стр. 161—162.

279. Венефизъ г. Яблочкина: «Рѣшительная ночь». — «Пансионерка». — «Фаустъ на изнанку». Голова. № 289.

280. Русскій театръ. Второй дебютъ г-жи Лядовой-Сариотти. Венефизъ г. Бурдана. 1) «Овво во второнѣ этажѣ». 2) «Хижина дяди Тома», мелодрама. Статья *Д. А. Голова*. № 303.

281. Русскій театръ. Венефизъ г. Сазонова: «Общее благо», ком. г. Манна. «Птички пѣвчiя», оперетка *Оффенбаха*. Голова. № 331.

282. Обзъ игръ г. Шумскаго въ Пе-

тербургѣ. Статья *Д. А. Голова*. № 119, 125 и 129.

283. Г. Шумскій на Петербургской сценѣ. Русскія Вѣдомости. № 103.

284. Театральная хроника. *Жоржъ Данденъ*, *Мольера*. Статья *Н. № 1*. Новороссійскій Телеграфъ. № 178 и 180.

285. Новости парижскихъ театровъ. *П. Боборыкинъ*. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 306.

3. МУЗЫКА И ПѢНІЕ БЮГРАФИН И НЕКРОЛОГИ КОМПОЗИТОРОВЪ, МУЗЫКАНТОВЪ, ПѢВЦОВЪ И ПѢВЦИЦЪ.

286. Аделкина. Пятти, съ точныи зрѣніи сценическаго искусства. Отеч. Записки. № 12. Т. 183, отд. 2; стр. 396—404.

287. Верховъ (великій музыкантъ, род. въ 1803 году). *Иллюстрир.* Газета. № 21. Т. 23.

288. Гемгоръ Верховъ. (1803—1869 гг.). Всемирная Иллюстрація. № 19. Т. 1.

289. Ветховенъ. Музыкал. Свѣтъ. № 9.

290. Великое слово великаго художника (о Ветховенѣ). *А. Сорова*. Музыкальный Сезонъ. № 5.

291. Воспоминаніе о *М. И. Глинкѣ* (sic). *В. Н. Камперова*. Русскій Архивъ. № 7—8; стр. 1137—1144.

292. Письма *М. И. Глинки* къ *В. Н. Камперову*. 1856 г. Русскій Архивъ. № 7—8; стр. 1143—1146.

293. Вѣжтва *В. С.* о г. Балакревѣ по поводу ст. г. Сѣрова въ «*Journal de S. Pétersb.*». С.-Петербургскія Вѣдомости. № 318.

294. Александръ Дрейшовъ. Всемирная Иллюстрація. № 25. Т. 1.

295. Россини. (Изъ воспоминаній туряста). *Olim Felix*. Новое Время. № 123.

296. Рубинштейнъ, Листъ и Шопенъ. *К. Роллинъ*. Кіевлянинъ. № 146.

297. Воспоминаніе о Россіи. (Посвящается С. С. Добровольскому). Дезъ. Николаевскій Вѣстникъ. № 45.

298. Отецъ. Эпизодъ изъ жизни Россіи. Смыслъ Отечества. № 34 (воскрес. №).

299. А. Г. Рубинштейнъ. (Биограф. очеркъ). Кіевлянинъ. № 140.

300. А. Г. Рубинштейнъ. Ф. Тимирязевъ. Русскія Вѣдомости. № 267.

301. А. Г. Рубинштейнъ. Биографич. очеркъ. Варшавскій Дневникъ. № 234.

302. Три письма Роберта Шумана. Музыкальный Сезонъ. № 4.

303. Русско-славянской народный пѣвецъ Д. А. Агреневъ-Славянской. Биографическій очеркъ. А. Лазова. Кіевъ. 1869. Статьи М — ко. Харьковскія губ. вѣд. № 68.

304. Русскій народный пѣвецъ Дмитрій Александровичъ Агреневъ-Славянской. Кіевскій Телеграфъ. № 50.

305. Д. А. Славянской. С. Стеблунъ-Камыскій. Полтавскія губ. вѣд. № 62.

306. Оцѣнка, почеркнутыя изъ дѣлъ Орловскаго консисторскаго архива объ о. протоіерей П. И. Турчаниновѣ (знаменитомъ композиторѣ духовно-музык. соч.). Статья II—га. Орловскія епарх. вѣд. № 15.

307. Фелличита Вестфали. Всемирная Иллюстрація. № 19. Т. 1.

308. Фердинандъ Хиллеръ. (Биографическій очеркъ). М. Азачевскій. Музыкальный Сезонъ. № 6.

309. Флжигель Моцарта. Воскресный Досугъ. № 351.

310. Восточскій музыкальный праздникъ по случаю годовщины восстановления мира и союза въ Сѣверо-Американскыхъ Соединенныхъ Штатахъ. Отъ 8-го (15) до 7-го (19) іюня 1869 года. Всемирная Иллюстрація. № 30.

311. Взглядъ на исторію музыкальнаго развитія въ Новороссійскомъ

краѣ. Бессоль. Новороссійскій Телеграфъ. № 225 и 239.

312. Трехдневное музыкально-вокальное лифляндское торжество. (Перед. статья). Голосъ. № 187.

313. Музыкальная хроника. Моимъ оппонентамъ: гг. Камертону (Новор. Тел. № 49), Пурину (Новор. Тел. № 57) и А. И. (Никол. Вѣстн. № 27). Бессоль. Новорос. Телеграфъ. № 74 и 76.

314. Голосъ изъ московскаго музыкальнаго міра. II. Чайковскій. Современная Лѣтопись. № 16.

315. Гуски, ревельское русское общество пѣнія. Эстляндскія губ. вѣд. № 77.

316. Домашній концертъ 24-го апрѣля. Н. Памовскій. Современная Лѣтопись. № 16.

317. Дѣло музыкальнаго образованія. Новое Время. № 177.

318. Еще о нашихъ музыкальныхъ дѣлахъ. (Письмо къ редакц.). Голосъ. № 136.

319. Замятня о предстоящемъ концертѣ музыкальнаго общества. Ларошъ. Москов. Вѣдомости. № 276.

320. Музыкальная библиографія. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 273 и 285.

321. Музыкально-библиографическое извѣстіе. «Никола пѣнія Лаблаша». Современная Лѣтопись. № 32.

322. Музыкальными замѣтнями ***. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 120, 132, 304, 318, 332 и 350.

323. Музыкальными вѣсти. (О концертѣ Славянскаго общ. въ Вѣнѣ). Н. Памовскій. Московскія Вѣдомости. № 265.

324. Музыкальные струны. Статья В. Стасова. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 154.

Здѣсь говорится о гг. Сѣровѣ, Фаминцинѣ, Ростиславѣ и г. И.

325. Письмо А—ра Фаминцина по поводу предыдущей статьи и отвѣтъ.

В. С. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 166.

326. Музыкальное обозрѣніе. Концерты Русскаго музыкальнаго общества. Статья *Н. Г. Всемирная Иллюстрація.* № 22. Т. 1.

327. Музыкальное обозрѣніе. Второй концертъ Музыкальнаго общества. Третій концертъ безлатной школы. *Нов. Музыкальная Газета.* (Музыкальный сезонъ). Статья *Н. С. Всемирная Иллюстрація.* № 49.

328. Музыкальные очерки. Взглядъ на Людвига ванъ-Бетховена. — Его увертюра въ «Кориолану», «Афинскія развалины», 4-й концертъ и 7-я симфонія. *Ларошъ.* Современная Лѣтопись. № 45.

329. Музыкальные очерки. *Sonata per tutte* Моцарта. «Океанъ» Рубинштейна. *Ларошъ.* Современная Лѣтопись. № 47.

330. Музыкальные очерки. Месса Роберта Шумана. *Ларошъ.* Московск. Вѣдомости. № 249.

331. Мысли о музыкальномъ образованіи въ Россіи. *Ларошъ.* Русскій Вѣстникъ. № 7. Т. 82; стр. 44—74.

332. *Musikallische Charakterbilder* von O. Gumprecht. Leipzig. 1869. Статья *Л. А.—ва.* Вѣстникъ Европы. № 7. Т. 4; стр. 442—445.

333. Наши музыкальные дѣла. *А. Н. Стровъ.* Голосъ. № 119 в 145.

Объ историческомъ концертѣ г. Промбергера.

№ 334. Новые явленія въ нашей музыкальной литературѣ. *А. Фамининъ.* Музыкальный Сезонъ. № 6.

335. Нѣсколько словъ о междоусобицахъ, происходящихъ въ нашемъ музыкальномъ мірѣ. *Ростиславъ.* Голосъ. № 324.

336. О пѣвчихъ. Статья *регент-директанта.* Донской Вѣстникъ. № 17.

337. О г. Вейфрицѣ, какъ дирижорѣ. *А. Фамининъ.* Голосъ. № 124.

338. Нѣсколько словъ по поводу статьи Ростислава. Нѣсколько словъ о междоусобицахъ въ нашемъ музыкальномъ мірѣ. *В. В. С.-Петербургскія Вѣдомости.* № 333.

339. Нѣсколько общихъ мыслей о концертахъ г. Славянскаго. Статья *П. Л. Харьков.* губ. вѣд. № 72.

340. О музыкальной декламации. *А. Фамининъ.* Музыкальный Сезонъ. № 7 и 8.

341. О нынѣшнемъ состояніи церковной музыки въ Россіи. *Ларошъ.* Современная Лѣтопись. № 47.

342. Открытіе специально-музыкальнаго комитета при Русскомъ музыкальномъ обществѣ. *Голосъ.* № 357.

343. Паровые органы. *Иллюстр. Газета.* № 21. Т. 23.

344. По поводу исполненія въ 3-й симфоническомъ концертѣ симфоніи г. Свендсена. *Ростиславъ.* Голосъ. № 335.

345. По поводу отзыва г. В. С. о концертѣ безлатной музыкальной школы. Статья *И.* Голосъ. № 125.

346. Симфоническія собранія Русскаго музыкальнаго общества. *Голосъ.* № 303.

347. Славянофильство и критика въ музыкѣ и здравая критика. *А. Фамининъ.* Музыкальный Сезонъ. № 1.

348. Собранія Русскаго музыкальнаго общества, Московская консерваторія и русская опера. *Н. Пановскій.* Современная Лѣтопись. № 35.

349. Церковное пѣніе въ Россіи. *Д. Разумовскаго.* М. 1867—1868 гг. 2 вып. Статья *А. Веселовскаго.* Древн. Труды Моск. Археол. Общ. Т. 2, вып. 1; стр. 71—74.

350. Указатель нѣсь «Азіатскаго Музыкальнаго Журнала», издаваемаго въ Астрахани въ 1816—1818 годахъ. *Ис. Добровольскаго.* Астрахан. Справочный Листокъ. № 81, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 106,

109, 110, 111, 113, 115, 116, 117, 119, 120, 121, 123, 123, 124, 130 и 133.

351. «Робертъ» и «Гугеноты». *Г. Рафа*. Музыкальный Сезонъ. № 2.

352. Записка объ итальянской оперѣ въ Москвѣ. *Ларош*. Современная Лѣтонисъ. № 39 и Московскія Вѣдомости. № 204, 209, 229, 235, 240, 254, 256, 269 и 280.

353. Музыкальная хроника. «Фаустъ» въ итальянской оперѣ 1-го октября. «Ченерентола» на той же оперѣ 2-го октября. Статья *N.* Москов. Вѣдомости. № 216.

354. Русская опера въ сезонѣ 1868—1869 гг. Петербургская Газета. № 70, 76, 78, 84 и 93.

355. Тридцати-четыре-лѣтній юбилей одной русской оперы («Аскольдова могила»). Современныя Извѣстія. № 287.

356. Записка о русской оперѣ въ Москвѣ. *Ларош*. Современная Лѣтонисъ. № 20.

357. Еще о русской оперѣ въ Москвѣ. *Н. Памоскій*. Современная Лѣтонисъ. № 20.

358. Дебютъ г. Андреева въ оперѣ «Жизнь за Царя». *Н. Памоскій*. Москов. Вѣдомости. № 223.

359. Дебютъ г-жи Меньшиковой, Давыдовой и Дмитріевой и гг. Комиссаржевскаго и Орлова на Маріинскомъ театрѣ. Музыка. Сезонъ. № 1.

360. Нѣсколько запоздавшихъ словъ о «Рогнѣдѣ» А. Н. Стрнова. *В. Орловъ*. Всеобщая Газета. № 116.

361. Музыкальныя замѣтки. («Рогнѣда», концерты безплатной школы, музыкальный сезонъ, бенефисъ Петрова). ***. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 290.

362. Музыкальныя замѣтки. «Фаустъ» Гуно. Г-жи Давыдова, Меньшикова; гг. Комиссаржевскій и Орловъ. ***. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 264.

363. Музыкальное обозрѣніе. Нѣсколько словъ объ участи оперы «Виль-

ямъ Радклиффъ» и о причинахъ устраненія г. Балакирева отъ званія капельмейстера Русскаго музыкальнаго общества. Отеч. Записки. № 6. Т. 184. отд. 6; стр. 257—269.

364. Музыкальные очерки. Вступленіе. — «Сонъ въ Ивановскую ночь», Феликса Мендельсона-Бартольди. «Тангейзеръ», Вагнера. *Ларош*. Москов. Вѣдомости. № 242.

365. «Радклиффъ». Статья *В. Стасова*. С.-Петербургскія Вѣдом. № 124.

См. въ 128-мъ №, въ недѣльн. очеркахъ зам. Незнакомца.

366. Объ исполненіи оперы Кюи. Статья *Ц. Кюи* и *А. В. С.-Петербургскія Вѣдомости*. № 319.

367. Сцена изъ оперы «Восвода», Чайковскаго. Статьи *И. П.* Всемирная Иллюстрація. № 22. Т. 1.

368. Дебютъ г. Корсова. Статьи *П.* Музыкальный Сезонъ. № 4.

369. Музыкальныя замѣтки Лѣтняя фисіономія нѣкоторыхъ заграничныхъ оперныхъ спектаклей. Статья ***. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 227.

370. Письма изъ чужихъ краевъ. *В. С. С.-Петербургскія Вѣдомости*. № 262 и 263.

О новой оперѣ Вагнера «Рейнгольдъ».

371. Два спектакля въ Большомъ театрѣ. *Н. Памоскій*. Современная Лѣтонисъ. № 46.

372. Нѣсколько словъ по поводу царковъ. Статья *Г. Р.* Новороссійск. Телеграфъ. № 115.

4. СКУЛЬПТУРА. ЖИВОПИСЬ. МОДАНКА. БЮГРАФІИ И НЕКРОЛОГИ ХУДОЖНИКОВЪ. ФОТОГРАФІИ. ТИПОГРАФСКОЕ ИСПОУССТВО И ОТЕНОГРАФІЯ.

373. Luebke. M. Geschichte der Renaissance Frankreichs. Stuttgart. Ebner u. Seubert. 1868 г. (Обозрѣніе соч.). Библиографъ. Т. 1; № 2. стр. 77—79.

374. Новая французская живопись. Иллюстрированная Газета. № 25. Т. 23.

375. Академикъ М. А. Зичи. (По поводу прошедшей выставки его акварелей). Всемирная Иллюстрація. № 34. Т. 2.

376. Академикъ Вячесл. Григор. Шварцъ. Иллюстриров. Газета. № 18. Т. 23.

377. Александръ Егоровичъ Вейдеманъ. (Адъюнктъ-професс. Академіи Художествъ ум., 27-го февраля 1869 года). Иллюстрир. Газета. № 27. Т. 24.

378. Нефрологъ. Фед. Павл. Брюловъ (живописецъ). Иллюстрир. Газета. № 17. Т. 23.

379. Горазъ Веризъ. Живописный Сборникъ № 6; Т. 6, стр. 182—183.

380. Витъ Отвошъ, польскій скульпторъ (1438 г.). Иллюстрир. Газета. № 25. Т. 23.

381. Фадѣй Горещай, польскій живописецъ (род. 1825 г.). Иллюстрир. Газета. № 17. Т. 23.

382. М. О. Микѣшинъ. Статья Л. С. Всемирная Пчела. № 22.

383. Павелъ Мойергоймъ, род. въ 1842 г. (въ рисунку «Сцена въ судѣ»). Статья С. Всемирная Иллюстрація. № 21. Т. 1.

384. Петръ Шенъ (граверъ XVII вѣка). Иллюстриров. Газета. № 19. Т. 23.

385. Рембрандтъ и Жераръ. Самар. Справочный Листокъ. № 110 и 115.

386. Энгель, его жизнь и произведенія. Статья Р. Р. Живописный Сборникъ. Т. VI, вып. 11 и 12; стр. 325—332.

387. Опортретной галереѣ г. Мюнстера. (Рец.). С.-Петербургскія Вѣдомости. № 312. Т. 2.

388. Видъ города Тенсберга въ Норвегіи. Всемирная Иллюстрація. № 27.

389. «Возвращеніе съ сѣнокоса».

(Картина Освальда Сиверта). Воскр. Досугъ. № 339.

390. «Возвращеніе сапера». Картина Трутовскаго. Всемирная Иллюстрація. № 50.

391. «Возвращеніе въ монастырь». Картина Цамакойса (Zamacois). Парижскій салонъ 1869 г. Статья С. Всемирная Иллюстрація. № 50.

392. «Гостепріимство». (Картина нѣмецкой школы). Иллюстриров. Газета. № 24. Т. 23.

393. «Еврейскіе похороны». Картина Карченскаго. Иллюстрир. Газета. № 18. Т. 23.

394. Картины Каульбаха и Грѣва. Иллюстрир. Газета. № 19. Т. 23.

395. «Овчарка» — конія съ eau-forte К. Жака. Статья С. Всемирная Иллюстрація. № 23. Т. 1.

396. О картинѣ академика П. Ф. Пльшанова, изображающей мученическую смерть царевича Дмитрія въ Угличѣ. Дм. Лопотинъ. Петербург. Газета. № 151 и 152.

397. «Плюма порослятъ передъ болными Людовикомъ XI», картина Карла Конта (Comte). Статья С. Всемирная Иллюстрація. № 36.

398. «Ревешка у колодца», картина Залесскаго. Иллюстрир. Газета. № 23. Т. 23.

399. «Римлянка съ ребенкомъ», картина Миллера. Иллюстриров. Газета. № 20. Т. 23.

400. «Рождество Богородицы», картина дель-Сарто. Воскресный Досугъ. № 328.

401. «Сельскія увеселенія», картина Вогто. Воскресный Досугъ. № 328.

402. «Суванна», картина Лколева. Воскресный Досугъ. № 338.

403. «Тайное посѣщеніе», картина Худякова. Воскресный Досугъ. № 340.

404. Образъ св. Николая Мирликійскаго чудотворца въ Александро-

Невской лавръ. Мозаика, работы А. И. Сиверса. Всемирн. Иллюстрація. № 20. Т. 1.

405. «Урожь воровства». Съ картины Боша. Всемирная Иллюстрація. № 32. Т. 2.

406. Мозаичная работа, найденная въ Палермо. Иллюстрир. Газета. № 17. Т. 23.

407. Производство метахроматическихъ картинъ А. Миллера въ Парижѣ. Типографскій Журналъ. № 23 и 24.

408. Наши частные музеи и кабинеты. Мраморная группа Альгарди. Статьи С. Всемирная Иллюстрація. № 50.

409. «Никифа, держащая раковину». Извѣстіе Кузенева, въ Версальскомъ паркѣ, близъ Парижа. Живописный Сборникъ. № 5. Т. 6; стр. 129—130.

410. Описание столовыхъ часовъ, изображающихъ гр. Аракчеева, стоящаго у могилы императора Александра I-го. (Съ франц.). О. Пашкевичъ. Русскій Архивъ. № 7—8; стр. 1183—1192.

№ 411. Очерки древняго міра. Три произведенія античнаго искусства. Учитель. № 11 и 13; стр. 342—345, и 413—417.

2. Колоссы Родосскаго и 3. Лакоонъ.

412. По поводу предполагаемаго памятника Богдану Хмѣльницкому. М. Юзефовичъ. Московскія Вѣдомости. № 196.

413. По поводу памятника, сооружаемаго Богдану Хмѣльницкому. Одесскій Вѣстникъ. № 216.

414. Нѣсколько словъ о памятникѣ Хмѣльницкому. (Передъ статья Н. К.). Новое Время. № 194.

415. Памятникъ соединителю Великой и Малой Руси (Богдану Хмѣльницкому). (Передов. статья). Голось. № 136.

416. Памятникъ Хмѣльницкому. М—чъ. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 259.

417. Памятникъ Екатеринѣ II. Голось. № 238.

418. Памятникъ Екатерины Великой. Всемирная Иллюстрація. № 39.

419. Подробности церемоніи открытія памятника Екатеринѣ II. Голось. № 325.

420. Памятникъ А. И. Казарскому въ Николаевѣ. И. Барменевъ. Новороссійскій Телеграфъ. № 136.

421. Памятникъ 1-му русскъ кругосвѣтному плавателю, адмиралу Н. О. Крузенштерну. Голось. № 300.

422. Памятникъ князю Пожарскому и граждану Минину въ Москвѣ. Всемирная Иллюстрація. № 26. Т. 2.

423. Проектъ памятника князю Михаилу Обрешовичу, составл. М. О. Милшинимъ. Всемирная Иллюстрація. № 51.

424. Памятникъ полковнику Тиховскому. Кубанскіи войск. вѣд. № 46.

425. Памятникъ на могилѣ Фридриха Скарбека. Иллюстрир. Газета. № 23. Т. 23.

426. Памятникъ Фридриху Великому, въ Берлинѣ. Живописный Сборникъ. Т. 6. Вып. 10; стр. 298—302.

427. Нѣсколько словъ о публичномъ примѣненіи стенографіи. М. Дроздова. Симбир. губ. вѣд. № 55.

428. О мурсахъ стенографіи въ С.-Петербургѣ. Журналъ Мин. Нар. Просв. № 7. Ч. 164, отд. 4; стр. 1—12.

429. Кристаллизационное отпечатываніе фона въ кредитныхъ бумагахъ. Фотографич. Обзоріе. № 77.

430. Новый способъ отпечатыванія. (Albert). Фотографич. Обзоріе. № 73; стр. 12—13.

431. Новый способъ получать гармонические отпечатки съ слишкомъ сильныхъ негативовъ. Фотографическое Обзоріе. № 74; стр. 30—31.

432. Вступительная лекція стенографія, пропознесенная 14-го септембра 1869 г. преподавателем стенографія *И. А. Устиновым*, при началі новаго курса въ аудиторіи Харьковскаго университета. (Со стенограммы г. барона *Ф. Г. Пиллеръ Ф. Пиллеру*). Харьков. губ. вѣд. № 106 и 108.

433. О новыхъ усовершенствованіяхъ г. Альберта въ репродукціи фотографическихъ изображеній. *П. Кочубей*. Записки Русскаго Технич. Общ. Вып. 4 и 5; стр. 71—82.

434. О паллироексидѣ и бумажномъ колодіонѣ. (*Лизманъ*). Фотограф. Обзорніе. № 77.

435. О покрываніи вуалемъ проявленныхъ изображеній и новое противодѣйствующее этому средство. *В. Симпсонъ*. Фотографическое Обзорніе. № 77.

436. О приготовленіи вплавленныхъ изображеній фотографическимъ путемъ. (*Сивартъ*). Фотографич. Обзорніе. № 77.

437. Опытъ теоріи фотографіи на сухомъ колодіумѣ. *Котельниковъ*. Записки Русск. Технич. Общ. Вып. 4 и 5; стр. 71—82.

438. Отпечатки на альбуминной бумагѣ. (1-г *Съ. F. Нитсъ*). Фотограф. Обзорніе. № 75; стр. 33—39.

439. Отпечатки на слоуповой кости. Фотографич. Обзорніе. № 76.

440. Отпечатываніе фотографій посредствомъ литографской краски. Фотографическое Обзорніе. № 75; стр. 40—44.

441. Перенесеніе негативовъ на кожаный колодіонъ. *Лудберъ*. Фотографич. Обзорніе. № 73; стр. 1—2.

442. Покрытие фотографій стекловиднымъ слоемъ. Фотографич. Обзорніе. № 74; стр. 31—32.

443. Портреты эмальотипія. (*G. W. Simpson Mitth.*). Фотографич. Обзорніе. № 76.

444. Превращеніе негатива въ позитивъ. Фотографич. Обзорніе. № 73; стр. 2—4.

445. Простой фотолитографическій процессъ. (*Markham*). Фотографич. Обзорніе. № 77.

446. Ретушированіе негативовъ карандашемъ. Фотографич. Обзорніе. № 77.

447. Сахаръ въ позитивной серебряной ваннѣ. Фотографич. Обзорніе. № 76.

448. Странствованіе по фотографическимъ ателье Нью-Йорка. (*Съ. W. Нилъ*). Фотографич. Обзорніе. № 73; стр. 13—16.

449. Сухія пластинки, чувствительныя къ свѣту не менѣе мокртыя. (*C. Lea*). (Phil. Phot.). Фотографич. Обзорніе. № 76.

450. Фотографія Эбурнеумъ. *В. Симпсонъ*. Фотограф. Обзорніе. № 74; стр. 24—30.

451. Фотографическое печатаніе мѣдью. Фотографическое Обзорніе. № 76.

452. Фотодипнографія. Фотограф. Обзорніе. № 73—76.

453. Замѣчательныя явленія спеціальной журналистики. Гравир. и литограф. искусство. Статьи г. *Глыбова*. Сѣверная Пчела. № 44 и 45.

454. Исторія типографскихъ станковъ и машинъ. *Августъ Мараренсъ*. Типографскій Журналъ. № 19, 20, 23 и 24.

455. Некрологъ. Иванъ Дмитріевичъ Ивановскій (московский типографъ). Типографскій Журналъ. № 19 и 20.

456. Производство желѣзныхъ осадковъ посредствомъ гальванизма. (*Якоби*). Типографскій Журналъ. № 19 и 20.

457. Типографская нумизматика. Типографскій Журналъ. № 23 и 24.

Б. АРХИТЕКТУРА. ПОСТРОЙКА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГЪ, МОСТОВЪ, ГИДРАВЛИЧЕСКИХЪ СООРУЖЕНІЯ.

458. Матеріалы для исторіи строительной части въ Россіи. II. Петроз. Журналъ Минист. Путей Сообщенія. № 3; стр. 76—128.

459. Обь архитектурѣ нашихъ храмовъ и позолотѣ въ нихъ. Статья С. А. К. Кіевскія епарх. вѣд. № 14.

460. О произведенныхъ работахъ и устроенныхъ сооруженіяхъ при Либавскомъ портѣ. Инжен. ген.-маіору Гейдатель. Журналъ Минист. Путей Сообщенія. Т. 11. Кн. 2; стр. 276—291.

461. Библиографія. «Ministère de l'intérieur. Documents relatifs à la répartition des subventions et des avances accordées par la loi du 11 Juillet 1868, pour l'achèvement des chemins vicinaux, publiés par ordre de S. exc. m. de Forcade la Roquette, ministre de l'intérieur». 4°. Paris. MDCCCLXVIII. (119 ст. съ чертежомъ). Статья А. В. Журналъ Минист. Путей Сообщенія. № 3; стр. 1—5.

462. Библиографія. Loi sur l'achèvement des chemins vicinaux et documents parlementaires relatifs à cette loi, publiés par ordre de S. exc. m. Pinard, ministre secrétaire d'état au département de l'intérieur. 4°. Paris. MDCCCLXVIII. (480 стр.). Статья А. В. Журналъ Минист. Путей Сообщенія. № 3; стр. 1—5.

463. Библиографія. Documents sur les chemins vicinaux, publiés par ordre de S. exc. m. Pinard, ministre secrétaire d'état au département de l'intérieur. 4°. Paris. MDCCCLXVIII. (398 стр., съ двумя картами). Статья А. В. Журналъ Минист. Путей Сообщенія. № 3; стр. 1—5.

464. Библиографія. Annales des ponts et chaussées. Пятая книжка за 1867 годъ. Н. Беталогъ. Журналъ

Минист. Путей Сообщенія. Т. 11. Кн. 2 стр. 25—82.

465. Критическій обзоръ и мнѣнія о двухъ періодическихъ сочиненіяхъ А. Забѣржовскаго, изданныхъ въ Варшавѣ, подъ названіемъ: «Сельскій архитекторъ» и «Архитектоническіе эскизы». С. Кулешовъ. Труды Имп. Волян. Экон. Общ. Т. 4, вып. 4; стр. 311—331 и вып. 5; стр. 401—415.

466. Кожонкада Сернигамской пагоды въ Индіи. Статья С. Всемирная Иллюстрація. № 24. Т. 1.

467. Американскій инженеръ Ребллингъ и его проектъ висячаго моста между Нью-Йоркомъ и Броклингомъ. Всемирная Иллюстрація. № 44.

468. Изысканіе и разработка каменнаго строительнаго матеріала. (Отъ Воронежскаго строительнаго отдѣленія). Воронежскій Телеграфъ. № 139.

469. Сельскія глинобитныя постройки. Мірской Вѣстникъ. № 7; стр. 66—78.

470. Деревяскія постройки. Св. М. Мисайловскій. Новгородскія губ. вѣд. № 48.

471. Способъ производства постройки изъ необожженныхъ кирпичей. Мірской Вѣстникъ. № 8; стр. 57—73.

472. Дворецъ Синьорія во Флоренціи. Иллюстрир. Газета. Т. 24. № 27.

473. Отель Стюарта въ Нью-Йоркѣ. Всемирная Иллюстрація. № 35.

474. Внутренніе покои Аничкова дворца: кабинетъ Цесаревны и спальня Великаго Князя Николая Александровича. Всемирная Иллюстрація. № 40.

475. Внутренность кабинета Ея Высочества Цесаревны Маріи Феодоровны. Модный Свѣтъ. № 42.

476. Кабинетъ Государыни Цесаревны. Современная Лѣтопись. № 44.

477. Новочеркаскій водопроводъ. Н. Вьялелюбскій. Журналъ Минист. Путей Сообщенія. Т. 11, кн. 2; стр. 186—275 и кн. 3; стр. 1—55.

478. Новый желѣзный мостъ чрезъ Обводный каналъ въ С.-Петербургѣ. Всемирная Иллюстрація. № 30. Т. II.

479. Мостъ черезъ Вавиловскую переправу. *И. Гурвичъ*. Уфимскія губ. вѣд. № 51.

480. О второмъ Владикавказскомъ мостѣ. *А. Костанъ*. Терскія губ. вѣд. № 35.

481. О сооруженіи втораго постоянного моста чрезъ Большую Неву въ С.-Петербургѣ. Правительственный Вѣстникъ. № 97.

482. О постройкѣ новаго постоянного моста черезъ рѣку Неву. Сынъ Отечества. № 116 (буд. №).

483. Серпуховской мостъ на Московско-Курской или Южной желѣзной дорогѣ. Всемирная Иллюстрація. № 44.

484. Проектъ Мстинскаго моста. *Ч. Палдыъ*. С.-Петербургскія Вѣдомости. № 306.

485. Новый желѣзный мостъ чрезъ Обводный каналъ. Всемирная Иллюстрація. № 50.

486. Красный мостъ на р. Храмѣ (отъ 809 в. отъ Тифлиса). Иллюстрир. Газета. № 18. Т. 23.

487. Международный мостъ отъ Дувра до Кале. Всемирная Иллюстрація. № 33. Т. II.

488. Пассажирскій вокзалъ желѣзной дороги. *А. Леопольдовъ*. Саратовскій Справочный Листокъ. № 123.

489. Поднятіе домовъ въ Чикаго. Всемирная Иллюстрація. № 27.

490. Проектъ обезопасенія Петербурга отъ наводненія. Голосъ. № 308.

491. Триумфальныя ворота въ городѣ Самарѣ. Самарскій Справочный Листокъ. № 132.

492. Некрологъ. *Иосифъ Албертовичъ Заржецкій* (инженеръ - генералъ-лейтенантъ, род. 1800 г., сконч. 29-го января 1869 года). Статья *И. Б...каю*. Журналъ Минист. Путей Сообщенія. № 3; стр. 1—6.

493. Укладка подводнаго телеграфнаго кабеля у восточныхъ береговъ Чернаго моря. *И. Дикозъ*. Николаевскій Вѣстникъ. № 64.

494. Устройство каната черезъ Суэцскій перешеекъ. Космосъ. № 17.

6. ОХОТА И ГИМНАСТИКА.

495. Вольная охота. Мѣстный петербургскій очеркъ. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 19, 20 и 21.

496. Охота въ Индіи (майора Л., прозваннаго старымъ охотникомъ, описанная *Жюлемъ Жираромъ*). Переводъ съ французскаго. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 9, 10, 11, 15, 16, 17, 18, 19, 20 и 21.

497. Соколиная охота въ Японіи. Всемирная Иллюстрація. № 32 Т. 2.

498. Отвѣтъ г. Шипшевскому на статью его о Казанскомъ обществѣ охоты. *Ю. Блюменталь*. Казанскія губ. вѣд. № 14.

499. Охота въ окрестностяхъ Казани. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 9, 10, 12, 13 и 14.

500. Марсельская охота. Самарскій Справочный Листокъ. № 132 и 135.

501. О поносѣ. *А. Гамбозъ*. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 22.

502. Жирафъ. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 19.

503. Объ охотѣ на зайца съ легавою собакою. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 14.

504. Охота на зайцевъ съ сокольными. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 16.

505. Охота на зайцевъ. *А. Гамбозъ*. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 22.

506. Охота за моржами. Иллюстрир. Газета. № 18. Т. 23.

507. Кабанъ (вепрь) и кабанья охота. Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 24.

508. **Кроводилки.** *А. Соловьев.* Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 20.

509. **Ловля кроводилами обезьянъ.** Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 19.

510. **Сеттеръ.** Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 22.

511. **Хоревъ.** Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 23.

512. **Вешась и охота за нимъ.** Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 15.

513. **Опытъ прирученія вальдшнеповъ.** *Г. П. Пузыревъ.* Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 17.

514. **Вальдшнепъ и охота за нимъ.** Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 13.

515. **Глухой тетеревъ.** Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 23.

516. **Объ охотѣ на дупелей или дупельшниковъ въ южной части Харьковской губ. и другихъ близлежащихъ мѣстахъ.** *И. И. Данилевскій.* Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 16.

517. **Ловля перепеловъ въ Сиріи.** Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 21.

518. **Захѣтка о рябчикѣ и охотѣ**

на него. *М. Сухоъ.* Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 10.

519. **Дикіе гуся и охота за ними.** Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 9.

520. **Ловля перепеловъ въ Сиріи.** Воскресный Досугъ. № 331.

521. **Казуаръ.** Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 23.

522. **Нѣсколько словъ о суджанскихъ соловьяхъ и перепелахъ.** *А. Иноклаевъ.* Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 9.

523. **Пятушій бой.** Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 14.

524. **Утка-самотукъ.** Статья *А. Г-ва.* Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 17.

525. **Царь животныхъ.** Журналъ Охоты и Коннозаводства. № 22.

Здѣсь описывается жизнь знаменитаго укротителя звѣрей *Исаака фонъ-Амбурга.*

526. **Гимнастика для дѣвцъ,** въ примѣненіи къ различнымъ возрастамъ, для общественнаго и домашняго воспитанія. Соч. *д-ра Клевезали.* (Рец.). Домашній Врачъ. № 48.

527. **По поводу учрежденія гимнастическаго общества въ С.-Петербургѣ.** Голосъ. № 319.

ОБЪ ИЗДАНИИ
„НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“
ВЪ 1874 ГОДУ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Одобрено министерствомъ народнаго просвѣщенія и главнымъ штабомъ военного министерства и признано органомъ с.-петербургскаго комитета грамотности и общества распространенія полезныхъ книгъ въ Москвѣ.

„НАРОДНАЯ ШКОЛА“ будетъ издаваться въ 1874 году подъ тою же редакціей и по той же программѣ, какъ издавалась въ продолженіи первыхъ пяти лѣтъ. Въ составъ ея войдутъ слѣдующія отдѣлы: 1) Законодательство. 2) Педагогика и дидактика. 3) Исторія народныхъ школъ и народнаго образованія. 4) Статьи научнаго содержания. 5) Критика и библіографія, и 6) Смѣсь и новости.

Сверхъ того, по примѣру прежнихъ лѣтъ, при „НАРОДНОЙ ШКОЛѣ“ будутъ выходить постоянныя и временныя приложенія. Къ первымъ мы относимъ:

1. Портреты Высочайшихъ особъ, общественныхъ дѣятелей и педагоговъ русскихъ и иностранныхъ.
2. Календарь на 1874 годъ.
3. Сборникъ статей по естествовѣдѣнію и техникѣ.
4. Сборникъ поэтическихъ произведеній русской литературы.
5. Библіографическій листокъ.
6. Лѣтопись С.-Петербургскаго Комитета Грамотности.
7. Журналы засѣданій Московскаго Комитета Грамотности.
8. Политическія извѣстія для народныхъ учителей.

Кромѣ перечисленныхъ постоянныхъ и обязательныхъ для редакціи приложеній, она надѣется выдать еще особыя приложенія, количество и объемъ которыхъ будетъ въ полной зависимости отъ числа подписчиковъ. Вообще редакція, чуждая всякихъ рекламъ и обѣща-

ній, выдавала, по сознанию самих подписчиковъ, въ чемъ мы имѣемъ прямыя доказательства, болѣе, чѣмъ позволяли ей весьма ограниченныя средства.

„НАРОДНАЯ ШКОЛА“ будетъ выходить, по прежнему, разъ въ мѣсяцъ, выпусками, безъ приложений, отъ 2-хъ и болѣе листовъ, въ 8-ю долю и въ 2 столбца; съ приложениями объемъ ея увеличивается вдвое и даже втрое.

Цѣна „НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“, со всѣми имѣющими быть приложениями, навначается съ пересылкою и доставкою четыре рубля пятьдесятъ копѣекъ.

Подписка принимается: для иногородныхъ—исключительно въ редакціи „НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“ (Васильевскій Островъ, Средній проспектъ, домъ № 1); для городскихъ же подписчиковъ, кромѣ редакціи, во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Отвѣтственность за доставленіе журнала лежитъ на прямой обязанности почтамта. Но такъ какъ почтамтъ не отвѣчаетъ за пронажу въ дорогѣ высланныхъ номеровъ, а редакція, съ своей стороны, не имѣетъ никакой возможности производить контроль—дѣйствительно ли не доставленъ почтою вышедшій высланный номеръ, а не потеряны самими подписчикомъ, то редакція установила разъ навсегда слѣдующія два правила, безъ соблюденія которыхъ не будутъ ею удовлетворяться жалобы подписчиковъ:

1) Не получившій какого-либо номера журнала обязанъ представить въ редакцію свидѣтельство мѣстной почтовой конторы о томъ, что онъ дѣйствительно не получилъ такого-то № журнала, и 2) Редакція, при соблюденіи перваго условія подписчикомъ, будетъ удометворять только тѣхъ изъ нихъ, которые заявятъ свои жалобы не далѣе двухъ мѣсяцевъ со дня выхода неполученнаго ими номера журнала.

Желающіе получить квитанцію о высланныхъ въ редакцію деньгахъ прилагаютъ 10-ти копѣечную почтовую марку.

Въ редакціи имѣются въ продажѣ экземпляры „НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“ 1869, 1871, 1872 и 1873 гг. по 4 руб. 50 коп. за каждый годъ съ пересылкою.

Портреты, приложенные при журналѣ 1873 года, продаются отдѣльно, за каждый, съ пересылкою, по 40 коп.

Редакторъ-издатель **В. Мѣдниковъ.**

РУССКІЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

профессоромъ С.-Петербургскаго университета, И. Н. Березиннымъ.

Вышла первая половина втораго выпуска, заключающая въ себѣ статьи отъ *Азія* до *Алабамскій вопросъ* и отъ *Беккеръ* до *Бертолетія*.

Гг. подписавшіеся благоволятъ доставить: петербургскіе подписчики — въ книжный магазинъ БАЗУНОВА 2 руб. 50 коп., а остальные подписчики — 3 рубля въ мѣста ихъ подписки, для полученія втораго выпуска словаря.

Принимается подписка на три первые выпуска „Русскаго Энциклопедическаго Словаря“, равняющіеся тремъ томамъ; цѣна за три выпуска, съ пересылкою, двѣнадцать рублей. Деньги уплачиваются при подпискѣ, при чемъ подписавшемуся выдается первый выпускъ и половина втораго, а на остальные полтора выпуска билетъ.

Подписка принимается — для живущихъ въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ А. Θ. БАЗУНОВА (Невскій, № 39). Гг. многогородныхъ просятъ съ своими заявленіями обращаться на имя издателя, И. Н. БЕРЕЗИНА, въ контору „Русскаго Энциклопедическаго Словаря“ (Вознесенскій проспектъ, № 27, кварт. № 30).

Отдѣльно каждый выпускъ стоитъ съ пересылкою пять рублей.

Въ вышедшихъ до сихъ поръ книжкахъ „Русскаго Энциклопедическаго Словаря“ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: Австралія (*П. П. Семюова*), Австрія (*Н. А. Попова*), Австро-итальянская война 1848—1849 годовъ (*П. П. Казанскаю*), Австро-итальянская война 1866 г. (*Л. М. Байкова*), Азія (*П. И. Держа*), Азовское море (*П. Е. Пу-*

довикова), Азотъ (i. Дачинова), Академія военныя (Н. П. Глинецкаю, Ц. А. Кюи и Л. Л. Кирпичева), Академія наукъ (П. Н. Петрова), Академія художествъ (П. Н. Петрова), Акціязъ (Θ. Г. Тернера), Акціонерная компанія (Θ. Г. Тернера), Бабочка (А. Н. Бекетова), Баварія (С. Ф. Стпанова и Ю. Э. Янсона), Багратиды (Д. І. Чубинова), Баденп., Базальтъ (А. А. Иностранцева), Базельскій соборъ (В. И. Даманскаю), Бактріана (П. И. Лерха), Балистика (Н. Н. Мавескаю, А. А. Альбицкаю и Л. Л. Кирпичева), Балтійское море (П. Е. Пудовикова), Банатъ (В. И. Даманскаю), Банки (И. И. Кауфмана), Барометръ (А. М. Шимкова), Батарея (Θ. Θ. Петрушевскаю, П. Гудима-Левковича и К. Ф. де-Ливрона), Бауценское сраженіе 1813 г. (М. А. Домонтовича), Баш-кадыкларъ (М. И. Болдановича), Башня (К. Ф. де-Ливрона и Ц. А. Кюи), Безсмертіе (М. И. Владиславлева), Бельгія, Бердичевъ и Бердянскъ (А. И. Артемьева), Березина (В. В. Зепринскаю и Л. М. Байкова), Берлинъ и пр. Біографія гр. Адлерберговъ, кн. Барятинскихъ, В. Б. Важанова, А. А. Баранцова, Я. П. Бакланова, В. Г. Венедиктова, графа Берга, Беранже, Бейста и многихъ другихъ.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАВРЬ

1873.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СЛХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. БАКАШЕВА, Большая Садовая, д. № 49—2.

1873.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

- Іоаннъ Слейданъ и его комментаріи. В. В. Бауера.
- Ворьба великаго князя Кіевскаго Святослава Игоревича съ императоромъ Іоанномъ Цинсхіемъ. Е. А. Бялова.
- Стрѣлецкіе бунты М. П. Погодина.
- О методѣ ученой разработки историческихъ источниковъ Д. Я. Самоковскаго.
- Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка. (Продолженіе) І. І. Первольфа.
- Наша педагогическая литература:
<Школьная жизнь>. Еженедѣльный педагогическій журналъ, издаваемый г. Столянскимъ. Первый годъ (учебный) 1872/73. С.-Пб. С. И. Миропольскаго.
- Педагогическій отдѣлъ на Вѣнской всемірной выставкѣ. И. И. Белириномъ.
- Обѣдъ, данный Кіевскимъ городскимъ обществомъ г. министру народнаго просвѣщенія.
- Открытие четвертой С.-Петербургской гимназіи.
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ б) низшихъ училищъ и в) учительскихъ школъ.
- Письмо изъ Парижа Л. Л.—га.
- Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обертки).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По Высочайше утвержденной 30-го декабря минувшаго года смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1873 г., кредитъ, ассигнованный по § 3, ст. 1, на изданіе журнала министерства, увеличенъ собственно на покрытіе расходовъ по упаковкѣ и почтовой пересылкѣ журнала на 2.000 руб. съ тѣмъ, что равная сему сумма должна поступить, по § 2, ст. 4 доходной смѣты министерства отъ причисленія въ доходъ казны упаковочныхъ и пересылочныхъ за журналъ денегъ, составляющихъ 1 руб. 75 коп. за каждый экземпляръ журнала.

Сообщая о семъ учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія, Редакція журнала покорнѣйше проситъ отнынѣ высылать 1 руб. 75 коп. за почтовую пересылку каждаго экземпляра журнала не *отдѣльно* въ депозиты департамента народнаго просвѣщенія, какъ это производилось многими учебными заведеніями до сего времени, а *вмѣстѣ* съ подписною платою за журналъ, всего въ суммѣ 13 руб. 75 коп., прямо въ Редакцію, или перечислять эту сумму чрезъ мѣстныхъ казначейства въ доходъ казны, по § 2, ст. 4 доходной смѣты министерства, озабочиваясь доставкою въ Редакцію квитанцій мѣстныхъ казначействъ, или ихъ талоновъ, какъ документовъ, оправдывающихъ, съ одной стороны, произведенную чрезъ перечисленіе уплату 13 руб. 75 коп. за каждый экземпляръ журнала, а съ другой—отчетность Редакціи въ высылаемыхъ учебнымъ заведеніямъ министерства экземплярахъ журнала.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛѢХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1878.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

5. (4-го сентября 1873 года). *О расходѣ на улучшеніе содержанія приходскихъ училищъ Архангельской губерніи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшіе мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта о расходѣ на улучшеніе содержанія приходскихъ училищъ Архангельской губерніи Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта

Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о расходѣ на улучшеніе содержанія приходскихъ училищъ Архангельской губерніи, *мнѣніемъ положила*: настоящее представленіе утвердить и, вслѣдствіе того, на дополнительное содержаніе слѣдующихъ приходскихъ училищъ Архангельской губерніи: а) Соломбальскаго, Холмогорскаго, Пинежскаго, Шенкурскаго и Мезенскаго мужскихъ двуклассныхъ училищъ, съ женскими при нихъ отдѣленіями; б) Онежскаго и Кольскаго мужскихъ одноклассныхъ училищъ и в) Кемскаго жен-

скаго однокласснаго училища, отпускать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1874 года, по *двѣ тысячи пятьсотъ двадцати пяти* рублей ежегодно, предоставлявъ министерству народнаго просвѣщенія распределять эту сумму между поименованными училищами, согласно составленному въ семь министерствѣ росписанію дополнительныхъ окладовъ на ихъ содержаніе.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствующимъ и членами.

Копія съ представленнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія въ государственнѣйшій совѣтъ росписанія дополнительныхъ окладовъ содержанія по нижеслѣдующимъ приходскимъ училищамъ Архангельской губерніи.

I. Въ пяти двухклассныхъ мужскихъ училищахъ съ женскими отдѣленіями: Холмогорскомъ, Шенурскомъ, Мезенскомъ, Пинежскомъ и Соломбальскомъ:

учителю 1-го класса	150 руб.
» 2-го »	150 »
учительницѣ .	75 »

всего по пяти училищамъ . . 2.075 руб.

II. Въ двухъ одноклассныхъ мужскихъ училищахъ: Кольскомъ и Онежскомъ:

учителю	150 руб.
на хозяйственные расходы	25 »

по двумъ училищамъ . . 350 руб.

III. Въ одноклассномъ женскомъ училищѣ въ г. Кемі:

учительницѣ .	75 руб.
на хозяйственные расходы	25 »

всего . . 100 руб.

Итого по всемъ поименованнымъ училищамъ 2.525 руб.

6. (23-го сентября 1873 года). *Объ учрежденіи въ Курскѣ двухкласснаго мужскаго училища, съ наименованіемъ онаго «Александровскимъ».*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайства Курской городской думы, о дозволеніи устроить въ Курскѣ, въ память счастливаго выздоровленія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, двухклассное мужское училище на счетъ суммъ, отчисляемыхъ изъ прибылей мѣстнаго общественнаго банка, въ размѣрѣ по 1.000 рублей ежегодно, и 1.000 рублей единовременно, съ наименованіемъ этого училища «Александровскимъ», по имени Его Высочества, — Высочайше соизволилъ на присоеиненіе сказанному училищу означеннаго наименованія. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть благодарить Курскую городскую думу.

7. (23-го сентября 1873 года). *Объ учрежденіи стипендій въ Поневѣжской учительской семинаріи и Виленскомъ высшемъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ.*

Служащіе по вѣдомству Виленскаго учебнаго округа, движимые чувствомъ благоговѣйной благодарности Провидѣнію за радостное для всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества выздоровленіе Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича отъ тяжелой болѣзни, изъявили желаніе учредить въ память этого событія на счетъ пожертвованнаго ими капитала, заключающагося въ 2.500 руб. процентными бумагами, двѣ стипендіи въ учебныхъ заведеніяхъ этого округа, по усмотрѣнію Попечителя онаго.

На основаніи предоставленнаго ему жертвователями права, Попечитель Виленскаго учебнаго округа, избравъ для учрежденія означенныхъ стипендій Поневѣжскую учительскую семинарію и Виленское высшее Маріинское женское училище, вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ учреж-

деніи въ первомъ изъ этихъ заведеній, на счетъ процентовъ съ капитала въ 2.000 руб., стипендіи имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Александра Александровича и во второмъ, на счетъ процентовъ съ капитала въ 500 руб., стипендіи имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны.

По доведеніи о семъ до свѣдѣнія Государя Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны, Ихъ Императорскимъ Высочествамъ благоугодно было выразить согласіе Свое на учрежденіе помянутыхъ стипендій и изъявить жертвователямъ Свою благодарность.

Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи означенныхъ стипендій собственноручно начертать изволилъ: *«Согласенъ и благодарить»*.

8. (23-го сентября 1873 года). *Объ учрежденіи въ городѣ Перновѣ женскаго начальнаго училища, съ наименованіемъ оного «Петровскимъ»*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ, на разрѣшеніе магистрату г. Чернова учредить въ этомъ городѣ женское начальное училище, на счетъ средствъ, какъ назначенныхъ симъ магистратомъ, такъ равно и суммъ, имѣющихъ поступать отъ сбора за ученіе въ названномъ училищѣ, съ присвоеніемъ этому учебному заведенію наименованія «Петровскаго», въ память совершившейся въ 1872 году двухсотлѣтней годовщины дня рожденія Императора Петра Великаго.

9. (7-го октября 1873 года). *О вознагражденіи приватъ-доцентовъ въ С.-Петербургскомъ, Казанскомъ, Харьковскомъ и Киевскомъ университетахъ*.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе г. управляющаго министер-

ствомъ народнаго просвѣщенія о расходѣ на вознагражденіе привать-доцентовъ въ С.-Петербургскомъ, Казанскомъ, Харьковскомъ и Кіевскомъ университетахъ, *мнѣніемъ положила*: настоящее представленіе утвердить и, вслѣдствіе того: предоставить министерству народнаго просвѣщенія, по примѣру прежнихъ лѣтъ, изъ остатковъ отъ кредита, ассигнованнаго по ст. 1, § 5 смѣты сего министерства на 1873 годъ, на содержаніе личнаго состава профессоровъ и преподавателей въ С.-Петербургскомъ, Казанскомъ, Харьковскомъ и Кіевскомъ университетахъ, употребить *пятнадцать тысячъ девятьсотъ* руб. на вознагражденіе привать-доцентовъ въ тѣхъ университетахъ, на предположенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія основаніяхъ.

Государь Императоръ такое мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Сообщая о такомъ Высочайшемъ повелѣніи начальствамъ С.-Петербургскаго, Казанскаго, Харьковскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ, г. управляющій министерствомъ 27-го октября 1873 года разрѣшилъ имъ употребить на вознагражденіе привать-доцентовъ на 1873 годъ: изъ остатковъ отъ суммы, ассигнованной на содержаніе въ 1873 году личнаго состава университетовъ: С.-Петербургскаго 4.000 руб., Казанскаго 9.900 руб., Харьковскаго 500 руб. и св. Владиміра 1.500 руб., и изъ спеціальныхъ средствъ университетовъ: С.-Петербургскаго—2.200 руб., Казанскаго—1.100 руб., Харьковскаго—250 руб. и св. Владиміра—3.000 рублей.

10. (14-го октября 1873 года). *Объ учрежденіи при Вологодской Маріинской женской гимназіи стипендіи Елены Михайловны Волоцкой.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 14-й день октября 1873 года, Всемилоствивѣйше соизволилъ на учрежденіе изъ процентовъ съ капитала въ 300 руб., пожертвованнаго камергеромъ двора Его Императорскаго Величе-

ства дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Волоцкимъ, одной стипендіи при Вологодской Маріинской женской гимназіи, имени супруги Волоцкаго Елены Михайловны Волоцкой, для взноса платы за обученіе въ означенной гимназіи одной бѣдной, отличающейся хорошими успѣхами и поведеніемъ, ученицы, предоставивъ положеніе объ этой стипендіи составить и утвердить г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

23-го сентября 1873 года (№ 11). *Утверждается*: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ *Рудкинъ*—ректоромъ этого университета, съ 19-го сентября, съ оставленіемъ членомъ совѣта департамента удѣловъ.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: кандидату *Ковалеву*—по 1-е сентября 1874 года.

Командируется за границу съ ученою цѣлю: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лица *Ворошиловъ*—по 1-е сентября 1874 года.

Увольняются въ отпускъ за границу: попечитель Виленскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Сергѣевскій*—на двѣ недѣли; почетный смотритель Порховскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Волковъ*—на одиннадцать мѣсяцевъ, по болѣзни.

14-го октября 1873 года (№ 12). *Перемѣщается*: помощникъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Николичъ*—помощникомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа (Высоч. повел. 8-го октября 1873 года).

Утверждаются: Кіевскій городской голова, состоящій въ должности егермейстера Высочайшаго двора, *Демидовъ* князь Санъ-Дonato—почетнымъ попечителемъ Кіевскаго реальнаго училища; почетный смотритель Екатеринославскаго уѣзднаго училища, ти-

тулярный совѣтникъ *Ковалевскій* — почетнымъ попечителемъ Таганрогской гимназіи, на три года, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: доценту Императорскаго университета св. Владиміра Зибера — до 1-го января 1874 года.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

9. (22-го сентября 1873 года). *Циркулярное предложеніе въ попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ ходатайствъ сельскихъ обществъ объ открытіи двуклассныхъ и одноклассныхъ училищъ.*

Начальства учебнымъ округовъ, представляя министерству народнаго просвѣщенія ходатайства сельскихъ обществъ объ открытіи двуклассныхъ и одноклассныхъ училищъ, на основаніи п. 2, ст. I Высочайше утвержденнаго 29-го мая 1869 года мѣнія государственнаго совѣта, весьма часто прилагаютъ при этомъ требуемые приведеннымъ закономъ приговоры обществъ, безъ утвержденія ихъ мировыми посредниками, или другою подлежащею властію, а съ однимъ лишь завѣреніемъ мѣстнаго волостнаго правленія о составленіи общественнаго приговора.

Между тѣмъ опытъ показалъ, что подобныя приговоры не представляютъ достаточной гарантіи къ обезпеченію обязательствъ, принимаемыхъ на себя по симъ приговорамъ обществами въ отношеніи къ училищамъ, такъ какъ нерѣдко, и въ теченіе короткаго времени, общества замѣняютъ одни приговоры другими, иногда же и вовсе уничтожаютъ ихъ, и такимъ образомъ слагаютъ съ себя прежде принятыя условія.

Въ предотвращеніе на будущее время такихъ случаевъ, вызывающихъ излишнюю переписку и напрасныя денежные затраты со стороны учебнаго вѣдомства, я покорнѣйше прошу ваше пре-

восходительство нынѣ же предложить инспекторамъ народныхъ училищъ вѣршеннаго вамъ учебнаго округа, чтобы впредь они принимали для представленія въ округъ, а изъ онаго въ министерство только такія ходатайства крестьянскихъ и другихъ обществъ, а равно земства и частныхъ лицъ, кои будутъ подкрѣплены приговорами, заявленіями и постановленіями, утвержденными установленнымъ порядкомъ, въ противномъ же случаѣ ходатайствамъ по сему предмету не давали бы хода.

10. (20-го октября 1873 года). *Циркулярное предложеніе н. попечителямъ учебныхъ округовъ о возложеніи обязанности непремѣннаго члена попечительнаго совѣта женскихъ гимназій въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ мужскихъ гимназій, на инспекторовъ прогимназій и на директоровъ мужскихъ реальныхъ училищъ.*

На основаніи статей 10 и 17 дѣйствующаго нынѣ положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія 24-го мая 1870 года, директоръ мужской гимназій, а гдѣ нѣтъ такового, штатный смотритель мѣстнаго уѣзднаго училища, есть непремѣнный членъ попечительнаго совѣта женской гимназій или прогимназій, подъ предѣлательствомъ котораго состоитъ педагогическій совѣтъ и которому вѣряется главное руководство учебною и воспитательною частями.

Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ имѣются женскія гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія и нѣтъ мужскихъ гимназій, существуютъ уже и могутъ открываться впредь мужскія прогимназій и реальныя училища, инспекторамъ и директорамъ которыхъ, на основаніи изъясненнаго закона, должны быть предпочтены въ руководствѣ мѣстнымъ женскимъ воспитаніемъ штатные смотрители училищъ.

Принимая во вниманіе, что инспекторы прогимназій и директора реальныхъ училищъ, какъ имѣющіе высшее въ сравненіи съ штатными смотрителями уѣздныхъ училищъ образованіе, съ большею пользою могли бы участвовать въ дѣлахъ женскихъ заведеній, чѣмъ штатные смотрители, и что за имѣющимъ послѣ-

довать въ недалекомъ будущемъ преобразованіемъ уѣздныхъ училищъ въ городскія, послѣдними будутъ завѣдывать инспекторы-учители, а не штатные смотрители, — я призналъ необходимымъ войти со всеподданнѣйшимъ докладомъ о разрѣшеніи предоставлять обязанности, поименованныя въ статьяхъ 10 и 17 положенія 24-го мая 1870 года, при неизмѣни въ данной мѣстности мужской гимназій, инспекторамъ мужскихъ прогимназій и директорамъ мужскихъ реальныхъ училищъ, и только за несуществованіемъ такихъ въ мѣстѣ нахожденія женской гимназій или прогимназій, означенныя обязанности поручать штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ, съ преобразованиемъ же сихъ послѣднихъ; учителямъ-инспекторамъ городскихъ училищъ.

Государь Императоръ, на приведеніе въ дѣйствіе сихъ моихъ предположеній, въ 8-й день октября, Всемилостивѣйше соизволилъ.

О Высочайшемъ повелѣніи этомъ, доведенномъ мною вмѣстѣ съ симъ до свѣдѣнія правительствующаго сената, имѣю честь уведомить ваше превосходительство, для зависящихъ съ вашей стороны распоряженій.

11. (20-го октября 1873 года). *Правила попечительства о недостаточныхъ студентахъ Императорскаго университета св. Владимира.*

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) Для оказанія пособій учащимся въ университетѣ, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 23-й день октября 1869 года, при Киевскомъ учебномъ округѣ учреждено «Попечительство о недостаточныхъ студентахъ университета св. Владимира».

Попечительство состоитъ, подъ предсѣдательствомъ попечителя, изъ ректора, проректора, декановъ и постороннихъ лицъ, которыя, по общественному положенію или по особенному сочувствію въ дѣлу, могутъ содѣйствовать къ достиженію цѣли учрежденія попечительства.

2) Постороннія лица поступаютъ въ составъ попечительства съ званіемъ почетныхъ членовъ, дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-жертвователей.

Примѣчаніе. Студенты, слушатели университета и воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній могутъ содѣйствовать цѣлямъ попечительства только въ качествѣ жертвователей.

3) Почетные члены избираются совѣтомъ попечительства изъ лицъ, извѣстныхъ своимъ сочувствіемъ университетскому образованію. Мѣра матеріальнаго участія ихъ въ достиженіи попечительствомъ указанной ему цѣли вависитъ отъ ихъ собственнаго усмотрѣнія.

4) Дѣйствительные члены избираются совѣтомъ попечительства по предложенію членовъ совѣта или другихъ дѣйствительныхъ членовъ. Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно не менѣе 10 руб., или одновременно не менѣе 100 руб. и избираютъ изъ своей среды въ совѣтъ попечительства 7 членовъ срокомъ на одинъ годъ.

Примѣчаніе. Наличные дѣйствительные члены, поступившіе въ составъ попечительства до изданія настоящихъ правилъ, сохраняютъ свое званіе и участвуютъ въ выборѣ членовъ совѣта, на указанныхъ основаніяхъ.

б) Членами-жертвователями признаются лица, вносящіе ежегодно не менѣе 10 руб. и одновременно не менѣе 100 руб. Члены-жертвователи поступаютъ въ составъ попечительства не по избранію, но по собственному желанію, заявленному членамъ почетнымъ или дѣйствительнымъ.

Цѣль попечительства.

6) Попечительство имѣетъ цѣлью оказывать вспоможеніе тѣмъ недостаточнымъ студентамъ, которые, не приобрѣвъ права на полученіе стипендій и вообще денежныхъ пособій изъ суммъ, отпускаемыхъ университету, тѣмъ не менѣе заслуживаютъ участія по своему поведенію, усердію къ научнымъ занатіямъ и по бѣдности въ матеріальныхъ средствахъ къ жизни.

Средства попечительства.

7) Средства попечительства состоятъ: изъ взносов членовъ попечительства и изъ пожертвованій частныхъ лицъ всѣхъ сословій.

Для усиленія этихъ средствъ попечительству предоставляется устраивать публичныя лекціи, съ соблюденіемъ установленныхъ для этого особыхъ правилъ.

8) Члены почетные, дѣйствительные и члены-жертвователи созываются два раза въ году въ общее собраніе,—въ сентябрѣ для изысканія средствъ, и въ февралѣ для выслушанія отчета и для избранія дѣйствительными членами членовъ совѣта. Въ общихъ собраніяхъ могутъ быть обсуждаемы предложенія членовъ, относящіяся къ дѣламъ попечительства, если эти предложенія за мѣсяць до общаго собранія были заявлены совѣту и совѣтъ призналъ возможнымъ внести ихъ на обсужденіе общаго собранія.

Управленіе дѣлами.

9) Дѣлами попечительства управляетъ совѣтъ, который состоитъ изъ предсѣдателя, попечителя Кіевскаго учебнаго округа, ректора, проректора, декановъ и 7 членовъ, избираемыхъ дѣйствительными членами изъ своей среды срокомъ на 1 годъ.

10) Совѣтъ имѣетъ постоянныя засѣданія свои разъ въ мѣсяць, кромѣ положеннаго, по университетскому уставу 1863 года, каникулярнаго времени.

11) Совѣтъ изъ среды членовъ своихъ избираетъ казначея для храненія и расходованія своихъ суммъ и веденія по нему отчетности.

Суммы попечительства вносятся на храненіе и для приращенія процентами въ кредитныя учрежденія по усмотрѣнію попечительства.

12) Попечительство имѣетъ особаго секретаря, который избирается изъ лицъ, служащихъ въ учебномъ округѣ, и завѣдуетъ дѣлами попечительства.

13) Вся переписка по дѣламъ попечительства съ посторонними вѣдомствами и лицами, а равно и по исполненію протоколовъ попечительства, производится отъ лица предсѣдателя, г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

Назначеніе и выдача пособій.

14) Пособія отъ попечительства состоятъ: а) въ заимообразной выдачѣ извѣстной денежной суммы; б) въ платѣ за право ученія въ университетѣ; в) въ уплатѣ квартиро-содержателямъ за столъ, помѣщеніе и проч.; г) въ доставленіи студентамъ учебныхъ пособій и д) въ выдачѣ безвозвратно денежнаго пособія, смотря по личности нуждающагося и по мѣрѣ средствъ, какими попечительство въ данное время можетъ располагать.

Примѣчаніе. Деньги, вносимыя попечительствомъ за слушаніе лекцій въ университетѣ, обращаются на усиленіе средствъ студентскаго отдѣла университетской бібліотеки.

15) Пропенія о пособіяхъ оставляются учащимися въ канцеляріи проректора и передаются ректору, который распредѣляетъ ихъ по соглашенію съ деканами между членами, изъявившими готовность собирать свѣдѣнія о недостаточныхъ учащихся, въ извѣстныхъ частяхъ города.

Для личныхъ объясненій учащіеся приглашаются черезъ канцелярію проректора.

16) Правомъ на полученіе отъ попечительства пособій пользуются только тѣ недостаточные студенты, которые, по какимъ-либо случайнымъ, уважительнымъ причинамъ, лишены были возможности выполнить условія, установленныя для полученія пособій и другихъ льготъ отъ университета и обстоятельствами поставлены въ крайне затруднительное матеріальное положеніе.

17) Въ послѣднемъ случаѣ и студенты, получающіе отъ университета пособія, могутъ воспользоваться матеріальною поддержкою отъ попечительства заимообразно или безвозвратно; смотря по нуждѣ студента и размѣру получаемаго имъ отъ университета пособія. Стипендіаты, въ крайнихъ случаяхъ, могутъ поль-

зоваться только заимообразною выдачей изъ суммъ попечительства. Во всякомъ случаѣ въ цѣли попечительства не входитъ выдача постоянныхъ пособій однимъ и тѣмъ же лицамъ.

18) Само собою разумѣется, что пособіемъ отъ попечительства, во всѣхъ означенныхъ случаяхъ, могутъ воспользоваться только тѣ недостаточные студенты, которые не замѣчены въ нарушеніи установленныхъ правилъ, ни въ самомъ заданіи университета, ни виѣ онаго, и вообще въ уклоненіи отъ студенческихъ обязанностей.

19) Заявленія о необходимости пособія могутъ быть дѣлаемы или самими нуждающимися, или же членами попечительства, послѣдними и въ такомъ случаѣ, если они освѣдомятся о дѣйствительной необходимости пособія какому-либо лицу, которое хотя о томъ не проситъ, но на самомъ дѣлѣ терпитъ крайнюю нужду и по своимъ нравственнымъ и научнымъ качествамъ заслуживаетъ вниманія и поддержки.

20) Предварительно доклада совѣту попечительства, заявленія о необходимости какому-либо студенту пособія, членъ попечительства, по принадлежности факультета, собираетъ необходимыя справки для вѣрной оцѣнки нужды и права ищущаго пособія.

21) Въ первое очередное засѣданіе совѣта попечительства всѣ сдѣланныя и снабженныя надлежащими справками заявленія о пособіяхъ разбираются попечительствомъ и рѣшаются по большинству голосовъ.

22) Раздача пособій по опредѣленіямъ совѣта попечительства производится казначеемъ его за роспискою получающаго въ кассовой книгѣ попечительства.

12. (20-го октября 1873 года). *Циркулярное предложеніе* 11. *попечителямъ учебныхъ округовъ* ¹⁾.

До свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія дошло, что

---

¹⁾ Подлежитъ исполненію, на основаніи циркулярнаго распоряженія по министерству народнаго просвѣщенія отъ 8-го сентября 1866 года, напечатаннаго въ сентябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за тотъ годъ.

пѣкоторые гимназін деньги, выручаемыя отъ продажи книгъ учебныхъ библиотекъ, вносить въ мѣстные казначейства для возстановленія открываемыхъ имъ по финансовымъ смѣтамъ кредитовъ (§ 7, ст. 6—на хозяйственные расходы) вмѣсто того, чтобы зачислять эти суммы въ свои депозиты, чрезъ что происходитъ запутанность въ счетахъ.

Вслѣдствіе сего и во избѣжаніе подобной запутанности счетовъ, предлагаю начальствамъ учебныхъ округовъ сдѣлать распоряженіе по подвѣдомымъ имъ учебнымъ заведеніямъ, чтобы выручаемыя отъ продажи книгъ суммы не причислялись къ государственнымъ доходамъ, а передавались бы въ казначейство въ видѣ депозитовъ, для прямого ихъ употребленія по назначенію.

13. (27-го октября 1873 года). *Положеніе о стипендіи при Вологодской Миринской женской гимназій имени супруги камергера двора Ею Императорскаго Величества, Елены Михайловны Волоцкой.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) По Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 14-й день октября 1873 года, на проценты съ капитала въ триста рублей, пожертвованнаго камергеромъ двора Ею Императорскаго Величества, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Алексѣевичемъ Волоцкимъ, учреждается стипендія при Вологодской Миринской женской гимназій.

2) Стипендія именуется «стипендіею супруги камергера двора Ею Императорскаго Величества Елены Михайловны Волоцкой» и назначается въ плату за обученіе въ гимназій одной изъ бѣднѣйшихъ ученицъ православнаго или одного изъ христіанскихъ исповѣданій, безъ различія происхожденія, отличающейся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

3) Право выбора стипендіатки предоставляется Е. М. Волоцкой, въ случаѣ же ея смерти — попечительному совѣту женской гимназій.

4) Избранная стипендіатка сохраняетъ право на полученіе стипендіи во все время гимназическаго курса и можетъ быть лишена ея только за слабые успѣхи въ наукахъ или неодобрительное поведеніе, — и

б) Пожертвованные банковые билеты на сумму 300 рублей хранятся вмѣстѣ съ другими денежными суммами Вологодской Маріинской женской гимназіи, составляя ея неприкосновенную собственность. Наблюденіе за своевременнымъ полученіемъ процентовъ и взносомъ ихъ въ плату за ученіе стипендіатки принадлежитъ попечительному совѣту гимназіи, на который возлагается также обязанность наблюдать за представленіемъ билетовъ къ тиражу, выходомъ ихъ и приобрѣтеніемъ новыхъ въ замѣнъ выпедшихъ въ тиражъ.

IV. ПРИКАЗЪ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

22-го сентября 1873 года (Ж 13). *Утверждаются:* инспекторъ Астраханской гимназіи, статскій совѣтникъ *Соколовъ* — директоромъ училищъ Самарской губерніи, съ 8-го сентября 1873 года; инспекторъ Оренбургской гимназіи, надворный совѣтникъ *Матюшевъ* — директоромъ Уральской войсковой гимназіи, съ 8-го сентября 1873 года; инспекторъ Екатеринбургской гимназіи, надворный совѣтникъ *Розовъ* — директоромъ Екатеринбургскаго реального училища, съ 21-го августа 1873 года; преподаватель С.-Петербургской Введенской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ *Шалфеевъ* — директоромъ Курской земской учительской школы, съ 10-го сентября 1873 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета *Ярошенко* ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каедрѣ чистой математики, съ 1-го мая 1873 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ *Синцовъ* —

ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ геогнозіи и палеонтологіи, съ 8-го іюля 1873 года; магистръ русской исторіи *Никитскій*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ русской исторіи, съ 26-го августа 1873 года; доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ политической экономіи *Вреденъ*—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ политической экономіи, съ 10-го сентября 1873 года; кандидаты правъ: *Миловидовъ*, *Борзенко*, *Посниковъ* и *Соболевскій*—исправляющими должность доцентовъ Демядовскаго юридическаго лица по кафедрамъ: первые двое—гражданскаго права, *Посниковъ*—политической экономіи и *Соболевскій*—финансоваго права; изъ нихъ: *Миловидовъ* съ 15-го августа, а остальные съ 1-го сентября 1873 года; почетный смотритель Сорокскаго уѣзднаго училища, губернской секретарь *Катаржи*—почетнымъ попечителемъ Кишиневской прогимназіи на три года, съ 20-го августа 1873 года, съ увольненіемъ отъ должности почетнаго смотрителя.

Назначаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ зоологіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кесслеръ*—сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ сего университета по той же кафедрѣ, съ 19-го сентября 1873 года; штатный преподаватель Московскаго учительскаго института *Докучаевъ*—исправляющимъ должность директора учительской семинаріи въ селѣ Новомъ, Мологскаго уѣзда, Ярославской губерніи, съ 12-го августа 1873 года; учитель Рязанской гимназіи, состоящій въ VIII классѣ, *Урусовъ*—исправляющимъ должность директора Зарайскаго реальнаго училища, съ 15-го сентября 1873 года.

Опредѣляется: членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Саввантовъ*—правителемъ дѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ настоящей должности, съ 4-го сентября 1873 года.

Оставляются на службу: заслуженный ординарный профессор Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Паломбецкій* — по 20-е января 1876 года; директоръ Харьковскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Рубенко* — съ 26-го августа 1873 года, на четыре года; директоръ Николаевской Царскосельской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пискаревъ* — съ 29-го іюля 1873 года; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Миндинъ* — съ 12-го августа 1873 года, и директоръ Ровенскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Сущевскій* — съ 2-го сентября 1873 года; послѣдніе трое на пять лѣтъ.

Продолжается срокъ отпуска: *въ С.-Петербурѣ:* директору народныхъ училищъ Минской губерніи, статскому совѣтнику *Дялмуну* — на пять дней; *за границу:* ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета *Билецкому* на тринадцать дней, по болѣзни; директору Динабургскаго реальнаго училища, статскому совѣтнику *Невзорову*, и учителю сего училища *Гришоту* — на три недѣли, по болѣзни.

Уооляются въ отпускъ: *внутри имперіи:* главный инспекторъ училищъ Западной Сибири, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дзюба* — въ Харьковъ, на двадцать два дня; *за границу:* ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Болцани* и надзирательница Люблинской гимназій *Жилэй* — на четырнадцать дней; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Морозовъ* — на семнадцать дней; почетный смотритель Аккерманскаго уѣзднаго училища *Леонардъ* — на шесть недѣль; почетный смотритель Раненбургскаго уѣзднаго училища *Верманъ* — по болѣзни, на три мѣсяца.

Объявляется благодарность министерства народнаго просвѣщенія: мировымъ посредникамъ: Пинежскаго уѣзда, *Кузьмину*, и 1-го участка Слуцкаго уѣзда, *Витте* — за особую дѣятельность въ пользу народнаго образованія; председателю Фатежской уѣздовой часты СЛХVХ, отд. 1.

ной земской управы *Шилимову*; попечителямъ и попечительницамъ училищъ: въ Щигровскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, дворянамъ этого уѣзда: Стефану и Константину *Римско-Корсаковымъ* и вдовѣ статскаго совѣтника Анастасіи *Прянишниковой*; въ Новооскольскомъ уѣздѣ, той же губерніи: предсѣдателю мѣстнаго училищнаго совѣта, мировому посреднику *Курдюмову*; члену того же совѣта, мировому посреднику *Очкасову*; дворянкѣ Зинадѣ *Волковой*; жепѣ потомственнаго почетнаго гражданина *А. Добрыминой*; волостнымъ старшинамъ: *Кладѣзу* и *Конякину* и государственному крестьянину, волостному писарю *Шумакову*—за усердіе и труды въ пользу народнаго образованія.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному члену Херсонскаго губернскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ, дворянину *Евневичу*—за усердіе на пользу народнаго образованія.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію: директоръ учительской семинаріи въ с. Новомѣ, Мологскаго уѣзда, Ярославской губерніи, статскій совѣтникъ *Григорьевъ*, съ 12-го августа 1873 года.

Исключается изъ списковъ умершій: помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соколовъ*.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

1) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Основанія физики*. Изданіе 4-е. Спб., 1873 г. Составилъ *Краевичъ*» — включить въ число рукоподствъ для жепскихъ гимназій.

2) Книгу: «*Химическія свѣдѣнія*. Составилъ наставникъ Кіев-

ской учительской семинаріи, лекарь *Пантюховъ*. Кіевъ, 1873 г.» — рекомендовать какъ учебное пособие для учительскихъ семинарій.

3) Книга, подъ заглавіемъ: «*Очерки Кавказской войны*. Составилъ *Вишняковъ*. Изданіе журнала «Досугъ и Дѣло» — можетъ быть рекомендована бібліотекамъ народныхъ школъ, какъ книга полезная.

4) Книгу: «*Темы доктора Тишера*. Выпускъ второй. Упражнения въ синтаксисѣ сложнаго предложенія. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Басова*. Москва, 1873 г.» — одобрить къ употребленію, въ видѣ учебнаго пособия, преимущественно для тѣхъ гимназій, въ которыхъ уже употребляется латинская грамматика Тишера въ переводѣ Басова.

5) Книгу: «*Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на латинскій*. Составленъ *Ю. Ходобаевъ* и *П. Виноградовымъ*, преподавателями 3-й Московской гимназій. Москва, 1873 г.» — одобрить, какъ учебное пособие съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были сдѣланы нѣкоторыя, указанные въ постановленіи ученаго комитета, исправленія.

6) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Книга упражненій къ латинской грамматикѣ д-ра Фердинанда Шульца*. Составленная *Ю. Ходобаевъ* и *П. Виноградовымъ*, преподавателями 3-й Московской гимназій. Двѣ части. Изданіе второе. Москва, 1873 г.» — одобрить, какъ учебное пособие съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были сдѣланы нѣкоторыя исправленія, указанные въ постановленіи ученаго комитета.

7) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Лѣтопись событій отечественныхъ, церковныхъ и міровыхъ*. Изданіе журнала «Досугъ и Дѣло» — рекомендовать для ученическихъ бібліотекъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, но съ тѣмъ, чтобы при второмъ изданіи были устранены бросающіяся въ глаза неточности, вравшіяся особенно въ указатель открытій и изобрѣтеній.

8) Журналъ: «*Техническій Сборникъ*. Изданіе *Г. Ашина*» — рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

9) «Альбомъ тончайшихъ поперечныхъ разрѣзовъ древесины 50-ти русскихъ древесныхъ породъ. Изд. профессоромъ Н. С. Шафрановымъ. (Цѣна безъ пересылки 3 руб. 70 коп., съ пересылкой 4 руб.)»—рекомендовать для реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

1) Книгу, подъ заглавіемъ: «*Сельско-хозяйственный учебникъ для сельскихъ школъ*. Агронома Рейдемейстера. 3 части. Одесса, 1872 г.»—допустить въ бібліотеки сельскихъ школъ Одесскаго учебнаго округа, какъ справочную книгу, съ тѣмъ, однако, чтобы часть 3 — животноводство — не была, ни въ какомъ случаѣ, выдаваема ученикамъ.

2) Изданная Московскимъ обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, брошюра, подъ заглавіемъ: «*Царь Θεодоръ Иоанновичъ*. Историческій разказъ А. С. Хомикова. Москва, 1873 г.» (цѣна 5 коп.)—можетъ быть не только одобрена для бібліотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, но даже рекомендована, какъ весьма полезная книжка для чтенія при изученіи русской исторіи.

3) Изданная В. Сочайши утвержденною постоянною комиссіею по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ, брошюра, подъ заглавіемъ: «*Троицко-Сергіевская лавра*. Съ 10-ю раскрашенными картинами. Сиб., 1872 г.» (цѣна 15 коп.)—заслуживаетъ не только полнаго одобренія, но и рекомендаціи для чтенія не въ однихъ лишь низшихъ училищахъ народныхъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также и въ женскихъ, но по исправленіи корректурныхъ погрѣшностей.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ, въ 23-й день сентября 1873 года, на опредѣленіе греческаго подданнаго Матвѣя *Маврокордато* почетнымъ попечителемъ учительской семинаріи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ м. *Байрамъ*, Аккерманскаго уѣзда, Бессарабской области, съ предоставленіемъ ему, во время состоянія въ этомъ званіи, тѣхъ правъ и преимуществъ, какими пользуются почетные попечители прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, и съ тѣмъ, чтобы г. Маврокордато сохранилъ свою должность только до тѣхъ поръ, пока будетъ исправно вносить не менѣе принятаго имъ на себя пожертвованія.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 8-й день октября 1873 года, Высочайше соизволилъ на предоставленіе пансіону при Донской Мариинской женской гимназій, устроенному на 25 воспитанницъ старавіями попечительницы означенной гимназій, супруги генераль-адъютанта Черткова, наименованія «пансіона Ольги Ивановны Чертковой».

— Киевскій городской голова П. П. Демидовъ князь Сагъ-Донато, узнавъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія, при осмотрѣ университета св. Владиміра, былъ пораженъ видомъ крайнея бѣдности большей части студентовъ сего университета, обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ заявленіемъ о готовности своей пожизненно жертвовать по двѣ тысячи руб. въ годъ въ пособіе этимъ студентамъ, каковыя деньги и обязывается выдавать университетскому начальству въ сентябрѣ каждого года, начиная съ текущаго.

Государю Императору, на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія по сему предмету, благоугодно было, въ 8-й день минушаго октября, въ Ливадіи, собственноручно начертать «благодарить».

— 28-го числа минувшаго августа Ихъ Императорскія Высочества: Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, Государь Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Принцъ Ольденбургскій Александръ Петровичъ удостоили Высочайшимъ посѣщеніемъ благотворительныхъ учрежденія и училище въ селѣ *Ястребинъ*, Ямбургскаго уѣзда. Ихъ Высочества были встрѣчены представителемъ Ястребинскаго попечительства и учащимися дѣтьми, при чемъ Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ осчастливилъ эти учрежденія принятіемъ отъ нихъ хлѣба-соли.

Ученики и ученицы мѣстнаго училища встрѣтили Высочайшихъ посѣтителей пѣніемъ гимна «Боже Царя храни». За тѣмъ Ихъ Высочества изволили завтракать въ домѣ попечительства, къ чему были приглашены и представители Ястребинскаго попечительства, дѣйствительный тайный совѣтникъ А. Ф. Веймарнъ, князь В. В. Оболенскій и мѣстный священникъ о. Александръ Врудскій. Во время завтрака учащіяся дѣти пропѣли, подъ руководствомъ своего учителя пѣнія, діакона о. Померанцева, «Коль славенъ нашъ Господь».

Простившись милостиво со всѣми и пообѣщавъ опять посѣтить Ястребинскія учрежденія, Ихъ Высочества изволили отправиться изъ Ястребина при восторженныхъ и продолжительныхъ крикахъ «ура».

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ соизволилъ пожаловать въ пользу Ястребинскаго училища *триста* рублей. Эти деньги прспровождены на имя г. предсѣдателя Ястребинскаго попечительства, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора А. Ф. Веймарпа, при письмѣ гофмаршала двора Его Императорскаго Высочества отъ 11-го сентября, и согласно постановленію Ястребинскаго попечительства, будутъ внесены въ одно изъ кредитныхъ учрежденій неприкосновеннымъ фондомъ, для употребленія процентовъ въ пособіе на содержаніе круглаго сироты при названномъ училищѣ.

— 11-го истекшаго октября удостоилъ посѣщеніемъ Оренбургскую мужскую гимназію Его Императорское Высочество Великій Князь Евгенийъ Максимилиановичъ, въ сопровожденіи г-на генераль-губернатора, а 12-го октября Его Императорское Высочество посѣтилъ женскую гимназію.

— Начальство Виленскаго учебнаго округа довело до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, что житель мѣстечка Вижунь, Вилюмскскаго уѣзда Ковенской губерніи, еврей Давидъ *Мессеръ*, сочувствуя народному образованію, пожертвовалъ въ пользу Вижунскаго народнаго училища *пятьдесятъ* рублей.

— Вслѣдствіе донесенія попечителя Одесскаго учебнаго округа объ изъявленной Ростовскою 2 гильдіи купчихою *Пелипенко* готовности жертвовать въ пользу Петровскаго-Ростовскаго реальнаго училища по 500 руб. въ годъ въ теченіе десяти лѣтъ и о взносѣ ею слѣдующихъ денегъ за текущій годъ, объявлена г-жѣ Пелипенко благодарность министерства народнаго просвѣщенія за таковое пожертвованіе.

— По духовному завѣщанію умершаго губернскаго секретаря Матвѣя Онисимовича *Приходько*, доставленному г. попечителю Кіевскаго учебнаго округа, въ копіи, засвидѣтельствованной Кіевскою палатою уголовного и гражданскаго суда, душеприкащикомъ покойнаго, коллежскимъ совѣтникомъ Птефаномъ, назначенъ, между прочимъ, капиталъ, въ количествѣ *двухъ тысячъ* руб., для употребленія процентовъ съ онаго на стипендіи двухъ воспитанниковъ народныхъ училищъ, приготавлиющихся въ народные учителя, съ тѣмъ, чтобы этими процентами пользовалась пожизненно сестра покойнаго, жена капитана Елена Онисимовна Багичъ, а по смерти ея этотъ капиталъ поступилъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, на вѣчныя времена, для указанной цѣли.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Харьковскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать плату за ученіе въ Воронежской прогимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *пятнадцати* руб.,

а въ прочихъ классахъ по *двадцати одному* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Казанскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать, съ 1-го января 1874 года, плату въ Астраханской гимназіи: за ученіе въ приготовительномъ классѣ по *двадцати* руб., а въ прочихъ классахъ по *двадцати шести* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа, г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено взимать съ 1-го января 1874 года плату за ученіе въ Тамбовской гимназіи: въ приготовительномъ классѣ по *четырнадцати* руб., а въ прочихъ классахъ по *двадцати одному* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія 8-го февраля сего года разрѣшилъ открыть въ городѣ Сумахъ (Харьковской губерніи) четырехклассное реальное училище съ обоими отдѣленіями, а также съ механическимъ и химическимъ отдѣленіями въ высшемъ дополнительномъ классѣ, на средства казны съ пособіемъ отъ земства.

Нынѣ получена, на имя г. министра народнаго просвѣщенія; телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Представители Сумскаго уѣзда и города, празднуя день открытія реальнаго училища въ присутствіи г. попечителя округа, приносятъ искреннѣйшую благодарность за просвѣщенное содѣйствіе вашего сіятельства дѣлу образованія въ Сумскомъ уѣздѣ. (Слѣдуютъ подписи).

— 3-го октября, по совершеніи молебствія, было открыто Кронштадтское реальное училище. Ко дню открытія его было подано 99 прошеній, но принято въ первый классъ — 40 человѣкъ, во второй — 20. Изъ числа поступившихъ учениковъ, принято по гимназическимъ свидѣтельствамъ въ I-й классъ — 10 и во II-й классъ — 16. Ученики распределяются по сословіямъ слѣдующимъ образомъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ — 35, дѣтей купцовъ — 15,

дѣтей солдатскихъ — 4, дѣтей лицъ податныхъ состояній — 6, итого — 60. Послѣ открытія училища принято во II-й классъ еще три ученика. Учительскія мѣста всѣ замѣнены.

Училищное помѣщеніе тѣсно и не вполне удобно. Но въ настоящее время невозможно приступить къ его переустройству, что и отложено городскою управою до будущихъ лѣтнихъ вакацій. Помѣщеніе для директора не вполне очищено, а помощнику класснаго наставника городская управа, рѣшила выдать въ теченіи этого учебнаго года квартирныя деньги, размѣръ которыхъ еще не опредѣленъ (но, вѣроятно, какъ сообщилъ голова, 300 руб.).

Въ день открытія училища инженеръ-подполковникомъ Заботкинымъ предложена была подписка на выдачу пособій на воспитаніе нуждающихся учениковъ и пріобрѣтеніе необходимыхъ для нихъ инструментовъ. Собранную сумму рѣшено представить въ распоряженіе педагогическаго совѣта училища и въ день открытія было уже собрано съ небольшимъ 300 руб. Кромѣ того, однимъ изъ присутствовавшихъ пожертвованы были тогда же большой рельефный глобусъ и планетарій.

По поводу открытія этого училища, г. министромъ народнаго просвѣщенія былъ полученъ слѣдующій адресъ:

«Кронштадское городское общество, обрадованное осуществленіемъ своего завѣтнаго желанія имѣть въ Кронштадтѣ реальное училище и празднуя день его открытія, сочло своимъ приятнѣйшимъ долгомъ выразить чувство глубокой благодарности вашему сіятельству, какъ главному виновнику столь полезнаго учрежденія для мѣстнаго юношества.

«Удостойте, ваше сіятельство, благосклонно принять отъ насъ почтительное заявленіе одушевляющей все наше общество признательности и горячаго желанія продленія той дѣятельности вашей, которая по управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія ознаменовалась преобразованиями, ведущими отечество наше быстрыми шагами къ умственному его могуществу». (Слѣдуютъ 44 подписи).

— 23-го сентября сего года открыта въ городѣ Троицкѣ (Оренбургской губерніи) гимназія торжественнымъ актомъ, при многолюдномъ собраніи общества. Въ гимназію принято 46 учениковъ; изъ нихъ 16 поступило въ подготовительный классъ, 26 въ первый и 4 во второй. Въ числѣ поступившихъ въ гимназію: 20 изъ дѣтей жителей города Троицка, 7 казаковъ, 6 киргизъ и 13 изъ иногороднихъ разныхъ сословій.

— Въ Харьковскомъ учебномъ округѣ открыты въ текущемъ году слѣдующія четыре прогимназіи:

а) Въ станицѣ *Каменской*, Донской области, открыта 14-го сентября; въ прогимназію принято въ первый классъ съ предполагаемымъ при немъ параллельнымъ отдѣленіемъ — 65 и во 2-й классъ — 22 ученика.

б) Въ *Пижне-Цирской* станицѣ, Донской области, прогимназія открыта 18-го сентября; въ первый классъ принято 49, а во 2-й — 28 учениковъ.

в) *Воронежская* прогимназія открыта 22-го сентября и по экзамену принято въ первый классъ 15, а во второй — 5 учениковъ, — и

г) Въ городѣ *Елатмь*, Тамбовской губерніи, прогимназія открыта 26-го сентября; въ подготовительный классъ принято 21, въ первый — 21 и во второй — 8 учениковъ.

— 23-го сентября сего 1873 года, послѣ литургіи въ церкви села *Юренева*, Вяземскаго уѣзда Смоленской губерніи, было совершено молебствіе во вновь отстроенномъ домѣ двухкласснаго начальнаго народнаго училища въ названномъ селѣ, для освященія сего дома и по случаю открытія втораго класса при этомъ училищѣ.

При молебствіи было большое стеченіе крестьянъ и присутствовали нѣкоторые мѣстные землевладѣльцы, члены Юреневскаго церковно-приходскаго попечительства. Ученіе началось въ составѣ 32-хъ учениковъ, въ томъ числѣ по второй классъ поступило семеро. Пріемъ учащихся будетъ продолжаться, такъ какъ многіе крестьяне, не окончивъ еще полевыхъ работъ и

пастбы скота, не могли отдать дѣтей въ училище въ настоящее время.

— Попечитель Каванскаго учебнаго округа донесъ г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, что Сызранскій городской голова телеграммой отъ 20-го октября увѣдомиль его, что Сызранское городское общество празднуетъ въ этотъ день открытіе Сызранскаго реального училища и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просить тайнаго совѣтника Шестакова принести его сіятельству, г. министру народнаго просвѣщенія, графу Дмитрію Андреевичу Толстому, заявленіе о томъ, что „благодарность за благодѣяніе, оказанное его сіятельствомъ городу Сызрани учрежденіемъ въ этомъ городѣ реального училища, въ душѣ Сызранскихъ гражданъ къ особѣ его сіятельства безгранична“.

— 9-го сентября сего 1873 года открыто двухклассное училище 2-й Александровской волости, С.-Петербургскаго уѣзда.

Открытіе совершилось въ присутствіи с.-петербургскаго уѣзнаго предводителя дворянства, дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. А. Безобразова, мирового посредника В. А. Кашкарева, исправляющаго должность уѣзнаго исправника А. И. Демаки, многихъ другихъ почетныхъ лицъ, мѣстныхъ жителей и учащихся до 60-ти дѣтей обоего пола.

Нынѣ, по неимѣнію подготовленныхъ дѣтей для втораго класса, открыть только первый классъ; но въ виду значительнаго числа учащихся и сообразуясь съ помѣщеніемъ классовъ, необходимо пригласить и другаго учителя, для занятій со старшимъ отдѣленіемъ учащихся. Классныя помѣщенія Александровскаго училища соразмѣрены только на 80 учащихся; вслѣдствіе этого мѣстное общество предполагаетъ устроить въ будущемъ году и женское одноклассное училище на 40 учащихся.

На содержаніе училища обществомъ назначено по 1000 руб. въ годъ и, кромѣ того, удовлетворяются всѣ прочія нужды училища и церкви: отопленіе, освѣщеніе, наемъ служителей, страхованіе и ремонтъ зданій. Слѣдующія на содержаніе Александровскаго училища деньги, за треть съ 1-го сентября сего года по

1-е января 1874 года, всего 350 рублей, внесены мѣстнымъ обществомъ въ С.-Петербургское казначейство.

Всѣ упомянутые расходы по содержанію училища и церкви будутъ покрываться церковными доходами, платою отъ учащихся, добровольными пожертвованіями и общественными средствами, по мѣрѣ надобности. Вслѣдствіе личнаго ходатайства представителей мѣстнаго общества, епархіальное начальство разрѣшило расходовать часть церковной суммы на содержаніе и нужды Александровскаго двухкласснаго училища.

Для завѣдыванія хозяйственною частію училища и церкви, мѣстнымъ обществомъ избрана особая коммиссія, которая обязана заботиться о матеріальномъ благосостояніи вѣренныхъ ей учреждений и отдавать отчетъ мѣстному вѣдомству о своей дѣятельности и объ оборотѣ суммъ, поступающихъ въ пользу этихъ учреждений.

Въ день открытія Александровскаго двухкласснаго училища, И. М. Михайловымъ роздано 110 книгъ, преимущественно религіознаго содержанія, всѣмъ учащимся, присутствовавшимъ на открытіи. Благодаря же заботамъ г. Михайлова, училищное помещеніе ремонтировано, классная мебель передѣлана и приобретены всѣ необходимыя учебныя пособія и классныя принадлежности.

— 15-го сентября 1873 года въ с. *Доможирово* (Пономарево тоже), Новоладожскаго уѣзда, открыты мужское и женское одноклассныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. На торжествѣ этомъ присутствовали: штатный смотритель Новоладожскихъ училищъ г. Семека, мѣстные жители и учащіяся, — 35 дѣтей обоего пола.

На содержаніе училищъ мѣстнымъ обществомъ назначено, по приговору отъ 14-го октября 1872 года, по 600 рублей, которые пополугодю вносятся въ Новоладожское уѣздное казначейство, а также отведенъ особый домъ для помѣщенія училищъ, съ квартирами для учителей; отведена изъ общественнаго надѣла одна десятина земли въ пользу училища, и приняты на обще-

ственные средства расходы по ремонту и страхованію училищнаго дома. Изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія назначено ежегодно по 226 рублей. Такимъ образомъ содержаніе Доможировскихъ училищъ опредѣляется суммою 826 рублей въ годъ, которые распредѣлены слѣдующимъ образомъ: законоучителю 75 руб.; учителю и учительницѣ, по 300 руб.—600 рублей; на отопленіе 60 руб., на учебныя пособія 31 руб., и служителю 60 руб. Кромѣ всего этого, Новоладожскій 2-й гильдіи кушечъ Чекалевъ заявилъ желаніе принять обязанность почетнаго блюстителя и жертвуетъ въ пользу училища 100 руб. ежегодно, а г. Ладогинъ — 25 руб. въ годъ.

Заботами гг. Чекалина и Ладогина, училищный домъ ремонтированъ, устроена классная мебель лучшаго образца и приобрѣтены необходимыя учебныя пособія.

— 18-го сентября, по совершеніи молебствія во временномъ училищномъ помѣщеніи, послѣдовало открытіе двухкласснаго начальнаго народнаго училища въ селѣ Знаменскомъ, Юхновскаго уѣзда Смоленской губерніи, въ присутствіи предсѣдателя Юхновской уѣздной земской управы, почетнаго блюстителя училища В. В. Гулевича, мѣстнаго волостнаго старшины и крестьянъ. Ученіе началось того же числа, въ составѣ 30-ти учащихся. Изъ этихъ учениковъ составилось два старшихъ отдѣленія 1-го класса, меньшее же отдѣленіе образуется изъ имѣющихъ вновь поступить учениковъ въ теченіе октября. Второй классъ будетъ образованъ по мѣрѣ подготовленія къ оному учениковъ и не далѣе будущаго учебнаго года. Временное училищное помѣщеніе заключается въ двухъ классныхъ комнатахъ, изъ коихъ каждая свободно вмѣщаетъ 30 человекъ; квартиры для учителей наняты по близости отъ училища, на счетъ суммы, отпускаемой земствомъ Юхновскаго уѣзда.

— 23-го сентября сего года открыто Саратовское реальное училище въ присутствіи преосвященнаго Тихона, епископа Саратовскаго, гг. начальника губерніи, предсѣдателя земской управы, городского головы, начальниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній, чле-

новъ совѣта евангелическо-лютеранской церкви и другихъ почетныхъ лицъ, съ приличнымъ этому случаю торжествомъ. По окончаніи приемныхъ испытаній, принято 119 учениковъ. Изъ нихъ въ 1-й классъ—45, во 2-й—36, въ 3-й—26 и въ 4-й—12.

— 28-го сентября сего года послѣдовало открытіе Шуйской прогимназіи, а 29-го числа того же мѣсяца начались классныя занятія. Изъ числа 39 мальчиковъ, подвергавшихся приемнымъ испытаніямъ, принято въ прогимназію 35 и поступили: въ подготовительный классъ—8, въ 1-й—23, во 2-й—2 и въ 3-й—2. Имѣется еще 9 заявленій о желаніи поступить въ прогимназію и подано прошеніе нѣкоторыми жителями гор. Шуи во Владимирскую гимназію о переводѣ дѣтей ихъ въ Шуйскую прогимназію. Въ день открытія прогимназіи Шуйскія общества рѣшили составить комиссію изъ предводителя дворянства, предсѣдателя земской управы, городского головы и исправляющаго должность инспектора Шуйской прогимназіи для обсужденія вопроса о томъ: вносить ли ежегодно за десять бѣдныхъ учениковъ плату за ученіе, или немедленно открыть подписку для сбора капитала, на проценты съ котораго могли бы ежегодно содержаться нѣсколько стипендіатовъ.

— 5-го октября послѣдовало открытіе Московской прогимназіи въ составѣ подготовительнаго и двухъ первыхъ классовъ и въ тотъ же день начались въ оной классныя занятія; 58 учениковъ, принятыхъ по экзамену, распределены въ слѣдующемъ порядкѣ: въ подготовительномъ классѣ—19, въ 1-мъ—28 и во 2-мъ—11.

— Зданія для учительской семинаріи въ м. Коростышевъ окончены и учительская семинарія, съ 1-го августа сего года, переведена изъ г. Кіева въ м. Коростышевъ.

— Исправляющій должность директора Зарайскаго реальнаго училища довелъ до свѣдѣнія министерства, что къ приемнымъ испытаніямъ, бывшимъ въ томъ училищѣ 27-го, 28-го и 29-го сентября допущено было 51 человекъ, изъ коихъ принято 23 человека въ 1-й и 15—во 2-й классъ; не выдержавшихъ же

экзамена 13-ть человекъ; открытіе училища послѣдовало 1-го октября:

— Открытіе Псковскаго реального училища послѣдовало 30-го августа. Въ настоящее время въ III-мъ классѣ—13 учениковъ, а въ IV-мъ—11. Изъ этого числа, 10 человекъ принято по свидѣтельствамъ губернской гимназіи; прочіе же 14-ть, получившіе домашнее образованіе или вышедшіе изъ гимназіи раньше окончанія учебнаго года, были предварительно допущены къ испытанію и по выдержаніи его, приняты въ училище.

— 14-го октября, по отслуженіи молебствія, происходило открытіе С.-Петербургскаго 2-го реального училища и изъ 336 лицъ, изъявившихъ желаніе поступить въ него, принято 144, изъ коихъ въ I-й классъ—40, во II-й—38, въ III-й—34 и въ IV-й—32.

— При Едровскомъ начальномъ народномъ училищѣ Валдайскаго уѣзда открытъ 2-й классъ, и такимъ образомъ училище это преобразовано изъ однокласснаго въ двухклассное. Самое открытіе началось молебствіемъ, которое совершалъ мѣстный благочинный священникъ села Едрова, Илья Ясновидскій, сказавшій соотвѣтствующее этому случаю слово. Учащихся въ день открытія собралось 100 человекъ, въ томъ числѣ 20 дѣвочекъ, а вновь поступившихъ было 47 человекъ обоего пола. По экзамену, бывшему 19-го и 20-го мая, удостоено перевода во 2-й классъ 6 человекъ; валдайское земское собраніе, постановленіемъ 20-го сентября сего года, назначило для 2-го класса 12 стипендіатовъ изъ лучшихъ учениковъ земскихъ школъ уѣзда, преимущественно изъ окончившихъ въ нихъ курсъ ученія, ассигновавъ на содержаніе ихъ въ Едровѣ 408 руб. въ годъ.

Училище пока помѣщается безмездно въ зданіи бывшей едровской почтовой гостиницы, принадлежащей коммерціи совѣтнику В. В. Епишкину, по тому случаю, что В. В. Епишкинъ пожелалъ оштукатурить все зданіе, на свой счетъ, и эти работы окончатся не ранѣе 1-го ноября сего года.

— Въ с. Сорогѣ, Осташковскаго уѣзда, по совершеніи молебствія съ водосвятіемъ, послѣдовало открытіе двухкласснаго учи-

лица. На открытіи присутствовали многіе члены ошашковскаго земства и городской думы, большое количество крестьянъ и до 50-ти учениковъ.

— На средства, пожертвованныя городскими обществами и земствомъ, открыты двѣ женскія прогимназіи: въ Зеньковѣ, Полтавской губерніи, съ начала 187³/₄ учебнаго года, и въ Переяславѣ, той же губерніи, съ 7-го октября сего года.

— Въ слободѣ Боромлѣ, Ахтырскаго уѣзда, 26-го августа сего года открыто двухклассное народное училище, причемъ общество государственныхъ крестьянъ слободы Боромли приговоромъ, засвидѣтельствованнымъ г. мировымъ посредникомъ, приняло на свой счетъ расходы по застрахованію училищнаго дома. Въ слободѣ Мерэфѣ, Харьковскаго уѣзда, таковое же училище открыто 9-го сентября сего года.

— 2-го октября послѣдовало открытіе Курской земской учительской школы, а съ 3-го числа начались занятія. Изъ лицъ, подвергавшихся испытанію, принято въ число земскихъ стипендіатовъ — 36 человекъ, а 8 допущены въ число воспитанниковъ школы на своемъ содержаніи; но изъ 36 стипендіатовъ трое по собственному желанію взяли свои документы обратно и вышли изъ школы, такъ что къ 6-му числу всѣхъ воспитанниковъ числится 41.

— 12-го октября сего года былъ открытъ при Лъзечскомъ образцовомъ училищѣ 2-й классъ. Учащихся было:

	ПО СПИСКАМЪ.		НА ЛИЦО.	
	Мальч.	Дѣвоч.	Мальч.	Дѣвоч.
Въ 1-мъ отдѣленіи II класса.	10	—	8	—
Въ 1-мъ классѣ: въ 1 отдѣленіи	36	18	32	18
„ „ 2	26	1	24	1
„ „ 3	14	4	12	4
Итого	86	23	76	23
Всего	109		99	

Въ томъ числѣ вновь поступившихъ 36 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ.

— Одноклассное училище въ деревнѣ *Крючкова*, Новинской волости Тихвинскаго уѣзда, открыто штатнымъ смотрителемъ Тихвинскихъ училищъ 11-го октября сего года при 69 мальчикахъ и 7 дѣвочкахъ, обучающихся въ школѣ.

Училище помѣщается временно, впредь до постройки собственнаго зданія, въ двухъэтажномъ домѣ крестьянина Григорія Кирилова, предоставившаго это помѣщеніе для него безмеадно. Для постройки училищнаго дома Тихвинское земское собраніе ассигновало 650 рублей, а крестьяне Новинской волости отдали общественный хлѣбный магазинъ, стоящій примѣрно до 500 рублей, такъ что домъ для училища будетъ выстроенъ вполнѣ удобный, по плану, представленному инспекторомъ земству. Крестьяне Новинской волости, сочувствуя открытію образцоваго училища, доставили инспектору общественный приговоръ на ежегодное пожертвованіе въ пользу училища, сверхъ 75 рублей въ годъ, которые они обязались вносить при началѣ ходатайства объ открытіи училища, еще 65 рублей въ годъ процентовъ отъ суммъ, принадлежащихъ имъ подъ названіемъ крестьянскаго мірскаго капитала, выдаваемаго въ ссуду крестьянамъ; а Тихвинское уѣздное земское собраніе, вмѣсто назначенныхъ имъ первоначально на содержаніе училища 192 рублей 32 коп., опредѣлило отпускать ежегодно 319 рублей. Такимъ образомъ, Новинское училище достаточно обезпечено денежными средствами.

ІОАННЪ СЛЕЙДАНЪ И ЕГО КОММЕНТАРИИ.

Материалы для историографіи XVI столѣтія.

Въ 1824 году вышло въ Лейпцигѣ (издатель Реймеръ) небольшое сочиненіе, въ 200 страницъ, подъ заглавіемъ: „Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber“, сдѣлавшее эпоху въ наукѣ и въ изученіи исторіи четырехъ послѣднихъ столѣтій. Авторъ этой книжечки, старшій учитель гимназій въ Франкфуртѣ на Одерѣ, Леопольдъ Ранке, приглашенъ былъ въ Берлинскій университетъ на кафедру всеобщей исторіи, и съ тѣхъ поръ имя его стоитъ во главѣ цѣлой историческои школы.

Цѣль этого небольшого сочиненія была тройкая: вопервыхъ, авторъ хотѣлъ объяснить методъ, которому онъ слѣдовалъ при пользованіи источниками для своей „Исторіи Романскихъ и Германскихъ народовъ въ исходѣ XV и началѣ XVI столѣтій“, появившейся за годъ предъ тѣмъ; во вторыхъ, онъ хотѣлъ указать каждому, желающему основательно познакомиться съ исторіей XV и XVI столѣтій, на лучшіе источники для подобнаго изученія и наконецъ—и это самое важное, — авторъ имѣлъ чисто научную цѣль: разъяснить достоинство существующихъ источниковъ и оцѣнить ихъ относительную важность.

Авторъ разобралъ въ этой книжечкѣ, или лучше сказать, указалъ путь къ разбору и оцѣнкѣ главныхъ источниковъ для исторіи конца XV и XVI столѣтій, начиная съ важнѣйшихъ изъ нихъ (Guicciardini, Beaucaire, Mariana, Sleidanus, Paulus Jovius), служащихъ основаніемъ современныхъ имъ и позднѣйшихъ писателей, и кончая областными, городскими историками, мемуарами и описаніями отдѣльныхъ событій. Конечно, такая трудная задача не могла быть разрѣшена въ небольшомъ сочиненіи въ 200 страницъ. Ранке и не намѣревался этого сдѣлать; въ предисловіи своемъ онъ со скромностью замѣчаетъ, что

желаетъ только содѣйствовать, по мѣрѣ силъ своихъ, разрѣшенію столь важнаго вопроса, что сочиненіе его представляетъ только зачатокъ, а не полную систему, что она не исчерпываетъ вопроса, а составляетъ ничто иное какъ сводъ разныхъ отрывочныхъ выводовъ. Не смотря однако на „отрывочныя замѣтки“ въ разборѣ Ранке, маленькое сочиненіе его произвело переворотъ въ изученіи новой исторіи, внеся научный характеръ въ разработку ея источниковъ.

Въ концѣ сочиненія онъ дѣлаетъ выводъ „о томъ, что еще слѣдуетъ сдѣлать“ — von dem, was noch zu thun sei. Мы будемъ ходить въ темнотѣ, говоритъ онъ, до тѣхъ поръ пока будемъ опираться на однихъ лишь извѣстныхъ до сихъ поръ, историковъ общихъ событій, то-есть, на Гвиччардини, Слейдана и др.; необходимо обратить всѣ старанія на отысканіе и напечатаніе несмѣтныхъ богатствъ, хранящихся въ неизвѣстности во всѣхъ архивахъ государственныхъ, городскихъ и семейныхъ, на напечатаніе актовъ, дипломатическихъ переписокъ, донесеній пословъ, отдѣльныхъ жизнеописаній, городскихъ хроникъ и т. д. Тутъ необходимо, говоритъ Ранке, чловѣкъ одаренный крѣпкимъ здоровьемъ, богатымъ запасомъ свѣдѣній, который, обезпеченный матеріально, исходилъ хотя-бъ одну Германію, и перерывъ всѣ сокровищницы, отыскалъ бы многочисленныя памятники, уже почти преданнаго забвенію, недавнаго прошедшаго, для яснаго и вѣрнаго его воссозданія.

И голосъ скромнаго дѣятеля науки не остался безъ результатовъ. Ранке создалъ цѣлую историческую школу, вызвалъ къ дѣятельности многочисленныхъ учениковъ, которые, по начертанному имъ направленію, бросились изучать исторію своей родины. Это направленіе повѣяло по всей Европѣ: съ тѣхъ поръ съ каждымъ годомъ историческая литература обогащается драгоценными изданіями актовъ, дипломатическихъ переписокъ, частныхъ городскихъ хроникъ, протоколовъ засѣданій и проч.

Въ Германіи оно привилось и развивалось особенно сильно потому, что совпадало съ стремленіемъ, охватившимъ все общество съ конца 30-хъ годовъ, къ государственному объединенію и политическому возрожденію. Исторія Германіи конца XV и всего XVI столѣтія получила особенный интересъ не только для специалистовъ историковъ, но и для каждого образованнаго чловѣка по своей аналогіи съ положеніемъ германскихъ дѣлъ въ XIX столѣтіи, по тождественности вопросовъ, возбужденныхъ, и частью, уже разрѣшенныхъ въ то время.

Теперь, послѣ полулѣтней работы по одному проложенному и начертанному пути, естественно возникаетъ желаніе, подведя итоги совершенному и приобрѣтенному наукой, отдать себѣ отчетъ въ томъ: дѣйствительно ли ученый міръ шелъ единственно вѣрнымъ и непогрѣшимымъ путемъ въ изученіи источниковъ новой исторіи.

Таки какъ успѣхи, сдѣланные съ тридцатыхъ годовъ въ изученіи четырехъ послѣднихъ столѣтій, вслѣдствіе обращенія къ новому, малозвѣстному прежде, роду источниковъ, были результатомъ впечатлѣнія, произведеннаго сочиненіемъ Ранке, то вопросъ о направленіи исторической школы, созданной имъ, о вѣрности этого направленія, господствующаго въ наукѣ, разрѣшить будетъ легко, если мы разберемъ: исполнѣ ли понята была мысль Ранке, высказанная имъ на послѣднихъ страницахъ его небольшого сочиненія, и не увлекся ли ученый міръ одною стороною его доводовъ, конечно, болѣе важною, упустивъ совершенно изъ виду самую цѣль, съ которой все сочиненіе Ранке было написано.

Если Ранке говорить, что мы будемъ ходить въ темнотѣ до тѣхъ поръ, пока въ изложеніи новой исторіи будемъ опираться на однихъ историковъ общихъ событій, то онъ этимъ нисколько не хотѣлъ сказать, что историки эти вовсе не годятся, что ихъ надо совершенно отстранить и построить исторію на новыхъ матеріалахъ. Вникнуть глубже въ слова его, мы увидимъ, что хотя онъ считалъ извѣстія историковъ недостаточными, и документы, ими приводимые, не всегда достовѣрными, то все-таки признавалъ ихъ достойными изученія; мысль его состояла въ томъ, что писать исторію западной Европы конца XV и XVI столѣтій, положивъ въ основаніе Слейдана, Гвичіардини или Белькарія (Beausaige), какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Сисмонди въ своей „Исторіи Италіи“, — не вѣрно и не научно; что надо сперва подвергнуть ихъ строгой критикѣ, оцѣнить ихъ извѣстія, опредѣлить ихъ собственные источники, однимъ — словомъ выяснитъ ихъ достоинства и недостатки. Но сдѣлать это было бы трудно, не имѣя въ рукахъ другихъ данныхъ, изъ сравненія съ которыми была бы возможна подобная оцѣнка. На эти-то данныя и указывалъ Ранке; онъ ихъ находилъ въ архивахъ, въ дипломатическихъ актахъ, въ письмахъ, донесеніяхъ и т. д.; онъ предлагалъ собрать эти неопровержимые документы, и затѣмъ, чрезъ сравненіе и позырку ими историческихъ трудовъ XV и XVI столѣтій, сдѣлать оцѣнку послѣднихъ и опредѣлить ихъ историческую достовѣрность и относительную важность.

Самъ онъ въ своемъ сочиненіи попытался это сдѣлать, имѣя въ

своёмъ распоряженіи весьма немного матеріаловъ; и добился значительныхъ результатовъ, но оставилъ еще много не разрѣшенныхъ вопросовъ для будущей дѣятельности ученыхъ.

Ученики и послѣдователи его съ рвеніемъ принялись за разработку архивнаго матеріала: сборникъ драгоцѣнныхъ документовъ по-являлся за сборникомъ; сочиненія о Германіи, Англіи, Франціи, Италіи въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ или объ отдѣльныхъ вопросахъ этого времени, на основаніи новооткрытыхъ данныхъ, обогатили ученую литературу; однимъ словомъ, мысль Ранке о недостаточности прежнихъ источниковъ и о необходимости отысканія новыхъ сдѣлалась общимъ убѣжденіемъ. Всѣ вступили въ эту научную колею, забывъ совершенно, что за этою работою стоитъ на очереди другая, именно: провѣрка и оцѣнка историковъ-современниковъ на основаніи официальныхъ, неопровержимыхъ данныхъ; этихъ историковъ какъ-бы забыли, о нихъ вовсе не упоминають, на нихъ рѣдко можно встрѣтить случайную ссылку, хотя въ изложеніи событій ихъ придержи-ваются, имъ слѣдуютъ, иногда того и не подовѣривъ.

Вторая часть совѣтовъ Ранке, такимъ образомъ, остается до сихъ поръ безъ отвѣта; ученый міръ удовольствовался весьма краткими замѣтками его о нѣкоторыхъ писателяхъ XV и XVI столѣтій и ихъ недостаткахъ, и какъ лишній грузъ, почти совершенно выкинулъ изъ массъ историческаго матеріала. Лучшимъ доказательствомъ полнаго равнодушія къ этимъ писателямъ въ настоящее время можетъ служить перечень ихъ изданій; такъ, наприимѣръ, Слейданово сочиненіе „О политическихъ и религіозныхъ дѣлахъ въ царствованіе императора Карла V“ — „De statu religionis et reipublicae, Carolo Quinto Caesare, commentarii“—послѣ 1786 года (изданіе Am-Ende) вновь не издавалось, такъ что въ настоящее время приходится довольствоваться вритическими примѣчаніями, сдѣланными въ концѣ прошлаго столѣтія и имѣющими нынѣ мало значенія; точно также и исторія Гвиччардини издана въ послѣдній разъ во Флоренціи въ 1810 году, большая же часть историковъ XV и XVI столѣтій не издавалась съ начала XVII вѣка. Такимъ образомъ, приступающій къ самостоятельному изученію исторіи западной Европы съ конца XV столѣтія не можетъ воспользоваться никакими пособиями: онъ не имѣетъ ни полнаго перечисленія напечатанныхъ источниковъ, ни критическаго изданія писателей-современниковъ; онъ долженъ довольствоваться — въ большей части случаевъ — ссылками на ненапечатанный еще архивный матеріалъ и на старинныя изданія историковъ, коихъ достовѣр-

ность поколеблена замѣтками Ранке, но коихъ сочиненія далеко еще не оцѣнены по достоинству.

А между тѣмъ, какой огромный интересъ представляютъ эти писатели. Не смотря на ихъ недостатки, часто на недостоверность приводимыхъ ими документовъ, на одностороннее и невѣрное иногда изложеніе фактовъ, они все-таки передаютъ намъ настроеніе современнаго общества, взглядъ его на событія, пониманіе и оцѣнку имъ этихъ событій, однимъ словомъ—они знакомятъ насъ съ духомъ общества, дополняютъ и оживляютъ акты, документы и сухую официальную переписку, на которые почти исключительно въ настоящее время обращаютъ вниманіе. Если же дѣйствительно писатели эти не имѣютъ нынѣ, при богатомъ архивномъ матеріалѣ, никакой цѣны, то приговоръ такой мы имѣемъ право произнести только послѣ подробнаго и всесторонняго ихъ разбора.

Нѣкоторые изъ писателей XVI столѣтія, кромѣ общаго интереса, имѣютъ для насъ, Русскихъ, еще особенное значеніе по примыкающимъ къ нимъ продолжателямъ, у которыхъ встрѣчаются довольно подробныя извѣстія о Россіи. Если изъ послѣднихъ мы и не можемъ почерпнуть много новыхъ фактовъ объ исторіи Россіи, то во всякомъ случаѣ, разборъ ихъ можетъ указать намъ на источники, употребленные при составленіи хроникъ, на матеріалъ, находившійся въ рукахъ авторовъ, и разъяснить намъ такимъ образомъ путь, которымъ проникли въ западную Европу свѣдѣнія о Россіи. Въ настоящемъ трудѣ представлеиъ разборъ главнѣйшаго изъ историковъ Германіи XVI столѣтія—Слейдана и его продолжателей.

Революціонное броженіе умовъ, которымъ ознаменовался пятнадцатый вѣкъ, коснувшееся главнѣйшихъ основъ политическаго, соціальнаго быта и всего средневѣковаго міросозерцанія, имѣло огромное вліяніе на развитіе исторіографіи. Пробужденіе новой силы—общественнаго мнѣнія, вступившей въ ожесточенную борьбу съ іерархіей и всѣмъ церковнымъ устройствомъ, постепенно возрастающее сознаніе народности, общее убѣжденіе въ необходимости переустройства государственнаго организма, вызвало, естественнымъ образомъ, потребность и вкусъ къ историческимъ описаніямъ и изслѣдованіямъ. Открытіе книгопечатанія было могучимъ средствомъ къ удовлетворенію этой потребности, и вмѣстѣ съ тѣмъ, еще къ большому возбужденію общественнаго мнѣнія противъ существующаго порядка вещей. Памятники родной старины, мало извѣстные до тѣхъ поръ, стали появляться въ печати и дѣлаться достояніемъ всѣхъ; они воскрешали давно прошед-

шее и вызывали въ сравненіяхъ съ неудовлетворительнымъ настоящимъ. Все сильнѣе поднимающаяся оппозиція противъ іерархіи и ея духовнаго гнета находила въ этихъ памятникахъ орудія для борьбы и своими розысканіями подготавливала почву для будущаго религіознаго переворота.

Литературныя произведенія классическаго міра, изученіе которыхъ положено было въ основаніе научнаго образованія, служили образцами для писателей и были идеаломъ всѣхъ литературныхъ стремленій. Какъ для поэтовъ Вергілій и Гораций по преимуществу, такъ для историковъ предметомъ изученія и подражанія сдѣлались Цезарь, Титъ-Ливій и Саллюстій, столько же въ отношеніи къ языку, сколько и въ отношеніи къ изложенію. Подъ вліяніемъ древнихъ историковъ писатели испытывали свои силы сперва въ описаніяхъ отдѣльных фактовъ и происшествій современной жизни, а затѣмъ, съ конца XV столѣтія, но въ особенности въ XVI, когда всѣ западно-европейскія государства вовлечены были въ одинъ общій потокъ политическихъ силъ, начали появляться обширныя труды (*historiae sui temporis*), съ цѣлью представить читателю событія за цѣлую эпоху въ ихъ прагматическомъ развитіи.

Хотя эти труды были вызваны повсюду одинаковыми причинами, хотя тѣ же самыя классическія писатели служили образцами для всѣхъ историковъ, тѣмъ не менѣе, однако, въ историографіи XVI столѣтія замѣтны два направленія, высказывающіяся въ различномъ способѣ отношенія авторовъ къ источникамъ и къ древнимъ образцамъ: въ однихъ произведеніяхъ преобладаетъ форма, въ другихъ—содержаніе.

Писатели перваго направленія обращаютъ болѣе вниманія на изложеніе, на группировку матеріала, на изящество и увлекательность слога, чѣмъ на достовѣрность сообщаемыхъ фактовъ, на строгую и добросовѣстную провѣрку источниковъ; они смотрятъ, подобно древнимъ Грекамъ и Римлянамъ, на историческое сочиненіе, какъ на произведеніе искусства, которое должно не столько дѣйствовать на разумъ, сколько удовлетворять эстетическимъ требованіямъ читателя. У писателей втораго направленія вліяніе древнихъ замѣтно только въ отношеніи къ языку: они пишутъ отличнимъ латинскимъ слогомъ, но въ отношеніи къ изложенію и группировкѣ фактовъ остаются вѣрными средневѣковой гѣтоисной формѣ; они обращаютъ вниманіе не на изящество и увлекательность разказа, а на достовѣрную передачу документовъ, актовъ, писемъ, иврѣдка вставляя свои собственныя поясненія и комментаріи.

Италянскіе историки принадлежатъ большею частью къ первой категоріи, и въ числѣ ихъ Франческо Гвиччардини можетъ считаться представителемъ этого направленія; у нѣмецкихъ историковъ преобладаетъ второе направленіе, и представителемъ его является Юаннъ Слейданъ, который между германскими историками XVI столѣтія заслужилъ наибольшую славу и уваженіе у современниковъ и потомства, и котораго сочиненіе „De statu religionis et reipublicae Carolo Quinto Caesare commentarii“ долгое время было единственнымъ источникомъ для изученія исторіи реформациі.

Краткіе разборы Слейдановыхъ комментариевъ можно найти: у *L. Ranke* — zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. Berlin, 1824, pag. 61—68; *F. W. Kampshulte*, Ueber Joh. Sleidanus, помѣщ. въ Forschungen zur Deutschen Gesch. IV Band. Высказанное мнѣніе Ранке о риторическомъ характерѣ принудимыхъ Слейданомъ рѣчей, произнесенныхъ при выборѣ Карла V, вызвало нѣсколько опроверженій, напримѣръ, см. *Neudecker und Preller* — Spalatins historischer Nachlass und Briefe. Jena, 1851. I, pag. 115 n. *Droysen* — zwei Verzeichnisse Kaiser Karls V Lande въ Abhandlungen der Philolog. hist. Cl. d. K. Sächsischen Ges. d. Wissen. Band III, p. 339. Всѣ эти отзывы о Слейданѣ касаются только въ некоторыхъ, и притомъ, самыхъ незначительныхъ частей его труда. Подробно и довольно удовлетворительно разобраны комментаріи Слейдана въ сочиненіи *Johann Sleidan's Commentare über die Regierungszeit Karl's V von Th. Pauc*. Leipzig, 1843; кромѣ разбора, здѣсь изчислены всѣ изданія, переводы и продолженія комментариевъ.

Биографія Слейдана составлена двумя его современниками: Пауталеономъ (Henricus Pantaleon Medicus) и Бейтеромъ (Michael Beuther); послѣдній находился съ Слейданомъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и потому сообщаемыя имъ данныя заслуживаютъ полнаго довѣрія (wegen der Freundschaft, so sich zwischen dem Sleidano seligen und mir erhalten, въ предисловіи къ изд. 1558 года); они оба перевели на нѣмецкій языкъ трудъ Слейдана, и Бейтеръ, кромѣ того, продолжалъ комментаріи до 1583 года: Henricus Pantaleon Medicus — Proserographiae heroum atque illustrium viroꝝ totius Germaniae pars III. Basil. 1565—1566. pag. 388. Michael Beutherus — vita Sleidani въ изданіи нѣмецкаго перевода Слейдановыхъ комментариевъ 1568 и 1580 гг. Strassburg.

Всѣ послѣдующіе затѣмъ писатели заимствовали приводимыя ими біографическія данныя о Слейданѣ изъ этихъ двухъ источниковъ, въ особенности изъ болѣе обстоятельнаго очерка Бейтера, дѣлая иногда прибавленія; такъ, напримѣръ, присовокупили отзывы современниковъ о Слейданѣ, о его честности, безпристрастіи и добросовѣстности, или выкладки на него со стороны католиковъ; прилагали списки изданій, переводовъ, продолженій комментариевъ и т. п. Изъ этой массы литературнаго матеріала я укажу на два сочиненія, которыми пользовался при составленіи настоящаго біографическаго очерка:

1) *Joannes Sleidanus verus et ad nostra tempora usque continuatus, das ist: Wahrhaftige und ordentliche Beschreibung allerlei fürnemer Händel und Ge-*

schichten etc. bis auf das 1620 Jahr nach Christi Geburt begeben und zugetragen, wie dieselbige anfänglich von Johanne Sleidano in lateinischer Sprach verfertigt und hernach verteutsch worden... jetzmalis bis auf unsere Zeit continuirt durch M. *Oscam Schadaeum* Diaconum der Kirchen zum alten St. Peter in Strassburg. Strassburg 1621. Въ предисловіи помѣщенъ кurtzer jedoch wahrhaftiger Bericht von dem Staudt und Leben Johannis Sleidani съ нѣкоторыми прибавленіями противъ редакціи Бейтера.

2) Caspar Sagittarius—Introductio in historia ecclesiastica ed. 1718. Tom. I, p. 106. Даяны о жизни Слейдана заимствованы изъ сочиненія Шадеуса; присоединены литературныя указанія объ изданіяхъ, переводахъ и продолженіяхъ комментаріевъ и другаго сочиненія Слейданова de IV summis imperiis.

Іоаннъ Слейданъ родился въ 1506 году въ нѣмѣцкой прирейнской Пруссіи, въ городкѣ Слейденѣ (Schleiden im Eifelgau), принадлежавшемъ графамъ Мандершейдамъ, вассаламъ архіепископа Трирскаго. Происхожденія онъ былъ незнатнаго, почему, при поступленіи въ школу, принялъ фамилію Филипсонъ (отца его звали Филиппомъ), какъ это обыкновенно дѣлалось въ то время ¹⁾.

Вмѣстѣ съ землякомъ и ровесникомъ своимъ Іоанномъ Штурмомъ, въ послѣдствіи извѣстнымъ педагогомъ и ректоромъ Страсбургской гимназіи, посѣщалъ онъ городскую школу въ Слейденѣ; затѣмъ тринадцати лѣтъ отправился для усовершенствованія въ Люттихъ, но спустя три года вызванъ былъ родителями обратно и посланъ въ Кельнъ въ тамошнюю академію. Здѣсь занимался онъ изученіемъ древнихъ языковъ подъ руководствомъ извѣстныхъ въ то время гуманистовъ: Собія (Jacobus Sobijs), Цесарія (Johannes Cesarius), Фрисемія (Johannes Phryssenius), Латома (Bartholomaeus Latomus), объяснявшихъ преимущественно Гомера, Ливія, Горация, Плинія. Здѣсь же издалъ онъ сборникъ эпиграммъ, свиславшій ему, какъ отличному латинисту, нѣкоторую извѣстность въ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ того времени. Въ этомъ изданіи онъ самъ себя уже называетъ Sleidanus, обративъ въ фамилію прозваніе, приданное ему, вѣроятно, товарищами по академіи. Въ Кельнѣ Слейдана посѣтилъ другъ его І. Штурмъ, и найдя его здоровье разстроеннымъ, уговорилъ его, для излеченія болѣзни, переѣхать въ Лувенъ, гдѣ онъ жилъ самъ, переселившись туда изъ Люттиха вскорѣ послѣ отъѣзда Слейдана въ Кельнъ. Благодаря искусству врачей, Слейданъ вскорѣ выздоровѣлъ и могъ принять предложенное ему графомъ Мандершейдомъ мѣсто наставника

¹⁾ Wie solches bei vielen Leuten in ober und nieder teutschen Landen, in Dänemark, Schweden, *Russen* im Brauch ist. Schadaeus.

и воспитателя его сына. Въ 1533 году ¹⁾ Слейданъ, оставивъ графское семейство, отправился въ Парижъ, гдѣ прожилъ нѣкоторое время въ кружкѣ своихъ старыхъ друзей и знакомыхъ: Іоанна Штурма, уже съ 1529 года поселившагося тамъ и преподававшего древніе языки, Варооломея Латома, бывшаго учителя своего, и др. Изъ Пармжа Слейданъ переѣхалъ въ Орлеанъ для изученія права въ тамошней академіи, гдѣ такъ успѣшно занялся законовѣдѣніемъ, что вскорѣ приобрѣлъ ученую степень лиценціата, продолжая притомъ изучать, кромѣ латинскаго языка, и французскій. Возвратясь чрезъ три года въ Парижъ (1536—1537) къ другу своему Штурму, онъ, по рекомендаціи послѣдняго, отправлявшагося въ Страсбургъ для устройства тамъ гимназіи ²⁾, поступилъ, въ качествѣ секретаря, къ извѣстному епископу Парижскому кардиналу дю-Беллэ (Jean du Bellay). Въ этомъ новомъ положеніи, при благопріятной матеріальной обстановкѣ, Слейданъ не только имѣлъ достаточно досуга заниматься своими любимыми предметами, но могъ вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь дружбой и расположеніемъ своего патрона, ознакомиться ближе съ ходомъ политическихъ событій и проникнуть глубже въ вопросы, волновавшіе современное общество ³⁾.

Въ 1537 году онъ издалъ на латинскомъ языкѣ хронику Фроасарда въ сокращеніи и посвятилъ трудъ свой, по обычаю того времени, патрону своему кардиналу дю-Беллэ ⁴⁾. Посвященіе это, или лучше сказать, предисловіе къ труду даетъ намъ возможность ознакомиться съ направленіемъ, научными взглядами и убѣжденіями Слей-

¹⁾ *Dedicatio Sleidani an Herzogen Augusto zu Sachsen — novem his annis quibus hospitium (Gallia) illa mihi praebuit; въ 1542 году, какъ будетъ показано ниже, (Слейданъ) переѣхалъ на жительство въ Страсбургъ.*

²⁾ О Штурмѣ см. *Ch. Schmidt — La vie et les travaux de Jean Sturm, premier recteur du gymnase de Strasbourg. 1855.*

³⁾ *Dedicatio Sleidani. Und hab zwar in neun Jahren welche ich in Frankreich gewesen den mehrertheil ihrer Geschichten selbst gesehen: dann das Martern und Brennen der Christen darvon hierin gemeldet wird, dessgleichen vitercy Satzungen und wie die Doctores zu Paris gegen etliche Kirchendiener Handlung furgenommen, auch was für Lehre in Religion Sac en hernach ausgangen, item die Partheyeu und zwitrachten am französischen Hofe, haben sich mehrern theils zu meiner Zeit, als ich daselbs gewesen, zugetragen.*

⁴⁾ *Froissardi, nobilissimi scriptoris Gallici, historiarum opus omne, jamprimum et breviter collectum et latino sermone redditum a Iohanne Sleidano. Посвящено: ad reverendissimum in Christo patrem ac dominum Iohannem Bellajum, Episcopum Parisiensem et sanctae Romanae ecclesiae Cardialem. Помѣчено: 12-го іюля 1537 года.*

дана въ то время, когда онъ еще и не помышлялъ о комментаріяхъ, прославившихъ его въ послѣдствіи.

Юридическія занятія въ Орлеанѣ, отвлекая Слейдана отъ исключительнаго изученія древнихъ писателей, расширили кругъ его воззрѣній и дали его уму болѣе практическое направленіе, которымъ вообще не отличалась школа гуманистовъ, вслѣдствіе чего онъ и на науку смотритъ съ точки зрѣнія утилитарной. Для него знанія чело-вѣческія тѣмъ болшую имѣютъ важность, чѣмъ болѣе они могутъ противопоставить средствъ затрудненіямъ и несчастіямъ ближняго ¹⁾, почему онъ отдаетъ преимущество юридическимъ наукамъ ²⁾, въ соединеніи съ краснорѣчіемъ ³⁾, а затѣмъ исторіи, которая, какъ результатъ опыта предшуднихъ вѣковъ, есть лучшая школа для государственныхъ людей и монарховъ. Онъ совѣтуетъ изучать не только исторію Рима, которая такъ богата примѣрами для подражанія, но и исторію новѣйшихъ временъ, которая ближе къ нашимъ нравамъ, учрежденіямъ, понятіямъ, и потому можетъ дать намъ весьма много полезныхъ указаній, не говоря уже о томъ, что сильнѣе дѣйствуетъ на наше чувство и волю. Какое столѣтіе, привлекаетъ онъ, можетъ сравниться съ настоящимъ по важности совершаемыхъ измѣненій, какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи.

Блистательный дворъ Франциска I, борьба придворныхъ партій, религіозное броженіе умовъ, охватившее въ одинаковой степени почти всѣ слои общества,—все это не могло, конечно, оставаться безъ вліянія на Слейдана, находившагося постоянно въ обществѣ кардинала дю-Велля, который игралъ столь видную роль въ ряду окружавшихъ короля царедворцевъ и государственныхъ людей. Живые вопросы дня, возникавшіе, такъ-сказать, на глазахъ Слейдана, естественно приковывали его вниманіе и отвлекали отъ прежнихъ риторическихъ и стилистическихъ упражненій въ подражаніе древнимъ классикамъ.

Эта пережѣна въ воззрѣніяхъ и направленіи Слейдана ясно выказывается въ упомянутомъ предисловіи и въ самомъ выборѣ хроника Фроасарда для перевода. При всемъ томъ, однако, Слейданъ не могъ еще вполне отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ ложныхъ сторонъ школы гуманистовъ, наприимѣръ, отъ убѣжденія, что только латинскій языкъ есть достойная форма для литературныхъ произведеній, и что поэтому

¹⁾ *Alienis difficultatibus malisque remedium possint opponere.*

²⁾ *Quae suum culque tribuunt disciplinae.*

³⁾ *Quae judicandi et eloquendi scientiam docent.*

хроника Фроасара должна быть прочитана Французомъ на латинскомъ языкѣ, а не на родномъ французскомъ; дагѣ, слѣды космополитизма гуманистовъ, разрушаемаго постепенно религіозною и политическою революціей, еще довольно сильно высказываются въ Слейданѣ въ этомъ періодѣ его развитія. Нѣмецъ родомъ, онъ служитъ секретаремъ у одного изъ вліятельнѣйшихъ лицъ при дворѣ Французскаго короля, который находится въ постоянной борьбѣ съ Германскимъ императоромъ, и именно въ это самое время (1536 г.) началъ новую противъ него войну; онъ поступаетъ даже на службу къ королю, отъ котораго, въ качествѣ переводчика, отправляется вмѣстѣ съ посломъ его (Lazarus Baufius) на земскій съѣздъ въ Гагенау (июнь — июль 1540 года) ¹⁾ для тайныхъ переговоровъ съ главами Шмалькальденскаго союза, въ виду предстоящаго разрыва съ императоромъ ²⁾.

Слейданъ говоритъ въ предисловіи къ Фроасару о великомъ значенія совершающихся событій, но остается при этомъ вполне объективнымъ и нигдѣ не высказываетъ сочувствія какой-либо изъ сторонъ; для него прошелъ какъ-бы безслѣдно первый періодъ реформациі (1517—1525), когда весь народъ Германскій возсталъ съ такою мощью противъ несостоятельныхъ формъ политическаго и церковнаго быта.

Но на съѣздѣ въ Гагенау въ убѣжденіяхъ Слейдана происходитъ внезапный переворотъ, опредѣлившій характеръ и направленіе дальнѣйшей его дѣятельности. Ни самъ онъ, ни биографы его не передаютъ намъ подробностей о пребываніи Слейдана въ Гагенау, повліявшихъ такъ сильно на его дальнѣйшую судьбу, такъ что мы можемъ говорить объ этомъ только въ общихъ чертахъ, основываясь на его послѣдующихъ сочиненіяхъ и на нѣкоторыхъ другихъ данныхъ.

Земскій съѣздъ въ Гагенау ³⁾, какъ извѣстно, былъ созванъ для переговоровъ о церковныхъ вопросахъ ⁴⁾ императоромъ Карломъ V, который, въ то время, по политическимъ расчетамъ, стремился къ сбли-

¹⁾ Comment. XIII, стр. 216 bis; я цитую по изд. 1561. Агдені.

²⁾ Въ 1538 году было заключено между Карломъ и Францискомъ десятилѣтнее перемиріе, но уже скоро начались недоразумѣнія, и война возобновилась снова въ 1542 году.

³⁾ Собрание было назначено въ Шпейеръ, но вслѣдствіе эпидеміи переведено въ Гагенау. Sleid. Comment. XIII, cap. 7, pag. 216 bis.

⁴⁾ «Um die Dinge dahin zu richten, dass der langwierige Zwispalt der Religion einmal zu christlicher Vergleichung gebracht werde». см. у Rauke Deut. G. IV, pag. 134 изд. 1868 года.

женію съ протестантами и готовъ былъ сдѣлать уступки ихъ требованіямъ. Между государственными людьми и богословами протестантскими, явившимися въ Гагенау въ качествѣ депутатовъ городовъ или уполномоченныхъ представителей князей, особенно выдавались, какъ по учености, такъ и по вліянію и авторитету своему въ средѣ протестантской, Буцеръ, Бренцъ, Блауреръ, Осіандеръ, Писториусъ, Шнейфъ и др. ¹⁾ Цѣлый мѣсяцъ (съ конца іюня до конца іюля 1540 года) продолжались пренія между обѣими сторонами, и въ нихъ, конечно, не принимали участія ни посоль французскій, ни состоящій въ свитѣ его переводчикъ, ограничивавшіеся частными переговорами и внимательнымъ изученіемъ положенія дѣла и отношеній партій.

Такимъ образомъ, Слейданъ вступилъ въ среду соотечественниковъ, сосредоточивавшихъ въ себѣ, такъ-сказать, все, что прожилъ Германскій народъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, и проникнутыхъ глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла и въ торжество проповѣдуемаго ими ученія. Особенно сильно должно было подѣйствовать на Слейдана свиданіе въ Гагенау съ Кальвиномъ, который, проживая тогда въ Страсбургѣ, пріѣзжалъ неоднократно въ близлежащій Гагенау, чтобы слѣдить за ходомъ религиозныхъ преній и вліять отчасти на политическіе переговоры. Они были знакомы другъ съ другомъ еще съ Парижа, гдѣ, вѣроятно, видались во дворцѣ Маргариты Паварской, у которой собирались и находили покровительство все свободномыслящіе и передовые люди, — и тогда еще завязали дружбу, которая не прекратилась и съ выѣздомъ Кальвина изъ Франціи (1534 г.), но поддерживалась перепискою ²⁾.

Не безслѣдно прошли для Кальвина годы изгнанія; богословскія занятія, дѣятельность его въ Жевевѣ, удаленіе оттуда по постановленію совѣта, пребываніе въ богатомъ и вліятельномъ Страсбургѣ, центрѣ религиознаго и политическаго движенія, — все это обогатило его омытностью, расширило кругъ его воззрѣній и подготовило его къ будущей реформаторской и законодательной роли. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за переговорами въ Гагенау; политиче-

¹⁾ Sleid. Comment., XIII, pag. 217.

²⁾ Письмо Слейдана къ Кальвину изъ Парижа отъ 22-го мая 1539 года; въ отвѣтъ на письмо къ нему послѣдняго: Sic igitur statuere debes, mi Calvinе, te mihi carissimum esse cum propter eruditionem insignem tum vero ad pietatis hoc studium et flagrans in Dei cognitionem desyderium. Рукопись Жевевской библиотекы у Кампсхуйте—Johani Calvin, стр. 332.

ская сторона ихъ интересовала его не менѣе, чѣмъ богословская¹⁾. Все еще надѣясь расположить своего короля въ пользу реформации, онъ искренно желалъ соединеніи германскихъ протестантовъ съ Францискимъ противъ Карла, какъ для болѣе успѣшной пропаганды Евангелія въ самой Франціи, такъ и вообще—для торжества протестантскаго ученія въ Европѣ. Что Кальвинъ дѣйствовалъ въ Гагенау успѣшно для сближенія членовъ Шмалькальденскаго союза съ Франціей, мы можемъ заключить изъ письма къ нему Маргариты Наваррской, переписавшейся съ нимъ чрезъ Слейдана, въ которомъ она передаетъ Кальвину благодарность короля за его дѣйствія въ Гагенау и проситъ его оказывать и впредь услуги Франціи²⁾.

Довольно продолжительное и постоянное сношеніе съ такими людьми не могло, естественно, остаться безъ вліянія на Слейдана; онъ былъ посвященъ ими въ новое ученіе и во всѣ политическіе вопросы, связанные съ нимъ, и съ тѣхъ поръ уже является въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ ревностнымъ поборникомъ протестантизма.

Состоя все еще на службѣ у Франциска I, Слейданъ изъ Гагенау возвратился въ Парижъ, повидавшись проѣздомъ въ Страсбургѣ съ другомъ своимъ Іоанномъ Штурмомъ, который, безъ сомнѣнія, еще болѣе укрѣпилъ его въ новыхъ идеяхъ, и по словамъ Шадеуса, уготоваривалъ его даже оставить Парижъ и возвратиться на жительство въ Германію, въ виду начинающихся религіозныхъ междоусобій во Франціи и преслѣдованій протестантовъ со стороны французскаго правительства³⁾. Происшедшая скоро перемѣна въ судьбѣ Слейдана замедлила его переѣздъ на два года. Слейданъ, по видимому, произвелъ на представителей протестантскихъ, собравшихся въ Гагенау, весьма благоприятное впечатлѣніе, вслѣдствіе котораго на съѣздѣ членовъ Шмалькальденскаго союза въ Наумбургѣ, въ концѣ года, онъ былъ приглашенъ на два года, по предложенію Филиппа Гессенскаго, на службу

¹⁾ *Kampschulte*, pag. 331, прик. I.

²⁾ Письмо ея отъ 25-го іюля 1540 года. «Monsieur Calvin, j'ay recue vostre lettre par Selidanus, lequel je n'ay eu grand peine de justifier envers le roy, veu les bons tesmoins qu'il a eu de son service, auxquels il a adjousté plus de foy que à tous les rapports faux qu'on lui eust sceu faire. Et entendez que lediet seigneur est merveilleusement satisfait de bons services que vous et les vôtres lui faites par delà, desquels il est bien adverti.... Je vous prie aussi continuer à faire le service au roy que vous avez fait jusques icy». *Kampschulte* pag. 332.

³⁾ Schadaeus—vita Sleidani, pag. 2.

къ союзу въ качествѣ исторіографа, переводчика и посланника для защиты интересовъ Шмалькальденцевъ и для продолженія сношеній съ французскимъ правительствомъ ¹⁾. Съ этихъ поръ онъ приступилъ къ составленію своихъ комментаріевъ, или вѣрнѣе сказать, къ собиранію матеріаловъ для нихъ, какъ самъ онъ говоритъ въ своей апологіи ²⁾.

Но рядомъ съ этимъ обширнымъ трудомъ, занимавшимъ его до конца жизни, Слейданъ посвящалъ досуги свои и другимъ историческимъ сочиненіямъ, какъ мы увидимъ ниже, отражающимъ все тотъ же взглядъ ревностнаго протестанта, преданнаго всѣмъ существомъ своимъ новому ученію. Въ 1542 году, еще во время пребыванія въ Парижѣ, онъ напечаталъ подъ псевдонимомъ, на нѣмецкомъ языкѣ, два посланія — германскому императору и нѣмецкимъ князьямъ, въ которыхъ является ярымъ противникомъ папства и горячимъ приверженцемъ политическихъ идей, проводимыхъ протестантами ³⁾.

Въ первомъ посланіи Слейданъ старается убѣдить Карла въ томъ, что его противодействие распространенію новаго ученія есть противодействие волѣ Всевышняго. „Ты избранъ былъ въ императоры“, говоритъ Слейданъ, — „въ то самое время, когда Богъ началъ карать

¹⁾ *Rommel*—Philipp der Grossmüthige. 1830. Band II, pag. 439.

²⁾ *Sleidani apologia ad Comment. ed. 1561*; апологія писана въ 1556 году, equidem admirabile Dei beneficium, huic nostro tempori collatum, ordine ac vere, quantum omnino potui, perscripsi, ad eamque rem annis ab hinc XVI collegi.

³⁾ Оба посланія переведены имъ были на латинскій языкъ и на даны въ Страсбургѣ въ 1544 году съ предисловіемъ и нѣкоторыми дополненіями: *J. Sleidani orationes quatuor primum exsuae, cum praefatione, quae paucis argumentum explicat. Argentinae, 1544*; также помѣщены въ *J. Sleidani oracula quaedam, quorum ipse partim auctor, partim interpres, oper. et studio U. Putschii. Hanov. 1608*. Кроме того, изъ предисловія видно, что посланіе къ императору Слейданъ перевелъ и на французскій языкъ: «quae saeva fuit etiam, ut alteram ad Caesarem Gallica lingua perfecerim». Въ предисловіи къ латинскому изданію 1544 года говорится: *Scriptae sunt a me lingua Germanica orationes duae, quae prodierunt sub nomine Baptistae Laedeni, et prodierunt sub eo nomine, non tam mea quadam sponte, quam sic volentibus amicis, qui putabant meis rationibus ita convenire, quamdiu non essem in Germania, iisque locis haerere, in quibus argumentum hoc minus gratum est atque plausible. Я привожу здѣсь оба посланія въ сокращеніи, такъ какъ они характеризуютъ воззрѣнія и убѣжденія всей протестантской партіи, коей Слейданъ является только истолкователемъ; доводы, объясненія, доказательства, встречаемые въ обоихъ посланіяхъ, постоянно повторяются въ рѣчахъ протестантовъ на земскихъ собраніяхъ, въ официальныхъ актахъ, документахъ и другихъ современныхъ сочиненіяхъ.*

людей за искаженіе святыхъ, евангельскихъ истинъ; тогда же возникло новое ученіе, которое видимо проводится самимъ Богомъ, такъ какъ оно крѣпнеть постоянно и распространяется, не смотря на всѣ преслѣдованія; всякій разъ, какъ ты, въ союзѣ съ папою, намѣревался употребить силу для искорененія новаго ученія, тебѣ отвлекали отъ этого войны, и Всевышній направлялъ помыслы твои къ мирному соглашенію съ протестантами. Въ началѣ правленія своего ты былъ еще молодъ и не сознавалъ истинъ новаго ученія, ты руководился совѣтами враговъ Евангелія, которые тебя побудили издать эдиктъ 1521 года (государственная опала, произнесенная надъ Лютеромъ); но теперь, послѣ столькихъ неудачъ въ своихъ предпріятіяхъ, неужели ты не убѣдился еще въ правотѣ дѣла протестантовъ и въ томъ, что самъ Богъ имъ покровительствуетъ“?

Слейданъ уговариваетъ Карла закрыть инквизиціонный судъ въ Испаніи, имѣвшій еще значеніе при Фердинандѣ для искорененія тайныхъ Евреевъ и магометанъ, теперь же преслѣдующій только жаждущихъ истины и ищущихъ Христа; онъ уговариваетъ его прекратить преслѣдованія въ Нидерландахъ, такъ какъ онъ этими мѣрами только увеличиваетъ волненіе въ странѣ, произтекающее не вслѣдствіе новаго ученія, а именно вслѣдствіе издаваемыхъ указовъ.

„Государи поставлены самимъ Богомъ и по волѣ Его имѣютъ въ рукахъ высшій судъ и управленіе, но они должны помнить, что главнѣйшая ихъ обязанность состоитъ въ заботѣ о спасеніи душъ подданныхъ; они не должны пренебрегать волею народа въ дѣлахъ первой важности и выслушивать мнѣпіе, честно высказанное представителями его относительно дѣлъ, касающихся общаго спасенія; они не должны забывать, что Богъ разрушилъ уже многія царства за неповиновеніе Его святой волѣ и за упорство въ ложномъ исповѣданіи; они должны всѣми силами стараться угодить Всевышнему и поддерживать истину въ угоду Ему. Богъ сдѣлалъ тебя, Карлъ, сильнѣйшимъ изъ государей для того, чтобы ты водворилъ истину на землѣ, какъ нѣкогда онъ поставилъ Кира для возвращенія свободы Іудеямъ и для восстановленія Іерусалимскаго храма. Но для совершенія этого великаго дѣла необходимо разбить рабскія оковы, наложенныя папами на императоровъ, отказаться отъ подчиненія имъ и отъ унижительной, недостойной императоровъ присяги, вызванной силой отъ тебя и отъ твоихъ предшественниковъ“.

Затѣмъ Слейданъ дѣлаетъ краткій очеркъ постепеннаго возвышенія и услаженія папства, обращаетъ особенное вниманіе на извѣстное

постановленіе Лудовика Ваварскаго ¹⁾, ставившее избраніе императора въ полную независимость отъ папскаго утвержденія, и заканчиваетъ свое посланіе мольбою, чтобы Богъ направилъ помыслы Карла къ искорененію зла и порока, къ уничтоженію причинъ междоусобій, такъ долго волнующихъ Германію, и къ утвержденію всеобщаго мира и спокойствія въ Европѣ.

Въ посланіи къ князьямъ Слейданъ является поборникомъ политическихъ стремленій городовъ, въ особенности протестантскихъ, желавшихъ національной самостоятельности и независимости отъ папства въ высшемъ отношеніи, ослабленія княжеской власти внутри и объединенія Германіи съ императоромъ во главѣ.

„Многіе изъ васъ“, говоритъ Слейданъ,—„сознаютъ путь, которымъ можно было бы спасти Германію, но никто не принимается за дѣло энергично; главная помѣха къ возрожденію Германіи есть тѣсная связь ваша съ папою, съ злѣйшимъ врагомъ вашимъ, который причинилъ вамъ много зла, съ этимъ антихристомъ, котораго конецъ уже предвидѣтъ въ пророчествахъ Даниила. Вмѣсто того, чтобы единодушно дать ему отпоръ и отстоять общее дѣло, вы постоянно враждуете между собою, имѣя въ виду только свои личныя выгоды, а папа, между тѣмъ, поддерживая ваши распри, старается возжечь междоусобную войну, зная хорошо, что, разъединяя васъ, онъ приготовляетъ намъ гибель и спасаетъ тѣмъ свое удающаго значеніе и разлагающуюся власть“.

Слейданъ обращается затѣмъ къ духовнымъ князьямъ и увѣщаетъ ихъ не забывать своего высокаго назначенія, оставить земные помыслы свои и безграничное стремленіе къ приобрѣтеніямъ и обогащенію.

„Церковныя имущества, главный поводъ къ постояннымъ распрямъ между вами, вы употребляете не по назначенію, а для своей собственной пользы; съ тѣхъ поръ, какъ благодать Божія открыла намъ истину, вы обратили богатства церкви къ искорененію истиннаго ученія именно потому, что оно открыло ваши злоупотребленія; отсюда постоянныя междоусобія; одна война рождаетъ другую, что служитъ явнымъ доказательствомъ гнѣва Божьяго на насъ. Мы постоянно съѣзжаемъ на земскія собранія для обсужденія общихъ дѣлъ и для прекращенія споровъ, мы по нѣскольку разъ дѣлаемъ постановленія о томъ же самомъ вопросѣ, но совѣщанія наши ни къ чему не при-

¹⁾ На съѣздѣ курюрстовъ въ г. Ренне—на Рейнѣ, 16-го іюля 1338 года.

водить и служить только предметомъ насмѣшекъ сосѣдей; вмѣсто единодушнаго соединенія всѣхъ къ общему благу Германіи, у насъ образуется множество отдѣльныхъ союзовъ, вслѣдствіе разлада въ мнѣніяхъ и интересахъ. Во всей Европѣ, да и во всемъ известномъ мірѣ, нѣтъ такого политическаго устройства, какъ въ Германіи, гдѣ каждый князь, каждый городъ представляютъ самостоятельное государство, и гдѣ посему каждый имѣетъ въ виду только личный интересъ. Намъ угрожаетъ участь Греціи, которая была непобѣдима и сохранила свою побѣду, пока была единодушна; но лишь только разединилась, какъ подпала господству тиранновъ. Намъ данъ Богомъ императоръ, котораго вы, князья, должны поддерживать, и оставивъ личные разчеты и частныя соображенія, радѣть и заботиться вмѣстѣ съ нимъ о выгодѣ и благѣ цѣлой имперіи“.

Сравнивъ эти два посланія съ предисловіемъ Фроасарда 1537 года, мы можемъ видѣть, какое сильное впечатлѣніе произвело на Слейдана новое ученіе и близкое знакомство съ представителями его. Реформація отвлекла его отъ изученія права и приковала къ богословію; прежде онъ оцѣнивалъ науку съ точки зрѣнія практика-юриста, теперь онъ смотритъ на все съ точки зрѣнія богословской; тамъ, гдѣ онъ прежде видѣлъ дѣііи свободной воли человѣка, теперь онъ видитъ только исполненіе давно предсказаннаго въ Священномъ Писаніи и предопредѣленнаго Богомъ; вмѣсто равнодушнаго зрителя совершающихся предъ нимъ событій, мы встрѣчаемъ горячаго поборника интересовъ Германіи и политическаго ея возрожденія.

На этомъ богословскомъ воззрѣніи на міровыя событія и заканчивается, можно сказать, развитіе Слейдана; въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ повторяются тѣ же мысли и убѣжденія, которыя находятъ полное выраженіе свое въ послѣднемъ, предсмертномъ, его сочиненіи „О четырехъ монархіяхъ“—*De quatuor summis imperiis*.

Въ концѣ 1542 года, вѣроятно по исполненіи порученія, возложеннаго на него Шмалькальденскимъ союзомъ, и вслѣдствіе начавшейся новой войны между Карломъ и Францискомъ, Слейданъ переселился на жительство въ Страсбургъ, куда его уже и прежде, какъ мы видѣли, приглашалъ Іоаннъ Штурмъ¹⁾. Занималъ ли онъ здѣсь

¹⁾ Слейданъ выѣхалъ изъ Франціи въ сентябрѣ или октябрѣ 1542 года; къ такому заключенію приводитъ изученіе его комментариевъ, въ которыхъ мельчайшія подробности о событіяхъ въ Парижѣ и Франціи вообще прекращаются съ начала XV книги, то-есть, съ конца августа 1542 года.

должность преподавателя въ гимназій Штурма, какъ говорятъ одни біографы ¹⁾, или получалъ мѣсто въ магистратурѣ города, по мнѣнію другихъ ²⁾, — рѣшить трудно; достоверно только то, что Слейданъ продолжалъ и здѣсь свои литературныя занятія и собиралъ матеріалы для задуманныхъ имъ комментаріевъ.

Кружокъ, въ который онъ былъ введенъ другомъ своимъ Штурмомъ, всѣми любимымъ и уважаемымъ ректоромъ Страсбургской гимназіи, отнесся съ сочувствіемъ къ его предпріятію и оказывалъ ему всевозможное содѣйствіе. Слейданъ повзаконился и сблизился съ образованнѣйшими людьми города, въ особенности съ Яковомъ Штурмомъ фонъ-Штурмекъ, занимавшимъ важнѣйшія должности въ Страсбургѣ ³⁾, который въ теченіе 30 лѣтъ дѣйствовалъ на политическомъ поприщѣ ⁴⁾, участвовалъ отъ имени города Страсбурга въ 90 земскихъ собраніяхъ и другихъ сѣздахъ ⁵⁾ и заслужилъ во всей Германіи громкое имя по высокимъ качествамъ и образованію своему ⁶⁾.

Такой человекъ былъ болѣе другихъ въ состояніи помогать Слейдану необходимыми указаніями и совѣтами не только вслѣдствіе долгой опытности и участія въ важнѣйшихъ событіяхъ эпохи, но и вслѣдствіе своего высокаго положенія въ Страсбургской общинѣ. Яковъ Штурмъ, какъ говоритъ самъ Слейданъ, передъ смертію своею успѣлъ еще прочесть въ рукописи большую часть комментаріевъ и сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія и исправленія ⁷⁾.

Къ тому же Страсбургъ, по политическому вѣсу своему въ Германской имперіи, по значенію, прибрѣтенному въ великомъ умственномъ и религіозномъ переворотѣ эпохи, наконецъ, по выгодному географическому положенію, представлялъ всѣ удобства для занятій литературныхъ, въ особенности для собиранія матеріаловъ по современной исторіи, и способствовалъ, какъ нельзя болѣе, къ укрѣпле-

¹⁾ Schadaeus vita Sleidani — da er diese namhafte Schule durch seine Weisheit geziert, und die guten Künste sehr befördert.

²⁾ Paur — J. Sleidan's Commentare, pag. 18, примѣч. 18.

³⁾ Въ то время должность *Stadtmöister* — Schadaeus vita Sleidani. О Страсбургѣ и его городскомъ устройствѣ см. Strassburg im XVI Jahrhundert v. Rathgeber. Stuttgart, 1871.

⁴⁾ Dedicatio Sleidani.

⁵⁾ Comment. Sleid. XXV, 24, fol. 478; ac plane decus nobilitatis Germaniae propter eximias animi dotas et doctrinam insignem.

⁶⁾ Comment. Sleid. XXV, caput XXIV, изд. Schadaeus. Примѣч. издателя.

⁷⁾ Dedicatio Sleidani. Штурмъ умеръ 30-го октября 1558 года. Lib. XXV, 24, fol. 478.

нію Слейдана въ его религіозномъ направленіи. Расположенный на окраинѣ имперіи, на большихъ торговыхъ путяхъ, соединявшихъ Германію, Францію, Швейцарію, Англію, Италію, Страсбургъ естественнымъ образомъ слѣдѣлся однимъ изъ главнѣйшихъ центровъ торговли западной Европы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ умственного, религіознаго и политическаго броженія эпохи. Современники называли Страсбургъ Антиохіей новаго времени, а ревностные протестанты — новымъ Іерусалимомъ ¹⁾.

Странствующій ученый старался непрестанно побывать въ Страсбургѣ и завязать здѣсь знакомства и сношенія; преслѣдуемые за вѣру французскіе, нидерландскіе, англійскіе эмигранты искали въ Страсбургѣ убѣжища и пріюта и находили радушный пріемъ и покровительство ²⁾. Здѣсь образовалась въ 30-хъ годахъ XVI столѣтія многочисленная французская колонія, первымъ пастыремъ и церковнымъ организаторомъ которой былъ Кальвинъ, прожившій въ этомъ городѣ три года (съ 1538—1541 года) передъ вторичнымъ своимъ отправленіемъ въ Женеву ³⁾.

Во время пребыванія Слейдана въ Страсбургѣ, тамъ жили многіе замѣчательные передовые дѣятели эпохи, съ которыми Слейданъ, какъ видно по подробности и часто мелочности сообщаемыхъ о нихъ извѣстій въ комментаріяхъ, находился въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, кромѣ упомянутыхъ уже выше Іоанна Штурма и Якова Штурма фонъ-Штурмекъ, довольно долго прожили въ Страсбургѣ въ одно время со Слейданомъ Мартинъ Бударъ, Каспаръ Гедіонъ, Павелъ Фагіусъ, Петръ Вермилія и другія лица, игравшія столь видную роль въ реформаціонномъ движеніи и извѣстныя далеко за предѣлами родины ⁴⁾.

¹⁾ *Kampschulte*. J. Calvin, pag. 323, прим. 2 и 3.

²⁾ *Comment. Sleid.* XII, 7, fol. 197. *Comment.* XXV, 31, fol. 480.

³⁾ *Comment.* XII, 7, fol. 197. *Kampschulte*. J. Calvin, p. 320 et sq.

⁴⁾ М. Бударъ, призванный въ Англію архіепископомъ Крамеромъ, оставилъ Страсбургъ въ 1543 году, и жилъ здѣсь уже съ 1529 года. Онъ умеръ въ Кембриджѣ въ 1551 году. *Comment. Sleid.* VI, 43, fol. 108; XXI, 26, fol. 380; XXI, 29, fol. 414.—П. Фагіусъ вмѣстѣ съ Бударомъ отправился въ Англію. XXI, 26, fol. 338. *Sleid. Comm.*; въ томъ же году умеръ въ Кембриджѣ. *Sleid. Comm.* XXI, 42, fol. 396.—К. Гедіонъ, вмѣстѣ съ Бударомъ посланъ былъ въ Марбургъ на colloquium, въ 1529 году. *Sleid. Comm.* VI, 43, fol. 103. Онъ умеръ въ Страсбургѣ въ 1552 году. *Sleid. Comm.* XXIV, 42, fol. 464.—П. Мартиръ (Pietro Martur da Vermigli) Флорентинецъ, оставившій Италію вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій, поселился въ Страсбургъ въ 1542 году. Въ 1547 году онъ пере-

Такимъ образомъ Слейданъ нашелъ въ Страсбургѣ кружокъ дѣятелей, которые разнообразными связями своими съ передовыми людьми другихъ странъ, разказами о видѣнныхъ ими событіяхъ и часто сообщеніемъ подлинныхъ документовъ могли чрезвычайно много способствовать ему при собираніи матеріаловъ для комментаріевъ. Разлучаясь съ ними, онъ вступать съ ними въ переписку и ѣздить путемъ столь развитымъ въ тотъ вѣкъ за недостаткомъ газетъ и журналовъ, получалъ извѣстія о главнѣйшихъ событіяхъ съ разныхъ концовъ западной Европы. Такъ, положительно извѣстно, что Слейданъ находился въ перепискѣ съ кардиналомъ Іоанномъ дю-Белле, епископомъ Парижскимъ, Кальвиномъ, Мартиномъ Буцеромъ, Петромъ Вермильи (Pietro Martyr), Конрадомъ Пеутингеромъ, Лютеромъ, Меланхтономъ, Рожеромъ Ашамомъ ¹⁾ и друг.

Черезъ Страсбургскихъ друзей поддерживались и близкія отношенія Слейдана къ протестантскимъ князьямъ, членамъ Шмалькальденскаго союза, которые ужъ имѣли случай оцѣнить его дарованія и преданность реформаціонному дѣлу во время Гагенаускаго съѣзда и посольства въ Парижъ. Представителемъ этого союза, курфирсту Іоанну-Фридриху и ландграфу Филиппу Гессенскому, Слейданъ посвящалъ свой переводъ „Исторіи Людовика XI и Карла Бургундскаго“ Комина, на латинскій печатанный имъ въ Страсбургѣ въ самомъ началѣ 1545 года ²⁾. Къ переводу десяти книгъ Комина приложены объясненія къ тексту и описаніе Франціи—*illustratio rerum et Galliae descriptio* ³⁾ въ видѣ письма къ читателю (помѣчено 22-го февраля 1545 г.), затѣмъ въ началѣ книги посвященіе Іоанну Фридриху и ландграфу Филиппу ⁴⁾.

селялся, по приглашенію Краммера въ Оксфордъ, гдѣ преподавалъ богословіе; вѣсть съ нимъ переехалъ туда и другой Италіанецъ, знаменитый Бернардино Охино (Bernardinus Ochinus), Sleid. Comm. XIX, 41, fol. 353. Оба они оставили Англію въ 1553 году вслѣдствіе начавшейся реакціи; *ibid.* XXV, 31, fol. 475. II. Мартиръ возвратился въ Страсбургъ; *ibid.* XXVI, 35, fol. 512. Онъ умеръ въ Цюрихѣ въ 1562 году.

¹⁾ *Am-Ende* — vermischte Anmerkungen über den berühmten Geschichtschreiber J. Sleidan in *Schelhorn* — Ergötlichkeiten aus der Kirchenhistorie. T. II et III; см. Sleidan's Commentare von Th. Pauc. Rogeri Aschami Anglii epistolarum libri III. Hanoviae 1602.

²⁾ Philippi Cominacii de rebus gestis dudovici undecimi Galliarum regis et Caroli Burgundiae ducis commentarii, ex Gallica lingua facti latini a Sleidano; Frankfurt A.—M., 1578. Wechel.

³⁾ Ut planior sit et intellectu facilior quaedam paulo altius mihi repetenda sunt.

⁴⁾ Illustrissimis principibus Iohanni Frederico Saxoniae duci electori et Philippo landgravo Hessiae. Argentinae. Calendis Januariis a 1545.

Здѣсь Слейданъ хвалитъ въ особенности правдивость Колина и противопоставляетъ ему современныхъ себѣ историковъ, которые въ похвалѣ или порицаніи не знаютъ мѣры и пишутъ, или напѣрирки, или Филиппики ¹⁾; потому, прибавляетъ онъ, великую славу заслужилъ бы тотъ, кто представилъ бы истинное и правдивое повѣствованіе современныхъ событій ²⁾; на курфирстѣ и ландграфѣ лежитъ святая обязанность осуществить это предположеніе, снабдивъ желающаго приступить къ подобному труду необходимыми матеріалами — документами и актами.

Возлагаемая на курфирста и ландграфа, надежда въ поддержкѣ предполагаемаго труда встрѣтила, какъ съ ихъ стороны, такъ и со стороны всѣхъ протестантскихъ членовъ имперіи, полное сочувствіе. На земскомъ собраніи въ Вормсѣ, открытомъ въ мартѣ того же 1545 года ³⁾, протестанты постановили опредѣлить Слейдана вновь на службу къ Шмалькальденскому союзу въ качествѣ исторіографа, какъ это уже было сдѣлано однажды въ 1540 году, и поручить ему описаніе современныхъ политическихъ событій въ связи съ постепеннымъ развитіемъ и распространеніемъ новаго ученія ⁴⁾.

Приглашеніе это застало Слейдана, какъ можно заключить изъ его собственныхъ словъ ⁵⁾, вполне подготовленнымъ къ подобному труду; онъ тотчасъ же принялся приводить въ порядокъ собранный имъ матеріалъ и успѣлъ представить въ рукописи всю первую книгу своихъ комментарий, обнимающую событія съ конца 1517 года до половины 1519 года, еще не разѣхавшимся изъ Вормса протестантамъ, чрезъ посредство саксонскаго вице-канцлера Бурггарда и Иакова Штурма фонъ-Штурмекъ, своего друга и покровителя. Этотъ образчикъ историческаго изложенія Слейдана произвелъ на Шмалькальденцевъ благопріятное впечатлѣніе; они просили его еще настоятель-

¹⁾ *Nimis vel laudatione vel vituperatione modum omnem excedunt, sic ut Panegyricum aut Verrinam aliquam actionem videantur velle conscribere....*

²⁾ *Ab ipso statim primordio, diligenter et bona fide...*

³⁾ *Sleid. comment. XVI, 6, fol. 271.* Земское собраніе открыто 24-го марта 1545 года; императоръ прибылъ 15-го мая. *Ibid. cap. XI, fol. 276.* Собраніе было закрыто 4-го августа, *Ibid. cap. XX, fol. 279.*

⁴⁾ *Hortleder* — *Handlungen und Ausschreiben von Rechtmässigkeit des deutschen Krieges etc.* (Gotha 1645). Въздѣ за предисловіемъ помѣщена копія съ письма Слейдана къ ландграфу Филиппу Гессенскому отъ 15-го мая 1546 года изъ Страсбургга... *nich vor einem Jahr zum Dienet angenommen, nehulich, dass ich neben andern, die ganze Histori der erneuerten Religion beschreiben möge.*

⁵⁾ Посвященіе Августу Саксонскому въ изд. Шадеуса отъ 2. *Hortleder* 1.

нѣе продолжать начатый трудъ и общались, по просьбѣ его, доставить ему необходимые матеріалы ¹⁾. Здѣсь же въ Вормсѣ рѣшено было отправить отъ протестантскихъ князей посольство къ Французскому и Англійскому королямъ для посредничества къ мирному ихъ соглашенію, въ виду замѣтной готовности съ обѣихъ сторонъ вступить въ переговоры. Для этой цѣли князья избрали нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ и Слейдана, которому назначили вмѣстѣ съ Лудвигомъ фонъ-Вамбахомъ вести переговоры съ англійскими уполномоченными ²⁾.

Не достигнувъ цѣли посольства, Слейданъ съ товарищами возвратился въ Франкфуртъ въ началѣ 1546 года, гдѣ тогда былъ съѣздъ членовъ Шмалькальденскаго союза, совѣщавшихся о мѣрахъ къ собственной защитѣ, въ виду все болѣе усиливающихся слуховъ о предстоящей войнѣ императора противъ нихъ ³⁾. Здѣсь Слейданъ видѣлъ ландграфа Филиппа, вице-канцлера саксонскаго и другихъ своихъ покровителей и возобновилъ просьбу о доставленіи ему необходимыхъ документовъ, такъ какъ до тѣхъ поръ, не смотря на данное въ Вормсѣ обѣщаніе, ему еще ничего не было сообщено ⁴⁾. Но и эта вторичная просьба осталась безъ послѣдствій. Слейданъ, чрезъ нѣсколько времени ⁵⁾, писалъ ландграфу Гессенскому, прося его ходатайствовать за него по этому дѣлу предъ курфирстомъ саксонскимъ, въ архивахъ котораго, по всему вѣроятію, находилось большое количество документовъ, такъ какъ Фридрихъ Мудрый и его преемники принимали самое дѣятельное участіе въ главнѣйшихъ событіяхъ эпохи. Онъ изъявлялъ готовность пріѣхать къ ландграфу или курфирсту, въ случаѣ если его присутствіе сочтено будетъ необходимымъ для разбора архивнаго матеріала.

На ходатайство Филиппа Гессенскаго ⁶⁾, курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ отвѣчалъ ⁷⁾, что, по наведеннымъ справкамъ, въ его архивахъ оказалось весьма мало матеріаловъ, которыми могъ бы воспользоваться Слейданъ; что въ нихъ, напримѣръ, ничего не найдено касательно такихъ знаменательныхъ земскихъ собраній, какъ Вормское (1521 г.) и Шпейерское (1526 г.); что сохранились только какія-то записки о

¹⁾ Ibid.

²⁾ Sleid. Comment. XVI, 22, fol. 279. *Hortleder* l. c.

³⁾ Sleid. Comment. XVI, 29, fol. 284.

⁴⁾ *Hortleder* l. c.

⁵⁾ 15-го мая 1546 года, *ibid.*

⁶⁾ *Hortleder* l. c. Письмо отъ 21-го мая 1546 году.

⁷⁾ Письмо отъ 10-го іюня 1546 года, *ibid.*

Нюрнбергскомъ (1522 г.) и Аугсбургскомъ (1530 г.) земскихъ собраніяхъ, которыя и будутъ сообщены Слейдану, если онъ того пожелаетъ.

Начавшаяся вскорѣ послѣ того (осенью 1546 г.), Шмалькальденская война уничтожила послѣднія надежды Слейдана на поддержку предпринятаго имъ труда со стороны представителей протестантской партіи; плѣненіе курфирста Іоанна-Фридриха и ландграфа Филиппа, и подчиненіе остальныхъ протестантскихъ членовъ имперіи Карлу V прекратило существованіе Шмалькальденскаго союза и тѣмъ самымъ лишило Слейдана матеріальной помощи съ его стороны. Другъ и покровитель его Яковъ Штурмъ, вліяніемъ своимъ, доставилъ ему мѣсто при магистратурѣ города Страсбурга ¹⁾; такъ что Слейданъ поставленъ былъ въ возможность продолжать свои комментаріи, хотя, конечно, уже не могъ имѣть въ своемъ распоряженіи всю необходимую для него массу матеріаловъ и волею-неволею долженъ былъ ограничиваться Страсбургскимъ архивомъ, частными извѣстіями, памфлетами и разказами дѣйствующихъ лицъ, въ особенности дѣятельнаго Якова Штурма.

Печальныя для протестантовъ событія 1546 и 1547 годовъ, пораженіе Шмалькальденцевъ, плѣненіе ихъ предводителей, торжество императора и не скрываемое имъ желаніе возстановить католическую церковь, это тревожное время междоусобной войны, какъ говорить самъ Слейданъ ²⁾, замедлили продолженіе начатаго имъ труда, да и, вѣроятно, охладило въ немъ прежнее рвеніе къ составленію „Исторіи постепеннаго развитія и распространенія новаго ученія“ Онъ снова взялся за переводы съ французскаго языка на латинскій, пока измѣнившіяся обстоятельства не привлекли его чрезъ нѣсколько лѣтъ къ прежнимъ занятіямъ.

Въ 1548 году онъ напечаталъ въ Страсбургѣ переводъ на латинскій языкъ исторіи Филиппа Комина о Неаполитанскомъ походѣ Карла VIII ³⁾, затѣмъ переводъ сочиненія Сесселя (Claude de Seyssel)

¹⁾ Schadaeus vita Sleidani.

²⁾ Dedicatio Sleid. ed. Schadaeus pag. 2; erhub sich ein Krieg, welcher nicht allein alle andere Studia und gute Künste verhindert, sondern mir auch mein Vorhaben umgekehrt und verzogen hat.

³⁾ Philippi Cominai equitis de Carolo octavo, Galliarum rege, et bello Neapolitano commentarii. libri V, J. Sleidano interprete. Argent. 1548. Предисловіе помѣчено: Majo mane 1548. Часто перепечатано. Я пользовался изд. 1578. fol. Francf. A.—M: Tres gallicarum rerum scriptores nobilissimi: Philippus Cominæus, Froissardus, Clau-

„О французскомъ государствѣ и объ обязанностяхъ королей“¹⁾, и вакопсецъ „Сущность ученія Платона о государствѣ и законахъ“²⁾. Судя по этимъ сочиненіямъ, Слейданъ находился въ это время въ близкихъ отношеніяхъ къ англійскому правительству, такъ какъ переводъ Коинна посвященъ герцогу Сомерсету, регенту и протектору Англій во время малолѣтства Эдуарда VI³⁾, переводъ Сесселя посвященъ Эдуарду VI⁴⁾, а сочиненіе о Платонѣ — Пагету, совѣтнику короля Англійскаго⁵⁾, что, вѣроятно, и послужило поводомъ къ позднѣйшему извѣстію о неясн, которую будто бы получилъ Слейданъ отъ Англій⁶⁾.

Въ посвященіяхъ или предисловіяхъ къ этимъ тремъ сочиненіямъ Слейданъ не высказываетъ никакихъ новыхъ воззрѣній, оставаясь, какъ мы ужъ имѣли случай замѣтить, все на той же богословской точкѣ зрѣнія. Онъ хвалитъ Коинна за безпристрастіе и правдивость, Сесселя за наблюдательность и твердость убѣжденій⁷⁾; совѣтуетъ изучать Платона, въ которомъ воплотилась вся сила человѣческаго ума, еще не просвѣщеннаго откровеніемъ⁸⁾; соглашается съ Сесселемъ въ томъ, что монархи, хотя и не подчинены никакой власти на землѣ, не должны однако преступать предѣлы законности и насило-

dius Sessellius. За текстомъ Коинна слѣдуетъ послѣсловіе Слейдана — Sleidanus lectori... quae sunt in his commentariis obscuriora, paucis explicabimus.

¹⁾ Claudii Sessellii viri patricii de republica Galliae et regum officis; libri duo. Sleidano interprete. Предисловіе помѣчено мѣсяцемъ Junio a 1548. Adjecta est.

²⁾ Summa doctrine Platonis de republica et legibus. Предисловіе помѣчено мѣсяцемъ Junio 1548.

³⁾ Illustrissimo Principi, Eduardo, duci Somerseti, Comiti Herfordensi, Gubernatori et regnorum atque ditionum omnium Serenissimi Angliae regis, protectori, et ejusdem terra marique legato summo.

⁴⁾ Serenissimo principi Eduardo, ejus nominis Sexto, Angliae, Franciae et Hyberniae Regi.

⁵⁾ Magnifico et spectabili viro Pageto, serenissimi regis Angliae consiliario, equiti et primario, regiae domus oeconomio.

⁶⁾ Le Courayer въ предисловіи къ французскому переводу комментаріевъ Слейдана. 1767. la Haye.

⁷⁾ Quod eo tempore tantum et vidit et ausus fuit pronuciare.

⁸⁾ Plato, Dei quidem cognitionem non habuit, quae nobis ministerio spiritus atque verbi est demonstrata; sed tamen doctrina et ratiocinatione ad summum fastigium et ad metam pervenit, quam humana mens nulla possit excedere... Jam vero, quamquam Christi Philosophia nobis ad omnem vitae rationem producere debet, tamen quae sunt etiam apud ethnicos, morum atque civilis vitae praecipua, minime sunt aspernanda, cujusmodi sunt Platonis de republica et de legibus libri.

вать убѣжденіи и совѣсть своихъ подданныхъ ¹⁾, и увѣщавать вообще оставаться твердыми въ принятомъ новомъ ученіи, „ибо врагъ челоѣчества бодрствуетъ и измышляетъ разныя хитрости и козни, чтобы не утратить чего-либо изъ своей власти“ ²⁾.

Окончаніе Шмалькальденской войны, примиреніе, хотя только и вѣншнее, протестантской партіи съ императоромъ, наставшее спокойствіе, впрочемъ недолго продолжавшееся, дали возможность Слейдану обратиться съ прежнимъ рвеніемъ къ своему начатому труду—составленію исторіи прожитой имъ эпохи ³⁾. Къ половинѣ 1553 года имъ уже написаны были первые 15 книгъ комментарий, которыя другъ его Яковъ Штурмъ успѣлъ еще прочитать предъ смертью и сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя поправки ⁴⁾.

Одновременно съ этими занятіями Слейданъ былъ снова вызванъ городомъ Страсбургомъ на дипломатическую дѣятельность. Въ 1551 году оныя былъ посланъ отъ Страсбурга и нѣкоторыхъ другихъ имперскихъ городовъ южной Германіи (Швабіи) въ Тридентъ, для веденія переговоровъ, вмѣстѣ съ уполномоченными отъ Виртемберга и Саксоніи, съ членами собора объ условіяхъ допущенія къ преніямъ протестантскихъ богослововъ ⁵⁾. Здѣсь оставался оныя съ ноября (21-го числа) 1551 года до конца марта 1552 года, тщетно добиваясь, вмѣстѣ съ товарищами своими, официальной аудіенціи въ собраніи ⁶⁾.

¹⁾ Et sicut monarchae nullius imperium agnoscunt. ita quoque summam merentur laudem, quando legum vincula, quibus populum coercent, sibi etiam inducent ipsi; ...tribus autem vinculis complectitur religione, jurisdictione, politica.

²⁾ Tumultuatur enim humani generis hostis, et omnes artes atque machinas excogitat, ut nequid suae ditionis amittat.

³⁾ Dedicatio Sleid. ed. Schadaens, pag. 3, es fiel bald eine jämmerliche Zeit ein. Jedoch und alsobald ich mich von denselbigen hindernissen mögen aussreissen, und sonderlich diese 3 nächst verlaufene Jahre her, hab ich allen möglichen fleis und arbeit daran gewendt und nicht eher nachgelassen bis ich zu gewünschtem Ende kommen. Помѣчено: 23-го марта 1555 года.

⁴⁾ Ibid... auf mein Bitt den mehrentheil dieses Buches vor seiner Krankheit, daran er gestorben, überlesen, und mich in denen dingen da es von nöthen gewesen treulich underricht. Примѣч. Шадеусъ къ этому яству. Штурмъ умеръ 30-го октября 1553 года. — Comment. Sleid. XXV, 24, fol. 478. Octobris die penultima, Jacobus Sturmus... e vita decedit Argentorati, cum ex febrī quartana per tempus bimestro decubisset.

⁵⁾ Comment. Sleid XXIII, 9, fol. 426.

⁶⁾ Изъ Тридента Слейданъ съѣзжалъ, въ первой половинѣ февраля 1552 года, съ однимъ изъ саксонскихъ уполномоченныхъ на два недѣли въ Италію и доѣзжалъ до Венеціи. Comment. XXIII, 24, fol. 436 bis. См. также объ этомъ путе-

Возвратясь домой, онъ вскорѣ снова былъ посланъ съ двумя другими лицами (май 1552) въ Цабернъ (неподалеку отъ Страсбурга), гдѣ стоялъ лагерь король Французскій Генрихъ II, занявшій тогда всю Лотарингію и приближавшійся уже къ Страсбургу, для переговоровъ о болѣе умѣренныхъ требованіяхъ относительно снабженія войска провіантомъ ¹⁾).

Но съ 1552 года Слейданъ, по собственнымъ словамъ его ²⁾, опять занялся исключительно своими комментаріями и весной 1555 года ³⁾ окончилъ 25-ю книгу, доведя событія до конца февраля 1555 года. Право на изданіе комментаріевъ, какъ на латинскомъ языкѣ, такъ и въ нѣмецкомъ переводѣ, Слейданъ уступилъ Страсбургской типографской фирмѣ „Рихель“ (Wendelinus Rihelius), за которую привилегія эта была утверждена императоромъ Карломъ V и подтверждена Фердинандомъ I, Максимилианомъ II, Рудольфомъ II ⁴⁾.

Трудъ Слейдана произвелъ на современное общество, какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, весьма большое впечатлѣніе и раскупался такъ быстро, что самъ авторъ въ томъ же 1555 году приготавливалъ въ печатанію четыре изданія, изъ которыхъ второе, имъ нѣсколько исправленное въ отношеніи слога, послужило основаніемъ позднѣйшихъ лучшихъ изданій ⁵⁾. Этотъ успѣхъ комментаріевъ былъ причиною, что уже при жизни Слейдана, безъ вѣдома и разрѣшенія его и издателя Рихеля, появился нѣмецкій переводъ, латинская перепечатка и сокращеніе комментаріевъ съ большими ошибками, искажающими смыслъ, что побудило Слейдана присоединить къ послѣдующимъ изданіямъ Рихеля предостереженіе читателю ⁶⁾.

шестымъ письмомъ Слейдана (отъ 28-го февраля 1552 года) къ другу своему Ашаму— Rogeri Aschami familiarium epistol. libri tres. Hanov. 1602. Сарпи (Historia del Concilio Tridentino edit. Firenze 1858) описываетъ это время въ IV-й книгѣ своей «Исторіи Тридентскаго собора». Разногласіи между нимъ и Слейданомъ являть; изложеніе послѣдняго значительно короче, такъ какъ авторъ имѣетъ въ виду одни нѣмецкіе интересы; относительно Германіи Слейданъ служитъ главнымъ источникомъ для Сарпи въ этомъ мѣстѣ также, какъ и во всемъ сочиненіи.

¹⁾ Comment. Sleid. XXIV, 10, fol. 449.

²⁾ См. примѣч. 1 на стр. 41.

³⁾ Dedicatio помѣчена 23-го марта 1555 г.

⁴⁾ Шадеусъ въ предисловіи къ своему изданію и продолженію.

⁵⁾ Объ изданіяхъ Слейдана см. Cas. Sagittarius—introducio in hist. eccl. ed. 1718. Paur, Joh. Sleidan's Commentare. Лучшее и послѣднее доселѣ изданіе есть Am-Ende, Frank. A.-M. 1783/86. Съ 1555 г. до 1786 г. было всего около 80-ти изданій.

⁶⁾ Author lectori; печаталось въ большей части изданій, съ 1556 года начи-

Весьма естественно, что въ такое время разлада партій и религиозныхъ воззрѣній, трудъ Слейдана встрѣченъ былъ не съ одинаковымъ повсюду сочувствіемъ. Тотчасъ же по появленіи книги, на автора посыпались упреки въ невѣрномъ и пристрастномъ изложеніи, въ преднамѣренномъ упущеніи важныхъ документовъ, въ искаженіи фактовъ и т. п., упреки, не заслуживающіе особеннаго вниманія по несправедливости и мелочности своей¹⁾. Въ защиту отъ подобныхъ пристрастныхъ нападокъ, въ особенности со стороны католиковъ, чувствовавшихъ себя разоблаченными спокойнымъ и документальнымъ разказомъ автора, Слейданъ написалъ извѣстную апологію, которая и печаталась съ тѣхъ поръ во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ вмѣстѣ съ 26-ю книгою, написанною Слейданомъ передъ самою смертію и переданною друзьямъ въ рукописи.

Всворѣ за первымъ изданіемъ уже начали появляться съ католической стороны цѣлыя сочиненія въ опроверженіе комментарий; сочиненія эти съ исторической точки зрѣнія не имѣютъ никакой цѣны, такъ какъ въ нихъ, кромѣ брани, клеветы, одностороннихъ, бездоказательныхъ нападокъ и повторенія извѣстныхъ всѣмъ католическихъ аргументовъ, нѣтъ ничего самостоятельнаго и поучительнаго²⁾. Таковы были, напримѣръ, сочиненія Фонтэна³⁾, Геннена⁴⁾, Сурія⁵⁾ и въ

наз. Не дозволенная перепечатка, впрочемъ, продолжалась и послѣ того, иногда съ нѣкоторыми измѣненіями въ текстъ и пропусками, дѣлаемыми издателями въ угоду католическимъ читателямъ; такъ, напримѣръ, любопытна слѣдующая поправка: Слейданъ пишетъ Comment. XIII, 18, fol. 222: *Tecelius inter alia docebat, se tantam habere potestatem a pontifice, ut etiam si quis Virginem Matrem vitiasset et gravidam fecisset, condonare crimen ipse posset, interventu pecunie;* подальшимъ изданіи пишутъ *Virginem aut matrem*.

¹⁾ См. объ этомъ—Schadaeus vita Sleidani въ изданіи комментарий; Hortleder—Handlungen und Ausschreiben von Rechtmässigkeit d. deutschen Krieges etc. Gotha, 1845, въ предисловіи.

²⁾ Объ этихъ опроверженіяхъ см. Schadaeus—vita Sleidani и Pauc J. Sleidanis Commentare.

³⁾ Fontaine—Histoire catholique de notre temps, touchant l'estat de la religion chretienne, contre l'histoire de Jean Sleydan. Anvers, 1558. Переведено было на латинскій и италіанскій языки.

⁴⁾ Epitome Warhafftiger Beschreibung der vornembsten Händel, so sich in Geistlichen und Weltlichen Sachen, v. Jahr unseres Herrn 1500 bis in das Jahr 1559 zugetragen und verlossen haben etc. mit Anzeigung, wie oft und vil Sleidaus mehr aus Neigung des Affekts, dan liebe der Wahrheit, etliche Dyng beschriben hat. Cöln. 1549. Gannep.

⁵⁾ Commentarius brevis rerum in orbe gestarum ab anno salutis 1500 usque in annum 1574. per L. Surium Carthusianum. Colon. 1602.

XVII столѣтіи сочиненіе іезуита Мембурга ¹⁾, вызвавшее въ опроверженіе знаменитый трудъ Секендорфа—*Commentarius de Lutheranism*o Francf. 1692.

Отпечатавъ первыя 25 книгъ, Слейданъ продолжалъ свою хроникѣ, и умирая, оставилъ друзьямъ своимъ въ рукописи 26-ю книгу, въ которой повѣствованіе доведено до сентября 1556 года ²⁾.

Одновременно съ составленіемъ комментаріевъ, Слейданъ работалъ послѣдніе годы своей жизни надъ другимъ сочиненіемъ, которое, не менѣе главнаго его труда, прославило его имя у современниковъ и потомства. Сочиненіе это — руководство ко всеобщей исторіи подъ заглавіемъ *De quatuor summis Imperiis*, написанное имъ для учащагося юношества, представляетъ полное и ясное выраженіе не только міросозерцанія самаго Слейдана, но и всей современной ему протестантской партіи, въ особенности педагогическаго протестантскаго міра ³⁾. Слейданъ проводитъ здѣсь мысль, что главнѣйшій историческій источникъ для христіанъ составляетъ Священное Писаніе, которое повѣствуетъ намъ о происхожденіи рода человѣческаго, представляетъ намъ примѣры милосердія и гнѣва Божьяго, открываетъ намъ волю и предначертанія Всевышняго, такъ какъ все, что происходитъ нынѣ и произойдетъ въ будущемъ, предвидѣно и предсказано задолго впередъ ⁴⁾. Сообразно съ этимъ основнымъ взглядомъ на развитіе человѣческаго общества, Слейданъ группируетъ факты древней и новой исторіи, излагая сперва исторію царства Вавилонскаго и Персидскаго, затѣмъ Греціи, Римской республики и имперіи, продолженіемъ которой представляетъ священную имперію Германской націи. Съ христіанскихъ временъ изложеніе дѣлается полнѣе и обстоя-

¹⁾ *Histoire du Lutheranisme* par S. Maimbourg. Paris, 1680.

²⁾ Онъ умеръ 31-го октября 1556 г. *Continuatio Sleidani*—Schadaeus подъ 1556 г. I tom., 1 lib. Съ 1558 года всѣ изданія имѣютъ уже 26-ю книгу и апологию.

³⁾ *De quatuor summis imperiis*—первое изд. Bihel. Argent. 1556. Выписки помѣщены у *Putschius*—Sleid. opuscula, Hanov. 1608. До 1676 года было всего 55 изданій. См. *Wachler*—Geschichte der Historischen Forschung und Kunst. Göttin. 1812. I, p. 222. Также *Rau*—Sleidani's Commentare, pag. 46. Сочиненіе Слейдана посвящено Эбергарду герцогу Вюртембергскому.

⁴⁾ *Apud nos quidem qui Christi nomen profiteremur, primum in eo genere locum sibi vindicant Biblica scripta, quae et originem tradunt humani generis et Dei voluntatem ostendunt, et misericordiae simul ac irae divinae plurima nobis documenta subministrant. Ab iis proxime cognosci debet, quidquid de reliquis gentibus memoriae proditum est, nihil enim propemodum evenire possit, cujus non extet, et jam olim aliqua proposita sit causa.*

телиѣ, при чемъ авторъ почти вовсе не останавливается на политическихъ событіяхъ, обращая вниманіе исключительно на вопросы церковные. Здѣсь приводятся декреты, послужившіе основаніемъ папскаго могущества, повѣствуется о постепенномъ увеличеніи папской власти, о хитростяхъ и козняхъ, употребленныхъ Римомъ для подчиненія себѣ императоровъ, о постоянно возникавшей и убиваемой папствомъ оппозиціи, пока наконецъ послѣдняя, при вступленіи на престолъ Карла V, не одержала верхъ и не просвѣтила человечества истиннымъ ученіемъ. Затѣмъ авторъ описываетъ печальное положеніе нѣкогда могущественной Германской имперіи, теперь разединенной и слабой, изчисляетъ понесенныя имперіей территоріальныя утраты и повторляетъ вообще мысли, уже однажды (въ 1542 г.) имъ высказанныя въ двухъ посланіяхъ — къ императору и имперскимъ князьямъ, о которыхъ мы говорили выше. Въ заключеніе авторъ даетъ обстоятельное объясненіе сновидѣнія Навуходоносора, на которомъ основана была въ то время вся теорія о четырехъ міровыхъ монархіяхъ, и опираясь на пророчества Даніила, предсказываетъ, что злѣйшіе враги — иана (антихристъ) и Турокъ — будутъ терзати родъ человеческій до вторичнаго пришествія Спасителя, Утѣшителя всѣхъ притѣвляемыхъ и вѣрующихъ.

В. Вауеръ.

БОРЬБА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КІЕВСКАГО СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ ІОАННОМЪ ЦИМИСХІЕМЪ.

(Посвящается П. Ч. Мельникову).

Въ 1843 году изданъ трудъ А. Д. Черткова „Описание войны великаго князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ отъ 967 по 971-й годъ“¹⁾; трудъ это весьма почтенный, ибо покойный Чертковъ возбудилъ своими примѣчаніями весьма сильное сомнѣніе въ правдивости греческихъ историковъ, или лучше сказать, лѣтописцевъ-риторовъ. Въ иныхъ мѣстахъ онъ пытался, и болшею частію весьма удачно, сопоставить греческое лѣтописное сказаніе съ нашею лѣтописью. Другой нашъ ученый, А. Ф. Гильфердингъ, также нигдѣ ужъ покойный, въ своей „Исторіи Болгаръ (Полное Собраніе Сочиненій, т. I. 1868 года), кажется, первый воспользовался трудомъ Черткова и представилъ походъ Святослава совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ онъ является у Карамзина и С. М. Соловьева. Но Чертковъ не сдѣлалъ въ своемъ трудѣ опредѣленнаго и положительнаго вывода, а Гильфердингъ коснулся похода Святослава мимоходомъ, какъ-бы вскользь, хотя и представилъ, съ своей стороны, весьма важныя соображенія, значительно уяснившія дѣло. Мы беремъ смѣлость, такъ-сказать, продолжить дѣло А. Гильфердинга и сдѣлать обстоятельное сопоставленіе павѣстій греческихъ лѣтописцевъ, Льва Діакона и Кадрина, съ нашею лѣтописью. Читатель увидитъ, гдѣ, вслѣдствіе нашихъ соображеній, мы отступили отъ мнѣній Гильфердинга и пришли, какъ полагаемъ, къ болѣе опредѣленнымъ выводамъ. Греческими лѣтописцами мы пользовались въ переводѣ Д. Попова („Исторія Льва Діакона Калойскаго“, С.-Пб. 1820) и А. Д. Черткова, сравнивая его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ подлинникомъ¹⁾.

¹⁾ При этомъ мы позволимъ себѣ замѣтить, что, если труды такихъ ученыхъ, какъ Чертковъ и Гильфердингъ, дѣлятся только немногими специали-

Походъ Святослава собственно въ Болгарію и двукратное завоеваніе ея Святославомъ весьма удовлетворительно и обстоятельно разказаны Гильфердингомъ; но нельзя то же самое сказать о борьбѣ Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ,—поэтому на нее то мы и обращаемъ вниманіе читателя въ настоящей статьѣ.

Совершенно справедливо говорить Чертковъ, что „разказъ о Болгарской войнѣ у Византійцевъ, въ отношеніи къ исторической критикѣ, есть то же, что описаніе Пуническихъ войнъ у Римлянъ. Ни Руссы, ни Кароагеняне не оставили намъ собственныхъ своихъ повѣствованій, по которымъ мы могли бы провѣрить то, что передали намъ враги ихъ. Поэтому и малѣйшій намекъ въ нашихъ лѣтописяхъ

стами, то для публики они, и даже результаты ихъ, пропадаютъ почти даромъ, благодаря тому обстоятельству, что журнальная литература, а за нею и учебная, совершенно игнорируетъ ихъ или относится къ нимъ съ страннымъ предубѣжденіемъ. Нагляднымъ примѣромъ этому служить вопросъ объ Іоаннѣ Гусѣ. Р. Новиковъ въ своемъ изслѣдованіи «Гусъ и Лютеръ», Гильфердингъ въ своей статьѣ объ Іоаннѣ Гусѣ (Заря 1869 года) представили нѣкими осязательными доказательствами близости ученія Гуса къ восточному православію: указано было на путешествіе Іеронима, Гусова друга, въ Псковъ и Витебскъ, приведены были подлинныя слова приговора Костницкаго собора о томъ, что Іеронимъ отдавалъ предпочтеніе восточному православію передъ римскимъ католицизмомъ, указано было, что Гусъ защищалъ еще прежде и Іеронима и царство Славянъ отъ нападокъ одного Вѣнскаго богослова; мало того, указаны были сношенія одного изъ любимыхъ учениковъ Гуса съ Константинопольскою церковью, и приведена грамота Константинопольскаго духовенства, призывавшая ученіе Гуса православнымъ, — и что же? Не вѣсто здѣсь слѣдить за истинно, съ которою журналы наши напали на этотъ неотразимый фактъ! Даже не постарались разобратъ въ чемъ дѣло! Привыкнувъ съ дѣтства считать Гуса послѣдователемъ Виллема, не хотѣли и выкинуть, что было общаго между Гусомъ и Виллеомъ, и въ чемъ они расходились. Это, кажется, зависѣло отчасти и отъ того, что съ собственнымъ непосредственнымъ ученіемъ Гуса смѣшали ученіе таборитовъ, которое было даже отъ ученія Гуса, чѣмъ ученіе анабаптистовъ отъ ученія Лютера! Не разобравъ дѣла, одинъ изъ нашихъ журналовъ, не задумываясь, навальнулъ мѣлодьями или идиотами людей, распространившихъ мнѣніе, что Гусово ученіе было возвращеніе къ восточному православію. Мы приведемъ примѣры крупный и рѣзкій: въ мѣнѣ крупныхъ примѣрахъ отношеніе къ вопросамъ, которые ставить не только русская, но и славянская наука,—такое же, то-есть, отличается невѣжественною нетерпимостію. Этой то невѣжественной нетерпимости и слѣдуетъ приписать, что многія основательныя и глубокія замѣчанія писателей, извѣстныхъ подъ именемъ славяноисловъ, пропадаютъ даромъ для нашей науки и просвѣщенія: вмѣсто того, чтобы разобратъ дѣло научно-спокойно и отдѣлать то, что въ этихъ мнѣніяхъ носить печать увлеченія, въ нихъ накладываются съ какими-то дикими остревененіемъ.

о Болгарской войнѣ долженъ бытъ для насъ драгоцененъ, если онъ сообразенъ съ общимъ ходомъ дѣлъ и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились обѣ сражавшіяся стороны". Но не смотря на это вѣрное положеніе, Чертковъ не могъ прійти къ положительнымъ результатамъ, ибо самъ себѣ поставилъ преграду, сказавъ, что „Несторъ описываетъ весьма кратко нападеніе Руссовъ на Болгарію и войну съ Греками и молчитъ о неудачахъ". Эта недовѣрчивость къ правдивости русской лѣтописи помѣшала Черткову глубже взглянуть на дѣло и лишила его трудъ законченности. Можно въ чемъ угодно упрекать наши лѣтописи — въ сухости, въ краткости; но нѣтъ никакого повода сказать, чтобы наши древнѣйшія лѣтописи утаивали *неудачи* изъ ложнаго патриотизма. Развѣ молчатъ наши лѣтописи о пораженіяхъ, которыя Русскіе терпѣли со стороны Половцевъ и Татаръ? Развѣ умолчено пораженіе Игоря Святославича Сѣверскаго? О немъ не только не умолчали, но оно вдохновило пѣвца о полку Игоревомъ. Отъ чего же бы лѣтопись умолчала о неудачахъ Святослава Игоревича? Отъ чего-бы она выказала ложный патриотизмъ относительно событій такого отдаленнаго времени? Въ лѣтописи — явный пропускъ, и пропускъ этотъ начинается послѣ словъ: „възя же и дары многи и възвратися въ Переяславѣцъ съ похвалою великою" до словъ „видѣвъ же мало дружины" и проч., — однимъ словомъ, пропущена вся борьба Святослава съ Цимисіемъ въ Болгаріи. Но отъ чего зависѣлъ этотъ пропускъ? Это могло зависѣть отъ многихъ причинъ, совершенно случайныхъ; кто знаетъ, въ какомъ видѣ переходили древнѣйшіе списки, до насъ не дошедшіе? А вѣроятноже, этотъ пропускъ зависѣлъ и отъ неполноты источниковъ, дошедшихъ до нашего лѣтописца. Извѣстія же отчасти доходили до него и въ видѣ изустныхъ преданій, и въ героическихъ пѣсняхъ; въ изложеніи его встрѣчаются и запутанность, и пропуски; но въ общемъ оно правдиво, какъ постараемся мы убѣдить читателя, ибо вполне „сообразно съ общимъ ходомъ дѣлъ и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились обѣ сражавшіяся стороны".

По свидѣтельству Льва Діакона, Іоаннь Цимисій, съ самаго вступленія своего на престолъ, былъ весьма озабоченъ дѣлами Болгаріи, гдѣ утвердился Святославъ. Іоаннь отправилъ къ Святославу посольство съ предложеніемъ оставить Болгарію и съ обѣщаніемъ выдать плату, которую назначилъ уже покойный императоръ Никифоръ. Естественно было Цимисію желать отдѣлаться отъ Святослава мирнымъ образомъ, ибо въ то время, когда Руссы и союз-

ники ихъ Печенѣги и Мадьяры не разъ переходили Балканы и страшно опустошали Фракію, гдѣ городъ Филиппополь былъ почти скрытъ до основанія,— въ Азію дѣла принимали серіозный оборотъ, и обнаруживались попытки свергнуть Іоанна съ престола. Зналъ ли Святославъ о затруднительномъ положеніи своего врага, или просто по обыкновенной своей самоувѣренности, только, по свидѣтельству того же Льва Діакона, онъ требовалъ громадной суммы и выкупа завоеванныхъ городовъ, совѣтуя Грекамъ, въ случаѣ неисполненія его требованія, оставить Европу и переселиться въ Азію. Іоаннъ Цимисхій отправилъ къ Святославу другое посольство. На этотъ разъ Іоаннъ велѣлъ напомнить о несчастномъ походѣ Игоря и пригрозить Святославу, что онъ вступить въ Болгарію со всѣми силами имперіи. Святославъ отвѣчалъ, что не зачѣмъ беспокоиться императору, скоро онъ самъ раскинетъ свои палатки передъ воротами Царьграда ¹⁾. Этотъ отвѣтъ совпадаетъ со словами нашей лѣтописи: „и посла къ Грекомъ глаголя: „Хощю на вы ити, и взяти городъ вашъ, яко и сѣи“, то-есть, Переяславль Дунайскій. О переговорахъ же и нашъ лѣтописецъ говоритъ въ такой формѣ: Греки хотѣли узнать число и враговъ и прибѣгли къ хитрости, столь обыкновенной въ сношеніяхъ ихъ съ варварами. „И ркоша Гръци: „Мы недужи противу вамъ стати; но возьми дань на насъ и на дружину свою, и повѣжьте ны колько насъ, да вдамы по числу на головы“. Се же ркоша Гръци лстгаче подъ Русью: суть бо Гръци мудри и до сего дни. И рече имъ Святославъ: „Есть насъ 20 тысящъ“. И прече 10 тысящъ: бѣ бо Руск 10 тысящъ толко. И пристронша Гръци 100 тысящъ на Святослава и не даша дани“.

Это мѣсто, безъ сомнѣнія, относится къ переговорамъ, о которыхъ говорятъ греческіе лѣтописцы, и о которыхъ мы сейчасъ сказали. Это мѣсто, столь вѣрно изображающее и характеръ Грековъ, и простодушіе Руссовъ, дышетъ правдивостію. Подъ наивною его формою можно, не говоря о согласіи съ греческими лѣтописцами, и по другимъ признакамъ открыть историческую достовѣрность фактовъ: во-первыхъ, Цимисхій выгодно было узнать количество войска, предложъ же къ тому открывался прекрасный — дѣло шло, какъ видно изо

¹⁾ На сей разъ дары не были взяты; но весьма странно, что грозный крикъ нашихъ лѣтописей, Шлецерь, сердится за разказъ лѣтописца о дарахъ, называя оный «безразсуднымъ хвастовствомъ и глупою сказкою». Кроме Льва Діакона, и другіе источники подтверждаютъ эти сказки.

Льва Діакона, объ уплатѣ дани, обѣщанной Никифоромъ, а извѣстно, по прежнимъ договорамъ, что дань бралась на каждого воина; восторыхъ, когда Святославъ потребовалъ огромной суммы, а войска, даже и съ прибавленіемъ, показалъ только двадцать тысячъ, то понятно, что Цимискій не далъ дани и сталъ готовиться къ войнѣ. Видя неудачу переговоровъ и получивъ надменный отвѣтъ Святослава, Іоаннъ Цимискій началъ готовиться къ войнѣ, и намѣревался самъ принять участіе въ оной, составилъ особенный отрядъ лейб-гвардіи изъ избранныхъ воиновъ, подъ именемъ бессмертныхъ. Но обстоятельства, а именно—тайныя крамолы, удерживали его въ Константинополѣ, и потому онъ приказалъ выступить Вардѣ Склиру, своему шурину и храбрѣйшему изъ полководцевъ его, вмѣстѣ съ патриціемъ Петромъ. Вардѣ Склиру и Петру удалось разбить передовой отрядъ Скивовъ, по всей вѣроятности—Печенѣговъ или Мадьяръ, союзниковъ Руси (Русь же византійскіе лѣтописцы называютъ, или собственнымъ именемъ, или Тавроскиами). Эта незначительная удача такъ ободрила Грековъ, что Іоаннъ отдалъ приказаніе Вардѣ провести зиму въ Болгаріи.

Затѣмъ главная битва произошла недалеко отъ Адрианополя. Посмотримъ, какъ объ этой битвѣ разказываютъ греческіе лѣтописцы, и какъ разказываетъ наша лѣтопись.

Левъ Діаконъ говоритъ, что войско Святослава состояло изъ 30.000, а войско Варды Склира изъ 10.000 человекъ. Варда раздѣлилъ свое войско на три отряда: съ однимъ выступилъ противъ непріятеля, а двумя другимъ велѣлъ скрыться въ горахъ и лѣсахъ и напасть на врага, когда будетъ поданъ къ тому знакъ. Въ то время, когда успѣхъ битвы былъ еще сомнителенъ, и счастье ласкало попеременно обѣ стороны, Варда Склиръ приказалъ играть на трубахъ и бить въ литавры. По сему условленному знаку оба отряда, находившіеся въ засадѣ, выступили и зашли Скивамъ въ тылъ. Испуганные Скивы оставили поле сраженія. У Грековъ было убито 55 человекъ, а Скивы потеряли 20 тысячъ человекъ.

У Кедрина дѣло разказано слѣде: -

Воинство варваровъ, говоритъ онъ, раздѣлилось на три части: первая состояла изъ Болгаръ и Руссовъ, вторая изъ Турокъ (Маджаръ) и третья изъ Печенѣговъ. Іоаннъ Аланасъ случайно встрѣтился съ тою, которую составляли Печенѣги, вступилъ съ ними въ сраженіе и началъ медленно отступать. Печенѣги были окружены и разбиты. Затѣмъ отражена была Греками конница, состоявшая изъ

Турокъ (Маджаръ), которая отступила къ пѣхотѣ, состоявшей, безъ сомнѣнія, изъ Руссовъ. *Долю сраженіе продолжалось съ равнымъ успѣхомъ съ обѣихъ сторонъ.*

За этимъ многознаменательнымъ мѣстомъ слѣдуетъ довольно хвастливый разказъ о томъ, какъ Варда Склиръ разсѣкъ на двое какого-то скинскаго вождя, а патрицій Константинъ отсѣкъ голову коня у другого Скива. Эти богатырскіе подвиги навели страхъ на Скивовъ, они бѣжали и были преслѣдуемы до ночи.

Всматриваясь внимательно въ разказъ и Льва Діакона, и Кедрина, ясно видно, что оба они говорятъ только о битвахъ съ конницею и что одинъ изъ нихъ, Левъ Діаконъ, совсѣмъ умалчиваетъ о битвѣ съ пѣхотой, а другой, Кедринъ, говоритъ о столкновеніи съ пѣхотою вскользь, довольно глухо. Изъ его словъ можно только понять, что тутъ-то, при столкновеніи съ пѣхотой, и произошла главная, упорная битва. То-есть, говоря о столкновеніи съ конницею, они говорятъ только объ удачныхъ дѣлахъ Грсковъ, а что Маджары, напримѣръ, потерѣли большое пораженіе — это доказывается тѣмъ, что о нихъ въ эту войну болѣе не упоминается. Сраженіе же съ пѣхотою было неудачно, что и доказывается слѣдующими распоряженіями: „Такимъ образомъ копчилось сраженіе“, говоритъ Левъ Діаконъ; „императоръ Іоаннъ приказалъ азіатскимъ войскамъ *поскорѣе переправиться черезъ Геллеспонтъ* изъ Азіи въ Европу, зимовать на поляхъ еракійскихъ и македонскихъ, и ожидая весеннего времени, ежедневно упражняться въ ученіи, чтобы не сдѣлаться къ военнымъ подвигамъ неспособными и въ битвахъ не уступать въ храбрости неприятелю“. Хотя далѣе Левъ Діаконъ говоритъ, что императоръ обѣщала на слѣдующую весну лично прибыть къ войску и всѣми силами имперіи вести войну съ Скивами, но до весны было еще далеко; зачѣмъ же такая торопливость, съ которою отдано было войскамъ приказаніе скорѣе переправляться черезъ Геллеспонтъ? Что означаютъ эти слова: упражненіями довести войска до такой степени, дабы они не уступали неприятелю въ храбрости? Передъ битвой Іоаннъ Цимискій отдалъ приказаніе Вардѣ Склиру идти на зимовку въ Болгарію; зачѣмъ же *послѣ блистательной победы* походъ въ Болгарію откладывается до весны?

Всѣ эти распоряженія сдѣланы были Іоанномъ Цимискіемъ до полученія извѣстія о возстаніи сына Льва Куропалата, явившагося мстителемъ за смерть дяди своего, императора Никифора. „Правосудіе“, говорилъ Варда Фока, сынъ Куропалата, „нарекло меня мсти-

телемъ за кровь родныхъ, чтобъ я съ седмерицею вознаградилъ губителя знаменитаго и воинственнаго рода". Въ Азіи обазалось много людей, приверженныхъ къ памяти убитаго императора Никифора. Мы говоримъ это къ тому, что посылка въ Азію Варды Склира можетъ казаться особеннымъ знакомъ довѣрія къ военнымъ способностямъ этого полководца и какъ-бы доказательствомъ его побѣды надъ Руссами.

Но, вопервыхъ, удобно ли было самому Іоанну Цимисію отправиться въ Азію, въ среду раздраженныхъ людей, гдѣ со стороны приверженцевъ убитаго имъ императора Никифора могли ожидать его ядъ или вишжалъ? При такихъ обстоятельствахъ личное присутствіе въ Азіи императора Іоанна могло только усилить раздраженіе, чего онъ болѣе всего опасался, какъ видно изъ его распоряженій. Іоаннъ Цимисій не отличался кротостію и добротою, какъ видно изъ кроваваго умерщвленія императора Никифора, а между тѣмъ, вопреки своему личному характеру и византійскому обычаю, онъ отдалъ своему полководцу такого рода приказаніе: „не осквернять земли, если можно, и если не будетъ крайней необходимости, не осквернять кровію гражданъ; но склонять на свою сторону приверженцевъ главною возмущенія общинами почестей, раздачею денегъ и утѣреніемъ въ совершеномъ прощеніи". Онъ вручилъ Вардѣ Склиру грамоты съ золотыми царственными печатями, въ грамотахъ писаны были чины, и Варда Склиръ уполномоченъ былъ давать эти грамоты тѣмъ, которые оставятъ узурпатора и перейдутъ на службу своего государя". Итакъ, мы видимъ, что по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ самъ Іоаннъ не могъ туда отправиться и послалъ Варду Склира, какъ своего родственника, судьба котораго тѣсно была связана съ судьбою Цимисія, слѣдовательно, на Варду Склира послѣдній могъ положиться. Вотъ-рыхъ, Іоаннъ Цимисій долженъ былъ опасаться и за спокойствіе столицы, гдѣ его присутствіе было необходимо. Втретыхъ, какъ полководецъ, Іоаннъ былъ выше Варды Склира, и пожалуй самъ отправился бы въ Азію; но въ Азіи требовались въ данную минуту не столько военные дарованія, сколько умѣнье утишить страсти.

Гильфердингъ по поводу вышеприведенныхъ разказовъ замѣчаетъ, что ужъ одно повязаніе о числѣ убитыхъ съ той и другой стороны (именно, что Греки потеряли 25 или 55 человекъ, а Руссы 20.000), указываетъ, что побѣда есть только хвостовство Грековъ. Онъ думаетъ, что побѣда была ничья; можетъ-быть, поэтому и дары Цимисія, посланные Святославу, онъ относитъ ко времени до Адриано-

польской битвы. И то, и другое предположеніе не основательно: побѣда, какъ увидимъ сейчасъ, была на сторонѣ Руссовъ, а о дарахъ въ лѣтописи, передъ битвою съ Греками, прямо сказано „и не даша данн“.

Тешерь посмотримъ, какъ эту битву описываетъ наша лѣтопись:

„И поиде Святославъ на Грѣки и изыдоша противъ Руси. Видѣвъ же Русь и убоишася зѣло множества вои. И рече Святославъ: „Уже намъ нѣкамо ся дѣти и волею и неволею стати противу: да не посрамимъ земли Русскіе, но ляжема костью ту и мертвыи бо сорома не имаеть; аще ле побѣгнемъ, то срамъ намъ, и не имамъ убѣгнути; но станемъ крѣпко, ажъ же передъ вами пойду. Аще моя глава ляжетъ, тоже промыслите о себѣ“. И рекоша вои: „Идеже глава твоя ляжетъ, ту и главы наши сложимъ“. И исполчипася Русь, и Грѣци противу и сразистася полки, и остуниша Грѣци Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и Грѣци побѣгоша. И поиде Святославъ воюя къ городу и другия города разбивая, иже стоятъ пусты и до днешняго дни“.

Что разказъ этотъ отнѣсится къ Адрианопольской битвѣ, это видно изъ слѣдующихъ соображеній: во первыхъ, изъ словъ лѣтописи и „поиде Святославъ воюя къ городу и другия города разбивая“. Какіе же другіе города разоралъ Святославъ послѣ Доростольскихъ битвъ? „И поиде къ городу“, значить, пошелъ къ Царьграду или къ Адрианополю; во вторыхъ, за описаніемъ этой битвы слѣдуетъ извѣстный разказъ о дарахъ; третьихъ, изъ словъ „взя же и дары многи и възвратися въ Переяславѣцъ съ похвалою великою“. Въ этихъ словахъ прежде всего видно различіе съ вышеприведеннымъ мѣстомъ: „поиде воюя къ городу“, здѣсь прямо говорится о возвращеніи въ Переяславецъ, но полученіи даровъ.

Чертковъ сопоставляетъ рѣчь Святослава „уже намъ нѣкамо ся дѣти“ съ рѣчью приводимую Львомъ Діакономъ, которую будто бы говорилъ Святославъ передъ шестою (четвертою) Доростольскою битвою. Дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ рѣчей есть сходство; такъ, у Льва Діакона Святославъ, между прочимъ, говоритъ: „Мы не выжили спастися бѣгствомъ въ отечество, но возвращаться побѣдителями или умирать со славою, совершивъ подвиги, достойны храбрыхъ людей“. Мы не будемъ останавливаться вмѣстѣ съ Чертковымъ на реторикѣ Льва Діакона и сравнивать ее съ простотою нашей лѣтописи, ибо для насъ важно нѣчто другое. Въ рѣчи, которую лѣтописецъ влагааетъ въ уста Святослава, явно дѣло идетъ о битвѣ съ открытымъ полемъ, о битвѣ, въ которой Руссы были окружены

врагами. Передъ Доростоломъ онъ не могъ сказать: „*тъкамо ся дѣти*“, ибо, въ случаѣ неудачи, всегда могъ укрыться въ стѣнахъ Доростола — не могъ сказать передъ Доростоломъ: „*и не имаю убъинути*“. Последнія слова ясно относятся къ мѣсту отдаленному, къ такому мѣсту, близъ котораго не было пристанища. И въ самомъ дѣлѣ, изъ-подъ Адрианополя куда могла убѣжать Русь? Здѣсь бѣгство могло погубить ихъ окончательно.

Побѣда Святослава при Адрианополѣ, кромя вышеприведенныхъ распоряженій Іоанна Цимискія, доказывается и единогласнымъ свидѣтельствомъ нашей лѣтописи и византійскихъ источниковъ о раззореніи греческихъ городовъ послѣ этой битвы. Разница въ томъ, что греческіе источники приписываютъ опустошеніе Македоніи магистру Іоанну, смѣнившему Варду, человѣку чрезмѣрно лѣнивому и пьяному. Не будемъ оспаривать такой репутаціи у магистра Іоанна, хотя и удивительно, что пьяницу и лѣвтяя назначили на такой постъ, гдѣ требовалась неутюжимая дѣятельность. Мы предложимъ такой вопросъ: могли ли Руссы такъ скоро оправиться, еслибъ они были разбиты, чтобы снова, сейчасъ же опустошить Македонію? Не забудемъ, что союзники Святослава, Печенѣги и Мадыяры, дѣйствительно потерпѣли сильное пораженіе, а самъ Святославъ былъ далеко отъ родины? „Когда Свѣны узнали объ отправленіи Варды Скелвра изъ Евроны въ Азію, какъ я выше о семъ сказалъ, то начали опять сильно разорять римскія области; нечаянными своими набѣгами они опустошили и ограбили Македонію. Въ это время начальство надъ войскомъ вѣрено было магистру Іоанну, человѣку преданному пьянству, лѣности и неспособному къ военнымъ предпріятіямъ. Вслѣдствіе этого предпримчивость и самонадѣянность Руссовъ достигла высочайшей степени. Императоръ, выведенный изъ терпѣнія ихъ наглою дерзостію и очевиднымъ къ нему презрѣніемъ, рѣшился собрать всѣ силы для отраженія непріятеля и, для предохраненія себя, посредствомъ битвы, отъ угрожавшей опасности“ и пр.

Еслибъ при Адрианополѣ побѣда осталась на сторонѣ Грековъ, еслибъ Руссы были разбиты, то какимъ образомъ, вслѣдствіе переимѣненія начальниковъ, — ибо войска, сражавшіяся подъ Адрианополемъ, остались въ Европѣ, — являлась угрожавшая императору и имперіи опасность? И отъ кого же? Отъ врага, разбитаго на голову! Противъ этого врага понадобилось собрать всѣ силы имперіи! Не забудемъ, что передъ Адрианопольскою битвой отдано было приказаніе Вардѣ вымовать въ Волгаріи; но что послѣ Адрианопольской битвы велѣно

было войскамъ изъ Азіи немедленно переправляться въ Европу! Все это подтверждаетъ слова нашей лѣтописи, что *одолю Святославъ и Грѣци побѣдоша*. Точно также подтверждаются и объясняются и дальнѣйшія слова лѣтописи: „и поиде Святославъ воюа къ городу и другія города разбивая, иже стоятъ пусты и до днешняго дни“. Вѣрность нашего лѣтописнаго извѣстія подтверждается и тѣмъ, что „битва съ Греками и разореніе городовъ“ слѣдуетъ за извѣстіемъ о вторичномъ покореніи Болгаріи Святославомъ, что согласно и съ греческими извѣстіями, и съ ходомъ дѣлъ.

I.

Походъ Іоанна Цимисхія въ Болгарію ¹⁾.

Императоръ, собравъ всѣ сухопутныя силы имперіи, приказалъ друнгарию морскихъ силъ не только чинить старыя корабли, но и строить новыя. Громадныя приготовленія Цимисхія лучше всего служатъ доказательствомъ, какъ велика была опасность, которая грозила имперіи со стороны Святослава.

Итакъ, весной 971 года Цимисхій выступилъ въ походъ и сосредоточилъ сухопутныя свои силы въ Адрианополь, а флотъ отправилъ къ берегамъ Истра, чтобы преградить Руссамъ отступление. Распоряженіе это показываетъ, что императоръ рѣшился истребить врага въ конецъ.

Въ Адрианополь императоръ узналъ, что клизуры (*κλεισούρας, cli-suras, quod quasi clausi sunt*), то-есть, ущелья, ведущія въ Балканы, не заняты. Іоаннъ Цимисхій былъ очень удивленъ безопасностію врага. Онъ созвалъ военачальниковъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой убѣждалъ поскорѣе занять ущелья; на эту рѣчь вмѣсто отвѣта послѣдовало глубокое молчаніе, ибо слова императора показались военачальникамъ дерзкими и безразсудными. Іоаннъ Цимисхій снова началъ убѣждать воспользоваться оплошностію врага, и чтобы ободрить вождей и вонновъ, рѣшился самъ выступить впередъ со своими безсмертными. Вопреки общему ожиданію, греческое войско

¹⁾ Между византійскими лѣтописцами, говоритъ Гильеердингъ, есть нѣкоторое разногласіе въ хронологіи. Одни относятъ походъ Іоанна Цимисхія ко второму году его царствованія, къ 971, другіе—къ 972. Вопросъ этотъ рѣшить трудно, хотя было бы важно знать, какъ скоро Греки могли оправиться послѣ побѣды. Но такъ какъ Адрианопольская битва несомнѣнно была въ 970 году, то мы принимаемъ 971. годъ для похода въ Болгарію.

благополучно миновало клязуръ, и выйдя изъ тѣсницъ, остановилось на холмѣ, укрѣпленномъ самою природою: это возвышеніе съ двухъ сторонъ было окружено рѣкою.

По поводу этого безпрепятственнаго перехода Іоанна Цимисіа черезъ Балканы, Гильфердингъ спрашиваетъ: „Куда дѣвалась передовая рать Святослава? Была ли она отрѣзана Цимисіемъ и осталась въ сторонѣ, или бѣжала и не остановилась въ клязурахъ? Была ли тутъ какая живѣна?“ Собр. соч. А. Гильфердинга, (т. I, стр. 150). Мы думаемъ, что всѣ эти предположенія излишни, ибо у Византійцевъ нѣтъ и намека о передовой дружинѣ. Еслибъ она на сей разъ была разбита, то объ этомъ случаѣ не преминули бы протрубить византійскіе лѣтописцы. Вѣрнѣе предположеніе Чертковъ, что Святославъ былъ усиленъ ласкательствами со стороны Цимисіа и не принялъ никакихъ мѣръ къ защитѣ клязуръ. А что ласкательства были, на это указываютъ дары, присланные Святославу послѣ Адрианопольской бѣтвы, какъ замѣтили мы выше. Страхъ же греческихъ вождей и чрезвычайныя мѣры предосторожности, принятыя Іоанномъ Цимисіемъ, по выходѣ изъ клязуръ, лучше всего опровергаютъ хвастливые рассказы византійскихъ лѣтописцевъ. Этотъ страхъ не показываетъ недавнихъ побѣдителей, но даетъ полное свидѣтельство въ пользу извѣстія нашей лѣтописи, что Греки подъ Адрианополемъ были разбиты. Съ другой стороны, оставленіе клязуръ не занятыми свидѣлствуетъ о побѣдѣ Святослава; ибо эта безпечность — безпечность побѣдителя, который не ожидалъ нападенія. И можно ли предположить, говорить Чертковъ, чтобы Руссы не заняли этого единственнаго пути въ Болгарію, еслибъ ожидали нападенія Грековъ? Конечно, самъ Святославъ со всѣми своими войсками встрѣтилъ бы Цимисіа у входа въ тѣснины и поразилъ бы его тамъ, гдѣ Греки всегда терпѣли пораженіе отъ Болгаръ (Походъ Игоря Святославича, стр. 51).

На другой день, по выходѣ изъ клязуръ, Іоаннъ Цимисій двинулъ густыми фалангами свои войска къ Переяславию Балканскому. Звукъ трубъ, бой въ тимпаны и кимвалы, стукъ оружія во всѣхъ окрестностяхъ, возвѣщавшіе приближеніе греческаго войска, привели въ странное изумленіе Тавроскиновъ. Но Тавроскиномъ быстро оправились отъ изумленія, и закрывшись своими щитками и длинными до самыхъ ногъ щитами, выстроились передъ городомъ въ боевой порядокъ. Сначала бой длился съ равнымъ для обѣихъ сторонъ успѣхомъ; но атака безсмертныхъ сломила ряды Тавроскиновъ, ко-

торые отступили въ городъ. Руссы, запершись въ Переяславль, защищались отчаянно, и только ночь прекратила сраженіе. На другой день Греки, ободряемые самимъ императоромъ, послѣ отчаянныхъ усилій, взяли приступомъ городъ. Руссы отступили во дворець и отбиваясь съ большимъ успѣхомъ, навели на Грековъ такой ужасъ, что, по словамъ Кедрина, воины отказались идти на приступъ: тогда самъ императоръ, съ оружіемъ въ рукахъ, пошелъ впереди своихъ воиновъ. Воины бросились за нимъ; но и это усиліе ни къ чему не повело. Тогда Іоаннъ Цимисій приказалъ зажечь дворець. Руссы вышли изъ горящаго зданія и снова начали бой: ни одинъ изъ нихъ не подавался назадъ, большая часть легла на мѣстѣ; но Сфенкаль, вожь Руссовъ, съ небольшимъ отрядомъ пробился сквозь густыя греческія фалаги.

О числѣ Руссовъ въ Переяславль, Чертковъ дѣлаетъ слѣдующія остроумныя замѣчанія: „Кедринъ говоритъ, что 8.000 Руссовъ заняли царскій домъ и защищались въ немъ до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ преданъ пламени. Мы знаемъ, что болгарскіе владыки имѣли дома въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ; но эти деревянныя пріюты царей X вѣка, посившихъ овчинныя тулупы, могли ли быть больше домиковъ нашихъ степныхъ помѣщиковъ? И теперь всѣ дома, даже турецкихъ нашей, въ Болгаріи, ничто другое, какъ малороссійскія плетенныя хаты, обмазанныя снаружы глиною; что же было за десять вѣковъ прежде и при всегдашнемъ систематическомъ раззореніи дунайскихъ странъ Византіяцами?“ Далѣе Чертковъ заключаетъ, что и самое роковое число 8.000, не доказываетъ ли, что оно поставлено на угадъ; ибо 8.000 непріятелей выходятъ изъ Преславы, 8.000 убито въ первый день, 8.000 затворилось въ царскомъ дворцѣ, и всѣ эти 8.000 убиты во второй день!

Точно также Чертковъ остроумно опровергаетъ извѣстіе Кедрина, что Святославъ приходилъ на помощь къ Переяславу Балканскому: „Игль ли время Святославъ, стоявшій въ Доростолѣ, прійти на помощь къ Преславѣ Балканской и расположить свой станъ у осажденнаго города? Неужели Шлецерь, приводящій эту выписку, не замѣтилъ всей нелѣпости разказа?“

Но кто таковъ былъ Сфенкаль? Очень вѣроятно, что это былъ Свѣнелдъ, ибо имя его является въ первый разъ въ лѣтописи подъ 945 годомъ: за нѣсколько лѣтъ онъ могъ сдѣлаться воеводою, въ послѣдній же разъ имя Свѣнелда упоминается въ 977 году. Карамзинъ говоритъ, что имя Свѣнелда только въ новѣйшихъ спискахъ

встрѣчается подъ 914 годомъ; но К. Н. Вестужевъ-Гюминъ думаетъ, что тутъ только не у мѣста вставлено имя Свѣнельда и что оно должно быть отнесено ниже, къ 945 году.

Переименовавъ Переславу Іоаннополемъ и оставивъ въ этомъ городѣ гарнизонъ, Іоаннъ Цимискій двинулся къ Доростолу; на пути ему сдались Плискува, Динейя (Πλισκουβαν και Δινειαν) и другіе города, отложившіеся отъ власти Святослава. Это отложеніе вызвано было жестокими мѣрами Святослава. Левъ Діаконъ разказываетъ, что онъ казнилъ 300 знатѣйшихъ Болгаръ. Гильфердингъ предполагаетъ, что между Болгарами открытъ былъ какой-нибудь заговоръ. Узнавъ о приближеніи Іоанна Цимискія, Святославъ ни мало не смутился, и выступивъ изъ Доростола, послалъ передовой отрядъ Скиновъ, вѣроятно, Печенѣговъ, для развѣдыванія. Этотъ отрядъ, по словамъ Кедрина, былъ разбитъ Греками; но Левъ Діаконъ говоритъ, должно быть, о другой стычкѣ съ передовымъ отрядомъ Руссовъ: „Между тѣмъ какъ императоръ медленно подвигался впередъ, храбрѣйшіе изъ Руссовъ расположились въ скрытномъ мѣстѣ, и сдѣлавъ нападеніе на передовой отрядъ Римлянъ (такъ продолжали называть себя Византійцы), разбили его на голову. Императоръ, подойдя съ своею арміею къ этому пункту, приказалъ пѣхотному отряду осмотрѣть окружные лѣса и овраги. Во время этой рекогносцировки захвачено было нѣсколько Руссовъ, скрипавшихся въ означенныхъ оврагахъ и лѣсахъ. Іоаннъ Цимискій приказалъ ихъ немедленно умертвить“.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Доростола Іоаннъ Цимискій и его войска увидѣли Руссовъ, построившихся въ боевой порядокъ. Ихъ сомкнутый строй „казался стѣною изъ щитовъ и копій“; къ Руссамъ примкнулъ и возвратившійся передовой отрядъ Скиновъ (ἀνωθέντες ὁμοίως οἱ Σκῆβαι τῷ Σφενδολάβῳ καὶ τοῦτον ἐκείνῳ ἀναστῆσαντες, т.е. есть, Скиномъ были загнаны къ Святославу и поэтому поставлены въ боевой порядокъ съ остальнымъ его войскомъ; см. Кедрина). Но какъ построены были боевой порядокъ Римлянъ (Византійцевъ) въ этомъ сраженіи, это дополню трудно понять по описанію греческихъ летописцевъ. Выходитъ такъ, что императоръ поставилъ *по обѣимъ крыламъ* конницу, а *сзади* пращниковъ и стрѣльцовъ изъ лука, которымъ велѣлъ стрѣлять непрерывно. Вотъ въ подлинникѣ это мѣсто: Ρωμῆϊος δὲ κατὰ μέτακον ἀντιτάξας ο βασιλεὺς, καὶ τοὺς πανοδηροὺς ἰκποτας, κατὰ θάτερων κίρας παραστηζόμενος, τοὺς τε τοῦότας καὶ σφενδονητάς ἐξόπισθεν ἐπίστησας καὶ θαμίνα βαλλειν ἐγκειλευσάμενος ἐπέηγε τὴν φαλαγγα (Patrologiae cursus completus. Patrologiae graecae t. CXVIII,

Leo Diaconus, lib. VIII, p. 862). Какимъ образомъ, стоя позади, стрѣлки изъ лука и пращники могли стрѣлать непрерывно черезъ свою конницу? Вопреки буквальному смыслу словъ *κατά* ватеровъ *κέρας*, нельзя ли перевести ихъ не *по обоимъ флангамъ*, а *вдоль фронта*, а слова *καί βασιῶνα βάλλειν ἐγκελευσάμενος* не *приказалъ стрѣлать непрерывно*, а *приказалъ выстрѣлить вдругъ*, то-есть, когда будетъ приказано? Тогда было-бъ яснѣе, что конница стояла впереди, а пѣхота сзади, тѣмъ болѣе, что послѣдняя не принимала участія въ дѣлѣ. Слово ватеровъ не попало ли сюда случайно?

Впрочемъ сущность дѣла отъ этого не измѣняется: „Войска сошлись“, говоритъ Левъ Діаконъ, „и началась упорная, жесточайшая битва, которая долго оставалась въ совершенномъ равновѣснѣ“. Дѣвнадцать разъ, по свидѣтельству Кедрина, возобновлялась битва въ продолженіе дня. Вечеромъ императоръ собралъ всю свою конницу, приказалъ сдѣлать нападеніе, и какъ говоритъ Кедринъ, самъ первый бросилъ копьё. Руссы, увидѣвъ, что нельзя взять верхъ отважнымъ нападеніемъ, разсыпались по равнинѣ, и конечно, этимъ маневромъ дѣло бы не кончилось, если бы ночь не прекратила битвы и не заставила Руссовъ вступить въ Доростоль. Такъ кончилась первая битва подъ Доростоломъ.

Что послѣднее движеніе Руссовъ было простымъ маневромъ, это мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: вопервыхъ, у Славянъ этотъ маневръ былъ обыкновеннымъ, они были большіе мастера сражаться разсыпнымъ строемъ и часто, обратившись въ дритворное бѣгство, заманивали непріятеля въ засаду; во вторыхъ, въ продолженіе дня и то, и другое войско не разъ обращалось въ бѣгство, но битва не прекращалась; втретьихъ, изъ описанія Льва Діакона и Кедрина видно, что дѣло было къ ночи, и что сраженіе само собою должно было прекратиться, и на этотъ разъ маневръ Руссовъ далъ историкамъ возможность обратить проигранное Греками сраженіе, по случаю ночи, въ полную ихъ побѣду; вчетвертыхъ, это видно особенно изъ словъ Кедрина: *μόλις οἱ Ρως ἀπειρήκότες πρὸς τοὺς κιδόνους ἀκοσμη φυγῆ πρὸς τὸ πεδίον ἐκίβησαν*, то-есть, едва Руссы примѣтили опасность, какъ въ беспорядочномъ бѣгствѣ разсѣялись по равнинѣ. Не явно ли это значить, что Руссы не сочли нужнымъ продолжать сраженіе далѣе? Опасность же состояла въ томъ, что имъ хотѣли съ тылу отрывать отступленіе.

Распоряженія Іоанна Цимискія на другой день послѣ перваго сраженія опять-таки не доказываютъ, что Греки были побѣдителями; всѣ

эти распоряженія напротивъ показываютъ, что Іоаннъ Цимисій предвидѣлъ продолжительную и упорную борьбу. „Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, императоръ приказалъ обнести свой станъ крѣпкимъ валомъ. Передъ Доростоломъ находилась возвышенность, и на ней былъ разбитъ римскій станъ. Вокругъ этой возвышенности, по приказанію Іоанна, вырытъ былъ глубокій ровъ; землю, извлеченную изъ рва, насыпали на край его, въ видѣ вала, на вершинѣ котораго водрузили колья и на нихъ повѣсили щиты, то-есть, ровъ, валъ и щиты, на немъ утвержденные, составили вмѣстѣ ограду, не позволявшію неприятелямъ вторгаться въ римскій станъ. Такъ точно наши воины укрѣпляли всегда свои лагери въ неприятельскихъ земляхъ“ (Левъ Діакопъ по переводу Черткова, стр. 82). Все показываетъ величайшее опасеніе и отсутствіе надежды на скорую побѣду, и слова, прибавленныя Львомъ Діакономъ: „такъ точно наши воины укрѣпляли свои лагери въ неприятельскихъ земляхъ“, служатъ какъ-бы оправданіемъ этихъ чрезвычайныхъ предосторожностей. Но для кого прибавлены эти слова? Всѣмъ извѣстно, повторимъ мы, что предосторожность—дѣло великое на войнѣ; но зачѣмъ же, послѣ побѣды, послѣ страшнаго пораженія врага, бѣжавшаго безъ оглядки въ стѣны Доростола, потерявшаго множество воиновъ, обращать свой лагерь въ крѣпость? Лагерь стоялъ на возвышенности; по этому казалось мало,—его окапываютъ рвомъ и защищаютъ валомъ, который прикрываютъ щитами! Положимъ, что Римляне всегда такъ укрѣпляли свой лагерь, вступая въ неприятельскую землю; но здѣсь ровъ и валъ были бы не нужны, если бы дѣйствительно Руссы потерпѣли пораженіе. Тѣмъ болѣе были бы не нужны эти оборонительныя мѣры, что Волгарское населеніе, по свидѣтельству греческихъ лѣтописцевъ, стояло за Грековъ, и что императоръ съ часу на часъ ожидалъ появленія своего флота съ огневергающими триремами. Но императоръ ждалъ упорной, продолжительной борьбы и опасался пораженія. Свидѣствуетъ ли все это о побѣдѣ?

Укрѣпивъ свой станъ, императоръ повелъ свои войска на приступъ, но потерпѣлъ неудачу. Эта неудача явно уменьшена у Льва Діакона; вотъ что онъ говоритъ: „Скиѣи бросали на Римлянъ съ башенъ стрѣлы, камни и все, чѣмъ могли имъ вредить. Наши защищались только стрѣлами, пращами, и то снизу. Этою перестрѣлкой окончилось сраженіе! Римляне отступили въ свой станъ, для поддержанія себя нищю“. Не видно, чтобы битва продолжалась долго, и чтобы византійскіе войска были очень утомлены; поэтому то и удивив-

тѣдно, что такъ скоро понадобилось Римлянамъ „подкрѣпить себя пищею“.

Вечеромъ того же дня появился изъ Доростола отрядъ конныхъ воиновъ, который Левъ Діаконъ называетъ Скивами, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ удивленіе, что Скивы появились въ первый разъ на коняхъ. Дѣло идетъ, конечно, о Тавроскивахъ, то-есть, Руссахъ, которые всегда сражались пѣшіе. Въ то же время на Истрѣъ показался греческій флотъ съ огнеизвергающими триремами. Руссы знали, по преданію объ Игорѣ, дѣйствіе этихъ огнеизвергающихъ триремъ и потому причалили свои ладьи къ городскимъ стѣнамъ. Эту стычку Чертковъ называетъ второю битвою.

На другой день послѣ прибытія флота, Руссы, покрытые бронями и кольчугами, съ длинными до самыхъ ногъ щитами, выступили изъ города. Битва, по свидѣтельству Льва Діакона, долго оставалась сомнительною, и только пораженные смертію Сфенкела, Скивы стали отступать къ городскимъ воротамъ. Тогда императоръ и своимъ войскамъ отдалъ приказъ отступать. Кедричъ же говоритъ, что, не смотря на смерть Сфенкела, Руссы всю ночь и весь слѣдующій день оставались на мѣстѣ битвы! По Кедрину видно, что Руссы отступали, увидя, что имъ заходятъ въ тылы! Эта была уже третья битва.

Смерть Сфенкела, то-есть, Свѣнельда,—явный вымыселъ; но Льву Діакону нужно было чѣмъ-нибудь убѣдить читателей въ поражениі Руссовъ. Несомнѣнно, что третья битва кончилась ничѣмъ. До какой степени преувеличенія доходятъ греческіе лѣтописцы, видно на каждомъ шагу; Кедричъ, наиримѣръ, говоритъ, что Святославъ приказалъ заключить съ *оковами* 20.000 Болгаръ.

Сраженіе, которое Чертковъ называетъ четвертымъ, правильнѣе было бы назвать, простою вылазкою. Руссы, по свидѣтельству Льва Діакона, много терпѣли отъ кампе-метательныхъ орудій и рѣшились ихъ сжечь. Въ этой вылазкѣ убиты начальникъ стражи, охранявшей означенныя орудія, родственникъ императора Іоаннъ Куркуасъ, котораго Руссы приняли было за самого Цимискія.

Левъ Діаконъ ничего не говоритъ о преслѣдованіи Руссовъ; Кедричъ же говоритъ, что Римляне прогнали Руссовъ въ городъ. Но разумѣется, Руссамъ, сжигши машины, ничего болѣе не оставалось дѣлать, и они удалились въ городъ. Вотъ была бы побѣда со стороны Грековъ, если бы Руссамъ отрѣзали отступление, тѣмъ болѣе что и такъ-называемое четвертое сраженіе, подобно второму, было

незначительною спибкою вслѣдствіе вылазки. По нашему мѣннію, было только *четыре* большія сраженія: *первое, третіе, пятое и шестое*.

Пятая битва (по нашему третья), произошла на другой день послѣ гибели Куркуаса. Руссы, одушевленные, по словамъ Льва Діакона, удачною вылазкою, на другой день послѣ нея выступили изъ Доростола, подъ предводительствомъ какого-то Икмора (лица едва-ли не баснословнаго). Левъ Діаконъ называетъ Икмора первымъ послѣ Святослава начальникомъ; но если бы такое лицо существовало, то лѣтописцы наши не забыли бы его. Одинъ изъ тѣлохранителей Цимисхія, по имени Анемасъ, отрубилъ Икмору голову вмѣстѣ съ правою рукою. Левъ Діаконъ говоритъ, что смерть Икмора вызвала крики въ обонхъ ополченіяхъ, и что Римляне удвоили усилія и сдѣлали натискъ, котораго будто бы Руссы не выдержали. Пораженные смертію своего начальника, Руссы, по его словамъ, закинувъ щиты за спину, возвратились въ городъ. Изъ этихъ словъ видно только, что Руссы спокойно отступили въ городъ. Кедринъ же разказываетъ, что Руссы бѣжали и что самъ Святославъ едва не попался въ плѣнъ, что и случилось бы, если бы почъ не прекратила сраженія. Въ этихъ немногихъ словахъ два большія противорѣчія: во-первыхъ, самъ же Кедринъ, согласенъ съ Львомъ Діакономъ, говоритъ, что Руссами въ этотъ день начальствовалъ Икморъ, слѣдовательно, Святослава не было, что подтверждается и молчаніемъ объ этомъ обстоятельствѣ Льва Діакона; а во-вторыхъ, изъ словъ самого же Кедрина видно, что Руссы стояли до ночи, что опровергаетъ его разказъ о бѣгствѣ ихъ съ поля сраженія. Эта битва была, какъ видно, одною изъ самыхъ упорныхъ. Кедринъ говоритъ, что Римляне между трупами убитыхъ наши женщины, которыя въ мужскомъ одѣяніи сражались столь же храбро, какъ и мужья ихъ. Большія потери подтверждаются и ночью тривною, которую описываетъ Левъ Діаконъ: „Ночью, при появленіи полной луны, непріатели вышли изъ города на поле сраженія, собрали тамъ своихъ убитыхъ воиновъ и сожгли ихъ на многихъ кострахъ, разложившихъ у стѣнъ. Въ это же время они, по обычаю своему, предали смерти множество плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ; совершая свою кровавую тризну, Руссы топили въ водахъ Истра грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ“. Въ этомъ мѣстѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на выраженіе „множество плѣнныхъ“. Откуда взялось это множество плѣнныхъ? Не о Болгарахъ же идетъ здѣсь рѣчь; ибо въ такомъ случаѣ Левъ Діаконъ выразился бы отчетливѣе.

II.

Послѣдняя битва (шестая по Черткову, по нашему—четвертая)
24-го іюля 971 года.

Если вѣрить Кедрину, то Руссы, выступили изъ Доростола подъ предводительствомъ самого Святослава и затворили за собою ворота—знакъ, что Святославъ рѣшился дать битву на жизнь и смерть, или побѣдить или умереть. Руссы построились въ густой боевой порядокъ и опустили козья, императоръ вывелъ свои полки. Началась битва жаркая и едва-ли не самая упорная изъ бывшихъ подъ Доростоломъ, не исключая и первой. Сначала бой начался у городской стѣны, и не смотря на всѣ усилія Римлянъ прорвать ряды Руссовъ, послѣдніе взяли верхъ, и Греки начали отступать. Іоаннъ Цимискій поспѣшилъ съ отрядомъ войскъ къ отступавшимъ и всѣми мѣрами ободрялъ ихъ. Видя утомленіе сражавшихся воиновъ своихъ, онъ приказалъ принести мѣха съ водою. Войска, освѣжившись, возобновили усилія; но все было напрасно. Тогда Іоаннъ Цимискій отдалъ приказаніе отступить далѣе. Руссы преслѣдовали Грековъ, какъ видно по ходу дѣла, вплоть до лагеря. Здѣсь снова началась жестокая сѣча, въ которой едва не погибъ одинъ изъ лучшихъ воепачальниковъ Цимискія, Феодоръ Мисеянинъ. Битва на нѣкоторое время пріостановилась; императоръ, вида, какъ говоритъ Кедринъ, что Руссы сражаются еще храбрѣе, рѣшился кончить дѣло единоборствомъ и послалъ Святославу вызовъ на поединокъ. На этотъ вызовъ Святославъ отвѣчалъ: „Я знаю самъ лучше моего врага, что мнѣ полезно. Если-жъ Іоанну жизнь надоѣла, то въ его власти находится много другихъ средствъ, ведущихъ къ смерти: пусть избираетъ любое!“ Императоръ, получивъ этотъ отвѣтъ, приказалъ магистру Вардѣ Склиру зайти Руссамъ въ тылъ, и въ то же время Анемасъ, убившій Икмора, бросился на Святослава и ударилъ его мечемъ по головѣ; но шлемъ спасъ Святослава, и Анемасъ былъ иврубленъ Руссами на мѣстѣ. Битва закипѣла снова, и снова Руссы потѣснили Грековъ; но поднялся сильный вѣтеръ, дувшій въ глаза Руссамъ, которые въ то же время увидѣли, что Варда Склиръ заходитъ имъ въ тылъ. Это заставило Руссовъ прекратить битву и отступить въ городъ. Такъ кончился этотъ послѣдній бой. (Планъ этой битвы см. у Чертова).

Общій ходъ битвы и главные моменты оной почти одинаково изображены, какъ у Льва Діакона, такъ и у Кедрина. Есть разница въ послѣдовательности отдѣльныхъ эпизодовъ, и это зависитъ отъ

того, что у Кедрина болѣе подробностей, и притомъ, такого характера, который ручается за ихъ достовѣрность. Но освѣщеніе фактовъ у того и другаго историка одинаково,—все подернуто обычнымъ колоритомъ хвастовства. На этотъ-то предметъ мы и обратимъ вниманіе. Мы займемся только Кедриномъ, ибо, при одинаковой сущности дѣла, онъ болѣе сообщаетъ подробностей. Кедринъ, сказавъ, что въ началѣ боя Греки стали отступать, и что вслѣдствіе того императоръ приказалъ принести мѣхи съ освѣжающимъ питьемъ, продолжаетъ: „Но Руссы все также храбро сражались и *успѣхъ битвы былъ равный съ обѣихъ сторонъ*. Императоръ, примѣтивъ, что по тѣснотѣ мѣста, *выгода сраженія остается на сторонѣ Руссовъ*, и они наносятъ Римлянамъ большой вредъ, приказалъ отступить отъ городскихъ стѣнъ“, и проч. Замѣьте это явное противорѣчіе: то бой былъ равенъ съ обѣихъ сторонъ, то выгода сраженія оставалась на сторонѣ Руссовъ! И все это стоитъ почти рядомъ! „Вожди исполнили приказаніе императора (то-есть, отступили); а Руссы, *принявъ отступление за настоящее бѣгство*, съ крикомъ *побѣждали за нашими*“. Какимъ образомъ отступление совершенно покойное можно было принять за бѣгство? „Римляне, дошедъ до назначеннаго мѣста (до укрѣпленнаго лагеря?), обернулись назадъ и храбро напали на Руссовъ“. Если Римляне, то-есть, Греки, притворно отступали къ назначенному мѣсту, то можно было бы предполагать, что они или завладутъ Руссовъ въ засаду, или, подкрѣпившись новыми силами, быстро обернувшись, погонять Руссовъ назадъ,—ничуть не бывало! „Здѣсь началась жестокая сѣча“. Все показываетъ, что отступление было невольное; любопытенъ эпизодъ о богатырствѣ Феодора Мисоіяннина, который, *схвативъ за поясъ одною Скивою*, двигалъ его, подобно щиту (!!!), то въ одну, то въ другую сторону и ограждался имъ отъ бросаемыхъ Руссами копій. Греки спасли Феодора Мисоіяннина: „послѣ этого обѣ стороны прекратили битву, не одержавъ одна надъ другою побѣды“. Но слѣдующія слова Кедрина показываютъ, что перевѣсъ былъ на сторонѣ Руссовъ; онъ говоритъ: „Императоръ, видя, что Руссы сражаются еще храбрѣе, чѣмъ прежде, и сожалѣя о трудахъ, перенесенныхъ Римлянами, хотѣлъ скорѣе окончить войну посредствомъ единоборства“. Почему являются тутъ эти слова, что Руссы сражаются еще храбрѣе? Почему Іоаннъ Цимискій, человѣкъ твердаго характера, не предвидя успѣха, предлагаетъ единоборство? Эти вопросы разрѣшаются слѣдующими словами Кедрина: „Тогда началось кровопролитное сраженіе: съ обѣихъ сторонъ дрались отчаянно, побѣда поле-

ремѣнно ласкала тѣхъ и другихъ и долго оставалась не рѣшеною". Тутъ слѣдуетъ эпизодъ объ Анемасѣ и затѣмъ буря; но здѣсь любопытны слѣдующія слова: „Говорятъ, что въ это время Богъ заступился за Римлянъ: ибо возставшая неожиданно съ юга буря ослѣпила Руссовъ и препятствовала имъ свободно дѣйствовать“. Затѣмъ явленіе св. Феодора. Видно, что Греки были въ отчаяніи, и только буря и маневръ Варды Склира, заходившаго въ тылъ Руссамъ, кончили битву. Такимъ образомъ выходитъ слѣдующее: буря помѣшала полному пораженію Грековъ; но они приписали себѣ побѣду, потому что опасеніе быть обойденными съ тыла въ такую бурю, когда ни зги не было видно, заставило Руссовъ оставить поле битвы. Думалъ ли Святославъ пробиться? Не думаемъ, ибо ему нужно было плыть по Дунаю и морю, гдѣ стоялъ греческій флотъ съ огнеметательными триремями. Слѣдовательно, Святославу нужно было не пробиться, а одержать полную побѣду и заставить Цимисхию оставить Болгарію. Этого не удалось; точно также не удалось и Цимисхию уничтожить Руссовъ до единого. Въ битвахъ перевѣсъ чаще склонялся на сторону Святослава, чѣмъ на сторону Цимисхія, и этимъ только можно объяснить, какимъ образомъ Юаннъ Цимискій, имѣвъ огромное войско, выпустилъ Святослава.

Положеніе Руссовъ въ Доростоля, можетъ-быть, въ ту пору и не вполне извѣстное Цимисхию,—но все-таки онъ долженъ былъ о немъ что-нибудь да знать,—положеніе это было весьма затруднительно. Объ этомъ единогласно говоритъ и Кедринъ, и наша лѣтопись. „Неприятель“, разказываетъ Кедринъ, „терпѣлъ голодъ, и всѣ средства къ полученію съѣстныхъ припасовъ были ему преграждены Римлянами, корабли которыхъ возбраняли всякій выходъ Истромъ изъ Доростола“.

Другаго пути, разумѣется, не было, и потому борьба подъ Доростоломъ имѣла такой характеръ: Святославъ употребилъ всѣ усилія разбить Цимисхию на голову, а послѣдній употребилъ всѣ усилія, или отрывавъ Святославу отступленіе въ Доростоля, истребить всю его дружину и захватить ватѣмъ городъ, или принудить къ сдачѣ голодомъ; но ни тотъ, ни другой не достигли своей цѣли. Обѣ стороны истощались въ ужасныхъ усиліяхъ, и если мы взвѣсимъ средства Цимисхія и Святослава, то нельзя не изумляться могучей волѣ и мужеству послѣднего и въѣстѣ съ тѣмъ искусству, съ какимъ онъ при такихъ малыхъ силахъ ни разу не далъ себѣ отрываться отъ Доростола и не разъ приводилъ въ отчаяніе Юанна Цимисхія; да и въ

послѣдней битвѣ только случайныя обстоятельства спасли Іоанна Цимисіа отъ пораженія.

„Напротивъ того“, продолжаетъ Кедрипъ, „императорскій станъ не имѣлъ ни въ чемъ недостатка; обиліе всѣхъ благъ ежедневно стекалось къ нашимъ войнамъ, и свѣжія войска, какъ пѣхотныя, такъ и всадники, подкрѣпляли римское ополченіе и замѣняли убитыхъ“.

Слова, въ высшей степени интересныя въ устахъ греческаго писателя и лучше всего опровергающія мнимыя побѣды Грековъ: ибо, при такихъ огромныхъ средствахъ, Іоаннъ Цимисіій принужденъ былъ не только выпустить Святослава изъ Доростола, но относительно положенія послѣдняго заключить съ нимъ выгодный миръ. Могло ли-бы это случиться, еслибы Святославъ потерпѣлъ столько поражений, сколько насчитываютъ ихъ Левъ Діакопъ и Кедрипъ?

Руссы не могли даже на челокахъ пробраться скрытно въ свою страну, потому что всѣ пути были сильно оберегаемы Римлянами. При такихъ-то обстоятельствахъ Святославъ собираетъ совѣтъ. Левъ Діакопъ и Кедрипъ говорятъ, что этотъ совѣтъ былъ собранъ передъ послѣднею битвою; по лѣтописи же нашей видно, что за совѣтомъ сей часъ послѣдовалъ миръ. Судя по Льву Діакопу и Кедрину, можно скорѣе подумать, что дѣло идетъ о знаменитой рѣчи Святослава передъ битвою при Адрианополѣ; но рядомъ съ этимъ попадаются и такія мысли, которыя совпадаютъ со словами Святослава (по лѣтописи) передъ заключеніемъ мира.

По Льву Діакопу дѣло было такъ: Святославъ созываетъ совѣтъ; одни совѣтовали почью бѣжать, другіе—вступить въ переговоры; Святославъ отвѣчалъ: „Если мы теперь постыдно уступимъ Римлянамъ, то лишимся славы, всегда сопровождавшей наше оружіе, которое до сихъ поръ легко побѣждало всѣ сосѣдственныя народы и покоряло русской власти безъ сопротивленія обширныя страны. Вотъ почему намъ, представителямъ обычной храбрости нашихъ предковъ, должно еще разъ вступить въ отчаянный бой съ тою мыслию, что Руссы всегда были непобѣдимы. Мы не привыкли спасаться бѣгствомъ въ отечество, но привыкли возвращаться побѣдителями, или умирать со славою, совершивъ подвиги, достойныя храбрыхъ мужей“

По Кедрину выходитъ то же. Святославъ предложилъ на совѣтѣ „еще разъ вступить въ сраженіе съ Римлянами, дабы отчаяннымъ нападеніемъ опрокинуть ихъ, или если Руссы побѣждены будутъ, то предпочесть славную и блаженную смерть постыдной и презрѣнной жизни. И тѣ, которые спасутъ свою жизнь постыднымъ бѣгствомъ, мо-

гутъ ли спокойно ею наслаждаться, будучи презираемы сосѣдственными народами?"

Въ этихъ рѣчахъ такъ и слышатся слова Святослава передъ Адрианополюскою битвой: „уже намъ нѣкако ся дѣти.... да не посрамитъ земли Русскіе, но ляжемъ костью ту и мертвый бо срама не имѣеть, аще ли побѣдимъ, то срамъ намъ....“

Мы уже говорили, почему эта рѣчь не можетъ быть приурочена къ Доростольской битвѣ. Но это сопоставленіе весьма любопытно; ибо, во первыхъ, характеръ Святослава рисуется совершенно одинаково и по греческимъ лѣтописямъ, и по русской, и новгородской, здѣсь, можетъ быть, скрывается указаніе на общій источникъ, изъ котораго заимствовали свѣдѣнія и греческія лѣтописи, и русскія.

Но что касается до совѣщанія, то оно несомнѣнно происходило передъ заключеніемъ мира, и тутъ явный пропускъ въ лѣтописи замѣтенъ еще болѣе. Этотъ пропускъ, отъ битвы при Адрианополѣ до Доростольской осады включительно, явно зависитъ оттого, что объ этихъ событіяхъ не дошло до лѣтописца свѣдѣній ни изъ источниковъ, которыми онъ пользовался, ни изъ преданій. Этимъ только и можно объяснить ошибку, вкравшуюся въ лѣтопись: „и послы слы ко цареви въ Деревьстръ, (бѣ бо ту царь)“. Намъ положительно извѣстно, что Цимисхія въ Доростолѣ тогда уже не было, и что когда заключали миръ, то въ Доростолѣ былъ Святославъ, а не Цимисхій. Явно, что до лѣтописца достигъ какой-то темный слухъ о томъ, что миръ заключенъ былъ или въ Доростолѣ, или около Доростола — и только. Но вопреки этому, Чертковъ думалъ, что Шлецерь былъ правъ, принявъ Деревьстръ за Доростолъ, только сдѣлалъ палкое заключеніе, что Доростолъ былъ взятъ Греками, о чемъ не умолчали бы греческіе лѣтописцы.

Вылазки и кровавыя битвы подъ Доростоломъ дорого стоили и Грекамъ, и Руссамъ. „Видѣвъ же мало дружины своя, рече въ собѣ: *Еже како прельстивше* избьютъ дружищу мою и мене“. Слова весьма замѣчательныя, вполне согласныя съ характеромъ Святослава: не силы боялся онъ, а хитрости, обмана, какъ-бы предчувствуя, что погибнетъ отъ хитрости враговъ, или лучше сказать, зная себя и надѣясь на себя, онъ былъ въ себѣ увѣренъ, что съ силой онъ справится; хитрость, засада, опасная для большой дружины, еще болѣе могла быть опасною для малой дружины, обезсиленной потерями. „Вѣща бо мнози погибли на полку и рече: Поиду въ Русь, приведу боле дружины“. Въ этихъ словахъ вполне обнару-

живается причина заключенія мира: истощеніе дружины, вслѣдствіе потерь, заставляетъ Святослава мириться; но онъ не думаетъ оставить своего намѣренія покорить Болгарію, явно—ему хочется только собраться съ силами. Едва-ли бы такъ было, еслибы Святославъ дѣйствительно потерпѣлъ рядъ пораженій.

„И посла слы ко цареви въ Деревѣстръ (бѣ бо ту царь), рѣка сице: „хочю имѣти миръ съ тобою твердъ и любовь“. Се же слышавъ царь, радъ бысть и посла къ нему дары больши первыхъ“. О радости Іоанна Цимисіа свидѣлствуютъ и греческіе лѣтописцы. Левъ Діаконъ говоритъ: „Іоаннъ съ радостію согласился на это предложеніе“ и далѣе прибавляетъ: „и приказалъ выдать на каждаго Скива по двѣ медины хлѣба“. Кедринъ говоритъ, что императоръ согласился на мирныя предложенія Святослава и сказалъ: „Мы, Римляне, обыкновенно побѣждаемъ своихъ враговъ болѣе благодѣянiami, чѣмъ оружіемъ“. Конечно, всякій видитъ, что эта риторическая фраза придумана самимъ Кедринымъ. Но и подъ этою риторикой ясно видно, что Іоаннъ Цимисіій быстро согласился на заключеніе мира, чтобы отдѣлаться отъ опаснаго врага.

„Святославъ же прия дары и поча думати съ дружиною своею, рѣка сице: „Аще не сотворимъ мира со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедши оступати ны въ градъ“. Что значать сіи слова? Мы думаемъ, что дружины у Святослава выбыло болѣе, чѣмъ могъ думать Іоаннъ Цимисіій, и что Святославъ боялся, чтобы Цимисіій, узнавъ объ этомъ, не сдѣлалъ новыхъ усилій, еще болѣе не стѣснилъ бы Руссовъ въ Доростолѣ.

Далѣе по лѣтописи, Святославъ говоритъ: „А Русска земля далеча, а Печенѣзи съ нами ратьни, а кто ны поможеть?“. Эти слова согласны совершенно съ словами Кедрина, какъ прекрасно замѣтилъ и Чертковъ: „Собственная страна ихъ была далеко, а сосѣдственные народы, боясь Римлянъ, не соглашались помогать имъ“. Затѣмъ приводятъ еще слова, Святославъ говоритъ дружинѣ: „Но сотворимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди довольно намъ; аще ли почнеть не управляти дани, да изнова изъ Руси, совокупивше вон, умноживши, поидемъ Царюгороду“.

Изъ этихъ словъ видно, что Іоаннъ Цимисіій обѣщался платить дань: „се бо нынѣ поданъ яли“ и далѣе: „аще ли почнеть не управляти дани“. Греческіе лѣтописцы хотя прямо о дани, разумѣется, не говорятъ, но у Кедрина есть выраженіе, которое подтверждаетъ нашу лѣтопись, именно, что Святославъ просилъ принять его въ число союз-

никовъ, на что императоръ и согласился, сказавъ вышеприведенныя нами слова: „Мы, Римляне, обыкновенно *побѣждаемъ своихъ враговъ болѣе благодѣяніями, чѣмъ оружіемъ*“. Византійскія благодѣянія извѣстны; что же касается до словъ: „просилъ принять въ число союзниковъ“, то всякій, конечно, знаетъ, что союзниками у Византійцевъ назывались народы, которымъ они платили дань.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о договорѣ, заключенномъ между Святославомъ и Цимисхіемъ:

Вотъ условія, о которыхъ говоритъ Левъ Діакопъ: 1) Тивроскнѣмъ уступятъ Доростоль Римлянамъ; 2) выдадутъ плѣнныхъ; 3) выйдутъ изъ Мизіи и возвратится въ Русь; 4) Римляне не будутъ мѣшать походу и помогутъ хлѣбомъ; 5) будутъ считать друзьями Руссовъ, которые придутъ для торговли въ Царьградъ, какъ было установлено въ древнія времена.

Кедринъ говоритъ короче: „Онъ (Святославъ) просилъ императора принять его въ число своихъ союзниковъ и дозволить ему безпрепятственно возвратиться на Русь, а Руссамъ приходитъ въ Римскія области для торговли“.

По нашей лѣтописи не видно, чтобы означенный договоръ былъ невыгоденъ для Руссовъ. Въ этомъ договорѣ ничего не говорится о торговлѣ Руссовъ въ Константинополѣ; но пятый пунктъ у Льва Діакона (пункты мы поставили для ясности) показываетъ, что все осталось по старому. Договоръ Святослава съ Цимисхіемъ имѣетъ особенный характеръ, такъ-сказать, личный, — все дѣло сводится къ тому, что Святославъ обѣщаетъ не нападать на владѣнія императора и даже помогать, когда другіе будутъ нападать.

„Яко николиже помышлю на страну вашу, ни собираю вси, ни языка, ни много приведу на страну вашу и елико есть подъ властью гречьскою, ни на власть Корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну Болгарску: да аще кто инъ помыслитъ на страну вашу, да и азъ буду противенъ ему и борюся съ нимъ“. Далѣе слѣдуетъ клятва.

Изъ сличенія этого договора съ вышеприведенными словами Льва Діакова видно, что въ дѣлахъ торговыхъ все осталось по прежнему, но что съ Святослава взята была клятва не нападать болѣе на Греческія земли. Дань, извѣстныхъ льготъ Руссовъ не вошли въ договоръ, какъ дѣло обыкновенное, призванное. Что дѣло было такъ, это видно изъ того, что старія льготы не были отмѣнены въ этомъ договорѣ.

Чрезвычайно замѣчательны слова, поставленныя въ началѣ дого-

вора: „Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣнелдѣ“ и проч. Совершенно справедливо замѣчаетъ Чертковъ: „Ясно, что былъ прежде и въ эту же войну създъ, совѣщаніе уполномоченныхъ и договоръ на хартїи, ибо о словесныхъ договорахъ не стали бы упоминать въ послѣднемъ договорѣ“. Другое-то *совѣщанье* (то-есть, письменный договоръ, по замѣчанію Черткова) было именно послѣ Адрианопольской битвы, что подтверждаетъ и наша мысль о дарахъ и о безопасности Святослава, побѣдителя въ Адрианопольской битвѣ.

Е. БѢЛОВЪ.

СТРѢЛЕЦКІЕ БУНТЫ.

I. ОВОЗРѢНІЕ ИСТОЧНИКОВЪ.

(Матвѣевъ, Медвѣдевъ, Разрядныя записки, Савва Романовъ, Сказатель о бояринахъ Матвѣевѣ, Желябушковѣ, Датскій резидентъ, Невиль, Перри, Корбъ).

I.

Записка А. А. Матвѣева.

Къ важнѣйшимъ источникамъ для описанія Стрѣлецкихъ бунтовъ принадлежитъ записка *Матвѣева*.

Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ (род. 1666 г. августа 15-го) былъ сынъ боярина Артамона Сергѣевича, погибшаго въ первомъ Стрѣлецкомъ бунтѣ. Этотъ свидѣтель имѣлъ всѣ средства узнать истину, почему записка его и имѣетъ полное право на довѣріе. Воспитаніе получилъ онъ въ домѣ отца своего, необыкновенное для того времени, зналъ по латинѣ ¹⁾, любилъ иностранцевъ. Въ дѣтствѣ числился въ числѣ робятокъ, участвовавшихъ въ военныхъ играхъ царевича Петра въ Преображенскомъ ²⁾; по вступленіи на престолъ Федора Алексѣевича, сопровождалъ, будучи десяти лѣтъ отъ роду, отца своего въ ссылку, гдѣ пробылъ съ нимъ шесть лѣтъ. Вернулся въ Москву уже по 17-му году. Онъ находился въ царскихъ палатахъ во время перваго Стрѣлецкаго бунта; въ первый день скрывался, вмѣстѣ съ меньшими Нарышкиными, въ покояхъ царицы Марѣи Матвѣевны, оттуда, по прекращеніи бунта, былъ отведенъ придворнымъ карлоу къ священнику церкви Сошествія Св. Духа, у Пречистенскихъ воротъ, а тотъ передалъ его знакомому конюху, у котораго Матвѣевъ

---

¹⁾ Переводы его лѣтописей церковныхъ Баронія (1696) хранятся въ Румянцевскомъ музеѣ. *Сазарова*, Записки русскихъ людей, стр. IV.

²⁾ Опыты *Забѣлина*, ч. I, стр. 19.

и оставался подѣ именемъ Кондратія, ходя въ сермяжномъ платьѣ, до прекращенія смутъ.

Въ 1683 и 1684 годахъ, молодой Матвѣевъ находился въ Преображенскомъ, въ званіи стольника при Петрѣ, которое получалъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, на 8-мъ году отъ рода ¹⁾. Въ 1688 году Матвѣевъ, по свидѣтельству французскаго агента Невилля, состоялъ переводчикомъ при князѣ Васильѣ Васильевичѣ Голицынѣ.

По вступленіи на престолъ Петра, онъ былъ назначенъ въ 1690 году воеводою Двинскимъ; въ 1692 году возведенъ въ санъ окольничаго; въ 1693 году встрѣчалъ Петра въ Холмогорахъ, имъ возобновленныхъ, 24-го іюля, и вскорѣ потомъ былъ уволенъ, уступивъ свое мѣсто Ѡ. М. Апраксину.

Съ 1700 года, января 24-го дня, Матвѣевъ былъ употребляемъ въ разныхъ посольствахъ во Франціи, Англии ²⁾, Голландіи, Австріи ³⁾; въ 1715 возведенъ въ графское достоинство Римской имперіи; наконецъ, состоялъ президентомъ юстицъ-коллегіи съ 1719 до 1727 года. При ревизіи присутственныхъ мѣстъ, онъ повѣсилъ въ Черяславлѣ секретаря воеводской канцеляріи, за что подвергся негодованію

¹⁾ Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ, *Ессина*, ч. 1, подъ вышеозначенными годами.

²⁾ Касательно пребыванія его въ Англии странное извѣстіе находится во вступленіи къ его запискѣ у *Саларова*, стр. IV: «Непріятныя происшествія, случившіяся съ нимъ въ Лондонѣ, при отъѣздѣ его, кончилися прощеньемъ по ходатайству Англійской королевы Лянны». У *Бамминга-Дамемскаго*, въ его Словарѣ (1836 г.), дѣло это представляется совершенно иначе: «18-го іюля (1708 г.) имѣлъ онъ отпускную аудиенцію у королевы Лянны, и 21-го числа былъ оставленъ на улицѣ и вѣтъ подѣ стражу за долъ пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ; но находившіяся у опернаго дома народъ, услышавъ крикъ посла, освободилъ его отъ полицейскихъ служителей. За сіе оскорбленіе, нанесенное представителю могущественнаго монарха, предлагали Матвѣеву тысячу гинеи; онъ отвергнулъ сіе предложеніе, и 30-го іюля, выѣхалъ изъ Лондона, не принявъ грамоты отъ королевы, обвиновеннаго подарка и данной ему яхты. Королева Англійская, въ письмѣ своемъ къ государю отъ 19-го сентября, изъявила сожалѣніе о случившемся съ посломъ его непріятномъ происшествіи, а въ 1710 году (5-го февраля) министръ ея Витвортъ, къ чинѣ чрезвычайнаго посла и полномочнаго комиссара, имѣлъ аудиенцію у Петра Великаго и торжественно засвидѣтельствовалъ ему соблазнованіе своего двора. Государь простилъ виновныхъ и поручилъ послу ходатайствовать о совершенномъ ихъ освобожденіи». Ч. III, стр. 288.

³⁾ Описание дипломатическихъ сношеній его, 1709 — 1711 гг., хранится въ Императорской С.-Петербургской библіотекѣ.

„Двора“ ¹⁾). Графъ Матвѣевъ скончался сентября 16-го 1728 года, и похороненъ при церкви Николая Чудотворца въ Столпахъ, гдѣ покоится и отецъ его, бояринъ А. С. Матвѣевъ. Графъ Н. П. Румянцевъ поставилъ надъ ихъ гробницами палатку.

Принадлежность ему записки засвидѣтельствована историкомъ В. Н. Татищевымъ, его современникомъ ²⁾).

Изъ содержанія записки можно привести въ подтвержденіе то, что многихъ свѣдѣній нельзя почти было имѣть никому, кромя очевидца и участника. Сравненіе сапа отца съ маршалскимъ саномъ во Франціи, также и названіе членовъ нашего правительства министрами, указываетъ на пребываніе сочинителя при иностранныхъ дворахъ, гдѣ А. А. Матвѣевъ дѣйствительно и находился.

Къ такимъ соображеніямъ долженъ и былъ прибѣгать, изучая записку Матвѣева по изданію Туманскаго въ его собраніи (1787, т. VI, стр. 54). Но каково было мое удивленіе, когда я, кончивъ изслѣдованіе о Стрѣлецкомъ бунтѣ, вздумалъ пересмотрѣть изданіе Сахарова, объявленное отъ Устрилова неисправнымъ, и увидѣлъ выведеніе къ запискѣ гдѣ Матвѣевъ ясно и прямо говоритъ о себѣ:

„Понеже при времени томъ сей авторъ, какъ *самовидецъ*, былъ вѣрнымъ свидѣтелемъ той злосчастной трагедіи и въ оной отца своего лишился, о чемъ ниже будетъ подробно сказано,—того-то ради, безпобойною совѣстію принуждаемый, навичною памятію въ самомъ подлинномъ объявленіи, по сущей правдѣ, о всемъ безпристрастно предлагаю. И если же, по сродной всему человѣчеству немощи, слабости или по невѣдому въ историческихъ формахъ искусству, не доумѣя, въ чемъ погрѣшилъ, въ томъ во всемъ у ученыхъ и искусѣнншихъ читателей съ достойнымъ почтеніемъ оны, авторъ, требуетъ себѣ чловѣколюбнаго разсужденія и во всемъ извиненія.

¹⁾ У Сахарова, стр. V. Любопытно было бы знать подробности такого строгаго суда.

²⁾ См. предызвѣщеніе къ его Исторіи, стр. XIII: «Сильвестръ Медвѣдевъ, монахъ Чудова монастыря, и графъ Матвѣевъ описали Стрѣлецкій бунтъ, токмо въ сказаніяхъ по стряпнигъ весьма несогласны, и болѣе протнаны, потому что графъ отецъ во ономъ стрѣльцами убитъ, а Медвѣдевъ самъ тому бунту участникъ и тайныхъ дѣлъ съ Милославскимъ предводитель былъ, за что послѣ съ Щекловитымъ казненъ». Сахаровъ, стр. IV, напрасно соблазняется здѣсь ошибками Татищева: Медвѣдевъ былъ не въ Чудовѣ монастырѣ и участвовалъ не въ первомъ бунтѣ, а въ послѣдовавшемъ. Это ошибки ничтожныя, которыми Татищевъ сдѣлалъ, не прибѣгая къ спрашамъ, по неважности предмета.

„Еще въ *сопѣсой* памяти нашей и предъ очами пезабыто явствуетъ экземпль или прикладъ не отъ многихъ лѣтъ... возсвирѣпшійся въ самой столицѣ Москвѣ бунтъ Московскихъ же стрѣльцевъ, приснопоминаемой и зѣло ужасной трагедіи Кремлевской, бывшей въ прошломъ 7190 году, то-есть, лѣта Господня 1682^а и проч.

„И хотя жестокоосрднаго онаго стрѣльцаго бунта варварское дѣйствіе, безъ сомнѣнія, у снискательныхъ людей, по прошедшемъ томъ незастарѣломъ времени, еще въ свѣжей памяти до нынѣ содержится, какъ уже то на чужестранныхъ языкахъ при цесарскомъ и при королевскихъ европейскихъ дворахъ подробно печатными книгами изображенная гласится,—однако впредъ продолженіемъ и стѣсненіемъ будущихъ лѣтъ и примѣненіемъ смертнымъ въ человѣческомъ родѣ та память... отъ забвенія можетъ обветшать.... Сего-то ради сей авторъ не за любочестіе свое, и не за праздную себѣ хвалу, но для общей всѣхъ памяти о томъ потщился сей малый трудъ принять“.

Сахаровъ не представилъ описанія своего списка, съ котораго онъ печаталъ записку, равно какъ и о другихъ спискахъ мы не знаемъ ничего основательнаго.

Записка эта драгоценна по множеству живыхъ извѣстій, исключительно ей принадлежащихъ, частію слышанныхъ сочинителемъ отъ отца въ продолженіе шестилѣтней ссылки, частію испытанныхъ имъ самимъ, частію узванныхъ отъ другихъ участниковъ и современниковъ, съ которыми тотчасъ же послѣ бунта привелось ему жить вмѣстѣ въ Преображенскомъ. Жаль только, что излишняя риторика мѣшаетъ сочинителю. Какія свѣдѣнія могъ бы сообщить Матвѣевъ, если бы захотѣлъ или умѣлъ писать просто!

Нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ. особенныхъ его извѣстій подтверждаются другими несомнѣнными источниками, чѣмъ и внушается довѣріе къ прочимъ; напримѣръ, онъ одинъ говоритъ, что „человѣкоугодники“ придумали дать названіе бунтамъ Стрѣлецкимъ „смутнымъ временемъ“,—и мы находимъ дѣйствительно это названіе въ заглавіи официальной разрядной записки (см. ниже). Матвѣевъ говоритъ, что „при погребеніи царя Федора Алексѣевича, сестра его, царица Софья Алексѣевна, явилась не по чину, и что царица Наталья Кириловна, сочтя ся присутствіе оскорбленіемъ небывалымъ, ушла изъ собора, — и мы находимъ въ официальномъ документѣ, что дѣйствительно царица Софья находилась при погребеніи, а царица Наталья Кириловна съ сыномъ не было.

Когда писана эта записка?

Она должна быть писана въ позднѣйшее время, послѣ того, какъ Матвѣевъ побывалъ во Франціи, гдѣ узналъ о маршалахъ и министрахъ, и въ Италиі, гдѣ получилъ понятіе о Макиавелі и политикѣ италянской. Описывая, какъ царевна Софія подала образъ Ивалу Нарышкину, шедшему на казнь по ея умыслу, Матвѣевъ замѣчаетъ: „Во всемъ томъ внутри глубокая происходила политика италянская, ибо они иное говорятъ, другое же думаютъ, и самимъ дѣломъ исполняютъ“ (стр. 161).

Разказывая, какъ онъ скрывался въ первый день бунта въ комнатахъ царевны Натальи Алексѣевны, онъ прибавляетъ: „блаженнымъ памяти“, а она скончалась въ 1716 году (стр. 155) ¹⁾.

Описывая заговоръ Шабловитаго, онъ говоритъ, что заговорщики собрались въ Кремлѣ у Никольскихъ воротъ, на дворѣ, тогда называемомъ Ликова, нынѣ цехаусъ, то-есть, нушечный каменный дворъ, а цейхаусъ началъ постройкою въ 1701 году.

Есть выраженіе: „На Поганомъ прудѣ, что мымы называется Чистый“.

О домѣ Хованскаго говорится, что онъ достался, *по ея казни*, Шабловитому.

Записка упоминаетъ о кончинѣ царевны Софіи (стр. 211), а она скончалась въ 1704 году, сорока-семи лѣтъ.

Упоминается о кончинѣ Мавены, „о чемъ уже извѣстно“ (стр. 200); она послѣдовала въ 1709 году, сентября 22-го.

Упоминается также кончина князя Василія Васильевича Голицына на Шинегѣ (стр. 210), а онъ скончался въ 1713 году.

Заговоръ Цицлеровъ записка полагаетъ послѣ возвращенія Петрова изъ - за границы, между тѣмъ, какъ онъ былъ предъ путешествіемъ въ 1697 году. Такъ ошибаться или запоминать, смѣшивать, можно только послѣ долгаго времени. Во всякомъ случаѣ изъ этой ошибки видно, что записка писана гораздо послѣ 1697 года.

Не къ этому ли запоминанію принадлежитъ извѣстіе, что Сухаревъ полкъ остался вѣрнымъ въ бунтѣ 1682 года? Вѣрность его не относится ли ко времени бѣгства Петрова въ Троицкій монастырь въ 1669 году? Или Сухаревъ полкъ показалъ свою вѣрность въ обоихъ случаяхъ?

¹⁾ По другому списку, у Туманскаго, V, стр. 41, назначены здѣсь покой царьдѣи Натальи Кирилловны, а потомъ въ обоихъ спискахъ Туманскаго и списка Сахарова указываются покой царьдѣи Марѣи Алексѣевны, вѣсто Матвѣевы.

Затрудняло меня выраженіе о знаменіи на небѣ въ 7191 году отъ Р. X. 1683 (т. I, стр. 193). „Въ гѣто *насташее*“. Здѣсь, думалъ я, должна быть описка. И дѣйствительно, въ спискѣ Сахарова значится: въ гѣто *насташее* (стр. 48).

Замѣтимъ еще странное выраженіе въ описаніи укрывательства Матвѣева: въ одномъ спискѣ сказано (VI, стр. 42): *отисобляемный Матвѣевъ* (прежде въ исчисленіи спрятавшихся лицъ онъ былъ названъ: Андреемъ Матвѣевичемъ, вмѣсто Артамоновичемъ, Матвѣевымъ); въ другомъ (I, 156): *одинъ молодецъ тотъ Матвѣевъ* отъ 17 гѣтъ моложе всѣхъ (а прежде: съ Андреемъ Артамоновичемъ, синомъ Матвѣевымъ; у Сахарова: и *одинъ изъ нѣкъ молодой Матвѣевъ*, еще 17-ти гѣтъ, моложе всѣхъ, бодрѣ противился (а прежде также съ Андреемъ Артамоновичемъ, синомъ Матвѣевымъ).

Изложимъ содержаніе записки, по изданію Туманскаго въ VI части его Собранія (По списку Сахарова, см. изложеніе въ его Запискахъ Русскихъ людей, т. I, стр. VI—VIII).

Кончина царя Ѳедора отъ цынги и избраніе Петра. Стр. 8.

Нѣкоторые приверженцы Петровы призываютъ на избраніе въ пандирахъ подъ одеждою. 10.

Иванъ отстраненъ по причинѣ болѣзни глазъ и языка, и проч. 11.

Царевна Софія, желая власти и опасаясь мести со стороны Нарышкиныхъ за прежнія оскорбленія, старалась объ избраніи Ивана, но не успѣла. Одинъ Сунбуловъ на площади кричалъ объ Иванѣ съ своими единомышленниками. 10—13.

Буйства стрѣльцовъ, начавшіяся независимо отъ Софіи. 14—15.

Опасаясь наказанія отъ Петра, они подумали объ Иванѣ. 69.

Желанія ихъ сошлись съ мыслию царевны Софіи; ея властолюбіе и опасенія. 17.

Совѣтникомъ явился И. М. Милославскій, который нашелъ сообщниковъ: А. И. Милославскаго, двухъ Толстыхъ, Ивана и Петра, стрѣльцкихъ подполковниковъ Циклера и Озерова и нѣсколько стрѣльцовъ. Образъ ихъ дѣйствій.

Заговоръ. 18—19.

Заговорщики возмущаютъ всѣ полки; три полка колеблются, одинъ Сухаревъ остается вѣрнымъ. Ѳедора Семенова, украинская казачка, постельница Софіина, служитъ посредницей. 21.

Рѣшаются ждать Матвѣева. 22.

Свѣдѣнія о немъ. 23—26.

На дорогѣ Матвѣевъ предупрежденъ о бунтѣ семью стрѣльцами. Рѣшеніе продолжать путь. Прибытіе въ Москву. Пріѣзъ. 26.

Милославскій притворяется больнымъ. Въ домѣ его составлены списки лицъ, обреченныхъ на смерть. 27.

Стрѣльцы ходили ночью по городу, били тревогу, брали въ лавкахъ не платя, озлобляли народъ, грозили бунтомъ. 28.

15-го мая всѣ полки собрались, вооруженные, у своихъ сѣзжихъ дворовъ. Посланные отъ Александра Милославскаго и Петра Толстаго прискакали на сѣрыхъ и карихъ лошадяхъ ¹⁾, съ извѣстіемъ, что Нарышкины удушили царевича Пвана. Общая тревога. Набать. Звонъ. Стрѣльцы устремляются въ Кремль. 29.

Никто наверху не могъ угадать предлога. Матвѣевъ сходитъ съ лѣстницы и получаетъ извѣстіе отъ встрѣченнаго князя Урусова, что стрѣльцы идутъ въ Кремль. Доносятъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ. По-сылають за патриархомъ. Велѣно запереть ворота, но уже поздно. 30.

Совѣтъ показать царевича Ивана Алексѣевича. Царица Наталья Кирилловна выходитъ съ нимъ и сыномъ. Стрѣльцы взлѣзають на крыльцо по подставленнымъ лѣстницамъ и допрашиваютъ. 31.

Требуютъ Матвѣева и Нарышкина. Матвѣевъ сходитъ внизъ и угovarивается. Вслушиваютъ его и просятъ защиты. Опъ спѣшитъ донести царицѣ. 32.

Вышедшій князь М. Ю. Долгорукій укоряетъ стрѣльцевъ. Тѣ разсердились, убили его и сбросили съ крыльца на площадь. Начало кровопролитія. Коноводы подсылають стрѣльцовъ на Матвѣева съ другой стороны. Царица не отдаетъ его. Князь Черкасскій заступается. Стрѣльцы отнимають Матвѣева, убивають и сбрасываютъ на копы внизъ. 33.

Разбѣгаются по палатамъ искать измѣнниковъ. 34.

Обыскивають всѣ мѣста, убивають Василя Лаврентьевича Пванова ²⁾, думнаго дьяка Ларіонова, Горюшкина, Салтыкова по ошибкѣ. 35. Находятъ Аванася Нарышкина подъ престоломъ, по указанію карлы, и убивають. 36.

Убивають Ивана Ѳомича Нарышкина за Московою рѣкою, князи

¹⁾ Въ спискахъ *Туманскаго*, VI, стр. 29, и I, стр. 141, читается: «и въ тѣ шоры отъ тѣхъ кабинетныхъ адъютантовъ... Милославскаго... Толстаго», а у *Сахарова*, стр. 19: «тѣ кабинетные адъютанты». Первое чтеніе, кажется, вѣрнѣе.

²⁾ У *Сахарова*, Василя Ларіонова сына Иванова, стр. 23.

Григорія Ромодановскаго съ сыномъ, Ларіона Иванова ¹⁾ и Аверкія Кирилова. 37.

Вини ихъ. Наругательство надъ тѣлами убитыхъ. 38.

Караулы въ Кремль, Китай и Бѣлгородъ. 39.

16-го мая стрѣльцы пришли просить прощенія у стараго князя Долгорукаго въ смерти его сына, убитаго наканунѣ. Слова его, по уходѣ стрѣльцевъ, имъ переданныя. Возвращаются и убиваютъ его, 39.

Въ 9-мъ и въ 11-мъ часу стрѣльцы пришли къ Золотой рѣшеткѣ и пригрозили перебить завтра всѣхъ, если не будетъ выданъ Ивашъ Нарышкинъ. 40.

Буйства по улицамъ въ оба дня. 41.

Какъ укрывались Нарышкины и молодой Матвѣевъ. 42.

17-го мая стрѣльцы приходятъ въ Кремль въ однихъ рубашкахъ, съ бердышами и кошками, къ Золотой рѣшеткѣ, и требуютъ Ивана Нарышкина съ угрозами. 43.

Донесеніе царницъ Натальѣ Кириловнѣ. Настольніе царевны Софіи Алексѣевны. Разговоръ съ нею Ивана Нарышкина. Нарышкинъ пріобщается св. таинъ. Надѣваются на него образъ, принесенный царевною Софьею Алексѣевною. Слова князя Одоевскаго. Нарышкинъ выданъ стрѣльцамъ. Питка и казнь. 46.

Умерщвленіе Языкова. 47.

Умерщвленіе доктора Давида Гадева, Ивана Гутменша. Погребеніе Матвѣева араномъ. 48.

Буйство стрѣльцевъ и разореніе холопьяго приваза съ цѣлю привлечь холопей, которые, однако, не пошли на ихъ обольщенья. 49.

Избираютъ, по собраніи подписей, первымъ царемъ Ивана, на что по неволѣ соглашаются и приверженцы Петровы. 50.

Вступленіе царевны Софіи въ управленіе, жалованье стрѣльцамъ. Просьба стрѣльцевъ о поставленіи намятника во славу ихъ службы. 51.

Столикъ поставленъ попеченіемъ Циклера и Озерова. Постриженіе отца парицы Натальи Кириловны и отправленіе на Вѣло-озеро. 52.

О спасеніи меньшихъ его дѣтей и молодаго Матвѣева. 53.

(Слѣдующее изложеніе заниски предлагается по списку, напечатанному Туманскимъ въ 1-й части его Собранія, стр. 106—229).

¹⁾ См. выше, а въ оициальной запискѣ и у *Желбуужскаю*, стр. 1, убитымъ значится только одинъ Ларіонъ Ивановъ съ сыномъ Васильемъ. У *Соловьева*, XIII, стр. 414. У *Медведова* Ларіонъ Ивановъ также показанъ двойнѣ въ числѣ убитыхъ, у *Саларова*, 12—13, у *Туманскаю*, VI, стр. 75 и 76.

Царское вѣнчаніе Ивана и Петра Алексѣевичей, 15-го іюля.

Названіе бунта отъ челоубкоугодниковъ смутнымъ временемъ. Совѣтъ И. М. Милославскаго предоставить начальство надъ стрѣльцами князю П. А. Хованскому. 173.

Потворство Хованскихъ стрѣльцамъ и ихъ приверженность. 175.

Высокомѣріе Хованскихъ. 176.

Связь съ раскольниками, ихъ намѣренія. 177.

Преніе въ Грановитой палатѣ. 178, 179.

Казнь Никиты Пустосвята. 180.

Грамота стрѣльцамъ, названнымъ надворною пѣхотою. 181.

Ссоры Милославскаго съ Хованскимъ. Страхъ перваго, чтобы не быть убитымъ. Укрывательство по деревнямъ.

Опасеніе, чтобы чрезъ Хованскихъ не открылось когда-нибудь участіе Милославскаго въ бунтѣ, и чтобы они не захватили всю власть, въ свои руки. 182.

Устрашеніе царевны новымъ бунтомъ стрѣльцевъ на погибель царскаго дома и предположеннымъ бракомъ молодаго Хованскаго съ царевной Екатериной Алексѣевною. 183.

Неистовства стрѣльцевъ, взысканія денегъ съ полковника Барсукова, Кравкова. Казнь Янова, 184, 185.

Удаленіе двора въ село Коломенское. Подметное письмо объ умыслахъ Хованскаго. Путешествіе изъ Коломенскаго въ Саввинъ монастырь, и оттуда, въ Воздвиженское. Грамоты съ призывомъ, чтобы служилые люди являлись туда. 186.

Объявленіе вины Хованскихъ, вызовъ и приказаніе захватить ихъ на дорогѣ въ Воздвиженское. 187.

Хованскіе захвачены и привезены, прочтенъ указъ казнить ихъ смертію. Они хотятъ раскрыть причины бунта Стрѣлецкаго. Усилил Милославскаго покончить съ ними скорѣе. Казнь. 188, 189.

Меньшой Хованскій бѣжалъ въ Москву; возмущеніе стрѣльцевъ. Собираются идти на Троицкій монастырь, по остановились. Забрали все оружіе и сѣли въ осадѣ. Присланный отъ царей столичный Зиновьевъ, едва свыспись, доноситъ царямъ о положеніи Москвы. 190, 191.

Отбытіе въ Троицкій монастырь. Собраніе служилыхъ людей. Головинъ присланъ правителемъ въ Москву; стрѣльцы смирились; возвращеніе. 192, 193.

Помѣщеніе имени царевны Софіи во всѣхъ актахъ и челоубитныхъ и изображеніе на монетахъ, 194.

Военное ученье въ Преображенскомъ. Потѣшныя солдаты. Крѣпость Пресбургъ. Полки Преображенскій и Семеновскій. 195 и 196.

Опасенія Софін. Назначеніе Шакловитаго надъ стрѣльцами. Князь В. В. Голицынъ надъ посольскимъ приказомъ. 197.

Намѣреніе Голицына отстраниться отъ замышляемыхъ дѣлъ и предположенный походъ въ Крымъ. 198.

Неудача. Ссылка Самойловича и избраніе Мазепы, 199.

Неудовольствія Петра, явная ссора предъ ходомъ въ Казанскій соборъ 200 и 201.

Ночныя собранія стрѣльцевъ на Лыковѣ дворѣ. Петръ извѣщается о покушеніи на жизнь его. Бѣгство его къ Троицѣ. Многіе бояре за нимъ, и Сухаревъ полкъ. 202, 203.

Софін испугалась. Носиляетъ патріарха для примиренія брата съ нею. Тотъ не возвратился. 204.

Похвала сама и не принята. 205.

Присланъ Шереметевъ за Шакловитымъ. Царь Иванъ велитъ его выдать. 206.

Пытка и казнь Шакловитаго, Аброски Петрова, который, идя на казнь, публично покаялся и разказалъ свои вѣны. 207—208.

Назначеніе Троерукова надъ стрѣльцами и порученіе Стрѣшневу розьска. Поимка Сильвестра Медвѣдева. 209.

Судъ надъ княземъ В. В. Голицынымъ. 210.

Назначеніе царевнѣ Софін жить въ Дѣвичьемъ монастырѣ, подъ карауломъ, гдѣ она въ послѣдствіи и скончалась. Наказаніе ея приверженцевъ. 211.

Возвращеніе Петра въ Москву. Стрѣльцы на пути просятъ прощенія, неся на себѣ топоры и плахи. Розьскъ и наказаніе, 212.

Предоставленіе царевичемъ Иваномъ правленія Петру. Намѣреніе путешествовать. Составъ посольства. 213—215.

Отправленіе молодыхъ людей изъ знатныхъ родовъ въ чужіе края учиться. 216.

Бунтъ пограничныхъ стрѣльцевъ. Возвращеніе Петра изъ Вѣны. 217.

Между тѣмъ шедшіе на Москву полки разбиты подъ Воскресенскимъ монастыремъ. Розьски и казни. 218—221.

Розьски по прибытіи царя надъ остальными стрѣльцами и казни. 222, 223,

Заговоръ Соковнина, Цицлера и Пушкина. 224—227.

Казнь Милославскаго, вынутаго изъ могилы. 228, 229.

Отмѣтимъ важныя извѣстія, которыми мы обязаны Матвѣеву; таковы суть:

О прибытіи приверженцевъ Петра на избраніе въ панциряхъ подъ одеждою, чѣмъ доказывается подозрѣніе не только о существованіи, но и о замыслахъ противной стороны. (Этого извѣстія вѣтъ болѣе нигдѣ).

Исчисленіе княжескихъ и прочихъ знатныхъ семействъ, приверженныхъ Петру. (Также вѣтъ болѣе нигдѣ).

Свидѣтельство Матвѣева о предостереженіи, сдѣланномъ его отцу, на дорогѣ, бѣжавшими изъ Москвы стрѣльцами, по поводу затѣяннаго бунта, принадлежитъ къ числу важныхъ доказательствъ участія въ немъ Софіи. Это свидѣтельство вполнѣ достовѣрно: можно ли предположить, чтобы Матвѣевъ выдумалъ это извѣстіе, а не написалъ со словъ отца, при которомъ находился, имѣя тогда уже 16 лѣтъ. (По изданію Сахарова, значитъ, что стрѣльцы предупреждали Матвѣева и чрезъ посланнаго къ нему отъ двора стольника Алмазова)

Матвѣевъ и старій Нарышкинъ, Кирилль Полусектовичъ, подали совѣтъ показатъ стрѣльцамъ царевича Ивана и Петра.

Они поставлены были на Красномъ крыльцѣ тамъ, гдѣ всѣдневно смѣнялся караулъ, VI, стр. 31: „тогожь крыльца на стѣнахъ, гдѣ барабаны положены бывають, при тѣхъ же караулахъ“, I, стр. 643.

Стрѣльцы подставляли лѣстницы, чтобы излѣзть на Красное крыльцо и удостовѣриться въ личности царевича Ивана.

Увѣщаніе Матвѣева.

Кафтаниъ былъ изорванъ на князѣ Черкасскомъ, который заступался за Матвѣева и не давалъ его стрѣльцамъ.

(Въ официальной запискѣ это отнесено ко времени, когда Черкасскій выходилъ съ прочими боярами уговаривать стрѣльцевъ; но тамъ явная ошибка, ибо почему бы изорвать кафтаниъ на одномъ Черкасскомъ, когда съ нимъ многіе другіе бояре выходили уговаривать стрѣльцевъ, которые тогда не обнаруживали еще совершеннаго буйства).

Извѣстіе Матвѣева о спискѣ назначенныхъ къ умерщвленію лицъ подтверждается свидѣтельствомъ датскаго резидента (см. ниже) и самимъ дѣломъ: тѣхъ, кого стрѣльцы не нашли въ Кремлѣ, тѣхъ искали по домамъ ихъ въ городѣ.

Замѣтимъ подробности живнаго и притворнаго болѣзни Милославскаго, объ умерщвленіи Аванасы Нарышкина, боярина Языкова, отдававашаго перстень съ руки встрѣченному холоцу за князи Долгору-

каго, о выдачѣ Ивана Нарышкина, о погребеніи тѣла Матвѣева домашнимъ его арапомъ, *по имени Иваномъ*.

Отмѣтимъ здѣсь важное извѣстіе о томъ, какъ царица Софія впервые выступила на сцену: „Въ тотъ же самый часъ, не укрився отъ вышеобъявленнаго секрета, впервые публично царица Софія Алексѣевна на себя тогда оказала подовѣрніе, остро ея величеству, государынѣ императрицѣ, сказать, что никакимъ образомъ того избыть не возможно, чтобъ его вышеупомянутаго брата царицына имъ стрѣльцамъ въ тотъ день не выдать, развѣ общему всѣхъ и себя дѣйствию имъ стрѣльцамъ допустить“. (У Сахарова, стр. 29; у Туманскаго гораздо короче и слабѣе, VI, стр. 44).

Далѣе слѣдуютъ любопытныя извѣстія объ его пыткѣ, объ укривательствѣ и спасеніи меньшихъ Нарышкиныхъ съ молодымъ Матвѣевымъ и проч. въ покояхъ царицы Натальи Алексѣевны и царицы Марѣи Матвѣевны.

Совѣтъ И. М. Милославскаго царевичѣ Софіѣ Алексѣевнѣ о назначеніи начальникомъ стрѣльцевъ князя Ивана Андреевича Хованскаго съ сыномъ. 173.

Женитьба насильная стараго Хованскаго на вдовѣ убитаго дьяка Ларионова.

Характеръ Милославскаго изображенъ обстоятельно, и кажется, вѣрно: безъ свидѣній, доставляемыхъ Матвѣевымъ, мы не могли-бы обилснить себя, почему такую страшную казнь придумалъ ему Петръ въ 1699 году.

Ссора Милославскаго съ Хованскимъ и бѣгание перваго по деревнямъ отъ стрѣльцевъ.

Приверженность стрѣльцевъ къ Хованскимъ въ благодарность за потворство (прозванья: „батюшка“, „большой“).

Описаніе, какъ стрѣльцы принимали похвальную грамоту за бунтъ.

Отсѣченіе головы Хованскому стрѣльцомъ стремяннаго полка за неизмѣнимъ заплочнаго мастера.

Цѣлованіе трупа сыномъ. Погребеніе Хованскихъ въ городцѣ.

Стрѣлецъ Борисъ Одинцовъ, съ товарищами, казненъ вмѣстѣ съ Хованскими, вѣроятно, какъ свидѣтель опасный, знавшій коротко происхождение перваго бунта.

Важны также у Матвѣева и тѣ извѣстія, которыми подтверждаются находящіяся въ другихъ источникахъ, напримѣръ: о протестѣ Сумбулова, о торжественномъ приѣмѣ Матвѣева въ Москвѣ по возвращеніи изъ ссылки, объ особенномъ участіи въ бунтѣ стрѣльцевъ Бориса

Однцова (казненнаго послѣ съ Хованскимъ), Козьмы Чернаго, Аброськи Петрова, которые явятся дѣйствующими и въ послѣдней распрѣ Софіи съ братомъ, подполковника Циклера и Озерова, за котораго выдана была извѣстная посредница между Софіей и стрѣльцами, постельница ея Федора Семенова, съ большимъ приданымъ, о связи Хованскаго съ раскольниками.

Черты съ натуры: такая пыль поднялась у Троицы, когда былъ привезенъ Шавловитый, что ничего не стало видно.

„Того же октября мѣсяца (при возвращеніи Петра отъ Троицы, по низверженіи Софіи) снѣгъ со вьюгами и моровы выпадали, повсемременно множіе совершенно зимній путь безъ всякой отлѣны утвердился“.

Повѣренныя отъ А. Милославскаго и Петра Толстаго прискакали въ полки на сѣрыхъ и карихъ лошадяхъ съ извѣстіемъ, что царевича Ивана задушили (и затѣмъ онъ Петръ Толстой въ комнату къ государю царю Ивану Алексѣевичу былъ пожалованъ).

Народныя прозвища, передаваемые Матвѣевымъ, показываютъ, какъ ему извѣстны были всѣ тогдашніе слухи и дѣла; И. М. Милославскій имѣлъ въ народѣ прованіе Надорваннаго, Толстые — Шарпенки (?), Хованскій — Тараруй, карло Никита — Комаръ, другой карло — Хомякъ, постельница Софіина — Родимица (?).

Иванъ Нарышкинъ, спритавшись въ первый день бунта, въ покоехъ царицы Марѣи Матвѣевны „для непознанія себя имѣвшіе у себя долгіе волосы остригъ, и былъ тутъ съ вышеобъявленными особами“ (отцемъ, братьями, родственниками, молодымъ Матвѣевымъ и проч.) (VI, стр. 112). Такъ точно значится и по списку Сахарова (стр. 27). Но по другому списку у Туманскаго, разказано вотъ какъ: „Онъ бояринъ Иванъ Кириловичъ всѣмъ тѣмъ именованнымъ особамъ, ради безопасности и непознанію ихъ, долгіе бывшіе у нихъ волосы остригъ“ (I, стр. 156). Преданнаго послѣ стрѣльцамъ, Нарышкина, по одному списку Туманскаго (VI, стр. 46): „Ухвативши за руки и за всѣ члены изъ многихъ руками тѣ злодѣи похитя“ и проч., а по другому списку (I, стр. 162): „звѣрски его г. Нарышкина за волосы ухвата, и за всѣ члены изъ многихъ руками тѣ злодѣи похитя“, и проч. У Сахарова, стр. 30, точно также.

Упрекаютъ Матвѣева въ пристрастія къ отцу; оно очень естественно, и ничто не мѣшаетъ принимать его показаніе съ критикою. Обвиняютъ въ ненависти къ стрѣльцамъ, — она также очень законна, ибо стрѣльцы мучительски убили его отца. Впрочемъ въ судѣ о стрѣль-

дахъ Матвѣевъ мало отстаеетъ отъ Медвѣдева, хотя проф. Аристовъ (въ своей книгѣ: „Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны) и видитъ большое между ними различіе. Касательно обвиненія Матвѣевымъ Софіи и Милославскаго должно сказать: если Софія была виновата въ первомъ стрѣльцкомъ бунтѣ, въ чемъ, кажется, нельзя сомнѣваться (см. ниже, въ изслѣдованіи), то Матвѣевъ за ея обвиненіе не подлежитъ порицанію. Преувеличеніе же можетъ легко быть отстранено. Уму и способностямъ царевны Софіи Матвѣевъ отдаеетъ полную справедливость: „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проныцательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва“ (I, стр. 119). Замѣтимъ, что обвинять несправедливо можно бы по страсти при жизни, при силѣ, а по совершенномъ пораженіи и наказаніи, по смерти, чрезъ тридцать-сорокъ лѣтъ, выдумывать на покойниковъ, безъ всякой цѣли, никакъ не вѣроятно.

Выраженія слишкомъ бранныя, могутъ объясняться еще его риторикой.

Укажемъ на ошибочныя извѣстія: объ умерщвленіи сына Ромодановскаго, который былъ пощаженъ, по извѣстію датскаго резидента. и не значится въ числѣ убитыхъ ни у Медвѣдева, ни въ разрядной запискѣ.

Не вѣрно извѣстіе о присутствіи царей при преніи съ раскольниками въ Грановитой палатѣ, о чемъ не говорятъ ни Савва Романовъ, ни патріархъ въ своемъ увѣтѣ, ни Медвѣдевъ.

Также не вѣрно извѣстіе о высылкѣ стрѣльцами раскольниковъ изъ Кремля послѣ ихъ пренія. Объ обморожѣ Никиты Пустосвята извѣстія нѣтъ нигдѣ болѣе: „и вышедши изъ воротъ Спасскихъ, какъ новый Симоѣвъ волхвъ всенародно діаволомъ на землю пораженъ былъ“ (стр. 40). Можетъ-быть онъ упалъ вслѣдствіе усталости.

Страннѣе всего перестановка заговора Циклерова ко времени по возвращеніи государя изъ чужихъ краевъ, послѣ пораженія стрѣльцевъ подъ Воскресенскомъ, между тѣмъ какъ заговоръ случился предъ путешествіемъ. Пишучи на память чрезъ долгое время, Матвѣевъ могъ опшибаться неумышленно. Такъ, 16-го малъ сказано: стрѣльцы стали близъ самыхъ палатъ, гдѣ съѣхались многія знатныя персоны. Но какія же персоны могли съѣхаться, если въѣздъ и выѣздъ изъ Кремля былъ запертъ? Впрочемъ это, можетъ-быть, разумѣется о боярахъ, жившихъ въ Кремлѣ. О перьяхъ стрѣльцкихъ сматеніяхъ въ полку Пыжева, о просьбахъ на полковника Грибоѣдова, до кончины Федора, Матвѣевъ не говоритъ ни слова и начинаеетъ прямо съ бунта

15-го мая, съ участіемъ въ немъ царевны Софіи, имѣя, разумѣется, главною цѣлію обвинить ее. О непосредственномъ участіи ея въ наказаніи раскольниковъ онъ умалчиваетъ, можетъ-быть, для того чтобы не имѣть видно повода сказать о ней что либо хорошее. О правленіи царевны Матвѣевъ не говоритъ ничего, имѣя цѣлію описать только Стрѣлцкіе бунты; изъ двухъ Крымскихъ походовъ говоритъ онъ только о первомъ.

Мелкія противорѣчія ничего не значатъ, напримѣръ: у Матвѣева, отецъ Долгорукаго убитъ 16-го мая, а у Медвѣдева, 15-го, равно какъ и Языковъ. Дьякъ Кириловъ у Матвѣева убитъ 15-го, а въ официальной запискѣ — 16-го.

Записка Матвѣева написана ужаснымъ витіеватымъ слогомъ, хотя и прорываются у него простонародныя выраженія: приводитъ, сжевын рукавицы, ужъ въ травѣ не утаится, молотъ вскорѣ нашелся, когда бы желѣзо вскипѣло имъ ковать (должно быть испорченная пословица).

Записка напечатана у Туманскаго съ крайнею небрежностію, такъ что въ иныхъ случаяхъ трудно добратъся смысла, а въ другихъ получаемъ смыслъ превратный; напримѣръ въ спискѣ (тома VI стр. 33) значится: Князь Михайло Черкасской весьма великодушное и достойное памяти дѣло учинилъ, хотя отъ рукъ стрѣлцкихъ избавить.... Матвѣева. „Но тѣ неукротимыя и чelовѣческія крови наполненныя руки подхватя князя Черкаскаго разодрали на немъ платье и бросили съ Краснаго крыльца“. Сброшенъ былъ Матвѣевъ, а не Черкасскій, на которомъ стрѣльцы только изорвали платье, отнимал у него Матвѣева, какъ то и видно по другимъ спискамъ. (I, стр. 146): „Но тѣ неукротимыя... руки... его боярина Матвѣева, ни въ чемъ имъ исповиннаго, изъ подъ него боярина князя Черкаскаго выдрали, разодрали на немъ помянутомъ князѣ платье, и потомъ бросили (то-есть, Матвѣева) съ Краснаго крыльца на площадь и... разрубили“. Такъ точно и у Сахарова, стр. 22. Вотъ еще примѣры небрежности Туманскаго: VI, стр. 35: „На томъ же крыльцѣ взяли они стрѣльцы... Иванова... Ларіонова... Горюшкина... Юренива, которымъ учинили свободу“. (Последнихъ бессмысленныхъ словъ у Сахарова нѣтъ). Извѣстно, что всѣ означенныя лица были убиты. Убіеніе Ларіонова у самого Матвѣева писано ниже. На стр. 45 и 46 представляется совершенный безпорядокъ: сперва описывается выдача Ивана Нарышкина стрѣльцамъ („котораго взяли они стрѣльцы вышнѣ“), а потомъ говорится объ образѣ, переданномъ царевной царицѣ, которая отдала его брату, приводится рѣчь князя Одоевского о выдачѣ, и наконецъ, опять опи-

саніе, какъ царица отворила дворъ за Золотою рѣшеткой и отдала брата стрѣльцамъ. Вся путаница происходитъ отъ бессмысленныхъ вышеприведенныхъ словъ, вмѣсто которыхъ въ другомъ спискѣ (I, стр. 160), и въ Сахаровскомъ (стр. 29) сказано: „по тѣхъ словахъ вышли они“, то - есть, царица съ братомъ, и проч. Такъ точно на стр. 42, VI, въ описаніи, какъ на первый день бунта постельница Клушина спратала Ивана Нарышкина съ меньшими братьями, молодымъ Матвѣевымъ и прочими въ чуланѣ, употребленіе слова „однѣ“ чуланъ вмѣсто „оный“ чуланъ совершенно затемняетъ смыслъ, ясный по списку Туманскаго I, стр. 157, и у Сахарова, стр. 27.

У Туманскаго въ Собраніи записка Матвѣева напечатана вдвойнѣ: въ I-й части подъ заглавіемъ: Описаніе бунта въ 1682 году съ рукописи, стр. 109—229, и въ VI-й части подъ заглавіемъ: Описаніе графа Матвѣева, стр. 8—56, и еще стр. 86—96, съ большими пропусками.

II.

Записка Медвѣева.

Медвѣевъ, землякъ и другъ Шаковитаго (изъ села Новоселки, въ 40 верстахъ отъ Курска), служилъ вмѣстѣ съ нимъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ приказѣ тайныхъ дѣлъ подъячникомъ; постригся въ монахи въ Путивлѣ, сблизился въ послѣдствіи съ наставникомъ царя Феодора Алексѣевича Симеономъ Полоцкимъ, и поступивъ въ строители Занкопоспасскаго монастыря, предался ученію и написалъ нѣсколько сочиненій. Онъ сдѣлался извѣстнымъ наконецъ царевнѣ Софіи и надѣялся, говорить, сдѣлаться при ней патріархомъ.

На чемъ основано мнѣніе, что записка принадлежитъ ему? На свидѣтельствѣ Татищева, которое подтвердилъ Устряловъ, сообщивъ слѣдующее извѣстіе:

„Изъ розыскаго дѣла о Шаковитомъ открывается“, говоритъ онъ, „что Медвѣевъ, кромѣ сочиненій богословскихъ, политическихъ, стихотворныхъ, составилъ еще лѣтописную книгу о правленіи царевны Софіи съ 7190 года. Намъ же извѣстна рукопись подъ заглавіемъ: „Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92 въ нихъ же что содѣяно во гражданствѣ“. Устряловъ выразился неясно: онъ хотѣлъ, кажется, сказать, что записка, приписываемая обыкновенно Медвѣеву, имѣетъ въ рукописи, ему извѣстной, заглавіе: Созерцаніе и проч.,

чѣмъ и подтверждается, вѣстѣ съ извѣстіемъ розыскаго дѣла, ея принадлежность этому ученому монаху.

Г. Аристовъ приводитъ слѣдующее показаніе самаго Медвѣдева изъ дѣла о Шабловитомъ: „Была у меня написана книга лѣтописная, начата съ 90 года о правленіи великой государыни, и что было съ того году, а писана та книга съ письма Каріонова (Истоминна), а чернилъ ту книгу я, а переписывалъ дьячекъ Ивашка“. Эта книга хранится въ библиотекѣ Петербургской академіи наукъ подъ заглавіемъ: Совершаніе краткое лѣтъ ¹⁾ и проч. (Аристовъ, „Московскіи смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны“ примѣчаніе 3).

Спрашивается: какая-жъ осталась книга? подлинная, переписанная Ивашкой, или списокъ ея? Если списокъ, то какой—современный, или нѣтъ?

Изъ словъ г. Аристова мы можемъ заключить только, что это не черновая книга, правленная Медвѣдевымъ, ибо онъ говоритъ далѣе: „Что въ этомъ сочиненіи принадлежитъ перу Истоминна и Медвѣдева и что внесено въ XVIII (?) вѣкъ — отгадать мудрено“. И нашелъ послѣ въ дѣлѣ о Шабловитомъ вариантъ этого извѣстія: была-де у него написана книга лѣтописная о правленіи великія государыни.

Если записка принадлежитъ Медвѣдеву, то когда имъ написана?

Вѣроятно послѣ казни Хованскаго, съ цѣлію оправдать ее, равно какъ и осужденіе стрѣльцевъ, которыхъ неистовства изображены въ ней самыми яркими красками.

Изъ содержанія записки видно, что сочинитель былъ приверженцемъ царевны Софіи и имѣлъ въ рукахъ подлинныя документы, которыхъ теперь не отыскивается; всѣ частныя извѣстія его вѣрны, подтверждаются другими документами и представляютъ многія драгоцѣнныя черты, имѣ только сохраненныя.

Передадимъ содержаніе записки:

Начало смутеній въ зимнее время (190 года), жалобы стрѣльцевъ полку Пыжева. Несправедливое и жестокое наказаніе жалобщиковъ по распоряженію боярина Языкова. У Туманскаго, VI, стр. 54. Здѣсь авторъ глубокомысленно замѣчаетъ: „о неразумныхъ бѣдствснаго совѣта, яко неправеднымъ народъ паче хоцуть удержати страхомъ, нежели праведною любовію“.

Апрѣля 23-го. Новая жалоба на полковника Грибоѣдова, который былъ посаженъ въ тюрьму только на день. Стрѣльцы, опасаясь та-

¹⁾ Введенію, стр. I, III.

кого же собѣ наказанія, какъ прежде, начали волноваться и совѣщаться о мѣрахъ спасенія. Стр. 56.

Смерть Ѳедора, апрѣля 27-го, въ четвергъ въ 13 часовъ дня. Избраніе въ тотъ же день Петра, общимъ согласіемъ всѣхъ сословій, по вызову патріарха, присяга и проч. Стр. 57—63.

Апрѣля 28-го. Погребеніе Ѳедора. Опасенія стрѣльцевъ, 64.

Апрѣля 30-го и мая 5-го. Просьбы стрѣльцевъ на полковниковъ. Приказаніе выдать ихъ головою стрѣльцамъ. Участіе патріарха и просьба къ нимъ не требовать къ собѣ полковниковъ: 65.

Расправа съ полковниками передъ разрядомъ: биты битегами; потери и убытки стрѣльцевъ съ нихъ взысканы. Каждому изъ наказанныхъ исчислены подробно его вины. 66—70.

Стрѣльцы тѣмъ не удовольствовались, буйствовали, начиная съ поля Колобова, и злобились больше и больше на начальниковъ и придворныхъ премошниковъ. 71.

Мая 15-го. Въ полномъ вооруженіи устремились на Кремль, заперли ворота и окружили Красное крыльцо. 72.

Съ верху послано за патріархомъ. Стрѣльцы кричали, что нѣкоторые бояре хотятъ царскій родъ извести, и царевича Ивана умертвить. На вопросъ присланныхъ бояръ отвѣчали также. 73.

Царица, съ патріархомъ и боярами, вышли на Красное крыльцо, по общему совѣту, гдѣ были и царевны, и показали имъ и царя, и царевича. Патріархъ хотѣлъ сойдти къ нимъ внизъ. „Ненужны ничьи совѣты“, закричали они въ отвѣтъ; „пора разбирать, кого намъ надо“, бросились вверхъ и убили Матвѣева, Аванасія Нарышкина, Ларіона Иванова съ сыномъ, М. Ю. Долгорукаго, Петра Михайловича Самтыкова, принятаго за Ивана Нарышкина, Андрея Доктурова. 74—76.

Убіеніе Ромодановскаго, Ларіона Иванова (?). Въ тотъ же день, за два часа до вечера, Ю. А. Долгорукаго, Ивана Нарышкина, въ 1-мъ часу ночи — Языкова. 77.

Описаніе, какъ трупы убитыхъ были таскаемы на Красную площадь. 78.

Опустошеніе суднаго и холопьяго приказовъ, для привлеченія на свою сторону холопей. 78.

Мая 16-го, въ 1 часу дня, стрѣльцы пришли къ царскимъ палатамъ и убили Аверкія Кирилова, доктора Яна Гутменша, стольника Якова Данилова, сына доктора Данилы, и требовали у Патріарха, чтобъ выдалъ у него якобы спрятанныхъ. 79.

Мая 17-го. Требуютъ у царя и царицы Натальи Кирилловны, чтобъ выдала отца, К. П. и брата И. К., доктора Данилу. Страшный вазнь И. Нарышкина и доктора Данила. 80.

Постриженіе отца царицы и отсылка на Бѣлоозеро. Запрещеніе грабить. 81.

Стрѣльцы назвали себя надворною пѣхотою. Всеобщій ужасъ. Многіе жители разбѣжались. 81.

Царевна Софія укрощаетъ бунтъ своими увѣщаніями. Жалуется по 10 руб. на челоуѣка. Начальникомъ назначенъ князь Хованскій. 83.

Возстаніе раскольниковъ - капитановъ, которые хотѣли воспользоваться общимъ разстройствомъ. Князь Хованскій иокровительствуетъ. 135.

Проповѣдь раскольниковъ по улицамъ. 136.

Сочиняютъ челобитную о преніи на Красной площади съ намѣреніемъ „лестью всѣхъ побить“.

Юля 3-го. Князь Хованскій зоветъ патріарха на преніе, якобы по указу царскому. 137.

Патріархъ безъ царей отказывается, служить молебень, 138.

Раскольники приходятъ на площадь. 139.

Хованскій зоветъ патріарха идти къ государямъ черезъ Красное крыльце, гдѣ было множество раскольниковъ, „хотя раскольники желаніе свое о убійствѣ патріарха исполнить. 140.

Навѣты князя Хованскаго и устрашенія, дознанныя царевной черезъ выборныхъ стрѣльцевъ. 141.

Хованскій отговариваетъ царевну идти въ Грановитую палату съ патріархомъ и властями подъ страхомъ смерти, но напрасно. 142, 143.

Собраніе въ Грановитой палатѣ. Хованскій продолжаетъ настаивать на прежнемъ своемъ мнѣніи. 144—148.

Раскольники призываются. Софія спрашиваетъ о причинѣ ихъ возмущенія. 149.

Препинаніе съ Никитой. 150.

Чтеніе челобитной. Рѣчь патріарха. 151—153.

Дѣйствія раскольниковъ. Рѣчь Софіи, которая грозитъ удаленіемъ. Присутствующіе просятъ ее остаться. 154, 155.

Окончаніе пренія во времени вечеренъ. Раскольники расходятся, торжествуя якобы свою побѣду. 156.

По приказанію царевны выборными стрѣльцами они перехватаны, и Никита казненъ въ юнѣ. 157, 158.

Продолженіе смуть. Слухи о намѣреніи бояръ перевести стрѣльцевъ. Казнь царевича Одышевскаго Матвѣя. 111, 112.

Казнь привезеннаго полковника Степана Янова по распоряженію стрѣльцевъ, Ярославца Визяева, дворянина Московскаго Вешнякова, по оговорамъ. 113.

Отказъ о выдачѣ даточнымъ стрѣльцамъ подможныхъ денегъ съ монастырей. 114.

Возмутительныя рѣчи Хованскаго. Злоумышленія стрѣльцевъ убитъ царей, 19-го августа, на ходу въ Донской монастырь, и избрать новаго цара. 115.

Цари въ ходъ не пошли, но прибыли съ монастырь послѣ. Рѣшено оставить Москву. Отъѣздъ въ село Коломенское. 116, 117.

1-го сентабря на дѣйствіе никого не было въ Москвѣ изъ правительства, кромѣ одного окольногочаго. Общій страхъ. 97.

Преданность стрѣльцевъ Хованскому. Подметное письмо, сентабря 2-го, въ Коломенскомъ объ его умыслѣ. 98—100.

Отъѣздъ царскаго двора изъ Коломенскаго въ Саввинъ монастырь и призывныя грамоты оттуда, съ описаніемъ измѣны Хованскихъ. 101—111 ¹⁾.

Отмѣтимъ извѣстія, собственно принадлежащія Медвѣдеву:

Жалоба изъ полка Пижева и жестокое наказаніе жалобщиковъ.

Просьба изъ полка Грибоѣдова и ея слѣдствія.

Начало смущенія въ полку Колобова.

Посланіе патріарха къ стрѣльцамъ съ просьбою не требовать къ себѣ полковниковъ.

Челобитная стрѣльцевъ 4-го мая, которая подтверждается ея удовлетвореніемъ 5-го мая, записаннымъ въ разрядной запискѣ.

Исчисленіе винъ полковниковъ предъ наказаніемъ ихъ.

Буйный отвѣтъ патріарху, который хотѣлъ уговорить стрѣльцевъ.

Описаніе, какъ стрѣльцы тащили убитыхъ на площадь, какъ пытали Ивана Нарышкина, какъ уведень былъ на постриженіе Кирило Нарышкинъ и отвезенъ на Бѣлоозеро.

Извѣстіе о бѣгствѣ изъ Москвы лицъ служилаго сословія.

Многія грамоты сохранились только у Медвѣдева.

¹⁾ По запискѣ Медвѣдева ясно, какъ поверхностно еще обращаются у насъ изслѣдователи съ источниками: мы не знаемъ, чѣмъ собственно оканчивается эта записка, какимъ образомъ жалованная грамота попала въ стрѣльцамъ послѣ извѣстія объ измѣнѣ Хованскихъ, есть ли у Медвѣдева описаніе казни Хованскихъ и проч.

Прочія извѣстія согласуются съ другими свидѣтелями, напримѣръ, о смерти Ѳедора въ 13-мъ часу, о приготовленіяхъ всѣхъ полковъ 15-го мая, о началѣ бунта въ 9-мъ часу, объ убійствѣ молодаго Салтыкова по ошибкѣ, и проч.

Буйства и свирѣпость стрѣльцевъ описаны безпристрастно. Избраніе Петрово обстоятельнѣе, нежели въ другихъ источникахъ.

Медвѣдеву противорѣчій нѣтъ нигдѣ никакихъ, а развѣ подтвержденія, напримѣръ, о первыхъ жалобахъ на полковника Грибоѣдова, о распускавшихся слухахъ, о казни царевича Матвѣя, Ярославца Бизнева, Вешняковъ.

Нѣкоторыя разнорѣчія не важны: напримѣръ, по Медвѣдеву, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій убитъ въ первый день, за два часа до вечера, а Языковъ—въ 1-мъ часу ночи. У Матвѣева же Долгорукій убитъ на другой день, а Языковъ—на третій, какъ и въ официальной запискѣ.

При такихъ достоинствахъ историческаго памятника, что же можно сказать противъ него?

Нельзя сказать ничего противъ того, что есть, но можно сказать много о немъ по тому, чего нѣтъ, что имъ умолчано, съ очевидными задними мыслями. Это умолчаніе свидѣтельствуешь всего убѣдительнѣе противъ Медвѣдева и служить вмѣстѣ къ подтвержденію другихъ извѣстій о началѣ стрѣлецкаго бунта.

Какимъ образомъ историкъ, который хочетъ представить „созерцаніе, что содѣяно во гражданствѣ“, который описываетъ избраніе Петрово на трехъ страницахъ и передаетъ со всѣми подробностями вины полковниковъ стрѣлецкихъ, не находитъ нужнымъ описать, даже упомянуть, о возвращеніи *Матвѣева*, не сказать ни слова о томъ, что весь бунтъ былъ устремленъ противъ *Нарышкиныхъ* и ихъ друзей, что прочіе сановники, *другая партія*, остались неприкосновенными, что среди бунта смѣнено было правительство прежнее и установлено новое изъ друзей Софійиныхъ, и что бунтъ кончился избраніемъ на царство Ивана и правленіемъ царевны Софіи? Медвѣдевъ всѣ эти главные послѣдствія бунта проходитъ молчаніемъ, какъ-бы оправдывая простую пословицу: „знаетъ кошка, чье мясо съѣла“.

Видно, было нужно умолчать ихъ? Да, для того, чтобъ отстранить всякую тѣнь подозрѣнія отъ царевны Софіи, которой Медвѣдевъ былъ преданъ душою. Съ этою цѣлію онъ приписываетъ начало бунта однимъ стрѣльцамъ, вслѣдствіе притѣсненій, которымъ они подвергались отъ своихъ полковниковъ, и несправедливости правительства, наказывавшаго ихъ за жалобы. 15-го, 16-го, 17-го мая, они

раздѣлялись, съ кѣмъ имъ было надо и были наконецъ укрошены царевною Софіей.

Одно показаніе датскаго резидента, который былъ охраняемъ во второй день бунта именемъ царевны Софіи,—и вопросъ князя Хованскаго, тогда же при ней обращенный къ стрѣльцамъ: удалить ли царицу Наталью Кириловну изъ дворца, доказываетъ участіе и значеніе царевны Софіи въ первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, несправедливо отрицаемое профессоромъ Аристовымъ, который принимаетъ показаніе Медвѣдева безусловно.

Излагая по-своему событія, Медвѣдевъ не замѣчаетъ, въ какое противорѣчіе онъ впадаетъ даже съ грамотою, имъ же сохраненною, гдѣ, при провознесеніи приговора Хованскому, приписывается ужъ ему, Хованскому, а не стрѣльцамъ, начало бунта. Медвѣдевъ извѣстіями своими о Хованскомъ опровергнулъ самъ прежнія свои показанія и доказалъ, что въ нихъ столь же мало правды, какъ и въ послѣднихъ, и что записка его написана съ задними мыслями. О Хованскомъ нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека по всѣхъ источникахъ, на чтѣ ему нужно-бы было первое возбужденіе стрѣльцевъ.

Почему Медвѣдевъ, напримѣръ, отнесся бы съ бѣльшимъ пристрастіемъ къ Милославскому, чѣмъ къ Хованскому, котораго онъ и по имени не называетъ до случившейся съ нимъ катастрофы, а приписываетъ всю бѣду Милославскому, даже и не упомянутому Медвѣдевымъ. Хованскій былъ участникомъ въ бунтѣ съ Софіей, но не зачинщикомъ. Опъ сдѣлался опаснымъ для правительства своими замыслами и во всякомъ случаѣ былъ страшенъ для нея, какъ человѣкъ безпокойный и нескромный свидѣтель, Тараруй. Отъ него надо было избавиться, вмѣстѣ съ другими повѣрными изъ стрѣльцевъ — Борисомъ Одинцовымъ и проч. Чтобы оправдать его казнь и вмѣстѣ отвести отъ себя подозрѣніе, которое, разумѣется, распространялось въ народѣ, встало было приписать ему и начало всѣхъ смутеній и свалить всю вину на него, — а вина, видно, была. Чья же?

III.

Книга записная царя и великаго князя Петра Алексѣевича, въ 190 году ¹⁾.

Эта записка краткая, но очень важная, представляетъ слѣдующія данныя, коими подтверждаются показанія прочихъ источниковъ, имѣвшія въ томъ нужду, и другія, какихъ нѣтъ нигдѣ.

¹⁾ Напечатана въ прилож. къ Исторіи Россіи, Соловьевъ, т. XIII, стр. 400.

Нареченіе на царство Петра апрѣля 27-го, въ 13 часу, въ четвергь Ѳоминой недѣли.

Отказъ стрѣльцевъ присягать въ приказѣ Александра Каравдѣева. Уговорены присланными княземъ Щербатымъ и дьякомъ Украинцовымъ.

Пожалованы въ спальники: братья царицы Нарышкины: Иванъ, Аѳанасій, Левъ, Мартемьянъ, другіе Нарышкины, Юшковъ, Стрѣшевъ.

Возвращено боярство Матвѣеву. Нѣсколько Нарышкиныхъ вызвано изъ опалы.

Приказъ большой казны и проч. порученъ боярину князю Я. Н. Одоевскому, Д. М. Башмакову да дьяку Полюнскому.

28-го апрѣля. Погребеніе цари Ѳодора Алексѣевича. За гробомъ изъ дворца шли царь Петръ, царица Наталья Кирилловна, и царевна Софія Алексѣевна.

Царица Наталья Кирилловна съ молодымъ сыномъ своимъ на отиѣваніи у обѣдни не присутствовала.

29-го числа. Просьба стрѣльцевъ на полковниковъ и на пятидесятскихъ въ насильствахъ, налогахъ и раззореніяхъ.

Велѣно просьбы принять и обсудить патриарху съ боярами, а полковниковъ допросить.

Посланъ дьякъ Ларионовъ уговаривать—били челомъ противъ прежняго челобитья.

30-го апрѣля. Велѣно посадить въ тюрьму полковниковъ, вотчины у нихъ отобрать, отъ приказовъ отставить и взискать требуемое.

Назначены новые полковники.

Мая того жъ числа (мая 1-го). Сказалъ великій государь наказаніе учинить—бити кнутомъ А. Карандѣева и С. Грибоѣдова, прочихъ батогами.

5-го мая. Стояли на правожѣ полковники противъ стрѣлецкихъ челобитенъ.

7-го мая. Большой выходъ въ соборы.

Иванъ Нарышкинъ пожалованъ бояриномъ и оружничимъ.

12-го мая. Возвращеніе Матвѣеву вотчинъ и людей.

Мая въ 15-й день учинилось смутное время, и то писано въ особой книгѣ.

Мая 16-го. Перемѣна управленія.

Смутное время

(ТАКЪ ОЗАГЛАВЛЕНА ОСОБАЯ ЗАПИСКА РАЗЯДНАЯ ¹⁾).

Мая 15-го. Была на Москвѣ смута: приходили въ Кремль солдаты полка Матвѣя Кравкова да стрѣльцы всѣхъ приказовъ... Стрѣляли и побили боярскихъ людей и лошадей многихъ, а нѣмкихъ переранили.

Высланъ бояринъ князь Хованскій спросить о причинѣ. (Извѣстія объ этомъ особомъ порученіи Ховацкаго нѣтъ болѣе нигдѣ).

Стрѣльцы говорили объ измѣнѣ бояръ, требовали, чтобъ имъ былъ показанъ царевичъ Иванъ Алексѣевичъ.

Царь, царица и патріархъ выходили на крыльцо.

Посланы впивъ уговаривать стрѣльцевъ бояре: князь Черкасскій, князь Хованскій, Шереметевъ, князь Вас. Вас. Голицынъ и проч.

Стрѣльцы потребовали бояръ: князя Юрія Долгорукова, князя Григорія Ромодановскаго, князя Михаила Долгорукова, Кирила Нарышкина, А. С. Матвѣева, Ивана Максимовича Языкова, да боярина и оруженчаго Ивана Кириловича Нарышкина, постельничаго Алексѣя Т. Лихачева, казначея Михаила Т. Лихачева, чапшика Семена Ивановича Языкова, думныхъ дьяковъ: Ларіона Иванова, Давиду Полянскаго, Григорья Богданова, Алексѣя Кирилова, спальниковъ: Аванасья, Льва, Марьтемьяна, Ѳедора, Василья, Петра Нарышкинскихъ ²⁾).

Давъ отвѣтъ, что ихъ на веру нѣтъ. Стрѣльцы пошли искать ихъ по всѣмъ покоямъ и убили Матвѣева, князя Гр. Гр. Ромодановскаго, Мих. Юр. Долгорукаго, И. М. Языкова—на Никитской, Ю. А. Долгорукаго, Ларіона Иванова и сына его Василья, Дохтурова, Горюшкина, Аванасья Нарышкина, Ѳедора Салтыкова, по ошибкѣ вмѣсто Ивана Нарышкина, Петра Ѳомина Нарышкина—*за Москвой рѣкою*.

Мая 16-го. Стрѣльцы приходили на постельное крыльцо. Царевны выходили ихъ уговаривать. Они требовали прежде названныхъ и еще докторовъ Степана да Яна. (Извѣстія о царевнахъ нѣтъ болѣе нигдѣ).

Велѣно выдать дьяка Аверкія Кирилова (?), Яна и Степанова сына. (Подтверждаются сказанія датскаго резидента и Матвѣева). Стрѣльцы убили ихъ, а прочіихъ простили (?). Рѣшеніе судьбы Ивана Нарышкина и Степана царевны упростили отложить до утра (?). (Этого извѣстія нѣтъ болѣе нигдѣ).

¹⁾ Тамъ же, стр. 413.

²⁾ Стр. 414.

Два приказа пошли въ Нѣмецкую слободу и привели Степана въ нищенскомъ платьѣ и отдали подъ стражу. (Подтверждаетъ и датскій резидентъ).

Мая 17-го. Стрѣльцы пришли опять на постельное крыльцо. Царевны просили о Кирилѣ Полуектовичѣ Нарышкинѣ и Степанѣ. Стрѣльцы согласились постричь отца царицы, а прочихъ вытребовали. Ивана Нарышкина и Степана, послѣ ужасной пытки, убили въ застѣннѣхъ.

Мая 18-го. Стрѣльцы приходили безъ ружей требовать постриженія дѣда царскаго, Кирилы Полуектовича Нарышкина, который и былъ постриженъ и отправленъ въ Кириловъ монастырь.

Опредѣлено стрѣльцами ничьихъ домовъ не грабить, и грабившіе были казнены ими же.

Мая 19-го. Стрѣльцы требовали жалованья съ 154 года, — 240 тысячъ.

Царь пожаловалъ имъ по 10 руб. на человѣка.

Стрѣльцы просили отдать имъ имѣніе убитыхъ ими бояръ и думныхъ людей.

Мая 20-го. Стрѣльцы требовали ссылки Лихачевыхъ и другихъ служилыхъ людей.

Мая 26-го. Нареченъ на царство царевичъ Иванъ Алексѣевичъ.

Просьба боярскихъ дворовыхъ людей о свободѣ. Пытки.

Іюля 5-го (ошибкою напечатано іюня). Тревога по поводу слуховъ о намѣреніи боярскихъ людей идти на стрѣльцевъ.

Іюля 13-го. Пытанъ царевичъ Матвѣй и Ярославецъ въ распущеніи слуховъ.

Іюля 15-го. Казнены также стольникъ Степанъ (Яновъ), Яковъ и Матвѣй Вешняковы.

Просьба стрѣльцевъ о памятникѣ, который столбъ и поставленъ. Велѣно называть стрѣльцевъ надворною пѣхотой.

Съ тѣхъ поръ немногіе дни были безъ стрѣльбы.

Августа 20-го. Въ походѣ, въ Коломенскомъ, подметное письмо объ измѣнѣ князя Хованскаго съ сыномъ, которые хотѣли быть на Московскомъ государствѣ и избить бояръ поименованныхъ.

Сентября 1-го. Цари въ дѣйство (Новаго лѣта) не ходили, а велѣли быть князю Ивану Хованскому, и онъ послушался и на дѣйство не ходилъ.

Сентября 3-го. Походъ въ Звѣнигородъ и оттуда къ Троицѣ.

Сентября 16-го. Измѣна черезъ переметныя письма объявилася,

и послана по Хованскихъ грамота. (Извѣстія о вывозѣ вѣтъ нигдѣ болѣе).

Сентября 17-го. Князь Хованскій схваченъ на пути подъ Пушкинымъ, а сынъ его—въ деревнѣ противъ Вратовщины, и привезены въ Воздвиженское. На площади противъ церкви предъ боярами и думными людьми прочтена имъ грамота думнымъ дьякомъ Ѳеодоромъ Шакловитымъ, и отсѣчены имъ головы, до вечера за часъ.

Меньшой сынъ Хованскаго Иванъ и племянникъ Ѳеодоръ бѣжали. Послѣдній пойманъ, а Иванъ въ часъ ночи добрался до стрѣльцевъ и возвѣстилъ имъ казнь отца и брата и намѣреніе правительства истребить надворную пѣхоту.

Стрѣльцы захватили все казенное оружіе въ Москвѣ и собирались идти въ походъ къ Троицѣ.

Посланъ къ нимъ стольникъ Зиновьевъ съ грамотою, но напрасно. Цари отпранились къ Троицѣ и разослали грамоты по городамъ по ратныхъ людей.

Сентября 20-го. Посланъ къ нимъ уговаривать думный дворянинъ Голосовъ.

Сентября дня. Пріѣзжалъ къ Троицѣ митрополитъ Суздальскій Иларіонъ съ повинною стрѣльцевъ.

Прощены. Велѣно привезть князя Ивана Хованскаго, который и привезенъ вмѣстѣ съ Павломъ Янковымъ. Хованскій сосланъ въ Сибирь.

Октября дня. Возвращеніе въ Москву.

Эта запасная книга принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ официальныхъ. Она писана въ правленіе Софін, слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть ничего въ предосужденіе царевны; но истина вездѣ зараниваетъ искры, какъ сказалъ Карамзинъ, и мы находимъ здѣсь важныя указанія, которыя проливаютъ свѣтъ на другія, безъ нихъ не совсѣмъ понятныя или сомнительныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ, содѣйствуютъ къ изображенію времени.

Объясненіе благопридуманнаго названія бунтовъ смутнымъ временемъ находимъ мы у Матвѣева (что служить, между прочимъ, къ подтвержденію *вѣрности* его извѣстій): „въ 16-й день іюня оба брата государя цари Иванъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, ... рукою... патріарха... были вѣнчаны; бунтовое жъ то время человѣкоугодницы придворные скрывая называли *смутнымъ временемъ*“. (У Туманскаго, т. 1, стр. 173).

Въ записной книгѣ мы читаемъ: „а за нимъ (за тѣломъ царя Федора) шелъ великій государь, да государыня царица и великая княгиня Наталья Кирилловна, да государыня царевна и великая княжна Софія Алексѣевна“ (стр. 402). Этими извѣстіями—о присутствіи царицы Софіи и отсутствіи царицы Натальи Кирилловны—подтверждается записка Матвѣева съ ея объясненіями и свѣдѣніи Невилла (о которыхъ см. ниже).

Далѣе записка доставляетъ положительныя свѣдѣнія, изо дни въ день, о первыхъ движеніяхъ стрѣльцевъ и расправѣ съ полковниками, въ подтвержденіе извѣстій Медвѣева. Замѣтимъ въ особенности одно изъ нихъ: 5-го мая, о стояніи полковниковъ на правожѣ, а 4-го, по Медвѣеву, было подано о томъ челобитіе стрѣльцевъ. Одно извѣстіе подтверждается и дополняется другимъ.

Извѣстіе о большомъ выходѣ царей въ соборы 7-го мая и пожалованіи И. Нарышкина въ тотъ день бояриномъ, равно какъ и другія милости придворныя, проливаютъ свѣтъ на взаимныя отношенія дѣйствовавшихъ лицъ.

Въ описаніи бунта на первый день, 15-го мая, извѣстіемъ о побояхъ боярскихъ людей и лошадей въ Кремлѣ подтверждается извѣстіе Матвѣева и Медвѣева также.

Извѣстіе объ умерщвленіи Языкова на Никитской и Петра Федоровича Нарышкина за Москвою рѣкою подтверждаетъ Матвѣева.

Прочими извѣстіями подтверждаются показанія Матвѣева, Медвѣева и датскаго резидента, что служитъ къ доказательству вообще ихъ достовѣрности. Такія подтвержденія значатъ много въ глазахъ критика.

Замѣтимъ извѣстіе невѣрное: князь Юрія Долгорукій и Языковъ были убиты не въ первый день. Это доказываетъ, что и въ официальныхъ документахъ могутъ извѣстія иногда смѣшиваться, почему и нельзя требовать слишкомъ строгой точности въ частныхъ.

Записка писана уже въ правленіе Софіи: потому, можетъ-быть, и выставлено ея ходатайство, на другой день бунта о лицахъ, требовавшихся стрѣльцами, котораго по другимъ документамъ не видно.

IV.

Неизвѣстный (спутникъ Матвѣева).

Странно, что этотъ современный свидѣтель, очевидецъ, представляющій любопытныя свѣдѣнія и о событіяхъ, и о лицахъ, не участвовавшихъ въ бунтѣ, не упоминаетъ о лицахъ, участвовавшихъ въ бунтѣ, не упоминаетъ о лицахъ, участвовавшихъ въ бунтѣ, не упоминаетъ о лицахъ, участвовавшихъ въ бунтѣ.

стоивается у насъ даже чести быть помѣщеннымъ въ числѣ источниковъ. „Сей всѣхъ... челобитень и писемъ многотрудившійся и прежде бывшій (?) въ Пустозерскомъ острогѣ, собственною рукою своею достовѣрный писатель при бывшемъ тамъ какъ долготѣтномъ заточеніи его боярскомъ и неоднократномъ уже въ 185 и потомъ въ 190 годѣхъ отъ воровскаго бунта Московскихъ стрѣльцевъ... съ великимъ любопытствомъ и трудомъ, всѣ тѣ собраныя оныя списатель тщательно, и яко при всемъ томъ его боярскомъ и сына его невинномъ влостраданіи, и при семилѣтнемъ заточеніи съ начала самаго... до Казани... до Пустозерскаго острога... до Мезенска... до Лука... и во время вышеупомянутаго стрѣлецкаго бунта *свидѣтель сей очевидный*, всѣмъ онымъ бѣдствамъ *самовидецъ* и присутственный состралецъ... сіе самое... обстоятельнѣйшее и вѣры достойное изъясненіе... разумному свѣту сообщилъ и предложилъ на безсмертную память... да заградить уста тѣмъ глаголющимъ на праведное беззаконіе“¹⁾.

Выписываемъ ему собственно принадлежащія извѣстія: ими, какъ нитями, скрѣпляются многія дѣла (факты), которыя казались отрывочными.

Анна Петровна Хитрова, святоша, жила въ домѣ боярина Бориса Ивановича Морозова, дядья и друга царя Алексѣя Михайловича. Морозовъ приставилъ ее къ сыну царя Алексѣя Михайловича Федору (авторъ называетъ ее лютою враждебницею и тяжкою озлобительницею), вмѣстѣ съ ея сыномъ Богданомъ Матвѣевичемъ, который изъ городовыхъ Алексинцевъ достигъ до боярскаго чина. Хитровы вознепавидѣли молодую царицу Наталью Кирилловну и ея семейство, ставшее имъ поперегъ дороги, и по смерти царя Алексѣя Михайловича начали вымещать на нихъ свою злобу. Богданъ Матвѣевичъ принялъ къ себѣ племянника Александра Севастьяновича, съ которымъ управлялъ вмѣстѣ дворцовымъ приказомъ. Они пользовались своими мѣстами, что будто бы донесено было Матвѣевымъ царю Алексѣю Михайловичу.

Другое лицо, ненавидѣвшее Матвѣева, былъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, котораго Матвѣевъ удалилъ будто на воеводство въ Астрахань. „Вояринъ И. М. Милославскій, который сверхъ вышеписанной учивенной невинно единны ради токмо зависти наглои и злобы напрасной ему боярину А. С. Матвѣеву и смертной обиды... Явствен-

¹⁾ Исторія о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева, изд. *Носиковымъ*, 1786, стр. 371.

ная и скоропостижная открытою уже зависти наружи, какъ огонь крыющійся и изъ древннго здавія вонъ выбился, оная причина открылась" (стр. 383).

Сообщникомъ ихъ былъ окольникій Василій Семеновичъ Волинскій, заклятый врагъ Матвѣева, который будто ходатайствовалъ за него когда-то предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. У его жены было заведено золотшвейное искусство — были собраны знаменитыя швей золотомъ и серебромъ, и она сдѣлалась необходимою благодѣтельницею для Московскихъ боярынь.

Этимъ лицамъ авторъ¹ приписываетъ сплетеніе всѣхъ клеветъ, по которымъ боярнн Матвѣевъ подвергся ссылкѣ. Для изслѣдованія врагами посланъ былъ въ Казань дьякъ Иванъ Гороховъ, который, во время управленія посольскимъ приказомъ Матвѣева, былъ уличенъ въ тайной перепискѣ съ Донскими казаками, а потомъ и сосланъ въ ссылку. Его взяли изъ ссылки и дали это порученіе. Можно представить себѣ, какъ онъ его исполнилъ, и что Матвѣевъ долженъ былъ вытерпѣть.

Молодая царица, вторая супруга Федорова, Марѳа Матвѣевна Апраксина, обнаружала клеветы и умыслы Хитрова, Милославскаго, Хитровой, примирила своего мужа съ царицею Натальею Кирилловной и сыномъ ея и всѣми Нарышкиными. Разумѣется, молодая царица, 14-ти лѣтъ, была только орудіемъ и дѣйствовала по наученію избравшихъ ее приближенныхъ Федоровыхъ, Языкова и Лихачевыхъ. Всѣ послѣдующія обстоятельства, то-есть, происхожденіе Стрѣлецкаго бунта, описаны въ этой запискѣ очень вѣрно.

Ибо въ тѣ времена при ихъ величествахъ, при великомъ государѣ царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ и при великой его государынѣ царицѣ, братіе ея царицны Петръ и Федоръ Матвѣевичи Апраксины, особливо же причиною свойства боярынь и оружейничій Иванъ Максимовичъ Языковъ, глубокой Московскихъ прежде площадныхъ, потомъ же при томъ времени своемъ дворскій обхожденій проникатель, и постельничій Алексѣй Тимоѣевичъ, и стражчій съ ключемъ братъ его Михаилъ Тимоѣевичъ Лихачевъ, особы, великаго разума и самаго благочестиваго состоянія исполненныи, въ крайней близости и милости у ихъ высокоименованныхъ величествъ обрѣталися и сильнымъ орудіемъ ко оправданію совершенной пединности тѣхъ оклеветанныхъ господъ Нарышкиныхъ и его боярина Артемопа Сергѣевича и сына его... способствовали и весьма въ томъ желаніи своемъ благосклонномъ счастливо такъ предусиляли, и тѣмъ человѣконенавистнымъ боя-

ромъ вышепоименованнымъ Милославскому, Хитрому и сродницъ его, оклеветающимъ тай искреннихъ своихъ, онъ бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ такую жестокою бразду или удило въ зубы ихъ положилъ, что уже и при жизни ихъ мало прѣадамъ своимъ дворъ царскій знали, и при животѣ жъ его жъ Хитрова и чинъ его оружейничество ему боярину Ивану Максимовичу Языкову былъ отдавъ. Стр. 408.

В. М. Хитровъ... въ послѣднее время при дворѣ его царскомъ уже мало бывалъ.

Боярши А. П. Хитрова... по кончинѣ его же.. Ѳедора, за свои неописанныя алобы... отъ всѣхъ уничижена Стр. 400.

Александръ Милославскій... вмѣсто ссылки посланъ онъ былъ воеводою на Пермь (стр. 399)... вѣроятно, при воцареніи Петра? „И по своемъ оттуда поворотѣ“... вѣроятно, по вступленіи въ управленіе царицы Софіи Алексѣевны.

„Усмотря прибытіе изъ заточенія въ Москву господъ Нарышкиныхъ и его, боярина Артемона Сергѣевича, и вида по премногу ихъ сильныхъ при томъ дворѣ царскомъ во всемъ дѣйствительныхъ членовъ, всемѣрно опасаяся за свои неистовыя и беззаконныя дѣла отъ онаго царскаго дому достойнаго себѣ воздаянія, началъ тайно ковь чрезъ тонкія свои коварства промышлять къ будущей своей и надежной безопасности тогда бывшаго и старшаго, но всѣми скорбями естественными отъ самыхъ молодыхъ ногтей весьма отягченнаго государя царевича Іоанна Алексѣевича всяя Россіи, и сестрь его царевенъ, снискательницъ склонныхъ и желательницъ горячихъ къ дѣйствительному изслѣдствію искомаго себѣ благополучія, того и всякими коварными и зѣло скрытными пронырства своими, за долго до прибытія въ Москву его, боярина Артемона Сергѣевича, купно съ своими клеветы, а именно съ племянникомъ своимъ, съ Александромъ Ивановымъ сыномъ Милославскимъ и съ Петромъ Андреевымъ сыномъ Толстымъ, и съ Иваномъ Циклеромъ, всякими луваства своего прелестями и самыми составными весьма ложными клеветами, аки Ахитофеловымъ совѣтомъ, наговаривать Московскихъ стрѣльцовъ и возмутить къ бунту, якобы по законной причинѣ первенства его вышеименованнаго царевича, что онъ государь царевичъ обойденъ къ возвышенію той короны царской, и произошелъ къ ней меньшій государь царевичъ Петръ Алексѣевичъ и за то представлялъ имъ стрѣльцамъ много прибыльные чины и великія передъ прежними въ годовомъ денежномъ жалованьѣ впредь прибавки, токмо чтобы безотложно

и неукоснительно причиною того бунта его государя царевича Іоанна Алексѣевича на царство Россійское они стрѣльцы возвели. И то къ подвигу онаго бунта учрежденное орудіе и ихъ стрѣлцкое оружіе въ совершенной уже готовности висѣло, но за однимъ обождавіемъ, паче всѣхъ усердно желаемымъ обождавіемъ прибытія въ Москву его, боярина Артемона Сергѣевича, зная высокой его разумъ и остроумное во всѣхъ дѣлѣхъ благоискусство, и за многія древнія и вѣрныя службы, а по сильному при царскомъ дворѣ кредиту, отъ мнимаго ему Милославскому его боярскаго впрядь жестокаго себѣ отщепенія, больше иныхъ особъ надобенъ былъ ко всемѣрному его искорененію“.

Возвращеніе Матѣева и встрѣча его въ Москвѣ описаны подробно и согласно съ извѣстными датскаго резидента.

Стр. 416. „Изъ тѣхъ старшихъ бояръ древній и крайній ему боярину Артемону Сергѣевичу и въ самое то злополучное его несчастіе неотмѣнный благодѣтель князь Юрій Алексѣевич Долгорукой, отъ своей погорбленной и весьма потружденной старости того времени уже парализною болѣзнію отягченъ былъ: того ради не умедя, съ нервыхъ же дней, онъ боярину Артемонъ Сергѣевичъ въ домѣ его и съ сыномъ своимъ пріятельское свое почтеніе ему боярину учинилъ, и при томъ зѣло радостно и слезно съ великимъ сожалѣніемъ и благопріятствомъ отъ него боярина князя Юрія Алексѣевича были они приняты, и на долговременныхъ разговорахъ одинъ на одинъ они бояре оба съ собою были.

„Изъ тѣхъ же бояръ Ивапъ Михайловичъ Милославской, прикинувся, якобы случаемъ болѣзни своей, но дѣйству же самой притворной и злохитрой, и у него боярина Артемона Сергѣевича съ прочими бояры въ домѣ не былъ и посѣщенія ему не учинилъ, ниже по обыкновенному челоуѣколюбію спросить о прибытіи его въ Москву никого отъ себя къ нему боярину не присылывалъ“.

V.

Записна датскаго резидента.

Вѣрное объявленіе скорбной и страшной трагедіи, которая здѣсь въ Москвѣ приключилась въ понедѣльникъ, вторникъ и среду, 15-ю, 16-ю и 17-ю мая нынѣшняго 1682 года.

Эта кровавая трагедія произошла большею частію вслѣдствіе великаго неудовольствія, выявлявшагося часто стрѣльцами на великую тя-

гость и жестокое обремененіе ихъ работою, отъ которой не освободились они по воскресеньямъ и по праздникамъ, и которую они должны были нести для своихъ полковниковъ, понуждаемые побоями. Въ особенности вынуждены были жаловаться стрѣльцы полка Семена Грибоѣдова, который на прошедшей Сятой недѣлѣ заставлялъ ихъ возить на дворъ къ себѣ камень, известъ и другіе матеріалы на стройку новаго его загороднаго дома въ нѣсколькихъ миляхъ за городомъ. Стрѣльцы рѣшились подать на него за это и за уменьшеніе ихъ жалованья (изъ котораго всегда должны они были уступать часть упомянутому полковнику) просьбу, апрѣля 25-го, царю Федору Алексѣевичу (который былъ тогда еще живъ, хотя и очень слабъ), для чего и избрали способнаго человѣка изъ своего общества, чтобы передать эту просьбу въ стрѣлецкомъ приказѣ, которая и была передана думному дворянину Павлу Петровичу Языкову, управлявшему вмѣстѣ съ княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгорукинымъ стрѣлецкимъ приказомъ. Этотъ Павелъ Петровичъ принялъ отъ нихъ просьбу и сказалъ, что передать ее князю Долгорукому и на другой день сообщить имъ рѣшеніе. Названный думный отправляется за сямъ къ князю Долгорукому, представляетъ ему поданную ненадлежащимъ образомъ просьбу, долося, что принесъ ее пьяный стрѣлецъ, и говорилъ притомъ многія бездѣльные слова о князѣ Долгорукомъ и другихъ, на что тотъ отвѣчалъ: „Поелику это пьяный стрѣлецъ, то вели привести его завтра предъ ихъ сѣзжую избу и высѣчь хорошепью кнутомъ, чтобы другіе видѣли себѣ примѣръ“. На другой день приходитъ стрѣлецъ, представлявшій просьбу, въ приказъ и спрашиваетъ у думнаго, что послѣдовало по ихъ домогательству, который ему отвѣчаетъ, что его царское величество повелѣлъ наказъ его за буйство и высѣчь для примѣра другимъ предъ ихъ сѣзжую избою кнутомъ, и даетъ тутъ же приказъ тамошнему дяку для исполненія. Стрѣлецъ, въ сопровожденіи двухъ служителей, былъ отведенъ туда, и когда былъ раздѣтъ, то дякъ прочелъ ему его приговоръ. Стрѣлецъ закричалъ тогда своими товарищамъ: „Я съ вашего согласія и по вашему желанію подавалъ просьбу: что жъ вы выдасте меня на такой позоръ?“ Нѣсколько стрѣльцевъ бросилось къ нему, повалили пристава и двухъ служителей, приколотили ихъ ужасно и освободили своего товарища. Дякъ (который отъ страха не сходилъ съ лошади), увидя это, удался тотчасъ и передалъ думному о происшествіи. Между тѣмъ наступилъ вечеръ. Стрѣльцы вознегодовали на такое рѣшеніе, собрались на слѣдующую ночь, какъ и на другой

день по утру, пригласили въ себѣ нѣсколько товарищей изъ другихъ полковъ и освѣдомились у нихъ, какіе полковники обходятся съ ними такимъ же образомъ, и оказалось, что изъ 20 полковниковъ, начальствовавшихъ надъ 22 тысячами стрѣльцевъ, было девять, которые могли быть обвинены въ наложеніи такихъ же тягостей. Стрѣльцы соединились тогда между собою и рѣшились искать на нихъ суда, иначе переломать имъ шею, какъ вдругъ, апрѣля 27-го, въ четвергъ, скончался царь Ѳедоръ, въ 4 часа пополудни. Стрѣльцы призваны были во дворецъ присягать вновь избранному царю Петру Алексѣевичу, ибо Иванъ слѣпъ и косноязыченъ (*blind von Gesichte und schwer von Sprache*), что стрѣльцы исполнили охотно (*willig*) и разошлись потомъ по домамъ. Въ пятницу, 28-го апрѣля, совершено погребеніе почившаго царя; стрѣльцы держали себя совершенно спокойно (*ganz still*). Въ субботу, 29-го апрѣля, пришли они во множествѣ во дворецъ и потребовали отъ новаго царя наказанія девяти полковниковъ и высканія съ нихъ всѣхъ проторей и убытковъ по точному реестру,—иначе найдутъ себѣ судъ сами, перебить полковниковъ, оберуть ихъ дома, за уплату своихъ долговъ, да и не остановятся на этомъ, а раздѣляются и съ другими измѣнниками (разумѣя подъ ними нѣкоторыхъ вельможъ), и называли имена нѣкоторыхъ лицъ, участвовавшихъ преимущественно въ правленіи, ибо терпѣть жестокость своихъ полковниковъ и дурное правленіе измѣнниковъ, обманывавшихъ царя, они болѣе не могутъ. При дворѣ произошло великое смущеніе, и дано приказаніе посадить девять полковниковъ подъ стражу. На это употреблено два дня. Стрѣльцы требовали ихъ себѣ, но получили отказъ, чѣмъ были недовольны и уступили только благодаря патріарха и нѣкоторыхъ бояръ съ общаніемъ, что полковники будутъ отставлены и замѣнены другими, а имъ заплатитъ всѣ убытки. Кромѣ того, стрѣльцы требовали, чтобы полковники были высѣчены вѣнцомъ и помирились наконецъ на батогахъ, что и было исполнено въ понедѣльникъ и во вторникъ, 1-го и 2-го мая. Полковники передъ приказомъ были раздѣты, положены на брюхо и сѣчены до тѣхъ поръ, пока стрѣльцы закричатъ „довольно“. Нѣкоторыхъ, особенно ненавистныхъ, клали по два, по три раза, и ломали объ нихъ по двѣ и по три пары палокъ (*wurden wohl 2 und 3 Paar Stöcke auf ihren Rücken gebrochen*); другихъ, не столько виноватыхъ, сѣкли меньше, по усмотрѣнію стрѣльцевъ, которымъ никто поперечить не смѣлъ. Потомъ благодарили они его царское величество за правый судъ. Полковники приносили наложенную на нихъ пеню по двѣ ты-

сячи рублей, иныя меньше; принесшихъ отпускали, заѣмъжавшихся ставили на правезъ всякій день по два часа, пока они не выплачивали долга. Такъ продолжалось восемь дней. Полковники, расплачась, развѣхались по своимъ деревнямъ. Умные люди говорили, что стрѣльцамъ дано слишкомъ много воли, и отъ нихъ произойдетъ еще больше зла, ибо стрѣльцы безпрестанно толковали, что избравіе новаго царя произошло незаконно, что не можетъ быть, чтобы старшій царевичъ Иванъ отказался по болѣзни, что это сдѣлано партией нѣмѣнниковъ, преимущественно Нарышкиными, отцемъ и братомъ старшей царицы, матери избраннаго (которому прошедшаго 1-го мая исполнилось 10 лѣтъ). Они кричали открыто, что не хотятъ управляться какимъ-нибудь Нарышкинымъ или Матѣевымъ, который послѣ шестилѣтней ссылки ожидался со дня на день. Лучше ихъ сломить шею. Впрочемъ, это было только говорено, а все оставалось тихо, въ прежнемъ положеніи. Только бояринъ Языковъ, Иванъ Максимовичъ, самый большой любимецъ покойнаго царя, которому вѣрена была и артиллерія, и Лихачевы, Алексѣй и Михайло, такіе же большіе любимцы, первый оберъ-камергеръ, а другой казначей, получили запрещеніе являться предъ очи царскіе, кромѣ Царицы Натальи Кирилловны. Артиллерія поручена старшему сыну Нарышкина, который 23 лѣтъ возведенъ на степень боярина, что произвело неудовольствіе между многими: какъ такой молодой человекъ, въ такое короткое время, могъ удостоиться такихъ высокихъ почестей. Другой братъ, Аванасій Кирилловичъ, около 20 лѣтъ, назначенъ форшнейдеромъ. Стрѣльцы, какъ и прочіе люди, выражали часто свое неудовольствіе о такомъ быстромъ возвышеніи Нарышкиныхъ. Матѣеву, медлившему возвратиться въ городъ, пока все не успокоится, послана была на встрѣчу карета. . . . Въ четвергъ вечеромъ, 11-го мая, онъ пріѣхалъ въ свой домъ, для него исправленный; на другой день явился ко двору, былъ принятъ царемъ, царицей и всѣми боярами съ великими почестями. Всѣ званія и имѣнія, холопы ему возвращены 12-го, 13-го, 14-го, являлись къ нему всѣ великіе и малые, навезли всякихъ припасовъ, такъ что класть было некуда. Стрѣльцы принесли ему хлѣбъ-соль по русскому обычаю. Всѣхъ принималъ онъ съ кротостію и плакалъ. Всѣ были рады, даже недовольные, и надѣялись, что онъ положитъ конецъ всѣмъ беспорядкамъ стрѣльцевъ и предотвратитъ грозящія безпокойства. Онъ выразилъ свое неодобреніе быстрого возвышенія Нарышкиныхъ и потворства стрѣльцамъ, на которыхъ-де чѣмъ повсвободѣе оставлять уду, то тѣмъ склон-

нѣе они дѣлаются ко всякимъ неистовствамъ, чтѣ искорѣ и послѣ-
довало.

Между тѣмъ у стрѣльцевъ шли рѣчи, что при дворѣ рѣшено каз-
нить смертію зачинщиковъ добраго дѣла (такъ называли они свое
дѣло), а большую часть прочихъ разослать по гарнизонамъ въ дальніе
города. Къ тому присоединилось, что Иванъ Нарышкинъ, бывшій
всегда дерзкимъ молодымъ человѣкомъ, не уважалъ старыхъ бояръ
и драгъ ихъ за бороду (самое большее безчестье въ здѣшной сто-
ронѣ), и они жаловались будто объ этомъ стрѣльцамъ. Стрѣльцы
разказывали также публично на улицахъ, въ воскресенье послѣ обѣда
и въ понедѣльникъ по утру, 14-го и 15-го мая, что упомянутый Иванъ
Нарышкинъ надѣвалъ на себя царскую одежду и садился на царскій
престолъ, говоря, что ни къ кому не присталъ вѣнецъ такъ, какъ къ
нему, за чтѣ младшая царица-вдова и царевна Софія Алексѣевна, въ
присутствіи царевича Ивана Алексѣевича, упрекали его жестокими
словами, за которыя онъ разозлился, соскочилъ съ престола, бросился
на царевича душить его, царевны начали кричать, и караульные его
удержали. Это считалось болтовней, но слухъ распущенъ былъ, чтобы
сдѣлать Нарышкиныхъ еще ненавистнѣе.

Въ понедѣльникъ, 15-го мая, въ полдень (пока бояре находились
большею частію еще въ думѣ), стрѣльцы, содержавшіе караулъ при
царскихъ покояхъ, закричали, что Иванъ Нарышкинъ хочетъ заду-
шить царевича Ивана. „Къ оружію, къ оружію!“ Одни, бывшіе въ
Кремлѣ, побѣжали на башню и ударили въ набатъ, другая толпа
побѣжала въ царскіе покои, другіе запирали ворота; не велѣно было
никого выпускать. Нѣкоторые бояре хотѣли уйти изъ Кремля, дру-
гіе, не знаяшіе за собою ничего хорошаго, попрятались въ потаенныя
мѣста. Многіе изъ боярскихъ кучеровъ были побиты, и лошадамъ ноги
переломаны. Стрѣльцы, наирая болѣе, кричали, что хотятъ видѣть
царевича Ивана Алексѣевича. Онъ былъ имъ выведенъ; царевна Со-
фія Алексѣевна, eine sehr kluge Dame, и младшая царица-вдова нахо-
дились при нихъ.

Стрѣльцы кричали: „Будь нашимъ царемъ, а измѣнники должны всѣ
умереть!“ Они потребовали потомъ, чтобы вновь избранный царь пере-
далъ немедленно правленіе своему старшему брату. Потомъ стрѣльцы
всѣ вмѣстѣ кричали: „Выдайте намъ измѣнниковъ, а прежде всего На-
рышкиныхъ, чтобъ искоренить этотъ родъ; царица Наталья Кирил-
ловна пусть идетъ въ монастырь, а мы царя нашего Ивана Алексѣе-

лица и царевича Петра Алексѣевича будемъ своею кровью защищать и оборонять“.

Матвѣевъ и Долгорукій вышли уговаривать, были убиты (и проч., какъ описано въ прочихъ источникахъ). Съ Долгорукимъ ничего не было бы, еслибъ онъ не вышелъ. Потому стрѣльцы потребовали прочихъ извѣнниковъ, которыхъ имена были записаны въ спискѣ, числомъ 40. Нарышкины и Матвѣевъ значились первые. Такъ какъ никто не выходилъ, они бросились сами, безъ должнаго уваженія къ царямъ, царицамъ и царевнамъ, во внутренніе покои и церкви. Тамъ нашли и убили они Аванасья Нарышкина, думнаго Ларіона Ивановича и сына его Василья Ларіоновича. Между тѣмъ они кричали: „Да здравствуетъ нашъ царь Иванъ Алексѣевичъ и царевичъ Петръ Алексѣевичъ, извѣнники же должны умереть!“ Убили Фёдера Петровича Салтыкова (котораго отецъ Петръ Михайловичъ былъ очень любимъ ими), принявъ его за Ивана Кирилловича. Онъ шелъ въ церковь, а они сзади увидѣли его и закричали: „Вотъ Иванъ Кирилловичъ!“ Салтыковъ такъ испугался, что не могъ выговорить ни слова. Стрѣльцы убили его. Узнавъ, что ошиблись, послали его тѣло къ отцу, прося прощенія. Отецъ отвѣчалъ: „Божья воля“, и долженъ былъ угостить посланныхъ. Убили князя Ромодановскаго, а сына пощадили, можетъ быть, потому, что имени его не стояло, а они говорили за то, что двадцать лѣтъ находился въ плѣну. Между тѣмъ наступалъ вечеръ. Князь Юрій Алексѣевичъ хотѣлъ уѣхать домой; стрѣльцы окружили карету и предлагали провожать его, извиняясь, что они не хотя убили его сына, за то, что онъ слишкомъ грубо отзывался объ ихъ правомъ дѣлѣ и былъ заодно съ Матвѣевымъ, что это случилось въ запальчивости, и они просятъ прощенія. Князь не могъ отвѣчать ничего болѣе, какъ что на то была Божья воля. Стрѣльцы проводили его съ почтеніемъ, были угощены у него дома водкой и нивомъ и съ поклонами отошли. Тогда пришла къ нему вдова убитаго, стона и жалуясь, и онъ сказалъ ей: „Не плачь, дочь моя, хотя сынъ мой убитъ, да зубы его остались“. Это услышалъ одинъ изъ оставшихся стрѣльцевъ, воротилъ своихъ товарищей, они всѣ бросились на старика, схватили его за руки и за ноги, убили и кинули на улицу. Это было уже ночью. Половина стрѣльцевъ осталась въ Кремлѣ, другіе вышли стеречь ворота, иные продолжали искать назначенныхъ въ спискѣ, нападали на ихъ дома и сосѣдніе, вездѣ тщательно обыскивая, но не трогали никакого имущества и не брали ничего съ собою.

Въ особенности искали они доктора Давида фонъ-Гагена, родомъ

Жида, который будто бы извелъ царя Ѳедора. Досталось много его сосѣдамъ, однакожь нигдѣ не могли они найти его. Сосѣдъ Даниловъ, докторъ Иванъ Гутменшъ, былъ строго обысканъ, но при этомъ случаѣ не потерпѣлъ никакого вреда; когда же стрѣльцы около полуночи пришли къ нему опять, добрый человекъ очень испугался, подумавъ, что стрѣльцы пришли за нимъ, и спрятался на чердакѣ. Стрѣльцы нашли его тамъ и взяли съ собою, говоря, что онъ былъ большой другъ Даниловъ и вѣрно спряталъ или куда нибудь спровадилъ его: „Мы-де будемъ держать его, пока найдется“. Жену Данилову они также взяли съ собою. Ивана Гутменша отдали они подъ стражу стрѣльцамъ на лѣстницѣ, откуда скидывали убитыхъ, а жену Данилову, такъ какъ она была беременна, перевели изъ дурнаго мѣста въ хорошее, съ угрозой обонимъ, что они будутъ убиты, если докторъ Данило не найдется.

16-го мая, во вторникъ, лишь разсвѣло, стрѣльцы явились опять въ Кремль: часть осталась для охраненія воротъ, самые буйные проникли силою въ тайные покоев, искали Нарышкиныхъ, но не нашли ни одного и навертели себѣ убійствомъ боярина Ивана Максимовича Лыжкова и думнаго Аверкія Степановича Кирилова и бывшаго полковника стрѣлскаго, Григорія Горюшкина, которыхъ спрятавшихся нашли накупавъ въ ихъ домахъ и привели въ Кремль. Когда всѣ стрѣльцы собрались, этими тремя начались убійства безъ всякаго испытанія, какъ то было и вчера, съ лѣстницы бросали ихъ на копья и внизу разсѣкали на части бердышами, раздѣвали до пага и вытаскивали за ноги изъ Кремля. Въ два часа дня пришло извѣстіе, что сынъ Даниловъ Михайло, молодой человекъ 22 лѣтъ, найденъ переодѣтый на улицѣ (никто не смѣлъ оставаться у себѣ дома). Стрѣльцы спросили его, гдѣ отецъ. Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ. Они убили его и бросили внизъ. Послѣ приступили они къ Гутменшу, говоря, что если Данило не найденъ, то онъ долженъ быть казненъ за то, что помогалъ изготавлять лѣкарства, и не слушалъ никакихъ объясненій, убили его также. Хотѣли убить жену Данилову, но младшая царица, которой стрѣльцы еще нѣсколько совѣстились, стала просить. Между тѣмъ стрѣльцы были отвлечены отъ нея крикомъ, что найденъ еще одинъ Нарышкинъ,—это былъ двоюродный братъ вышеупомянутыхъ Нарышкиныхъ, по имени Василій Филимоновъ, юноша лѣтъ 20, который тутъ же и былъ умерщвленъ. Былъ убитъ еще полковникъ Андрей Доктуровъ, найденный въ церкви подъ алтаремъ... Было убито еще нѣсколько писарей и подъячичъ. Такъ прошло время до полудня.

Ночью стрѣльцы продолжали искать Ивана Нарышкина и доктора Данилу. Старому Нарышкину, Кирилѣ Полуектовичу, царица, дочь его, упростила оставить жизнь; онъ былъ постриженъ въ монахи и въ простой телѣгѣ отосланъ въ Кирилловъ монастырь на Бѣлоозеро. Меньшіе его сыновья, 14-ти, 11-ти и 6-ти лѣтъ, оставлены въ живыхъ по просьбѣ ихъ сестры, но также разосланы по отдаленнымъ мѣстамъ.

17-го мая, рано по утру, пришло извѣстіе изъ Нѣмецкой слободы, гдѣ живутъ нѣмецкіе офицеры, въ полмили почти отъ города, что докторъ Данило, который два дня и двѣ ночи скрывался въ Марьиной рощѣ и окрестныхъ мѣстахъ въ нищенскомъ платьѣ, пришелъ къ знакомому, чтобъ утолить свой голодъ, но былъ узнавъ на улицѣ и задержанъ. Стрѣльцы обрадовались и послали за нимъ отрядъ. Его привезли съ котомкою за плечами, въ лаптяхъ, въ царскіе покои. Царевны и молодая царица-вдова увѣряли въ его невинности, свидѣтельствуя, что онъ самъ отвѣдывалъ, равно какъ и онѣ, всѣ изготовленные имъ лѣкарства, просили за него, но напрасно. „Это колдунъ, у него нашли мы сушеныхъ змѣй“ (что-то въ родѣ морскихъ раковъ со многими ногами). Потомъ они закричали: „Мы знаемъ, что Иванъ Нарышкинъ спрятанъ здѣсь, отдайте его, и съ насъ будетъ довольно, никого не тронемъ больше, а тѣхъ, которые ушли и стоятъ у насъ въ снискѣ, мы продадимъ на волю царскую: пусть ихъ накажутъ, мы успокоимся и разойдемся по домамъ, а вы насъ за все происшедшее здѣсь простите и измѣнниками не считайте“. Все имъ обѣщано, лишь бы они простили Ивана Нарышкина и доктора Данилу. Они не хотѣли ничего слушать и говорили: „Отдайте, или мы отыщемъ сами, и тогда хуже будетъ. Мы оставляемъ жизнь старому Нарышкину и его тремъ меньшимъ сыновьямъ, но Иванъ Нарышкинъ долженъ умереть отъ нашей руки“. Старшая царица просила подождать немного и пошла къ младшей царицѣ и царевнамъ просить ихъ о ходатайствѣ, просила патриарха придти съ образомъ Божіей Матери, и наконецъ, вывела брата. Всѣ они пали на колѣна передъ стрѣльцами, одинъ стрѣлецъ бросился къ нимъ, выхватилъ изъ середины ихъ Ивана Нарышкина за длинныя его волосы,—товарищи подхватили и столкнули его съ докторомъ Даниломъ внизъ, потащили въ застѣнокъ, къ общему удивленію, ибо со всѣми расправа была короткая, а это произошло отъ того, что они хотѣли пытать его, но онъ не сказалъ ни слова, стиснулъ зубы и былъ зарубленъ. Голову, руки и ноги его подняли на копьѣ и отнесли на Красную площадь.

Докторъ Данило въ пыткѣ бормоталъ разныя вещи и просилъ три дня сроку, чтобъ указать тѣхъ, кто больше его заслуживаетъ смерти. Стрѣльцы записывали его слова, но другіе разорвали записку, сказавъ: Это будетъ долго продолжаться. Потащия на площадь и убили съ большаю жесточеніемъ, чѣмъ другихъ, и внутренность его разметали по улицамъ. Докторомъ заключилась на этотъ разъ трагедія.

О прочихъ измѣнникахъ, Алексѣй и Михаилъ Лихачевыхъ, сынъ Ивана Языкова, сынъ Аверкія Степанова, полковникъ Семенъ Грибоѣдовъ, съ семью другими бѣжавшими полковниками, Федоръ Яновъ, который также былъ ихъ полковникомъ и возбудилъ много ихъ жалобъ, и за которымъ послано было нѣсколько стрѣльцевъ съ думнымъ дворяниномъ, и о двухъ дьякахъ стрѣлцаго приказа, которые ихъ очень притѣспали, стрѣльцы требовали письменнаго царскаго обѣщанія, что они будутъ казнены руками палача. Иначе, когда бы то ни было, стрѣльцы исполнять это сами. На все было изъявлено согласіе, лишь бы только укротить бѣшеныхъ!

Во все время кровопролитія воровство и грабежъ тотчасъ наказывались смертію, хотя бы украденая вещь не стоила алтына... Тамъ погибло бѣдныхъ мѣщанъ и самихъ стрѣльцевъ до 40 человекъ... Ни о какихъ грабежахъ, ни о поджогахъ не было слышно. Какъ приводился кто къ казни, тотчасъ начинали бить въ барабанъ (а ихъ было 200), звонить въ набатный колоколъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока умерщвленный былъ выброшенъ изъ дворца и протасенъ на базаръ или большую площадь. Вынеся умерщвленнаго на крыльцо, стрѣльцы подвигали его къ верху, такъ чтобы можно было видѣть его снизу, и спрашивали тамъ стоявшихъ: „Врагцы, любо ли?“ Тѣ отвѣчали: „любо“, и подставляли конья, готовые принять его; тогда верхніе брали его за руки и за ноги и бросали внизъ, гдѣ онъ былъ добываемъ. На площади стояло также много стрѣльцевъ и всякой канальи, которые ругались надъ мертвыми тѣлами, кололи, рѣзали, рубили. Въ особенности тѣла думныхъ дьяковъ, Ларіона Иванова и Аверкія Кирилова, были изрублены на мелкія части.

Докторъ Данило былъ умерщвленъ немного спустя послѣ полудня, и стрѣльцы всѣ оборотились въ Кремль. Они сказали: „Мы довольны теперь, а съ остальными измѣнниками пусть царь—дай Богъ ему здоровья—поступить по своему усмотрѣнію; мы готовы жить и умереть за его царское величество, обѣихъ царицъ, царевича и царевенъ“.

Старшій царевичъ Иванъ Алексѣевичъ просилъ, чтобъ его уво-

ляли отъ престола по причитіи его болѣзни; не надѣясь жить долго, онъ передаетъ правленіе меньшому своему брату Петру Алексѣевичу. Стрѣльцы закричали: „Да сохранитъ Богъ царя нашего Петра Алексѣевича (!) и царевича Ивана Алексѣевича“. (Gott spare Gesund unsern Zaare P. A. und den Prinz J. A.). По ихъ просьбѣ, стрѣльцы согласились, чтобы старшая царица Наталья Кирилловна осталась при своемъ сынѣ, нынѣшнемъ царѣ, а не была пострижена въ монахини, какъ они требовали прежде.

Всѣ три дня, пока продолжался этотъ бунтъ, стрѣльцы дѣйствовали отъ имени царя Ивана Алексѣевича, хотя никого ни о чемъ не спрашивали, и дѣлали все, что хотѣли.

Стрѣльцы ставили на видъ, что еслибъ они промедлили, то были бы всѣ погублены, потому что рѣшено было вооружить всѣхъ боярскихъ холопей (которыхъ число было гораздо больше стрѣльцевъ) и наступить на нихъ, что произвело бы больше кровопролитія, и весь городъ подвергся бы огню и мечу. Стрѣльцы нѣкоторымъ образомъ боялись холопей, но когда они увидѣли въ поведѣніи ихъ, что холопы держатъ себя смирно, то панахи на холопій приказъ, изорвали всѣ бумаги и записи, коими холопы письменно закрѣплялись за боярами, чѣмъ и списали ихъ дружбу.

Когда 15-го мая около полудня начался бунтъ, стрѣльцы пошли въ Кремль въ полномъ порядкѣ, съ барабаннымъ боемъ и разивѣвающимися знаменами, везя за собою двѣ порядочныя пушки; они заставили полковника вести ихъ, что тотъ долженъ былъ исполнить изъ страха лишиться жизни.

Главнѣйшею причиною этого бунта была наглость и дерзость смшовой Нарышкина, и въ особеннсти, старшаго — Ивана Кирилловича.

Въ среду, 17-го мая было объявлено, что желающіе могутъ погребать своихъ мертвецовъ, что и было исполнено. Оставались только тѣла Ивана Кирилловича, доктора Давила и его сына, также Ивана Гутменша. Видно, что раздраженныя ихъ чувства укротились, ибо до полудня еще они кричали, что всѣ трупы должны быть отвезены за городъ и брошены въ яму—собакамъ на съѣденіе.

Во время бунта никто не могъ сказать ни одного неприятнаго слова стрѣльцамъ: если хотѣлъ сберечь свою жизнь. Если они хотѣли войти въ какой домъ, должно было тотчасъ ихъ пускать, угощать пивомъ и водкой; нѣкоторые спрашивали денегъ. Имущество умерщвленныхъ лицъ было зачислено за царя; стрѣльцы хотѣли, чтобы

оно было отдано имъ на разграбленіе, но имъ заплачено за него деньгами.

Ночью по всѣмъ улицамъ содержалась хорошая и крѣпкая стража. и все утихло, какъ будто ничего не случилось; кое-гдѣ лишь попадется пьяный стрѣлецъ, который хвалится своими храбрыми подвигами.

Изъ умерщвленныхъ никто не погибъ отъ руки палача, потому что всякій стрѣлецъ былъ готовъ и радъ совершить казнь.

Убиты были слѣдующія лица (списокъ совершенно согласный съ прочими источниками):

Шесть бояръ, по имени, какъ слѣдуетъ: князь Ю. А. Долгорукій, князь М. Ю. Долгорукій, князь Г. Г. Ромодановскій, А. С. Матвѣевъ, И. М. Языковъ и И. К. Нарышкинъ.

Два думные дьяка, по имени какъ слѣдуетъ: Ларіонъ Ивановичъ Ивановъ и Овентъ (Аверсій) Степановичъ Кириловъ.

Пять стольниковъ, кои суть: Ѳ. П. Салтыковъ, Ае. Кир. Нарышкинъ, Михайло Даниловъ фонъ-Гаденъ, Василій Ларіоновъ Ивановъ и Василій Ѳедоровъ Нарышкинъ.

Два полковника, кои суть: Андрей Доктуровъ и Григорій Горюшкинъ.

Два доктора, кои суть: Данилъ фонъ-Гаданъ и Иванъ Гутменшъ; монахъ и 48 человекъ писцовъ, стрѣльцевъ и простолюдиновъ. Храни насъ Богъ. Москва. 19-го мая 1682 года.

Донесеніе датскаго резидента, написанное такъ-сказать, по горячимъ слѣдамъ, на другой день послѣ событій, представляетъ драгоценное о нихъ свидѣтельство человека посторонняго и безпристрастнаго, вмѣстѣ съ любопытными свидѣніями, неизвѣстными по другимъ источникамъ.

Возмущенія начались вслѣдствіе притѣсеній стрѣльцевъ ихъ полковниками, согласно съ показаніемъ Медвѣдева. Замѣтимъ странность, что ходъ рѣчи у обоихъ одинаковій, хотя писали они и въ разныя времена. Резидентъ представляетъ подробности живыя и вмѣстѣ достоверныя.

Стрѣльцы 27-го апрѣля присягнули вновь избранному царю спокойно. 28-го апрѣля прошло также тихо. 29-го пришли въ Кремль съ жалобами на полковниковъ и угрозами наказать бояръ - измѣнниковъ.

Расправы съ полковниками описаны совершенно сходно съ Медвѣдевымъ.

Опала на Язкова и Лихачевыхъ подтверждается разрядною запискою, такъ какъ и возвышеніе Нарышкиныхъ, что проявилось въ особенности негодование стрѣльцевъ. (Это пропускается у Матвѣева).

Прибытіе и пріемъ Матвѣева описаны совершенно согласно съ записками его сына. Припасовъ некуда было дѣвать.

Между тѣмъ распускавшіеся слухи о Нарышкиныхъ, въ особенности объ Иванѣ, выводятъ изъ терпѣнія стрѣльцевъ.

Объ участіи царевны Софіи нѣтъ ни слова: это доказываетъ только, что оно сохранялось въ глубокой тайнѣ, но послѣдующія извѣстія обнаруживаютъ его ясно, да и всѣ слухи о Нарышкиныхъ, особенно объ Иванѣ, выведшіе якобы изъ терпѣнія стрѣльцевъ, страхъ о возвращеніи Матвѣева — кому можно приписать, какъ не ей и ея орудіямъ и сообщникамъ Милославскимъ.

Начало бунта, 15-го мая, резидентъ, по невѣрнымъ слухамъ, не имѣвъ времени, среди суматохи, получить вѣрныя свѣдѣнія, представляетъ совершенно ошибочно, приписывая его караульнымъ стрѣльцамъ въ Кремлѣ, вмѣсто посланцевъ Милославскаго, которые извѣстили стрѣльцевъ о гибели царевича Ивана. Также невѣрно выводить оцъ на Красное крыльцо царевну Софію съ царевичемъ Ивановъ и молодую царницу вмѣсто Натальи Кирилловны.

Еще невѣрно описаніе убійенія стараго князя Долгорукаго, которое случилось на другой день и съ другими обстоятельствами, что дастъ также понятіе о разнообразіи слуховъ, ходившихъ въ то время по городу.

Испугъ молодого Салтыкова, отвѣтъ отца: „воля Божія“ — черты съ патури, равно какъ и похищеніи доктора Гутменша; который жилъ въ сосѣдствѣ съ резидентомъ, и укрывательство, отысканіе, пытка и казнь доктора Давиды.

Ивана Нарышкина, говоритъ резидентъ, схватили стрѣльцы за длинныя волосы, но молодой Матвѣевъ, скрывавшійся съ нимъ, говорить, что оцъ обрѣзалъ ихъ себѣ въ первый еще день; впрочемъ, по другимъ спискамъ волосы были обрѣзаны у прочихъ его товарищей.

Постриженіе Кириллы Полуектовича Нарышкина описано согласно съ Медвѣдевымъ.

Любопытно извѣстіе, что царевичъ Иванъ отказывался отъ престола даже во время всѣхъ этихъ смятеній. Вѣроятно, это былъ также слухъ.

Всѣ эти извѣстія важны, какъ подтвержденія другихъ, намъ извѣстныхъ, или какъ ихъ дополненія.

Важнѣйшія же извѣстія мы находимъ въ разказѣ резидента объ его собственныхъ похожденияхъ: когда онъ, 16-го мая, былъ приведенъ въ Грановитую палату для очной ставки съ сыномъ доктора Даниила, то увидѣлъ тамъ царевну Софію Алексѣевну съ молодою вдовствующею царицей. При немъ пришелъ князь Хованскій и спрашивалъ стрѣльцевъ: любо ли имъ удалить изъ дворца царицу Наталію Кирилловну, и онѣ отвѣчали любо. Потомъ Хованскій что-то говорилъ о немъ съ царицею и царицею, и царица дала знакъ ему рукою, что онъ можетъ идти.

На вопросъ встрѣчавшихся стрѣльцевъ, зачѣмъ резидентъ былъ отпущенъ, провожатые отвѣчали, что это посланникъ, говорившій съ царицею (mit der Prinzessin). (У Берга, Царствованіе царя Θεодора Алексѣевича, II, 61, неправильно: съ царемъ).

Изъ этихъ извѣстій мы видимъ, что царица Софія, одна, во время самого бунта, была на сценѣ и распорядилась, что тамъ же былъ съ нею князь Хованскій, и что былъ вопросъ объ удаленіи изъ дворца царицы Наталіи Кирилловны; 15-лѣтняя царица Марья была, разумеется, только куклою.

Извѣстія, которыми вѣрно, кромѣ соображеній, подтверждается участіе царицы Софій въ событіяхъ 15-го, 16-го и 17-го мая.

Врное показаніе несчастной Rescouter (?), въ коей Всевысочайшій Господь отъ очевидной опасности спасъ жизнь мою, случившейся въ прошедшій вторникъ, 16-го мая 1682 года. (По переводу Берга, приложенному къ его исторіи царя Θεодора Алексѣевича, 1835. Исправленія отмѣчены вносными знаками).

Ночью съ 15-го на 16-е мая искали весьма старательно доктора Гадена въ собственномъ его домѣ и у сосѣдей. Съ разсѣтомъ прибылъ ко мнѣ окольникій Кирило Осиповичъ Хлоповъ съ сотисью стрѣльцевъ. Онъ сказалъ мнѣ, что ему извѣстно, что докторъ и сынъ его спрятаны у меня, а потому и совѣтуетъ мнѣ ихъ видать, присовокупя, что если по обыскѣ найдутъ ихъ, то меня и всѣхъ моихъ домашнихъ лишатъ жизни, а имѣніе возьмутъ въ казну.

Я отвѣчалъ, по чистой совѣсти, что мнѣ объ нихъ ничего не извѣстно и что я уже давно ихъ не видалъ. Окольникій возразилъ мнѣ на это: я имѣю повелѣніе обыскать весь домъ вашъ.

Должно было допустить ихъ до сего, ибо возраженіе мое, что я королевскій слуга, и что поступкомъ симъ оскорбляютъ не меня, но всемилостивѣйшаго государя моего, не было уважено.

Стрѣльцы лаяли вездѣ, гдѣ только можно было пролѣзть, обила-
часть сі.ХУХ, отд. 2.

рили всё углы и заставили меня открывать имъ всякій сундукъ и ящикъ.

Въ это время прислали сказать окольному, что докторскаго сына нашли на улицѣ, а самъ докторъ уѣхалъ изъ города, и за нимъ послана погоня. Получа извѣстіе сіе, стрѣльцы оставили поиски свои и вышли изъ моего дома.

Черезъ часъ послѣ того, явился ко мнѣ капитанъ, съ 40 или 50-ю стрѣльцами и сказалъ мнѣ: Я имѣю повелѣніе привести васъ во дворецъ для очной ставки съ докторскимъ сыномъ, который показывается, что отецъ его хотѣлъ спрятаться (*verborgen wollen*) въ нашемъ домѣ". Тутъ они меня схватили и хотѣли вести neodѣтаго и едва не безъ чулокъ. Я сталъ убѣдительно упрашивать ихъ позволить мнѣ одѣться прилично и ѣхать во дворецъ на лошади. Жена моя кинулась также передъ ними на колѣни. Смятенные слезами ея и просьбами, стрѣльцы дозволили мнѣ одѣться, но только на дворѣ, а не въ комнатѣ, и не спускали съ меня глазъ. Когда я хотѣлъ сѣсть на приведенную мнѣ лошадь, то они сему воспротивились и требовали, чтобъ я шелъ съ ними; но наконецъ дозволили мнѣ ѣхать верхомъ.

Простая съ женою моею, заливавшаяся слезами, выѣхалъ я на улицу, и по милости Божіей, новая мысль мелькнула въ умѣ моемъ. Остановивъ мою лошадь, я подоввалъ къ себѣ капитана и стрѣльцевъ, и сказалъ имъ: „Послушайте, господа, благодаря Бога, и ни въ чемъ не виновать, имѣю чистую совѣсть и не сомнѣваюсь, что буду тотчасъ освобожденъ. Если вы согласитесь тогда проводить меня обратно, то я васъ угощу пивомъ и винами, сколько душѣ вашей угодно будетъ. Ваша братья разсѣяна по всѣмъ улицамъ, имъ дѣло мое не извѣстно, и они могутъ мнѣ причинить много бѣдствій. Окружите меня и скажите имъ, что везете во дворецъ иностраннаго посла". Стрѣльцы обѣщали сіе исполнить и честно сдержали свое слово.

На пути попадались намъ шайки стрѣльцевъ; но когда мои тѣлохранители сказывали имъ, что везутъ посла, который хочетъ говорить съ царемъ (*mit Ihre Zaar Majestät*), то намъ тотчасъ давали дорогу. Какъ подъѣхали почти къ крѣпости (*beume Schlos*), на большой площади, на право отъ меня, былъ убитъ полковникъ Андрей Дохтуровъ. По обѣимъ сторонамъ лежало много труновъ, страшно изуродованныхъ, между которыми я долженъ былъ проѣзжать, что приводило меня въ ужась; но всего болѣе испугался я, какъ стоявшіе у дворца

стрѣльцы закричали: „Это докторъ Даніилъ, подайте сюда его, измѣнника и колдуна“. Стрѣльцамъ, сопровождавшимъ меня, было много хлопотъ; они отстраняли отъ меня и объясняли каждому, что я посылъ, „который долженъ говорить съ царемъ“ (mit den Zaar).

Когда я подъѣхалъ къ воротамъ, ихъ отворили и мгновенно опять за мною заперли. Дальше по дорогѣ встрѣтились мнѣ нѣсколько стрѣльцевъ, танцующихъ обезображенный трупъ доктора сына. Капитанъ, шедшій подле моей лошади, сказалъ мнѣ: „Вотъ докторскій смѣть, съ кѣмъ же дамъ я тебѣ очную ставку?“ Я молчалъ. Тутъ приближились мы къ площади, усѣянной вооруженными стрѣльцами. Увидя меня, ударили они во всѣ барабаны и колокола. Это служило предвѣстіемъ каждаго убійства. Богъ даровалъ мнѣ твердость духа, а стрѣльцы мои продолжали кричать: „Это посланникъ!“ Мени пропустили, и подъѣхалъ къ лѣстницѣ, *возишь вверхъ до той-какой площадки* (recht bis an eine abgelegene Stufe), гдѣ находилась вдова царица Марѳа Матвѣевна, царица Софія Алексѣевна и нѣсколько бояръ. Я намѣревался пробраться еще *выше*, но шедшіе за мною стрѣльцы не могли провести меня, ибо тамъ было такъ много народу, что надо было бы по головамъ ходить.

Въ это время сошелъ внизъ и князь Иванъ Андреевичъ Хованскій и спросилъ у стрѣльцевъ: Любо ли вамъ, чтобы царица Наталія Кирилловна не оставалась долге во дворцѣ? Они отвѣчали: „Любо!“ Оборотивъ послѣ словъ сихъ, Хованскій увидѣлъ меня въ лице и спросилъ съ удивленіемъ: „Зачѣмъ ты здѣсь Иванъ Андреевичъ?“ Такъ звали меня при дворѣ. Я указалъ на приведшихъ меня стрѣльцевъ, и *поднялся выше, въ двухъ ступеняхъ отъ царицы и царицы, съ которыми Хованскій говорилъ что-то*, чего я не могъ разслышать, но не худое, ибо царица сдѣлала мнѣ знакъ, чтобы я скорѣе шелъ вонъ, а Хованскій приказалъ монѣ стрѣльцамъ отвести меня домой и беречь, какъ глазъ свой, при чемъ отнесся онъ обо мнѣ съ похвалою.

Когда отошелъ я отъ сихъ царственныхъ особъ, стрѣльцы сказали мнѣ: „Иванъ Андреевичъ, надѣвай шляпу, теперь ты имѣешь право на уваженіе, будучи найденъ невиннымъ.“ Мы приближались къ большой лѣстницѣ; стоявшіе внизу стрѣльцы воображали, что и меня сбросятъ, но види, что я покойно иду по лѣстницѣ, подбѣжали къ намъ и спрашивали: „Зачѣмъ отпустили доктора?“ Имъ отвѣчали, что я посылъ, говорившій съ *царицей* (mit der Prinzessin, у Верха не правильно: съ царемъ), и велѣли поднести мою лошадь, которую наконецъ я долго спусти получилъ.

Съ величайшимъ трудомъ пробрался я сквозь толпы и выѣхалъ уже другими воротами. Всѣ попадавшіеся намъ на пути стрѣльцы присоединились къ моему конвою. Нѣкоторые изъ нихъ опрометью пустились къ жепѣ моей сказать, что я живъ и невредимъ.

Продолжая весьма тихо, чтобы не тревожить ничѣмъ путь свой, прибылъ я наконецъ домой. Тамъ встрѣтили меня домашніе, какъ человѣка, вырвавшагося изъ челюстей смерти. Всѣмъ стрѣльцамъ, коихъ набралось болѣе 200, приказалъ я подать водки и пива. Трое изъ нихъ, познатнѣе, взопли въ мою комнату и стали требовать денегъ. Я думалъ удовлетворить ихъ двадцатью рублями, но они разсмѣялись и потребовали 1000 рублей. Требованіе сіе меня удивило. Они сказали мнѣ: Согласись лучше добромъ, а не то, не оставимъ ни одной живой души; ты знаешь, что теперь наша воля, я тебѣ не причиною никакого зла потому только, что насъ всѣ боятся“.

Я отвѣчалъ имъ: „Вамъ, господа, приказано доставить меня невредимо въ домъ мой; а теперь вы же хотите меня убить. Дѣлайте, что вамъ угодно, а тысячи рублей я не имѣю“ Тутъ объявили они, что возьмутъ половину. Я сказалъ имъ на отрѣзъ, что болѣе полтины на человѣка не дамъ. Они согласились.

Когда объ этомъ узнали стоявшіе на дворѣ стрѣльцы, они начали требовать по рублю и на силу согласились на половину. Послѣ того приказалъ я отсчитать деньги и каждому завернуть ихъ особо въ бумажку. Они, получая деньги, сѣли на землю и вновь пересчитали ихъ. Стрѣльцевъ было болѣе 270 человѣкъ. Провѣря свои деньги, выпили они еще по чаркѣ, и сказавъ спасибо, пошли домой. Я палъ на колѣни и благодарилъ Бога за спасеніе. Если бы стрѣльцы повели меня нѣшкомъ не одѣтаго, не бытъ бы мнѣ живымъ. Въ этотъ же день приходила ко мнѣ другая партія стрѣльцевъ искать доктора; но она обоилась гораздо учтивѣе первой. Въ среду передъ утромъ окружило домъ мой еще нѣсколько стрѣльцевъ безъ всякаго послѣдствія, кромѣ страха. Если бы доктора не нашли, то поискать смятъ не было бы конца, ибо стрѣльцы были на него весьма злы. Когда получено было извѣстіе, что докторъ найденъ, то сосѣди его весьма тому обрадовались. Смерти нельзя было ему избѣгнуть, хотя онъ былъ совершенно правъ, но насъ спасла она отъ страха, а можетъ быть, и погибели.

Въ этотъ день бояринъ Василій Васильевичъ, которому порученъ былъ приказъ, далъ мнѣ, по просьбѣ моей, для защиты нѣсколько стрѣльцевъ. Я и прежде просилъ объ этомъ дьякъ Ларіона Иванова, и

онъ общагь, но не получивъ отъ меня подарковъ, не сдержалъ своего слова.

VI.

Записка Саввы Романова.

Савва Романовъ, бывшій келсѣйникъ у архимандрита Макарьевскаго на Желтыхъ Пескахъ, оставившій обстоятельную записку объ этомъ событіи, былъ очевидецъ и участникъ въ дѣйствіяхъ расколниковъ въ началѣ правленія царицы Софіи. Укажемъ на мѣста, служащія тому доказательствомъ: Стрѣльцы на третій день послѣ кровопролитія (— бысть чудо преславно (!!): поущеніемъ святаго Бога возсташа служиліе люди на бояръ и убиша князя Юрія Долгорукова (!) съ товарищи) начали совѣтоваться „старую православную христіанскую вѣру возобновити“, и рѣшились написать къ царямъ челобитную; не найди у себя чловѣка способнаго обратились къ чернослободцу Симеону Ивановичу Калашникову, который передалъ ихъ жславіе своимъ знакомымъ... Никитѣ Борису и *Саввѣ Романову*. Они подумали... и *обрѣтохомъ* новаго Ілію... отца Сергія... и возвѣсташа ему о всемъ... и *поидохомъ* въ домъ Никиты Борисова и *положихомъ* начало... и *благословихомсн*... и *начахомъ* писати... *совершихомъ*... *совѣцахомсн* и *приндохомъ* къ Симеону Иванову“ (первому посреднику). Тотъ сообщилъ стрѣльцамъ... собралися... „Сергія... повеля *Саввѣ* челобитную прочесть предъ ними“. Челобитная передава въ приказъ. „Патисотенный же Иванъ и сотенный Михайло Артемьевъ и инии, подумавше, послаша денщиковъ по слободамъ и совваша всѣхъ стрѣльцевъ на съѣзжу избу. Они же скоростію сонедшеся, и посадскихъ тутъ много пришло, и заставша сотеннаго ихъ полку чести вслухъ всѣхъ. Сотенный же неискусенъ Божественному Писанію, чететь и рѣчь съ рѣчью не раздѣляютъ, и тупо гораздо, певнятно отъ него глаголемое. Они же перестать ему велѣли; много поискаше, и пѣсть такова чловѣка, и принудиша ту *Савву* чести. Онъ же исперва отрицался, они же съ моленіемъ понудиша его; онъ же начатъ чести и толкомъ ереси разказивати. Они же прилѣжно слушавше, мнози же и плакаху. Егда же прочель челобитную, тогда вси единогласно возоинша: „Надобно, братіе, лучше всего постоять за старую православную христіанскую вѣру и кровь свою проліати за Христа Свѣта, всѣмъ намъ нужно сіе дѣло: за тлѣнное было головы своя положили, кабы Владика не помочь, а за Христа Свѣта для чего не умереть?“ И челобитную у

пись взяли къ себѣ въ приказъ и списали, а подлинную опять мамъ отдали”.

Это мѣсто выписано мною съ цѣлію показать наглядно, что вся записка Саввы Ромашова написана съ натуры, вслѣдствіе чего извѣстїи его получаютъ особую цѣну. Въ первомъ собранїи „выборные на отвѣтъ поставили предъ патріархомъ Павла Даниловца, да Павла Захарьева и Савву Ромашова“ Хованскій, довольный рѣчами Павла, спросилъ у Саввы, стрѣлецъ ли онъ (то-есть, Павелъ), или посадскій. „И я ему сказалъ: „Съ посаду-де, государь, съ Овчинныя слободы“. Далѣе Савва передаетъ свои рѣчи: „И тутъ патріархъ отвѣту ни чего не далъ, и азъ, отступивъ отъ него, и сталъ близъ митрополита Нижегородскаго. И митрополитъ ко мнѣ рекъ... И Саввы противу ему рекъ.... Митрополитъ возрази и я противу ему рекъ“.... И патріархъ на митрополита закричалъ и велѣлъ молчать: видитъ онъ, что неладно говоритъ; и митрополитъ за властей скоронился въ куть, да искусненько изъ-за властей и выглядывасть и Савву опознавасть; и велѣлъ Новгородскому митрополиту спросить его имени, и онъ спросилъ: „Какъ, де тебя зовутъ?“ И я ему сказалъ Васильемъ.

При описанїи второго собранїя въ Грановитой палатѣ встрѣчаются также подобныя выраженїя.... „И мы ему (Холмогорскому епископу) рекли“.... „И тутъ (противъ рѣчей царевны) ко отвѣту Савву поставили“.

Записка оканчивается словами: „И что видѣли своими очима и что слышахомъ отъ своея о Христѣ братїи—сія записаномъ“.

Кромѣ живыхъ подробностей о ходѣ этого дѣла, всего важнѣе для исторїи этого времени свидѣтельство о горячемъ участїи князя Хованскаго въ неудавшемся предпрїятїи раскольниковъ, благодаря твердости, съ какою царевна Софія поступила съ ними, чѣмъ и искупаетъ она много своихъ грѣховъ.

М. Погодинъ.

О МЕТОДЪ УЧЕНОЙ РАЗРАБОТКИ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ИСТОЧНИКОВЪ¹⁾.

Правила, опредѣлявшія юридическія отношенія Русскаго народа, ихъ историческое происхожденіе и развитіе, а также формы, въ которыхъ они выразились, — вотъ что составляетъ содержаніе науки исторіи русскаго права. Пониманіе исторіи юридическихъ отношеній народа можетъ быть достигнуто лишь путемъ ученой разработки историко-юридическихъ памятниковъ отдаленной старины. Усиѣнность этой работы зависитъ не только отъ количества источниковъ, но также и отъ взглядовъ изслѣдователей на достоинство свѣдѣній, сообщаемыхъ этими источниками. Различными воззрѣніями ученыхъ изслѣдователей условливается методъ ихъ ученой обработки, иначе сказать, отъ взгляда на достоинство источника зависитъ количество и образъ приемовъ, признаваемыхъ необходимыми въ дѣлѣ возстановленія политической жизни извѣстнаго народа и ея условій въ ту или другую историческую эпоху.

Въ высшей степени поучительно прослѣдить, съ этой точки зрѣнія, исторію ученой обработки „Новѣсти временныхъ лѣтъ“, или такъ называемой, Несторовой лѣтописи, заключающей въ себѣ описаніе политическихъ событій въ Россіи древнѣйшей эпохи и древнѣйшіе памятники русскаго законодательства. Сопоставленіе различныхъ воззрѣній на достоинство этого памятника и методовъ его обработки укажетъ намъ путь къ дальнѣйшему изслѣдованію памятниковъ гражданскаго быта древнихъ Руссовъ. „Новѣсти временныхъ лѣтъ“ предоставляютъ въ распоряженіе историка богатый матеріалъ къ возстановленію общественныхъ и политическихъ отношеній Русскаго народа въ древнѣйшій періодъ его существованія, матеріалъ, подобнымъ

---

¹⁾ Вступительная лекція въ курсъ исторіи русскаго права, читанная въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ

которому не владѣеть ни одинъ изъ сосѣднихъ народовъ. По словамъ одного изъ важнѣйшихъ основателей русской исторической науки, историографа и академика XVIII столѣтія Герарда-Фридриха Миллера: „Несторъ и продолжатели его современника составляютъ связь русской исторіи, которая такъ полна, что ни одна нація не можетъ похвалиться, чтобъ имѣла такое сокровище“ Августъ-Людвигъ Шлецеръ, сорокъ лѣтъ сряду собиравшій матеріалы для изданія своего „Нестора“, сравнивая лѣтописи Нестора съ лѣтописями сосѣднихъ народовъ, замѣчаетъ: „Этотъ Русскъ, въ сравненіи съ ними, такъ превосходитъ, какъ разумокъ, иногда затмѣвающійся, въ сравненіи съ безпрестанною глухотію... Какое множество матеріаловъ для русской палеографіи... для множества томовъ русской исторіи!“ Такого же мнѣнія о достоинствѣ историческаго матеріала, представляемаго русскими лѣтописями, держались Стриттеръ, Карамзинъ, Тимковскій, Каладдовичъ, Арцыбшевъ и русскіе историки позднѣйшаго времени.

Но въ возрѣвнѣхъ, высказанныхъ учеными по этому поводу, легко различаются два періода: періодъ до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и періодъ послѣдующій.

Принимая богатство и великое значеніе матеріаловъ, сообщаемыхъ русскими лѣтописями, ученые конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтій указывали и на важные ихъ недостатки, въ томъ видѣ, въ какомъ эти лѣтописи дошли до нашего времени. Шлецеръ, въ своихъ изслѣдованіяхъ, часто возвращается къ этому вопросу: онъ собралъ множество неопровержимыхъ доказательствъ необходимости продолжительныхъ и тщательныхъ предварительныхъ работъ, для установленія какъ подлиннаго текста лѣтописей, такъ и самого его содержанія. Сущность возрѣвнѣ Шлецера, какъ и вообще ученыхъ конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтій можно выразить, въ слѣдующихъ словахъ: лѣтопись Нестора дошла до насъ не въ подлинникѣ, а во множествѣ позднѣйшихъ списковъ, отчасти пополненныхъ, отчасти сокращенныхъ, съ различными искаженіями и примѣсью сказокъ, отъ которыхъ должна очиститъ ее ученая критика; такой взглядъ на древнѣйшую нашу лѣтопись обусловилъ и методъ ея ученой обработки. Послѣ критическаго изданія лѣтописи Нестора она должна быть подвергнута, по мнѣнію Шлецера, тремъ операціямъ. Надлежитъ изслѣдовать: 1) *Что лѣтописецъ писалъ дѣйствительно?* Бю ли принадлежитъ такое-то слово (иногда, такая-то буква), такая-то строка, такое-то цѣлое мѣсто? 2) *Что лѣтописецъ разумѣлъ подъ сказаннымъ имъ?* Какъ понимать такое-то слово или выраженіе?

Вѣроятно, онъ употреблялъ рѣченія и слова, которыя по истеченіи 700 лѣтъ не всякому уже понятны, ибо они возникаютъ, цѣлуютъ и исчезаютъ, подобно народамъ и царствамъ. Наконецъ, 3) *Правильны ли то или другое сужденіе, тогъ или другой разказъ летописца?* Историческое ли происшествіе онъ повѣствуетъ, или сказку? Это наставленіе знаменитаго историческаго критика, къ сожалѣнію, упущено изъ виду большинствомъ русскихъ историковъ и ученыхъ правовѣдовъ послѣднихъ трехъ десятилѣтій, благодаря новому взгляду на достоинство свидѣтельствъ древнѣйшей нашей лѣтописи.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія появилось въ „Ученыхъ запискахъ Московскаго университета“ нѣсколько разсужденій, направленныхъ противъ ученой обработки Несторовой лѣтописи. Возникла, такъ-называемая, скептическая школа, имѣвшая во главѣ своей профессора Каченовскаго, которая считала эту лѣтопись подложною, составленною не въ концѣ XI-го, какъ полагали до того времени, но въ XIII или XIV вѣкѣ, въ періодъ Ганзейскихъ сношеній. Противъ этого направленія возсталъ, тогда еще молодой ученый, М. П. Погодинъ. Въ 1839 году появилось его „Историческое изслѣдованіе о Несторѣ“, въ которомъ онъ энергически ратовалъ противъ скептицизма упомянутой школы, а въ 1846 году, въ первомъ томѣ своихъ „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій о русской исторіи“ онъ повторилъ свои опроверженія и доказательства съ тою же энергіею. Къ сожалѣнію, М. П. Погодинъ, весьма основательно опровергавшій скептиковъ, впалъ въ другую крайность и сталъ доказывать подлинность всѣхъ вставокъ, пропусковъ и поправокъ, встрѣчающихся въ лѣтописи, приписывая ихъ самому Нестору. На вопросъ, въ какомъ видѣ дошла до насъ лѣтопись, онъ отвѣчаетъ: „Объ этомъ я имѣю мнѣніе, еретически противоположное мнѣнію всѣхъ нашихъ изслѣдователей. Я думаю, что лѣтопись дошла до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ она написана первымъ своимъ сочинителемъ“.

Ссылаясь на одинаковый порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ главнѣйшія извѣстія въ различныхъ спискахъ Несторовой лѣтописи, М. П. Погодинъ утверждаетъ, что всѣ эти извѣстія принадлежатъ подлиннику, а противорѣчія и повторенія въ извѣстіяхъ второстепенныхъ доказываютъ только, что уже до Нестора существовали въ Россіи краткія, погодныя записки, которыми онъ воспользовался и вставлялъ въ нихъ все, что дошло до него по преданію, что онъ зналъ самъ, и что казалось ему любопытнымъ. Съ такимъ выводомъ нельзя согласиться. Вопервыхъ, не всѣ главнѣйшія извѣстія встрѣчаются

нъ одинаковымъ порядкѣ, во всѣхъ спискахъ Нестора, не только въ позднѣйшихъ, но даже и въ самыхъ древнихъ. Сличая, напримѣръ, извѣстія о времени призванія Варяговъ, мы видимъ большое разногласіе: одни списки называютъ Ладогу мѣстомъ первоначальнаго поселенія Рюрика, а другіе—Новгородъ; одни упоминаютъ о борьбѣ Новгородцевъ съ Рюрикомъ въ 864 году, другіе ничего не знаютъ объ этой борьбѣ; одни указываютъ время рожденія Игоря подъ однимъ годомъ, другіе подъ другимъ, а третьи о немъ вовсе умалчиваютъ, и т. д. Вовторихъ, предположеніе о существованіи лѣтописныхъ занисокъ до Нестора,—воплнѣ доказанное нинѣ гг. Соловьевымъ, Срезневскимъ и Вестружевымъ-Рюминымъ,—записокъ, которыми Несторъ воспользовался при составленіи своего сборника, не измѣняетъ противныхъ г. Погодину возрѣній на Несторову лѣтопись. Позднѣйшіе переписчики могли вносить вставки въ эту лѣтопись, точно также, какъ самъ Несторъ вносилъ ихъ въ записки, существовавшія до него. А въ такомъ случаѣ мнѣніе прежнихъ ученыхъ о позднѣйшихъ вставкахъ въ первоначальную лѣтопись воплнѣ сохраняетъ свою силу. Между тѣмъ М. П. Погодинъ, уклонившись отъ возрѣнія шлецеровской школы на Несторову лѣтопись, измѣнилъ и шлецеровскій методъ ея изслѣдованія.

„Методъ я слѣдую“, говоритъ авторъ, „постоянно одной—сбирать прежде всего свидѣтельства о каждомъ предметѣ изслѣдованія, сличать ихъ между собою, объяснять и потомъ уже выводить, сколько можно математически, заключенія объ его сущности и значенія. Чѣмъ далѣе я иду по своему пути, чѣмъ имѣю чаще случаи разсматривать плоды, собираемые на другихъ путяхъ, тѣмъ болѣе удостоверяюсь, что этотъ путь есть единственншй, ведущій прямо къ цѣли, а прочіе увлекаютъ въ сторону, назадъ, или по крайней мѣрѣ, замедляютъ успѣхъ“. Въ этомъ методѣ, сравнительно съ шлецеровскимъ, не достаетъ того, что Шлецеръ называетъ „малою критикою или критикою словъ“. Усвоивъ взглядъ на Несторову лѣтопись, какъ на памятникъ, дошедшій до насъ въ его первоначальномъ видѣ, М. П. Погодинъ не видитъ необходимости въ изслѣдованіяхъ, направленныхъ къ восстановленію подлиннаго, первоначальнаго текста и начинаетъ, вопреки Шлецеру, со средины, а не съ начала. Онъ выбираетъ изъ лѣтописи извѣстія о томъ или другомъ событіи, сравниваетъ ихъ и дѣлаетъ выводы, то-есть, начинаетъ съ большей критики, а не съ малой. При такомъ методѣ, пожалуй, можно, пользуясь только однимъ спискомъ Нестора, писать расужденія по русской исторіи и исторіи русскаго права. Но

если между выбранными мѣстами окажутся позднѣйшія вставки или искаженія первоначальнаго текста позднѣйшими переписчиками, какое же понятіе составитя о предметѣ?

Вѣрность метода изслѣдованія доказывается лучше всего вѣрностію добытыхъ при его посредствѣ результатовъ. Посмотримъ, съ этой точки зрѣнія, на результаты историческихъ изслѣдованій М. П. Погодина. Въ концѣ III тома его „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій“, посвященныхъ періоду съ 862 по 1054 годъ, названному авторомъ Норманскимъ, находимъ слѣдующій выводъ: „Въ періодъ времени отъ 862 до 1054 года Варяги имѣютъ свою особую исторію, они, лучше сказать, одни составляютъ ее; Славяне платили дань, работали— и только, а впрочемъ жили по прежнему. Варяги образовали Русское государство“ При такомъ взглядѣ, всѣ главныя явленія въ древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи объясняются у М. П. Погодина норманскимъ элементомъ: построеніе городовъ, присутствіе въ нихъ княжескихъ посадниковъ, княжеская дружина, преемство престола, вольные землевладѣльцы, языческія божества, Русская Правда,—все это у насъ не свое, славянское, а норманское, скандинавское, влившеся изъ варяжскихъ обычаевъ.

Въ русской исторической литературѣ имѣется прекрасная оцѣнка упомянутыхъ изслѣдованій М. П. Погодина. С. М. Соловьевъ въ первомъ томѣ своей „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ доказываетъ, что выводы М. П. Погодина не имѣютъ исторической подкладки, что они основаны не на фактахъ, а на предвзятыхъ воззрѣніяхъ. По мнѣнію его, историческая жизнь Славянъ развивалась совершенно самостоятельно, и Варяги являются среди нихъ только участниками, службниками, совершенно противно теоріи г. Погодина.

Къ сожалѣнію, новый взглядъ на достоинство свидѣтельствъ лѣтописи повредилъ изслѣдованіямъ не одного М. П. Погодина. Пронагандируя этотъ взглядъ въ теченіе десятковъ лѣтъ съ кафедръ Московскаго университета, нашъ маститый ученый естественно имѣлъ влияние на своихъ слушателей. Новѣйшіе историки и правовѣды, болшею частію бывшіе ученики М. П. Погодина, позабыли о недостаткахъ нашей лѣтописи, и каждое содержащееся въ ней извѣстіе стали принимать черезъ чуръ довѣрчиво.

Понятія, господствовавшія въ древности, слишкомъ рѣзко отличаются отъ понятій нашего времени, а потому очень часто не легко уразумѣть ихъ, или же толкуются они превратно. И притомъ, чѣмъ древнѣе изслѣдуемая эпоха, тѣмъ болѣе встрѣчается понятій, измѣнив-

шихся въ народномъ сознаніи, тѣмъ болѣе мертвыхъ словъ въ языкѣ, тѣмъ труднѣе понять текстъ различныхъ памятниковъ этой эпохи, а слѣдовательно, тѣмъ болѣе представляется возможности и для невѣрнаго пониманія точнаго смысла историческихъ свидѣтельствъ, для произвола въ созиданіи теорій древняго общественнаго быта, не соотвѣствующихъ дѣйствительности. „Слова возникаютъ, цвѣтутъ и исчезаютъ подобно пародамъ и царствамъ“, замѣтилъ Шлецеръ; но понятія, выражаемыя словами, измѣняются еще болѣе. „Древнія слова“ говоритъ Лоранъ, болѣе прочны“, „нежели идеи, ими выражаемыя. Древнія слова живутъ въ языкѣ, но выражаютъ новыя идеи, новыя учрежденія, произведенія новаго общества“.

До позднѣйшаго времени на указанныя обстоятельства обращалось въ нашей наукѣ слишкомъ мало вниманія.

Изучая труды нашихъ историковъ и ученыхъ правовѣдовъ, мы замѣчаемъ, что значительная часть встрѣчающихся въ нихъ недоразумѣній, противорѣчій, сомнительныхъ выводовъ явилась вслѣдствіе не столько скудости источниковъ, сколько невѣрнаго ихъ пониманія, вслѣдствіе трудности отрѣшиться отъ современныхъ намъ представлений и усвоить понятія древнихъ народовъ. Придавая стариннымъ словамъ или выраженіямъ смыслъ языка новаго, исследователи наши тѣмъ самымъ, часто невольно, искажаютъ подлинное значеніе историческихъ свидѣтельствъ. Накоплѣніе возпявающихъ отсюда противорѣчій и ошибокъ, со временемъ дѣлающихся очевидными, заставляютъ послѣдующихъ ученыхъ обращаться къ логическому анализу историческихъ свидѣтельствъ, и тогда оказывается, что прежнія теоріи покоятся на ипнмихъ основаніяхъ, потому что ихъ авторы придали извѣстнымъ словамъ въ извѣстныхъ памятникахъ смыслъ языка современнаго, но не древняго. Такъ, напримѣръ, С. М. Соловьевъ, основательный критикъ г. Погодина, въ своей теоріи политическаго быта восточныхъ Славянъ является столько же одностороннимъ, какъ и М. П. Погодинъ въ своей, потому что слишкомъ довѣрился словамъ нашей начальной лѣтописи. „Что касается быта Славянскихъ племенъ“, говоритъ онъ въ первомъ томѣ своей „Исторіи Россіи“,—то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ о немъ слѣдующее извѣстіе: каждый жилъ со своимъ родомъ отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ“. Не подвергнувъ этого извѣстія логическому исследованію, не сопоставивъ его съ другими, гдѣ употреблено слово „родъ“, авторъ строитъ, на основаніи его, теорію родоваго быта восточныхъ Славянъ въ эпоху призванія Варяговъ, и при-

томъ у всѣхъ племенъ, хотя приведенное извѣстiе относится только къ одному племени—Полянамъ. Цѣлая система заключенiй, самыхъ смѣлыхъ и въ высшей степени важныхъ для науки, возникаетъ на этомъ положенiи, какъ на аксиомѣ. Но по изслѣдованiямъ К. С. Аксакова и г. Сергѣевича, вышеприведенное свидѣтельство лѣтописи вовсе не доказываетъ родового быта Славянъ въ періодъ призванiя Варяговъ. Г. Сергѣевичъ, не подвергая ни малѣйшему сомнѣнiю существованiе родового быта, какъ переходной ступени къ быту государственному, утверждаетъ, что въ эпоху призванiя Варяговъ у восточныхъ Славянъ уже не было рода, какъ учрежденiя съ опредѣленными правами и обязанностями его членовъ. Разбирая памятники гражданскаго быта нашихъ предковъ, онъ не замѣчаетъ признаковъ рода и въ гражданской сферѣ и принимаетъ это за доказательство несуществованiя рода вообще. Далѣе, сличая различныя мѣста источниковъ, тотъ же ученый приходитъ къ заключенiю, что слово „родъ“ у лѣтописца имѣетъ тройное значенiе: 1) семьи, 2) родственниковъ вообще и 3) цѣлаго народа. Въ какомъ же смыслѣ слово „родъ“ употреблено въ выраженiи лѣтописи: „живаху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣющихъ каждо родомъ своимъ“? Очевидно, говоритъ авторъ, каждый Полянинъ могъ имѣть свой родъ и владѣть имъ единственно въ смыслѣ семьи. Слѣдовательно, упомянутое мѣсто должно понимать такъ: Поляне жили семьями, вели семейную жизнь, а не родовую въ смыслѣ теорiи С. М. Соловьева. Поляне, заключаетъ г. Сергѣевичъ „еще задолго до призванiя Рюрика вышли изъ того состоянiя, которое навело нѣкоторыхъ изъ нашихъ изслѣдователей на мысль о господствѣ родового быта у русскихъ Славянъ въ историческую эпоху Рюриковичей“.

Но и г. Сергѣевичъ, опровергая теорiю г. Соловьева, создалъ собственную теорiю политическихъ отношенiй въ древнѣйшей Россiи, не менѣе одностороннюю, потому что придавъ произвольное значенiе слову „вѣче“ въ свидѣтельствахъ лѣтописей. Основываясь на словахъ ея: „Повгородди бо изначала и Смоленяне и Кiяне и Полочане и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся“, и на извѣстiи о вѣчахъ, существовавшихъ въ различныхъ городахъ Россiи, въ эпоху Рюриковичей; онъ обобщилъ эти явленiя и пришелъ къ заключенiю, по которому народъ и князь суть два одинаково существенные элемента древне-русскаго политическаго быта. Участiе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подъ формою вѣча; вѣче составляетъ первоначальную форму быта, дѣйствующую на всемъ пространствѣ кня-

жеской Россіи и въ продолженіе всего удѣльнаго періода. Новгородъ, по повятіямъ автора, не представляетъ въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія: быть его есть быть общій всѣмъ городамъ русскимъ. Въ нашей критикѣ на книгу г. Сергѣевича (см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1870 г. XI и XII), мы старались доказать, что взглядъ этотъ основанъ на свидѣтельствахъ лѣтописи, не вѣрно понятыхъ. Слово „вѣче“ употребляется у лѣтописца въ трехъ основныхъ значеніяхъ: 1) въ смыслѣ совѣщанія, функція народнаго собранія; 2) въ смыслѣ всякаго сходбища, имѣющаго цѣлью совѣщаніе, сходбища какъ законнаго, такъ и незаконнаго, и 3) въ смыслѣ законнаго, верховнаго органа народнои власти. Отсюда выраженія лѣтописца: „Кіеве сотвориша вѣче“, созвали вѣче, сказали на вѣчѣ и т. д. Если слово „вѣче“ употреблено здѣсь въ одномъ изъ двухъ первыхъ значеній, то это еще не значитъ, что у Кіевлянъ было политическое вѣче въ смыслѣ вѣча Новгородскаго. Множество историческихъ свидѣтельствъ указываетъ намъ, что вѣче сѣверныхъ народоправствъ древней Россіи, какъ законный, верховный органъ народнои власти, имѣетъ только то общее съ вѣчами южныхъ княжествъ, что и тѣ, и другія суть народныя собранія съ цѣлю совѣщательною: сходство чисто формальное. Затѣмъ, объемъ власти, вліяніе на государственныя и общественныя дѣла, отношеніе вѣча къ князю на сѣверѣ и на югѣ до такой степени различны, что вѣче Новгородское и вѣче южныхъ княжествъ должны быть признаны двумя различными политическими учрежденіями, съ точки зрѣнія современныхъ намъ понятій. Выводить изъ указанныхъ извѣстій лѣтописи вѣчевой бытъ Кіевлянъ, въ смыслѣ вѣческаго быта Новгородцевъ, значитъ противорѣчить множеству историческихъ свидѣтельствъ. Слѣдуя показаніямъ о вѣчахъ Новгорода и Пскова съ извѣстіями о вѣчахъ въ остальныхъ городахъ, и положивъ въ основаніе своихъ выводовъ политическое двоевластіе и одинаковый вѣчевой бытъ на пространствѣ всей Россіи, г. Сергѣевичъ пришелъ ко множеству ошибокъ и противорѣчій, представилъ картину политическихъ началъ древней Россіи, не соответствующую дѣйствительности. Иначе не могло и быть: исходное положеніе, первая посылка основана на невѣрно понятыхъ свидѣтельствахъ лѣтописи; факты собраны подъ вліяніемъ односторонняго взгляда и не подвергнуты критическому анализу, слѣдовательно и выводы не могли быть вѣрны. Между прочимъ, по понятіямъ г. Сергѣевича, политическій бытъ Россіи княжескаго періода сложился подъ вліяніемъ договоровъ: княжескія отношенія опредѣля-

лись договорами, отношеніи князя къ народу — тоже. По поводу этого г. Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ курсѣ русской исторіи замѣчаетъ: „Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что договоры существовали въ древней Россіи, но вопросъ—когда и гдѣ они появились? Ряды, упоминаемыя въ лѣтописяхъ, еще не договоры, хотя въ нихъ зерно договора. Договоръ есть явленіе позднѣйшее, результатъ сознанія необходимости тѣхъ или другихъ условій. Многое должно было опредѣлиться прежде, чѣмъ появилась эта форма. Мы знаемъ, что до сихъ поръ русскіе люди многія сдѣлки совершаютъ на вѣру, по душѣ, безъ подробныхъ договоровъ. Потому, едва ли не правѣе были славянофилы, полагавшіе, что основа отношеній князя къ народу была вѣра, а не договоръ. Не надо также забывать обычай пошлпы, которые являются прежде всякихъ договоровъ и составляютъ столько же прочное основаніе общественнаго развитія“

Мы сопоставили нѣсколько общихъ теорій политическаго быта древней Россіи и замѣтили ихъ несостоятельность; замѣтили, что главная причина односторонности этихъ теорій — вслѣдствіе метода историческихъ изслѣдованій. То же самое мы можемъ наблюдать и относительно многихъ второстепенныхъ вопросовъ въ нашей историко-юридической литературѣ. Примѣры этого собраны нами въ статьѣ „() современномъ состояніи въ наукѣ вопросовъ о политическихъ и юридическихъ отношеніяхъ въ Россіи древнѣйшаго періода“, а также въ первомъ выпускѣ „Исторіи русскихъ городовъ“.

Все это приводитъ насъ къ вопросу: какъ избѣжать заблужденій въ пониманіи источниковъ? Вотъ на чемъ прежде всего должно быть сосредоточено вниманіе изслѣдователя, приступающаго къ ученой разработкѣ памятниковъ, если онъ не желаетъ новыми заблужденіями увеличивать массу старыхъ, если онъ намѣренъ посвятить трудъ свой дѣйствительному выясненію темныхъ вопросовъ исторіи. Для этого необходимо опредѣлить основныя положенія истиннаго метода изученія историческихъ источниковъ.

Основныя положенія метода, принимаемаго нами, мы пояснимъ въ примѣненіи къ русскимъ лѣтописнымъ сборникамъ, заключающимъ въ себѣ, между прочимъ, и древнѣйшіе памятники русскаго законодательства, съ изученія коихъ должны начаться наши занятія.

Общи́я начала, которыми мы выразимъ здѣсь, сохраняютъ свою силу и по отношенію ко всѣмъ другимъ источникамъ при изученіи исторіи политическихъ и юридическихъ отношеній русскаго народа. Благодаря изслѣдованіямъ гг. Соловьева, Погодина, Срезневскаго, Су-

хомлинова, Костомарова и въ особенности Вестужева-Рюмина, въ настоящее время нельзя сомнѣваться, что русскія лѣтописи представляютъ собою сборники, возникшіе изъ различныхъ источниковъ. Въ основаніи ихъ лежитъ также сводъ, извѣстный подъ именемъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ или „Несторовой лѣтописи“, составленный въ концѣ XI, или въ самомъ началѣ XII столѣтія, на основаніи народныхъ преданій, сохранившихся въ разныхъ мѣстахъ, отдѣльныхъ связаній и лѣтописныхъ замѣтокъ, существовавшихъ до составителя, а также извѣстій и разсужденій, внесенныхъ въ сводъ самимъ составителемъ. Этотъ лѣтописный сводъ, лежащій въ основаніи большей части русскихъ лѣтописей, дошелъ до нашего времени не въ подлинникѣ, а во множествѣ списковъ отъ XIV до XVII столѣтій, съ большими или меньшими измѣненіями первоначальнаго текста. При такомъ взглядѣ на главнѣйшій источникъ для изученія политическихъ и юридическихъ отношеній въ древнѣйшей Россіи, возлагаются, по нашему мнѣнію, на изслѣдователя слѣдующія обязанности. Такъ какъ древнѣйшіе русскіе лѣтописные своды дошли до насъ не въ подлинникахъ, а въ спискахъ позднѣйшихъ, со вставками, поправками и ошибками переписчиковъ, то необходимо прежде всего въ отношеніи каждаго лѣтописнаго историческаго извѣстія возстановить первоначальный текстъ посредствомъ сопоставленія и сличенія различныхъ списковъ. Такъ, напримѣръ, всѣ дошедшіе до насъ списки основнаго или Нестороваго свода свидѣтельствуютъ о фактѣ призванія Рюрика Приильменскими Славянами; во одни изъ списковъ мѣстомъ первоначальнаго поселенія Рюрика въ Новгородскихъ владѣніяхъ называютъ Ладогу; по ихъ словамъ, Новгородъ основанъ Рюрикомъ только спустя два года послѣ призванія, по смерти Синеуса и Трувора, другіе же списки умалчиваютъ о поселеніи Рюрика въ Ладогѣ, а говорятъ только, что Рюрикъ явился на зовъ Новгородцевъ и сѣлъ въ Новгородѣ. Изъ сопоставленія противорѣчивыхъ списковъ открывается несомнѣнность текста о призваніи Рюрика Приильменскими Славянами и пришествія его въ ихъ владѣнія, потому что объ этомъ упоминаютъ одинаково всѣ списки. Но является вопросъ: было ли въ подлинникѣ первоначальнаго свода извѣстіе о поселеніи Рюрика въ Ладогѣ и основаніи имъ города Новгорода, на берегу Волхова по смерти братьевъ? Утвердительное или отрицательное рѣшеніе этого вопроса и будетъ возстановленіемъ подлиннаго текста первоначальнаго свода. Но такъ какъ понятія лѣтописцевъ, писавшихъ за нѣсколько столѣтій до нашего времени, неизмѣримо разнятся отъ нашихъ, то возстановленіе подлин-

наго текста еще не достаточно для восстановления подлинныхъ мыслей его составителя. Необходима критическая повѣрка самыхъ понятій, выраженныхъ въ томъ или другомъ историческомъ извѣстїи, то-есть, необходимо рѣшеніе вопроса: слова и выраженія въ данномъ историческомъ свидѣтельствѣ обозначаютъ ли современныя намъ понятія, или имъ соответствовали въ древности другія представленія? Рѣшеніе этого вопроса и повлечетъ за собою восстановление факта по понятіямъ лѣтописца. Такъ, въ вышеприведенномъ примѣрѣ, вопросъ о построеніи Рюрикомъ Новгорода долженъ быть рѣшенъ утвердительно, то-есть, въ первоначальномъ сводѣ находилось извѣстіе о построеніи Рюрикомъ Новгорода на берегу рѣки Волхова.

Но въ такомъ случаѣ, съ точки зрѣнія современныхъ намъ понятій, является новое противорѣчіе, но уже не между различными списками, а между свидѣтельствами первоначальнаго свода. Именно: въ сводѣ, при описаніи расселенія Славянъ, сказано: „Словене же съдоша около озера Ильмера и провапаса своимъ именемъ и сдѣлаша городъ и нарикоша ѿ Новгородъ.“ Это извѣстіе внесено во всѣ древнѣйшіе списки и достоверность его не подлежитъ сомнѣнію. Ему-то и противорѣчитъ извѣстіе подъ 862 годомъ древнѣйшихъ же списковъ Нестора. „Рюрикъ пришеде къ Ильмерю и сруби городъ надъ Волховомъ и проваша ѿ Новгородъ“. Итакъ, кто-жъ основалъ Новгородъ? Славяне при первоначальномъ ихъ поселеніи на берегу озера Ильмена, или Рюрикъ? При изслѣдованіи понятій, соответствовавшихъ слову „городъ“ у древнихъ, приведенное противорѣчіе легко объясняется и мы полагаемъ, что тутъ должно видѣть, вмѣсто двухъ разнорѣчивыхъ извѣстій объ одномъ и томъ же фактѣ, два различныя показанія о двухъ различныхъ фактахъ—объ основаніи города Славянами на берегу озера Ильмена, гдѣ нынѣ такъ-называемое въ Новгородѣ Городище, и объ основаніи города Рюрикомъ на берегу р. Волхова, гдѣ нынѣ Софійская крѣпость. Это и будетъ восстановленіемъ фактовъ по понятіямъ лѣтописцевъ или составителей сводовъ. При противорѣчїи извѣстій могутъ служить руководствомъ слѣдующія правила: 1) считать дѣйствительнымъ то, въ чемъ противорѣчїя сходятся; 2) отдавать предпочтеніе тому извѣстію, которое не противорѣчитъ несомнѣннымъ фактамъ, и 3) при невозможности соглашения считать противорѣчїя не разрѣшимыми, не давая произвольно предпочтенія ни тому, ни другому изъ нихъ. Къ восстановленію понятій, соответствовавшихъ даннымъ словамъ въ древности, служитъ сопоставленіе различныхъ свидѣтельствъ какъ одного и того же

источника, такъ и другихъ источниковъ, въ которыхъ употребляются данныя слова. Если при этомъ окажется, что извѣстное слово вездѣ сохраняетъ одинаковое значеніе, то оно должно быть принято въ этомъ значеніи и въ данномъ извѣстіи; если же разные понятія обозначаются однимъ словомъ, то смыслъ какого-либо извѣстія долженъ быть открытъ по другимъ извѣстіямъ, по другимъ источникамъ. А когда и этого сдѣлать не возможно, самое извѣстіе теряетъ для науки значеніе свидѣтельства и не должно быть приводимо ни рго, ни contra той или другой теоріи, пока новыя измыслинія или источники не уяснятъ его. Но и на восстановленіи фактовъ по лѣтописцу или составителю лѣтописнаго свода ученая критика не можетъ останавливаться. Наши лѣтописцы и составители лѣтописныхъ сводовъ не принадлежатъ къ объективнымъ писателямъ, свободно и безпристрастно излагающимъ историческія событія. Напротивъ того, они принимаютъ горячее, участіе въ дѣлахъ Русской земли; они ничѣмъ не пренебрегаютъ, что можетъ послужить къ наизиданію ихъ соотечественниковъ, сказки записываются ими на ряду съ преданіями и несомнѣнными историческими событіями, на событія смотрятъ они съ монашеской точки вѣрнія. Субъективнымъ элементомъ пропитаны всѣ ихъ сказанія. Оттого-то возстановить подлинный текстъ и смыслъ лѣтописнаго свода еще не всегда значить утвердить достовѣрность историческихъ событій. Открывается новая и трудная задача—повѣрить показанія самого лѣтописца. Такъ, во всѣхъ спискахъ первоначальнаго свода сохранилось извѣстіе о бывшемъ въ половинѣ IX вѣка на берегахъ озера Ильмена сошщавіи жившихъ тамъ народовъ, результатомъ коего было призваніе властителей чужеземцевъ. Что это извѣстіе находилось въ первоначальномъ сводѣ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; смыслъ его нисколько понятенъ. Тѣмъ не менѣе, невѣроятность событія давно уже обратила на себя вниманіе, и въ настоящее время оно опровергается очепь основательными аргументами.

Всестороннее изреченіе отечественныхъ памятниконъ и сказаній иностранныхъ писателей, антропологическія изслѣдованія, сравнительная исторія только и могутъ помочь въ этой высшей критикѣ.

Д. Я. Самоковсовъ.

СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО XVIII ВѢКА ¹⁾.

А.

Сознаніе національнаго единства у отдѣльныхъ народовъ славянскихъ.

Славяне, лишившись дѣйствительнаго народнаго единства, сохранили, однако, всегда ясное сознаніе, что они составляли когда-то одинъ народъ, одно цѣлое; признавали себя, не смотря ни на разстояніе, ни на раздробленіе, членами одного великаго народа Славянскаго. Такъ смотрѣли на Славянъ и иностранцы — Нѣмцы, Греки, Италіянцы, Арабы и проч.

І.

Славянское сознаніе у Чеховъ.

1. Славянское сознаніе въ общественной жизни.

О своемъ славянскомъ происхожденіи Чехи заявляли часто въ общественной и государственной жизни, въ грамотахъ, въ уложеніяхъ, на сеймахъ и проч. Въ грамотахъ чешскихъ князей встрѣчающіяся чешскія слова называются „славянскими“ и чешскій языкъ „славянскимъ“. Чехи, требуя отъ папской столицы возвышенія Прагскаго епископства въ архіепископство (1344 г.), приводятъ между разными доводами и тотъ, что жители Чехіи говорятъ языкомъ, совершенно отличающимся отъ нѣмецкаго, „языкомъ славянскимъ“. Въ проектѣ

---

¹⁾ Продолженіе. См. Журн. Мин. Народн. Просв. ноябрь 1873 года.

новаго чешскаго уложенія (1348 г.) постановляется, чтобы въ Чехіи не назначался чиновникомъ чловѣкъ, не знающій общаго языка чешскаго, „который называемъ славянскимъ“. Чешскій языкъ не разъ называютъ „славянскимъ“ и короли Премысль II, Отакаръ и Карлъ (IV): послѣдній совѣтуетъ и нѣмецкимъ князьямъ учиться по славянски, то-есть, по чешски. Когда, въ началѣ XV-го вѣка, въ земляхъ чешской короны происходило волненіе по поводу Іоанна Гуса, когда этотъ чешскій реформаторъ находился въ Констанціи въ тюрьмѣ, когда онъ сожженъ, а его приверженцы подверглись преслѣдованію, и на всѣхъ Чеховъ делго пятно еретичества, то (141 года) и паны моравскіе на сеймѣ Берневскомъ, и Пражскій университетъ публично заявляютъ, что все это дѣлается „на поруганіе не только всей чешской короны и Чешскаго и Моравскаго народа, но и всего языка славянскаго“. И когда, въ послѣдующія затѣмъ бурныя времена, вся Чехія и Моравія обливались кровью, когда явился страшный мститель чешскихъ мучениковъ, Іоаннъ Жижка, то онъ борется не только „за освобожденіе правды закона Вожьаго, но и особенно языка чешскаго и славянскаго“¹⁾.

Славянское сознаніе Чеховъ является особенно въ сношеніяхъ съ сосѣднимъ государствомъ Славянскимъ—съ Польшею, какъ ниже увидимъ. Еще наканунѣ паденія Чешскаго государства (1620 г.) чешскіе чины, обстоятельно доказывали, что Чехія есть государство избирательное, а не наследственное, говорятъ въ началѣ своей „ддукція“, что Славянскій народъ вообще, и Чешскій въ особенности, ужь отъ самой природы рожденъ свободнымъ, что онъ никогда не былъ подчиненъ послѣдственному государю, а какъ свободный народъ, въ рукахъ котораго находится вся власть, всегда имѣлъ и пользовался правомъ избирать себѣ государя, какъ о томъ свидѣтельствуетъ уже византийскій историкъ Прокопій, что Славяне живутъ подѣ народнымъ правленіемъ, неподвластные одному господину²⁾.

¹⁾ Regesta Bohemiae et Moraviae I, 79, 99, 137, и др.; Codex diplom. Moraviae VII, 542; Majestata Carolina XIX. (Archiv český III, 103); Palacký: Formelbücher I, 288; Pelzel: Karl IV (I. Urkundenbuch, 91); Золотая булла Карла IV, гл. 30; Palacký: Documenta M. J. Hus 547, 561; Archiv český III, 183; Výbor z liter. české II, 278.

²⁾ Deductio darrumb Ferdinandus II, des Regimenta in Kgr. Böhmeim verlustiget (1620, p. 6). То же самое и на французскомъ языкѣ.

2. Славянское сознание въ исторической литературѣ чешской. — Лѣтописи, легенды и пр. Пулкова. — Собрание чешскихъ лѣтописей. — Грамота Александра Великаго. — Чешскіе исторіи XV и XVI вѣковъ. — Споръ о происхожденіи Чеховъ въ Праговомъ университетѣ въ началѣ XVII столѣтія.

Сознание родства съ другими Славянами является въ чешской литературѣ преимущественно въ историческихъ и филологическихъ сочиненіяхъ. Изъ своихъ лѣтописей Чехи знали, что они — Славяне или даже Сербы (древнѣйшее названіе Славянъ, которые-де послѣ Вавилонскаго столпотворенія заняли юго-восточную Европу); знали, что преимущественно для нихъ изобрѣтено „словѣнское письмо“, переведены богослужебныя книги на „словѣнскій“ языкъ св. Константиномъ и Меодіемъ и ихъ сподвижниками, приглашенными „Словѣнскимъ“ княземъ Ростиславомъ на Мораву, въ Словѣнскія страны, что словѣнскій языкъ въ моравско-паннонской церкви одобренъ и самой столицею папскою. И хотя позже, вслѣдствіе разныхъ историческихъ событій, славянское богослуженіе должно было по большей части уступить латинскому, то все-таки оно не исчезло совсѣмъ. Дѣдичъ Чешской земли, св. князь Вячеславъ, учился не только латинскимъ, но и „словѣнскимъ“ книгамъ“. Другой свититель чешскій, св. Войтѣхъ, сынъ князя Славника и Стрѣзиславы „изъ знаменитаго рода славянскаго“, самъ называетъ себя „Словѣнникомъ“. Третій, св. Прокопій, „дѣдичъ словѣнскій“, посѣщалъ славное Вышеградское училище и учился здѣсь на словѣнскомъ языкѣ; для него построенъ (1032—1039) монастырь на берегу рѣки Сазавы, гдѣ до конца XI столѣтія были монахи славянскіе, „Словѣне“, отправлявшіе богослуженіе на словѣнскомъ языкѣ, и только въ 1096 году, вслѣдствіе козней враговъ славянскаго богослуженія, должны были уступить латинско-нѣмецкимъ монахамъ. Но самая память о дѣдичѣ славянскомъ, св. Прокопій, о славянскомъ монастырѣ Сазавскомъ живо сохранилась у Чеховъ и еще въ XIV вѣкѣ они хорошо знали, что у нихъ было когда-то богослуженіе на славянскомъ языкѣ, учрежденное св. Кирилломъ и Меодіемъ, какъ это тогда еще соблюдалось въ Болгаріи, Хорватіи и въ другихъ странахъ славянскихъ и какъ это тогда возобновилось и въ Чехіи, хотя только въ одномъ мѣстѣ, въ Пражскомъ монастырѣ славянскомъ. Что касается славянскаго письма, то уже въ XVI столѣтіи Чехи сами хорошо не знали, которое именно изобрѣлъ св. Кирилл: то ли, которое употребляютъ Русскіе, или же то, которое въ употребленіи у Хорватовъ и вообще у Славянъ Иллирскихъ, и которое другіе припи-

сывали св. Иерониму. О самомъ славянскомъ языкѣ въ богослуженіи церкви русской, болгарской, сербской и хорватской знали Чехи, хотя и немногіе, что онъ отличается отъ нарѣчія простого народа, который его совсѣмъ не понимаетъ, поэтому попы изучаютъ этотъ древній языкъ, какъ у другихъ народовъ—латинскій ¹⁾.

Краткія извѣстія первыхъ лѣтописцевъ о славянскомъ происхожденіи Чеховъ распространилъ въ послѣдствіи особенно Прибизъ Пулкава изъ Раденина въ своей чешской исторіи на латинскомъ и чешскомъ языкахъ (1374 г.) Подобно русскому лѣтописцу, онъ выводитъ „Словянъ“ (такъ пишетъ онъ не только по чешски „Slované“, но и по латински „Slowani“) изъ равнины Сенарской, откуда разошлись разные языки послѣ Вавилопскаго столпотворенія. „Здѣсь“, пишетъ Пулкава, „начался и одинъ языкъ словянской, который испорченнымъ словомъ называется славянской, и по которому народы того жъ языка назывались Словяне, ибо въ ихъ рѣчи означаетъ слово—verbum, слова—verba, и такъ по слову или по словамъ этого языка назывались Словяне. Вышеупомянутые Славяне вышли изъ равнины Сенарской, шли черезъ Халдею и прибыли въ землю, гдѣ теперь живутъ Греки; потомъ черезъ какой-то морской заливъ вошли въ большое море у Византіи, которая теперь называется Константинополь, и вступили въ слѣдующія земли: въ Болгарію, Россію, Сербію, Далмацію, Хорватію, Вострцію, Каринтію, Истрію и Краину, которыя занимаютъ и до сего времени. Наконецъ, въ Хорватію былъ какой-то чловѣкъ, по имени Чехъ, который оставивъ Хорватію, пошелъ искать себѣ новой родины, и переходя съ мѣста на мѣсто, перешелъ Дунай, откуда прибылъ въ страну, которая по латински называется Воетіа, по нѣмецки Ветен. Его братъ или товарищъ, по имени Лѣхъ, который прибылъ съ нимъ, перешелъ свѣжныя Альпы, раздѣляющія Чехію и Польшу. Когда онъ увидѣлъ большую равнину, простирающуюся до самаго моря, помѣстился здѣсь и населилъ ее своимъ родомъ, ибо надо знать, что въ славянскомъ языкѣ равнины (saprí plani) называются поля, и отсюда называется *Поляна*, такъ-сказать, полевая равнина. Кромѣ того, нѣкоторые изъ его рода перешли на Русь (Ruziám виѣсто Rugian?), въ Поморье, Кошубію до самого королевства Датскаго и наполнили приморскія страны на сѣверѣ и всю Русскую

¹⁾ Все, здѣсь вращѣе сказанное, почерпнуто изъ разныхъ лѣтописей, легендъ и др., и изъ позднѣйшихъ писателей—Бодницла, Велеславина, Коменскаго и другихъ.

землю и воздѣлывали ее. Другіе же вышли изъ Чехіи къ рѣкѣ Моравѣ и здѣсь поселились въ землѣ Моравской, равно и въ Мишинѣ, Вудышинѣ, Бранденбургѣ и въ Лужицѣ. Всѣ эти страны были лѣсисты и безлюдны, и вышеупомянутые Словяне всѣ ихъ воздѣлали и живутъ въ нихъ до сего времени¹⁾. Мы привели это мѣсто изъ чешской лѣтописи XIV вѣка вполне, такъ какъ высказанное здѣсь мнѣніе о происхожденіи Славянъ и Чеховъ осталось господствующимъ на долгіе вѣки съ разными измѣненіями и прибавленіями.

Уже во время національной и религіозной борьбы Чеховъ противъ западной Европы, и особенно противъ Нѣмцевъ, стали распространяться разныя новыя мнѣнія о происхожденіи Славянъ и Нѣмцевъ, — мнѣнія, въ которыхъ ярко отражаются тогдашнія взаимныя отношенія этихъ двухъ искони враждебныхъ другъ другу племенъ. Такъ въ одномъ замѣчательномъ историко-политическомъ сочиненіи (1437 г.) въ „Краткомъ собраніи чешскихъ лѣтописей“, неизвѣстный авторъ разказываетъ, что, по свидѣтельству древнихъ писаній, когда случилось при Вавилонскомъ столпотвореніи раздѣленіе языковъ, тогда всѣ народы имѣли своихъ вождей, и между всѣми ими раздѣлены извѣстныя земли и страны. Нѣмецкому языку данъ въ начальники Тевкадъ, по которому они и назвались Тевкадиты, по славянски — Нѣмцы. Этотъ народъ — скиталець въ мірѣ, — не имѣлъ никакого опредѣленнаго царства, ни страпы, и служилъ всѣмъ другимъ народамъ, особенно славянскому. Этотъ нѣмецкій народъ называется „манний“ (отъ „тапп“ — слуга), и имъ и слѣдовало бы быть и называться „маннами“, какъ свидѣтельствуютъ грамоты, данныя великимъ царемъ Александромъ Славянскому народу²⁾.

Здѣсь, насколько намъ извѣстно, мы встрѣчаемся въ первый разъ съ извѣстною всѣмъ Славянамъ жалованною грамотой, или какъ ее называли Чехи, съ маестатомъ Александра Македонскаго Славянамъ. Изъ числа людей классическаго міра, пользовавшихся знаменитостію въ средніе вѣка, Александръ Македонскій занимаетъ первое мѣсто. Его подвиги, дѣйствительные и мнимые, разказывались въ далекой Азіи и воспѣвались всѣми европейскими народами. Такъ было и у Чеховъ, у которыхъ уже въ XIII вѣкѣ обширный эпосъ прославлялъ

¹⁾ Pulchrae Chronicon boem., in Dobner: Monumenta Boem. histor. II, 72, чешское изданіе *Проглазки*, 13.

²⁾ Krátké ebrání z kronik českých, при изданіи Далимилы Гинкой (1851, 228); по русски въ *Чтеніи въ Моск. Общ. Исторіи* 1862, 1.

подвиги этого героя. Но мало того. Личность Александра Великаго являлась западнымъ Славянамъ въ такомъ свѣтѣ, что и они пожелали быть участниками его славы. Въ Польшѣ, въ XII вѣкѣ, стали разказывать и о волнахъ Ляховъ съ славнымъ витяземъ Македонскимъ. Въ польской фантазій того времени является Александръ Великій съ огромнымъ войскомъ въ Польшѣ, завладѣваетъ Краковомъ и Серадземъ, но наконецъ вынужденъ бѣжать изъ Польши. О своей волнѣ съ Ляхами онъ переписывается со своимъ учителемъ Аристотелемъ какъ видно — то-есть, по словамъ польской лѣтописи — изъ собранія его писемъ, числомъ около 200¹⁾. При такомъ значеніи Александра Великаго въ средневѣковой Европѣ вообще, и у западныхъ Славянъ въ особенности, при распространенномъ мѣстѣ о какихъ-то письмахъ этого героя, не мудрено, что неизвѣстный чешскій авторъ выдумалъ и грамоту или „маестатъ“ Александра Славянина. Въ этой грамотѣ Александръ, побѣдитель многихъ народовъ и повелитель міра, „ясному поколѣнію славянскому и ихъ народу или языку“ желаетъ мира и здоровья отъ себя и своихъ будущихъ намѣстниковъ, которые послѣ него будутъ править міромъ, и „такъ какъ вы намъ всегда служили вѣрой и правдой, въ сраженіяхъ храбрые воины и наши помощники, доблестные витязи и трудолюбивые, по этой причинѣ даемъ вамъ и утверждаемъ за вами на вѣчныя времена всю часть земли съ полуночи до предѣловъ Италіи и земли на полудни, чтобы въ ней никому, кромѣ вашего народа, не дозволялось жить и селиться. Если же найдется кто-нибудь другой живущимъ въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, пусть будетъ вашимъ слугою, и его потомки пусть будутъ слугами нашихъ потомковъ“. Слѣдуетъ и мѣсто (Александрія) и число изданія этой грамоты, и свидѣтели, какъ то требовалось въ XV столѣтіи.

Какъ-бы для объясненія этого маестата чешскій лѣтописецъ прибавилъ перечень всѣхъ странъ, въ которыхъ есть „языкъ наиславнѣйшаго, наизнамснитѣльнѣйшаго и наихрабрѣйшаго народа нашего Славянскаго“ Такъ какъ этотъ перечень во многихъ отношеніяхъ очень интересенъ, свидѣтельствуя о географическихъ познаніяхъ Чеховъ во время гуситскаго движенія, объ обширныхъ областяхъ славян-

¹⁾ Срв. особенно Викентія Кадлуба *Chronicon Polonorum* lib. I, c. 9, 10. (*Bielowski*: *Monum. Polon. histor.* II, 259). Какая-то *cronica Polonorum cum epistola Alexandri* находилась около 1300 г. въ библиотекѣ Краковскаго купцула. (*Bielowski* *M. P. h. I.* 378): Срв. слѣдующее примѣчаніе.

скихъ, то приводимъ его здѣсь вполнѣ, замѣтивъ только, что вѣ-
 которыхъ испорченныя названія земель остались для насъ темными.
 Славянскій языкъ, стало быть, господствуетъ въ земляхъ „Чешской,
 Моравской, Силезской, Лужицкой нижней, Лужицкой верхней, Поль-
 ской большой, Польской малой, Русской Вѣлой, Русской Черной, По-
 дольской, Волинской, Мазонской, Холмской, Белзской, Молдавской,
 Самоѣдской, Поморской, Кошубской, Руянской, Бартской, Старгард-
 ской, Володимірской, Новгородской нижней, Рязанской, Воротницкой
 (Воротынской), Семорской (Сѣверской), Смоленской, Вѣльской, Рас-
 совской (Рославльской?), Тверской, Пшовской (Псковъ), Новгород-
 ской великой, Вотской, Корнельской (Корела), Двинской, Устюжской,
 Володской (Вологда), Вѣлозерской, Заславской, Ростовской, Суз-
 дальской, Вятской, Пермской, Сибирской, Печорской, Зугритской
 (Югра), Обдорской, Лукоморской, Лабской (?), Мордоводской (Мор-
 два?), Мамалутской (?), Мордовской, Холмогорской, Скинской, Вудин-
 ской, Гелонской (вѣроятно, Геродотомъ Вудины, Гелоны) Цирской, (?),
 Дедонской (?), Вагатырской (?), Дерской (?), Иллирской, Хорватской,
 Далматской, Каринтской, Карвской, „Мавской“ (Magna?), Словской
 (Славонія), Босанской, Кватской (?), Либурнской, Сербской, Рацкой
 (Раса, Расція), Птирской, Болгарской, Дратской (Эракіл), Самодрац-
 кой (Самооераке), Корытанской (вѣроятно, Коринѣзъ, такъ какъ уже
 выше есть Каринтія, древнечешское Корытапы). И того 79 языковъ.
 Въ концѣ Саксоніи, идучи на востокъ, есть опустѣвшій городъ, почти
 уже деревня, прежде такъ-называемый Старый градъ. Оттуда, до
 самой земли Прусской, владѣлъ всѣмъ народъ Сербскій. Нѣмецкій
 народъ укралъ у насъ также земли Брауншвейгскую, Люнебургскую,
 Магдебургскую, Гальберштадтскую, Бранденбургскую, Мекленбург-
 скую, Вѣлградскую. Этой записки“, кончаетъ авторъ, „не хватило
 для описанія многихъ другихъ знаменитыхъ земель, въ которыхъ
 есть языкъ могущественнаго народа Славянскаго. Поэтому вторая и
 третья таблицы покажутъ объ этомъ подробнѣе. Эти записки иска-
 жены злыми людьми“ ¹⁾.

¹⁾ Krátké sebrání z kronik českých 239—242 (Въ *Чтеніяхъ* опущено). Объ
 этой грамотѣ уже рано были у Славянъ равныя мнѣнія въ ходу, какъ видно изъ
 польскихъ историковъ Стрыйковского (1582) и Сирицкаго (1587). По ихъ раз-
 казу, привиллегія Александра найдена въ государственномъ архивѣ чешскомъ и хра-
 нилась позже въ одномъ монастырѣ близъ Кракова; одинъ экземпляръ нахо-
 дится въ очень древней книгѣ чешскихъ лѣтописей (in quodam regetuato libro

Вотъ любопытный памятникъ славянскаго сознанія у Чеховъ въ первой половинѣ XV столѣтія. Жаль, что авторъ его остался для насъ неизвѣстнымъ. Не былъ ли имъ современный историкъ гуситскаго движенія, Лаврентій изъ Брезовой, который, по одному позднѣйшему свидѣтельству, написалъ сочиненіе, теперь неизвѣстное, „О славѣ Чеховъ и Славянъ“?

„Маестатъ“ Александра Македонскаго Славянамъ находилъ себѣ вѣрующихъ не только у Чеховъ, но и у другихъ Славянъ, до XVII, даже и до XVIII столѣтія. Его приводятъ чешскіе историки Гаекъ и Папроцкій, польскіе—оба Вѣльскіе, Стрыйковский, Сарницкій, югославянскій—Орбини, русскіе хронографы и др. Вѣра въ его подлинность существовала у Славянъ больше двухъ столѣтій и начеала только съ развитіемъ исторической критики¹⁾.

Славянское сознаніе видно, болѣе или менѣе, у всѣхъ чешскихъ лѣтописцевъ, историковъ и географовъ XV—XVII столѣтій: въ такомъ смыслѣ пишутъ Эней Сильвій, Кутенъ, Гаекъ, Дубравскій, Сигизмундъ изъ Пухова, Велеславинъ, Папроцкій²⁾.

Всѣ эти писатели, основывая свои доводы на выводахъ своихъ предшественниковъ, мѣстныхъ и иностранныхъ историковъ, и по обычаю тогдашнихъ некритическихъ лѣтковъ, на своихъ выдумкахъ, разказываютъ болѣе или менѣе пространно о происхожденіи Чеховъ отъ Славянъ. Такъ, Эней Сильвій, согласно мнѣнію Пулкавы о происхожденіи Чеховъ изъ южной Хорватіи, замѣчаетъ, что „языкъ у Чеховъ и у Далматовъ одинъ“. Мало извѣстій о Славянахъ приносятъ Кутенъ и

chronicorum bohemicorum, вѣроятно, выше упомянутое краткое собраніе изъ чешскихъ хроникъ). Но съ другой стороны, и Югославіи утверждаютъ, что подлинная привилегія Александра, писанная на пергаментѣ въ Александріи, находится въ государственной казнѣ турецкой, куда досталась послѣ завоеванія Царьграда Турками.

¹⁾ Срв. особенно Сарницкаго *Annales hoc de origine et rebus gestis Polonorum et Litvanorum*, 44. На Русь вѣрятъ въ существованіе грамоты Александра Гусель (1680), Манжелевъ (1715), даже Щербатовъ (1794). Но, съ другой стороны, уже въ XVI—XVII вѣкахъ явились сомнѣнія въ ея подлинности; такъ, у Велеславина (1585), у Бальбина (*Miscell.* II, 98); хорватско-русскій писатель Криваличъ называетъ ее «сказною баснею». (*Русское государство* № 3, стр. 92).

²⁾ Aeneas Sylvius: *Historia bohémica* 1745 (чешскій переводъ 1510 и 1585); Kuthen: *Kronyka o založení země české* (1539, 1585); Hájek: *Kronyka česká* (1541); Dubravský: *Historia bohémica* (1562); Sig. z Púchova: *Kosmografia česká* (1554); Veleoslavín: *Kronyka dvé o založení země české* (1585); Paprocký: *Zrcadlo slavného markrabství Moravského* (1593); *Diadochos etc. Posoupenost Knížat i Králův českých* (1602), Štambuch Slezský (1609); *Ogród Królewski* (1599).

Гаекъ; больше о нихъ знаютъ Дубравскій и Велеславинъ. Дубравскій, пользуясь ужь авторами классическаго времени (Птолемеемъ) и нѣкоторыми средневѣковыми лѣтописцами, пишетъ, что первоначальная родина всѣхъ народовъ, которые теперь называются Славянами, была Сарматія, которую Птолемей ограничиваетъ Дономъ, Вислою, Карпатами и Сарматскимъ моремъ. И такъ какъ всѣ уже тогда далеко распространенныя племена Сарматовъ имѣли одинъ языкъ и почти одни и тѣ же слова, то и назывались однимъ именемъ Словѣне (Sloveni), кромѣ того, и отъ славы—славнне; они жили сначала, по свидѣтельству Проколія, подъ народнымъ правленіемъ. Изъ Славянъ происходилъ св. Иеронимъ; онъ перевелъ Св. Писаніе на славянской языкъ, на которомъ еще и теперь Иллиры отправляютъ свое богослуженіе. Изъ мѣологичъ Славянъ Дубравскій знаетъ, что они, по Проконію — обожали нимфъ и подробно описываетъ культъ Святговита па Ранѣ. Велеславинъ, въ длинномъ предисловіи къ изданнымъ имъ хроникамъ Энея Сильвія и Кутена, разказываетъ особенно о движеніи „Славовъ или Виндовъ“ отъ Вислы въ земли балтійскія и лабскія, гдѣ они отняли у Гермундуровъ соляные ключи около Галле и назвали эту мѣстность Доброборъ или Добросоль; жалкіе остатки этихъ Славянъ живутъ и до сихъ поръ въ Германіи. Древніе Славяне имѣли между другими боже-ствами и Вита, котораго называли Святговитомъ и особенно кланялись ему. О происхожденіи имени Славяне не знаетъ — отъ славы или отъ слова. Сигизмундъ изъ Пухова замѣчаетъ, что „Вандалы, Мораване, Далматы, Хорваты, Словаки, Поляки, Русскіе, Ляхи и другіе, отъ нихъ происшедшіе, всѣ одинъ народъ, а только разныя имена имѣютъ по своимъ вождямъ“¹⁾. Но больше всѣхъ знаетъ Славянъ Папроцкій: пользуясь уже разными, до него изданными, историческими сочиненіями (напримѣръ, польскимъ Кромеромъ) и живою своею фантазіей, онъ разказываетъ, какъ могучій царь Александръ Великій, повелитель и дѣдичъ міра, далъ Славянамъ, своимъ главнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ рыцарямъ, всѣ страны съ полудня на востокъ и на западъ, гдѣ теперь Хорватія, Сербія, Болгарія, Чехія, Моравія, Силезія, Польша, Поморье, Кошубія, Мишнія, Москва, Русь, Подолье, Волинь и др., и гдѣ вездѣ живетъ великій, доблестный, славный народъ Словенскій

¹⁾ Знаменитый математикъ, астрономъ и филологъ чешскій XVI вѣка, Петръ Кодицкы изъ Тулехова, обращается противъ клеветниковъ Славянъ: «Пусть насъ называютъ Вандалами, Скивами, варварами, какъ имъ угодно, а все-таки Славянской народъ во всемъ превосходитъ другіе народы». (Minuci a granostyka, 1588).

или Славенскій, Словаки или Славаци; по нѣкоторымъ, они называются такъ отъ „слави“, по другимъ отъ „слова“, такъ какъ они охотно исполняли обѣщанное слово; да, до сихъ поръ еще Чехи и Поляки считаютъ большимъ стыдомъ, еслибы кто-нибудь сказалъ честному человѣку, что онъ не говоритъ правды; и не только дать ему за то олеуху, но изъ-за этого слова происходятъ драки и убійства. Особенно славится исполненіемъ обѣщаннаго слова Чехи, такъ что и другіе Славяне, увѣряя кого-нибудь въ чемъ-нибудь, ссылаются на примѣръ Чеховъ. Впрочемъ, это все равно—навалили ли себя Славяне по славѣ, или по слову: слава тому, кто сдерживаетъ свое слово. Но къ сожалѣнію, замѣчаетъ Папроцкій, Славяне, считая первымъ долгомъ распространять свои владѣнія и предѣлы, не записывали о себѣ ничего, а другіе народы, завидуя имъ, не только не хотѣли о нихъ упоминать, но и другимъ запрещали о нихъ писать.

Вотъ вкратцѣ взгляды и мнѣнія древлечешскихъ историковъ о славянскихъ ихъ предкахъ.

Что касается происхожденія Чеховъ, то древнѣйшія преданія связываютъ ихъ имя съ полумифическимъ княземъ Чехомъ, который въ отдаленные вѣка — по Космѣ, уже послѣ Вавилонскаго столпотворенія — черезъ три рѣки прибылъ въ земли на рѣкахъ Волгавѣ и Лабѣ, и здѣсь, около горы Ринской, и поселился. Вольше объ этомъ записалъ въ своей чешской хроникѣ любимый лѣтописецъ, такъ называемый, Далимиль (въ началѣ XIV вѣка). Онъ разказываетъ, что послѣ Вавилонскаго столпотворенія и смѣшенія языковъ, между прочимъ и Сербы или Славяне поселились въ сѣвернѣйшій Грековъ при морѣ и распространились до Рима и до Рейна. „Въ сербскомъ (то-есть, славянскомъ) языкѣ“, продолжаетъ лѣтописецъ, „есть земля, которой имя есть Хорватія (Хорвати). Въ этой землѣ былъ лѣхъ (то-есть, вельможа, бояринъ), по имени Чехъ; онъ, совершивъ убійство, вышелъ съ своимъ родомъ изъ этой земли Хорватской и поселился въ землѣ около Рина, которая по немъ и назвалась Чехіей“. Оставляя въ сторонѣ всѣ подробности этого извѣстія, замѣтимъ только, что Далимилова Хорватія есть страна на верхней Вислѣ около Кракова. Кромѣ Чеховъ, изъ этой Карпатской Великой или Вѣлой Хорватіи и сосѣдней Вѣлой или Великой Сербіи производились и южные Хорваты, и Сербы, поселившіеся въ Далмаціи, Иллирии и Мизіи ¹⁾.

¹⁾ Dalimilova Chronika česká, vyd. Hanka, 6. О Вѣлой Хорватіи и Сербіи см. особенно Шафарика Славянскія древности §§ 38, 39.

Сама Карпатская Хорватія и Сербія осталась извѣстною только до X вѣка. Потомъ, особенно вслѣдствіе возвышенія Ланско-Польскаго государства въ Карпатскихъ странахъ, совершенно исчезаетъ и названіе, и память о ея существованіи. Только южные Хорваты еще и въ позднѣйшихъ вѣкахъ помнятъ, что они когда-то вышли изъ земель Чешскихъ и Польскихъ. Такъ, и Чехи со временемъ забыли, что когда-то существовала „Хорватія“ въ карпатскихъ странахъ; но вѣрно сохраняя древнее преданіе о выходѣ своемъ изъ „Хорватіи“, и вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ-быть, и древнѣйшія преданія о первоначальномъ пребываніи Славянъ въ Дунайскихъ земляхъ, откуда вытѣснены нападениемъ „Влаховъ“, и видя и зная потомъ только южную посавскую и далмацкую „Хорватію“, естественно подумали, что они вышли изъ этой „Хорватіи“. Въ этомъ мнѣніи ихъ особенно утвердилъ лѣтописецъ XIV вѣка Нулкава, разказъ котораго о происхожденіи Чеховъ, Поляковъ и другихъ Славянъ мы привели выше.

Эта теорія о происхожденіи Чеховъ и Поляковъ изъ юго-славянской Хорватіи пріобрѣла себѣ у обоихъ народовъ почти исключительное господство, и позднѣйшіе чешскіе и польскіе историки украсили ее и разными подробностями, напримѣръ, опредѣляютъ и время выхода обоихъ „славянскихъ князей“ Чеха и Лѣха, знаютъ число ихъ свиты и ихъ гербы, даже и происхожденіе моравскаго герба, клѣтчатои орлицы, соединеніемъ герба Чеха (орлицы) и южной Хорватіи (шахматной доски), и проч. ¹⁾

Но постепенное развитіе историческихъ наукъ, открытіе древнихъ памятниковъ, особенно въ XVI вѣкѣ, повліяло на эту теорію. Многіе писатели, познакомившись съ греческими и латинскими сочиненіями классическаго времени, съ средневѣковыми писателями, увидѣли, что по этимъ источникамъ Славяне являются первоначально не въ Дунайскихъ земляхъ, а въ восточной Европѣ. Такъ, уже польскіе историки Ваповскій и Кромеръ выводятъ всѣхъ Славянъ прямо изъ Московіи, отъ озера Словна, или изъ Сарматіи. Но эта теорія не привилась въ Чехіи: всѣ чешскіе историки XV, XVI и XVII столѣтій, Эней Сильвій, Кутень, Гаекъ, Дубравскій, Велеславинъ, Папроцкій и др. провозглашали происхожденіе Чеха и Чеховъ изъ южной Хорватіи; и такъ какъ авторитетъ Гаека (чешскаго Конискаго) остался, такъ сказать, непоколебимымъ до самаго XVIII вѣка, то Чехи твердо вѣрили въ свое происхожденіе отъ Югославянъ.

¹⁾ Подробности раннихъ этихъ выдумокъ можно читать у Гаека, Велеславина, Папроцкаго, Вальскаго и др.

Можно себя вообразить, какой шумъ долженъ былъ подняться, когда въ началѣ XVII вѣка (1614 — 1616 гг.) профессоръ Пражскаго университета, Іоаннъ-Матвѣй Судетскій, сталъ утверждать, что Чехи происходятъ не отъ Юго-славянъ, а отъ *Руси*. Судетскій, для своего времени, являлся довольно ученымъ и начитаннымъ, хорошо знаетъ, кромѣ чешской исторіографіи, и многихъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, равно какъ и другихъ писателей о Славянахъ,—Гельмгольда, Длугоша, Герберштейна, Кромера и др. На основаніи этихъ источниковъ Судетскій защищаетъ слѣдующую теорію: Чехи и Поляки или Ляхи (какъ ихъ называютъ до сихъ поръ Русскіе и Москвитяне) несомнѣнно происходятъ отъ двухъ братьевъ и принадлежать къ Славянскимъ народамъ, но откуда именно они вышли — въ этомъ наши писатели очень ошибаются. Разоренную послѣ переселенія народовъ восточную Германію заняли, около 457-го года, Сарматы, поселившись въ Польшѣ, Чехіи и въ Лабскихъ и Балтійскихъ земляхъ (Времениъ = бремя); по славнымъ своимъ дѣйствіямъ назвались Славяне. Итакъ, вмѣстѣ съ Русскими, изъ которыхъ вышли, они наполнили всѣ земли отъ Варяжскаго моря („Варецкое“ море — отъ Вагровъ) до Чернаго и до Волги. На другой сторонѣ Славяне заняли цѣлую Восточную Римскую имперію, такъ что, по свидѣтельству самихъ Грековъ, и Греція ослабилась; до сихъ поръ вездѣ въ Турціи живутъ Славяне. Чехи и Поляки не могли выйдти изъ южной Хорватіи, Илирин и Панноніи, такъ какъ эти земли заняты Славянами позже, чѣмъ сѣверныя и восточныя, населенныя Сарматами и Ведами. Слѣдовательно, они вышли изъ сѣвера и востока, изъ Сарматіи. Въ заключеніе, Судетскій предлагаетъ Чехамъ больше заниматься этимъ вопросомъ, и по примѣру Нѣмцевъ, разрабатывать свое прошедшее.

Судетскій своею диссертациею возбудилъ въ Пражскомъ университетѣ живой споръ. Противники Судетскаго, твердо держась господствующей тогда теоріи о выходѣ Чеха изъ южной Хорватіи, горячо востали противъ новой теоріи; по ихъ мнѣнію, она даже вредила народной чести Чеховъ, производа ихъ отъ Русскихъ.

Во главѣ противниковъ Судетскаго былъ Николай Троицъ Святпольскій, деканъ философскаго факультета, который, не равнясь своему противнику въ знаніи, замѣняя однако этотъ недостатокъ излишнимъ рвеніемъ. Въ публичной своей рѣчи „о благочестивой Чехіи противъ Русскихъ“ (1615 года) горячо защищаетъ древнюю теорію о прибытіи Чеха изъ Хорватіи въ нынѣшнюю Чехію послѣ Воіевъ, Маркомановъ и Гермундуровъ, и наконецъ, восклицаетъ: „Пусть оста-

нется Русскимъ, кто не хочетъ быть Чехомъ; пусть останется Скиномъ и варваромъ, кто своихъ предковъ считаетъ варварами (Maneat Roxolanus, qui Czechus aut Bohemus esse non vult. Maneat Scytha et barbarus, qui suos veteres pro barbaris agnoscit)". Эту рѣчь Троицъ посвятилъ „всѣмъ Чехамъ, любящимъ отечество“, говоря, что и онъ любить свое дорогое отечество и свой народъ, который вовсе не происходитъ изъ Руси, отъ Русскихъ. Споръ приобрулъ, такимъ образомъ, болѣе широкіе размѣры: Судетскій отвѣчалъ Троицъ, и въ свою очередь, получилъ его отвѣтъ. Только 9-го февраля 1616 года прекратился этотъ споръ новелѣніемъ академическаго сената, который сдѣлалъ Судетскому выговоръ за то, что онъ послѣдній свой отвѣтъ напечаталъ безъ позволенія ректора ¹⁾.

Итакъ, еще наканунѣ наденіи Чешскаго государства велись живыя распри о происхожденіи Чеховъ, вышелъ ли Чехъ изъ южныхъ или изъ восточныхъ Славянъ, изъ Хорватіи или изъ Руси, или какъ ее тогда называли, Роксоланіи. Первое мнѣніе отстояло себѣ господство у Чеховъ еще на полтора вѣка.

8. Славянское сознаніе въ чешской лингвистической литературѣ. — Гусъ. — Грубый. — Влагословъ. — Векешовскій. — Лодережеръ.

Видѣніи съ историческими изысканіями о происхожденіи Чешскаго народа отъ Славянъ, у Чеховъ являются и первыя попытки по славянской лингвистикѣ. Вслѣдствіе частыхъ споненій Чеховъ съ славянскимъ востокомъ и отчасти и съ югомъ, славянскія нарѣчія были имъ болѣе или менѣе извѣстны. Вспомнимъ, сколько разъ сносились и сталкивались Поляки и Чехи, сколько разъ чешскіе воины сражались не только въ земляхъ на Вислѣ, но и дальше около Днѣпра, и на югѣ, на Дунаѣ и на Балканахъ. Точно также и Чешскія земли видѣли у себя войска польскія, русскія и сербскія, либо какъ враговъ, либо какъ союзниковъ. Торговый путь чешскихъ купцовъ шелъ

¹⁾ Joann. Matth. a Sudetia: Bohemorum nationem non e Slavis, ut Aeneae Sylvii at Dubravio videtur, sed ex Russia seu Roxolania originem habere etc. (1614). De origine Bohemorum et Slavorum subseciva (1615). Nicol. Troilus Hagiochoranus: De Bojemia pia contra Roxolanos (1615). Сравни. Kalina v. Jätenstein: Nachrichten über böhmische Schriftsteller u. Gelehrte I, 54. Ко второй статьѣ Судетскаго прибавлено, по обычаю того времени, нѣсколько похвальныхъ стихотвореній. Въ одномъ повтъ восхваляетъ автора за то, что тотъ уничтожилъ распространенное ошибочное мнѣніе, будто бы народъ Чешскій, храбрые Хорваты и знаменитые Славяне (то-есть, южные), родились въ одинъ и тотъ же день.

не только въ земли Дунайскія и въ Польшу, но и на Русь. Въ Пражскій университетъ, бывшій сначала единственнымъ высшимъ училищемъ для средней и восточной Европы, стекалось и много восточныхъ и южныхъ Славянъ, и проч.

Изъ славянскихъ языковъ Чехи знали преимущественно языкъ ближайшихъ имъ, и географически и культурно, соплеменниковъ Поляковъ, съ которыми всегда жили въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Но и нарѣчія другихъ Славянскихъ племенъ, Русскихъ и Югославянъ, не были имъ не извѣстны. Въ половинѣ XIV столѣтія Чехи, послѣ почти трехсотлѣтняго молчанія, услышали вновь у себя въ Прагѣ въ „Славянскомъ монастырѣ“ „славянскій“ языкъ въ богослуженіи, сначала изъ устъ хорватскихъ монаховъ, потомъ и отъ природныхъ Чеховъ, увидели опять оба древне-славянскія письма: „словѣнское“ (глаголицу) и „русское“ (греко-славянское). и первое попытались даже примѣнить къ своему собственному языку ¹⁾.

Посредствомъ этого славянскаго монастыря познакомился съ славянскою азбукою и съ церковно-славянскимъ языкомъ и реформаторъ чешскаго языка, Іоаннъ Гусъ. Поправляя грубое и неудобное правописаніе, которое употребляли до него Чехи для своего языка, и устанавливая новую орфографію чешскую посредствомъ диакритическихъ знаковъ, Гусъ часто сравниваетъ чешскіе звуки съ славянскими, то-есть, съ языкомъ церковнославянскимъ, какъ его употребляли славянскіе монахи (slavi) въ Пражскомъ монастырѣ. Такъ-напримѣръ, онъ знаетъ, что соотвѣтствующія буквамъ и звукамъ чешскимъ *ch* и *š* называютъ Славяне *chir* и *ssa* (хѣръ, ша), что звука *h* въ славянскомъ языкѣ нѣтъ, и что еслибы Чехи хотѣли приблизиться къ своимъ отцамъ славянскимъ, то должны были бы говорить *gus, gubi, guby*, то-есть *hus, hubi, huby*; знаетъ, что Славяне (Slovani) не имѣютъ звука *l* (л), а только *ľ* (ль), и поэтому, по обычаю Нѣмцевъ, говорятъ *milij pane* (milí pane), гдѣ мы говоримъ *milnyj pane* (milý pane). Нѣтъ сомнѣнія, что по примѣру именъ славянскихъ буквъ (азъ, буки, вѣди и пр.) и Гусъ ввелъ подобный способъ въ чешскую азбуку (a bude celé ecledí dán и проч.); между этими названіями встрѣчаемъ и не чешское *ilm*; *x* (*chě*) поставилъ онъ на концѣ чешской азбуки ²⁾.

Славянскимъ языкованіемъ особенно занимался въ началѣ XVI

¹⁾ Объ этомъ монастырѣ см. ниже въ отдѣлѣ: Чехи и Юго-славяне.

²⁾ М. I. Husi Orthografie česká (руд. Šembera 1857).

столѣтія ученый Чехъ Сигизмундъ Грубый изъ Еленя. Пребывая въ Базелѣ, онъ собиралъ у себя разныхъ Славянъ — Поляковъ, Югославянъ и др., посредствомъ которыхъ ознакомился съ ихъ языками, нѣспями и проч. Такимъ образомъ, сравнивая разные славянскіе языки, онъ вникъ глубже и въ устройство своего чешскаго языка. Въ Базелѣ онъ издалъ *Aléixov obřfоvоv* (1537, потомъ 1544), словарь четырехъ языковъ, и въ немъ, къ словамъ обояхъ классическихъ языковъ, греческаго и латинскаго, прибавилъ „двѣ рѣчи варварскаго происхожденія, нѣмецкую и славянскую (*germanicam ac slavonicam*), которыя одѣ занимаютъ теперь всю Европу вдоль и поперекъ“. Подъ названіемъ „славянскій“ рѣчи Грубый разумѣетъ преимущественно свой родной чешскій языкъ и сравниваетъ его съ остальными тремя. Но зная и другія славянскія нарѣчія, онъ приводитъ слова и изъ юго-славянскаго и польскаго, напримѣръ, *gensy* (*anseret*), *gospod* (*herus*), *grabiti* (*rapere*), *svanty* (*sanctus*), *desna* (*dextra*), *mrav* (*macer*) и проч. Чешское *h* вездѣ онъ замѣнилъ *g* (*glava*, *augogz*). Замѣчательно, что онъ пишетъ чешскіи слова латинскими буквами, а не господствовавшимъ еще тогда готско-нѣмецкимъ ¹⁾. На славянскіе языки обратили тогда вниманіе и два другіе филолога чешскіе въ своихъ трудахъ о чешскомъ языкѣ, Влагославъ и Венешовскій.

Іоаннъ Влагославъ († 1571), славный учевій „единства чешскихъ братьевъ“, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ чешскаго языка того времени, написалъ и первую обширную грамматику чешскую (1571 г.) ²⁾. Нельзя, разумѣется, ожидать, чтобъ эта грамматика XVI вѣка основывалась на какой-нибудь системѣ, соответствующей научнымъ требованіямъ нашего времени. Для насъ она интересна только потому, что авторъ ея первый сдѣлалъ попытку сравнить чешскій языкъ съ родственными ему языками. Влагославъ знаетъ не только моравское, словенское и силезское нарѣчія, но хорошо знакомъ и съ язы-

¹⁾ Сравни, что о Грубомъ гоноритъ современникъ и соотечественникъ его Влагославъ (Грамматика чешская, 342), который посвятилъ его въ Базелѣ и слышалъ у него Хорватовъ, пѣвшихъ свои пѣсни. Другъ Грубаго *Coelius Secundus Sicut* называетъ славянскій языкъ въ словарѣ Грубаго ошибочно «далматскимъ», также иллирскимъ, вообще славянскимъ; его употребляютъ разные народы, Чехи, Вандавы (Венеды) и Сарматы, къ которымъ принадлежатъ Поляки, Русскіе, Литовцы и Москвитяне, такъ что славянскій языкъ слѣдуетъ причислить къ наибольширѣйшимъ языкамъ міра.

²⁾ *Jona Vlahoslavi Gramatika česká, vyd. Hradil a l. Hroček (1857). Сравни. Savoris Cesk. Mus. 1858, 134, 290.*

комъ польскимъ и отчасти и съ юго-славянскимъ; немного знаетъ и русскія нарѣчія. Поэтому онъ чаще всего приводитъ польскія фразы, рѣже юго-славянскія и сравниваетъ ихъ съ чешскими; такъ, напримеръ, упоминая о древне-чешской формѣ „biese“ (быль), онъ замѣчаетъ, что ее до сихъ поръ употребляютъ Хорваты, Босняки и Сербы. О русскихъ нарѣчіяхъ знаетъ лишь то, что въ нихъ нѣтъ чешско-польскаго *v* (*gz*), а чистое *p*, и разсуждая о чешскихъ словахъ *kněz* (священникъ) и *knize* (князь, княжа), замѣчаетъ, что оба слова означали первоначально одно и то же: ибо древніе Чехи называли княжа — „*kněva*“, да и теперь на Руси княжа называется „князь (кнѣв) Русскій, Московскій“.

Особенно любопытны разсужденія Благослава „о діалектахъ нашего языка“. Первый, и можетъ-быть, самый важный діалектъ, то-есть, рѣчь — это чешская рѣчь, къ которой принадлежатъ и Мораване, и отчасти и Силезцы. Второй діалектъ, словенскій, къ которому приимается говоръ разныхъ Хорватовъ, которые живутъ отъ Угорской земли до самого Константинополя, оттуда до Венеціи и Италіи, потому-же часть ихъ и въ Африкѣ (!) за моремъ Средиземнымъ. Эти называются различно по краямъ: въ Хорватіи — Хорваты, въ Босніи — Босняки, въ Иллиріи — Иллиры, которые тамъ по большей части называются Славя. Третій діалектъ — польская рѣчь, къ которой можно причислить и силезскую, хотя тѣ, которые ближе къ Чехамъ и Мораванамъ, подходятъ болѣе къ Чехамъ, чѣмъ къ Полякамъ. Потому-такъ думаетъ Благославъ — рѣчь русская, мавовская, московская, и часть Татаръ. Что касается общаго названія всѣхъ этихъ частей, то нѣкоторые думаютъ, что слово словенская рѣчь есть *genérale*, общее, содержащее всѣ отличія и упомянутые діалекты, и поэтому раздѣляютъ словенскій народъ на Чеховъ, Поляковъ, Хорватовъ, Русскихъ и проч. Другіе хотятъ обнять всѣ эти народы въ словѣ болгарская рѣчь. Филиппъ Меланхтонъ называлъ Чеховъ, Словаковъ и проч. *Hequeti*. Не желая вдаваться ближе въ этотъ вопросъ, есть ли „словенская рѣчь“ (Благославъ разумѣетъ здѣсь юго-славянскую) источникъ другихъ діалектовъ нашего широко по далекимъ краямъ распространеннаго языка, и предоставляя все это на волю каждаго, онъ говоритъ, что мы не имѣемъ такого слова, въ которомъ заключались бы всѣ діалекты и отличія или различные способы нашего языка. У Нѣмцевъ есть такое слово, ибо саксонская, австрійская, баварская, швабская, швейцарская, нидерландская, маркская и другія рѣчи, всѣ — суть части одного языка, который называется нѣмецкимъ, и всѣ они на-

зываются поэтому Нѣмцами или народомъ Нѣмецкимъ; итакъ, Нѣмцы, будь они въ какихъ бы то ни было странахъ, все-таки только Нѣмцы. Но у нашего народа иначе: ибо Словаки въ землѣ словенской, Хорваты въ хорватской, Чехи въ чешской, Поляки въ польской и проч. И кто изъ этихъ попадетъ въ другія земли, тотъ сохраняетъ свое собственное имя, *speciale, non generale, uti Germani*; будь они въ Италиі, Угрии, Германіи, они все-таки остаются и называются Чехи, Поляки, Словаки. Между тѣмъ Нѣмецъ, изъ какой бы земли онъ ни былъ, называется не иначе, какъ Нѣмецъ, хотя бы и не совсѣмъ хорошо могъ объясняться съ другимъ изъ другой страны прибывшимъ Нѣмцемъ. Которая изъ этихъ рѣчей или діалектовъ есть самая коренная, благородная, лучшая, красивая, богатѣйшая, это рѣчь предоставляется каждому по волю, и кто же тутъ произнесетъ справедливый приговоръ, который приняли бы всѣ? Но, по личному мнѣнію Благослава, чешская рѣчь занимаетъ первое мѣсто между частями этого языка, какъ самая образованная и пріятная; она пространна и удобна для звуковыхъ органовъ, для легкаго выговора словъ и не нуждается въ некрасивомъ носовомъ говорѣ, какъ у Поляковъ, которые портятъ свою рѣчь какимъ-то неприятнымъ для насъ гнусомъ; въ ней звуки и буквы строго отличаются, а не такъ какъ у Русскихъ, которые не отличаютъ *r* и *t* (*rz*) и *s* и *š* (*sic*), или какъ у Мазуровъ, которые частымъ употребленіемъ *z* вмѣсто *ž* обезобразиваютъ свою рѣчь; въ ней не допускается протягиваніе словъ въ концѣ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые Хорваты, говоря какъ-то по жидовски.

О польской рѣчи распространяться нечего. Поляки намъ близки, да и въ Чехіи и Моравіи ихъ не мало видно, особенно теперь по монастырямъ, гдѣ, такъ сказать, скорѣе можно слышать проповѣдывающаго или отправляющаго литургію Поляка, чѣмъ Чеха или Моравана, такъ какъ Чехи, имѣющіе другія хлопоты и занятія, уже немного занимаются религіей. Скажу о Полякахъ только то, что они, начиная съ двадцати лѣтъ, такъ расширили свою рѣчь, издавъ на своемъ языкѣ много книгъ и Священное Писаніе (лучше исправленное, чѣмъ на чешскомъ языкѣ), что надо имъ удивляться, а Чехамъ устыдиться¹⁾. О словенскомъ діалектѣ (то-есть, вообще о юго-славянскихъ нарѣчійхъ Словенцевъ, Хорватовъ и Сербовъ) Благославъ замѣчаетъ, что его трудно понимаютъ Чехи, Поляки и даже Словаки,

¹⁾ Сравни. отдѣлъ: Чехи и Поляки. Не забудемъ, что эти слова писаны въ 1571 году, следовательно, до изданія знаменитой Кралицкой бібліи (1579—1593).

живущіе въ Угрии на моравской границѣ, и насмѣхаются надъ его особенностями. Юго-славяне же, Хорваты, Восняки и Сербы, наоборотъ думаютъ, что Чехи говорятъ не лучше и не такъ, какъ слѣдуетъ. Но виѣсть съ тѣмъ этотъ діалектъ не есть необразованный. въ немъ много отличныхъ оборотовъ, метафоръ и фигуръ. На этомъ языкѣ есть много пѣсенъ и стиховъ; Влагославъ приводитъ въ примѣръ одну свѣтскую пѣсню, записанную однимъ Чехомъ въ Венеціи, гдѣ есть много Словаковъ и Хорватовъ, и начало хорватской пѣсни, которую онъ слышалъ отъ своего соотечественника, Грубаго изъ Елены въ Базелѣ. Кромѣ того, онъ знаетъ, что и въ Босніи, въ которой тоже нашъ языкъ, имѣются подобныя пѣсни (сaрпiица), какъ у латинянъ. Свои разсужденія о діалектахъ славянскихъ Влагославъ кончаетъ нѣсколькими мыслями о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. По его мнѣнію, не нужно учиться двумъ или тремъ діалектамъ, ибо случается даже съ довольно ученными людьми, что они не могутъ хорошо говорить ни тѣмъ, ни другимъ способомъ, то-есть, ни по польски, ни по чешски, ни по словески. ибо говорящему по чешски часто приходится на умъ польское слово, и такимъ образомъ, вмѣсто чешскаго скажетъ польское раньше, чѣмъ узнаетъ и обсудитъ его значеніе; такъ, напримѣръ, слово „pravidně“ часто употребляютъ нѣкоторые ополчавшіеся Чехи вмѣсто чешскаго „pravě“, хотя и первое тотчасъ же пойметъ и Чехъ; потому и нельзя ихъ за то упрекать ¹⁾. Но полезно, зная хорошо одинъ діалектъ, напримѣръ, чешскій или польскій, обратитъ виѣсть съ тѣмъ вниманіе и на другіе діалекты и ихъ отчасти и понимать, но не употреблять ихъ много въ разговорѣ. Примѣромъ можетъ служить знаменитый и ученый Сигизмундъ изъ Елены, который очень хорошо говорилъ по чешски и виѣсть съ тѣмъ понималъ и другіе діалекты нашего языка, зная ихъ родство съ другими. какъ свидѣтельствуеетъ изданный имъ словарь. Ибо кто, будучи хорошимъ Чехомъ, понимаетъ и другіе діалекты, тотъ лучше узнаетъ и пойметъ происхожденіе многихъ словъ, ихъ производство, значеніе, свойство и ихъ измѣненія; такимъ образомъ. будетъ лучшимъ и болѣе слѣдующимъ Чехомъ, чѣмъ былъ бы безъ этого.

Мы привели подробнѣе мысли одного изъ просвѣщеннѣйшихъ Че-

¹⁾ Сказанное здѣсь повторяется до сихъ поръ. Чехи, особенно мало образованными и мало читающіе, живя довольно долгое время въ польскихъ земляхъ, привыкаютъ къ какому-то сѣшанному нарѣчію, забывавъ по чешски и не научившіяся хорошо по польски. То же самое случается съ Поляками, живущими между Чехии.

ховъ того времени о взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ „діалектовъ нашего языка“. Многія изъ нихъ имѣютъ до сихъ поръ цѣну, многія же, конечно, устарѣли. Но ихъ значеніе заключается особенно въ томъ, что славный старѣйшина единства чешскихъ братьевъ первый высказалъ такіа мнѣнія, которыя послѣ него — кромѣ трудовъ знаменитаго Хорвата Крижанича — только черезъ два столѣтія вновь подняли его соотечественники.

Знаніе славянскихъ языковъ, между прочимъ и русскаго, является еще больше, чѣмъ у Богослава, — въ сочиненіяхъ другого филолога чешскаго того времени, Матвѣя Филопома Венешовскаго ¹⁾. Посвящая свою грамматику чешскую императору и королю Рудольфу, онъ замѣчаетъ, что знаніе чешскаго языка очень полезно, такъ какъ онъ есть часть великаго языка и народа славянскаго (илирскаго), который широко въ свѣтѣ распространился; онъ безконечно превосходитъ языкъ нѣмецкій, который хотя и больше въ сравненіи съ другими языками, но относительно славянскаго — меньше. По своей тщательной обработкѣ, чешскій языкъ — прекраснѣйшій цвѣтокъ славянскій; всѣ наши народы всего охотнѣе слушаютъ его и наслаждаются имъ, и нѣтъ сомнѣнія, что когда-нибудь самъ императоръ или его братья могутъ, по благосклонности этихъ народовъ, владѣть ими самими и, посредствомъ ихъ, даже другими народами. Другую интересную свою книгу словъ чешскихъ, этимологическаго содержанія, Венешовскій издалъ „изъ любви къ славянскому языку“, и между прочимъ для того, чтобы всѣ Нѣмцы знали, что „чешскій языкъ содержится не только въ чешской землѣ, но что есть болѣе чѣмъ сто земель, въ которыхъ говорятъ нашимъ славянскимъ языкомъ: Чешская, Моравская, Силезская, Луницкая, Первая Польская, Вторая Польская, Мазурская, Подлѣсская, Первая Русская, Вѣлая Русь, Волынская, Киевская, Сѣверская, Кошубская и многія земли въ королевствѣ Польскомъ; потомъ многія страны и въ княжествѣ Московскомъ; въ народѣ Сербскомъ, подъ Туркомъ, также много земель; въ королевствѣ Угорскомъ и въ королевствѣ Далматскомъ, Хорватскомъ, Болгарскомъ, Славонскомъ и Восненскомъ. Всѣ эти народы употребляютъ одинъ славянскій языкъ, и поэтому наша рѣчь не можетъ быть узка. Нашъ языкъ обнялъ большую часть свѣта, такъ что ни одинъ языкъ подъ небомъ, даже греческій и

¹⁾ Grammatica Bohemica. Grammatyka česká (1677); Kniha slov českých vyložených odkud svůj počátek mají, totiž jaký jejich jest rozum (1687), книга очень редкая.

латинскій, не можетъ съ нимъ равняться. Венешовскій показываетъ необыкновенное въ то время знаніе всѣхъ языковъ славянскихъ, церковно-славянскаго (словенскаго), польскаго, сербско-хорватскаго и русскаго (малорусскаго и великорусскаго); онъ знаетъ и церковно-славянскую біблію, пѣсни и пословицы равныхъ Славянскихъ народовъ. Чешскія онъ слова сравниваетъ съ другими славянскими, конечно, — чему нельзя и удивляться у писателя этого времени, — иногда неудачно. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: общеславянскія слова — *племя* производитъ отъ *plni jmen* (полно именъ), Поляки говорятъ *imé* и Славяне *jiné, genitiv jinene*. *Народъ* — оттого, что ихъ много „народжено“, *gentis henetae—národu Slovanského*, и проч. *Нѣмцы* отъ нѣмоты, такъ какъ они не охотно учатся чужому языку; многіе живутъ въ Чехіи тридцать лѣтъ и не научаются по чешски и пр. Изъ польскихъ словъ сравниваетъ *гѣка* съ *гек* (герой), *vojvoda* съ *v'evoda*, *gzez — skutek* (дѣло), *kiropota — bida, starost, liscba — роѣет, szum — звук*, и пр. Изъ церковно-славянскихъ словъ приводитъ *умъ*, слово, которое у Чеховъ вышло изъ употребленія; *чадо, младенецъ* — значить дитя, молодой, молодець — все равно, что младенецъ; *завѣтъ* — законъ; *языкъ* — означаетъ и народъ, и языкъ во рту, какъ въ псалтири: хвалите Господа вси языци, и въ другомъ мѣстѣ: языкъ мой трость книжника скорописца; *жизнь* — Поляки говорятъ *ragiuntí (sic)*; *часъ* — *hodina, часословець* — *horologium, исполнивъ* — *obr*, и проч. Югославянскіе слова: *врутье* — по хорватски жарко, *буква* — очень древнее славянское слово, его употребляетъ до сихъ поръ нашъ Далматскій народъ, и буква — по чешски значить біблія; *время* — *čas*, такъ говорятъ Сербы, которые находятся подъ Турками, и то же слово встрѣчается и въ славянскомъ завѣтѣ. Изъ русскихъ словъ сравниваетъ *князь* съ книгой: *kněz* отъ *knéh* (книгъ), потому что Русскіе и Москвитяне называютъ такъ своихъ князей (онъ думалъ о словѣ княгиня); *ладыжа* отъ *v'ádnouti*; этимъ словомъ Русскіе называютъ своихъ епископовъ; *пахати* — дѣлать, какъ говорятъ Русскіе до сихъ поръ; *лава* — Русскіе говорятъ голова; *хуть* (вкусъ, желаніе) отъ хотѣтъ: Русскіе говорятъ „что хочешь“ и пр. Потомъ приводитъ въ особомъ отдѣлѣ „Славянскія слова древнія, русскія, Московскія“, толкуя ихъ по чешски, напримѣръ: *плѣвиъ, хорошіи, престоль, чертогъ, книжникъ, хульникъ, блудъ* и проч. Дальше „Русскія имена“: *дорога, собака, сука, батекъ—батюко, дочка, бисъ, то-есть, бѣсъ* (Русскіе ругаютъ другъ друга: *бисы въ твоей матерн*), *сподаръ* (такъ говорятъ въ Вѣлой Руси подданный своему князю), *горавдъ, посохъ, сюда, годъ*,

мужикъ, брашно, кошъ (то-есть, лагерь), дерево (отъ драть!), вѣдъ (daemon, и Чехи еще говорятъ: vědi leti — daemones volant), прства (то-есть, верста), поясъ и проч. Наконецъ, Бенешовскій приводитъ семь псалмовъ на подлинномъ церковно-славянскомъ языкѣ (съ неизбежными ошибками) съ чешскимъ правописаниемъ. „Изъ этихъ псалмовъ можетъ каждый узнать, какъ нашъ народъ Чешскій прежде говорилъ, но и какъ мы сильно удалились отъ своихъ предковъ; изъ этихъ же псалмовъ узнается, откуда я взялъ объясненіе чешскихъ словъ“¹⁾.

Бенешовскій вообще знаетъ славянскіе языки и особенно русскій больше, чѣмъ всѣ его современники, которые, сравнивая свой языкъ съ другими славянскими, обращали главное вниманіе на польскій и отчасти и на юго-славянскій. Такъ дѣлали Грубый и Благославъ; подобно ему и Петръ Лодерскеръ, издавая словарь семи языковъ, помѣстилъ въ немъ изъ славянскихъ языковъ чешскій, польскій и „славянскій или далматскій (slavonica sive dalmatica), изъ котораго происходятъ многіе другіе, какъ изъ богатѣйшаго источника“²⁾.

4. Чешскія книги у другихъ Славянъ.

Чехи, издавая книги на своемъ языкѣ и посвящая ихъ „любителямъ языка славянскаго“³⁾, имѣли въ виду болѣе широкій кругъ читателей, чѣмъ свой малый народъ: они разчитывали и на остальные Славянскіе народы, чему нечего и удивляться. Вспомнимъ только, что чешскій языкъ въ XV и XVI столѣтіяхъ былъ извѣстенъ и распространенъ на славянскомъ востокѣ, у Поляковъ и юго-западныхъ Русскихъ, что чешская, особенно духовная, литература прибрѣла большое значеніе въ тѣхъ странахъ⁴⁾.

Такъ, Конячъ, издавая свой чешскій переводъ хроники Энея Сильвія (1510 г.), вызываетъ Чеховъ, Словаковъ, Моравянъ и Поляковъ,

¹⁾ Приведемъ здѣсь начало перваго псалма: Blažen muž, gížie negiede na sa-
sově (sic) nečestivých y na rěiti hrgůných nesta, y na sedališti hubitel nesodě, ano
v zákonně geho rouči se den y noč; y budeť gako dřevo saženo pry gischodištých
vod, и пр. Сравни. Ганки: Объ остаткахъ славянскаго богослуженія у Чеховъ (1859).

²⁾ Dictionarium septem diversarum linguarum (1605); изданъ по примѣру подоб-
наго словаря Хорвата Враничича (1595), который для Лодерскера написалъ за-
мѣчательное предисловіе (см. ниже отдѣлъ: Славянское сознаніе у Югосла-
ванъ). Замѣтимъ, что Бенешовскій и Лодерскеръ были архимандритами въ Праж-
скомъ «славянскомъ» монастырѣ (первый только титулярный).

³⁾ Конячъ при изданіи своихъ сочиненій: Pravidlo lidského života (1528) и драмы
Іудинъ (1547).

⁴⁾ См. ниже отдѣлы: Чехи и Поляки, Чехи и Русскіе.

чтобъ они ее читали, такъ какъ она можетъ принести имъ разную пользу. Братья Іоаннъ и Сигизмундъ изъ Пухова издають большую космографію чешскую (1554 г.), между прочимъ и для того, чтобъ славный народъ чешскій и всѣ остальные, сходные съ нимъ по языку, поучались; Сигизмундъ принялъ на себя трудъ перевода „во вниманіе добра и пользы своей родины и другихъ народовъ, особенно съ чешскимъ языкомъ сходныхъ“. Мелантрихъ изъ Авертина издасть чешскій переводъ гербарія Матиоме (1562 г.) не только въ пользу „Чешскаго народа и этого славнаго королевства, но также и для добра всѣхъ Чеховъ, Мораванъ и Поляковъ, равно какъ и для тѣхъ народовъ, которые употребляютъ нашъ благородный и обширный языкъ славянскій“ Для продажи своей книги въ Польшу, онъ приобрѣлъ себѣ особую привилегію отъ короля Сигизмунда - Августа. Велеславинъ свое политическое сочиненіе (*Politica historica*, 1584) тоже издаетъ для всѣхъ добрыхъ, честныхъ и благородныхъ господъ, правителей, судей и пр. „славнаго и далеко распространеннаго народа славянскаго“. Чешскія книги проложили себѣ путь не только на славянскій востокъ, особенно въ Польшу, но они въ послѣдствіи разсѣлились и на славянскій югъ ¹⁾).

Кромѣ того, и Чехи, употреблявшіе обыкновенный тогда общеевропейскій языкъ латинскій, не разъ писали преимущественно для Славянскихъ народовъ. Такъ, латинско-чешскій поэтъ Мятисъ издаетъ свои латинскіе гимны на Мессію (1581 г.) въ пользу литературнаго общества въ Чехіи, Польшѣ, Моравѣ и Славиніи (вѣроятно, у Югославянъ).

Б. Чешскіе гусситы и православные Славяне. — Геронимъ Прагскій на Руск. — Чешскіе чашники и Царьградскій патріархъ. — Чешскіе братья.

Славянское сознаніе у Чеховъ заявилося, какъ уже выше сказано, особенно сильно во время великаго религіозно-національнаго движенія гусситскаго. Не станемъ здѣсь распространяться о причинахъ этого движенія; скажемъ только вкратцѣ, что оно было самобытнымъ продуктомъ чешской жизни, который, выйдя первоначально только изъ оппозиціи противъ нѣкоторыхъ злоупотребленій въ устройствѣ католической церкви, повелъ, съ теченіемъ времени и вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, не только къ совершенному отпаденію отъ по-

¹⁾ См. отдѣлъ: Чехи и Югославяне.

слѣдней, но и къ образованію разныхъ вѣроученій, начиная съ самыхъ умѣренныхъ чашниковъ и кончалъ радикальными Таборами и пантеистами Адамитами ¹⁾.

Чехи, поднявъ оппозицію противъ взглядовъ римско-католической церкви и начиная иначе понимать значеніе „церкви“, естественно, обратили свое вниманіе на другую главную церковь христіанскую, православную или греческую, по католическому воззрѣнію „схизматическую“, къ которой принадлежала большая часть Славянъ. Чехи, все больше освобождаясь отъ авторитета римско-христіанской церкви и, наконецъ, совершенно съ ней разставшись, стали смотрѣть на православную церковь иначе, чѣмъ ихъ предки ²⁾.

Чешскіе взгляды на восточную христіанскую церковь особенно характеризуетъ поведеніе лучшаго друга Гуса — магистра Іеронима Пражскаго въ юго-западной Руси. Іеронимъ, послѣ пребыванія при королевскомъ дворѣ Краковскомъ, отправился въ Литву ко двору великаго князя Александра Витовта. Приключенія Іеронима въ Русскихъ земляхъ разкажемъ словами одного инквизитора, его современника

«Въ Русскомъ краѣ существуетъ явдвна многолюдный городъ, называемый Витебскомъ. Въ этомъ городѣ жители по большей части Русскіе или схизматки, придерживающіеся греческой секты, во многомъ уклоняющіеся отъ христіан-

¹⁾ О овязлхъ гуситства съ славянскимъ богослуженіемъ, введеннымъ у Чеховъ и Моравамъ святыми Кирилломъ и Мефодіемъ, нѣтъ никакихъ положительныхъ и вѣрныхъ свидѣтельствъ. О нихъ говорятъ только некоторые позднѣйшіе историки чешскіе XVI и XVII вѣковъ, отличавшіеся полнымъ отсутствіемъ всякой критики. Эти писатели ввели въ заблужденіе и нѣсколькихъ русскихъ историковъ нашего времени (Елагина, Новикова, Гидевердинга, Невоструева).

²⁾ Чехи, особенно въ нашомъ тогда вопросѣ причащенія подѣ обоими видами, часто указывали на «греческую, восточную» церковь; такъ, Прамне в письмѣ къ Венеціанцамъ 1420 г., чешскіе священники 1429 г., Прокопій Великій на соборѣ Базельскомъ 1433 г., чешскіе послы въ Римѣ 1447 г., Таборы Энею Сильвию 1451 г., утравнестскіе администраторы Пражской архіепископіи въ письмахъ къ Грерамъ 1452 г. и пр. Таборскій епископъ Николай изъ Пильгримова называетъ (1444 г.) греческую церковь «непосредственною дочерью и ученицей апостоловъ и учительницею римской церкви» (Script. rer. hussit. II, 506). Греческую церковь Чехи узнали, между прочимъ, и изъ чешскаго перевода «Путешествія Мавдиля» Лавронтія изъ Врезовой (до 1419 г.) (Výbor z liter. české, II, 598), русскую православную церковь позже — изъ чешскаго перевода книги Гвайни (см. ниже). Одинъ чешскій путешественникъ въ Іерусалимѣ 1490 г. заключаетъ, что такъ какъ другіе восточные христіане, причащающіеся подѣ двумя видами, не еретики, то и Чехи не еретики, а истинные сыновья церкви. (Časop. Česk. Mus. 1861, 273).

ской вѣры и заблуждающіеся. Въ этомъ городѣ есть соборная церковь русскаго закона и существуетъ также монастырь францисканцевъ, живущихъ по закону истинныхъ христіанъ (то-есть, католиковъ). У этого города протекаетъ сухоходная рѣка, по которой сообщаются люди этой мѣстности.

«Въ лѣто Господне 1413, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, свѣтлѣйшій князь Витовтъ, братъ его величества короля Польскаго, прибылъ по той рѣкѣ въ означенный городъ Витебскъ съ большимъ войскомъ и свитою, въ числѣ которой лично находился Іеронимъ Пражскій. Фратры и благочестивые христіане означеннаго города вышли тогда на встрѣчу къ помянутому государю князю съ процессіей и хоругвами и священными мощами. А вышесказанные Русскіе или схизматики, съ ихъ превратными мощами и иконами, по своему проклятому обычаю, проявитою своею процессіей вышли также на встрѣчу помянутому государю князю и привяли его при вѣздѣ. Вышесказанный же Іеронимъ, во время означеннаго вѣзда, покинувъ и презрѣвъ процессію вышесказанныхъ монастырскихъ братій и христіанъ (то-есть, католиковъ), пошелъ къ процессіи вышесказанныхъ Русскихъ, схизматическихъ и невѣрныхъ людей. И тамъ, въ присутствіи до четырехъ или пяти тысячъ человекъ обоего пола, преклонивъ колѣна, онъ сталъ поклоняться превратнымъ мощамъ и образамъ означенныхъ невѣрныхъ, схизматиковъ и Русскихъ, явно и публично, обращаясь къ сектѣ тѣхъ невѣрныхъ схизматиковъ и отвращаясь отъ исповѣданія вѣрныхъ христіанъ.

«Іеронимъ въ слѣдующее затѣмъ время поклонялся явно и публично превратнымъ мощамъ и образамъ, въ поруганіе христіанской вѣры, говоря и утверждая положительно, насколько онъ могъ и отъ него зависѣло, что означенная секта помянутыхъ Русскихъ и невѣрныхъ народовъ и ихъ вѣра будетъ и есть совершенная.

«Тотъ же Іеронимъ, на сколько могъ, тщаясь, работалъ и старался, чтобы означеннаго государя князя, со всѣмъ его христіанскимъ народомъ, отворотить отъ христіанской вѣры и склонить оставаться къ сказанной сектѣ Русскихъ и невѣрныхъ народовъ. И такъ было и есть дѣйствительно, публично и гласно.

«Затѣмъ означенный Іеронимъ, въ присутствіи преподобнаго отца, г. епископа Видзскаго, на отеческія его увѣщанія, подтверждавъ скверными устами свои заблужденія, въ поруганіе христіанской вѣры, сказалъ положительно, что означенные схизматики и Русскіе суть хорошіе христіане, и онъ пребылъ въ тѣхъ своихъ заблужденіяхъ, одобряя тѣмъ Русскихъ и ихъ превратную вѣру.

«Въ вышесказанныхъ краяхъ Россіи есть городъ Плесковъ, въ разстояніи около 100 вѣмецкихъ миль отъ границъ христіанъ. Означенный Іеронимъ въ лѣто Господне 1413 прибылъ лично въ означенный городъ Плесковъ и вступилъ въ церковь или сплагогу тѣхъ Русскихъ и невѣрныхъ, во время службы, для поклоненія превратнымъ ихъ таинствамъ. И тотъ Іеронимъ, въ присутствіи нѣсколькихъ вѣрныхъ христіанъ, тамъ стоявшихъ, въ пренебреженіе ключей Петровыхъ и въ поруганіе христіанской вѣры, а въ поддержаніе исповѣданія тѣхъ народовъ, преклонивъ колѣна, повергался тамъ ницъ предъ мнимыми ихъ дарами, явно, публично и гласно.

«Тотъ же Іеронимъ, дабы болѣе и болѣе понравиться вышесказаннымъ невѣрнымъ народамъ и показать имъ, что онъ слѣдуетъ ихъ сектѣ и превратной

вѣрѣ, и уподобиться имъ и въ обычаяхъ, также какъ въ вѣрѣ, по обряду тѣхъ невѣрныхъ отпустилъ себѣ и послѣ длинную бороду и волосы, совершенно отрывувъ и оставивъ одѣяніе и тонсуру клярика. И такъ было и есть дѣйствительно¹⁾.

Мы видимъ, какъ дружелюбно и сочувственно относился Іеронимъ къ Русскимъ и къ ихъ православному вѣроисповѣданію. Еслибы Гусъ и Іеронимъ остались дольше въ живыхъ и по главѣ ими возбужденнаго движенія, то быть можетъ, гуситскіе Чехи, или по крайней мѣрѣ, партія умѣренныхъ гуситовъ, утравквисты или чашники, при извѣстныхъ условіяхъ, могли бы сблизиться съ православною церковью. Вѣдь тогда и у югославянскихъ Сербовъ разносился слухъ, что въ Прагѣ возсталъ „ересь, Хусъ глаголемая, ихъ же нѣдци близъ суще православія глаголють“²⁾.

Къ такому соединенію дѣйствительно сдѣланъ былъ шагъ спусти нѣсколько десятилѣтій. Тогда чешскіе чашники, видя, что примиреніе съ Римомъ не возможно, обратились въ другую сторону на востокъ и стали сносятся съ Царьградскимъ патріархомъ (1452 г.). При тогдашнемъ положеніи дѣлъ можно было ожидать, что умѣренные гуситы вступятъ въ какое-нибудь единеніе съ православною церковью. По крайней мѣрѣ архіереи восточной православной церкви, въ томъ числѣ и Болгарскій митрополитъ, очень радовались этому шагу, уговаривали Чеховъ соединиться съ православною церковью и надѣялись, что они будутъ съ нею согласны во всемъ³⁾.

Но этотъ важный для всего будущаго славянскаго міра шагъ такъ и остался только шагомъ: дѣло прекратилось въ самомъ зародышѣ, вслѣдствіе скоро послѣдбвавшаго завладѣніи Царьграда Турками, и можетъ-быть, еще по другимъ причинамъ. По крайней мѣрѣ знаменитые старѣйшины чешскихъ братьевъ XVI и XVII столѣтій, Благовлазъ и Коменскій, разказываютъ, что послѣ паденія Царьграда, два Грека пришли къ гуситскому архіепископу Пражскому, Іоанну Рови-

¹⁾ *V. d. Hardt. Constant. Concil. IV, 634; Гильбердинъ, Гусъ, его отношеніе къ православною церкви, 16.*

²⁾ *Жизнеописаніе сербскаго деспота Стевана, начала XV вѣка (Григоровичъ: О Сербіи, 55). Во всякомъ случаѣ Сербы знали гуситовъ лучше, чѣмъ нѣкоторые византийскіе Греки, которые считали ихъ приверженцами Иисуса, Моисея и Мугомета. (Laonic. Chalcocondyl. lib. III, p. 55; срави. Script. rer. hussit. III, 170).*

³⁾ *Palacký: Dějiny: národn. českého IV, 1, 227, 259; Гильбердинъ; Гусъ, 43; Palacký: Urkundl. Beiträge zur Gesch. Böhmens in der Zeit Georgs von Podiebrad, 51; Palacký: Urkundl. Beiträge zur Gesch. Böhmens in d. Zeit Georgs v. Podiebrad, 51; Script. rer. hussit. III, 176.*

цанѣ; онъ, принявъ ихъ ласково, имѣлъ съ ними многіе разговоры о религіи; наконецъ, имъ позволили отправлять литургію по своему, и тутъ оказалось, говорить эти историкѣ, что „ихъ греческое вѣроисповѣданіе наполнено сѣвѣрными, и что нечего искать истины у Грековъ“¹⁾.

Если эта, дѣйствительно великая, мысль не могла осуществиться тогда, то позже, особенно послѣ появленія нѣмецкой, французской и швейцарской реформаціи, нечего было о ней и думать. Чешскіе чашники, не останавливаясь на одной точкѣ, или пошли дальше, примкнувъ къ новому ученію Лютера, или возвратились опять къ единству съ католическою церковью и къ повиновенію римскому папѣ съ сохраненіемъ своихъ особенностей и своей чаши (1564). Такимъ образомъ, прекратилась надежда соединенія, по крайней мѣрѣ, одной части Чеховъ съ православною церковью.

Но и тогда, черезъ сто лѣтъ послѣ мысли соединенія Пражскихъ чашниковъ съ Царьградскимъ патриархомъ, чувствовалось у Чеховъ какое-то сходство церквей чашнической и православной. Приведемъ одинъ характеристическій фактъ. Когда, въ 1554 году, несчастная княжна русская Елисавета Острожская и ся женихъ князь Дмитрій Сангушко прибыли въ сѣверо-восточную Чехію, и здѣсь, въ городѣ Яромѣрѣ, сочетались бракомъ, то, по словамъ одного современника—очевидца, Чеха Яромѣрскаго, „ихъ вѣнчали два священника, одинъ подѣ однимъ видомъ (то-есть, католическій), а другой подѣ обими видами (то-есть, чашническій, утраквистскій), по той причинѣ, что князь Дмитрій былъ подѣ обими видами, такъ какъ соблюдаютъ Греки“²⁾.

Гуситскіе, то-есть, особенно утраквистскіе историки стали тогда, въ XVI столѣтіи, во время отсутствія всякой исторической критики, распространять мнѣніе, что причащеніе подѣ обими видами сохранилось у Чеховъ со время введенія христіанства греческаго вѣроисповѣданія, св. Кирилломъ и Меодіемъ, до самаго Гуса³⁾.

Самая мысль о соединеніи съ православною церковью не исчезла у Чеховъ. Эту мысль привяло чешское церковное общество—Един-

¹⁾ Blahoslav: Historie bratří českých (рукоп. I, 19, въ Пражск. универс. библ.); Comenius: Historia fratrum bohém. (Halaе, 1702, 15).

²⁾ Casopis Česk. Mus. 1852, 19.

³⁾ Такъ, Вилеѣвскій (Kronika česká srblov vltvy Křestanské v sobě obsahující, 1537), Страускій (Respublica bojema, 1633), Коменскій (Historia fratrum bohém., начало). Сравни. Палацкаго Исг. гусит. I, 16, 40, 200.

ство чешскихъ братьевъ, преемники радикальныхъ гуситовъ, особенно таборовъ, о соединеніи котораго съ православною церковью нельзя было и думать. Вскорѣ послѣ своего возникновенія (1457) чешскіе братья стали искать первоначальной, истинной церкви Христовой. „Узнавъ, что у Рокитановыхъ чапшиковъ рукоположеніе римскаго происхожденія“, пишетъ ихъ основатель, братъ Григорій († 1473), „мы не можемъ успокоиться въ своей совѣсти, какъ объявляютъ апостольскія книги; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мы спрашивали о началѣ святой церкви, существуютъ ли еще люди въ нѣкоторыхъ земляхъ, у которыхъ была бы дѣйствительно вѣра Господа Христа“. Поэтому начало церкви они искали и въ Индіи, но напрасно. „Также говорили мы и съ Греками въ Прагѣ, и были тамъ нѣкоторые Чехи, которые видѣли, какъ Греки себя держатъ, также и въ Сербіи, и на Руси, между Армянами и въ Молдавіи. Но и у этихъ народовъ, хотя они и отличаются отъ римской церкви, нѣтъ священниковъ по истинѣ апостольскихъ книгъ; эти недостойные священники волошскіе и русскіе рукополагали бы кого бы то ни было, какъ и недавно рукоположили трехъ изъ Чехіи, не зная, какъ они себя держатъ“ и проч. ¹⁾. То же самое желаніе узнать какую-нибудь лучшую церковь является у чешскихъ братьевъ и позже, въ концѣ XV столѣтіи. Въ 1491 году отправили они для этой цѣли пословъ въ разныя земли. Вотъ что разказывается объ этомъ „посланіи извѣстныхъ лицъ братьями для исканія чистѣйшихъ церквей“ въ лѣтописяхъ чешскихъ братьевъ ²⁾: „Черезъ земли Польскую и Русскую повернули въ Царьградъ, отсюда двадцать (sic) лѣтъ тому назадъ Чехамъ, когда они отказались отъ папы, предлагалось соединеніе съ греческою церковью. Желая этого соединенія, братья хотѣли посмотрѣть, прежде всего на религію и жизнь

¹⁾ Palacký Dějiny nár. česk. IV, 1, 431. Церкви греческую, индійскую, азіатскую и армянскую знаеть и вышеупомянутый Николай изъ Пельгримова (Script. rer. russic. II, 506).

²⁾ Полякъ Іоаннъ Ласитскій говоритъ объ этомъ въ своей Исторіи чешскихъ братьевъ (латин.), которую написалъ побужденіемъ и съ помощію братьевъ Турновскаго и Благослава 1570 г. Свою рукопись пославъ онъ братьямъ для исправленія. Большая часть этой исторіи осталась въ рукописи, и только часть ея (8-я книга) издана Коменскимъ (De ecclesiastica disciplina fratrum Bohem. Amstelod. 1660). Въ чешскомъ изданіи этой части (Лешно 1649, Галле 1765) есть и нѣкоторыя прибавленія изъ остальныхъ семи книгъ содержанія историческаго. Изъ этого изданія (1765 г., стр. 206) приводимъ это извѣстіе. Сравни. и другія исторіи чешскихъ братьевъ (Самуэляни 119, Comenius 20), и Regensvolscius Systema hist.-chronol. eccles. slavon., 35.

Грековъ. Проживъ въ Царьградѣ, они развѣхались: Лука Пражскій—въ Греческія земли, рыцарь *Морешъ Коновецъ*—*отъ Москову и отъ дру- гія, славянскій языкъ употребляющія, земли*, Мартынъ Кабатникъ, мѣщанинъ Лютоныльскій,—въ Азію и черезъ Святую землю въ Еги- петъ. Каспаръ Морецкій, захворавъ, ожидалъ ихъ возвращенія въ Царьградъ, но между тѣмъ успѣлъ осмотрѣть Оракію. Возвратившись домой, эти искатели благочестія, объявили своимъ, что не нашли ни- чего, что искали; и такимъ образомъ, оказались обманутыми въ сво- ихъ надеждахъ всѣ тѣ, которые не жалѣли ни труда, ни средствъ, чтобы воспользоваться хорошими примѣрами чуждыхъ церквей: такъ упали эти прежде процвѣтавшія церкви,—ибо они, точно будто сго- ворились, вездѣ видѣли христіанъ, предавшихся распутству; религію, основанную на суевѣріяхъ и иконопоклоненіи и не радѣющую о томъ, что въ завѣтѣ важнѣе; священниковъ, которые развратомъ превоско- дятъ народъ и не позволяютъ никому ихъ наказывать и проч.; такъ что признали справедливымъ свидѣтельство о порчѣ всего христіан- скаго міра (со стороны) тѣхъ, которые имъ отсовѣтывали такое пу- тешествіе“.

При строгихъ взглядахъ чешскихъ братьевъ, нельзя было и ожи- дать иного результата, ибо братья не были чашники. Такъ какъ они не были въ состояніи отыскать первоначальную чистую церковь Христову, находя вездѣ порчу, грѣховность, развратъ, — то и стали вскорѣ считать самихъ себя такою чистою церковью и думать о ея распространеніи. Для этой цѣли они обратили главное вниманіе на сла- вянскій востокъ Европы, на польскія и русскія земли. Къ этому обо- дрили ихъ и сами нѣмецкіе реформаторы. „Будьте вы апостолами на- рода Чешскаго и Славянскаго, и съ своими буду апостоломъ народа Нѣмецкаго“, сказалъ Лютеръ братьямъ Аугустъ и Израэлу (1542 г.); и Страсбургскій реформаторъ Буцеръ сознался брату Червенкѣ, что чешскіе братья „славянскимъ своимъ языкомъ могутъ служить болѣе распро- страненнымъ народомъ, чѣмъ Нѣмцы своимъ“¹⁾.

Первымъ неприцемъ для такой апостольской дѣятельности была Польша, куда чешскіе братья, выгнанные изъ отечества, обратились какъ къ своимъ „соплеменникамъ“ (1548 г.). Ихъ вѣроисповѣданіе пріобрѣло себѣ здѣсь много приверженцевъ, особенно въ Великой Польшѣ, занимая видное мѣсто подлѣ другихъ днухъ главныхъ испо-

¹⁾ Ласитскій (чешскій перенодъ 233, 237), Regenvolscius, 58.

вѣданій не католическихъ, кальвинскаго и лютеранскаго ¹⁾). Съ водвореніемъ братьевъ въ Польшѣ, открылись для нихъ апостольской дѣятельности и литовско-рускія земли, въ которыхъ реформація нашла себѣ много приверженцевъ и между православною русскою шляхтой. Съ конца XVI вѣка протестантизмъ въ Польшѣ сталъ упадать и уступать все болѣе усиливающейся католической реакціи, направленной противъ всѣхъ „диссидентовъ“, то-есть, не-католиковъ: лютеранъ, кальвинистовъ, чешскихъ братьевъ и противъ „дисунтовъ“, то-есть, православныхъ. Эта общая опасность породила странную мысль: соединить всѣхъ некатоликовъ, протестантовъ и православныхъ, въ какое-нибудь одно церковное общество. Для этой цѣли собрались на съѣздѣ въ Вильнѣ 1599 году, старѣйшины вѣроисповѣданій, соединенныхъ консиномъ Сандомирскимъ, чешскаго, гельветскаго и аугсбургскаго, и нѣкоторые православные архіереи. Здѣсь были Симеонъ Турновскій (чешскаго происхожденія), Николаевскій, Гличнеръ и друг. Но скоро всѣ увидѣли, что нечего и думать о какомъ либо соединеніи православія съ протестантизмомъ. Уже когда упомянутые старѣйшины собрались частнымъ образомъ у князя Острожскаго, то православный игуменъ Дубенскій Исакій сказалъ имъ, протягивая имъ руку: „Хотя Священное Писаніе запрещаетъ говорить еретикамъ даже здравствуй, но все-таки мы удостоиваемъ васъ этимъ человѣколюбивымъ поведеніемъ“. Не смотря на эти явные препятствія, протестантскія старѣйшины изъ Польши и Литвы, Гличнеръ, Турновскій, Николаевскій, Лницкій и Петровскій написали Царьградскому патриарху Мелетію письмо (6-го іюня 1599 г.), въ которомъ заявляютъ свое желаніе соединиться съ болѣе чистою церковью, не зависящею отъ Рима: „Такою церковью мы всегда считали восточную церковь въ Греціи и между людьми одного съ ними языка въ Москвѣ, Русь и Литвѣ“. Между прочимъ, обращаютъ они вниманіе и на письмо восточныхъ патриарховъ къ Чехамъ (1452 г.). Кромѣ того, Турновскій и особо писалъ къ патриарху въ подробности объ этомъ письмѣ къ его предшественникамъ и предкамъ чешскимъ. Разумѣется, что эта попытка кончилась ничѣмъ ²⁾).

¹⁾ Сравн. отдѣлы: Чехи и Поляки.

²⁾ *Regenvolscius*, 487. Замѣчательно, что и въ началѣ XVIII вѣка подобная мысль соединенія польско-литовскихъ диссидентовъ съ православными, мысль «возобновленія конседерации съ старою Русію» — для политическаго цѣли — вышла отъ чешскихъ братьевъ, именно отъ ихъ старѣйшины въ Великой Польшѣ, Яблонскаго (*Lukaszewicz*), *Hist. helw. wyzn. w Litwie* I, 315).

Чешскіе братья не упустили изъ виду и восточной Руси. Они, въ своемъ ревностномъ усердіи, подумали объ апостольской дѣятельности и на сѣверо-восточной Руси, въ Москвѣ, гдѣ, уже въ концѣ XV вѣка, искалъ чистую вѣру и церковь ихъ предшественникъ Кокорецъ.

Чтобы лучше понять эту мысль чешскихъ братьевъ, вспомнимъ, что тогда, въ половинѣ XVI вѣка, появился въ Москвѣ рационалистическій толкъ Матѣя Башкина и Федора Косого, что уже 1552 года изъ глубины Московской Руси прибыли въ Витебскъ трое русскихъ православныхъ монаховъ и рьяно выступили противъ обрядовъ иконопочитанія и проч. Припомнимъ себѣ и слова Опшмянскаго подкоморія, кальвиниста Николая *Зеновича*, сказанныя на упомянутомъ сѣздѣ Вилепскомъ (1599) о Русскихъ (*de Moscis*): и они склонны къ евангелію, сходятся сотнями въ Витебскъ и въ другія смежныя церкви къ богослуженію, жадно покупаютъ и читаютъ польскую библію Врестскаго изданія то-есть, (кальвинистскую); экземпляры Нового Завета, изданнаго на счетъ Зеновича въ Вильнѣ, разошлись нѣсколькими сотнями въ Московскую Русь, и здѣсь открывается богатая жатва Воля, только чтобы не недоставало рабочихъ ¹⁾.

Если таково было положеніе дѣлъ во второй половинѣ XVI столѣтія въ смежныхъ съ Литвой великорусскихъ областяхъ, то нельзя удивляться, что и чешскіе братья подумали о приобрѣтеніи приверженцевъ своего исповѣданія въ великомъ восточно-славянскомъ царствѣ. Этотъ вопросъ поднялъ, на сколько извѣстно, Чехъ Янъ Рокита, старѣйшина чешскихъ братьевъ въ Великой Польшѣ, отправившійся въ Москву съ польскими послами (1570 г.), въ числѣ которыхъ были и наны Янъ изъ Кротошина и Рафаилъ Лещинскій братскаго исповѣданія „Одно меня утѣшаетъ“, пишетъ Рокита Червенкѣ до своего отъѣзда (1569 г.),— „что этотъ народъ Московскій употребляетъ славянскій языкъ, и что, можетъ-быть, въ этомъ случаѣ Богъ можетъ открыться въ этомъ густомъ мрачѣ“ ²⁾. Въ разговорѣ съ царемъ Иваномъ, Рокита старался изложить ему свое вѣроисповѣданіе въ отвѣтахъ на его вопросы, касающіеся разныхъ частей вѣры. Царь спросилъ Рокиту, чему онъ учитъ, что думаетъ о востахъ, почему не влается иконамъ святыхъ, исповѣдуетъ ли онъ

¹⁾ Rogenvolscius, 262, 485.

²⁾ *Gindely*, Quellen zur Geschichte der böhm. Brüder, 124. (Fontes rer. austr. Dipl. et Acta XIX).

ученіе Лютера и проч. Отвѣты свои Рокита представилъ царю и письменно и получилъ отъ него обширное изложеніе вѣроученія православной церкви на славяно-русскомъ языкѣ, которое лучше всего указываетъ на совершенную невозможность какого-нибудь соглашенія между ученіями чешскихъ братьевъ и православныхъ христіанъ. Иванъ относится къ Рокитѣ и къ ученію Лютера съ большимъ презрѣніемъ и говоритъ ему прямо въ глаза, что онъ, по своимъ мнѣніямъ, даже не христіанинъ¹⁾.

При такомъ положеніи дѣлъ не мудрено, что всякое „апостольствованіе“ чешскихъ братьевъ въ русскихъ земляхъ прекратилось, и что у нихъ навсегда исчезла и мысль о возможности ихъ соединенія съ православною церковью, или о присоединеніи Русскаго народа въ ихъ вѣроисповѣданію. Послѣдній ихъ епископъ, славный Амосъ Коменскій, сѣтуя на грустное положеніе единства чешскихъ братьевъ, послѣ паденія и раззоренія Чешскаго государства (1620 г.), утѣняется, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что и „церкви другихъ славянскихъ народовъ находятся не въ лучшемъ положеніи, прочіе тѣсными игомъ либо папскимъ, либо турецкимъ, или наполнены различными суевѣріями греческой церкви. Помилуй свой, столькими способами разрубленный и изрубленный, народъ христіанскій, Иисусъ Христосъ!“²⁾.

6. Славянское сознаніе въ чешской литературѣ XVII—XVIII вѣковъ.

Несчастнымъ Бѣлогорскимъ сраженіемъ и всѣми страшными послѣдовавшими за нимъ бѣдствіями Тридцатилѣтней войны нанесенъ и народности чешской ударъ, какъ казалось, смертельный. Отъ этого значительно пострадали и чешскій языкъ, и чешская литература, которые стали мало по малу уступать языку нѣмецкому въ публичной жизни. Научная же литература стала обрабатываться почти исключительно на латинскомъ языкѣ.

Но не смотря на всѣ эти бѣдствія, постигшія чешскій народъ, славянское сознаніе у него сохранилось, и не переставало заявляться въ литературѣ научной, исторической и филологической.

¹⁾ Рокита описалъ разговоръ съ царемъ по польски, и Ласитскій перевелъ это и славянскую рукопись на латинскій языкъ: *De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione* (Spiraе, 1582). Эта славянская рукопись хранилась у чешскихъ братьевъ въ Польшѣ еще въ половинѣ XVII вѣка (Regenvalcius, 91).

²⁾ *Historia fratrum bohemi.*, 46.

Чешскіе писатели, занимаясь отечественною исторіей и языкомъ, не перестаютъ обращать вниманіе своихъ читателей на то, что Чехи— часть великаго, распространеннаго далеко и широко, народа Славянскаго, что они считаютъ „Русскихъ, Поляковъ и Югославянъ своими братьями, и какъ одноплеменниковъ, больше любятъ ихъ, чѣмъ иноплеменниковъ“ ¹⁾. Чешскій языкъ, — такъ разсуждаютъ занимающіеся его обработкой — вовсе не находится въ узкихъ предѣлахъ; онъ есть часть обширнаго славянскаго языка, распространеннаго въ видѣ разныхъ нарѣчій въ Европѣ и Азій; знаніе „прекраснаго и великолѣпнаго чешскаго языка полезно всѣмъ, отправляющимся по разнымъ поводамъ въ другія славянскія земли“ ²⁾.

Такое живое славянское сознаніе встрѣчаемъ мы болѣе или менѣе у всѣхъ тогдашнихъ чешскихъ ученыхъ, занимавшихся исторіей своего народа и языка: у Странскаго, Пешинны, Вецковскаго и особенно у знаменитаго Богуслава Вальбина. Послѣдній, кромѣ обширныхъ, въ свое время знаменитыхъ, сочиненій по чешской исторіи, горячо защищалъ и свой чешскій языкъ, и славянскій въ особомъ прекрасномъ сочиненіи ³⁾. Другой знаменитый для своего времени историкъ чешскій Іоаннъ Іорданъ обратилъ свое вниманіе и на другіе народы славянскіе и подробно разбираетъ ихъ начало не только съ помощію всѣхъ, ему доступныхъ, историческихъ источниковъ, но и сравнительнаго славянскаго языкознанія; именно, сравниваетъ языки чешскій, польскій, хорватскій и церковно-славянскій ⁴⁾.

Еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія въ іезуитскихъ гимназіяхъ чешскихъ учили, что „сходство Поляковъ, Чеховъ и Русскихъ въ языкѣ и нравахъ доказываетъ, что они произошли отъ трехъ братьевъ славянскихъ Лѣха, Чеха и Руса“ ⁵⁾.

Чехи XVII столѣтія проявляютъ не только теоретическое сознаніе славянскаго единства, но заявляютъ свои симпатіи и на практикѣ, вступаясь за своихъ южныхъ братьевъ славянскихъ, которымъ тогда, во время безпрестанныхъ турецкихъ войнъ, представлялась

¹⁾ Пешинна язъ Чехорода (Mazg Moravicus 1677, p. 16).

²⁾ *Rosa*, Grammatica linguae bohemicae (1672, предисловіе). Ср. также грамматика *Яндита* (1704), *Долежала* (1746), и др.

³⁾ *Dissertatio apologetica pro lingua slavonica, praecipue bohemica* (печ. 1672, изд. 1775).

⁴⁾ *De originibus slavicus* (1746).

⁵⁾ Учебникъ *Radimenta historica* (1729, опус. IV, 108).

надежда освободиться отъ турецкаго ига и присоединиться къ землямъ Угорскаго и Чешскаго короля. „Вѣдь не всегда“, восклицаетъ Чехъ Роса, — „безбожный народъ турецкій будетъ владѣть нашими землями, не всегда будетъ имѣть эти прекрасныя страны безбожный воинъ. Другое обѣщаетъ нашему Льву и Леопольду святой Вячеславъ!“ Другой же Чехъ, историкъ Пешина изъ Чехорода, увѣщаетъ Поляковъ оставить споръ съ Русскими (1663 г.), а соединиться съ ними и вмѣстѣ съ войсками императора Римскаго выступить противъ Турокъ. „Посмотрите на бѣдствія сосѣднихъ народовъ“, восклицаетъ Пешина, — „одноплеменниковъ и родственниковъ вашихъ, на Славянъ, Хорватовъ, Моравянъ, Силезійцевъ, Чеховъ и другихъ, которые столько страдаютъ отъ турецкихъ нашествовъ. Не будьте такъ жестоки, помогайте намъ, не оставляйте насъ на жертву врагу, иначе Турокъ завладѣетъ всѣмъ славянскимъ племенемъ!“¹⁾

Такимъ образомъ славянское сознание у Чеховъ сохранилось и во время ихъ глубочайшаго униженія, по крайней мѣрѣ въ научной литературѣ. Оно ярко блеснуло еще наканунѣ ихъ народнаго возрожденія со второй половины XVIII вѣка. Тогда патріархъ чешской историографіи, Добнеръ, начиная очищать чешскую исторію отъ безчисленныхъ ошибокъ и нелѣпостей прежнихъ некритическихъ вѣковъ, сталъ отрицать существованіе мнимыхъ праотцевъ Чеховъ и Поляковъ, Чеха и Лѣха, но этимъ возбудилъ всеобщую бурю, какъ это случилось и въ началѣ XVII столѣтія въ Пражскомъ университетѣ. Началась полемика, въ которой участвовали чешскіе и польскіе ученые Добнеръ, Пубичка, Духовскій, Аванасій, князь Яблоновскій, считавшійся настоящимъ потомкомъ Лѣха, Моценскій, Клечевскій и др. Въ этихъ довольно скучныхъ и странныхъ спорахъ интересно только то, что въ нихъ является живое сознание славянское, особенно Чеховъ и Поляковъ. Яблоновскаго называютъ „великимъ украшеніемъ Славянскаго народа“. Чехія, лишаемая своего праотца, обращается „въ славному, счастливому, великому и непобѣдимому народу Славянскому“ и вызываетъ его, „славныхъ Славянъ, своихъ кровныхъ“, участвовать въ ея печали и проч.

Съ пробужденіемъ чешскаго народа, со второй половины XVIII вѣка, и славянское сознание разлилось у него въ значительной степени.

...¹⁾ *Ualagon Germaniae, Italiae et Poloniae, Hungaria flamma belli turcici ardens* (1663, 149, 173).

II.

Славянское сознание у Поляковъ.

1. Выгодное положеніе Польши среди Славянъ.—Славянское сознание въ публичной и государственной жизни.— Андроникъ, Вавойскій, Каркизовскій, Гербуртъ, Сбарашскій, Смарга, Грабовскій.

Если у Чеховъ славянское сознание живо являлось особенно вслѣдствіе ихъ опаснаго положенія посреди Нѣмцевъ, то географическое положеніе Поляковъ было таково, что они ужъ отъ самой природы должны были приходить къ сознанию родства съ окружающими ихъ со всѣхъ сторонъ соплеменниками. Ни одно изъ древне-славянскихъ государствъ не имѣло положенія столь выгоднаго для того, чтобы сдѣлаться средоточіемъ всего западнаго и восточнаго славянства, какъ Польша. Съ запада примыкали къ ней славянскія племена Валтійскія и Лабскія, Лютичи и Сербы, Чехи и Мораване, съ востока многочисленныя племена Русскихъ Славянъ. На югѣ же Польша, посредствомъ Словаковъ и королевства Угорскаго, могла завязывать сношенія и съ южными Славянами.

Что такъ не случилось, что Польша не сдѣлалась средоточіемъ западнаго и восточнаго славянства, въ томъ виноваты отчасти независѣвшія отъ нея историческія причины, а отчасти и она сама. Историческія событія сложились такъ, что Польша первыхъ трехъ Волеславовъ оказалась слабѣе могучей имперіи Римско-Нѣмецкой, всегда заявлявшей притязанія на западныхъ Славянъ. Эти послѣдніе, особенно Чехи и Лютичи, отчасти изъ врожденной Славянамъ ненависти другъ противъ друга, отчасти и изъ династическихъ интересовъ, сами отказались отъ предлагаемой имъ политической комбинаціи—образованія западно-славянскаго государства, подъ властью сильныхъ князей Польскихъ. Собранію разныхъ славянскихъ племенъ около Польши не мало помѣшало и раздѣленіе христіанской церкви на западную римско-латинскую и царьградско-греческую, послѣдствія чего замѣтно проявились особенно между Славянами. Польскіе государи, проникая въ Галичъ, Владиміръ, Кіевъ, Смоленскъ, Москву и другія русскія земли, являлись православному *Русскому народу* не только простыми завоевателями, Ляхами, а и „латинянами“—врагами православія, и дѣйствительно, они своими поступками оправдывали это мнѣніе восточныхъ Славянъ. „Православіе“ и „католицизмъ“—вотъ то главное препятствіе, которое помѣшало добровольному сліянію обоихъ славянскихъ народовъ въ одно политическое тѣло.

Подобное тому явленіе мы видимъ и на западѣ: чешскіе гуситы нѣсколько разъ предлагаютъ чешскую корону Польскому королю, какъ своему соплеменнику; но преемникъ Болеслава Храбраго, желавшаго уже въ XI вѣкѣ сдѣлать изъ Праги столицу западно-славянскаго государства, Владиславъ Ягайло не принимаетъ этого подарка изъ рукъ чешскихъ „еретиковъ“. Его потомки относятся довольно небрежно къ чешскимъ дѣламъ, и наконецъ, спокойно сложивъ руки, позволяютъ нѣмецкимъ Габсбургамъ занять чешскій престолъ.

Итакъ, Польша, по собственной винѣ и вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, не сдѣлалась средоточіемъ Славянъ. Не осуществилась мысль великаго государства славянскаго по инициативѣ и старанію Польши. Не разъ упрекаютъ за эту безпечность сами Поляки свое отечество. „Еслибы мы“, жалуется одинъ польскій публицистъ начала XVII вѣка, — „имѣли постоянно передъ глазами славу нашего имени, какъ наши предки, не отпала бы никогда отъ насъ Поморская земля, не отступили бы наши братья Силезцы; мы удержали бы Чеховъ и Моравянъ, которыхъ мы имѣли столько разъ подъ собою, и уже не говори о прежнемъ, не выпустили бы Москвы, Швеціи, Валахіи и Молдавіи, такъ счастливо пріобрѣтенныхъ“¹⁾.

Не смотря на это равнодушіе Польши къ дѣламъ остальныхъ Славянъ, славянское сознаніе у Поляковъ проявлялось всегда очень сильно въ литературѣ и въ публичной, государственной жизни, въ сношеніяхъ съ сосѣдними государствами славянскими, съ Чешскимъ и Русско-Московскимъ. Поляки часто съ гордостью указывали на то, что они — первый народъ великаго Славянскаго племени, что они — защита, или по крайней мѣрѣ, должны быть защитой и опорой другихъ Славянъ, которые не находились въ такомъ выгодномъ положеніи. Мысли вполне справедливыя. Вѣдь Польское государство вслѣдствіе соединенія съ Литвой и Литовскою Русью распространилось на востокъ далеко за Днѣпръ и до самаго Чернаго моря. Въ этой Польшѣ XVI столѣтія развилась богатая литература, какой не было ни у одного славянскаго народа того времени. Ядро будущаго великаго Русскаго государства, Москва, едва освободившись отъ тяжелаго ига восточныхъ варваровъ, находилась тогда въ довольно жалкомъ положеніи, политическомъ и умственномъ, и не была даже въ состоя-

¹⁾ *Starowolski*, *Pobudka* або *rada* na *zniesienie* *Tatarów* *perckopskich*, (1618, введеніе). Ср. ниже мнзніе Фредра о безпечности короля Сигизмунда I въ 1526 г. относительно чешской короны.

ниі отнять у Польши „отчину св. Владиміра“; всѣ Югославіяне, давно потерявъ государственную независимость, подпали подъ чужую власть, по большей части подъ турецкое иго; наконецъ, Чехи, избравъ себѣ въ короли Габсбурговъ, вращались уже въ кругу ихъ нѣмецкой политики. Такія мысли не разъ высказывали не только другіе Славяне, но и сами государственные люди польскіе на сеймахъ, въ переговорахъ и въ разныхъ другихъ случаяхъ.

Отъ могучихъ польско-литовско-русскихъ государей Чехи ожидали защиты противъ Нѣмцевъ, а Югославіяне помощи для освобожденія отъ турецкаго ига. Эту мысль особенно развилъ уже въ первой половинѣ XVI столѣтія далматскій Юго-Славянинъ Трапквиль Андроникъ. Вызывая Поляковъ къ тому, чтобъ они двинулись противъ Турокъ, завладѣвшихъ чуть ли не цѣлымъ Угорскимъ королевствомъ, онъ раскрываетъ передъ ними печальную картину всего славянства. „Народъ и языкъ славянскій“, говоритъ Андроникъ въ своей рѣчи къ польскимъ вельможамъ,—„своимъ объемомъ превышаетъ всѣ другіе народы, занимая безчисленныя земли вплоть отъ Ледовитаго океана до Адриатическаго моря, отъ рѣки Лабы до Чернаго моря, кромѣ тѣхъ, которыми завладѣли урало-чудскіе Мадыяры и отъ Римлянъ происходящіе Волахи, то-есть, кромѣ Панноніи и Дакии. Этотъ народъ, который былъ извѣстенъ множествомъ своихъ государей, подвиги котораго славились въ мірѣ, который былъ грозой сосѣднихъ народовъ,—теперь жалко разъединенъ и подвластенъ разнымъ государямъ. Только народъ Польскій — ибо о Чехахъ и восточныхъ Русскихъ теперь ничего не скажу—управляется покойно и мирно своими королями и пользуется свободой своихъ дѣдовъ; также отчасти и Хорваты и Угорскіе Славяне, которые присоединились къ римскому королю, кромѣ Краинцевъ и части прибрежныхъ Хорватовъ, которые подвластны австрійскимъ государямъ. Многочисленныя прибрежныя города далматскіе. въ послѣдней войнѣ дурно защищаемыя, потеряли свои области и остались подъ властью Венеціанцевъ. Дубровничане же хотя и не совершенные рабы, но и не вполне свободны. Все остальное изъ нашего народа, Сербовъ и Болгаръ въ Дарданіи, Мизіи и Фракіи и всю Илирію покорилъ себѣ Турокъ и господствуетъ надъ нами падменно, жадно и жестоко. Русинамъ посчастливилось, что они соединились съ Поляками, ибо они живутъ подъ справедливымъ и законнымъ правительствомъ, и соединивъ свои силы, безопаснѣе отъ грозы варварской. Поэтому слѣдуетъ всѣмъ, хотя и отдаленнымъ, но общимъ языкомъ съ вами связаннымъ народамъ про-

ситу у Бога всевозможныхъ успѣховъ для этого государства и стараться о его счастьи, ибо при очень тяжелыхъ бѣдствіяхъ и жалкомъ рабствѣ Славянскаго народа только оно одно остается его украшеніемъ, по милости Божіей, и я молю, чтобъ оно всегда преуспѣвало и было счастливымъ" ¹⁾.

Подобную тому картину всего славянства рисуетъ и славный Замоискій, трактуя съ первымъ министромъ чешскимъ, Розенбергомъ, о выдачѣ плѣннаго эрцгерцога Максимилиана (1589 г.). Между прочимъ Замоискій замѣтилъ Розенбергу, что ихъ оба народа, польскій и чешскій, занимаютъ первое мѣсто между Славянами. „Славянское племя“, сказалъ тогда Замоискій, „которое прежде было велико и даже теперь еще далеко и широко распространено, имѣло все-таки до сихъ поръ такую участь, что большая его часть не довольно образована и не меньшая находится въ рабствѣ. Сербы, Босняки, собственные Славяне, Илиры и Венеды подпали подъ чужую власть и утратили почти все достоинство и свободу. Москвитине, государство которыхъ распространено вдоль и вширь, совершенные варвары. Такимъ образомъ, большая часть народовъ Славянскаго племени погружена въ варварство; одни только Чехи и Поляки сохраняютъ, вмѣстѣ съ свободой, и достоинство племени Славянскаго“ ²⁾.

На польскихъ сеймахъ раздаются голоса о славіи и могуществѣ Славянъ, первымъ членомъ которыхъ считаются Поляки. „Найдешь въ томъ большую милость Божью“, говоритъ самъ польскій архіепископъ-примасъ Станиславъ Кариковскій королю Сигизмунду III, „что ты сталъ повелителемъ народа непоколебимой вѣрности къ своимъ господамъ, воинственнаго, славлаго, отъ славы названіе имѣющаго и по всему міру распространеннаго. Ибо Поляки или Сарматы, Болгары, Босняки, Сербы, Хорваты суть народы славянскаго языка, ими полна Азія, Европа и Африка“ ³⁾. Сеймовые послы и другіе политики выставляютъ Польшу защитницей всѣхъ Славянъ, упрекаютъ свое отечество въ бездѣйствіи или даже въ превратной дѣятельности

¹⁾ Tranquillii Andronici Dalmatae ad optimates Polonos admonitio (Cracov. 1545, посвящено Анд. Горю, 2-е изд. 1584).

²⁾ Vita Ioannis Zamoyssii, сочинение его секретаря Гейденштейна, 1606 года. (Collectanea vitam resque gestas I. Zamoyssii illustrantia, ed (Dziatyński, Pozn. 1861, 105). Обширнѣе объ этомъ свиданіи Замоискаго и Розенберга см. ниже въ отдѣлѣ: Чехи и Поляки.

³⁾ Sententia albo zdanie o odjeździe Króla I. M. do Szwacji na sejmie Warszaw. г. 1593, (изд. Туровскаго, 39).

относительно одноплеменниковъ. „Насъ, разныхъ славянскихъ народовъ, восемнадцать“, восклицаютъ панъ Гербуртъ изъ Фульштена и князь Христофоръ Збаражскій, — „всѣ они полагаются на королей Польскихъ, что Польскій народъ освободитъ ихъ отъ тяжелаго ига языческаго; всѣ они готовы были отдать свою жизнь, когда понадобится королю и народу Польскому. А теперь, когда стали поступать несправедливо съ Русскимъ народомъ, они сдѣлались нашими главными врагами“ ¹⁾. Знаменитый проповѣдникъ Петръ Скарга, вызывая собранинхъ на сеймѣ чиновъ польскихъ къ единогласію, пророческимъ духомъ предсказываетъ паденіе Польши, перваго славянскаго государства, въ случаѣ прекращенія внутреннихъ раздоровъ: „Земли и княжества, которыя соединились съ короной польскою и срослись въ одно тѣло, отпадутъ отъ васъ, вы утратите языкъ и погубите народъ свой, который между великими славянскими народами остался свободнымъ; пропадутъ остатки этого такого древняго и въ свѣтѣ прославившагося народа; превратитесь въ чужой народъ, который васъ ненавидитъ!“ ²⁾.

На симпатіи остальныхъ Славянъ, особенно южныхъ, къ Польшѣ, на нихъ надеждахъ на освобожденіе отъ чужого рабства посредствомъ Польши, нѣкоторые болѣе просвѣщенные Поляки основывали разныя свои политическія мысли. Такъ, Петръ Грабовскій, въ концѣ XVI столѣтія, предлагая королю Сигизмунду и польскимъ чинамъ планъ объ учрежденіи военной границы на Низу (то-есть, на нижнемъ Днѣпрѣ) противъ Татаръ, совѣтуетъ устроить здѣсь колонію польскую; сюда могли бы стекаться не только жители польскихъ земель, но и изъ широко распространенныхъ и Полякамъ болѣе доброжелательныхъ странъ славянскихъ, особенно изъ Турціи. „Всѣ народы“, жалуется Грабовскій, — „распространяютъ свои предѣлы, и только нашъ народъ, находясь во главѣ широко раскинутого народа славянскаго, мало или вовсе не распространяетъ своихъ границъ. Если планъ этотъ“, кончаетъ Грабовскій, — „будетъ принятъ, то мысли всѣхъ Славянъ сложатся къ намъ, и наша слава будетъ ихъ славою“ ³⁾.

¹⁾ Zdanie o narodzie Ruskim spisane pod czas konfederacyi Moskiewskiej (1613), od nieboszczyka pana Szczęsnego Herburt Dobromilskiego starosty. (Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края, 228). Эту статью представилъ Збаражскій на сеймѣ 1627 года. (Łukaszcwicz, Dzieje kościołów wuzn. helw. w Litwie I, 172).

²⁾ Kazania sejmowe (III, O zgodzie domowej), въ собраніи разныхъ «Казаній» Скарги (Kraków, 1600, 290).

³⁾ Polska niźna albo osada polska (1596). Въ подобномъ смыслѣ говорить

Въ соединеніи, или по крайней мѣрѣ, въ мирномъ сожителствѣ съ смежными государствами славянскими, Чешскимъ и Русско-Московскимъ, многіе Поляки видѣли пользу и выгоды не только для своего отечества, но и для всего славянства ¹⁾.

2. Славянское сознаніе въ польской исторической литературѣ. — Польскіе лѣтописцы XII—XIV вѣка. — Григорій изъ Саможа, Длугошъ, Ваповскій, Мѣховита, Бѣльскіе, Кромеръ, Сарницкій, Стрийвовскій, Папроцкій, Венгерскій. — Польскіе географы. — Вопросъ о происхожденіи Словаковъ и Поляковъ. — Орѣховскій, Бохановскій, Демболовскій

Ни одинъ народъ Славянской не имѣлъ такихъ случаевъ познакомиться съ цѣлымъ славянствомъ, побывать почти во всѣхъ земляхъ славянскихъ, какъ Поляки. Ихъ видно на Лабѣ и Салѣ между Сербіями, на Волтавѣ и Моравѣ между Чехами, на Дунаѣ между Словаками, даже и дальше на югѣ, въ самой Волгаріи и Сербіи. Съ другой стороны, они являютъ и подѣ Галичемъ, Кіевомъ и Москвою. Со всѣми этими землями и народами Польша находилась въ безпрестанныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ. Такимъ образомъ, исторія Польши тѣсно связана и съ судьбами всѣхъ этихъ смежныхъ народовъ и государствъ по большей части славянскихъ. Объемъ польской исторіи все больше и больше расширяется вмѣстѣ съ распространеніемъ границъ Польши, особенно на востокъ въ земли Русскія и съ увеличеніемъ ея вліянія на всѣ смежныя государства. И въ самомъ дѣлѣ, ни у одного славянскаго народа не находимъ въ его исторіографіи столько извѣстій о другихъ народахъ славянскихъ, какъ въ исторической литературѣ польской. Въ ней, начиная съ Мартина Галла и Викентія Кадлубка до Длугоша, Мѣховиты, Ваповскаго, Хвальчевскаго, Кромера, Бѣльскаго, Папроцкаго, Сарницкаго, Стрийковскаго, Пясецкаго и друг., находится множество извѣстій по исторіи чешской, русской, угорской и отчасти югославянской ²⁾. Свои данныя эти писатели собрали отчасти изъ устныхъ разказовъ очевидцевъ, бывавшихъ въ этихъ странахъ, отчасти изъ разныхъ письменныхъ

тотъ же Грабовскій въ другой статьѣ, Папроцкій, Верещинскій, Рысавскій и др. Ср. ниже отдѣлы: Поляки и Югославяне.

¹⁾ Ср. отдѣлы: Чехи и Поляки, Поляки и Русскіе, Поляки и Югославяне. Здѣсь мы привели примѣры, касающіеся Польши и всего славянства.

²⁾ И въ краткихъ лѣтописяхъ древнепольскихъ подлѣ событій польскихъ приводятся также событія чешскія; такъ напримѣръ, въ лѣтописи малопольской (*Bielomski*, Mon. Polon. histor. II, 816). Въ одной лѣтописи всемирной и чешской до 928 года. (Helcel: *Pomniki prawa pol.* I, p. XXXV) и пр.

памятниковъ этихъ народовъ. Чтобы ближе съ ними познакомиться, приходилось имъ нерѣдко даже учиться другимъ славянскимъ языкамъ, особенно русскому и чешскому.

Эту связь исторіи Польши съ судьбою смежныхъ ей народовъ, особенно славянскихъ, чувствуютъ многіе польскіе историки и нерѣдко сами высказываютъ мысль, что, описывая судьбы своего собственного народа, они не должны упускать изъ виду и исторію другихъ Славянъ. „Если я описалъ не только исторію Поляковъ“, говоритъ знаменитый историкъ польскій XV вѣка Длугошъ, — „но и исторію Чеховъ, Угровъ, Русскихъ, Прусовъ, Литовцевъ и Нѣмцевъ, то я сдѣлалъ это обдуманно: ибо всѣ эти страны очень часто находились въ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ Поляками, либо по поводу одинаковаго языка, либо по поводу сосѣдства, даже и подъ правленіемъ однихъ государей“. Преемники же Длугоша, Мѣховита и Сарницкій, еще яснѣе указываютъ на необходимость соединенія исторіи польской съ общеславянскою; первый издаетъ свою польскую исторію, между прочимъ, для того, чтобы на ея основѣ кто-нибудь описалъ и объялъ, на память потомкамъ „весь народъ и всѣ страны Славянъ, чтобъ остатки Славянъ не портились проклятыми заблужденіями. Кто же не знаетъ, что Гупны, Скиское племя, разворили и завоевали Паннонію, родную землю Славянъ, и до сего времени ею владѣютъ? Кто же не видитъ, что Волгары, Сербы и Босняки предади греческому обряду и поработени магометанами Турками? Кто не видитъ, что Далматы, Хорваты и Краинцы почти совсѣмъ разворены Турками и чужими народами? Кто же сверхъ того не знаетъ, что Чехи осквернены разными ересями? Кто не знаетъ, что Русскіе и Москвитяне, живущіе въ обширнѣйшихъ сѣверныхъ странахъ греческаго обряда — схизматики, оторванные отъ святой церкви, и что они ежегодно разоряемы, тѣснены и продаваемы въ рабство Турками и Татарами? Кто же не читалъ, что Славяне Ляшскіе, жившіе при Балтійскомъ морѣ, теперь Нѣмецкомъ, покорены Римскими императорами, что на ихъ мѣста вводились Нѣмцы, такъ что изъ нихъ, въ ихъ первоначальной родинѣ, остались лишь немногіе живущіе съ Нѣмцами по деревнямъ, особенно около Любека и Ростова? Одна только Польша, по Вожьей милости, остается вѣрна римской церкви“.

Если Мѣховита желаетъ общеславянскою исторію, то Сарницкій прямо жалуется на небрежность польскихъ историковъ, которые начинаютъ свои разказы отъ Лѣха, „точно прежде не было народовъ славянскаго языка, распространеннаго отъ Чернаго моря на западъ

къ Западному океану, отъ Адриатики до сѣвернаго Ледовитаго, и точно они только теперь, восемьсотъ лѣтъ тому назадъ вышли на свѣтъ, какъ выдуленные изъ яйца. Нѣтъ сомнѣнiя что мы имѣли до сихъ поръ безглавую и несовершенную исторiю". И такъ какъ никто болѣе способный не намѣренъ устранить этотъ постыдный недостатокъ, то Сарницкiй самъ беретъя пополнить его на сколько возможно и создать болѣе прочную основу польской исторiи: онъ подробно разказываетъ о судьбѣ Славянъ уже со временъ внука Ноя, Асармота, предка Сарматовъ ¹⁾.

И въ самомъ дѣлѣ мысль объ исторiи общеславянской родилась прежде всего въ Польшѣ. Планъ написать исторiю всѣхъ Славянъ, нарисовать ихъ судьбу приняла два польскiе историка XVI и XVII вѣка, Папроцкiй и Венгерскiй, и осуществили его, на сколько это было возможно при средствахъ и состоянiи науки того времени ²⁾.

Желанiе познакомиться съ исторiею всѣхъ Славянъ побудило знаменитаго Мазовшанина Вареооломея Папроцкаго изъ Глаголь (1540—1614 гг.) посвятить всю жизнь генеалогическимъ изслѣдованiямъ и трудамъ о родахъ славянскихъ. „Мнѣ уже почти семьдесятъ лѣтъ“, говоритъ онъ въ послѣднемъ своемъ генеалогическомъ сочиненiи, — „и я съ тридцати лѣтъ и больше слѣжу за древностю гербовъ и родовъ въ Славянскомъ народѣ, скитаюсь въ разныхъ странахъ и трудясь надъ тѣмъ“ ³⁾. Папроцкiй описываетъ на польскомъ и чешскомъ языкахъ „хорошiя и дурныя дѣла князей и королей *славянскихъ*“, именно королей польскихъ и чешскихъ, князей русскихъ, литовскихъ, силезскихъ, моравскихъ, потомъ „славянскихъ“ родовъ, польскихъ, русскихъ, литовскихъ, чешскихъ, моравскихъ, силезскихъ и друг., также и епископовъ чешскихъ, моравскихъ и силезскихъ. О моравскомъ духо-

¹⁾ Dlugosz Hist. Polon. (1480, въ посвященiи Збигнiву Олесницкому), Matth. de Miechow Chron. Polon. (1521, въ предисловiи), Sarnicki—Annales de origine Polon. (1587, въ посвященiи польско-литовскому сенату). Первый издатель Длугоша, Гербуртъ (въ Добромиль 1615) посвятилъ свое изданiе дожу и сенату Велецкианскому: «Principem historiae Slavicae Dlugossum vobis, Veneri, adferro. Et quod ejusdem inclutae gentis et generis pars magna estis. Nam majores vestri ex Paphlagonia ad Timarum Illyricum annum nostro slavico sanguini permixti unam ex duabus gentibus fecere».

²⁾ Дубровничанинъ Орбини писалъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданiя первыхъ трудовъ Папроцкаго.

³⁾ Stamhuch slezský (1609), въ одномъ изъ многихъ посвященiй дворянамъ гербу Подкова. Ту же самую мысль и почти тѣми же словами Папроцкiй высказываетъ и въ сочиненiи Ogród Królewski (1599, fol. 146).

венствѣ замѣчаетъ онъ, что оно первое посѣяло слово Божье между Славянами, оттуда распространилось въ Чехію, Польшу, Угрію, Литву и другія земли польской короны, гдѣ смѣшалось съ вѣрой греческою или русскою. Кромѣ того, Папроцкій всячески старается описать всѣ подвиги славнаго и стародавняго народа Славянскаго, и по этому поводу, прилежно собираетъ свѣдѣнія о немъ изъ разныхъ книгъ, чтобы слава и память Славянъ не погибла. Разказывая о происхожденіи и распространеніи Славянъ по всей южной, средней и восточной Европѣ, онъ замѣчаетъ, что всѣ они и въ послѣдствіи продолжаютъ любить другъ друга, какъ братья и потомки одного праотца, и всегда жили въ единодушіи. Взаимная любовь эта скрѣплялась и браками, и переходомъ Славянъ изъ однихъ земель въ другія, какъ это видимъ, напримеръ, у Поляковъ и Чеховъ: многіе роды чешскіе и моравскіе переселились въ Польшу, и на оборотъ, польскіе—въ Чехію. Дружба и любовь обонхъ народовъ была такая, что они даже взаимно пригласили къ себѣ государей. Соединенія Славянъ въ одно политическое тѣло не желаютъ ихъ враги, особенно Турки, которые ожидаютъ отъ нихъ своей гибели; поэтому всячески стараются помѣшать избранію чешскихъ королей изъ рода Габсбурговъ или Московскаго князя въ короли Польскіе, ибо соединеніе этихъ государствъ было бы имъ опасно. Впрочемъ, со временемъ это, можетъ-быть, и осуществится. Указывая на ужасныя усшѣхи Турокъ, которые угрожаютъ уже и Чехіи, онъ умоляетъ Поляковъ и Чеховъ, чтобы они, „какъ люди одного народа и братья съ самаго начала обонхъ государствъ“, выступили сообща противъ врага христіанства и такимъ образомъ показали бы ему и всѣмъ другимъ народамъ, что „славянское имя продолжаетъ существовать: вѣдь Турки бо страшнѣе Татаръ, которыхъ Чехи триста лѣтъ тому назадъ побѣдили подъ Олоуцеиъ на Моравѣ“¹⁾.

Если Папроцкій занялся изслѣдованіемъ главной, по тогдашнимъ понятіямъ, части исторіи, то-есть, подвиговъ и судьбы славянскихъ государей и дворянства, то его соотечественникъ, Андрей Венгер-

¹⁾ Болѣе важныя сочиненія Папроцкаго мы привели выше. Кромѣ тѣхъ, важныя: *Gniazdo snoty, z kąd herby guserstwa polskiego poszątek swój mają* (1578), и *Herby guserstwa polskiego* (1584) Дополненія къ этимъ разнымъ генеологическимъ сочиненіямъ „*Palaeopomena genealogiarum slavicarum*“ (особенно русско-московскихъ) остались въ рукописи (по Юнгманну). Воззваніе къ Полякамъ и Чехамъ объ общемъ дѣйствіи противъ Турокъ въ брошюрѣ „*Gwilt na rogau*“ (1595, по польски и по чешски).

скій начерталъ планъ общеславянской церковной исторіи ¹⁾. Принимъ во вниманіе, что „славянскій языкъ далеко и широко распространенъ въ Европѣ и въ Азіи разными нарѣчіями“, онъ разказываетъ о крещеніи Болгаръ и другихъ Югославянъ, а также Чеховъ и Поляковъ; описываетъ возникновеніе гусситизма въ Чехии и его проникновеніе въ Польшу; пространно разказываетъ о началахъ единства чешскихъ братьевъ, о распространеніи реформаціи, начавшейся въ славянскихъ земляхъ вообще раньше, чѣмъ въ нѣмецкихъ,—въ Польшѣ, Литвѣ и у Югославянъ, особенно у Словенцевъ и Хорватовъ ²⁾. Наконецъ, онъ говоритъ о крещеніи Русскихъ и о церкви русской, особенно о задуманномъ соединеніи православныхъ и диссидентовъ въ Польшѣ и Литвѣ. Не станемъ здѣсь распространяться объ этомъ сочиненіи Венгерскаго, которое страдает, конечно, многими недостатками и неполнотой, нося на себѣ отпечатокъ своего времени; оно для насъ представляетъ интересъ только потому, что авторъ—одинъ изъ знаменитѣйшихъ богослововъ некатоликовъ въ Польшѣ—сдѣлалъ попытку собрать и свести въ одно всё самыя важныя, по понятіямъ того времени, событія въ жизни народовъ и представить картину разныхъ пережитъ въ церковныхъ обществахъ всѣхъ Славянъ.

Не забудемъ также, что и Стрыйковскій сталъ писать свою польско-литовско-русскую хроніку „изъ искренней любви къ нашимъ народамъ славянскимъ“ и съ большимъ трудомъ, пользуясь двумястами надежными историками, описалъ начало славянскихъ русскихъ народовъ ³⁾.

О славянскомъ своемъ происхожденіи, о родствѣ съ другими Славянами, читали Поляки во всѣхъ своихъ лѣтописяхъ и исторіяхъ съ древнѣйшихъ временъ, начиная съ первой попытки по отечественной исторіи въ началѣ XII вѣка. Они знали, что ихъ родина—„Славянское государство“ (*regnum Sclavogum*), какъ гласила надпись надъ гробомъ величайшаго ихъ князя Болеслава Храбраго ⁴⁾.

¹⁾ *Regenvolscius Adrianus* (псевдонимъ Андрея Венгерскаго): *Systema historico-chronologicum ecclesiarum Slavonicarum per provincias varias, praecipue Poloniae, Bohemiae, Lituaniae, Russiae, Prussiae, Moraviae etc.* (Frujeti 1652).

²⁾ Польскіе католики гордились тѣмъ, что религиозное движеніе, известное подъ именемъ реформаціи, началось раньше у Славянъ (Чеховъ), чѣмъ у Нѣмцевъ. «Въ *Славянскомъ народѣ*», пишетъ неизвѣстный авторъ (Сарницкій?) книжки *Colloquium Piotrkowskie* (1566), «раньше, чѣмъ въ Нѣмецкомъ, стали являться защитники св. христіанской вѣры противъ суевѣрій Рима».

³⁾ *Kronika polska, litowska, zmodzka, i wszystkiej Rusi Kijowskiej, Moakjowskiéj etc.* (1582, p. 89).

⁴⁾ *Bielowski, Monum. Polon. histor. I, 320.*

Въ первыхъ польскихъ лѣтописяхъ сохранились и нѣкоторыя важныя, хотя довольно запутанныя преданія изъ древнѣйшихъ временъ славянства: такъ, преданіе о первоначальномъ пребываніи Славянъ въ дунайскихъ земляхъ, о первоначальномъ единствѣ всѣхъ Балтійскихъ Славянъ, Ляховъ (Лехитовъ), начиная съ нижней Лабы, глубоко на востокъ за Вислу и проч.

Первый польскій лѣтописецъ, Мартинъ Галъ (1110—1135 г.), хорошо знаетъ, что, „Польша есть сѣверная часть Славянской земли“, окруженная Русью, Угріей, Моравой, Чехіей. Даніей и Саксоніей; съ другой стороны, Славянская земля тянется отъ Фракіи черезъ Угрію и Каринтію до Баваріи и отъ Эпира по морю чрезъ Далмацію, Хорватію и Истрію до границъ Италіи къ Аквилегіи и Венеціи. Въ этой Славянской землѣ, замѣчаетъ его современникъ, Кравовскій епископъ Матвѣй (1150 г.),—есть много областей, особенно Польша, Чехія и Русь, такъ-сказать, другой міръ, гдѣ живетъ народъ Русскій, по безчисленному своему множеству равняющійся звѣздамъ. О раскинутости „Славянскаго государства“ (Slaviae monarchia), то-есть, Польши, въ древнія времена знаетъ и Викентій, такъ-называемый Кадлубекъ (около 1206 г.). Больше свидѣній о Славянахъ имѣли ихъ преемники XIII вѣка, Богухвалъ, Паско (Башко), Держва (Мержва?) и ихъ продолжатели. „Славяне говорятъ многими различными языками, понимаютъ другъ друга, хотя немного и отличаются въ нѣкоторыхъ словахъ и въ произношеніи. Они происходятъ отъ одного праотца Слава, имя котораго они употребляютъ до сихъ поръ, напримѣръ: Томиславъ, Ярославъ, Станиславъ, Вячеславъ. По древнѣйшимъ свидѣтельствамъ, колыбель всѣхъ Славянскихъ народовъ — Паннонія (то-есть, дунайскія земли), названіе славянское, происходящее отъ „панъ“, которое на разныхъ славянскихъ языкахъ значитъ „господинъ“, „князь“. Панъ основатель Паннонскаго государства, а его трое сыновей: Лѣхъ, Русъ и Чехъ — основатели государствъ Лихскаго, Русскаго и Чешскаго. Въ послѣдствіи возникли и другія государства и княжества Славянскаго народа, какъ напримѣръ, Болгарское, названное по рѣкѣ Волгѣ, рацское (Сербія), Далматское, Каринтское, Ранское, Кошубское, Сербское и другія при Балтійскомъ морѣ и на Лабѣ, въ которыхъ княжили потомки князя Лѣшка. Другое названіе Славянъ было Вандали или Вандалиты по рѣкѣ Вандалу (Вислѣ) или по Вандалу, потому у Яфета, сыновья котораго заняли больше, чѣмъ четвертую часть Европы Русь, Польшу, Поморье, Кошубію, Сербію (нынче Саксонію), Чехію, Мора-

вію, Штирію, Каринтію, Славонію (нынче Далмацію), Хорватію, Паннонію (нынче Угрію), Волгарію и много другихъ странъ¹⁾.

Вотъ вкратцѣ мнѣнія о происхожденіи Славянъ, распространенныя въ Польшѣ до XIV вѣка. Въ нихъ ясно пробивается сознаніе родства всѣхъ Славянскихъ народовъ, равно какъ и теорія о прибытіи Ляховъ и другихъ Славянъ въ закарпатскія равнины съ юга, изъ Дунайскихъ земель. Но эта теорія хотя на долго удержала за собою господство и авторитетъ, не осталась все-таки неприкосновенною. Явилась теорія противоположная, проповѣдывающая о происхожденіи Поляковъ и вообще всѣхъ Славянъ изъ сѣверовостока, изъ Сарматіи или Руси. Это мнѣніе высказалъ уже въ половинѣ XV вѣка ученый архіепископъ Львовскій Григорій изъ Санока († 1479 г.), провожавшій короля Владислава въ его походахъ въ Сербію и въ Волгарію,— въ своихъ, для своего времени, удивительно вѣрныхъ разсужденіяхъ о началѣ Польскаго народа по Викентію Кадлубку. Онъ, приближаясь больше всѣхъ къ своему соотечественнику XIX вѣка, Суворовцу, утверждалъ, что Поляки происходятъ отъ древнихъ Венетовъ, которые, оставивъ свою сѣверную страну, распространились черезъ Сарматію до рѣки Днѣстра и до Вислы. Когда число ихъ увеличилось, они перешли черезъ Дакію въ Мизію и постепенно заняли Далмацію и Иллирію, такъ что не прерываясь жили въ странахъ, начиная съ океана до Адриатики. Это мнѣніе подтверждаетъ и языкъ, который у всѣхъ живущихъ въ этихъ обширныхъ полосахъ земель одинъ съ незначительными отгѣнками²⁾. За Григоріемъ Савоцкимъ послѣдовали Ваповскій, Вѣльскій Мартинъ, Кромеръ, Стрыйковский; но ни одинъ изъ этихъ многорѣчивыхъ писателей не высказался такъ хорошо, какъ Григорій въ нѣсколькихъ своихъ замѣткахъ.

Такимъ образомъ, съ XV столѣтія въ польской исторической наукѣ существуютъ два мнѣнія о происхожденіи Поляковъ и Славянъ вообще: одни защищаютъ ихъ начало съ сѣвера, изъ Руси, другіе, слѣдуя своимъ древнимъ лѣтописцамъ, выводятъ Славянъ съ юга.

Мы видимъ, что польскіе историки смѣшали два отдѣльные періода древней исторіи Славянъ—древнѣйшее преданіе о поселеніи

¹⁾ *Bielowski*, Monum. Polon. histor. I. 394, II. 164, 266, 488. «W Pannoniey to jest w Słowiańskiey ziemi» памуть еще Поляки XVI вѣка (Powieść o założeniu klasztoru na Lysey Gorze).

²⁾ *Callimachi Vita Gregorii Sanoc. (Wisniewski) Pomniki historyi i liter. pol. IV, 53; ergo же Histor. liter. pol. IV, 10).*

Славянъ въ дунайскихъ земляхъ и о ихъ движеніи на сѣверъ за Карпаты, и послѣдующія затѣмъ событія въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х., обратное движеніе Славянъ изъ-за Карпатъ на югъ, за Дунай и на западъ, за Лабу.

Миѣніе о происхожденіи западныхъ и сѣверныхъ Славянъ съ юга подтвердилъ особенно знаменитый историкъ Іоаннъ Длугошъ (1480 г.). Онъ, воспользовавшись не только своими польскими предшественниками но и другими источниками, между прочимъ и чешскими и русскими лѣтописями, и самъ одаренный умомъ и разсудкомъ, создалъ знаменитую для своего времени исторію польскую, которая служила образцомъ всѣмъ послѣдующимъ за нимъ польскимъ историкамъ и основой ихъ сочиненій и приобрѣла себѣ всеобщій авторитетъ.

Длугошъ, слѣдуя примѣру русскаго лѣтописца Нестора и чешскаго хрониста Пулкавы и украсая, подобно Державѣ, свой разказъ разными библейскими именами, выводитъ Славянъ изъ Сенарской равнины, откуда они вышли послѣ Вавилоискаго столпотворенія и заняли Панионию—первую и древнѣйшую родину Славянъ, Волгарію, Сербію, Рацию, Восу, Хорватію, Далмацію, Иллирію, Каринтію и другія страны по морямъ Адриатическому, Ионическому и Эгейскому; всѣ эти прекрасныя земли достались счастливому племени Славянскому. Оттуда же вышли братья Чехъ и Лѣхъ, и поже Русь, на сѣверъ и заняли всѣ земли отъ Лабы на востокъ глубоко въ Русь.

За Длугошемъ послѣдовали и другіе польскіе историки XVI вѣка, прибавляя къ его разказамъ разныя выдумки, или пользуясь и сочиненіями, которыя, съ развитіемъ историческихъ наукъ во всей Европѣ, стали тогда все чаще появляться. Кромѣ того, вслѣдствіе увеличивающагося сближенія Славянскихъ народовъ въ XV и XVI вѣкахъ, польскіе писатели расширили кругъ своихъ познаній по этому предмету и стали приобретать новыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя имъ свѣдѣнія о другихъ Славянахъ. Мы здѣсь, разумѣется, не можемъ входить во всѣ подробности разныхъ этихъ, лишенныхъ всякой научной критики, миѣній, въ ихъ оцѣнку и большую или меньшую ихъ вѣроятность, и ограничимся только нѣкоторыми болѣе интересными для нашей цѣли указаніями, особенно изъ древнѣйшихъ историковъ до половины XVI столѣтія.

Вскорѣ послѣ Длугоша, въ Польшѣ вновь явилась мысль о происхожденіи Славянъ изъ сѣверныхъ странъ. Бернардъ Валовскій (1450—1535 г.г.) сталъ утверждать, что Славяне или Роксоланы происходятъ изъ сѣверовостока Европы, отъ озера Славна въ Московскихъ стра-

нахъ, и что Поляки, Чехи, Болгаре и Славяне русскіе происходятъ отъ Мосоха или Москвы, сына Іафета; отсюда они перешли за Днѣпръ и Дунай и заняли всѣ земли между морями Чернымъ, Адриатическимъ и Эгейскимъ. Всѣмъ этимъ землямъ дали они новыя названія: Мизію назвали Болгаріей или Сербіей, Либурнію — Восной, Илирики и Далмацію — собственною Славніей ¹⁾.

Современникъ Ваповскаго, Матвѣй изъ Мѣхова ревностно сталъ защищать древнее мнѣніе о происхожденіи Поляковъ съ юга, изъ Хорватіи и Далмаціи, отвергая ихъ выходъ съ Дона, изъ Роксоланін или Руси. Славяне, такъ рассуждаетъ Мѣховита, автохтоны во всѣхъ своихъ нынѣ занимаемыхъ ими земляхъ. Славяне искони живутъ въ южныхъ земляхъ, въ Македоніи, Далмаціи, Албаніи, Истріи, Хорватіи и въ другихъ земляхъ; въ городахъ Македоніи, въ Филиппполѣ, Скопѣ, Софіѣ, въ Дубровникѣ, во всѣхъ поселеніяхъ до самой Тессаліи славянскій языкъ всегда употреблялся и употребляется. Для этихъ адриатическихъ Славянъ св. Іеронимъ изобрѣлъ письмо „буквицу“ и ввелъ у нихъ богослуженіе на ихъ языкѣ. Изъ южныхъ же земель, изъ Славоніи, изъ города Исаровъ, въ незапамятное время вышли братья Чехъ и Лѣхъ на сѣверъ и заняли всѣ до тѣхъ поръ пустыя земли на Лабѣ, Одрѣ и Вислѣ; ихъ народы назвались Чехи и Ляхи, какъ послѣднихъ до сихъ поръ называютъ Русскіе, Греки, Румыны и Татары, даже и Мадьяры (Lengyel). Еслибы всѣ эти южныя и западныя Славяне происходили отъ Русскихъ, то ихъ языкъ былъ бы болѣе похожъ на русскій, чѣмъ на самый дѣлѣ. Чехи и Поляки хотя по своему географическому положенію и ближе къ Русскимъ, но значительно разнятся отъ нихъ языкомъ и обычаями и меньше понимаютъ по русски, чѣмъ по далматски-славонски, хотя уже нѣсколько тысячелѣтій назадъ они вышли изъ этихъ югославянскихъ земель. Языкѣ Далматовъ, Сербовъ и ихъ сосѣдей не одинъ и

¹⁾ Хроника Ваповскаго (съ древнѣйшихъ временъ до 1535 года) отчасти утрачена; только часть ея (съ 1380 года), недавно отысканную, издалъ Малиновскій (1847—1848); послѣдній отдѣлъ, о царствованіи Сигизмунда, изданъ уже въ 1589 г. Хроникѣ Ваповскаго знали Кромеръ и Стрыйковскій; Муртъя же Вальскій, сокративъ ее, помѣстилъ въ своей всемирной хроникѣ. Мысль Ваповскаго о происхожденіи Поляковъ изъ сѣверной Руси опредѣлялъ ближе Христ. Варшевицкій; онъ выводитъ Поляковъ изъ Новгорода; языкъ Новгородцевъ больше всѣхъ похожъ на польскій, и сами Новгородцы типомъ своимъ подходятъ къ шляхтѣ мазовской (De origine generis et nominis polonici dialogus 1580. Знаемъ только его содержаніе).

тотъ же съ русскимъ, и хотя Русскіе, Москвитяне и Болгаре и отправляютъ богослуженіе на сербскомъ языкѣ, но все-таки народъ его не понимаетъ, и онъ представляетъ большія затрудненія даже для священниковъ, „владыкъ и батекъ“¹⁾.

Интересныя замѣчанія о единствѣ Славянъ представляетъ и Мартинъ Бѣльскій въ своихъ разсужденіяхъ о началѣ Славянскаго народа, которыя онъ помѣстилъ какъ введеніе къ сокращенной имъ по польски хроникѣ Ваповскаго. Касаясь разныхъ названій Славянъ въ древнія времена, онъ замѣчаетъ, что Славяне навѣрное жили и прежде въ единствѣ: „Вѣдь и нынче, не смотря на ихъ разбросанность по свѣту, они имѣютъ одинъ языкъ, хотя у иныхъ, живущихъ между чужими народами, немного и измѣнился. Я думаю, что нѣтъ между нами такого дурака, который считалъ бы рѣчь русскую, московскую, сербскую, чешскую иною, чѣмъ нашу; все это одна рѣчь, и только послѣ недавняго общаго раздѣленія измѣнились въ ней нѣкоторыя слова. Я видѣлъ теперь польскую біблію древняго письма, въ которой находится большая половина сербскихъ (sic) словъ; а эта Сербія лежитъ въ сосѣдствѣ Болгаріи и Босны, въ которой деспотъ сильно княжилъ, пока его не истребили Турки. И нынѣ еще люди употребляютъ много славянскихъ словъ: *gospoііe* по славянски (*hosprodinie*), *rapie*; такъ говоримъ мы на славянскій ладъ *ite prawi*, то-есть, *towі*; дѣти называютъ по славянски отца — *tata*; мы перестаемъ употреблять одни славянскія слова, а хватаемся за другія. Одни только Русскіе и Чехи мало или ничего не измѣнили въ нашу языкъ“. Приведши жалованную грамоту Александра Великаго Славянамъ, Бѣльскій продолжаетъ: „И теперь находится славянскій языкъ во всѣхъ странахъ, начиная съ моря Ледовитаго, которое есть далеко за Москвой, до моря Венетскаго, которое называемъ Адриатическимъ; между ними расположены народы нашего языка. Прежде всего Москва, потомъ Русскіе, Поляки, названные отъ „полей“, Болгаре, Босняки или Сербы или „Русскіе“ („*Rusacy*“ смѣшалъ съ „*Rascia*“)—это все одно и то же. Далматы, Илирики, гдѣ была Либурнія, Хорваты, Истрии, Бургунды (sic); Истры — эти говорятъ на славянскомъ языкѣ по деревнямъ, въ городахъ же и по италіански. Многіе изъ нихъ при-

¹⁾ *Chronica Polonorum* (1521), въ письмѣ епископу Андр. Крицкому. Сравни его же *Tractatus de duabus Sarmatiis* (1517, 1521). Но въ самой хроникѣ онъ производитъ Русскихъ отъ третьяго брата Чеха и Лаха, Руса, который заселилъ обширныя земли русскія.

нали чужіе обычаи, какъ напимѣръ, Болгаре, Восняки, Рацы, Хорваты — турецкіе, Бургунды, Поморяне, Силезцы — нѣмецкіе, Истры и Далматы — италянскіе; но всѣ они, живя между чужимъ народомъ, употребляютъ свой природный языкъ ¹⁾.

Особенно обширно разсуждаетъ о началахъ Славянъ М. Кромеръ, посвятивъ этому предмету всю первую книгу своей польской исторіи ²⁾. Онъ выводитъ великій народъ Славянскій — назвавшійся или по „славѣ“ или по „слову“, которое всегда исполняли, — изъ восточной Европы, изъ Руси, отъ древнихъ Венедовъ и Сарматовъ; оттуда, изъ сѣверо-востока вышли и западные Славяне на западъ въ земли на Вислѣ, Одрѣ и Лабѣ, и на югъ за Дунай, а не на оборотъ съ юга на сѣверъ. Польская исторія Кромера, переведенная позже и на польскій языкъ, сдѣлалась въ Польшѣ главною книгою по этому предмету и сохранила свое значеніе до самого XVIII столѣтія. Всѣ его преемники на историческомъ поприщѣ пользовались ею болѣе или менѣе: такъ поступали Красинскій, Стрыйковскій, Сарницкій, Папроцкій, Бѣльскій и друг., прибавляя къ ней разныя свои мнѣнія и выдумки.

Многорѣчивый Стрыйковскій знаетъ Славянъ довольно хорошо; онъ бывалъ не только въ польскихъ и русскихъ земляхъ, но и у Югославянъ. Свѣдѣнія свои онъ черпалъ между прочимъ и изъ разныхъ лѣтописей русскихъ, изъ какой-то болгарской и славянской хроникъ, изъ чешскихъ Гайна и Дубравскаго. Стрыйковскій, выводя Славянъ тоже изъ Руси, считаетъ собственнымъ стародавнимъ славянскимъ языкомъ — русскій, московскій, такъ какъ Русскіе, которыхъ называетъ Москвою, издавна жили въ своихъ полуночныхъ странахъ и оттуда не выходили, между тѣмъ какъ другіе Славяне, западные и южные, вышли оттуда, смѣшались съ другими народами. Сарницкій въ своемъ обширномъ введеніи въ польскую, — по его мнѣнію, безглавую — исторію, разказывая о началѣ, умноженіи и уменьшеніи всего славянскаго поколѣнія, думаетъ, что Славяне назвались такъ по причинѣ одного языка, какъ „одноязычники“; это имя всѣмъ равно пріятно. Въ введеніи же онъ довольно обширно описываетъ исторію южныхъ и западныхъ Славянъ, ихъ борьбу съ Византіяцами, съ Франками и пр.

¹⁾ Kronika wszytkiego świata (1650, fol. 2-е изд. 1654 г.; въ 3-мъ изд. 1664 года; эта часть уже переделана по Кромеру). Сказанія Бѣльскаго о Славянахъ перешли и въ русскіе хронографы. (Половъ, Изборникъ изъ русской хронографіи 131, 438).

²⁾ De origine et rebus gestis Polonorum (1655, и часто).

О Славянахъ много говорятъ и первый писавшій обширную хронику на польскомъ языкѣ Іоакимъ Бѣльскій, который считаетъ Славянами и древнихъ Иллировъ, Вандаловъ, Готевъ и проч. ¹⁾

Наконецъ, о великомъ народѣ Славянскомъ, частью котораго считаются и Поляки, пишутъ и польскіе географы. Такъ вышеупомянутый Матвѣй изъ Мѣхова въ своемъ описаніи Сарматіи (1517 г.) повторяетъ отчасти сказанное уже въ своей исторіи: „Языкъ славянской самый распространенный: на немъ говорятъ Сербы, Волгаре, Босняки, Хорваты, Славяне, Крайцы, Чехи, Мораване, Поляки, Русскіе, Москвитяне и другіе. Всѣ они, живущіе въ обширныхъ земляхъ—Славяне“. Въ такомъ смыслѣ пишутъ и М. Бѣльскій, Кромеръ, Красивскій, Гвагнинъ (Guagnini), Сарницкій и др. въ своихъ географіяхъ и описаніяхъ восточной Европы, земель польскихъ и русскихъ.

Въ этихъ разныхъ разсужденіяхъ о началѣ Славянъ вообще, при чемъ имя ихъ производится отъ „славы“, и отъ „слова“, и Поляковъ въ особенности, играетъ важную роль древнее преданіе о происхожденіи и названіи Поляковъ или Ляховъ отъ мнимаго праотца Лѣха, брата Чеха и позже созданнаго Руса: вопросъ, который, странно сказать, занималъ ученыхъ славянскихъ еще въ XVIII столѣтіи до такой степени, что могъ возбудить очень живую полемику между чешскими и польскими учеными того времени.

Мы видѣли, что уже съ XV столѣтія мнѣнія польскихъ историковъ о первоначальной родинѣ Поляковъ, — названіе которыхъ они производятъ вѣрно отъ „полей“, — и ихъ мнимческаго праотца стали расходиться: одни считали южную Хорватію первоначальною родной Лѣха и Чеха, другіе стали ихъ выводить изъ Сарматіи, или тогдашней Руси. Приверженцы обѣихъ этихъ противоположныхъ теорій сгруппировались около обонхъ главныхъ любимыхъ польскихъ историковъ XVI—XVIII столѣтій, Кромера и Бѣльскаго. Авторитетъ перваго признавали защитники сарматско-русскаго происхожденія Лѣха и Поляковъ; на авторитетъ другаго опирались защитники югославянско-хорватскаго происхожденія Чеха и Лѣха ²⁾. Но въ существованіе самого праотца своего Лѣха вѣрили почти всѣ писатели и вообще все польское общество.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ родились, какъ всегда и вездѣ бываетъ, и

¹⁾ Kronika Polska (1597, особая глава «о Славянахъ»).

²⁾ Объ этомъ преданіи сравн. между прочимъ *Maciejowski*, Polska pod względem obyczajów i zwyczajów, IV, 245.

другія разныя, болѣе или менѣе странныя, мнѣнія о происхожденіи Поляковъ. Многіе, недовольные самымъ простымъ фактомъ, что Ляхи или Поляки-Славяне, поселившіеся въ „лѣхахъ“ и „поляхъ“ на Вислѣ, стали искать начало своего народа во всѣхъ сторонахъ міра ¹⁾. Такъ, Орѣховскій производилъ Славянъ отъ Грековъ, съ правами которыхъ было много общаго у Славянъ. Въ Полякахъ, первомъ славянскомъ народѣ, соединены дѣльность Далматовъ и живость Македонянь; греческое слово *κοιρανος* сравниваетъ съ славянскимъ: *краль*, *король* ²⁾. Славный поэтъ Іоаннъ Кохановскій сомнѣвается въ существованіи Лѣха и Чеха, не упоминаемыхъ въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ и называетъ мнѣніе о прибытіи Лѣха и Чеха изъ югославянской Хорватіи на сѣверъ баснею; напротивъ, южные Славяне вышли изъ сѣверныхъ странъ. Если и Чехи, и Поляки называются Славяне — Кохановскій намекаетъ здѣсь на „Славянъ“ въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, западныхъ Югославянъ, — то это общее названіе всѣхъ Славянъ, Руси, Москвы, Волгаръ и Сербовъ. Отбрасывая происхожденіе Чеховъ и Лѣховъ отъ миѣнческихъ братьевъ, Кохановскій думаетъ, что Чехи — такъ ихъ называютъ всѣ Славянскіе народы — происходятъ отъ кавказскихъ Цекковъ, упоминаемыхъ у византійскаго историка Прокопія; а такъ какъ Поляки составляли прежде одинъ народъ съ Чехами и только со временемъ разошлись, то и они происходятъ отъ туда же. Самое названіе Ляхи осталось для Кохановскаго темнымъ; оно или сокращенное Поляки, Поляки, или происходитъ отъ Влаховъ, отъ вѣры латинской, или наконецъ, отъ какого-нибудь князя Лѣха или Лѣшка позднѣйшихъ временъ ³⁾.

Но высаго совершенства въ производствѣ Славянъ и Поляковъ достигъ Демболѣнцкій ⁴⁾. Онъ, въ своемъ курьезномъ сочиненіи, „по-

¹⁾ Такіе ученые до сихъ поръ водятся между Поляками, и Ляхи представляются имъ саксонскими Лазами, скандинавскими Лагами, кельтскими Влахами, ильдерскими Линхитами, даже и «Лихими», то-есть, несчастными («liho», между тѣмъ какъ Чехи — «setno», счастыые).

²⁾ *Annales* (1554, введеніе), *Quincunx* (1564, изд. Туровскаго, 66).

³⁾ О *Szechu* i *Lechu*, *historya poganiona*, въ полномъ собраніи его сочиненій (*Jan Kochanowski*, Kraków 1585, p. 169—192). Сравни и ниже его повмъ *Prorogzes*. Отъ кавказскихъ Дняковъ и Ляговъ или Лезговъ производилъ Чеховъ и Ляховъ еще сто лѣтъ тому назадъ чешскій историкъ Добнеръ.

⁴⁾ *Wojc. Dębołęcki: Wywód jedynowłasnego państwa świata, że najstarodawniejsze w Europie Królestwo Polskie etc. w państwowaniu świata od Boga w raju powstało, i że język słowiański pierwotny jest na świecie* (Warsz. 1633). Уже со-временными насмѣхались надъ этимъ сочиненіемъ (*Biblioteka Warszawska*, 1854,

священномъ всѣмъ народамъ славянскаго языка", серьезно доказываетъ, что королевство Польское или Скнское происходитъ прямо отъ Адама, Снеа и Иафета, и что самымъ Богомъ уже въ раю ему назначено всемірное господство; что славянскій языкъ есть первый на свѣтѣ, на которомъ—сирійскомъ—говорили Адамъ и Ной, и отъ котораго произошли всѣ остальные языки въ мірѣ. Такъ, напримѣръ, греческій языкъ есть славянскій, какъ онъ и до сихъ поръ существуетъ вездѣ около Греціи, въ Фракіи, Болгаріи, Македоніи, Далмаціи и во всей Иллирии; самъ Гомеръ былъ Славянинъ. И Латинны говорили по славянски; отсюда же Иллирики (то-есть, Словенцы) называютъ Италію также, какъ Поляковъ, то-есть, Ляхи или Влахи (чешск. Vláši, польск. Włochi). Славяне происходятъ изъ государства Парадисскаго „Pogadzi" (отъ zrodnej gady) и Вавилона („babilo ŋopo"). По Снеу назвались Снеоами и по сыновьямъ Иафета, Гого и Магогу (по славянски „Ляхъ" и „Поляхъ"), Ляхи и Поляки. Въ земляхъ короны польской, по свидѣтельству всѣхъ древнихъ лѣтописцевъ польскихъ, русскихъ и чешскихъ, никогда не было Нѣмцевъ и никакого другого народа; искони здѣсь живутъ Поляки и Русь; отсюда же вышли Иллиры (Югославяне) въ Далмацію и другія задунайскія земли. По пророчествамъ же Даніила и Апокалипсиса, польскій орелъ, какъ преемникъ Гога и Магога, распространить свое господство надъ всѣмъ міромъ, и проч. Мы привели эти фантазіи патера Лисовчиковъ какъ интересное свидѣтельство, что уже тогда въ Польшѣ толковалось на основаніи библии о всемірномъ господствѣ Славянъ или перваго ихъ народа и государства того времени, Польши. Что касается странныхъ историческихъ и этимологическихъ выводовъ Дембленцакаго, то имъ печого удивляться: они повторяются иногда и въ наше время исторической критики и сравнительнаго языкознанія.

8. Славянское сознаніе въ польской лингвистической, теологической, переводной литературѣ. — Мончинскій, Елапскій, Стожешскій. — Церковно-славянскій языкъ въ Польшѣ. — Славянскій монастырь въ Краковѣ. — «Дворянскіе Горлицецаго.

Поляки, живя посреди остальныхъ Славянъ, имѣли съ ними съ древнѣйшихъ временъ разныя сношенія и столкновенія, имѣли прекрасный случай познакомиться съ ними ближе, узнать ихъ обычаи

I, 473). Авторъ былъ священникомъ въ войскѣ извѣстныхъ Лисовчиковъ, которые спривествовали почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ, отъ Волги до Шумавы и до Дуная.

и ихъ языкъ. Сношенія Поляковъ съ Чехами были такъ тѣсны, что чешскій языкъ, выработавшійся ранѣе польскаго, имѣлъ большое вліяніе на образованіе и развитіе послѣдняго и былъ извѣстенъ въ Польшѣ въ различныхъ кружкахъ до конца XVI столѣтія. Съ другой стороны, Поляки, сносясь и сталкиваясь безпрестанно съ восточными своими сосѣдями, съ великимъ народомъ Русскимъ, знакомились съ разными его отраслями и нарѣчіями, начиная съ Перемишля и Люблина и кончая Псковомъ и Москвою. Преимущественно отъ Русскаго народа услышали они и церковный славянскій языкъ, который когда-то раздавался и на сѣверѣ отъ Карпатъ около Кракова, и употребленіе котораго возобновилось въ Краковѣ въ концѣ XIV вѣка, хотя на короткое лишь время. Наконецъ, Поляки, находясь въ дружескихъ связяхъ съ сосѣднимъ королевствомъ Угорско-Хорватскимъ, имѣли случай сходиться и съ разными Югославянами — Хорватами, Сербами и Волгарами ¹⁾).

Такимъ образомъ, Поляки могли легко познакомиться и съ языками своихъ соплеменниковъ. Считаая по всей справедливости свой народъ и свое государство первымъ между Славянами, видя, что польскій языкъ распространяется съ большимъ успѣхомъ во всей восточно-западной Руси, что онъ проникаетъ даже и въ сѣверо-восточную, въ Москву, и съ другой стороны, что онъ извѣстенъ и у западныхъ ихъ собратьевъ Чеховъ, Поляки — стали считать *свой* языкъ первымъ славянскимъ языкомъ, понятнымъ и пріятнымъ и для другихъ Славянъ.

Такъ, Мончинскій, издавая первый латинско-польскій словарь, замѣчаетъ, что его сочиненіе полезно и необходимо не только Полякамъ, но вообще и всѣмъ остальнымъ народамъ, государствамъ и племенамъ, которыя употребляютъ древнѣйшій и далеко, и широко распространенный славянскій языкъ: Поляки, Русскіе или Русины или Роксоланы, Мазовшане, Подоляне, Волыняне, Литовцы, Жмудь, Прусы, Кошубы, Освѣтимиане, Заторяне, Поморяне, Чехи, Мораване, Силезцы, Далматы, Хорваты, Босняки, Гуны, Авары, Рамы (въ Босніѣ), Рацы, Мизы, Сербы, Болгаре, Галичане, Владимірцы, Команы, Краинцы, Пожеганы (въ Славоніи), Фороклійцы (то-есть, Словенцы въ Горіцѣ и Венеціи), Истры, Илиры, Галаты или Кочевяне (Gallates seu Sarsovenenses), Вандалы (то-есть, Венды), Москвитяне и часть Ка-

¹⁾ Объ отношеніяхъ Поляковъ къ Чехамъ, Русскимъ и Югославянамъ см. ниже.

ринтин. Всѣ эти народы одного и того же славянскаго рода и языка, и разнятся только нарѣчіями ¹⁾.

Подобно труду Мончинскаго, былъ издавъ извѣстный словарь латинско-польско-греческій Кнапскаго, на пользу Поляковъ, Русскихъ, Славянъ (то-есть, южныхъ) и Чеховъ ²⁾. О распространеніи и о пользѣ славянскаго языка нѣбли въ Польшѣ хорошее понятіе уже въ XVI столѣтіи ³⁾.

Польскіе филологи того времени знаютъ, болѣе или менѣе, и другіе славянскіе языки, особенно чешскій и русскій, но они все-таки остались далеко позади своихъ чешскихъ современниковъ, Грубаго, Благослава и Венешовскаго. Заборовскій, постановляя новыя правила польскаго правописанія (1518 г.), сравниваетъ свой языкъ съ извѣстнымъ тогда во всей Польшѣ чешскимъ ⁴⁾. Первый грамматикъ польскій, Стоенскій (Статоріусъ), ограничился въ своей скудной грамматикѣ польскаго языка лишь нѣкоторыми указаніями на родственные польскому языки. Такъ, трактуетъ о звукахъ польской рѣчи, замѣчаетъ о *h*, что у Поляковъ оно попадается рѣдко, лишь только въ русскихъ словахъ, напримѣръ, грамота; польское *rz* произносятъ нѣкоторые менѣе образованные, какъ *r*; этотъ болѣе мягкій выговоръ свойственъ нѣкоторымъ народамъ Венетскаго или Славянскаго племени и проч. ⁵⁾.

Кромѣ языковъ чешскаго и русскаго, извѣстенъ былъ Полякамъ также употребляемый въ сосѣдней русской церкви церковно-славянскій языкъ, или какъ его въ Польшѣ иногда называли, болгарскій, даже и сербскій ⁶⁾. Пользу его, особенно при переводахъ библіи на

¹⁾ *Lexicon latino-polonicum* (Regiomonti, 1564). Такъ на самомъ титулѣ и въ посвященіи королю Сигизмунду Августу, въ числѣ разныхъ похвальныхъ стихотвореній, находится и стихотвореніе Якова Любельчика, рекомендующаго заняться языкомъ славянскимъ. Въ словарѣ есть также статья Меланхтона: *De origine gentis Henetae*.

²⁾ *Thesaurus latino-polono-graecus, seu promptuarium linguae latinae et graecae, Polonorum, Roxolanorum, Sclavonorum, Voenorum, usui accomodatum*. Такой титулъ находится на нѣкоторыхъ экземплярахъ Краковскаго изданія 1643 г.

³⁾ *De latissimo usu et maxima utilitate linguae Slavonicae* (Regiomonti 1569)—титулъ незнакомой намъ книги Мартына Квятковскаго; даже библиографъ Залускій не могъ отыскать ея.

⁴⁾ См. ниже: Чехи и Поляки.

⁵⁾ *Polonicae grammaticae institutio* (Crac., 1568).

⁶⁾ Сербскимъ его называетъ, напримѣръ, Мѣховита въ своей польской исторіи и географіи.

польскій и другіе славянскіе языки, хорошо понялъ уже тогда одинъ изъ первыхъ не католическихъ дѣятелей въ Литвѣ, Симеонъ Вудный. „Что касается славянскаго перевода“, говоритъ Вудный въ предисловіи къ польскому переводу Новаго завѣта, — „то я не только не браку его, но очень имъ люблюсь и признаюсь, что я изъ него научился многому. Мнѣ кажется, что всѣ переводчики нашего славянскаго языка, нынѣшніе и будущіе, Поляки ли, Русскіе, Хорваты, или Чехи, которые захотѣли бы переводить Новаго завѣта, не передадутъ, можетъ-быть, всего вѣрно, какъ должно быть, если не будутъ пользоваться этимъ древнимъ своимъ переводомъ. Этотъ переводъ сдѣлался большимъ сокровищемъ для всѣхъ Славянъ; но что жъ это, когда одни, какъ Чехи и Поляки, вовсе не знаютъ о немъ, а другіе, какъ Русскіе, Москвитине и пр., неправильно понимаютъ его“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Вудный хорошо знаетъ, что славянскій переводъ того времени, — тогда еще не была издана Острожская Библия, — не безошибоченъ, и приводитъ нѣсколько такихъ мѣстъ изъ русскаго перевода Библии Скорины и Московскаго Апостола, Евангелій и другихъ книгъ ¹⁾.

Слѣдя за измѣненіями своего языка, польскіе писатели находили, что нѣкоторыя устарѣлыя слова польскія встрѣчаются въ славянскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, они разсуждаютъ, что Поляки прежде, вмѣстѣ съ древними Славянами, называли тѣло — *плоть* (то-есть, плоть), палець — *персть*, мужчину — *отрокъ*, сатану — *врагъ*; теперь этихъ словъ не слышно, развѣ лишь кое-гдѣ между поселянами, или между Русью и Москвою. Изъ славянскаго или „болгарскаго“ языка принимаютъ даже нѣкоторыя слова въ свой польскій (напримѣръ, книга, глава) и справедливо сравниваютъ недостатки польской географіи (*сѣ, сѣ, сѣсѣ*) съ болѣе совершеннымъ правописаніемъ языка славянско-болгарскаго (*ч, ш, ѡ*) ²⁾.

¹⁾ Nowy Testament znnowy przełożony etc. (1574). Вудный, происхожденія русскаго, старался распространять реформачію и посредствомъ русскіхъ книгъ. Посвящая русскій переводъ Лютерова катехизиса (Несвѣтъ, 1562) Радивилламъ, онъ говоритъ, что «списана ся книжка того дня, абы ся вышн княжацкія милости не только въ чужовемскіхъ языцѣхъ кохали, але абы ся темъ в. в. м. и того здавна славного языка словенского розмилувати и онимъ ся бавити рачили».

²⁾ Skarga, Kazania (Kraków, 1600. р. 95, мимоходомъ говора о перемѣнахъ польскаго языка); Orzechowski: Politia (1566, рукоп.), и его же письмо Янушовскому 1564 г. (*Wiadomości Hist. lit. pol. VI, 381, 400. Maciejowski, Piśmiennictwo polskie, Dodatki 245*). Впрочемъ, слова «книга» и «глава», какъ ихъ пишутъ

Поляки хорошо знали, что на славянскомъ языкѣ отправляютъ богослуженіе не только православные и униаты Русскіе, Болгаре и Сербы, но и Хорваты-католики, у которыхъ введеніе славянскаго богослуженія приписывали, по общему тогда мнѣнію, св. Иерониму. Ему же или св. Кириллу приписывали и письмо „славянское“, „русское“, „глагольское“ или „азбуку“, „буквицу“, „кириллицу“. Кромѣ того, Поляки помнили, хотя смутно, что въ отдаленныя времена и въ польской церкви раздавался „славянскій“ языкъ, занесенный изъ сосѣдней Моравы. Еще въ началѣ XVII вѣка самъ католическій епископъ польскій Пясецій разсказываетъ, что „Поляки и всѣ Славяне отъ природы отвращаются отъ козней и штукъ Нѣмцевъ, и все выходящее оттуда считаютъ себѣ вреднымъ и отклоняютъ, какъ нѣчто подозрительное. Такъ и христіанской вѣрѣ не хотѣли учиться отъ Нѣмцевъ, а посредствомъ восточныхъ Грековъ, Кирилла и Меодія, присланныхъ изъ Царьграда“¹⁾.

Орзаховскій: «kaibij, hlawij»—скорѣ чешскія, чѣмъ «болгарскія». Ср. и выше слова М. Вальскаго.

¹⁾ Piatecki: Chronica (Стас. 1645, р. 48). Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельности св. апостоловъ Кирилла и особенно Меодія, архіепископа Моравскаго, простирались и до Ляхскаго племени, часть котораго, именно Краковскіе Хорваты и Славяне, вошла въ составъ Велико-Моравскаго государства Святопола. На это указываетъ: а) извѣстіе въ паннонскомъ жизнеописаніи св. Меодія (гл. XI) о крещеніи «сильнаго поганскаго князя въ Вислѣхъ», то-есть, племени Вислянъ (*Шафарика Слав. Древности*, § 38, ч. 5) св. Меодіемъ; б) темныя слѣды славянскаго епископства въ Краковѣ (*Maciejowski Hist. prawod. słow. II*, 326, статья *Barthomejucha* «Arcybiskupstwo Krakowskie» въ польской энциклопедіи; съ тѣмъ сравн. также слова Март. Галла (I, с. 16), что князю Болеслава Храбраго оплакивали «Latinorum et Slavorum... incolae»). в) Въ русскихъ земляхъ было распространено мнѣніе, что св. Константинъ распространилъ правую вѣру и «русское» письмо въ Моравѣ, въ Чехахъ и въ Ляхахъ, замѣненное позже латинскимъ (приваженіе къ паннон. легендѣ о св. Константинѣ, рукоп. XV вѣка въ *Чтеніяхъ* 1863, 2, вошло и въ хронографъ 1494 г. и въ др.). г) Въ день 9-го марта (память св. апостоловъ славянскихъ) молятся въ епархіи Глѣженской: «Omnipotens sempiternus Deus, qui nos per beatos pontifices et confessores tuos nostrosque patronos Cyrillum et Methodium ad unitatem fidei christianae vocare dignatus est», и вспоминаютъ вкратцѣ и жизни этихъ славянскихъ учителей (genitium Slavinarum primi doctores). (Встрѣчается въ книгѣ *Стан. Соколовскою: Officia propria patronorum provinciae Poloniae 1603*, и потомъ часто. Молитва та же самая, что и въ чешской церкви). О другихъ слѣдахъ см. въ соч. *Петрушевича: Холмская епархія* (Львовъ, 1867, также въ Холмскомъ мѣстечковѣ на 1871 г.). Дѣятельность св. апостоловъ «славянскихъ епископовъ» въ Моравѣ и у другихъ Славянъ знаютъ польскіе историки и др., Длугошъ, Вальскій, Голюсъ, Смарга и др.

Наконецъ, славянское богослуженіе возобновлено и въ Польшѣ, хотя ограничено только однимъ мѣстомъ и на короткое время. Въ концѣ XIV вѣка и Польша удостоена „особой милостью Спасителя; въ великую честь Славянскаго народа позволилъ онъ отправлять богослуженіе на родномъ языкѣ, чего не досталось ни одному языку, кромѣ греческаго, латинскаго и еврейскаго“. Тогда, именно въ 1390 году, Польскій король Владиславъ и его супруга Ядвига, по примѣру славянскаго монастыря Пражскаго, основали такой же и въ Краковскомъ предмѣстьи Кленарѣ при церкви св. Креста и перевели сюда изъ Пражскаго монастыря славянскихъ монаховъ. Это были католическіе монахи, бенедиктины хорватскіе, отправлявшіе богослуженіе на славянскомъ языкѣ, писанномъ такъ-называемою глаголицей. Еще во второй половинѣ XV столѣтія (около 1470 г.) въ этой „славянской“ церкви употреблялось славянское богослуженіе, но скоро послѣ того замѣнено латинскимъ¹⁾; хотя съ тѣхъ поръ и не раздавался въ польской столицѣ церковно-славянскій языкъ, но все-таки онъ именно здѣсь проложилъ себѣ путь въ печать гораздо раньше, чѣмъ самъ польскій языкъ. Въ Краковѣ напечатаны первыя богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ греко-славянскимъ письмомъ, Осмогласникъ, Часословецъ и др., стараніемъ Швайпольта Фіола (1491 г.)²⁾. Такимъ образомъ, Поляки имѣли случай познакомиться съ церковно-славянскимъ языкомъ довольно близко, и если и въ самой Польшѣ, въ Краковѣ, славянское богослуженіе прекратилось уже въ концѣ XV столѣтія, то оно было въ употребленіи близъ самой столицы польской, въ русскихъ земляхъ, начиная съ Перемишля и Холма далеко на востокъ.

Но если и Поляки знали объ употребленіи славянскаго языка въ церквахъ русской, болгарской, сербской и отчасти и хорватской, то вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нихъ не скрылось, что этотъ церковный „славянскій“, или „болгарскій“, или „сербскій“ языкъ довольно отли-

¹⁾ Dlugosz, Hist. I. B. 126; Liber beneficiorum dioec. Cracov. III, 225. (Monasterium sclavonicum S. Benedicti in Cleparz oppido ante Cracoviam sito). Объ этомъ упоминаетъ и Госіусъ (De vascis vernacule legendis, in opera, Paris. 1562, fol. 261). Церковь св. Креста называлась съ древнѣйшихъ временъ «славянской». (Grabowski: Kraków i jego okolice, 70).

²⁾ О Фіолѣ см., кромѣ разныхъ библиографій, послѣднюю статью Эстрейхера (1867). Еще около 1600 г. одинъ Русскій жалуется, что въ Краковѣ есть много «книгъ словенскихъ великими следами замкненыхъ, которыхъ на свѣтъ не выпустятъ», также и во Львовѣ. (Акты западной Россіи IV, стр. 204).

чается отъ собственныхъ общеупотребительныхъ нарѣчій этихъ народовъ ¹⁾. Это обстоятельство получило и практическую важность въ спорахъ о литургическомъ языкѣ въ польской церкви XVI столѣтія. Когда, вмѣстѣ съ разными новыми идеями, въ Польшѣ явилась мысль замѣнить латинскій языкъ въ церкви народнымъ польскимъ, то защитники первого ссылались на примѣръ русской и юго-славянскихъ церквей, въ которыхъ употребляется не совсѣмъ понятный народу, даже и понамъ, языкъ. Такъ разсуждаютъ, между прочимъ, и два главные поборника католицизма въ тогдашней Польшѣ, кардиналъ Говіусъ и іезуитъ Скарга ²⁾. „Русь прежде всѣхъ“, говоритъ послѣдній, „отправляла литургію на нашемъ славянскомъ языкѣ првотцевъ и теперь такъ дѣлаетъ; въ то время былъ понятенъ этотъ языкъ, который называется также болгарскимъ; нынче же не понимаетъ его ни одинъ Болгаринъ, ни Хорватъ, ни Москвитининъ, ни Русинъ, лишь послѣ большой науки и труда“. Но если уже народный языкъ считается необходимымъ въ богослуженіи и въ польской церкви, то пусть введутъ, по крайней мѣрѣ, существующій уже церковно-славянскій. Такъ разсуждаетъ Говіусъ. Указывая на то, что больше шестисотъ лѣтъ тому назадъ, Кириллъ и Меодій получили отъ папы дозволеніе отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ, какъ это недавно было въ церкви на Кленарѣ, Говіусъ замѣчаетъ, что въ Моравіи и въ Польшѣ это скоро прекратилось, принося больше вреда, чѣмъ пользы. „Едва ли есть другой языкъ въ мірѣ“, продолжаетъ кардиналъ, „который былъ бы больше распространенъ, чѣмъ нашъ, занимающій больше, чѣмъ четвертую часть Европы: ибо его употребляютъ Чехи, Мораване, Кошубы, Русскіе, Москвитинс и Славяне, откуда мы полагаемъ свое происхожденіе, Далматы, Босняки, Хорваты, Болгаре, Расціане, Сербы и другіе народы. Впрочемъ, эти народы разнятся другъ отъ друга своими нарѣчїями, такъ что Полякъ меньше понимаетъ Славянина или Далмата, чѣмъ Швабъ или Швейцарецъ Голландца или Бургундца. Языкъ славянскій или далматскій болѣе изященъ, чѣмъ нашъ, такъ что если уже нужно переводить молитвы и священныя книги на простой языкъ, то слѣдуетъ переводить ихъ преимуще-

¹⁾ Ср., напримѣръ, выше слова Мѣховиты. Издатель (протестант.) польскаго канціонала Торунскаго (1595 г.), *Кресилебъ* (Артоміусъ), ссылается—относительно употребленія народнаго языка въ церкви,—на примѣръ, «нашихъ Славянъ, которые издавна, со времени св. Кирилла, имѣютъ привиллегію отправлять богослуженіе на своемъ языкѣ».

²⁾ Hovius: De vasto verbaule legendo (l. c.), Skarga, Kazan'a (1600, p. 95).

ственно на тотъ языкъ, отъ котораго произошелъ нашъ, и который превышаетъ и другіе языки изяществомъ; кромѣ того, на него переведены св. Іеронимомъ священныя книги, такъ что его употребленіе представляетъ меньше опасности. Но такъ какъ онъ употреблялся въ богослуженіи у насъ, у Чеховъ и у Мораванъ и потомъ исчезъ, то такъ случилось навѣрное не безъ причины. Наконецъ, что касается введенія простого нарѣчія въ богослуженіе, то этого даже и Русскіе не допускаютъ⁴.

Вліяніе родственныхъ языковъ славянскихъ на польскій въ лексикальномъ отношеніи было особенно значительно. Польскій языкъ принялъ много чешскихъ и русскихъ словъ; Орѣховскій попробовалъ вводить и „болгарскіи“ слова. Вообще, введеніе разныхъ словъ изъ другихъ славянскихъ языковъ не было противно ни духу польскаго языка, ни общественному мнѣнію, и даже, не возбуждало порицанія со стороны строгихъ грамматиковъ. Такъ, извѣстный лексикографъ польскій XVII вѣка, Кляпскій, жалуясь на излишнее употребленіе разныхъ словъ и оборотовъ латинскихъ, италіанскихъ иѣмецкихъ, угорскихъ и турецкихъ современными Поляками, допускаетъ слова „Русскихъ (Moschos) и другихъ народовъ, которые употребляютъ славянское, не слишкомъ отличающееся отъ нашего, нарѣчіе“¹). Господствовавшее по этому предмету въ Польшѣ XVI вѣка мнѣніе высказывается особенно хорошо въ одномъ замѣчательномъ памятникѣ того времени: „Дворянинъ польскій“²). Въ немъ, въ формѣ разговора между двумя шляхтичами, представляется руководство и образецъ для поведенія совершеннаго шляхтича. Между прочимъ, разсуждаю о польскомъ языкѣ и стилѣ, шляхтичи спрашиваютъ:

«Такъ какъ нашъ польскій языкъ не особенно совершенъ, какии же языкомъ дворянинъ долженъ его пополнять: чешскимъ ли, русскимъ, или хорватскимъ, или славянскимъ, и дозволяется ли ему воскресить давнія, такъ—сказать, умершія слова, если бы которое изъ нихъ пригодилося? Кромѣ того, желательно впасть — который изъ всѣхъ родственныхъ намъ языковъ — самый красивый».

На этотъ вопросъ получаютъ слѣдующій отвѣтъ:

«Чтобъ удовлетворить вашему требованію, скажу свое мнѣніе о тѣхъ и другихъ языкахъ. Но я долженъ начать немножко издалека. Впервыи, знайте, что нашъ языкъ самъ по себѣ нѣ старъ, хотя Поляки уже давно говорятъ на немъ, но ро-

¹) *Shesaurus polono-latino graecus* (Crac., 1621, предисловіе).

²) Łuk, Górnicki. *Dworzani polski* (Краковъ, 1566, изд. *Туровскаго*, стр. 43—49). Здѣсь приводимъ мѣста, касающіяся всѣхъ славянскихъ языковъ; мѣсто о чешскомъ языкѣ см. ниже въ отдѣлѣ: Чехи и Поляки.

дился не очень давно изъ славянскаго. Ибо всѣ эти языки, польскій, чешскій, русскій, хорватскій, босенскій, сербскій, рацскій, болгарскій и другіе — были прежде однимъ языкомъ, какъ и одинъ народъ, славянскій. Есть, конечно, и другіе, которые говорятъ, что и народъ, и языкъ русскій, вѣролатно, самый древній, и что только отъ Руси произошли Славяне, названные отъ славы, такъ какъ мужественно вели себя; но объ этомъ, по причинѣ давности, не можемъ приобрести вѣрныхъ свѣдѣній; кромѣ того, считаю надлиншимъ дѣломъ, это теперь разбирать. Довольно того, что большое число лѣтописцевъ согласно въ томъ, что Славянскій народъ между тѣми, которые я привелъ, есть самый первый. Стало быть, изъ этого народа, когда одни переселились въ одну сторону, а другіе въ другую, вышло и то что изъ одного языка рѣдилось много разныхъ языковъ. Въ то время, по причинѣ незнанія ни письма, ни наукъ, была большая грубость какъ въ самихъ людяхъ, такъ и въ ихъ языкахъ, и только когда Волгаре, записывали буквы отъ Грековъ, и прибавивъ нѣсколько отъ себя, а другія измѣнявъ, стали кое-какъ писать, то трудомъ своимъ дошли со временемъ до того, что перевели много священныхъ книгъ съ латинскаго и греческаго на свой языкъ. Поэтому этотъ языкъ долженъ быть гораздо богаче нашего, такъ какъ на немъ писали раньше, чѣмъ у насъ. Отъ Болгаръ потомъ привили письмо Рацы, Сербы и Русь и другіе. Потомъ изобрѣтено уже болѣе изящное чешское письмо изъ латинскихъ буквъ; вѣролатно, это произошло потому, что Чехи сосѣдятъ съ народами негрубыми; они сразу стали говорить лучше, чище, красивѣе, соблюдая какое-то протягиваніе въ словахъ, подобно латинскому ударенію; поэтому они и приобрѣли себѣ такую славу у насъ, что ихъ языкъ считается красивѣе нашего. Можетъ-быть, онъ богаче нашего, такъ какъ до Чеховъ раньше дошло письмо и наука, но что касается красоты — это еще не рѣшенное дѣло.

Итакъ, когда дворянину не хватить польскихъ словъ, то онъ хорошо сдѣлаетъ, если позаимствуетъ изъ чешскаго скорѣе, чѣмъ изъ другихъ, потому что этотъ языкъ у насъ общепринятый (wzięty) и считается самымъ красивымъ. Такимъ образомъ, польская рѣчь приобретаетъ себѣ большую силу, по мнѣнію общества, которымъ человекъ всегда долженъ руководствоваться. Но еслибы попалось какос-нибудь чешское слово болѣе трудное, и вмѣсто того, для Поляка было бы понятнѣе русское, хорватское или сербское слово, то въ такомъ случаѣ дворянинъ поступить лучше, если выберетъ изъ этихъ другихъ болѣе легкія и лучшія слова и отброситъ чешское. Но все это предоставляется его собственному усмотрѣнію, чтобы сообразить, которое слово больше подходитъ къ польскому слуху, которое яснѣе, которое точнѣе опредѣляетъ данную вещь».

Совѣтуя принимать также слова древнепольскія, конубскія и прусскія, авторъ кончаетъ такъ:

«Который изъ этихъ языковъ, которые произошли изъ славянскаго, красивѣе всѣхъ — не знаю: какъ отгадать, ибо въ этомъ дѣлѣ не полагаюсь только на себя. Чешскій языкъ красивъ, но какъ будто немножко извѣжженный (riesz-szasy) и мужчннѣ мало идущій; русскій же суровъ; рацскій, сербскій, хорватскій, болгарскій имѣютъ уже что-то языческое, такъ какъ они уже заразились отъ Турокъ; нашъ польскій кажется труднымъ, какъ будто бы у человека полощъ ротъ, и онъ говорить на силу. Да, не знаю, какъ это рѣшить».

Итакъ, мы видимъ, что о преимуществахъ разныхъ славянскихъ языковъ польское общество въ XVI столѣтїи толковало такъ, какъ часто случается и теперь у всѣхъ Славянъ. Но и теперь, и всегда на такой вопросъ останется только отвѣтить вмѣстѣ съ почтеннымъ паномъ Крыскимъ: „Не знаемъ, чтѣ тутъ сказать; это дѣло вкуса“.

Какъ издатели чешскихъ книгъ разчитывали на болѣе широкій кругъ читателей въ разныхъ славянскихъ земляхъ, такъ и издатели польскихъ книгъ надѣялись найдти имъ сбытъ и у другихъ славянскихъ народовъ, какъ это и было особенно въ польско-литовской Руси. Такъ думали лексикографы Мончинскій и Кнаускій, какъ выше сказано; равнымъ образомъ, и издатели знаменитой польской Библии, такъ-называемой Радзивилловской или Брестской (1563 г.), обращаются ко всѣмъ Славянамъ. „Какъ жидовскіе священники“, говорится въ этой библии, — „собирали свой народъ звукомъ трубъ, такъ и теперь три трубы (гербу) знатнаго князя Николая Радзивилла изъ Литовскаго княжества трубятъ для всѣхъ людей языка славянскаго, чтобъ они охотнѣе сбѣжали къ Божьему слову“¹⁾. Польскія книги посвящались не только „наивнѣтнѣйшимъ и наидревнѣйшимъ народамъ короны польской, но и всѣмъ другимъ народамъ славянскаго языка“²⁾.

4. Славянское сознаніе у польскихъ поэтовъ.

Славянское сознаніе является не только въ научной литературѣ польской, въ исторической, политической и филологической, но оно сильно господствуетъ и въ изящной литературѣ, въ поэзіи польской XVI и XVII вѣковъ. Въ этомъ отношеніи польскіе поэты соперничаютъ съ югославянскими: Кохановскій, Гроховскій, Коховскій сознаютъ себя такими же славянскими поэтами, какими и Гундуличъ, Палмотичъ, Діордичъ.

Польскіе поэты того времени призываютъ „славянскую музу“, „славянскую Сафо“, „славянскую богиню“, чтобъ ихъ вдохновить. Они посвящаютъ свои „славянскіе стихи“, „Славянку въ польской одеждѣ“, „славянскія свои Камени“, „славянскую Калліопу, прибывшую на сѣверъ, гдѣ жилъ славный славянскій богатырь Лѣхъ“ и проч. своимъ друзьямъ и покровителямъ. Они воспѣваютъ разныя событія, ожидая одобренія не только со стороны сыновей Лѣха, но и каждаго истин-

¹⁾ Эта библия нашла себя сбытъ и въ Московской Руси.

²⁾ Такъ, напримѣръ, Демболовцкій посвящаетъ свое фантастическое сочиненіе «Wywod jedynowsta, nego państwa świata», о которомъ см. выше.

наго Славянина. Они славятъ знаменитыхъ Поляковъ, „славянскихъ богатырей“ (Замойскаго, Мнишеа), „славянскаго Геркулеса, происходящаго изъ племени Лѣха славянской крови“ (Гербурта), „славянскаго Улисса“ (Геронима Ласкаго), „славянскаго Гектора“ (Станислава Любомирскаго), „славянскаго Эпимнонда“ (Карла Ходкевича), „славянскаго Сцевола“ (Голубка) и проч. Іоаннъ Кохановскій величается „славянскимъ соловьемъ“ и восхваляется, что онъ „славянскими словами приблизился къ арфѣ Давида“; Мясковскій называется „украшеніемъ языка и славы славянской“, Самуилъ Твардовскій — „славянскимъ Вергилиемъ, о которомъ Славянскіе народы не спорятъ, какъ Греческія племена о Гомерѣ, такъ какъ онъ изъ Великой Польши“; Шимоновичъ соперничаетъ съ Вергилиемъ „въ славянскомъ языкѣ“, и проч. Польскіе поэты, восхваляя другія произведенія польской литературы, славятъ ихъ и какъ плоды „славянскіе“ и рекомендуютъ ихъ читателямъ, какъ изданія, приносящія пользу языку славянскому, славному, обширному, стародавнему, на которомъ говорятъ Чехи, Поляки, Москва, Русь, Хорваты, Славяне (то-есть, южные), Далматы, Рацы, Сербы и другіе славные народы. и на которомъ выходитъ много знаменитыхъ сочиненій; радуются, что нашъ сармитскій языкъ не бѣденъ разными отраслями литературы, и что славянская муза удостоила эти произведенія вѣчной славы. которая будетъ продолжаться, пока будутъ существовать потомки славнаго Лѣха.

Польскіе поэты, воспѣвая славныя дѣла своего народа, „знатнѣйшихъ Славянъ“, „потомковъ славянскаго Лѣха“, живущихъ по холодной Вислѣ, по Днѣстру и подъ старыми сѣдими Таграми, подвиги „славянскихъ богатырей и славянской молодежи“, погружаются и въ давнія времена единства всѣхъ Славянъ, изъ которыхъ происходятъ Поляки, залетаютъ въ мнимую прародину Лѣха, въ юго-славянскую Хорватію, Далмацію и Иллирію, гдѣ до сихъ поръ живутъ наши братья, наши кровные, и надѣются, что наши внуки освободятъ ихъ отъ чужой власти“. И когда польскіе пѣвцы умолкаютъ навсегда, то ихъ могилы обвиняютъ музы „славянскимъ илющемъ“¹⁾.

¹⁾ Считася излишнимъ подробно приводить всѣ эти мѣста. Мы ихъ собрали изъ стихотвореній Якова Любельчика (въ словарѣ Мончинскаго 1564), Кохановскаго 1584, Eleg. I, 6 Zgoda). Гроховскаго (Kalliopea Słowieska, 1587, разные Pieśni, 1606), Витковскаго (Sapho Słowieska na grzmotną sławę zwycięstwa Smoleńskiego, 1611), Мясковскаго (Hercules Słowieski, 1612, zbiór rytmów, 1622). Сарбевскаго (Odnę II, 23), Твардовскаго (Legasya Zbaraskiego, 1639), Обозми-

Славянская идея вдохновляла и первого пѣвца польскаго Іоанна Кохановскаго. „Соловей славянскій видитъ“ давніе зачатки и славные во всемъ свѣтѣ подвиги славянскіе. Амазонки приходятъ въ Скиѳію, и отъ нихъ рождаются воинственные Савроматы и распространяются въ Азію и въ Европѣ. Они видны при высокой горѣ Прометейя, они видны и съ другой стороны при Ледовитомъ морѣ, и пограничныя римскіе орды пугаются ихъ, ибо они знаютъ дорогу и черезъ великій Дунай. Вотъ Венеты, по которымъ названо Венетское море; вотъ Россаны, по которымъ назвался Русскій народъ; вотъ Ляксы, по которымъ назвались Ляхи; вотъ могучіе Цеки, по которымъ называются нынѣшніе Чехи ¹⁾. Вотъ Болгаре, которые плывутъ впередъ по Дунаю; послѣ нихъ дѣльные Словѣне, одного съ ними рода; потомъ Сербы, потомъ Алты, за ними Воспики и воинственныя Хорваты съ своими знаменами. Противъ нихъ императоры выставляють со всѣхъ сторонъ войска, которые однако предаются бѣгству, не будучи въ состояніи удержать ихъ напоръ. Народъ Славянскій оперся о самый Адриатическій берегъ. Посмотрите, какъ опасаются: въ одной рукѣ — неизбежное оружіе, въ другой — гладкая лопаточка, одни по всѣмъ сторонамъ стоятъ бдительно на стражѣ, другіе строятъ оборонительныя стѣны. Нѣкоторые же обратились на западъ солнца и поселились за глубокими водами холодной Лабы. Такъ одинъ народъ завладѣлъ почти всѣми землями, которыми Богъ окружилъ троекимъ Нептуномъ. Потомъ Борей несетъ Оритію, и гдѣ-бъ онъ ни прошелъ, видны его слѣды въ лѣсу: вырванныя сосны, поваленныя дубы и рѣвки, подернутыя ледянными мостами. Это сказаніе, либо за правду выдаваемое (ибо кто этого не помнитъ), либо просто вымышленное, значило, что спусти много лѣтъ встанетъ народъ съ полнощи, силы котораго не одолѣетъ южная страна:

«Za laty miał wstać lud z północy,
Którego kraj południ nie miał zdołać mocy» ²⁾.

скаго (Pandora starożytna monarchów polskich, 1641). Гавинскаго (Sielanki, 1650), Зяковича (Sielanki, 1663), Коховскаго (Lyrika polskie, 1674, Psalmodya polska, 1695), и др.

¹⁾ Сравни выше мѣтніе Кохановскаго о Ляхахъ и Чехахъ.

²⁾ Въ стихотвореніи «Proroczek albo hold pruski» (то-есть, Альбрехта Прусскаго на сеймѣ въ Люблинѣ 1569 года), въ полномъ собраніи сочиненій Кохановскаго (Jan Kochanowski, Kraków 1885, 172—173). На знамени прусскаго князя *иногда видятъ изображеннымъ все имъ сказанное.

На славянскія страны, южныя и восточныя, обращаетъ вниманіе своихъ земляковъ еще въ половинѣ XVII вѣка поэтъ Гавинскій. Жалуясь на недостатокъ дѣльныхъ людей въ тогдашней Польшѣ, онъ убѣждаетъ, что еслибы въ ней были такіе люди, то отечество не только бы не погибло, но еще думало-бы и объ освобожденіи земель на Дунаѣ и на Босфорѣ, гдѣ теперь пахнетъ невольникъ плодородныя поля тяжелымъ плугомъ, и гдѣ свирѣпствуютъ гордые язычники; оно соединило бы побѣдоноснымъ походомъ горы Карпатскія съ Родонскими во Оракію, и достигнувъ даже до великой Волги, привело-бы ее къ порогу родной Вислы ¹⁾.

И. Первольфъ.

¹⁾ Bielanki nowe, ze star. rękop. wyd. Żegota Pauli (Lwów 1843, p. 34).

(Продолженіе будетъ).

НАША ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

III.

«Школьная жизнь». Еженедельный педагогический журнал, издаваемый в *Столыпинских*. Первый годъ (учебный) 1879/г. Сиб.

Съ появленіемъ новаго педагогическаго органа, естественно возникаетъ прежде всего вопросъ объ его цѣли, направленіи и тѣхъ задачахъ, которыя онъ намѣревается выполнить. Такъ какъ всякій журналъ долженъ отличаться внутреннимъ единствомъ (иначе онъ былъ бы сборникомъ разнородныхъ статей, а отнюдь не журналомъ) и это послѣднее обуславливается воззрѣніями его редакціи, то не излишне предварительно охарактеризовать то педагогическое сѣдо, которымъ заявилъ себя въ печати г. редакторъ „Школьной жизни“ до изданія предпринятаго имъ журнала.

„Извѣстность“ приобрѣлъ г. Столыпинскій въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ обществѣ, которое предложило ему взять пазадъ его тезисы, заслушанные уже въ засѣданіи, такъ какъ они оказались до такой степени странными и противными элементарнымъ началамъ педагогическимъ, что обсуждать ихъ было признано положительно невозможнымъ. Кромѣ того, г. Столыпинскій издалъ нѣсколько „Солдатскихъ азбукъ“, написалъ и руководство для солдатскихъ учителей; но эта сфера ему показалась тѣсною. Онъ задумалъ обратить свою просвѣдительную дѣятельность не только на образованіе народныхъ массъ, но и на подготовку наставниковъ для народа. Для первыхъ онъ издалъ нѣсколько видоизмѣненную „Солдатскую азбуку“ подъ именемъ „Народной“¹⁾, а для вторыхъ предпринялъ издавать журналъ „Школьную жизнь“.

---

¹⁾ Азбука эта замѣчательна тѣмъ, что представляеть въ основѣ своей и методѣ почти дословное сходство съ «Букваремъ для народныхъ школъ», изд. г. Державинымъ и появившимся гораздо раньше. На «Букварѣ» значится, что
часть CLXXV, отд. 3.

Конечно, мы не будемъ излагать обстоятельно всё воззрѣніе г. Столпянскаго — это завлекло бы насъ слишкомъ далеко, а упомянемъ лишь о тѣхъ его принципахъ, которые касаются элементарнаго обученія, слѣдовательно, такъ или иначе могли бы имѣть мѣсто и въ школьной жизни. Для этой цѣли считаемъ достаточнымъ взять его „Руководство для учителей“ (Спб. 1870 года, 2-е изд.).

Учитель, по понятіямъ автора, есть не болѣе, какъ слѣпой исполнитель составленнаго имъ руководства. Г. Столпянскій постоянно напоминаетъ ему, чтобы онъ буквально и съ точностію выполнялъ всё приемы „Руководства“, держась строго даже порядка, въ какомъ они тамъ изложены. При этомъ, не разумѣя значенія и существа педагогическаго метода, онъ полагаетъ все дѣло въ приемахъ, которые своимъ обиліемъ, своимъ антипедагогическимъ характеромъ, способны только подавить всякое естественное развитіе учащихся, а преподавателя обратить въ машину. Безусловно вѣря въ свой пресловутый методъ, г. Столпянскій не допускаетъ и мысли, чтобы въ немъ самомъ могли заключаться промахи и причины неуспѣха; если будетъ неуспѣхъ, то онъ приписываетъ это лишь „невниманію и нестаранію учителей, которые не вполнѣ буквально, не всё приемы и не въ томъ порядкѣ, какой имъ указанъ, приимѣняютъ въ школѣ“ („Руковод.“, стр. 3—4).

Но что же это за методъ, въ непогрѣшимости котораго такъ твердо увѣренъ авторъ?

Въ сущности, метода, понимая это выраженіе въ его истинномъ смыслѣ, у г. Столпянскаго никакого нѣтъ; все у него нахватаю изъ разныхъ княжскъ, спито изъ чужихъ доскутовъ; чтобы охарактеризовать форму его обученія, приведемъ нѣкоторые примѣры. Такъ, напримѣръ, при изученіи азбуки, г. Столпянскій для каждой буквы назначаетъ 5 ступеней, причемъ 1-я ступень имѣетъ 7 приемовъ; 2-я—тоже 7, третья—2, четвертая—5, пятая—опять 7. Если принять во вниманіе, что въ русской азбукѣ 35 буквъ, то легко видѣть, какой громадный трудъ возлагаетъ авторъ на учителей и учащихся. Въ чемъ же состоятъ эти приемы, спроситъ читатель, озадаченный ихъ количествомъ? Они состоятъ изъ разныхъ манипуляцій: гдѣ книжку раскрыть, гдѣ черкнуть, гдѣ рукой махнуть, гдѣ „кричать“ всему классу, и проч. Вотъ, напримѣръ, какіе „приемы“ должны

онъ «составленъ сообща нѣсколькими учителями». Какъ произошло, что составленное «многими» обратилось въ трудъ одного — мы рѣшать не можемъ.

быть обязательно выполняемы на 2-й ступени при изученіи *всякой* буквы: „1) раскрыть азбуку; 2) сколько кружковъ написано на первой строкѣ; 3) какъ написанъ первый кружокъ; 4) какъ написанъ второй кружокъ; 5) зачѣмъ второй кружокъ перечеркнуть въ трехъ мѣстахъ; 6) откуда начали писать второй кружокъ; 7) кружокъ этотъ называется О“¹⁾). Если въ приведенной выпискѣ читатели найдутъ недостатокъ связи, вообще простаго смысла, то мы можемъ только отвѣтить, что выписали дословно всю тираду. Вотъ что заставляетъ г. Столпянскій продѣлывать каждый учителя. Въ этомъ отношеніи онъ такъ строгъ, что предлагаетъ даже учителямъ „варубить изобрѣтенныя имъ правила *на-носѣ!*“²⁾). Вообще, перечитывая удивительныя его произведенія, мы всегда встрѣчали въ нихъ столько диковинъ, что и перечестъ ихъ трудно. Такъ, напримѣръ, объясняя сущность обученія грамотѣ, онъ пресерьезно убѣждаетъ учителей, что они должны научить своихъ учениковъ „слышать звукъ глазами“. Конечно, это тоже, что выучить кого-либо читать ушами, чему еще не было примѣровъ, но г. Столпянскаго это не устраиваетъ. „И знаю“, говоритъ онъ, „что такая работа трудна, трудна почти точно также, какъ трудно писать ногою вмѣсто руки, или ходить на рукахъ вмѣсто ногъ“ но нужно заставлять (sic) учащагося приобрести привычку слышать звукъ глазами“³⁾). Мы не кончили бы, если бы захотѣли выписывать всѣ знаменитыя „открытія“, которыми прославился нашъ авторъ.

Вотъ почему, зная педагогическія воззрѣнія г. Столпянскаго, мы съ тяжелымъ чувствомъ принялись за пересмотръ новаго педагогическаго изданія „Школьная жизнь“.

Къ счастью, пересматривая „Школьную жизнь“ за первый годъ, мы нашли, что хотя изданіе это и называется „журналомъ“, но въ немъ нѣтъ и признаковъ какого-либо направленія, единства воззрѣній, системы и проч.; это—просто сборникъ разнаго рода статей и статейекъ, безъ всякой связи между собою, являющихся въ свѣтъ совершенно по случайной прихоти, такъ что изданіе это было бы гораздо приличнѣе назвать „*Mixtum compositum*“.

Съ цѣлью распространить свое изданіе по народнымъ школамъ, г. Столпянскій употребилъ нѣкоторую хитрость. Именно, онъ во-

¹⁾ Руков. для учителей, 1870 г., стр. 21.

²⁾ «Руковод.», стр. 22, 30 и др.

³⁾ «Руковод.», стр. 17—18.

шелъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбой одобрить программу задуманнаго имъ журнала. Министерство, рассмотрѣвъ программу, дало отзывъ, что „разработка этой программы можетъ принести пользу дѣлу народнаго обученія“, — отзывъ, помѣщенный г. Столпянскимъ въ объявленіи о подпискѣ на „Школьную жизнь“. Всякій можетъ видѣть, что въ приведенныхъ словахъ отзыва высказано только признаніе пользы *разработки* представленной программы, разумѣется, въ томъ предположеніи, что разработка будетъ серьезная, толковая. Программу министерство не могло не одобрить, потому что въ ней заключались только рубрики, категоріи, общія понятія. Но г. Столпянскій дѣло поставилъ иначе. Крупнымъ шрифтомъ и на видномъ мѣстѣ печатаетъ онъ, что журналъ его издается „по программѣ, одобренной и признанной полезною ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія“. Такъ какъ одобреніе это печатается и на оберткахъ журнала, и въ объявленіяхъ, то естественно, что многіе изъ выписывающихъ учебныя пособия для школъ сочли „Школьную жизнь“ *одобренною* для народныхъ училищъ, и дѣйствительно, намъ лично приходилось убѣдиться въ этомъ. Это видно даже и изъ заявленія самого г. Столпянскаго (въ № 6-мъ „Школьной жизни“), гдѣ онъ обращается съ просьбой „къ предсѣдателямъ земскихъ управъ, училищныхъ совѣтовъ, а также инспекторамъ народныхъ школъ оказать свое содѣйствіе учителямъ, принявъ на себя выписку его журнала“. Итакъ, г. Столпянскій, прежде всякаго рассмотрѣнія его журнала обыкновеннымъ порядкомъ, сумѣлъ распространить его по школамъ. Конечно, мы ничего бы не сказали противъ этого, еслибы журналъ былъ дѣйствительно полезенъ; но къ сожалѣнію, г. редакторъ сумѣлъ внести въ него элементы, прямо противныя здравой педагогикѣ и правильному развитію нашихъ школъ, нашего народно-учительскаго сословія.

Все содержаніе „Школьной жизни“ распадается на нѣсколько отдѣловъ, и мы постараемся рассмотреть каждый изъ нихъ по порядку.

Еслибы кто захотѣлъ судить объ изданіи г. Столпянскаго по количеству заглавій и разнообразію затронутыхъ въ немъ предметовъ, тотъ, безъ сомнѣнія, подумалъ бы, что изданіе это отличается весьма разнообразнымъ содержаніемъ. Но на самомъ дѣлѣ это было бы крайне ошибочно. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, г. редакторъ охватываетъ нѣкоторую практическую ловкость. Вы, напримѣръ, раскрываете статью „О программѣ для (sic) преподаванія рисованія въ

гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ школахъ“, думая найти въ ней какое-нибудь, конечно, самостоятельное сужденіе о дѣлѣ (повтореніе чужихъ мнѣній ни для кого не интересно). Оказывается, что вся „статья“ есть просто дословная перепечатка изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* программы рисованія, составленной при Академіи Художествъ и обнародованной, какъ officialный документъ. А у г. Столянскаго вышла изъ него „статья“, въ которой, кромѣ примѣчаній, ровно ничего нѣтъ своего отъ редакціи. Или васъ интересуеетъ, напримѣръ, вопросъ о школьной гигиенѣ: вы раскрываете статью „Взглядъ на школы въ гигиеническомъ отношеніи“. Если кто имѣлъ подъ руками „Вѣстникъ Ярославскаго Земства“, тотъ можетъ и не читать этой статьи, ибо она совершенно тождественна съ тою, которая напечатана въ „Вѣстникѣ“. Все различіе, при сравненіи ихъ, оказывается лишь въ томъ, что въ концѣ статьи г. Цирожкова (см. „Вѣстникъ“) поставлена точка, а въ перепечаткѣ у г. Столянскаго стоитъ знакъ восклицанія. Такимъ образомъ весьма значительная часть журнала „Школьная Жизнь“, особенно въ отдѣлѣ хроники и смѣси, состоитъ изъ перепечатокъ. Но и въ самостоятельныхъ статьяхъ читатель также можетъ быть введенъ въ заблужденіе ихъ заглавіями. Такъ статья „Строй обученія въ сельской элементарной школѣ“ („Школьная Жизнь“, № 1) прежде всего поражаетъ своимъ объемомъ. „Строй обученія“—дѣло обширное, серьезное, а передъ вами всего полторы странички! Начинаете читать—удивленіе возрастаетъ. Не ограничиваясь уже „строемъ обученія“, неизвестный авторъ задается задачей—уяснить *всѣ* стороны школы“, но въ замѣткѣ нѣтъ ровно ничего, кромѣ громкаго и заманчиваго заглавія.

Затѣмъ, вы встрѣчаете статью „Методика“, но и это произведеніе состоитъ только изъ трехъ страницъ. Трудно понять, какъ можно методику изложить въ такомъ объемѣ, и что за статья! Ни цѣли, ни плана, ни даже какого-либо содержанія, а только „взглядъ и нѣчто“. Начинается она, вѣроятно, по мнѣнію автора, никому невѣдомою мыслью, что „учитель долженъ служить примѣромъ для своихъ учениковъ всѣми своими поступками“, затѣмъ приводятся стихи изъ басни „Трудолюбивый медвѣдь“, напоминаетъ басня „Музыканты“, а дальше идетъ что-то объ учительскихъ семинаріяхъ, говорится, что „каждый изъ мыслителей поражается какою-нибудь новою мыслью, которая, вѣроятно, болѣе или менѣе (?) основана на фактахъ“, говорится, что „знаніе создается изъ единодушія не-

вѣждь (?), разногласія нвслѣдователей и единодушія знающихъ", что каждый предметъ „имѣетъ свою исторію“, причемъ здѣсь же излагается кстати и исторія обученія чтенію и письму (въ нѣсколькихъ строкахъ); далѣе приводится мысль Спенсера, что „зарожденіе знанія въ отдѣльномъ человѣкѣ должно слѣдовать тѣмъ же путемъ, какимъ слѣдовало зарожденіе знанія въ человѣчествѣ“ (?), „то-есть“, поясняетъ неизвѣстный авторъ, „воспитаніе ребенка какъ въ приемахъ (sic), такъ и въ распредѣленіи (чего?), должно согласоваться съ воспитаніемъ человѣчества, разсматриваемаго съ исторической точки вѣвнія“; подъ вонецъ авторъ замѣчаетъ, что „*сходоательно*, учитель долженъ изучать методы, пока не дойдетъ до естественнаго метода, ибо методъ природы, говоритъ Марсель (?), есть архитипъ всѣхъ методовъ“. Изъ этого анализа статьи о „Методикѣ“ можно видѣть, до какой степени она написана методично и сколько можно извлечь изъ нея полезнаго. И подобнымъ характеромъ отличаются почти всѣ статьи разбираемаго журнала, въ которыхъ идетъ рѣчь объ общихъ педагогическихъ или дидактическихъ вопросахъ. Исключенія существуютъ, но ихъ очень немного; притомъ же, въ большинствѣ они относятся лишь къ легкимъ замѣткамъ нѣкоторыхъ сотрудниковъ журнала. Такъ мы должны отмѣтить замѣтки „земскаго врача“ по гигиенѣ и физическому воспитанію. Отличаясь простотою и практичностью, они не безъ пользы могутъ быть прочитаны и школьными учителями; видно, что авторъ близко стоитъ у дѣла и хорошо его понимаетъ. Нѣкоторыя изъ педагогическихъ замѣтокъ г. Калиновскаго также заслуживаютъ одобренія, равно какъ и ишболншія замѣтки по начальному обученію г. Гасабова. Но лучшими статьями всего журнала должно признать статьи г. Грифцова. Ему принадлежатъ слѣдующія произведенія: „Элементарныя школы въ Швеціи“, „Администрація народныхъ школъ въ западной Европѣ“, „Система народныхъ школъ“, „Особые роды школъ, замѣняющихъ народную“, „Фабричный рабочій и школа для него, для его жены и дѣтей“, „Английскій рабочій и школа“. Всѣ эти статьи написаны толково, съ знаніемъ дѣла, обстоятельно. Правда, что иногда авторъ не выходитъ изъ предѣловъ перевода или компіляціи, но то и другое онъ выполняетъ очень добросовѣстно. Затѣмъ заслуживаетъ упоминанія статья г. Андреевскаго „О народныхъ читальняхъ“, — она представляетъ добросовѣстное и обстоятельное изложеніе сыраго матеріала по данному предмету, а потому можетъ быть полезнаю для справокъ. Что же касается педагогическо-церковно-историческихъ

статей г. Смѣлова, то онѣ вообще не вяжутся съ задачами и содержаниемъ журнала. Впервыхъ, педагогическаго въ нихъ очень мало; ввторыхъ, написаны онѣ тяжело, снабжены великимъ множествомъ цитатъ и вообще для чтенія весьма тяжелы; наконецъ, онѣ проникнуты какимъ-то мертвеннымъ характеромъ. Статьи эти—въ сущности компиляціи, очень напоминающія тѣ студенческія упражненія, которыя задавались прежде въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. Въ нихъ нѣтъ учености, но есть претензіи на нее; мы не преувеличимъ дѣла, если скажемъ, что подобныя произведенія останутся для народныхъ учителей безъ примѣненія и едва ли кто будетъ ихъ читать. Впрочемъ, онѣ свидѣтельствуютъ объ усердіи и начитанности автора.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ статей въ отдѣльности, по каждому изъ указанныхъ отдѣловъ.

Собственно по *педагогикѣ*, въ смыслѣ науки о воспитаніи, въ „Школьной жизни“ очень немного статей, да и тѣ какъ-то странно составлены,—ни въ одной изъ нихъ мы не нашли ни цѣли, ни плана, ни послѣдовательности. Образцомъ ихъ можетъ служить передовая статья отъ редакціи въ 1-мъ № журнала. Въ основу ея положено извѣстное изреченіе г. Пирогова, что задача воспитанія заключается въ томъ, чтобы сдѣлать дитя *человѣкомъ*: мысль теперь уже давно не новая и всѣмъ извѣстная. Можно было думать, что составитель статьи постарается хотя развить ее, выяснить, указать практическія мѣры къ ея осуществленію; но ничего этого нѣтъ, а между тѣмъ о чемъ только онъ не говоритъ? Тутъ фигурируетъ и „Новозеландскій дикарь, едва удалившійся (sic) отъ состоянія животнаго“, и Америка съ ея школами, и вся Европа; говорится и о „превращеніи болотъ въ роскошныя (sic) пажити“, и о послѣдней франко-прусской войнѣ, о „ненормальностяхъ (sic), препятствующихъ прочной органической связи школы съ обществомъ“, и пр. Словомъ, авторъ всего коснулся и ничего не сказалъ, такъ что по прочтеніи статьи выносишь только тяжелое чувство утомленія, тѣмъ болѣе, что статья написана высокопарно и читается съ трудомъ, не смотря на свой небольшой объемъ.

„Дѣтскія игры и значеніе ихъ въ дѣлѣ воспитанія“ г. Калиновскаго представляетъ компиляцію, въ которой можно замѣтить одинъ недостатокъ: педагогическое значеніе игръ въ статьѣ этой нисколько не выяснено. Но хорошо и то, что авторъ приводитъ нѣкоторыя игры, которыми учителя могутъ воспользоваться. Между прочимъ, въ

первой статьѣ своей г. Калиновскій упоминаетъ имена Анаксагора, Платона, Аристотеля, какъ будто въ самомъ дѣлѣ дѣтскія игры интересовали этихъ философовъ! Конечно, приписываемыя имъ авторомъ мнѣнія заимствованы изъ какой-нибудь книжки, но еслибы самъ г. Калиновскій попробовалъ провѣрить эти мнѣнія, то онъ не рѣшился бы приводить этихъ философовъ, какъ защитниковъ дѣтскихъ игръ. Иное дѣло игры составительныхъ взрослыхъ, на нихъ обращались взоры всѣхъ Грековъ, а о дѣтскихъ играхъ въ то время еще не заботились. Далѣе авторъ говоритъ, что „многіе завоеватели (Римляне, Наполеонъ) внесли въ покоренныя ими страны, вмѣстѣ съ языкомъ, нравами и болѣзнями, и дѣтскія игры“. Любопытно было бы знать, какия это дѣтскія игры внесъ Наполеонъ въ покоренныя имъ страны? Наконецъ, нельзя не замѣтить, что вся статья составлена очень поверхностно, но съ большими претензіями. Между прочимъ, въ одной изъ статей своихъ г. Калиновскій пишетъ: „Мысль Платона — обратить игру дѣтей въ образовательное и неутомляющее занятіе — *стольно* осуществлена Фребелемъ“. Ужели въ самомъ дѣлѣ авторъ серьезно въ этомъ убѣжденъ? Что есть общаго между возрѣніями на жизнь, на человѣка, его воспитаніе и задачи, на психическій процессъ его развитія, у Платона и Фребеля?

Къ общепедагогическимъ статьямъ относится также и статья г. Бочкарева „Задачи школы“. Написана она высокопарно, поверхностно и отличается въ высшей степени странными возрѣніями на школу. Предметъ этотъ, столь обширный, трактуется въ ней всего на трехъ страничкахъ! Конечно, въ такомъ объемѣ нельзя сказать о немъ ничего, кромѣ общихъ фразъ, — но какия фразы! „Семь тысячелѣтій“, торжественно начинаетъ авторъ, „живетъ человечество, развиваясь *постепенно* какъ ребенокъ: то идя впередъ съ неизмѣрною быстротою, то останавливаясь вслѣдствіе болѣзней вѣка“ . Въ этихъ строкахъ поражаютъ насъ два новыя открытія. Во-первыхъ, *постепенность* заключается въ томъ, чтобы то „идти впередъ съ неизмѣрною быстротою“, то „останавливаться“; во-вторыхъ, въ развитіи ребенка соблюдается новооткрытая „постепенность“, причѣмъ „остановки“ совершаются „вслѣдствіе болѣзней вѣка“ (?). Дальше говорится, что человѣкъ, „открывая таинственную завѣсу природы“, вездѣ побывалъ и вездѣ совершаетъ открытія. „Кто бы“, восклицаетъ авторъ, *сотню* миль назадъ тому повѣрилъ, что возможная вещь — воздухоплаваніе?... Переходя къ задачамъ школы, онъ находитъ, что „воспитаніе (а не обученіе?) должно давать средства къ изученію и

просмотру (sic) *пройденнаго, прожитаго человечеством*". Итак, отнынь наши школьники будут уже подвергать не только изученію, но и *просмотру* нѣчто „пройденное и прожитое человечеством". А такъ какъ человечество прожило очень много (за семь тысячелѣтій), то вѣроятно, грамотѣ ребятамъ будетъ уже учиться не досугъ. Авторъ разсматриваемой статьи ставитъ ребенку широкія задачи. „Что можетъ быть естественнѣе", говоритъ онъ далѣе, „если новый человѣкъ (то-есть, едва родившійся на свѣтъ Божій ребенокъ?) захочетъ знать: гдѣ я? и кто я? Иначе гдѣ же отличіе (кого?) отъ животнаго?" И такъ вотъ какіе вопросы предлагаются на рѣшеніе нашимъ сельскимъ школарамъ. Но автора ничто не стѣсняетъ. „Школа", добавляетъ онъ съ замѣчательнымъ мужествомъ, „должна ознакомить *новаго члена человечества со всѣмъ тѣмъ, что до него добыто разумомъ*". Не правда ли, что все это — вполне оригинальныя открытія? Мы не говоримъ уже о русской литературѣ, но просмотрите всю педагогическую литературу заграничную, и можно ручаться, что ничего подобнаго вы въ ней не встрѣтите. Простой умъ читателя смущенъ предъ великостію задачъ, которыя ставитъ журналъ г. Столянскаго нашей школь; невольно является сомнѣніе, возможно ли осуществить эти задачи, не спрашивая уже о томъ, полезны онѣ, или нѣтъ? Г. Бочкаревъ категорически рѣшаетъ это затрудненіе. „Пусть онъ (то-есть, новый членъ человечества) узнаетъ *одни верхушки* (sic), — все лучше, чѣмъ ничего. И почему знаніе *верхушекъ считается предосудительнымъ*? Намъ часто случалось и слышать, и читать презрительные укори: „это верхоглядъ, набралъсь верхушекъ... хватаютъ вершки". Скажите, кто же это вы, изучившіе всѣ корни и постепенно дошедшіе до верхушекъ?" Нужно ли прибавлять что-нибудь къ этимъ мудрымъ словамъ? „Вотъ задача школы", продолжаетъ авторъ: „передать учащемуся *результатъ всѣхъ знаній*, до которыхъ дошли люди (слава Богу, что еще и не всѣ тѣ, до которыхъ люди не дошли), и по возможности познакомить учениковъ со способами, съ путемъ изслѣдованія". „Лишь бы извѣстенъ былъ центръ, а радіусы не трудно провести по линейкѣ". „Если вы умѣете воспитывать, то передавайте *всѣ свѣдѣнія, которыми владеете*"¹⁾ и проч. Итакъ, вотъ взглядъ на школу и ея задачи, который пропагандируется въ „Школьной жизни"! Глазамъ не вѣришь, встрѣчая всѣ эти чудеса. Не забудемъ, что задача „Школьной жизни" — „содѣй-

¹⁾ Ibid, стр. 312.

ствовать самообразованію учителей народныхъ школъ"; не забудемъ, что на печатные труды въ провинціяхъ смотрятъ съ благоговѣніемъ; не забудемъ, что журналъ выписывается въ школы на трудовыя деньги народа: что же вынесетъ учитель изъ этого „органа для его самообразованія?" Что если онъ, слѣдуя совѣтамъ „Школьной жизни", вмѣсто ученья станетъ ознакомлять „новыхъ членовъ человѣчества" съ результатами всѣхъ наукъ, со всѣмъ, что пройдено и пережито человѣчествомъ, если онъ станетъ воспитывать дѣтей на верлушкахъ, или говоря языкомъ г. Бочкарева, „проводить радіусы по линейкѣ"? Во что обратится тогда народная школа? Какой сумбуръ будетъ въ головѣ бѣднаго учителя? Да, мы положительно признаемъ вреднымъ для развитія школьнаго дѣла распространеніе приведенныхъ негѣностей, изложенныхъ притомъ столь докторальнымъ тономъ....

По дидактикѣ и училищевѣденію хотя въ журналѣ г. Столянскаго и нѣтъ ничего цѣльнаго, на чемъ можно было бы остановить серьезное вниманіе, но есть нѣсколько замѣтокъ практическаго характера, не лишннихъ для начальнаго учителя. Такъ „Первый день въ школѣ" г. Ипполитова, хотя представляетъ вариациі на тему довольно уже избитую, но обнаруживаетъ въ авторѣ доброе намѣреніе—выпустить учителямъ „любовь и вротость" въ обращеніи съ дѣтми. „Значеніе сязокъ въ элементарномъ образованіи" Е. Прилежаева—тоже статья удобочитаемая, хотя и она представляетъ повтореніе тѣхъ идей, которыя давно уже высказаны были гг. Ушинскимъ, Водовозовымъ и др. педагогами. Статья „Объ организаціи и средствахъ начальныхъ народныхъ училищъ", занимающая менѣе двухъ листиковъ, состоитъ частію изъ фразъ, ничего не выражающихъ, частію изъ фактовъ, ничѣмъ не связанныхъ, внятыхъ на удачу. Довольно связать, что здѣсь говорится о Ярославѣ Мудромъ, о Петрѣ I, объ арифметическихъ школахъ, о Янковичѣ Миріево, о невѣжествѣ нашего народа, объ инспекціи, учительскихъ семинаріяхъ, государственномъ бюджетѣ и о прочемъ. Статья „Учительскіе съѣзды и курсы" показываетъ, что авторъ ея совершенно не уяснилъ себѣ дѣла, о которомъ трактуетъ. Сказавъ, что наши учительскіе съѣзды и курсы появились недавно, онъ замѣчаетъ, что „они не представляютъ изъ себя *того, какими (!)* являются учительскіе съѣзды въ западной Европѣ." Тамъ „на съѣздъ собираются учителя не десятками, а сотнями, тысячами". Странное сопоставленіе двухъ явленій, совершенно различныхъ. Цѣли „съѣздовъ" на западѣ и у насъ совершенно инныя. Въ то время, какъ въ Германіи, напримѣръ, на съѣздахъ обсу-

даются вопросы въ родѣ того, „какъ воспитывать истинныхъ патриотовъ и школу сдѣлать орудіемъ политической пропаганды“, у насъ полуграмотные учителя собираются, чтобы хотя нѣсколько пополнить пробѣлы своихъ знаній и узнать, какъ слѣдуетъ дѣтей учить грамотѣ. Статья „О методикѣ счета“ представляетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, весьма любопытную и занимательную вещь. Вотъ, напримѣръ, что говорится въ ней: „Историческое раскрытіе единицъ мѣры длины, вѣса, объема, цѣнности должно *предшествовать изученію существующихъ, принятыхъ единицъ* (читаетъ, дѣти отнынѣ будутъ уже начинать не съ наглядныхъ мѣръ — аршина, четверти, фута, а сперва должны изучить „историческое раскрытіе единицъ“?) для того, чтобы дѣтское наблюденіе касалось *всѣхъ сторонъ* дѣтской жизни (этого мы уже рѣшительно не въ состояніи понять) и на *этомъ* (?) самонаблюденіи построить (кто же это будетъ строить? малолѣтніе дѣти?) дальнѣйшее систематическое изученіе счета“... А вотъ взглядъ автора на значеніе сдѣланнаго имъ открытія относительно „историческаго раскрытія единицъ“. „Различныхъ руководствъ, какъ для учителей, такъ и учениковъ, особенно много, и сдѣлать выборъ лучшаго руководства особенно трудно, а *потому не касаясь ни одного*, какого бы то ни было, руководства, выяснимъ происхожденіе математики, какъ науки, чтобы дойти до естественнаго метода“. Въ чемъ же состоитъ этотъ естественный методъ? А вотъ въ чемъ: „Дѣти“, говоритъ авторъ, „научены считать живнію, но они дѣлаютъ это, не провѣряя себя, какъ это они дѣлаютъ, не наблюдая надъ своею работою“. По истинѣ первобытный способъ изъясненія методики. Но авторъ убѣжденъ въ важности сдѣланнаго имъ открытія: „Такой *путь установка* (это любимое выраженіе въ журналѣ г. Столпянскаго) умѣнія считать долженъ имѣть мѣсто не только въ дѣтскихъ элементарныхъ школахъ, но и въ элементарныхъ школахъ для взрослыхъ“. Спрашиваемъ еще разъ, что вынесутъ учителя изъ вышеприведенной статьи? Не послужитъ ли она скорѣе для затмѣнія ихъ умовъ, не собьетъ ли она съ толку неопытныхъ? Вотъ о чемъ слѣдуетъ подумать.

Кромѣ общихъ дидактическихъ статей, подобныхъ вышеприведенной, въ „Школьной жизни“ помѣщаются также разнаго рода „уроки“, примѣрные и не примѣрные. Въ распредѣленіи ихъ не видно никакого плана и сама редація смотритъ на нихъ весьма оригинально. Такъ, помѣщая „Уроки грамматики въ начальной школѣ“ г. Бочкарева, она дѣлаетъ замѣчаніе: „Помѣщаемъ эту статью для того, чтобы показать, какъ ведутся такіе уроки въ разныхъ школахъ и вмѣстѣ

вызвать гг. учителей на обмѣнъ своихъ взглядовъ и сужденій". Но сама редація признаетъ ли эти уроки образцовыми, или помѣщаетъ ихъ, какъ примѣры промаховъ, возможныхъ при обученіи—неизвѣстно. Уроки сами по себѣ весьма не завидны. Разбирать ихъ было бы слишкомъ мелочно, замѣтимъ только, что всѣ они страдаютъ много-словіемъ и отсутствіемъ плана.

По *училищеводствѣ* укажемъ на статью: „Земскіе уполномоченные и инспекторы начальныхъ народныхъ училищъ“, которая есть ничто иное, какъ перепечатка постановленій Самарскаго земства и заявленія Чистопольскаго училищнаго совѣта; къ этому присоеди-нены собственные соображенія автора въ родѣ слѣдующихъ: „Эти заявленія двухъ земствъ весьма знамѣ(е)нательны. Тотъ годъ, когда всѣ уѣздныя земскія собранія придуть къ сознанію необходимости правильной, *прогрессирующей* (курсивъ въ текстѣ) организація народныхъ училищъ, тотъ годъ будетъ эпою для нашего народнаго образованія“ и т. д. Сколько помогаютъ дѣлу подобныя фразы—понятно всякому, а между тѣмъ вопросъ о земскихъ помощникахъ школьной инспекціи ставился уже не разъ многими земствами и по справедливости заслуживалъ бы тщательнаго обсужденія. Въ статьѣ „Наши училищные совѣты“ г. Цвѣтаева мы не нашли никакого опредѣленнаго вывода. Авторъ ея пишетъ по поводу ожидаемой реформы этихъ совѣтовъ. Опъ согласенъ съ тѣмъ, что далеко не всѣ совѣты оправдали возлагавшіяся на нихъ благія ожиданія, и въ числѣ причинъ этого указываетъ на „отсутствіе опредѣленнаго вознагражденія“; а главною и существенною причиною признаетъ „нецѣлесообразную ихъ дѣятельность“¹⁾. Въ то же время онъ находитъ, что учрежденіе это „имѣетъ въ себѣ всѣ плодотворныя основы для правильнаго развитія дѣла“, не приводя, однако, никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія. Другая статья того же автора: „Обезнеченіе учителей нашихъ народныхъ школъ“, также не чужда промаховъ и преувеличеній. Между прочимъ, авторъ жалуется, что въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ „почти не встрѣчаешь сочувственнаго слова о жалкомъ бытѣ нашихъ учителей, хотя есть надъ чѣмъ призадуматься“. Это совершенно несправедливо. Если бы авторъ захотѣлъ

¹⁾ «Отсутствіе опредѣленнаго вознагражденія не могло не быть одною изъ причинъ нецѣлесообразности совѣтовъ, но самая главная и существенная причина такого положенія училищныхъ совѣтовъ, конечно, не всѣхъ, заключается въ нецѣлесообразной ихъ дѣятельности». *Школьная жизнь* 1877 г., стр. 262.

познакомиться съ бытомъ учителей, онъ нашелъ бы много матеріаловъ для его изученія, а равно и „сочувственныхъ словъ“ (если такковы нужны: вѣрнѣе бы сказать—отзывовъ) въ отчетахъ инспекторовъ народныхъ училищъ, помѣщаемыхъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Изображая обязанности учителя, авторъ ссылается на какіе-то *совѣты* и говоритъ, что „ихъ 12, которыми обильно снабжаются наши сельскіе учителя“. Что это за „совѣты“? Мы очень хорошо знаемъ, что должность начальнаго учителя не легка, полагаемъ даже, что она не исчерпывается и 12-ю совѣтами, но существо ея сводится къ очень немногимъ положеніямъ: любя свой трудъ и дѣтей, добросовѣстно, по мѣрѣ силъ, выполняя свой долгъ; уча другихъ, учишь и самъ, не останавливаясь въ своемъ саморазвитіи. Авторъ указываетъ, въ числѣ тяжелыхъ обязанностей учителя, на „рекомендацію“—устроить хоръ при школѣ, гулять по праздникамъ съ дѣтьми; разводить садъ и огородъ при училищѣ. По нашему мнѣнію, эти занятія составляютъ отдыхъ и наслажденіе для учителя, которыя только и могутъ смягчить его неприглядное положеніе, тѣмъ болѣе, что они вызовутъ расположеніе къ школѣ. Далѣе авторъ статьи говоритъ: „Что касается увольненія учителей, то здѣсь произволу нѣтъ мѣры. Законъ даетъ понять, что увольненіе зависитъ отъ тѣхъ лицъ, которыя опредѣляютъ; *слѣдовательно* (?), можно выгнать учителя за неловкій поклонъ, косою взглядъ“ и т. под. Читая подобныя негѣности, учителя, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ будутъ смотрѣть на себя, какъ на жертвы произвола и насилія. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ. Законъ не оправдываетъ произвола. Что учитель увольняется тѣми лицами, которыми и опредѣляется, это естественно; но выводить отсюда, что „слѣдовательно“ (eggo по ергатур) можно учителя *ни за что выгнать*, нѣтъ никакихъ оснований. Конечно, возможны и здѣсь злоупотребленія, но они такъ и останутся злоупотребленіями, нарушеніемъ закона. Авторъ говоритъ, что учитель „долженъ быть не только честнымъ, но даже *высокимъ*“ (sic) нравственныхъ правилъ, ибо зазорное поведеніе считается законнымъ *поводомъ* къ увольненію“. Выходитъ, будто отъ учителя требуются какія-то особыя добродѣтели. На самомъ дѣлѣ все гораздо проще. Что „зазорное поведеніе“ нетерпимо въ школѣ—это понятно, школа должна высоко стоять въ нравственномъ отношеніи; но затѣмъ никакихъ подвиговъ отъ учителя не требуется: онъ просто долженъ быть человѣкомъ „незазорнаго поведенія“. „Высокія же нравственныя правила“ слюдятся къ простому выполненію обязанностей

всякаго порядочнаго человѣка. Въ интересахъ самихъ учителей, намъ кажется, слѣдовало бы не создавать для нихъ равнаго рода опасности, трудности и препятствія тамъ, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Авторъ настаиваетъ болѣе на необходимости обезпеченія учителя, — кто же когданибудь говорилъ противъ этой необходимости? Дѣло стоитъ за немногими: надо указать *источники* для этого обезпеченія, но въ послѣднемъ отношеніи авторъ ровно ни на шагъ не подвинулся впередъ. Вотъ чѣмъ онъ заключаетъ свою рѣчь: „Средства для бездѣднаго существованія учителей *всегда найдутся* (легкое дѣло!). Нужно только ихъ *сознать* и *поискать*“. Вотъ за чѣмъ дѣло стало: сознать и поискать! Отъ чего же авторъ не потрудился самъ сознать и поискать источники для осуществленія столь важной мѣры? А между тѣмъ, онъ смѣло просектируетъ милліонные расходы, возвышаетъ жалованье сельскаго учителя (съ 5-лѣтними прибавками) до 400 руб., назначаетъ ему даровое помѣщеніе, домъ, дворъ и огородъ.... Какъ не назвать легкомысленнымъ подобное отношеніе къ дѣлу! Недостатки школъ и учительскаго сословія давно уже сознаны всѣми — и правительствомъ, и обществомъ; къ устраненію ихъ направлены нынѣ энергичныя усилія, принимаются разумныя мѣры, во главѣ коихъ стоятъ учрежденіе школьной инспекціи и учительскихъ семинарій. Къ сожалѣнію, авторъ упомянутой нами статьи не только не разумѣетъ значенія и пользы этихъ мѣръ, но онѣ ему кажутся не цѣлесообразными. „Мы думаемъ, говоритъ онъ, что по настоящее время для образованія сдѣлано слишкомъ мало, потому что это дѣло начато сверху, а не снизу, какъ бы слѣдовало. Наша мысль такова: сперва устроить школы, обезпечить и обставить бытъ учителей (но учителей-то нѣтъ!), а потомъ заняться уже организаціей надзора и школьной инспекціи“. Таковы воззрѣнія „Школьной жизни“ на важнѣйшіе вопросы нашего училищевѣденія: на сколько они могутъ выяснять положеніе школьнаго дѣла и содѣйствовать упроченію правильной организаціи его — можетъ видѣть всякій.

Собственно по *методикѣ* начальнаго обученія въ разбираемомъ нами журналѣ только и есть одна цѣльная статья: „Начальные уроки письма и чтенія“, а все остальное по этому предмету представляетъ рядъ коротенькихъ замѣтокъ, не содержащихъ въ себѣ ничего серьезнаго или интереснаго. Иногда, впрочемъ, и здѣсь попадаются довольно диковинныя вещи. Напримѣръ, одинъ авторъ предлагаетъ на урокахъ грамматики *рисовать* предложенія и ихъ части ¹⁾. Въ замѣткѣ „Сло-

¹⁾ У автора этой статьи даже есть и заглавіе такого рода: «Черченіе раз-

весное обученіе" дается такой планъ начальныхъ упражненій въ языкѣ: „Сперва общее, потомъ частное, сперва содержащее, потомъ содержимое, сперва то, что охватываетъ, такъ сказать, весь кругозоръ ученика, что представляется первымъ, неотразимымъ (?) предметомъ для содержанія. Далѣе въ немъ (?) отводится мѣсто и такимъ предметамъ, каковыхъ по нѣскольку (?) можетъ умѣститься въ одномъ ученическомъ карманѣ (?), заканчиваясь въ заключеніе личностью самого учащагося наблюдателя“. „Мы идемъ, говоритъ далѣе авторъ, на встрѣчу тому времени, когда—*гражданинъ, молодежь чѣмъ юноша* (?), съ патристическимъ энтузіазмомъ, съ одушевленною *декламацией юлоса* скажетъ: я русский" и т. д. Въ такомъ родѣ идетъ все „Словесное обученіе“. Изъ приведеннаго мѣста видно, что авторъ не стѣсняется требованіями педагогійи и смѣло идетъ (въ разрывѣ съ общепринятыми ея положеніями) „отъ общаго къ частному“, отъ „кругозора“ къ отдѣльнымъ предметамъ, или что то же, „отъ труднаго къ легкому“, содѣйствуя образованію „гражданина, молодежь чѣмъ юноша“,—все это и ново, и оригинально. Но со стороны редакціи „Школьной Жизни“ по истинѣ нужно было много мужества, чтобы выставить это произведеніе образцовымъ. Въ „Урокахъ рисованія“ мы нашли только одну достопримѣчательность: „зарожденіе (sic) знанія въ отдѣльной личности, пишетъ неизвѣстный авторъ, должно слѣдовать тѣмъ же путемъ, какимъ слѣдовало *зарожденіе знанія въ человечествѣ* (sic), это крайне необходимо знать каждому учителю“. Мы полагаемъ что немногіе и изъ академикомъ-живописцевъ могутъ сказать, что они знаютъ, какъ развилось „искусство рисованія въ человечествѣ“, но редакцію „Школьной жизни“ это ни мало не смущаетъ: она обращается съ этимъ требованіемъ ко всѣмъ начальнымъ учителямъ живописи. Статья „Темы для словесныхъ или (?) предметныхъ уроковъ“, начиная уже со страннаго ея заглавія, представляетъ отъ начала до конца одинъ сплошной педагогическій куріозъ. Вотъ нѣкоторыя отрывки изъ нея. Авторъ разсуждаетъ о книгѣ для чтенія и говоритъ, что она не можетъ заключать въ себѣ матеріала, „непосредственно дѣйствующаго на вѣншія чувства“, что книга для чтенія съ картинками представляетъ учебный матеріалъ „не въ естественномъ видѣ, а въ искусственномъ, не согласномъ съ природою (?)

говорной рѣчи». Самое черченіе производится кисточками и прямыми линіями. См. *Школьная жизнь*, стр. 425 и др.

и слѣдовательно фальшивомъ¹⁾, что подобныя книги для чтенія невольно напоминаютъ старыя латинскія хрестоматіи и Корнелія Непота... Но

«когда въ книгѣ для чтенія съ такимъ учебнымъ матеріаломъ, авторъ ея является защитникомъ и пропагандистомъ общеобразовательнаго учебнаго матеріала въ начальной школѣ, то такая книга производитъ цѣльное впечатлѣніе (?), и такого автора нельзя не признать вѣрнымъ задачѣ *по идѣ* (!), но въ дѣйствительности (слѣдуетъ оригинальное противоположеніе) ученикъ, читая ее, приучается: *наблюдать* (!) слова, *ислѣдовать* (?) ихъ, обобщать и дѣлать выводы изъ словъ (дѣлать выводы изъ словъ!). Но когда авторъ книги принадлежитъ къ защитникамъ учебнаго матеріала въ школѣ, *приложимую* прямо къ жизни (курсивъ въ подлинникѣ), то такая книга не только не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія (отъ чего же?), а напротивъ она является, наперекоръ собственному *сознанію* (?) автора, жалкою *коніей* (!!) первой книги, потому что и въ этой книгѣ, содержащей учебный матеріалъ, приложенный къ живпи, для ученика представляется возможность: только *наблюдать* слова (что значитъ наблюдать слова?), *ислѣдовать* ихъ и дѣлать *выводы* изъ словъ (а не изъ понятій, выраженіемъ которыхъ служатъ слова?)¹⁾.

Мы ровно ничего не поняли въ этой странной тирадѣ. Сколько можно догадаться, авторъ едва ли не хотѣлъ сказать нѣчто объ общеобразовательныхъ задачахъ книги для чтенія и ея утилитаризмъ (вопросъ этотъ въ свое время мы обстоятельно разсматривали въ статьѣ о книгахъ для чтенія, по поводу „Нашего Друга“ г. Корфа), но предоставляемъ читателямъ судить, на сколько онъ уяснилъ вопросъ.

Выше мы замѣтили, что только „Начальные уроки чтенія и письма“ представляютъ собою нѣчто цѣльное и потому остановимся нѣсколько на этой статьѣ.

Сначала авторъ ея высказываетъ мысль, что зарожденіе (!) знаній у отдѣльных личностей должно идти тѣмъ же путемъ, каковыя оно шло въ человечествѣ, что „пониманіе есть высшій процессъ (а не результатъ?) мышленія; сперва приобрѣтается умѣнье (значитъ умѣнье читать и писать, а затѣмъ должно слѣдовать пониманіе, или что то же, сперва сдѣлать ученика читающею и пишущею машиной, а потомъ дать ему разумнѣе!), потомъ знаніе, а наконецъ пониманіе“²⁾. Выходитъ, что знаніе бываетъ безъ пониманія! При начальныхъ упражненіяхъ въ письмѣ авторъ совѣтуетъ дать карандашъ ребенку, при чемъ настаиваетъ, чтобы учащійся держалъ карандашъ, „какъ ему

¹⁾ Школьная жизнь, стр. 193.

²⁾ Школьная жизнь, 1877 г., стр. 402.

ловко: и клалъ передъ собою бумагу, какъ это ему кажется удобнымъ“,—значить, о правильности письма не можетъ быть и рѣчи. Далѣе, слѣдуя теоріи г. Столпянскаго, авторъ производитъ всю русскую азбуку изъ *кружка*, а потому-де и „начинать ученье нужно съ черченія овала“: опять прямо вопреки педагогическому требованію идти отъ легкаго къ трудному. Вмѣсто прямой линіи, какъ простѣйшей для начертанія, авторъ начинаетъ съ труднѣйшаго—съ овала. Любопытно доказательство положенія, что „основная черта всѣхъ русскихъ буквъ есть *кружокъ*“. Авторъ говоритъ, что „а есть соединеніе полнаго *кружка* съ приставкою $\frac{2}{3}$ *кружка* съ правой стороны“. Это ново, но странно. Если бы авторъ потребовалъ такъ написать *а*, то буква вышла бы уродлива и невѣрна; „р, говоритъ авторъ, состоитъ изъ палки и *кружка* съ правой стороны“,—опять новая странность. Но я затрудняюсь производство изъ *кружка* даже смѣлаго новатора „Школьной Жизни“ и онъ, не обращая основной черты въ полуоваль (какъ это не поцеремонился онъ сдѣлать съ основною чертою буквы *а*), ограничивается заявленіемъ, что-де и въ этой буквѣ внизу есть закругленіе. О буквахъ *і, ш, щ* и *ц* авторъ умалчиваетъ, но, вѣроятно, и они состоятъ изъ *кружковъ* и *полукружковъ*. Впрочемъ, если автору ничего не стоитъ насыловать природу дятла, вставляя его учить сначала труднѣйшее, то стоитъ ли церемониться съ алфавитомъ!

Въ слѣдующей статьѣ авторъ поучаетъ читателей, что „нужно обусловить (?) *мѣсто* для *кружка*“ (стр. 415); что „для начинающихъ учиться какъ бы даже непозволительно употреблять *чистую, бѣлую бумагу*“; что „о *кружкѣ* нужно вести *предметную* (!) бесѣду“; что „ученику должно указать на различіе между словомъ и дѣломъ, уяснить это различіе, довести до его (?) пониманія“; что при введеніи такта „должно приучить учащихся считать самихъ во имя той идеи, что дѣло должно соответствовать слову, а слово дѣлу“ и проч. Какъ въ первой, такъ и во второй статьѣ, кромѣ множества странностей и промаховъ, мы ничего не нашли толковаго, практически полезнаго для школы и учителя. Авторъ, видимо, желаетъ сказать нѣчто новое и оригинальное, но лишь портитъ то, что другими было сдѣлано раньше и гораздо лучше. Напримѣръ, онъ предлагаетъ писать *о* въ три такта; но извѣстно, что принято тактировать всѣми каллиграфами и педагогами лишь основныя черты (а также точки и *узелъ*); а письмо *о* въ три такта рѣшительно ни на чемъ не осно-

вано, ничѣмъ не оправдывается и только собьетъ учителя съ толку, внесе въ тактъ разладницу. Такимъ же образомъ авторъ относится и къ другимъ частямъ взятаго имъ предмета. Напримѣръ, во многихъ азбукахъ (г. Корфа и др.) первое слово, какое дается ученику—*мама*. Основанія этого приѣма ясны. Слово это—одно изъ первыхъ, которое произносится ребенкомъ, слѣдовательно, оно всякому извѣстно; при этомъ каждому ребенку ясно не только оно само, но и предметъ, имъ обозначаемый. Авторъ находитъ все это "смѣшнымъ". „Возможно ли“, говоритъ онъ, „приложить какое-либо поясненіе къ слову *мама*?“ Отъ чего же невозможно? Ужели слово *мама* бессодержательно для ребенка? Или онъ не испытываетъ ея любви на себѣ, заботы и попеченій? Или трудно указать эти заботы? Спросите у ребенка, кто шилъ ему рубашку, въ которой онъ ходитъ въ классъ?—Мама. Кто учитъ его первой молитвѣ?—Мама... Не много нужно смысла и наблюдательности учителю, чтобы дать эти и подобныя объясненія, которыя могутъ притомъ имѣть не только учебное, но и воспитательное значеніе. Но авторъ „уроковъ“ рассуждаетъ иначе. „Можно ли“, продолжаетъ онъ, „спросить учащихся о значеніи (?) этого слова и не будетъ ли такой вопросъ не только излишнимъ, но даже *смѣшнымъ*? Если учитель согласится съ нами, что такой вопросъ дѣйствительно смѣшенъ, то онъ долженъ будетъ согласиться и съ выводимымъ изъ этого (?) положеніемъ“. Но чѣмъ же думаетъ авторъ замѣнить первое слово азбуки „*мама*“? Словомъ *Уаръ!* „Мама“, видите ли, слово бессодержательное, не могущее быть предметомъ наглядной бесѣды, а „*Уаръ*“—слово полное содержанія и наглядное. Любопытно впасть только, говоря словами автора, „какое можно приложить объясненіе къ этому слову?“ И какая *наглядная* (предметная) бесѣда можетъ быть по поводу слова „*Уаръ*“? Есть ли въ немъ какое-нибудь опредѣленное содержаніе, какіе-нибудь конкретные признаки?... Мы избавляемъ читателей отъ дальнѣйшаго разбора упомянутой нами статьи, полагая, что достаточно выяснилъ ея антипедагогическій характеръ. Мы твердо убѣждены, что подобнаго рода статьи не только бесполезны, но положительно вредны для нашихъ народныхъ учителей. Написанныя сбивчиво и въ то же время съ претензіями на что-то новое и самобытное, переполненныя множествомъ ошибочныхъ мнѣній и ложныхъ толкованій, онѣ положительно могутъ сбить съ толку учителя, особенно молодого и неопытнаго. Здѣсь фактически пропагандируется то самообра-

зование посредствомъ верхушекъ, которое теоретически защищается въ статьѣ „Задачи школы“.

Отдѣлы педагогической хроники и „смѣсь“ представляютъ мало интереса. Облегчая себѣ трудъ, редакция ограничивалась въ большинствѣ случаевъ выписками изъ печатныхъ уже источниковъ, каковы газетныя извѣстія, отчеты управъ, училищныхъ; совѣтовъ и проч., и точно также поступаетъ относительно иностранныхъ школъ. Напримеръ, статья „Начальныя школы въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ“, занимающая 4 листика, есть не болѣе, какъ перепечатка изъ известной всѣмъ книги Гиппо, изданной на русскомъ языкѣ г. Кочетовымъ. Перечислять всѣ статьи упомянутого отдѣла мы находимъ совершенно излишнимъ, ибо въ выборѣ матеріала для хроники не видно никакого плана. Правда, собраніе статистическихъ данныхъ по народному образованію соединено съ значительными трудностями; правда и то, что статистика этого отдѣла находится у насъ еще въ младенчествѣ; но все же не мѣшаетъ выяснить, для каковой цѣли и кому нужны тѣ свѣдѣнія, которыя редакция заимствуетъ изъ разныхъ источниковъ,—но въ „Школьной Жизни“ ничего этого нѣтъ. А между тѣмъ при правильной группировкѣ статистическихъ данныхъ, при цѣлесообразномъ выборѣ матеріала, этотъ отдѣлъ могъ бы значительно послужить школьному дѣлу. Изображая подробно положеніе учебно-воспитательной части въ школахъ, занимаясь тѣми насущными вопросами, которые служатъ указателемъ потребностей времени, учебно-педагогическая хроника могла бы служить для выясненія школьнаго дѣла, разумѣется, подъ условіемъ несомнѣнной вѣрности сообщаемыхъ въ ней данныхъ.

Затѣмъ въ „Школьной Жизни“ есть еще отдѣлъ фельетона и полемики, но мы не имѣемъ никакого желанія касаться его; это самое безцеремонное глумленіе надъ всѣмъ, что есть серьезнаго въ педагогической литературѣ и притомъ отличаетъ такимъ тономъ, который не можетъ быть терпимъ въ литературѣ.

Очевидно изъ всего сказаннаго нами, что „Школьная Жизнь“ представляетъ крайне неутѣшительное явленіе. Журналъ этотъ переполненъ множествомъ существенныхъ промаховъ, ошибочныхъ мнѣній, онъ не имѣетъ никакого яснаго и определеннаго взгляда на школу и ея задачи, на народное образованіе и условія его развитія. Быть можетъ, въ виду строгости этого приговора, читатели наши удивятся, что мы остановились такъ долго на подобномъ изданіи.

Но редація „Школьной Жизни“ объявила, что цѣль ея — „содѣйствовать самообразованію и самовоспитанію учителей элементарныхъ школъ“; она, очевидно, заявляетъ намѣреніе вліять на нашу народную школу, и вслѣдствіе этого мы сочли долгомъ, подробнымъ своимъ разборомъ, доказать, въ какой мѣрѣ могутъ быть основательнымъ подобныя притязанія съ ея стороны.

С. Миропольскій.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ НА ВѢНСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ.

Почти за годъ до открытія выставки, главною комиссіею для ея устройства была разслана по всѣмъ государствамъ подробная программа, которою опредѣлялись разряды предметовъ, долженствующихъ войти въ 26-ю группу, относящуюся къ народному обученію. Всѣ предметы этой группы по программѣ распредѣлялись по пяти отдѣламъ.

Къ первому изъ нихъ отнесены модели или рисунки школьныхъ зданій и всѣ принадлежности школьной комнаты, преимущественно же мебель. Эти предметы, по требованію программы, должныствовали служить типами школьныхъ построекъ въ той или другой странѣ, или же представлять нѣчто образцовое.

Ко второму отнесены учебныя пособія, служащія непосредственно цѣлямъ ученика; сюда же отнесены пособія для обученія глухо-нѣмыхъ, слѣпыхъ и идіотовъ.

Къ третьему отдѣлу отнесены школьныя библіотеки *in natura*, или каталоги съ указаніемъ времени возникновенія библіотекъ и средствъ для ихъ приращенія.

Къ четвертому отдѣлу отнесены тѣ учебныя пособія, которыя служатъ цѣлямъ учителя и учениковъ, а именно: модели и рисунки для нагляднаго обученія и преимущественно для народныхъ школъ; аппараты для обученія чтенію; пособія для обученія рисованію, письму и стенографіи, начальному счисленію, географіи математической, физической и политической; коллекціи картинъ историческихъ по отношенію ко всѣмъ областямъ исторіи; пособія по естественной исторіи въ моделяхъ и рисункахъ; пособія по математикѣ, физикѣ, химіи и разнымъ отраслямъ народнаго хозяйства; пособія и коллекціи по обученію пѣнію и рисованію; методика означенныхъ предметовъ, статуты и программы школъ, преимущественно ремесленныхъ и торговыхъ и наконецъ статистика учебныхъ заведеній.

Къ послѣднему отдѣлу отнесены ученическія работы: каллиграфія, письменныя сочиненія, рисованіе, моделировка, ручныя работы, при чемъ комиссією заявлено было особенное желаніе, чтобы выставлены были работы одного и того же ученика на разныхъ ступеняхъ обученія.

Эта программа выполнена была не всѣми государствами, участвовавшими на выставкѣ. Такъ, въ большей или меньшей степени она была выполнена Австрією, Пруссією, Саксонією, Баварією, Виртембергомъ, Америкой, Францією и Бельгією. Другія государства только отчасти удовлетворили ея требованія. Такъ, Швейцарія выставила учебныя пособия для народныхъ школъ; Швеція—школьный домъ съ школьною мебелью, съ пособиями для народной школы и съ школьною бібліотекой.

Со стороны Россіи выставлены были коллекціи пособій Технологическаго Института въ Петербургѣ; Императорскаго Московскаго техническаго училища, нѣсколько моделей этнографическихъ, анатомическихъ, двѣ модели классныхъ столовъ, ботаническій атласъ, методическое руководство по чистописанію, методическое руководство для игры на фортепіано, коллекція ученическихъ работъ одной Финляндской учительской семинаріи. Португалія выставила зданіе Лиссабонскаго пріюта съ мебелью, учебными пособиями, работами ученическими и, кромѣ того, статистическія данныя, касающіяся пріюта. Испанія выставила нѣкоторыя пособия для обученія глухонѣмымъ и нѣсколько географическихъ картъ для высшихъ школъ; Англія—четыре школьныхъ стола, нѣсколько наглядныхъ пособій по закону Вождю и карту Палестины. Голландія—нѣсколько географическихъ картъ и статистику учебныхъ заведеній. Каждое изъ названныхъ государствъ въ зданіи выставки имѣло свое особое помѣщеніе; предметы же, выставленные государствами, составляющими Германскую имперію, соединены были въ общемъ павильонѣ, но при этомъ каждое изъ нихъ имѣло особое отдѣленіе. По числу выставленныхъ предметовъ главныя государства, участвовавшія на выставкѣ, приблизительно можно распределить въ такомъ порядкѣ: Австрія съ Венгрією, Пруссія, Баварія, Саксонія (однимъ лишь саксонскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія было выставлено 972 предмета), Швейцарія, Франція (774 предмета отъ министерства народнаго просвѣщенія), Виртембергъ, Америка, Бельгія (574 предмета), Швеція (212 предметовъ, не считая книгъ народной бібліотеки), Россія, Испанія, Португалія, Англія и Голландія.

Пособія, бывшія на выставкѣ, а равно и ученическія работы болѣе

всего относились къ реальнымъ и ремесленнымъ школамъ; затѣмъ въ нисходящемъ порядкѣ, къ высшимъ техническимъ, сельско-хозяйственнымъ, народнымъ школамъ, гимназіямъ и университетамъ. Если обратиться къ вопросу, каковаго рода школы и какимъ государствомъ были болѣе представлены, то увидимъ слѣдующее: со стороны Пруссіи, Саксоніи, Виртемберга представлены были болѣе всего школы техническія, сельско-хозяйственныя,—отъ Виртемберга, сверхъ того, школы дополнительныя (Fortbildungsschule); отъ Баваріи техническія и такъ называемыя среднія школы, отъ Австріи—реальныя и ремесленныя училища, отъ Франціи и Бельгіи—гимназіи, отъ Америки—гимназіи и народныя школы, отъ Россіи—механико-техническія школы.

Не всѣ названныя государства выставили въ своихъ отдѣленіяхъ пособія собственнаго производства. Изъ разряда пособій, относящихся къ общеобразовательному курсу, особенно въ австрійскомъ отдѣленіи находилось много такихъ, которыя по производству и мѣсту изданія принадлежали другимъ странамъ. Государства, исключительно выставившія пособія своего производства, слѣдующія: Америка—для гимназій, школъ низшихъ, для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ; Франція—для всѣхъ ступеней школъ, Швейцарія—для высшей школы, Саксонія, за самымъ незначительнымъ исключеніемъ, выставила исключительно собственныя пособія для низшихъ школъ, реальныхъ училищъ и гимназій.

Что касается учебныхъ пособій, относящихся къ общеобразовательному курсу, педагогическіе отдѣлы могутъ быть распределены въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: Саксонскій отдѣлъ (картины историческія, кабинеты: физическій, натуральный, анатомическія модели, аппараты для географіи астрономической) австрійскій (глобусы, карты географическія и картины историческія двухъ родовъ), Американскій (карты географическія и историческія, стѣнной зоологической атласъ, аппараты для чтенія), Швейцарскій (картины для нагляднаго обученія, стѣнной атласъ естественной исторіи); Пруссскій (картины историческія, альбомъ видовъ историческихъ мѣстностей Греціи), Баварскій (таблицы для обученія чтенію, письму и начальной ариметикѣ) Французскій (пособія по рисованію).

Кромѣ того, въ нѣсколькихъ отдѣлахъ выставлены были статистическія описанія школъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли особенное значеніе. Подобныя описанія (рукописныя), выставленныя въ американскомъ отдѣленіи въ видѣ таблицъ, касаются лишь нѣкоторыхъ штатовъ, или же одного рода школъ. Статистическія таблицы въ прусскомъ отдѣленіи содержатъ только указаніе на число учащихся

по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ за 1871/72 годы. Саксонія представила въ брошюрѣ (*Bericht über den Stand des Unterrichtswesens im Königsreiche Sachsen, Dresden, 1873*) краткія свѣдѣнія объ учебныхъ заведеніяхъ въ томъ видѣ, какъ это было сдѣлано ею и для выставки Парижской. Швеція въ двухъ брошюрахъ (*Unterrichtswesen der Mittelschulen* и *Volksunterrichtswesen*) представила также краткій отчетъ объ учебныхъ заведеніяхъ и въ томъ же видѣ, какъ это было сдѣлано ею для Московской политехнической выставки. Отмѣтимъ только слѣдующую особенность въ содержаніи одной изъ названныхъ брошюръ, именно: представлена таблица, распредѣляющая число всѣхъ учащихся въ 1871 году по учебнымъ предметамъ, которые были выслушаны ими въ школѣ. Въ австрійскомъ отдѣленіи выставлены были слѣдующіе статистическіе труды: статистика народныхъ школъ Австріи Шиммера, съ картою представляющею отношеніе учениковъ, посѣщающихъ школу, къ числу дѣтей, обязанныхъ посѣщать ее. Статистическія данныя, равно какъ и карта, помѣщены въ особой книгѣ, изданной во время выставки: *Bericht über oesterreichischen Unterrichtswesen von Fischer*. Кромѣ этого выставлена была статистика низшихъ школъ въ Штирії (Флека) и въ Богеміи (рукописныя таблицы); кромѣ того, шесть картъ Патека, представляющихъ возрастаніе среднихъ и ремесленныхъ школъ въ Богеміи отъ 1849 до 1872 года. Но болѣе заслуживаетъ вниманія статистика народнаго обученія въ Виртембергѣ: „*Statistik des Unterrichts-Erziehungswesens im Königsreiche Württemberg auf das Jahr 1871—1872. Stuttgart, 1873*“. Въ этомъ сочиненіи обнимаются школы всѣхъ ступеней и притомъ берется болѣе отношеній, чѣмъ во всѣхъ вышеоначенныхъ сочиненіяхъ. Но самый обстоятельный статистическій трудъ это — „*Statistik über Stand des Erziehungs-Unterrichts und Bildungswesens in der Schweiz, bearbeitet von Schulrath-präsident Kappeler in Zürich und Proff. Kinkel in Basel*“. Изданіе это состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, изъ коихъ въ каждой разсматривается состояніе извѣстнаго рода школъ по всѣмъ кантонамъ. Особенно обстоятельно обозначаются данныя, касающіяся школъ секундарныхъ, индустріальныхъ и гимназій. Обзорнью настоящаго положенія школъ предшествуетъ краткая исторія ихъ съ указаніемъ мотивовъ, которыми условливались тѣ или другія перемены, если таковыя происходили въ нихъ. Далѣе, при каждой школѣ указаны пособія въ книгахъ, аппаратахъ, коллекціяхъ, положеніе библиотекъ и средства приращенія ихъ. Этотъ весьма поучительный трудъ печатался уже во время выставки и весь появится въ свѣтъ въ продолженіе будущаго 1874

года. Въ баварскомъ отдѣленіи статистическія данныя представлены были графически на большихъ стѣнныхъ таблицахъ. Число данныхъ, указываемыхъ на таблицахъ, не велико, но за то онѣ всѣ представлены весьма наглядно. Такъ, напримѣръ, на одной діаграммѣ означено число учащихся въ высшихъ школахъ Мюнхена за 1871—1872 года: общее число слушателей выражено было въ видѣ квадрата, число учащихся по разнымъ заведеніямъ, факультетамъ и ихъ отдѣленіямъ обозначено въ видѣ параллелограммовъ, окрашенныхъ въ разные цвѣта, причѣмъ число иностранцевъ обозначено особеннымъ штрихомъ. Даныя, касающіяся гимназій, латинскихъ и среднихъ школъ, изображены на четырехъ діаграммахъ, изъ коихъ на одной представлено было не только число учениковъ въ каждомъ классѣ, но и возрастъ ихъ, исповѣданіе и званіе ихъ родителей. Кромѣ діаграммъ (числомъ 8), была выставлена карта Баваріи, на которой чрезвычайно наглядно представлены не только всѣ роды учебныхъ заведеній, но даже обозначено число учениковъ, посѣщающихъ ихъ. Всѣ данныя, изображенныя графически, составлены на основаніи сочиненія „Statistik des Unterrichts in Bayern mit Nachweisungen über sämtliche Vereine für Bildung, bearbeitet v. dr. *Georg Mayer*, Vorstand des K. Statistischen Bureau.

Въ своей статьѣ о педагогическомъ отдѣлѣ ВѢнской выставки я останавливался только на перечнѣ замѣчательнѣйшихъ наглядныхъ пособій по нѣкоторымъ изъ предметовъ общеобразовательнаго курса, на особенностяхъ въ преподаваніи нѣкоторыхъ предметовъ въ германскихъ школахъ, на школьныхъ дѣлахъ и принадлежностяхъ школьной комнаты, на ученическихъ работахъ гимназій и реальныхъ училищъ, преимущественно австрійскихъ.

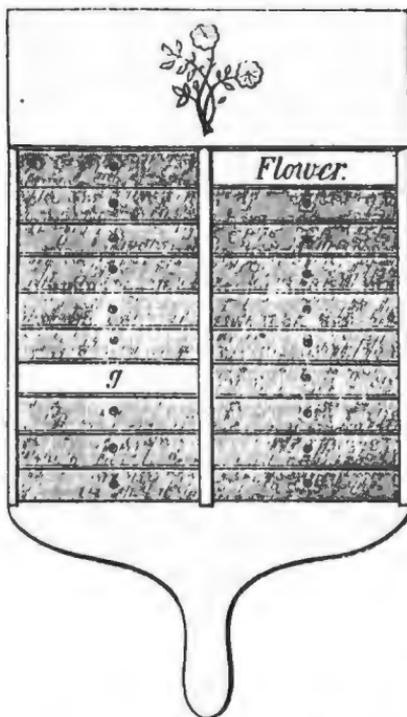
I.

Пособія по обученію чтенію. Таблицы для обученія чтенію, выставленныя въ бельгійскомъ и французскомъ отдѣленіяхъ, составлены по методу буквослагательному; выставленныя же такого рода пособія въ отдѣленіяхъ американскомъ, швейцарскомъ, шведскомъ, австрійскомъ и германскомъ составлены по методу звуковому, а въ двухъ послѣднихъ сверхъ того и по методу обученія чтенію и писму въ связи съ нагляднымъ обученіемъ. Но отсутствіе букварей по методу звуковому во французскомъ отдѣленіи не можетъ, конечно, служить доказательствомъ, чтобъ этотъ методъ не употреблялся во французскихъ школахъ, точно также какъ отсутствіе пособій по буквослагательному методу въ германскомъ отдѣленіи не служитъ доказательствомъ, чтобъ этотъ методъ со-

першенно вышелъ изъ употребленія въ германскихъ школахъ. Ворманъ въ 6-мъ изданіи своей книги „Schulkunde“ (1869 г.) прямо говоритъ, что буквослагательный способъ употреблялся еще въ нѣкоторыхъ прусскихъ школахъ; снѣ болѣе указываетъ на это то, что въ постановленіяхъ, изданныхъ для прусскихъ школъ 1872 года, существуетъ параграфъ, которымъ буквослагательный способъ исключается изъ школъ. Но какъ бы то ни было, по бывшимъ на выставкѣ пособіямъ можно судить о томъ, что звуковой методъ, въ германскихъ школахъ преобладаетъ. Этотъ методъ, какъ извѣстно, сталъ входить въ нѣмецкія школы въ 20-хъ годахъ и, по убѣжденію большинства педагоговъ, результаты его благотѣльны. Извѣстенъ фактъ, что ученики народныхъ германскихъ школъ съ первыхъ годовъ школьнаго своего обученія приобрѣтаютъ навыкъ читать правильно и толково; этого навыка въ Пруссіи, напримѣръ, ученики достигаютъ черезъ годъ по поступленіи въ школу и благодаря звуковому методу обученія. Если вѣрить Куртманну, что при буквослагательномъ методѣ самые даровитые ученики черезъ три года пребыванія въ школѣ достигали того, что могли читать бессмысленно катехизисъ, псалмы изъ Библии и бессмысленно же затверживать все предлагаемое ихъ памяти, то можно сказать, что школа германская, благодаря звуковому методу, выиграла многое. Но нѣтъ ничего такого хорошаго, что съ теченіемъ времени не могло бы быть замѣнено лучшимъ. Въ послѣднее десятилѣтіе звуковой способъ во многихъ школахъ, не только германскихъ, но и австрійскихъ, сталъ уступать мѣсто такъ называемому аналитико-синтетическому способу Фогеля - Веме, по которому обученіе чтенію и письму идетъ на ряду съ обученіемъ языку при помощи наглядныхъ предметовъ. На выставкѣ находились не только азбуки по такому методу, но и стѣнные таблицы, примѣненныя къ классному употребленію; такъ, выставленныя въ баварскомъ отдѣленіи рукописныя таблицы Левенеха „Anschauungsbilder zu dem vereinigten Sprechschreib- und Lesunterrichte“ и печатныя таблицы Гофмана. Въ каждой изъ таблицъ помѣщается изображеніе предмета, соотвѣтствующее нормальному слову, на которомъ упражняется ученикъ, а по бокамъ буквы и слова, тѣ и другія на столько велики, что могутъ быть видны учениками съ своихъ мѣстъ. Преимущество такого рода таблицъ предъ обыкновенными букварями состоитъ въ томъ, что онѣ предлагаютъ матеріалъ соверпанію учащагося постепенно, по мѣрѣ нужды, предметы изображены на нихъ въ большомъ размѣрѣ, очень ясно; на таблицѣ Левенеха рисунки даже раскрашены. Обученіе же

по способу Фогеля - Бѣме ведется приблизительно такимъ образомъ: учитель показываеъ ученикамъ какой нибудь предметъ, или изображеніе его, обозначаемый при существованіи названныхъ таблицъ, немногосложнымъ словомъ; затѣмъ спрашиваетъ, что ученики знаютъ объ немъ, послѣ этого одинъ ученикъ или же всѣ хоромъ произносятъ слово, которымъ обозначается данный предметъ; затѣмъ учитель пишетъ на доскѣ самое слово и такъ медленно, что ученики могутъ слѣдить глазами за движеніемъ его руки. Для того, чтобъ ученики лучше рассмотрѣли написанное, учитель показываеъ каждую букву въ словѣ; ученики сначала всматриваются въ написанное слово, затѣмъ произносятъ его и наконецъ пишутъ на своихъ грифельныхъ доскахъ. Послѣ этого, написанное на доскѣ слово дѣлится на слоги, слоги на буквы. Затѣмъ ученики знакомятъ съ тѣмъ же словомъ печатнымъ. Такая же работа повторяется надъ другими словами и это дѣлается до тѣхъ поръ, пока ученики не выучатся читать бѣгло. Этотъ способъ обученія чтенію имѣетъ много преимуществъ: при немъ ученикъ непосредственно переходитъ отъ извѣстнаго, то-есть, отъ предмета или изображенія его, къ неизвѣстному, то-есть, произношенію и написанію; память учениковъ значительно облегчается тѣмъ, что въ работѣ въ одно время участвуютъ глазъ, уши, рука и голосъ. Этотъ методъ требуетъ большой педагогической подготовки отъ учителя, иначе при немъ можно впасть въ ошибки, вредныя для учениковъ, поэтому онъ сначала и привился только въ Пруссіи, Саксоніи и Виртембергѣ, которые болѣе другихъ государствъ владѣютъ опытными учительскими силами; въ Австріи этимъ методомъ педагоги стали пользоваться лишь съ недавняго времени. Кромѣ надлежащихъ учительскихъ силъ этотъ методъ требуетъ болѣе дорогихъ учебниковъ, которые содержатъ бы въ себѣ необходимое число рисунковъ. Азбуки эти въ Германіи, конечно, не дороги (15—20 коп.), но каждый ученикъ долженъ имѣть таковую въ рукахъ, тогда какъ при обученіи по звуковому методу можно довольствоваться аппаратами (ящики съ отдѣльными буквами), находящимися въ школѣ. Для облегченія обученія по звуковому методу въ прусскомъ отдѣленіи выставлены были два аппарата, принадлежащіе учителю берлинской народной школы—Борну. Борнъ извѣстенъ уже своимъ аппаратомъ для обученія чтенію, бывшимъ на Парижской выставкѣ; дѣлъ этого аппарата состоитъ въ томъ, чтобъ ученику, въ виду сосредоточенія его силъ, буквы показывались по мѣрѣ надобности съ болѣею послѣдностію. По этому аппарату не суждено

было распространиться въ школахъ по причинѣ его сложнаго механизма. Выставляемые на этотъ разъ аппараты Борна менѣе сложны. Одинъ изъ аппаратовъ называется „Neueslesemachine“, другой Lesewirfel; первый состоитъ изъ 28 тонкихъ пластинокъ, около 4-хъ вершковъ длины и одного вершка ширины, на которыхъ обозначены буквы и слоги; второй состоитъ изъ кубиковъ, на трехъ сторонахъ каждаго куба написаны буквы и слоги. При помощи названныхъ пластинокъ могутъ быть дѣлаемы самыя разнообразныя упражненія въ составленіи и разложеніи словъ и притомъ въ известной послѣдовательности. Посредствомъ кубиковъ Борнъ имѣетъ въ виду доставить возможность учителю быстрѣ пользоваться буквами, чѣмъ это возможно при существованіи обыкновенныхъ подвижныхъ буквъ. Эти аппараты, какъ не сложные, могутъ быть съ пользою употребляемы въ школѣ, но по цѣнѣ своей едва ли могутъ быть распространены. Первый стоитъ около 12 руб., второй около 4 рублей.

Аппаратъ Аппельтона.

Въ американскомъ отдѣлѣ выставленъ былъ аппаратъ Аппельтона, достигающій той же цѣли, какую преслѣдуетъ Борнъ аппаратомъ, бывшимъ на Парижской выставкѣ. Американскій ручной аппаратъ состоитъ изъ небольшой рамки (немого болѣе поларшина въ длину) съ глухой доской на одной сторонѣ, на другой же — вмѣсто доски вдѣланы узкія линейки числомъ 9, двигающіяся вверхъ и внизъ. Въ эту рамку сверху вкладывается букварь, въ которомъ величина буквъ и строкъ отвѣчаетъ величинѣ линеекъ. При вложеніи въ рамку буквари первая строка въ немъ видима, для прочтенія же второй необходимо первую линейку поднять къверху, при чемъ первая строка буквари закрывается и открывается вторая; затѣмъ, при под-

нѣтъ второй линейки, закрывается вторая строка и отъкрывается третья, и т. д. На американскихъ букваряхъ, приспособленныхъ къ этому аппарату, находятся изображенія предметовъ, отвѣчающихъ тому или другому слову, которое произносятъ ученики; эти изображенія при вкладываніи буквара въ раму остаются на верху ея.

Такой аппаратъ чрезвычайно удобенъ и можетъ быть легко приготовленъ.

Обученіе письму. Вышше на выставкѣ образцы чистописанія доказываютъ, что школы швейцарская и германская, не исключая и австрійской, въ этомъ отношеніи безспорно даютъ блестящіе результаты. Всѣ рукописи учениковъ, бывшія на выставкѣ, воспроизведены ясно, четко и симметрично. Такого рода навыкъ достигается учениками германскихъ школъ не потому только, какъ думаютъ нѣкоторые, что они тратятъ исключительно на чистописаніе около 400 часовъ въ теченіе курса, но и благодаря методамъ обученія. До 40-хъ годовъ ученики многихъ школъ употребляли на это упражненіе немного часовъ, мѣтѣ чѣмъ въ настоящее время, но успѣхи стояли неизмѣримо ниже. Иначе и не могло быть; извѣстно, что до 1834 г., какъ видно изъ Путеводителя Дистервега, немногіе учителя народныхъ школъ въ Пруссіи сами были обучаемы чистописанію. Измѣненіе къ лучшему въ данномъ предметѣ началось только въ 40-хъ годахъ, когда нѣмецкіе учителя ознакомились съ методомъ обученія Карстера, такъ называемымъ американскимъ, и когда введено было обученіе письму по такту. Эти названные приемы и стигмографическій методъ, выработанный докторомъ философіи Пражскаго университета Гиллардомъ въ 1839 году, также дѣйствовали возбуждительно на германскихъ педагоговъ. Съ этихъ поръ методическая обработка чистописанія пошла быстро, о чемъ можно судить уже потому, что въ 10 лѣтъ, между 40-ми и 50-ми годами, вышло болѣе методическихъ руководствъ, чѣмъ въ предшествующіе сорокъ лѣтъ. Неизбѣжно появились разныя взгляды на методъ обученія и соответствующія имъ учебныя пособія. Руководители народного публичнаго обученія не оставили безъ вниманія этого разнообразія въ методахъ, и въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ на примѣръ, въ Австріи, съ 1866 года учителямъ дана была полная свобода выбирать тотъ или другой методъ, то или другое пособіе; виртембергское же министерство народного просвѣщенія ограничило этотъ выборъ, предписавъ въ нормальномъ планѣ для одноклассной народной школы (1870 года) держаться одного метода. Означенный планъ находился на выставкѣ и мы позволимъ себѣ остановиться на

главныхъ особенностяхъ метода чистописанія, рекомендуемаго виртембергскимъ министерствомъ своимъ учителямъ. Обученіе чистописанію продолжается четыре года; каждому году соответствуетъ особая ступень обученія, имѣющая свою дидактическую цѣль. Прежде всего настоятельно требуется, чтобъ ученики были приучены надлежащимъ образомъ держать себя при процессѣ писанія, а равно держать грифель въ рукахъ. Начальныя письменныя упражненія должны состоять только въ гимнастикѣ руки, что достигается тѣмъ, что ученики нѣкоторое время выводятъ болѣе простыя буквы въ сѣткахъ, занесенныхъ на ихъ доски въ видѣ квадратовъ. Послѣ этого предварительнаго упражненія, ученики приступаютъ къ списыванію съ доски большихъ или малыхъ буквъ, написанныхъ учителемъ, при чемъ такія буквы, какъ P, S, T разлагаются предварительно на части и на каждой изъ частей ученики упражняются отдѣльно и самостоятельно. На этой ступени обученія рекомендуется не только линейная система, именно изъ 4-хъ горизонтальныхъ линій, какъ необходимое пособіе, но въ то же время указывается величина буквъ, которыя должны выводить ученики, разстояніе одной отъ другой, дается указаніе, какъ должны лежать на столѣ доски и другія пособія, если онѣ есть. Употребленіе линейной системы распространяется болѣе и болѣе въ германскихъ школахъ, и это нововведеніе чрезвычайно полезно. Употребленіе ея какъ нельзя болѣе помогаетъ усвоенію учениками правильной фигуры буквъ. Въ виртембергскомъ отдѣлѣ были выставлены образцы чистописанія изъ института глухонѣмыхъ; работы эти выполнены учениками безъ помощи учителя, но при помощи линейныхъ сѣтокъ, и нельзя было не удивляться правильности и красотѣ почерковъ. Употребленіе сѣтокъ, кромѣ того, важно еще потому, что посредствомъ ихъ достигается однообразіе въ почеркахъ, не смотря на то, что ученики обучаются у разныхъ учителей. Не безъ основанія же Керъ говоритъ: „никто не долженъ думать, что линейная сѣтка излишня.“ На второй ступени (2-й и 3-й годъ) по виртембергскому учебному плану ученики доводятся до умѣнья писать на память всѣ большія и малыя буквы, соединять одну съ другой, писать цифры. Эта цѣль достигается путемъ строгой постепенности; такъ, всѣ буквы дѣлятся, по степени трудности написанія, на пять группъ, при чемъ учитель не можетъ перейти къ высшей группѣ прежде, чѣмъ ученики не научатся писать буквы низшей. Цифры также изучаются въ порядкѣ, именно слѣдующемъ: 1, 7, 4, 0, 6, 9, 2, 3, 5, 8. Въмѣсто грифельной доски употребляютъ бумагу, на

которой сами дѣти готовятъ сѣтку системы предшествующаго курса. Писаніе въ такъ на этой ступени рекомендуется болѣе, чѣмъ на предшествующей. На третьей ступени (четвертый годъ) ученики приучаются писать нѣмецкимъ шрифтомъ твердо, увѣренно, чисто и упражняются въ шрифтѣ латинскомъ. Обученіе нѣмецкому шрифту идетъ тѣмъ же путемъ, какъ и на предшествующей ступени, и различіе состоитъ въ томъ, что курсъ этотъ проходитъ быстрѣе и обращается особенное вниманіе на труднѣйшее и на устраненіе неправильностей, замѣченныхъ у учениковъ; на этой же ступени обращается вниманіе на большее приспособленіе кисти руки и пальцевъ къ письму. Сѣтка употребляется трехлинейная. Упражненіе въ латинскомъ шрифтѣ идетъ тѣмъ же порядкомъ и при такихъ же сѣткахъ, какъ и при обученіи нѣмецкому шрифту. Письмо подъ такъ требуется и на этой ступени. На послѣдней ступени требуется легкость руки, текучесть при процессѣ письма и красивый почеркъ. Ученики пишутъ больше по одной линіи и размѣры буквъ употребляются менѣе прежняго; при латинскомъ сначала употребляются сѣтки въ три линіи, затѣмъ въ одну. На трехъ высшихъ ступеняхъ требуется содержаніе тетрадокъ въ надлежащей чистотѣ, на послѣдней ступени учениками сохраняются всѣ письменныя тетрадки. Въ такомъ порядкѣ, вѣроятно, ведется обученіе чистописанію не въ одномъ Виртембергѣ, о чемъ можно судить по тому, что виртембергскій планъ, въ сущности своей, совершенно отвѣчаетъ методическимъ требованіямъ, заключающимся въ лучшихъ методическихъ путеводителяхъ¹⁾. Учебныя пособія по чистописанію въ видѣ грифельныхъ досокъ, разнаго рода тетрадей для письма, ручекъ для перьевъ, выставлены были въ большомъ количествѣ въ австрійскомъ отдѣленіи (именно Покорнаго, Реймера); въ американскомъ — выставлены были аспидныя доски съ линіями, съ изображеніемъ буквъ на рамкѣ, во французскомъ — доски изъ проклееннаго полотна, въ шведскомъ — удобныя, хотя и дорогія ручки для перьевъ, приготовленныя изъ пробки. Всѣ подобнаго рода матеріалы, неизбѣжныя для учениковъ, не всегда могутъ быть доступны бѣднымъ родителямъ. Въ виду облегченія послѣднихъ, въ нѣкоторыхъ германскихъ и швейцарскихъ кантонахъ такого рода матеріалъ покупается въ массѣ ратушами по уменьшенной цѣнѣ и про-

¹⁾ Изъ числа послѣднихъ замѣчательно сочиненіе Рейхардта, вышедшее въ августѣ текущаго года: «Methodische Anleitung zur Eintheilung des Unterrichts in der einfachen Volksschule».

дается по той же цѣнѣ ученикамъ. Въ Кобургъ-Готскомъ герцогствѣ учителя чистописанія сами покупаютъ матеріалы въ массѣ и продаютъ ученикамъ безъ всякой прибыли для себя. Въ Виртембергѣ школьный уставъ требуетъ, чтобъ инспекторы и учителя приобрѣтали эти матеріалы на деньги изъ школьнаго фонда, и затѣмъ продавали его ученикамъ по своимъ цѣнамъ. Въ Австріи, какъ извѣстно, существуетъ учрежденіе „Schulbücher-Verlag“, въ которомъ не только школьныя книги, разныя пособія продаются по цѣнамъ, нѣсколько низшимъ противъ магазиновъ, но извѣстное количество ихъ раздается бѣднымъ ученикамъ даромъ; но этотъ складъ уменьшаетъ цѣну на пособія только въ самыхъ небольшихъ размѣрахъ. До какой же степени можетъ быть уменьшена цѣна писцаго матеріала при покупкѣ его въ массѣ, объ этомъ можно судить по цѣнамъ, выставленнымъ вышеуказаннымъ магазиномъ Реймера; именно, при покупкѣ 100 тетрадокъ для письма дѣлается уступка на 35%, при покупкѣ 1000—40%, 2.500—45%, 5.000—50%. Говоря о матеріалахъ, необходимыхъ для учениковъ при обученіи письму, нельзя не замѣтить объ особенномъ приспособленіи аспидныхъ досокъ, употребляющихся въ Америкѣ, по которымъ можно судить и о приемѣ начальнаго обученія письму. Эти — доски въ бѣлыхъ рамкахъ, на которыхъ обозначены буквы, слова прописныя, печатныя, большія и малыя. При начальномъ обученіи письму ученики должны сами копировать знаки такъ, какъ могутъ, и затѣмъ показывать учителю свою работу.

Пособія по наглядному обученію. Къ числу этихъ пособій прежде всего относятся вещи in natura, какъ напримѣръ, растенія, животныя, минералы и затѣмъ картины, какъ средство для напоминанія ученикамъ о предметахъ, уже видѣнныхъ ими. Перваго рода пособія выставлены были главнымъ образомъ въ австрійскомъ отдѣленіи. Всѣ они составлены лично учителями и приурочены къ статьямъ изъ книгъ для чтенія. Такъ, были три коллекціи сѣмянъ, произрастающихъ преимущественно въ Австріи, коллекція, представляющая различныя фазы произрастанія хлопчатой бумаги; производство шелка представлено въ трехъ коллекціяхъ, изъ коихъ самая полная и искусно составленная принадлежала одному моравскому учителю. Стѣнные картины для нагляднаго обученія, болѣе обращавшія на себя вниманіе, были выставлены въ австрійскомъ, американскомъ и швейцарскомъ отдѣленіяхъ. Картины австрійскаго производства (Landwirtschaftliche Tafeln) Гартингера изданы уже давно. Предметы, изображенныя на нихъ, раскрашены и помѣщаются въ средній таблицъ; по полямъ же

помѣщенъ краткій текстъ. Рисунки очень ясны, но такой величины что въ классѣ съ заднихъ скамеекъ трудно отличить одинъ отъ другаго. Волѣе заслуживаютъ вниманія таблицы прусскаго производства — *Sechs Bilder für den Anschauungs-und Sprachunterricht*, составленныя учителемъ прусской семинаріи Стрюбингомъ. Картины эти изданы въ первый разъ въ 1862 году; изъ ряда другихъ онѣ выдѣляются своею величиною, ясностью и богатствомъ содержанія. Но главное достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что на нихъ представлены нѣкоторыя сцены изъ жизни, которыя дѣйствуютъ на учащихся сами по себѣ возбуждительно, и бесѣда по поводу дѣйствующихъ лицъ, видимыхъ на картинѣ занимаетъ учениковъ болѣе, чѣмъ бесѣда по поводу сельско-хозяйственныхъ предметовъ, выставленныхъ въ такомъ порядкѣ, какъ это сдѣлано у Гартингера. Куртманъ даетъ картинамъ Стрюбинга первое мѣсто въ ряду пособій такого рода. Въ недавно вышедшемъ курсѣ педагогика (*Die fundamental Lehre der ewangelischen Volksschul-Pedagogik von Heinrich Sastram, Hannover, 1873*) онѣ рекомендуются учителямъ, какъ самыя лучшія. Картины стоятъ около 12 рублей, текстъ къ нимъ—16 копѣекъ. Но это изданіе нивойдетъ въ разрядъ второстепенныхъ, коль скоро выйдетъ вся коллекція картинъ *Schwizerisch Bilderwerk für den Anschauungs-Unterricht von Antonen*. Одна зимняя картина изъ этой коллекціи была на выставкѣ. Все изданіе будетъ состоять изъ 10 картинъ такой же величины, какъ наши картины г. Семенова. Предметы представлены по слѣдующимъ группамъ: семья, школа, церковь, домъ и его окрестности, садъ и 4 времени года. Для школъ каждая картинка стоитъ 5 франковъ. Со стороны содержанія, какъ видно изъ перечня картинъ, онѣ не представляютъ ничего новаго, но достоинство ихъ въ изящности исполненіи.

О наглядныхъ пособіяхъ по закону *Божію* мы не можемъ сказать, чтобъ онѣ также удовлетворили педагогическимъ требованіямъ, какъ удовлетворяетъ имъ вообще постановка этого предмета въ школахъ, преимущественно протестантскихъ. Къ числу наглядныхъ пособій относятся картины, изображающія личности, событія изъ Священной Исторіи, карты Палестины, планы Іерусалима и видъ мѣстностей Палестины. Картины составляютъ въ нѣмецкихъ школахъ необходимое наглядное пособие; въ Виртембергѣ этого настоятельно требуетъ даже нормальный учебный планъ. На Вѣнской выставкѣ по численности было довольно картинъ, особенно если имѣть въ виду, что Борманъ, писавшій въ 40-хъ годахъ статью для педагогическаго путешествія SLXVX, отд. 3.

водителя Дистервега о преподаваніи закона Божія, могъ указать только на одно изданіе картинъ (Лиднера), и то не раскрашенное; по картинъ, которыя были бы удовлетворительны и со стороны художественной, и вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣли бы размѣръ необходимый для школъ, на выставкѣ не было. Австрійское министерство выставило только одно изданіе собственно австрійскаго производства и притомъ изданіе едва ли не занимающее послѣднее мѣсто въ ряду такихъ пособій. Мы разумѣемъ картины, изданныя Гельцелемъ въ полг-листа величины и ярко раскрашенныя. Извѣстныя картины Шнорра, выставленныя въ Саксонскомъ отдѣлѣ, хотя съ технической стороны и выполнены удовлетворительно, но по причинѣ малаго размѣра могутъ быть употребляемы только въ самой малочисленной школѣ. Картины Грюнера, выставленныя въ прусскомъ отдѣлѣ, нѣсколько болѣе картинъ Гельцеля и картинъ Шнорра, но онѣ — въ контурахъ и не могутъ произвести надлежащаго впечатлѣнія на учениковъ, хотя и составлены на основаніи картинъ классическихъ художниковъ. Только одна Швеція выставила картины, которыя при сноскомъ исполненія со стороны технической отличаются такимъ размѣромъ, что представляемые на нихъ предметы могутъ быть разсматриваемы учениками, занимающими заднія скамьи въ комнатахъ при 30 футахъ длины. Но и эти картины, повторяемъ, съ технической стороны только сносны и далеко не выражаютъ той идеальности, которая требуется отъ картинъ такого рода. Между прочимъ, при настоящемъ положеніи техники, это послѣднее требованіе выполнить легко, доказательствомъ чему могутъ служить изданія художественныхъ картинъ швейцарскою фирмою Бенцигеръ въ Эйзидсльнѣ. Всякій, проходящій по швейцарской галлерей, невольно останавливался предъ большими альбомами въ роскошномъ переплетѣ, въ которыхъ находились изображенія святыхъ, — изображенія простые (тушеванныя) и раскрашенныя, но тѣ и другія сдѣланы въ высшей степени изящно и не дорого. Не можетъ не поразить всякаго тутъ же выставленная книга, назначаемая для народныхъ школъ, — „Библийская исторія“ съ 136-ю художественно выполненными картинками и съ картой; эта книга въ переплетѣ стоитъ 75 сантимовъ. Картины французскія изданія Гашеттъ и комп., равно какъ и картины англійскія (The Bible pictured in colours, изданіе Larold and Son) производятъ такое же дѣйствіе на зрителя, какъ картины Вецингера, особенно если смотрѣть на нихъ издали, но по цѣнамъ своимъ мало доступны. Болѣе удовлетворительны изъ наглядныхъ пособій по закону Божію картографическія

пособія. Лучшая изъ картъ Палестины, существующая и въ русскомъ изданіи, принадлежитъ Киперту. Со стороны данныхъ она представляетъ все, что требуется курсомъ Священной и Церковной исторіи. Названія читаются легко; планъ Иерусалима, представленный на картѣ, на столько великъ, что имъ могутъ пользоваться всѣ ученики. Наше изданіе уступаетъ нѣсколько въ технической отдѣлкѣ и четкости подписей. Для ознакомленія съ рельефомъ страны лучшая карта — фотолитографія по рельефу Рааца. Эта карта далеко оставляетъ за собой такую же карту, изданную Шотте. Изъ пластовъ — самый лучшій англійскій *Ancient Jerusalem and sacred Places* (Sampson and Son), представляющій картину древняго Иерусалима и его окрестностей. Это пособіе, необходимое для ознакомленія учениковъ съ топографіею, у насъ можетъ быть замѣнено изданіемъ Фосса „*Планъ Иерусалима*“, если бы только оно было удешевлено. Изъ атласовъ лучшее изданіе Юстуса Пертеса „*Bibel Atlas in acht Blättern*“, составленное обстоятельно и по новѣйшимъ изслѣдованіямъ; но карты слишкомъ испещрены названіями, чтобы ими можно было пользоваться въ школахъ. Нашъ атласъ, изданный священ. А. Петровымъ, могъ бы для библейской исторіи замѣнить атласъ Юстуса Пертеса, если бы только карты были въ большемъ масштабѣ и болѣе отчетливы.

Судя по программамъ, находившимся на выставкѣ, преподаваніе закона Божія въ протестантскихъ школахъ, наравнѣ съ другими предметами, строго сообразовано съ педагогическими требованіями. Учебный матеріалъ, по отношенію къ трудности содержанія и по количеству, вполне соразмѣряется съ возрастомъ учащихся. Изученіе исторіи предшествуетъ изученію катехизиса; исторія изучается въ двухъ концентрическихъ курсахъ. Главныя особенности въ преподаваніи, обусловливающія религиозное развитіе учащихся и свойственныя всѣмъ ступенямъ школъ, состоятъ въ слѣдующемъ: въ чтеніи учениками самой Библии и заучиваніи ими на память церковныхъ пѣсней и библейскихъ изреченій. Ознакомленіе учениковъ съ Библіею дѣлается постепенно: прежде всего, учитель во время повторенія учениками цѣлаго историческаго отдѣла прочитываетъ соответствующія мѣста изъ Библии; самимъ ученикамъ дается въ руки Библия тогда, когда они въ состояніи читать бѣгло и съ сохраненіемъ надлежащей интонаціи; читаются учениками только мѣста избранныя: въ прусскихъ школахъ книги пророческія, псалмы и посланія апостольскія. Чтенію предшествуетъ ознакомленіе учениковъ съ составомъ Библии, съ порядкомъ частей, и кромѣ того, ученики приучаются находить тре-

буемыя мѣста. Керъ требуетъ, чтобъ при чтеніи обращалось особенное вниманіе не только на тонъ, размѣръ рѣчи читающаго, но и на то, какъ онъ беретъ книгу, держитъ, перевертываетъ листы и кладетъ ее. „Уроки закона Божія безъ благоговѣнія суть оскорбленіе святости“, говорятъ онъ. Изученіе на память церковныхъ пѣсней считается важнымъ не только для религіознаго, но и для эстетическаго образованія. Пѣсни, подлежащія заучиванію, сначала только прочтываются учениками, затѣмъ затверждаются, а потомъ и поются, если только на урокахъ пѣнія ученики уже ознакомились съ мелодіею. Изреченія изъ Библии изучаются также почти всюду (заучиванье на память периконовъ отмѣнено въ прусскихъ школахъ учебнымъ планомъ 1872 года). Важность заучиванія такихъ изреченій очевидна: Швель, указывая на важность заучиванія вообще пословицъ и поговорокъ, говоритъ, что „такое знаніе, такой текстъ, вспомнутый въ критическую минуту жизни, укажетъ на исходъ изъ затруднительнаго положенія, или по крайней мѣрѣ дастъ утѣшеніе и вселитъ надежду“.

Указанныя особенности въ преподаваніи закона Божія въ низшихъ школахъ удерживаются и въ среднихъ, то-есть, въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Ученики гимназій изъ quarta, соответствующаго нашему третьему классу, свободно обращаются съ Библиею и всѣ тексты, требуемыя катехизисомъ, прискиваютъ сами на урокъ. Нельзя не замѣтить, что чтеніе Библии на урокахъ въ гимназіи ввелось въ недавнее время. Еще въ 1855 году Визе въ своихъ письмахъ „О воспитаніи въ Англіи“ высказывалъ особенное сожалѣніе, что Нѣмцы не даютъ такого значенія Библии въ семьѣ и школѣ, какое придается ей Англичанами.

Пособія по ариметикѣ. Послѣ чтенія, письма, закона Божія, ариметика считается самымъ важнымъ предметомъ въ начальномъ обученіи. Значеніе этого предмета зависитъ отъ его дидактическихъ свойствъ и особенно отъ практической его примѣнимости. „Кто не научится считать въ школѣ, того научитъ жизнь, но пріобрѣтеніе этого навыка будетъ стоить большихъ трудовъ“, говорится въ единственномъ австрійскомъ педагогическомъ путеводителѣ для народныхъ учителей (*Unterricht in der Elementarklasse v. Frühwirth und Jellner*). Что потребность знаній въ ариметикѣ особенно оцутительна для учениковъ-нѣмцевъ, объ этомъ можно судить, между прочимъ, по слѣдующему: въ дополнительныхъ классахъ (*Fortbildungsschulen*) Виртемберга за 18⁷¹/₇₂ годы, какъ значится въ статистическихъ данныхъ, изъ 9.763 посѣтителей, приходилось на ариметику 5.268 учениковъ.

Практическая сторона этого предмета при преподаваніи въ пѣмечныхъ школахъ постоянно имѣется въ виду, на что указываютъ примѣры, находящіеся въ арифметическихъ задачникахъ, которые заимствованы изъ обыкновенной жизни; кромѣ того, при преподаваніи учителя употребляютъ тѣ же способы рѣшенія задачъ, какіе употребляются поселянами въ обыкновенномъ быту. Наглядныхъ пособій, къ которымъ прибѣгаютъ учителя на урокахъ, много: этой цѣли служатъ, судя по пособиямъ, выставленнымъ въ саксонскомъ и австрійскомъ отдѣленіяхъ, съ самаго начала пальцы руки, линіи на классной доскѣ, далѣе части человѣческаго тѣла, животныя и ихъ части тѣла, школьный домъ и его части, инструменты музыкальные, инструменты для измѣренія, монетныя единицы, единицы мѣры вѣсовъ, даже слова съ слогами и буквами. Изъ наглядныхъ пособій, бывшихъ на выставкѣ, обращали на себя вниманіе рукописныя таблицы Гиршманна и Цана, учителей въ Регенсбургѣ, подъ заглавіемъ „Hülf- und Übungswandtafeln für den ersten Rechnenunterricht“. Первая таблица, посредствомъ наглядныхъ предметовъ, какъ-то: груши, глазъ, пальцевъ, знакомить съ цифрами до 10, при чемъ число предметовъ, вмѣсто квадратовъ и линій, рекомендуемыхъ еще Песталоцци въ его Anschauungstabelle, сначала представляется въ точкахъ, а потомъ въ цифрахъ. На 15 таблицахъ представлены первыя четыре дѣйствія и, между прочимъ, таблица умноженія. Этой же цѣли служатъ таблицы печатныя, выставленныя въ швейцарскомъ отдѣленіи подъ заглавіемъ: „Tableaux élémentaires d'arithmétique par J. Malun“. Число таблицъ 14, цѣна 5 франковъ. Эти таблицы употребляются въ начальныхъ народныхъ школахъ пѣкоторыхъ кантоновъ. Кромѣ того, въ томъ же отдѣленіи выставлено было наглядное пособие для обученія дробямъ, подъ заглавіемъ: „Tableaux démonstratifs de la théorie des fractions“, par Maillard, цѣна 1 франкъ. Таблица состоитъ изъ квадратовъ, раздѣленныхъ на части, изъ коихъ части дробины изображены черною краскою. Другаго рода наглядныя пособия основаны на системѣ нашихъ счетовъ, которые существуютъ въ Германіи съ 40-хъ годовъ, откуда они, подъ названіемъ русскихъ счетовъ, распространились по школамъ Швеціи, Англіи, Швейцаріи и Америки. Въ Австріи счеты введены въ недавнее время; сначала они рекомендованы были пріютамъ школьнымъ инспекторомъ изъ Чеховъ, а затѣмъ проникли и въ школы. Изъ большаго числа счетовъ, бывшихъ на выставкѣ, обращаютъ вниманіе: счеты Праушека—въ австрійскомъ отдѣленіи, Ворна—въ прусскомъ, счеты шведскіе, фран-

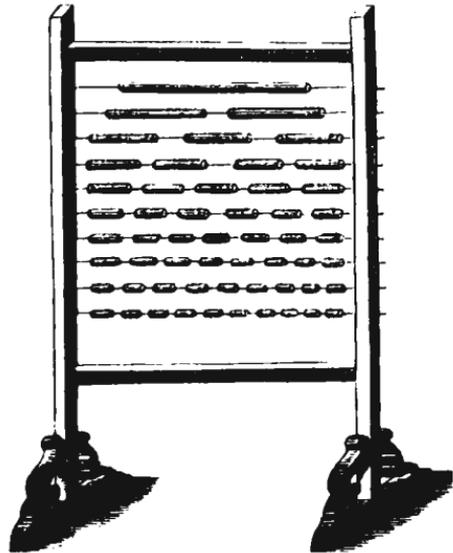
цузскіе и америванскіе. Устройство счетовъ Праушека слѣдующее: въ рамкѣ, утвержденной на высокихъ ножкахъ, въ вертикальной плоскости продѣто 10 горизонтальныхъ проволокъ, изъ которыхъ на каждой находится одинаковой величины и цвѣта 10 шаровъ, свободно двигающихся по проволокамъ. Одна половина рамки покрыта черною доской, на которой по требованію можно писать цифры. На верху, на особой поперечницѣ, помѣщены арабскія цифры до десяти, которыя можно снимать и перемѣщать. Счеты шведскіе почти такой же величины, но безъ черной доски и безъ цифръ; на верхнемъ брускѣ находится 10 вертикальныхъ проволокъ и на каждой изъ нихъ помѣщается до 10 шаровъ; какъ горизонтальныя, такъ и вертикальныя линіи вывѣиваются и на нихъ можетъ быть помѣщено болѣе 10 шаровъ. Аппаратъ Борна состоитъ изъ доски съ десятию желобками, по которымъ двигаются линейки; въ двухъ желобкахъ на бѣломъ фонѣ сдѣлано по 10 красныхъ кружковъ, а въ остальныхъ 8 — по 10 черныхъ кружковъ, которые закрываются и открываются подвижными линейками. При употребленіи аппарата открывается столько кружковъ, сколько необходимо по требованію задачи, при чемъ линейки уходятъ подъ черную доску, которая на глухо закрываетъ половину аппарата. Цѣна аппарату 8½ рублей.

Аппаратъ Борна.

Французскіе счеты состоятъ изъ небольшой рамки, на верху которой протянуты двѣ горизонтальныя проволоки, изъ коихъ каждая имѣетъ 15 деревянныхъ шариковъ; подъ этими проволоками находится девять проволокъ, изогнутыхъ внизъ и постепенно уменьшающихся по длинѣ. На каждой изъ нихъ надѣто 10 шаровъ, которые свободно передвигаются съ вертикальной части на горизонтальную. На самой меньшей проволокамъ надѣты малые шары, а на слѣдующихъ шары увеличиваются. Изъ названныхъ счетовъ, счеты Праушека и Борна имѣютъ то удобство, что при помощи ихъ ученики имѣютъ предъ глазами столько знаковъ (кружковъ), сколько нужно, слѣдовательно, вниманіе учениковъ можетъ быть болѣе сосредоточено на данныхъ предметахъ. На французскихъ счетахъ имѣется въ виду представить наглядно различную величину шаровъ различныя раз-

ряды единиц. Кромѣ названныхъ счетовъ, въ австрійскомъ отдѣлѣ выставлены были счеты для дробныхъ чиселъ; они имѣютъ устройство обыкновенныхъ, описанныхъ выше, счетовъ, съ тѣмъ только различіемъ, что на верхней проволоки вмѣсто шариковъ помѣщается цилиндръ, немного менѣ длины проволоки, на второй — такой же цилиндръ, но раздѣленный на два, на третьей — раздѣленный на три, на десятой — раздѣленный на десять. Цѣна этимъ счетамъ 8 рублей.

Дробные австрійскіе счеты ¹⁾

Для этой же цѣли служатъ американскіе счеты, круглые, съ 12-ю проволоками; цилиндры выкрашены красною, бѣлою, синею красками.

Окачивая со счетами, мы не можемъ не замѣтить слѣдующаго: по мнѣнію лучшихъ германскихъ педагоговъ, счеты сами по себѣ не должны составлять цѣли изученія, а должны служить только пособіемъ при объясненіи ученикамъ разложенія чиселъ на составныя части; иногда нѣкоторые учителя предпочитаютъ обращаться къ болѣе дешевому пособію, именно, *сничкамъ*, по слѣдующимъ соображеніямъ: при употребленіи счетовъ занятъ одинъ ученикъ, а другіе сидятъ пассивно, при сничкахъ же могутъ быть заняты всѣ ученики, и работа ихъ всегда можетъ быть контролируема учителемъ. Въ виду этого и нѣкоторыхъ другихъ неудобствъ, нѣмцы школы вовсе не употребляютъ счетовъ, наиримѣръ, въ Ганноверѣ.

Понятія объ измѣреніи длины, вѣса жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ, времени, монетахъ дается при помощи таблицъ и моделей. Лучшія таблицы, также какъ и модели, тѣ, которыя представляютъ назван-

¹⁾ Рисунокъ изображаетъ не тѣ счеты, которые были на выставкѣ и которые принадлежать одной небольшой школѣ, но счеты дробные большаго размаѣра, продающіеся въ вѣнскихъ магазинахъ.

ные предметы въ натуральную величину и на которыхъ сравниваются мѣры равныхъ системъ. Такихъ таблицъ и моделей выставлено было болѣе всего Франціею и Австріею; въ послѣдней выставлены 5 различныхъ таблицъ. Французскія отличаются лучшею отдѣлкою и ясностію, австрійскія — дешевизною. Между послѣдними самыя лучшія таблицы и модели Гунтера, преподавателя торговой школы въ Вѣнѣ. Величина таблицъ болѣе, чѣмъ въ квадратный аршинъ. Единицы мѣры и вѣса австрійскія разсматриваются сравнительно съ метрическою системою. Предметы, болѣею частію, въ натуральную величину, текстъ и цифры читаются легко. Цѣна таблицъ 1 руб. 20 коп. Модели въ числѣ 13 частію деревянныя, частію жестянныя, цѣна 6 руб. Въ школахъ австрійскихъ употребляется еще болѣе дешевая метрическая таблица Вонпа (*Grosse Wandtafel des metrischen Systems*), которая также раскрашена и въ большихъ размѣрахъ, но единицы мѣры не сравниваются съ австрійскими. Для измѣренія времени выставлены таблицы въ саксонскомъ и австрійскомъ отдѣленіяхъ. Таблицы въ австрійскомъ отдѣленіи состоятъ изъ двухъ листовъ большаго формата; на первомъ представлено графическое раздѣленіе часа на минуты и секунды, на второмъ — дѣленіе года на недѣли и уменьшеніе дни. Кромѣ названныхъ таблицъ и счетовъ, выставлены были аппараты въ отдѣленіяхъ бельгійскомъ и саксонскомъ (Нейберта), которые должны замѣнять счеты и даже таблицы мѣры и вѣсовъ; шведскій аппаратъ Флѣдеруса назначается для изученія первыхъ четырехъ дѣйствій надъ цѣлыми числами. Но эти аппараты нельзя назвать практическими по ихъ сложности и высокой цѣнѣ. Заслуживаетъ вниманіе выставленная въ саксонскомъ отдѣленіи дрезденскимъ учителемъ Шрѣтеромъ „*Veranschaulichung-Mittel für das neue Maasse*“, коллекція мѣръ длины, поверхностей и объемовъ. Вся коллекція стоитъ 2 руб. 40 коп. Въ томъ же отдѣленіи находилась замѣчательная коллекція Гегера: „*Eine Collection Krystallmodelle in Pappe für den Unterricht in Stereometrie und Krystallographic in Dresden*“

Пособія по естественной исторіи. Этого рода пособіями особенно были богаты отдѣлы: австрійскій, швейцарскій и германскій, но изъ пособій, выставленныхъ въ австрійскомъ отдѣленіи, многія составляютъ скорѣе предметъ рѣдкости; такова, для примѣра, коллекція „*Geologische Bilder*“, пластически представляющая въ исторической послѣдовательности разныя формации земли; коллекція эта, конечно, весьма поучительна, но едва ли можетъ быть распространена по школамъ, хотя и среднимъ, такъ какъ она, безъ сомнѣнія, цѣнится вы-

соко. Было не мало богатыхъ коллекцій, принадлежащихъ разнымъ учебнымъ заведеніямъ и по которымъ можно судить только о томъ, что эти заведенія располагаютъ большими денежными средствами; такъ, одна изъ вѣнскихъ реальныхъ гимназій (въ Леопольдштадтѣ) выставила богатую минеральную коллекцію въ образцовомъ и дорогомъ шкафѣ; но эта гимназія располагаетъ большими денежными средствами, о чемъ можно судить уже потому, что она въ послѣднія восемь лѣтъ получила отъ города около 15.000 руб. на приобрѣтеніе пособій. Не мало также было коллекцій, выставленныхъ учителями народныхъ школъ и семинарій исключительно для себя; изъ такихъ коллекцій однихъ гербаріевъ было шесть. Всѣ эти гербаріи представляютъ образцы мѣстной растительности и при этомъ растительности вредной и полезной. Такой выборъ растений объясняется характеромъ преподаванія естественной исторіи въ австрійскихъ и вообще въ германскихъ школахъ. Ученики прежде всего знакомятъ съ тѣми предметами изъ всѣхъ царствъ природы, которые находятся на ихъ родинѣ, слѣдовательно, такъ сказать, предъ ихъ глазами. „Начинать изученіе естественной исторіи съ африканскихъ финиковъ, съ испанскихъ азіатскихъ деревьевъ, съ животныхъ Америки, которыхъ дѣти никогда не увидятъ, — безуміе“, говоритъ извѣстный педагогъ Керъ. При такомъ выборѣ матеріала ученики нѣмецкихъ школъ не только имѣютъ возможность непосредственно разсматривать тѣ или другіе предметы, что составляетъ важное условіе при изученіи естественной исторіи, но они вмѣстѣ съ тѣмъ близко знакомятъ съ тою природою, среди которой имъ придется жить. На вредъ и пользу въ обыденной жизни того или другаго растенія, минерала, животнаго также обращается съ самаго начала особое вниманіе при преподаваніи естественной исторіи въ школахъ. Такія спеціальныя изданія для народныхъ школъ, какъ стѣнная таблица Гартингера „Essbare und giftige Schwämme“, равно какъ и книга въ родѣ Гибеллевоу „Die nützlichen Vogel in unseren Acker, Wiesen, Garten und Wälder“, указываютъ на эту особенность, которая, пѣтъ сомнѣнія, имѣетъ большое значеніе вообще для учащихся, особенно же для дѣтей изъ поселанъ; кромѣ того, что дѣти этимъ пріохочиваются къ занятію предметомъ, они пріучаются къ осторожности въ пищѣ, пощадѣ животныхъ и подобное.

Но кромѣ коллекцій, принадлежащихъ школамъ, въ австрійскомъ отдѣленіи было много такихъ, которыми предназначались къ продажѣ. Изъ числа ихъ первое мѣсто занимали коллекціи Фрича, праж-

скаго торговца предметами естественной исторіи, и Эгера — вѣнскаго торговца. Двѣ коллекціи Фрича, предназначенныя для народныхъ школъ, особенно обращаютъ на себя вниманіе; одна изъ нихъ „Das technologische Museum“, представляетъ образцы числомъ болѣе 600 веществъ минеральныхъ, растительныхъ и животныхъ, употребляемыхъ въ технику, и названія которыхъ встрѣчаются во всѣхъ географическихъ учебникахъ: въ коллекціи показаны разныя ступени обработки нѣкоторыхъ изъ названныхъ веществъ. Коллекція такого рода цѣнится отъ 28 до 60 руб., смотря по составу и числу предметовъ. Это единственная коллекція въ такомъ родѣ. Выставленная въ германскомъ отдѣленіи коллекція Гестермана изъ Гамбурга представляла производство только стекла, бумаги, шерсти и шелка. Коллекція, составленная Фричемъ, распространена по многимъ школамъ, но онъ далеко не единственный въ Германіи поставщикъ такого рода полезныхъ для школъ коллекцій; химико-техническая лабораторія въ Мюнхенѣ приготовляетъ ихъ въ большомъ количествѣ не для однихъ народныхъ, но и для техническихъ школъ. Другая коллекція Фрича представляла типы минераловъ, встрѣчаемыхъ въ Чехіи и нѣкоторыхъ ближайшихъ мѣстностяхъ Австріи. Ящики, въ которыхъ уложены минералы, имѣютъ форму книги въ 8-ю долю; на одной сторонѣ помѣщены самыя минералы, на другой, въ особиыхъ лицевикахъ, обозначены формации, къ которымъ принадлежитъ тотъ или другой камень, пласть земли, примѣненіе его къ промыслу и мѣсто его нахождения. Цѣна ящику 1 руб. 70 коп. Кромѣ названныхъ коллекцій, Фричъ выставилъ кабинетъ естественной исторіи, предназначенный для гимназій и реальныхъ училищъ. Въ немъ содержится болѣе 4.000 предметовъ, въ числѣ коихъ находится 300 минераловъ, 1.400 высушенныхъ растений, 9 скелетовъ отдѣльныхъ частей тѣла животныхъ, 200 окаменѣлостей, 230 препаратовъ въ спирту и 50 поддѣльныхъ камней. Коллекція Фрича имѣютъ уже извѣстность и приобретаются не только нѣмецкими школами, но и французскими, англійскими и американскими. Упомянутая коллекція, по мнѣнію специалистовъ, считается образцовою, какъ по выбору предметовъ, такъ и по приспособленію всей коллекціи къ тому, чтобы можно было ею пользоваться съ удобствомъ и безъ особеннаго ухода. Животныя, находящіяся въ спирту, помѣщены такъ, что ихъ весьма удобно осматривать, и цилиндры такъ закупорены, что спиртъ цѣлѣе годы не испаряется. Эгеръ, вѣнскій торговецъ, также приготовляетъ школьныя коллекціи изъ всѣхъ царствъ природы. Зоологическая кол-

лекція въ 105 руб. содержитъ въ себѣ 5 чучелъ, 5 скелетовъ изъ млекопитающихъ, 20 птицъ, четыре амфибіи и 5 рыбъ. Но самыя замѣчательныя коллекціи выставлены были въ саксонскомъ отдѣленіи и принадлежать профессору Шауфуссу. Коллекціи эти трехъ родовъ: для народныхъ школъ, среднихъ и для гимназій. Первые двѣ коллекціи составлены примѣнительно къ двумъ распространеннымъ въ Саксоніи учебникамъ Лейниса (Schulnaturgeschichte). Всѣ три коллекціи обнимаютъ всѣ царства природы и представляютъ, смотря по объему курса, всѣ необходимыя предметы. Такъ, самая меньшая коллекція содержитъ около 10 высушенныхъ растений, 50 минераловъ, 50 насѣкомыхъ, два коралла, модель полиппа, одинъ анатомическій препаратъ, 50 палеонтологическихъ предметовъ, змѣю, ящерицу, нѣсколько родовъ птицъ, частью препарированныхъ, частью въ скелетахъ; 8 родовъ деревьевъ. Коллекція стоитъ 60 руб., она обязательна для народныхъ школъ и продается имъ въ Саксоніи па разсрочку, но съ поручительствомъ со стороны правительства. Коллекція для среднихъ школъ въ 240 руб. содержитъ въ себѣ, между прочимъ, черепъ человѣка, скелетъ руки, модель верблюда, гербарій въ 250 растений. Коллекція въ 1.250 руб. содержитъ скелетъ человѣка, черепъ въ разрѣзѣ, препарированный глазъ, мозгъ съ находящимися въ немъ нервами, гербарій Лейниса въ 1.000 растений, стѣнные карты Эльснера, рисунки на которыхъ, при художественномъ выполненіи, отличаются необыкновенною ясностью. Коллекціи двухъ послѣднихъ категорій, по мнѣнію специалистовъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Чучелы имѣютъ надлежащій видъ, хорошо скрѣплены въ своихъ частяхъ. Кости въ скелетахъ также имѣютъ хорошій видъ, такъ какъ выбѣлены надлежащимъ образомъ. Предметы изъ послѣднихъ двухъ коллекцій продаются отдѣльно, но значительно дороже, чѣмъ у другихъ продавцевъ.

Коль скоро при преподаваніи естественной исторіи не могутъ быть употребляемы предметы въ натурѣ, то прибѣгаютъ къ моделямъ или рисункамъ. Первые предпочтительнѣе послѣднихъ, но онѣ значительно дороже, а потому и на выставкѣ онѣ встрѣчались только въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ и въ небольшомъ количествѣ. Въ австрійскомъ отдѣленіи выставлены были два экземпляра моделей грибовъ: полезныхъ и вредныхъ, во французскомъ — модели плодовъ по преимуществу мѣстныхъ. Но есть такіе отдѣлы въ естественной исторіи, которые не могутъ быть изучаемы съ пользою иначе какъ при помощи моделей; таковъ весь матеріалъ, относящійся къ анато-

міи организмовъ. На выставкѣ были два рода замѣчательныхъ моделей такого рода: модели французскаго доктора Озу (во французскомъ отдѣленіи) и саксонскаго доктора и профессора Лейпцигскаго университета Бока. Модели Озу, какъ извѣстно, впервые появились въ 20-хъ годахъ; въ настоящее время существуетъ уже много моделей не только для изученія человѣческаго организма, но и многихъ животныхъ безпозвоночныхъ и насѣкомыхъ. Всѣ модели отличаются аккуратностью въ отдѣлкѣ и точностью въ изображеніи предметовъ. Стоитъ только посмотрѣть на модель глаза въ разрѣзѣ или на модель пчелы, чтобы убѣдиться, до какого совершенства доведено это производство. Модели эти вызвали уже подражаніе въ Германіи и у насъ, и подражанія эти нельзя назвать неудачными. Даже нѣкоторыя изъ нашихъ моделей, какъ напримѣръ, модель сердца, нога лошади, изготовленныя Фоссомъ и Гензеромъ, могутъ поспорить съ такими же моделями Озу; въ тому же наши модели и дешевле. Модели профессора Бока появились недавно, и въ настоящее время имѣется ихъ только 26, представляющихъ разные члены человѣческаго организма. Всѣ онѣ приготовлены изъ гипса и окрашены краскою, соответствующею натуральному цвѣту тѣла. Одни предметы обыкновенной величины, другіе, какъ напримѣръ, сердце, глазное яблоко, въ увеличенномъ размѣрѣ. Судя по вышедшимъ предметамъ, Бокъ вдается въ болѣшія подробности при представленіи въ моделяхъ частей человѣческаго тѣла, чѣмъ Озу; такъ онъ приготовилъ уже модель кожи, ознакомленіе съ строеніемъ которой составляетъ не только предметъ любознательности, но и можетъ принести прямую пользу въ отношеніи здоровья. Всѣ модели Бока изготовлены также отчетливо, какъ и модели Озу; по прочности же онѣ превосходятъ послѣднія, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего сдѣланнаго изъ проволоки и пузыря; цѣны же моделей Бока неизмѣримо ниже Озу. Независимо отъ вышеуказаннаго, преимущество моделей Бока предъ Озу состоитъ еще въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ, въ виду удешевленія, изготовлены въ разныхъ величинахъ; такъ, модель сердца большой величины стоитъ 4 руб., меньшей — 2 руб. 40 коп.

Изъ стѣнныхъ полныхъ атласовъ по естественной исторіи первое мѣсто занимаетъ роскошный атласъ Конта „Planches murales d'histoire naturelle“, Парижъ, 2-е изданіе. Весь атласъ состоитъ изъ 100 листовъ, изъ коихъ каждый величиною болѣе 1½ аршина. Рисунки всѣ по черному полю и отличаются необыкновенною отчетливостію.

На 54-хъ листахъ помѣщаются рисунки по зоологiи и анатомiи, причемъ особенно много мѣста отведено рисункамъ, представляющимъ органы дыханiя, кровообращенiя и пищеваженiя; 26 листовъ назначены для ботаники, а остальные для минералогiи. Рисунки растенiй нѣсколько менѣе рисунковъ минералогическихъ. Этотъ атласъ принадлежитъ къ числу лучшихъ, но по своей цѣнѣ (150 руб.) онъ доступенъ только весьма немногимъ школамъ. Другой новый атласъ (въ швейцарскомъ отдѣленiи) составленъ учителемъ секундарной цюрихской школы Ветштейномъ, „Wandtafeln für den Unterricht in der Naturkunde“. Атласъ состоитъ изъ 104-хъ листовъ, изъ коихъ каждый въ 1¹/₄ аршина длины и 14 вершковъ ширины. По содержанiю онъ отличается отъ перваго тѣмъ, что въ немъ нѣтъ отдѣла по минералогiи, но за то находится отдѣлъ физическiй, въ который вошли рисунки, на примѣръ, часовъ, вѣтряной мельницы, телеграфнаго аппарата, парохода и т. д.; 39 листовъ назначаются для ботаники, 40 листовъ для зоологiи, а остальные для физики. Рисунки частiю раскрашены, частiю темные, но всѣ одинаково отчетливы. Въ отдѣлѣ ботаническомъ представлены, главнымъ образомъ, физиологiя и анатомiя растенiй и только самыя замѣчательныя роды растенiй; отдѣлъ зоологическiй содержитъ анатомiю человѣческаго тѣла и главные роды животныхъ. Рисунки по физиологiи и анатомiи растенiй увеличены, такъ на примѣръ, крахмалъ картофельный увеличенъ въ 5000 разъ, мускулъ человѣческiй въ разрѣзѣ увеличенъ въ 8000 разъ. Атласъ этотъ обязателенъ для народныхъ и секундарныхъ школъ цюрихскаго кантона. Къ этому атласу принадлежитъ книга, составленная тѣмъ же авторомъ: „Leitfaden für den Unterricht in der Naturkunde am Secundarschulen, mit 350 Holzschnitten“. Zürich, 1867. Въ другой книгѣ: Lehrbuch für die Volksschule, съ 200 рисунками, на 313-ти страницахъ содержится матеріалъ, подлежащiй усвоенiю на память, на 202-хъ помѣщены коротенькiя статейки, извлеченныя изъ сочиненiй знаменитыхъ натуралистовъ, какъ-то: Гумбольдта, Араго, Дарвина, Брема и под. Цѣна атласу безъ книги для другихъ странъ около 13 руб. Атласъ по технической отдѣлкѣ и величинѣ рисунковъ стоитъ несравненно выше распространенныхъ у насъ атласовъ Шуберта и Рупрехта. Правда, послѣднiй атласъ превосходитъ цюрихское изданiе объемомъ содержанiя, такъ какъ въ немъ есть и рисунки по минералогiи.

Изъ атласовъ, обнимающихъ какую-нибудь часть изъ естественной исторiи, замѣчателенъ зоологическiй атласъ Пранга (Natural history

series, Бостонъ), распространенный въ школахъ нѣкоторыхъ Американскихъ Штатовъ; на атласѣ изображены только главныя животныя изъ каждаго семейства, но въ большихъ размѣрахъ сравнительно со всѣми нѣмецкими зоологическими атласами. Изъ нѣмецкихъ специальныхъ атласовъ обращаетъ на себя вниманіе атласъ Фидлера, доктора медицины, составленный по порученію саксонскаго министра народнаго просвѣщенія и изданный Мейнгольдомъ. Въ атласѣ четыре раскрашенныя таблицы, въ которыхъ содержится все, что необходимо для элементарнаго ознакомленія съ устройствомъ человѣческаго тѣла; цѣна 2 руб. 50 коп. Въ дополненіе къ этому атласу профессоръ анатоміи лейпцигскаго университета издалъ двѣ карты, на которыхъ представлены анатомія глаза и уха по послѣднимъ изслѣдованіямъ. Однакоже не дорогъ другой атласъ „Anatomische Wandtafeln v. Hans Kundgat, изданный Гартингеромъ въ Вѣнѣ; онъ состоитъ изъ пяти раскрашенныхъ таблицъ. Въ заключеніе нельзя не указать на замѣчательный атласъ по геологіи „Geologische Wandtafeln“ профессора Фрааса; онъ состоитъ изъ четырехъ листовъ, изъ коихъ каждый болѣе 13 вершковъ длины и аршинъ ширины. Авторъ далъ себѣ задачу представить въ картинахъ образованіе земли и выполнилъ ее весьма удачно. Цѣна 2 руб. 40 коп.; при атласѣ есть краткій текстъ.

Физическіе кабинеты. Физика, какъ предметъ самостоятельный, стала входить въ нѣмецкія, а равно швейцарскія и шведскія народныя школы только въ послѣднее десятилѣтіе; ранѣе этого времени въ школахъ объяснялись только нѣкоторыя главныя физическія явленія, какъ-то свѣтъ, тепло, и притомъ безъ аппаратовъ. Въ настоящее время этотъ предметъ преподается обширнѣе и при помощи аппаратовъ, о чемъ можно судить уже потому, что во всѣхъ почти педагогическихъ отдѣленіяхъ были физическіе аппараты, предназначенные для школъ. Но полныя кабинеты были выставлены только въ отдѣлахъ австрійскомъ, саксонскомъ и виртембергскомъ. Въ австрійскомъ отдѣленіи выставлены были кабинеты для народной школы и для гимназій и реальныхъ училищъ, составленные по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія придворнымъ вѣнскимъ механикомъ Гаукомъ. Первый кабинетъ стѣитъ 200 руб., а второй 4.200 руб. Кабинетъ Гаука для народной школы, конечно, не доступенъ по причинѣ своей цѣны; австрійскія школы по крайней мѣрѣ имѣютъ кабинеты, стѣющіе значительно менѣе, какъ это можно судить по цѣнамъ на таковыя въ вѣнскихъ магазинахъ: такъ, магазинъ Пихлера изготовляетъ физическіе кабинеты для одноклассныхъ школъ въ 11 руб.

для многоклассныхъ въ 17 руб. Но роскошныя кабинеты, подобныя кабинетамъ Гаука, помимо цѣны, не желательны для народныхъ школъ и по педагогическимъ соображеніямъ, именно: блестящіе аппараты даютъ учащимся поводъ думать, что опыты не могутъ быть производимы безъ цѣнныхъ пособій и, такимъ образомъ, они ослабляютъ любознательность въ нихъ. Не безъ основанія же Керъ совѣтуетъ, какъ можно болѣе пользоваться при объясненіи физическихъ законовъ подручными средствами, или же заставлять самихъ учениковъ готовить аппараты. Что ученикамъ предоставляется подобнаго рода работа въ нѣмецкихъ школахъ, объ этомъ можно судить по двумъ ученическимъ, очень удачнымъ аппаратамъ, которые были выставлены въ австрійскомъ отдѣленіи. Но вообще требованіе Кера можетъ быть допущено только въ малыхъ размѣрахъ. Извѣстно изъ опыта, что не только ученическіе, но даже приготовленные оптиками, но дешевые аппараты дѣйствуютъ неудачно, что затрудняетъ учителей, особенно неопытныхъ. Въ періоды существованія въ Саксоніи одноклассныхъ школъ употребляемъ былъ кабинетъ Геринга, стоящій около 8 руб.; жалобы на неудобство его между учителями былъ всеобщіи. На вѣнской выставкѣ саксонскій учитель Лукасъ выставилъ новый кабинетъ, превосходящій кабинетъ Геринга, не столько по количеству предметовъ, сколько по качеству, и этотъ кабинетъ стоить уже въ три раза дороже перваго. Главныя аппараты изъ коллекціи Лукаса были испытаны экспертами выставки и оказались вполне удовлетворительными. Особенность нѣкоторыхъ изъ аппаратовъ состояла въ томъ, что они сдѣланы просто и въ случаѣ порчи могутъ быть исправлены самимъ учителемъ. Лукасъ также приготовляетъ болѣе дорогіе физическіе кабинеты, именно въ 48 руб. Въ саксонскомъ отдѣленіи также былъ выставленъ каталогъ физическаго кабинета одной изъ саксонскихъ гимназій, составленный по порученію министра народнаго просвѣщенія. По этому каталогу значится почти столько же аппаратовъ, какъ и въ пространномъ каталогѣ, составленномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ г. Краевичемъ. Цѣна ему 1.400 руб.

Пособія по географіи. Наглядныя пособія по географіи представлены были, начиная съ первыхъ элементовъ и оканчивая высшимъ курсомъ. Австрійскій и германскій отдѣлы особенно представляли богатый выборъ въ такого рода пособіяхъ. Орученіе географіи, какъ извѣстно, начинается съ родимовѣдѣнія. Эта учебная дисциплина совершенно уже привилась въ германскихъ, швейцарскихъ, шведскихъ школахъ; на венгерскомъ языкѣ даже существуетъ два руководства

по этому предмету. Вышій министр народнаго просвѣщенія во Франціи, г. Ж. Симонъ, пытался ввести ее во французскихъ школахъ. „Методъ, употребляемый до сихъ поръ при преподаваніи географіи, говорится въ циркулярѣ его, противорѣчитъ логикѣ и опыту. Начинали съ неизвѣстнаго, чтобы придти къ извѣстному; вмѣсто того, чтобы странствовать съ ученикомъ по полямъ, ему говорили о земномъ глобусѣ, о которомъ онъ не имѣлъ никакой идеи; считали нужнымъ ознакомить его съ Австраліей или Китаемъ прежде своего департамента“. Въ австрійскомъ отдѣленіи выставлено было много работъ учениковъ, состоящихъ въ планахъ мѣстности своей родины, простыхъ и рельефныхъ, которые указываютъ, что изученіе родино-вѣдѣнія, какъ предмета, даетъ хорошіе результаты въ школахъ. Однимъ учителемъ выставлено было въ рукописи методическое руководство къ этому предмету. Это небольшая тетрадка „*Heimatkunde und Geographie für Volksschulen v. Huala*“, въ которой находится 12 чертежей и краткій текстъ. Первые три чертежа знакомятъ учениковъ съ горизонтомъ и странами, причѣмъ ученики ставятся на разные пункты, съ которыхъ они и различаютъ страны свѣта; четвертый чертежъ представляетъ классную комнату и улицу, на которую она выходитъ, пятый—сосѣднюю съ классомъ комнату, шестой—весь домъ. Въ остальныхъ чертежахъ представлены тѣ же комнаты, но съ другой стороны, затѣмъ главные площади, улицы, окрестности города, округъ и наконецъ Моравія. Другимъ преподавателемъ выставлены были не только планъ мѣстности, которымъ онъ пользуется при преподаваніи отечествовѣдѣнія, но и коллекція минераловъ, растений, на которые ему приходится ссылаться при преподаваніи. Для нагляднаго ознакомленія съ элементами физической географіи всѣ отдѣлы, за исключеніемъ американскаго и шведскаго, представили особыя рельефныя модели. По извѣстной отдѣлкѣ обращала на себя вниманіе модель, выставленная въ двухъ экземплярахъ въ отдѣлахъ французскомъ и бельгійскомъ, но по простотѣ и большей доступности заслуживаетъ вниманія модель Браута, выставленная въ австрійскомъ отдѣленіи (*Veranschaulichung für den geographischen Unterricht*), при помощи которой можетъ быть объяснено болѣе тридцати случаевъ изъ физической географіи.

Отъ родиновѣдѣнія ученики переходятъ къ глобусу. Производство глобусовъ въ Германіи пришло въ настоящее время большіе размѣры; географическій институтъ въ Веймарѣ изготовляетъ глобусы физическіе, политическіе, геологическіе, лунные. Шотте, сверхъ того, изго-

товляетъ глобусы рельефныя. Названныя глобусы мало по малу вытѣсняють изъ школъ прежніе, какъ напримѣръ, глобусы Ииле и Баура, и особенно удобныя для начальныхъ школъ глобусы складныя (пневматическія). Глобусы названныхъ фирмъ превосходятъ, конечно, по изящности отдѣлки и точности, глобусы прежніе, но по цѣнѣ они не такъ дешевы, какъ можно было бы ожидать при значительномъ производствѣ ихъ. Особенно же дороги глобусы астрономическія. Tellurium и Lunarium Шотте, самый простой, который можетъ служить только для домашняго употребленія, стоитъ 15 руб.; самый же простой Planetarium стоитъ 48 руб. Съ недавняго времени появилась въ Вѣнѣ фабрика Шеннингера, которая изготовляетъ астрономическія глобусы, очень удобныя для школьнаго употребленія и недорогія сравнительно съ другими. Такъ, одинъ глобусъ его работы, служащій вмѣстѣ съ тѣмъ какъ соларій, лунарій и теллуриій, стоитъ 15 руб., но и эта цѣна высока для школъ, особенно для низшихъ. Директоръ одной саксонской учительской семинаріи, Пюшманъ, выставилъ болѣе дешевыя аппараты двухъ категорій: одни для народныхъ школъ, другіе для реальныхъ училищъ и гимназій. Къ первой категоріи принадлежатъ три аппарата: 1) Volksschul-Tellurium mit Lunarium, конструкціи одинаковой съ существующими пособиями такого рода, но нѣсколько упрощенной. Цѣна отъ 3 руб. 60 коп. до 6 руб., смотря по величинѣ глобуса. 2) Planetarium, представляющій путь земли и луны, а равно Меркурія и Венеры. На немъ изображается путь земли въ видѣ эллипсиса, а путь луны въ видѣ спирали, слѣдовательно, даются ученикамъ такія представленія, какихъ не можетъ дать обыкновенный теллуриій; кромѣ того, при помощи этого аппарата получается представленіе о неодинаковомъ отдаленіи отъ солнца земли и луны. Цѣна 7 руб. 20 коп. 3) Теллуриій съ лунариємъ, одной величинѣ со вторымъ. Цѣна 3 руб. 60 коп.

При помощи названныхъ аппаратовъ объясняется слѣдующее: 1) годовое движеніе земли и луны, 2) появленіе дня и ночи, 3) фазы луны, 4) затмѣніе солнца и луны, 5) времена года, 6) приливъ и отливъ. При помощи втораго аппарата, сверхъ того, объясняется путь Меркурія и Венеры.

Аппараты, назначаемыя для высшихъ школъ, вводятъ учащихся въ новый кругъ представленій. Въ то время, какъ простой планетарій указываетъ на движеніе планеты вокругъ солнца, неподвижно стоящаго, первый аппаратъ, назначаемый для реальныхъ училищъ, *Spiral Planetarium* указываетъ пути движенія планетъ кругомъ солнца

движущагося, причемъ приближительно соображена длина пути разныхъ планетъ. Второй аппаратъ Jupiter-Spiral-Lunarium сообщаетъ ученикамъ, знакомымъ уже съ движениемъ земли съ однимъ спутникомъ, представление о движеніи планеты (Юпитера) со многими спутниками, причемъ легко уже можно дать объясненіе о всей солнечной системѣ. Послѣдній аппаратъ представляетъ видимое движеніе солнца въ теченіе года и луны въ теченіе мѣсяца. Цѣна послѣднихъ трехъ аппаратовъ отъ 24-хъ до 36-ти рублей. Нельзя не замѣтить, что всѣ аппараты, за исключеніемъ перваго, занимаютъ много мѣста и требуютъ бережливаго обращенія съ ними. Первый же аппаратъ имѣетъ всѣ необходимыя условія, дѣлающія его удобнымъ для употребленія въ классѣ, и онъ уже употребляется во многихъ низшихъ школахъ.

Чертежи также могутъ служить нагляднымъ пособіемъ при астрономической географіи. Въ нѣмецкой учебной литературѣ существуетъ нѣсколько такихъ изданій, изъ коихъ выставлены были слѣдующія: Atlas der Astronomie v. *Karl Brunhs* съ текстомъ (въ саксонскомъ отдѣлѣ); но этотъ прекрасно отлитографированный атласъ можетъ быть пригоденъ только при изученіи космографіи, но не для начальнаго ознакомленія съ астрономической географіею. Послѣдней цѣли лучше могутъ служить „*Astronomische Tafeln zum Unterricht für Jugend*“ v. *Schuster*, бывшіе въ австрійскомъ отдѣленіи. Рисунки въ большомъ масштабѣ и весьма наглядны. Кромѣ того, были выставлены, извѣстныя уже съ давнихъ поръ, прекрасныя и подробныя карты Ветцеля.

Послѣ пособій для изученія географіи астрономической, особенно важны пособія для изученія географіи физической. Карты рельефныя служатъ самымъ лучшимъ нагляднымъ пособіемъ для ознакомленія съ поверхностію земли и ея измѣненіями. Но рельефныя карты, представляющія цѣлыя части, какъ карты Шотте (Россія, Европа, Азія, Америка, Африка) и Вауэркеллера имѣютъ то неудобство, что вершины горъ выражены на нихъ не пропорціонально съ размѣрами поверхности и, слѣдовательно, рельефъ даетъ не вполне вѣрное представленіе о поверхности земли. Карты рельефныя спеціальныя, въ увеличенномъ масштабѣ, не имѣютъ означеннаго недостатка и онѣ наилучшимъ образомъ служатъ своей цѣли, особенно при черченіи. Такимъ рельефнымъ картамъ при преподаваніи географіи придается особенное значеніе въ австрійскихъ школахъ, о чемъ можно заключить уже и потому, что австрійское министерство народнаго просвѣщенія нѣсколько лѣтъ назадъ издало четыре примѣрныхъ рельефныхъ

карты, изображающих отдѣльными мѣстности; въ Австріи также вышли замѣчательныя модели профессора Диккерта, представляющія виды Везувія, Этны, острова Тенерифа съ вулканомъ Пиве-де-Тейде, изъ коихъ нѣкоторыя были выставлены одною вѣнскою гимназіею въ числѣ учебныхъ пособій. Другой вѣнскій ученый, Гогенштеттеръ, воспроизвелъ въ химической лабораторіи посредствомъ расплавленной сѣры процессъ вулканическаго изверженія и, такимъ образомъ, подтвердилъ опытомъ новую теорію о происхожденіи вулканическихъ горъ посредствомъ наслоенія и, кромѣ того, получилъ изображеніе вулкана; изображеніе это такъ наглядно, что съ перваго раза кажется лава, какъ бы текущею; иллізіемъ такой помогаетъ соответствующая дѣйствительному цвѣту окраска слоевъ лавы. Но со стороны прочности эта модель менѣе надежна, чѣмъ модели, приготовляемыя изъ папье-маше и гипса. Изъ послѣдняго матеріала приготовлена замѣчательная модель Монблана во французскомъ отдѣленіи, длиною около 1¹/₂ аршина, шириною аршинъ. Но какъ ни полезны всѣ такого рода пособія, они не доступны школамъ по причинѣ высокихъ цѣнъ и непрочности матеріала. Попытка приготовить рельефы гальвано-пластически изъ мѣди пока еще не принесла никакой пользы школѣ; также, конечно, останется безъ послѣдствій и попытка одного Американца приготовить эти модели изъ чугуна (образчики были выставлены въ американскомъ отдѣленіи). Оберъ-лейтенантъ австрійскій Кэхертъ выставилъ пластическую карту Австро-Венгрии, на которой горы и возвышенности изображены при помощи деревянныхъ маленькихъ брусковъ, окрашенныхъ въ разные цвѣта для обозначенія породы горъ, какъ это принято въ атласѣ Симони (*Physiognomischer Atlas der Oesterreichischen Alpen*), — карта съ надписями, но трудно разбираемыми, такъ какъ она слишкомъ испещрена разными отгѣнками возвышеній. На практикѣ она можетъ служить только, какъ красивая картина, наравнѣ съ картою, выставленною въ венгерскомъ отдѣленіи и представляющею въ рельефѣ глубину Адриатическаго моря, но употреблять ее невозможно, такъ какъ она требуетъ слишкомъ осторожнаго съ собою обращенія.

Той же цѣли, какъ и карты рельефныя, могутъ служить выставленныя въ швейцарскомъ отдѣленіи карты, представляющія видъ горной мѣстности въ разрѣзѣ. Проектъ слѣдующій: на 23-хъ стеклянныя пластинкахъ, величиною немного менѣе полулиста бумаги, представлены въ горизонтальныхъ линіяхъ, окрашенныхъ въ разные цвѣта, пласты горъ. Пластинки эти поставлены ребромъ, на разстояніи

вершка одна отъ другой, на доску, на поверхности которой изображена графически данная мѣстность. Если смотрѣть съ боку, то получается необыкновенно ясное представленіе пластовъ горъ. Эта карта представляетъ часть изъ Botzer-Tunnel у Базеля. Такая же карта изготовлена доцентомъ Цюрихскаго политехническаго института изъ бумаги, причемъ верхнія части листовъ срѣзаны соответственно направленію горныхъ пластовъ. При обученіи географіи подобнаго рода пособія составляютъ уже роскошь и могутъ быть замѣнены геологическимъ атласомъ Фраса. Для ознакомленія же съ поверхностію лучшее и доступное пособіе, это — карты Рааца (Азія и Германія), воспроизведенныя при помощи литографіи съ картъ рельефныхъ. Горы на нихъ такъ хорошо воспроизведены, что даже при внимательномъ разсматриваніи онѣ кажутся выпуклыми, рѣки и озера также обозначены отчетливо. Недостатки ихъ: плоскогорья съ трудомъ отличаются отъ низменностей, нѣкоторыя горныя группы также съ трудомъ различаются одна отъ другой.

Послѣ картъ рельефныхъ, важны карты физическія раскрашенныя. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ карты Сидова и карты американскія, изданныя подъ редакціею Guuot. Сидову впервые удалось сообщить картамъ большую наглядность чрезъ введеніе разныхъ цвѣтовъ для обозначенія низменностей, горъ, воды. Карты американскія появились позднѣе картъ Сидова и могутъ быть названы подражаніемъ послѣднимъ. Вышшія на выставкѣ американскія карты Guuot превосходятъ карты Сидова, благодаря меньшему числу географическихъ данныхъ, большому масштабу и яркости красокъ. Но къ сожалѣнію, онѣ производятъ на глаза нѣсколько раздражающее дѣйствіе по причинѣ преобладанія краснаго цвѣта, чего не замѣчается въ отношеніи картъ Сидова, на которыхъ преобладаетъ болѣе удобный для глазъ цвѣтъ зеленый.

Другія карты, вызванныя Сидовымъ — клеенчатая карта Фогеля и Деляча (Европа, восточное и западное полушарія) чрезвычайно наглядно представляютъ поверхность земли и ея измѣненія. Нѣсколько уступаетъ Фогелю въ наглядности гидрографическая карта Германіи Моля.

Изъ политическихъ картъ, нѣтъ сомнѣнія, болѣе соображены съ педагогическими требованіями карты американскія, изданныя Charles Scribner'омъ. Всѣ онѣ составлены въ большемъ масштабѣ, чѣмъ карты нѣмецкія, и при этомъ не переполнены фактами географическими, какъ послѣднія; благодаря этому, въ нихъ все главное выдвигается

съ необыкновенною ясностію. Съ технической стороны онѣ нисколько не уступаютъ самымъ лучшимъ нѣмецкимъ картамъ. Затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе карты Коцента, издаваемые Гольцелемъ въ Вѣнѣ. Эта фирма существуетъ съ недавняго еще времени и ею изданы только полушарія и главныя земли, составляющія Австрійскую имперію. Издатель, видимо, старается избѣжать тѣхъ недостатковъ, которыми обыкновенно страдаютъ лучшія фирмы Германіи; на картахъ нанесены только самыя главныя данныя какъ изъ физической, такъ и политической географіи; надписи сдѣланы весьма крупнымъ и разныхъ величинъ шрифтомъ. Карты эти дешевле самыхъ дешевыхъ картъ Голле, Гандтге и другихъ.

Но при всемъ богатствѣ нѣмецкой учебной литературы картами, нельзя не замѣтить отсутствія картъ, вполне приуроченныхъ къ требованіямъ народной школы. Въ прусскихъ народныхъ школахъ употребляется рекомендованная министерствомъ народного просвѣщенія карта Европы Оманна (*Schulwandkarte von Europa in XVI Blättern. Berlin, 1864 г.*). Изъ числа учебныхъ, это самая большая карта; поверхность ея около квадратной сажени; границы государствъ, части въ каждомъ изъ нихъ, затѣмъ города представлены ясно; но физико-географическія данныя, имѣющія особенную важность для народной школы, выражены такъ не ясно, что не всегда можно отличить главную рѣку отъ второстепенной. Недостаткомъ въ продажѣ картъ, удобныхъ для народныхъ школъ, объясняется и тотъ фактъ, что учителя народныхъ школъ сами составляютъ карты и только для своихъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, учителя Готской семинаріи сами составили для своего заведенія двѣ карты Германіи — физическую и политическую; при нанесеніи данныхъ, они не погрѣшили противъ требованія, высказаннаго еще А. Гумбольдтомъ, что „только карты, кажущіяся пустыми, отпечатлѣваются въ памяти“, и взяли лишь самое существенное; размѣры же карты таковы, что она можетъ быть читаема учениками на разстояніи болѣе чѣмъ 20 футовъ. Такова же карта Моравіи, составленная корпораціею учителей Ольмюцкой бургерской школы. Нельзя не упомянуть при этомъ, что наша народная школа въ этомъ отношеніи счастливѣе, чѣмъ нѣмецкая, ибо она можетъ приобрести такую карту Россіи, изданную въ недавнее время г. Лебедевымъ, отъ которой со стороны наглядности нельзя ничего болѣе требовать.

Изъ большаго количества атласовъ, бывшихъ на выставкѣ, я ограничусь указаніемъ только на самыя лучшія и дешевые. Къ числу луч-

нихъ принадлежить атласъ Лихтенштерна и Ланге „Neuester vollständiger Schul-Atlas für Gebrauch der oberen Klassen“ Атласъ состоитъ изъ 44 картъ; всѣ онѣ вырѣзаны на стали; для Европы, Германіи сѣверной и южной, Швейцаріи, Франціи и Италіи, Англіи, Азіи, Индіи, Америки отведено по двѣ карты, одна физическая, другая политическая. Всѣ карты очень наглядны, море окрашено синимъ цвѣтомъ, низменность — желтымъ, плоскогорье — бѣлымъ, горы — чернымъ. Цѣна этому атласу, который по наглядности превосходитъ атласъ Сидова и можетъ замѣнить даже карты рельефина, — 2 руб. 40 коп. Другой замѣчательный атласъ „Illustrirter Hand-Atlas für Freunde der Erdkunde und zum Gebrauch bei dem Unterricht, von Leder und Schode, Leipzig, Brockhaus“. Въ атласѣ 22 карты, вырѣзанныя на стали. Размѣръ картъ не болѣе квадратной четверти, но искусная окраска дѣлаетъ ихъ вполне четкими и наглядными. По полямъ каждой изъ нихъ помѣщены прекрасные рисунки, составляющіе какъ бы дополненіе къ мѣстности, изображаемой графически. Въ нихъ изображаются типы жителей, представители животныхъ, растеній, замѣчательныя мѣстности, особенныя явленія природы, равно какъ и произведенія архитектуры. Рисунки всюду выполнены отчетливо, мѣстами изящно; нѣкоторые изъ нихъ взяты изъ картинъ. Приложенный къ атласу текстъ отличается краткостью, но въ то же время вполне объясняетъ представленное на картахъ и рисункахъ. Цѣна 10¹/₂ рублей.

Между дешевыми школьными атласами особенно замѣчательнъ „Kleiner Schul-Atlas für die unteren und mittleren Klassen“, проектированный цѣлою комиссіею берлинскихъ педагоговъ и изданный подъ редакціею знаменитаго географа и картографа Кипперта. Цѣна 40 коп. Атласъ состоитъ изъ 22 картъ, изъ коихъ каждая болѣе квадратной четверти. Въ числѣ ихъ двѣ карты для полушарій; для Германіи назначается карта физическая и политическая. Границы государствъ, названія главныхъ городовъ, горы представлены отчетливо; техническое выполненіе безукоризненно. Въ концѣ атласа приложено руководство для произношенія иностранныхъ названій. Если бы карты собственно нѣмецкихъ земель не были испещрены излишними названіями, то атласъ вполне отвѣчалъ бы требованіямъ низшей школы. Другой дешевый атласъ доктора Генриха Ланге „Neuerer Volksschul-Atlas“, состоящій изъ 32 картъ. Цѣна 32 копѣйки. Атласъ этотъ менѣе изященъ, чѣмъ атласъ Кипперта, но къ школѣ онъ болѣе приимчивъ. Полушарія не испещрены у Ланге, какъ у Кипперта, срав-

нительная таблица высотъ представлена рельефнѣе. Такъ какъ атласъ этотъ составленъ для австрійскихъ народныхъ школъ, то всѣ карты, относящіяся къ Австрійской имперіи, очень отчетливы и ясны, земли Германіи также представлены болѣе наглядно чѣмъ у Кипперта; помѣщена карта Палестины съ планомъ древняго Іерусалима; кромѣ того карта окрестностей Вѣны, планъ Брюнна,—всего этого нѣтъ у Кипперта. Къ числу дешевыхъ атласовъ относится и „Normallandkarten“ v. H. Vogel, Wien und Prag, состоящій изъ 35 картъ, напечатанныхъ на писчей бумагѣ въ полъ-листа величины. Очертаніе страны обозначается тонкими, но замѣтными для глаза штрихами, рѣки—толстыми синими линиями, горы—обыкновеннымъ способомъ въ видѣ гусеницы. Данныхъ на нихъ весьма немного; другія же данныя по требованію могутъ быть наносимы самими учениками карандашемъ или чернилами, смотря по надобности. Цѣна атласу 22 коп.

Изъ методическихъ атласовъ, которыхъ не мало въ нѣмецкой литературѣ, выставленъ былъ только (въ австрійскомъ отдѣлѣ) атласъ Штесснера „Elemente der Geographie in Karten und Text. Annaberg, 1871“, шестое изданіе. Авторъ выходитъ изъ положенія, что при преподаваніи географіи, какъ и другихъ предметовъ, матеріалъ болѣе легкій для усвоенія долженъ предшествовать болѣе трудному и что текстъ и карта должны быть въ самой тѣсной связи между собой. На этомъ основаніи атласъ состоитъ изъ трехъ частей, изъ коихъ въ каждой высшей содержатся новыя факты и повторяются старыя; все старое обозначается темною краскою, новое—красною; къ каждой части приложенъ краткій текстъ. Коль скоро атласъ разложенъ, то съ лѣвой стороны ученика будетъ текстъ, а на правой соответствующая тексту карта; въ текстѣ всѣ новыя данныя напечатаны крупнымъ шрифтомъ. Кромѣ того для каждаго курса существуютъ вопросы въ особой тетради (Geographische Fragen für Schüler zur Einübung). Атласъ по матеріалу отвѣчаетъ нашему гимназическому курсу. Сверхъ этого, въ немъ содержатся: карта желѣзныхъ дорогъ Германіи; карта распредѣленія по земному шару главныхъ животныхъ, растений; карта, показывающая страны, въ которыхъ воздѣлываются сахаръ, кофе, хлопчатая бумага, рисъ, маисъ, табакъ; наконецъ, все это заключается картою для упражненія учениковъ въ распознаванія широты и долготы мѣста и морскихъ теченій. Атласъ Штесснера заслуживаетъ вниманія преподавателей; методъ, предлагаемый имъ, самый цѣлесообразный; съ небольшими измѣненіями, этого метода держатся въ швейцарскихъ школахъ. Замѣтимъ только при этомъ, что съ изу-

ченіемъ номенклатуры, находящейся въ атласѣ, соединяется чтеніе статей изъ географическихъ сборниковъ, для чего отводятся особые классы. Образецъ урока по Штёсснеру помѣщенъ въ курсѣ педагогики „Die Fundamentablehre der Evangelischen Volksschul-Pedagogik v. Jastram“.

Другой методическій атласъ былъ выставленъ въ американскомъ отдѣленіи, это—атласъ Guyot „The Earth and its inhabitants, 1872“. Въ этомъ атласѣ предлагается тотъ же методъ черченія картъ, который уже давно былъ указанъ нѣмецкимъ педагогомъ Опперманомъ, и по которому всѣ изображаемыя мѣстности подводятся подъ геометрическія фигуры. Мы имѣемъ свое руководство для такого способа черченія, именно, въ географическомъ атласѣ, изданномъ въ 1871 году учителемъ Херсонской гимназіи Шиповымъ.

Для облегченія учениковъ при процессѣ черченія существуютъ разные атласы и карты съ готовыми сѣтками; на сѣткахъ одного рода, какъ напримѣръ, Равенштейна, Сидова, помѣщены точки, линіи, углы, даже контуры; на другихъ помѣщены только сѣти. Изъ такихъ пособій обращаетъ на себя вниманіе „Kaiserlich königl. priv. geographische Schul-Karten von Stein, Wien und Prag“. Этотъ атласъ состоитъ изъ двухъ частей: въ одной находятся карты Европы и разныхъ частей Австріи, начерченные на черной шиферной бумагѣ; въ другой—сѣтки, соответствующія числу картъ. На этихъ сѣткахъ, какъ и на сѣткахъ Фогеля и Делича ученикъ можетъ чертить карты, стирать ихъ какъ на аспидной доскѣ. Гашеттомъ во французскомъ отдѣленіи выставлена сѣтка желѣзная, въ родѣ сѣтки г. Михайлова, на которой можно чертить только особымъ карандашомъ. Также обращаютъ на себя вниманіе карты Уленхута „Karten und Modelle mit Gradnetzen zum Erleichterung der geographischen Unterrichts und für Förderung des Kartenzeichnens. Berlin“. На каждомъ листѣ атласа, около четверти квадратной, выдавленъ рельефъ той или другой страны, параллели же и меридіаны имѣютъ видъ вогнутыхъ линій. Эти модели назначаются для низшихъ классовъ; ученики, при употребленіи ихъ, должны обводить карандашомъ выпуклости, что облегчаетъ имъ усвоеніе данной фигуры и слѣдательно тратится менѣе времени на приобрѣтеніе навыка чертить на память. Въ изданіи существуетъ восемь серій, въ числѣ которыхъ одна назначается для древней географіи. Каждая серія, отъ 16 до 20 листовъ, стоитъ отъ 25 до 35 копѣекъ.

Пособія по исторіи. Наглядныхъ пособій по исторіи выставлено было менѣе чѣмъ по географіи. Но замѣчательно, что существуетъ

уже достаточно стѣнныхъ картинъ, служащихъ пособіемъ при обученіи исторіи въ народныхъ школахъ, не смотря на то, что названный предметъ, какъ самостоятельный, введенъ въ германскихъ школахъ съ весьма недавняго времени. Первое мѣсто въ ряду такихъ пособій занимаетъ „Genealogische - chronologische Karte von Oesterreich“, составленная учителемъ австрійской сельской школы Христіани. Карта эта около 1½ квадратныхъ аршина и содержитъ въ себѣ, въ видѣ родословнаго дерева, изображенія всѣхъ государей Германіи и Австріи, начиная съ Карла Великаго и оканчивая Францомъ II. Всѣ рисунки раскрашены и весьма изящны, ясны, хотя каждый изъ нихъ не болѣе фотографической карточки. Эта таблица существуетъ пока въ одномъ экземплярѣ и далеко оставляетъ за собой другую таблицу, очень дешевую (20 копѣекъ) „Die deutschen Kaiser nach Bilder deutscher Künftlern, Leipzig“. Въ австрійскомъ отдѣленіи также выставлены были „Bilder aus der Geschichte für Schule und Hause“, представляющія нѣкоторыя важнѣйшія событія изъ австрійской и вообще нѣмецкой исторіи. До сихъ поръ вышло 12 таблицъ; составлены онѣ по предложенію одного изъ училищныхъ инспекторовъ Австріи. Подобнаго же рода картины издаются въ Лейпцигѣ Флиндеромъ, подъ названіемъ: „Historische Bildertafeln“. Оба изданія не отличаются художественностію, но для школы онѣ во всякомъ случаѣ полезны. Значительно болѣе пособій было выставлено по древней исторіи, а именно въ австрійскомъ отдѣленіи 20 олеографическихъ стѣнныхъ картинъ, представляющихъ зданія древнаго міра „Bilder zur Geschichte für Gymnasien und Realschulen, v. J. Langl“. Эти картины слѣдующія: 1) храмъ браминскій на о. Элефантинѣ; 2) храмъ Эллорскій; 3) храмъ Магамалапурскій; 4) развалины города Нимврода; 5) развалины Хорзабада; 6) гробница Кира; 7) развалины Персеполя; 8) гробницы царей Персидскихъ; 9) развалины храма и гробницы Исамбула; 10) развалины храмовъ Озириса и Изиды; 11) развалины Фивъ; 12) колоссъ мемнонскій; 13) сфинксъ и пирамида; 14) львиныя ворота въ Микенахъ; 15) сѣверная сторона афинскаго Акрополиса; 16) южная сторона Акрополиса; 17) Эрехтеонъ; 18) театръ Вакха; 19) памятникъ Лизикрата; 20) храмъ Зевса на о. Эгвинѣ. Эти картины составляютъ первый выпускъ изданія, предпріяятаго учителемъ рисованія въ одной изъ вѣнскихъ гимназій. Второй выпускъ будетъ содержать изображенія зданій римской, византійской и мавританской архитектуры; третій выпускъ—зданія архитектуръ романской и готической эпохи возрожденія. Названные кар-

тины выполнены художественно и такихъ размѣровъ, что, будучи повѣшены на стѣнѣ, могутъ быть хорошо видны всѣмъ классомъ. Составлены онѣ на основаніи изученія авторомъ источниковъ древнихъ и археологическихъ современныхъ изслѣдованій. Какъ наглядное пособіе, карты эти не могутъ быть замѣнены рисунками Фогелейна „Denkmäler der Weltgeschichte in malerischen Original-Ansichten“, не говоря уже объ атласахъ Любе и Каспара, такъ какъ ни тѣ, ни другіе не имѣютъ тѣхъ размѣровъ, какими отличаются картины Лангла. Каждая картина отдѣльно, наклеенная на бумагѣ, стѣнѣ около 2 рублей. При покупкѣ всего изданія, цѣна нѣсколько уменьшается; складъ его въ Eduard Hölzel's Kunst-Anstalt in Wien. Существуетъ объяснительный текстъ, составленный Ланглемъ. Лангль, кромѣ того, przygotowляетъ тѣ же картины въ большемъ размѣрѣ, по цѣнѣ 8 руб. 40 коп. Такое изданіе — единственное. Извѣстныя картины, изданныя англійскимъ обществомъ „Men and working education Union“, приспособленныя къ школьному преподаванію, не могутъ идти въ сравненіе съ картинами Лангла какъ по выполненію, такъ и по своему содержанію. Неудивительно, что изданіе это встрѣчено съ особеннымъ сочувствіемъ педагогами и даже правительствами нѣкоторыхъ странъ. Австрійское и венгерское министерства выдали издателю субсидію на поддержаніе этого изданія; голландское правительство сдѣлало уже заказъ въ большомъ числѣ на названныя картины. Другое замѣчательное изданіе (въ прусскомъ отдѣленіи): „Wandtafeln zur Veranschaulichung antiken Lebens und antiker Kunstausgewählt v. Launitz. Verlag von Theodor Fischer in Cassel“. Картины Лаунца вводятъ, главнымъ образомъ, въ бытовую сторону древнихъ Грековъ и Римлянъ. До настоящаго времени вышли слѣдующія 15 картинъ: 1) планъ греческаго театра; 2) внутренній видъ греческаго театра; 3) комикъ; 4) древній палладіонъ; 5) планы греческихъ храмовъ; 6) храмъ Фемиды въ Рамнусѣ; 7) оплитъ; 8) трагическая маска; 9) римскіе солдаты; 10) варваръ; 11) Тиберій, одѣтый въ тогу; 12) симпозионъ и триплинумъ; 13 и 14) музыкальные инструменты; 15) балюстры и термы. Судя по объявленію издателя, выйдетъ еще нѣсколько рисунковъ, изображающихъ преимущественно зданія. Нѣкоторыя изображенія, находящіяся на картинахъ означеннаго изданія, могутъ быть встрѣчены только на вазахъ, или въ какихъ-нибудь специальныхъ сочиненіяхъ, поэтому эти картины едва ли могли бы быть замѣнены какими бы то ни было иллюстрированнымъ атласомъ. Цѣна вышедшимъ до сихъ поръ 14-ти картинамъ — 48 рублей. Онѣ могутъ

служить весьма важнымъ нагляднымъ пособіемъ какъ при преподаваніи исторіи древняго міра, такъ въ особенности при чтеніи древнихъ классиковъ¹⁾. Въ помощь къ названнымъ изданіямъ можетъ идти и атласъ, выставленный въ прусскомъ отдѣленіи, „*Classische Landschaften und Denkmäler Griechenlands nach der Natur aufgenommen von Baron Paule des Granges. Verlag v. Eduard Quaas in Berlin*“, состоящій изъ фотографическихъ снимковъ мѣстностей современной Греціи. Снимки величиною въ листъ. Вся коллекція состоитъ изъ 60-ти картинъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта коллекція, существующая теперь въ одномъ экземплярѣ, будетъ приспособлена вполне къ педагогическимъ цѣлямъ. Кромѣ картинъ, относящихся къ древней исторіи, въ австрійскомъ отдѣленіи выставлена была небольшая коллекція монетъ греческихъ и римскихъ, составленная преподавателемъ одной изъ вѣнскихъ гимназій. Нѣтъ сомнѣнія, что три, четыре монеты, разсмотрѣнныя учениками, хотя бы въ моделяхъ, оставятъ болѣе впечатлѣнія, чѣмъ десятки такихъ же монетъ, представленныя въ атласѣ Гейссера. Замѣтимъ при этомъ, что магазинъ Эгера въ Вѣнѣ, торгующій монетами, называетъ много учебныхъ заведеній, которыя онъ снабдилъ коллекціями греческихъ и римскихъ монетъ. Говоря о болѣе или менѣе дорогихъ наглядныхъ пособіяхъ для древней исторіи, бывшихъ на выставкѣ, нельзя не упомянуть о дешевомъ изданіи, которое можетъ быть употребляемо въ низшихъ школахъ, это — „*Картини изъ древности*“, вошедшія въ коллекцію картинъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ знанія, и изданныя въ Мюнхенѣ подъ названіемъ „*Bildbogen*“. Въ изданіи этомъ находится 30 листовъ, изъ коихъ каждый раздѣленъ на двѣ, а нѣкоторые и на три части, и въ каждой изъ частей помѣщена какая-нибудь сцена изъ быта древнихъ народовъ. Рисунки, въ художественномъ отношеніи, не высокаго достоинства и стоятъ далеко ниже рисунковъ извѣстнаго дешеваго атласа Гека изд. Брокгауза, но интересомъ содержанія каждой картины этотъ недостатокъ сглаживается. Цѣна листа—5 коп. Не велико также число историческихъ иллюстрированныхъ книгъ, которыя могли бы быть примѣнены къ преподаванію исторіи въ низшихъ и среднихъ школахъ. Въ ряду такихъ пособій занимаютъ первое мѣсто изданія съ invo-

¹⁾ Картини Дангла и Лауница, по распоряженію его сіятельства, г. министра народнаго просвѣщенія, были внесены въ ученый комитетъ, который, по разсмотрѣніи, призналъ ихъ полезными пособіями при преподаваніи древней исторіи и классической литературы.

браженіями замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей. Въ саксонскомъ отдѣленіи выставлена была коллекція портретовъ саксонскихъ государей, Sachsen's Fürsten von Grosse. Изображенія довольно ясны, величиною менѣе полулиста; текстъ пространный. Въ томъ же отдѣленіи была выставлена книга: „Zwei hundert Bildnisse und Lebensabrisse berühmten Männer“, въ которую вошли очень хорошо сдѣланные портреты замѣчательныхъ ученыхъ по всѣмъ отраслямъ науки, поетовъ, писателей; государственныхъ людей, полководцевъ. Въ прусскомъ отдѣлѣ находилось художественное изданіе „Alterthümer und Kunstdenkmäler des Erlauchten Hauses Hohenzollern von Gens“. Атласъ величиною въ листъ писчей бумаги съ текстомъ и хронологическими таблицами. Въ австрійскомъ отдѣлѣ была выставлена книга подъ заглавіемъ: „Шутархъ съ 70-ю изображеніями замѣчательныхъ личностей изъ чешско-моравской исторіи“. Но выше всѣхъ названныхъ изданій, по отношенію къ полнотѣ, и особенно по художественности, должна быть поставлена книга: „La monarchie française en estampes, tableaux de tous les rois et empereurs, des plus célèbres impératrices, régentes, princes et princesses. Paris“, — изданіе, литографированное и прекрасно раскрашенное. Американцы выставили также одну книгу: „American Hystory, illustrated by Wilson“, гдѣ на ряду съ чертежами географическими и изображеніями естественныхъ предметовъ находятся поясныя изображенія президентовъ, полководцевъ и другихъ государственныхъ дѣятелей. Изъ иллюстрированныхъ историческихъ изданій, представляющихъ отдѣльныя событія, обращаетъ на себя вниманіе атласъ Эвальда: „Hervorragende Momente aus der Schweizerischen Vergangenheit, Bern, 1872“. Онъ состоитъ изъ 48-ми картинокъ, на которыхъ художественно представлены важнѣйшія событія изъ Швейцарской исторіи, начиная съ Юлія Цезаря и оканчивая революціонными войнами (1791). Картинамъ предшествуетъ краткій текстъ. У Французовъ есть „Histoire populaire de la France“, въ четырехъ томахъ, съ массою виньетокъ и съ весьма обстоятельнымъ текстомъ; на нѣмецкомъ языкѣ не существуетъ ни одного изданія, подобнаго выше указанному, если не считать изданія Гросса „Weltgeschichte in Bildern“, въ которое вошли только четыре портрета, и Германна, съ недавняго времени издающагося; но этотъ недостатокъ объясняется существованіемъ въ нѣмецкой литературѣ безчисленнаго множества иллюстрированныхъ изданій и книгъ для домашняго дѣтскаго чтенія, содержаніе которыхъ черпается изъ исторіи, по преимуществу нѣмецкой. Такъ, въ числѣ книгъ, значущихся въ каталогѣ библиотекъ

народныхъ школъ, который былъ выставленъ саксонскимъ министерствомъ, находится книга „Neues vaterländisches Ehrenbuch“, въ которой описывается послѣдняя франко-прусская война и въ которой находится 140 очень хорошихъ виньетокъ; или же „Buch von Alten Fritz“, стоящая 80 коп. и въ которой помѣщено 60 виньетокъ. Изъ историческихъ картъ, атласовъ, плановъ, представлены были далеко не всѣ существующіе и извѣстные. Изъ историческихъ картъ по древней исторіи обращаетъ на себя вниманіе американская карта „Imperium Romanum par Guuot and Camer“, отличающаяся тѣми же достоинствами, какъ и карты географическія, то-есть, ясностію, четкостію, хотя на ней находится большое число данныхъ. Изъ четырехъ замѣчательныхъ изданій Рейнгарда, въ австрійскомъ отдѣленіи выставлены были планы Аѳинъ и Рима, могущіе служить прекраснымъ пособіемъ для нагляднаго ознакомленія учащихся съ расположеніемъ названныхъ городовъ въ древности. Въ прусскомъ отдѣленіи былъ выставленъ дешевый атласъ, 1 руб. 50 коп.: „Schul-Atlas der alten Geographie v. Voigt. Berlin, 1871“. Онъ состоитъ изъ 16-ти весьма отчетливыхъ картъ. Другой трудъ того же автора „Historischgeographischer Schul-Atlas der mittleren und neueren Zeit“, состоитъ изъ 18-ти картъ, относящихся къ самымъ важнымъ эпохамъ въ исторіи среднихъ и новыхъ вѣковъ.

Пособія по рисованію. Въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ на обученіе рисованію въ народныхъ школахъ Германіи обращается особенное вниманіе. Причина этого лежитъ, прежде всего, въ школьныхъ учебныхъ планахъ. Коль скоро въ народной школѣ усилена естественная исторія, введены географія, геометрія, то само собою должно быть усилено рисованіе, какъ вспомогательное средство при изученіи названныхъ предметовъ. Но независимо отъ учебнаго плана, усиленія рисованія въ народной школѣ требуетъ и общество, въ виду промышленныхъ цѣлей. Такое направленіе общественное мнѣніе приняло со времени лондонской всемірной выставки, на которой французскіе товары превзошли своимъ изяществомъ не только нѣмецкіе, но и англійскіе. Послѣ выставки, въ то время какъ въ Англій воздвигались Кенсингтонскій музей, кристалльный дворецъ и безчисленное множество школъ для рисованія, моделировки, нѣкоторыя нѣмецкія государства тоже обдумывали мѣры для воспитанія въ массѣ чувства изящнаго. Особенно же въ Австріи, Виртембергѣ и Саксоніи сдѣлано было много для этого. Въ Австріи прежде всего открытъ былъ музей искусствъ (Museum für Kunst und Gewerbe) и при немъ большая ри-

совальная школа; усилено рисованіе въ торговыхъ, ремесленныхъ школахъ, и, кромя того, составились частныя общества съ цѣлью ныншванія средствъ для улучшенія вкуса въ ремесленномъ классѣ. Одно изъ такихъ обществъ, Брвинское, скоро пришло къ убѣжденію, что эта цѣль можетъ быть легче всего достигнута чрезъ народную школу, и поэтому назначило премію за лучшее руководство по рисованію для народныхъ школъ. Такое возрѣніе въ австрійскомъ, преимущественно торговомъ, обществѣ отразилось и на уставѣ школьномъ. По нормальному учебному плану отъ 1855 года, разрѣшалось допустить рисованіе только въ высшихъ отдѣленіяхъ народной школы; приказомъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 1866 г. рисованіе сдѣлано обязательнымъ въ высшихъ классахъ народныхъ школъ; по нормальному плану отъ 1870 года рисованіе въ бюргерскихъ школахъ доведено до крайнихъ предѣловъ: на каждый изъ трехъ низшихъ классовъ назначено по 2 часа, на высшіе два—по 4 часа, для геометрическаго черченія назначены особые часы. Въ Виртембергѣ, равно какъ и въ Саксоніи, рисованію дается особенно видное мѣсто въ дополнительныхъ школахъ, увеличивающихся съ года на годъ; такъ, изъ статистическихъ данныхъ, касающихся народнаго образованія въ Виртембергѣ, видно, что изъ 155 дополнительныхъ школъ, въ 1873 году исключительно преподавалось рисованіе въ 33-хъ школахъ, кромя того, при 20-ти школахъ для разныхъ другихъ отраслей существовали публичные часы для рисованія. Собственно же учебныя требованія вообще въ германскихъ школахъ, въ отношеніи къ рисованію, не велики, но они на столько достаточны, чтобы развить въ дѣтяхъ чутье къ изящному и пробудить таланты. Такъ, по учебному прусскому плану, изданному въ 1872 году, въ одноклассной народной школѣ требуется, чтобы ученики, при помощи линейки и циркуля, могли воспроизвести въ уменьшенномъ или увеличенномъ размѣрѣ нетрудные рисунки и, кромя того, могли бы нарисовать по данному масштабу съ натуры такіе предметы, какъ домашнія утварь, домъ, церковь, поверхность сада. Въ многоклассной школѣ требуется черченіе перспективное, рисованіе съ моделей и натуры, тушевка карандашемъ, тушью, и, наконецъ, копированіе орнаментовъ; для школы, въ которой болѣе 6-ти классовъ, требованія, конечно, увеличиваются. Существованіе большаго числа пособій, особенно руководствъ, коллекцій рисунковъ, не мало содѣйствуютъ тому, чтобы этотъ предметъ поддерживался въ школахъ на необходимой высотѣ. Пособія, состоящія въ коллекціяхъ рисунковъ, моделяхъ, были выставлены въ большомъ коли-

личествѣ въ австрійскомъ, германскомъ и французскомъ отдѣлахъ. Мы укажемъ только на тѣ изъ нихъ, о которыхъ извѣстно, что онѣ распространены въ школахъ, или же на такія, употребленіе которыхъ оправдывается на работахъ ученическихъ, бывшихъ на выставкѣ. Къ числу распространенныхъ въ австрійскихъ школахъ пособій по начальному рисованію принадлежитъ „Das zeichnende Kind von Stein“. Это небольшая коллекція рисунковъ, умѣщающихся на 12-ти четвертинкахъ, окрашенныхъ въ шиферную черную краску. Пособіе это примѣнено къ стигмографическому методу рисованія. Методъ же этотъ состоитъ въ томъ, что на доскѣ или тетради, назначенной для рисованія, ставятся на равномъ разстояніи точки, которыя облегчаютъ работу глазу и рукъ начинающаго учиться. При начальномъ обученіи, этого метода держатся и въ другихъ нѣмецкихъ школахъ (руководство Фольтца). Судя по выставленнымъ ученическимъ рисункамъ въ австрійскомъ отдѣленіи, принадлежащимъ 9-ти и 10-ти лѣтнимъ ученикамъ, при этомъ методѣ достигаются благопріятные результаты. Рисунки представляютъ не только разныя фигуры изъ прямыхъ линій, но изображенія въ линіяхъ обыкновенныхъ предметовъ, какъ напримѣръ, корзина, ступка, и даже такой сложный предметъ, какъ локомотивъ, сдѣланы отчетливо и правильно. Цѣна руководству Штейна 90 коп. Другое пособіе для начальнаго обученія рисованію принадлежитъ профессору Дейнгардту: „Vorlagen für das geometrische Ausschneiden in der Volksschule“; оно представляетъ коллекцію разныхъ фигуръ, начиная съ прямолинейныхъ и оканчивая разными орнаментами; фигуры вырѣзаны изъ бумаги и наклеены на черныхъ полулистахъ. Рядомъ съ этимъ руководствомъ выставлены хорошо воспроизведенныя работы учениковъ. Цѣна и этому пособію 90 коп.

Изъ другихъ 9-ти коллекцій, обнимающихъ курсъ многоклассной народной школы, обращаютъ на себя вниманіе пособія Роллера: „Formensammlung zum Elementarunterricht in Freien“ и „Zeichnen in der Volksschule“. Она обнимаетъ весь курсъ народныхъ школъ и состоитъ изъ 6-ти тетрадей. Рисунки отличаются отчетливостью и правильностью. Курсъ этотъ получилъ премію отъ Брюннскаго общества поощренія рисованія. Цѣна каждаго изъ 6-ти выпусковъ 90 коп. Тому же составителю принадлежатъ шесть тетрадей для начальнаго упражненія въ рисованіи и для самообученія, изъ коихъ каждая стоитъ 10 коп. Также замѣчательно пособіе Кванека, изданное Гольцелемъ въ Ольмюцѣ и Зейделемъ въ Вѣнѣ; цѣна — около 5 руб.

Изъ стѣнныхъ атласовъ, наиболѣе распространены въ школахъ чешскихъ Патева „Schul-Wandtafel“, состоящій изъ 4-хъ листовъ. Для перспективнаго рисованія выставлены были два прибора, принадлежащіе школамъ, изъ коихъ одинъ съ пирамидой и двумя кубами.

Для орнаментальнаго рисованія выставлены были два руководства, изъ коихъ одинъ Глока (Glock) Vorschule des Ornamenten-Zeichnens in Uebungsheften болѣе всего распространенъ въ школахъ. Рисованіе орнаментальное, судя по работамъ учениковъ, занимаетъ важное мѣсто въ школьномъ обученіи. Такіе рисунки, какъ этрусскія вазы, внутренность римскаго дома, принадлежащіе ученику четвертаго класса Леопольдштадтской реальной гимназій, служатъ доказательствомъ, что учителя не считаютъ противорѣчіемъ дѣли гимназій упражнять учениковъ въ подобномъ навыкѣ. Что такая отрасль рисованія идетъ успѣшно въ австрійскихъ общеобразовательныхъ школахъ, объ этомъ отчасти можно судить потому, что въ орнаментальномъ отдѣленіи пражской рисовальной школы (Gewerbschule) число учениковъ бываетъ часто болѣе, чѣмъ въ другихъ отдѣленіяхъ, и что ученики изъ бюргерскихъ школъ поступаютъ въ это отдѣленіе, минуя приготовительный классъ, существующій при школѣ. Изъ пособій для геометрическаго черченія, выдвигались „Holzmodelle für geometrischen Zeichnen—Губнера изъ Праги; модели въ числѣ 40 правильны, красивы и недороги (8 руб. 40 коп.); коллекція моделей плоскостныхъ формъ v. Alois Wittman; всѣ модели, числомъ 26, изъ гипса и обернуты для прочности въ коленкоръ; стоятъ 18 рублей. Въ германскомъ отдѣлѣ изъ числа рисунковъ ученическихъ обращали на себя особое вниманіе рисунки учениковъ гамбургской ремесленной школы. Всѣ рисунки по внѣшности отчетливы, правильны и красивы. Обученіе рисованію въ названной школѣ велось Штульманномъ и по его же пособию: 40 Wandtafeln für den ersten Unterricht im Freien Zeichnen, Hamburg, третье изданіе. Вся тетрадь величиною болѣе листа и состоитъ изъ рисунковъ, представляющихъ геометрическія фигуры и самыя простыя орнаменты. Рисунки такъ рѣзко очерчены и такой величины, что они легко могутъ быть употребляемы при классномъ преподаваніи. Въ томъ же отдѣлѣ, кромѣ извѣстнаго атласа Гермеса, любимаго учителями и учениками, недорогого и съ изящными рисунками, и кромѣ извѣстныхъ уже давно таблицъ Вейсгаупта, былъ выставленъ новый атласъ „Anweisungen zum Zeichnen, Unterricht-Methode,—Herzer'a и Wenderl'a, Berlin, состоящій изъ 20 таблицъ съ объяснительнымъ текстомъ; авторы предлагаютъ методъ рисованія,

во многомъ отличающійся отъ существующихъ методовъ. Изъ пособій для орнаментальнаго рисованія замѣчательно изданіе Фоглера „Ornamentale Vorlagen für Gewerbe-Schulen und zum Selbstunterricht“. Изъ атласовъ выставленныхъ въ швейцарскомъ отдѣленіи, обращаетъ на себя вниманіе „Der Zeichnen-Unterricht“ Гюттера, учителя рисованія въ бернской кантональной школѣ и семинаріи. Атласъ этотъ обязателенъ для народныхъ школъ кантона. Весь атласъ состоитъ изъ 25 стѣнныхъ таблицъ. Онъ раздѣленъ на слѣдующія группы: 1) рисунки фигуръ прямолинейныхъ, криволинейныхъ, 2) рисунки цвѣтовъ, листьевъ, домашней утвари и мебели, 3) рисунки простыхъ геометрическихъ тѣлъ; 4) рисунки для упражненія въ тушевкѣ; 5) рисунки архитектурныхъ зданій; 6) рисунки плановъ мѣстности. Цѣна 18 руб. 50 коп. Тамъ же были выставлены гипсовыя модели, представляющія части растопія; всѣ онѣ выполнены необыкновенно изящно, но и цѣна необыкновенно высока. Но болѣе всего пособій по рисованію было выставлено во французскомъ отдѣленіи, что весьма понятно. Во Франціи въ 1867 году было 24.000 школъ для техническаго рисованія, изъ коихъ 1.300 исключительно были назначены для женщинъ; въ томъ же году въ бюджетѣ Парижской думы назначено было 312.000 франковъ на содержаніе школъ рисованія. Изъ числа выставленныхъ пособій обращали особенное вниманіе коллекціи пособій, употребляемыхъ при рисованіи въ христіанскихъ братскихъ школахъ. Одна коллекція приспособлена была къ курсу, составленному братомъ Анастасіемъ, другая же къ курсу брата Виктора, подъ заглавіемъ „Le cours élémentaire de dessin géométrique et industriel“. Этотъ послѣдній курсъ дѣлится на двѣ части: первая отвѣчаетъ курсу общеобразовательному, вторая преслѣдуетъ рисованіе специальное, примѣняемое къ разнымъ отраслямъ промышленности. Въ пользу метода, по которому идетъ обученіе въ означенномъ курсѣ, говорить уже то, что авторъ его получилъ первыя награды на выставкѣ парижской, амстердамской (1869 г.) и вѣнской.

Пѣніе. Изъ пособій для пѣнія выставлены были преимущественно сборники пѣсенъ; методическихъ же пособій, собственно руководствъ было 8, именно въ отдѣлахъ швейцарскомъ, германскомъ и французскомъ. Изъ нихъ обращали особенное вниманіе педагоговъ „Nouvelle méthode de chant pour les collèges et écoles industrielles par Becker, одобренная для школъ кантономъ Во. Сборники же преобладали въ отдѣлахъ австрійскомъ, швейцарскомъ и германскомъ. Въ протестант-часть СЛХУХ, отд. 3.

скихъ школахъ Германіи, Швейцаріи и Швеціи, какъ извѣстно, пѣніе составляетъ важный предметъ. Такое значеніе этому предмету придается не только школьными уставами, но и общественнымъ мнѣніемъ, которое вообще очень высоко цѣнитъ его. Въ то время, когда въ Швейцаріи не была еще пробуждена въ народѣ потребность къ школьному обученію, какъ это мы видимъ въ настоящее время, тѣ школы, въ которыхъ хорошо обучали пѣнію, переполнялись учениками. Въ Швеціи въ 1871 году этотъ предметъ привлекалъ большее число учениковъ, чѣмъ естественная исторія, гражданская исторія и географія (310,718 учениковъ посѣщали пѣніе; 215,841 исторію и географію; 200,386 естественную исторію). Школа протестантская, въ свою очередь, умѣетъ поддерживать этотъ предметъ на необходимой высотѣ, благодаря методу, котораго она держится въ обученіи. По этому методу обученіе идетъ самымъ естественнымъ путемъ. Прежде всего ученики ноютъ по слуху, и это продолжается отъ 3 до 4 лѣтъ школьной жизни. Только въ 10 лѣтъ начинается ознакомленіе учениковъ съ нотами, но изученіе послѣднихъ допускается лишь въ такихъ малыхъ размѣрахъ, чтобы по выходѣ изъ школы ученики не встрѣтили препятствій, если бы имъ пришлось отдаться спеціально пѣвческой дѣятельности. Въ гимназіяхъ обученіе пѣнію начинается тѣмъ, на чемъ останавливается въ народныхъ школахъ, то-есть, болѣе основательнымъ знакомствомъ съ нотами. По отношенію къ содержанію, пѣсни, разучиваемыя въ школахъ и гимназіяхъ, дѣлятся на религіозныя и національныя, а эти послѣднія, въ свою очередь, также на два отдѣла: къ первому относятся пѣсни, заимствованныя собственно изъ народнаго быта; ко второму пѣсни, составленныя композиторами и поэтами; они разчитаны по преимуществу на возбужденіе патриотизма. Въ школахъ протестантскихъ, по уставу, разучиваются болѣе пѣсенъ религіозныхъ, чѣмъ мірскихъ; такъ по нормальному плану Виртембергскихъ одноклассныхъ школъ въ высшихъ классахъ требуется не менѣе 16 духовныхъ хораловъ и до 15 народныхъ пѣсенъ. Въ гимназіяхъ же изучаются болѣе мірскія пѣсни и притомъ сочиненія знаменитыхъ композиторовъ не только своихъ, но и чужихъ; какъ на примѣръ, изучаются нѣкоторыя пьесы нашего композитора Борнхана. Въ школахъ обыкновенно религіозныя гимны разучиваются въ одинъ голосъ и хоромъ, пѣсни же народныя въ два голоса; послѣднее на томъ основаніи, что въ зрѣломъ возрастѣ легче можно устроить пѣніе вдвоемъ, чѣмъ втроемъ и т. д. Въ гимназіяхъ же мірскія пѣсни разучиваются въ три, четыре голоса. Текстъ всѣхъ ра-

зучиваемых пѣсенъ затверживается непремѣнно на память. Успѣхи той или другой школы въ пѣніи измѣряются на хоровыхъ школьныхъ празднествахъ, поводъ къ которымъ Нѣмцы, какъ извѣстно, искусно умѣютъ находить. Гимназіи не только германскія, но даже австрійскія, устраиваютъ отъ времени до времени музыкальнныя торжества; такъ академическая гимназія въ Вѣнѣ въ прошедшемъ году имѣла два такихъ праздника: одинъ въ честь Шиллера, наставившаго на необходимости обученія пѣнію въ школахъ, а другой съ благотворительною цѣлью. Оба праздника были устроены учениками VIII класса.

Преимущества нѣмецкой методы обученія пѣнію обнаружатся еще болѣе, если обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что во французскихъ школахъ на пѣніе отводится тоже число уроковъ, какъ и въ нѣмецкихъ, а между тѣмъ по успѣхамъ французскіе ученики стоятъ неизмѣримо ниже нѣмецкихъ. На пѣніе во французскихъ школахъ смотрятъ какъ на средство къ теоретическому изученію музыки и поэтому съ самаго же начала занимаютъ учениковъ нотами, а разучиваніе пѣсенъ отодвигается къ тому времени, когда ученики будутъ въ состояніи пѣть съ листа. Нельзя при этомъ не замѣтить, что такое теоретическое обученіе пѣнію существовало въ нѣмецкихъ школахъ нѣсколько лѣтъ послѣ выхода перваго методическаго руководства Негели (*Gesangsbildungslehre nach Pestalozzischen Grundsätzen*. Zürich, 1810 г.), по требованію котораго ученики прежде всего должны были ознакомиться съ системою нотъ, а затѣмъ уже переходить къ пѣнію хораловъ и пѣсенъ. Но нѣмецкіе педагоги скорѣе французскихъ умѣли сойдти съ ненормальнаго дидактическаго пути. Метода, которой держатся послѣдніе, какъ искусственная, приноситъ пользу только дѣтямъ, имѣющимъ природныя дарованія къ пѣнію. Въ послѣднія два десятилѣтія, какъ извѣстно, сталъ распространяться во французскихъ школахъ способъ обученія пѣнію по Шеве, по которому ноты замѣняются цифрами. Способъ этотъ имѣетъ свои выгоды: цифры, какъ извѣстные знаки, удобнѣе для дѣтей, чѣмъ ноты, и цифрами точнѣе обозначаются интерваллы. Этотъ способъ употреблялся въ виртембергскихъ школахъ ранѣе обнародованія его Шеве и, по свидѣтельству Пальмера, извѣстнаго виртембергскаго педагога, учителя достигали того, что ученики могли пѣть каждую продиктиванную имъ изъ сборника пьесу, но этотъ способъ былъ забытъ. Въ настоящее время, однако, въ педагогическихъ нѣмецкихъ руководствахъ рекомендуется учителямъ, между прочимъ, по прежнему пользоваться имъ. Позднѣе

Шеве вышло новое методическое пособие Данеля и Франколина (*Méthode de musique vocale*), въ которомъ ноты замѣнены буквами и другими знаками, придуманными самими авторами. Эта новая метода одобрена для народныхъ школъ министрами народнаго просвѣщенія во Франціи и въ Бельгіи.

И. Веллярминовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опечатка. На страницѣ 52 напечатано Апсальтонъ, должно читать Алямонъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОПИСЬ.

ОБЪДЪ, ДАННЫЙ КІЕВСКИМЪ ГОРОДСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ Г. МИНИСТРУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ¹⁾.

Кіевское городское общество, вмѣстѣ съ своимъ представителемъ—городскимъ головою, пользуясь пребываніемъ г. министра народнаго просвѣщенія въ Кіевѣ, заявило желаніе выразить свою искреннюю благодарность его сіятельству за его заботливость объ интересахъ просвѣщенія въ этомъ городѣ и краѣ. Къ заявленію городского общества присоединились многія лица изъ учебнаго, духовнаго и другихъ вѣдомствъ. Вслѣдствіе этого 21-го октября, въ залѣ дворянскаго собранія, данъ былъ въ честь графа Д. А. Толстаго большой объѣдъ, на который приглашены были также высокопреосвященный митрополитъ Арсеній, г. главный начальникъ края и командующій войсками Кіевского округа ²⁾.

Объѣдъ этотъ имѣетъ важное значеніе потому, что на немъ государственный сановникъ, который ведетъ въ нашемъ отечествѣ дѣло образованія, касающагося самыхъ жизненныхъ интересовъ общества, почелъ нужнымъ высказать руководящія правила своей дѣятельности, и тѣмъ выразилъ свое просвѣщенное вниманіе и уваженіе къ общественному мнѣнію. Кіевское общество умѣло оцѣнить такое отношеніе къ себѣ графа Дмитрія Андреевича и, съ своей стороны, выразило полное сочувствіе къ дѣятельности того, на комъ почіють надежды настоящаго и вся судьба будущихъ поколѣній.

---

¹⁾ Занимаемся описаніемъ этого праздника изъ *Кіевлянина*. — *Ред.*

²⁾ Князь А. М. Довгунковъ - Корсаковъ не могъ присутствовать на объѣдѣ по болѣзни.

Печатаемыя ниже застольныя рѣчи сами говорятъ за себя и могутъ всего лучше обрисовать характеръ отношеній, установившихся между г. министромъ и кievскимъ обществомъ, въ кратковременное пребываніе перваго въ Кіевѣ.

Послѣ провозглашеннаго городскимъ головою тоста за драгоценное здоровье царственнаго двигателя народнаго образованія, Государя Императора,—тоста, принятаго съ обычнымъ восторженнымъ одушевленіемъ,—П. П. Демидовъ, князь С.-Донато, обращаясь къ г. министру, сказалъ:

„Три вопроса капитальной важности для Кіевлянъ обратили на себя просвѣщенное вниманіе вашего сіятельства: устройство классической гимназій, реальнаго училища и госпитальныхъ клиникъ. Одно изъ нихъ уже начало жизни, а къ ходатайству представителей города по прочимъ двумъ вопросамъ вы отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ, и ваше содѣйствіе общаетъ намъ совершенный успѣхъ. Высоко цѣня васъ, какъ государственнаго дѣятеля, принимающаго столь близко къ сердцу нужды гражданъ и умѣющаго такъ энергически проводить свои убѣжденія въ дѣло, пьемъ съ искреннею признательностію за ваше здоровье, и дай Богъ вамъ дождаться времени, когда и наши дѣти провозгласятъ тостъ за оправданіе нашихъ надеждъ“.

На слова представителя городского общества, г. министръ отвѣчалъ:

„Позвольте, мм. гг., поблагодарить васъ за сдѣланную мнѣ честь. Я въ особенности дорожу ею потому, что самый родъ моей дѣятельности весьма скромнѣе, и, по самому существу ея, она не можетъ отличаться какими-либо рѣзко выдающимися проявленіями. И ни въ дѣло лишь съ юношами я, при пособіи просвѣщенныхъ моихъ сотрудниковъ, стараюсь сдѣлать изъ нихъ полезныхъ людей въ будущемъ. Итакъ, вся моя задача въ будущемъ. Отъ него я долженъ ожидать себѣ, или приговора, или одобренія. Но сочувственная поддержка въ настоящемъ значительно усиливаетъ энергію для этого дѣла въ будущемъ,—и въ немъ я не одинокъ. Одинъ я ничего не могъ бы сдѣлать. Если же вы и въ настоящемъ замѣчаете что-либо полезное, то этимъ я преимущественно обязанъ тѣмъ многочисленнымъ просвѣщеннымъ сотрудникамъ, о которыхъ только что упомянулъ. Эти труженики науки, по образованію и по дарованіямъ своимъ, имѣли полное право на всякую государственную и общественную дѣятельность; и, однако, они всецѣло и исключительно посвятили себя на

образованіе будущаго поколѣнія—этихъ людей двадцатаго вѣка, которые несомнѣнно современемъ будутъ искренно признательны своимъ наставникамъ. Ваше же сочувствіе къ ихъ дѣятельности, обращенное ко мнѣ, какъ къ ихъ представителю, несомнѣнно оживитъ какъ ее, такъ и руководимую ими школу.

„Школа не можетъ стоить особнякомъ: она—часть семьи, она необходимо ея дополненіе, и притомъ самое существенное, въ воспитаніи и образованіи. Потому всякое содѣйствіе школъ удваиваетъ ея успѣхи. Если это непреложная истина всегда и вездѣ, то она въ особенности многозначительна въ настоящее время, когда проявляется такое стремленіе къ образованію, какого никогда не было въ Россіи. По милости Государя Императора, близко принимающаго къ сердцу всѣ потребности народнаго образованія, многія изъ нихъ уже удовлетворены. Я полагаю, что не ошибусь, если скажу, что никогда въ Россіи не открывалось столько училищъ разнаго рода, какъ именно въ послѣдніе годы. Не смотря на то, приливъ въ учебныя заведенія такъ значителенъ, что всѣ нужды по народному просвѣщенію доселѣ не могли быть удовлетворены. Вамъ достаточно взглянуть на Кіевъ. Уже при мнѣ въ двумъ, давно существовавшимъ, гимназіямъ прибавлены были двѣ прогимназіи, и, такъ сказать на дняхъ, реальное училище; и не смотря на то, въ 1-й гимназіи 5 параллелей, во 2-й столько же параллелей, сколько классовъ, то-есть, въ сущности 2-я гимназія есть двойная гимназія. И такое явленіе повсемѣстно въ Россіи. Къ величайшему сожалѣнію, значительному числу мальчиковъ, выдержавшихъ экзаментъ, отказываютъ въ приѣмѣ въ гимназію, или по недостатку помѣщенія, или по неимѣнію денежныхъ средствъ. Въ такое-то время какъ не дорожить просвѣщеннымъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ того городского общества, представитель коего пожертвовалъ значительный капиталъ на реальное училище, и которое съ величайшею готовностію вызывается предоставить всѣ нужныя денежные средства для устройства помѣщенія подъ 3-ю гимназію на Подолѣ, если въ нее будетъ преобразована существующая тамъ прогимназія, жертвуетъ значительныя суммы для устройства клиникъ, столь необходимыхъ какъ для города, такъ и для университета и т. п.

„Что же можетъ быть естественнѣе съ моей стороны, какъ не предложить съ полною признательностію тостъ за просвѣщенное Кіевское городское общество и за его достойнаго представителя“

Послѣ этихъ словъ графа Дмитрія Андреевича, сопровождаемыхъ

самыми сочувственными восклицаніями, ректоръ университета Н. Х. Бунге сказалъ:

„Мм. гг.! Высочайшею волею дарована университетамъ самостоятельная жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и драгоцѣнное право — избраніемъ въ почетные свои члены свободно выражать признаніе заслугъ, оцѣнка которыхъ принадлежитъ наукѣ.

„Избраніемъ графа Дмитрія Андреевича солища университета выразилъ глубокое уваженіе къ ученымъ трудамъ графа и къ административной его дѣятельности, направленной къ поднятію уровня высшего образованія.

„Позвольте, мм. гг., просить васъ присоединиться къ тосту за почетнаго члена университета, графа Дмитрія Андреевича“.

Графъ Д. А. Толстой отгѣчалъ:

„Позвольте покорнѣе просить ваше превосходительство, выразить искреннюю мою признательность совѣту университета за его лестное для меня вниманіе. Какъ всегда, я почту себя счастливымъ служить на пользу университета и его учрежденій“.

Старѣйшій въ Кіевѣ представитель учебнаго дѣла, руководившій имъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, въ министерство графа С. С. Уварова, князя П. А. Ширинскаго-Шихматова и А. С. Норова, пережившій въ послѣднюю четверть вѣка многія его направленія, предсѣдатель Кіевской археографической комиссіи и гласный думы, М. В. Юзефовичъ, обратился къ г. министру съ слѣдующими словами:

„Въ отвѣтъ на то, что вы, графъ, сказали о вашихъ стремленіяхъ, позвольте сказать вамъ о томъ, какъ мы смотримъ на вашу дѣятельность. Чѣмъ болѣе мы сочувствуемъ великимъ задачамъ нашего времени, тѣмъ болѣе должны сознавать вашу заслугу, такъ какъ на вашу долю выпала задача, отъ которой зависитъ успѣшное разрѣшеніе всѣхъ прочихъ.

„Всѣ мы знаемъ, всѣ видимъ отчасти еще и до сихъ поръ слѣдствія той просвѣтительной ломки, какаѣ, вслѣдъ за выходомъ графа Уварова, совершалась у насъ или въ направленія безъ смысла ретроградномъ, или во имя слѣпого либерализма, — ломки, обратившей, наконецъ, всѣ наши учебныя и воспитательныя заведенія, отъ низшихъ до высшихъ, въ разсадники не знанія, а прививки къ молодымъ умамъ готовыхъ идей, готовыхъ выводовъ науки, оставляемой безъ серьезнаго изученія, на произволъ незрѣлой мысли, и потому не развивающей, а растлѣвающей ее.

„Въ такую именно трудную минуту вы, графъ, имѣли мужество

принять въ свои руки дѣло нашего народнаго просвѣщенія и сразу заявили замѣчательно опредѣленный взглядъ на него. Я помню вашу первый отчетъ Государю, гдѣ съ необыкновенною мѣткостью вы указали на самое больное мѣсто нашего средняго образованія—на многопредметность гимназическаго курса. Въ одной этой замѣткѣ вашъ взглядъ на дѣло выразился съ достаточною ясностью, чтобы позволить намъ тогда же ожидать отъ вашего управленія выхода изъ того хаотическаго состоянія, въ какомъ находилась у насъ самая важная отрасль народнои и государственной жизни. И ожиданія наши оправдались. Вы основали у насъ систему образованія, къ которой стремился и графъ Уваровъ, но которой, по обстоятельствамъ, онъ не могъ довести до полнаго осуществленія,—систему, обнимающую какъ чисто-научное, такъ и прикладное направленіе развитія, слѣдовательно, удовлетворяющую потребностямъ всѣхъ и каждаго.

„Неуступчивость и настойчивость, съ какими, графъ, вы проводите свою реформу, служить ручательствомъ, что у насъ будетъ наконецъ прочно установившаяся строго образовательная система. Одного такого результата достаточно для великой государственной заслуги: ибо самое великое зло въ дѣятельности государственной жизни есть отсутствіе системы. При прочной и строгой образовательной системѣ, правильность которой притомъ оправдывается опытомъ всѣхъ старшихъ насъ народовъ, мы въ правѣ надѣяться, что наши школы будутъ выпускать не людей съ нахватаемыми, безъ повѣрки, готовыми идеями, а дѣльно образованных и самостоятельно мыслящихъ людей.

„Былъ у насъ мужъ дѣла, человекъ вѣчнопамятный въ исторіи нашего края и потому близкій всѣмъ Русскимъ, но всѣхъ ближе вамъ, графъ, по родству,—Д. Г. Вибиновъ. Оставляя Кіевъ въ 1851 году, онъ сказалъ въ своей прощальной рѣчи: „популярности я не искалъ; но будущія поколѣнія оцѣнятъ мою здѣшнюю службу“. И дѣйствительно, популярности онъ не искалъ, дѣйствуя всегда, по своему глубокому убѣжденію, въ смыслѣ общаго и государственнаго блага. За то судьба дала ему завидную долю—дожить до тѣхъ дней, когда популярность сама пришла къ нему, когда онъ былъ понятъ и оцѣненъ. Таковъ обыкновенный ходъ истинно исторической дѣятельности.

„Мнѣ остается пожелать, чтобы и на вашей, графъ, дѣятельности исполнѣ повторился тотъ же фактъ,—чтобы вы дождались плодовъ, вами насаждаемыхъ. Для ихъ восхода и соврѣванія нужно не мало времени; но будемъ ждать ихъ терпѣливо и съ полнымъ довѣріемъ.

„На много лѣтъ здоровья и силъ графу Дмитрію Андреевичу“!
На эту рѣчь графъ отвѣчалъ:

„Я желалъ бы поблагодарить почтеннаго ветерана учебнаго вѣдомства и сказать нѣсколько словъ на его лестное привѣтствіе. Дѣйствительно, если во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ нужна послѣдовательность дѣйствій, то нигдѣ столь не необходима прочность системы, какъ въ учебномъ вѣдомствѣ. Стѣять только вспомнить, что наикратчайшій срокъ для ея испытанія есть 12-ти-лѣтній: 8 лѣтъ въ гимназіи и 4 года въ университетѣ. Значить, только по прошествіи этого времени, могутъ быть явственны для всѣхъ результаты учебной системы. Конечно, отчасти они могутъ быть видимы и раньше. По волѣ Государя Императора, объѣзжая ежегодно по одному учебному округу, я осматрѣлъ 7 учебныхъ округовъ; объѣхалъ почти всю Россію, за исключеніемъ сѣверныхъ губерній; видѣлъ массу учебныхъ заведеній,—и могу сказать, что въ послѣдніе годы молодежь несравненно серьезнѣе относится къ дѣлу науки, несравненно болѣе и основательнѣе работаетъ, чтѣ, безъ сомнѣнія, могутъ подтвердить всѣ присутствующіе здѣсь, педагоги и профессора университета. Но это похвальное стремленіе нужно поддерживать, оно возможно только при несомнѣнной увѣренности въ прочности принятой правительствомъ учебной системы. Посмотрите, чтѣ происходитъ въ Европѣ: перемѣняются министры, перемѣняются правительства, измѣняются самыя формы государственнаго правленія, а учебная система остается неизмѣною; на ней выждутся всѣ громадныя успѣхи науки, которымъ мы удивляемся въ европейскихъ государствахъ. Конечно, является потребность въ улучшеніяхъ, въ усовершенствованныхъ методахъ преподаванія и, соотвѣтственно съ этимъ, происходятъ измѣненія и въ частностяхъ; но система остается все та же. Мы имѣемъ полное основаніе быть увѣренными, что тоже самое будетъ и въ Россіи, ибо наша учебная система принята по волѣ Государя Императора, столь заботящагося объ истинномъ просвѣщеніи народа, и потому, конечно, будетъ ревностно поддержана всѣми органами власти какъ духовной, такъ и гражданской. Чтѣ касается здѣшняго края, то я вполне увѣренъ въ полномъ сочувствіи и содѣйствіи какъ мѣстнаго архиепископа, такъ и начальника края. Почему позволите мнѣ предложить тостъ за преосвященнаго митрополита Кіевскаго Арсенія и за князя Александра Михайловича“.

Объ одной изъ настоятельнѣйшихъ потребностей университета и города заявилъ профессоръ В. Т. Покровский слѣдующими словами:

„Посѣщеніе Кіева его сіятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, кромя другихъ добрыхъ послѣдствій, послужило поводомъ къ оживленію такого важнаго вопроса, какъ устройство городской больницы, въ соединеніи съ клиниками университета.

„Органическимъ порокомъ, тормозившимъ успѣхъ этого плана, до сихъ поръ постоянно служило обоюдное безденежье заинтересованныхъ сторонъ; вслѣдствіе чего, задуманная еще въ 1845 г. клиническая больница съ того времени неоднократно строилась, но все только на бумагѣ...

„Теперь обстоятельства измѣнились къ лучшему. Городъ имѣеть для этой цѣли прекрасное мѣсто и 100,000 руб., съ которыми имѣеть приступить уже ближайшею весной къ постройкѣ своей больницы. Но чтобы сдѣлаться ей клинической больницей и стать вполнѣ достойною Высokaго Имени, которому она посвящена, необходимо содѣйствіе министерства народнаго просвѣщенія—къ соединенію ея съ клиниками и ходатайство о денежной помощи государственнаго казначейства на учрежденіе въ ней этихъ послѣднихъ. Личное убѣжденіе вашего сіятельства въ клиническихъ нуждахъ нашего университета и серьезное вниманіе, оказанное вами этому предмету, служатъ намъ твердою порукой въ томъ, что и съ этой стороны вопросъ о клинической больницѣ приближается къ своему разрѣшенію.

„Въ этой надеждѣ и съ чувствомъ живой признательности за содѣйствіе такому важному дѣлу, я позволяю себѣ предложить тостъ: „за успѣхъ соединенія городской больницы съ клиниками университета и за счастливый исходъ ходатайствъ объ этомъ, которыя предстоять графу Д. А. Толстому“.

На слова профессора-медика его сіятельство отовзался такъ:

„Не нужно быть специалистомъ въ медицинѣ, чтобы видѣть весь недостатокъ университетскихъ клиникъ. Въ пасторлице время число студентовъ на медицинскомъ факультетѣ такъ значительно, что едва ли когда-либо оно было болѣе. Достаточно сказать, что оно значительно превосходитъ число студентовъ всѣхъ факультетовъ университета вѣсть взятихъ. А для практики этихъ медиковъ-студентовъ всего какихъ-нибудь 10, 15 кроватей! Можно ли же не сожалѣть, что, при превосходномъ составѣ этого факультета и при столь значительномъ числѣ студентовъ, не могутъ быть достигнуты всѣ результаты, которые были бы возможны при лучшемъ состояніи вспомогательныхъ клиническихъ учреждений? Недостаточно выпустить 500 медиковъ,—нужно, чтобъ эти медики были дѣльные и опытные, что

достигается только практикою въ кляникахъ. Поэтому я почту своею священною обязанностию доложить Государю Императору о такомъ состояніи университетскихъ кляникъ и впередъ убѣдить, что потребности университета по этой части университетскаго преподаванія будутъ удовлетворены“.

Наконецъ, г. городской голова, открывшій рядъ тостовъ, заключилъ обѣдъ прощальнымъ привѣтомъ графу Дмитрію Андреевичу:

„Графъ! вы уѣзжаете, но остаетесь къ намъ близкимъ. Имѣть возможность васъ узнать и оцѣнить, городское общество разстается съ вами съ самыми теплыми симпатіями и желало бы встрѣтить васъ скоро въ средѣ своей, чтобъ увидѣть плоды того, что вы начали и что продолжите для блага города и края. Мы надѣемся, что вы насъ не забудете, я увѣрена, что мы не забудемъ васъ. Дѣло, начатое вами, далеко отъ конца, но, при вашихъ усиліяхъ и подѣ руководствомъ мысли Царя-Преобразователя, вы совершите еще многое для наступающихъ поколѣній—самаго драгоцѣннаго нашего достоянія.

„Позвольте же пожелать вамъ, графъ, счастливаго пути и близкаго къ намъ возврата“.

ОТКРЫТІЕ ЧЕТВЕРТОЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПРОГИМНАЗИИ.

1-го октября 1873 года, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, открыта была въ С.-Петербургѣ новая прогимназія, по счету четвертая, на Выборгской сторонѣ, по Симбирской улицѣ, въ домѣ № 10.

Торжество открытія удостоили своимъ посѣщеніемъ г. управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра, статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ и помощникъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа К. П. Яновскій. За часъ до открытія посѣтилъ прогимназію градоначальникъ столицы, генераль-адъютантъ Ѳ. Ѳ. Треповъ, которому особенно было пріятно осмотрѣть помѣщеніе, занятое прогимназіею, такъ какъ онъ содѣйствовалъ устройству ея именно въ этомъ домѣ (Уварова). Торжество началось поднятіемъ, особенно чествуемой въ здѣшней части города, Тихвинской иконы Вожіей Матери, которую ученики и служащіе встрѣтили на парадной лѣстницѣ; затѣмъ, законоучитель прогимназіи, магистръ священникъ В. Я. Михайловскій сказалъ ученикамъ небольшую рѣчь, а за рѣчью слѣдовало молебствіе съ водосвѣщеніемъ и провозглашеніемъ многолѣтніи Государю Императору и всему царствующему дому. По окропленіи святою водою присутствующихъ и всѣхъ классныхъ комнатъ, инспекторъ прогимназіи А. Г. Филоновъ произнесъ рѣчь о гимназическомъ образованіи по новому уставу 1871 года. Въ заключеніе торжества, г. товарищъ министра съ г. помощникомъ попечителя и собравшаяся довольно многочисленная публика осматривали классы, которые всѣ были уже снабжены учебными пособиями, и другія комнаты, занятія прогимназіею. О совершившемся торжествѣ открытія, инспекторъ, съ разрѣшенія его высокопревосходительства, отправилъ телеграмму въ Кіевъ его сятельству графу Д. А. Толстому, г. министру народнаго просвѣщенія, какъ виновнику учрежденія новой прогимназіи. На другой день инспекторъ получилъ слѣдующую отвѣтную телеграмму

отъ его сіятельства: „Искренно благодарю васъ и членовъ педагогическаго совѣта и желаю процвѣтанія прогимназій“.

Въ текущемъ учебномъ году открыты въ прогимназіи три класса: приготовительный, первый и второй. Учащихся въ приготовительномъ классѣ 15 человекъ, въ первомъ—21, а во второмъ—9.

Помѣщаемъ здѣсь рѣчь, произнесенную инспекторомъ новой прогимназіи, г. Филоновымъ:

„Его Величество Государь Императоръ Александръ II, свято исполнивъ свое царское слово, выраженное въ одномъ изъ первыхъ манифестовъ отъ 19-го марта 1856 года,—„да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію“,— по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстаго, Высочайше повелѣтъ соизволилъ открыть въ С.-Петербургѣ новую прогимназію. Начальство С.-Петербургскаго учебнаго округа избрало для нея мѣстность близъ Литейнаго моста. Счастливымъ жребіемъ выпалъ на долю *Выборгской стороны* имѣть прогимназію. Основанію прогимназіи именно въ этомъ домѣ, представляющемъ наибольше удобствъ для училища, съ полною готовностію содѣйствовали извѣстный С.-Петербургскому населенію своею благотворною и энергическою дѣятельностію градоначальникъ нашей столицы, генералъ-адъютантъ Ѳ. Ѳ. Треновъ. Самымъ же устройствомъ педагогической и хозяйственной части новаго, зарождающагося прогимназіи обязана главнымъ образомъ особенному и постоянному вниманію его высокопревосходительства, г. товарища министра народнаго просвѣщенія, статсъ-секретаря Н. Д. Делянова.

„Поздравляемъ васъ, жители Выборгской стороны и Охты, съ новою прогимназіею! Неоднократно приходилось намъ слышать, что вы уже давно чувствовали потребность въ подобномъ учебномъ заведеніи. Специальныхъ училищъ у васъ не мало: здѣсь медико-хирургическая академія, протехническое училище, училище артиллерійское, артиллерійская академія; есть Сампсоніевское уѣздное училище, школа патріотическая дѣвчья, много также частныхъ школъ, содержимыхъ разными, неизвѣстными педагогами; имѣете вы на своей сторонѣ арсеналь, разныя фабрики, заводы,—но не было у васъ гимназіи, гдѣ бы дѣти ваши могли получать общее образованіе, ведущее прямо въ университетъ и не заграждающее дороги въ разныя спеціальныя училища. Мѣстными условіями удаленные отъ другихъ частей столицы, гдѣ есть гимназіи и прогимназіи, вы особенно были несчастны тогда, когда разводка Литейнаго моста осенью и весною разобила васъ съ

зарѣчными сторонами города, указывая вамъ, по дѣламъ надобности, продолжительный путь черезъ Сампсоніевскій, Тучковъ и Николаевскій мосты, что составитъ пространство съ добрую станцію... Не одно материнское сердце раздиралось ужасомъ, отправляя ребенка по льду, въ зимнюю метель и стужу, на ту сторону Невы (напримѣръ, съ Охты во 2-ю прогимназію на Пески),—а если не по льду, то на яликѣ по угрюмой Невѣ, между плывущими льдинами; не одно родительское сердце сокрушалось, направляя маленькаго сына по твердой землѣ въ самую ближайшую Введенскую прогимназію (на Петербургской сторонѣ, по Большому проспекту), отстоящую отъ Литейнаго моста на двѣ или три версты, а отъ Охты еще дальше. Теперь заботливымъ правительствомъ дарована вамъ возможность обучать дѣтей своихъ въ здѣшней прогимназій, основанной въ этой именно мѣстности съ тою цѣлю, чтобы избавить васъ отъ неудобствъ воспитанія ихъ въ далекихъ частяхъ столицы.

„Въ нынѣшнемъ учебномъ году открыты три класса; въ слѣдующемъ, именно въ августѣ 1874 года, будетъ открытъ третій классъ, а въ 1875 году—четвертый. Такимъ образомъ, Богъ дастъ, вы будете имѣть полную прогимназію, то-есть, четыре низшіе гимназическіе класса. Дѣти ваши, окончивъ здѣсь курсъ, будутъ поступать прямо въ пятый классъ любой гимназій по лицу всей Русской имперіи, безъ экзамена, по одному только свидѣтельству здѣшней прогимназій. Если же они, по окончаніи курса въ прогимназій, не пожелаютъ продолжать ученія, то законъ даетъ имъ право, при поступленіи на гражданскую службу, получить первый чинъ, не подвергаясь установленному для сего экзамену, если только они, по происхожденію, пользуются этою льготою.

„Все уже приготовлено къ открытію учебныхъ занятій въ прогимназій: помѣщеніе, благодаря усердію домовладѣльца, почти совсѣмъ приведено къ окончанію; классная мебель построена въ исправительной тюрьмѣ по самой дешевой цѣнѣ, при особенномъ содѣйствіи внимательнаго ея начальства; составъ учителей образованъ въ полномъ видѣ; педагогическій совѣтъ составленъ и уже три риза имѣлъ совѣщанія; учебныя пособія, необходимыя на первыхъ порахъ, запасены. Остается только рассадить учениковъ по классамъ, дать звонокъ и—ученье начнется...

„Радостная, великая минута!

„Ученье мы начнемъ завтра, ровно въ девять часовъ. Сегодня же, при этомъ торжественномъ собраніи, по неволѣ хочется сказать нѣ-

сколько словъ о важности наступающихъ учебныхъ занятій. Надо намъ другъ друга повяты, чтобы дѣло пошло хорошо. Вамъ, родители, необходимо знать желанія и нужды прогимназій, устроенной по новому уставу 1871 года. Мы просимъ вашего вниманія...

„Родители! не допустите, чтобы школа вела борьбу съ вами. И вы и школа должны идти рука объ руку, взаимно помогая другъ другу. Наша прогимназія еще только начинаетъ свое бытіе; подобно младенцу, она—еще въ пеленкахъ, а уже борьба для ней настала. Уже были случаи такой борьбы, такихъ недружелюбныхъ, разрозненныхъ отношеній между прогимназією и родителями. Я приведу два—три примѣра не столько для упрека кого бы то ни было,—храни насъ Богъ отъ упрековъ,—сколько для общаго нашего назиданія. Одни родители, во время приемныхъ экзаменовъ или приема прошеній, заявляли мнѣ, что имъ не разсчетъ отдавать своихъ дѣтей въ 1-й (положимъ) классъ, потому что эти дѣти, по своимъ познаніямъ, способны слушать курсъ втораго класса, и я напрасно указывалъ на законъ, что десятилѣтній мальчикъ не можетъ быть допущенъ во второй классъ, что для каждаго класса положенъ извѣстный возрастъ. Другіе родители обращались ко мнѣ съ просьбою приять ихъ дѣтей въ прогимназію, но съ тѣмъ, чтобы освободить ихъ отъ латинскаго языка. Опять указывалъ я на законъ, на Высочайшую волю Государя Императора; родители оставались непреклонными и повторяли: „все это такъ, но вѣдь мы люди коммерческіе,—зачѣмъ намъ и нашимъ дѣтямъ латинскій языкъ?“ Третьи заявляли, что они отдадутъ своихъ дѣтей въ послѣдствіи, смотря по обстоятельствамъ; когда я говорилъ, что ученье начнется, приблизительно, около 20-го сентября, мнѣ отвѣчали, что въ такомъ случаѣ они доставятъ своихъ дѣтей съ новаго года... Четвертые просили освободить своихъ дѣтей отъ платы за ученье, то-есть, отъ 20 — 30 руб. въ годъ, а сами же сознавались, что получаютъ по тысячѣ рублей жалованья при казенной квартирѣ и отопленіи. Пятые... но довольно и указанныхъ примѣровъ для убѣжденія вашего, что борьба уже наступила,—и наступила потому, что въ нашемъ обществѣ еще не выяснилось понятіе о воспитаніи. Воспитаніе не есть торжище, гдѣ всякимъ руководить только разчетъ,—гдѣ купецъ жаждетъ выгоды продать, а покупатель выгоды купить. Воспитаніе есть храмъ, подобный храму Божьему, откуда Спаситель изгналъ нѣкогда вервиемъ всѣхъ торгующихъ и покупающихъ. „Домъ мой—домомъ молитвы наречется“, сказалъ Божественный Учитель. Воспитаніе созидаетъ тоже свои храмы

въ видѣ университетовъ, гимназій, прогимназій, разнаго рода училищъ и прямо заявляетъ, что оно не имѣетъ ничего общаго съ коммерческимъ разчетомъ. Тутъ, въ храмѣ школы, воспитывается духовная сторона человѣка. Въ храмѣ воспитанія образуется человѣкъ въ духѣ истины, добра и красоты, — а этотъ духъ истины, добра и красоты создается не вдругъ, но постепенно, медленно, незамѣтно и не имѣетъ ничего общаго съ куплею и продажей... Все устройство, всѣ подробности училищнаго порядка направляются къ тому, чтобы вышелъ изъ ребенка, поручаемаго учебному заведенію, благовоспитанный юноша, способный и готовый въ послѣдствіи послужить вѣрою и правдою Богу, царю и отечеству... И такъ всякіе коммерческіе разчеты оставьте у порога храма воспитанія, смотрите на каждое училище, какъ на мѣсто святищенное, куда не должны залетать наши мірскіе разчеты, земныя нужды и печали... Только тогда и будетъ истинное счастье на землѣ, когда человѣкъ къ дѣлу воспитанія отнесется какъ къ дѣлу святому...

„Мы будемъ изучать латинскій языкъ особенно часто: въ первомъ классѣ на него назначено восемь, а во второмъ — семь уроковъ въ недѣлю... Не говорите, родители, что вашимъ дѣтямъ не нуженъ латинскій языкъ, — Боже васъ избави когда-нибудь при дѣтиахъ, въ забывчивости, при домашней бесѣдѣ, выразитъ подобную мысль. Не относитесь враждебно къ древнимъ языкамъ, ибо той цѣли воспитанія, которая имѣется въ виду при гимназическомъ образованіи, ни одинъ предметъ такъ не содѣйствуетъ, какъ латинскій и греческій языки. Они развиваютъ привычку къ серьезному труду; они образуютъ всѣ силы духовной природы человѣка — соображеніе, память, разумокъ, — короче: воспитываютъ умную голову, на всякое поприще въ жизни пригодную. Твердо помните это. Исторія воспитанія въ цивилизованныхъ странахъ ясно показываетъ, что древніе языки — самая существенная и главная часть въ дѣлѣ обученія юношества. Приведу въ примѣръ Англію, едва ли не самую практическую страну въ мірѣ. Въ школахъ ея, равносильныхъ нашимъ гимназіямъ, преимущественно изучаются древніе языки. Прислушайтесь къ словамъ мнѣ: практическая Англія, присылающая намъ лучшее сукно, лучшую бритву, лучшую подошву, лучший купеческій корабль, воспитываетъ юношество свое въ школахъ съ особеннымъ усердіемъ на латинскій и греческомъ языкѣ. Странно, но справедливо. — Въ одной, на примѣръ, изъ англійскихъ школъ (Гарроу) изъ 22-хъ учебныхъ часовъ въ недѣлю 14-ти часовъ употребляется на древніе языки; въ другой

школѣ (Итонѣ), въ теченіе года, въ одномъ лишь старшемъ классѣ, прочитано и объяснено огромное количество отрывковъ изъ Гомера, Цицерона, Тацита, Эврипида, Эсхила, Лукреція, Вергилія, Овидія, Демосеена, Горация и Теокрыта, а у насъ въ седьмомъ классѣ едва ли извѣстна и половина этихъ писателей. Въ Англіи въ одной школѣ изучиваютъ еженедѣльно по 80 стиховъ изъ Гомера; въ другой знаютъ наизусть цѣлую трагедію Софокла, или Эсхила; на экзаменѣ ученики произносятъ до 22-хъ тысячъ стиховъ греческихъ или латинскихъ; они сами сочиняютъ греческіе или латинскіе стихи; между ними происходятъ состязанія по древнимъ языкамъ, продолжающіяся съ утра до поздняго вечера; англійскіе ученики пишутъ до 40 сочиненій въ годъ на латинскомъ языкѣ, кромѣ множества переводовъ; на домашнихъ театрахъ разыгрываютъ они древнія комедіи, подобно тому, какъ у насъ въ институтѣхъ нрѣдка даются французскія пьесы; они читаютъ и изъясняютъ въ классѣ Новый Заветъ по гречески на урокахъ закона Божія,—занятіе, въ нашихъ гимназіяхъ совершенно неизвѣстное. Такъ учится молодой Англичанинъ, будущій министръ: будущій полководецъ, священникъ, купецъ, чиновникъ. Англичане не забываютъ латини и по выходѣ изъ школы: въ парламентѣ одинъ ораторъ произносилъ рѣчь и ему надо было привести латинское слово *vestigal* (пошлина), онъ произнесъ его неправильно, а именно *vestigal* (съ удареніемъ на первомъ слогѣ). Тотчасъ же со всѣхъ сторонъ громко замѣчена была ему его ошибка. Лордъ Дерби, бывшій первый министръ, перевелъ съ греческаго Иліаду Гомера: что же практически полезнаго (понимая практическое въ вульгарномъ его значеніи) могъ онъ извлечь изъ этого писателя? Гомеръ разсказываетъ о какихъ-то языческихъ богахъ и богиняхъ: Зевсѣ, Арѣ, Герѣ, Аѳинѣ, о какой-то Троянской войнѣ и ея герояхъ; боги у Гомера веселятся, ѣдятъ и пьютъ, подобно людямъ; люди пускаютъ въ нихъ стрѣлы и ранятъ ихъ. Какая польза престарѣлому государственному мужу (лордъ Дерби перевелъ Гомера на 70-мъ году отъ роду) переводить подобныя дѣтскіе разказы? Какой интересъ трудиться надъ переводомъ поэмы, въ которой идетъ рѣчь о томъ, какъ царь Агамемнонъ самъ отсѣкаетъ ножемъ шерсть у вепра и перерѣзаетъ ему шею, или о томъ, какъ Ахиллесъ закаливаетъ бѣлорунную овцу? Переводъ греческаго писателя, жившаго почти за тысячу лѣтъ до Р. Хр., сдѣланный въ наше практическое время однимъ изъ министровъ Англіи— страны самой практической въ мірѣ, доказываетъ, что не всегда расчетъ и матеріальная польза должны руководить человѣческими дѣй-

ствами. Есть еще что-то выше разчета, дѣйствіе вещественной пользы. Это — духовное благо, чистая нравственная сила, невидимая, неосазаемая грубыми пальцами, а понимаемая, или лучше, чувствуемая сердцемъ. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души. Одно полезно тѣлу и мало полезно душѣ, другое полезно, необходимо для души и не нужно для тѣла. Гомеръ не приноситъ тѣлу никакой пользы, но душѣ даетъ почувствовать и вкусить самыя высокія, чистыя и благородныя наслажденія. Своими разказами онъ овладѣваетъ всѣми силами души человѣческой, трогаетъ, поражаетъ, ужасаетъ ее; то заставляетъ онъ насъ смѣяться отъ сердца, то доводитъ чуть не до слезъ. Кто читалъ Гомера, долженъ былъ испытать эти чувства. „Старца великаго тѣнь чую смущенной душой“, сказалъ о немъ нашъ Пушкинъ.

„Другой государственный мужъ Англіи, Гладстонъ, нынѣ первый ея министръ, считаетъ древніе языки средствомъ, которое самъ Богъ избралъ, какъ дополненіе христіанства въ образованіи человѣческаго ума. „Отчего“, спрашиваетъ онъ, „преподаваніе классическихъ языковъ занимаетъ первое мѣсто въ нашихъ школахъ? Оттого ли, что оно изощряетъ вкусъ, разумъ, память, изящество рѣчи? Все это преимущественно второстепенныя и одностороннія; они не что иное, какъ частныя слѣдствія общей истины. Эта истина, по моему убѣжденію, та, что новѣйшая цивилизація Европы, начиная отъ среднихъ вѣковъ и до нашихъ дней, есть результатъ двухъ великихъ дѣятелей — христіанства и духа древней Греціи. Матеріалъ того, что мы называемъ классическимъ образованіемъ, былъ подготовленъ, можемъ даже сказать, подготовленъ преднамѣренно и притомъ самимъ Провидѣніемъ для того, чтобы служить не только прибавленіемъ, но дополненіемъ христіанства въ образованіи человѣческаго ума“.

„Итакъ, древніе языки, вмѣстѣ съ христіанствомъ, служатъ могущественнымъ средствомъ для воспитанія человѣческаго ума. Такого мнѣніе первостепенныхъ государственныхъ людей практической Англіи!

„Зачѣмъ же намъ брать примѣры у чужаго народа? Посмотримъ на собственное отечество. Только незнаніемъ исторіи воспитанія въ Россіи можетъ быть объяснено предубѣжденіе родителей и общества противъ древнихъ языковъ. Въ нашихъ духовныхъ училищахъ, семинаріяхъ и академіяхъ, латинскій языкъ былъ всегда главнымъ предметомъ; законъ Вожій (богословіе), философія, словесность (риторика) преподавались по латынѣ; на этомъ же языкѣ писались учебники означенныхъ предметовъ; то же самое слѣдуетъ сказать и о сочиненіяхъ учениковъ: они назывались *оккупациями*, *экзерциціями*; классные жур-

плы яменовались *нотатами, срратами*; отиѣтки въ нихъ носили латинскія имена, напримѣръ, *ergat, non bene, non totum*; ученики, выслушивавшіе уроки своихъ товарищей, назывались латинскимъ словомъ „авдитори“; классные столы, на которыхъ сядѣли ученики, яменовались партами, и теперь еще по духовнымъ училищамъ удѣлѣно это названіе; классы носили латинскія и греческія названія, напримѣръ, *пѣитика, синтаксима, инфима, граматика, аналогія*; ученики сочили латинскіе стихи, рѣчи и письма, подобно тому, какъ въ наши дни дѣлается это у Англичанъ; на торжественныхъ актахъ рѣчи произносилась непременно на латинскомъ языкѣ, въ присутствіи разнообразной публики; древніе языки, а особенно латинскій, были въ такомъ почетѣ, что три дня въ недѣлю назначалось для нихъ по шести уроковъ, одинъ день—по четыре и три дня—по три урока. Тогда,—а это *тогда* было въ концѣ прошлаго вѣка и даже нѣсколько позже,—учились не по нашему: мы начинаемъ занятія въ девять и оканчиваемъ ихъ около трехъ (и даже раньше въ нѣкоторыхъ классахъ), а духовныя училища начинали свой учебный день въ семь часовъ утра и продолжали, съ промежутками, до пяти вечера. Не думайте, слыша все это, что одно только духовенство воспитывалось такимъ образомъ,—нѣтъ, въ старину юношество разныхъ сословій проходило ту же самую строгую школу. Въ Кіевской духовной академіи учились дѣти не только духовныхъ родителей, но и свѣтскихъ, подобно тому, какъ и теперь, по новому уставу, въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ могутъ обучаться лица разныхъ сословій. Изъ прежней Кіевской академіи, на ряду съ знаменитыми пастырями церкви (сп. Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Феофанъ Прокоповичъ), выходили замѣчательные наши государственные мужи: Козицкій, статсъ-секретарь при Екатеринѣ II, канцлеръ графъ Безбородко, Завадовскій, председатель комиссіи для народныхъ училищъ при той же императрицѣ и первый министръ народнаго просвѣщенія при императорѣ Александрѣ, Трощинскій, и наконецъ, Эминъ, авторъ известной въ народѣ книги: „Путь ко спасенію“. Изъ Московской духовной академіи, гдѣ латынь была главнымъ предметомъ обученія, вышелъ и знаменитый нашъ Ломоносовъ....

„Будемъ почаще вдумываться въ тѣ факты, на которые указано, и воздержимся отъ осужденія нынѣшней системы гимназическаго образованія. Всѣмъ, или большей части общества, ропщущаго на преобладаніе въ гимназіи древнихъ языковъ, желательнo отдавать дѣтей своихъ въ реальныя училища или военныя гимназіи, особенно

въ послѣднія. Число заявившихъ о желаніи поступить въ новую военную гимназію (3-ю, на Литейной) доходило, если вѣрить слухамъ, до 1.000 человекъ на 300 вакансій, тогда какъ въ нашу 4-ю прогимназію пожелало поступить немного болѣе 40 учениковъ.... Что же это значить? То ли, что намъ нужнѣе воины, чѣмъ ученые люди? То ли, что въ Русской землѣ открывается большее поприще для меча, нежели для пера? Фактъ поразительный, особенно если сравнимъ его съ тѣмъ, что происходитъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ Европы. Тамъ каждый родитель, желающій и имѣющій возможность дать своему сыну солидное образованіе, спѣшитъ отдать его въ гимназію, гдѣ древнимъ языкамъ обучаютъ гораздо болѣе чѣмъ у насъ. Почему же въ нашемъ обществѣ замѣчается противное явленіе? Единственно потому, что русскіе родители, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ сами никакого понятія о древнихъ языкахъ и, вслѣдствіе незнакомства съ этими языками, питаютъ къ нимъ совершенно бессознательное предубѣжденіе. Только на основаніи этого, многіе изъ нихъ предпочитаютъ давать такое образованіе своимъ дѣтямъ, которое закрываетъ имъ доступъ въ университетъ! Они заранѣе, такъ сказать, предопредѣляютъ судьбу своихъ дѣтей, назначаютъ ихъ быть воинами, техниками, забывая, что школу слѣдуетъ выбирать съ величайшею осмотрительностью, не назначать заранѣе для молодого человека того или другаго поприща, а позаботиться о пріобрѣтеніи имъ общаго образованія, — такого, которое дало бы ему способности ко всякому роду дѣятельности. Такимъ образованіемъ является исключительно гимназическое, во главѣ коего стоитъ изученіе древнихъ языковъ. Оно такъ изощряетъ наши мыслительныя силы, такъ развиваетъ насъ въ духовномъ отношеніи, что человеку дѣлается потомъ доступна всякая дѣятельность, всякій родъ и характеръ служенія обществу. Человека, воспитаннаго на классическихъ языкахъ, посадите, куда хотите, онъ вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ.

„Родители и вступающіе ихъ мѣсто! Вамъ заблаговременно надо познакомиться съ нѣкоторыми гимназическими порядками, которые скоро, если не завтра же, дадутъ вамъ себя почувствовать. Дабы латынь не казалась страшною вашимъ дѣтямъ, новый уставъ велитъ намъ изучать ее ежедневно. Мало того: намъ предписано разучивать уроки въ классѣ, подъ руководствомъ учителей. Въ своихъ распоряженіяхъ г. министръ народнаго просвѣщенія неоднократно говоритъ, чтобы въ низшихъ классахъ, особенно въ первомъ, гдѣ начнется изученіе латинскаго языка, уроки разучивались въ классѣ и

въ классѣ же рѣшались бы ариѳметическія задачи. Едва ли когда-нибудь до такой истинно отеческой заботливости доходила высшая учебная власть! Многіе изъ васъ помнятъ то время школьнаго воспитанія, когда учителя и не думали держаться сейчасъ указаннаго правила, а просто на книгѣ отмѣчали: „отсюда и досюда“ Теперь такой порядокъ не мыслимъ.... Далѣе: мы будемъ постоянно, а можетъ быть при каждомъ урокѣ, повторять заученное, или хотя часть заученнаго, дабы дѣти затвердили на долго то, что имъ объяснено. Опять новое доказательство родительскаго попеченія о вашихъ дѣтяхъ со стороны высшей учебной власти.... Намъ даны подробныя программы того, что слѣдуетъ преподавать въ каждомъ классѣ, и слѣданы объясненія какъ, въ какомъ духѣ, преподавать. Въ этихъ самыхъ программахъ, которыя для общаго свѣдѣнія напечатаны, разосланы по всѣмъ гимназіямъ и прогимназіямъ, прямо сказано, что отъ учителя зависитъ пройти извѣстный курсъ въ извѣстное время, или пройти только часть его въ такомъ-то классѣ, а другую часть, болѣе трудную, оставить до слѣдующаго года. Программа, утвержденная г. министромъ, не связываетъ учителя по рукамъ и ногамъ, но предоставляетъ ему надлежащую свободу. Здѣсь опять нельзя не замѣтить глубокаго пониманія учебнаго дѣла и серьезной любви къ учащимся. Сверхъ всего этого, каждому ученику выдана будетъ отпечатанная тетрадь для записыванія уроковъ. Въ нее ежедневно должно быть вносимо собственною рукою мальчика то, что задано и къ какому дню. Каждый понедѣльникъ такую тетрадь вы обязаны подписать, а кто не умѣетъ писать, пусть ставитъ собственною рукою три креста на тетради. Мы просимъ васъ наблюдать за этою тетрадью, ежедневно просматривать ее, дабы знать, что задано вашимъ дѣтямъ. Займатся учебнаго начальства идите на встрѣчу вашими заботами. Тогда дѣло пойдетъ, Богъ дастъ, хорошо!

„Затѣмъ еще одно замѣчаніе: новымъ уставомъ 1871 года въ каждой гимназіи и прогимназіи введена новая должность — *классный наставниковъ*. Привыкните къ этимъ двумъ словамъ! Классный наставникъ есть ближайшій наблюдатель „за успѣхами и поведеніемъ извѣстнаго класса. Обязанность его есть прежде всего дѣло совѣсти“ — такъ эта высокая должность названа въ одной статьѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1872, февраль, стр. 207). Какъ совѣсть, онъ слѣдитъ за всѣмъ, что касается учебной и воспитательной части: слѣдитъ, чтобы дѣти неопустительно посѣщали классы и не опаздывали на уроки, исправно вели учебныя тетради, имѣли

всѣ необходимыя книги и держали ихъ въ порядкѣ; ворко наблюдаетъ, чтобы дѣти не были обременены множествомъ уроковъ или задачъ на одинъ и тотъ же день; онъ ведетъ списки учениковъ, гдѣ отмѣчаетъ ихъ успѣхи и поведеніе, и выдаетъ листки изъ этихъ списковъ для доставленія вамъ; онъ обязанъ ежемѣсячно представлять отчетъ совѣту учителей о классѣ, ввѣренномъ его надзору; онъ же долженъ объясняться съ вами въ прогимназіи о всемъ, что касается успѣховъ и поведенія вашихъ дѣтей, находящихся во ввѣренномъ ему классѣ. Почтительно и съ полнымъ вниманіемъ относитесь къ этому наставнику!.. Онъ есть посредникъ между прогимназіею и вами.

„У классныхъ наставниковъ будетъ помощникъ, который обязанъ наблюдать за поведеніемъ учениковъ въѣ класса и въ отсутствіе учителя. И къ этому должностному лицу относитесь съ полнымъ вниманіемъ. За всѣми мелкими нуждами своими по прогимназіи ученики обыкновенно обращаются къ нему. Это должность очень важная и очень трудная. Законъ возлагаетъ на помощника классныхъ наставниковъ значительную обязанность — посѣщеніе квартиръ учениковъ, особенно тѣхъ, которые живутъ не съ родителями или родственниками. Такія посѣщенія онъ будетъ дѣлать не по своему личному усмотрѣнію, а по распоряженію начальства прогимназіи, или педагогическаго совѣта, — поэтому съ величайшимъ вниманіемъ и съ полною деликатностію относитесь къ такому человѣку, не дайте, не только словомъ, или дѣломъ, но даже мановеніемъ очей повѣтъ, что его посѣщеніе васъ стѣсняетъ, вамъ не нравится. Помните, что онъ исполняетъ свой долгъ, который возложенъ на него закономъ. Цѣль посѣщенія квартиръ заключается въ томъ, чтобы узнать, на сколько семейная обстановка благоприятствуетъ мальчику, вашему питомцу, учиться. Вы видите, что здѣсь законъ имѣетъ въ виду собственное же благо вашихъ дѣтей. Говоря по правдѣ, этотъ законъ не есть что-нибудь новое въ нашей школьной жизни: онъ съ давнихъ поръ существовалъ; инспекторы разныхъ учебныхъ заведеній въ прежніе годы обязаны были посѣщать квартиры учениковъ, но общество наше уже отвыкло отъ такого обычая и считаетъ новымъ то, что на самомъ дѣлѣ — далеко не новость.

„Иногда, въ случаяхъ особенно важныхъ, мы будемъ приглашать родителей для объясненія. Получивъ о томъ повѣстку, они непременно должны явиться, если не окажется какихъ-нибудь непреодолимыхъ препятствій. Будемъ надѣяться, что родители, собравшіеся

идѣсь и отсутствующіе, отнесутся къ дѣлу воспитанія своихъ дѣтей съ полною любовью и съ искреннимъ желаніемъ имъ и себѣ добра. А при такой любви, при такомъ желаніи, будемъ слушать другъ друга: мы — васъ, а вы — насъ. Дай же Богъ, чтобы все шло у насъ хорошо, по закону и по совѣсти.

„Вамъ, дѣти, въ настоящее время немногое я намѣренъ сказать, потому что все, уже сказанное мною, относится и къ вамъ. Обратите только вниманіе на все васъ окружающее: прогимназіи открыта для васъ; высшее начальство прибыло для васъ; учителя приглашены для васъ; родители и родственники присутствуютъ для васъ; всѣ вещи, которыя найдете въ прогимназіи, для васъ; наконецъ, и это самое главное, Царицу Небесную, Тихвинскую Божию Матерь, мы подняли преимущественно для васъ... Каковы же должны быть вы, чтобы быть достойными такого необыкновеннаго почета?... Милыя дѣти! Мы потребуемъ отъ васъ очень, очень немного. Первая ваша обязанность — послушаніе, отъ коего вы не должны уклоняться ни на шагъ. Учителя ли, помощники ли классныхъ наставниковъ, инспекторъ ли что прикажутъ вамъ — немедленно и безирекословно исполняйте. Вторая ваша обязанность — учиться, и учиться хорошо. Каждый урокъ готовьте твердо, не для одного какого-либо дня, а на долго. Знайте, что каждый урокъ невидимо, непремѣнно развиваетъ вашъ умъ. Чтобы сдѣлаться достойными окружающаго васъ въ настоящую торжественную минуту почета, вы должны вести себя скромно и въ прогимназіи, и внѣ ея; въ классѣ быть внимательными, къ наставникамъ, воспитателю и ко всѣмъ служащимъ вѣжливыми. Кромѣ того, вы обязаны держать себя опрятно, чисто; съ казенными вещами обходиться бережно, съ осторожностью, — а главное — не падать духомъ при мысли о томъ, что у васъ въ первомъ классѣ будетъ по восьми уроковъ латинскаго языка въ недѣлю, а во второмъ — семь уроковъ. Довѣрьтесь только вашимъ учителямъ, приложите стараніе, и вы побѣдите всѣ трудности съ самаго начала. Когда вы будете прилежно учиться и хорошо вести себя, то сдѣлаетесь достойными настоящаго почета, составите намъ радость, а родителямъ нашимъ утѣшеніе.

„Почтенные наставники и сотрудники! Всѣ вы, за немногими исключеніями, получили высшее, университетское или академическое образованіе. Пусть наука служитъ вамъ указателемъ всѣхъ вашихъ дѣйствій учительскихъ; пусть она просвѣтительными своими лучами освѣщаетъ и животворитъ каждый урокъ вашъ. Она лучше словъ моихъ скажетъ вамъ, и уже на студенческой скамьѣ сказала, что и какъ

вамъ дѣлать въ качествѣ учителей. Уставъ гимназій и прогимназій 1871 года, учебные планы предметовъ, утвержденные г. министромъ народнаго просвѣщенія, вамъ вручены. Теперь вамъ извѣстны какъ содержаніе вашего ученія, такъ и способы его изложенія, а главное то направленіе, тотъ педагогическій духъ, въ какомъ мы обязаны воспитывать врученныхъ намъ дѣтей. Будемъ же смотрѣть на нихъ, какъ на дорогое сокровище, и постараемся, чтобы впоследствии, достигнувъ зрѣлаго возраста, они вспомнили о насъ добромъ.

„Г. наставники и сотрудники! Большая часть изъ васъ—люди молодые, только еще начинающіе учительскую службу. Молодость ваша позволяетъ возлагать надежды на вашу энергическую дѣятельность; не ослабляйте же этой энергіи излишними занятіями по разнымъ школамъ и частнымъ домамъ. Насущный кусокъ хлѣба вамъ болѣе или менѣе обезпеченъ. Новый уставъ 1871 года улучшилъ матеріальное положеніе учителей. Конечно, вознагражденіе, назначенное имъ, еще далеко не богато, особенно, если сравнить качества труда учительскаго, труда тяжелаго, съ болѣе легкимъ трудомъ дѣятелей на другихъ служебныхъ поприщахъ,—но припомните, что высшая учебная власть, то-есть, г. министръ народнаго просвѣщенія самъ знаетъ тяжесть вашихъ трудовъ; самъ выражаетъ желаніе, чтобы матеріальная обезпеченность преподавательскаго сословія стала для всѣхъ очевидною. Припомните также, что было прежде и что стало теперь. Прежде трудъ учителя цѣнился очень скудно. Лѣтъ 12-ть назадъ, во время моего поступленія на службу въ Новочеркасскую гимназію, я получалъ 32 руб. въ мѣсяцъ за 16 недѣльныхъ уроковъ, ибо тогда жалованье получали по штату, а не за 12 уроковъ, какъ теперь. Нишѣ не то. Начинающій свою службу получаетъ 750 руб. за 12 уроковъ; болѣе опытный учитель, прослужившій пять лѣтъ, получаетъ 900 руб. за тѣ же 12 уроковъ, а заслуженный учитель, прослужившій пятнадцать лѣтъ, за то же число уроковъ можетъ получать 1.250 руб. и даже 1.500 руб. въ годъ. Въ прежнее, и даже весьма недалекое отъ насъ, время учителя раздѣлялись на старшихъ и младшихъ; старшіе были членами педагогическаго совѣта, а младшіе, и въ томъ числѣ законоучитель, были лишены этого права, что считалось не малою отравой въ тяжелой учительской службѣ. Труды секретаря педагогическаго совѣта и библиотекаря не оплачивались; труды учителей русскаго и древнихъ языковъ, обязанныхъ исправлять на дому письменныя упражненія учениковъ, тоже были безплатны; о классныхъ наставникахъ не было и помину; учителя,

подобно постороннимъ лицамъ, вносили плату за дѣтей своихъ, обучавшихся въ той же самой гимназій, гдѣ отцы ихъ состояли преподавателями. Теперь, благодаря новому уставу 1871 г., все это измѣнилось.

„Но главное и наиболѣе существенное благо, даруемое учителю новымъ уставомъ, заключается въ томъ, что самое достоинство наставника возвышено. Прежде учитель былъ по преимуществу преподаватель; нынѣ онъ не только преподаватель, но и воспитатель. Какъ преподаватель, онъ владѣетъ умственными способностями ученика; какъ воспитатель, онъ могущественно покоряетъ себѣ его сердце и душу. Поздравляемъ васъ, многоуважаемые сотоварищи, съ этимъ высокими приваніемъ и льстимъ себя надеждою, что всегда въ учебной вашей дѣятельности преподаваніе и воспитаніе будутъ соединены тѣснымъ образомъ.

„Послѣднее же мое слово осмѣливаюсь обратить къ вамъ, высокопоставленнымъ лицамъ, главные наши благодѣтели и руководители! Четвертая прогимназія только что начинаетъ свое бытіе. Она въ настоящее время похожа на молодое, едва возникшее изъ почвы растеніе.. Ему необходимо побольше свѣта, живительнаго тепла, умѣренной влаги; продлите же ваше особенное къ нему вниманіе и пусть разроснется оно въ многолѣтнее дерево, которое покроетъ своею тѣнью многочисленныхъ учащихся“.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Дерптскаго университета въ 1872 году: личный составъ преподавателей; вакантными каѳедры; темы для соисканія наградъ медалями; перечень ученыхъ трудовъ преподавателей и читанныхъ ими публичныхъ лекцій; испытанія на ученые степени и званія; командировки съ ученою цѣлю; бюджетъ университета; свѣдѣніи объ учащахся; состояніе учебно-воспитательныхъ учрежденій.—Соображеніе историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ университета св. Владиміра по вопросу объ учрежденіи при каѳедрахъ сихъ факультетовъ учительскихъ семинарій и заключеніе совѣта университета.—Постановленіе совѣта университета св. Владиміра о перенесеніи преподаванія гистологіи изъ 2-го курса въ 1-й и общей патологіи — изъ 3-го курса во 2-й. — Рѣчь ректора Варшавскаго университета.

По Высочайше утвержденному 9-го января 1865 года штату Дерптскаго университета положено ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ по факультетамъ: богословскому—5; юридическому—6; медицинскому—12 (въ числѣ послѣднихъ первый прозекторъ, второй прозекторъ и ученый аптекаръ); историко-филологическому—9; лекторовъ—5; физико-математическому—9, астрономъ-наблюдатель—1; сверхъ того, одинъ профессоръ богословія для студентовъ православнаго исповѣданія; 10 доцентовъ во всѣхъ факультетахъ, 1 преподаватель началъ архитектуры (онъ же архитекторъ университета) и 6 учителей искусствъ. Въ 1872 году состояло на лицо преподавателей, сверхъ профессора богословія и 3 учителей искусствъ: въ богословскомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ—5, доцентъ—1; въ юридическомъ: ординарныхъ—5, экстраординарныхъ—1; въ медицинскомъ: ординарныхъ—9, экстраординарныхъ (въ томъ числѣ первый прозекторъ)—2, второй прозекторъ—1, доцентовъ—2, ученый аптекаръ—1; въ историко-филологическомъ: ординарныхъ—6, экстраор-

динарныхъ—1, доцентовъ—4, лекторовъ—4; въ физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ—8; доцентовъ—2. Вообще было на лицо: ординарныхъ профессоровъ—33, экстраординарныхъ—4, профессоръ богословія для студентовъ православнаго исповѣданія—1, провекторовъ (кромѣ перваго, состоящаго въ числѣ экстраординарныхъ профессоровъ)—1, ученый аптекарь—1, доцентовъ—9, лекторовъ—4, учителей искусствъ—3. Сверхъ того, состояли не положенные по штату: 1 помощникъ профессора полиklinики, 1 законоучитель для студентовъ римско-католическаго исповѣданія и 5 приватъ-доцентовъ, изъ коихъ 2—въ медицинскомъ факультетѣ, 1—въ историко-филологическомъ и 2—въ физико-математическомъ.

Вакантными были слѣдующія кафедръ: въ медицинскомъ факультетѣ—спеціальной патологіи и клиники, съ 11-го ноября 1872 года; въ историко-филологическомъ—политической экономіи, съ 5-го апрѣля 1872 года, и древне-классической филологіи и археологіи съ 1-го сентября 1872 года; въ физико-математическомъ—сельскаго хозяйства и технологіи, съ 18-го февраля 1872 года. Сверхъ того, къ концу года не были замѣщены должности: астронома-наблюдателя, преподавателя началъ архитектуры, учителей верховой ѣзды, плаванія, гимнастики, лектора итальянскаго языка и одного доцента, всего 11 должностей. Для замѣщенія вакантныхъ кафедръ припаты подлежащія мѣры, которыя, однако, не привели еще къ желаемымъ результатамъ.

Въ теченіе 1872 года факультеты имѣли засѣданія: богословскій—10, юридическій—17, медицинскій—16, историко-филологическій—14 и физико-математическій—10. Для усиленія занятій студентовъ, сверхъ общеустановленныхъ для сего мѣръ, на всѣхъ факультетахъ существовали бесѣды, речетиціи читанныхъ предметовъ, практическія занятія, упражненія въ письменныхъ работахъ и въ научныхъ сочиненіяхъ. Богословскій факультетъ придалъ особенно широкіе размѣры бесѣдамъ, съ цѣлію извлечь изъ нихъ наибольшую пользу. Въ сихъ видахъ, всѣ профессора этого факультета обязаны производить въ каждомъ полугодіи по одной бесѣдѣ, и въ теченіе четырехъ полугодій переходить отъ болѣе легкаго къ трудному, такъ что всѣмъ учащимся предоставляется возможность въ каждомъ полугодіи участвовать въ двухъ соотвѣтствующихъ ихъ познаніямъ и степени образованія практическихъ упражненіяхъ, которыя, кромѣ извѣстнаго ветхаго и новаго завѣта, сначала будутъ имѣть предметомъ церковную исторію, а затѣмъ догматику. Результаты научныхъ занятій сту-

дентовъ въ лекцій, за исключеніемъ испитаній, число которыхъ въ отчетномъ году было значительно, обнаруживаются въ разсужденіяхъ, представленныхъ въ факультеты для совскаія награды или приобретенія ученыхъ степеней. Наиболье основательныя и самостоятельныя разсужденія представлены слѣдующими кандидатами: богословскаго факультета кандидатомъ *Гарнакомъ* — „Ueber den Gnostiken Marcion“, *Фонъ-Цеддельманомъ* — „Ueber die Christologie des Colosserbriefs“, и *Цераскимъ* — „Hundert Jahre aus dem Leben der reformirten Kirche in Wilna, oder Geschichte der evangelisch-reformirten Gemeinde in Wilna, von der Mitte des XVI bis in die Mitte des XVII Jahrhunderts“; юридическаго: *Кизерицкимъ* — „Die Grundsätze des gemeinen und baltischen Rechts über den Eigenthumserwerb durch Specification“; *Ивлевъ* — „Die Freiheitsstrafen in der Form der Einzelhaft“, *Дзевинцемъ* — „Zur Lehre vom Verbrechen des Kirchendiebstahls nach deutschem Recht“, графомъ *Кронельмомъ* — „Das sogenannte Verfahren im russischen Criminalprocess und die Stellung und Thätigkeit der Polizei in demselben“, *Гроссроничемъ* — „Die Einleitung der Criminaluntersuchung im russischen Criminalprocess“, графомъ *Гейнр. Кейзерлингомъ* — „Das Fruchtrecht des gutgläubigen Besitzers nach dem Rechte der Ostseeprovinzen, mit besonderer Berücksichtigung Kurlands“, графомъ *Отто Кейзерлингомъ* — „Klagen um freiwillig aus Händen gegebene und um unfreiwillig abhanden gekommene Mobilien nach dem Rechte der Ostseeprovinzen, unter specieller Berücksichtigung Kurlands“, *фонъ Самсономъ-Гиммельштирномъ* — „Die ordentlichen Rechtsmittel im civil-processualischen Verfahren vor den estländischen Landesgerichten“, и *Вейссе* — „Versuch einer Darstellung des Verfahrens in Wechselsachen nach Revelschem Stadtrecht“; историко-филологическаго: *Гриммомъ* — „De nummis argenteis foederis Achaici“, *Гринвальдомъ* — „De Antiphontis elocutione cum Thucydidis collata“ и *Шеномъ* — „Die Markomannenkriege M. Aurels“; медицинскаго, докторами: *Шварцемъ*: „Zur Statistik der Tracturen der Schädelbasis“, *Гирксеномъ* — „Beiträge zur Albuminometrie und zur Kenntniss der Tanninverbindungen der Albuminate“, *Одиномъ* — „Ein Beitrag zur Statistik der Kriegschirurgie nach Beobachtungen in den Vereins Reserve-Lasarethen“, „Altes Seminar“ und „Friedrichs“ Baracke № 1 in Karlsruhe“, и *Гю фонъ-Бремей* — „Zur Mucosis Septica“. Разсужденія, представленные физико-математическимъ факультетомъ, соответствуютъ ихъ цѣли, но ничѣмъ особенно не отличаются.

Для совскаія награды медалями, въ 1872 году предложены были

студентамъ слѣдующія темы: въ богословскомъ факультетѣ — „Veterrum ecclesiae nostrae doctorum de inspiratione exponatur doctrina et cum recentiorum conferatur sententiis“; въ историко-филологическомъ — „Насколько выработано въ латинскомъ и греческомъ языкахъ различіе формъ въ частяхъ рѣчи“, и въ физико-математическомъ — „Такъ какъ для опредѣленія эллипса необходимо пять данныхъ элементовъ, то найти изъ всѣхъ эллипсовъ, возможныхъ при трехъ или четырехъ элементахъ, тѣ изъ нихъ, которые заключаютъ въ себѣ наименьшую и наибольшую поверхность“. За представленія на эти темы сочиненія награждены медалями: а) золотыми: въ богословскомъ факультетѣ — студентъ Гвидо *Пенчу*, уроженецъ Бессарабской области, въ историко-филологическомъ — студентъ филологіи Леопольдъ *Шредеръ*, въ физико-математическомъ — студенты математики Алексъ *Гарнакъ* и Артуръ *Ассафрой*; б) серебряною — студентъ математическаго факультета Іоаннъ *Лвенберъ*.

Въ 1872 году преподаватели издали слѣдующіе ученые труды: профессоръ *А. Эттингъ* — „Zur Rechtfertigung einer Socialethik“, „Ueber die Wiederherstellung des alten Textes und die rhythmische Singweise in unsern Gesangbüchern“, „Sammlung kirchlicher Kernlieder und Singweisen; Gesangbuch für Kirche, Schule und Haus“; профессоръ *Фалькъ* — „Der Segen Mose's“ (Erlangen); профессоръ *Эммануэль* — „Peter der Grosse, seine Jugend und das Wesen seiner Reformen“; профессоръ *Эрдманъ* — „Das Güterrecht der Ehegatten nach dem Provincialrecht Liv- Est- und Kurland“: I. „Das Güterrecht der Ehegatten während fortdauernder Ehe“; II. „Das Güterrecht der Ehegatten nach aufgelöster Ehe“; „Zur Lehre vom Gerichtsstande der Pfandklage an Immobilien“, „Noch einmal die Resolutivbedingung“, „Erwiderung auf Oberhofgerichts-Advocat Schiemanns rechtliche Bedenken gegen meine Darstellung des dinglichen Mietrechts“; профессоръ *Бетхеръ* — „Ueber die Veränderungen der Netzhaut und des Labyrinths in einem Fall von Fibrosarcom des Nervus acusticus, mit 2 Tafeln Abbildungen“, Kritische Bemerkungen und neue Beiträge zur Literatur des Gehörlabyrinths, mit 2 Tafeln Abbildungen“; профессоръ *Драендорфъ* — „Notes on practical pharmacy“, „Ueber einige in Turkestan gebräuchliche Heilmittel“, „Die Verfälschung ätherischer Oele durch Terpentingöl und ihre Erkennung durch Weingeist“; профессоръ *Фозель* — „Ueber Tetanus rheumaticus“, „Die Kinderkrankheiten“; профессоръ *А. Шмидтъ* — „Neue Untersuchungen über die Faserstoffgerinnung“; профессоръ *Берманъ* — „Beiträge zur putriden Intoxication“; профессоръ *Студа* —

„Die angeblichen Terminalkörperchen an den Haaren einiger Säuge-
thiere“, „Ueber den Bau der rothen Blättchen an den Schwingen des
Seidenschwanzes“, „Ueber die Vetttersche Methode der Herstellung ana-
tomischer Präparate“, „Die Bildung der Knochengewebe“; профессоръ-
Бэмъ — „Untersuchungen über die physiologischen Wirkungen der Digi-
talis und des Digitalin“, „Untersuchungen über die physiologischen
Wirkungen des deutschen Aconitin“, „Ueber die Einwirkung des Vera-
trin auf die Muskelfaser“, „Ueber die Einfluss der arsenigen Säure
auf die ungeformten Fermente“; профессоръ *Паукеръ* — „Addenda
Lexicis Latinis, collegit annotatione illustravit C. Paucker“, „Su-
bindenda Lexicis Latinis a quinti potissimum p. C. saeculi scriptori-
bus“, „Addendorum Lexicis Latinis subrelicta“, „Kleine Beiträge zur
lateinischen Lexicographie und Wortbildungsgeschichte, erstes Stück“;
профессоръ *Мейеръ* — „Zur Tacitus Germania“, „Besprechung von Moritz
Heynes Ausgabe des Ulfilas, 5 Auflage“, „Göttingische gelehrten Anzei-
gen“, „Ueber die livländische Reuichronik“, „Etymologische Mitthei-
lungen“; профессоръ *Брикнеръ* — „Anzeige von Rankes Buch über den
siebenjährigen Krieg“, „Путешествіе императрицы Екатерины II въ
полуденный край Россіи въ 1787 году“, „Russische Actenstücke zur
Geschichte des Jahres 1756“; профессоръ *Ластейресъ* — „Welche Wa-
ren werden im Verlaufe der Zeiten immer theuer? Statistische Studien
zur Geschichte der Preise“, „Das Alter der deutschen Universitäts-
lehrer“, „Der Kindersegен der armen Leute“, „Die Rigasche Volks-
zählung, III, die Haushaltungen“, „Die achte Session des statistischen
Congresses zu St.-Petersburg“; профессоръ *Тейхмюллеръ* — „Geschichte
des Begriffs der Parusie“, „Ueber die Grundsätze der Fröbelschen
Kindergärten“; профессоръ *Ульманъ* — „Franz von Sickingen. Nach
meistens ungedruckten Quellen“; доценты: *Мазинъ* — „Ueber ein Göthe-
sches Lied“, „Ueber die tragische Schuld“; *Гаусманъ* — „Archivstu-
dien zur livländischen Geschichte. I. Livonica im polnischen Reichs-
archiv“, „Ein Bericht über die Grenzen des russischen Reichs im XVI
Jahrhundert, herausgegeben aus dem Wiener Reichsarchiv“, „Miscellen
zur Geschichte Livlands im XVI Jahrhundert“, „Ueber das Dörptsche
Rathsarchiv“, „Aus der Geschichte der Stadt Dorpat“; *Рюль* — „Die
Textquellen des Justinus“, „Register zu Ferdinand Gregorovius Ges-
chichte der Stadt Rom im Mittelalter“, „Pompejanische Nachträge“,
„Zu Zosimos“, рецензія сочиненія: „Statistika del regno d'Italia“; про-
фессоры: *Гревинъ* — „Zur Kenntniss ostbaltischer Tertiär und Krei-
degebilde“, съ 2-ми таблицами окаменѣлостей, „Geologie Kurlands.

I Historischer Theil"; *Арт. фонъ-Эттингенъ* — „Ueber das Spectrum des Nordlichts", вмѣстѣ съ доцентомъ *Вейраухомъ* „Meteorologische Beobachtungen angestellt in Dorpat im Jahre 1872 nebst Anhang über Beobachtungsmethoden", „Ueber den mathematischen Unterricht auf der Schule"; *Вилькомъ* — „Forstliche Flora von Deutschland und Oesterreich", „Streifzüge durch die baltischen Provinzen", „Der botanische Garten der Kaiserlichen Universität", „Die Rigaschen Stadtförsten und ihre Bewirthschaftung", „Die Kronsförsten der baltischen Provinzen", „Baltische Urwälder", доценты: *Руссоъ* — „Vergleichende Untersuchungen betreffend die Histologie der vegetativen und sporenbildenden Organe und die Entwicklung der Sporen der Leitbündelkryptogamen mit Berücksichtigung der Histologie der Phanerogamen, ausgehend von der Betrachtung der Marsiliaceen", съ 11 литографическими таблицами; *Вейраухъ* — „Meteorologische Beobachtungen angestellt in Dorpat"; приватъ-доценты: *Зейдлицъ* — Fauna baltica, Die Käfer der Ostsee-provinzen Russlands", „Die Parthenogenesis und ihr Verhältniss zu den übrigen Zeugungsarten im Thierreich"; *Ламбертъ* — „Ueber die Contacterscheinungen bei Predazzo".

Публичныя лекціи въ 1872 году читали слѣдующіе преподаватели: профессоры: *Фолькъ* — Полтора столѣтія исторіи Израильтянъ; *Мюлау* — Ливонія и ея исторія; *Эмельманъ* — Петръ Великій, ея молодость и сущность ея реформъ; *Г. фонъ-Эттингенъ* — о сущности общаго отускленія стекловика; *Фюль* — о желтухѣ, происходящей отъ крови и о желчныхъ кислотахъ; *Берманъ* — о проказѣ и о переломахъ дѣтскаго черепа при рожденіи; *Стида* — объ устройствѣ тѣла *Amphioxus lanceolatus*; *Мейеръ* — извѣстія лифляндской римованной лѣтописи объ Эстахъ и нѣкоторыя другія лекціи меньшаго объема; *Брикнеръ* — о состояніи наукъ во Франціи во время революціи; *Тейс-мюллеръ* — о сущности души, о безсмертіи души, о гіероглифахъ, объ общей риторикѣ и о видахъ рѣчи; *Котляревскій* — очеркъ исторіи поединковъ (дуэлей) у славянскихъ племенъ и о нѣкоторыхъ семейныхъ обычаяхъ Славянъ; *Гревинъ* — разныя лекціи по части естественныхъ наукъ и археологіи въ публичныхъ засѣданіяхъ общества испытателей природы и ученаго эстскаго общества въ Дерптѣ; *К. Шмидтъ* — объ освѣщеніи и отопленіи, о приготовленіи и техническомъ примѣненіи сѣры, фосфора, хлора и т. п. и объ отопленіи комнатъ; *Гельмницъ* — о примѣненіи физическихъ препаратовъ въ промышленности и о различныхъ предметахъ изъ области естественныхъ наукъ; *Арт. фонъ-Эттингенъ* — о теоріи упругости и ея отношеніяхъ въ техникѣ

и о преподаваніи въ училищахъ математики; *Вилькомъ*—о большихъ дѣсныхъ областяхъ Лифляндской и Курляндской губерній, о настоящемъ ихъ потребленіи и будущности ихъ; *Шварцъ*—объ обращеніи дуны около осей; доценты: *Мазинъ*—объ одной изъ пѣсень Гёте, о распредѣленіи искусствъ по ихъ достоинству; *Гаусманъ*—о процвѣтаніи и упадкѣ Ганзы и изъ исторіи города Дерпта; *Рюль*—о Саванаролѣ; приватъ-доцентъ *Зейдлицъ*—о дѣвственномъ зачатіи (Parthogenesis) у животныхъ и растений.

Совѣтъ Дерптскаго университета имѣлъ въ теченіе 1872 года 18-ть засѣданій. Съ разрѣшенія г. попечителя Дерптскаго учебнаго округа, правила для студентовъ университета дополнены примѣчаніемъ, по которому всѣ студенты, участвующіе въ практическихъ упражненіяхъ въ химическомъ кабинетѣ, фармацевтическомъ институтѣ, агрономо-химической лабораторіи и въ фармакологическомъ институтѣ, обязаны, для пріобрѣтенія необходимыхъ для ихъ упражненій реакенцій и препаратовъ, вносить пополугодно плату, равняющуюся установленной за эти практическія лекціи. Допущены въ чтенію лекцій въ качествѣ приватъ-доцентовъ: въ медицинскомъ факультетѣ—ассистентъ хирургической клиники, докторъ *Рейтеръ*, и помощникъ профессора полиелияники—докторъ *Зембъ*; по физико-математическому—помощникъ директора химическаго кабинета, магистръ *Демберъ*. Утверждено въ степени доктора: по богословскому факультету—1, по юридическому—1, по медицинскому—11, всего 13; въ степени магистра—2, оба по физико-математическому факультету; въ степени кандидата: по богословскому факультету—4, по юридическому—32, по историко-филологическому—12, по физико-математическому—8, всего 56; въ званіи дѣйствительнаго студента: по богословскому факультету—11, по юридическому—6, по историко-филологическому—4, всего 21; въ степени лекаря—7, въ званіи инспектора врачебной управы—1, степени магистра фармаціи—3, провизора—18, аптекарскаго помощника—67, повивальной бабки—32. Въ степень доктора богословія возведенъ экстраординарный профессоръ богословія въ Эрлангенскомъ университетѣ, лиценціатъ богословія Густавъ *Плигъ*. Съ Высочайшаго соизволенія командированы были за границу съ ученою цѣлю: профессора: *Фолькъ*—на 4 мѣсяца, для пользования библиотеками въ Вольфенбюттелѣ, Лейпцигѣ, Мюнхенѣ и Вѣнѣ, въ видахъ научнаго труда о благословеніи Моисея и для участія въ съѣздѣ ориенталистовъ въ Лейпцигѣ; *Котляревскій*—на одинъ годъ, для занятій славянскими нарѣчіями; *А. фонъ-Эттингенъ*—на 4 мѣ-

сяца, для окончанія и печатанія 2-й систематической части сочиненія „Die Socialethik“ и для пользованія различными статистическими бюро въ видахъ предпринима. аго ннѣ втораго изданія первой части сего сочиненія (Moralstatistik); *Вилькомъ*—на 8 мѣсяцевъ, для изслѣдованія Балеарскихъ и Пнтіузскихъ острововъ въ ботаническомъ отношеніи, и доцентъ *Мазимъ*—на одинъ годъ, для изученія новыхъ литературныхъ языковъ и пользованія библиотеками Германіи для окончанія сочиненія о лирикѣ Гёте.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на 1872 годъ было ассигновано 208.144 руб. 45 коп., а именно: на содержаніе личнаго состава—135.923 руб., на учебныя пособия, ховайственныя и другіе расходы—54.650 руб., на стипендіи и пособия студентамъ—14.000 руб., на награды и пособия—2.000 руб., на экипировку окончившимъ курсъ медицинскимъ студентамъ—600 руб., на издержки при публичныхъ лекціяхъ по техническимъ наукамъ—971 руб. 45 коп. По смѣтѣ специальныхъ средствъ, составляющихся изъ сбора со студентовъ въ пользу университета и сбора за матрикулы, изчислено было 6.800 руб., которые и израсходованы по распоряженіямъ университетскаго правленія. Въ 1872 году въ университетскомъ судѣ производились дѣла о четырехъ дуэляхъ и участвовавшіе въ нихъ студенты преданы уголовному суду.

Студентовъ къ 1-му января 1872 года состояло на лицо 683; въ теченіе 1872 года вновь поступило 216, въ томъ числѣ: изъ гимназій—137, изъ другихъ университетовъ—9, аптекарскихъ помощниковъ—21, вторично поступившихъ—49; выбыло: до окончанія курса—110, окончившихъ курсъ—103; затѣмъ къ 1-му января 1873 года состояло на лицо 686. По факультетамъ они были распределены слѣдующимъ образомъ: въ богословскомъ факультетѣ—87, въ юридическомъ—189, въ медицинскомъ—244, въ историко-филологическомъ—75, въ физико-математическомъ—71. Стороннихъ слушателей было: къ 1-му января 1872 года—10, въ 1872 году поступило—7, выбыло—11, къ 1-му января 1873 года состояло на лицо—6. Изъ числа студентовъ, со включеніемъ выбывшихъ въ 1872 году, было освобождено отъ платы 163; но такъ какъ наибольшее число студентовъ было освобождено въ обоихъ семестрахъ, то на каждый семестръ приходится среднимъ числомъ: на первый—165, на второй—161. Стипендій выдано было 57 на сумму 12.174 руб. 99 коп., въ томъ числѣ: въ богословскомъ факультетѣ—11 на 3.450 руб., въ юридическомъ—5 на 291 руб. 66 коп., въ медицинскомъ—19 на

5.700 руб., въ историко-филологическомъ — 16 на 1.833 руб. 33 коп., въ физико-математическомъ — 3 на 300 руб., стипендій Виленскаго евангелическо-реформатскаго синода — 3 на 600 рублей.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Дерптскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи. Общая университетская бібліотека, къ 1-му января 1873 года, содержала: книгъ и періодическихъ изданій 121.974 нумеровъ; рукописей—707; плановъ, картъ и рисунковъ — 5.549 нумеровъ, всего 128.230 нумеровъ. Кромѣ того, находилось въ бібліотекахъ: музея искусствъ — 1.043 тома, математическаго кабинета — 280, рисовальной школы — 107, физическаго кабинета — 315, химическаго — 197, минералогическаго — 631, зоологическаго музея — 48, ботаническаго сада — 527, экономическаго кабинета — 330, астрономической обсерваторіи — 2.451 (книгъ — 2.421, эстамповъ, атласовъ, барельефовъ — 30), фармацевтическаго института — 314, анатомическаго театра — 161, физиологическаго института — 58, патологическаго — 84, фармакологическаго — 10, медицинской клиники — 557, хирургической — 843, офтальмологической — 371, акушерской — 799, центрального музея отечественныхъ древностей — 370. Въ музей изящныхъ искусствъ состояло: древностей и искусственныхъ работъ — 7.169, монетъ и медалей — 7.379 нумеровъ, въ числѣ коихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ богатая коллекція античныхъ глиняныхъ вазъ и гипсовые снимки Дорифора, Амазонки и Деметры. Въ центральномъ музей отечественныхъ древностей состояло 2.712 нумеровъ, въ математическомъ кабинетѣ — 280, въ рисовальной школѣ — 3.785, въ физическомъ кабинетѣ — 904 нумера. Особеннаго вниманія заслуживаетъ прибрѣтенный на средства университета новый желѣзный токарный станокъ фабрики А. Гамана въ Берлинѣ. Въ химическомъ кабинетѣ состояло 759 нумеровъ. Въ химической лабораторіи занимались: въ первомъ полугодіи — 29, во второмъ — 39 студентовъ, изъ нихъ вновь поступившіе — качественнымъ, а старые — количественнымъ анализомъ; главнымъ образомъ въ области минеральной химіи (химической геологіи, землѣдѣльческой химіи), а затѣмъ и практическимъ изслѣдованіемъ различныхъ аналитическихъ методовъ, приготовленіемъ препаратовъ для будущаго анализа и т. п. Въ минералогическомъ кабинетѣ имѣлось 38.656 нумеровъ. Практическими въ немъ упражненіями, состоящими въ опредѣленіи горныхъ породъ минераловъ и окаменѣлостей и въ измѣреніи кристалловъ, занимались 9 студентовъ. Въ зоологическомъ музей состояло 15.871 нумеръ. Особенно замѣчательныя прибрѣтенія — Micro-

abus Coquerellii, Propithacus Croquerellii, Ursus labiatus и Grus paradisa. Въ ботаническомъ саду: живыхъ растений и сѣмянъ — около 12.715, сушеныхъ растений въ гербаріяхъ — около 27.000 номеровъ. Садъ доставлялъ достаточный матеріалъ для демонстрацій и упражненій въ анализѣ, а также и для микроскопическихкихъ исследованийъ. Студенты фармаціи и сельскаго хозяйства въ течение лѣта прилежно посѣщали участки лекарственныхъ и сельско-хозяйственныхъ растений, а также и демонстраціи и упражненія въ анализѣ живыхъ садовыхъ растений. Въ экономическомъ кабинетѣ и лабораторіи сельско-хозяйственной химіи состояло: въ первой — 978, во второй — 270 номеровъ. Въ экономическомъ кабинетѣ произошло уменьшеніе противъ 1871 года, вслѣдствіе кражи 17 номеровъ. Такъ какъ кафедра сельскаго хозяйства и технологіи не была занята, то студенты, какъ выше сказано, занимались сельско-хозяйственной химіей въ химическомъ кабинетѣ. Въ астрономической обсерваторіи было 151 номеръ. Въ анатомическомъ театрѣ состояло: для анатоміи челоуѣка — 750 номеровъ, для сравнительной анатоміи — 2.274, мебели и инструментовъ — 223 номера. Труповъ было употреблено: для анатомическихкихъ занятій — 8, для хирургическихкихъ — 5. Исследованиямъ труповъ занимались 25 студентовъ. Въ физиологическомъ институтѣ имѣлось 251 номеръ. Изъ приобретенныхъ замѣчательны: 1 микроскопъ, химическіе вѣсы и 1 Гельмгольца двояная сирена. Специальными научными исследованиями надъ отвердѣніемъ мускуловъ послѣ смерти занимался 1 студентъ. Въ патологическомъ институтѣ имѣлось 1.532 предмета. Специально-научными исследованиями занимались 3 лица, а именно: по патологической анатоміи ишечныхъ желѣзъ Плагинъа, о функціяхъ дугообразныхъ ходовъ слуховаго лабиринта, о болѣзняхъ сердца и сосудовъ, воспаленіяхъ; вскрыто 93 трупа. Въ фармацевтическомъ институтѣ состояло 2.220 номеровъ. Изъ приобретенныхъ 28 предметовъ особенно замѣчательна батарея Кейзера и Шнидта изъ Берлина. Въ практическихъ занятіяхъ участвовало: 59 студентовъ медицины, 49 студентовъ фармаціи по фармацевтической химіи и 35 по фармакогнозіи. Научными работами большого объема занимались 13 лицъ. Въ фармакологическомъ институтѣ находилось 1.123 номера. Специальными научными исследованиями занимались 3 лица (о дѣйствіяхъ Pyllostigmin'a, нѣкоторыхъ ядовъ и т. п.). Въ хирургическихкихъ коллекціяхъ было: перевязокъ и машинъ — 712, инструментовъ — 1.194. Въ коллекціи офтальмологическихкихъ инструментовъ находилось 260 номеровъ; замѣчательно собраніе искусственныхъ глазъ,

часть которых употребляется въ замѣнѣ испорченныхъ глазъ бѣдныхъ пациентовъ клиники. Коллекцію акушерскихъ инструментовъ составляли 367 номеровъ. Въ медицинской клиникѣ, при 36 практикантахъ, къ 1-му января 1872 года больныхъ состояло 1, въ 1872 году поступило 202; изъ нихъ выздоровѣло — 27, выпущено излеченными или неввлеченными — 74, умерло 38, къ 1-му января 1873 года остался 1. Въ хирургической клиникѣ, имѣвшей 48 практикантовъ, больныхъ состояло къ 1-му января 1872 года — 16, въ 1872 году принято — 290, выздоровѣло — 120, выпущено — 111, умерло — 50, къ 1-му января 1873 года осталось — 25. Большихъ операций произведено 95, изъ нихъ 28 — практикантами. Въ офтальмологической клиникѣ (18 практикантовъ) къ 1-му января 1872 года больныхъ состояло 2, въ теченіе 1872 года поступило 151, выздоровѣло 71, выпущено 82, умершихъ и оставшихся къ 1873 году не было. Въ акушерской клиникѣ (практикантовъ 41) къ 1-му января 1872 года было 4, въ 1872 году припито 116, выздоровѣло 85, выпущено 24, умерло 7, къ 1873 году осталось 4. Въ университетскомъ отдѣленіи окружной лечебницы (практиковъ 11) къ 1-му января 1872 года было 30, въ 1872 году поступило 262, выздоровѣло 179, выпущено 61, умерло 14, къ 1-му января 1873 года осталось 38.

— Вслѣдствіе ходатайства совѣта Казанскаго университета объ учрежденіи учительскихъ семинарій при тѣхъ кафедрахъ факультетовъ историко-филологическаго и физико-математическаго, предметы коихъ преподаются въ гимназіяхъ, министерство народнаго просвѣщенія постановило, независимо отъ общаго факультетскаго преподаванія, цѣлью означенныхъ семинарій слѣдующее: 1) полнѣйшее научное разъясненіе и упроченіе въ сознаніи студентовъ тѣхъ частей предмета, которыя входятъ въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній; 2) ознакомленіе съ дидактикою общаго и частнаго извѣстнаго предмета; 3) ознакомленіе съ гимназическими программами и выработку на основаніи опытъ пробныхъ уроковъ; 4) ознакомленіе съ ученою русскою литературою и иностранными образцовыми учебными сочиненіями по извѣстному предмету, а также способность къ письменной оцѣнкѣ произведеній такой литературы; 5) устный и письменный переводъ съ русскаго языка на греческій, латинскій, французскій и нѣмецкій, и умѣнье рѣшать устно и письменно болѣе трудныя задачи изъ математики и физики; 6) навыкъ преподавать уроки, конечно, по гимназической программѣ и способность судить о достоинствѣ урока, преподаваннаго другимъ лицомъ.

Историко-филологическій и физико-математическій факультеты университета св. Владиміра, обсудивъ изъясненное выше предположеніе, представили слѣдующія соображенія:

а) Историко-филологическій факультетъ, принимая во вниманіе, что рядомъ съ общимъ факультетскимъ преподаваніемъ имѣется въ виду ввести особое, на весьма широкихъ основаніяхъ, для образованія учителей классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ, и взвѣсивъ важность новой задачи и новаго труда, возлагаемаго на преподавателей,—полагаетъ, что если такимъ образомъ будутъ раздроблены ихъ силы, то едва-ли онѣ не ослабѣютъ. Факультетъ тѣмъ болѣе въ правѣ опасаться этого, что и доселѣ онъ еще недостаточно снабженъ преподавателями, такъ какъ по каедрамъ: греческой, римской словесности, всеобщей исторіи и славянской филологіи имѣется всего по одному преподавателю, а между тѣмъ всѣ вышеозначенныя каедры имѣютъ сами по себѣ, каждая, по нѣскольку отдѣльных частей, какъ бы отдѣльныхъ наукъ; лектора французскаго языка и по настоящее время не имѣется; ни всеобщая, ни русская географія не входятъ въ составъ факультетскаго курса, а между тѣмъ руководство студентовъ по этимъ предметамъ возлагается на преподавателей всеобщей и русской исторіи; должна читаться общая дидактика всѣмъ студентамъ учительскихъ семинарій, но и она, равно какъ и частная дидактика, не входятъ въ университетскій курсъ. Если же стипендіаты историко-филологическаго факультета университета св. Владиміра, окончивая курсъ наукъ, доселѣ были почти всегда освобождены отъ спеціальныхъ испытаній на званіе учителя въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, то факультетъ полагаетъ, что это дѣлалось не безъ достаточныхъ основаній: во-первыхъ, въ стипендіаты всегда избираются студенты, заявившіе себя успѣхами въ наукахъ; во-вторыхъ, ежегодно они обязаны подвергаться повѣрочнымъ испытаніямъ, и в-третьихъ, всѣ они обязательно участвуютъ въ такъ называемыхъ практическихъ занятіяхъ подъ руководствомъ профессоровъ,—занятіяхъ, которыя, не будучи регламентированы подобно тому, какъ то излагается въ проектѣ Казанскаго университета, тѣмъ не менѣе стремятся къ той же цѣли и по возможности ея достигаютъ. Наконецъ, указанной цѣли должно содѣйствовать и то обстоятельство, что въ настоящее время на историко-филологическомъ факультетѣ университета св. Владиміра, въ видахъ возвышенія уровня студентскаго образованія, приступлено къ выработкѣ проекта общихъ курсовъ по всѣмъ предметамъ факультета, на основаніи воихъ сту-

денты получали бы болѣе полное историко-филологическое образованіе, и курсовъ частныхъ, спеціальныхъ, чтобы дать возможность студентамъ основательнѣе знакомиться съ избранными ими науками.

б) Студенты физико-математическаго факультета обязаны выслушивать довольно обширные и разнообразныя курсы профессоровъ, составлять лекціи, работать въ лабораторіяхъ, обсерваторіяхъ и кабинетахъ, такъ что время всякаго истинно дѣльнаго студента поглощено научными занятіями. Учрежденіе педагогическихъ семинарій отвлекло бы студентовъ отъ научныхъ занятій, составляющихъ прямую цѣль пребыванія ихъ въ университетѣ, разъединило бы ихъ дѣятельность и не только не способствовало бы педагогическимъ цѣлямъ, но даже прямо противорѣчило бы имъ. Педагогическіе приемы очень важны въ преподаваніи, но еще важнѣе основательно знать свой предметъ, научно быть подготовленнымъ къ педагогической дѣятельности. Можно положительно сказать, что, при исполненіи указанной въ предложеніи обширной программы, научная сторона занятій студентовъ пойдетъ далеко не удовлетворительно. На основаніи правилъ для спеціальныхъ испытаній на званіе учителя и воспитателя гимназій и прогимназій, окончившій курсъ на физико-математическомъ факультетѣ подвергается только *сокращенному испытанію*, а именно онъ долженъ отвѣчать письменно на два вопроса, предложенные ему факультетомъ, и потомъ прочесть два пробныя урока въ одной изъ гимназій. Не было еще примѣра на физико-математическомъ факультетѣ, чтобы молодой человекъ, съ успѣхомъ кончившій университетскій курсъ, не исполнилъ требованій упомянутаго испытанія. Можно ли же предположить, что молодые люди будутъ добровольно подвергать себя двухлѣтнимъ педагогическимъ занятіямъ, довольно многосложнымъ (если только они не превратятся въ формальность) и отвлекающимъ ихъ отъ научныхъ цѣлей, когда они знаютъ очень хорошо, что, съ успѣхомъ кончивъ курсъ въ университетѣ, могутъ въ теченіе одного или двухъ мѣсяцевъ легко получить званіе учителя? На основаніи всего сказаннаго, физико-математическій факультетъ не видитъ существенной пользы въ учрежденіи правильно и систематически организованныхъ семинарій при кафедрахъ факультета, и вообще проектъ объ учрежденіи этихъ семинарій считаетъ неудобноисполнимымъ. Если необходима научная педагогическая подготовка молодыхъ людей, поступающихъ учителями въ гимназій, то гораздо лучше начать ее послѣ окончанія студентами полнаго курса наукъ.

Советъ университета св. Владиміра опредѣлитъ представить г. по-

3*

попечителю округа приведенна заключенія факультетовъ, присовокупивъ, что, по мнѣнію его, въ видахъ возвышенія уровня университетскаго образованія, полезны тѣ семинаріи, которыя имѣютъ въ виду спеціальныя занятія студентовъ подъ руководствомъ профессоровъ, и что такія занятія существуютъ въ университетѣ св. Владимира не только на факультетахъ историко-филологическомъ и физико-математическомъ, но и на юридическомъ подъ названіемъ практическихъ занятій.

— Профессоры Томса, Хржонщевскій и Перемежко вошли въ медицинскій факультетъ университета св. Владимира съ слѣдующимъ предложеніемъ: „Распредѣленіе предметовъ, преподаваемыхъ нами студентамъ 2-го и 3-го курсовъ медицинскаго факультета, представляетъ существенное неудобство. Такъ, напримѣръ, студенты 2-го курса до сихъ поръ одновременно слушали физиологію и гистологію, а между тѣмъ невозможно понимать физиологію, не зная гистологіи. Подобное же затрудненіе существовало и для студентовъ 3-го курса, которые слушали частную патологію и терапію, теоретическую хирургію, оперативную хирургію, діагностику впутрѣнныхъ болѣзней, теоретическое акушерство, гинекологию, главныя болѣзни, и въ то же время общую патологію, которая необходимо должна предшествовать всѣмъ другимъ предметамъ. Для устраненія столь важнаго неудобства, было бы необходимо перенести, въ видѣ опыта, преподаваніе гистологіи на первый курсъ впереди чтенія физиологіи, которая останется попрежнему на 2-мъ курсѣ; преподаваніе же общей патологіи перенести на 2-й курсъ, чтобы приготовить слушателей къ занятію различными частными отдѣлами патологіи въ теченіе слѣдующаго 3-го курса“.

Совѣтъ университета св. Владимира не встрѣтилъ препятствій къ приведенію въ исполненіе изложенныхъ выше мѣръ.

30-го августа текущаго года происходилъ въ Варшавскомъ университетѣ актъ, на которомъ ректоръ сего университета, Н. М. Влговѣщенскій, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Мн. гг. Еще въ первый разъ я имѣю честь обратиться къ вамъ мое слово, какъ представитель Императорскаго Варшавскаго университета. Проинкнутый искреннимъ и глубокимъ сознаніемъ только что принятыхъ на себя обязанностей, я чувствую нравственную потребность, вслѣдъ за отчетомъ о внѣшней жизни университета въ ми-

нущемъ году, обозначить, хотя въ краткихъ чертахъ, ея внутренній смыслъ и современное направленіе. Уже не разъ было заявлено, что въ этой сферѣ послѣдовала въ недавнее время коренная реформа; но въ чемъ она должна проявляться, чего мы желаемъ, къ чему стремимся? Пора уже дать правдивый и положительный отвѣтъ на эти существенные для насъ вопросы.

„Объективность и всесторонность — вотъ тѣ два начала, которыя мы стараемся положить въ основу нашего университетскаго преподаванія. Они должны замѣнить собою прежнюю, нерѣдко диаметрально противоположную имъ, педагогическую систему, которая господствовала въ былое время въ здѣшнемъ краѣ и, очевидно, не могла быть для него благотворною ни въ научномъ, ни въ общественномъ отношеніи. Объективность и всесторонность образованія — вотъ въ чемъ онъ такъ давно нуждался, вотъ та настоятельная потребность, удовлетвореніе которой составляетъ благородную и высокую цѣль нашего университета.

„Не для того коснулся я этого важнаго, жизненнаго вопроса, чтобы обвинять прошлое, сложившееся, конечно, подъ вліяніемъ многихъ историческихъ условий. Миръ и любовь, а не вражду, и запоздалыя пререканія должны мы, дѣятели Варшавскаго университета, приложить къ тому святому дѣлу, которому всецѣло отдали наши силы; но тѣмъ не менѣе, во имя этого самаго дѣла, мы обязаны честно и нелицемерно заявить наши убѣжденія и цѣли. Нисколько не отрицая великаго значенія субъективности въ наукѣ, мы убѣждены въ томъ, что и для нея означенныя начала представляютъ хорошую почву. Здѣсь, однако, рѣчь идетъ не о тѣхъ путяхъ, на которыхъ наука наиболѣе быстро подвигается впередъ, а о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она наиболѣе благотворно дѣйствуетъ на молодое поколѣніе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, воспитательное значеніе упомянутыхъ педагогическихъ началъ несомнѣнно и даже замѣнно въ тѣ моменты жизни того или другаго народа, когда онъ нуждается въ нравственномъ перерожденіи.

„*Maxima debetur puero reverentia*“, замѣтилъ одинъ изъ самыхъ искреннихъ и благородныхъ писателей древности, говоря о дурномъ вліяніи на юношу окружающей среды. Въ чемъ же должно выражаться это уваженіе къ юношѣ въ годы его воспитанія? Въ правильномъ и гармоническомъ развитіи его нравственныхъ силъ, его мыслительной способности, въ приученіи его къ возможно сознательному воспріятію истины, что достигается всестороннимъ изученіемъ

того или другаго вопроса изъ области знанія. Понятно, что такое изученіе несовмѣстимо съ навязываніемъ юношѣ, въ видѣ непреложной догмы, разныхъ субъективныхъ взглядовъ, такъ часто не имѣющихъ ничего общаго съ наукою. Неразумно и нечестно поступать тотъ, кто намѣренно калѣчить нравственную природу молодаго поколѣнія, кто завѣдомо вноситъ въ науку ложныя идеи, разжигаетъ страсти своего питомца и, вслѣдствіе какихъ-нибудь личныхъ цѣлей, скрываетъ отъ него правду даже тамъ, гдѣ она очевидна. Говоря такъ, я преимущественно имѣю въ виду вопросы, — а такихъ не мало въ наукѣ, — которые непосредственно соприкасаются съ жизнью, тѣ жгучіе вопросы, которые, какъ говорится, составляютъ ядубу дня. Новая педагогическая система, которой мы служимъ, конечно, прежде всего постарается избѣжать указанныхъ недостатковъ. Безъ сомнѣнія, и она, какъ все человѣческое, не изъята отъ разныхъ несовершенствъ; но мы, по крайней мѣрѣ, можемъ надѣяться, что ни одинъ добрый отецъ и ни одна добрая мать не упрекнутъ насъ со временемъ тѣмъ, что мы загубили ихъ дѣтище.

„Съ другой стороны, безъ сомнѣнія, не мало найдется также людей, не согласныхъ съ нашими педагогическими взглядами. И это тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что университетъ не исключительно вліяетъ на нравственное и умственное развитіе своихъ питомцевъ: такъ какъ, кромѣ того, они необходимо находятся подъ вліяніемъ окружающей ихъ среды. Насъ не должно, однако, смущать это явленіе; наша энергія не должна подавляться тѣми препятствіями, которыхъ мы, конечно, по малу встрѣтимъ на пути къ нашей цѣли. Борьба мнѣній и взглядовъ, безъ которой не проникаетъ въ жизнь ни одна новая идея, борьба упорная, хотя бы и скрытая, неизбежна, и мы должны напрячь всѣ наши силы для того, чтобы явиться на это ратное поле въ духовномъ вооруженіи. И пусть насъ при этомъ поддерживаетъ и одушевляетъ мысль, что не только въ предѣлахъ нашего отечества, но и во всей остальной Европѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе признается культурное значеніе Россіи, которое уже не разъ, и притомъ въ формахъ высоко гуманныхъ, такъ блистательно заявило себя не только на отдаленномъ Востоцѣ, но и въ западныхъ нашихъ окраинахъ. Мы не можемъ не чувствовать, что для покрытой необходимыми лаврами Россіи окончательно наступила завоевательная пора также въ области мысли и духа.

„И пусть не кажутся эти мои, не только искренно прочувствованные, но и зрѣло обдуманная, слова преждевременнымъ самовос-

хваленіємъ. Предвидя обычное, хотя и не особенно глубокомысленное возраженіе, которое они легко могутъ вызвать съ разныхъ сторонъ, я считаю достаточнымъ, въ отвѣтъ на него, ограничиться замѣчаніемъ, что высокое и культурное значеніе того или другаго народа не столько опредѣляется количествомъ грамотныхъ его представителей, сколько степеню присущей ему нравственной силы. Самымъ культурнымъ народомъ до сихъ поръ еще являюся въ исторіи древніе Римляне, а у нихъ, какъ хорошо всякому извѣстно, отъ начала до конца народныя массы постоянно косялись въ невѣжествѣ. Притомъ, нужно ли прибавлять, что у насъ такое печальное явленіе — временное и переходное, что, можетъ быть, скоро наступитъ пора, когда оно обратится въ преданіе.

„Вотъ тѣ убѣжденія, которыя, мы надѣмся, все болѣе и болѣе будутъ проникать и въ среду нашихъ польскихъ соплеменниковъ, такъ какъ новымъ ихъ поколѣніямъ суждено развиваться, умственно и нравственно, въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, сравнительно съ поколѣніями предшедшими. Въ виду того неизбежнаго антагонизма, на который указано мною выше, для насъ, какъ педагоговъ, во всякомъ случаѣ было бы отраднo, если бы наши питомцы какъ можно чаще имѣли поводъ повторять тѣ прекрасныя слова, съ которыми Персій въ былое время обратился къ благородному своему наставнику, Корнуту: „Et gremiatur ratione animus vincique laborat“, то-есть, „духъ мой подавляется твоимъ разумомъ и дѣлаетъ усилія для того, чтобы остаться побѣжденнымъ“

„Пусть же одобрительно дѣйствуетъ на насъ эта увѣренность въ успѣхъ нашего дѣла. Не обольщайся преувеличенными ожиданіями блистательныхъ результатовъ въ близкомъ будущемъ, я имѣю, однако, основательный поводъ надѣяться, что мы трудимся здѣсь не напрасно. Ручательствомъ въ томъ не только ревностное исполненіе своихъ обязанностей нашими университетскими наставниками, изъ которыхъ многіе пользуются такою почетною извѣстностію въ ученомъ мірѣ, по и всѣми признанная высокая даровитость польскаго народа, а равно и похвальный усердіе къ наукѣ со стороны внутренняго нашимъ заботамъ юношества. Мнѣ отраднo также свидѣтельствовать, что и поведеніе нашихъ студентовъ, по прежнему, вполнѣ безупречно. За все время моего управленія университетомъ, я могу указать только на одинъ фактъ довольно рѣзкаго нарушенія дисциплины; по и въ этомъ случаѣ я счелъ возможнымъ значительно уменьшить мѣру взысканія, въ виду полного и самаго искренняго раскаянія со стороны провин-

нившагося. Его превосходительство, г. попечитель, постоянное и неослабное вниманіе котораго къ нуждамъ и пользамъ университета такъ много содѣйствуетъ его успѣхамъ, а равно и ближайшая университетская администрація по прежнему озабочена возможно болѣшимъ улучшеніемъ какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго быта варшавскихъ студентовъ. Съ этою цѣлю и въ минувшемъ академическомъ году частію уже приняты, а частію предположены новыя мѣры, и вскорѣ очень значительно увеличатся средства, которыми располагаетъ состоящій при университетѣ комитетъ вспоможенія бѣднымъ студентамъ. Я не могу, впрочемъ, теперь же сообщить въ надлежащей полнотѣ всѣ данныя, относящіяся къ этой весьма существенной сторонѣ нашей университетской жизни, такъ какъ въ настоящую минуту трудно еще подвести вѣрный итогъ нашимъ, въ означенномъ отношеніи, мѣропріятіямъ и надеждамъ. Моя цѣль на этотъ разъ исключительно состояла въ томъ, чтобы кратко, но, по возможности, ясно указать сущность и значеніе нашей дѣятельности,—указать на то, что освободительное начало, составляющее знаменательный характеръ нынѣшняго достославнаго царствованія, обновивъ собою всѣ проявленія русской жизни, наконецъ проложило себѣ путь и въ педагогическую сферу здѣшней окраины. Не липа ея благодѣлній высшаго образованія, нашъ Всемилостивѣйшій Монархъ желаетъ, чтобы оно было направлено ко благу какъ Россіи, такъ и неразрывными узами соединеннаго съ нею Царства Польскаго. Мы же, дѣятели Варшавскаго университета, должны употребить всѣ наши нравственныя силы для того, чтобы исполнить эту Монаршую волю, которая такъ близко отвѣчаетъ самымъ завѣтнымъ нашимъ стремленіямъ и помысламъ*.

Г И М Н А З І И.

Извлеченіе изъ отчета о состояніи Олонецкой гимназіи въ 187го/_{го} учебномъ году. — О раздѣленіи VII класса Новочеркасской гимназіи на самостоятельныя отдѣленія. — Объ открытіи параллельныхъ отдѣленій въ трехъ гимназіяхъ и одной прогимназіи Виленскаго учебнаго округа.

Въ недавнее время изданъ особою брошюрой отчетъ о состояніи Олонецкой гимназіи въ 187го/_{го} учебномъ году. Подобные отчеты, знакомя съ внутреннею жизнью заведенія, не могутъ не интересоваться какъ родителей и родственниковъ учащихся, такъ и все мѣстное

общество, а потому, мы признаемъ не бесполезнымъ познакомить съ означеннымъ отчетомъ нашихъ читателей въ краткомъ извлеченіи.

Олонецкая гимназія, на основаніи устава 1864 года, была гимназіей классической, съ однимъ древнимъ языкомъ—латинскимъ. Вслѣдъ за Высочайшимъ утвержденіемъ 30-го іюля 1871 года новаго устава гимназій и прогимназій, педагогическій совѣтъ этой гимназіи немедленно приступилъ къ ея преобразованію согласно новому уставу. Но такъ какъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ новаго гимназическаго курса, греческій языкъ, не могъ быть введенъ вдругъ во всѣхъ классахъ, то совѣтомъ было составлено и начальствомъ учебнаго округа утверждено временное распредѣленіе уроковъ. При этомъ нѣкоторые предметы, именно: законъ Божій, латинскій языкъ, математику, исторію и географію оказалось возможнымъ ввести тотчасъ же въ томъ размѣрѣ, какой указанъ новымъ уставомъ. Греческій языкъ положено ввести немедленно не только въ III, но и въ IV классъ, на томъ основаніи, что ученики послѣдняго изъ нихъ, какъ болѣе взрослые и развитые, успѣютъ въ теченіе пяти лѣтъ, остающихся имъ до конца курса, выполнить назначенную по этому языку программу. Оставшія свободными отъ греческаго языка уроки въ V, VI и VII классахъ назначены на усиленіе въ этихъ классахъ занятій отечественнымъ, нѣмецкимъ и французскимъ языками. Съ введеніемъ новаго устава, космографія въ VII классѣ замѣнена математическою географіей; прекращено преподаваніе физики въ V классѣ; изъ новѣйшихъ языковъ въ тѣхъ классахъ, гдѣ введенъ греческій языкъ, сдѣлано обязательнымъ обученіе одному изъ нихъ; равно объявлено необходимымъ предметомъ рисованіе, преподаваніе котораго введено для желающихъ за особую плату, въ послѣобѣденные часы. Два урока естественной исторіи въ VII классѣ назначены на усиленіе математики, въ виду того, что воспитанники этого класса прошли полный курсъ естествовѣдѣнія въ трехъ низшихъ классахъ. Въ то же время приняты мѣры къ устройству пригготовительнаго класса, который и открытъ 16-го августа, вмѣстѣ съ началомъ ученія въ гимназіи. Въ 1871/72 учебномъ году греческій языкъ введенъ въ V классъ, гдѣ съ этою цѣлію уменьшено противъ предыдущаго года по одному уроку русскаго и обоихъ новѣйшихъ языковъ и прибавлено вновь 3 урока въ недѣлю. Вслѣдствіе того число недѣльныхъ уроковъ, въ теченіе истекшаго учебнаго года, безъ пригготовительнаго класса, было слѣдующее: закона Божія—12, русскаго языка—23, латинскаго—44, греческаго—17, математики—31, географіи—9, исторіи—10, фран-

цузскаго и нѣмецкаго языковъ — 28, чистописанія—5; въ приготовительномъ классѣ: законъ Божій—4, русскій языкъ—6, математика—6, чистописаніе—6, итого 22 урока.

Учебный годъ начался 16-го августа 1872 и окончился 15-го іюня 1873 года. Зимнія вакаціи продолжались съ 22-го декабря по 8-е января. Кромѣ того, учащіеся были свободны отъ занятій въ страстную недѣлю и недѣлю св. Пасхи, во всѣ воскресные и праздничные дни. Такимъ образомъ, собственно учебный годъ, считая съ 15-го августа по 15-е іюня, продолжался 304 дн., то-есть, 10 мѣсяцевъ съ 4-мя днями; изъ нихъ 222 дня или 7 мѣсяцевъ и 12 дней было учебныхъ и 82 дня или 2 мѣсяца 22 дня—не учебныхъ.

Посѣщеніе классовъ преподавателями было большею частію исправно; нѣкоторые, однако, пропустили болѣе или менѣе значительное число уроковъ вслѣдствіе болѣзни. Изъ общаго ихъ числа 5.909, пропущено—623 (10,5%). Три преподавателя не пропустили ни одного урока; изъ нихъ одинъ имѣлъ въ теченіе года—114, другой—891 и третій—385 уроковъ. Изъ числа пропущенныхъ уроковъ заняты были: директоромъ—23, инспекторомъ—162, помощникомъ классныхъ наставниковъ—51, а всего—236 уроковъ, что составляетъ почти 38% общаго числа. Изъ преподавателей никто не могъ замѣнять отсутствующихъ товарищей, за неимѣніемъ свободнаго времени. Въ тѣхъ случаяхъ, когда урокъ отсутствующаго учителя некому было занять и онъ приходился на послѣдніе часы, то учителя увольнялись домой; это допускалось лишь въ трехъ старшихъ и весьма рѣдко въ IV классѣ. Если уроки отсутствующихъ приходились въ первые часы или въ промежуткѣ между другими уроками и никто не имѣлъ возможности занять ихъ, то учащимся давалась письменная работа—переводъ или математическая задача, -- причемъ наблюденіе за порядкомъ принималъ на себя одинъ изъ преподавателей сосѣднихъ классовъ.

Къ началу 18^{72/73} учебнаго года учащихся состояло 122, а именно: въ приготовительномъ классѣ—3, въ I—13, во II—29, въ III—29, въ IV—18, въ V—11, въ VI—9, въ VII—10; въ теченіе года поступило—37, итого въ отчетномъ году было—159; вышло до испытаній—10; подвергались испытаніямъ—149; изъ нихъ: переведено—96, оставлено въ тѣхъ же классахъ—50, уволено за малоуспѣшность—1, получили аттестаты зрѣлости—2, вышло послѣ испытаній—5; затѣмъ къ началу 18^{73/74} учебнаго года осталось—141, которые распредѣлены были по классамъ слѣдующимъ образомъ: въ приготовительномъ—4, въ I—17, во II—36, въ III—26, въ IV—16, въ V—16,

въ VI—8, въ VII—18 (по 9-ти въ каждомъ изъ отдѣленій). По словеснымъ учащимся раздѣлялись такъ: дворянъ и чиновниковъ — 105 (66%), духовнаго званія—5 (3,1%), городскихъ сословій—45 (28,3%), сельскихъ сословій — 4 (2,6%); по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 146 (91,9%), римско-католическаго — 7 (4,5%), лютеранскаго—3 (1,8%), еврейскаго—3 (1,8%). Не принятыхъ по недостатку помѣщенія или по причинѣ невыдержанія испытаній не было. Изъ числа вновь принятыхъ учениковъ, 34 поступило изъ домовъ родителей и 3 перешли изъ другихъ гимназій, по выдержаніи испытанія въ педагогическомъ совѣтѣ. Степень успѣшности учащихся за отчетный годъ видна изъ приведенныхъ выше цифръ. Оказывается, что изъ общаго числа 149 учениковъ, подвергавшихся испытаніямъ, удостоено перевода въ высшіе классы—64,4%, оставлено не переведенными — 33,6%, уволено за неуспѣшность — 0,6%, удостоено аттестата зрѣлости — 1,4%. Степень успѣшности трехъ старшихъ классовъ была вполне удовлетворительна: изъ 30-ти учениковъ, бывшихъ въ нихъ во время испытаній, оставленъ по малоуспѣшности на второй годъ только 1, что составляетъ 3,3%; остальные 96,7% получаютъ на 27 переведенныхъ и 2 получившихъ аттестаты зрѣлости. Въ низшихъ классахъ результаты были менѣе удовлетворительны: изъ 117 экзаменовавшихся въ этихъ классахъ, переведены — 69, то-есть, 58%, оставлены не переведенными — 49, то-есть, 41,1% и уволены за малоуспѣшность—1, то-есть, 0,9%. Успѣшность классовъ, отдѣльно взятыхъ, постепенно понижалась отъ высшихъ классовъ къ низшимъ: въ VII и VI всѣ ученики были удостоены перевода; въ V—переведены 9 изъ 10, то-есть, 90%; въ IV—16 изъ 18, то-есть, почти 89%; въ III—14 изъ 29, то-есть, 48%; во II—12 изъ 32, то-есть, 37%; въ I — 19 изъ 28, то-есть, 68%, и въ приготовительномъ — 8 изъ 12, то-есть, 66,6%. Отсюда видно, что самыми слабыми по успѣхамъ были III и въ особенности II классы. Причина этого заключалась въ скопленіи въ означенныхъ классахъ большаго числа учениковъ, мало способныхъ и развитыхъ. Со стороны педагогическаго совѣта принимались возможныя мѣры для возвышенія успѣшности этихъ классовъ: такъ, въ началѣ октября, слабые ученики недостаточнаго состоянія привлечены были къ послѣобѣденнымъ занятіямъ въ гимназій, гдѣ они ежедневно, съ 4¹/₂, до 6-ти часовъ, занимались отчасти повтореніемъ курса предыдущихъ классовъ, отчасти приготовленіемъ уроковъ къ слѣдующему дню, подъ руководствомъ помощника классныхъ наставниковъ и одного изъ лучшихъ учениковъ VII класса, подъ по-

стояннымъ наблюденіемъ инспектора. Въ то же время родителямъ достаточныхъ учениковъ предложено было пригласить репетиторовъ изъ старшихъ учениковъ гимназій или другихъ лицъ. Въ февралѣ была составлена особая классная коммиссія для обсужденія мѣръ къ возвышенію уровня знаній во II и III классахъ. Коммиссія эта нашла, что неуспѣшность большей части учащихся происходитъ отъ ихъ невниманія и непривычки къ сосредоточенности въ занятіяхъ, и не согласившись съ предложеніемъ одного изъ членовъ раздѣлить оба класса на отдѣленія, постановила какъ можно чаще спрашивать и вообще обращать особенное вниманіе на учениковъ слабыхъ, но обнаруживающихъ способности; совершенно же отставшимъ ученикамъ назначать во время классныхъ занятій послѣдныя письменныя работы. Хотя вслѣдствіе этихъ мѣръ многіе ученики и исправились, но не настолько, чтобы могли съ успѣхомъ слушать курсъ слѣдующихъ классовъ, и потому педагогическій совѣтъ, чтобы не понизить уровень III и IV классовъ въ будущемъ учебномъ году, не рѣшился дѣлать свискожденіе и ограничился переводомъ только вполне успѣвшихъ воспитанниковъ. На основаніи существующихъ правилъ, родители были постоянно извѣщаемы о занятіяхъ ихъ дѣтей посредствомъ недѣльныхъ и мѣсячныхъ свидѣтельствъ. Первые выдавались черезъ каждыя двѣ недѣли классными наставниками, которые и слѣдили за подписаніемъ ихъ родителями или родственниками учащихся. Мѣсячныя свидѣтельства, по постановленію педагогическаго совѣта, соблюдавшемуся въ теченіе многихъ лѣтъ до полученія новыхъ правилъ объ испытаніяхъ, выданы были шесть разъ въ теченіе учебнаго года, а именно, въ первыхъ числахъ октября, ноября, декабря, февраля, апрѣля и іюня. Для удобнѣйшаго контролѣ за доставленіемъ родителямъ, свидѣтельство выдавалось общее на весь годъ, съ раздѣленіемъ на мѣсяцы; по предъявленіи родителямъ и подписаніи ими, оно возвращалось инспектору, который имѣлъ, такимъ образомъ, полную возможность слѣдить, всѣ ли свидѣтельства возвращены и просмотрѣны родителями. Какъ двухнедѣльныя, такъ и мѣсячныя свидѣтельства предварительно разсматривались директоромъ, который въ соотвѣтствующихъ случаяхъ надписывалъ на нихъ свои замѣчанія отъ себя или отъ педагогическаго совѣта. Учащиеся, не заслуживающіе довѣрія или разъ уличеннымъ въ обманѣ, свидѣтельства не давались въ руки, а отсылались ихъ родителямъ. Родителямъ иногородныхъ учениковъ какъ двухнедѣльныя свидѣтельства, такъ и копіи съ мѣсячныхъ, отсылались чрезъ штатныхъ смотрителей или приходскихъ учителей, послѣ

подписанія ихъ тѣми лицами, у которыхъ живутъ ученики. Для доставленія родителямъ способовъ слѣдить за исправнымъ приготовленіемъ дѣтми задаваемыхъ на домъ уроковъ, учащіеся снабжены были особыми книжками, введенными въ гимназіи, по постановленію педагогическаго совѣта, въ 1868 году, по формѣ своей вполне соответствующими указаннымъ въ предложеніи министерства народнаго просвѣщенія отъ 9-го декабря 1872 года.

Степень успѣшности въ главныхъ предметахъ гимназическаго курса, въ общемъ сводѣ отгѣтокъ по этимъ предметамъ, представляетъ слѣдующее: по латинскому языку получили отгѣтки: 5—14 челов., 4—38, 3—46, 2—37, 1—2; по греческому языку: 5—7 челов., 4—15, 3—26, 2—14, 1—1; по математикѣ: 5—29 челов., 4—39, 3—46, 2—30, 1—5 человекъ. Такимъ образомъ выходитъ, что отгѣтокъ было: по латинскому языку, на 137 учившихся: удовлетворительныхъ — 98 (71,5%), неудовлетворительныхъ—39 (28,5%); по греческому языку, на 57 учившихся: удовлетворительныхъ—42 (73,7%), неудовлетворительныхъ—15 (26,3%); по математикѣ, на 149 учившихся: удовлетворительныхъ—114 (76,5%), неудовлетворительныхъ—35 (23,5%). Изъ необязательныхъ предметовъ, кромѣ новѣйшихъ языковъ, преподавались рисованіе, гимнастика и пѣніе. Впрочемъ, въ VI и VII классахъ, въ которыхъ не былъ еще введенъ греческій языкъ, оба новые языка были обязательны для всѣхъ учащихся. Изъ числа 175 учениковъ, бывшихъ въ II—VII классахъ въ теченіе учебнаго года, обучались: одному французскому языку—8 (7%), одному нѣмецкому—57 (49,6%), обоимъ языкамъ вмѣстѣ—50 (43,5%) человекъ. Прочимъ необязательнымъ предметамъ изъ 145-ти учениковъ 7-ми основныхъ классовъ учились: рисованію—36 (24,8%), гимнастикѣ—133 (91,7%), пѣнію—24 (16,5%) человекъ. Рисованіе преподавалось по 2 раза въ недѣлю съ 4-хъ до 5-ти часовъ послѣ обѣда. Учащіеся были раздѣлены на 3 отдѣленія. Гимнастика преподавалась по 1/2 часа ежедневно во время большой перемены, причемъ всѣ учащіеся были раздѣлены на 3 отдѣленія, около 40 человекъ въ каждомъ. Каждое отдѣленіе имѣло по 2 урока въ недѣлю. Гимнастикѣ обучались обязательно всѣ воспитанники, за исключеніемъ только тѣхъ, которымъ занятія ею воспрещены врачами. Пѣнію обучались одни желающіе по два раза въ недѣлю отъ 4-хъ до 5-ти часовъ послѣ обѣда.

Плата за ученіе взимается: въ основныхъ классахъ — по 10 руб., а въ приготовительномъ — по 7 руб. въ годъ. Отъ платы освобождены были: а) по недостаточности родителей — 12, что составляетъ

относительно 145 учениковъ основныхъ классовъ, — 8,2%; б) дѣти лицъ, служащихъ или служившихъ по учебному вѣдомству, — 11. Кроме того, въ 1-мъ полугодіи за четырехъ воспитанниковъ внесена плата мѣстнымъ благотворительнымъ обществомъ, а во 2-мъ полугодіи за четырехъ — изъ специальныхъ средствъ гимназій, и за трехъ — изъ суммы, вырученной отъ публичныхъ лекцій. Въ теченіе учебнаго года сбора за ученіе получено: въ 1-мъ полугодіи — 706 руб.; во 2-мъ — 603 руб. 50 коп., всего 1.309 руб. 50 коп. За обученіе рисованію взималось по 3 руб. въ годъ; за 10 учениковъ, обнаруживавшихъ способности и охоту къ занятію этимъ предметомъ, но затруднявшихся взносомъ платы, педагогическимъ совѣтомъ внесена плата изъ специальныхъ средствъ. Вознагражденіе учителя рисованія производилось по 50 руб. за годовой урокъ, а всего за два урока 100 рублей.

Здоровье учениковъ было вообще удовлетворительно. Случаевъ заболѣванія, въ которыхъ воспитанники обращались къ помощи гимназическаго врача, было 85, что на 159 учениковъ, бывшихъ въ теченіе года, составляетъ среднимъ числомъ 0,5. Изъ болѣзней преобладали: желудочный катаръ (21 случ.), воспаленіе зѣва и рта (9), горчка простудная (7). Смертныхъ случаевъ въ теченіе года не было. Въ виду того, что въ окрестностяхъ и въ самомъ городѣ появилась весной натуральная оспа, всѣ воспитанники были осмотрѣны врачомъ гимназій, который призналъ необходимымъ сдѣлать вторичное прививаніе 13 человѣкамъ. Привитая имъ оспа принялась только у двоихъ.

Число уроковъ, пропущенныхъ въ теченіе учебнаго года, было: въ четырехъ низшихъ и приготовительномъ классѣ — 4.867, въ трехъ высшихъ классахъ — 980, итого 5.847; среднимъ числомъ на количество учениковъ въ классахъ: въ четырехъ низшихъ и приготовительномъ классахъ — 38,2; въ трехъ высшихъ классахъ — 30,6; итого 36,7. Изъ числа учениковъ отдѣльно взятыхъ было: не пропустившихъ ни одного урока — 19, пропустившихъ: отъ 3 до 10 уроковъ — 24, отъ 10 до 25 — 31, отъ 25 до 50 — 46, отъ 50 до 75 — 15, отъ 75 до 100 — 10, отъ 100 до 125 — 8, отъ 125 до 150 — 4, 203 урока — 1, 303 — 1. Нѣкоторыми учениками пропущено значительное число уроковъ по случаю скарлатины у братьевъ и сестеръ, вслѣдствіе запрещенія врачей въ такомъ случаѣ посѣщать гимназію. Такъ, между прочимъ, 384 урока пропущены двумя учениками приготовительнаго и двумя 2-го класса, принадлежащими къ семейству, гдѣ на дѣтяхъ была скарлатина. По причинамъ неуважительнымъ пропущено было въ теченіе отчетнаго года 96 уроковъ, изъ коихъ, впрочемъ, 81 при-

ходятся на долю одного ученика приготовительнаго класса, который безъ разрѣшенія гимназическаго начальства увезеть былъ отцомъ въ деревню. По несвоевременному возвращенію изъ отпуска съ рождественскихъ вакацій, по случаю сильныхъ морозовъ, три ученика пропустали: одинъ—8, другой—24, третій—30 уроковъ; всего 62 урока.

Поведеніе учащихся было вообще одобрительно. Простунковъ, заслуживавшихъ высканія, въ теченіе года было 241, что составляетъ среднимъ числомъ 1,5 случая на каждого изъ всѣхъ 159 воспитанниковъ. Мѣры высканія были: выставленіе въ уголъ или къ стѣнѣ; запрещеніе выходить во время перемѣны изъ класса; оставленіе послѣ классовъ на пятый урокъ; заключеніе въ запертомъ классѣ на одинъ или два часа, заключеніе въ карцеръ не свыше трехъ часовъ. Преимущественно же прибѣгали къ нравственнымъ мѣрамъ. О всѣхъ болѣе важныхъ простункахъ классными наставниками доводилось до свѣдѣнія родителей виновныхъ или лично, или надписями на двухнедѣльныхъ свидѣтельствахъ, или, наконецъ, надписями директора на мѣсячныхъ свидѣтельствахъ.

Пособія учащимся въ 187³/₄ учебномъ году оказаны были въ количествѣ 259 руб. 60 коп., въ томъ числѣ: изъ спеціальныхъ средствъ гимназій—208 руб. 45 коп.; изъ суммы, вырученной отъ публичныхъ лекцій въ пользу бѣдныхъ учениковъ — 41 руб. 15 коп. и одному ученику выдано на форменную одежду 10 руб., полученныхъ въ пользу экзаменаторовъ отъ поддержавшагося испытанію на аттестатъ г. Лагоды.

Педагогическій совѣтъ въ теченіе отчетнаго года имѣлъ 18 засѣданій, изъ коихъ въ 1-мъ полугодіи — 10, во 2-мъ — 8.

Согласно распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, ученикамъ всѣхъ классовъ на время вакацій, которыми заключился 187³/₄ учебный годъ, назначены были занятія по закону Божію, русскому и латинскому языкамъ и по математикѣ; ученикамъ же 5-го класса, сверхъ того, и по греческому языку.

— Директоръ училищъ области Войска Донскаго, въ представленіи попечителю Харьковскаго учебнаго округа, изложилъ слѣдующее. Къ началу настоящаго учебнаго года, въ основномъ и параллельномъ отдѣленіяхъ VI класса Новочеркасской гимназій состоитъ 31 ученикъ, въ отдѣленіяхъ же старшемъ и младшемъ VII класса—49 учениковъ (въ младшемъ—27, въ старшемъ—22). Опытъ минувшаго учебнаго года показалъ всѣ неудобства одновременнаго преподаванія предметовъ ученикамъ обоихъ отдѣленій VII класса; много-

людность же нынѣшняго VII класса не можетъ не обнаружить еще болѣе неблагопріятнаго вліянія на ходъ занятій въ этомъ классѣ. Во избѣжаніе означенныхъ затрудненій, директоръ училищъ испрашивалъ разрѣшеніе раздѣлить VII классъ на два самостоятельныя отдѣленія, въ которыхъ преподаваніе предметовъ будетъ производиться по особымъ программамъ, согласно учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія. вмѣстѣ съ тѣмъ, директоръ предлагалъ параллели VI класса слить въ одинъ общій классъ, добавочное же жалованье учителямъ за уроки въ параллельномъ отдѣленіи VI класса перенести на вознагражденіе учителямъ за уроки въ самостоятельномъ отдѣленіи VII класса. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа представилъ ходатайство это на разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія, вавовое и послѣдовало.

— Попечителемъ Виленскаго учебнаго округа разрѣшено открыть, на счетъ мѣстныхъ средствъ, именно сбора за ученіе, параллельныя отдѣленія въ гимназіяхъ: Виленской — I, II и III классовъ, Минской и Гродненской — III класса и Виленской прогимназіи — I и II классовъ.

УЧИТЕЛЬСКІЯ ШКОЛЫ.

Свѣдѣнія объ Александровской учительской школѣ, Кубанской и Прибалтійской учительскихъ семинаріяхъ.

Александровская учительская школа была открыта Обществомъ возстановленія христіанства на Кавказѣ съ главною цѣлію готовить наставниковъ для училищъ этого общества, на средства коего она и содержалась до сихъ поръ; съ мая 1872 года, вслѣдствіе ходатайства Его Императорскаго Высочества намѣстника Кавказскаго, содержится она на государственныя средства и состоитъ въ вѣдѣніи начальства Кавказскаго учебнаго округа. На основаніи Высочайше утвержденного 15-го мая прошлаго года положенія, школа переименована была въ Александровскій учительскій институтъ и, сохраняя прежнее свое назначеніе, она приготавлиетъ вмѣстѣ съ тѣмъ наставниковъ и для городскихъ училищъ означеннаго округа, для чего назначено имѣть въ ней, кромѣ 20 воспитанниковъ Общества возстановленія христіанства, столько же казеннокоштныхъ. Курсъ заведенія былъ значительно расширенъ: изъ трехкласснаго оно сдѣлано четырехкласснымъ и, вмѣсто существовавшей при немъ однокласной начальной школы, положено имѣть городскую двухклассную; а на со-

держаніе его ассигновано изъ доходовъ края 17.300 руб. Это старѣйшее на Кавказѣ, и одно изъ первыхъ въ имперіи, педагогическое учебное заведеніе (школа открыта въ 1866 году) начало впрочемъ свою дѣятельность только съ сентября 1872 года, а въ текущемъ году поступило уже въ него 8 казенныхъ воспитанниковъ, такъ что число всѣхъ учащихся въ институтѣ простирается до 48, изъ коихъ по происхожденію: дворянъ и чиновниковъ—22, духовнаго званія—8, городскихъ сословій—9, сельскихъ—9; въ городскомъ же училищѣ при институтѣ обучаются 36 мальчиковъ. Институтъ рѣшено перевести изъ предмѣстья Павлугъ въ городъ, для чего уже ассигнована необходимая сумма и папачъ удобный домъ. Кроме упомянутыхъ 8 казенныхъ воспитанниковъ и 20 воспитанниковъ Общества возстановленія христіанства, въ институтѣ находится еще: 4 воспитанника Кавказскаго учебнаго округа, содержимыхъ на спеціальныя средства Кавказскихъ гимназій, 1 стипендіатъ горнаго управленія, 10 воспитанниковъ Терскаго казачьяго войска и 5 приходящихъ учениковъ. Изъ числа всѣхъ обучающихся только 22, слѣдовательно менѣе половины, природные Русскіе; остальные же принадлежать къ разнымъ племенамъ, населяющимъ Кавказъ, преимущественно къ грузинскому. Книгъ въ институтѣ состоитъ: въ фундаментальной библіотекѣ—733 названія въ 1.130 томахъ и въ ученической—104 названія въ 383 томахъ.

Кубинская учительская семинарія достигла въ трехгодичное свое существованіе такого развитія, что по числу учащихся занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между семинаріями всей имперіи. Въ текущемъ году она должна произвести первый выпускъ окончившихъ въ ней полный курсъ воспитанниковъ третьяго (высшаго) класса, коихъ считается 14, а всего учащихся во всѣхъ трехъ классахъ семинаріи 64; въ томъ числѣ 21—изъ дворянъ и чиновниковъ, 16—изъ духовнаго званія, 4—изъ городскихъ сословій, 6—изъ сельскихъ и 37—изъ солдатскихъ дѣтей. Между учащимися 39 стипендіатовъ Кубинскаго войска, 9—Терскаго, 1—Черноморскаго округа, 2—Ставропольскаго губернскаго по крестьянскыи дѣламъ присутствія, 2—дирекціи училищъ Ставропольской губерніи, 4—стипендіата Александровскаго, Екатеринославской губерніи, земства, одинъ стипендіатъ частныхъ лицъ города Екатеринодара и 25—спескоштныхъ. Число постоянныхъ стипендій въ этомъ заведеніи въ 1872 году увеличилось еще одною на проценты съ капитала въ 2.500 руб., собраннаго лицами, служившими въ Кавказскомъ учебномъ округѣ. Стипендіи эти, согласно съ

часть CLXXV, отд. 4. 1

желаніемъ жертвователей, Высочайше разрѣшено 19-го апрѣля 1872 года присвоить названіе стипендіи попечителя округа тайнаго совѣтника *Исепрова*. Его Высочество, Великій Князь намѣстникъ Кавказскій, удостоивъ семинарію своимъ посѣщеніемъ, изволилъ выразить ей полное свое удовольствіе, замѣтивъ въ приказѣ своемъ отъ 30-го сентября 1872 года, что „устройствомъ семинаріи положено прочное основаніе великому дѣлу правильнаго народнаго образованія и что начальство ей дало этому образованію прекрасное направленіе“. Объ устройствѣ храма и учрежденіи въ Ладовской станицѣ госпитальнаго отдѣленія, въ которомъ могли бы получать медицинскую помощь воспитанники семинаріи и находящіеся при ней двухъ мужскихъ и одной женской школъ, въ настоящее время сильно заботится директоръ ея К. С. Захаровъ. Наказный атаманъ уже принялъ зависящія отъ него мѣры къ осуществленію этихъ предположеній. Жители Ладовской станицы отвели семинаріи, вблизи отъ ея помѣщенія, $4\frac{1}{2}$ десятины земли подъ огородъ, устройвъ вокругъ, на собственные средства, ограду, вслѣдствіе чего каждому изъ воспитанниковъ отведенъ особый участокъ для обработки огородныхъ растений. Учебныя средства семинаріи, въ библіотекѣ коей находится книгъ 164 названія въ 400 томахъ, обогатились въ прошломъ году приобрѣтеніемъ естественно-исторической коллекціи, уступленной ей Кубанскою войсковою гимназією; въ то же время перевезенъ изъ Екатеринодара и поставленъ на семинарскомъ дворѣ навѣсьонъ для метеорологическихъ наблюденій и отпущено 100 руб. на выписку инструментовъ. Такимъ образомъ, Кубанская учительская семинарія все болѣе дѣлается средоточіемъ мѣстной интеллектуальной жизни, что, конечно, будетъ имѣть благотворное вліяніе на готовящихся въ ней народныхъ учителей и учительницъ, такъ какъ при семинаріи, въ той же самой Ладовской станицѣ, учреждена женская нормальная двуклассная школа съ педагогическими при ней курсами. Она была открыта 1-го сентября 1872 года. При семъ нельзя не упомянуть, что жители Ладовской станицы, въ воспоминаніе посѣщенія Его Высочествомъ находящихся въ ней учебныхъ заведеній, отдѣлили изъ общаго своего юрта 300 десятинъ земли, назвавъ этотъ участокъ училищною землею, съ тѣмъ, чтобы доходъ съ нея былъ употребленъ на содержаніе какъ женской нормальной, такъ и образцовой при семинаріи школъ.

Прибавтійская учительская семинарія. Въ торжественный для нея день перваго выпуска въ прошломъ году 12-ти воспитанниковъ, окончившихъ полный курсъ ученія, былъ представленъ вниманію со-

бравшейся публики подробный отчетъ о двухлѣтнемъ существованіи этого заведенія. Директоръ просилъ при этомъ всѣхъ, дорожащихъ успѣхами народнаго образованія, заявлять совѣту свои мнѣнія и замѣчанія, хотя бы и содержащія въ себѣ строгую критику, чтобы можно было устранить обнаружившіеся недостатки. Но ни словесно, ни печатно никакихъ замѣчаній не было сдѣлано. Школьный порядокъ и учебные планы не подверглись измѣненію, за исключеніемъ лишь того, что въ программу учебныхъ предметовъ введено обученіе музыкѣ на скринкѣ и усилены практическія занятія учениковъ третьяго (высшаго) класса въ Братской Петропавловской школѣ.—На обученіе музыкѣ совѣтъ о сельскихъ православныхъ школахъ Прибалтійскихъ губерній нашелъ возможнымъ отпустить 150 руб. одновременно и, кромѣ того, прибавить къ ежегодному отпуску по 100 руб. на жалованье учителю. Что касается усиленія практическихъ занятій учениковъ третьяго класса семинаріи въ русско-эсто-латышской школѣ, то совѣтъ семинаріи нашелъ вполне цѣлесообразнымъ доставить означеннымъ ученикамъ возможность осповательнѣе ознакомиться съ системою не только класснаго, но и предметнаго обученія. Съ этою цѣлію на практическія занятія въ теченіе истекшаго учебнаго года было назначено 47 уроковъ ежедневнѣно по слѣдующимъ предметамъ: обученію чтенію и письму, наглядному обученію, ариомогикѣ, русскому языку, русской исторіи и географіи. На долю каждаго воспитанника пришлось въ теченіе года болѣе 70 уроковъ, и всѣ эти уроки были даваемы на русскомъ языкѣ. Хотя этихъ уроковъ пришлось менѣе, чѣмъ приходится ихъ на долю каждаго воспитанника въ лучшихъ саксонскихъ семинаріяхъ, но все таки можно съ увѣренностію полагать, что каждый изъ окончившихъ курсъ семинарскаго ученія имѣлъ возможность практически ознакомиться со многими трудностями первоначальнаго обученія и, кромѣ того, достаточно усвоить себѣ русскую рѣчь. Библіотека семинаріи, фундаментальная и учебная, обогатилась, хотя и незначительно, сочиненіями русскихъ авторовъ и пѣкоторыми книгами педагогическаго и богословскаго содержанія. Учебниковъ, книгъ и учебныхъ пособій приобрѣтено было въ отчетномъ году на сумму 564 руб. 39 коп. Кабинетовъ же физическаго и естественныхъ наукъ, за недостаткомъ средствъ, еще не имѣется.

Въ теченіе 1872 учебнаго года, по распоряженію совѣта, завѣдывающаго сельскими православными школами въ Прибалтійскомъ краѣ, посѣщали семинарію, съ цѣлію ознакомленія съ приемами на-

чальнаго обученія, трое безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ: одинъ латышъ и два эстонца; они присутствовали при урокахъ дидактики и кромѣ того при практическомъ преподаваніи семинаристовъ третьяго класса въ Братской Пестроавловской школѣ; во время же канікулъ брали частные уроки по русскому языку, географіи и ариметикѣ у штатнаго наставника семинаріи.

На благоусмотрѣніе попечителя Дерптскаго учебнаго округа были представлены подробныя программы по всѣмъ учебнымъ предметамъ семинарскаго курса, а также инструкціи о порядкѣ внутренняго управленія семинаріею, испытанныя на практикѣ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ и тщательно разсмотрѣнныя и обсужденныя въ 15 засѣданіяхъ педагогическаго совѣта. Изъ 63 человекъ, явившихся къ приемнымъ экзаменамъ въ августѣ, признано достойными пріема 30; изъ нихъ приняты, за неимѣніемъ казенныхъ вакансій, только 17. Такимъ образомъ, общее число всѣхъ учащихся было 75 человекъ: въ I классѣ—25, во II—24 и III—26; изъ нихъ казенновоштныхъ 60 и своскоштныхъ 15; по вѣроисповѣданіямъ они раздѣлялись: православнаго—50, лютеранъ—24 и I реформатъ; по національностямъ: русскихъ—3, латышей—48, эстонцевъ—24 и I литовець; по мѣсту происхожденія: Лифляндской губерніи—62, Курляндской—11 и Ковенской—2. Изъ общаго числа 75 воспитанниковъ, оказавшихъ въ 1-му января 1873 года очень хорошіе успѣхи въ наукахъ, то-есть, имѣвшихъ въ среднемъ выводѣ баллъ не менѣе 4, было 16%, (на 8% болѣе прошлаго года); оказавшихъ хорошіе успѣхи, то-есть, имѣвшихъ въ среднемъ выводѣ не менѣе 3,—73% (на 5% менѣе противъ прошлаго года); оказавшихъ посредственныя успѣхи (въ среднемъ выводѣ не менѣе 2)—11% (на 2% менѣе противъ прошлаго года), слабыхъ (менѣе 2 въ среднемъ выводѣ)—0% (на 1% менѣе противъ прошлаго года). На основаніи годичныхъ отмітокъ, а также репетицій, замѣняющихъ для учениковъ I и II классовъ экзамены, по опредѣленію педагогическаго совѣта изъ I во II классъ переведено 20, оставленъ на второй годъ 1, уволено за малоспособностью 4 человека; изъ II въ III классъ переведено 17, оставлено 5, уволенъ за малоспособностью 1. Изъ 26 учениковъ III класса удостоено свидѣтельствъ на званіе сельскаго учителя 25 человекъ; изъ нихъ съ отличными успѣхами 1, съ весьма хорошими 4, съ очень хорошими 9, съ хорошими 4; и съ удовлетворительными 7 человекъ. Одинъ же изъ воспитанниковъ оказалъ неудовлетворительныя успѣхи и потому свидѣтельства на званіе начальнаго учителя не удостоенъ. Такимъ образомъ, изъ

общаго числа 75 учениковъ, влѣтѣ съ окончившими курсъ къ 16-му іюня сего 1873 года, оказалось переведенныхъ въ слѣдующіе классы 62, или 85%; оставленныхъ на второй годъ 6, или 8%; уволенныхъ изъ семинаріи 5, или 7%. Общее число воспитанниковъ семинаріи въ настоящее время 43 человека. По классамъ они распредѣляются такъ: въ III—17, во II—25 и въ I—одинъ. Казеннокоштныхъ — 39, своекоштныхъ — 4. Русскихъ — 2, латышей — 27, эстонцевъ — 13 и 1 литовецъ. Православнаго исповѣданія — 28, лютеранскаго исповѣданія — 14 и 1 реформатскаго.

Прибалтійская учительская семинарія открыта была торжественно въ присутствіи многочисленнаго собранія 12-го сентября 1870 года. Къ ней былъ причисленъ штатъ семинаріи Молодечненской, съ отпускомъ на первоначальное ея обзаведеніе 7.000 руб., на ежегодное содержаніе 14.810 рублей и впоследствии 3.000 на наемъ помѣщенія. Цѣль ея — приготовленію русскихъ учителей въ народныя школы Прибалтійскаго края. Первоначально, по штату ея, полагалось 60 воспитанниковъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

19/го ноября 1873 года.

25-го (18-го) октября происходило въ Парижѣ публичное засѣданіе пяти академій подъ предсѣдательствомъ г. Горед, президента Академіи надписей и изящной словесности, причеиъ объявлены были награды, назначенныя въ нынѣшнемъ году. Премія въ 20.000 франковъ, установленная императоромъ Наполеономъ III и которую присуждаетъ Институтъ въ полномъ своемъ составѣ, по представленію, поочередно, каждой изъ академій, была выдана ученому египтологу, г. Марьетту. Премія Вольера, за замѣчательнѣйшіе труды по лингвистикѣ, была раздѣлена между Юсифомъ Галеви, авторомъ „Essai d'érigraphie lybique“ и Фр. Мённе, представившимъ на конкурсѣ нѣсколько не напечатанныхъ изслѣдованій, а также статей, которыя были обнародованы въ мемуарахъ французскаго филологическаго общества.

Немного поздыѣ, а именно 7-го ноября (нов. ст.), Академія надписей и изящной словесности имѣла, въ свою очередь, торжественное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ того же г. Горед, который провозгласилъ присужденныя ею награды. Академія эта назначила премію въ 2.000 фр. за ученый трудъ на слѣдующую тему: „Сравнительное изслѣдованіе о конструкціи въ языкахъ санскритскомъ, греческомъ, латинскомъ, въ германскихъ нарѣчіяхъ и романскихъ языкахъ“. Вопросъ этотъ доступенъ лишь небольшому числу ученыхъ, замѣтилъ докладчикъ, ибо онъ требуетъ весьма разнообразныхъ свѣдѣній, и неудивительно, что на конкурсѣ было представлено только одно сочиненіе. Замѣчательный трудъ этотъ отличается такою глубиною эрудиціею, такими самостоятельными и остроумными выводами, что Академія не поколебалась выдать ему установленную премію. Авторъ его — г. Абель Бергенъ (Bergaigne), репетиторъ въ Школѣ

высшихъ наукъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ филологовъ, уже извѣстный многимъ ученымъ произведеніями. Вѣроятно, мемуаръ его появится въ *Bibliothèque de l'école des hautes études*.

Не такъ посчастливилось Академіи въ другомъ вопросѣ, предложенномъ ею на конкурсъ: „Исторія важнѣйшихъ разногласій, возникшихъ съ первыхъ временъ исламизма между арабскими философами и богословами и окончившихся пораженіемъ философовъ“. На эту тему не было представлено ни одного мемуара, и Академія назначила ее на конкурсъ слѣдующаго года.

Не буду изчислять премій, присужденныхъ ученымъ трудамъ по предмету французскихъ древностей. Многіе изъ этихъ трудовъ имѣютъ чисто мѣстный интересъ. Укажу только на сочиненіе г. Шарля Жерара: „Эльзасскіе художники въ средніе вѣка“.

По нумизматическѣй преміи была выдана г. Ж. Руже за его трудъ объ египетскихъ древностяхъ: зтотъ ученый—сынъ извѣстнаго египтолога, умершаго въ прошломъ году, и каведра котораго въ *Collège de France* перешла къ г. Маснеро. По всему видно, что сынъ является достойнымъ продолжателемъ своего отца. Другая премія, въ 2.000 фр., была присуждена за мемуаръ: „Исслѣдованіе о цифрахъ, счетахъ, вѣсахъ и мѣрахъ у древнихъ Египтянъ“; только одинъ мемуаръ былъ представленъ на эту тему и принадлежитъ онъ г. Робіу, профессору въ Школѣ высшихъ наукъ: Академія нашла, что это трудъ замѣчательный, содержащій въ себѣ много новыхъ соображеній и взглядовъ.

Премію за лучшее сочиненіе по исторіи Франціи, извѣстную подъ названіемъ преміи Гобера, получилъ въ нынѣшнемъ году г. Жалъ (Jal), авторъ книги: „Авраамъ Дюкенъ и состояніе морскаго дѣла въ его время“. Г. Жалъ, умершій 78 лѣтъ отъ роду, былъ историографомъ морскаго министерства и хранителемъ его архивовъ. Носомѣнно, что онъ принадлежалъ къ числу самыхъ неутомимыхъ нашихъ изслѣдователей: мы обязаны ему множествомъ сочиненій, отличающихся самою тщательною и добросовѣстною эрудиціею—и тѣ же достоинства обнаруживаются въ посмертномъ его трудѣ о Дюкенѣ, въ которомъ помѣщено много драгоцѣнныхъ свѣдѣній о начаткахъ французскаго флота. Вторая премія Гобера была присуждена г. Масъ-Латри (Mas-Latrie), начальнику національныхъ архивовъ, за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Мирные трактаты и различные документы, относящіеся къ исторіи сношеній христіанъ съ сѣверо-африканскими Арабами“.

По установленному обычаю, докладъ президента Академіи надписей оканчивается краткимъ обзорѣмъ ученыхъ занятій нашей Аѳинской школы въ истекшемъ году. Г. Горедъ упомянулъ о раскопкахъ въ о. Делосѣ, въ различныхъ частяхъ Аттики и Малой Азіи, результаты коихъ будутъ въ непродолжительномъ времени выставлены въ Луврѣ. Тѣ изъ нашихъ читателей, которые пожелали бы основательнѣе ознакомиться съ трудами Аѳинской школы, могутъ обратиться къ превосходному „Путеводителю по Востоку“ г. Изамбера, гдѣ эти труды изложены весьма подробно.

Говоря о нашихъ академіяхъ, не могу не упомянуть о двухъ темахъ, предложенныхъ на конкурсѣ 1874 года Академіею нравственныя и политическихъ наукъ: 1) О дворянствѣ во Франціи и Англіи съ XI-го до XVIII-го столѣтія по слѣдующей программѣ: „ученыя, занимающіеся этимъ вопросомъ, должны, главнымъ образомъ, исследовать, въ какихъ формахъ возникла французская и англійская аристократія, какое вліяніе обнаружила она на главнѣйшія событія въ исторіи каждой изъ этихъ странъ, и опредѣлить политическую ея роль во Франціи и въ Англіи. Затѣмъ, необходимо обозначить, въ какой мѣрѣ содѣйствовала она возникновенію и развитію учреждений, столь различныхъ въ каждомъ изъ двухъ государствъ“. 2) Исследовать взаимныя отношенія политическихъ и судебныхъ властей во Франціи.

Школа высшихъ наукъ удостоилась почтенаго диплома на всемірной вѣнской выставкѣ за свои изданія, и такая же награда выдана была Вольной школѣ политическихъ наукъ, которая вступаетъ нынѣ въ третій годъ своего существованія и заплатила одно изъ видныхъ мѣстъ между нашими учебными заведеніями. Она находится нынѣ подъ покровительствомъ нѣсколькихъ государственныхъ людей и публицистовъ, между которыми достаточно назвать гг. Пасси, Лабуле, Виль-Кастеля и др. Число ея каедръ увеличивается съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаютъ и средства, которыми она пользуется для блага своихъ слушателей. Такъ, напримѣръ, въ текущемъ году курсъ ея состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: административное право, финансовое право, промышленное законодательство, исторія дипломатіи, исторія международного права, исторія конституціонныхъ учреждений въ различныхъ государствахъ; кромѣ того, будетъ учрежденъ дополнительный курсъ о современномъ состояніи рабочаго класса во Франціи. Слушатели пользуются также уроками новѣйшихъ языковъ, а въ богатой библіотекѣ находятъ они

всевозможныя европейскія періодическія изданія. Къ сожалѣнію, средства школы все еще недостаточны, чтобы дать ей возможность предложить профессорамъ такое же вознагражденіе, какое получаютъ они въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Далеко еще не обезпечено матеріальное положеніе профессоровъ и въ Школѣ высшихъ наукъ. Директоры различныхъ ея отдѣленій занимаются преподаваніемъ въ Collège de France, но репетиторы — эти главные руководители юности — получаютъ лишь отъ 1.500 до 2.000 фр. въ годъ. Съ другой стороны, къ школѣ относятся не совсемъ дружелюбно потому, что она не открываетъ своимъ воспитанникамъ вполнѣ пригодной для нихъ дѣятельности: до сихъ поръ весьма достойные молодые люди, поступавшіе въ школу, занимали въ ней должности помощниковъ репетиторовъ и репетиторовъ, но не было еще ни одного изъ нихъ, который получилъ бы мѣсто въ какомъ-либо изъ провинціальныхъ факультетовъ. А именно тамъ — то давно бы слѣдовало измѣнить составъ преподавателей; но у насъ, во Франціи, существуетъ убѣжденіе, что не годится привлекать молодыхъ людей къ профессорскому званію. Факультеты наши наполнены, по большей части, прѣжными преподавателями лицеевъ, хорошо знакомыми съ педагогическими приемами, но совершенно не свѣдущими въ методахъ научныхъ. У насъ никакъ не хотятъ понять, что существуетъ большая разница между тѣми и другими, и что можно быть отличнымъ преподавателемъ въ какомъ-либо среднемъ учебномъ заведеніи, не будучи годнымъ для преподаванія университетскаго. Вотъ почему многіе изъ нашихъ провинціальныхъ факультетовъ находятся въ жалкомъ упадкѣ. Если Школа высшихъ наукъ не приготовляетъ для нихъ профессоровъ, то трудно и объяснить настоящее ея назначеніе; воспитанники ея упражняются въ пѣкоторыхъ спеціальныхъ знаніяхъ, для которыхъ не существуетъ, между прочимъ, и каедръ ни въ одномъ изъ провинціальныхъ нашихъ факультетовъ, какъ напримеръ, въ санскритскомъ и семитическихъ языкахъ. Считаю не лишнимъ представить здѣсь подробную программу тѣхъ курсовъ, которые открываются въ ней съ ноября текущаго года.

Греческая филологія и древности. Руководитель курса — директоръ Института г. Ваддингтона (бывшій министръ народнаго просвѣщенія). Филологія: Г. Турнье (элементы палеографіи. — Чтеніе Софокловой Антигоны. — Морфологія аттическаго діалекта. — Объясненіе Μετοπίλια Ксенофонта). Древности: г. Робіу (оды Пиндара въ отношеніи историческомъ, мифологическомъ, философскомъ и филологи-

ческомъ.—Исторія греческой азбуки по надписямъ.—Объясненіе бео-
тійскихъ надписей). *Эпиграфія и римскія древности*: руководитель
курса — членъ Института и профессоръ Collège de France, г. Ренье;
репетиторъ г. Морель (судебныя и главнѣйшія административныя
должности въ Римѣ. — Объясненіе Relations Сивмала). *Латинская
филологія*: руководитель курса—членъ института, г. Тюрб (критиче-
ская тежствоъ.—Латинскій синтаксисъ). *Исторія*: руководитель — г. Морі
(критическій разборъ латинскихъ источниковъ для исторіи Франціи.—
Исторія древне-германскихъ учреждений. — Разборъ французскихъ
источниковъ для исторіи Франціи съ XIII вѣка.—Четвертый крестовый
походъ). *Египетская филологія и древности*. Руководитель—г. Мас-
перб, профессоръ въ Collège de France (изученіе памятниковъ XI-й
династіи, на основаніи памятниковъ, находящихся въ Луврскомъ
музеѣ. — Египетская грамматика). *Персидскій и семитическіе языки*:
руководитель—г. Дефремери, членъ Института и профессоръ Collège
de France (персидская грамматика — Чтеніе хрестоматіи Шпигеля. —
Арабская грамматика. — Хрестоматія Розенгартена). *Языки еврейскій,
сирійскій и халдейскій* (объясненіе различныхъ отрывковъ изъ хре-
стоматіи г. Карьера). *Санскритскій языкъ* (грамматика и объясненіе
болѣ легкихъ текстовъ). *Романскіе языки*: руководитель — г. Гас-
товъ-Парі, репетиторъ — г. Дармстетеръ (практическія упражненія
въ романской филологіи.—Разборъ пѣсни о Роландѣ.—Лексикологія).
Сравнительная грамматика: руководитель — г. Мишель Бреаль, про-
фессоръ Collège de France (грамматическія упражненія въ двухъ клас-
сическихкихъ языкахъ).

Кромѣ этого, существуетъ еще дополнительный курсъ нѣмецкаго
языка. Какъ видите, программа весьма обширна, и курсы приносятъ
тѣмъ болѣе пользы, что они бесплатны и что слушателямъ предо-
ставлено право пользоваться весьма богатою библіотскою. Учрежде-
ніемъ школы высшихъ наукъ публика наша обязана г. Дюржи, о ко-
торомъ замѣчу кстати, что онъ избранъ недавно членомъ Академіи
надписей и изящной словесности на мѣсто умершаго г. Вите.

Перехожу теперь къ новымъ ученимъ и педагогическимъ сочине-
ніямъ, которыхъ на этотъ разъ оказывается, впрочемъ, немного. Кни-
гопродавцы заняты преимущественно пышными изданіями для пред-
стоящихъ праздниковъ. Въ числѣ ихъ уважу на одну книгу, еще не
появившуюся въ продажѣ: это — „Исторія географіи и географиче-
скихъ открытій“ г. Вивьена-де-С.-Мартена (*Histoire de la géographie
et des découvertes géographiques par Vivien de S. Martin*). Вашимъ

читателямъ извѣстна, конечно, дѣятельность этого почтеннаго ученаго; новый его трудъ хотя и отличается популярнымъ характеромъ, но не лишенъ, однако, весьма серьезныхъ достоинствъ. Авторъ начинается съ древняго Египта и оканчиваетъ послѣдними изысканіями въ Полярномъ морѣ. Вотъ что говоритъ онъ въ предисловіи о своей наукѣ: „Географія служитъ одною изъ основъ соціальныхъ знаній и главнѣйшимъ условіемъ тѣхъ сношеній, которыя политика и торговля создаютъ между народами. Она не остается безъ вліянія даже на частную нравственность, ибо разширяя наши идеи, дѣлаетъ ихъ болѣе справедливыми и безпристрастными. Географія одинаково необходима философу, государственному челоѣку и ученому: это—одинъ изъ исходныхъ пунктовъ челоѣческаго мышленія, средоточіе физическихъ и нравственныхъ знаній, звѣно, соединяющее народы, и главная основа ихъ взаимныхъ сношеній. Съ этой точки зрѣнія предстоитъ многое дополнить и многое измѣнить въ преподаваніи географіи“ Къ книгѣ г. С. Мартена будетъ приложенъ историческій атласъ изъ 12 таблицъ.

Въ послѣднемъ своемъ письмѣ я упоминалъ о коллекціи французскихъ классиковъ, въ которой появился недавно первый томъ Мольера. Тому же издателю принадлежитъ и коллекція классиковъ древнихъ, уже содержащая въ себѣ Вергилія, Корнелія Непота, Эврипида, Гомера и Софокла, а на дняхъ обогатившаяся греческимъ текстомъ *Судебныхъ рѣчей Демосвена*, — текстомъ, провереннымъ на основаніи новѣйшихъ филологическихъ изслѣдованій и снабженнымъ критическимъ и историческимъ комментариемъ г. Геприха Вейля. Этотъ почтенный авторъ, деканъ словеснаго факультета въ Безансонѣ, уже напечаталъ въ упомянутой коллекціи сочиненія Эврипида и получилъ за трудъ свой премію отъ Общества для поощренія занятій греческими древностями; изданіе Демосвена отличается не меньшими достоинствами: г. Вейль присоединилъ къ нему жизнеописаніе знаменитаго оратора и оцѣнку различныхъ рукописей его сочиненій. Въ настоящее время, онъ трудится надъ политическими рѣчами Демосвена.

Упомянутое мною сейчасъ Общество для поощренія занятій греческими древностями издаетъ ежегодно сборникъ, въ которомъ, кромѣ его протоколовъ, появляются также весьма почтенные труды. Въ настоящее время появился подобный сборникъ за 1873 годъ и я занимаю изъ отчета секретаря, г. Шассана, свѣдѣнія о дѣятельности этого общества. Оно намѣревается посвятить нѣсколько засѣданій,

въ теченіе вышѣшней зимы, педагогическимъ вопросамъ, а именно вопросу о преподаваніи греческаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Результаты этого обсужденія будутъ впоследствии обнародованы.

Въ вышѣшнемъ году Общество выдало слѣдующія преміи:

1) 1.000 фр. г. Амбразу Тардѣ за переводъ Страбона, два первые тома кою уже напечатаны, а третій долженъ выйти въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

2) Такую же премію профессору лиця въ Монпелье, г. Бушеру, за его сочиненіе: 'Ερημωμάτων καὶ καὶθημερινῆ Ὀμιλία. Трудъ этотъ извлеченъ изъ манускриптовъ библіотеки гор. Монпелье и не лишень значительнаго интереса. Это перечень греческихъ словъ, съ переводомъ ихъ на латинскій, расположенныхъ подъ различными рубриками, какъ напримѣръ: религіи, правдества, пища, одежда и т. д.

3) 500 фр. — г. Рошѣ за переводъ трактата объ укрѣпленіяхъ Филона Византійскаго.

4) 1.000 — фр. греку г. Кумавзудису, за его сочиненіе: Ἀττικῆς ἐπιγραφῶν ἐπιτόμειον. Въ этой книгѣ собрано не менѣе 3,940 надгробныхъ надписей, изъ коихъ 2.800 еще неизданныхъ. „Трудъ г. Кумавзудиса — вполнѣ самостоятельный, говоритъ въ своемъ отчетѣ г. Альберъ Дюмонъ: онъ касается филологіи, археологіи, политической и литературной исторіи; авторъ основательно знакомъ съ научными методами и пользуется ими весьма добросовѣстно“.

5) 500 франк. изданію *Bibliotheca Graeca mediaevi*, выходящему подъ редакціею г. Сатаса (Sathas) и содержащему собраніе апскдотовъ и мелкихъ разказовъ изъ временъ средневѣковой Греціи. Г. Шассанъ помѣстивъ въ своемъ отчетѣ подробный разборъ этой книги, представляющей не малый интересъ для исторіи Византіи.

Исслѣдованія и статьи, вошедшія въ сборникъ Общества для поощренія занятій греческими древностями, свидѣтельствуютъ о неутомимой дѣятельности его членовъ. Укажу, для примѣра, на переводъ Гезіода, принадлежащій г. Натену, на „Замѣчанія о сатирической драмѣ“ г. Эггера, на „Исслѣдованія о произношеніи въ греческомъ языкѣ“ бывшаго посланника въ Парижѣ, г. Рангабе, на неизданныя письма ученаго Коран, наконецъ на статью г. С.-Илера о повѣйшей греческой литературѣ. Въ концѣ сборника помѣщенъ каталогъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій по части греческой филологіи и древностей, появившихся отъ 1871 до 1873 года. Сочиненія русскихъ уче-

ныхъ не вошли въ него, и было бы очень желательно, чтобы Обществу удалось пайдти корреспондента въ Петербургъ или Москвѣ.

Кромѣ упомянутого мною сборника, общество издало въ нынѣшнемъ году томъ *Греческихъ Памятниковъ*. Уже въ сборникъ за 1872 г. отведено было значительное мѣсто для археологій, но вообще форматъ in 8° оказался неудобнымъ для гравированныхъ рисунковъ, а потому рѣшено было археологическому отдѣлу посвятить особое изданіе in 4°. Появившійся нынѣ выпускъ содержитъ изслѣдованіе г. Гезе (Heuzeu) „Объ изображеніяхъ женщинъ съ покрывалами въ греческомъ искусствѣ“ и статью г. Дюмона о греческихъ зеркалахъ. Несомнѣнно, что археологи очень заинтересуются этою книгою: рисунки отличаются въ ней необыкновеннымъ изяществомъ.

Неоднократно уже приходилось мнѣ указывать въ своихъ письмахъ на различные французскія сочиненія о славянскихъ народахъ. Теперь лежитъ предо мною новый трудъ, который хотя и напечатанъ за границею (въ Прагѣ, у книгопродавцевъ Даттеля и Грегга), но написанъ по французски и авторъ его Французъ, выпущенный, по которымъ соображеніямъ, скрывать свое имя. Заглавіе книги — „Венгерскіе Сербы, ихъ исторія, привилегіи, церкви, политическій и общественный бытъ“ (*Les Serbes de Hongrie, leur histoire, leur privilèges, leur église, leur état politique et social*). Авторъ основательно знакомъ съ сербскимъ языкомъ, онъ долго жилъ въ Венгріи и въ румынскихъ княжествахъ, и задумалъ нынѣ цѣлый рядъ изданій, въ которыхъ намѣревается говорить о различныхъ народностяхъ, обитающихъ въ предѣлахъ Венгерскаго королевства. „Среди переноротовъ, которымъ подвергаются многіи государства западной Европы“, замѣчаетъ онъ въ предисловіи, „мнѣ показалось не бесполезнымъ сообщить читателямъ какъ можно болѣе точныхъ свѣдѣній о племенахъ, предназначенныхъ, бытъ можетъ, судьбою играть совершенно новую роль въ исторіи. Хотя венгерскіе Сербы еще не успѣли сплотиться и не достигли самостоятельнаго политическаго существованія, но ихъ прошедшее, воинственный ихъ духъ, соедѣство ихъ соплеменниковъ въ княжествѣ и въ Турціи, — все это привлекаетъ къ нимъ особенное вниманіе“. Разказъ свой авторъ довелъ, въ вышедшей нынѣ книгѣ, до 1780 года и ему удалось сообщить много интересныхъ свѣдѣній; изъ составленнаго имъ указателя видно, что онъ хорошо знакомъ съ литературою предмета — съ сочиненіями о Сербіи сербскими, мадьярскими и нѣмецкими.

Одинъ изъ главныхъ урковъ нашихъ учебнымъ заведеніямъ

былъ обращенъ противъ пренебреженія, съ которымъ они относились къ старой французской литературѣ. До сихъ поръ, за исключеніемъ Парижа, не было у насъ ни одной спеціальной кафедры для этого предмета, а въ лицейхъ начинаютъ изучать литературу лишь съ вѣка Людовика XIV. Г. Бреаль, въ известной своей книгѣ, указывалъ уже на этотъ существенный недостатокъ, и г. Жюль Симонъ почелъ необходимымъ отстранить его. Въ циркулярѣ своемъ отъ 27 сентября 1872 года бывшій министръ народнаго просвѣщенія предложилъ лицамъ ввести въ преподаваніе краткій курсъ средневѣковой французской литературы, но какъ уже известно, большая часть реформъ, изложенныхъ въ упомянутомъ циркулярѣ, была впоследствии отменена. Тѣмъ не менѣе, одинъ изъ преподавателей, г. Гюставъ Мерле, какъ бы въ отвѣтъ на распоряженіе бывшаго министра, издалъ нинѣ избравшия мѣста изъ французскихъ классиковъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Origines de la littérature française du IX au XVII siècle“. Г. Мерле (Merlet) обладаетъ тонкимъ критическимъ чутьемъ; уже прежде онъ обратилъ на себя вниманіе нѣсколькими критическими очерками, а также издавіемъ отрывковъ изъ классическихъ писателей XVII, XVIII и XIX столѣтій, предназначенныхъ для нашей учащейся молодежи. Не знаю, увѣнчается ли такимъ же успѣхомъ новый его трудъ, но можно смѣло рекомендовать его читателямъ, которые, не требуя отъ него самостоятельныхъ филологическихъ изслѣдованій, желаютъ лишь составить себѣ общее понятіе о нашей средневѣковой литературѣ. Въ предисловіи къ первому изъ двухъ изданныхъ имъ томовъ, авторъ знакомитъ насъ съ исторіею стариннаго французскаго языка. Онъ останавливается почти исключительно на замѣчательнѣйшихъ писателяхъ—Вилльгардуенѣ, Жуанвиллѣ, Фруассарѣ, Комминѣ, — но не упускаетъ также изъ виду и менѣе известныхъ; каждому изъ нихъ предпосланъ краткій біографическій очеркъ; отрывки заимствованы изъ лучшихъ изданій и въ тѣхъ случаяхъ, когда они особенно трудны для пониманія, сопровождаются переводомъ, литературными и филологическими примѣчаніями. Все это относится къ прозаической части руководства г. Мерле; что же касается до части стихотворной, то предисловіемъ къ ней служитъ историческій очеркъ французскаго стихосложенія; отрывковъ приведено достаточно много, чтобы можно было составить по нимъ понятіе о важнѣйшихъ произведеніяхъ нашей старинной литературы: такъ, напримеръ, пѣснь о Роландѣ посвящено 50 страницъ, Роману розы—20, адвокату Шатлену—40 и т. д. Мнѣ пріятно было указать на всѣ эти

достоинства книги г. Мерле именно потому, что во всѣхъ другихъ сборникахъ подобнаго рода господствуетъ слишкомъ презрительное отношеніе къ среднимъ вѣкамъ: такъ, напримѣръ, полковникъ Стаафъ удѣлялъ въ своей „Исторіи французской литературы“ (я уже имѣлъ случай познакомиться съ нею вашихъ читателей), состоящей не менѣе, чѣмъ изъ 6-ти обширныхъ томовъ, всего лишь 40 страницъ писателямъ до XVI вѣка. Г. Мерле пришла счастливая мысль сдѣлать, въ примѣчавіяхъ, которыми такъ богата его книга, нѣсколько удачныхъ сравненій между писателями средневѣковыми и современными: онъ сравниваетъ, напримѣръ, нѣкоторые отрывки изъ *chansons de geste* съ подражаніями имъ Виктора Гюго въ его „*Légende des siècles*“, отрывки изъ пѣсни о Роландѣ съ подражаніями имъ Альфреда де-Виньи и т. д. Этимъ удастся ему, быть можетъ, привлечь вниманіе молодежи къ произведеніямъ нашей старинной литературы, указавъ, какъ много вдохновлялись ею лучшіе умы. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что хотя г. Мерле и не филологъ, но онъ тщательно пользовался трудами гг. Гастона Пари, Браше и др.

На ряду съ его сборникомъ, не могу не упомянуть о другой книгѣ, представляющей довольно пріятное нововведеніе, а именно объ „Избранныхъ мѣстахъ изъ Ламартина“ для среднихъ учебныхъ заведеній. Ламартинъ вполнѣ заслуживаетъ быть причисленнымъ къ классическимъ писателямъ какъ по вышвенности своихъ идей, такъ и по изяществу формы, въ которую онъ облакалъ ихъ. Онъ самъ дѣлалъ строгій выборъ изъ своихъ сочиненій и подъ заглавіемъ: „Чтеніе для всѣхъ“ издавалъ лучшія изъ нихъ. Упомянутый мною сборникъ составленъ очень хорошо, но все-таки слѣдовало бы исключить изъ него нѣсколько стихотвореній, не совсѣмъ пригодныхъ для молодежи.

Переходъ отъ поэзіи къ „Руководству для обученія молодежи военному искусству“ слишкомъ рѣзокъ, но такъ какъ означенное руководство имѣетъ педагогическую цѣль, то я не выхожу изъ области педагогій. Военная реформа, осуществившаяся у насъ въ послѣднее время, должна значительно повліять на воспитаніе молодого поколѣнія; между прочимъ, по примѣру Пруссіи, она допускаетъ одностолѣтнихъ волонтеровъ; но чтобы имѣть право прослужить въ арміи только одинъ годъ, необходимо представить дипломъ на степень бакалавра. Уже теперь молодые люди, оканчивающіе курсъ въ лицеехъ, предаются военнымъ упражненіямъ и „Руководство“, составленное капитаномъ Гандольфомъ, имѣетъ цѣлью облегчить для нихъ эту задачу.

Сообщаю вамъ, подлѣ конца, нѣсколько слѣдствій объ ученыхъ обществахъ, которые возобновляютъ свою дѣятельность съ наступленіемъ новаго академическаго года.

Между этими обществами, весьма многочисленными въ Парижѣ, самымъ важнымъ считается Общество французской исторіи (*Société de l'histoire de France*). Оно было основано еще въ 1837 году и приобруло себѣ известность изданіемъ различныхъ хроникъ и документовъ, перечень коихъ прилагается къ каждому изъ его „Ежегодниковъ“. Президентомъ его состоитъ въ настоящее время г. Гизо, а вице-президентами гг. Эггеръ и Альфредъ Мори; число его членовъ простирается до 730; еще недавно выпустило оно въ свѣтъ новаго изданія мемуаровъ Фруассара, Брантома и Бассомпьера, а теперь готовится къ изданію никогда еще не напечатанную „Исторію Наварры и Беарна“ и „Римованную хроникку о крестовомъ походѣ противъ Альбигойскихъ еретиковъ“.

Общество лингвистики (*Société de linguistique*) оказываетъ не менѣе важныя услуги. Оно получило отъ министерства народнаго просвѣщенія разрѣшеніе собираться для засѣданій въ Сорбоннѣ и, кромѣ того, пользуется отъ того же министерства ежегодною субсидією въ 4.000 фр. Замѣчательно, что въ нынѣшнемъ году всѣ преміи, присужденныя Институтомъ за лучшія сочиненія по филологіи, выпали на долю членовъ этого общества. Недавно издало оно новый выпускъ (2-й 14-го тома) своихъ трудовъ, въ которомъ помѣщены произведенія гг. Гаве, Вресси, Бергши и т. д.; всѣ они относятся къ области индоевропейскихъ языковъ, ибо языками семитическими исключительно занимается общество Азіатское (*Société Asiatique*). Кромѣ своихъ ученыхъ трудовъ, которые поступаютъ въ продажу, Общество лингвистики печатаетъ также свои бюллетени, но эти послѣдніе предназначены только для его членовъ.

Затѣмъ Общество библиографическое (*Société bibliographique*) обѣщаетъ издать въ непродолжительномъ времени „Исторію французскаго владычества въ Индіи“ и „Исторію реставраціи“. Органомъ его служитъ *Polybiblion*, который печатаетъ теперь, между прочимъ, подробную библиографію всѣхъ сочиненій, относящихся къ народному образованію во Франціи до 1789 года. Нѣкоторые изъ членовъ этого общества продолжаютъ издавать *Revue des questions historiques*, гдѣ помимо специальныхъ статей помѣщаются обстоятельныя корреспонденціи изъ Италіи, Англіи, Германіи и славянскихъ земель.

Очевидно изъ всего этого, что не смотря на временныя упадки

духа и господство рутинъ, во Франціи продолжаютъ трудиться и что существуетъ достаточно причинъ вѣрить въ возможность умственнаго и нравственнаго возрожденія нашего отечества. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ флорентійской *Revista Europea*, извѣстный писатель, г. Губернатисъ, дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе: „Мы внимательно слѣдили за умственною дѣятельностью во Франціи и сравнивали ее съ дѣятельностью другихъ, сосѣднихъ съ Франціею, странъ, не потерпѣвшихъ такихъ громаднхъ поражений, и пришли къ убѣжденію, что нигдѣ не трудятся съ болышимъ рвеніемъ и охотою“.

Л. Л—ръ.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

DE HORATII SATURARUM II, 2, 29, 30.

Hor. sat. II, 2, 20 — 30, ubi invehitur, ut sæpius, in nimiam sui temporis mensarum luxuriam, habet hæc:

Tu pulmentaria quaere
Sudando: pinguem vitii albumque nec ostrea
Nec scarus aut poterit peregrina juvare lagois.
Vix tamen eripiam, posito pavone velis quin
Hoc potius quam gallina tergere palatum,
Corruptus vanis rerum, quia veneat auro
Rara avis et picta pandat spectacula cauda,
Tamquam ad rem attineat quicquam. Num vesceris ista,
Quam laudas, pluma? cocto num adest honor idem?
Carne tamen quamvis distat nil, hac magis illam
Imparibus formis deceptum te peteret! Estol!

Cum multi apud Horatium difficiles et implicati inveniantur loci, vix ullum magis puto temptatum criticorum commentis quam sat. 2, lib. II, vv. 29, 30, ut, qui omnia voluerit enarrare, facile possit implere iustum volumen. Feruntur autem vulgo tales fere:

Carne tamen quamvis distat nil hac magis illa,
Imparibus formis deceptum te patet. esto.

Equidem in editione Horatii Lipsiensi nulla usus coniectura novam prorsus loci illius protuleram explicationem, quæ non careret doctorum hominum assensu. Sed cum nuperrime Nicolaus Madvigius *Adversariorum Criticorum* I, 102, neglectis rationibus meis et deteriorum codicum secutus scripturam, novam, ut certe videbatur ipsi, ingressus sit explicandi versus 29 viam, non erit alienum a re explicationem loci, quam unice veram existimo, denuo proferre. Nec vero illius viri celeberrimi auctoritate magna deterrebimur, quin id, quod verum esse statuimus, proferamus, primum, quia omnino decet hominem philologum in veritate indaganda rem potius spectare quam nomina, deinde, quia

Madvigium sat constat multo magis pedestrium antiquitatis scriptorum quam poetarum esse peritum, in quibus explicandis vel emendandis adeo non raro errores commisit gravissimos apertissimosque. Accedit, quod locus iste Horatianus talis est, ut vix alius sit magis aptus ad proponendas plene et comprobandas leges rationesque artis criticæ, sine qua in tollendis difficultatibus, quibus laborant libri scriptorum græcorum et latinorum, parum proficietur.

Itaque in loco obscuro et impedito apparet primum omnium esse quaerendum, quid traditum sit in libris scriptis. In quibus si diversæ exstent lectiones, maioris auctoritatis habebitur ea, quæ meliorum codicum testimoniis adstruitur. Ad primum quidem de scholiastis Horatii videamus!

Itaque notabiles scripturæ varietates in versibus 29, 30 sunt hæc. Fertur apud Porphyriorem in interpretatione eorum codicis omnium optimi Monacensis testimonio *hanc* (pro *hac*) *magis illam petere deceptum imparibus formis*, ut appareat eum legisse versu 29 aut *hac-illam* aut *hanc-illa*.

In versu 30 idem agnoscit solam lectionem *petere*; in scholiis Pseudo-Acronis (nam incerti prorsus sunt auctoris, ut tamen eum post Porphyriorem vixisse appareat), quæ quidem pretii sunt aliquanto minoris, invenitur idem pro variante scriptura; nam ad v. 29 notat hæc: „*illa, alii illam; non distat, inquit, sed ideo petis, quia maior est*“. Ipsum tamen legisse *patet* pro *petere* satis constat. Nam dicit: „Sensus est: Quamvis enim hac carne nihil distat magis illa, te patet imparibus formis deceptum“.

In ipsius Horatii codicibus nonnullis v. 29 pro *hac* legitur *haec*; præterea in aliis *illa*, in aliis *illam*, in Franequerano *ista*. Sequenti versu quamquam plures exhibent *patet*, tamen haud pauci iique minime spernendi ut a prima manu duo Bernenses et Sangallensis Orellii et Argentoratensis Oberlini (qui omnes sunt sæculi decimi), nec non complures manuscripti perinde boni, quos adhibuit Holderus, præbent *petere*. Monacensis 14.685 habet *depetere* factum ex *deperere*. Præterea hoc est considerandum. Satis constat inter criticos omnium optimis Horatii codicibus quattuor Blandiniis e monasterio prope Gandavum site, qui anno 1566 cum ipso cœnobio sunt exusti, usum esse sæculo sexto decimo Jacobum Cruquium, ex hisque præstantissimum fuisse unum, quem vocat ille antiquissimum. Iam etsi Cruquius nihil notat ad hunc locum de varietate scripturæ, omnino tamen est probabile etiam in Blandinio codice fuisse *hac* (vel *hæc*) — *illam-petere*. Nam in codice Gothano secundo,

qui, ut videtur ex ipso Blandinio antiquissimo est descriptus (solus quippe cum hoc sat. I, 6, 126, exhibet *fugio campum lusumque trigonem*, ubi in ceteris est *fugio rabiosi tempora signi*), legitur *hæc—illam—petere*.

Itaque ut versus 29 varietates scripturæ, quæ momenti sunt admodum exigui, omittamus, apparet versu 30 lectionem *petere*, si non pluribus, at certe melioribus adseri testimoniis scholiorum et codicum quam alteram, quæ est *patet*. Quod cum ita sit, oportet criticum iudicio præditum primum omnium videre, an ex illa sine coniectandi audacia ulla probabilis possit sensus elici. Et Porphyrio quidem (sicut nonnulli critici recentis) ita explicavit hunc locum: *carne tamen hanc magis illa (sive hac magis illam) petere te deceptum inparibus formis, quamvis nihil distet, esto*. Quæ enarratio, quamquam satis commoda alioquin, ideo tamen probari non potest, quia recte adnotat Bentleius imperativum *esto*, quando sit concedentis, solere in initio orationis poni, unquam in fine. Ego vero longe aliter hæc accipienda esse existimo. Persuasum quippe est mihi verba *te petere* esse mirantis atque adeo indignantis et post ea graviter interpungendum. Itaque hæc dicit Horatius: „nonne mirum et indignum est te hanc (i. e. pavonis carnem) magis petere illa (i. e. quam illam, gallinæ carnem), quamvis utriusque avis caro gustu nihil distet. Concedo tamen te magis petere hanc“. Iste vero accusativus cum infinitivo apud multos poëtas latinos, et adeo apud ipsum Horatium, invenitur haud raro; exempli causa epod. II, 11, 12: „*contrane lucrum nil valere candidum pauperis ingenium?*“ Sat. II, 8, 67, 68: „*tene, ut ego accipiar laute, torquerier omni sollicitudine districtum?*“ Plura huius usus exempla attulit Lachmannus in commentario Lucretiano ad II, 16. De eodem dixi in libro de re metrica poëtarum latinorum, pg. 438, 39.

Hæc cum ita se habeant, videamus iam, quid ceteri critici de hoc loco iudicarent. Ac primum quidem plerique omnes sunt vituperandi ideo, quod eam lectionem, quam apparet potiore traditionis antiquæ fide niti, quam alteram, partim neglexerunt omnino, partim adeo conviciis prosciderunt. Horum in numero fuit Augustus Meinekius, vir alioqui de Horatio perbene meritis, qui in præf. editionis Horatiæ pg. XXVIII lectionem *hac—illam—petere* tæterrima ortam esse interpolatione affirmavit.

Itaque maior longe pars, ut dixi, criticorum operam posuit in explicanda vel emendanda lectione deteriore; quorum conatus plurimi inveniuntur relati in editione saturarum Holderiana, quæ prodit Lipsiæ

anno 1869. Ego ut et chartæ parcam et lectorum tædio, satis habeo quattuor criticorum afferre et, si possim, refellere conatus. Itaque Richardus Bentleius, vir unus omnium de Horatio optime meritus, ita explicat versus 29, 30: „*quamvis nihil distat, nihil excellit carne hac pavonis magis illa, gallinæ; tamen patet te, deceptum imparibus formis avium, hanc carnem illi præponere*“. Quam quidem explicationem iure optimo Meinekius dicit admodum contortam et difficilem. Accedit, quod minime potest probari, verbum *differre* unquam ut græcum διαφέρειν positum esse a scriptoribus latinis pro *excellere*. Ipse Meinekius statuit aut delendum esse versum 29, quem scribit ita: „*carne tamen, quamvis distat nihil, hac magis illa*“, aut excidisse versum veluti talem:

delector; pulchri quid habet Junonius ales;

creditque verba *carne* — *ales* eius esse, qui respondeat Horatii obiurgationibus, ut *illa* casu ablativo positum sit pro *quam illa*, sicut c. I, 25, 18: *pullā magis* pro *magis quam pullā*. Idem tamen in fine notæ dicit potius sibi videri versum 29 ab aliena manu additum. Hic tamen virum insignem deflexisse paullulum ab artis criticæ præceptis apparet. Etenim quod suspicatur spurium esse versum 29, ab omni critica ratione abhorret, extitisse interpolatorem tam hebetis ingenii, qui verba plane carentia sensu adiceret. Nec vero multum habet probabilitatis in arte critica locos alioquin inexplicabiles remedio sane facillimo, lacunne signo addito, expedire.

Ad Peerlcampius ita restituebat versum 29:

carne tamen, quam vis, distat nihil hæc avis illa.

Ibi primum apparet pro indicativo *vis* rectius substitui coniunctivum *velis*, quoniam non de ea tantum carne, quam re vera expetit ganeo ille, sed etiam de illa, quam debebat expetere, si esset sanus, agitur. Præterea parum probabile est vocabulum usitatissimum *avis* mutatum esse in *magis*, quod omnino nullum præbet sensum.

Denique Madvigius ita refingit versum 29:

carne tamen, quam vis, distat nihil hac magis illa;

ut sit *magis* substantivum græcum μαγίς et positum pro eo, quod est *catinum*. Et ille quidem hoc invento mirificum in modum exultat; quod tamen minime primus protulit. Iam enim anno 1837 in Ienensium actis litterariis quidam homo doctus nomine non notus *magis* hoc loco idem significare, quod *lanx*, statuit. Sed enim primum omnium *magis*

pariter ac *magida* videntur vocabula fuisse Augusti temporibus plane antiquata et ab Horatii usu aliena, id quod et ex Varronis testimonio de ling. Lat. V, 120 (ed. Muellermanæ), apparet nec minus ex verbiâ Plinii Nat. hist. XXVIII, 11, 52, 146, qui dicit *antiquos* appellavisse *lances magides*. Accedit, quod antea Horatius nec pavonis, nec gallinæ in mensa appositæ mentionem fecerat. Nempe *posito* v. 23 significat *proposito venali*. Neque aut pavoni aut gallinæ iusunt iam plumæ, quando lancibus inferuntur in mensam. Præterea pro *quam vis* potius scribendum esse *quam velis* iam supra monui.

Itaque reiectis doctorum commentis his ac talibus lectionem explanationemque eam, quam olim attuli, etiam nunc unice aptam esse contendo. Neque difficile est ad demonstrandum, cur librarii ex *petere* fecerint *patet*. Nimirum cum infinitivus iste eis videretur esse tam obscurus, quam visus est recentiorum criticorum plerisque omnibus, cumque crederent iidem ad *deceptum* oportere suppleri infinitivum *esse*, iam ut haberet accusativus cum infinitivo (quem putabant): *deceptum te* verbum, unde penderet, reposuerunt *patet*, nulla ratione versus 29 habita.

Ex innumeris pæne commentis hominum doctorum, quæ videre est in editione Holderiana, unum hoc loco addam, quia est insigni perversitate. Nempe Theodorus Marcilius (sæc. XVI criticus) voluit scribi: *carni' tamen (quamvis distat nihil hac magis illa) imparibus formis deceptum te patet*, admissa elisione *s* finalis in *carnis*. Sane constat antiquissimos tragicos et comicos latinos et dactylicos poëtas usque ad Lucretium breves finales *us* et *is* sequente consona sæpe privasse *s* sua. Verum hanc licentiam iam Ciceronis ætate displicuisse cultioribus eorum Ciceronis constat testimonio (orat. 48, 161). Unde Catullus *semel* eam admisit (116, 8), Augustei ævi poëtæ nunquam. Omnium autem maxime cavendum est in critica factitanda, ne coniectando inferamus scriptorum libris formas antiquatas et ab ipsorum ævo alienas. Cf. etiam Bentl. not. ad H. l. et ad c. III, 14, 11.

Л. Мюллеръ.

КАНИБАЛИЗМЪ ВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МИФАХЪ.

ОПЫТЪ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ ПРАВСТВЕННОСТИ.

Ἦν γάρ ποτ' αἰὼν, ἦν ὀπηλτα
θηραῖν διαίτας εἶχον ἐμφερέτε βροτοί,
ὁ δ' ἀθανάτης ἦν τῶν ἀμεινόντων βροτά.

Moschion.

I.

Этическое значеніе мифовъ.

Ἄλλὰ βροτοὶ δοκίμοι θεοὺς γεννᾶσθαι εἶπεν τε
τὴν σφετέρην τ' ἀποθηαῖν ἔχειν φωνὴν τε δέμας τε.
Xenophanes.

§ 1.

Введеніе.

Въ богатой греческой мифологіи, въ этой неисчерпаемой сокровищницѣ самыхъ прелестныхъ картинъ, служившихъ источникомъ поэтического вдохновенія всѣхъ вѣковъ, мы находимъ, однако-жъ, и такіе мифы, которые, не смотря на все смягчающее вліяніе позднѣйшихъ временъ, дышатъ какою-то необычайною дикостью: рядомъ съ разказами, поражающими насъ то возвышенностью идеи, которая, повидимому, въ нихъ кроется, то удивительною тонкостью и нѣжностью мотивовъ, встрѣчаются и такіе, которые мы могли бы счесть принадлежностью какого-нибудь варварскаго народа, а никакъ не Грековъ, если бы не существовали такія звенья, которыя восстанавливаютъ самую тѣсную связь между этими мифами и мифами, не допускающими никакого сомнѣнія въ своемъ чисто греческомъ, народномъ значеніи. Такъ, въ нѣкоторыхъ мифахъ содержатся не только разказы о возмутительнѣйшихъ поступкахъ и безнравственныхъ отношеніяхъ божествъ, но даже такія преданія, въ которыхъ боги являются просто лю-

дождами. Кровосъ поглощаетъ своихъ собственныхъ дѣтей; Титаны варятъ и сѣдаютъ молодаго Діониса; Танталъ — этотъ любимецъ боговъ, угощаетъ этихъ же боговъ мясомъ своего сына и т. д. Какое значеніе приписать подобнаго рода разказамъ? На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ очень просто: это вѣдь мифъ! Отвѣтъ въ высшей степени неопредѣленный и потому-то особенно часто употребляемый. Что же обыкновенно понимается подъ словомъ „мифъ“? Мифъ — выдумка, небылица и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣчто чрезвычайно важное, но туманное, неопредѣленное и неопредѣлимое, словомъ, что-то въ родѣ „табу“ островитянъ Южнаго океана. Такое „табу“ проглядываетъ даже въ большей части самыхъ ученыхъ мифологическихъ трактатовъ, обставленныхъ остроумными комбинаціями и тончайшими дефиниціями.

Замѣчательно, что коль скоро дѣло идетъ о томъ, чтобы, на основаніи крайне смѣлыхъ соображеній, дѣлать сложные выводы, подобные тѣмъ, которые безпрерывно дѣлаются въ наукѣ мифологіи, напримѣръ, искать въ мифахъ утонченныхъ и чрезвычайно замысловатыхъ аллегорическихъ намековъ на законы астрономіи, физики и даже химіи, то это еще и не вызоветъ особенно сильныхъ возраженій. Но если мы примемъ дѣлать изъ множества грубыхъ разказовъ греческой мифологіи прямой выводъ о дѣйствительномъ существованіи въ древнѣйшемъ обществѣ такихъ бытовыхъ сторонъ, которыя бы соотвѣтствовали подобнымъ разказамъ, то такое предпріятіе покажется чрезвычайно смѣлымъ или даже окончательно нелѣпостью, коль скоро мы напомнимъ и о *канибализмѣ*. Намъ скажутъ: мало ли чего нѣтъ въ мифахъ; тамъ люди превращаются въ птицъ и животныхъ, тамъ боги являются съ множествомъ головъ, рукъ, принимаютъ исполинскіе размѣры, совершаютъ небывалыя чудеса и т. п. Неужели же и въ самомъ дѣлѣ могли когда-нибудь совершаться подобныя вещи?

Но если, однако, устранить изъ мифовъ все, что очевидно обусловлено стремленіемъ къ преувеличенію, то спрашивается: неужели же *человѣческими* чертамъ этихъ чудовищъ не соотвѣтствовали извѣстныя явленія въ обществѣ? Не обусловливаются ли, напримѣръ, разказы о превращеніяхъ и чудесахъ боговъ хотъ вѣрою въ умѣнье нѣкоторыхъ *людей* дѣлать подобныя чудеса, превращаться въ животныхъ, и т. п.? Не существуетъ ли нѣкоторой связи между почитаніемъ у многихъ народовъ всякой уродливости человѣческаго тѣла и духа съ уродливыми изображеніями и самыхъ боговъ? Вѣдь и поныѣ

извѣстный родъ Османи у Гиміаровъ южной Аравіи пользуется особеннымъ почетомъ за то, что въ немъ наслѣдственно имѣть на каждой рукѣ и ногѣ по 6-ти пальцевъ, всего, значить, 24 пальца, — подобно извѣстному исполниту изъ рода Рефанмовъ въ Священномъ Писаніи ¹⁾. Что самыя чудовищныя черты сказаній могутъ иногда соответствовать дѣйствительнымъ фактамъ, это особенно наглядно поясняется слѣдующимъ примѣромъ. Можетъ ли казаться что нибудь нелѣпнѣе того преданія, по которому весь городъ Неаполь построенъ на лицѣ? А между тѣмъ въ этомъ преданіи сохраняется память о дѣйствительно существовавшемъ когда-то обычаѣ — зарывать лицо на томъ мѣстѣ, которое избиралось для построения города ²⁾. Надо полагать, что было такое время, когда всѣ мионы не представляли ничего особенно чудовищнаго. Обосновать эту мысль и такимъ образомъ доказать значеніе мифовъ для уразумѣнія этическаго развитія народа въ доисторическія времена мы ставимъ задачей нашего труда, причемъ считаемъ самымъ удобнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли — изслѣдованіе значенія самыхъ грубыхъ мифовъ и преимущественно тѣхъ, въ которыхъ повѣствуется о *камниализмѣ*.

Не существуетъ такой теоріи о мифахъ, которая бы противорѣчила тому естественному предположенію, что мионы служатъ выраженіемъ или объясненіемъ какихъ-нибудь взглядовъ, что ими уясняются вопросы, интересовавшіе когда-то человѣка. Но всякое объясненіе бываетъ не что иное, какъ сближеніе менѣе извѣстнаго съ болѣе извѣстнымъ. Повтому, если, напримѣръ, какое-нибудь явленіе природы, или вообще какой-нибудь вопросъ объяснялся посредствомъ

¹⁾ См. *Zeitschr. f. Ethnologie*, V. (1873), стр. 65. Стр. 2 ии. Царствъ, гл. XXI, ст. 20.

²⁾ *F. Liebrecht*, Zur Culturgeschichte, тамъ же, стр. 90. Аналогичныя примѣры представляютъ нѣкоторые, распространенные въ средніе вѣка, невѣроятныя разказы о различныхъ чудовищныхъ народахъ, между прочимъ, о такихъ людяхъ, у которыхъ уши были до того огромны, что служили имъ вмѣсто плаща для прикрытія тѣла. См., напримѣръ, *Orient und Occident I* (1862), стр. 455. Эти разказы оказываются заимствованными изъ Индіи и сохранившими воспоминанія о вѣдическихъ данныхъ. Дѣйствительно, у нѣкоторыхъ народовъ еще до сихъ поръ удержался обычай растягивать уши до того, что можно прикрѣпить ихъ другъ къ другу на затылкѣ и продвѣвать руку чрезъ сдѣланное въ нихъ отверстіе. См. *Gerland* въ *Zeitschrift für Völkerpsychologie*, V (1867), стр. 266. На счетъ сказаній о чудовищныхъ народахъ, смотри, впрочемъ, *Taylor*, *Primitive Culture*, I (1871), стр. 342—354.

сближенія съ канибализмомъ, то кажется, зачѣмъ же не предположить и того, что этотъ канибализмъ существовалъ когда-то въ самой дѣйствительности? Но здѣсь является множество затрудненій. Почти до послѣднихъ поръ не только не было сдѣлано сколько ни-будь серьезной попытки воспользоваться греческими мѣами для подобныхъ выводовъ, но напротивъ, приходится даже бороться съ особенно укоренившимися, странными предразсудками ¹⁾. Такимъ образомъ, намѣреваясь изслѣдовать этическое значеніе мѣовъ, мы имѣемъ предъ собою совсѣмъ новую область науки, въ которую заглядывали только мимоходомъ и то очень рѣдко, гдѣ не установлено метода и не указано тѣхъ приемовъ, которыми слѣдуетъ руководиться.

§ 2.

Теорія развитія.

Наука антропологіи, ставящая себѣ задачей исторію развитія человѣчества вообще, успѣла уже выработать методъ для своихъ изслѣдованій; кажется, уже не существуетъ между представителями этой обширной науки сомнѣнія на счетъ главнѣйшихъ исходныхъ точекъ и самыхъ приемовъ изслѣдованія. Преній спиритуалистическій взглядъ на исторію человѣчества, какъ на непрерывное паденіе человѣка отъ полнаго его совершенства до окончательной порчи (теорія дегенераціи), почти вполнѣ уступилъ мѣсто противоположному взгляду (теоріи прогресса), или же, значительно видоизмѣнившись, слился съ нимъ въ новѣйшемъ ученіи, въ такъ называемой теоріи *развитія*. Эта послѣдняя теорія и въ кажущемся паденіи усматриваетъ не что иное, какъ только дальнѣйшіе фазисы развитія, ведущаго въ сущности постоянно къ высшему совершенству всего человѣчества ¹⁾.

¹⁾ *Вахофенъ* (*J. I. Bachofen*), авторъ почтеннаго, хотя и не лишенаго славы трудъ: *Das Mutterrecht, eine Untersuchung über die Gynaiokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur* (1861), — единственный, сколько мнѣ извѣстно, ученый, сдѣлавшій попытку воспользоваться греческими мѣами приблизительно въ томъ смыслѣ, въ какомъ *Джовъ Гриммъ* пользовался германскими мѣами для германскихъ древностей (въ своихъ *Deutsche Rechtsalterthümer*, 1828 г.). Но Вахофенъ рассматриваетъ только одну сторону историческаго быта, именно, развитіе семейныхъ отношеній, преимущественно «*права матери*», причѣмъ, не обращая вниманія на другія стороны, дѣлаетъ иногда слишкомъ смѣлые выводы.

²⁾ Мнѣніе о паденіи человѣка держалось, однако, до послѣдняго времени. *Ausland*, 1870, Ueber die Anfänge der geistigen und sittlichen Entwicklung des

Антропология, усвоивъ ученіе о постепенномъ развитіи, стала на почву, такъ называемыхъ, естественныхъ наукъ и получивъ, такимъ образомъ, вполне научное основаніе, достигла важныхъ результатовъ. Ученіе Дарвина объ измѣненіи видовъ и приложение этой теоріи къ роду человѣческому получило, наконецъ, почти всеобщее признаніе ¹⁾. Дѣлаемый этому ученію упрекъ въ матеріализмъ лишается уже всякого своего основанія, такъ какъ убѣдились, что мы, признавая историческую законность развитія, не только не отрицаемъ нравственныхъ и вообще духовныхъ сторонъ человѣческой природы, но, напротивъ, приобретаемъ лучшее основаніе для болѣе возвышеннаго пониманія ихъ важнаго значенія ²⁾.

menschlichen Geschlechts, стр. 132: «Dennoch hat es nicht an Denkern gefehlt, welche zu behaupten wagten, dass der Mensch bei seinem ersten Auftreten ein vollkommeneres Geschöpf gewesen sei, und das, was sie seine Gottähnlichkeit nannten, durch eigenes Verschulden verloren habe. Diese Anschauung herrschte auch in Deutschland vor etwas mehr als einem Menschenalter und wurde eifrig genährt durch die den mühsamen und strengen Ergründungen abgeneigten Naturphilosophen. So sehen wir, dass selbst der völkerkundige Martius (змерилъ въ 1868 г. авторъ сочиненія: Reise nach Brasilien въ 3 т., 1823—1831) in seinen früheren Schriften die rohen Stämme Brasiliens als gefallene Engelschaaren betrachtet wissen wollte... Jetzt giebt es in Deutschland wohl keinen Gelehrten von Ansehen, der solchen Träumereien noch huldigt, in England dagegen wagten noch vor kurzem Männer, wie Whately, der verstorbene Erzbischoff von Dublin und der Herzog von Argyll, ähnliche Ansichten öffentlich zu vertreten». — Относительно теоріи развитія, см. Tylor, Primitive Culture, I (1871), гл. 2, гдѣ между прочимъ говорится, стр. 33: «By long experience of the course of human society, the principle of development in culture has become so ingrained in our philosophy that ethnologists, of whatever school, hardly doubt but that, whether by progress or degradation, savagery and civilization are connected as lower and higher stages of one formation». Съ этими словами ср. въ особенности тамъ же стр. 66.

¹⁾ Schaaffhausen, Ueber die Methode der vorgeschichtlichen Forschung въ Archiv für Anthropologie, V (1871), стр. 128: «Man darf die aus solchen Thatsachen sich ergebende innige Verbindung des Menschen mit der ihm zunächst stehenden thierischen Organisation als eines der bedeutendsten Ergebnisse der neueren Naturforschung betrachten. Wohl hat man früher schon den natürlichen Ursprung unseres Geschlechts behauptet; aber nur die heutige Erfahrung kann den Beweis dafür führen, der sich sowohl aus dem Studium der niederen Racen und dem des Menschen der Vorzeit als aus dem der menschenähnlichsten Affen, besonders aber auch aus der nicht mehr beanstandeten, früher aber selbst von freisinnigen Forschern gelängneten Lehre von der Umwandlung der Arten ergeben hat.

²⁾ Friedmann въ Zeitschr. f. Ethnologie III (1871), стр. 316: Mit Unrecht hat der Materialismus die Theorie von der Abstammung der höheren Thierformen und speciell des Menschen aus allgemeinen, einer Gattung oder Familie zu Grunde lie-

Признавая, такимъ образомъ, постепенное движеніе человечества все къ высшему совершенству, антропология находитъ себѣ подтвержденіе въ другихъ сродныхъ съ нею наукахъ, между прочимъ также и въ наукѣ языкованія, результаты которой начинаютъ, какъ извѣстно, приобретать огромное значеніе. И въ результатѣ самостоятельныхъ, лингвистическихъ изслѣдованій является тотъ же самый законъ о постепенномъ развитіи, который усвоенъ антропологіею и археологіею и который наука палеонтологіи давно уже считаетъ однимъ изъ основныхъ законовъ природы¹⁾. Такъ, покойный Гейгеръ, авторъ сочиненія „О происхожденіи и развитіи человѣческаго языка и мышленія“, на основаніи лингвистическихъ данныхъ доказавъ, напримѣръ, что способность зрѣнія— отличать большое количество цвѣтовъ не была присуща

---

genden Typen für seine Ansichten und Lehren auszubeuten versucht, da im Gegentheil die Descendenztheorie die Existenz einer selbstständigen, der anorganischen, todtten Welt nicht zukommenden (?) *Lebenskraft* voraussetzt, gemäss welcher eine beständige Entwicklung und Veredelung der organischen Wesen vor sich geht, die ewig dem Höheren, Göttlichen sich zu nähern strebt. Die Descendenztheorie schliesst den Keim einer unsterblichen Lehre in sich und bildet den direkten Gegensatz zum Materialismus, der ausser den todtten Elementen, die einzig den physikalischen und chemischen Gesetzen unterworfen sind, keine höhere Kraft, kein Leben, keine Entwicklung und Veredelung annimmt (?) . Противъ послѣдняго значительно рас пространеннаго мнѣнія смотри однако: *Charlton Bastian, The Modes of Origin of lowest Organisms, 1871* (см. замѣчаніе объ этомъ сочиненіи въ *Arch. f. Anthropol.* V стр. 44), гдѣ авторъ старается доказать возможность зарожденія новыхъ организмовъ и непосредственно изъ такъ называемой мертвой матеріи (*Archebiois*). Если опыты, на основаніи которыхъ онъ дѣлаетъ этотъ выводъ, окажутся правильными, то указанная теорія Дарвина не только не потеряетъ своего высокаго значенія, но напротивъ, получитъ еще болѣе обширное приложеніе. Въмѣсто прежняго насильственнаго дѣленія всей природы на двѣ разнородныя части при посредствѣ такъ называемой жизненной силы, мы получимъ полнѣйшую связь въ развитіи всѣхъ организмовъ.— Считаю не лишнимъ указать еще на интересную статью г. Дм. Базарова: Научная точка опоры для опытовъ надъ самозарождеміемъ, въ журналѣ «*Знаніе*» 1872, № 8 стр. 73 слл. — Что въ естественныхъ наукахъ не существуетъ болѣе особенно сильной тенденціи поддерживать указанное дѣленіе природы, мы видимъ изъ слѣдующихъ словъ *W Wundt, Lehrbuch der Physiologie des Menschen* (3-е изд. 1873 года) стр. 2: «In vielen Fällen ist der Nachweis gelungen, dass die einfachsten Vorgänge, zu welchen schliesslich die Analyse der physiologischen Functionen uns führt, mit Erscheinungen übereinstimmen, die in der allgemeinen Physik und Chemie ihre Erklärung finden. Die heutige Physiologie geht daher durchweg von der Voraussetzung aus, dass die *Gesetze, die das Leben der Organismen bestimmen, mit den allgemeinen Naturgesetzen zusammenfallen*».

¹⁾ *Schaffhausen* въ указ. м. стр. 120.

человѣку съ самаго начала его существованія, а развивалась постепенно ¹⁾. Именно вслѣдствіе признанія закона постепеннаго развитія, антропологія уже успѣла представить, хотя еще и въ общихъ только чертахъ, картину первобытнаго состоянія человѣчества; рѣшила множество другихъ, чрезвычайно важныхъ вопросовъ, и приступаетъ къ болѣе серьезному рѣшенію вопроса о происхожденіи человѣка, чѣмъ можно было ожидать этого въ прежнее время ²⁾.

Мы замѣчаемъ, что достигая подобныхъ богатыхъ результатовъ, антропологія пользуется многими такими средствами, которыя дол-

¹⁾ *L. Geiger, Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit (1871) стр. 45 — 61.* См. также *его же Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft II т. (1872 года, вышедшій послѣ смерти автора), начиная съ 246 стр. до конца.*—Съ направленіемъ Гейгера, старающагося прослѣдить даже зачатки человѣческаго мышления интересно сопоставить странныя слова Макса Миллера, *M. Müller, Essays II (1869), стр. 7: Soweit wir die Fussstapfen des Menschen aufwärts verfolgen können, sehen wir, selbst in den niedrigsten Lagen der Geschichte, dass die Gottesgabe eines geraden und gesunden Verstandes ihm vom ersten Anfang an zu eigen war, und die Idee einer Menschheit, langsam auftauchend aus den Tiefen thierischer Rohheit, kann nie wieder aufrecht erhalten werden. Максъ Миллеръ, впрочемъ, не можетъ считаться въ настоящее время представителемъ дилеттантства.*

²⁾ Важнѣйшій трудъ въ этомъ отношеніи: *E. A. Tylor, Primitive Culture, Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Art and Custom 2 т. (1871);* нѣмецкій переводъ: *Anfänge der Cultur etc. unter Mitwirkung des Verfassers übertragen von Spengel und Poske 2 т. (1872);* русскій переводъ *Коробовскаго: Первобытная культура, 2 т. (1872 и сл.).* Критику этого сочиненія представлялъ *Ф. Либрехтъ* въ *Göttinger gelehrte Anzeigen 1872, № 33,* и въ *Zeitschr. f. Ethnol. V (1873) стр. 77.*—Раньше появилось сочиненіе того же автора: *Researches into the early History of Mankind and the Development of Civilisation (1-е изд. 1865 года),* переведено на нѣмецкій языкъ *Мюллеромъ (H. Müller, 1867),* на русскій *Валицкимъ: Довѣсторическій бытъ человека и т. д. (1868).*—На сочиненія *Левбока* и др. мы укажемъ ниже. — Затѣмъ слѣдуетъ здѣсь упомянуть еще: *O. Caspari, Die Urgeschichte der Menschheit mit Rücksicht auf die natürliche Entwicklung des frühesten Geisteslebens 2 т. (1873).* Въ этомъ странномъ сочиненіи, которое отличается чудовищнымъ слогомъ и въ высшей степени скучнымъ изложеніемъ, мы находимъ однако, рядомъ съ пустыми ерваньями, иногда и очень остроумными соображеніями и догадками, особенно по психологическимъ вопросамъ. — Зато *Wolfschläger, Handbuch der vorhistorischen, historischen und biblischen (!) Urgeschichte (1873),* вовсе не заслуживаетъ вниманія. — На дняхъ появилась изданная при содѣйствіи *Шафнаузена* первая часть начатаго *Вильгельмомъ Бисрономъ* сочиненія: *Der vorgeschichtliche Mensch, Ursprung und Entwicklung des Menschengeschlechts.* Это популяризація выводовъ антропологіи.

жны бы считаться приложимыми и къ нашему изслѣдованію явленій нравственнаго развитія въ доисторическія времена Греціи. Изслѣдуя, напримѣръ, доисторическій бытъ образованныхъ народовъ, эта наука часто пользуется аналогическимъ бытомъ дикарей, то-есть, такихъ народовъ, которые, по какимъ бы то ни было причинамъ, находятся и теперь еще на очень низкой степени развитія ¹⁾ Иногда она прибѣгаетъ къ изслѣдованію явленій человѣческой природы въ ея дѣтскомъ возрастѣ ²⁾. Въ случаѣ отсутствія достаточныхъ аналогій и на этомъ поприщѣ, нѣкоторые ученые, для уясненія самыхъ элементарныхъ проявленій человѣческой духовной жизни, обращаются къ міру животныхъ, и тамъ они находятъ обильный запасъ такихъ данныхъ, которыя, при остроумномъ приложеніи, служатъ отчасти лучшимъ подтвержденіемъ сдѣланныхъ ими выводовъ на основаніи совершенно другихъ соображеній, а иногда даже даютъ возможность прозрѣвать совершенно новыя истины ³⁾.

Приложеніе подобнаго рода приемовъ и къ изслѣдованію нравственнаго развитія греческаго народа, могло бы, повидимому, дать не

¹⁾ Слѣдуетъ однако остерегаться—смотреть на дикарей просто какъ на представителей вполнѣ неразвитаго человѣчества. *Ausland*, 1870 стр. 1034: Lange Zeit galten die Australier als diejenigen, welche einem Lehrgebäude von wilden Menschen am willkommensten gewesen wären, bis ein innigeres Bekanntwerden selbst diesen Volkstamm als das letzte Glied einer langen Kette geistiger Entwicklungen, seine Zustände als kindliche aber keineswegs als thierische erscheinen liess. — Къ сожалѣнію, въ значительной части изслѣдованій мы видимъ или отсутствіе необходимой осторожности при сравненіи первобытнаго состоянія съ бытомъ дикарей,—какъ напримѣръ, въ сочиненіи: *Lubbock*, *Prehistoric Times as illustrated by ancient remains and the Manners and Customs of modern Savages* (2-е изд. 1869 года) и въ *его-же*: *The Origins of Civilization and the primitive Condition of Man* (1870), гдѣ въ бытѣ дикарей онъ видитъ самыя зачатки человѣческой культуры; — или-же, напротивъ, едва ли не полнѣйшее отрицаніе всякой аналогіи. См. *Perty*, *Anthropologische Vorträge* (1863), стр. 141.

²⁾ Относительно аналогій съ дѣтми слѣдуетъ замѣтить, что ошибочно усматривать въ развитіи дитяти точно тѣ же этапы въ одинаковой послѣдовательности, какъ и въ развитіи человѣчества вообще. Многое, чего человечество достигло только путемъ продолжительной, сознательной борьбы, ребенку теперь дается несознательнымъ путемъ, оно ему какъ будто врождено.

³⁾ Такъ, напримѣръ, поступаетъ Вундтъ. *Wundt*, *Vorlesungen über Menschen- und Thierseele*, 2 т. (1863). Сравни, однако, *Perty*, *Ueber das Seelenleben der Thiere* (1865) стр. 19: Und wenn gesagt wird, Thier- und Menschenwelt bildeten eine lückenlose Kette..., so müssen wir diesem Ausspruch den andern entgegensetzen, dass... mit dem Menschen ein neues Princip in das System der Schöpfung eingetreten sei. Wenn es an Zügen der Aehnlichkeit und Gleichartigkeit zwischen dem thie-

мало новыхъ и, можетъ быть, чрезвычайно интересныхъ результатовъ. Такъ, напримѣръ, опредѣливши, на основаніи вполне достовѣрныхъ историческихъ данныхъ позднѣйшій ходъ развитія греческой этики, мы могли бы, при помощи сравненій съ другими народами, возстановить по аналогіи и доисторическіе фазисы въ этическомъ развитіи Грековъ. Но, къ сожалѣнію, подобныя приемы прилагались къ исторіи греческаго народа чрезвычайно рѣдко и притомъ въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Въ сущности, они находятся въ рѣзкомъ противорѣчій съ установившимся и, такъ сказать, традиціоннымъ способомъ изслѣдованія древностей этого классическаго народа ¹⁾. Не получивши никогда основательнаго приложенія въ этой наукѣ, новый методъ уже по этому самому долженъ бы встрѣчать почти непреодолимыя затрудненія; но если же еще взять во вниманіе множество укоренившихся преимущественно въ этой области предразсудковъ, — то едва ли мыслимо внушеніе, хотя бы малѣйшаго довѣрія къ такому новому методу; едва ли возможно, чтобы результаты, добытые при его помощи, не казались крайне смѣлыми гипотезами. Такъ, напримѣръ, одно уже допущеніе аналогіи между доисторическими Греками и древними варварскими народами можетъ казаться въ глазахъ многихъ филологовъ чуть ли не такою же нелѣпостью, какъ, напримѣръ, сравненіе первобытнаго состоянія „избраннаго народа“ съ бытомъ дикарей ²⁾.

Поэтому не разсчитывая на успѣхъ приложенія подобныхъ приемовъ и не осмѣливаясь придавать имъ особенное значеніе, мы должны для достиженія нашей цѣли обратиться къ другимъ средствамъ, ка-

---

rischen und menschlichen Seelenleben nicht fehlt, so kann man noch zahlreichere anführen, welche ihre Verschiedenheit erweisen (еще бы!). Даже и этотъ взглядъ не противорѣчатъ, однако, приложимости сравненія.

¹⁾ Какъ мало классическая енологія руководится давно добытыми данными другихъ наукъ, явствуетъ, между прочимъ, и изъ слѣдующихъ словъ: *Chr. Petersson, Religion etc. der Griechen* (1867) въ *Allg. Encyclopädie d. Wissensch. u. Künste von Ersch u. Gruber* LXXXII стр. 71: Ob die Menschheit aus einem Zustande höherer Erkenntniß herabgesunken sei, ist bisher auf diesem Wege ebenso wenig erwiesen, als die Erhebung aus einem Zustande thierischer Rohheit.

²⁾ Лучшимъ доказательствомъ особеннаго направленія въ изслѣдованіяхъ классической енологіи служить, между прочимъ, и то обстоятельство, что чуть до послѣднихъ поръ все-еще толкуется о «героическомъ вѣкѣ», какъ о чѣмъ-то реальномъ, историческомъ, въ то время какъ, напримѣръ, въ славянской енологіи считалось бы, сколько мнѣ извѣстно, нелѣпостью говорить подобнымъ образомъ о вѣкѣ богатѣйшей — Святогора, Ильи Муромца и другихъ.

вовныхъ средствъ, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, представляется довольно много. Всякій, признающій естественный ходъ развитія, охотно согласится съ тѣмъ, что даже и въ самой образованной средѣ, въ ея обычаяхъ, обрядахъ, поговоркахъ и т. п., есть множество такихъ данныхъ, которыя оказываются остатками первобытнаго дикаго состоянія человѣчества. Вездѣ для внимательнаго наблюдателя открываются слѣды чрезвычайно древнихъ временъ, отжившіе повиديوму уже давно свой вѣкъ, но тѣмъ не менѣе удержавшіеся въ живомъ организмѣ человѣчества, гдѣ они получили большую частію съ теченіемъ времени совершенно иное значеніе. Такіе остатки Тэйлоръ удачно называетъ „survivals“. Итакъ, если мы, даже помимо данныхъ, почерпаемыхъ изъ современной намъ жизни, обратимся, наприимѣръ, хотя бы къ религіознымъ обрядамъ древнихъ Грековъ, то увидимъ, что вопросъ нашъ о существованіи каннибализма могъ бы быть рѣшенъ очень просто. Только крайне спиритуалистическій взглядъ можетъ отрицать, что всѣ жертвоприношенія имѣли первоначально значеніе пищи, которою люди дѣлились съ своими богами. Затѣмъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Греки приносили въ жертву не только животныхъ, но и людей; до насъ дошли наконецъ даже тѣ слова, которыми сопровождалось подобныя жертвоприношенія, наприимѣръ, „Пей кровь этого человѣка“. Чего же больше? Но, однакожъ, дальше мы увидимъ, какія странныя затрудненія составляютъ въ классической филологіи подобному выводу, который, впрочемъ, считался бы совершенно правильнымъ и умѣстнымъ, еслибъ дѣло шло о какихъ-нибудь дикаряхъ, или даже вообще о какомъ бы то ни было народѣ, но только не о Грекахъ.

Вотъ же прямыми источниками, для возстановленія нравственныхъ понятій до-исторической эпохи какого бы то ни было народа, считаются дошедшіе до насъ памятники его духовной жизни: его языкъ, его вѣрованія и преданія. Благодаря удивительнымъ успѣхамъ новой науки сравнительнаго языкознанія, мы уже теперь въ состояніи опредѣлить хотя незначительное количество словъ, составлявшихъ въ глубочайшей древности общее достояніе индоевропейскихъ народовъ. Но для исторіи этики, выводы, основанные на однихъ только лексикологическихъ данныхъ, оказываются во многихъ отношеніяхъ, по крайней мѣрѣ при теперешнемъ состояніи науки, еще далеко недостаточными. Отчасти вслѣдствіе того, что не выработана теорія о переходахъ значенія словъ, мы до сихъ поръ еще не можемъ точно опредѣлить отношеніе лексикологическаго богатства языка къ духовному

развитію народа. Поэтому - то, нѣкоторые выводы, какъ, напримѣръ, объ отсутствіи извѣстныхъ нравственныхъ понятій по причинѣ отсутствія отдѣльныхъ, соотвѣствующихъ этимъ понятіямъ словъ, не всегда могутъ считаться правильными и могутъ еще вносить шаткость и колебаніе въ результаты подобнаго рода изслѣдованій ¹⁾. — Затѣмъ, остаются еще сохранившіеся уже только въ мѣтахъ возвращенія народа, которыя при помощи сравнительной міеологіи мы можемъ прослѣдить иногда до очень отдаленныхъ временъ.

Если мы задаемся вопросомъ о существованіи каннибализма у Грековъ, то, какъ видно изъ самого заглавія нашего труда, при этомъ мы преимущественно имѣемъ въ виду представить новыя данныя для исторіи развитія нравственности. Поэтому, важною задачею является для насъ не одинъ только вопросъ — существовалъ ли когда-либо у Грековъ или у ихъ предковъ каннибализмъ, но равнымъ образомъ для насъ важенъ и вопросъ: если онъ существовалъ, то какое мѣсто

¹⁾ Главнѣйшій трудъ въ этой области: *Pictet, Les Origines Indo-Européennes*, 2 т. (1859—1863). Относительно предшествовавшихъ сочиненій см.: *Max Müller, Essays*, II, стр. 319. Самъ Максъ Мюллеръ, прилагая въ своихъ *Essays* (I и II, 1869 г.) результаты замкованія для выводовъ о первобытномъ состояніи общества, даетъ полный произволъ своимъ поэтическимъ пафосностямъ; такъ, напримѣръ, тамъ же, II, стр. 28, онъ говоритъ: *Der Name Melkerin (dubitar = донтелина) der Tochter des Hauses beilegt, öffnet nun vor unsern Augen ein kleines Idyll in dem poetischen (II) Hirtenleben der ersten Arier. Eins der wenigen (?) Dinge, durch die die Tochter vor ihrer Verheirathung sich in dem nomadischen Haushalte nützlich machen konnte, war das Melken des Viehes, und es enthält eine Art von Zartgefühl und Humor, selbst im rohesten Zustande der Gesellschaft, wenn wir uns denken wie ein Vater seine Tochter lieber seine kleine Milchmagd heisst, als sutā, seine Gezeugte, oder filia den Sängling. (О неумѣтности подобныхъ этимологій см. Geiger, Urspr. u. Entwicklung etc. I, стр. XIII). Это ему, однако, не мешаетъ признать нѣсколько дальше, стр. 26-я, что однимъ изъ всего чаще встрѣчающихся выраженій для сраженія служило у тѣхъ же Аріидцевъ слово *gavishi*, «желаніе коровъ», въ чемъ особенно наглядно рисуетъ эта «идилличность» тогдашняго времени. Существуетъ обычай у извѣстныхъ диакровъ, по которому женихъ удиряетъ невѣсту дубиною по головѣ и, схвативши за волосы вынужденную чувствовать жертву, тащить ее до ближайшаго кустарника, послѣ чего она уже считается его женою. Я увѣренъ, что М. Мюллеръ и тутъ сумѣлъ бы усмотрѣть если не *Zartgefühl* (что, впрочемъ, тоже мыслимо), то по крайней мѣрѣ *Humor*. Сочиненія: *Wedder, Zur Sprachwissenschaft* (1861) и *то же Die neuere Sprachwissenschaft und der Urstand der Menschheit* (1867) не заслуживаютъ вниманія. — Особенно важны оба вышеупомянутыя сочиненія *Geigera: Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit* (1871) и *Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft* (1868—1872).*

слѣдуетъ отвести ему въ исторіи этическаго развитія? Обыкновенно нравственность представляется въ тѣсной связи съ религіей, а миомъ носить на себѣ большую частію явный отпечатокъ религіозности. Но, выстъ съ тѣмъ, въ тѣхъ миоахъ, которые особенно отличаются своимъ религіознымъ колоритомъ, мы находимъ самыя дикія черты и самыя возмутительныя разказы о канибализмѣ. Вотъ почему намъ особенно слѣдуетъ остановиться на миоахъ. Пока для насъ все равно— служили ли нѣкоторые изъ этихъ миоовъ уже первоначальною оболочкою религіозныхъ возрѣвій, или же они получили религіозный оттѣнокъ только впоследствии. Во всякомъ случаѣ позднѣйшее религіозное значеніе нѣкоторыхъ миоовъ прямо указываетъ намъ на ихъ важность при изслѣдованіи нравственности. Еслибы мы даже и убѣдились въ томъ, что строго-религіозное значеніе нѣкоторыхъ миоовъ есть явленіе относительно позднее, то мы все-таки не стали бы отрицать ихъ важности для насъ; напротивъ, мы сочли бы необходимымъ подвергнуть разсмотрѣнію и тѣ изъ нихъ, которые впоследствии не успѣли почему нибудь сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ религіознаго ученія. Такимъ образомъ, источникомъ для изслѣдованія нравственности греческаго народа являются греческіе мионы. Постараемся же, отстаивая принципъ *естественнаго развитія*, доказать, что даже въ самыхъ грубыхъ миоахъ, какъ въ памятникахъ древнѣйшаго міросо-зерцавія народовъ, мы въ правѣ искать слѣдовъ и древнѣйшей нравственности ¹⁾.

§ 3.

Приложеніе теоріи развитія къ этикъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ миоамъ, какъ къ источникамъ при изслѣдованіи древнѣйшаго состоянія нравственности, я считаю не-

¹⁾ При этомъ случаѣ позволю себѣ привести слѣдующія слова *Вазофена*: Mutterrecht, стр. VII: Welchen Einfluss dieses Parallelismus (между миоами и историческими данными) auf die ganze Betrachtungsweise der mythischen Tradition ausüben muss, wie er den Standpunkt, den die heutige Forschung ihr gegenüber einnimmt, unhaltbar macht, und jener ohnehin so schwankenden Unterscheidung historischer und vorhistorischer Zeiten gerade für den wichtigsten Theil der Geschichte, die Kenntniss der alten Anschauungen und Zustände, jede Berechtigung entzieht, bedarf keiner weitem Darlegung. Die mythische Ueberlieferung... erscheint als der getreue Ausdruck des Lebensgesetzes jener Zeiten, in welchen die geschichtliche Entwicklung der alten Welt ihre Grundlagen hat, als die Manifestation der ursprünglichen Denkweise, als unmittelbare historische Offenbarung, folglich als wahre durch hohe Zuverlässigkeit ausgezeichnete Geschichtsquelle (?).

обходимымъ сказать нѣсколько словъ объ исходной точкѣ моего взгляда на религіозное и нравственное развитіе народовъ вообще.

Сперва замѣчу, что изслѣдованіе, занимающееся *исторією развитія нравственности*, имѣетъ задачей привести въ научную, генетическую связь *только самые развитые* взгляды различныхъ эпохъ на нравственность. Извѣстно, что во всякое время, рядомъ съ болѣе развитыми взглядами, существуютъ и самыя грубыя, отсталыя воззрѣнія, являющіяся представителями прежнихъ періодовъ развитія. Изслѣдовать отношеніе этихъ элементовъ, сохранившихся изъ различныхъ фазисовъ развитія въ данный моментъ жизни какого-либо народа, не составляетъ предмета исторіи развитія, а относится къ *статистикѣ* нравственности. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы намъ никогда и не пришлось заниматься состояніемъ всего общества. Именно, въ нашемъ трудѣ, рассматривающемъ каннибализмъ, — явленіе, которое слѣдуетъ отнести къ самымъ отдаленнымъ временамъ челоуѣчества, мы убѣдимся, что выдѣленіе и отличеніе въ этомъ обществѣ болѣе и менѣе развитыхъ взглядовъ становится, при вѣроятной однородности всего общества и при отсутствіи всѣхъ признаковъ субъективности, дѣломъ невозможнымъ. Въ первобытныя времена развитія все общество, должно быть, представляло такое однообразіе по взглядахъ своихъ членовъ, какого впослѣдствіи мы не находимъ даже и у отдѣльныхъ личностей. Поэтому-то такія общества и должны во всякомъ изслѣдованіи о развитіи нравственности занимать сначала то мѣсто, которое впослѣдствіи принадлежитъ только отдѣльнымъ личностямъ, сдѣлавшимся явными двигателями дальнѣйшаго развитія нравственныхъ взглядовъ.

Но кромѣ этого замѣчанія объ основныхъ взглядахъ на методъ нашего изслѣдованія, намъ придется здѣсь отвѣтить еще на нѣсколько довольно затруднительныхъ вопросовъ, какъ, наприхѣръ, что такое нравственность? Есть ли существенное различіе между нравственностью и религією? Дѣйствительно, иногда мы находимъ такъ мало связи между чисто религіозными и чисто нравственными понятіями людей, что отдѣленіе однихъ отъ другихъ кажется дѣломъ необходимымъ. Но если существуетъ различіе, то по какимъ признакамъ мы должны отдѣлять религіозное отъ нравственнаго, когда съ другой стороны, мы видимъ иногда такое сліяніе этихъ областей, что различить ихъ, повидимому, опять невозможно? Затѣмъ представляется не менѣе затруднительный вопросъ: за какими изъ самыхъ развитыхъ взглядовъ данной эпохи мы должны признавать религіозное или нрав-

ственное значеніе, и которые изъ нихъ оставлять въ сторонѣ, какъ не принадлежаще ни къ одной изъ этихъ областей? А какъ трудно въ ранній періодъ развитія отличать, напримѣръ, вѣру отъ науки, это, кажется, нѣтъ необходимости подтверждать доказательствами.

Изъ всего сказаннаго видно, что при изслѣдованіи развитія нравственности въ извѣстномъ народѣ, заслуга не будетъ состоять въ одномъ только количествѣ собраннаго матеріала, такъ какъ прежде всего еще необходимо рѣшить, какой именно матеріалъ слѣдуетъ собирать и какой считать ненужнымъ. Очевидна важность той точки зрѣнія, становясь на которую, мы будемъ разсматривать и группировать многочисленные факты, — той мысли, которая послужитъ связывающею нитью разнообразныхъ данныхъ. Такую-то мысль, сложившуюся у меня при разсматриваніи хода религіозно-нравственнаго развитія, я и считаю нужнымъ изложить здѣсь, причѣмъ выяснится и то, что, по моему разумѣнію, слѣдуетъ понимать подъ словами: этика, религія, нравственность — словами, которымъ каждый придаетъ различный смыслъ.

Уже въ самый ранній періодъ человѣческаго развитія должны были явиться взгляды на окружающую природу и на отношенія людей, какъ къ этой природѣ, такъ и на отношенія ихъ другъ къ другу. Въ своемъ первоначальномъ видѣ взгляды эти не могутъ считаться ни моральными, ни религіозными, ни научными, ни наконецъ тѣмъ, что мы считаемъ практическими взглядами, а напротивъ, эти взгляды были самаго неопредѣленнаго качества. Если же нужно, не смотря на это, все-таки какъ-нибудь назвать ихъ, то мы назовемъ ихъ *этическими* въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, не исключаящемъ и не сопоставляющемъ въ себѣ ни одного изъ только что указанныхъ нами элементовъ; не было понятія о томъ, что слѣдуетъ считать религіознымъ долгомъ и что считать грѣхомъ; не было также понятія о томъ, что нравственно, что разумно, и что только полезно; было же какое-то очень неопредѣленное и смутное понятіе о томъ, что хорошо и что не хорошо ¹⁾.

¹⁾ Для поясненія послушать слѣдующій примѣръ. Одинъ Буммонъ, спрошенный о различіи добра и злы, сказалъ, не много подумавши: «Хорошо украсть чужую жену, — но худо, если у самого меня украдутъ мою». *Party, Anthropologische Vorträge* (1863), стр. 177. Тутъ очевидно молчаливое смѣшеніе понятій полезнаго, нравственнаго и проч. Даже въ гомеровской этикѣ, стоящей на гораздо высшей ступени развитія, мы замѣчаемъ нѣчто подобное. *Nägelsbach, Hom. Theol.* (2 изд. 1861), стр. 228:... es ist der charakteristische Standpunkt

Подъ эти двѣ категоріи подводились и всѣ явленія природы, и всѣ дѣйствія человѣка. Руководясь столь неопредѣленнымъ мѣриломъ, отдѣльные люди создали себѣ взгляды и правила, которыя первоначально не могли имѣть для пользующихся ими личностей особеннаго, сознаваемого ими значенія, или какой-либо обязательности. Тѣмъ не менѣе, будучи, хотя и несознательно, общепринятыми, они мало по малу получили нѣчто въ родѣ внѣшней санкціи, если не въ строгомъ смыслѣ этого слова, то, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что никому не казалось желательнымъ не согласоваться съ этими признаваемыми всѣми правилами и взглядами. Словомъ, изъ этихъ взглядовъ и соответствующихъ имъ правилъ образовался *обычай*. Судить о томъ, на сколько этотъ обычай, самъ по себѣ, былъ мораленъ, — нелѣзно, если подъ словомъ „мораль“ разумѣть степень согласія чего-либо съ обычаемъ. Съ другой стороны, судить о моральности от-

der homerischen Ethik, dass die Sphären des Rechts, der Sittlichkeit und Religiosität bei dem Dichter (у Гомера) durchaus noch nicht auseinander fallen. Въ отношеніи съ этики соображенія права, нравственности и религіозности у Гомера сдѣла еще можно признать и принципъ полезности. Всего ярче это отношеніе выказывается при жертвоприношеніяхъ, сильно напоминающихъ собою основной смыслъ жертвоприношеній у Индійцевъ, который состоялъ первоначально единственно въ томъ, чтобы обязать божество вознаградить колѣнника за принесенную жертву. См. *A. Weber, Zur Kenntniss des vedischen Opferrituals in Indische Studien X (1868), стр. 332, прим. 1. Odys. III, 58:*

ἰδοὺ χάρισσεν ἀμοιβῆν
σὺμπασιν Πολίοισιν ἀγαλειτῆς ἑκατόμβης.

Lamburg Brouwer, Histoire de la civilisation des Grecs II (1834), стр. 520: Les bienfaits des dieux sont le prix des hécatombes, et voilà pourquoi les rois ne sont pas si prompts que la stipulation d'une convention mercantile.

При этомъ случаѣ счлтяю не лишнимъ указать, что и греческія слова ἀγαθός, κακός и т. п. получили свое полное этическое значеніе только впоследствии. Гротъ (*G. Grote*) ссылается, какъ на основательное изслѣдованіе значенія приведенныхъ словъ, на соч. *Welcker, Prolegomena zu Theognis, sect. 9 — 16.* Самъ онъ говоритъ (*History of Greece, ed. 1862, I, стр. 459*): These words (good, just etc.) signify the man of birth, wealth, influence and daring, whose arm is strong to destroy or to protect, whatever may be the turn of his moral sentiments; while the opposite epithet, had, designates the poor, lowly and weak, from whose dispositions, be they ever so virtuous, society has little either to hope or to fear. Но вслѣдствіе этого не нужно, однако, полагать, что эти слова первоначально были лишены всякаго этическаго значенія, куда клонитъ Гротъ; тамъ же, прим. 4: The ethical meaning of the word hardly appears until the discussions raised by Socrates, and prosecuted by his disciples: but the primitive import still continued to maintain concurrent footing.

дѣльныхъ личностей, то - есть, о ихъ согласіи съ обычаемъ, было бы тоже самое, что судить и о прочности самого обычая. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ предполагать, что обычай былъ что-то очень непоколебимое, не смотря даже и на то, что въ него входили самыя мелкія практическія правила. Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ слѣдуетъ только взглянуть на непоколебимость обычаевъ у дикарей и на ту удивительную стойкость, вслѣдствіе которой и въ нашихъ христіанскихъ государствахъ сохранились, не смотря на всѣ гоненія, самыя, повидимому, несущественныя и давно уже потерявшія всякій смыслъ черты изъ языческаго времени.

Полагаю, что изъ сказаннаго видно, какъ я смотрю на зачатки религіи, нравственности и науки. Признавая безразличное существованіе этихъ элементовъ въ самыхъ первоначальныхъ проявленіяхъ человѣческаго духа, я отрицаю возможность приложенія къ нимъ нашихъ новѣйшихъ понятій о религіи, нравственности и наукѣ. Этотъ взглядъ представляется мнѣ просто послѣдовательнымъ приложеніемъ генетическаго метода къ разсматриваемому предмету, хотя и вызоветъ онъ, думаю, много несогласій. Правда, касательно науки въ тѣсномъ смыслѣ, я не сомнѣваюсь, что никому не придетъ въ голову прилагать къ какимъ бы то ни было первобытнымъ проявленіямъ человѣческаго духа тѣхъ понятій, которыя мы теперь связываемъ со словомъ „наука“. Но относительно религіи и нравственности многіе, по очень понятнымъ причинамъ, не такъ легко согласятся со мною. Отсутствіе въ первобытномъ обществѣ всего того, что мы теперь называемъ религіозностью, многимъ покажется невѣроятнымъ, особенно тѣмъ, кто производитъ всякую религію отъ сверхъ естественныхъ началъ. Впрочемъ, при темерешнемъ состояніи науки вообще, врядъ ли нашъ взглядъ нуждается въ особенномъ оправданіи, которое считаю болѣе умѣстнымъ при отстаиваніи противоположнаго взгляда ¹⁾.

¹⁾ *Lambert Brauer*, признавая первобытность нравственнаго чувства, вполнѣ, однако, отрицаетъ такую же первобытность религіознаго чувства. *Lambert Brauer*, *Histoire de la civilisation morale et religieuse des Grecs*, II (1834), стр. 2: «Il n'y a d'inné que le sentiment moral»... Ошибка происходитъ отъ того, что религію онъ понимаетъ въ слишкомъ тѣсномъ смыслѣ (croire en Dieu). По мнѣнію *Юстель де-Буланжа*, у Аріидцевъ религія начинается съ появленія семьи, причѣмъ, первымъ божествомъ онъ считаетъ обоготвореннаго по смерти отца. *Fustel de Coulanges*, *Cité antique* (1864), стр. 20: «Cette religion des morts paraît être la plus ancienne qu'il y ait eu dans cette race d'hommes. Avant de concevoir et d'adorer Indra ou Zeus, l'homme adora les morts; il eut peur d'eux, il leur

Со временемъ, при большемъ развитіи человѣческаго кругозора, въ числѣ общепринятыхъ правилъ, нашлись и такія, отступленіе отъ которыхъ было мыслимо. Къ тому же стали появляться и новыя. Мы должны полагать, что всякое новое правило съ трудомъ получало общее признаніе. Если оно находилось въ *сознательномъ* противорѣчій со старыми воззрѣніями, то должно было совершенно распасться къ нимъ довѣріе, чтобы сдѣлаться принятымъ, хоть частнымъ

адгезья des prières. *Le sentiment religieux commence par là.* Сравни съ этимъ *Ausland* 1871, Ueber die Anfänge der geistigen und sittlichen Entwicklung des menschlichen Geschlechts, стр. 1035. «Aus Furcht vor der Rückkehr der Abgeschiedenen erklären sich viele Gebräuche bei den Begräbnissen. Eine grosse Anzahl verschiedener Menschenstämme beordigen mit den Verstorbenen alle ihre Habe aus Besorgniss, der Abgeschiedene möchte sich durch qualende Träume an den Erben rächen. Bei reifern Völkern geht die Furcht allmählich in Verehrung über». *Бесумжель-Рюминъ*, въ своей Русской исторіи, I (1872), стр. 10, справедливо называетъ взглядъ Фюстель-де-Куланна одностороннимъ. Самъ онъ считаетъ нужнымъ возвести начало религіи къ богѣ древней поры (кочеваго быта), и полагаетъ, что первымъ божествомъ было небо. Однако, и это мнѣніе тоже можетъ считаться сомнительнымъ. (Приведенное также въ прилѣжаніи доказательство, на мой взглядъ, кажется недостаточнымъ). Этимологія санскритскаго дѣтасъ и соответствующихъ ему названій Zeus, Jovis, Zio и т. д. чуть ли не во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ сводятся къ корню div, dju, означающему *блескъ*. (См. Curtius, Grundzüge der Griech. Etymologie (3-е изд. 1869 г.), стр. 222. *Leo Meyer* въ *Zeitschr. f. vergl. Sprachforschung*, VII (1858), стр. 12 и слѣд., находитъ вѣроятнымъ, что и итальское Gott происходитъ отъ корня div (посредствомъ djut = dju). Смотри, впрочемъ, *Simrock*, Handbuch der deutschen Mythologie (1869), стр. 150, гдѣ страннымъ образомъ игнорируется догадка *Leo Meyer*, и приводится только мнѣніе Гримма. *Grimm*, Deutsche Mythologie, 3-е изд., стр. 12). Нѣкоторые отъ того же корня производятъ еще и *deivos* (изъ deihos = deivas). Ср. *G. Bühler* въ *Or. u. Occ.* I (1862), стр. 508 слл. II (1864), 338 слл. Сколько я сомнительны эти послѣдніи двѣ этимологіи, все-таки видно, что въ большей части случаевъ богъ назывался «блестящимъ»; нѣтъ причинъ полагать, чтобы этотъ впитокъ первоначально придавался *небу*, а не солнцу или просто огню. Замѣтимъ еще слѣдующее мнѣніе. *Delbrück*, Ueber d. Verhältniss zw. Religion u. Mythologie въ *Zeitschr. f. Völkerpsychologie*, III (1865), стр. 493: Es ergibt sich aus der Etymologie mit vollständiger Gewissheit (?), dass das Wort Gott bei seiner Bildung einen religiösen Inhalt noch nicht hatte. Подъ словами «religiöser Inhalt» тутъ, конечно, слѣдуетъ понимать религіозное содержаніе въ нашемъ, современномъ, значеніи этого слова. Нѣтъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы утверждать, что явленіе блеска производило на древнихъ, первобытныхъ, людей именно то же самое впечатлѣніе, какое оно производитъ на насъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ возможности отрицать, чтобы ощущеніе блеска не сопровождалось благоговѣніемъ, или страхомъ, или чѣмъ-либо другимъ, заключающимъ въ себѣ оттънокъ религіозный.

образомъ. Такія-то не общепринятія правила и взгляды должны были получить особенный оттѣнокъ и составить новую отрасль. Старые взгляды, строгіе представители обычая, мы назовемъ теперь областью *этической въ тѣсномъ смыслѣ*, желая сказать этимъ, что въ нихъ скрывались неразвитые зачатки позднѣйшихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній. Новую же, выдѣлившуюся отсюда, область мы назовемъ *практическою*. Изъ нея, вполнѣдствіи, развились болѣе свободныя отъ народнаго обычая научныя взгляды и мелкія практическія правила. Для поясненія вышесказаннаго, я считаю нужнымъ замѣтить слѣдующее:

Я утверждаю, что первоначально практическія взгляды отличались отъ этическихъ только тѣмъ, что ихъ можно было и не придерживаться, что они какъ будто менѣе вытекали изъ общей всѣмъ людямъ природы. Поставленіе столь ничтожнаго, повидимому, признака, какова *общепринятость*, отличительною чертою двухъ отраслей можетъ показаться не вполне основательнымъ: могутъ, пожалуй, замѣтить, что несостоятельность принимаемаго мною различія явствуетъ уже изъ слѣдующаго простаго соображенія: еслибы нѣкоторыя изъ общепринятыхъ, практическихъ воззрѣній получили случайно всеобщее одобреніе, то я былъ бы принужденъ назвать ихъ этическими; а общепринятость или необщепринятость, скажутъ, вѣдь это дѣло произвола. Но дѣйствительно ли это дѣло произвола,—это еще очень сомнительно. Я полагаю, что должны были существовать внутреннія причины, по которымъ извѣстныя взгляды явились уже съ самыхъ раннихъ поръ и сдѣлались, такимъ образомъ, общепринятыми; я полагаю, что и въ послѣдующее время, при появленіи новыхъ взглядовъ, должны были существовать подобнаго рода причины, обуславливающія степень ихъ общепринятости. Но находить эти внутреннія причины полагаю, если дѣломъ не совсѣмъ ненужнымъ, то, по крайней мѣрѣ, вполнѣ невозможнымъ. Поэтому, мы должны довольствоваться пока вышшею отличительною чертою, отдѣляющею двѣ области на первыхъ же порахъ ихъ отдѣльнаго существованія. Мы и на самомъ дѣлѣ видимъ, что многое, относимое теперь къ какой бы то ни было отрасли человѣческаго духа, только не къ религіи или морали, прежде не представляло никакого различія съ тѣми взглядами, въ строго этическомъ значеніи которыхъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Для примѣра, укажу на этическое значеніе способа добывать огонь. Мы не знаемъ ни одного народа, у котораго бы огонь не былъ во всеобщемъ употребленіи. Всѣ разказы о существованіи народовъ,

будто бы не знающихъ огня, лишены всякой достовѣрности¹⁾. Поэтому мы смѣло можемъ заключить, что искусство добывать огонь (а именно, посредствомъ тренія) было однимъ изъ самыхъ древнѣйшихъ открытій. Отсюда естественно вытекала, вслѣдствіе неразвитости первобытнаго человечества, общепринятость, при добываніи огня, всѣхъ мелочныхъ приемовъ и правилъ, оказавшихся съ теченіемъ времени даже и непрактичными, именно, когда появилась возможность достигать той же цѣли болѣе удобными способами. Намъ извѣстно, что у Аріидцевъ старій способъ представлялся чѣмъ-то святымъ; отступленіе отъ него считалось неповолительнымъ. Тутъ, въ способѣ добыванія огня, намъ бросается въ глаза его религіозное, то-есть, этическое значеніе. Отрицать это значеніе — немислимо, а искать его источника въ чемъ-либо иномъ, кромѣ, именно общепринятости, то-есть, тѣсной связи съ установившимся обычаемъ, мы не видимъ никакой возможности.

Итакъ, для отдѣленія двухъ отраслей, практической и этической, въ ихъ первоначальномъ видѣ, я не могу указать никакихъ внутреннихъ отличительныхъ чертъ; я только стараюсь показать, какъ, по моему разумѣнію, возстановилось исторически различіе между двумя областями, изъ которыхъ, впоследствии, одна послужила для развитія религіи и морали, другая — для практическихъ правилъ и науки. Конечно, въ наше время различіе взглядовъ по степени ихъ распространенности должно считаться несущественнымъ и одностороннимъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы оно въ извѣстное время не было единственно возможнымъ. Съ той поры, какъ къ этической области присоединился элементъ вѣры, то вѣра съ одной стороны, научное убѣжденіе съ другой, становятся отличительными чертами, причеиъ, какъ увидимъ, наше теперешнее различіе дѣлается недостаточнымъ.

Впрочемъ, относительно названія двухъ вышеупомянутыхъ областей — *этической* и *практической*, я долженъ еще разъ замѣтить, что эти названія должны отчасти считаться преждевременными. Ими я хотѣлъ только указать на то, что изъ одной развились со временемъ взгляды, получившіе впоследствии значеніе *этическое* (въ болѣе тѣс-

¹⁾ Klemm, Allgemeine Culturwissenschaft. Die materiellen Grundlagen menschlicher Cultur I (1865), стр. 66: Wir finden die Menschen auf keinem Punkte der Erde ohne Feuer. Относительно народовъ, не знающихъ будто бы огня, и о невѣроятности подобныхъ разказовъ, см. E. B. Tylor, Researches into the early History of Mankind (1865), стр. 228 и слѣд.

номъ смыслѣ этого слова), и что другая область послужила источникомъ для повдѣйшихъ *научныхъ и практическихъ* воззрѣній и правды.

§ 4.

Продолженіе. — Религія и мораль.

Если мы взглянемъ на неразвитые въ духовномъ отношеніи народы, то насъ поражаетъ удивительное однообразіе ихъ взглядовъ и чуть-ли не исключительное господство одного характера и темперамента у всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ подобный народъ. Это внутреннее однообразіе получило даже осязательный отпечатокъ въ замѣчательномъ сходствѣ формы и выраженія самыхъ ихъ лицъ. Подобное явленіе, обусловливаемое отсутствіемъ достаточнаго развитія, мы, какъ уже замѣчено, должны предполагать существовавшимъ первоначально и въ первобытномъ челоѣчествѣ. Но такъ какъ мы видимъ, что такое однообразіе удержалось въ значительныхъ размѣрахъ до сихъ поръ у многихъ дикихъ народовъ, которые, однакожъ, сравнительно съ первобытнымъ челоѣчествомъ представляютъ несомнѣнно высшую ступень развитія, то мы должны заключить, что и у такъ-называемыхъ историческихъ народовъ, оно исчезло не очень рано. Такимъ образомъ, и періодъ полнѣйшаго согласія во взглядахъ всѣхъ людей, предшествовавшій выдѣленію практической области, слѣдуетъ считать очень продолжительнымъ.

До сихъ поръ мы не обратили вниманія, насколько причастна народнымъ воззрѣніямъ *сознательность*, и на вытекающей изъ этого способъ ихъ распространенія. Съ теченіемъ времени это дѣлается необходимымъ: всѣ убѣжденія и взгляды челоѣка могутъ быть раздѣлены на болѣе сознательные, и менѣе сознательные. Вступившіе положительно въ фазисъ сознанія обосновываются и передаются посредствомъ слова, прочіе же распространяются какимъ-то инстинктивнымъ путемъ, не получая даже опредѣленной формы въ челоѣческомъ словѣ. Первоначально отличать убѣжденія, по степени ихъ сознательности, не представлялось надобности, потому что сознательность стояла на столь низкой ступени развитія, что можно было упускать ее совсѣмъ изъ виду, не опасаясь большой ошибки. Слѣдуетъ, однако, полагать, что къ тому времени, когда выдѣлилась практическая область, сознательность преуспѣла до того, что сдѣлала замѣтное различіе между болѣе и менѣе сознательными этическими правилами. Итакъ, нѣкоторыя стороны обычая не только зарождались, но и распространялись путемъ

почти безсознательнымъ: индивидуумъ, будучи спрошенъ о томъ, почему онъ поступаетъ въ данномъ случаѣ именно такъ, а не иначе, скажетъ, если не „не знаю“, то, по крайней мѣрѣ, что „вѣдь всѣ такъ поступаютъ“; а эти всѣ тоже не лучше его могутъ подыскать логическую причину для своего образа дѣйствій. Подобнаго рода правила и взгляды мы назовемъ *нравственными* или *моральными*. Отличающіеся отъ нихъ болѣею сознательностью взгляды, при составленіи которыхъ мы уже видимъ первыя младенческія попытки думать и дѣлать изъ наблюденій сознательные выводы, обобщенія и проч., назовемъ *религиозными*. Сюда относятся понятія о существованіи нѣкоторой связи въ явленіяхъ природы (преимущественно на основаніи *post hoc, ergo propter hoc*) и объ отношеніи человѣка къ ней; отсюда же вытекаютъ, вмѣстѣ съ понятіями о существованіи божествъ, я правила, какъ относиться къ этимъ послѣднимъ.

Итакъ, всѣ старинныя убѣжденія, воззрѣнія и правила, словомъ, всѣ духовныя стороны человѣческой жизни, на сколько они носятъ на себѣ отпечатокъ общепринятости, должны быть отнесены къ этической области; тѣ изъ нихъ, которымъ причастна въ замѣтной степени сознательность, мы назовемъ *религиозными*, прочія же—*нравственными*. Подобное дѣленіе, по степени соучастія сознательности, мы должны, конечно, допустить и въ необщепринятыхъ взглядахъ, то есть, въ области практической, откуда вытекаетъ дѣленіе и этой области на теорію (науку) и практику (мелкія практическія правила). Оставляя пока въ сторонѣ такъ-называемыя необщепринятые взгляды, мы теперь обратимъ вниманіе на этическую область.

Мы сказали, что отличительною чертою между религіей и нравственностью служила первоначально болѣшая или меньшая степень сознательности. Пока существовало только это одно различіе, чисто моральное, то оно, по мѣрѣ того какъ поступало въ фазисъ сознательности, мало по малу превращалось въ религиозное. На самомъ дѣлѣ, не трудно было бы доказать, что многое, получившее впоследствии религиозную форму, превратившееся со временемъ даже въ культъ, существовало прежде въ видѣ чисто-нравственнаго правила: „такъ дѣлать или поступать хорошо“. Но со временемъ, указаннаго различія между религіей и нравственностью оказалось недостаточно. Если бы не нашлось никакого другого, то мы должны были бы всякое моральное правило, получившее сознательную, логическую форму, причислить къ религіи, а для нравственности осталось бы, въ такомъ случаѣ, очень мало правилъ, безсознательно принимаемыхъ и иногда и ни-

гдѣ не получившихъ себѣ сознательнаго, логическаго обоснованія. Замѣтимъ однако, что со временемъ къ религіи присоединяется *вѣра*. Мы свѣдали мнимоходомъ, что въ извѣстное время этотъ признакъ сдѣлался отличительною чертою между всею этическою отраслью и практическою; но одно время онъ служить только отличіемъ религіи отъ морали. Религіозныя взгляды, какъ получившіе сознательную, логическую форму раньше, сдѣлались, вслѣдствіе этого, болѣе стойкими, тогда какъ моральныя взгляды развивались сообразно съ обстоятельствами и непрерывно совершенствовались. Требования общепринятой религіи, основанныя на умозаключеніяхъ, не могли уже быть такъ скоро опровергаемы, такъ какъ сознательная логика подвигалась медленно и не давала, съ своей стороны, способовъ опровергать ихъ. Чтобы понимать эти, мало по малу устарѣвшіе, религіозныя взгляды и требованія, нужно было много умственной работы, такъ что о произведеніи новыхъ религіозныхъ понятій тутъ могло быть мало рѣчи. Итакъ, въ области религіозной является *застой*, благодари единственно тому, что первоначально на ея обработку было употреблено значительное количество интеллектуальной силы, и что религіозными взглядами дорожили, какъ высшимъ достояніемъ челоуѣческаго духа. Когда же, наконецъ, логика преуслѣла до того, что могла бы уже опровергнуть многія изъ этихъ понятій, то эти послѣднія успѣли сдѣлаться чѣмъ-то чуждымъ, не подлежащимъ суду логики: всѣ привыкли на нихъ смотрѣть, какъ на непонятныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неопровержимыя истины и, такимъ образомъ, къ религіи присоединялась *вѣра*. Затѣмъ, въ болѣе позднее время, когда въ глазахъ болѣе требовательной логики и моральныя взгляды могли казаться недостаточно обоснованными, то и къ этимъ взглядамъ присоединился элементъ *вѣры*, но тѣмъ не менѣе различіе между религіей и моралью не могло исчезнуть. Съ самыхъ раннихъ поръ религіи до того успѣла отчудиться отъ всякаго пониманія, что *вѣра*, поддерживающая ее, приняла совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ *вѣра*, поддерживающая моральныя воззрѣнія. Послѣдняя соответствовала требованіямъ челоуѣческой природы, вытекала какъ будто бы изъ самыхъ существенныхъ источниковъ челоуѣческихъ желаній и стремленій; *вѣра* же, на которой опиралась религія, сдѣлавшись въслѣдствіи совершенно слѣпымъ *вѣрованіемъ* или просто *суевѣріемъ*, часто заставляла признавать вещи или совсѣмъ индеферентныя для позднѣйшаго челоуѣчества, или даже совершенно противорѣчащія его

понятіямъ о божествѣ. Для примѣра укажу только на человѣческія жертвоприношенія ¹⁾).

Процессъ подобный тому, который мы видѣли въ этической области, — а именно, что взгляды, являющіеся результатомъ болѣе сознательной логической работы, вслѣдствіе этого самаго отчуждаются отъ дальнѣйшаго развитія логики, — слѣдуетъ предположить и въ другой области (практической въ обширномъ смыслѣ). Самые научные взгляды и изъ этой области стали получать общее признаніе и, наконецъ, сдѣлавшись, по указаннымъ причинамъ, недоступными для опроверженія даже болѣе развитой логики, получали религиозный отпечатокъ и превращались иногда просто въ религиозныя воззрѣнія. Такъ, на примѣръ, древнѣйшіе зачатки философіи, не смотря на свое болѣе частное, научное происхожденіе, почти всегда принимаютъ характеръ религиозныхъ ученій. Старинныя письмена съ самыхъ раннихъ поръ успѣли пріобрѣсть тамъ, гдѣ они появились, такое важное значеніе, что стали пользоваться положительно религиознымъ почетомъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые ученые и считаютъ необходимымъ производить ихъ изобрѣтеніе изъ религиознаго источника ²⁾. Благодаря своей важности, подобныя вещи освободились мало по малу изъ-подъ вліянія логики и вообще отъ всѣхъ требованій позднѣйшихъ временъ. Этимъ объясняется и то обстоятельство, почему египетскіе іероглифы не могли вполнѣ превратиться, по крайней мѣрѣ у самихъ Египтянъ, въ чисто-фонетическую азбуку, не смотря на очевидную легкость такого шага, и почему исполненіе такого преобразованія выпало на долю Финикійцевъ — народа, не проникнутаго религиознымъ значеніемъ іероглифовъ. Подобныхъ примѣровъ можно было бы указать множество. Всѣ явленія, которыя мы называемъ особенностями школы и которыя мы иногда вѣрнѣе могли бы назвать предразсудками, удерживаются чрезвычайно долго, благодаря именно тому обстоятельству, что на нихъ потрачено въ самомъ началѣ слишкомъ много интеллектуальнаго труда, такъ что въ нѣкоторомъ смыслѣ долженъ былъ явиться застои. Даже самыя мелкія практическія правила могутъ, въ силу этого, получить религиозный характеръ. Все старинное, разъ установившееся, свято; брать, на примѣръ, ложку глѣ-

¹⁾ Позднѣйшія различія между религіей и моралью насъ здѣсь не занимають.

²⁾ Geiger, Urspr. u. Entw. etc. II (1872) стр. 114: Nur aus einem heiligem Ursprunge erklärt sich die Heiligkeit der Schrift, wie sie sich nicht nur bei den Aegyptern, sondern auch bei den Chinesen, also gerade bei solchen Völkern nachweisen lässt, bei denen dieselbe ursprünglich und also von Anfang an heilig ist.

вою рукой—грѣхъ ¹⁾). Еслибы, напримѣръ, заставить Евреевъ читать въ синагогахъ Священное писаніе не изъ особенныхъ, назначенныхъ собственно для этого свертковъ, а вообще изъ какой-нибудь книги, то, конечно, встрѣтилось бы множество затрудненій, въ высшей степени поучительныхъ, такъ какъ ими уяснилось бы значеніе очень многихъ религіозныхъ установленій ²⁾).

Но оставивъ область практическую, возвратимся къ той, которую мы назвали этической областью въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова. По мѣрѣ того, какъ древніи религіозныя понятія стали удаляться отъ логическаго пониманія, представилась возможность появленія новыхъ вѣрованій рядомъ съ непонятными старыми. Между новыми возрѣвнiями, особенно между такими, которыя приняты изъ области научной, внослѣдствіи, хотя и поздно, могли отыскаться и такія, въ виду которыхъ нѣкоторые изъ прежнихъ религіозныхъ взглядовъ оказывались не только нецѣльными, но даже вредными. Тогда эти послѣдніе взгляды начали выдѣляться изъ области общепринятаго религіознаго вѣрованія въ видѣ *суевѣрій*.

Изъ сказаннаго видно, что религіозная область, также какъ и нравственная, хотя и не столь быстро, подвергалась измѣненіямъ не только въ своемъ колоритѣ, но и въ самомъ своемъ содержаніи. Такимъ образомъ, поставленное нами различіе религіи и морали становится со временемъ неподходящимъ. Поэтому спрашивается, зачѣмъ я не представилъ болѣе существенныхъ примѣтовъ, которыя бы во всѣ времена могли характеризовать религію въ противоположность морали? Зачѣмъ я не сказалъ, напримѣръ, что моральнымъ слѣдуетъ признавать то этическое ученіе, которое касается поступковъ человѣка независимо отъ божества, а религіознымъ то, которое говоритъ о зависимости человѣка отъ олицетворяемой имъ природы, то-есть, отъ божества, или что-нибудь подобное? Насколько возрѣвнiя въ родѣ послѣдняго неудобоприложимы ко всѣмъ моментамъ разсматриваемыхъ нами ученій, въ этомъ, кажется, можетъ убѣдиться всякій, кто станетъ зангматься религіозными или нравственными вопросами. Я уже замѣтилъ, что и самъ предполагаю существованіе въ этихъ взглядахъ такихъ внутреннихъ причинъ, ко-

¹⁾ Относительно отличія лѣвой и правой стороны укажемъ очень интересную статью: *von Meyer, Ueber Ursprung von Rechts und Links* въ *Verhandlungen der berl. Gesellschaft f. Anthropol. Ethnol. u. Urgesch.* 1873, стр. 25. Сравни *Bachofen, Mutterrecht*, стр. IX, а также см. въ алфавитномъ указателѣ Links.

²⁾ См. *Lazarus* въ томъ журналѣ изъ 1871 г., стр. 57.

торыя обусловливали ихъ распаденіе на различныя области. Слѣдовательно, было бы достаточно, при отлученіи послѣднихъ, указать только на эти внутреннія причины. Но пайдти ихъ невозможно, пока у насъ не будетъ подъ рукою всѣхъ фазисовъ, чрезъ которые, мало по малу видоизмѣняясь, прошли и еще пройдутъ ученія этическія. Также точно, и по тѣмъ же самымъ причинамъ, немислимо найти достаточное опредѣленіе, хотя бы, наприимѣръ, какой-нибудь живой науки, то-есть, такое опредѣленіе, которое бы вполне годилось для описанія различныхъ фазисовъ этой науки во всѣ времена ея существованія. Такимъ образомъ, имѣя здѣсь въ виду этическое развитіе только древнѣйшей Греціи, я и счелъ достаточнымъ изложить мое мнѣніе о раннемъ разъединеніи религіи и морали, вытекающихъ первоначально изъ одного и того же источника; позднѣйшія же судьбы этихъ областей насъ не занимають.

Здѣсь, однако, я долженъ замѣтить еще объ одной важной чертѣ, характеризующей мораль послѣ ея отдѣленія отъ религіи. Насколько ясно то, что религія должна была представлять смѣсь самыхъ древнихъ взглядовъ съ болѣе новыми, настолько и то, что мораль всегда должна была отличатся современностью, потому что, при появленіи новыхъ взглядовъ, старыя не имѣли уже той поддержки, которою пользовались религіозныя взгляды. Но такъ какъ общество всегда состоитъ изъ лицъ, сравнительно болѣе развитыхъ и неразвитыхъ, то слѣдовало бы предположить, что, благодаря этому разнообразію, и въ моральныхъ взглядахъ должны были существовать различныя фазисы одновременно. Но тутъ замѣчательно, что если и существуютъ вмѣстѣ моральныя воззрѣнія различнаго достоинства, то все-таки менѣе развитыя не получаютъ той легальности, какъ болѣе развитыя, и даже не высказываются нигдѣ открыто, хотя, повидимому, и есть дѣйствительно личности, которыя руководятся ими. Это послѣднее обстоятельство значительно облегчаетъ работу при изслѣдованіи развитія нравственныхъ понятій, потому что, пользуясь всѣми нравственными изрѣченіями, мы почти не ошибемся, принимая ихъ за болѣе развитыя этическія взгляды изъ данной эпохи, такъ что трудъ выбора самыхъ развитыхъ моральныхъ сентенцій дѣлается почти излишнимъ.

На счетъ же нравственной стороны религіозныхъ воззрѣній я долженъ высказать еще слѣдующее убѣжденіе. Каково бы ни было происхожденіе различныхъ вѣрованій, поэтическое, символическое, или какое-нибудь другое, во всякомъ случаѣ, я предполагаю, что нрав-

ственная сторона этихъ вѣрованій должна была соответствовать нравственнымъ понятіямъ того времени, въ которомъ они сложились. Невозможно, чтобы человекъ когда-либо обладалъ свои религиозныя воззрѣнія въ такую форму, которая противорѣчила бы нравственности своего времени; невозможно, чтобы божеству приписывались такіе качества и поступки, которые считаются въ данное время непозволительными. Если даже и не предполагать, что божеству, вслѣдствіе почтенія къ нему, приписывались только самыя лучшія качества, то на вѣрное можно сказать, что, изъ болѣе къ нему, люди никогда не осмѣливались придавать ему качества, считавшіяся у нихъ дурными ¹⁾.

Лучшимъ подтвержденіемъ этого предположенія служатъ тѣ случаи, въ которыхъ божеству приписывается какое-либо качество, сдѣлавшееся впоследствии неразлучнымъ съ представленіемъ этого божества. Если со временемъ подобный эпитетъ оказывался неправственнымъ, то благодаря связи его съ именемъ божества, измѣняется и его значеніе. Такъ, напримѣръ, Эйхгоффъ показалъ, что грубое понятіе о зависти боговъ (φθόνος θεῶν) получило со временемъ, сообразно съ развитіемъ нравственныхъ понятій, глубоко нравственное значеніе ²⁾. Тѣмъ болѣе, при самомъ появленіи извѣстнаго

¹⁾ На это указываетъ уже Секстъ Эмпирикъ, жившій въ III стол. по Р. Хр. *Secl. Emp. Pyrrh. hypot.* III, 215: οἱ δὲ καὶ κλεψιδάτων εἶναι θεῶν λέγοντες τὸν Ἐρατῆρ οὐκ ἴδιον τοῦτο νομίζουσι ποιῆσαι πᾶς γὰρ ἄν θεὸς εἴη κακός; о непростительныхъ на видъ эпитетахъ боговъ имъ будетъ говорить ниже.

²⁾ Eichhoff, Ueber einige religiös-sittliche Vorstellungen des classischen Alterthums; *idem*, Ueber die Vorstellung der Alten vom Neide der Gottheit (1866). *Lübker, Gesammelte Schriften*, I (1852), стр. 88: Die erstere (Vorstellung) von dem Neide der Gottheit entwickelt sich nach ihm (то-есть, Eichhoff) durch drei Stufen hin: auf der ersten derselben wird er schlechthin als Eifersucht der menschlich gesinnten Götter auf ihre Macht und Hoheit und als Missgunst gegen die zu ihnen heranstrebenden Menschen und deren grosses und fortwährendes Glück gefasst; auf der zweiten wacht er im Dienste des *Verhältnisses* über die den Menschen gesetzten Grenzen und das ihm beschiedene Maas und Gleichgewicht des Glücks und Unglücks; auf der dritten erscheint er als *wahrhaft sittliche Macht*, als Missbilligung und Ahndung der Ueberhebung, des Hochmuths und des Frevels. Сравни *Nägelsbach*, *Hom. Theol.* (1861), стр. 33 сл.; *то же*, *Nachomerische Theologie* (1857), стр. 46-54. При этомъ прилагиваніи религиозныхъ взглядовъ къ нравственнымъ понятіямъ позднѣйшихъ временъ, для насъ, возстановляющихъ древнѣйшую нравственность по внѣшней формѣ вѣрованій, должно считаться большимъ счастіемъ, что существовали причины, дѣлавшія противорѣчіе религіи съ нравственностью не всегда замѣтнымъ, отчего иногда оставались незамѣнены черты даже самыхъ древнѣйшихъ временъ.

религіознаго вѣрованія, мы должны предполагать полнѣйшее соотвѣтствіе формы, послужившей выраженіемъ ему, съ нравственными понятіями именно того времени, въ которое оно слагалось. Итакъ, по моему мнѣнію, божеству приписываются качества, если не самыя лучшія, то, по крайней мѣрѣ, индифферентныя въ нравственномъ отношеніи, но ни въ какомъ случаѣ не приписываются качества безнравственныя, по понятію времени, въ которомъ слагалось извѣстное религіозное воззрѣніе. Поэтому, если мы, напримѣръ, въ *Теогоніи* Гезіода находимъ много такихъ элементовъ, которые въ его время должны были почитаться безнравственными, то это обстоятельство и служить именно доказательствомъ, что эта поэма не есть простое произведеніе собственной фантазіи Гезіода, а только собраніе болѣе древнихъ преданій, приведенныхъ имъ въ порядокъ въ томъ видѣ, конечно, какъ онъ ихъ самъ понималъ.

§ 5.

Краткій взглядъ на труды по исторіи греческой этики.

При изслѣдованіи развитія нравственныхъ понятій въ Греціи, ученые уже давно стали пользоваться сказаніями о герояхъ *Иліады* и *Одиссеи*, съ цѣлью возстановить картину такъ-называемаго *героическаго* быта. Первоначально эти сказанія принимались за историческіе факты, поэтому и выводы о нравственности, основанные на нихъ, сперва никакимъ образомъ не могли представляться неуцѣльными. Теперь же, когда, при помощи сравнительной мѣологіи, въ большей части этихъ сказаній открыта чисто мифическая основа, то составленные раньше понятія о героическомъ вѣкѣ лишились основанія. Тѣмъ не менѣе существуютъ, однако, ученые, которые и до сихъ поръ не перестаютъ употреблять этотъ ненаучный терминъ, хотя и очевидно, что допуская въ исторіи вѣкъ героевъ, они должны были бы, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, признавать и реальное существованіе за вѣкомъ греческихъ боговъ ¹⁾.

¹⁾ Представителемъ самаго ненаучнаго направленія въ этомъ отношеніи является *Шеманнъ*: *Schoemann*, *Griechische Alterthümer*, I (3-е изд. 1871 г.), стр. 21 и слѣд.... so sehr wir auch überzeugt sein mögen, dass jene *heroische Vorseit*, welcher der Zug gegen Troja angehört, in vielen und wesentlichen Stücken anders beschaffen gewesen sei, als sie in den homerischen Gedichten geschildert wird, so sind wir doch nicht im Stande eine andere Darstellung von ihr geben zu können... Demnach ist, was wir aus den homerischen Gedichten gewinnen können, nicht eine

Другіе же ученые, не считающіе возможнымъ изслѣдовать бытъ героическаго вѣка, или даже вовсе не признающіе его существованія, воспользовались выработавшимися о немъ понятіями слѣдующимъ образомъ: придерживаясь того вѣрнаго соображенія, что въ формѣ, какую принимаетъ извѣстное сказаніе, не могъ не отразиться отпечатокъ того самаго времени, въ которомъ это сказаніе сложилось, они сочли нужнымъ перемѣнить только одно названіе уже готовой картины, именно, вмѣсто быта героическаго вѣка стали теперь говорить о *гомеровской* этикѣ ¹⁾. Не смотря на недостаточное различіе наслоеній изъ другихъ, болѣе старинныхъ эпохъ этическаго развитія, оставившихъ свои замѣтные слѣды и въ гомеровскихъ сказаніяхъ, ученые, посвятившіе свои труды изслѣдованію гомеровской нравственности, представили въ общихъ чертахъ довольно правдоподобную картину этой нравственности. Дѣйствительно, взглянувъ на измѣненія одного и того же сказанія въ различныя времена, нельзя отрицать того огромнаго вліянія, которое оказывали на него понятія той среды,—или, при появленіи большей индивидуальности,—той личности, которая окончательно установила и редижировала его: Такъ, не смотря на то, что сюжеты греческихъ трагиковъ вытекаютъ болѣею частью изъ того же самаго источника, изъ какого произошли и гомерическія пѣсни, мы, однако, руководясь тѣмъ внутреннимъ значеніемъ, какое вносятъ трагики въ свои сюжеты, и дѣлая отсюда заключеніе объ ихъ нравственныхъ взглядахъ, получаемъ картину, замѣчательно отличающуюся отъ

---

geschichtlich sichere Darstellung, sondern eine poetische Schilderung der alten Heroenseit, wie sie sich im Geiste der Dichter spiegelte: aber da wir uns ohne ausreichende Mittel finden, ein anderes Bild mit mehr Anspruch auf Wahrheit zu entwerfen, so müssen wir uns an diesem genügen lassen (1). Затѣмъ идетъ уже самое изложеніе быта героическаго вѣка; замѣчательна при этомъ также и неослаждаемость, по которой авторъ всю эту главу озаглавилъ: «Das homerische Griechenland».

¹⁾ Grote, History of Greece, new. edit. (1862), I стр. 454. Though the particular persons and events chronicled in the legendary poems of Greece, are not to be regarded as belonging to the province of real history, those poems are nevertheless full of instruction as pictures of life and manners; and the very same circumstances which divest their composers of all credibility as historians, render them so much the more valuable as unconscious expositors of their own contemporary society. Уже Ламбуръ Брауэръ, Histoire de la Civilisation des Grecs I, стр. 58, говоритъ: Une tradition populaire doit nécessairement offrir une image fidèle de la manière dont le peuple, parmi lequel on la trouve, a envisagé le fait qui en forme le fond, et les merveilles même qui les rendent plus ou moins méconnaissables peuvent servir à faire connoltre ceux qui y ont ajouté foi.

той, которую мы иногда составляемъ себѣ изъ тѣхъ же сказаній у Гомера или же у кого-либо изъ предшественниковъ этихъ трагиковъ. На основаніи преимущественно подобныхъ соображеній появилась въ наукѣ обширная литература, характеризующая нравственные и религіозные взгляды различныхъ эпохъ и отдѣльныхъ личностей Греціи и иногда пытающаяся представить даже самый ходъ развитія этихъ взглядовъ¹⁾.

При изслѣдованіи развитія нравственности въ историческія вре-

¹⁾ Относительно гомеровскаго времени можно назвать: *Bruse*, The state of society in the age of Homer (1827); *P. van Limburg Brouwer* въ *Histoire de la civilisation morale et religieuse des Grecs* (8 т. 1833—1842), т. I и II: *Etat de la civilisation morale et religieuse des Grecs dans les siècles héroïques* (1833 и слѣд.); *Helbig*, Die sittlichen Zustände des griechischen Heldenalters (1839), гдѣ на стр. IX—XII приведены и предшествоующая литература по этому предмету; *Grote*, History of Greece, часть I, гл. 20: State of Society and Manners as exhibited in Grecian Legend; *E. W. Gladstone*, Studies on Homer and the Homeric Age (1858), ср. *Schuster*, Gladstones homerische Studien frei bearbeitet (1863); *C. F. Nägelsbach*, Homerische Theologie, 2 Aufl. bearbeitet v. G. Antenrieth, 1861 (1-е изд. 1840); *Schömann*, Griechische Alterthümer, I (3-е изд. 1871), стр. 20—87: Das homerische Griechenland; лѣтъ существуетъ еще много монографій, заключающихся отдѣльными сторонами тогдашней нравственности, напримѣръ, *Platner*: Notiones juris et justitiae ex Homeri et Hesiodi carminibus (1819); *Allihn*, De idea justitiae qualis fuerit apud Homerum et Hesiodum (1847).—Относительно послѣгомеровской этики см. *Nägelsbach*, Nachhomerische Theologie (1857), гдѣ на стр. 485 представленъ перечень сочиненій объ этическихъ воззрѣніяхъ различныхъ греческихъ писателей.—*Всеобщія изложенія развитія греческой религіи* указаны у *Германа*: *Herрманн*, Lehrbuch der gottesdienstlichen Alterthümer (2-е изд. 1858), стр. 1, къ чему еще можно прибавить: *E. R. Lange*, Einleitung in das Studium der griechischen Mythologie (1825); *Benj. Constant*, De la religion considérée dans sa source etc. (5 т. 1824—1831); *Alfr. Maury*, Histoire des religions de la Grèce antique (3 т. 1857—1859); *Лануца*, Ueber den Entwicklungsgang des griechischen und römischen Lebens въ его Studien des classischen Alterthums (1854) стр. 45—72; *Welcker*, Griechische Religionsgeschichte (1853), и др.—Литература относительно развитія религіознаго вообще слишкомъ обширна, чтобы могла быть здѣсь указана. См., впрочемъ: *Peterson*, Religion oder Mythologie, Theologie und Gottesverehrung der Griechen въ *Ersch und Gruber's Allg. Encykl.* LXXXII (1865), стр. 60—69. Краткій перечень важнѣйшихъ сочиненій по этому предмету находятся и въ соч. *Caspari*, Urgeschichte der Menschheit (1873), I, стр. 300, въ прил., къ чему еще можно прибавить: *L. Feuerbach*, Theologie nach den Quellen des classischen, hebräischen und christlichen Alterthums (1857), въ его *Sämmtliche Werke* т. IX; *S. Baring-Gould*, The Origin and Development of Religious Belief, 2 т. (1871); наконецъ и самого *Каспари* *Urgeschichte der Menschheit*, I, стр. 261: «Uraufänge des religiösen Lebens», и II, стр. 1 «Die Feuererfindung und ihr Einfluss auf die Entwicklung der Religion».

мена, можно довольствоваться характеристикой взглядовъ только нѣкоторыхъ личностей, напримѣръ, Пиндара, Эсхила, Софокла, Геродота и др., заслуживающихъ особеннаго вниманія въ исторіи этического развитія. Такой трудъ значительно облегчается еще слѣдующими обстоятельствами. Вопервыхъ, пробудившійся въ историческое время субъективизмъ писателей служитъ причиною того, что мы въ нихъ находимъ болѣе богатый матеріалъ для изложенія ихъ взглядовъ¹⁾. Во вторыхъ, опредѣленность самого того времени, когда они жили, дѣлаетъ, въ большинствѣ случаевъ, излишнимъ трудъ опредѣленія того мѣста, которое занимаютъ эти взгляды въ исторіи развитія нравственности и религіи вообще. Наконецъ, для характеристики историческихъ личностей въ разсматриваемомъ отношеніи, бываетъ иногда достаточно указать только на тѣ взгляды, которые представляютъ отпечатокъ высшаго развитія сравнительно со взглядами личностей, имъ предшествовавшихъ. Если же при этомъ являются какія-либо сомнѣнія, то представляется, между прочимъ, нѣкоторая возможность устранить ихъ при помощи сравненія со взглядами современниковъ.

Всего этого мы лишены при изслѣдованіи нравственныхъ взглядовъ до-историческаго времени²⁾. Ученые, пользуясь богатымъ матеріаломъ гомеровскихъ пѣсней, ограничивались, повидимому, указаніемъ только тѣхъ сторонъ бытовой и нравственной жизни народа, которыя не представляли собою яркаго контраста съ извѣстными уже чертами болѣе позднихъ временъ. Не придерживаясь ясно опредѣленной системы, они, тѣмъ не менѣе, выдѣляли изъ предѣловъ своего матеріала многія данныя, которыя могли противорѣчить составленному разъ понятію о гомеровской нравственности на основаніи общаго впечатлѣнія, вынесеннаго изъ чтенія пѣсней Гомера. Такимъ образомъ, многія гомерическія сказанія, и особенно тѣ, въ которыхъ главную

¹⁾ См. *Steinthal*, *Der Durchbruch der subjectiven Persönlichkeit bei den Griechen* въ *Zeitschr. f. Völkerpsychologie*, II (1862), стр. 279.

²⁾ Замѣтимъ здѣсь, что сочиненіе *Уварова*: *Ueber das vorhomerische Zeitalter* (отпечатано въ его *Etudes de Philologie* 1845) сюда не относится. Этотъ трудъ представляетъ остроумную, но неудачную попытку доказать традиціонную связь между мистеріями позднѣйшей Греціи и предполагаемымъ первоначальнымъ мистицизмомъ Индогерманцевъ до ихъ разъединенія. Самъ же авторъ въ своемъ *Essai sur les mystères d'Éleusis* (тамъ же, стр. 81 и слѣд.) указалъ на отсутствіе всякихъ слѣдовъ этихъ мистерій въ гомерическихъ пѣсняхъ. На счетъ книги *Баллофена*, *Das Mutterrecht*, см. § 1, прим. 3.

роль играетъ какое-либо божество, были признаваемы негодными для того, чтобы служить основаніемъ для выводовъ о нравственности; причемъ, чаще всего этимъ сказаніямъ приписывали одно лишь символическое или аллегорическое значеніе, а иногда просто оставляли ихъ безъ вниманія, даже не считая нужнымъ придумывать для этого какое-нибудь оправданіе¹⁾.

Понятно, что подобнаго рода отсутствіе системы, извинительное, пожалуй, при составленіи картины гомеровскаго вѣка, должно, однако, считаться очень вреднымъ при возстановленіи болѣе древнихъ фазисовъ нравственнаго развитія, и мѣшающимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, составленію вѣрнаго понятія о развитіи нравственности вообще. Отрицая нравственное значеніе во многихъ сказаніяхъ, дошедшихъ до насъ изъ глубочайшей старины, мы, этимъ самымъ, лишаемъ себя возможности получить понятіе о нравственности той эпохи, когда эти сказанія сложились въ известной намъ формѣ. Только благодаря такому отсутствію историческаго такта, дѣлается понятнымъ то обстоятельство, что, до послѣднихъ временъ, нѣкоторые ученые все еще смотрятъ на гомеровскую религію и нравственность, какъ на заблужденіе или отпаденіе отъ откровенныхъ ископи вѣковъ божественныхъ истинъ, вмѣсто того, чтобы признать

¹⁾ Такъ поступать, между прочимъ, и Негельсбахъ. См., напримеръ, *Nägelsbach, Homerische Theologie*, стр. 250: Züchtigkeit im Wandel und ehrbare Gesinnung bei aller Aufrichtigkeit des Gefühls bethätigt sich bei des Dichters (Homers) Jungfrauen und reifenden Jünglingen durchaus. Wo Verführungen vorkommen, sind in der Regel Götter oder Göttinnen theilhaftig. Негельсбахъ, самъ отвергающій символическое толкованіе мифовъ, прибѣгаетъ иногда, однако, къ этому средству. Не считая возможнымъ пользоваться многими сказаніями, какъ данными для исторіи нравственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая лишать эти сказанія всякаго значенія, онъ говоритъ тамъ же, стр. 3: «Müller (Ostfried) findet insbesondere bei den ärgerlichen und unwürdigen Göttergeschichten die Längnung aller Bedeutsamkeit widersinnig. Darum wagen wir auch nicht in der Mythe von Zeus' Fesselung, in der von Zeus und Typhoeus, in Zeus' goldener Kette, in Here's Bestrafung, in Here's Verbergung des lahmgeborenen Hephaistos, in der Fesselung des Ares durch Otos und Ephialtes, vielleicht auch in der unorganisch eingeschachtelten Theomachie, in Helios' Rindern und Anderem, Ueberbleibsel uralter Symbolik zu verkennen, wenn wir uns gleich mit physikalischen Deutungen der Ilias und Odyssee im Ganzen.... auch nicht im entferntesten befreundet können. Какъ будто Отфридъ Мюллеръ когда-либо останавливалъ символическое толкованіе мифовъ! Напротивъ, какъ известно, онъ считается главнѣйшимъ противникомъ его. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что Symbolik и physikalische Deutung — двѣ вещи разные.

въ нихъ, напротивъ, болѣе высокую ступень развитія сравнительно съ той, которая должна была предшествовать имъ при болѣе грубыхъ понятіяхъ.

§ 6.

Спиритуалистическіе взгляды на миом.

Wie ungern hören wir doch alle zu und wie unglaublich, wenn ein aufdringlicher Scharfsinn den feinsten Bau unsers Innern zu zergliedern sucht, und wie wenig imponirt uns die gelassene Zuversicht, die von allgemeinen Gesichtspuncten aus dieser bestimmten Mischung unserer Anlagen ihre nothwendige Entwicklung voraussagen möchte! *Lotze.*

Давно уже *Отфридъ Мюллеръ* обратилъ вниманіе на миомъ, какъ на *прямое* выраженіе міросозерцанія младенческаго ума народовъ. Отвергая толкованіе символическое и аллегорическое, онъ придавалъ миоамъ особое, *научное* значеніе и впервые указалъ на ихъ важность для *исторіи развитія человѣческаго духа*, наука, о которой, какъ онъ самъ справедливо замѣчаетъ, не существовало тогда еще почти ни малѣйшаго понятія ¹⁾. Съ чрезвычайною послѣдовательностью отстаивалъ онъ мѣнше, что въ миоахъ народъ видѣлъ чистую истину, безъ всякой примѣси поэтическихъ прикрасть, безъ символизма и аллегорій ²⁾. Даже самыя измѣненія, которымъ подвергались миомъ, онъ остро-

¹⁾ *K. O. Müller, Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie* (1825), стр. 121: Wir haben hier mit einer *Weltanschauung* zu thun, die der unsern fremd ist, und in die es oft schwer hält sich hinein zu versetzen; den Grund derselben anzugeben, liegt der historischen Mythenforschung nicht ob; sie muss dies der höchsten aller geschichtlichen Wissenschaften, einer—in ihrem innern Zusammenhange kaum noch geahnten — *Geschichte des menschlichen Geistes* überlassen.

²⁾ См. *то же* *Kleine deutsche Schriften*, II (2-е изд. 1848 г.), стр. 21, гдѣ, критикуя книгу Крейцера (*Creuzer, Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen*, 2-е изд. 1814—1822 г.) онъ замѣчаетъ: Referent dagegen—mit dem Verfasser dazü einverstanden, dass die Mythen Bedeutung haben und nicht bloß entstellte Erzählungen von Facten oder Spiele willkürlich schaffender Phantasie sind—glaubt doch, dass, wo wir die Entstehung eines Mythos mit Sicherheit verfolgen können, die dabei obwaltende Thätigkeit des Geistes eine ganz andere sei, als absichtliche Einkleidung einer Lehre in *sinnbildliche* Sprache; dass sich dem Gemüthe das Gedachte stets auch gleich wirklich vorhanden und sich begebend darstellte, wodurch es eben erst Gegenstand einer Erzählung, eines *μῦθος* werden konnte, Ср. *Prolegomena*, стр. 123: Ich glaube wer sich in die Denk- und Anschauungsweise jener alten Menschen hineinzusetzen sucht, wird einsehen: was Hesiod

умно объяснял тѣмъ обстоятельствомъ, что, именно благодаря непоколебимости вѣры въ истинность миссовъ, должны были со временемъ, при посредствѣ различныхъ комбинацій, основанныхъ на новыхъ понятіяхъ, явиться толкованіи этихъ миссовъ, принимаемыя за очевидную истину и образующія, такимъ образомъ, новые миссы¹⁾. Изъ этого взгляда вытекаетъ, что форма мисса, обыкновенно отдѣленная отъ его внутренняго содержанія, есть ничто иное какъ только существенная часть самаго содержанія. Поэтому также Мюллеръ и придаетъ особенно важное значеніе тѣмъ миссовымъ разказамъ, въ которыхъ богамъ приписываются непристойныя и унижающія, по нашимъ понятіямъ, поступки и качества, и называетъ направленіе, лишшающее эту „безнравственную форму“ всякаго значенія, просто нелѣпнымъ²⁾.

Однакожь, не смотря на то, что Отфридъ Мюллеръ не остался безъ послѣдователей³⁾, все-таки для изслѣдованія *нравственно развитія древнѣйшей Греціи* всѣ его указанія до сихъ поръ остались, на сколько мнѣ извѣстно, почти безплодными. Причиной этого страннаго явленія служатъ, повидимому, два обстоятельства. Съ одной стороны, большая часть классическихъ филологовъ, не успѣвъ усвоить себѣ выработанныхъ наукою понятій о постепенномъ развитіи вообще человечества, не могла ужиться и съ генетическимъ методомъ новѣйшей психологіи. Въ большинствѣ случаевъ этия только можно объяснить себѣ то странное обстоятельство, что многіе все еще стараются разглядѣть въ самыхъ началахъ человѣческаго развитія особенно возвышенныя возрѣнія⁴⁾. Съ другой стороны, все еще суще-

von Prometheus erzählt ist ein Mythos (разказъ), *keine Allegorie*; ср. тамъ же, стр. 87.

¹⁾ *Prolegomena*, стр. 123: Diese Veränderungen haben grösstentheils grade darin ihren Grund, dass man den Mythos für Wahrheit nahm...

²⁾ Тамъ же, стр. 356.

³⁾ Замѣчательнѣйшимъ между ними является теперь Гейнрихъ Дитрихъ Мюллеръ, авторъ неоконченнаго сочиненія: *H. D. Müller, Mythologie der griechischen Stämme* (I, II, 1 и 2, 1857—1869).

⁴⁾ Впрочемъ, не одни только классики заслуживаютъ подобнаго упрека; и могу и здѣсь также указать на Макса Мюллера, который, вслѣдствіе упомянутаго политическаго направленія, самые возвышенные религіозные взгляды отсылаваетъ въ древнѣйшихъ памятникахъ человѣческаго духа. *M. Müller, Essays*, I (1869), стр. XX и слѣд. Gibt es eine Thatsache, welche ein vergleichendes Studien der Religionen in das hellste Licht stellt, so ist es der unvermeidliche Verfall, dem jede Religion ausgesetzt ist... So oft wir eine Religion zu ihren ersten Anfängen zurück verfolgen können, finden wir sie in ihrem *ersten* (?) Stadium meist frei von den vielen Mängeln, die in ihren spätern Phasen Anstoss erregen. Die

ставуетъ направленіе, сознательно лишшающее себя всякой научной почвы, такъ какъ оно выводитъ всю нравственную жизнь человѣка отъ сверхъестественнаго начала. Къ сожалѣнію, въ классической филологіи, при изслѣдованіи нравовъ греческаго народа, это направленіе съ давнихъ поръ играетъ замѣчательную роль. Оно тинется отъ среднихъ вѣковъ вплоть до самаго новѣйшаго времени. Не удивительно, если мы находимъ въ среднія вѣка распространеннымъ такое воззрѣніе, что греческая религія, подобно всѣмъ прочимъ, представляетъ ничто иное, какъ только отпаденіе отъ откровенной религіи Евреевъ ¹⁾. Послѣдствіемъ его было, какъ извѣстно, то полезное направленіе ученыхъ, по которому они начали отыскивать и въ греческой жизни хорошія стороны, считая ихъ слѣдами первобытнаго откровенія ²⁾. Но уже трудно понять, почему даже и въ новѣйшее время проглядываютъ подобный взглядъ и притомъ у людей, заслу-

Gründer der alten Religionen der Welt waren, so weit wir urtheilen können, Männer von ungewöhnlicher Begabung etc. Но мы вѣдь не знаемъ этихъ основателей, а знаемъ болѣею частію только реформаторовъ. Впрочемъ, тутъ явно повліяла теорія Мюллера объ историческомъ паденіи языка, неизменно будто бы слѣдующемъ послѣ до-историческаго развитія его.

¹⁾ Гейлюст, ученый XVII вѣка, высказывая этотъ взглядъ, ссылается на Златоуста. По его мнѣнію, виновникомъ идолопоклонничества былъ никто иной какъ дьяволъ. *Genius, Victimae humanae* (1675), стр. 12: *Hujus autem (idolatriae) auctor primarius est Diabolus*. Визѣтъ съ идолопоклонствомъ повиднелся, по его мнѣнію, и человѣчьи жертвоприношенія; тамъ же, гл. III: *Victimae humanae; eorum prigo; tempus quo inciperint; causa eorum primaria Diabolus; secundaria oracula, sortes, vates, aruspices et per accidens mandatum Abrahamo datum de filio immolando*. Въ доказательство подобнаго происхожденія и греческаго обычая человѣчяихъ жертвоприношеній, онъ ссылается на Игнана; тамъ же, стр. 33: *Ita etiam Diabolus Achillem simulans voce ex ejus sepulcro edita efficit u Polyxena Trojana Priami filia ei jugularetur juxta Hyginum (!)*. Ср. *Hyg. fab.* 110.

²⁾ Сюда относятся сочиненія: *Tob. Pfaffneri, Systema theologiae gentilis purioris, qua quam prope ad veram religionem gentiles accesserint, per cuncta fere ejus capita, ex ipsis praecipue illorum scriptis ostenditur* (1679); *Gerh. J. Vossii, De theologia gentili et physiologia christiana* (1750). Объ этихъ сочиненіяхъ говорить Любкеръ въ статьѣ: *Der gegenwärtige Stand der religiösen Beurtheilung des class. Alterthums*, см. *Lübker's, Gesammelte Schriften zur Philologie und Pädagogik* (1852), I, стр. 61: *Dabei litten diese älteren Werke an dem aus einem missverstandenen apologetischen Eifer für das Alterthum hervorgegangenen Streben, eine grosse Annäherung desselben (zum Christenthum) in der Erhabenheit religiöser Ideen und der Reinheit sittlicher Maximen nachzuweisen, ohne dabei in die tiefere Einsicht... des hellenischen und römischen Bewusstseins... einzudringen*. На счетъ односторонняго взгляда самаго Любкера см. ниже въ прим.

жившихъ вполне имя ученыхъ, какъ, напримеръ, у Нгелъбаха ¹⁾, или еще ярче у Гладстона, который не только признаетъ несомнѣннымъ происхождение греческой религіи отъ еврейскаго откровенія, но даже старается возстановить традиціонную связь между истинами этого откровенія и греческими религіозными ученіями ²⁾. Были, впрочемъ, даже и такіе, которые, не довольствуясь болѣе вліяніемъ первобытнаго откровенія на развитіе Греціи, сочли необходимымъ доказывать *вліяніе христіанства* (sic) на возрѣвіи греческихъ философовъ и поэтовъ, жившихъ много столѣтій до Иисуса Христа ³⁾. Менѣе вре-

¹⁾ *Nägelsbach*, *Homerische Theologie*, 1-е изд. (1840), стр. 1. Онъ смотритъ на греческую религію, какъ на попытку добраться до вѣрнаго сознанія божества (*Gottesbewusstsein*), которое вышло въ Греціи вмѣстѣ съ явленіемъ первобытнаго откровенія. Во второмъ изданіи (1861), которое приготовилъ вѣрный послѣдователь Нгелъбаха, *Дутенрихъ*, относящееся сюда мѣсто, однако, устранено. Тутъ сказано только: *Wir finden die Quelle des heidnischen Gottesbewusstseins in jenem dem gottverwandten Menschengesist eingepflanzten Bestreben «Gott zu suchen, ob er ihn fühlen und finden möchte»* (*Apostelgeschichte* 17, 27) etc. (стр. 13). Тамъ же менѣе взглядъ Нгелъбаха всюду еще проглядываетъ, напримеръ, на стр. 194: *Denn war ihm (dem homerischen Menschen) auch der unmittelbare persönliche Verkehr mit der Gottheit eine sichere Quelle seines Wissens von der Gottheit, so ist derselbe doch bei der vom Dichter (Homer) besungenen Generation schon im Abnehmen.*

²⁾ *W. E. Gladstone*, *Studies on Homer and the Homeric Age* (1858, 3 vols.). Этого сочиненія въ оригиналѣ я не имѣлъ подъ рукою; въ переводѣ *Шустера*, *Gladstone's homerische Studien frei bearbeitet von A. Schuster* 1863, опущена глава о нравственномъ состояніи гомерическаго вѣка; тамъ же менѣе, переводчикъ оставилъ много чертъ того направленія автора, которое онъ, по прихвату одного англійскаго критика, называетъ *«hart krystallisirte Orthodoxie des englischen Homerikers»*. Тамъ, напримеръ, стр. 132, одинъ параграфъ носитъ заглавіе: *Die Hauptpunkte der göttlichen Offenbarung; важнѣйшему изъ откровенныхъ истинъ онъ считаетъ ученіе о единичности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о тринитности природъ божества (mysteriöse Vereinigung der Einheit mit der Dreiheit in der göttlichen Natur); на стр. 133, онъ говоритъ: Es leuchtet von selbst ein, wie leicht es war von diesen Traditionen aus einen Weg in die Hauptcorruptionen des Heidenthums zu finden. Der nächste Schritt aus der Lehre von der Trinität (онъ подразумеваетъ: Gott, Messias, Teufel) konnte der zum Polytheismus sein, während zu dem Dogma von der Menschenwerdung der Grund des griechischen Anthropomorphismus gelegt zu sein schien. Затѣмъ слѣдуетъ параграфъ: Die homerischen Gottheiten, welche als Vertreter der Hauptpunkte der göttlichen Offenbarung zu betrachten sind. Представителями Троицы въ Греціи являются Зевесъ, Посидонъ и Аидъ.*

³⁾ На этой почвѣ основано сочиненіе *Шнейдера*, отыскивающаго даже у Гомера слѣды христіанства. *Schneider*, *Christliche Klänge etc.* (Сборникъ изрѣ-

день взглядъ тѣхъ ученыхъ, которые, хотя и признають теорію откровенія, но подвергаютъ ее особому мистическому толкованію, а именно въ томъ смыслѣ, что откровеніе будтобы явилось самостоятельно не у однихъ только Евреевъ, но и у другихъ народовъ, преимущественно же у Римлянъ и Грековъ ¹⁾).

Такимъ образомъ, эти ученые, выводя нравственность первобытной Греціи изъ столь возвышеннаго начала, какъ божественное откровеніе, уже въ силу самой послѣдовательности, не могли придавать безнравственнымъ сторонамъ жизни греческихъ боговъ значенія при составленіи выводовъ о первобытной нравственности самихъ Грековъ ²⁾. Очевидно, что подобное направленіе не могло не помѣшать трезвому изслѣдованію развитія нравственности въ Греціи.

_____

чемъ древнихъ писателей, въ которомъ матеріалъ расположенъ по порядку отдельныхъ фразъ Молитвы Господней, Символа Вѣры и Десяти заповѣдей). Замѣчательна серьезность, съ которою Любкеръ возражаетъ противъ подобнаго взгляда (я не знаю, чье именно сочиненіе онъ при этомъ имѣетъ въ виду). *Lübker, Gesammelte Schriften* II, p. 469: Man könnte doch versucht sein, dem von der ältesten Kirche bereits angenommenen λόγος σπερματικός einigen Einfluss auch auf die Entfarnere heidnische Vorzeit einzuräumen. Darnach möchte also Anklänge der Wahrheit in den erleuchtetsten Geistern der Vorwelt, Spuren einer tieferen Gotteserkenntniss, wenn auch nur in einzelnen zerstreuten Lichtblicken, erhalten sein. Wenn wir indessen nicht zufällige und entfernte Aehnlichkeiten mit wirklichen Ergebnissen der Offenbarung verwechseln und ein Walten des heil. Geistes annehmen wollen vor seiner Ausgießung, so werden wir ohne Zweifel die Wirkungen jenes λόγος auf Erscheinungen in der Heidenwelt zur Zeit des erfolgten Eintritts des Christenthums beschränken müssen.

¹⁾ Представителемъ этого мистическаго явленія является даровитый *Laso*, труды котораго, собранные въ *Lasaux, Studien des classischen Alterthums* (1854), представляютъ много хорошаго. Взглядъ его на значеніе древнихъ религій всего определеннѣе высказался въ его сочиненіи: Ueber die Räter des Königs Numa, ein Beitrag zur Religionsphilosophie, 1847 (Studien, стр. 92 и слѣд.), гдѣ, между прочимъ, говорится, стр. 135: Diese Erklärung (Tertullians) der Uebereinstimmung Moaischer und Numaischer Institutionen aus des Teufels Gewalt begehre ich nicht zu vertheidigen... Die Ansicht aber von einer der Stellung Mosis zu Christus parallelen Stellung Numas nehme ich von dem christlichen Apologeten gerne an. Сравни *Tertullianus, De praescriptione haereticorum*, 40: Diabolus, cujus sunt partes invertendi veritatem, ipsas quoque res sacramentorum divinarum in idolorum mysteriis aemulatur. Мнѣніе, что дьяволъ присвоивалъ себѣ изрѣченія пророковъ съ тѣмъ, чтобы злоупотреблять ими для гибели человѣчества, было высказано Іустиномъ младшеемъ и затѣмъ часто повторялось Климентомъ Александрійскимъ, Тертуліаномъ, Лактанціемъ и другими. См. *Lasaux, Studien*, стр. 134, прим. 206.

²⁾ *Gladstone's* homerische Studien bearb. von Schuster, стр. 246: Es kann als

Напротивъ, другіе ученые, не признающіе никакой связи между возвышенными откровенными истинами Священнаго Писанія и развитіемъ греческой нравственности, дѣлаютъ противоположную ошибку, отрицая всякую аналогію между Евреями и Греками, даже и тамъ, гдѣ противъ очевидности сходства извѣстныхъ взглядовъ и понятій они не могутъ привести ни одного аргумента ¹⁾. Эти ученые всякое сближеніе азычской религіи съ еврейскимъ ученіемъ, среди котораго впоследствии появилось и христіанство, считаютъ чѣмъ-то въ родѣ святотатства ²⁾.

Между тѣмъ, такихъ ученыхъ, которые рассматривали бы развитіе греческаго народа безъ всякихъ предвзятыхъ теорій относительно „сверхъестественнаго происхожденія религіозности“ было очень немного ³⁾.

—
 allgemeine Regel aufgestellt werden, dass, wo das göttliche Leben des Olympos das menschliche Leben reproducirt, dieses in erniedrigter Form geschieht. Im allgemeinen ist das Hauptmerkmal der homerischen Gottheit Emancipation von den Schranken des menschlichen Gesetzes. Mit den Menschen verglichen, werden sie durch überlegene Kraft und Intelligenz aber durch geringere Moralität charakterisirt.

¹⁾ Такъ напримѣръ, *Любкеръ* въ своихъ Aphorismen über Christenthum und Heidenthum (Gesammelte Schriften, II, стр. 463—483). Онъ придерживается теологическаго и, притомъ, самаго ортодоксальнаго направленія. Ср. выше прим. 11.

²⁾ Въ этомъ отношеніи очень справедливо замѣчаніе *Макса Мюллера*, Essays, I, стр. XXIV: Ich weiss, die meisten Menschen haben einen stillen Widerwillen gegen jeden Versuch, der ihre eigene Religion als eine von mehreren, oder als zu einer Klasse gehörig hinstellt. In gewissem Sinne ist dieses Gefühl vollkommen berechtigt. Für jeden Einzelnen ist seine Religion, wenn er anders daran glaubt, etwas von seinem innersten Wesen so Unzertrennliches, etwas in seiner Art so Einziges, dass es mit nichts Anderem ersetzt werden kann. Unsere Mutter-Religion ist in diesem Sinne etwas wie unsere Mutter-Sprache. Въ виду всѣхъ ошибокъ, вытекающихъ изъ неправильнаго сравненія древности съ нашимъ христіанствомъ, приходится чуть-ли не согласиться съ одностороннимъ мнѣніемъ *Fustel de Coulanges*, La Cité antique, стр. 2: Pour connaître la vérité sur ces peuples anciens, il est sage de les étudier sans songer à nous, comme s'ils nous étaient tout à fait étrangers, avec le même désintéressement et l'esprit aussi libre que nous étudierions l'Inde ancienne ou l'Arabie (sic).

³⁾ *Böttiger*, Ideen zur Kunstmythologie, I (1826), стр. 3: Wir betrachten das Menschengeschlecht hier in der ersten Epoche des Naturzustandes und allmählicher Vermenschlichung, ohne uns auf die Frage einzulassen, war dieser Zustand nur Verwilderung und Ausartung, oder war dies wirklich die allererste Stufe. *Ламбургъ Брауеръ*, отклоняя съ большою смѣлостью всю (?) теорію откровенія, признаетъ, повидимому, естественное развитіе «религіи» у Грековъ. *Limbourg-Brower*, Histoire de la Civilisation des Grecs, II (1834), стр. 3: ...je ne crois pas, que le théisme (sic) ait constitué la toi primitive des peuples, dont nous nous

При господствѣ подобныхъ одностороннихъ взглядовъ неудивительно и то невниманіе къ смыслу и значенію мифовъ, о которомъ уже упомянуто выше. Здравое и чисто научное направленіе *Кюна* ¹⁾, *Дачаруса* и *Штейнталля* ²⁾, *Альбрехта Вебера* ³⁾, *Герлаанда* и др. еще не успѣло проявить свое вліяніе на классическую науку вообще ⁴⁾ и на пониманіе греческихъ мифовъ въ частности. Вслѣдствіе этого, до послѣдняго времени тянется то символическое, то аллегориче-

occipons dans ce moment. Je ne le crois pas, parceque le théisme, n'étant pas le fruit d'une révélation immédiate, ne sauroit être que l'effet d'un développement remarquable de l'intelligence humaine, que ce développement ne se fait pas subitement, mais par degrés, et que sa marche est lente et même difficile. Изъ осторожности, съ которою онъ тутъ выражается, мы можемъ заключить о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми долженъ былъ бороться болѣе свободный взглядъ на развитіе и значеніе греческой религіи. Тамъ же приведены слѣдующія слова другаго ученаго, высказанныя 15 лѣтъ раньше: (*Gottfried Hermann*, Ueber das Wesen (und die Behandlung) der Mythologie (1819), стр. 36: Der Begriff eines einzigen Gottes setzt schon einen so hohen Grad von Geistesbildung voraus, dass es schlechterdings unmöglich ist diesen Begriff für eher entstanden zu halten, als die Vorstellung von mehreren Göttern. Ebe der Mensch sich zu dieser Idee erheben könnte, musste er erst die Erscheinungen der sinnlichen Natur in den Begriff einer Welt zusammengefasst haben, und welche lange Zeit mag wohl nöthig gewesen sein, um erst dahin zu gelangen? Въ новѣйшее время болѣе рациональнаго направленія придерживается преимущественно *Ганъ* (*J. G. von Hahn*, Sagwissenschaftliche Studien съ 1871 г.). *Blanckie*, A scientific Method in the Interpretation of Popular Myths, with special reference to Greek Mythology изъ Transact. of the R. Soc. of Edinburgh, XXVI, 1, я не имѣю подъ рукою.

¹⁾ *Kuhn*, Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks (1859).

²⁾ Психологи школы *Гербарта*, представители новой науки, такъ называемой *психологіи народовъ* (*Völkerpsychologie*), занимающейся изслѣдованіемъ развитія *человѣческаго духа*, то-есть, именно, той науки, на необходимость которой указывалъ уже *Отфридъ Мюллеръ* (см. прим. 1). Органомъ ихъ направленія служить, издаваемый ими, журналъ: *Zeitschrift f. Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*, herausg. v. *M. Lazarus* и *H. Steinthal* (съ 1859 года; вышло уже неполна семь томовъ). Со времени появленія новой науки оказалось, что наши исторіи философіи, литературы и проч. заслуживаютъ только въ очень ограниченномъ смыслѣ названіе исторіи челоѣческаго духа, которое они прежде присвоивали себѣ исключительно.

³⁾ Издатель журнала *Indische Studien* (съ 1849 года 12 томовъ).

⁴⁾ Трудъ *Fustel de Coulanges*, La Cité antique, Etude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome, 1864 (переводъ *Бабкина* 1867 года), представляющій много новыхъ и остроумныхъ взглядовъ, отличается, къ сожалѣнію, поверхностнымъ приемомъ и отсутствіемъ достаточнаго ученаго аппарата. Сравни, впрочемъ, похвальный отзывъ *Донасыева* въ *Археологическомъ Вѣстникѣ* 1867 г. стр. 120 слл.

свое, или, что еще хуже, даже просто поэтическое толкование мифовъ. Лучшимъ примѣромъ, въ послѣднемъ отношеніи, служитъ *Преллеръ*, который въ мифахъ видитъ только поэтическую передачу фактовъ и убѣжденій, безъ притязанія на вѣру въ истинность ихъ содержанія ¹⁾. Въ германской филологіи чуть-ли не подобнаго взгляда на мифы придерживается *Зимрокъ*, который видитъ въ нихъ истину, облеченную въ поэтическую форму, причемъ, однакожь, онъ признаетъ, что мифы когда-то служили предметомъ вѣрованія, на видѣвшаго въ нихъ поэзіи ²⁾.

Я представилъ здѣсь въ краткихъ чертахъ главныя причины, препятствовавшія правильному изслѣдованію нравственности древнѣйшей Греціи и особенно препятствовавшія пользоваться мифами, какъ

¹⁾ *Preller*, Griechische Mythologie, I (3-е изд. 1872), стр. 1, прим. 1: *Mühen sind eigentlich Reden, Erzählungen von $\mu\upsilon\theta\acute{o}\tau\alpha\iota$, wie fabulae von facti und narrare Mären und Sagen, speciell die religiösen und poetischen Ueberlieferungen von der Vorzeit der Götter, Helden und Wunder, welche ohne Anspruch auf historische oder philosophische Wahrheit zu machen (!), den Kern der Ueberzeugungen und Thatsachen des Ältesten nationalen Lebens der Griechen in bildlicher Form überlieferten und von den Dichtern, Künstlern, Historikern und Philosophen meist sehr frei behandelt wurden.*

²⁾ *K. Simrock*, Handbuch der Deutschen Mythologie mit Einschluss der nordischen (3-е изд. 1869), стр. 1 сл.: *Der Mythos enthält also Wahrheit in der Form der Schönheit: der Mythos ist Poesie, die älteste und erhabenste Poesie der Völker. Er ist Wahrheit und Dichtung zugleich, Wahrheit dem Inhalte, Dichtung der Form nach. Die in der Form der Schönheit angeschaute Wahrheit ist eben Dichtung, nicht Wirklichkeit: Wahrheit und Wirklichkeit werden nur zu oft verwechselt. Wirklich ist der Mythos nicht, gleichwohl ist er wahr. (Я долженъ, впрочемъ, признаться, что послѣднихъ еразъ не понимаю. Подозрѣваю, однако, что я самъ авторъ не давалъ себѣ яснаго отчета о томъ, что именно онъ самъ понимаетъ подъ словами: Schönheit, Dichtung, Poesie, Wahrheit, Wirklichkeit). Дальше онъ продолжаетъ: So lange die Mythen noch Gegenstand des Glaubens blieben, durfte man nicht sagen, dass diese Gedankenbilder nicht wirklich seien, dass die Dichtung Antheil an ihnen habe: sie wollten unmittelbar geglaubt, für wahr und für wirklich zugleich gehalten werden. Это казалось бы понятнымъ, но вслѣдъ за тѣмъ авторъ говоритъ: Es gab also damals nur Mythen, noch keine Mythologie, denn die Dichtung der Mythen, die höchste Aufgabe der Mythologie, war untersagt (!). Какъ можно говорить о невозможности толкованія того, что считалось «истиннымъ и видѣть съ тѣмъ действительнымъ?» — Можно сказать, что слова Dichtung и Wahrheit, употребляемыя *Зимрономъ* съ заимствованною у *Гёте* неопредѣленностью ихъ значенія, характеризуютъ всю его книгу. Мы едва ли существенно ошибемся, если, для большей наглядности, подъ словомъ Wahrheit будемъ понимать ея «содержаніе» (преимущественно результаты трудовъ *Гримма*), а подъ Dichtung — «форму», которую придавалъ *Зимрокъ* этому содержанію.*

однимъ изъ лучшихъ пособій для этой послѣдней. Но возвратимся къ взгляду Отфрида Мюллера на мифы.

§ 7.

Происхождение и значеніе мифовъ.

Важнѣйшая заслуга *Отфрида Мюллера* состоитъ, между прочимъ, въ той энергіи, съ которою онъ отвергалъ опасную теорію *Крейцера* о жреческомъ сословіи, придумывающемъ мифы для народа,—теорію, служившую главнымъ основаніемъ для символическаго и аллегорическаго толкованія мифовъ. Свой взглядъ Мюллеръ высказалъ очень опредѣленно. „Я нахожу, говоритъ онъ ¹⁾, просто немислимымъ, чтобы отдѣльная личность могла являться изобрѣтателемъ мифа, то-есть, изобрѣтателемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, въ какомъ мы его понимаемъ. Поэтому въ изслѣдованіи происхожденія мифовъ считаю необходимымъ устранить это понятіе изобрѣтенія, разумнаго подъ нимъ свободнаго, сознательнаго облеченіе въ форму истинны вѣщей, создаваемыхъ какъ ничто придуманное. Импривизаторъ мифа, стоя на одномъ уровнѣ со своими слушателями, чувствовалъ и думалъ никакъ не иначе какъ и его слушатели. Поэтому о немъ можно сказать только то, что онъ служилъ лишь орудіемъ передачи мысли всего общества и отличался однимъ искусствомъ — найти прежде всѣхъ форму и выраженіе того, что одинаково воодушевляло и всѣхъ прочихъ“ ²⁾. Это отрицаніе элемента индивидуальности, въ смыслѣ сознательнаго, нарочнаго придумыванья, одинъ ученый справедливо называетъ „самымъ необходимымъ условіемъ для вѣрнаго пониманія древнихъ мифовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—принципомъ, признаніе или отверженіе котораго раздѣляетъ взгляды всѣхъ мифологовъ на два совершенно противуположные лагеря“ ³⁾. Отвергнувъ теорію о вліяніи жреческаго сословія, и лишивъ, такимъ образомъ, основанія теорію символизма, *Отфридъ Мюллеръ* подготовилъ почву для пониманія мифовъ, какъ явленій, не отличающихся существенно отъ результатовъ дѣятельности чистаго разсудка.

¹⁾ *K. O. Müller, Prolegomena, стр. 111 сл.*

²⁾ См. тамъ же стр. 112: So ist er nur der Mund, durch den Alle reden, der gewandte Darsteller, der dem, was Alle aussprechen möchten zuerst Gestalt und Ausdruck zu geben das Geschick hat.

³⁾ *Бауръ* въ рецензіи книги Мюллера въ *Jahn's Jahrbucher f. Philol. u. Pädag.* 1828, стр. 7. Ср. *Strass, Leben Jesu, 1* (3-е изд. 1838), стр. 104.

Давидъ Штраусъ, придерживающійся взгляда Мюллера, признаетъ, что мифы могли только со временемъ послужить предметомъ поэтической или религіозно-прагматической передѣлки въ рукахъ отдѣльныхъ даровитыхъ личностей. Между прочимъ, онъ думаетъ, что подобной участи подвергся и весь кругъ сказаній о Троѣ. Однако и тутъ онъ считаетъ необходимымъ устранить предположеніе свободнаго придумыванія или изобрѣтенія ¹⁾. Все чудесное въ такихъ разказахъ, все, что мы называемъ мифомъ, будучи по его мнѣнію плодомъ сильнаго воображенія, не представляло, однако, въ свое время, ничего невѣроятнаго и пользовалось полнѣйшею вѣрой со стороны самого разказчика. Штраусъ остроумно замѣчаетъ, что и всѣ тѣ научные выводы, которые впоследствии оказались невѣрными, ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ произведеній фантазій, играющей въ необразованномъ обществѣ ту же роль, какую въ образованномъ играть расудокъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ примѣръ изъ Ливія, который предполагаемое обиліе религіозныхъ учрежденій Нумы столь же невѣрно объясняетъ политическими соображеніями, какъ простой народъ это же самое явленіе объясняетъ сношеніями Нумы съ Эгеріей ²⁾. И то и другое оказалось, со временемъ, ошибочнымъ; даже самъ объясняемый фактъ оказался мифомъ, то-есть, объясненіемъ другаго факта (обилія религіозныхъ учреждений въ Римѣ вообще). Но нѣтъ никакой основательной причины полагать, чтобы эти мнѣнія въ свое время не считались несомнѣнными истинами ³⁾.

¹⁾ *Stroass*, въ указанномъ мѣстѣ: ...die meisten mythischen Erzählungen, welche uns aus dem Alterthum aufbehalten sind, wie der troische, der mosaische, Sagenkreis, liegen in dieser überarbeiteten Gestalt uns vor. Hier nun scheint absichtliche Erdichtung sogleich sich einmischen zu müssen; doch auch nur von *unrichtigen Voraussetzungen* aus. Es ist nämlich unsrer verständigen und kritischen Zeitbildung fast unmöglich, sich in eine Zeit und Bildung zurückzuversetzen, in welcher die Phantasie so kräftig wirkte, dass ihre Gebilde in dem Geiste denselben selbst, der sie schuf, sich zu Wirklichkeiten verfesten konnten. Allein *die nämlichen Wunder, welche in minder gebildeten Kreisen die Phantasie, thut ja in gebildeten der Verstand.*

²⁾ *Livius*, I, 19. *Stroass*, въ указанномъ сочиненіи, стр. 105.

³⁾ Штраусъ указываетъ на незнакомую мнѣ, въ соисканію, книгу: *George, Mythos und Sage, Versuch einer wissenschaftlichen Entwicklung dieser Begriffe und ihres Verhältnisses zum christlichen Glauben*, гдѣ на стр. 26 слл. авторъ доказываетъ, что всякій ученый, налагающій на вопльъ ему извѣстное прошедшее, сочиняетъ несомнѣнно мифъ. — Указать множество примѣровъ подобнаго мифовъ въ наукѣ, конечно, не трудно.

Штраусъ допускаетъ, однако, важную ошибку, называя одинъ и тотъ же источникъ мифовъ то воображеніемъ (когда говорятъ о не-образованномъ обществѣ), то разумомъ, (когда имѣетъ въ виду образованныхъ людей). Онъ упускаетъ изъ вниманія, что низкая ступень дѣятельности разсудка принимаетъ только въ нашихъ глазахъ видъ фантазіи или поэзіи, но для того, чтобы быть ей настоящею поэзіей, ей не достаетъ самаго существеннаго признака, именно — *сознанія нереальности своего содержанія*. Результаты этой дѣятельности занимаютъ, въ свое время, мѣсто науки. Если же мы древнюю науку назовемъ фантазією, то какъ придется назвать древнюю фантазію? Для насъ, желающихъ воспользоваться мифами какъ источниками, обращеніе вниманія на ихъ происхожденіе является на столько умѣстнымъ, что я считаю позволительнымъ объяснять выскачаную мною мысль примѣромъ.

Въ Одиссеѣ Аѳина, желая утѣшить печальную Пенелопу пріятнымъ свидѣніемъ, которое бы предвѣщало возвращеніе ея сына, Телемака, создаетъ *призракъ*, которому придаетъ видъ Ифѳемии, сестры Пенелопы, и посылаетъ его съ вѣстію къ успавшей въ слезахъ Пенелогѣ. Призракъ проникаетъ въ спальню сквозь то же самое отверстіе въ дверяхъ, черезъ которое былъ продѣтъ ремешъ, служившій для запиранія дверей ¹⁾. Исполнивши порученіе Аѳины, призракъ опять исчезаетъ тѣмъ же путемъ ²⁾. На первый взглядъ, этотъ мифическій разказъ представляется намъ свободнымъ поэтическимъ произведеніемъ, или просто игрою воображенія. Но, всмотрѣвшись попристальнѣе, мы убѣдимся, что поэтическое толкованіе здѣсь неумѣстно, а что этотъ разказъ слѣдуетъ понимать совсѣмъ иначе,

¹⁾ Въ новыхъ сказкахъ этому отверстію соответствуетъ ключевница.

²⁾ *Odys.* IV, 796 vq. et 838 sq.

εἰδωλον ποίησε, δέμας δ' ἦϊκτο γυναίκεν,
 Ἰφθίμη, κόρη μεταλήτορος Ἰκαρίου,
 τὴν Ἐὐμήλος ὄπισθε, Φερῆς ἐνὶ σίκια ναύων.
 πέμπε δὲ μιν πρὸς δώματ' Ὀδυσσεύος θεοῖσι,
 εἶπε Πηνελόπειαν, ἄδυρομένην γούωσαν,
 παύσειε κλαυθμοῖο γούοιό τε δακρυόεντος.
 ἐς ψάλαμον δ' εἰσῆλθε παρὰ κληίδος ἱμάντα,
 ατῆ δ' ἄρ' ὑπὲρ κεφαλῆς καὶ μιν πρὸς μῦθον εἶπεν κ. τ. λ.
 . . . . .
 ὡς εἶπόν σταθμοῖο παρὰ κληίδα λιδοθήη
 ἐς πνοίας ἀνέμων.

именно, какъ *научное объясненіе известнаго явленія*. Если мы только допустимъ, что вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, Пенелопа должна была, по убѣжденію пѣвца, видѣть во снѣ свою сестру, предвѣщающую ей возвращеніе Телемака, — въ чемъ пѣть ничего невѣроятнаго, — то все прочее окажется самымъ трезвымъ соображеніемъ тогдашняго младенческаго ума. Пенелопа, спящая въ запертой комнатѣ, увидала Ифѳиму: въ возможности этого факта не можетъ быть, по мнѣнію пѣвца, ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ подобныя сновидѣнія очень часто случаются. Но какъ объяснить это явленіе? Предполагать, что въ данномъ случаѣ въ запертую спальню Пенелопы приходила сама Ифѳима — немислимо. Опытъ показываетъ, что, несмотря на присутствіе одного лица на *одномъ мѣстѣ*, другое лицо, находящееся въ *другомъ мѣстѣ*, можетъ видѣть первое лицо во снѣ. Нужно, слѣдовательно, объяснить иначе. Для простаго, неразвитаго ума тутъ представляется слѣдующая возможность. Ифѳима также точно спитъ въ это время какъ и Пенелопа; но во время сна *духъ ея блуждаетъ и посѣщаетъ*, между прочимъ, и сестру. Подобный взглядъ очень часто еще встрѣчается у необразованныхъ народовъ ¹⁾). Но и

¹⁾ Можетъ быть, слѣды этого очень грубого взгляда прослѣдимъ въ словахъ Пенелопы, спрашивающей мнимую сестру, *тамъ же*, 810:

τίπτε, κασιγνήτη, θεῶν ἤλυθες; οὐ τι πάρος γε
παῖδι', ἐπεὶ μάλα πολλὸν ἀπόπρωι δώματα ναίεις.

Замѣчательное уподобленіе души человѣка съ сновидѣніемъ мы находимъ, *Odys. XI, 221*:

ἐπεὶ κα πρῶτα λίκη λεῶν ὀσέα θυμός,
ψυχὴ δ' ἥος ὄνειρος ἀποπταμένη κελότηται.

Интересныя замѣчанія на счетъ сновъ и ихъ матеріальнаго пониманія мы находимъ въ *Böttigers Ideen zur Kunstmythologie, II (1836), стр. 476 — 480*, гдѣ между прочимъ говорится, стр. 477: Je roher der Mensch, je ungebildeter noch ein Volk ist, desto grösser und fester ist bei ihm der Glaube an Realität der Träume und Visionen. Сравни *E. B. Tylor, Researches into the early History of Mankind (1865), стр. 5—10*. Слѣдуетъ полагать, что грубое матеріальное воззрѣніе на сны легло даже въ основаніе выработавшихся, со временемъ, вѣрованій въ загробную жизнь, вообще, въ безсмертіе души. *Tylor, Primit. Culture, II (1871), тр. 21*: The soul, as recognized in the philosophy of the lower races, may be defined as an ethereal surviving being, conceptions of which preceded and led up to the more runcscendental theory of the immaterial and immortal soul, which forms part of the theology of higher nations... That this soul should be looked on as surviving beyond death is a matter scarcely needing elaborate argument. Plain experience is there to teach it to every savage; his friend or his enemy is dead, yet still in dream or open vision he sees the spectral form which is to his philosophy a real objective being, carrying

это объясненіе не могло долго устоять даже противъ самыхъ простыхъ соображеній. Часто мы видимъ во снѣ лица, которыя въ этотъ моментъ *не спятъ*, такъ что предположеніе о блуждающей душѣ этихъ послѣднихъ становится недѣльнымъ. Сознаніе гомеровскаго вѣва объясняетъ разсматриваемый фактъ слѣдующимъ образомъ. *Левина* — богиня, заботящаяся о благѣ всего Одиссеева семейства, — *сотворила этотъ призракъ* (сотворила она его, конечно, не въ нашемъ смыслѣ этого слова, то-есть, изъ ничего, а просто сдѣлала изъ какого нибудь вещества, хотя бы, напримѣръ, изъ тумана или облака) и послала его къ Пенелопѣ; немислимость другаго объясненія дѣлаетъ все это несомнѣннымъ. Затѣмъ спрашивается: какимъ же образомъ призракъ вошелъ въ запертую комнату? Отвѣтъ, что онъ вошелъ черезъ отверстіе въ двери, является столь естественнымъ и столь простымъ, что могъ казаться какъ будто новымъ подтвержденіемъ всей гипотезы о появленіи сновидѣнія. Наконецъ сновидѣніе исчезло. Поднѣйшее исчезновеніе существовавашаго предмета было, однако, немисливо. Значить, оно ушло опять чрезъ ту же щель, черезъ которую вошло. Куда призракъ потомъ дѣвался, приведенный отрывокъ намъ не говоритъ опредѣленно, — вѣроятно потому, что это само собою было понятно. Сказано только, что онъ улетѣлъ *ἐς πνοαῖς ἀνέμων*, то-есть, въ воздухъ. Можетъ быть, онъ тамъ и остался — выѣсть съ облаками, но могло быть и то, что онъ отправился въ страну сновидѣній, именно на востокъ, къ берегу рѣки Океана ¹⁾. Первое предположеніе кажется миѣ, однако, болѣе вѣроятнымъ. Впоследствии, какъ извѣстно, сновидѣніями, этими посланниками боговъ ²⁾, управляетъ, конечно, не кто иной, какъ извѣстный посолъ тѣхъ же боговъ, Эрміи (Гермесъ), который, поэтому, и называется предводителемъ сновидѣній ³⁾.— Впрочемъ, въ нашемъ мѣстѣ встрѣ-

personality as it carries likeness. This thought of the soul's continued existence is, however, but the gateway into a complex region of belief. Относительно религиознаго значенія сновъ смотри еще *L. Feuerbach, Theogonie (Sämmtliche Werke IX, 1857), стр. 263 и слѣд.*

¹⁾ *Одысс.* XXIV, 12 (Эрміи ведетъ души убитыхъ жениховъ въ Амду):

παρ' δ' ἴσαν Ὀκεανῷ τε ῥοαῖς καὶ Λευκάδα πέτρῃν,
ἥδ' ἔα παρ' ἡελίοιο πύλας καὶ δῆμον ὀνειρώων
ἦσαν.

²⁾ *Iliad.* II, 26 сновидѣніе говорить:

.. Διὸς δὲ τοι ἄγγελος εἰμί.

³⁾ *Нот. хулиг. in Merc.* 14: ἡγήτωρ ὀνειρώων.

чается одна фраза, требующая особаго объясненія. Тамъ, именно, говорится, что Пенелона „очень сладко дремала у ворота сновидѣній“¹⁾. Обыкновенно довольствуются тѣмъ объясненіемъ, что это только картинное выраженіе, означающее приближеніе сновидѣнія²⁾. Но на неумѣстность предполагаемой картинности, то-есть, въ томъ смыслѣ, какъ мы, напримѣръ, говоримъ: „у порога новаго года“ и т. п., указываетъ здѣсь уже то обстоятельство, что у Гомера дѣйствительно существуютъ ворота, ведущія въ страну сновидѣній: „Ибо существуютъ двоякія ворота непостоянныхъ (?) сновидѣній (то-есть, правдивыхъ и обманчивыхъ): одни сдѣланы изъ роговъ (украшены рогами?), другія изъ слоновой кости“³⁾. Выраженіе *κνώσσοισ' ἐν ὄνειρεῖσι πόλῃσι* означаетъ, повидимому, понятіе сна, сопровождаемаго сновидѣніями. Я полагаю, что въ немъ мы должны видѣть слѣды другаго, но тоже рациональнаго взгляда на сновидѣнія, именно, что душа спящаго чловѣка отираляется къ странѣ сновъ, гдѣ она, не входя въ самое обиталище, выжидаетъ появленія ихъ у ворота. Укажу здѣсь на замѣчательную аналогію подобнаго взгляда съ извѣстнымъ посѣщеніемъ Одиссея страны мертвыхъ, гдѣ онъ этихъ мертвыхъ, представляющихъ такъ много сходства съ сновидѣніями, тоже выжидаетъ у входа. Въ нашемъ мѣстѣ, конечно, первобытный смыслъ фразы очень затемненъ⁴⁾. Такимъ образомъ, всмотрѣвшись въ нашъ разказъ, мы должны, я полагаю, вполнѣ отказаться отъ поэтическаго или аллегорическаго толкованія его.

¹⁾ *Odyss.* IV, 809:

ἦδ' ὁ μάλ' κνώσσοισ' ἐν ὄνειρεῖσι πόλῃσι.

²⁾ *Ancis* въ прил. м.: *bildliche Darstellung von dem Herankommen des Traumes.*

³⁾ *Odyss.* XIX, 562:

δοῖσι γάρ τε πόλισι ἀμνησθῶν εἶσιν ὄνειρων.

αἱ μὲν γάρ κρηίσσοι τετεύχεται, αἱ δ' ἄλετριαι,

Ср. *Verg.* *Aen.* VI. 804 и сл.; *Hor.* *od.* III, 27, 40 и сл. Замѣчательна здѣсь игра словъ, служащая примѣромъ такъ называемыхъ народныхъ этиологій. Одни порога, чрезъ которые идутъ правдивыя сновидѣнія, украшены рогами, *κρηίσσοι*, потому что *κρηίω* означаетъ «исполняю»; другія же, назначенныя для ложныхъ, обманчивыхъ сновъ, сдѣланы изъ слоновой кости, *ἄλετριαι*, потому что *ἄλετριον* означаетъ «обманчиво». См. *Geiger*, *Ursprung der Sprache*, I, стр. 405.

⁴⁾ Относительно входа въ обиталище мертвыхъ смотри прекрасную статью Гордана, *W. Jordan*, *Der Hadeseingang nach der Odyssee* въ *Jahrbücher f. class. Philologie* 1872, стр. 1 и сл.

Но чтобы окончательно убѣдиться въ полнѣйшей „научности“ гомеровскаго взгляда на сновидѣнія, стоить только сравнить его съ *ученою теоріею* Лукреціи о томъ же самомъ явленіи. Лукреціей утверждается, что отъ поверхности всѣхъ предметовъ отдѣляются, въ видѣ тончайшей плесы, изображенія этихъ предметовъ, которыя, попадая въ наши глаза, производятъ, такимъ образомъ, зрѣніе ¹⁾. Чтобы объяснить, послѣдствіе чего мы можемъ представлять себѣ предметы и при закрытыхъ глазахъ, онѣ предполагаютъ еще другой родъ подобныхъ изображеній, отличающихся отъ первыхъ только большею тонкостью и подвижностью, и проникающихъ въ душу человѣка „черезъ менѣ плотныя части человѣческаго тѣла“ ²⁾. На основаніи этой теоріи, онѣ объясняютъ и сновидѣніе вліяніемъ тѣхъ же изображеній, проникающихъ въ ту часть души человѣка, которая во время сна не засыпаетъ ³⁾. Спрашивается: чѣмъ этотъ взглядъ въ спосбъ сущности менѣ миониченъ, чѣмъ онъ болѣе наученъ гомеровскаго?

Я остановился на вышеприведенномъ „мионическомъ“ воззрѣніи гомеровскаго промена только для того, чтобы хоть приблизительно высказать мой взглядъ на происхожденіе мионовъ вообще. Я убѣж-

¹⁾ *Lucret. De rerum natura* IV, 46:

Dico igitur rerum effigies tenuisque figuras
Mittit ab rebus summo de corpore earum;
Quae quasi membrana vel cortex nominanda est,
Quod speciem ac formam similem gerit ejus imago,
Quoquoscunque eluct de corpore fusa vagari.

²⁾ Тамъ же ст. 726:

Nunc age, quae moveant animum res, accipe, et uide,
Quae veniunt, veniant in mentem, percipe paucis
Principio hoc dico, rerum simulacra vagari
Multa modis multis in cunctas undique partes
Tenuia, quae facile inter se junguntur in auris,
Olvia cum veniunt, ut aranea bracteaque auri.
Quippe etiam multo magis haec sunt tenuia textu,
Quam quae percipiunt oculos, visumque lacessunt:
Corporis haec quoniam penetrant per rara cicutque
Tenuem animi naturam intus sensumque lacessunt.

³⁾ Тамъ же, 771:

Noc ratione alia, cum somnus membra profudit,
Mens animi vigilat, nisi quod simulacra lacessunt,
Haec eadem nostros animos, quae quom vigilamus.

день, что если и не всё мнѣю столь легки для объясненія ихъ первоначальнаго значенія, то все таки необходимо приписывать имъ подобное происхожденіе, считая ихъ ничѣмъ инымъ, какъ только простыми попытками младенческаго логическаго мышленія. Понятно, что внослѣдствіи мнѣю, потерявши смыслъ простаго міросозерцанія, стали принимать значеніе то символическое, то аллегорическое. Даже въ приведенномъ нами отрывкѣ мы находимъ *переносное* выраженіе: „дремать у воротъ сновъ“. Выше указано, однако, что и это выраженіе должно было *первоначально* пониматься въ прямомъ, а никакъ не въ переносномъ значеніи. И такъ, на мнѣю мы можемъ смотрѣть, какъ на самая простыя и, въ свое время, для всѣхъ понятныя объясненія различныхъ явленій, происходящихъ или въ самомъ человѣкѣ, или же въ окружающей его природѣ¹⁾. Вытекающее отсюда высокое значеніе мнѣювъ для исторіи нравственности—очевидно. Если какой-либо разказъ о безнравственныхъ, на наше взглядъ, отношеніяхъ божествъ или героевъ считался когда-нибудь простѣйшимъ способомъ уразумѣть извѣстныя явленія природы, то наше право дѣлать выводы о соответствующемъ состояніи нравственности въ тогдашнемъ обществѣ, не могло бы подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Но такъ какъ задача настоящаго труда состоитъ именно въ томъ, чтобы доказать вѣрность моего предположенія объ этическомъ значеніи мнѣювъ, то я и опираюсь на недоказанномъ мнѣюмъ взглядѣ на мнѣю считаю для себя непозволительнымъ. Также точно и въ вышеизложеннаго взгляда на развитіе религіи и нравственности вообще читатель могъ бы убѣдиться въ томъ, что и *не сниская* даже въ самомъ происхожденіи и внутреннее содержаніе мнѣювъ, а обращая на нихъ вниманіе только какъ на форму, послужившую для облеченія *религіозныхъ вѣрованій*, мы все таки должны признать важность этой *формы* для пониманія нравственнаго развитія общества, облакавшаго свои вѣрованія именно въ *эту* форму, поражающую наше чувство своею грубостью. Если бы даже и предположить, что въ мнѣю перешла эта дикость, положимъ, вслѣдствіе очеловѣченія выраженій, служившихъ прежде для простаго обозначенія борьбы силъ въ при-

¹⁾ Не считая ужѣтнимъ подробное изложеніе моего взгляда на мнѣю, я сошлюсь только на Куна Штейнхала, Коуни и др., направленіе которыхъ считаю самымъ научнымъ, то-есть, болѣе всего соответствующимъ общію тѣмъ средствамъ, которыми располагаетъ новѣйшая наука. Здѣсь могу также указать и на начатое сочиненіе: I. G. Haub, Sagwissenschaftliche Studien. Съ 1871 года появились только четыре выпуска.

родѣ ¹⁾, то и отъ такого предположенія странность мифической формы не могла бы потерять для насъ своей важности, такъ какъ самая возможность очеловѣченія извѣстныхъ понятій служить уже указаніемъ и на существованіе соотвѣтствующихъ имъ нравственныхъ отношеній людей между собою.

Не придавая, однако, особеннаго значенія всѣмъ подобнаго рода доказательствамъ, вытекающимъ изъ общихъ соображеній, и считая болѣе убѣдительнымъ индуктивный способъ въ соединеніи съ дедуктивнымъ, я постараюсь доказать мое мнѣніе слѣдующимъ образомъ. Обративъ преимущественно вниманіе на самыя безнравственныя стороны греческихъ мифовъ, на ихъ черты, всего болѣе насъ поражающія, преимущественно же на *канибализмъ*, я постараюсь тѣми средствами, приложенію которыхъ должно казаться позволительнымъ даже и въ классической филологіи, доказать дѣйствительное существованіе этихъ варварскихъ обычаевъ у Грековъ или, по крайней мѣрѣ, у ихъ предковъ. Если мнѣ это удастся, то и прочія, сохранившіеся въ мифахъ черты, указывающія на не столь безнравственныя стороны общественнаго быта, представятся не менѣе обоснованными въ исторіи нравственнаго развитія народа,

§ 8.

Гомеровскія пѣсни.

Обращая ваше вниманіе на древнѣйшіе изъ письменныхъ памятниковъ Греціи, именно, на гомеровскія пѣсни, мы находимъ въ нихъ этические взгляды и понятія уже на той ступени развитія, на кото-

¹⁾ Этотъ взглядъ высказанъ уже давно. *Limburg Bronner*, *Histoire de la civilisation morale et religieuse des Grecs*, II (1834), стр. 120: Les traditions et les fables qui se rapportent aux phénomènes et aux objets dont nous venons de parler (олицетворенія явленій природы), prouvent assez clairement qu'elles n'ont aucun rapport avec la morale. Ces objets, une fois personifiés, pouvaient devenir des êtres actifs, et une fois mis en action, leurs actions mêmes peuvent être considérées sous un point de vue moral. Or ces actions, considérées sous ce point de vue, ne sont rien moins que bonnes. Quelques-unes même sont abominables et dégoûtantes.— Для объясненія безнравственной формы подобныхъ разказовъ самъ авторъ считаетъ, однако, недостаточнымъ одного указанія на ихъ происхожденіе отъ олицетворенія природы, *тамъ же*, стр. 121: *Si l'on nous demande donc ce qui a pu donner lieu à des traditions aussi absurdes, nous n'avons pas autre chose à répondre que, nous l'ignorons.* Тѣмъ не менѣе, онъ все таки утверждаетъ: il nous suffit de savoir, comme nous venons de le remarquer, qu'elles n'ont aucun rapport avec la morale...

рой религіи и мораль представляютъ двѣ совсѣмъ различныя области. Правственныя понятія до того развиты, что уже находятся въ рѣзкомъ противорѣчій съ грубыми воззрѣніями религіи, происхождение которыхъ, поэтому, приходится возводить къ самымъ отдаленнымъ временамъ. Та грубость нравовъ, подъ вліяніемъ которой единственно могли сложиться подобныя понятія, оставила въ гомеровское время едва замѣтные слѣды. Востановлять по нимъ прежнее состояніе нравственности было бы очень трудно и представляло бы слишкомъ смѣлую попытку, если бы пользованіе самими религіозными воззрѣніями, какъ источникомъ для изученія нравственности гораздо древнѣйшаго времени, не представляло намъ большаго облегченія. И такъ, чтобы получить хотя слабое понятіе о состояніи нравственности въ догомеровскія времена, не имѣя притомъ прямыхъ источниковъ мы должны обратиться къ религіознымъ понятіямъ гомеровскаго времени и по нимъ возстановить соотвѣтствующее имъ состояніе нравственности ¹⁾.

Но результаты, которыхъ мы достигнемъ этимъ путемъ, не могутъ не поражать насъ на первыхъ порахъ: взглянувши внимательнѣе на поступки греческихъ боговъ, мы увидимъ въ нихъ явныя черты такого дикаго состоянія, которое на первый взглядъ едва ли имѣетъ что либо общее съ нравственностью не только позднѣйшихъ временъ, но даже и самой эпохи Гомера ²⁾. Я здѣсь укажу только на ту

---

¹⁾ О мнѣніи различныхъ ученыхъ, которые находятъ у Гомера болѣе или менѣе вѣрное изображеніе такъ называемаго *героическаго вѣка*, я говорилъ уже раньше, см. § 5. Здѣсь прибавлю еще мнѣніе Гельбига. *Helbig*, Die sittlichen Zustände des griechischen Heldenalters (1839), стр. XXII: Was uns aber für die Zeit vor dem trojanischen Kriege abgeht, — denn wer wollte einzelne spätere Nachrichten von den Thaten der Griechen vor diesem grossen Nationalunternehmen als lautere Quelle benutzen — das gewähren uns für die Zeit während des trojanischen Krieges und nach demselben in reichlichem Masse die Gedichte des Homeros; und da die eben erwähnte Zeit die Blüthezeit des Heldenalters ist, so dürfen wir mit Recht von einer *genügenden Kenntniss* dieser Periode sprechen.

²⁾ Повидимому, послѣдствіе контраста религіи съ тою нравственностью, которую мы впервые встречаемъ у Гомера, англійскій ученый *Коксъ* приходитъ къ слѣдующему заключенію. *Cox*, Mythology of the Aryan Nations, I, (1870), стр 4: онъ говоритъ, что если и можно въ некоторомъ смыслѣ назвать совокупность греческихъ мифовъ теологією, то тогда слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, признать, что теологія находилась въ яркомъ контрастѣ съ характеромъ народа. Съ пробужденіемъ мышленія въ нее уже не могли больше вѣрять; but if we look to its influence on their thoughts at times when the human heart is stirred to its depths,

мрачную картину, которую рисуетъ намъ Гладстонъ, изображая нравственныя отношенія гомеровскихъ боговъ¹⁾. Слова миснопо этого ученаго для насъ имѣютъ здѣсь особенно важное значеніе. Вотъ что онъ, между прочимъ, говоритъ: „Можно принять общимъ правиломъ, что всюду, гдѣ только жизнь боговъ на Олимпѣ является воспроизведеніемъ человѣческой жизни, это воспроизведеніе принимаетъ худшую форму. Вообще главнымъ признакомъ гомеровскаго божества служитъ эманципация отъ предѣловъ человѣческаго закона. Въ сравненіи съ людьми, они отличаются большею силою и высшею интеллигенціею, но за то худшею нравственностью. Въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу они не руководятся, повидимому, нравственными мотивами... Общими принципами власти у бессмертныхъ боговъ являются насилие и страхъ съ одной стороны, обманъ и лесть—съ другой... Подобно тому, какъ изъ общихъ принциповъ, руководящихъ взаимными отношеніями боговъ, почти совсѣмъ исчезли всѣ нравственные элементы, точно также и въ частныхъ поступкахъ ихъ напрасно искать этихъ элементовъ. Ихъ обычное занятіе, когда они свободны отъ отношеній къ человѣческимъ дѣламъ, состоитъ въ непрерывныхъ иришествахъ, хотя и не сопровождаемыхъ овыненіемъ, а иногда и въ болѣе грубыхъ наслажденіяхъ... Поэтому, изъ всѣхъ характеристическихъ выраженій, относительно гомеровскихъ боговъ и ихъ жизни, является лучшимъ: *θεοὶ φαῖναι ζῶντες*. Еще болѣе этой страсти къ наслажденіямъ въ нихъ проявляется сильное и глубоко укоренившееся самолюбіе. Греческая мифологія, уклономъ отъ основной божественной идеи, представляетъ своихъ боговъ, вслѣдствіе моральной необходимости (?), превращающимися не въ людей, а въ животныхъ, стоящихъ въ нравственномъ отношеніи ниже людей... Слѣдуетъ признать общимъ правиломъ, что боги Гомера, за немногими только исключеніями,—пошлые сластолюбцы, и что законы, служащіе основаніемъ ихъ семейной жизни, не имѣли для нихъ никакой обязательной силы. Всѣ ихъ испристойныя похождения не сопровождались никакимъ чувствомъ стыда... Напротивъ, Зевсъ самъ разказываетъ свои любовныя приключенія съ видимымъ удовольствіемъ. Чувство зависти, которое они питаютъ къ людямъ, играло значительную роль и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ... Законъ и цѣль

---

we can scarcely say that this huge fabric of mythology challenged any belief at all. Отсюда онъ выводитъ необходимость рѣзкаго отличенія теологіи отъ религіи.

¹⁾ Въ переводѣ Шустера, *Gladstone's homerische Studien*, стр. 246 и слл.

ихъ жизни состоитъ преимущественно въ своеволіи и въ страсти къ наслажденіямъ. Они не говорятъ о своихъ обязанностяхъ и рѣдко только объ обязанностяхъ людей; въ послѣднемъ случаѣ это бывають только тѣ обязанности, которыя касаются жертвоприношеній. Наслажденія ихъ бывають различнаго рода: одиѣ изъ нихъ болѣе утонченныя, другія же чувственныя; и тѣ, и другія основываются на самолюбіи; ихъ чувственныя наслажденія отличаются необузданностью".

При чтеніи подобнаго отзыва, насъ невольно поражаетъ удивительное сходство его съ описаніями самаго безнравственнаго быта дикарей. Много ли тутъ общаго съ довольно развитою нравственностью самаго гомеровскаго времени? И эта дикая картина безнравственности все еще должна считаться значительною смягченною, такъ какъ слѣдуетъ полагать, что, не смотря на стойкость религиозныхъ вѣрованій, все таки много изъ первобытной грубости со временемъ успѣло сгладиться. Наконецъ замѣтимъ, что эту картину рисуетъ намъ не самъ Гомеръ, а новѣйшій ученый, который, видя въ греческой религіи традиціонную связь съ божественнымъ откровеніемъ, естественно склоненъ избѣгать всего, что выставляетъ эту религію въ слишкомъ неблаговидномъ свѣтѣ. И, тѣмъ не менѣе, какой контрастъ съ нравственными понятіями даже самыхъ древнѣйшихъ историческихъ временъ Греціи! Но, если мы вспомнимъ сказанное выше на счетъ хода развитія этическихъ понятій, то поразительность указаннаго контраста должна намъ показаться естественною. Самая грубая нравственность, нашедшая себѣ отпечатокъ въ религиозныхъ вѣрованіяхъ, исчезла со временемъ, или лучше сказать, совершенствуясь мало по малу, дошла до той значительной степени развитія, на которой мы ее встрѣчаемъ у героевъ Гомера. Большая же часть религиозныхъ вѣрованій, рано отрѣшившись отъ всякаго внѣшняго вліянія и сдѣлавшись отсталюю, непонятною формою, не сохранила даже слѣдовъ всѣхъ переходныхъ состояній нравственныхъ возрѣній; поэтому она и даетъ намъ понятіе только о той грубой нравственности, подъ вліяніемъ которой она сама сложилась.

Вслѣдствіе господства въ классической филологіи выше характеризованныхъ направленій, многимъ покажется невѣроятнымъ, чтобы повдвѣвшая высокая нравственность имѣла своимъ началомъ такую дикость нравовъ, какъ та, на которую указываютъ эти религиозныя вѣрованія. Я полагаю, что эта мысль и была главнымъ образомъ причиною того, что почти никому не приходило въ голову воспользоваться въ указанномъ видѣ нравственною стороною религиозныхъ воз-

эрвнй. На сколько подобное предубжденіе, не основанное ни на какихъ научныхъ данныхъ, не заслуживаетъ опроверженія — ясно само собою. Иные, если и согласны допустить въ первобытномъ обществѣ значительную степень безнравственности, то все-таки остаются при убжденіи, что этотъ элементъ не только не могъ считаться когда-либо нравственнымъ, но, напротивъ, всегда былъ сознаваемъ какъ нѣчто худое. Чтобы убдиться въ неосновательности подобнаго мнѣнія, намъ стѣдуетъ только взглянуть на обычаи дикарей. Известно, напримеръ, что у многихъ народовъ: Негровъ, Индѣйцевъ, Островитянъ Южнаго океана, и у многихъ другихъ, не только позволительно, въ случаѣ нужды, продавать и закладывать своихъ женъ, но даже существуетъ обычай уступить ихъ другимъ изъ гостепримства. По свидѣтельству Марка Поло, и въ Китаѣ, въ странѣ Хамиль (къ востоку отъ горъ Тянь-Шань), существовалъ подобный обычай. Считалось долгомъ гостепримства, чтобы хозяинъ на все время присутствія гостя совсѣмъ удалялся изъ дому, предоставивъ ему своихъ женъ и дочерей. Гость, пользуясь такимъ гостепримствомъ, дѣлалъ большую честь всему семейству, которое, въ такомъ случаѣ, могло еще разчитывать и на особенную благосклонность боговъ. Когда монгольскій ханъ, Менгку, строго запретилъ этотъ, по нашимъ понятіямъ, столь безнравственный обычай, то жители этой страны негодовали и были сильно огорчены. Черезъ три года они отправили къ хану посольство, умоляя хана, чтобы онъ позволилъ жить опять по старому обычаю предковъ, торжественно завѣщанному имъ отцами, потому что, вслѣдствіе пренебреженія законами гостепримства, начало страдать все ихъ семейное благосостояніе. Ханъ принужденъ былъ разрѣшить имъ жить по прежнему ¹⁾. Подобныхъ примѣровъ можно бы привести множество. Да известно, наконецъ, что у нѣкоторыхъ дикарей и умерщвленіе состарѣвшихся родителей часто считается не только дѣломъ, совсѣмъ не выходящимъ изъ порядка вещей, но даже священнымъ долгомъ. Подобныя указанія, однако, недостаточны тамъ, гдѣ именно и отрицается всякая аналогія между дикарями и разсматриваемымъ греческимъ народомъ ²⁾. Въмѣсто того можно привести при-

¹⁾ А. Wuttke, Geschichte des Heidenthums, ч. I: Die ersten Stufen der Geschichte der Menschheit (1852), стр. 178.

²⁾ Нужно, впрочемъ, замѣтить, что уже и въ классической энологіи появились первыя попытки подобнаго сближенія, такъ, напримеръ, относительно бытованія Грековъ у Гроа въ главѣ «О нравахъ, изображенныхъ въ греческихъ сказаніяхъ» (Hist. of Greece, ч. I (1862), гл. XX), хотя и въ очень незначительныхъ размѣрахъ.

мѣри изъ исторіи народа, прошедшаго многія ступени развитія, имѣло, указать на ученіе Маккіавелли, всего ярче выразившееся въ его сочиненіи „Il Principe“, которое, будучи теперь признаваемо за образецъ высшей безпирвственности, въ свое время, однако, вовсе не считалось безпирвственнымъ. Въ доказательство я огривичусь только приведеніемъ слѣдующихъ словъ знаменитаго Маколей: „Во всѣхъ его (то-есть, Маккіавелли) сочиненіяхъ... вездѣ болѣе или менѣе замѣтно то искаженіе нравственнаго пачала, за которое такъ строго осужденъ „Il Principe“. Мы сомнѣваемся, можно ли найдти во всѣхъ многочисленныхъ томахъ его сочиненій хотя одно выраженіе, доказывающее, что притворство и предательство когда-нибудь поражали его какъ дѣла безчестныя. Послѣ этого можетъ показаться смѣшнымъ, если мы скажемъ, что знаемъ не много сочиненій, представляющихъ такое горлчче рвеніе ко благу Италіи, какъ сочиненія Маккіавелли“. Въ другомъ мѣстѣ Маколей говоритъ: „Нѣтъ никакого основанія думать, что тѣ, среди которыхъ онъ жилъ, видѣли въ его сочиненіяхъ что-либо возмутительное или неслѣпое. Многія данныя свидѣтельствуютъ о высокомъ уваженіи, которое питали и къ его произведеніямъ, и къ его личности... Вопль противъ нихъ (то-есть, его сочиненій) впервые раздакъ по ту сторону Альпъ и, кажется, былъ услышанъ съ изумленіемъ въ Италіи“¹⁾.

Впрочемъ, всѣ подобнаго рода указанія кажутся мнѣ лишними. Видѣ и при самомъ даже поверхностномъ знакомствѣ съ обычаями хотя немногихъ народовъ, мы уже встрѣчаемъ безчисленное количество такихъ фактовъ, которые самымъ очевиднымъ образомъ доказываютъ относительность нравственныхъ понятій и зависимость ихъ отъ самыхъ разнообразныхъ условій, результатомъ которыхъ и являются столь разнообразныя обычаи. Но, въ то время какъ, съ одной стороны, условность нравственныхъ понятій кажется, такимъ образомъ, очевидною, все-таки несомнѣнно, съ другой стороны, и вѣчное существованіе совсѣмъ противоположныхъ, идеальныхъ, теорій о безусловности понятій добра и зла, о тождествѣ и вѣчной незыблемости нравственнаго идеала у всѣхъ народовъ и т. п. Известна распространенность той теоріи, которая фактическое разнообразіе обычаевъ объясняетъ только различіемъ въ степени сознаваемости вѣчнаго идеала, или выводитъ видимое разнообразіе нравовъ только изъ раз-

¹⁾ Миллюкова Исторія литературы древняго и новаго міра, составленная по I. Шерру и др., т. II, кн. II (Италія), стр. 518 и слѣд.

личія средствъ, которыми пользуются народы для достиженія этихъ идеаловъ. Съ такими теоріями можно сравнить то постоянное требованіе нашего сознанія, которое отстаиваетъ существованіе свободной воли не какъ субъективнаго пошлія, а какъ чисто объективнаго факта, не смотря на всю видимую зависимость человѣческихъ поступковъ отъ законовъ природы. Подобныхъ понятій у насъ очень много: онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ тому явленію, которое въ наукѣ о эрѣши называется онтическимъ обманомъ. Объяснить подобныя явленія—дѣло психологій, но опровергать научнымъ образомъ такіа, повидимому, столь тѣсно связанныя съ природою человѣка воззрѣнія, очень трудно, потому что въ такихъ вопросахъ, какъ напримѣръ, вопросъ о вѣчности нравственнаго идеала, сама наука легко можетъ лишиться всякаго авторитета.

Возвращаемся опять къ гомеровскимъ нѣснямъ, какъ къ древнѣйшему памятнику, могущему намъ дать нѣкоторыя указанія о древнѣйшей нравственности Грековъ. Казалось бы на первый взглядъ, что у Гомера мы должны находить мнѣніе въ болѣе первобытной формѣ, чѣмъ въ источникахъ позднѣйшаго времени. Сообразно съ этимъ слѣдовало бы ожидать, что у него мы найдемъ и самыя грубые, безнравственныя разказы о божествахъ. Однакожъ, это предположеніе не оправдывается. Напротивъ, многіе грубые мнѣнія, встрѣчающіеся въ позднѣйшихъ источникахъ, у Гомера часто или вовсе не упоминаются, или же встрѣчаются въ болѣе смягченномъ видѣ. Слѣдуетъ выяснитъ причину этого страннаго явленія.

Что у Гомера существуетъ уже уточенность въ требованіяхъ приличія и даже то, что мы называемъ тактомъ, этому служатъ лучшимъ доказательствомъ, между прочимъ, тѣ мѣста, въ которыхъ у него восхваляется Телемакъ за свою скромность въ обращеніи со старшими и вообще за свое знаніе приличій. Оправляясь къ Нестору, чтобы добыть у него свѣдѣнія объ отцѣ, Телемакъ говоритъ мнимому Ментору: „да какъ же мнѣ идти и какими словами привѣтствовать царя? Вѣдь я не упрямился въ остроумныхъ рѣчахъ, къ тому жъ у меня, юноши, не хитрить и смѣлости обрѣцаться съ распросами къ старшему мужу“¹⁾. Тѣмъ не менѣе, впоследствии, въ разговорѣ

¹⁾ *Odys.*, III, 22:

«Μέντωρ, πῶς τ' ἄρ' ἴω; πῶς τ' ἄρ' προσπιύομαι αὐτόν;
οὐδέ τί πω μύθοισι κατέρημαι πολυβοῖον.
αἰδώς δ' αὖ νέον ἄνδρα γραιότερον ἔξερέεσθαι.»

съ Несторомъ, „благоразумный“ Телемакъ выказываетъ столько такта, что Несторъ по однимъ этимъ качествамъ узнаетъ въ немъ Одиссея сына. „Смотрю на тебя съ удивленіемъ“, говоритъ онъ, „да и рѣчи вѣдь твои благоразумны (учтивы), и врядъ ли иной юноша съумѣетъ говорить такъ учтиво“¹⁾. Уважу еще на одно мѣсто Одиссея, гдѣ находится явное свидѣтельство даже объ очень утонченномъ тактѣ въ высшихъ сложахъ тогдашняго общества. Демодокъ, пѣвецъ при дворѣ Алкиноя, царя Фѣаковъ, поетъ въ присутствіи Одиссея, скрывающаго свое имя, о спорѣ его съ Ахилломъ. Грустныя воспоминанія заставляютъ Одиссея прикрыть свое лицо плащомъ, чтобы Фѣаки не замѣтили его слезъ. Пѣвецъ, прервавъ на минуту свое пѣніе, вновь начинаетъ, ободряемый фѣакскими князьями, которымъ пѣснь понравилась. Одиссей вновь сталъ грустенъ и опять прикрылъ свое лицо. Никто не замѣтилъ, какъ онъ прослезился; только Алкиной, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, обратилъ на него вниманіе и замѣтилъ, какъ онъ глубоко вздохнулъ. „Быстро обращаясь къ любящимъ весла Фѣакамъ, онъ сказалъ: Слушайте, предводителя и князя Фѣаковъ! Всѣ ужъ мы насытились пищею и прелестною игрой на киварѣ, которая сопровождаетъ ситное пиршество. Выйдемъ же теперъ (на дворъ) и примемъ за различныя игры“...²⁾.

Имѣя въ виду подобныя факты, мы легко можемъ представить себѣ, что не всегда и не вездѣ можно было пѣть нѣкоторыя вещи. Самыя грубыя или, по тогдашнимъ понятіямъ, слишкомъ непристойныя мнѣніескія сказанія о походахъ боговъ, обращавшіяся въ простопародья, пѣвецъ не могъ разказывать въ присутствіи царей и князей, подобно тому, какъ и въ настоящее время мы не всегда считаемъ возможнымъ передавать въ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ всѣхъ прибаутокъ простонародья. Мы имѣемъ основаніе полагать, что гомеровскія пѣсни дошли до насъ въ томъ очищенномъ видѣ, въ какомъ онѣ пѣлись при дворахъ князей въ торжественныхъ случаяхъ. Поэтому насъ не должно удивлять отсутствіе у Гомера нѣкоторыхъ грубыхъ сказаній, которыя мы встрѣчаемъ въ позднѣйшихъ источникахъ, не стѣсняемыхъ указанными условіями. Такъ, на-

¹⁾ Тамъ же, ст. 123:

σέβας μ' ἔχει εἰσορόωντα.

ἢ τοι γὰρ μῦθοί γε εἰσκότας, οὐδέτις φαιῆς
ἀνδρα νεώτερον ᾧδε εἰσκότα μὴθήσασθαι».

²⁾ *Odys.* VIII, 96 слл.

пригѣръ, въ позднѣйшихъ источникахъ мы встрѣчаемъ подробные разказы объ ужасающихъ поступкахъ Медеи. Что эти сказанія существовали въ устахъ греческаго престо народа уже и въ гомеровскія времена, не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ существуютъ соотвѣтствующія сказанія въ Индіи и въ Германіи¹⁾. Мы знаемъ, что сказанія объ Аргонаутахъ, въ которыхъ Медея играетъ столь важную роль, были извѣстны Гомеру. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ говорится о подвижныхъ скалахъ, раздавливающихъ всѣ корабли, пытавшіеся проскользнуть между ними, мы читаемъ: „Только тотъ, известный всѣмъ мореходный корабль Арио, возвращаясь отъ Энта (Αἰήτης), проплылъ между ними, да и опъ чуть не разбился объ огромныя скалы и проплылъ только благодаря Ирѣ, которая была благосклонна къ Язону“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ говорится о богатомъ баранѣ Пеліи, жившемъ въ городѣ Іоликѣ³⁾. Итакъ мы видимъ, что почти всѣ главнѣйшія имена изъ сказанія объ Аргонаутахъ были тогда уже извѣстны. Особенно при описаніи различныхъ знаменитостей древнихъ временъ, являющихся предъ Одиссеемъ въ подземномъ царствѣ Анда, легко можно было упомянуть и о Медеѣ и разказать даже ея исторію, какъ это дѣлается съ другими героями и героинями въ той же рапсодіи. Если тѣмъ не менѣе, здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ гомеровскихъ рапсодіяхъ, не говорится ничего о героинѣ „всѣмъ извѣстнаго“ сказанія объ Аргонаутахъ, то для этого должна была существовать, повидимому, особенная причина. Эту причину съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ мы можемъ усматривать въ поразительной грубости самаго сказанія. Но такъ какъ мы встрѣчаемъ это сказаніе впоследствии и въ болѣе смягченной формѣ, удобной для помѣщенія даже и въ гомеровскихъ нѣсняхъ, то слѣдуетъ полагать, что эти формы и суть явленія позднѣйшія, не существовавшія еще въ то время, когда гомеровскія нѣсни слагались въ дошедшее до насъ цѣ-

¹⁾ G. Gerland, Altgriechische Märchen in d-r Odyssee (1869), стр. 37.

²⁾ *Odys.* XII, 69:

οἷη δὲ κείνη γε παρέκλω ποντοπόρος νηῦς,
 Ἄργῳ πάσι μέλουσα, παρ' Αἰήταο κλέουσα.
 καὶ νό κε τὴν ἐνθ' ὄρα βάλεν μεγάλας ποτὶ πέτρας,
 ἀλλ' Ἠρῆ παρέκαμψεν, ἑκαὶ φίλος ἦεν Ἴησων.

³⁾ Тамъ же, XI, 256:

... Πελίης μὲν ἐν εὐρυχώρῳ Ἰαωλικῆ
 ναῖε πολύρρητος.

лос¹⁾. Что въ гомеровскихъ пѣсняхъ слишкомъ грубыя сказанія то совсѣмъ обойдены, то, по возможности, смягчены, этому мы найдемъ достаточно примѣровъ въ послѣдствіи. Поэтому, неудивительно, что уже Павзаній могъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе; описывая картину, находящуюся въ афинской акрополи, гдѣ изображено приношеніе въ жертву Поликссены на могилѣ Ахилла, онъ говоритъ: „Гомеръ хорошо сдѣлалъ, что нарочно не упомянулъ о столь грубомъ поступкѣ“²⁾. Что у Гомера дѣйствительно существуетъ строгій выборъ въ сказаніяхъ, это трудно было не замѣтить особенно Греку, лучше насъ знакомому съ этикой сказаніями.

Въ Гезіодовой Теогоніи преобладаніе религіозной стороны несравненно болѣе благоприятствовало сохраненію нѣкоторыхъ старинныхъ, грубыхъ сказаній. Всѣмъ извѣстно, какъ трагики и вообще позднѣйшіе писатели измѣняли много, желая придать имъ болѣе благопрістойный видъ. Вообще можно замѣтить, что, какъ у Отцовъ Церкви мы находимъ много такихъ указаній на древнѣйшія воззрѣнія Грековъ (особенно относительно челоувѣческихъ жертвоприношеній), какихъ мы напрасно стали бы искать, напримѣръ, у Павзанія, такъ точно и Павзаній, Аполлодоръ и др. представляютъ намъ множество такого стариннаго матеріала, какого нѣтъ ни у Гомера, ни у Гезіода.

Л. Воеводскій.

¹⁾ Большая часть различныхъ формъ сказанія о Медеѣ будетъ указана ниже.

²⁾ *Pausan.* I, 22, 6 (изд. Вейера): Ὁμήρου δὲ εὖ μὲν παρεῖπεν τὸ ἄριστον οὕτως ἔργον.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОДА (LIV. III, САНТ. XXX) КВ. ГОРАЦІЯ.

(Переводъ съ латинскаго, посвящается 24-му юлбрю 1878 года).

Въ этой одѣ, написанной или въ 732 году отъ основанія Рима (Weber), или въ 736 г. (Kirchner), Горацій выражаетъ убѣжденіе, въслѣдствіи исполнѣ оправдавшеся, что опъ своими твореніями заслужитъ себѣ безсмертное имя, такъ какъ истинно поэтическое творчество и счастливыя умственныя дарованія доставляютъ человѣку, совершенно независимо отъ его соціальнаго положенія (ex humili potens), повсемѣстную и неувидасмую славу. Подобное благородно-гордое сознаніе своихъ достоинствъ высказывали и до Горація нѣкоторые поэты, какъ напрымѣръ, Сапфо въ той поэмѣ, отъ которой, къ сожалѣнію, дошла до насъ одна только первая строка: *μνάσασθαι τίνα φάμι* (= φημι) *καὶ βῆτερων ἀρμῆων* (= ἤμων), то-есть: „думаю, что кто нибудь и въслѣдствіи вспомнитъ о насъ“ (16 Bergk). Равнымъ образомъ и древнѣйшій изъ римскихъ поэтовъ, Энній (Cicer. Tusc. I, 15) говоритъ:

Nemo me lacrimis decoret nec funera fletu
Faxit. Cur? Volito vivo' per ora virum,

то-есть: „да не почтитъ никто меня своими слезами и да не завершитъ онъ моихъ похоронъ своимъ плачемъ! Почему? потому что я живъ и порхаю по устамъ (сравни. гр. *διὰ στόματος εἶναι* — быть на языкѣ у кого нибудь) людей“. Въслѣдствіи эти слова Вергилій произнесъ отъ своего собственнаго лица (Georg. III, 9):

Tentanda via est, qua me quoque possim
Tollere humo victorque virum volitare per ora,

то-есть: „слѣдуетъ попытаться такимъ путемъ, чтобы и я могъ тоже подняться съ земли и въ качествѣ побѣдителя (гдѣ, конечно, разучастъ CLVXX, отд. 5.

иѣтся, умственное превосходство) жилъ бы въ устахъ людей". Проперцій (III, 1, 35), Овидій (Met. XV, 871 и слѣд.), Марціалъ (X, 2, 7 и слѣд.) очень близко подражали Горацію. И изъ нашихъ русскихъ поэтовъ, Державинъ и Пушкинъ словами же этой оды заявляли о своихъ правахъ на признательность потомства (см. впрочемъ, соч. Державина, изд. акад. Я. К. Грота, примѣч. къ „Памятникъ“, I т.).

Въ разсматриваемой нами одѣ Горація нѣтъ неосновательнаго самовосхваленія и ложнаго самообольщенія; здѣсь высказывается только съ полнымъ достоинствомъ и съ сознательною увѣренностію истинное пониманіе общечеловѣческихъ произведеній и литературныхъ заслугъ. Въ нашемъ переводѣ удержанъ размѣръ подлинника, то-есть, *меньшая асклеиадическая система*.

КЪ МЕЛЬПОМЕНЪ.

1. И воздвигъ монументъ, бронзъ вѣкопѣчнѣ,
Выше зданій царей — царственныхъ пирамидъ.

1) *Воздвигъ* = *exegi* = *absolvi, perfecti*, въ значеніи создать, собств. *своодыши* (ex — *igere*) какую-нибудь постройку; употребляется иногда и греческое *ἐλάσσειν, ἐξελάσσειν*, напримѣръ, Герод. (VI, 137): *μισθὸν τοῦ ταύρατος... ἐξελάσσειν* — награду (плату) за *своодынную* стѣну. Сравни также I, 185; Гомер. Одис. 14, 11 и друг. — *Бронзъ вѣкопѣчнѣ* = *aere perennius*, то-есть, мой памятникъ простоять дольше, чѣмъ всякая бронза, будетъ ли то статуя, надпись ли, вырѣзанная на бронзѣ и проч. *Бронзъ* (множ. ч.) = *aes* въ значеніи *статуя*, *памятникъ* въ латинскомъ часто употребляется *plural*. (*nomin.* и *accus.*), — *perennius* обыкновенно производ. отъ *per* — черезъ я *anni* — года, по Дедерлейнъ (Latein. Synonym. und Etymol. (ч. I, стр. 9, 1825 г.) отъ *per* и *annis* *теченіе*, *рѣка* (*manage*), откуда и *Anna Perenna* (Ovid. Fast. III, 653) и сопоставляетъ съ греч. *ἀίρητος* (Soph. Oed. Col., 469), *ἀίρητος*; (напримѣръ, Plato, Legg.; Xenoph. и проч.).

2) *зданій* = *situs*, собственно закладка, положеніе, здѣсь = *structura, constructio* — *сооруженіе*. Некоторые толкователи (Наукъ) подразумеваютъ подъ *situs* *aqualor* облекшая, выветрившаяся, покрывшаяся *плесенью* рухлядь, старье, и въ соединеніи съ прилаг. *regalis* (все величественное, достойное царей), видать охотоугол, то-есть, тропь, сближающій два противорѣчивыя понятія, подобно, напримѣръ, *amando perdere погубить любовью* и проч. Высшая изъ *пирамидъ*, считавшихся вообще въ числѣ чудесъ свѣта, достигаетъ 425 ф. Цѣль построенія ихъ толкуется различно: одни видятъ въ нихъ гробницы царей; другіе, основываясь на словопроизводствѣ отъ *корѣ* пшеница, житницы Іосифа и фараоновъ; иные — обсерваторіи древнихъ Египтянъ; другіе же утверждаютъ, что чистая вода изъ Нила проводилась подземными каналами во внутреннія камеры пирамидъ и сохранялась тамъ на случай засухъ; наконецъ, даже полагали (Fialin de Persigny), что пирамиды своею массой должны были защищать

Ни пронзительный дождь, ни лютый Аквилонъ,
Не разрушить его и безконечная

5. Вереница годовъ, ни полетъ всѣхъ временъ.

плодородныя мѣстности Египта отъ песчаныхъ наводень и бурь, поднимавшихся въ внутреннихъ степей Африки. Точно также и названіе пирамидъ объясняется различно: то производятъ его отъ πύρ огонь, такъ какъ пирамиды, постепенно суживаясь, представляютъ нѣкоторое подобіе съ пылающимъ огнемъ; то отъ слова πυράς ишеица. Новѣйшіе ученые начали объяснять названіе пирамидъ уже на основаніи туземныхъ языковъ, а не греческаго, и Яблонскій, наприжѣръ (Thes. L. Gr. Steph., Vol. I, стр. CCLV, лондонск. изд.), производятъ отъ Pi-ge-soue, что значитъ *лучь солнца*; Ignatius de Rossi (Etym. Egypt. стр. 159) отъ Pe-gam, означаетъ *возвышенный* и проч.

3) *Пронзительный* = eiax (вдүщій, раздѣдающій), *лютый* = impotens, не обуздывающій себя (vni), не владѣющій собою въ порывахъ бѣшенства. *Аквилонъ* = Aquilo = Βορέας, Βορέας, Βορέης (у Римлянъ также Septentrio, наприжѣръ, Cic. ad Att. IX, 8), сѣверный вѣтеръ, дующій обыкновенно въ Эракии; вѣтеръ этотъ самый холодный и самый порывистый, хотя очень здоровый. Изображали его старикомъ, съ большою бородою, съ рѣзкими и суровыми чертами лица, гораздо болѣе одѣтымъ, чѣмъ другіе вѣтры. По мифологич. Борей былъ царемъ вѣтровъ и жилъ въ горныхъ ущельяхъ Гемоса (Балканъ). Влюбившись въ прекрасную Орнею, дочь аеппскаго царя Еректеля, и не получивши согласія на бракъ, онъ похитилъ Орнею въ то время, когда она собирала цвѣты на берегу Иласса. Породаившись, такимъ образомъ, съ Аеніянцами, Борей, въ послѣдствіи, во время персидскихъ войнъ, разрушилъ своимъ стремительнымъ дуновѣніемъ часть флота Ксеркса, за что благодарные Аеніянцы построили въ честь его капище (κρόν) на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, была похищена Орнея. Третій стихъ, указывающій на то, что слеза, добытая умственнымъ дарованіемъ, не можетъ быть уничтожена ни временемъ, ни физическими силами, напоминаетъ слѣдующія слова оды Пиндара: Ἐτοίμος ἕρμων θησαυρὸς ἐν πολυχρόνῳ Ἀπολλωνία τεταίχισται νῆα. τὸν οὐτὲ χερμίος ἕρβρος ἱπακτὸς ἔλλων ἐριβρόμου νεφέλας στρατὸς ἀνελίχως, οὐτὲ ἀνεμὸς ἐς μυχοῦς ἀλὸς ἀέροις παμφόρῳ χερὰι τοπτόμενον (Puth. VI, 7 п слѣд.), то-есть: «сокровище гимновъ безопасно ограждено въ драгоцѣнной рошѣ Аполлона; его ни осенній, неуроглядный (ἐλακτος) дождь—эта неумолимая рать громоносныхъ тучъ, ни вихрь не смогутъ увести въ морскіе заливы, терзая въ своихъ все раздробляющихъ глыбахъ».

4) *Не разрушима*—non... possit diruere; possit, а не *posses*, такъ какъ указывается на слѣдствіе, на состояніе предмета, а не на цѣль дѣйствія: *не можетъ разрушить*, п дѣйствительно, какъ видите, онъ непоколебимъ

5) То-есть, твореніи мои, какъ вмѣющія не одинъ только временный, скоропреходящій интересъ, а удовлетворяющія вкусамъ и требованіямъ всѣхъ временъ, не уничтожатъ время во всей своей совокупности. Такъ и Симонидъ (Fragm. 74, Schneiden. Del. p. 404) говоритъ: χρόνος δὲός οὐδὲν πάντα καταφύγει καὶ τὰ βασιότατα, то-есть: «время, будучи остро на зубъ, раздробляетъ рѣшительно все, даже и самыя прочныя вещи.»

Нѣтъ, не весь я умру, большая часть меня
 Избѣжить похоронъ; буду въ потомствѣ я
 Возрастать похвалою; буду все новъ, пока
 Въ Капитолій идетъ съ дѣвой безмолвною жрецъ.

10. Будеть рѣчь обо мнѣ, гдѣ бурлитъ злой Ауфидъ

6) *Не весь* (non omnis, то-есть totus) я умру, потому что хотя мое бренное тѣло и исчезнетъ, но духъ мой, мой внутренній миръ, большая часть меня (multaque pars mei), при томъ же часть важнѣйшая, существеннѣйшая будетъ вѣчно жить въ моихъ поэтическихъ созданіяхъ. Сравни. Од. III, 3, 16: Нас (то-есть, arte s. virtute)... Acheronta fugit; IV, 9, 9 и слѣд., и проч.

7) *Избѣжить похоронъ* = vitabit Libitinam. Libitina (по Курт. Gr. Etym. 2-е изд., 330 стр., одного корня съ λιφ = libet, lubet, libido=любы и проч.) древнѣйшее римское божество. Плутархъ (Quaest. Rom., 23) говоритъ, что культъ ея восходитъ къ временамъ царя Нумы, отождествившаго ее съ Везерой (Venus Libitina), чтобы такимъ образомъ сопоставить въ понятіи одного божества начало и конецъ человѣческой жизни. Плутархъ упоминаетъ также объ 'Αφροδίτῃ Ἐπιτομῆῃ въ Дельфахъ. Либитина заведывала похоронами (dea funeum), а потому при ея храмѣ (мѣсто котораго неизвѣстно) находились гробовщики, дроги и вообще всѣ вещи, необходимыя при погребеніи; тутъ же были и Libitinarii, которые записывали имена умершихъ (вели метрики), при чемъ въ сокровищницу храма вносилась известная сумма денегъ во время разныхъ эпидемій (Suet. Nero. 39; Juven. XIII, 122; Liv. XL, 19 и проч.).

9) Жрецъ, Pontifex Maximus (Vestae sacerdos, Ovid. Fast. III, 699), во время идъ, то-есть, 13 или 15 ч. каждого мѣсяца, отправлялся въ Капитолій для принесенія жертвъ богинѣ Вестѣ; непорочныя служительницы Весты, шесть дѣвицъ Весталокъ въ торжественномъ безмолвіи сопровождали процессію, при чемъ хоръ мальчиковъ и дѣвочекъ, имѣющихъ еще въ живыхъ отцовъ и матерей (patrimi et matrum) пѣлъ священные гимны. Съ точки зрѣнія Римлянина указаніе на этотъ постоянно, періодически, аккуратно исполнявшійся обычай равносильно выраженію *eo anni vixisse*. Діонъ Кассій (Excert. Vatic.), говоритъ: Ἐπιβόλῃς χηρῆρός 'Επίσκοπος Καπιτώλιον (κεφάλαιον ἱεροῦ τῆς οἰκουμένης μέγρι τῆς τοῦ ἄστρου καταλόγου, то-есть: «было прѣреченіе Сибиллы, что Капитолій будетъ главою вселенной до самаго разрушенія міра». Сравни. Verg. Aen. 9, 448; Ovid. Trist. 3, 7, 51.

10) *бурлитъ* = obstrepit, съ шумомъ катить свои волны, *огулушаетъ*, то-есть, жглицей = accolis. Ауфидъ, Aufidus, нынѣ Ofanto, главная рѣка Апуліи, берущая свое начало въ Аппенинскихъ горахъ, отличается очень быстрымъ теченіемъ и нерѣдко залипаетъ окрестныя Апуліискія равнины (ср. од. IV, 14, 25 и сл.). Swinburne, посѣдившій эти мѣста, говоритъ въ своихъ Travels in the two Sicilies (vol. 1, стр. 165), что хотя въ этой рѣкѣ обыкновенно бываетъ очень мало воды, но, судя по ширинѣ ея ложа, по большимъ песчанымъ наносамъ, по насыпямъ, очевидно слѣзавшимъ для укрощенія этой рѣки (ejected to break the force of the stream), можно заключить, что и въ настоящее

И гдѣ бѣднѣй водою Давнѣ полудекими
 Правиль подданными; славенъ я изъ простыхъ:
 Вѣдь я первый возвелъ пѣснь итальянскую
 Въ эолическѣй ладѣ. Такъ возгордись же ты,

время къ этой рѣкѣ илюди приложими гораціевскіе эпитеты: злой, ревущій, стремительный (ferce, roaring and violent). При этой рѣкѣ лежатъ городъ Венузіа—мѣсторожденіе Гораціа.

11) *Давнъ* Daunus, древній иоическій царь Апуліи, часть которой часто страдаетъ засухами и называется Apulia Daunia или Daunias (Од. 1, 22, 14). Давнъ былъ тестъ извѣстнаго героя Діомеда, который, возвратившись изъ подл. Трои и нашедши, подобно многимъ своимъ боевымъ товарищамъ, что женщ. Эгіалея, въ его отсутствіе, взявшиа ему, отправился сначала въ Этолію, а потомъ къ этому Давну, на дочери котораго опъ и женился. Діомеду приписываютъ основаніе многихъ городовъ въ Италіи (Verg. Aen. XI, 246); *бѣднѣй водою Давнъ* (pauper aquae Daunus)—названіе безводной, сухой, знойной (arida, siccata) мѣстности перенесено (Iugica audacia) на царя, правившаго этою страпою.

12) Düntzer (Kritik und Erklär. 1 ч., 1840, 275) замѣчаетъ, что не безъ основанія намекается здѣсь на Венузію—мѣсторожденіе Гораціа, какъ на лежащую между Apulia Daunia, страпою безводною, и Apulia Peucetia, не подверженною засухамъ; этииъ поэтъ хотѣлъ символически указать на то, что онъ въ своей поэзіи соединялъ греческую цвѣтнотость и пышную роскошь (Fülle und Ueppigkeit) съ сухою римскою сдержанностію и простотою (Einfachheit); *красиль подданными*—regnavit populum (греч. управленіе гл. ἀρχὴν, βεβαλαίνω)—ἱρελαῶν; впрочемъ нѣкоторые читаютъ здѣсь вм. regnavit сущ. regnator; *славенъ*—rotens, то-есть, clagus, хотя отецъ мой былъ простой и бѣднѣй вольноотпущенникъ—libertinus; ср. Sat. 1, 6, 6; од. II, 20, 5, Bentley, Meinecke и др. *ex humili rotens* относятъ къ Давну, какъ сдѣлавшемуся царемъ тоже изъ простаго званія.

13) Здѣсь Гораціи приписываетъ себѣ ту честь, что онъ нерпий (princeps) изъ римскихъ лириковъ сталъ писать такимъ размѣромъ (iambos, въ закононѣ значеніи сравн. Ovid. Trist. II, 220; Horat. Epist. 1, 3, 13 и др.), какимъ славали свои знаменитыя пѣсни Алькеи и Сапфо, происходящіе изъ о—на Лесбоса и писавшіе на эолическомъ діалектѣ; *возвелъ*—deduxisse, то-есть, transtulisse; русск. *возвелъ* заключаетъ въ себѣ и сообщеніе предмету болѣе высшаго, лучшаго качества; *возгордись же ты*—обращеніе къ музѣ Мельпоменѣ. Вообще Гораціи даетъ имена музамъ, не согласуясь съ тѣми функціями и обязанностями, которымъ обыкновенно приписываются каждой изъ нихъ; такъ, въ этой одѣ и въ I, 24, 3, подл. Мельпоменою онъ разумѣетъ увеселительницу и утѣшительницу людей (ῥιλασθαι), а не музу трагедіи; Кіаю (см. I, 12, 2) у него вообще прославляюща (κλῆος) героевъ и проч. См. Düntzer, Krit. und Erklär. I ч., стр. 268, ирмѣч.

15) Лавръ называется дельфическимъ потому, что былъ посвященъ богу Аполлону, покровителю поэтовъ и называвшемуся дельфическимъ отъ города Дельфы, гдѣ находилась его знаменитая оракулъ. Delphicus—*дельфическій*, а не

15. Сколь заслугамъ должно; мнѣ же дельфическимъ,
Мсльпомена, молюсь, лавромъ обвей чело!

дельфійскій, какъ ошибочно переписывается у насъ это слово, не смотря на то, что всѣ прочія имена на *ιός* = *ios* имѣютъ въ русскомъ языкѣ окончаніе *—ическій*, напримѣръ, *δραματικός* — драматическій, *πολιτικός* — политическій, *πραγματικός* — прагматическій, *οπτικός* — оптический, *φυσικός* — физическій и проч.

16) *молюсь* = *voieps*, слово употребительное въ молитвахъ = прил. *propitiā*, съ которымъ оно часто ставится вмѣстѣ — *voieps propitiāque*. Ср. Liv. 7, 284; Sato R. R. 142 и проч.

И. Фомковъ.

ПО ПОВОДУ КОНЪКТУРЫ ГАЛЬМА ВЪ СИС. САТ. II, § 21.

Qui homines primum, si stare non possunt, corruant, sed ita, ut non modo civitas, sed ne vicini quidem proximi sentiant. Nam illud non intellego, quam ob rem, si honeste vivere non possunt, perire turpiter velint, aut cur minore dolore perituros se cum multis, quam si soli pereant, arbitrentur.

Хотя всѣ рукописи (исключая только cod. h., читающаго primo) представляютъ начало этого мѣста именно въ томъ видѣ, въ какомъ и мы перепечатали его выше, однако К. Гальмъ, въ своихъ комментаріяхъ къ лейпцигскому изданію, считаетъ подобную анаколуею, въ которой послѣ primo не слѣдуетъ deinde, столь неправильною или, по крайней мѣрѣ, столь чуждою языку Цицерона, что на этомъ своемъ мнѣніи основываетъ поправку текста и вмѣсто qui homines primo, пишетъ qui homines quam primo etc.

Всякая анаколуея, какъ извѣстно, происходитъ отъ того, что говорящій, остановившись долго на чемъ нибудь одномъ и прервавъ многими предложениями начатую конструкцію, полагаетъ, что продолжать такъ, какъ было уже начато, можетъ представить нѣкоторую неловкость, потому что читатель или слушатель, вѣроятно, уже забылъ, въ какой именно формѣ рѣчи говорящій выразился въ началѣ. Подобное явленіе очень часто встрѣчается и въ разговорномъ языкѣ. Древніе, ближе новѣйшихъ народовъ придерживавшіеся дѣйствительности, не пренебрегали и въ своей литературѣ анаколуею, то есть, тѣмъ способомъ выраженія, посредствомъ котораго своей рѣчи можно придать отпечатокъ большей живости и дѣйствительности; анаколуея перестаетъ у нихъ быть какою-нибудь неправильностью или небрежностію и поэтому-то древніи реторичи причисляли ее къ фигурамъ рѣчи. Такъ, напримеръ, у оратора Исократъ, столь спокойно и правильно пишущаго, не разъ встрѣчается, что послѣ прѣгов мѣν не слѣдуетъ ἔπειτα (дѣвтороу) δέ. Для насъ достаточно будетъ

привести нѣсколько примѣровъ: Isocr. XV, § 45. Πρώτον μὲν οὖν ἔχεινο δεῖ μαθεῖν ὑμᾶς, ὅτι etc.; въ слѣдующемъ нѣтъ ничего, что соответствовало бы πρώτον. XIII, § 1. Τίς γὰρ οὐκ ἂν μισήσειεν ἅμα καὶ καταφρονήσει πρώτον μὲν τῶν περὶ τὰς ἐρίδας διατρεφόντων,—§ 9, только продолжается иначе: οὐ μόνον δὲ τοῦτοις ἀλλὰ καὶ τοῖς τοῦς πολιτικοῦς λόγουκ ὑπασχουμένοις ἄξιον ἐπιτιμῆσαι. XII, § 253, πρώτον μὲν ὅτι θεωρεῖς ὄντες ἐστράτευσαν; § 255, ораторъ вводитъ вторую часть слѣдующими словами: καὶ ταῦτα μὲν μετὰ πάντων συστρατευσαμένων ἔπραξαν. Ἐπειδὴ δὲ etc.

Что касается до латинскаго языка и въ особенности языка Цицерона, то мы чаще всего встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что deinde, ожидаемое послѣ предшествующаго primum, замѣняется другими словами, какъ autem, que, sed, vero, idem, quid, sin, porro, nec vero non. Ср. Cic. De off. I, § 44: *primum* in eo peccant, quod injuriosi sunt in proximos... Inest *autem* (=deinde) in tali liberalitate etc. De or. II, § 21. Omnia ista ego alio modo interpretor, qui *primum* palaestram—Graccos—invenisse arbitror. Otium *autem* quod diels, assentior etc. De fin. I, § 17. Principio, inquam, in physicis, quibus maxime gloriatur, *primum* totus est alienus. § 18, Epicurus *autem* etc; см. примѣчаніе Мадвига къ этому мѣсту. De nat. deor. I, § 49. Epicurus—docet eam esse vim et naturam deorum, ut *primum* non sensu, sed mente cernatur—; quum[*que*] ¹⁾ (=deinde quum). Lael. § 22, *Principio* qui potest esse vita vitalis etc. § 23. Quum*que* plurimas et maximas commoditates amicitia contineat etc. De off. I, § 100, officium—hanc *primum* habet viam... *Sed* (=deinde) maxima vis decori etc. Tusc. I, § 30, quis est igitur qui suorum mortem *primum* non eo lugeat, quod eos orbatos vitae commodis arbitretur? § 31. Maximum *vero* argumentum etc.

Tusc. V, § 77. Quae barbaria India vastior aut agrestior? in ea tamen gente *primum* ei, qui sapientes habentur, nudi actatem agunt... Mulieres *vero* etc.

Tusc. V, § 24. Vexatur autem ab omnibus *primum* in eo libro, quem etc... § 25, vexatur *idem* Theophrastus etc.

Tusc. I, § 57. Habet *primum* memoriam etc... § 61. Quid? illa vis quae tandem est? De off. I, § 47: *primum* illud est in officio, ut ei

¹⁾ Этого que въ рукописяхъ нѣтъ, которое, однако, есть необходимое прибавленіе позднѣйшаго времени. Что посредствомъ que переходить къ новой части и потому оно часто замѣняетъ собою deinde, porro, jam vero etc., доказываетъ Madvig De fin. p. 471 (2-го изданія) и Seyffert Schol. lat. I, § 18.

plurimum tribuamus... *Sin* (=deinde si) erunt merita. Tusc. V, § 117: qui *primum* per se ipsi plerumque conficiunt hominem: *sin* forte etc. Tusc. I, § 26; et *primum* quidem omni antiquitate etc. § 30: ut porro etc. Pro Mil. § 54. Ea vis igitur ipsa, quae saepe incredibiles huic urbi felicitates atque opes attulit, illam perniciosam exstinxit ac sustulit, cui *primum* mentem injecit, ut vi irritare ferroque lacessere fortissimum virum auderet etc. § 86, слѣдуетъ второе доказательство, что божеская власть уничтожила Клодія: *Nec vero non* (= „безъ сомнѣнія также“, Seyffert Schol. lat. I, p. 28) *eadem* ira deorum hanc ejus satellitibus injecit amentiam, ut etc. De nat. deor. I, § 62. *Primum* enim unde tibi notae sunt opiniones nationum? § 64. Non est igitur tam explorata ista ratio ad id, quod vultis, confirmandum, quam videtur (Цицеронъ резюмируетъ выше сказанное),—§ 65, только слѣдуетъ второе возраженіе: *Concedo esse deos: doce igitur* etc.

Кромѣ того, встрѣчаются примѣры, гдѣ Цицеронъ совсѣмъ не замѣняетъ *deinde* другимъ словомъ, какъ De orat. I, § 113, гдѣ приводятся необходимыя для оратора качества: *Sic igitur—sentio naturam primum* atque ingenium ad dicendum vim afferre maximam; § 134 только авторъ переходитъ къ другому необходимому качеству слѣдующимъ образомъ: *Tum Crassus arridens, quid censes, inquit, Cotta, nisi studium et ardorem quandam amoris?* etc. Acad. Pr. II, § 72. Et *primum* quod initio dixisti videamus, quale sit. Вотъ всѣ примѣры, намъ извѣстныя изъ Цицерона. У историковъ это явленіе довольно рѣдко, ср. напримѣръ, Sall. Jug. 46, 2 съ примѣчаніями Крица: *comperior—primum* adjuncta ignaviae sustulisse (Metellum). Praeterea. Corn. Nep. Phoc. 2, § 1, *primo*, quod; вторая причина слѣдуетъ, § 4, въ другой формѣ. О всѣхъ этихъ неправильностяхъ см. Forbiger Verg. Aen. V, 66. Madvig Cic. De fin. p. 37 (2-го изданія). Seyffert Schol. lat. I, p. 52. Seyffert Laelius pp. 130, 301, 302, 483.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ изъ Цицерона мѣстъ, можно, кажется, заключить, что не слѣдуетъ принимать эмендацію Гальма quam *primum*. Безъ сомнѣнія, Цицеронъ хочетъ сказать: эти люди должны погибнуть 1) *ita, ut non modo civitas, sed ne vicini quidem proximi sentiant*, 2) *solī*.

Э. Вертъ.

КНИГОПРОДАВЧЕСКІЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА

Въ С.-Петербургѣ — въ Гостиномъ дворѣ, № 4-й. Въ Казани — на Воскресенской улицѣ, въ домѣ Апакова. Въ Варшавѣ — на Новомъ свѣтѣ, № 1245-й и въ Одессѣ — на Преображенской улицѣ, въ домѣ Великанова, въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова и Черкесова, поступила въ продажу только что отпечатанная

НОВАЯ КНИГА:

CORNELIUS NEPOS.

Жизнеописанія Корнелія Непота, видоизмѣненными и исправленными по лучшимъ источникамъ, со словаремъ. Руководство для учащихся; состав. по Фелькеру К. Люгебиль, профессоръ С.-Петербургскаго университета; изд. Д. Е. Кожанчикова; болѣе 12 печатныхъ листовъ. Спб. 1873 г. Цѣна 35 коп., перес. за 1 фунтъ.

Учебникъ латинскаго языка для первыхъ классовъ гимназій, А. Башинскаго, изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1872 г. Цѣна 50 коп., перес. за 1 фунтъ.

Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, съ объясненіями Рихарда Фохта, преподавателя латинскаго языка въ Историко-филологическомъ институтѣ. Спб. 1873 г. Цѣна 75 коп., перес. за 1 фунтъ.

Учебникъ греческаго языка, составленъ на основаніи главнѣйшихъ положеній сравнительнаго языкознанія Н. Фокковымъ; изд. Д. Е. Кожанчикова, 2 выпуска. Спб. 1872 г. Выпускъ 1-й: склоненія съ хрестоматією и словарь, цѣна 50 коп. Выпускъ 2-й: фонетика и спряженія правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ съ хрестоматією и словаремъ, цѣна 1 руб. перес. за 1 фунтъ.

Практическій курсъ греческаго языка, по Курциусу состав. М. Григоревскій, въ 2 книгахъ. Спб. 1873 г. Часть 1-я: Этимологія, цѣна 1 руб.; часть 2-я: Синтаксисъ, цѣна 80 коп., перес. по 1 фунту на книгу.

Учебникъ нѣмецкаго языка. Состав. по методу Луве В. Радловымъ; изд. Д. Е. Кожанчикова. Элементарный курсъ, 2 выпуска. Спб. 1871 г. Цѣна по 25 коп. за выпускъ. Тоже указаніе для учителя, цѣна 50 коп., перес. за 1 фунтъ.

Нѣмецкая хрестоматія для упражненій въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій, со словаремъ и дополненіемъ, для высшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній; состав. Павелъ Лешъ; изд. Д. Е. Кожанчикова, около 25 печатныхъ листовъ. Спб. 1873 г. Цѣна 1 руб., перес. за 1 фунтъ.

Русская хрестоматія для переводовъ на французскій и нѣмецкій языки въ высшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній; состав. В. Стояновъ и Н. Павловъ. М. 1873 г. Цѣна 85 коп., пер. за 1 фунтъ.

Сатиры Персія. Перевелъ и объяснилъ Н. М. Благовѣщенскій, ректоръ Варшавскаго университета. Спб. 1873 года Цѣна 1 руб. 50 коп., перес. за 2 фунта.

Гораций и его время. Н. М. Благовѣщенскаго. Спб. 1864 г. Цѣна 1 руб. 25 коп., перес. за 1 фунтъ.

Ювеналь. Двѣ публичныя лекціи Н. М. Благовѣщенскаго. Спб. 1860 г. Цѣна 40 коп., перес. за 1 фунтъ.

Исследования о Персеѣ у древнихъ языковъ, логографовъ, лириковъ, трагиковъ и комиковъ, А. Мерзлинскаго. В. 1872 г. Цѣна 1 руб., перес. за 1 фунтъ.

Историко-филологическія исследования. Царя Аевскій царь Кодръ и отміна царской власти въ Лепнахъ. Архонство и сраженія въ Аеннахъ во время

персидскихъ войнъ. К. Любенин. Спб. 1868 г. Цѣна 1 руб., перес. за 1 фунтъ.

Исследования по исторіи греческаго искусства. Древнѣйшіе памятники изъ Ксанова въ Ликии. О композиціи фронтонныхъ группъ Эгинскаго храма Аены, съ отдѣльнымъ атласомъ рисунковъ. А. Прахова. Спб. 1871 г. Цѣна 2 руб. 50 коп., перес. за 3 фунта.

Синтаксическія изслѣдованія. Значеніе и употребленіе conjunctivi въ языкѣ Илиады и Одиссеи. П. Аланскаго. Спб. 1873 г. Цѣна 1 руб. 25 коп., перес. за 1 фунтъ.

Очеркъ фонетики и морфологіи языка Пали. В. Мишаева, профессора О.-Петербургскаго университета. Спб. 1873 г. Цѣна 1 руб. 50 коп., перес. за 2 фунта.

Очерки исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. М. Колосова, профессора Варшавскаго университета. В. 1872 г. Цѣна 1 руб. 50 коп., перес. за 2 фунта.

Изъясненіе языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова. Будиловича. Спб. 1871 г. Цѣна 1 руб. 25 коп., перес. за 2 фунта.

Письменныя упражненія. Руководство къ веденію и составленію учебнскихъ сочиненій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; состав. В. Гавриловъ, преподаватель Историко-филологическаго института. Спб. 1873 г. Цѣна 1 руб., перес. за 1 фунтъ.

Темы и планы для сочиненій Холевичуса, перев. М. Бѣлявской. Спб. 1873 г. Цѣна 1 руб., перес. за 1 фунтъ.

Хрестоматія для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Н. Гербеля. Большой томъ въ два столба. Спб. 1873 г. Цѣна 3 руб., перес. за 4 фунта.

Учебная хрестоматія съ толкованіями. П. Полеваго, въ 3 книгахъ. Спб. 1873 г. Часть 1-я, цѣна 50 коп.; часть 2-я, цѣна 70 коп.; часть 3-я, цѣна 80 коп., перес. по 1 фунту на книгу.

Пособіе для практическихъ занятій при первоначальномъ изученіи русскаго языка въ гимназіяхъ. М. Николенко, 3 книги. Сиб. 1873 г. Часть 1-я, цѣна 60 коп.; часть 2-я, цѣна 75 коп. и часть 3-я, цѣна 80 коп., перес. по 1 фунту на книгу.

Руководство къ теоретическому изученію литературы по лучшимъ образцамъ русскимъ и иностраннымъ. В. Стоюнина. М. 1873 г. Цѣна 50 коп., перес. за 1 фунтъ.

Руководство для историческаго изученія замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы древнѣйшаго періода. В. Стоюнина. М. 1873 г. Цѣна 75 коп., перес. за 1 фунтъ.

Русскій синтаксисъ. В. Стоюнина. Сиб. 1871 г. Цѣна 35 коп., перес. за 1 фунтъ.

Синтаксисъ русскаго языка. Н. Гарусова. Сиб. 1872 г. Цѣна 40 коп., перес. за 1 фунтъ.

Общедоступная русская грамматика для младшаго возраста. П. Полеваго. Сиб. 1873 г. Цѣна 50 коп., перес. за 1 фунтъ.

Учебная книга Закона Божія для православныхъ воиновъ, обучающихся въ полковыхъ школахъ. Состав. св. В. В. Гурьевъ; изд. Д. Е. Кожанчикова, въ двухъ отдѣльныхъ книжкахъ, съ 22 рисунками. Книга 1-я: Краткая исторія ветхозавѣтной и новозавѣтной вѣры въ Бога. Книга 2-я: Краткая исторія христіанской церкви и Краткое ученіе о православномъ богослуженіи. Книга эта составлена по программамъ, одобренной св. Синодомъ. Каждая книжка продается отдѣльно. Сиб. 1873 г. Цѣна по 25 коп. за книжку, перес. за 1 фунтъ.

Ученіе о богослуженіи православной церкви; состав. протоіереей церкви Маріинскаго дворца Д. Соколовъ; изд. Д. Е. Кожанчикова, съ 80 рисунками. Книга эта одобрена: ученымъ комите-

томъ св. Синода, ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, ученымъ комитетомъ IV отдѣленія собственной Его Имп. Вел. канцеляріи и главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній. Сиб. 1873 г. Цѣна 45 коп., перес. за 1 фунтъ.

Руководство къ преподаванію Закона Божія въ народныхъ школахъ, пріютахъ и при домашнемъ воспитаніи, съ приложеніемъ образцовыхъ уроковъ по Закону Божію. Св. І. Вѣтвѣнцкаго; изд. Д. Е. Кожанчикова. Сиб. 1872 г. Цѣна 1 руб., перес. за 1 фунтъ.

Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ. Протоіерея церкви Маріинскаго дворца, Д. Соколова; изд. 7-е съ 28 картинками, Д. Е. Кожанчикова Сиб. 1873 г. Цѣна 20 коп., перес. за 1 фунтъ.

Молитвы, заповѣди и символъ вѣры, съ объясненіями и картинками. Состав. протоіереей церкви Маріинскаго дворца, Д. Соколовъ; изд. 2-е Д. Е. Кожанчикова. Сиб. 1873 г. Цѣна 15 коп., перес. за 1 фунтъ.

Общепотребительныя молитвы православной церкви, съ краткими объясненіями и картинками. Св. І. Вѣтвѣнцкаго; изд. Д. Е. Кожанчикова. Сиб. 1872 г. Цѣна 8 коп., перес. за 1 фунтъ.

Бесѣды съ дѣтми о вѣрѣ и нравственности христіанской. Протоіерея церкви Маріинскаго дворца, Д. Соколова; изд. 3-е въ двухъ, отдѣльныхъ, книжкахъ. Сиб. 1865 г. Часть 1-я: Вѣтхій завѣтъ, цѣна 40 коп., перес. за 1 фунтъ. Часть 2-я: Новый завѣтъ, цѣна 60 коп., перес. за 1 фунтъ.

Объясненіе угвари и праздникова церковныхъ. Св. А. Свирѣлина; изд. Д. Е. Кожанчикова, вновь исправленное и дополненное объясненіями общепотребительныхъ молитвъ; изд. 4-е Сиб. 1872 г. Цѣна 25 коп., перес. за 1 фунтъ.

Изъясненіе богослуженія съ церков-

ными уставами. Св. А. Свирѣлина. М. 1872 г. Цѣна 50 коп., перес. за 1 фунтъ.

Изясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій. Св. А. Свирѣлина; изд. 3-е. М. 1871 г. Цѣна 40 коп., перес. за 1 фунтъ.

Священная исторія Ветхаго и Новаго заветъ. Протоіерея церкви Маринскаго дворца, Д. Соколова, въ двухъ, отдѣльныхъ, книгахъ, съ 38 рисунками и двумя картами; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1872 г. Цѣна 30 коп. за книжку, перес. за 1 фунтъ.

Руководство къ русской церковной исторіи. П. Знаменскаго. К. 1870 г. Цѣна 1 руб. 25 коп., перес. за 1 фунтъ.

Разсказы про сѣверное время на Руси. А. Петрушевскаго; изд. Д. Е. Кожанчикова, на велевеной бумагѣ, съ 16 картинками и хромолитографированною оберткою въ папкѣ; изд. 4-е. Спб. 1873 г. Цѣна 1 руб. 50 коп., перес. за 2 фунта. Тоже на простой бумагѣ, съ картинками, цѣна 60 коп., перес. за 1 фунтъ.

Разсказы изъ русской исторіи. В. Павловскаго; изд. Д. Е. Кожанчикова; болѣе 20 печатныхъ листовъ, на велевеной бумагѣ, съ 24 картинками и хромолитографированною оберткою, въ папкѣ. Спб. 1873 г. Цѣна 2 руб., перес. за 2 фунта. Это же изд. на простой бумагѣ и также съ картинками продается еще отдѣльными книжками: о бытѣ народовъ арійскаго племени въ доисторическое время, цѣна 10 коп. О жизни Славянъ за тысячу лѣтъ до нашего времени, цѣна 10 коп. Киевъ, Владимиръ и Новгородъ, цѣна 10 коп. Злое время татарщины, цѣна 10 коп. Московское самодержавіе, цѣна 8 коп. Грозный царь, цѣна 12 коп. Освобожденіе Малороссіи отъ польской неволи, цѣна 12 коп. Великій царь-работникъ, цѣна 12 коп. и 1812 годъ, цѣна 12 коп., перес. за 1 фунтъ.

Подробный конспектъ исторіи Гре-

ція и Рима, перев. съ нѣмец. Спб. 1873 г. Цѣна 30 коп., перес. за 1 фунтъ.

Исторія Греція и Рима. Руководство для учащихся. Состав. сообразно съ требованіями программъ классическихъ гимназій. Б. А. Павловскаго; изд. Д. Е. Кожанчикова; болѣе 24 печатныхъ листовъ, съ картою Греція и Рима. Спб. 1873 г. Цѣна 1 руб. 25 коп., перес. за 2 фунта.

Картинныя изъ исторіи римскихъ нравовъ. Фридендера, перев. съ нѣмец. 2 тома. Необходимое пособие при чтеніи древнихъ классиковъ. Спб. 1873 г. Цѣна 3 руб., перес. за 3 фунта.

Начальный курсъ космографіи. Руководство для учащихся. Состав. А. Ветхера; изд. Д. Е. Кожанчикова, съ 127 рисунками въ текстѣ и 6 отдѣльными рисунками и хромолитографированными картами. Спб. 1873 г. Цѣна 1 руб. 25 коп., перес. за 2 фунта.

Записки всеобщей географіи по программѣ конскерскихъ училищъ. Математическая и физическая географія. Пржевальскаго; изд. 2-е, дополненное Фатѣвскимъ. Политическая географія Европы. Фатѣва. Спб. 1871 г. Цѣна 1 руб., перес. за 1 фунтъ.

Карта Европейской Россіи. Состав. А. Ильина, на большомъ листѣ, съ обозначеніемъ желѣзныхъ дорогъ и каждая губернія отпечатана особою краской. Спб. 1873 г. Цѣна 10 коп., перес. за 1 фунтъ.

Складной картонный глобусъ, отпечатанный красками въ 6 томовъ, мѣромъ въ діаметрѣ 5 вершковъ. В. 1870 г. Ц. 50 коп., перес. за 1 фунтъ.

Руководство къ ариметикѣ для среднихъ учебныхъ заведеній. Н. Андреевскаго, профессора Варшавскаго университета. В. 1872 г. Ц. 1 руб., перес. за 1 фунтъ.

Ариметика по способу Грюбе. Методическое руководство. Сост. І. Паульсонъ; новое изданіе, значительно ис-

правленное и дополненное. Л. 1873 г. Ц. 75 коп., перес. за 1 фунтъ.

Новый способ обученія началамъ геометріи, основанный на рѣшеніи практическихъ задачъ Геодезіи (землѣмѣрія). Методическое руководство для преподавателей. Соч. Л. Фальке, съ 80 рисунками. Перев. съ нѣмецк. подъ редакціей І. Паульсона. Спб. 1871 г. Ц. 70 коп. перес. за 1 фунтъ.

Элементарная физика по Брюггеру. Руководство для вышшихъ учебныхъ заведеній и самообразованія, съ 83 рисунками; изд. І. Паульсона. Спб. 1871 г. Ц. 60 коп., перес. за 1 фунтъ. Тоже о преподаваніи элементарной физики (для учителей). Ц. 15 коп.

Листы крушныхъ буквъ церковно-славянской печати со всѣми надстрочными знаками. Пособіе для класснаго обученія грамотѣ посредствомъ подвижныхъ буквъ; изд. І. Паульсона. Спб. 1873 г. Цѣна за 4 листа, составляющихъ экземпляръ, 25 коп., перес. за 1 фунтъ.

Тоже листъ крушныхъ буквъ гражданской печати, со всѣми употребительными знаками прещиванія, изд. І. Паульсона. Спб. 1873 г. Цѣна за 6 листовъ, составляющихъ экземпляръ, 30 коп., перес. за 1 фунтъ.

Совѣтское обученіе письму и чтенію по звуковой методѣ. Руководство для учащихся. Сост. В. Гербачъ; изд. Д. Е. Кожанчикова, съ 24 литографированными таблицами прописей и рисунковъ, а также съ текстомъ для чтенія. Спб. 1873 г. Цѣна 12 коп., перес. за 1 фунтъ. Тоже руководство для учащихся. Цѣна 25 коп., перес. за 1 фунтъ.

Русская азбука для учащихся. В. Водозова, съ 50 картинками и прописями. Спб. 1870 г. Цѣна 30 коп., перес. за 1 фунтъ.

Русскія прописи для народныхъ школъ, съ транспарантомъ. Ф. Хартухая. В. 1870 г. Цѣна 10 коп., перес. за 1 фунтъ.

Букварь и книга для чтенія въ народныхъ школахъ. Сост. Ф. Хартухай, съ 60 рисунками; изд. 2-е. В. 1873 г. Цѣна 25 коп., перес. за 1 фунтъ.

Первые уроки въ народной школѣ. сост. А. Дыковъ; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1872 г. Цѣна 25 коп., перес. за 1 фунтъ.

Малютка. Первая книга послѣ азбуки, для народной школы и семьи. Барона Н. Корфа; изд. Д. Е. Кожанчикова, съ рисунками. Спб. 1872 г. Цѣна 35 коп., перес. за 1 фунтъ.

Родное слово, для дѣтей младшаго возраста. К. Ушинскаго. Годъ 1-й азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія съ прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинками. Спб. 1873 г. Цѣна 35 коп., перес. за 1 фунтъ. Годъ 2-й: вторая послѣ азбуки книга для чтенія съ рисунками. Цѣна 35 коп., перес. за 1 фунтъ. Тоже книга для учащихся: совѣты родителямъ и пастырямъ о преподаваніи роднаго языка по учебнику Родное слово. Цѣна 30 коп., перес. за 1 фунтъ. Годъ 3-й: начальная практическая грамматика съ хрестоматіею. Цѣна 60 коп., перес. за 1 фунтъ. Тоже книга для учащихся. Цѣна 40 коп., перес. за 1 фунтъ.

Первая учебная книжка. Классное пособіе при обученіи письму, чтенію и началамъ роднаго языка, съ рисунками и прописями. Сост. І. Паульсонъ. Спб. 1873 г. Цѣна 20 коп., перес. 1 фунтъ.

Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Учебное пособіе для народныхъ училищъ. Сост. І. Паульсонъ. М. 1873 г. Цѣна 45 коп., перес. за 1 фунтъ.

Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ, В. Водозова съ рисунками. Спб. 1873 г. Цѣна 45 коп. перес. за 1 фунтъ.

Дѣтскій міръ и хрестоматія. Книга для класснаго чтенія, приспособленная

къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и яаглядному знакомству съ предметами природы. К. Ушнскаго. 2 книги съ 105 рисунками. Спб. 1873 г. Цѣна по 60 коп. за книгу, перес. за 1 фунтъ.

Нашъ другъ. Книга для чтенія учащихся въ школахъ и дома и руководство къ начальному обученію родному языку. Барона Н. Корфа; изд. 2-е Д. Е. Кожанчикова, 25 печатныхъ листовъ. Спб. 1872 г. Цѣна 46 коп., перес. за 1 фунтъ.

Способъ обученія грамотѣ по первой учебной книжкѣ (объясненіе для преподавателя) Сост. І. Паульсонъ. Спб. 1873 г. Цѣна 25 к., перес. за 1 фунтъ.

Бесѣды о природѣ. Книга для чтенія въ селахъ и деревняхъ, въ которой разсказывается о землѣ, солнцѣ, звѣздахъ, растеніяхъ и животныхъ. Н. Зубова; изд. 5-е, исправленное и дополненное, съ рисунками. Спб. 1873 г. Цѣна 60 коп., перес. за 1 фунтъ.

Сборникъ игръ и домашнихъ занятій для дѣтей всѣхъ возрастовъ, съ предисловіемъ для родителей и воспитателей. Сост. Н. Гердъ; изд. Д. Е. Кожанчикова; болѣе 20 печатныхъ листовъ съ 120 рисунками. Спб. 1873 г. Цѣна 2 руб., перес. за 2 фута.

Справочная книга для занимающихся гимнастикой. П. Литвинскаго. Спб. 1873 года. Цѣна 15 коп., перес. за 1 фунтъ.

Исторія воспитанія и обученія. Диттеса. Руководство для учителей и воспитателей; перев. со 2-го нѣмец. издан. Спб. 1873 г. Цѣна 1 руб. 50 коп., перес. за 2 фута.

Сборникъ переводовъ по педагогикѣ, дидактикѣ и методикѣ. Пособіе для занимающихся обученіемъ и воспитаніемъ; перев. подъ редакціей Г. Пескова; изд. Д. Е. Кожанчикова; 2 тома. Спб. 1873 г. Цѣна по 2 руб. за томъ, перес. по 2 фута на томъ.

Руководство къ преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ; изд. подъ редакцію Н. Весселя, 4 большихъ тома. Спб. 1873 г. Цѣна 10 руб., перес. за 10 фунтовъ.

Русская начальная школа. Руководство для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ. Барона Н. Корфа; изд. 4-е Д. Е. Кожанчиковъ, съ рисунками. Спб. 1872 г. 1 руб., перес. за 1 фунтъ.

Предметы обученія въ народной школѣ, для учителей. В. Водовозова; съ 8 таблицами рисунковъ. Спб. 1873 г. Цѣна 70 коп., перес. за 1 фунтъ.

Наше школьное дѣло. Сборникъ статей по училищевѣдѣнію. Барона Н. Корфа. М. 1873 г. Цѣна 2 руб., перес. за 2 фута.

Сборникъ статей и матеріаловъ для бесѣдъ и занятій дома и въ дѣтскомъ саду, для чтенія въ гимназіяхъ, учительскихъ семинаріяхъ и городскихъ училищахъ. Сост. Н. Вѣловымъ. Спб. 1873 г. Цѣна 1 руб. перес. за 1 фунтъ.

Руководство для сельскихъ учителей, съ приложеніемъ образцовыхъ уроковъ. Н. Вѣлова, 2 выпуска. Спб. 1872 г. Цѣна за 1-й выпускъ 75 коп., за 2-й 50 коп., перес. по 1 фунту.

Руководство къ воспитанію и ученію Бенске, перев. Весселя. Спб. 1872 г. Цѣна 2 руб. 50 коп., перес. за 3 фута.

Воспитаніе сына. Педагогическія письма къ молодой матерп, Беме; вольный перев. съ нѣмец. І. Паульсона. Спб. 1871 г. Цѣна 30 коп., перес. за 1 фунтъ.

Руководство къ воспитанію и обученію, Шварца. Спб. 1867 г. Цѣна 4 руб., перес. за 4 фута.

Теорія воспитанія. Ж. Ж. Руссо (Эмплъ, повая Элоиза и письма о воспитаніи). Спб. 1866 г. Цѣна 3 руб., перес. за 3 фута.

Эмплъ XIX вѣка, Эскороса, съ приложеніемъ теоріи о воспитаніи Спеп-

сера. Спб. 1871 г. Цѣна 2 руб., перес. за 2 фунта.

Умственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до 8 лѣтняго возраста. Книга для воспитателей. Е. Водовозовой. Сиб. 1873 г. Цѣна 2 руб., перес. за 2 фунта.

Очерки практической педагогики. Руководство для педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій, Диттеса; перев. съ нѣмец. подъ редакціей І. Паульсона; изд. 2-е Д. Е. Кожанчикова. Сиб. 1871 г. Цѣна 1 руб., перес. за 1 фунтъ.

Курсъ общей педагогики, съ приложеніями. П. Юркевича. М. 1869 г. Цѣна 1 руб. 50 коп., перес. за 2 фунта.

Основаніе педагогики. В. Кассопскаго, 2 тома. Сиб. 1872 г. Цѣна за 1-й томъ 1 руб. 25 коп., перес. за 2 фунта; цѣна 2-му тому 1 руб. 25 коп., перес. за 2 фунта.

Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи. К. Д. Ушнвскаго; 2 тома съ рисунками. Сиб. 1871 г. Цѣна за 1-й томъ 2 руб. 50 коп. перес. за 3 фунта, а за 2-й томъ цѣна 2 руб., перес. за 2 фунта.

Очерки физической антропологіи. Руководство для педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій. Дресслера сына. Перев. съ нѣмец. подъ редакціей І. Паульсона; изд. Д. Е. Кожанчикова съ рисунками. Сиб. 1870 г. Цѣна 60 коп., перес. за 1 фунтъ.

Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и холя. Руководство для учащихся. Бока; перев. съ нѣмец. подъ редакціей І. Паульсона; изд. 2-е съ 26 рисунками. Сиб. 1872 г. Цѣна 35 коп. перес. за 1 фунтъ.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы. Соч. К. Ревлама; съ приложеніемъ дѣтской гигиены д-ра Зеленскаго, съ рисунками. Сиб. 1871 г. Цѣна 2 руб., перес. за 2 фунта.

Уходъ за дѣтми физиологической и нравственной. Комба; изд. 2-е. Сиб. 1868 года. Цѣна 1 руб., перес. за 1 фунтъ.

Руководство къ педагогической и гигиенической гимнастикѣ, Ухова, 2 тома съ 500 рисунками. Сиб. 1872 г. Цѣна за 1-й томъ 2 руб. перес. за 2 фунта, а за 2-й томъ цѣна 2 руб. 50 коп., перес. за 3 фунта.

Основаніе психологіи и логики по Бенеко. Руководство для учащихся. Дресслера. Перев. со 2-го нѣмец. изданія, подъ редакціей І. Паульсона; изд. Д. Е. Кожанчикова. Сиб. 1871 г. Цѣна 1 руб., перес. за 2 фунта.

Практическая логика. Диттеса; перев. со 2-го нѣмец. изданія П. Запольскаго; изд. Д. Е. Кожанчикова. Сиб. 1873 г. Цѣна 50 коп., перес. за 1 фунтъ.

Учебникъ логики. Свѣтлинна; изд. 2-е съ перемѣнами. Сиб. 1873 г. Цѣна 70 коп., перес. за 1 фунтъ.

СОВРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ А. Ø. ГИЛЬФЕРДИНГА,

пять томовъ, въ большую 8-ю д. листа съ портретомъ автора; изданіе Д. Е. Кожанчикова. Сиб. 1873 г. Цѣна за 5 томовъ 15 руб., перес. 15 фунтовъ. (Четыре тома съ портретомъ выдаются, а томъ 5-й печатается). Томъ III, IV и V продаются отдѣльно; цѣна за послѣднія 3 тома вмѣстѣ, около 100 печатныхъ листовъ, съ портретомъ автора, 10 руб., перес. за 10 фунтовъ.

ГРАФЪ Н. С. МОРДВИНОВЪ,

историческая монографія В. Иконникова, профессора университета св. Владимира; изд. Д. Е. Кожанчикова. Томъ въ 40 печатныхъ листовъ съ портретомъ графа Мордвинова. Спб. 1873 г. Цѣна 4 руб., перес. за 4 фунта.

ОНЕЖСІЯ БЫЛИНЫ,

собранныя А. Гильфердингомъ и ямъ самимъ записанныя въ 1871 году; съ двумя портретами онежскихъ расодовъ и нотами. Большой томъ въ два столбца. Спб. 1873 г. Цѣна 4 руб., перес. за 5 фунтовъ.

РУСОКІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ

временъ царя Алексѣя Михайловича и Петра Великаго (1672—1725). Соб. Н. Тихонравовъ, профессоръ Московскаго университета, съ изслѣдованіями, пояснительными примѣчаніями и обзоромъ исторіи русскаго театра за первыя 50 лѣтъ; изд. Д. Е. Кожанчикова, 2 тома съ рисунками. Спб. 1873 г. Цѣна 7 руб., перес. за 7 фунтовъ.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

въ исторіи и въ литературѣ. А. Градовскаго, профессора С.-Петербургскаго университета; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1873 г. Цѣна 2 руб., перес. за 2 фунта.

НАРОДНЫЯ РУСОКІЯ СКАЗКИ

А. Аванасьева; изд. 2-е, вновь пересмотрѣнное, въ 4 томахъ. М. 1873 г. Цѣна за 4 тома 6 руб., перес. за 6 фунтовъ.

ОСНОВЫ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ,

съ приложеніемъ статьи: здоровье подростающихъ поколѣній. А. Михайлова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1873 г. Цѣна 2 руб. 50 коп., перес. за 3 фунта.

СОДЕРЖАНІЕ
СТО СЕМИДЕСЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	ОТГЛ.
1. 14-го августа 1873 года. О наименованіи Екатеринбургскаго реальнаго училища „Алексѣевскимъ“	1
2. 4-го сентября 1873 года. Объ отпускѣ на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ восьмисотъ рублей на пополненіе библіотеки Дерптскаго университета	—
3. 15-го сентября 1873 года. О недопущеніи въ число студентовъ Медико-хирургической Академіи лицъ, не окончившихъ полнаго гимназическаго курса, и о воспрещеніи таковымъ студентамъ Академіи переходить въ университеты	2
4. 7-го сентября 1874 года. Объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства суммъ на изданіе латышско-русско-пѣмецкаго словаря	3
5. 4-го сентября 1873 года. О расходѣ на улучшеніе содержанія приходскихъ училищъ Архангельской губервіи	51
6. 23-го сентября 1873 года. Объ учрежденіи въ Курскѣ двухкласснаго мужскаго училища, съ наименованіемъ онаго „Александровскимъ“	53
7. 23-го сентября 1873 года. Объ учрежденіи стипендій въ Поневѣжской учительской семинаріи и Вилеяскомъ высшемъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ	—

8. 23-го сентября 1873 года. Объ учрежденіи въ городѣ Перновѣ женскаго начальнаго училища, съ наименованіемъ оного „Петровскимъ“ 54
9. 7-ю октября 1873 года. О вознагражденіи приватъ-доцентовъ въ С.-Петербургскомъ, Казанскомъ, Харьковскомъ и Кіевскомъ университетахъ —
10. 14-ю октября 1873 года. Объ учрежденіи при Вологодской Маріинской женской гимназій стипендіи Елены Михайловны Волоцкой . 56

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

- 23-го сентября 1873 года (№ 11) 56
- 14-го октября 1873 года (№ 12) —

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 5-ю мая 1873 года. Уставъ ссудо-сберегательной кассы при второй С.-Петербургской гимназій 4
2. 5-ю мая 1873 года. Уставъ ссудо-сберегательной кассы при Виленскомъ реальномъ училищѣ. . 8
3. 9-ю августа 1873 года. Положеніе о стипендіи при Виленской гимназій дворянки Аноллоніи Героимовны Зноско для бѣднаго ученика фамиліи Зносковъ 12
4. 15-ю сентября 1873 года. Положеніе о стипендіи статскаго совѣтника Петра Николаевича Кудряшева, учрежденной при Самарской гимназій 13
5. 22-ю сентября 1873 года. Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ о перечисленіи пожертвованныхъ частными лицами учебныхъ заведеніямъ капиталовъ въ спеціальныя средства министерства 14
6. 22-ю сентября 1873 года. Уставъ ссудо-сберегательной кассы при С.-Петербургской шестой гимназій. 15
7. 24-ю сентября 1873 года. Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ . 20
8. 6-ю октября 1873 года. Положеніе о стипендіи имени Его Императорскаго Величества при Мозырской прогимназій 21
9. 22-ю сентября 1873 года. Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ ходатайства сельскихъ обществъ объ открытіи двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ 57

10. 20-го октября 1873 года. Циркулярное предложение гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о возложеніи обязанностей непремѣннаго члена попечительнаго совѣта женскихъ гимназій въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ мужскихъ гимназій, на инспекторовъ прогимназій и на директоровъ мужскихъ реальныхъ училищъ 58

11. 20-го октября 1873 года. Правила попечительства о недостаточныхъ студентахъ Императорскаго университета св. Владимира 59

12. 20-го октября 1873 года. Циркулярное предложение гг. попечителямъ учебныхъ округовъ. 63

13. 27-го октября 1873 года. Положеніе о стипендіи при Вологодской Маріинской женской гимназій имени супруги камергера двора Его Императорскаго Величества, Елены Михайловны Волоцкой 64

**ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,
ТОВАРИЩА МИНИСТРА.**

25-го августа 1873 года (№ 12) 23

22-го сентября 1873 года (№ 13). 65

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Ученіе о богослуженіи православной церкви“. Составилъ протоіерей Маріинскаго дворца *Дмитрій Соколовъ*. 27

О книгѣ: „Описаніе восточной войны 1853 — 1856“. *А. Ѳ. Гейрота*. —

О книгѣ: „Среднія учебныя заведенія въ Англіи и Шотландіи“. Деможо и Монтуччи. Переводъ съ французскаго. Изданіе *Юшенова и Котта*. —

О книгѣ: „Три царства природы“. Составилъ *Григорьевъ*. 28

О книгахъ: 1) „Латинская граматика доктора Фердинанда Шульца“, обработанная для русскихъ гимназій *Юріемъ Ходобаемъ*, преподавателемъ 3-й Московской гимназій и Лицея Цесаревича Николая. Курсъ младшаго возраста. 2) „Латинская граматика доктора Фердинанда Шульца“, обработанная для русскихъ гимназій *Юріемъ Ходобаемъ*. Курсъ старшаго возраста. Изданіе второе, исправленное и дополненное. —

О книгѣ: „Пособіе для учениковъ VI и VIII классовъ гимназій при изученіи русской словесности“. Составилъ *И. Омуровскій*. —

	отдѣл.
О книгѣ: „Сборникъ очерковъ и деталей старинныхъ русскихъ построекъ“. Составилъ архитекторъ <i>Шохинъ</i> .	28
О книгѣ: „Начальная физика въ объемѣ гимназическаго преподаванія“. Составилъ ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета <i>Любимовъ</i>	—
О книгѣ: „Основанія физики“. Изданіе 4-е. Составилъ <i>Краевичъ</i>	68
О книгѣ: „Химическія свѣдѣнія“. Составилъ наставникъ Кіевской учительской семинаріи, лекаръ <i>Пантюховъ</i>	—
О книгѣ: „Очерки Кавказской войны“. Составилъ <i>Вишняковъ</i> . Изданіе журнала „Досугъ и Дѣло“	69
О книгѣ: „Темы доктора Тишера“. Выпускъ второй. Упражненія въ синтаксисѣ сложнаго предложенія. Переводъ съ нѣмецкаго <i>В. Басова</i>	—
О книгѣ: „Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на латинскій“. Составленъ <i>Ю. Ходобаемъ</i> и <i>П. Вымярадовымъ</i> , преподавателями 3-й Московской гимназій	—
О книгѣ: „Книга упражненій къ латинской грамматикѣ д-ра Фердинанда Шульца“. Составленная <i>Ю. Ходобаемъ</i> и <i>П. Вымярадовымъ</i> , преподавателями 3-й Московской гимназій. Двѣ части. Изданіе второе.	—
О книгѣ: „Лѣтописи событій отечественныхъ, церковныхъ и міровыхъ“. Изданіе журнала „Досугъ и Дѣло“	—
О журналѣ: „Технической Сборникъ“. Изданіе <i>Г. Ашима</i>	—
Объ „Альбомѣ тончайшихъ поперечныхъ разрѣзовъ древесины 50-ти русскихъ древесныхъ породъ. Изд. профессоромъ <i>Н. С. Шафрановымъ</i> “	70
ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.	
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Искусственное выкармливаніе дѣтей“. Соч. д-ра <i>Фюрста</i> .	29
О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Загадочное убійство“. Два разказа изъ записокъ слѣдователя. <i>А. Любимова</i>	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Оборона Севастополя“. Бесѣды о войнѣ 1853—1855 гт. для войскъ и народа. Часть I. Изданіе „Досугъ и Дѣло“	—
О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „О преподаваніи закона Вошіа въ сельскихъ училищахъ“. Свящ. <i>Мишкина</i>	—

О книгѣ подѣ заглавіемъ: „Сельско-хозяйственный учебникъ для сельскихъ школъ“. Агронома <i>Рейдемейстера</i> . 3 части	70
О брошюрѣ подѣ заглавіемъ: „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“ Историческій разказъ <i>А. С. Хомякова</i>	—
О брошюрѣ подѣ заглавіемъ: „Троице - Сергіевская лавра. Съ 10-ю раскрашенными картинами	—
Официальныя извѣщенія	29 и 71

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка. <i>І. Первольфа</i> .	1 и 253
Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII вѣка до учрежденія министерствъ. <i>М. Владимірскаго-Буданова</i>	36
Современный греческій языкъ. <i>Ѳ. Іоанниди</i>	71
Іоаннъ Слейдавъ и его комментаріи. <i>В. А. Бауера</i>	139
Ворьба великаго князя кievскаго Святослава Игоревича съ императоромъ Іоанномъ Цимискіемъ. <i>Е. Вьлова</i>	168
Стрѣлецкіе бунты. <i>М. П. Поюдина</i> .	193
О методѣ ученой разработки историческихъ источниковъ. <i>Д. Я. Самоковсого</i> .	241

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Исторія Вухаріи съ древнѣйшихъ до настоящихъ временъ, написанная, впервые, по извѣстнымъ и неизвѣстнымъ историческимъ рукописямъ Востока. Сочиненіе Арминія Вамбери. <i>В. В. Григорьева</i>	105
--	-----

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

„Годъ въ деревнѣ“, изданіе журнала „Дѣтскій Садъ“, ч. I. Весна, съ 202 политипажами, соч. С. Бороздиной <i>С. Миропольскаго</i> .	1
Опытъ образцовъ систематическаго диктанта. Составленъ комиссіею при второй Московской гимназіи. <i>Е. Вьяласкаго</i>	17
„Школьная жизнь“. Еженедѣльный журналъ, издаваемый г. Столпинскимъ. <i>С. Миропольскаго</i>	25
Педагогическій отдѣлъ на Вѣнской всемірной выставкѣ. <i>И. Беллярминова</i> .	45

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

	ОТДѢЛ.
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) гимназій, в) низшія училища и г) учительскія школы	1 и 78
Письма изъ Парижа. <i>Л. Л—ра</i>	50 и 118
Объѣдъ, данный Кіевскимъ городскимъ обществомъ г. мянстру народнаго просвѣщенія.	65
Открытіе четвертой С.-Петербургской прогимназій.	73

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Образованность и литературные нравы въ римскомъ обществѣ временъ Плинія младшаго. <i>П. Гвоздева</i> .	8
Новѣйшія изслѣдованія о греческихъ національныхъ грамматикахъ-писателяхъ. <i>В. Г.</i>	34
<i>De Horatii satirarum</i> II, 2, 29, 30. <i>Л. Мюллера</i>	75
Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ. <i>Л. Восводская</i> .	80
Ода (lib. III, carm. XXX) Кв. Горация. <i>Н. Фоккова</i> .	137
По поводу конъектуры Галья въ <i>Cic. Cat.</i> II, 21, <i>Э. Верта</i> .	143
Библиографія:	
Записки К. Юлія Цезаря о войнѣ въ Галліи. Книжки I и IV.	
Объясняетъ Ю. Фелькель. Часть I. <i>А. Гобмана</i>	66

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Вспомогательныя таблицы для вычисленія пожизненныхъ эмеритальныхъ пенсій. *А. Н. Тихомандрицкая*.

Библиографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ русскихъ періодическихъ издапіяхъ и сборникахъ на 1869 годъ

